

CCIX. 4/9

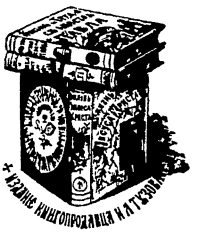
СОЧИНЕНІЯ
ИННОКЕНТІЯ

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

Томъ IV.

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.—МОЛИТВА СВ. ЕФРЕМА СИРИНА.—ПЕРВАЯ СЕДМИЦА ВЕЛИКАГО ПОСТА.—СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА.—СВѢТЛАЯ СЕДМИЦА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.
1908.

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА

С.-Петербургъ, Садовая улица, Гостиный дворъ, № 45

между прочими имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества, какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ. *Георгія Властова.* Изд. 2-е, испр. и дополн., въ 3-хъ больш. том., съ картою и рис. Спб., 1879 г., цѣна 8 р. 50 к. Всѣ три тома «Священной Лѣтописи» опредѣленіемъ Святѣйш. Сун. отъ 7-го окт. 1877 г., одобрены *для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и учен. библіот. духовныхъ семинарій. Мин. Нар. Просв. рекомендованы для фундам библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. Рекомендовано для всѣхъ церквей.*

Священная лѣтопись. Томъ четвертый. Часть первая. Прообразованія, пророчества и пророки до раздѣленія царствъ Часть вторая Пророки: Илія, Елисей и Іона послѣ раздѣленія царствъ. *Г. Властова.* Спб., 1893 г., ц. 3 р

— То же. Томъ пятый. Пророкъ Исаія. Въ двухъ частяхъ. Вступленіе и толкованіе. *Г. Властова.* Спб., 1898 г., ц. 3 р.

О московскомъ соборѣ 1681—1682 г. Опытъ историческаго изслѣдованія *Григорія Воробьева.* Спб, 1885 г., ц. 1 р.

Руководство для консисторій, духовныхъ слѣдователей и духовенства. Законы о подсудности и производствѣ слѣдствій по проступкамъ священно-церковнослужителей; съ объясненіями по рѣшеніямъ Правительствующаго Сената и Указамъ Св. Сунода. Изданіе 2-е, исправленное и дополнен. Составилъ бывшій Секретарь Тульской Духовн. Консисторіи, Канд. Правъ, *М. Врущевичъ.* Изд. 3-е. Спб, 1896 г., ц. 1 р. 25 к.

„Принимая во вниманіе, что слѣдствія, производимыя у насъ духовными слѣдователями, по проступкамъ и преступленіямъ лицъ духовнаго званія, очень часто бываютъ неудовлетворительны, что засвидѣтельствовано и Св Сунодомъ, руководства, подобныя разсматриваемому нами, должны быть признаны необходимыми, а ихъ распространеніе вполнѣ желательнымъ. Внѣшнее изданіе руководства, какъ и всѣ вообще изданія И Л Тузова, вполнѣ удовлетворительно Цѣна книги—самая умѣренная" (Богосл Библіогр листокъ Вып. 10 и 11, 1896 г.)

Руководство къ преподаванію закона Божія для народныхъ школъ, городскихъ училищъ, дѣтскихъ пріютовъ и элементарныхъ занятій съ дѣтьми дома. Протоіерея *І. Вытвьницкаго.* Изданіе четвертое безъ перемѣнъ. *Одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Св Сунодѣ и ученымъ Комит. Мин. Народ. Просвѣщ.* Спб, 1899 г., ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Святый Благовѣрный великій князь Андрей Боголюбскій. *В. Георгіевскаго. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія старшаго возраста библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній* (28 іюля 1895 г, № 16240). Изданіе второе, исправленное, съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1900 г., ц. 40 к.

„Настоящая книжка г. Георгіевскаго (98 стр.) представляетъ всестороннюю исторію жизни и дѣятельности св. благов Вел. Кн Андрея Боголюбскаго, перваго собирателя сѣверной Руси Полное сказаніе о его жизни и важной политической и церковной дѣятельности обставлено въ достаточной мѣрѣ относительными данными, касающимися общаго состоянія Руси, въ особ. сѣверной, въ періодѣ жизни св благ. Вел. Кн Андрея Боголюбскаго Личность св Андрея и его значеніе въ исторіи древней Руси очерчены прекрасно, безъ многословія, но ясно, твердо и положительно. Важное достоинство этого труда—документальность, непосредственное пользованіе лѣтописнымъ матеріаломъ Авторъ не только изображаетъ съ положительной стороны высокую и священную личность св. благ. Вел Кн Андрея Боголюбскаго, окруженную ореоломъ доблестнаго подвижника и мученика за идею собиранія Руси, но и опровергаетъ существующіе взгляды на него въ нашей исторической наукѣ Книга эта весьма полезна для чтенія всякому русскому человѣку. Желательно возможно большее распространеніе, а также пріобрѣтеніе ея въ церковныя и школьныя библіотеки Ученымъ Комитетомъ Мин. Народн. Просвѣщенія она допущена въ ученическія старшаго возраста библіот средн. учебн. заведеній". (Богосл. Библ. Лист Вып. 1, 1901 г.).

Таврическая Епархія. *Гермогена,* Епископ. Псков. и Порховскаго, быв. Таврическаго и Симферопол Псковъ, 1887 г., ц. 1 р. 70 к.

СОЧИНЕНІЯ
ИННОКЕНТІЯ
АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

ТОМЪ IV.

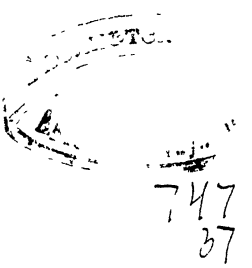
ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ. — МОЛИТВА СВ. ЕФРЕМА СИРИНА. — ПЕРВАЯ СЕДМИЦА ВЕЛИКАГО ПОСТА. — СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА. — СВѢТЛАЯ СЕДМИЦА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.
1908.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 11 сентября 1907 года.

Старшій Цензоръ Архимандритъ *Филаретъ*.



747
37

Синодальная типографія

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Слово въ недѣлю мытаря и фарисея.

Съ нынѣшняго дня, братіе, святая Церковь начинаетъ пріуготовленіе къ святой и великой Четыредесятницѣ, почему и начала оглашать слухъ нашъ трогательнымъ воззваніемъ къ покаянію. Заблаговременно начинаетъ Церковь свое дѣло, ибо великія дѣла и приготовленія требуютъ не малаго. У кого есть намѣреніе сразиться съ сильнымъ и многочисленнымъ непріятелемъ, тотъ заранѣе собираетъ силы для его низложенія, а какой врагъ опаснѣе и хитрѣе нашей плоти, которая непрестанно воюетъ на духъ нашъ? Кто предпринимаетъ врачеваніе упорной и застарѣлой болѣзни, тотъ заранѣе беретъ на свои руки недужныхъ и разлучаетъ со многими вещами, а какая болѣзнь старѣе и упорнѣе грѣха, живущаго въ нашемъ сердцѣ?—Итакъ, не будемъ удивляться и сѣтовать, если еще до наступленія поста, будемъ не разъ слышать изъ устъ Церкви воззваніе къ покаянію:—это гласъ здравія душевнаго для немощныхъ! гласъ побѣды для имѣющихъ выйти на сраженіе! Напротивъ, чувствуя всю нѣжность матерняго попеченія Церкви о нашемъ спасеніи, усугубимъ вниманіе и послушаніе, войдемъ въ ея благія намѣренія о насъ, и послѣдуемъ за ея руководствомъ, какъ немощные слѣдуютъ за совѣтами врача, воины за указаніями опытнаго полководца.

Что же представляетъ предъ очи наши святая Церковь, изводя насъ нынѣ на поприще покаянія?—Представляетъ двухъ человѣкъ: фарисея и мытаря,—фарисея, хвалящагося своими совершенствами, осуждающаго тѣхъ, кои не имѣютъ ихъ, и за это самое осужденнаго Богомъ,—мытаря кающа-

гося, со смиреніемъ исповѣдующаго свои грѣхи, и за это самое отходящаго въ домъ свой оправданнымъ. Не безъ великаго намѣренія, братіе, представляются нынѣ вниманію нашему эти, а не другія лица. Въ нихъ должно быть означено, что надобно дѣлать и чего удаляться намъ при покаяніи. Въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи къ покаянію, всѣ мы раздѣляемся на два вида: одни думаютъ, что не имѣютъ нужды въ покаяніи, и потому, или не приносятъ онаго, или каются поверхностно: таковыхъ Церковь вразумляетъ примѣромъ фарисея. Другіе изъ насъ находятъ для себя нужнымъ покаяніе, и желали бы принести оное, но не знаютъ, чего требуется отъ кающагося: таковымъ Церковь подаетъ наставленіе въ лицѣ мытаря. То и другое наставленіе весьма ясно и понятно для каждаго! Посему намъ надлежало бы только обратить ваше вниманіе на картину мытаря и фарисея, и сказать отъ имени Церкви: смотрите и поучайтеся!— Но поелику плотской человѣкъ нашъ, для коего покаяніе есть смерть, умѣетъ въ этомъ случаѣ и ясное дѣлать темнымъ, то попытаемся пресѣчь ему пути къ тому.

Примѣромъ осужденнаго фарисея Церковь хочетъ, мы сказали, вразумить насъ, что вся наша праведность не имѣетъ цѣны предъ Богомъ правды, если не соединена со смиреніемъ,—что всѣмъ намъ для полученія милости Божіей одно средство—покаяніе и вѣра въ Искупителя.—Но, развѣ кто-либо не вѣритъ симъ истинамъ, и рѣшится представлять изъ себя надменнаго праведника?—Подлинно, братіе, явно никто не захочетъ быть фарисеемъ, но въ сердцѣ многіе остаются фарисеями, сами, можетъ быть, не примѣчая того. Иначе, скажите, почему нѣкоторые, не отвергаясь впрочемъ вѣры въ Спасителя и упованія жизни вѣчной, вовсе не являются во врачебницу покаянія?—Какъ ни судить, а въ основаніи такого поступка лежитъ нѣчто явно-фарисейское.— Почему многіе и являясь въ духовное судилище покаянія, кажутся болѣе судіями, нежели судимыми, скорѣе дающими, нежели пріемлющими? И тутъ нельзя не замѣтить духа фарисейскаго.—Почему, наконецъ, самые добрые, повидимому, христіане большею частію при покаяніи такъ сухи, хладны, неподвижны, какъ бы дѣлали что самое обыкновенное, не имѣющее ни важныхъ причинъ, ни важныхъ послѣдствій?—Не плодъ ли и это самодовольства своимъ со-

стояніемъ, незнанія той тяжести, которую слагаютъ, той бездны, изъ коей исходятъ, того дара, который пріемлютъ, то-есть, не явный ли плодъ тайнаго фарисейства?—Итакъ, видите, какъ много изъ насъ находится духовныхъ фарисеевъ, при самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи нашихъ поступковъ?

Что же можетъ держать людей въ ослѣпленіи фарисейскомъ и не даетъ видѣть имъ своей грѣховности?—То, что можно имѣть, и многіе дѣйствительно имѣютъ, весь видъ праведности, не будучи на самомъ дѣлѣ истинно праведными. Не чувствовали никогда сильныхъ и открытыхъ припадковъ зла, живущаго въ сердцѣ,—не имѣли несчастія преступать нагло предѣловъ правды и долга, не выходили изъ повиновенія уставамъ Церкви; хранили порядокъ въ жизни и дѣлахъ, старались заслужить похвалу у людей, заслужили оную, чувствуютъ нерѣдко одобреніе самой совѣсти: и вслѣдствіе всѣхъ сихъ заслугъ, добродѣтелей, похвалъ, думаютъ, что они совершенно здравы душею, а думая такимъ образомъ, естественно не требуютъ врача духовнаго. Вотъ происхожденіе всякаго фарисейства! Оно утверждается на мнимыхъ добродѣтеляхъ; и потому тѣмъ труднѣе рукѣ человѣческой поколебать его. Кумиръ праведности кажется такъ благолѣпенъ, что невольно требуетъ поклоненія и жертвъ.

Но, кто бы ты ни былъ, надменный своей правдою, ты долженъ оставить ее!—Ты не видишь въ себѣ зла; но можешь ли сказать, что ты видишь въ себѣ все? Апостолъ Павелъ, безъ сомнѣнія, не менѣе твоего трудился надъ своимъ сердцемъ и жизнію; но, что говоритъ? *Ничесоже въ себѣ свѣмъ: но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. 4, 4). Почему и сего недостаточно къ оправданію? Не по избытку ли смиренія это сказано? Нѣтъ, по существу самаго дѣла,—потому, что *есть болій сердца нашего,* Который *вѣсть вся* (1 Іоан. 3, 20)!—Невидное намъ, видно Ему. Когда Онъ оправдитъ насъ, тогда токмо мы будемъ правы. Но *Онъ* что говоритъ намъ? Онъ говоритъ, и говоритъ всѣмъ, не грѣшникамъ токмо, но и самымъ праведникамъ: что аще *речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 8). Хвались послѣ сего своею правдою, и думай много о ней!—

«Вѣрую, скажешь, свидѣтельству Божію о моей нечистотѣ, потому и хожу на исповѣдь, но не могу приписывать

себѣ тѣхъ грѣховъ, коихъ во мнѣ нѣтъ». Но есть ли хотя одинъ грѣхъ? безъ сомнѣнія есть. Внемли же, говоритъ Апостолъ? *Иже согрѣшитъ во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. 2, 10). Какъ это можетъ быть?—Спросишь. А какъ бываетъ съ тѣломъ, что одинъ членъ болитъ, а все тѣло нездорово? Если въ тѣлѣ такъ, кольми паче въ душѣ; ибо душа не имѣетъ такой сложности, какъ тѣло,—въ ней все одно. Притомъ, кто далъ одну заповѣдь. тобою нарушенную?—Не Тотъ ли, отъ Кого произошли и всѣ прочія заповѣди?—Коль скоро ты не уважаешь Законодателя, — а не уважаешь, нарушая Его заповѣдь,—то уже не уважаешь и всего закона. И что значитъ всѣ заповѣди, какъ не раскрытіе одной и той же заповѣди—быть святымъ, *якоже Онъ святъ есть* (1 Петр. 1, 16)? Посему, нарушивъ одну заповѣдь, ты нарушилъ всѣ: *иже согрѣши во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ!*

Но совѣсть твоя не можетъ указать тебѣ и на одинъ грѣхъ, тобою сдѣланный?—Благодари Господа, сохранившаго тебя отъ явныхъ грѣховъ; но, не думай спасти чрезъ это кумиръ твоей праведности. Есть другой способъ обнажить его срамоту и низринуть съ высоты. Внемли! Если бы ты часто видѣлъ надъ горою дымъ, изъ нея выходящій, а по временамъ и искры, что бы ты заключилъ объ этой горѣ? Не то ли, что внутри ея вулканъ? И рѣшился ли бы ты, не смотря на всю красоту и видимую прочность горы, основать на ней свое жилище?—Суди такимъ же образомъ о своей душѣ и сердцѣ. Ты не можешь, никакъ не можешь отрицать, чтобы изъ этого добраго сердца не выходилъ по временамъ дымъ худыхъ мыслей, чтобы въ сей честной душѣ не появлялись иногда искры нечистыхъ вожделѣній. Итакъ, знай, что внутрь тебя вулканъ зла огнедышущій. Онъ покоенъ до времени, ибо не достаетъ потрясеній со внѣ, но тѣмъ не менѣе въ немъ цѣлый адъ зла. И здѣсь ли, на этой ли горѣ, на сей ли праведности ты думаешь основать зданіе вѣчнаго твоего спасенія?—Явится искушеніе, подойдетъ врагъ,—и то, что было вознесено до облакъ, низринется до ада; что прельщало взоры, представитъ груду развалинъ.

И не то ли самое видится въ жизни нѣкоторыхъ людей совершенно неукоризненнаго поведенія?—Съ высоты честной жизни они вдругъ низвергаются въ бездну какого-либо

тяжкаго порока, даже предаются всѣмъ родамъ нечестія, а потомъ отчаянію и самой смерти. Что значитъ это? Вдругъ ли происходитъ такое превращеніе? Въ самомъ ли дѣлѣ всемогущая благодать Божія такъ скоро уступаетъ мѣсто и побѣду грѣху и діаволу?—Нѣтъ, въ семъ случаѣ происходитъ именно то, что бываетъ съ огнедышущими горами: выходитъ наружу, что давно сокрывалось внутри. Если бы зла давно не было въ сердцѣ, то оно не разразилось бы такъ внезапно и съ такою свирѣпостію, не заняло бы всѣхъ входовъ и исходовъ жизни, не убило бы вдругъ души и тѣла.

Не будемъ же превозноситься нашею правдою. Всѣ мы ходимъ надъ бездною, и безъ Ангела-Хранителя можемъ сто разъ пасть и разбиться въ прахъ. Ахъ, что было бы съ самыми честнѣйшими, по мнѣнію свѣта, людьми, если бы благодать Божія предоставила ихъ силѣ зла, въ нихъ живущаго!

«Но нельзя же отвергать, что многіе изъ христіанъ имѣютъ дѣйствительныя добродѣтели и обладаютъ не малымъ совершенствомъ духовнымъ».

И кому же имѣть добродѣтели, какъ не христіанамъ? Чего не сдѣлано, дабы мы всѣ были добродѣтельными?—Сколько талантовъ дается для сего каждому? И всѣ ли употребляются въ дѣло? Вмѣсто того, чтобы считать долго, что имѣешь, и что пріобрѣлъ, сочти лучше, сколько принялъ. Нѣтъ человѣка, который бы сдѣлалъ болѣе, нежели сколько для него сдѣлано, пріобрѣлъ множае, нежели принялъ. Чѣмъ же гордиться?—Ты употребилъ въ дѣло пять талантовъ, но можешь ли сказать, что принялъ только пять?—Можешь ли поручиться даже за то, что все это не поддѣльное золото, коимъ ты такъ восхищаешься?

Какъ обыкновенно мы смотримъ на добродѣтели?—Почти всегда въ увеличительное стекло; напротивъ, пороки наши представляются намъ въ стеклѣ уменьшительномъ. Отбрось пристрастіе,—и многое тотчасъ перемѣнится: тамъ, гдѣ ты видѣлъ одинъ блескъ ослѣпляющій, увидишь пятна и тьму. Пророкъ удивлялся нѣкогда красотѣ храма Іерусалимскаго, представленнаго ему въ видѣніи, и вдругъ услышалъ голосъ: *раскопай стѣну* (Іезек. 8, 8—10). Прокопавши, онъ увидѣлъ въ храмѣ мерзости, коихъ можно ожидать только въ домахъ разврата. Прокопай и ты, недугующій духомъ тщеславія, прокопай стѣну твоего самолюбія, вникни въ тайныя побу-

жденія и цѣль твоихъ блистательныхъ подвиговъ; и, можетъ быть, ты ужаснешься того храма твоей святости, предъ коимъ теперь благоговѣешь.

Малыя добродѣтели кажутся намъ великими не рѣдко и отъ того, что мы сравниваемъ ихъ съ пороками другихъ, какъ поступилъ и фарисей, говоря, что онъ не хищникъ, не прелюбодѣй, какъ другіе.—Правильное ли это сравненіе? Добродѣтель должна быть сравниваема не съ порокомъ, а съ добродѣтелями. Сравни же теперь свой постъ съ постомъ Іоанна Крестителя, свою вѣру съ вѣрою Авраама, и такъ далѣе. Быть не можетъ, чтобы при этомъ сравненіи ты не нашелъ въ себѣ многихъ недостатковъ. Самъ фарисей, вѣроятно, не сталъ бы превозносить себя, если бы вмѣсто мытаря взялъ для сравненія съ собою кого-либо изъ святыхъ, коими такъ богата исторія народа Божія.

Не малымъ, наконецъ, пособіемъ противъ духа гордости духовной можетъ служить и представленіе великости предназначенія, насъ ожидающаго. Твои добродѣтели служатъ предметомъ похвалъ для подобныхъ тебѣ человѣковъ, но для человѣка ли ты долженъ быть добродѣтеленъ? Въ этомъ мірѣ и малое можетъ казаться великимъ. Но будетъ ли таковымъ въ томъ новомъ мірѣ, куда пойдешь ты и должны идти всѣ? Мы должны нѣкогда жить съ Ангелами, вступить въ сообщеніе съ Самимъ Богомъ. Довольно ли чистъ и для сего? Устоитъ ли твоя добродѣтель предъ очами Божіими?—Исаія провелъ всю жизнь въ подвигахъ духовныхъ и удостоился избранія въ пророки; но когда увидѣлъ себя предъ престоломъ Божіимъ, то возопилъ съ ужасомъ: *окаяненъ азъ человѣкъ, яко нечисты устны имый, и Господа Саваова видѣхъ очима!* (Исаіи 6, 5), и не прежде успокоился, какъ Ангелъ очистилъ его прикосновеніемъ угля съ жертвенника. Ставь, когда придетъ къ тебѣ духъ гордости, ставь себя скорѣе и ты не предъ сонмъ мытарей или фарисеевъ, а предъ престоломъ Бога всесовершеннаго;—и ты возопіешь гласомъ Исаіи о своей бѣдности и нечистотѣ, и всеочищающій уголь Тѣла и Крови Богочеловѣка содѣлается для тебя необходимостію.

Но довольно—противъ фарисейской праведности. Должно сказать что-либо въ наставленіе и тѣхъ, кои чувствуютъ свою грѣховность и желаютъ принести покаяніе, но не знаютъ, какъ лучше совершить это великое дѣло. Вамъ, братіе, кто

бы вы ни были, нельзя дать лучшаго совѣта, какъ взирать на кающагося мытаря и поступать, какъ поступалъ онъ. Его глубокое смиреніе, его надежда на милость Божію, его исповѣданіе своего недостоинства, должны быть всегда у васъ предъ очима. Если бы и за симъ потребовалось какое-либо новое вразумленіе, то въ слѣдующую недѣлю св. Церковь представитъ еще примѣръ покаянія въ блудномъ сынѣ, который былъ совершенно мертвъ грѣхами, но потомъ ожилъ для Бога и жизни вѣчной. Идите его путемъ, и придете въ домъ отеческій! Аминь.

Слово въ недѣлю мясопустную.

Вчера мы творили молитвенную память о всѣхъ, отъ вѣка преставльшихся, отцахъ и братіяхъ нашихъ; а нынѣ сами преносимся мыслію въ будущее и поставляемъ себя вмѣстѣ съ ними предъ престоломъ грознаго Судіи, имѣющаго рѣшить вѣчную участь каждаго изъ насъ. Судя по сему, если въ какой день, то въ настоящій прилично намъ размышленіе о своей жизни, изслѣдованіе своей совѣсти, слезы и плачъ о грѣхахъ нашихъ. Ибо можно ли помыслить о страшномъ судѣ Божіемъ и не обратиться въ то же время къ своей совѣсти? Можно ли обратиться къ своей совѣсти и не замѣтить тотчасъ, что мы покрыты множествомъ грѣховъ, что мы всѣ не въ такомъ состояніи, чтобы съ свѣтлымъ лицемъ явиться предъ Того, Кто испытуетъ сердца и утробы? Посему-то одна мысль о страшномъ судѣ Божіемъ приводила въ трепетъ самыхъ праведниковъ; и, безъ сомнѣнія, если какой день, то настоящій проводили они отъ утра до вечера въ слезахъ и воздыханіи.

У насъ—напротивъ! Нѣтъ, кажется, ни одного дня въ году, который проводился бы съ такимъ невоздержаніемъ и плотоугодіемъ, какъ нынѣшній. Можно подумать, что мы составили заговоръ противъ святаго учрежденія Церкви, и хотимъ показать, что ни во что вмѣняемъ тотъ страшный судъ, изображеніемъ коего думаетъ она занять стопы наши на широкомъ пути міра и плоти!

Причиною сей несчастной противоположности и небреженія о днѣ, столь важномъ и священномъ, не другое что, какъ то обстоятельство, что нынѣшнимъ днемъ оканчивается

употребленіе обыкновенной нашей пищи. Можно ли было ожидать, чтобы причина столь не важная отняла всю силу у святаго учрежденія Церкви, привела въ забвеніе страшный судъ Божій, и произвела именно противное тому, что предполагала святая Церковь?—Но, дѣло точно такъ; ибо другой причины нѣтъ. Церковь съ своей стороны употребила все, могущее возбудить въ насъ чувство покаянія; самыя трогательныя и угрожающія пѣсни ея собраны именно въ службѣ на нынѣшній день; одно нынѣ чтенное Евангеліе и Апостолъ могли бы вразумить самаго закоренѣлаго плотоугодника. Но насъ, увы, ничто не трогаетъ и не возбуждаетъ отъ пагубнаго служенія плоти и міру.—Надъ нами во всей силѣ сбывается грозное слово Спасителя, изреченное о народѣ іудейскомъ: *рыдахомъ вамъ и не плакастѣ* (Лук. 7, 32)!

Гдѣ искать причины нашего, столь пагубнаго нечувствія? Не въ томъ ли между прочимъ, что многіе изъ насъ вовсе не знаютъ, что въ нынѣшній день совершается воспоминаніе страшнаго суда Божія?—Къ сожалѣнію, многіе дѣйствительно не знаютъ сего, но что значитъ самое это незнаніе? Увы, и оно не оправдываетъ, а еще болѣе обвиняетъ насъ. Ибо, кто виною этого незнанія?—Мы сами.—Сколько пѣсней церковныхъ въ настоящій день, изъ коихъ каждая изображаетъ судъ страшный? одно Евангеліе нынѣшнее не достаточно ли вразумить въ семъ всякаго, кто только не лишенъ слуха?—И что прикрывать лжею наше невѣдѣніе?—Что нынѣ день страшнаго суда, этого мы не знаемъ; а знаютъ же всѣ отъ велика до мала, что нынѣ послѣдній день мясоястія. Какъ же мы всѣ такъ твердо узнали одну половину учрежденія церковнаго и вовсе не знаемъ другой? Знаемъ твердо то, что служитъ въ угожденіе плоти, и не вѣдаемъ того, что на пользу духа и совѣсти!—Не явный ли это признакъ, что мы дорожимъ одною своею плотію и угожденіемъ чреву, а что необходимо ко спасенію души, о томъ нерадимъ безумно? Сія-то именно наклонность къ чувственному губитъ насъ и нынѣ, какъ и всегда; она-то дѣлаетъ для насъ безплодными всѣ благія учрежденія Церкви.

Ибо нынѣшній ли одинъ день такъ несчастно превращается нами?—Увы, это превращеніе есть только начало другаго, большаго. Я разумѣю наступающую недѣлю сыро-

пустную. Что можетъ быть жалчѣе участи сея недѣли? Она предназначена, по намѣренію Церкви, служить приготовленіемъ къ Великому посту и такъ сказать, введеніемъ въ него. Церковь показала при семъ случаѣ всю материнскую заботливость о насъ. Чтобы пріучить насъ постепенно къ подвигу постному, она лишила насъ на сію недѣлю половины снѣдей, дабы внезапнымъ и сильнымъ переворотомъ не потрясти слишкомъ самыхъ чувственныхъ привычекъ нашихъ. Что же вышло у насъ изъ сего снисхожденія Церкви?—Вышелъ новый поводъ и случай къ плотоугодію и невоздержанію. Въ цѣломъ году нѣтъ ни одной недѣли, которая была бы исполнена столько шума и молвы, столько объяденія и піянства, столько празднословія и кощунства, столько пороковъ и беззаконій, какъ наступающая. Если о какой седмицѣ, то, вѣроятно, о сей плачутъ ежегодно Ангели Божіи, радуются ангелы тьмы; если когда адъ и геенна пріобрѣтаютъ для себя наиболѣе жертвъ, то въ это несчастное время. Увы, если бы учредители сея недѣли могли предвидѣть то, что мы дѣлаемъ изъ ней!

Но, они невинны: они желали нашего спасенія и сдѣлали для сего все, что могли. Прочтите или выслушайте со вниманіемъ богослуженіе каждаго дня въ наступающей седмицѣ. Какъ внятно тамъ объяснена цѣль учрежденія недѣли сыропустной!—Сколько на каждый день святыхъ мыслей и чувствъ! Церковь, можно сказать, взявъ за руку ведетъ насъ съ распутій міра и приближаетъ къ поприщу св. поста; но все сіе остается втунѣ. Ибо мы въ продолженіе сей недѣли стараемся быть и бываемъ вездѣ, только не въ церкви. Послѣ сего благое учрежденіе церковное какъ бы вовсе не существуетъ для насъ.

Но если бы только не существовало! И это было бы безчестіемъ для имени христіанскаго и зломъ для насъ, но все еще не такъ великимъ. Нѣтъ, когда мы, отягченные невоздержаніемъ въ яствѣ и питіи, дремлемъ, то врагъ спасенія нашего не спитъ и не дремлетъ. Чего не успѣлъ онъ сдѣлать изъ этой священной седмицы? Точно, какъ предъ концемъ міра, зная, *яко время мало имать* (Апок. 12, 12), онъ окажетъ, по свидѣтельству тайновидца, всю лютость и все лукавство: такъ поступаетъ онъ и въ продолженіе наступающей седмицы. Угрожаемый постомъ и покаяніемъ, онъ

употребляетъ всѣ силы, разставляетъ всѣ сѣти, разбрасываетъ всѣ приманки, чтобы уловить какъ можно болѣе жертвъ. И многіе ли избѣгаютъ этихъ сѣтей? Самыя въ другое время степенныя лица почитаютъ какъ бы за какой долгъ дать въ это время волю своимъ чувственнымъ пожеланіямъ; самые старцы не почитаютъ за стыдъ являться подобными несмысленнымъ дѣтямъ. А юные?—Увы, если когда гибнетъ цвѣтъ этого прекраснаго возраста, то въ это несчастное время!

То есть, въ какое время?—То самое, которое, по намѣренію Церкви, должно служить приготовленіемъ къ посту, и слѣдовательно само уже есть нѣкотораго рода постомъ и днями сѣтованія, то время, которое слѣдуетъ непосредственно за воспоминаніемъ суда страшнаго, нынѣ совершаемымъ!—Сему-то выучиваемся мы въ нынѣшній день! Такой-то плодъ производитъ въ насъ явленіе грознаго Судіи! О безчувствія! о окаменения душъ и сердецъ!

Между тѣмъ сія пагубная привычка такъ укоренилась во всѣхъ насъ, такъ сроднилась съ нами отъ младенчества, вошла въ нравы, въ самую природу нашу, что говорить противъ нея значитъ почти явно терять слова и время. Ибо, вотъ мы теперь разсуждаемъ о семъ, скорбимъ и сѣтуемъ; вы сами не можете не признать справедливости нашихъ словъ и нашей скорби. Но найдется ли хотя одинъ изъ насъ, кто бы принялъ сіи слова къ сердцу и рѣшился поступить сообразно намѣренію Церкви, презрѣть обычай міра и провести наступающую седмицу не въ угожденіи чреву и въ увеселеніяхъ мірскихъ, а въ приготовленіи себя къ святому посту и покаянію? Ахъ, печальный опытъ едва не отнимаетъ у насъ всей надежды на сіе; и если мы говоримъ теперь, то не столько по чаянію плода отъ нашей бесѣды, сколько для исполненія своего долга. Ибо обязанность пастырей говорить и возвѣщать истину, даже и тогда, когда бы и никто не хотѣлъ слушать ее.

Если бы впрочемъ нашелся теперь хотя одинъ, который бы, внявъ нашему слову, или паче указанію святой Церкви, рѣшился провести наступающую недѣлю въ воздержаніи, молитвѣ и цѣломудріи, то мы возблагодаримъ и за сіе Господа; ибо и одна душа—пріобрѣтеніе великое; и за одну душу Спаситель излилъ кровь Свою, такъ же, какъ за всѣхъ. Мы увѣрены, что такой человѣкъ найдетъ болѣе душевнаго

услажденія въ своей чистотѣ и воздержаніи, нежели сколько прочіе находятъ въ шумныхъ забавахъ мірскихъ и въ плотоугодіи, которое рѣдко не доводитъ предающагося ему до омраченія чувствъ и недуговъ тѣлесныхъ.

Что же сдѣлаютъ всѣ прочіе? они сдѣлаютъ то же, что дѣлали прежде, въ прошедшихъ годахъ: окружатъ себя всякаго рода снѣдями; измыслятъ новые роды забавъ и утѣхъ; постараются, подобно древнимъ сластолюбцамъ, вездѣ оставить *знаменія веселія* (Притч. 2, 9) своего. Мнѣ кажется, что уже даютъ слышать себя безумные игры и смѣхи празднующихъ, уже видятся слѣды *человѣковъ яко древіе ходящихъ* (Марк. 8, 24), уже стонутъ распутія и стогны отъ безчинія и наглостей, уже вмѣстѣ съ людьми ликуютъ невидимо духи злобы, нечистоты и лукавства; что сама смерть уже готовится невольно поглощать жертвы, падающія сами собою во уста ея отъ своего невоздержанія.

Если васъ, братіе мои, сколько-нибудь трогаютъ подобныя мысли и выраженія; если вамъ, какъ христіанамъ, дорога честь святой Церкви и собственное спасеніе душъ вашихъ; если страшный судъ Божій, нынѣ представляемый предъ очи наши, не есть для васъ яко вещь чуждая и васъ не касающаяся, то дадимъ обѣтъ теперь же провести наступающую седмицу безъ тѣхъ безразсудствъ и невоздержаній, съ коими она обыкла соединяться у насъ, провести ее какъ уже начало и преддверіе св. поста, а не какъ верхъ угожденія плоти и страстямъ нашимъ. Аминь.

Слово въ недѣлю сыропустную.

И сіе вѣдяще время, яко часъ уже намъ отъ сна востати. Нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ. Нощь убо прейде, а день приближися. Отложимъ убо дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта (Рим. 13, 11—12).

Сими поучительными словами ап. Павла св. Церковь напутствуетъ насъ, братіе мои, на поприще святаго и Великаго поста. Между прочими побужденіями къ покаянію во грѣхахъ нашихъ, она указуетъ и на большую удобность къ тому для насъ въ продолженіе наступающихъ святыхъ дней. Въ самомъ дѣлѣ, хотя спасеніе наше никогда не далеко отъ насъ, но съ наступленіемъ святыя Четыредесятницы

дѣло спасенія до того приближается къ каждому, что, можно сказать, невольно и неотступно требуетъ себѣ мѣста въ душѣ и сердцѣ. Подлинно, время Великаго поста во всѣхъ отношеніяхъ должно сравнивать съ прекраснымъ днемъ для вѣры и благочестія: равно какъ седмицу, нынѣ оканчивающуюся, со всѣхъ сторонъ нельзя не уподобить темной, бурной и хладной ночи. Какихъ дѣлъ тьмы не совершается повсюду въ продолженіе этой седмицы! Сколько душъ, волею и неволею, низвергается въ пропасть грѣховную! Сколько людей, коимъ всю жизнь надобно бываетъ оплакивать нѣсколько минутъ нынѣшняго безумнаго веселья! Изъ самыхъ осторожныхъ и бдительныхъ надъ собою и своими дѣяніями, не многіе могутъ похвалиться тѣмъ, что, въ теченіе прошедшихъ дней, они не потерпѣли никакого ущерба въ чистотѣ сердечной и спокойствіи своей совѣсти.

Но благодареніе Господу: *нощь убо прейде, а день приближися*! Нынѣшній вечеръ положитъ конецъ соблазнамъ и опасностямъ душевнымъ, заутра мы проснемся уже въ другой стихіи и какъ бы въ другомъ мірѣ. Съ однимъ появленіемъ святаго поста, все приметъ новый, лучшій видъ: и люди, и вещи. и одушевленное и самое бездушное. Какъ послѣ потопа Ноева, хляби зла заключатся сами собою, и явится суша. Есть уже къ чему пристать влаявшимся въ морѣ житейскихъ суетъ и соблазновъ! Есть уже, на чемъ утвердиться самымъ разслабленнымъ отъ плотоугодія стопамъ и колѣнамъ! — Ибо Церковь не можетъ уступить міру въ усердіи. Если онъ, злохитрый, употреблялъ всѣ средства сводить насъ съ ума, брать въ плѣнъ страстей безъ сраженія, то святая Церковь еще болѣе найдетъ способовъ образумить насъ и плѣнить паки въ сладкое послушаніе вѣры и любве, яже о Христѣ. Мы нечисты и осквернены похотями грѣховными: у престола Благодати, въ храмахъ, заструится множество свѣжихъ источниковъ для нашего духовнаго омовенія. Мы покрыты язвами и струпами: у матери нашей Церкви готовы для насъ всѣ пластыри и обязанія цѣлебныя. Мы гладны духомъ: она учредитъ такую трапезу, которая могла бы напитать самихъ Ангеловъ. При такомъ обиліи средствъ духовныхъ, самый невнимательный къ своей душѣ принужденъ будетъ сознаться и сказать, что нынѣ,—въ продолженіе святаго поста,—ближайшее къ намъ

спасеніе, нежели во всѣ прочіе дни, ибо со дня завтрашняго, самый міръ съ его соблазнами, гонимый видимо и невидимо силою святаго поста и молитвъ церковныхъ, удалится отъ насъ, сокроется, потеряетъ силу ослѣплять и влечь во адъ.

Не будемъ же, возлюбленные, и мы хладны и не внимательны къ своему спасенію; воспользуемся драгоцѣннымъ временемъ поста для уврачеванія душъ и сердецъ нашихъ отъ яда грѣховнаго; дадимъ матери нашей святой Церкви дѣйствовать надъ нами во спасеніе наше, какъ она знаетъ и можетъ; отвратимъ очи и сердце отъ всего, что питало въ насъ похоть плоти и гордость житейскую; вникнемъ прилежно въ свою жизнь и совѣсть, и поспѣшимъ сойти съ того пути, который явно ведетъ въ пропасть адскую. Ей, братіе мои, сдѣлаемъ все сіе для вѣчнаго блага душъ нашихъ! Ибо не напрасно Апостолъ Христовъ восклицаетъ: яко часъ уже намъ отъ сна возстати. Время пробудиться всѣмъ намъ отъ нечувствія душевнаго и подумать, гдѣ мы и что съ нами, куда идемъ и что ожидаетъ насъ. Время уже потому, что нѣтъ почти ни одного грѣха, который не былъ бы содѣянъ нами въ томъ или другомъ видѣ. Какая изъ способностей нашихъ не употреблена во зло, не унижена и не осквернена страстями? Чѣмъ еще будемъ раздражать Господа и Спасителя нашего? На что пустимся и что еще употребимъ для вѣчной погибели нашей? Какому кумиру суеты не кланялись мы до земли стократно? Если посмотрѣть на насъ очами и не Пророка, то давно нельзя не сказать, что отъ ногъ до главы нѣтъ въ насъ цѣлости. Самая чаша грѣха, съ ея мнимою, скоропроходящею сладостію и съ ея дѣйствительнымъ смертоноснымъ ядомъ, уже видимо оскудѣла для насъ. Еще ли будемъ наполнять ее снова и отравлять ею все существо свое.

Часъ уже намъ отъ сна востати! Вначалѣ, когда мы были неопытны, еще сколько-нибудь извинительно было гоняться намъ, подобно малымъ дѣтямъ, за призраками суеты земной, и воображать, что на стропотныхъ распутіяхъ грѣха ожидаютъ насъ однѣ утѣхи и радости. Теперь, послѣ столькихъ горькихъ опытовъ, совершенное безуміе было бы позволять врагу нашему обманывать насъ снова. Ибо что пріобрѣли мы въ удаленіи отъ Бога? Что доставилъ намъ міръ съ его

многообразною похотію?—Предположеній, замысловъ, надеждъ, обѣщаній была бездна, а на дѣлѣ оказалось все суета суетъ. У большей части изъ насъ беззаконная жизнь отняла и то, что имѣли они отъ природы и благопріятныхъ обстоятельствъ; нѣкоторые изъ грѣшниковъ, повидимому, еще высятся и цвѣтутъ: но какъ вялъ и безжизненъ этотъ цвѣтъ несчастный, какъ ощутительно вѣетъ отъ него тлѣніемъ и пагубою! Снаружи, вокругъ сихъ, такъ называемыхъ, счастливцевъ міра, почести, богатство, довольство и утѣхи, а внутри,—спросите о томъ ихъ самихъ,—внутри пусто и хладно, мертво и отвратительно: совѣсть обличаетъ, сердце тоскуетъ, душа болитъ, самое тѣло видимо страдаетъ и проситъ пощады отъ яда грѣховнаго. И послѣ сего мы еще будемъ гоняться за нашею тѣнію, еще будемъ ловить вѣтръ, еще строить на воздухѣ, еще пить ядъ потому только, что онъ сладокъ?

Часъ уже намъ отъ сна востати! Время образумиться и пожалѣть намъ матерь свою, святую Церковь, которая доселѣ болѣла сердцемъ отъ нашего забвенія ея святыхъ уставовъ и отъ нашей жизни нечистой; время вспомнить и пожалѣть намъ Ангела-хранителя нашего, который съ того времени, какъ мы начали помнить себя и дѣйствовать, съ плачемъ доселѣ ходитъ за нами по дебрямъ страстей и беззаконій, не видя нашего исправленія; время устыдиться и пожалѣть намъ Самого Спасителя нашего, Который съ утра до вечера ежедневно простираетъ къ намъ со креста руки и доселѣ не можетъ привлечь насъ къ Своему сердцу; время, время, братіе мои, сжалиться намъ надъ самими собою и обрадовать покаяніемъ нашимъ небо и землю, Ангеловъ и всѣхъ добрыхъ людей, кои скорбѣли и скорбятъ о нашемъ развращеніи, молились и молятся, да не погибнемъ во грѣхахъ нашихъ!

Часъ уже намъ отъ сна востати! ибо ужели до конца жизни оставаться намъ въ плѣну страстей, грѣха и діавола? Ужели ждать намъ, чтобы подъ стопами нашими разверзлась, наконецъ, бездна адская и поглотила насъ на вѣки? Ахъ, братіе мои, она разверзется нѣкогда и, можетъ быть, весьма скоро, если не перестанемъ прогнѣвлять Господа грѣхами нашими, но что будетъ тогда съ нами? Вспомните богача евангельскаго, вспомните пламень геенскій; поставьте

себя мысленно въ положеніе сего несчастнаго и судите, въ какомъ безуміи виновенъ тотъ, кто, имѣя, какъ мы теперь, всю возможность избѣгнуть жребія столь ужаснаго, будетъ продолжать идти прямо къ безднѣ адской?—Часъ убо, часъ всѣмъ намъ отъ сна востати! Аминь.

Слово въ понедѣльникъ 1-ой недѣли Великаго поста.

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче: утреннюетъ бо духъ мой ко храму святому Твоему!

Итакъ, сами по себѣ, собственными силами не можемъ мы достигнуть не только истинной свободы отъ грѣховъ и праведности предъ Богомъ, но даже отверзть себѣ двери покаянія, то-есть, перестать жить беззаконно!—Правда ли это?—подумаетъ иной, не испытавшій на себѣ дѣйствія и силы истиннаго покаянія. Когда я могъ подвергнуть себя грѣхамъ, то почему же не могу оставить грѣха и начать жить праведно. Свойство свободы моей въ томъ и состоитъ, что я воленъ дѣлать, что хочу. Грѣхъ не отнимаетъ у меня свободы: не отнимаетъ поэтому и возможности—перестать грѣшить. Разсужденіе, довольно благовидное, только показывающее, что размышляющіе такимъ образомъ никогда не принимались за дѣло покаянія, какъ должно. Примись, и тогда узнаешь, что значитъ грѣхъ, что дѣлаетъ онъ съ твоею свободою, и какъ трудно возникнуть отъ рова страстей. Грѣхъ точно не отнимаетъ у тебя свободы, какъ необходимой въ составѣ души способности, но производитъ съ нею то же, что ржавчина производитъ съ желѣзомъ. Какъ заржавѣлое желѣзо теряетъ крѣпость и силу до того, что чего прежде не могли сломить великія усилія, то будетъ ломаться и рваться отъ малаго напряженія, хотя объемъ и количество желѣза тѣ же: такъ у грѣшника остается весь призракъ свободы; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ свободнѣе, повидимому, самаго праведника, который всегда связанъ совѣстію и страхомъ Божіимъ; но внутренней мощи на добро нѣтъ, и при маломъ усиліи къ какому-либо благому подвигу, грѣшникъ слабъ, какъ дитя. Отъ чего такъ? Отъ того, что съ свободою нашею,—употребимъ другое сравненіе,—происходитъ отъ грѣха то же, что бываетъ съ магнитомъ, когда его употреб-

ляютъ неправильно. Магнитъ теряетъ силу привлекать желѣзо и указывать страны свѣта: свобода наша теряетъ силу привлекать волю и желанія къ себѣ и направляться вмѣстѣ съ ними по закону совѣсти. Таково свойство грѣха и вмѣстѣ наказаніе за него, что грѣшникъ послѣ каждаго беззаконія теряетъ часть способности творить правду. Потеря сія, съ продолженіемъ грѣховнаго состоянія, доходитъ наконецъ до того, что бѣдный грѣшникъ дѣлается совершеннымъ рабомъ своихъ страстей и злыхъ навыковъ. Для него невозможно уже, безъ чуждой помощи. не только возстать изъ рова страстей,—трудно даже помыслить о возвращеніи на путь правый. Если мы, ходя путемъ беззаконія, не испытали еще сего на самихъ себѣ доселѣ, то это вѣрный знакъ, что мы никогда еще не начинали истиннаго раскаянія во грѣхахъ нашихъ. Можетъ быть, оно и было на устахъ нашихъ, производило даже нѣкую временную перемѣну въ нашихъ поступкахъ и отношеніяхъ, но до самаго источника зла въ насъ явно не досягало, въ самое сердце и душу нашу не входило. Въ противномъ случаѣ и нами ощущено бы было то же самое, что ощущали на себѣ всѣ истинно каявшіеся: мы увидѣли бы ужасную силу грѣха и страстей, познали бы всю немощь нашей воли и нашего ума, пришли бы къ тому же чувству безнадежности, въ коемъ былъ нѣкто, когда вопіялъ: *изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему!*

Посему-то первая и послѣдняя надежда у людей истинно-кающихся не на самихъ себя, не на свой умъ и свое сердце, а на благодать Божію. Они смиренно исповѣдаютъ, что аще не Господь Самъ созиждетъ домъ души ихъ, то напрасны будутъ всѣ труды и подвиги надъ его исправленіемъ: безъ помощи свыше, при всѣхъ усиліяхъ нашихъ, онъ вѣчно останется въ развалинахъ. А такое чувство собственной немощи непрестанно заставляетъ ихъ обращать очи свои горѣ, взывать молитвенно къ Богу крѣпкому и живому, да ниспошлетъ благодать покаянія и да подастъ силы возненавидѣть грѣхъ, разорвать узы страстей, возлюбить, стяжать и сохранить чистоту и правду, кои для грѣшника содѣлываются чуждыми и противными.

Сіи самыя чувства выражаются въ томъ умилительномъ пѣснопѣніи, которое мы предложили въ началѣ нашего со-

бесѣдованія съ вами, братіе мои. Поелику святая Церковь повторяетъ его каждую седмицу: то углубимся въ него еще нѣсколько нашимъ размышленіемъ.

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!

Ты Самъ,—какъ бы такъ говоритъ кающійся грѣшникъ,—Ты Самъ, Жизнодавецъ, зришь, что я, несчастный, давно пересталъ уже находить сладость въ ядовитой чашѣ грѣха и беззаконія; Самъ видишь, какъ искренно хочу я перемѣнить мою нечистую жизнь и многократно уже собиралъ всѣ силы свои, чтобы расторгнуть узы преступныхъ навыковъ моихъ, возникнуть отъ пагубной сѣти, въ которую уловилъ меня врагъ мой; но что выходитъ изъ всѣхъ моихъ усилій? Чѣмъ кончаются всѣ, столь часто повторяемые, обѣты и рѣшимости: оставить грѣхъ и обратиться на стезю заповѣдей Твоихъ?—Увы, не успѣю омыться слезами покаянія, какъ паки упадаю въ блато нечистыхъ помысловъ и студныхъ дѣяній! Лютый врагъ мой, кажется, для того токмо и даетъ мнѣ нѣсколько свободы духовной, дабы отнять ее потомъ и сокрушить все, что̀ ни сдѣлано мною во время покаянія. Прежде могъ еще я, безразсудный, надѣяться на свои силы, воображать, что, когда ни захочу, перестану грѣшить; но теперь, послѣ столькихъ несчастныхъ опытовъ, вижу, что я совершенный рабъ грѣха, что страсти мои безконечно сильнѣе меня, что если мнѣ остаться съ однимъ моимъ умомъ и сердцемъ, то врагъ мой будетъ влачить меня изъ дебри въ дебрь, доколѣ не повергнетъ въ пропасть адскую. Оставляю убо надежду на себя самого и все упованіе мое возлагаю на Тебя, Господь и Спаситель мой, на Тебя, Коего всемогущество безпредѣльно и милость безконечна, на Тебя. Который можешь Духомъ Твоимъ святымъ пересоздать самое злое сердце мое. Призри на бѣднаго, безпомощнаго, но желающаго спасенія грѣшника, и даруй ему духа покаянія, которое, какъ тѣнь, непрестанно удаляется отъ меня, когда я обращаюсь къ нему: *покаянія отверзи ми двери!* И не только отверзи, но введи меня въ него; введъ удержи въ сей банѣ пакибытія дотолѣ, пока не омоется вся грѣховная нечистота моя, не уврачуются всѣ язвы совѣсти, не изгонится изъ души все злое и не останется въ ней единый Божественный образъ Твой.

Такъ молятся истинно-кающіеся. Такъ должны молиться

и мы, если воистину хощемъ освобожденія отъ грѣховъ нашихъ и отъ навыка къ беззаконію, освобожденія дѣйствительнаго и всегдашняго, а не на словахъ токмо и на время. Будьте увѣрены, братіе мои, что никто не можетъ сдѣлать сего, кромѣ Всемогущаго; ибо тутъ, при перемѣнѣ нашихъ нравовъ и жизни, должно совершиться чудо, не меньшее того, какое было при созданіи насъ изъ ничего. Даже создать насъ, осмѣлимся сказать, было легче, нежели возсоздать: ибо тогда ничто въ насъ не мѣшало всемогуществу Творца; а теперь, при духовномъ возсозданіи нашемъ, Ему надобно побѣждать и искоренять зло, живущее въ нашемъ сердцѣ, измѣнить на лучшее самую свободу нашу, которая, будучи крайне слаба въ грѣшникѣ на добро, тѣмъ сильнѣе на зло и противленіе благодати Божіей.

Но, возвергая печаль и упованіе наше на Господа, не будемъ, братіе мои, и мы праздными зрителями собственной погибели отъ грѣха. Мы не можемъ возродить себя духомъ такъ же, какъ не можемъ паки внити въ утробу матернюю; но можемъ и должны пламенно желать сего возрожденія и просить о томъ Господа; можемъ и должны устранять отъ себя все, что препятствуетъ ему въ насъ и что не даетъ силѣ благодати оказать надъ нами ея дѣйствіе. Это самое внушаетъ намъ пѣснопѣніе, нами разсматриваемое, дальнѣйшими словами своими. Ибо, что говорится далѣе?—*Утренюетъ бо духъ мой ко храму святому Твоему!* Видите, чѣмъ занятъ истинно-кающійся! Онъ не спитъ и не лежитъ праздно, подобно грѣшнику нераскаянному, а утреннюетъ, то-есть, возстаетъ съ ложа, когда еще все спитъ; начинаетъ свое дѣло, когда еще нигдѣ не видно движенія. Что же занимаетъ его такъ постоянно? Дѣло его спасенія: *утренюетъ духъ мой ко храму святому Твоему;* то-есть, ко всему, что можетъ служить на пользу души, ко умерщвленію въ ней грѣха и страстей. И дѣйствительно, у истинно-кающихся первымъ и послѣднимъ дѣломъ становится попеченіе о душѣ своей. Никто, какъ они, такъ часто не посѣщаетъ храма Божія, не слушаетъ съ такимъ вниманіемъ молитвъ церковныхъ, не читаетъ такъ усердно Священнаго Писанія, не спѣшитъ такъ на помощь ближнему. — Какъ міролюбцы ищутъ увеселенія и разсѣянія, такъ кающійся ищетъ слезъ и умиленія душевнаго.

По симъ-то признакамъ судите, братіе мои, и о самихъ себѣ. Если ты, вникая въ свое поведеніе, не можешь сказать по совѣсти: *утрениюетъ духъ мой ко храму святому Твоему*,—то въ тебѣ нѣтъ искренняго желанія раскаяться въ грѣхахъ своихъ. Ибо что же бы это было за желаніе. которое не обнаруживается никакими дѣйствіями? Въ такомъ случаѣ напрасно будемъ повторять и первыя слова священной пѣсни: *покаянія отверзи ми двери!* Ибо Тотъ же милосердый Спаситель скажетъ: доколѣ Мнѣ отверзать ее для васъ напрасно? Затворите прежде сами двери и врата страстямъ вашимъ и соблазнамъ міра; и тогда грядите ко Мнѣ съ мольбою о духѣ истиннаго покаянія. Аминь.

Слово во вторникъ 1-ой недѣли Великаго поста.

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Не кажется ли кому-либо, братіе мои, что святая Церковь, въ продолженіе настоящихъ дней, слишкомъ часто и многократно оглашаетъ слухъ нашъ симъ воззваніемъ умилительнымъ?—Если бы кому пришла подобная мысль, тотъ пусть приметъ трудъ вмѣстѣ съ нами обозрѣть, хотя мало, всю человѣческую жизнь нашу отъ ея начала до конца. Можетъ быть, что кажется теперь слишкомъ многократнымъ въ храмѣ, то самое не будетъ послѣ того казаться излишнимъ и дома, и не только во время поста и покаянія, но и въ другіе дни, среди самыхъ празднествъ, будетъ само собою приходить на мысль и по временамъ исторгаться изъ самыхъ устъ.

Для сего взойдемъ, во-первыхъ, къ самому началу бытія нашего на землѣ. Что тамъ?—Мракъ и нечистота, похоть и страсти. *Въ беззаконіихъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя*, вопіетъ за всѣхъ насъ святый Давидъ. Зачатый въ беззаконіи, я и самъ потому беззаконенъ; рожденный во грѣхѣ, я и самъ потому грѣшникъ. И не сіе ли самое означали болѣзни моего рожденія? За что страдали и раждающая и раждаемое, если не было вины и нечистоты? Не это ли самое выражалъ и вопль мой при появленіи на свѣтъ? Что вопіяло тогда во мнѣ? Не разумъ, не память, не воображеніе—вопіяла вся природа моя. Чѣмъ смущалась

она и отъ чего страдала? Отъ внутренняго прирожденнаго разстройства, нечистоты и виновности.—Первый вопль мой обращенъ былъ не къ землѣ, а къ небу,—къ Тебѣ, Жизнодавецъ, Который образовалъ меня въ утробѣ матерней, и Который единъ могъ возсоздать меня и внѣ утробы матерней.

Представляя все сіе теперь въ моемъ умѣ, вникая мыслію въ образъ моего явленія на свѣтъ, я и теперь поникаю лицемъ долу, стыждусь нечистоты моего происхожденія, боюсь наслѣдія, мною принесеннаго, и вопію: *помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Будь милосердъ къ бѣдному созданію, которое явилось на свѣтѣ со всѣми нечистотами отцевъ и праотцевъ, которое вмѣсто наслѣдія принесло съ собою ужасную преклонность ко злу, коему предстояла и предстоитъ борьба со множествомъ скорбей, соблазновъ и искушеній! *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Во слѣдъ за первымъ рожденіемъ отъ плоти и крови, послѣдовало другое, высшее и лучшее, рожденіе отъ Духа. Не смотря на мою нечистоту и безчувственность, меня, тотчасъ по рожденіи, приняла въ объятія свои святая Церковь; омыла скверну природы моей въ купели крещенія; освятила благодатію Духа; запечатлѣла знаменіемъ креста; облекла въ бѣлую одежду невинности. Изъ чада гнѣва я сталъ чадомъ благодати.

Но гдѣ теперь сіе царское облаченіе? Гдѣ дары, на меня изліянные? Увы, и я, подобно невѣстѣ у Соломона, долженъ сказать: *положиша мя стража въ виноградѣхъ, и винограда моего не сохранихъ* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 5)! Не сохранилъ я благодати крещенія, не пребылъ вѣрнымъ Тому, Кому сочетался! Осквернилъ бѣлую одежду невинности! Потерялъ благодать и Духа!—Одно взялъ міръ; другое похитили страсти; то пропало отъ нерадѣнія и безпечности; весь я подобенъ человѣку, впадшему въ разбойники: отъ ногъ до головы нѣтъ во мнѣ цѣлости.—Къ кому обратиться за помощію, кромѣ Тебя, всеблагій Творецъ и всемогущій Промыслитель мой? *Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Заблудихъ, яко овча погибшее, взыщи раба Твоего* (Псал. 118, 176)! *Изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени Твоему* (Псал. 141, 8)! *Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей!*

За лѣтами моего неразумнаго младенчества, о коихъ самый первый мудрецъ не можетъ не сказать ко Господу съ Давидомъ: *скотенъ быхъ у Тебе* (Псал. 72, 22), наступили лѣта отрочества и юности. Время наидрагоцѣнное, въ которое человѣку, при раскрытіи въ немъ разума и воли, можно сказать, самому дается быть въ нѣкоторомъ смыслѣ творцемъ духовнаго бытія своего. Въ это время и я, подобно прародителямъ моимъ, находился въ раю невинности, и предо мною было древо жизни съ обѣтованіемъ и древо смерти съ заповѣдію. Могъ я не простирать руки къ плоду запрещенному; властенъ былъ я остаться на пути правды и непорочности. Все удерживало меня: и благодать крещенія, и гласъ совѣсти, и родители, и воспитатели; но, увы, ничто не удержало! И мнѣ змій искуситель представился достовѣрнѣе моего Творца и Благодѣтеля; и для меня древо смерти показалось добрымъ въ снѣдь, угоднымъ очима еже видѣти, и красно еже разумѣти; и я—стократъ неразумнѣе прародителей моихъ, ибо имѣлъ ихъ опытъ предъ собою, и я, несчастный, вкусилъ *дерзостно горькія снѣди*—и потерялъ рай.

Ахъ, братіе мои, кто не пожелалъ бы, чтобы возвратились дни его юности, драгоцѣнные тѣ дни, когда отъ насъ зависѣло вступить на путь Господень, или уклониться на распутія грѣха и суеты мірской? Но сіи дни не возвратятся; и каждому изъ насъ, воспоминая ихъ, остается точію восклицать изъ глубины души: *помилуй мя, Боже, помилуй мя! Грѣхъ юности и невѣдѣнія моего не помяни! Помяни же мя ради благости* (Псал. 24, 7), единой благости *Твоей*.

Наступило время мужества и лѣтъ зрѣлыхъ: мы вошли въ различныя связи семейства, дружества, знакомства, вступили на путь служенія общественнаго, облеклись различными обязанностями; многіе изъ насъ засвидѣтельствовали клятвою, что они будутъ вѣрными истинѣ, непреклонными хранителями правды для себя и для другихъ. Чего бы надлежало ожидать отъ насъ послѣ сего? Надлежало бы ожидать твердаго и неуклоннаго исполненія своихъ обязанностей, мужественной борьбы съ порокомъ во всѣхъ его видахъ, благоразумнаго употребленія даровъ счастія, кому они посланы, и великодушнаго перенесенія ударовъ несчастія, кого они постигли, что мы всегда будемъ готовы на всякое

дѣло благое, удалены отъ всякой лжи и неправды, будемъ воздержны и строги къ самимъ себѣ, великодушны и милосердны къ ближнимъ нашимъ, кротки, искренни и любвеобильны ко всѣмъ и каждому, непамятозлобивы къ самимъ врагамъ.

Но, братіе мои, скажите сами, многіе ли могутъ похвалиться сими качествами? Кто, бросивъ самый поверхностный взоръ на свои обязанности, не скажетъ: ахъ, я не исполнялъ и не исполняю ихъ, какъ должно! При святомъ алтарѣ—я не предстою съ тою чистотою и благоговѣніемъ, кои подобаютъ служителямъ Бога Вышняго; въ судѣ—я не храню правды и истины съ тѣмъ самоотверженіемъ, коего требуетъ участь подсудимыхъ собратій моихъ; во святилищѣ наукъ—я дорожу не столько истиною, сколько суетною славою моего имени и готовъ нерѣдко защищать ложь, для меня пріятную; въ куплѣ и продажѣ—я своекорыстенъ, на господствѣ—жестокъ и своенравенъ, въ низкой долѣ—лукавъ и строптивъ. Сколько времени погибло и гибнетъ у меня напрасно! Сколько данныхъ отъ Бога талантовъ погублено и теряется всуе! Многократно я рѣшался на доброе, и доселѣ творю худое. Вижу, что иду не тѣмъ путемъ, а иду непрестанно. И когда окончится во мнѣ эта злополучная борьба совѣсти съ страстями? Гдѣ конецъ моему душевному плѣну и рабству? Творецъ всемогущій, къ Тебѣ молитва моя! Помилуй бѣдное созданіе Твое! Дай силы расторгнуть узы грѣховныхъ навыковъ и страстей! Отврати очи мои, во еже не видѣти суеты! Коснись грѣхолюбиваго сердца, да престанетъ биться для праха и тлѣнія! *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Спаси меня отъ меня самого!

Наступятъ и лѣта старчества: тѣло мое ослабѣетъ, чувства одно за другимъ будутъ закрываться; и льстящій теперь міръ самъ начнетъ убѣгать отъ меня. Но и все это обратитъ ли меня къ Богу и вѣчности? Употребится ли мною хотя сей жалкій остатокъ жизни на дѣла благая? Не раздѣлятъ ли его между собою тѣ же похоти и тѣ же страсти? Ахъ, сколько старцевъ, кои съ лѣтами видимо юнѣютъ въ злобѣ и любви къ міру! Сколько стоящихъ у дверей гроба и смотрящихъ вспять! Не буду ли подобенъ имъ и я? Не пройдутъ ли и мои послѣдніе годы и дни въ суетѣ и ослѣпленіи, какъ проходятъ у многихъ? Господь милосердый, не

попусти мнѣ впасть въ сіе ужасное ослѣпленіе! Пощади отъ сего адскаго нечувствія! *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Вслѣдъ за немощами, придетъ наконецъ послѣдняя болѣзнь; ляжемъ на одръ, съ коего не встанемъ болѣе: врачъ отступится, священникъ приблизится, сродники и присные окружатъ одръ нашъ и будутъ ожидать нашей кончины. Въ сей грозный часъ, среди послѣдняго томленія тѣла и духа, среди всеконечнаго смятенія мыслей и чувствъ, какой гласъ желали бы вы, братіе мои, чтобы исшелъ изъ устъ вашихъ?—Мнѣ бы не хотѣлось для себя другаго, кромѣ: *помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Помилуй грѣшника, коего жизнь исчезла въ суетѣ и грѣхахъ! Яви послѣдній знакъ милосердія и даруй, да изыду изъ темницы плоти моей съ чувствомъ покаявшагося на крестѣ разбойника!

Ударитъ, наконецъ, часъ общаго всемірнаго пробужденія отъ сна смертнаго: надобно будетъ вставать изъ утробы земной, облечься въ тѣло новое и неразрушимое и, вмѣстѣ съ дѣлами своими, явиться на судъ страшный для услышанія приговора надъ собою на всю вѣчность. Тогда, среди неба и ада, между Ангелами и духами отверженными, что̀ будешь чувствовать ты, бѣдная душа моя? Не возопіешь ли въ послѣдній разъ: *помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Да, братіе мои, на страшномъ всемірномъ судѣ Божіемъ, не прежде, конецъ сей покаянной молитвы: она прекратится тогда, какъ предъ лицемъ вселенной навсегда рѣшится судьба каждаго изъ насъ. Послѣ сего уже не будетъ ей мѣста. Въ раю, у праведныхъ останется одна радость и одно вѣчное славословіе имени Божія. Во адѣ, для грѣшниковъ, одинъ вопль отчаянія и скрежетъ зубовъ.

Какая изъ сихъ участь ожидаетъ насъ?—Единъ Господь вѣсть. Но, если пребудемъ таковыми, каковы есмы; если умремъ во грѣхахъ нашихъ: то явно, гдѣ часть и съ кѣмъ жребій нашъ. Воззовемъ же къ Господу Богу изъ глубины души всѣ и каждый: помилуй насъ! Даждь всѣмъ намъ прежде конца покаяніе! Аминь.

Слово въ среду 1-ой недѣли Великаго поста.

Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою!

Увы, какъ въ насъ все слабо и нечисто, даже самое лучшее и совершеннѣйшее! Если что драгоцѣннаго осталось въ природѣ нашей отъ ея совершенствъ первобытныхъ, то—молитва, посредствомъ коей человѣкъ мгновенно возносится надъ всѣмъ земнымъ и тлѣннымъ, становится превыше небесъ и всего сотвореннаго, приступаетъ къ престолу Самого Бога и входитъ съ Нимъ въ непосредственное общеніе. Вмѣстѣ съ молитвою тотчасъ поникаетъ долу въ душѣ все злое и мрачное, оживаетъ и получаетъ силу все чистое и благое; вмѣстѣ съ молитвою умъ свѣтлѣетъ, чувство умягчается, воля свободнѣетъ, совѣсть яснѣетъ, душа успокоивается, самое тѣло приходитъ въ порядокъ и становится не такъ земнымъ и тяжелымъ. Молитва есть какъ бы нѣкое соприкосновеніе съ Божествомъ, низводящее въ насъ силу сверхъестественную и измѣняющее все существо наше на лучшее.

Но, увы, прирожденныя порча и нечистота падшей природы нашей такъ велики, что проникаютъ самую молитву нашу до того, что нерѣдко отъемлютъ у ней всю силу, дѣлаютъ ее мертвою и безплодною. И если бы только безплодною! Бываютъ и такія молитвы, кои обращаются въ грѣхъ молящемуся. Посему-то святая Церковь, между прочими предметами прошеній, научаетъ насъ молиться о самой молитвѣ нашей, да будетъ она тѣмъ, чѣмъ быть должна: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою.*

Отъ чего да исправится? Отъ тяжести и обремененія—отъ грубости и нечистоты, вялости и безжизненности.

Принудивъ себя, самые чувственные люди могутъ простоять нѣсколько времени на молитвѣ. Но и для людей нечувственныхъ стояніе на молитвѣ, особенно продолжительное, всегда составляетъ нѣкій трудъ, послѣ коего необходимъ отдыхъ даже тѣлесный; такъ, что безъ сего они не способны скоро заняться чѣмъ-либо другимъ. Не знакъ ли это, что духъ молитвы такъ удалился отъ насъ, что она содѣлалась намъ какъ бы чуждою и несродною? Ибо, сама по себѣ, молитва должна бы составлять для насъ не тяжесть и работу,

а отраду, покой и наслажденіе. Посмотрите на міръ ангельскій: тамъ нѣтъ ни нашихъ нуждъ и искушеній, ни нашихъ скорбей и печалей,—а однакожь Херувимы и Серафимы, окружающіе престолъ Божій, выну взываютъ: *святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѳъ* (Исаіи 6, 3); взываютъ и никогда не находятъ въ томъ утомленія. Почему? Потому что молитва составляетъ необходимую потребность бытія ихъ. Утомиться молиться для небожителей значило бы то же, что намъ утомиться дышать.

Искать ли намъ съ тобою, возлюбленный слушатель, вдругъ для себя этой неусыпающей молитвы серафимской? Да пріимутъ сей высокій даръ тѣ, кои могутъ вмѣстить его! Для насъ, на первый разъ, не малымъ даромъ будетъ уже и то, если молитва наша престанетъ быть какъ камень на выи, гнетущій насъ къ землѣ; если мы, хотя среди повременной молитвы нашей, не будемъ подобны птицѣ, лишенной крылъ, которая хочетъ подняться на высоту и тотчасъ падаетъ долу.

Итакъ, да исправится, Господи, молитва наша предъ Тобою! Да будетъ хладное и безчувственное сердце мое, по крайней мѣрѣ, подобно кадилу, на которое зрю я во время богослуженія! Какъ въ кадилѣ, по наполненіи его огнемъ, ѳиміамъ неудержимо стремится вверхъ—къ сводамъ храма: такъ да парятъ мысли и чувства мои къ престолу благодати Твоей, когда святая Церковь возжигаетъ ихъ огнемъ своихъ молитвъ и пѣснопѣній! Какъ кадильница становится легче, когда улетаетъ изъ нея ѳиміамъ: такъ да содѣлываюсь послѣ молитвы и я легчайшимъ въ духѣ и сердцѣ, бодрѣйшимъ на совершеніе дѣлъ благихъ!

Второй недостатокъ молитвъ нашихъ есть ихъ грубость и нечистота. Сами по себѣ мы даже *о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы* (Рим. 8, 26). Но и наученные, какъ подобаетъ молиться, Самимъ Господомъ, мы не молимся, якоже научены. Намъ внушено молиться—да пріидетъ царствіе Его и да будетъ воля Его же, яко на небеси, тако и на земли; а мы хотѣли бы, посредствомъ самой молитвы нашей, распространить на все наше собственное владычество и все подчинить своему слѣпому произволу. Намъ позволено испрашивать только хлѣба насущнаго, то есть, такого количества благъ земныхъ, какое необходимо для нашего краткаго пребыванія на землѣ; а мы желали бы захватить въ свои

руки всѣ блага міра, радовались бы и веселились, если бы ни у кого не осталось хлѣба, точію въ нашихъ житницахъ. Намъ воспрещено и являться предъ лице Божіе, не примирившись съ братомъ своимъ, не оставивъ долговъ клеветамъ нашимъ, то есть, всѣмъ, кои въ чемъ-либо виновны предъ нами; а мы, злопамятные, бываемъ готовы, иногда среди самой молитвы, просить отмщенія такъ называемымъ врагамъ нашимъ. И какимъ врагамъ? кои нерѣдко страдаютъ гораздо болѣе отъ насъ, нежели мы отъ нихъ. Все это, и многое еще худшее, производитъ то, что молитва наша, вмѣсто благоуханія вѣры и любви, распространяетъ вокругъ насъ смертоносную воню гордости, злобы и любостяжанія.

Какъ послѣ сего, приступая къ молитвѣ, не вознести мнѣ первѣе всего со смиреніемъ гласа о томъ, да исправится молитва моя предъ Тобою, Господи! Да удалятся отъ нея земные и нечистые помыслы! Да познаю истинныя нужды мои, паче же всего, да не забудется мною въ сіе время моя бѣдность грѣховная и необходимость исправить мою жизнь, и да содѣлается духовное обновленіе мое первымъ и послѣднимъ предметомъ моихъ желаній и прошеній предъ Тобою! Если же бы я, неразумный, забывъ все сіе, явился когда-либо, Господи, во храмѣ Твоемъ съ желаніями чувственными, съ прошеніями, коихъ исполненіе для меня пагубно; то да будетъ сердце мое, во время сей нечистой молитвы, яко кадило угасшее! Когда уже нѣтъ въ немъ ѳиміама вѣры и любви, то да не изыдетъ изъ него по крайней мѣрѣ тлетворная воня злобы и лукавства! Да прильпнетъ тогда языкъ мой къ гортани моей, и буду яко не могій проглаголати!

Наконецъ, молитвы наши, и въ самомъ очищенномъ видѣ ихъ, большею частію слабы, безжизненны и потому бездѣйственны. Молимся иногда и о благахъ духовныхъ, напр. о пришествіи царствія Божія, но такъ слабо, какъ бы сіи блага или не существовали на самомъ дѣлѣ, или не стоили большой цѣны. Просимъ иногда себѣ освобожденія отъ грѣховъ и страстей, но такъ холодно, какъ бы наша порочная жизнь была зло нисколько не важное, отъ коего не худо и освободиться, но съ коимъ можно однако же безъ большаго вреда прожить до смерти. Предаемъ, повидимому, судьбу свою и присныхъ своихъ въ волю Божію; но почти такъ же, какъ именуемъ и пишемъ себя покорнѣйшими слугами всѣхъ и

каждаго, то есть, на однихъ словахъ, не думая, что мы обязывались симъ къ чему-либо. Такая слабая и безжизненная молитва вмѣсто того, чтобы оживлять и укрѣплять насъ на пути жизни, нерѣдко еще болѣе обезсиливаетъ нашу совѣсть, погружая насъ въ безпечность духовную. Послѣ такой молитвы мы бываемъ такъ же слабы на добро, такъ же немощны на сраженіе съ соблазнами и страстями, такъ же безутѣшны среди скорбей и искушеній и нерѣдко почти далѣе отъ нашего спасенія.

Какъ и чѣмъ помочь этому безсилію и безжизненности въ молитвѣ? — Такъ же, какъ помогаютъ кадилу угасающему— раздуваніемъ прежняго или подложеніемъ новаго огня. Гдѣ взять для сего дуновенія и огня? Нѣкую часть того и другаго можно находить, при помощи Божіей, въ себѣ самихъ. Отъ усиленнаго, часто повторяемаго размышленія о злополучномъ состояніи грѣшника, каковы мы, можетъ произойти нѣкое вѣяніе мыслей, не неспособное къ возбужденію угасающей молитвы. Отъ движенія чувствъ душевныхъ, — при мысли о Богѣ, вѣчности, Спасителѣ нашемъ и страданіяхъ Его,—можетъ родиться въ сердцѣ теплота, разрѣшающаяся въ молитву. Но да не обольщаетъ себя никто: всего этого мало для того, чтобы молитва наша сдѣлалась, яко кадило благоуханное. Для сего необходимо вѣяніе свыше — самой благодати Божіей; потребенъ невещественный огнь Духа Святаго, который, по выраженію святаго Павла, проходитъ *до раздѣленія* нашей души и духа, *членовъ же и мозговъ* (Евр. 4, 12), потребляя въ нихъ все нечистое и грѣховное. Кому сей Духъ *по достоянію дхнетъ*, того, по выраженію святой Церкви, *вземлетъ отъ земли:* тогда молится уже не столько самъ человѣкъ, сколько Духъ Божій, ходатайствующій въ немъ и за него *воздыханіи неизглаголанными* (Рим. 8, 26). А человѣкъ? Онъ среди сей молитвы Духа, по свидѣтельству людей, испытавшихъ сіе состояніе, бываетъ какъ металлъ, проникнутый огнемъ. Тогда никакая нечистота не можетъ прильнуть душѣ, или исчезаетъ тотчасъ сама собою: тогда весь міръ забытъ; нѣтъ другаго чувства, кромѣ всенаполняющаго и всезамѣняющаго присутствія Божія; нѣтъ другихъ желаній, кромѣ, какъ у Петра на Ѳаворѣ, жажды оставаться навсегда въ семъ блаженномъ состояніи. Плоть, одуховившись, или молчитъ, яко не сущая, или паритъ

въ слѣдъ духа и готова бываетъ вся излиться въ слезахъ, излетѣть въ воздыханіяхъ. Тогда уже не умъ и воля, а все существо человѣка, яко кадило, предъ лицемъ Божіимъ. Сего-то состоянія искалъ и вожделѣвалъ святый Давидъ, когда вопіялъ въ молитвѣ своей ко Господу: *разжжи утробы моя* (Псал. 72, 21)! И когда сей пренебесный огнь нисходилъ на него, то сердце его *отрыгало слово благо*, и языкъ его становился тростію *книжника скорописца* (Псал. 44, 1).

Вопроситъ кто-либо: чѣмъ и какъ привлекать въ сердце таковую благодать Духа? Паче всего, возлюбленный совопросникъ, смиреніемъ и чувствомъ своего ничтожества, постояннымъ молитвеннымъ вожделѣніемъ благодати Божіей, чистотою мыслей и намѣреній! Сердца смиренна и духа сокрушенна никогда не уничижитъ Господь! Души, вожделѣвающей молитвы и благодати, никогда не оставитъ безъ помощи Духъ Святый! Аминь.

Слово въ среду I-ой недѣли Великаго поста.

Опять время поста и покаянія! Опять *ближайшее* къ *намъ спасеніе,* нежели егда вѣровахомъ! И нынѣ это драгоцѣнное время наступило гораздо скорѣе обыкновеннаго, такъ что самый міръ въ дни немногіе принужденъ былъ кончить то, что̀ любилъ прежде продолжать до послѣдней возможности. Какъ будто Тотъ, Кто управляетъ кругомъ временъ, провидѣлъ для насъ особенную нужду въ покаяніи и поспѣшилъ послать для сего къ намъ святый постъ. Не тѣмъ ли паче мы должны вступить въ него съ большимъ усердіемъ и любовію?

Есть и другое знаменіе во благо. Прохожденіе поприща постнаго начинается, какъ извѣстно, отъ вратъ потеряннаго рая; ибо рай потерянный и паденіе Адамово воспоминается Церковію ежегодно въ прошедшій день недѣльный. Нынѣ, въ сей же самый день, какъ бы у самыхъ вратъ потеряннаго рая срѣтилъ насъ Спаситель нашъ, Матерію носимый, Симеономъ пріемлемый, Анною пѣснославимый. Для чего срѣтилъ при самомъ вступленіи въ святый постъ? Дабы мы охотнѣе вступили въ него, бодрственнѣе проходили и, смиренно видя, какъ Онъ, Господь и Владыка всѣхъ, подчи-

няетъ Себя исполненію ветхозавѣтнаго закона обрядовъ, научились быть послушными матернему водительству и уставамъ святой Церкви.

Итакъ, пріимемъ постъ не какъ врага и противника, не какъ мучителя и истязателя, а какъ наставника, какъ друга, какъ врача, какъ освободителя, какъ приносящаго намъ блага. Въ самомъ дѣлѣ, чего не въ силахъ доставить постъ любителямъ своимъ? Посредствомъ поста Моусей содѣлался способнымъ получить скрижали завѣта на горѣ Синайской. Посредствомъ поста Илія удостоился зрѣть славу Божію на горѣ Хоривъ,—а потомъ быть взятымъ отъ земли на небо. Посредствомъ поста Даніилъ заградилъ въ ровѣ уста львовъ, а три отрока остались невредимыми въ пещи отъ пламени. Постъ воспиталъ пророковъ, охранялъ Апостоловъ, укрѣплялъ мучениковъ, совершалъ подвижниковъ, всегда и вездѣ исправлялъ и врачевалъ грѣшниковъ.—Постомъ Самъ Спаситель пріуготовлялъ Себя къ побѣдѣ надъ искусителемъ, ибо сказано: *постився днiй четыредесять, и нощiй четыредесять, послѣди взалка* (Матѳ. 4, 2); тогда приступилъ къ Нему діаволъ. Искуситель воображалъ, что постъ произвелъ ослабленіе и что это самый удобный случай къ нападенію, а на дѣлѣ вышло иное: всѣ искушенія его расторгнуты, *яко паутина,* единымъ дуновеніемъ устъ Божественнаго постника.

Да не заблуждаетъ никто изъ насъ, воображая, что пощеніе можетъ быть вредно чѣмъ-либо. Непріятно оно можетъ быть для плотскаго человѣка, привыкшаго къ пресыщенію, но вредно—нѣтъ. Напротивъ, если наше здравіе страдаетъ отъ чего-либо, то наиболѣе отъ пресыщенія и невоздержности. Постъ, напротивъ, исправляетъ и врачуетъ то, что̀ разстроило и повредило объяденіе. Многія болѣзни проходятъ отъ поста безъ всякихъ лекарствъ. Если же постъ бываетъ не полезенъ кому-либо, то причиною сему неправильный образъ пощенія. Ибо какъ нѣкоторые постятся? Воображая, что постъ состоитъ только въ качествѣ, а не въ количествѣ пищи, они, посему, отказавшись отъ непостныхъ яствъ, тѣмъ неумѣреннѣе предаются употребленію яствъ постныхъ, отягчаютъ себя ими безъ мѣры. Удивительно ли, что въ такомъ случаѣ пострадаетъ и голова и стомахъ? Но причиною сего, явно, не постъ, а постное, такъ сказать, объяденіе.—Даже непріятность отъ поста для чувственности на-

шей отнюдь не такъ велика, какъ воображаютъ нѣкоторые, вовсе неиспытавшіе поста. На первый разъ неудовлетворяемая привычка—принимать въ извѣстное время пищу, конечно, будетъ напоминать о семъ и тревожить тебя; но побѣжденная разъ, другой, она—оставитъ тебя въ покоѣ, уступивъ мѣсто другой привычкѣ—поститься. А въ привычкѣ, повѣрьте мнѣ, и все дѣло. Тѣлесный составъ нашъ самъ по себѣ, можно сказать, столько же имѣетъ нужду въ покоѣ, какъ и въ пищѣ. И какъ бы онъ не имѣлъ нужды въ постѣ? Постъ то же для чрева, что отдыхъ. Для всѣхъ силъ нашихъ есть время отдыха: должно быть и для чрева. Непрестанная работа изнуряетъ. Такъ бываетъ и съ чревомъ. Необлегчаемое постомъ, оно наконецъ теряетъ силу дѣлать свое дѣло. Отсюда множество болѣзней, кои всѣ лечатся, хотя мы не примѣчаемъ того, наиболѣе постомъ. Ибо, хотя бы мы принимали лекарства, но если не будемъ въ то же время поститься, то они не окажутъ дѣйствія. Явный знакъ, что постъ есть главное лекарство.

Итакъ, вступимъ въ поприще постное, ничтоже сумняся, ничтоже бояся. Если мы лишимся на время нѣкоторыхъ утѣхъ чувственныхъ, то сколько въ замѣнъ ихъ представится утѣшеній духовныхъ! Въ церковномъ кругѣ—святая четыредесятница то же, что весна въ кругѣ временъ года. Какъ весна есть самое лучшее время для тѣла—тутъ и оно съ природою какъ бы юнѣетъ и цвѣтетъ: такъ постъ есть лучшее время для духа—тутъ онъ съ Церковію невольно оживаетъ и утѣшается, хотя на время. Постъ—это рай духовный. Сколько пѣснопѣній, услаждающихъ сердце! Сколько молитвъ, возносящихъ духъ горѣ! Сколько благоуханій невещественныхъ! А трапеза церковная, предлагаемая каждую седмицу,—я разумѣю причащеніе! Подобной не имѣютъ самые Ангелы на небѣ. Есть чѣмъ занять духъ! Есть чѣмъ напитаться, усладиться, успокоиться!

Одного только должно желать, чтобы мы проходили поприще великопостное какъ должно, дабы не лишиться плода его. Для сего молимъ васъ размыслить о себѣ и своей жизни, дабы видѣть, что нужно посредствомъ поста исправить. Безъ сего мы будемъ похожи на путниковъ, кои идутъ по пути, не зная, куда онъ ведетъ и что будетъ въ концѣ съ ними. Да не будетъ изъ насъ никто подобнымъ путни-

комъ! Для сего и мы съ своей стороны употребимъ не только молитву, но и слово наше, или паче Божіе, ибо мы что говоримъ, взимаемъ изъ писанія. Васъ же молимъ словами пророка поновить поле, то есть душу и сердце ваши, дабы намъ не сѣять на терніи. Аминь.

Слово въ четвергъ 1-ой недѣли Великаго поста.

Постимся постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеви истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе, глаголанія, лжи и клятвопреступленія (Стих. въ понед. Вел. поста).

Церковный стихъ сей справедливо можно назвать поученіемъ церковнымъ на всѣ святые посты. Наши слова и проповѣди, по самой слабости ихъ, бываютъ нерѣдко продолжительны, а поученіе Церкви столь же кратко, сколько сильно и дѣйствительно. Тѣмъ нужнѣе посему обратить на него все вниманіе и размыслить о томъ, чему учитъ въ отношеніи къ посту святая Церковь.

Постимся постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеви! Значитъ, есть постъ непріятный и неблагоугодный Господу!

Какой это постъ?

Тотъ, когда ты не вкушаешь обыкновенной, а можетъ быть, и никакой пищи, а своимъ гнѣвомъ и строптивостію изъядаешь душу и тѣло подручныхъ твоихъ, слугъ или домашнихъ. Тотъ постъ, когда ты во храмѣ падаешь на землю и просишь себѣ отпущенія грѣховъ, говоришь, чтобы они прощены были такъ же, какъ ты прощаешь всѣ прегрѣшенія противу тебя, а, вышедъ изъ храма, пойдешь въ судъ, чтобы преслѣдовать бѣднаго должника твоего, взыскать съ него до послѣдней лепты, посадить его въ противномъ случаѣ въ темницу, разорить весь домъ его и семейство. Тотъ постъ не благопріятенъ Господу, когда ты по внѣшности какъ будто смиряешь себя и говоришь, что ты первый изъ грѣшниковъ, а внутренно не знаешь мѣры своимъ мнимымъ достоинствамъ, ставишь себя въ мысляхъ выше всѣхъ, творишь изъ себя судію вселенскаго, готоваго судить и пересуждать всѣхъ и все. Тотъ постъ не пріятенъ и не угоденъ Богу, когда ты хочешь и ожидаешь, чтобы за малые поклоны и нѣсколько воздыханій твоихъ отверзлись для тебя

всѣ сокровища благодати Божіей, уврачеваны были всѣ язвы твоей совѣсти, чтобы тебя ввели на самую вечерю царскую и напитали Тѣломъ и Кровію Христовою; а самъ, при всѣхъ стонахъ и вопляхъ нищихъ братій твоихъ, не расположенъ удѣлить имъ и малой части отъ избытковъ твоихъ, хладнокровно оставляешь безъ всякой помощи больныхъ и страждущихъ, медлишь ввести подъ кровъ твой странныхъ, скупишься раздѣлить съ алчущими — не тѣло и кровь твою (пусть они остаются съ тобою), а тѣ горы и холмы снѣдей, отъ коихъ едва не распадаются житницы твои. Тотъ постъ не пріятенъ и не угоденъ Господу, когда ты боишься поднести къ устамъ твоимъ чашу горячей воды; а не боишься, что изъ этихъ устъ продолжаютъ, попрежнему, выходить, какъ дымъ изъ пещи, слова праздныя и гнилыя, насмѣшки горькія и уязвляющія, намеки полные соблазна и заразы душевной. Всѣ таковые и имъ подобные постники да не дерзаютъ надѣяться милости отъ Господа; постъ ихъ не только не благоугоденъ, но, по выраженію Пророка, есть мерзость предъ лицемъ Божіимъ.

Лучше бы ты вкушалъ что угодно, но въ то же время питалъ тѣхъ, кои и не въ постъ едва не умираютъ отъ глада; лучше бы ты продолжалъ украшаться твоими одеждами попрежнему, но въ ту же пору излишнимъ, праздно висящимъ и снѣдемымъ отъ моли, одѣяніемъ твоимъ прикрылъ наготу нищихъ братій, кои стонутъ отъ хлада; даже лучше, когда бы ты не прерывалъ обычныхъ твоихъ забавъ и увеселеній, но, прохлаждаясь самъ, доставлялъ бы утѣшеніе и отраду тѣмъ, кои давно забыли, есть ли какая радость на землѣ.

Истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе, оглаголанія, лжи и клятвопреступленія.

Удаленіе отъ всѣхъ сихъ пороковъ должно бы составлять для насъ не постъ, не принужденіе и трудъ, а дѣло самое естественное, покой и радость, но, проникнутая еще въ предкахъ нашихъ грѣхомъ и своеволіемъ, пріученная нами самими къ нарушенію законовъ воздержанія, природа наша до того сроднилась со страстями и похотями, что слѣдовать страстямъ и злой волѣ для нея сдѣлалось почти также естественнымъ, какъ тѣлу принимать ежедневную

пищу. Посему, кто хочетъ быть свободнымъ отъ грѣховъ, для того надобно непрестанно удерживать себя отъ зла и принуждать къ добру, также какъ постящіеся воздерживаютъ себя отъ пищи и понуждаютъ къ богомыслію. Сіе-то воздержаніе отъ страстей и пороковъ, по ученію Церкви, составляетъ постъ истинный и благопріятный Господу. Внѣшніе посты не всегда необходимы, а сей внутренній постъ необходимъ во всякое время. Внѣшніе посты преходятъ и оканчиваются; а этотъ духовный постъ безпрерывенъ и долженъ окончиться только съ нашею жизнію, когда мы, совлекшись бренной и грѣхолюбивой плоти, облечемся въ нетлѣніе и безстрастіе.

Итакъ, хочешь ли поститься воистину? Воздержи первѣе всего языкъ твой отъ всякаго слова празднаго, тѣмъ паче гнилаго и неподобнаго. Начни постъ духовный съ сего малаго члена тѣлеснаго, который однакоже есть великій врагъ и упорный противникъ. Побѣдивъ его упорство, ты силенъ будешь обуздать и все тѣло (Іак. 3, 2). Въ противномъ случаѣ, языкъ твой, какъ дикій и свирѣпый конь, будетъ влачить тебя, вмѣстѣ и съ постомъ твоимъ, по дебрямъ лжи, злобы и лукавства.

Хочешь ли поститься воистину? Оставь вмѣстѣ съ пищею всякую ненависть, досаду, ропотъ и пререканіе; сдѣлайся во всемъ и ко всѣмъ тихимъ, кроткимъ, смиреннымъ, благоснисходительнымъ и любовнымъ. Этого требуетъ во время поста уже самое приличіе. Иначе, если ты, попрежнему, будешь стропотенъ и сварливъ, то иной и нехотя подумаетъ, что ты, какъ малое дитя, сердишься за то, что тебѣ возбранено Церковію употребленіе любимыхъ тобою яствъ.

Хочешь ли поститься воистину? Удали отъ себя вмѣстѣ съ снѣдями и всѣ прочія прихоти плотскія. Ибо ветхій и грѣховный человѣкъ твой ослѣпляетъ и губитъ тебя не однимъ пресыщеніемъ тѣла. Излишество въ пищѣ наноситъ еще вредъ только тебѣ одному, а прочіе виды плотоугодія и сладострастія вредятъ, кромѣ тебя и многимъ другимъ. Оставь же ихъ всѣ, удали отъ ложа твоего дышащую сладострастіемъ и вольнодумствомъ книгу; со стѣнъ комнатъ твоихъ соблазнительныя изображенія, а затѣмъ выбрось изъ самаго ума и памяти (сколько можно на первый разъ, ибо вдругъ сего нельзя сдѣлать: умъ не то, что стѣны дома).

выбрось, говорю, всѣ любострастные образы и утверди вмѣсто ихъ въ памяти и воображеніи твоемъ крестъ Христовъ и образъ твоей смерти.

Хочешь ли поститься воистину? Раздери, если есть у тебя, всякое неправедное писаніе на завладѣніе чужимъ имуществомъ; прекрати дѣло, по сему случаю заведенное въ судѣ; уступи, сколько можно, даже изъ собственныхъ правъ, чтобы не влачиться по судамъ, подобно еврею и магометанину. Надобно же, чтобъ христіанинъ отличался чѣмъ-либо не въ храмѣ только, а и на судѣ.

Хочешь ли поститься воистину? Обозри, чѣмъ можешь служить, во имя Господа, меньшей братіи твоей о Христѣ, и немедля приступи къ дѣлу благотворенія: дозволь входъ въ житницы твои для тѣхъ, кои, безъ всякой вины своей, едва не умираютъ отъ глада,—одѣнь нагаго, прими сираго, призри недужнаго, посѣти заключеннаго. Ибо надобно же произойти какимъ-либо плодамъ отъ такого великаго древа, каковъ Великій постъ. Какимъ же лучше, если не плодамъ человѣколюбія, когда ты самъ посредствомъ поста ищешь милости Божіей?

Такой постъ будетъ благопріятенъ для Господа! Соединяющій такимъ образомъ воздержаніе душевное съ тѣлеснымъ не погубитъ мзды своея. Или лучше сказать, онъ уже пріемлетъ ее здѣсь и теперь. Ибо для чего мы постимся? Безъ сомнѣнія, не для того, чтобы сберечь у себя нѣсколько неупотребленныхъ снѣдей, а чтобы укротить свою плоть, облегчить душу, оживить совѣсть, приблизить къ себѣ благодать Божію. Но когда мы сдѣлаемся въ мысляхъ чище и цѣломудреннѣе, въ словахъ правдивѣе и назидательнѣе, въ нравахъ кротче и великодушнѣе, въ дѣлахъ справедливѣе и благотворнѣе, то цѣль поста симъ самымъ, при помощи благодати Божіей, будетъ въ насъ уже достигнута,—сначала, конечно, слабо и несовершенно, а потомъ болѣе и совершеннѣе,—доколѣ не сдѣлаемся во всѣхъ отношеніяхъ таковы, каковыми должно быть послѣдователямъ Христовымъ.

Въ противномъ случаѣ постъ нашъ будетъ подобенъ лекарству, при употребленіи коего больной, по неразумію и невоздержности, предается всѣмъ прежнимъ привычкамъ, произведшимъ его болѣзнь. Чего ожидать отъ такого лекарства, кромѣ ожесточенія болѣзни, тѣмъ опаснѣйшаго, что мы, по надеждѣ на врачеваніе, будемъ думать, что выздо-

равливаемъ? Въ такомъ случаѣ лучше уже не поститься вовсе, ибо тогда, по крайней мѣрѣ, не будемъ обольщать себя тѣмъ, что мы находимся внѣ опасности. Аминь.

Слово въ пятокъ 1-ой недѣли Великаго поста,

ПРЕДЪ ОСВЯЩЕНІЕМЪ КОЛИВА ВЪ ПАМЯТЬ СВЯТАГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ѲЕОДОРА ТИРОНА.

Кто бы сказалъ, для чего нынѣ, поставляется среди церкви святое коливо и воспѣваются надъ нимъ хвалебныя пѣсни въ честь святаго великомученика. Ѳеодора Тирона? Ежегодная память его не въ настоящій день; она или предшествуетъ ему, какъ и нынѣ уже прошла, или послѣдуетъ за нимъ. При томъ изъ уваженія къ безмолвію настоящихъ дней поста, съ нихъ, по уставу Церкви, преносятся на другіе дни самые праздники въ честь Святыхъ, дабы гласомъ радости не воспятить вздохамъ и слезамъ покаянія. А для памяти святаго Ѳеодора нѣтъ сего закона: для него совершается именно противное тому. Видно, память сего великомученика такъ соединена съ наступающими днями, что никакъ не могла отдѣлиться отъ нихъ.

Что это за связь и въ чемъ она? Не многіе, вѣроятно, въ состояніи дать отвѣтъ на сіе, хотя каждый, не разъ въ продолженіе своей жизни, бывалъ въ настоящій день въ церкви, и видѣлъ, что въ ней нынѣ совершается. А если бы теперь же спросить, почему то или другое дѣлается въ театрѣ или на балахъ, то изъ тѣхъ же незнающихъ людей оказались бы, думаю, многіе очень знающими и могущими отвѣчать на всѣ вопросы. Такъ мало заботимся мы имѣть ясное понятіе о томъ, что когда совершается въ церкви Божіей! И въ этомъ ли одномъ случаѣ мы такіе не искусные? Можно ли быть увѣреннымъ, что многіе не знаютъ также, почему въ слѣдующій день недѣльный будетъ возглашаться въ церкви анаѳема, почему среди великаго поста совершается поклоненіе Кресту Господню, для чего въ первые дни страстной седмицы читаются всѣ четыре Евангелиста, зачѣмъ въ великую субботу послѣ литургіи совершается освященіе хлѣбовъ? И что говорить объ особенностяхъ въ уставѣ Церкви? Мы не стараемся знать даже

того, что въ обрядахъ ея касается непосредственно насъ самихъ. Въ сороковой день. напр.. по рожденіи нашемъ, насъ приносили во храмъ для посвященія Господу; мы не чувствовали тогда, что говорилось и совершалось надъ нами; но говорилось и совершалось весьма важное и поучительное на всю жизнь. Многіе ли, пришедъ въ возрастъ, полюбопытствовали узнать это и прочесть чинъ принесенія во храмъ младенцевъ? Та же небрежность и въ отношеніи къ нашему будущему. Въ молитвенникѣ церковномъ содержится послѣдованіе на исходъ души и тѣла, то послѣдованіе, которое, если не лишимся сея благодати. будетъ читано и надъ нами, въ часъ скончанія нашего. Очень легко можетъ случиться, что мы не будемъ тогда въ состояніи слышать хорошо и помнить молитвъ, произносимыхъ у смертнаго одра нашего. Какъ бы заранѣе, хотя изъ любопытства, не прочитать сихъ молитвъ и не узнать ихъ содержанія? Но спросите кого угодно изъ стоящихъ окрестъ васъ, и онъ скажетъ вамъ. что не знаетъ ихъ и, можетъ быть, даже только въ первый разъ слышитъ о нихъ. Таковы мы въ отношеніи къ душѣ своей! На все у насъ есть время: всѣмъ мы любимъ заниматься, даже тѣмъ, что вовсе насъ не касается и о чемъ мы не въ состояніи судить, а на то, что душеполезно, что постыдно христіанину не знать. для того нѣтъ у насъ ни времени, ни любопытства. Ищите послѣ сего причинъ, почему благія учрежденія и уставы Церкви не оказываютъ надъ нами никакого дѣйствія! Спрашивайте послѣ сего, почему мы присутствуемъ во время совершенія самыхъ священныхъ и трогательныхъ обрядовъ церковныхъ съ разсѣяніемъ, безъ чувства, поникшіе тѣломъ и душею! Какъ назидаться тѣмъ, чего не знаешь ни цѣли. ни причины, ни духа, ни силы!

Но возвратимся къ тому, съ чего начали. Итакъ нынѣ. можно сказать, вопреки самому закону Церкви о настоящихъ дняхъ поста, творится ею празднественная память св. великомученика Ѳеодора Тирона. Причина сего важная и для насъ весьма поучительна. Не поскучайте, если по тому самому, мы, для объясненія ея, войдемъ предъ вами въ нѣкоторыя подробности.

По кончинѣ святаго и равноапостольнаго Константина Великаго, который, какъ извѣстно, прекратилъ всѣ гоненія

на христіанъ и возвелъ съ собою вѣру въ Іисуса Распятаго на престолъ Кесарей, имперія Римская, чрезъ нѣсколько краткихъ преемствъ, досталась одному изъ сродниковъ его. Іуліану. Какъ блаженный Константинъ былъ избраннымъ сосудомъ благодати, такъ несчастный Іуліанъ оказался явнымъ сосудомъ погибели и отверженія. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій его темнаго царствованія было то, что онъ отвергъ Христа и Евангеліе, и обратился къ низверженнымъ идоламъ языческимъ. Явнаго гоненія на христіанъ онъ не поднималъ,—не по жалости къ нимъ, а по увѣренности въ его безуспѣшности; вмѣсто сего тотчасъ началось злохитрое гоненіе тайное. Богоотступникъ то низводилъ христіанъ съ честей и достоинствъ, яко бы противныхъ ихъ смиренію; то лишалъ ихъ достоянія и имущества, яко бы несовмѣстныхъ съ нищетою Евангельскою; то запрещалъ учиться наукамъ, подъ предлогомъ, что все нужное для христіанъ содержится въ ихъ Евангеліи; то вызывалъ изъ заточенія еретиковъ, дабы кознями ихъ смутить Церковь Христову. Между сими злохитрыми средствами, Іуліанъ умыслилъ и слѣдующее. Наступала Четыредесятница христіанская. Зная, въ какой чистотѣ и воздержаніи проводятъ ее христіане, Богоотступникъ призываетъ градоправителя Константинопольскаго и велитъ ему тайно удалить на слѣдующіе дни съ торжища всѣ обыкновенныя снѣди, а предложить одно то, что было уже принесено въ жертву идоламъ, и потому христіанами почиталось за осквернённое. Никто не зналъ замысла: посему многія тысячи душъ въ самые святые дни осквернились бы вкушеніемъ того, что растворено было (такъ повелѣлъ Іуліанъ) кровію идоложертвенною. Это составило бы для нихъ предметъ сожалѣнія на всю жизнь, а для Іуліана, или паче сказать, сатаны, имъ двигавшаго, это была бы радость и торжество веліе. Тотъ же отступникъ, по исполненіи замысла, не преминулъ бы разгласить въ слухъ всего свѣта, что послѣдователи Іисуса Назарянина (такъ называлъ онъ Господа) во время самаго поста ихъ употребляли въ пищу идоложертвенное.

Но Тотъ, Кто яко зеницу ока хранитъ души простыя и смиренныя и всегда запинаетъ премудрыхъ въ коварствѣ ихъ, не далъ и теперь совершиться умыслу вражію. Среди нощи, но не во снѣ, является внезапно тогдашнему епи-

скопу Константинопольскому нѣкій свѣтозарный воинъ и говоритъ, чтобы онъ, немедля собравъ духовное стадо свое, далъ ему знать объ угрожающей опасности, съ повелѣніемъ не покупать въ слѣдующіе дни ничего на торжищѣ. «Чѣмъ же препитается въ сіи дни столько людей вопросилъ святитель, ибо у многихъ нѣтъ ничего въ дому?»— Коливомъ или вареною пшеницею, отвѣтствовалъ явившійся, которую ты, нашедъ у нѣкоторыхъ, долженъ раздать всѣмъ».—«Кто же ты, вопросилъ патріархъ, вся вѣдущій и пекущійся такимъ образомъ о братіи своей?»—«Христовъ мученикъ Ѳеодоръ». отвѣтствовалъ явившійся. То есть, это былъ тотъ святый подвижникъ Христовъ, который, будучи воиномъ за много лѣтъ до сего, въ царствованіе злочестиваго Максиміана, претерпѣлъ за имя Христово множество ужасныхъ мукъ и тѣмъ заслужилъ себѣ въ Церкви Христовой имя великомученика.

Святитель немедля исполнилъ повелѣнное свыше; и христіане константинопольскіе сохранились отъ осквернѣнія, а злочестивый Іуліанъ, видя, что замыселъ его разрушенъ, велѣлъ предоставить прежнюю свободу торжищамъ.

Видите теперь, что значитъ нынѣшнее священнодѣйствіе надъ коливомъ! Имъ сохраняется въ Церкви на всѣ вѣки память о благодѣяніи и приносится благодарность святому Ѳеодору, который, бывъ исповѣдникомъ имени Христова при жизни своей, и по смерти не престаетъ быть помощникомъ для тѣхъ, кои, за исповѣданіе сего имени, подвергаются какимъ-либо опасностямъ.

Возблагодаримъ убо Господа Іисуса, никогда не оставляющаго безъ помощи вѣрныхъ рабовъ своихъ и посрамляющаго безумныхъ противниковъ Евангелія и святой Церкви. Прославимъ память святаго великомученика, отвратившаго чудеснымъ явленіемъ своимъ искушеніе и печаль отъ Церкви константинопольской. А между тѣмъ возьмемъ отсюда урокъ для себя, приличный днямъ настоящимъ.

Какой урокъ? Тотъ, что соблюденіе святаго поста есть вещь весьма важная. Ибо, если бы постомъ можно было пренебрегать, какъ вещію неразнственною или малозначущею, то имъ не занимались бы такъ на небѣ, и святый великомученикъ не оставилъ бы свѣтлыхъ обителей Отца небеснаго для того токмо, чтобы указать земнымъ братіямъ

своимъ на средство избѣжать нарушенія поста. Подобныя явленія святыхъ въ нашемъ мірѣ происходятъ не иначе, какъ по причинамъ самымъ важнымъ. Какъ же послѣ сего нѣкоторые осмѣливаются думать и говорить, что все равно: поститься или не поститься? Нѣтъ, поститься значитъ быть смиреннымъ и послушнымъ сыномъ святой Церкви; а не поститься значитъ быть заражену вольномыслiемъ, самочиніемъ и духомъ презорства. Поститься значитъ умѣть обуздывать свою чувственность, владѣть своими пожеланіями; а не поститься значитъ быть рабомъ плоти, находиться въ плѣну у своего чрева, влаяться вѣтромъ суемудрія. Поститься значитъ радѣть о спасеніи души своей, искать свободы своему духу, стремиться во слѣдъ Ангеловъ; а не поститься значитъ уподобляться безсловеснымъ, кои не знаютъ поста, быть хладнымъ къ молитвѣ и къ очищенію своей души отъ плотскихъ похотей. Поститься значитъ каяться во грѣхахъ, презирать мірскія утѣхи, приготовляться къ вѣчности, а не поститься значитъ погрязать въ земномъ, предаваться тлѣнному, идти путемъ широкимъ, ведущимъ въ пагубу. Малолѣтній, престарѣлый, немощный путникъ, воинъ могутъ еще имѣть причины къ извиненію, когда не постятся, ибо здѣсь болѣе или менѣе нужда и необходимость; а мы, какъ говоритъ Апостолъ, *призваны на свободу*, только бы сія свобода не была въ *вину*, или потворство *плоти* (Гал. 5, 13). А кто можетъ воздерживаться отъ запрещенныхъ постомъ снѣдей и не воздерживается, тотъ грѣшитъ и противъ Церкви и противъ себя, и еще болѣе противъ себя, нежели Церкви, ибо постъ, учрежденный ею, нуженъ не для ней, а для насъ: поелику онъ есть одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ обузданію нашей чувственности, отъ преобладанія коей надъ нами гибнетъ въ насъ все чистое и святое. Въ самомъ дѣлѣ, кто не испытывалъ, какая разница встать по утру съ стомахомъ, отягченнымъ пищею, и съ нимъ же облегченнымъ и очищеннымъ постомъ? Въ первомъ случаѣ клонитъ паки ко сну, а въ послѣднемъ—является бодрость и способность къ молитвѣ. И не мы ли сами, когда хотимъ заняться чѣмъ-либо важнымъ и требующимъ размышленія, то избираемъ для сего часы утренніе, когда тѣло не отягчено пищею, а послѣ стола говоримъ, что теперь не способны къ умственной работѣ? А для покаянія и размышленія о своихъ грѣ-

хахъ будемъ обременять себя пищею? Что это, какъ не явное пренебреженіе къ дѣлу своего спасенія? И кто думаетъ иначе, тотъ обманываетъ себя жалкимъ образомъ.

Если бы за всѣмъ этимъ лукавая плоть подошла къ тебѣ съ предложеніемъ сложить съ себя, подъ какимъ-либо предлогомъ, святый постъ, то вспомни святаго Ѳеодора и чудо. имъ совершенное, и скажи ей: поди, испроси разрѣшеніе у великомученика, а безъ сего я не могу нарушить святаго поста. Аминь.

Слово въ пятокъ 1-ой недѣли Великаго поста предъ исповѣдію.

Опять день покаянія и исповѣди! Еще разъ раскроемъ мы предъ Всевѣдущимъ мрачный свитокъ нашихъ дѣяній; еще разъ услышимъ отъ лица Его прощеніе во всемъ, содѣянномъ нами, и пойдемъ въ домъ свой оправданными! Такъ неистощимо милосердіе къ намъ Господа нашего! Правда Его могла бы совершенно отвергнуть нынѣшнее покаяніе наше: могла бы сказать намъ, что поелику мы, приносивъ столько разъ покаяніе и принимавъ столько же разъ прощеніе, не престаемъ оскорблять ее грѣхами нашими, то и ей остается уже не миловать найрасно рабовъ преступныхъ и лукавыхъ, а вооружаться противъ нихъ судомъ и казнію. Но такъ не поступятъ съ нами: предъ престоломъ сея Правды и нынѣ мы обрѣтемъ ту же любовь и всепрощеніе!

Чувствуешь ли ты это, душа грѣшная? Чувствуешь ли, что ты давно стократъ достойна ада, а тебѣ паки отверзутъ рай и царствіе? Блюдись же, чтобы сія милость не была явлена надъ тобою въ послѣдній разъ!

Да, братіе мои, на землѣ нѣтъ никого, кто бы могъ сказать намъ навѣрное, что настоящая исповѣдь наша не есть для насъ послѣдняя. Это могъ бы сдѣлать единъ Тотъ, въ десницѣ Коего *ключи ада и смерти* (Апок. 1, 18), о Немъ же мы вси живемъ, движемся и есмы. Но Онъ Самъ, во огражденіе насъ отъ безпечности, благоволилъ возвѣстить намъ въ Евангеліи Своемъ, что день и часъ какъ Его къ намъ

пришествія, такъ и нашего къ Нему отшествія, должны оставаться тайною для насъ.

Послѣ сего каждый, кому дорого спасеніе души своей, принося нынѣ исповѣдь, долженъ принести ее такъ, какъ бы приносилъ ее въ послѣдній разъ въ жизни.

Какъ бы мы исповѣдывались, бывши на одрѣ смертномъ? Исповѣдывались бы съ глубочайшимъ сокрушеніемъ духа и нераскаяннымъ омерзеніемъ ко грѣху, который тогда потерялъ бы для насъ всю прелесть; исповѣдывались бы всецѣло, ничего не сокрывая, ибо что таиться предъ смертію? исповѣдывались бы съ твердою рѣшимостію не уклоняться болѣе на страну лжи и беззаконія, ибо тогда во всей силѣ открылась бы предъ нами необходимость для человѣка жизни чистой и святой.

Поступимъ же точно такъ теперь, какъ мы поступили бы на одрѣ смертномъ. Раскроемъ предъ Всевѣдущимъ всю душу и сердце, всѣ тайны страстей и грѣховныхъ вожделѣній. Пусть милосердіе Божіе узритъ всѣ язвы и всю гнилость нашего внутренняго человѣка: оно узритъ ихъ токмо для того, чтобы тѣмъ прочнѣе исцѣлить ихъ. Принявъ прощеніе во грѣхахъ, немедленно изгонимъ ихъ не только изъ жизни и дѣяній,—изъ самаго воображенія и памяти нашей: пусть они остаются долею врага нашего, который подвигалъ насъ на грѣхъ и радовался, когда мы преступали заповѣди Господни. Давъ предъ святымъ Крестомъ и Евангеліемъ обѣтъ вести жизнь чистую и благую, будемъ повторять себѣ сей обѣтъ утро и вечеръ, въ часы радости и печали, въ храмѣ Божіемъ и дома, сидя на трапезѣ и покоясь на ложѣ, дабы дѣло нашего спасенія никогда не выходило изъ нашей памяти и обратилось въ главное дѣло нашей жизни.

А для утвержденія себя въ семъ необходимомъ подвигѣ, для огражденія себя отъ новыхъ соблазновъ жизни, отъ новыхъ нападеній со стороны страстей, возьмемъ съ собою отъ святаго налоя, въ напутіе жизни, память смертную, ибо не напрасно сказано Премудрымъ: *поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. 7, 39)! Аминь.

Слово въ субботу 1-ой недѣли Великаго поста по причащеніи Святыхъ Таинъ.

Кто дастъ, еже тако быти сердцу ихъ въ нихъ, яко боятися Мене и хранити заповѣди Моя во вся дни, да благо будетъ имъ и сыномъ ихъ во вѣки (Втор. 5, 29).

Такъ предъ Синаемъ вѣщалъ Моисею Самъ Господь о народѣ израильскомъ. Явленія чудесныхъ знаменій при горѣ святѣй съ такою благотворностію подѣйствовали на духъ и сердце строптивыхъ сыновъ Израиля, до того содѣлали ихъ богобоязненными и усердными къ закону, что для самого Законодателя синайскаго ничего не оставалось желать болѣе, какъ только, чтобы сіе прекрасное расположеніе духа и сердца осталось навсегда въ народѣ избранномъ: *кто дастъ, еже тако быти сердцу ихъ въ нихъ—во вся дни?*

Бывъ свидѣтелями во всю прошедшую седмицу вашего неослабнаго усердія ко храму Божію, зная, что вы омылись вчера отъ всѣхъ нечистотъ грѣховныхъ въ купели покаянія и, вѣроятно, собственныхъ слезъ вашихъ, видя теперь радость, блистающую на лицахъ вашихъ, отъ таинственнаго соединенія съ божественнымъ Женихомъ душъ и сердецъ, и заключая изъ того о благомъ состояніи всего существа вашего, и мы, братіе, не можемъ не имѣть теперь и не изречь въ слухъ вашъ благожеланія синайскаго: *кто дастъ, еже тако быти сердцу вашему въ васъ,* не нынѣ токмо, но и *во вся дни?* Кто сдѣлаетъ, чтобы вы навсегда остались такими, каковы теперь: съ тою же чистотою души и сердца, съ тою святостію мыслей и желаній, съ тѣмъ же смиреніемъ и преданностію?

И кто можетъ дать намъ это кромѣ Тебя, отъ Коего исходитъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ? Ты ниспослалъ благодать положить намъ начало покаянія: Ты же даруй силу продолжать и совершить начатое. *Самъ утверди, еже сотворилъ еси въ насъ.*

Но, за Господомъ и благодатною помощію Его не станетъ дѣло, возлюбленные! Если и земледѣлецъ не оставляетъ поля трудовъ своихъ, доколѣ не созрѣетъ на немъ все посѣянное и не будетъ собрано въ житницу, тѣмъ паче Премудрость Божія не оставитъ душъ и сердецъ вашихъ осо-

бенною помощію, не возрастивъ на нихъ всего *жита правды* (2 Кор. 9, 10) и не собравъ съ нихъ всѣхъ плодовъ вѣры и любви.

Все сомнѣніе, вся опасность отъ насъ самихъ: сохранимъ ли мы сѣмена вѣры и любви? Дадимъ ли имъ безпрепятственно возрастать въ насъ и плодоносить? Не попустимъ ли потоптать ихъ безсловеснымъ животнымъ—низкимъ страстямъ плоти, или позобать птицамъ небеснымъ — суетнымъ превозношеніямъ ума и гордости житейской.

Посему-то, возносивъ доселѣ молитвы и прошенія о васъ, теперь мы почитаемъ за долгъ обратиться съ прилежнымъ моленіемъ къ вамъ самимъ о томъ, чтобы вы, оставивъ видимое и временное говѣніе, не прекращали духовнаго бодрствованія надъ собою и попеченія о душѣ своей, чтобъ употребили всѣ возможныя средства продлить и укрѣпить навсегда въ себѣ то святое расположеніе духа и сердца, въ коемъ находитесь теперь, и чтобы занялись симъ святымъ дѣломъ немедленно, по выходѣ изъ сего храма, ибо что было бы съ растеніемъ, возращеннымъ съ великимъ трудомъ въ теплицѣ, если бъ его вдругъ вынести на холодъ зимній? Оно потеряетъ всѣ цвѣты и увянетъ въ нѣсколько минутъ. То же будетъ и съ цвѣтомъ чистоты и невинности душевной, расцвѣтшимъ во время покаянія и исповѣди, если исшедъ отсюда, вы начнете продолжать прежній образъ жизни, и предадитесь грѣховнымъ привычкамъ, или пойдете тѣми же стропотными путями, коими ходили, или паче, на коихъ непрестанно падали прежде.

Но, вы не поступите такъ, возлюбленные, и не будете врагами самимъ себѣ! А потому, возвратясь въ свои домы, прилежно размыслите, какъ вамъ начать вести себя отселѣ, что совершенно оставить изъ прежняго образа жизни, что вновь принять и что измѣнить? Обдумавъ будущее поведеніе свое, вы тотчасъ, не отлагая до другаго времени, начнете вести себя такъ, какъ рѣшились. Живя новою жизнію, вы не оставите по временамъ подвергать себя строгому испытанію въ успѣхѣ и немедленно исправлять всякое уклоненіе отъ цѣли.

Настоящій великій и святый постъ есть самое лучшее время для таковаго утвержденія себя навсегда въ вѣрѣ и благихъ нравахъ уже потому, что въ продолженіе его многіе

соблазны міра вовсе не существуютъ для насъ, или теряютъ силу. Посему вы будете имѣть всю удобность немедля заняться великимъ дѣломъ вашего спасенія, и, при помощи Божіей, совершить его, какъ должно.

Не пренебрегите же симъ, возлюбленные! Оставьте, если возможно, всѣ прочія дѣла, и займитесь симъ единымъ, ибо что пользы, если вы пріобрѣтете весь міръ, а погубите душу свою? Лучше потерять все, даже потерпѣть все, нежели умереть во грѣхахъ. А кто знаетъ, далеко ли каждый изъ насъ отъ своего часа послѣдняго? О, какъ отрадно будетъ съ чистою душею и сердцемъ вступить въ великую седмицу страданій Христовыхъ! Съ какою неизъяснимою радостію срѣтится праздникъ Воскресенія Господня! Ибо вы будете тогда праздновать не возстаніе токмо Господа изъ гроба, какъ было прежде, а и свое собственное воскресеніе отъ смерти грѣховной, которая доселѣ не давала вамъ вкусить ни одной истинной радости.

Мы же, какъ въ продолженіе сея седмицы молились, такъ и во все продолженіе святаго поста будемъ молитвенно взывать къ Господу, да Онъ Самъ, *начный дѣло благо въ васъ*, и совершитъ *е* Своею всемощною благодатію! Аминь.

Слово въ недѣлю Православія.

Овѣхъ убо милуйте разсуждающе овѣхъ же страхомъ спасайте, отъ огня восхищающе (Посл Іуд. ст 22, 23)

Не сіе ли самое, братіе, совершаетъ нынѣ святая Церковь?—Нѣкоторые изъ членовъ ея попустили обнять себя тлетворному пламени ересей богопротивныхъ;—и вотъ она возвышаетъ яко трубу гласъ свой, и поражаетъ ихъ страхомъ анаѳемы, *еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумѣ истины, и возникнутъ отъ діаволскія сѣти* (2 Тим. 2, 25. 26). Средство къ исправленію, поистинѣ, одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ!—Одна мысль, что подобные намъ люди извергаются изъ общества вѣрующихъ, внѣ коего нѣтъ и не можетъ быть спасенія,—одна сія мысль невольно сотрясаетъ сердце и приводитъ въ движеніе чувство. Какимъ же страхомъ долженъ быть пораженъ тотъ, за кого другіе должны такъ сильно страшиться?

Тѣмъ прискорбнѣе, братіе, для Церкви, что чувство спасительнаго страха, которое она старается внушить чадамъ своимъ посредствомъ священнаго обряда, нынѣ совершаемаго, нерѣдко обезображивается, а иногда и совершенно подавляется другими предосудительными чувствованіями. Одни,— надменные умомъ, или паче неразуміемъ,— стараются уничтожить въ мысляхъ своихъ все, что въ нынѣшнемъ обрядѣ есть поразительнаго для заблуждающихъ, и представляютъ его себѣ праднымъ дѣйствіемъ церковной власти, не имѣющимъ вліянія на вѣчную судьбу осуждаемыхъ. Это—люди гордые, кои почитаютъ себя превыше суда Церкви, въ томъ ослѣпленіи, что святилище ихъ совѣсти,—гдѣ стоитъ, можетъ быть, *мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ* (Матѳ. 24, 15),— есть единственное мѣсто, въ коемъ долженъ быть изрекаемъ судъ надъ ихъ мнѣніями о вѣрѣ. Другіе впадаютъ въ противоположную крайность: чувство страха при слышаніи анаѳемы, соединясь съ чувствомъ сожалѣнія къ поражаемымъ ею, превращается въ ихъ сердцѣ въ тайный ропотъ противъ мнимонеумѣренной строгости церковныхъ правилъ. «Для чего, мыслятъ таковые, Церковь премѣняетъ нынѣ, столь сродный ей, гласъ любви на проклятія ужасающія?» Это—люди маловѣрные, кои имѣютъ слабость думать, что Церковь Христова можетъ когда-либо поступать вопреки закону любви, составляющему главное основаніе всѣхъ ея правилъ и узаконеній.

Нѣтъ нужды, братіе, изслѣдовать, есть ли между нами здѣсь кто-нибудь, питающій въ себѣ то или другое заблужденіе. Мы должны желать, чтобы сказанное нами было одно гаданіе. Но всякій согласится, что это гаданіе весьма близко къ опыту, и едва ли не оправдывается на самомъ дѣлѣ.

Итакъ, если не для искорененія, то для отвращенія вышесказанныхъ заблужденій, вникнемъ въ духъ нынѣшняго обряда и покажемъ: 1) что судъ, произносимый нынѣ Церковію, есть судъ страшный: этимъ будетъ низложено легкомысліе тѣхъ, кои присутствуютъ на немъ безъ всякаго чувства; 2) что судъ, произносимый нынѣ Церковію, есть судъ, исполненный любви: этимъ будетъ успокоено маловѣріе тѣхъ, кои думаютъ видѣть въ немъ строгость излишнюю.

1. *Судъ, произносимый нынѣ Церковію, есть судъ страшный.*

Какъ обыкновенно смотрятъ, братіе, на того человѣка, который имѣлъ несчастіе заслужить худое мнѣніе въ обществѣ?—Одни презираютъ его, другіе чуждаются, иные сожалѣютъ о немъ. Онъ самъ почитаетъ себя человѣкомъ самымъ несчастнымъ. Нѣкоторые не могутъ пережить сего злополучія. Такъ страшно общественное мнѣніе!

Если же приговоръ всякаго общества имѣетъ такую силу, то ужели, братіе, одна Церковь есть такое общество, коего приговоромъ можно пренебрегать?—Напротивъ, приговоръ Церкви для здравомыслящаго человѣка долженъ быть гораздо важнѣе всякаго, такъ называемаго, общественнаго мнѣнія, уже потому, что Церковь есть самое постоянное, обширное и лучшее изъ всѣхъ обществъ человѣческихъ: самое постоянное, ибо Церковь существуетъ отъ начала міра и будетъ существовать до его скончанія; самое обширное, ибо члены Церкви Христовой разсѣяны по всему міру, находятся во всякомъ *языкѣ, народѣ и племени* (Апок. 5. 9); самое лучшее, ибо она представляетъ видимое царство Божіе на землѣ, и служитъ приготовленіемъ къ вѣчному царству Божію на небесахъ. Пренебрегать судомъ такого общества, значитъ не имѣть уваженія къ цѣлому роду человѣческому, грѣшить противу человѣчества; а что значитъ грѣшить противу человѣчества?—Быть извергомъ человѣчества!..

Такимъ образомъ, братіе если судъ, произносимый нынѣ Церковію, представлять себѣ совершенно человѣческимъ, то онъ весьма важенъ и страшенъ, поелику есть судъ—*Церкви вселенской!*

Но не въ этомъ одномъ состоитъ важность приговоровъ, изрекаемыхъ нынѣ Церковію. Она утверждается на основаніи еще болѣе глубокомъ и болѣе непреложномъ.

Что, если-бы предъ самаго надменнаго вольнодумца предсталъ, какъ нѣкогда предъ Іова, Самъ Богъ и воззвалъ его къ суду Своему (Іов. 40. 1. 2)? Не растаялъ ли бы онъ въ страхѣ отъ велелѣпоты и славы Его?—Одна мысль, что Творецъ призываетъ на судъ тварь, заключаетъ въ себѣ все, что можетъ быть для твари поразительнаго: судъ Божій всегда страшенъ!—

Но чей судъ судитъ нынѣ Церковь? Свой, или Божій? Божій, братіе, Божій!

Истинная Церковь никогда не усвояла себѣ никакой

власти, кромѣ той, которою она облечена отъ Божественнаго Основателя своего. Если она произноситъ нынѣ *анаѳему* на упорныхъ враговъ истины, то потому, что такъ заповѣдано ей Самимъ Господомъ. Вотъ собственныя слова Его: *аще* кто *Церковь преслушаетъ, буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь* (Матѳ. 18, 17)! Осуждаемые нынѣ преслушали гласъ Церкви, не вняли ея увѣщаніямъ: и вотъ она, послѣдуя въ точности словамъ Господа, лишаетъ ихъ имени христіанъ, извергаетъ изъ нѣдра своего, какъ язычниковъ. Она связываетъ ихъ на землѣ; но въ то же время, по непреложному суду Божію, они связуются и на небѣ. На нихъ не налагается видимыхъ узъ, но налагаются тягчайшія узы проклятія. Сомнѣваться въ семъ можетъ только тотъ, кто не вѣритъ словамъ Господа, Который сказалъ: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси* (Матѳ. 18, 18).

Итакъ, трепещи, упорный противникъ истины! Судъ, на тебя нынѣ произносимый, есть, по своему происхожденію, судъ Божій.

И кто подвергается нынѣ осужденію? Не тѣ ли люди, кои предварительно осуждены Самимъ Богомъ въ Его словѣ? Осуждаются отвергающіе бытіе Божіе и Его Промыслъ; но не Самъ ли Богъ, еще устами Давида, нарекъ безумнымъ того, кто говорилъ въ сердцѣ своемъ (только въ сердцѣ!): *нѣсть Бога* (Псал. 13, 1)! Осуждаются непризнающіе безсмертія души человѣческой и будущаго суда; но не Самъ ли Богъ чрезъ Премудраго угрожаетъ погибелію тѣмъ, кои говорили: *самослучайно рождени есмы, и по семъ будемъ, якоже не бывше: пепелъ будетъ тѣло, и духъ нашъ разліется, яко мягкій воздухъ* (Прем. 2, 2. 3)! Осуждаются почитающіе ненужнымъ для спасенія рода человѣческаго пришествіе Сына Божія во плоти; но не отъ лица ли Божія говоритъ святый Іоаннъ: *всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть, и сей есть антихристовъ* (1 Іоан. 4, 3)!—Осуждаются противники царской власти; но не по внушенію ли Духа Святаго написано Апостоломъ Павломъ: *нѣсть власть, аще не отъ Бога. Тѣмже противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется* (Рим. 13, 1. 2)!

«Но нѣкоторые приговоры, скажетъ кто-либо, не содержатся въ Священномъ Писаніи». Скажи лучше, возлюбленный,

что ихъ тамъ содержится гораздо болѣе. *Аще кто,* говоритъ Апостолъ Павелъ, *не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ* (1 Кор. 16, 22). Какого заблужденія, какого нечестія не поражаетъ это проклятіе? Ибо съ именемъ Господа Іисуса Христа соединены всѣ добродѣтели. Значитъ, Церковь щадитъ еще слабыя совѣсти, когда поражаетъ проклятіемъ только нѣкоторыя, явныя и грубыя, ереси и преступленія.

Итакъ, трепещи, упорный противникъ истины! Судъ, на тебя нынѣ произносимый, по самому предмету своему есть судъ Божій!

Слѣдствія страшнаго суда сего откроются въ полной мѣрѣ за предѣлами этой жизни; тамъ-то осужденные Церковію познаютъ во всей силѣ, какъ тяжко проклятіе невѣсты Христовой! Но и въ этой жизни слѣдствія сіи таковы, что могутъ привести въ ужасъ всякаго, кто не совершенно закоснѣлъ въ ослѣпленіи ума. Ибо представьте, чего лишается человѣкъ, подвергшійся анаѳемѣ: онъ теряетъ во-первыхъ имя христіанина и становится язычникомъ:—потеря великая! Изъ древнихъ христіанъ многіе на всѣ вопросы мучителей объ ихъ происхожденіи, званіи, имени, отвѣчали: «я—христіанинъ». Такъ много дорожили они симъ наименованіемъ! — Вмѣстѣ съ именемъ теряется и вещь: подвергшійся анаѳемѣ уже перестаетъ быть въ союзѣ съ таинственнымъ тѣломъ Церкви; онъ есть членъ отсѣченный, вѣтвь отнятая отъ древа. Потеря величайшая! Ибо внѣ Церкви нѣтъ таинствъ, возраждающихъ насъ въ жизнь вѣчную, нѣтъ заслугъ Іисуса Христа, безъ коихъ человѣкъ врагъ Богу.—нѣтъ Духа Божія,—внѣ Церкви область духа злобы. Въ Церкви Апостольской діаволъ поражалъ видимыми мученіями тѣхъ, кои своими пороками заслужили отлученіе отъ Церкви: безъ сомнѣнія, и нынѣ сей врагъ спасенія человѣческаго не дремлетъ въ погубленіи сихъ несчастныхъ, и коль скоро лишаются они благодатнаго покровительства Церкви, властвуетъ надъ ихъ душею съ такою же свирѣпостію, хотя не столь видимо. Скажите, можно ли безъ ужаса представить такое состояніе? Святый Златоустъ оплакивалъ нѣкогда несчастное состояніе тѣхъ, кои перешли въ будущую жизнь, не очистивъ себя покаяніемъ. «Кто, говорилъ онъ, тамъ помолится о нихъ? Кто принесетъ за нихъ жертву? Тамъ нѣтъ ни священника,

ни жертвы». Ахъ, подвергшійся анаѳемѣ еще въ сей жизни испытываетъ то несчастіе, которое нераскаяннымъ грѣшникамъ суждено претерпѣть за гробомъ! Здѣсь есть священники, выну приносится безкровная жертва о грѣхахъ; но отлученные не участвуютъ въ этой жертвѣ: ихъ имя изглаждено изъ списка вѣрующихъ, Церковь не воспоминаетъ о нихъ въ своемъ молитвословіи, они—живые мертвецы!

Напрасно отлученный отъ Церкви успокоивалъ бы свою совѣсть тѣмъ, что и внѣ Церкви нѣтъ невозможности заслужить милость Божію,—что милосердіе Творца безпредѣльно,—что *во всякомъ языцѣ дѣлаяй правду, пріятенъ ему есть* (Дѣян. 10, 35). Такъ! Въ Богѣ нѣтъ лицепріятія; Онъ есть Богъ христіанъ и язычниковъ, воздаетъ каждому по дѣламъ. Но по тому самому, что въ Богѣ нѣтъ лицепріятія, Онъ не можетъ взирать окомъ благоволенія на того, кто изверженъ изъ Церкви. Какъ? Богъ по безпредѣльному милосердію Своему *привилъ* (Рим. 11, 24) тебя, какъ дикую вѣтвь, къ животворной *маслинѣ*—Іисусу Христу: ты, вмѣсто того, чтобы всѣми силами держаться на ея корнѣ и, впивая въ себя сокъ жизни, приносить плоды правды,—отломился своимъ суемудріемъ отъ сей маслины,—и небесный Дѣлатель потерпитъ тебя въ вертоградѣ Своемъ? Не прикажетъ бросить въ огонь?—Гдѣ же будетъ Его правосудіе, Его нелицепріятіе?—Не говори, что ты, находясь внѣ Церкви, можешь приносить плодъ добродѣтели. Гдѣ нѣтъ души, тамъ нѣтъ жизни; душа—Іисусъ Христосъ,—только въ тѣлѣ—въ Церкви: значитъ, ты, и съ твоими мнимыми добродѣтелями, мертвъ предъ Богомъ.—*Все, что не отъ вѣры, грѣхъ* (Рим. 14, 23); а у тебя, отлученный, какая вѣра? Развѣ *бѣсовская* (Іак. 3, 15). Язычникъ лучше тебя у Бога; онъ не былъ удостоенъ тѣхъ даровъ, коими пренебрегъ ты; онъ не былъ сыномъ Церкви, а посему и не будетъ судимъ какъ преступный сынъ. «Еретики, писалъ нѣкогда святый Кипріанъ, думаютъ, что Богъ помилуетъ и ихъ. Не помилуетъ, доколѣ не обратятся къ Церкви. Кто не имѣетъ Церковь матерію, тотъ не можетъ имѣть отцемъ Бога».

Но, если участь отлученныхъ отъ Церкви такъ плачевна, то не нарушается ли отлученіемъ ихъ законъ любви, повелѣвающій щадить заблуждшихъ? Ни мало.

2. Судъ, произносимый нынѣ Церковію, будучи судомъ страшнымъ, есть вмѣстѣ и судъ любви.

Свойство каждаго дѣйствія, братіе, познается изъ побужденій, расположившихъ къ дѣйствію, средствъ, при семъ употребленныхъ, и цѣли, для которой оно предпринято.

Итакъ, что побуждаетъ Церковь,—эту любвеобильную матерь, которая вседневно призываетъ на самыхъ строптивыхъ чадъ своихъ благословенія Божіи,—что побуждаетъ ее нынѣ изрекать проклятія? Во-первыхъ, необходимость указать падшимъ чадамъ своимъ ту глубину золъ, въ которую низринуло ихъ суемудріе. Будучи терпимы въ нѣдрахъ Церкви, они могли бы успокоивать свою совѣсть тѣмъ, что заблужденія ихъ не заключаютъ еще въ себѣ неизбѣжной гибели для ихъ души, что образъ ихъ мыслей еще можетъ быть совмѣщенъ съ духомъ Евангелія, что они по крайней мѣрѣ не такъ далеко уклонились отъ общаго пути, чтобы ихъ почитать уже совершенно заблуждшими. Самолюбіе ихъ могло бы еще находить для себя пищу въ томъ, что они, принадлежа къ обществу христіанъ, думаютъ однако же о предметахъ вѣры не такъ, какъ другіе христіане. Послѣ сего, что оставалось дѣлать Церкви?—Именно то, что она дѣлаетъ теперь: поразить суемудріе ужасомъ и безславіемъ анаѳемы!—Изводя на позоръ заблуждшихъ, Церковь симъ самымъ отнимаетъ у заблужденій прелесть особенной мудрости, коею они обольщаютъ; поражая ихъ именемъ Божіимъ, она отнимаетъ надежду на безопасность; противопоставляя исповѣданіе вселенской Церкви суемудрію частныхъ людей, обнажаетъ ничтожность послѣдняго. Пусть заблуждшіе продолжаютъ питать, если угодно, свои заблужденія: Церковь не связываетъ ихъ ума; но она сдѣлала свое дѣло, указала имъ ту бездну, въ которой они находятся, заранѣе произнесла надъ ними судъ, который, въ случаѣ нераскаянности, постигнетъ ихъ за гробомъ.

Такимъ образомъ, анаѳема есть послѣдній предостерегательный гласъ Церкви къ заблуждающимъ. Но гласъ предостереженія, братіе, какъ бы громокъ ни былъ, не есть ли гласъ любви?

Что еще побуждаетъ Церковь произносить нынѣ проклятія? Необходимость предостеречь вѣрныхъ чадъ своихъ отъ паденія. Извѣстно, что заблужденія, въ устахъ и писаніяхъ

людей погибельныхъ (Іоан. 17, 12), имѣютъ не рѣдко видъ самый обольстительный: всѣ опасныя стороны бываютъ прикрыты искуснымъ образомъ; напротивъ, мнимо-полезныя слѣдствія ихъ, кои существуютъ только на словахъ, изображены бываютъ со всею привлекательностію, такъ что умъ простой невольно и непримѣтно соблазняется ими. Подробныя, ученыя опроверженія сихъ заблужденій,—хотя и въ нихъ нѣтъ недостатка для знающихъ,—были бы превыше разумѣнія многихъ членовъ Церкви. Послѣ сего, что оставалось дѣлать Церкви? То, что она дѣлаетъ теперь: выставить на позоръ заблужденія въ ихъ отвратительной наготѣ и, представивъ ихъ гнусность предъ очи каждаго, поразить ихъ проклятіемъ.

Позволяй, послѣ сего, если угодно, воображенію твоему обольщаться цвѣтами, коими украшаются заблужденія: Церковь внушила тебѣ, какія ехидны скрываются подъ сими цвѣтами; она невинна, если ты погибнешь отъ ихъ яда.

Но, можетъ быть, средство, употребляемое Церковію для вразумленія падшихъ и предостереженія стоящихъ, слишкомъ жестоко?—Средство это—анаѳема; итакъ, что̀ такое анаѳема? Анаѳема есть одно изъ духовныхъ наказаній, самое послѣднее и потому самое тяжкое. Произнести анаѳему на кого-либо значитъ отлучить его совершенно отъ общества вѣрующихъ, лишить всѣхъ преимуществъ христіанина, объявить человѣкомъ богопротивнымъ, осужденнымъ, если не раскается, на погибель,—достойнымъ того, чтобы всѣ убѣгали его, какъ язвы. Въ семъ разумѣ употребляетъ слово *анаѳема* Апостолъ Павелъ, когда говоритъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 9), то-есть, смотрите на него, какъ на врага Божія. Такое же значеніе слова анаѳема находится у Іустина мученика (Отв. 21 къ православнымъ), святаго Златоуста (Бесѣд. 16, на Посл. къ Римл.), блаженнаго Ѳеодорита (въ толк. на 1 Кор. 16, 22), Ѳеофилакта и другихъ отцевъ Церкви. Такимъ образомъ, анаѳема есть, какъ мы сказали, самое страшное дѣйствіе церковной власти: это въ нѣкоторомъ смыслѣ—казнь духовная; ибо подвергшійся проклятію мертвъ для Церкви. Но казнь сія отнюдь не то, что казнь тѣлесная. Послѣ казни тѣлесной не воскресаютъ для здѣшней жизни, а послѣ сей казни духовной всегда можно воскреснуть для жизни духовной чрезъ истинное покаяніе. Такимъ

образомъ, анаѳема, даже какъ казнь, растворена любовію христіанскою. У отлученныхъ не отнимается средствъ къ покаянію: они въ величайшей опасности, ибо лишены покрова благодати; но для нихъ еще не все потеряно. Двери милосердія, столько разъ для нихъ напрасно отверзавшіяся, еще могутъ быть отверсты. Оставь заблужденіе, обратись съ искреннимъ покаяніемъ къ Церкви,—и она не отринетъ молитвъ кающагося.

И какъ можетъ Церковь отринуть ихъ, когда въ семъ именно — въ обращеніи заблуждшихъ и состоитъ главная цѣль проклятій, нынѣ изрекаемыхъ?—О, ты, который соблазняешься мнимою строгостію церковныхъ правилъ, ты—да не оскорбится твое самолюбіе—и слѣпъ и глухъ. Точно таковъ! Иначе ты видѣлъ бы, какъ Церковь нынѣ со всѣми чадами своими преклоняетъ колѣна предъ Господомъ Іисусомъ,—слышалъ бы, какъ собственными заслугами Его умоляетъ, дабы Онъ далъ духъ покаянія тѣмъ, кои за свою нераскаянность подвергаются анаѳемѣ. Ибо, чѣмъ начинаетъ Церковь торжественный обрядъ, нынѣ совершаемый?—Молитвами объ обращеніи заблуждшихъ. Чѣмъ оканчиваетъ оный?—Тѣми же молитвами. Уступая необходимости, какъ судія, она произноситъ осужденіе,—покорствуя любви, какъ мать, она призываетъ Духа Божія на осужденныхъ. Проклятые могли бы пасть подъ тяжестію клятвы: и вотъ, сила проклятія, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ ограждена силами молитвы, дабы первая дѣйствовала не болѣе, какъ сколько нужно для спасенія осужденныхъ.

Итакъ, братіе, вмѣсто того, чтобы пререкать настоящему суду Церкви и почитать его или недѣйствительнымъ, или чрезмѣрно строгимъ, каждый членъ Церкви обязанъ обратить нынѣ вниманіе на самого себя, и разсмотрѣть свою совѣсть. «Вы, писалъ нѣкогда Апостолъ Павелъ къ Коринѳянамъ, вы ищете доказательствъ на то, Христосъ ли мною говоритъ. Испытайте лучше самихъ себя: въ вѣрѣ ли вы? О насъ же, надѣюсь, узнаете, что мы то, чѣмъ быть должно (2 Кор. 13, 5. 6)». То же самое, братіе, имѣетъ право сказать нынѣ и Церковь къ нѣкоторымъ чадамъ своимъ. Вы, маловѣрныя или невѣрныя чада, вы ищете доказательствъ на то, Христосъ ли нынѣ говоритъ мною, когда я изрекаю анаѳему,—не уклоняюсь ли я въ семъ случаѣ отъ

Духа Христова, Духа мира и любви?—Испытайте лучше самихъ себя: въ вѣрѣ ли вы? Въ вѣрѣ ли вы, когда не утверждены въ той мысли. что Церковь, *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15), никогда не можетъ поколебаться въ основаніи своемъ, которое всегда было и будетъ любовь? Въ вѣрѣ ли вы, кои питаете предосудительное желаніе, чтобы Церковь не возвышала болѣе гласа своего для пораженія заблужденій, когда враги истины едва не къ небу простираютъ хульныя уста свои, дабы изрекать поруганіе и соблазны? *Испытайте самихъ себя, въ вѣрѣ ли вы* (2 Кор. 13, 5)? Я для того и совершаю нынѣ торжество Православія, для того и провозглашаю въ слухъ всѣхъ исповѣданіе вселенской Церкви, дабы вы разсмотрѣли свою совѣсть, сохраняется ли въ ней невредимымъ залогъ вѣры, данный вамъ при Крещеніи, не нарушена ли цѣлость его богопротивными мудрованіями о вѣрѣ, тѣмъ паче богопротивною жизнію и дѣлами студными? *Испытайте самихъ себя, въ вѣрѣ ли вы* (2 Кор. 13, 5)? Когда вы будете укоренены въ вѣрѣ, какъ должно, когда одушевитъ васъ духъ истинной, живой любви христіанской: тогда. надѣюсь, безъ всякихъ доказательствъ, узнаете обо мнѣ, что я то, чѣмъ быть должна—судія и матерь, заступница предъ Богомъ кающихся и провозвѣстница суда Божія надъ нераскаянными.

Желаешь ли, христіанинъ, яснѣе видѣть, чего требуетъ отъ тебя Церковь, призывая тебя нынѣ къ участію въ священномъ обрядѣ, ею совершаемомъ?—Внемли! Судъ, произносимый нынѣ Церковію, есть судъ страшный. Итакъ, не оставайся хладнокровнымъ слушателемъ онаго, разсмотри со вниманіемъ свою вѣру и свою жизнь, не падаетъ ли, прямо или непрямо, проклятіе Церкви и на тебя. Не ограничивай силы сихъ проклятій одними наглыми заблужденіями ума: грѣховная жизнь еще болѣе заслуживаетъ проклятія, нежели неправая вѣра. Помни, что сказано Апостоломъ: *аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ анаѳема* (1 Кор. 16, 22)! Но тотъ, кто ведетъ жизнь нечистую, очевидно. не любитъ Господа Іисуса. Итакъ, блюдись, не поражаетъ ли анаѳема сія и тебя—твои грѣхи, твою не-христіанскую жизнь.

Судъ, произносимый нынѣ Церковію, есть судъ страшный. Итакъ, христіанинъ, убѣгай, сколько возможно, убѣгай

тѣхъ людей, кои питаютъ въ себѣ заблужденія, осуждаемыя Церковію, уклоняйся тѣхъ собраній и бесѣдъ, въ коихъ проповѣдуется нечестіе и разсѣеваются неправые толки о вѣрѣ, смотри съ отвращеніемъ на писанія, въ коихъ содержатся подобныя суемудрія, старайся исторгать ихъ изъ рукъ тѣхъ, кои подчинены твоему управленію.

Судъ, произносимый нынѣ Церковію, есть судъ любви. Итакъ, смотри на него очами любви, внимай ему слухомъ любви. Раздѣляй съ Церковію ея молитвы о заблуждшихъ, не забывай упоминать о нихъ въ собственныхъ молитвенныхъ собесѣдованіяхъ твоихъ съ Богомъ; проси имъ духа покаянія и смиренномудрія. Симъ-то образомъ ты покажешь истинную любовь твою къ заблуждающимъ братіямъ твоимъ по человѣчеству, а не тѣмъ, чтобы пререкать спасительной строгости церковныхъ правилъ. Аминь.

Слово въ недѣлю Православія.

Пречистому образу Твоему покланяемся, Благій, просяще прощенія прегрѣшеній нашихъ.

И какъ не поклоняться тому образу, который представляетъ намъ дражайшаго Спасителя нашего въ томъ видѣ, какъ Онъ, Богъ сый безпредѣльный, изъ любви къ намъ, бѣднымъ грѣшникамъ, облекся плотію нашею и содѣлался навсегда, яко единъ отъ насъ?—не чествовать и не лобызать съ благоговѣніемъ тотъ образъ, предъ коимъ благоговѣютъ Архангелы и Ангелы, коего трепещутъ духи злобы, въ коемъ природа наша красуется всею славою Божества? Если мы дорожимъ изображеніями людей, близкихъ къ нашему сердцу, или великихъ благодѣтелей человѣчества; любимъ часто смотрѣть на нихъ; ставимъ ихъ на самыя почетныя мѣста, а иногда лобызаемъ ихъ: то какъ не хранить и не чтить образъ Того, Кто пролилъ за насъ на крестѣ кровь Свою, Кто освободилъ насъ отъ грѣха и смерти вѣчной, возвратилъ намъ рай и доставилъ царство небесное?

Было однако же время, когда это поклоненіе стоило крови и жизни поклоняющимся, когда не только поклоняться образу Спасителя, даже имѣть его у себя вмѣнялось за преступленіе самое тяжкое. И такъ поступаемо было не у язычни-

ковъ, не у магометанъ, не у евреевъ, а между христіанами, въ державѣ, издревле славившейся усердіемъ къ вѣрѣ и уставамъ Церкви!—И такое безуміе продолжалось не годъ, не два, не три, а болѣе ста лѣтъ!.. Когда представляешь теперь себѣ все это, то не знаешь, что думать и чѣмъ изъяснить ослѣпленіе столь ужасное!

Ибо, что такое сдѣлали святыя иконы. чтобъ имъ быть предметомъ гоненія, столь лютаго и продолжительнаго? Что нѣкоторые изъ христіанъ, по простотѣ своей, простирали благоговѣніе и усердіе свое къ нимъ до излишества, останавливаясь мыслію своею на изображеніи, вмѣсто того, чтобъ восходить чрезъ него къ изображаемому? Но по этой причинѣ надобно было бы сокрушить всѣ иконы и въ великомъ храмѣ природы; надлежало бы погасить на небѣ солнце, луну и всѣ звѣзды, а на землѣ истребить источники и рѣки, горы и лѣса, самыхъ животныхъ; ибо все это было, и доселѣ служитъ для цѣлыхъ народовъ, предметомъ не только суевѣрнаго почтенія, но и обожанія. И однако же храмъ природы. не смотря на такое злоупотребленіе, доселѣ полонъ иконами, какъ былъ въ началѣ міросданія. Зачѣмъ же близорукой мудрости земной не подражать было въ семъ отношеніи мудрости небесной?

Много ли впрочемъ изъ самыхъ простыхъ христіанъ такихъ, кои какую бы то ни было икону принимали прямо за лице, ею изображаемое, и думали, что древо и краски составляютъ самое Божество? Такого человѣка надобно долго искать и, сыскавъ, при надлежащей бесѣдѣ съ нимъ, рѣдко не окажется противнаго, то есть, что онъ не умѣетъ только выразить своихъ понятій, какъ должно, а не то, чтобы не умѣлъ отличить иконы отъ лица, ею изображаемаго. Что же касается до другихъ людей, самыхъ простыхъ и непросвѣщенныхъ, то ихъ усердіе и любовь къ святымъ иконамъ могутъ казаться нѣкоторымъ простирающимися до излишества именно потому, что въ этихъ судіяхъ самихъ слишкомъ уже мало усердія не только къ святымъ иконамъ, а и къ святымъ лицамъ, на нихъ изображеннымъ.

И развѣ нѣтъ цѣлаго сословія пастырей и учителей Церкви, которое на то истое и утверждено, дабы вразумлять погрѣшающихъ, руководствовать немощныхъ? При такомъ руководствѣ, святыя иконы суть одно изъ наилучшихъ средствъ

къ наученію православнаго народа святымъ истинамъ вѣры. Это самыя вразумительныя письмена для тѣхъ, кои не знаютъ письменъ. Поелику же таковыхъ всегда и вездѣ большая часть: то лишить храмы святыхъ иконъ—значитъ лишить цѣлый народъ одного изъ самыхъ дѣйствительныхъ способовъ къ наставленію его въ вѣрѣ. Что можетъ сравниться съ назидательностію святаго храма, украшеннаго, по надлежащему, святыми иконами?—Вступая въ священное окружіе его, человѣкъ невольно отдѣляется мыслію и чувствами отъ всего грѣховнаго міра; вступаетъ какъ бы въ видимое сообщество святыхъ; переносится духомъ въ Церковь праведниковъ, на небесѣхъ написанныхъ. Что ни взоръ, то благочестивая мысль или святое чувство. Благоразумно ли закрыть сей источникъ святаго воодушевленія?—И чѣмъ замѣнить его? искусственными ли колоннами, картинами, изображеніями природы?—Но они возбудятъ въ тебѣ удивленіе къ художнику, а не къ Господу; тогда какъ икона, даже безъискусственная, прямо заставляетъ думать о святомъ. Не предъ иконами ли и не ихъ ли дѣйствіемъ рѣшалась судьба людей, даже цѣлыхъ народовъ?—Вспомните Марію Египетскую: кто возбудилъ въ душѣ ея святое дерзновеніе обѣщать предъ Богомъ исправленіе своей жизни? Взоръ на икону Богоматери, стоявшую надъ дверьми храма іерусалимскаго. Равно не память ли о сей иконѣ и обѣтѣ, предъ нею произнесенномъ, поддерживала ее потомъ въ продолженіе четыредесятилѣтнихъ, неимовѣрныхъ подвиговъ пустынныхъ? — Судьба всего нашего отечества въ отношеніи къ вѣрѣ такъ же рѣшилась, можно сказать, ни чѣмъ другимъ, а святою иконою. Ибо что особенно подѣйствовало на святаго Владиміра, въ пользу восточнаго Православія, когда онъ колебался и недоумѣвалъ въ избраніи вѣры?—То, что греческій философъ, убѣждавшій его къ принятію христіанства, заключилъ убѣжденія свои представленіемъ предъ великаго князя картины страшнаго суда. Святая икона прекратила наше колебаніе; святая икона сдѣлала насъ христіанами, и притомъ православными. Послѣ сего, если бы и всѣ прочіе народы христіанскіе, по неразсудной гордости, перестали поклоняться иконамъ: то православному отечеству нашему, изъ одной благодарности, подобало бы никогда не оставлять къ нимъ должнаго почтенія.

И какъ перестать почитать святыя иконы, когда употребленіе ихъ утверждено примѣромъ Самого Іисуса Христа и Его Апостоловъ?—когда важность и святость ихъ запечатлѣны чудесами и знаменіями, отъ нихъ происходящими? Если бы поклоненіе иконамъ было противно духу вѣры и благочестія, то Спаситель не сталъ бы отпечатлѣвать лица Своего на убрусѣ и не посылалъ бы его къ Авгарю: ибо могъ ли Авгарь не облобызать сего образа и не поклониться ему? равно какъ могъ ли Пославшій не знать, что сдѣлаютъ съ тѣмъ, что̀ послано? Если бы изображенія святыхъ заключали въ себѣ что-либо не святое, то Евангелистъ Лука не подалъ бы первый примѣра изображать на иконѣ лице Богоматери: ибо ему, водимому Духомъ Святымъ, нельзя было не предвидѣть, что ликъ Богоматери, изъ-подъ его апостольской кисти, не замедлитъ сдѣлаться предметомъ всеобщаго благоговѣнія, и что примѣръ живописующаго Евангелиста не останется безъ подражателей въ Церкви Христовой. Наконецъ, если бы иконопочитаніе было несообразно съ свойствомъ Новаго Завѣта: то благодать Святаго Духа не избирала бы иконъ въ видимое орудіе своихъ чудесныхъ дѣйствій, совершая чрезъ нихъ различныя исцѣленія. Такъ мыслили древніе защитники иконопочитанія, и проливали за святыя иконы кровь свою. А мы, братіе, поклоняясь невозбранно святымъ иконамъ, будемъ проливать предъ ними, по крайней мѣрѣ, благодарственныя молитвы за то, что Промыслъ Божій не далъ злу иконоборства утвердиться въ Православной Церкви, какъ оно утвердилось, къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ обществахъ христіанскихъ.

Но, что̀ пріобрѣли сіи общества, отвергнувъ необдуманно почитаніе святыхъ иконъ? Возвысились въ понятіяхъ о предметахъ вѣры? Напротивъ, видимо приблизились къ опасности потерять вѣру въ самые существенные догматы христіанства и охладѣли въ чувствѣ до того, что съ равнодушіемъ слушаютъ и читаютъ самыхъ ожесточенныхъ хулителей имени Христова. Гдѣ же мнимая выгода отъ неиконопочитанія? Развѣ въ томъ, что храмы начали походить своею внутренностію на мѣста простыхъ собраній, такъ что ихъ завсегда тотчасъ можно обратить на какое угодно употребленіе?.. И недальновидные, обнаживъ безразсудно церковь свою, думали укрыться съ сею наготою подъ сѣнію заповѣди Мои-

сеевой: *не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія! да не поклонишися имъ, ни послужиши имъ* (Исх. 20, 4. 5)! Но богомудрый законодатель еврейскій запрещаетъ, очевидно, тѣ кумиры и изваянія, кои были въ употребленіи у язычниковъ и представляли собою ихъ божества нечистыя, но не запрещаетъ священныхъ изображеній предметовъ святыхъ. Доказательствомъ послѣдняго суть златыя изображенія Херувимовъ, кои, по повелѣнію Самого Бога, поставлены Моисеемъ въ скиніи свидѣнія, и притомъ въ святѣйшемъ ея мѣстѣ—надъ Ковчегомъ Завѣта, куда именно обращались лицемъ всѣ молящіеся.

И кто изъ насъ, устрояя икону, думаетъ творить кумиръ или подобіе Божіе? Кто надѣется изобразить безпредѣльнаго и неописаннаго? Мы только написуемъ тѣ образы, въ коихъ Господь и Создатель нашъ благоволилъ видимо являться намъ, Своимъ тварямъ. Такъ мы изображаемъ Бога Отца въ видѣ старца, потому что Онъ въ видѣніяхъ пророка Даніила представляется ветхимъ деньми. Такъ изображаемъ Святаго Духа въ видѣ голубя и въ видѣ огненныхъ языкъ, потому что въ первомъ видѣ Онъ сошелъ на Сына Божія во Іорданѣ, а во второмъ—на Апостоловъ въ день Пятидесятницы. Что тутъ предосудительнаго? Что касается до Сына Божія, Спасителя нашего, то можно ли не изображать Его въ образѣ человѣческомъ, когда Онъ принялъ сей образъ на Себя на всю вѣчность? А изображая такъ, можно ли не поклоняться сему образу, когда Имъ спасены мы и весь міръ?

Итакъ, съ какой стороны ни разсматривать почитаніе святыхъ иконъ, оно представляется достойнымъ всякаго уваженія, однимъ изъ благолѣпныхъ украшеній церкви, изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ назиданію въ вѣрѣ и добрыхъ нравахъ. Послѣ сего остается только съ благодарностію правильно пользоваться симъ средствомъ, стоившимъ такъ дорого защитникамъ иконопочитанія, кои полагали, и многіе положили, за него души свои. То есть, какъ пользоваться?—Обращая молитвы, прошенія и благодаренія свои не столько къ иконамъ, сколько чрезъ нихъ къ тѣмъ святымъ лицамъ, кои на нихъ изображены;—возбуждаясь зрѣніемъ святыхъ лицъ и ихъ святыхъ подвиговъ, на иконахъ изображенныхъ, къ подражанію ихъ вѣрѣ и добродѣтелямъ;—не простирая чествованія святыхъ иконъ до обоженія вещества, ихъ со-

ставляющаго, и не приписывая имъ другихъ необыкновенныхъ качествъ, кромѣ тѣхъ, кои зависятъ отъ невидимой благодати Божіей, чрезъ нихъ дѣйствующей.

Пользующіеся такимъ образомъ святыми иконами, по опыту, знаютъ, какая великая польза отъ того душѣ; а непользующіеся, неудивительно, если не знаютъ сего. Послѣднимъ посему можно и должно сказать и теперь то же, что сказано было, какъ повѣствуетъ нынѣ чтенное Евангеліе. Апостоломъ Андреемъ брату его Наѳанаилу: *пріиди и виждь* (Іоан. 1, 46)! Аминь.

Слово въ недѣлю Православія.

Что бы это значило, что, возглашаемыя нынѣ Церковію анаѳемы, всѣ упадаютъ на суемудріе и ереси, и ни одна не поражаетъ нечестія и порока? Ужели жизнь нечестивая менѣе противна Евангелію, нежели вѣра неправая?—Нѣтъ. порокъ нераскаянный еще преступнѣе невѣрія упорнаго. Если же онъ не поражается нынѣ анаѳемою, то потому, что о преступности его никогда не было и спору; ибо всѣ и всегда, и православные, и самые еретики, единодушно признавали, что жизнь беззаконная и нечестивая, сама по себѣ. есть уже анаѳема.

Не довлѣетъ ли убо по сему одному обстоятельству поразиться стыдомъ и ужасомъ всякому нераскаянному грѣшнику? Но, чтобы спасительный страхъ сей былъ тѣмъ сильнѣе и дѣйствительнѣе, раскроемъ святое Писаніе и прочитаемъ изъ него тѣ мѣста, въ коихъ изрекается горе и проклятіе на грѣхъ и пороки.

Послушаемъ, во-первыхъ. вождя народа Божія, законодателя синайскаго, Моисея. Онъ, по свидѣтельству слова Божія, былъ человѣкъ *кротчайшій, паче всѣхъ, сущихъ на земли* (Числ. 12, 3). Что же говоритъ сія кротость грѣшникамъ? *Проклятъ безчестяй отца своего, или матерь свою. И рекутъ вси людіе: буди. Проклятъ прелагаяй предѣлы ближняго своего! Проклятъ прельщаяй слѣпаго въ пути! Проклятъ, иже уклонитъ судъ пришельцу и сироти и вдовѣ. Проклятъ біяй ближняго съ лестію! Проклятъ, иже возьметъ дары поразити душу крове неповинныя! Проклятъ всякъ человѣкъ, иже не пребудетъ во всѣхъ словесѣхъ закона, еже тво-*

рити я. И рекутъ вси людіе: буди (Второзак. 27, 16—26). Вотъ что и въ другомъ мѣстѣ говоритъ Моисей, или лучше, его устами Самъ Господь ко всему народу Израильскому: *и будетъ, аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, хранити и творити вся заповѣди Его, яже азъ заповѣдаю тебѣ днесь, и пріидутъ на тя вся клятвы сія и постигнутъ тя. Проклятъ ты во градѣ и проклятъ ты на селѣ: прокляты житницы твои, и останки твои: проклята исчадія утробы твоея, и плоды земли твоея, стада воловъ твоихъ, и паствы овецъ твоихъ: проклятъ ты, внегда входити тебѣ, и проклятъ ты, внегда исходити тебѣ* (Второзак. 28, 15—19).

Видите, сколько анаѳемъ, и за что онѣ? Не за ереси и расколы, а за нарушеніе закона Божія, за жизнь, во грѣхахъ нераскаянную.

Но, можетъ быть, такая строгость противъ порока была принадлежностію одного Ветхаго Завѣта, который сообразно строгому внутреннему характеру своему, и данъ былъ на Синаѣ, среди молній, бурь и громовъ; можетъ быть, въ Завѣтѣ Новомъ, яко Завѣтѣ милости и благодати, менѣе ужаса и страха для грѣшника нераскаяннаго, такъ что, по надеждѣ на заслуги Христовы, можно до конца жизни предаваться безпечно своимъ похотямъ и страстямъ? Но, братіе мои, мыслить такимъ образомъ не значило ли бы не понимать, унижать, оскорблять достопоклоняемую благодать Божію, и, по страшному выраженію Апостола Христова, *прелагать* ее *въ скверну* (Іуд. 4)? Ибо, скажемъ и мы вмѣстѣ со святымъ Павломъ: *Христосъ грѣху ли служитель? да не будетъ* (Гал. 2, 17)! Если въ Новомъ Завѣтѣ благодать *преизбыточествова* тамъ, *идѣже умножися грѣхъ* (Рим. 5, 20): то не для того, чтобы симъ преизбыточествомъ своимъ питать и укрѣплять въ человѣкахъ беззаконіе, а чтобы подавить его, изгладить и упразднить. Кровь Іисуса Христа очищаетъ и спасаетъ отъ всякаго грѣха: но кого? не всякаго грѣшника, а только тѣхъ, кои, сокрушаясь о своихъ грѣхахъ и пріемля во имя Искупителя прощеніе въ нихъ, употребляютъ и съ своей стороны всѣ средства къ освобожденію себя отъ постыднаго плѣна страстей. Для грѣшниковъ же нераскаянныхъ и въ Новомъ такъ же, какъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ, нѣтъ ни благодати, ни помилованія.

Чтобы сіи грозныя истины не показались кому-либо на-

шимъ собственнымъ разсужденіемъ, обратимся паки къ Писанію, и послушаемъ, что въ Новомъ Завѣтѣ говорится противъ пороковъ. *Горе вамъ, книжницы и фарисее, лицемѣри, яко одесятствуете мяту, и копръ, и киминъ, и остависте вящшая закона: судъ и милость и вѣру* (Матѳ. 23, 23)! Вотъ анаѳема противъ ложной набожности! *Горе вамъ, книжницы и фарисее, лицемѣри, яко подобитеся гробомъ повапленымъ, иже внѣуду убо являются красны, внутрѣуду же полни костей мертвыхъ и всякія нечистоты* (Матѳ. 23, 27)! Вотъ судъ на лицемѣріе! *Горе, имже соблазнъ приходитъ! Уне есть человѣку тому, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Матѳ. 18, 6. 7)! Вотъ анаѳема на соблазнителей! *Горе вамъ, богатымъ, яко отстоите утѣшенія вашего!* Вотъ судъ на богачей неправедныхъ и жестокосердныхъ! *Горе вамъ, насыщеннїи нынѣ: яко взалчете!* Вотъ приговоръ противъ сыновъ роскоши и нѣги! *Горе вамъ, смѣющїися нынѣ, яко возрыдаете и восплачете!* Вотъ громъ противъ безумныхъ радостей мірскихъ! *Горе, егда добрѣ рекутъ вамъ вси человѣцы* (Лук. 6, 24—26)! Вотъ стрѣла противъ тщеславія и суетной похвалы человѣческой!

Видите, съ какою силою и строгостію поражается въ Новомъ Завѣтѣ даже то, что̀, по суду міра, не только не ставится въ порокъ, но почитается иногда за добродѣтель. И изъ чьихъ устъ исходитъ столько горя и осужденія? Изъ устъ сладчайшаго Іисуса, изъ устъ Того, Кто Самъ есть и единственный виновникъ, и податель всякой благодати. Онъ ли произнесетъ горе излишнее?

Хотите ли еще выслушать, что говоритъ о грѣшникахъ Ап. Павелъ, тотъ Апостолъ, который столько исполненъ былъ любви къ ближнимъ, что желалъ за спасеніе погибавшей братіи своей самъ быть отлученнымъ отъ Христа? Павелъ поражаетъ анаѳемою не только явный порокъ и явную нераскаянность, но и самую холодность къ вѣрѣ, недостатокъ сердечнаго расположенія и любви къ Господу и Спасителю нашему. *Аще кто не любитъ Господа Іисуса,* говоритъ онъ, *да будетъ проклятъ* (1 Кор. 16, 12)! Послѣ сего, какой грѣхъ и какой порокъ будутъ свободны отъ анаѳемы? Ибо, любитъ ли Господа Іисуса тотъ пастырь, который служитъ алтарю потому только, что питается отъ алтаря, и нерадитъ о спасеніи душъ, ему ввѣренныхъ? Итакъ, онъ подъ анаѳе-

мою Павловою! Любитъ ли Господа Іисуса тотъ судія, для котораго на судѣ дороги не правда и невинность, а мзда и лицепріятіе? Итакъ, онъ подъ анаѳемою Павловою! Любитъ ли Господа Іисуса тотъ властелинъ, который кровавые труды подвластныхъ себѣ расточаетъ на роскошь и прихоти? Итакъ, онъ подъ анаѳемою Павловою! Любитъ ли Господа Іисуса тотъ богачъ, который, имѣя всю возможность облегчить участь меньшей братіи своей и вмѣстѣ Христовой, жестокосердо *затворяетъ утробу свою* (1 Іоан. 3, 17), при видѣ брата требующаго? Итакъ, онъ подъ анаѳемою Павловою! Любитъ ли Господа Іисуса отецъ, нерадѣющій о воспитаніи дѣтей и подающій имъ примѣръ худой? Супругъ, не соблюдающій взаимной вѣрности и не переносящій взаимныхъ недостатковъ? Дѣти, не оказывающія уваженія родителямъ и старшимъ? Любятъ ли Господа Іисуса всѣ невоздержные, всѣ гнѣвливые, всѣ злорѣчивые, всѣ гордые, всѣ грѣшники? Итакъ, всѣ они подъ анаѳемою; ибо, *аще кто не любитъ Господа Іисуса,* тотъ, по словамъ святаго Павла, *проклятъ!* И что же обѣщать таковымъ душамъ нераскаяннымъ? Ужели рай и блаженство на небесахъ?

Скажетъ ли кто-либо, что *жестоко есть слово сіе* (Іоан. 6, 60)? Но для кого оно жестоко? Для тѣхъ, кои не хотятъ любить Того, Кто Самъ есть весь любовь. Кто умеръ за грѣхи наши и воскресъ для оправданія нашего. И что же остается таковымъ, какъ не судъ и осужденіе за грѣхи ихъ?—Для кого жестоко сіе слово? Для тѣхъ, кои до того прилѣпились къ соблазнамъ міра, до того заглушили въ себѣ гласъ совѣсти и закона, что рѣшились, какъ видно, навсегда продолжать жизнь нечистую и богопротивную.

Возблагодаримъ лучше Господа, что отъ насъ не сокрыта ужасная участь, ожидающая грѣшниковъ, и ясно показано, что̀, въ случаѣ нераскаянности, постигнетъ насъ за гробомъ. Если сама любовь небесная гремитъ надъ нами громомъ анаѳемы, то—для того. чтобы возбудить насъ отъ смертнаго сна грѣховнаго. Будемъ признательны къ сей заботливости о насъ; и, возвратившись въ домы наши, вмѣсто того, чтобы предаваться празднымъ разговорамъ о томъ, какъ возглашалась во храмѣ анаѳема, разсмотримъ, не подлежитъ ли анаѳемѣ что-либо въ нашихъ нравахъ и нашей жизни: и, если найдемъ что-либо таковое, поспѣшимъ удалить отъ себя,

какъ бы то ни казалось намъ любезнымъ и драгоцѣннымъ; дабы въ противномъ случаѣ не подпасть наконецъ той страшной анаѳемѣ, отъ коей уже не будетъ спасенія—въ самомъ покаяніи и заслугахъ Христовыхъ. Аминь.

Слово въ недѣлю Православія.

Священнодѣйствіе, намъ теперь предстоящее, такъ разительно само по себѣ, столько содержитъ въ себѣ силы и назиданія, что не имѣетъ никакой нужды въ помощи отъ нашего слова. Думать, что ему можно придать что-либо посредствомъ витійства, значило бы то же, какъ если бы, при наступленіи тучи, кто-либо вообразилъ, что силу небесныхъ громовъ можно увеличить шумомъ своихъ устъ. Но, можетъ быть, не безполезно будетъ для нѣкоторыхъ, если мы объяснимъ кратко и скажемъ, откуда возникла сія, благотворная сама по себѣ, но страшная и громоносная туча, и почему она ежегодно появляется въ настоящій день на ясной и мирной тверди Церкви Христовой.

Когда богопротивныя ереси, возставшія безумно противъ божественности Лица Сына Божія и Пресвятаго Духа, пали и принуждены были возвратиться въ свое ничтожество, то врагъ Бога и человѣковъ, не могши уязвить самыхъ достопоклоняемыхъ Лицъ Божества, вздумалъ напасть на Ихъ священныя изображенія въ Церкви и, во утѣшеніе себя, измыслилъ злочестивую ересь иконоборства. Для успѣха въ злобномъ замыслѣ, онъ, по обыкновенію своему, преобразился въ Ангела свѣтла, принялъ личину святой ревности, якобы по чистотѣ вѣры христіанской, внушая, что поклоненіе святымъ иконамъ поставляетъ христіанина наряду съ идолопоклонниками. Напрасно богомудрые пастыри Церкви учили и утверждали, что святыя иконы отнюдь не то, что истуканы идольскіе, — что почесть, имъ воздаваемая, воздается не бездушному веществу, не древу и краскамъ, а переходитъ на первообразное, то есть, на святыя лица, ими изображаемыя. Ослѣпленные духомъ тьмы, иконоборцы не хотѣли видѣть и слышать истины. Улучивъ въ свои руки власть, они не замедлили отъ слабыхъ и ничтожныхъ возраженій своихъ обратиться къ насиліямъ и гоненію на православныхъ, кои лучше соглашались разстаться съ жизнію,

нежели съ святыми иконами. Начались жестокости и казни, напоминавшія собою первыя времена мученичествъ за Христа. Однимъ изъ любимыхъ варварствъ у гонителей святыхъ иконъ было — начертывать ихъ изображенія, посредствомъ раскаленнаго желѣза, на лицѣ ихъ почитателей: — отсюда въ ликѣ святыхъ Ѳеодоры и Ѳеофаны, такъ называемые, Начертанные.

Можетъ быть, насиліе и обольщеніе взяли бы, наконецъ, верхъ надъ слабостію человѣческою. Но Тотъ, Кто основалъ и утвердилъ Церковь Свою не чуждыми заслугами, а кровію Своею, и ввѣрилъ судьбу ея не мудрости и произволу человѣческому, а вседѣйствующему промышленію Духа истины. Тотъ не попустилъ чадамъ ея искуситься паче, нежели могли понести, но со искушеніемъ сотворилъ и *избытіе* (1 Кор. 10, 13). Послѣ долговременной и упорной борьбы истины съ заблужденіемъ, власть и могущество гражданскія перешли, наконецъ, изъ рукъ еретиковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и вся сила ереси. Святыя иконы, омытыя кровію святыхъ исповѣдниковъ, явились въ большей прежняго красотѣ. Чтобы увѣковѣчить побѣду Православія надъ его врагами, святая Церковь постановила ежегодно воспоминать и праздновать возстановленіе святыхъ иконъ въ настоящій день, яко день перваго, по сему случаю, торжества ея. А для того, чтобы посѣченныя мечемъ слова Божія и прежнія ереси не дерзнули со временемъ поднять снова мрачной главы своей, положено ежегодно же въ настоящій день поражать каждую изъ нихъ снова анаѳемою.

Такимъ образомъ, воздвигнутое духомъ злобы гоненіе на святыя иконы обратилось къ величайшему его посрамленію и послужило на утвержденіе не только святыхъ иконъ, но и всѣхъ истинъ вѣры христіанской. Не безъ важной посему причины и не безъ благотворной цѣли гремитъ нынѣ анаѳема. Она гремитъ для того, дабы вѣрныя чада Церкви еще болѣе утвердились въ своей вѣрѣ, дабы невѣрные и легкомысленные имѣли побужденіе придти въ себя и возвратиться на путь правый.

Будемъ же, братіе, присутствовать при семъ священнодѣйствіи въ томъ самомъ духѣ, съ коимъ установила его святая Церковь. Обратимъ вниманіе на свой образъ мыслей о предметахъ вѣры, и если онъ въ чемъ-либо не согласенъ

съ правиломъ вѣры, указуемымъ Церковію, поспѣшимъ оставить неправое. А тѣ, у коихъ драгоцѣнный залогъ вѣры обрящется цѣлъ и невредимъ, да проліютъ вмѣстѣ съ Церковію теплыя молитвы о возвращеніи на путь правый заблудшихъ братій своихъ. Ибо Церковь Христова, яко нѣжная матерь, не хочетъ погибели никому изъ самыхъ строптивыхъ чадъ своихъ, но да вси пріидутъ въ покаяніе и единство вѣры и любви. Аминь.

Слово въ недѣлю Православія.

Если бы кто изъ непочитающихъ святой иконы принялъ трудъ быть свидѣтелемъ настоящаго нашего Богослуженія и видѣть, что совершается нынѣ въ храмахъ нашихъ въ честь святыхъ иконъ, то, вѣроятно, не усомнился бы признать, что нельзя оказать имъ почтенія болѣе того, какое оказывается нами. Ибо, мы не только воспѣваемъ нынѣ въ честь святыхъ иконъ множество пѣсней хвалебныхъ; не только износимъ ихъ съ торжествомъ на среду храма и совершаемъ предъ ними благоговѣйное поклоненіе, но и возглашаемъ, наконецъ, грозную анаѳему противъ тѣхъ, кои дерзаютъ, по неразумію, сравнивать святыя иконы съ истуканами языческими.

Но, братіе мои, среди нашего торжества въ честь святыхъ иконъ, мнѣ слышится нѣкая жалоба на насъ отъ сихъ же святыхъ иконъ. Возносится она, правда, не изъ храмовъ, а изъ домовъ, и при томъ не всѣхъ, но жалоба святыхъ иконъ, откуда бы она ни происходила, стоитъ быть выслушанною, особенно въ день настоящій.

Въ чемъ состоитъ она?—Въ томъ, отвѣчаютъ святыя иконы, что изъ нѣкоторыхъ христіанскихъ домовъ мы уже вовсе изгнаны, а въ нѣкоторыхъ, хотя и остаемся до времени, но приведены въ такое стѣсненное положеніе, что почти лучше намъ не быть въ нихъ, дабы избавить и себя отъ уничиженія, и владѣльца дома отъ тяжести, которую мы составляемъ для него.

Хотя жалоба отъ святыхъ иконъ могла бы быть принятою и уваженною безъ особеннаго предварительнаго разслѣдованія, но, чтобы явить совершенное безпристрастіе,

пойдемъ въ сіи домы—войдемъ, напр., въ этотъ. Но, тутъ, кажется, должно быть противное, ибо домовладыка любитъ изображенія; ими увѣшаны всѣ стѣны; даже мнимыя побѣды надъ нами галловъ нашли себѣ тамъ, и не малое, мѣсто. Ужели не найдется его тутъ хотя для одной святой иконы? Увы, смотрю на всѣ стороны и не нахожу ни единой! Что бы значило это? Не перемѣнилъ ли хозяинъ дома своей вѣры? Нѣтъ, онъ попрежнему пишется православнымъ христіаниномъ. Такъ, можетъ быть, у него недостатокъ въ иконахъ... Но, кто пріобрѣлъ десять Наполеоновъ, тотъ могъ пріобрѣсть одного Спасителя или Матерь Его... Навожу справку: оказывается, что многими иконами снабдило хозяина дома еще благочестіе предковъ его. Куда же онѣ дѣвались? Проданы или сокрыты.—Отъ чего и для чего? Потому, что недавно послѣдовало строгое запрещеніе имѣть, тѣмъ паче показывать въ домѣ святыя иконы. Отъ кого? Отъ новой повелительницы—моды... Ей, всевластной, не угодно видѣть въ домахъ иконъ; и ихъ нѣтъ!

Горе сему дому—моды! Не долго цвѣсти и стоять ему твердо съ ея преиспещреннымъ ликомъ!..

Пойдемъ въ другой дворъ, напр. вотъ въ этотъ.—Есть ли въ семъ домѣ святыя иконы?—Есть и не мало. Укажите же, гдѣ онѣ?—Вонъ тамъ.—Но ихъ не видно.—Подойдите ближе, присмотритесь и увидите. Точно, это икона, но что значитъ такая ея малость? Скудость способовъ хозяина дома? Всего менѣе; его домъ похожъ на чертоги владѣльческіе. Недостатокъ мѣста въ помѣщеніи? Но его, явно, стало бы не на одну икону. Тайна въ другомъ: хотятъ имѣть иконы,—чтобы не показаться вовсе отставшими отъ святаго обычая предковъ,—но имѣть въ такомъ видѣ, чтобы это, какъ говорятъ, не бросалось въ глаза. Но, что же худаго, если святая икона будетъ замѣтна? О, вы не знаете, это значило бы подвергнуться крайней опасности. Отъ кого? Отъ той же всевластной повелительницы—моды. Малую, непримѣтную икону, она еще можетъ стерпѣть и покрыть своимъ великодушіемъ, а большой, замѣтной, уважаемой—этого преступленія она не проститъ никогда. Имѣющаго такую икону тотчасъ безъ суда и справокъ, почтутъ и провозгласятъ человѣкомъ худаго тона, не знающимъ вкуса, не умѣющимъ жить въ свѣтѣ.—Что же послѣ сего долго думать? Прочь прежнія, большія, видимыя

иконы! Надѣлаемъ малыхъ, невидимыхъ! Мы—люди образованные!..

Судите послѣ сего сами, братіе мои, есть ли причина подозрѣвать, что и у насъ не безъ нѣкоего гоненія на святыя иконы. Не трудно видѣть—и гдѣ источникъ его, и кого должно назвать у насъ врагомъ святыхъ иконъ. Это не человѣкъ какой-либо, какъ бывало прежде во времена иконоборства, а одно пустое и праздное имя, праздное, но ужасное по своему дѣйствію на тѣхъ, кои не имѣютъ и столько, не говоримъ усердія къ вѣрѣ и святой Церкви, а простой и обыкновенной твердости духа, чтобы не убояться стать противъ моды!..

Что же намъ дѣлать?

Поелику нынѣ день суда церковнаго, то, призвавъ на помощь здравый смыслъ, не усомнимся произнести хотя краткое сужденіе касательно сего предмета,—не съ тѣмъ, чтобы осуждать и упрекать кого-либо, а чтобы предоставить случай нѣкоторымъ, не до конца ослѣпленнымъ модою, возвратиться изъ добровольнаго, и по тому самому еще болѣе постыднаго, плѣна ея.

Скажи намъ, всевластная повелительница—мода, что сдѣлали тебѣ святыя иконы, что ты такъ враждуешь противъ нихъ? Отнимали у тебя въ жилищахъ православныхъ христіанъ мѣсто, предназначенное тобою для чего-либо, тебѣ нужнаго? Но мѣсто, которое занималось иконами, при всей изобрѣтательности твоей, доселѣ остается пусто, и ты ничѣмъ не можешь занять его съ приличіемъ. Значитъ, ты враждуешь противъ святыхъ иконъ напрасно.—Или, можетъ быть, присутствіе на своемъ мѣстѣ святыхъ иконъ отняло бы часть совершенства у твоихъ украшеній комнатныхъ, придуманныхъ по послѣднему вкусу? Но что препятствуетъ сей же самый вкусъ приложить благоговѣйно къ размѣщенію и украшенію святыхъ иконъ? Тогда онѣ, кромѣ назиданія, послужили бы еще къ полнотѣ благолѣпія, о коемъ столько у тебя заботы. Или, можетъ быть, ты, домовладыка, опасаешься, что какой-либо иновѣрецъ изъ иконъ въ домѣ твоемъ заключитъ, что ты почитаешь святыя иконы и принадлежишь къ Церкви Православной? А кто же изъ иновѣрцевъ и безъ того не знаетъ о семъ? Для избѣжанія сей опасности (если она уже существуетъ для тебя), надобно было оставить не

иконы, а самую вѣру и Церковь. Или наконецъ не боишься ли, чтобы кто-либо среди увеселеній, бывающихъ въ чертогахъ твоихъ, не остановилъ своего взора на святой иконѣ и не опустилъ потомъ очей долу? А развѣ не бываетъ сего и отъ другихъ причинъ? Какъ бы не умножалъ ты трубы и тимпаны, не можешь удалить сихъ причинъ отъ души человѣческой. Потерпи же на ряду съ другими и благое впечатлѣніе отъ святыхъ иконъ, кои, можетъ быть, твоего же сына или дочь въ подобномъ случаѣ оградятъ невидимо отъ паденія душевнаго.

Какъ вамъ, братіе, а мнѣ, сколько я ни думаю, кажется, что причинъ къ удаленію и даже къ умаленію святыхъ иконъ въ домахъ нашихъ нѣтъ; съ другой стороны, сколько побужденій къ возстановленію ихъ въ прежнемъ надлежащемъ видѣ! Ибо скажи намъ еще, мода, давно ли ты появилась на свѣтъ и захватила въ свои нечистыя руки скипетръ домашняго самодержавія? Вся твоя жизнь исчисляется немногими десятками лѣтъ; а святыя иконы существуютъ у насъ отъ начала христіанства. Какъ же ты, малолѣтнее и малограмотное дитя, не усрамишься священныхъ сѣдинъ тысящелѣтняго старца? И не ты ли притворяешь въ себѣ любовь къ древности и всякой, тѣмъ паче отечественной, роешься съ примѣрнымъ терпѣніемъ подъ землею, дабы достать, какъ сокровище, то, что за нѣсколько вѣковъ брошено было, можетъ быть, на землю, какъ негодное къ употребленію? Не слѣдовало ли бы тебѣ уже по одному этому хранить благоговѣйно святой иконы, предъ коими молились, и въ часы счастія и въ годину искушеній, отцы и праотцы наши? Далѣе, мода — скажи намъ, кого когда спасла ты и отъ какой избавила опасности? Гдѣ царство, тобою утвержденное? Гдѣ домъ, отъ тебя процвѣтшій? Многіе, напротивъ, погибли и, вѣроятно, еще множайшіе погибнутъ отъ твоихъ прихотей. Посмотри же, что сдѣлали святыя иконы? Икона суда страшнаго обратила великаго князя Владиміра, и съ нимъ всю Россію, отъ идоловъ къ Богу истинному; икона Спасителя доставила Андрею Боголюбскому побѣду надъ болгарами; икона Знаменія Богоматери защитила беззащитный Новгородъ; икона Богоматери Владимірскія обратила вспять Тамерлана съ его воинствомъ; икона Богоматери Казанскія избавила царствующій градъ Москву отъ плѣна литовскаго

и спасла Россію. Видишь ли, мода, что сдѣлали святыя иконы? Въ нихъ исторія, въ нихъ спасеніе нашего отечества. Укажи же намъ, что ты сдѣлала? А мы тотчасъ можемъ указать тебѣ на домы, прежде цвѣтущіе, а теперь, по милости твоей, покрытые стыдомъ и бѣдностію;—на семейства, прежде мирныя и благословенныя, а теперь, отъ рабства тебѣ, дошедшія до того, что сынъ возстаетъ на отца, братъ не можетъ видѣть сестры.

Но, что спорить съ бездушнымъ словомъ и убѣждать вѣтръ? — Обратимся къ владыкѣ дома.

Итакъ, ты, возлюбленный, стыдишься показать, въ твоемъ домѣ святую икону, а матерь твоя не стыдилась, когда, рождая тебя, для облегченія мукъ смертныхъ, взирала на святую икону и поручала тебя ей въ охраненіе на всю жизнь. Ты стыдишься теперь показать въ своемъ домѣ святую икону, а въ ту самую минуту, когда все оставляло тебя и ты казался погибающимъ, не ты ли становился предъ нею на колѣна, со слезами просилъ Бога о помощи, и давалъ обѣты вести себя по-христіански? Стыдишься показать въ своемъ домѣ святую икону, а не она ли, эта икона, теперь заброшенная во мракъ, станетъ у главы твоей на стражѣ, когда ты будешь лежать во гробѣ—мертвъ и бездыханенъ.

Не продолжимъ пренія—дѣло ясно! справка вѣрна; свидѣтели съ обѣихъ сторонъ выслушаны; возраженія разсмотрѣны: остается произнести судъ. Куда клонится ваше мнѣніе? На сторону моды или святыхъ иконъ? Избирайте, что хотите. Не могущій выйти изъ плѣна моды, пусть лобызаетъ ея узы, а мы начнемъ сейчасъ же поклоняться съ благоговѣніемъ святымъ иконамъ и лобызать съ любовію изображенія Спасителя нашего и Его пречистой Матери. Аминь.

Слово въ среду 2-ой недѣли Великаго поста.

Душе моя, душе моя, возстани—что спиши? Конецъ приближается и имаши смутитися воспряни убо, да пощадитъ тя Христосъ Богъ, вездѣсый и вся исполняяй!

Кто бы вы думали, братіе мои, обращается къ душѣ своей съ сими словами умилительными? Какой-либо грѣшникъ кающійся? Нѣтъ, это новый святый и блаженный мужъ,

изъ-подъ пера, или лучше сказать, изъ сердца коего истекало то сладко-умилительное пѣснопѣніе, коимъ такъ сильно трогались мы на вечернихъ Богослуженіяхъ прошедшей недѣли, то есть, святый Андрей Критскій.—Его ли чистая и святая душа не бодрствовала выну на стражѣ своего спасенія? Къ нему ли смѣло приблизиться нерадѣніе о своей совѣсти и забвеніе часа смертнаго? Но и онъ не довѣряетъ ни своему уму, ни своей добродѣтели, а старается брать всѣ мѣры, да не поникнетъ мыслями и желаніями долу.

Не тѣмъ ли паче намъ, братіе мои, должно какъ можно чаще обращаться къ душѣ своей съ подобнымъ возбужденіемъ ея отъ сна грѣховнаго, намъ, кои такъ наклонны къ разсѣянію мірскому, къ забвенію Бога и своего вѣчнаго предназначенія? Увы, всѣ мы спимъ тяжкимъ и глубокимъ сномъ иной гордости и честолюбія, другой—роскоши и пресыщенія, тотъ сномъ злобы и лукавства; сей сномъ сребролюбія и любостяжанія, спимъ день и нощь, спимъ отъ колыбели до гроба! Въ самомъ дѣлѣ, возлюбленный собратъ, что мы дѣлаемъ съ тобою для своего спасенія? Святые сповѣдники проводили для сего всю жизнь въ постѣ и молитвѣ, въ трудахъ и произвольныхъ лишеніяхъ; святые мученики претерпѣли для сего всѣ роды страданій и мукъ; Пророки и Апостолы не имѣли гдѣ подклонить главы и были яко отребіе міра; а мы? мы не посвящаемъ дѣлу спасенія и столько времени, сколько тратимъ на самые ничтожные предметы нашихъ прихотей и удовольствій. Не доказательство противнаго, что посѣтимъ иногда церковь, возьмемъ въ руки какую-либо душеполезную книгу, побесѣдуемъ съ кѣмъ-либо о вѣрѣ и о добродѣтели, подадимъ нищему милостыню, сдѣлаемъ другое какое-либо доброе дѣло; не доказательство, говорю, все это душевнаго бдѣнія и попеченія о нашемъ спасеніи. А спящіе—развѣ не дѣлаютъ различныхъ движеній во снѣ, не подаютъ иногда вида, что они какъ будто не спятъ? И они, по временамъ, и разглагольствуютъ и разсуждаютъ, и ходятъ съ мѣста на мѣсто, и даже совершаютъ иногда нѣкоторыя дѣла, требующія ума и соображеній. Подобное тому—и съ нами: малая часть добрыхъ дѣлъ, нами совершаемыхъ, точно какъ движенія человѣка во время сна. Ибо, какъ совершаются они? не изъ живой и постоянной любви къ Богу и ближнему, не во имя

Спасителя и Господа нашего, не по твердой рѣшимости жить и дѣйствовать, какъ заповѣдуетъ Евангеліе, а случайно, даже иногда невольно, всегда почти безъ мысли о своемъ спасеніи: то выходятъ изъ приличій свѣтскихъ, то изъ минутнаго увлеченія чувства и сердца, то по холодному разсчету самолюбія. При томъ, совершая по временамъ нѣсколько добрыхъ дѣлъ и такимъ образомъ закрашивая свою внѣшность, мы остаемся внутри съ прежними страстями, съ тѣмъ же сердцемъ злымъ и нечистымъ, съ тою же совѣстію спящею и немощною.

Признакъ человѣка бодрствующаго есть полное сознаніе самого себя и предметовъ, его окружающихъ: гдѣ въ насъ это сознаніе? Насъ всѣхъ окружаетъ грѣхъ и смерть, намъ предстоитъ судъ и вѣчность, а мы вовсе не думаемъ о семъ, для насъ все это какъ бы не существуетъ.

Признакъ человѣка неспящаго—ясное ощущеніе своихъ нуждъ и потребностей и постоянная забота объ ихъ удовлетвореніи: гдѣ въ насъ это ощущеніе и эта забота? Умъ нашъ недугуетъ явнымъ невѣдѣніемъ истинъ спасенія, а мы, наполняя его всякаго рода земными познаніями, небрежемъ озарить его нетлѣннымъ свѣтомъ Христовымъ. Совѣсть наша покрыта язвами грѣха; а мы, кои врачуемъ тѣло при первой немощи его, нисколько не заботимся о врачеваніи своего внутренняго судіи. Сердце наше томится по небу и благамъ вѣчнымъ, ищетъ воды живой и не изсякающей, а мы засыпаемъ его прахомъ земныхъ заботъ, заставляемъ пить изъ сокрушенныхъ кладенцевъ или лжеименной мудрости, или чувственныхъ удовольствій.

Признакъ человѣка бодрствующаго—надлежащее исправленіе дѣлъ своего званія, но изъ насъ многіе даже не знаютъ, что самое первое и высшее званіе наше есть званіе христіанина; что истинное, всеобщее наслѣдіе наше на небесѣхъ; что земля для насъ мѣсто странствія, тѣло—темница, смерть—освобожденіе. Что же все это, какъ не сонъ духовный? И долго ли спать намъ такимъ образомъ? Долго ли блуждать намъ, не вѣдая, куда идемъ и чего достигнемъ?

Душе моя, душе моя, ты, которая у меня одна, такъ что если потеряю тебя, то лишусь всего,—ты, которая будучи создана по образу Божію, по тому самому уже превыше всего міра, и даже по паденіи твоемъ искуплена драго-

цѣнною кровію Сына Божія, и, предназначена къ вѣчному блаженству съ Богомъ на небѣ,—*душе моя, душе моя, что спиши?* Для чего забываешь свою природу и достоинство, и такъ жалко отдаешь себя въ рабство плоти и крови,—въ плѣнъ міру и діаволу—врагамъ твоимъ? Почто, созданная служити Богу живу и истинѣ, кланяешься до земли всякому кумиру страстей? Почто, предназначенная къ вѣчности, расточаешь безумно и время и таланты, тебѣ ввѣренные, на суету, не помышляя объ ожидающемъ тебя за все это отчетѣ?

Душе моя, душе моя, возстани, что спиши? Тутъ ли спать, когда предъ тобою небо и вѣчность съ разверстыми вратами? Тутъ ли спать, когда подъ тобою геенна съ духами отверженными? Тебѣ ли спать, когда вокругъ и внутрь тебя брань, когда за тебя сражается небо съ адомъ; когда всезлобный врагъ назираетъ всѣ пути твои, напрягаетъ всѣ силы свои, чтобы настигнуть и поглотить тебя на вѣки?

Душе моя, душе моя, возстани! Оттряси сонъ отъ вѣждей твоихъ, собери разсѣянныя по суетамъ міра мысли твои, и обрати ихъ на себя самую и на твое великое предназначеніе! *Возстани!*—сбрось постыдныя узы злыхъ навыковъ, коими, какъ плѣнница, привязана ты къ землѣ и тлѣнію! Возстани и посмотри, какъ все ожидаетъ твоего пробужденія:—ожидаетъ Ангелъ хранитель, дабы не всуе находиться при тебѣ и не плакать безутѣшно о твоемъ ожесточеніи во грѣхѣ; ожидаетъ Церковь Божія, дабы начать врачевать тебя своими молитвами и таинствами; ожидаетъ совѣсть, дабы воспринять надъ тобою права свои и вести тебя по стезямъ правды; ожидаетъ сама смерть, дая мѣсто покаянію, дабы не быть принужденною восхитить тебя, наконецъ, со грѣхами твоими предъ страшный судъ Божій.

Ты спишь, бѣдная душа моя, а время благодати и помилованія течетъ и уходитъ невозвратно. Ты спишь, а бремя грѣховъ твоихъ растетъ и множится безъ числа и мѣры. Ты спишь, а врагъ твой бдитъ и опутываетъ тебя съ ногъ до головы новыми сѣтями. Ты спишь, а Ангелъ смерти грядетъ, и конецъ твой приближается. Приблизится, настанетъ, застигнетъ, поразитъ: и что будетъ тогда съ тобою?—Помогутъ ли тебѣ блага земныя, для собиранія коихъ забывала ты Бога и жертвовала всѣмъ?—Защитятъ ли тебя отъ гнѣва

Божія легкомысленные друзья и клевреты, съ коими ты проводила и губила время? Въ мудрости ли мірской и невѣріи будешь искать отрады и утѣшенія на ложѣ смертномъ? Ахъ, тогда-то узнаешь во всей силѣ, какъ праведно говорили тебѣ, что *никая польза человѣку, аще пріобрящетъ весь міръ, и погубитъ душу свою* (Марк. 8, 36)! Познаешь,—но что выйдетъ изъ сего познанія? Одна скорбь лютая, оно смущеніе и отчаяніе: *и имаши смутитися! Смутитися* и отъ прошедшаго, которое предстанетъ тебѣ со всѣми грѣхами и нечистою жизнію твоею;—*смутитися* и отъ настоящаго, которое будетъ исполнено ужаса, мукъ смертныхъ и отчаянія;—*смутитися,* наконецъ, и отъ грядущаго, которое, такъ долго забываемое, отвергаемое, явится предъ тебя во всемъ грозномъ и низлагающемъ величіи своемъ.

Для чего же, бѣдная душа моя, ждать намъ съ тобою безпечно нашей погибели? Для чего, смеживъ умныя очи, идти всю жизнь къ пропасти адской? Что мѣшаетъ намъ остановиться, подумать и возвратиться вспять, когда еще есть время къ тому? *Душе моя, душе моя, воспряни убо!* Раскрой глаза и поднимись съ грѣховнаго ложа; стань на путь закона Господня, и простри руки къ добру; рѣшись служить Богу живу и истинну, какъ ты служила доселѣ идоламъ страстей, а все прочее уже готово къ твоему спасенію. Готово Евангеліе для озаренія твоихъ мыслей во всѣхъ случаяхъ жизни; готова драгоцѣнная одежда заслугъ Христовыхъ для прикрытія твоей духовной наготы; готово Тѣло и Кровь Сына Божія для насыщенія твоего глада; готовъ елей и бальзамъ для уврачеванія твоихъ ранъ; готова всемогущая благодать Духа Святаго для подкрѣпленія твоихъ слабыхъ силъ; готовъ самый вѣнецъ для увѣнчанія твоихъ малыхъ подвиговъ. *Воспряни убо, да пощадитъ тя Христосъ Богъ!* Слышишь ли, какъ Онъ гласомъ Евангелія вѣщаетъ съ пренебесной вечери Своей: *и еще мѣсто есть* (Лук. 14, 22)? Это мѣсто для насъ съ тобою, душа моя. Поспѣшимъ же сдѣлаться его достойными, доколѣ не наступила полночь, не затворились двери чертога, не угасъ елей во свѣтильникѣ нашей жизни! Аминь.

Слово въ пятокъ 2-ой недѣли Великаго поста.

На рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона. На вербіихъ посредѣ его обѣсихомъ органы наша. Яко тамо вопросиша ны плѣнши насъ о словесѣхъ пѣсней, и ведшіи насъ о пѣніи воспойте намъ отъ пѣсней сіонскихъ! Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей? Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя. Прильпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Іерусалима яко въ началѣ веселія моего. Дщи Вавилоня окаянная, блаженъ, иже воздастъ тебѣ воздаяніе твое, еже воздала еси намъ! Блаженъ, иже иметъ и разбіетъ младенцы твоя о камень! (Пс. 136).

Послѣ псалма: *Помилуй мя, Боже,* нѣтъ другаго во всей Псалтири Давидовой, который бы исполненъ былъ такого умиленія душевнаго, какъ этотъ псаломъ. Кажется, онъ написанъ не чернилами, а слезами; и долженъ быть не пѣтъ, а плаканъ. Посему-то возглашается онъ въ церкви въ тѣ недѣли, кои служатъ приготовленіемъ къ святому и великому посту. Но нисколько не будетъ излишне, если мы и теперь, во время поста, повторимъ кратко для себя содержаніе сего умилительнаго псалма. Приведши себѣ такимъ образомъ на память жалкую судьбу израильтянъ въ плѣну вавилонскомъ, мы въ ней, какъ въ зеркалѣ, можемъ увидѣть и наше бѣдственное положеніе на землѣ—въ узахъ грѣха и страстей, а это пробудитъ въ иномъ мысль о свободѣ духовной, и расположитъ искать ее у великаго Разрѣшителя всѣхъ узъ, къ чему настоящее время поста представляетъ столько средствъ для самыхъ слабыхъ вѣрою и духомъ.—Итакъ, что же дѣлаютъ израильтяне въ Вавилонѣ?

На рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона.

Вотъ чѣмъ занимаются плѣнники іерусалимскіе! Вмѣсто того, чтобы строить для себя въ Вавилонѣ домы, насаждать вертограды, заниматься куплею и продажею, на что дано чрезъ Пророка разрѣшеніе отъ Самого Бога, они присѣдятъ на берегу рѣкъ вавилонскихъ, какъ бы въ ожиданіи, что волны рѣчныя съ часу на часъ поднимутъ ихъ и унесутъ въ отечество;—сидятъ и плачутъ, воспоминая о своемъ возлюбленномъ Сіонѣ. Тѣло ихъ въ Вавилонѣ, а духъ и сердце въ Іерусалимѣ. На что ни посмотрятъ въ странѣ чуждой,

ничто не радуетъ ихъ, а все пробуждаетъ мысль объ отечествѣ: *на рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона.*

При взглядѣ на органы, кои израильтяне принесли съ собою въ плѣнъ—не для забавъ, а чтобы бряцать на нихъ хвалу и славу Іеговы, — у вавилонянъ раждается любопытство и желаніе послушать пѣсней сіонскихъ. Плѣннику ли отказать побѣдителямъ въ сей просьбѣ? Иные почли бы за счастіе угодить такимъ образомъ своимъ гордымъ владыкамъ, но израильтянинъ, теперь, не таковъ! Онъ страшится и одной мысли — осквернить священную пѣснь Сіона слухомъ языческимъ. Вмѣсто удовлетворенія желаній вавилонянъ, плѣнники, въ полномъ сознаніи величія и достоинства своей вѣры, отвѣчаютъ: *како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей?* Отвѣчаютъ такъ, ни мало не заботясь, что ихъ участь, и безъ того горькая, можетъ чрезъ то отяготиться еще болѣе.

Неблаговременный вызовъ со стороны побѣдителей къ веселію и игрѣ, когда у плѣнниковъ текутъ изъ очей слезы, пробуждаетъ въ израильтянахъ новый порывъ любви къ отечеству, — и они даютъ обѣтъ никогда не измѣнять ему: *аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя!*

По удаленіи вавилонянъ, оставшись одни, плѣнные израильтяне тѣмъ сильнѣе предаются противъ нихъ негодованію, что видятъ, какъ они, лишивъ ихъ отечества, хотѣли бы лишить и благородства духа: *дщи Вавилонія окаянная, блаженъ, иже воздастъ тебѣ воздаяніе твое, еже воздала еси намъ! Блаженъ, иже иметъ и разбіетъ младенцы твоя о камень!*

Такъ мыслили, такъ чувствовали, такъ вели себя израильтяне въ плѣну вавилонскомъ!—Кто не преклонится съ уваженіемъ предъ сими чувствами? Не скажетъ, что народъ израильскій въ самомъ плѣну и униженіи показалъ при семъ случаѣ, что онъ не напрасно былъ возлюбленъ Господомъ и избранъ Имъ нѣкогда въ особенный удѣлъ Себѣ изъ всѣхъ народовъ?

Тяжелъ, братіе мои, былъ плѣнъ вавилонскій; сокрушительно иго, возложенное Навуходоносоромъ на бѣдныхъ сыновъ Израиля! — Но что значатъ всѣ плѣны вавилонскіе и египетскіе въ сравненіи съ тѣмъ ужаснымъ плѣномъ, въ коемъ находится весь родъ человѣческій? Ибо гдѣ мы всѣ?

Въ странѣ чуждой, въ странѣ мрака и хлада, проклятія и смерти. Было и у насъ отечество — въ раю сладости; но пришелъ врагъ и плѣнилъ насъ; плѣнилъ и повергъ въ нерѣшимыя узы грѣха и страстей. Что мы были и что теперь? Были почтены и украшены образомъ Божіимъ; теперь часто нѣтъ въ насъ и образа человѣческаго. Наслаждались всегдашнимъ здравіемъ души и тѣла, не знали смерти и тлѣнія; теперь всѣ стонемъ изъ дѣтства отъ болѣзней душевныхъ и тѣлесныхъ и, послѣ многихъ скорбей и бѣдъ, обращаемся въ землю, отъ нея же взяты. Всѣ твари вначалѣ служили намъ съ радостію и были яко малые домочадцы въ великомъ домѣ Божіемъ, теперь всѣ твари или убѣгаютъ отъ человѣка, или возстаютъ на него и терзаютъ своего владыку. Самое рожденіе каждаго изъ насъ, какъ нѣкоего изверга, омывается кровію и слезами; самые чистые и праведные труды сопровождаются потомъ лица и не приносятъ иногда ничего, кромѣ скорби и воздыханій. Тьма въ умѣ, злость въ волѣ, горесть въ сердцѣ, нечистота въ чувствѣ, бренность въ тѣлѣ, мертвость во всемъ существѣ, удаленіе отъ небеснаго отечества,—вотъ наша доля всѣхъ и каждаго — отъ Адама и до сего дне!

Не должно ли послѣ сего ожидать, что и мы, подобно израильтянамъ въ Вавилонѣ, будемъ рыдать и плакать о своемъ потерянномъ Сіонѣ? Что будемъ, по крайней мѣрѣ, помнить всегда, гдѣ мы и что съ нами; не будемъ прилѣпляться сердцемъ къ странѣ чуждой и плѣну нашему, а ожидать съ радостію того вожделѣннаго часа, когда рукою Ангела смерти сложатся съ насъ всѣ узы, и мы возвратимся туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія? Но посмотрите на міръ человѣческій.—Что увидите? Увидите купующихъ и продающихъ, услышите лики и тимпаны, всюду встрѣтите людей, кои о томъ только мыслятъ, чтобы ежедневно радоваться и веселиться, праздновать и торжествовать. У многихъ потеряна самая мысль о Сіонѣ, о томъ блаженномъ состояніи, въ коемъ былъ человѣкъ первозданный; другіе, если и воспоминаютъ о немъ иногда, то какъ о предметѣ, до нихъ не касающемся. Остаться, если бы возможно было, на землѣ вѣчно, то есть, вѣчно жить въ плѣну земныхъ нуждъ и треволненій, въ узахъ страстей и болѣзней,—это для многихъ составило бы верхъ наградъ и желаній!.. Ничто не можетъ

раскрыть намъ очей и показать, что мы не на своей родинѣ, что мы въ плѣну и заточеніи. Напрасно смерть безъ всякаго порядка восхищаетъ насъ, одного за другимъ, въ вѣчность. мы спокойно становимся на убылое мѣсто и продолжаемъ то же заблужденіе!...

Такъ унизились, огрубѣли, обезчувствѣли мы въ плѣну нашемъ! До того забыто нами, что мы были нѣкогда и чѣмъ паки быть должны! Малая токмо часть, какъ бы нѣкіимъ чудомъ спасшаяся отъ всеобщаго ослѣпленія, видитъ истинное положеніе человѣка на землѣ; чувствуетъ, какое тяжкое иго на всѣхъ сынѣхъ Адамлихъ; воздыхаетъ и плачетъ о падшемъ состояніи всѣхъ и каждаго. И что же? Сіи избранные. сіи ясновидящіе кажутся для всѣхъ прочихъ—людьми мрачными, мечтателями легкомысленными, существами малоспособными къ жизни общественной, такими лицами, о коихъ должно сожалѣть. и коихъ не безполезно избѣгать!...

По истинѣ. если гдѣ, то въ семъ жалкомъ ослѣпленіи человѣческомъ обнаруживаются вся сила и ужасное свойство грѣха. ибо явно, что онъ не только лишаетъ человѣка богоподобія, не только унижаетъ его до состоянія неразумныхъ тварей, дѣлаетъ похожимъ на духа отверженнаго; но. вдобавокъ къ униженію и плѣну, исторгаетъ у него самую память о его прежнемъ величіи и будущемъ предназначеніи. Послѣ сего бѣдный грѣшникъ не смѣетъ поднять очей на небо, яко ему чуждое; не видитъ предъ собою ничего, кромѣ земли; въ угожденіи бѣдному чреву поставляетъ все свое блаженство; за мимолетными благами и забавами гоняется. какъ дитя; на самую смерть свою смотритъ, какъ на дань природѣ, тогда какъ она есть точію оброкъ грѣха.

Душа падшая. душа плѣнная, душа погибающая, пробудись отъ своего нечувствія и познай, кто ты! Грѣхъ и страсти унизили, ослѣпили, подавили, умертвили тебя; но ты и теперь болѣе заключаешь въ себѣ, нежели сколько есть въ видимомъ мірѣ, ибо ты—одушевленный образъ Божій. Сама по себѣ ты не можешь подумать о томъ, чтобы сразиться съ жестокимъ врагомъ твоимъ и разорвать узы. на тебя возложенныя; но у тебя есть всемогущій Заступникъ. Который можетъ *связать крѣпкаго* (Мат. 12, 29) противника твоего, разрушить всѣ твердыни его и преподать тебѣ всѣ средства къ возврату въ отечество. Предай себя

Ему, — и невозможное сдѣлается возможнымъ. Какъ бы ты ни была погружена въ чувственность, какъ бы ни были тяжки и велики грѣхи твои, хотя бы чернотою твоею ты походила на самого духа злобы: все исправится, все убѣлится, все просвѣтлѣетъ, и ты паки содѣлаешься такимъ существомъ, въ коемъ будетъ почивать Самъ Богъ; достигнешь еще на землѣ того величія, предъ коимъ не со страхомъ токмо, но и съ любовію начнетъ преклоняться вся тварь.

Хочешь ли, возлюбленный слушатель, узнать, какъ намъ нужно вести себя въ плѣну нашемъ, чтобы возвратиться въ первобытное состояніе невинности и блаженства?

Возьмемъ для сего примѣръ съ израильтянъ и ихъ поведеніе въ Вавилонѣ. Не смотря на удаленіе отъ любезнаго отечества. они духомъ и мыслію своею непрестанно были въ Сіонѣ и Іерусалимѣ: да витаетъ, какъ можно чаще, и наша мысль и нашъ духъ не въ селеніяхъ подобныхъ намъ грѣшниковъ, а въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небеснаго. Да содѣлается, какъ у израильтянъ, и у насъ всѣхъ началомъ и концемъ занятій и всякаго веселія мысль о Іерусалимѣ небесномъ, о томъ блаженномъ часѣ, когда мы, сбросивъ тяжелыя узы плоти, должны будемъ возвратиться въ свое отечество.

Помышляя о святыхъ радостяхъ Сіона, израильтяне не хотѣли принимать участія въ нечистыхъ забавахъ и языческихъ увеселеніяхъ вавилонскихъ, да удалятся, сколько возможно, и отъ насъ тлетворныя забавы и утѣхи плотскія, кои, въ самомъ очищенномъ видѣ ихъ, вредятъ уже тѣмъ, что губятъ драгоцѣнное время и земленятъ сердце. Будемъ говорить почаще душѣ своей словами израильтянъ: *како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей?* Какъ намъ веселиться и радоваться безумно, когда мы въ плѣну грѣха, подъ гнѣвомъ Божіимъ, съ лютыми язвами въ совѣсти? Намъ ли предаваться суетамъ и губить время, когда насъ ожидаетъ смерть, судъ страшный и вѣчность?

Израильтяне, въ порывѣ праведнаго негодованія, изъявляли желаніе, чтобы самые младенцы дщери Вавилонской, лишившей ихъ отечества, были разбиты о камень; вооружимся и мы святою ревностію противъ всѣхъ исчадій нашей грѣховной природы. Начнемъ не только огребаться плотскихъ грубыхъ грѣховъ, но избивать о камень самоотвер-

женія самые нечистые помыслы, самыя тайныя зловожделѣнія души и сердца. Если мы, одушевившись вѣрою и призвавъ на помощь благодать Божію, пребудемъ постоянны въ семъ святомъ подвигѣ, то узы плѣна грѣховнаго будутъ со дня на день слабѣть на насъ; и мы, находясь еще въ Вавилонѣ міра сего, начнемъ ощущать блаженную свободу духа, возноситься надъ всѣмъ бреннымъ; а по прошествіи краткихъ дней земной жизни,—когда Ангелъ смерти сниметъ съ насъ послѣднія узы плоти,—въ мирѣ и съ радостію возвратимся въ Іерусалимъ небесный. Аминь.

Слово въ пятокъ 2-ой недѣли Великаго поста, предъ исповѣдію.

Благо есть исповѣдатися Господеви! (Пс. 91, 2.)

Такому лицу, каковъ былъ святый Давидъ,—царю, ущедренному отъ Господа и дарами природы, и дарами благодати, и однако же глубоко падавшему иногда съ высоты своего сугубаго, царепророческаго, достоинства, безъ сомнѣнія не легче насъ, братіе мои, было исповѣдывать свои грѣхи и признаваться въ своихъ беззаконіяхъ. Между тѣмъ видите, какъ онъ смотритъ на исповѣдь:—какъ на великую милость, какъ на драгоцѣнный даръ, какъ на услажденіе души и сердца: *благо есть исповѣдатися Господеви!*

А изъ насъ многіе идутъ къ духовному отцу на исповѣдь, какъ на нѣкое истязаніе, стыдясь учинить признаніе во грѣхахъ своихъ. Откуда эта разность? Отъ того, что святый Давидъ ясно видѣлъ, какъ вреденъ и пагубенъ для человѣка грѣхъ, а мы не видимъ сего. Ибо кто видитъ смертоносную ядовитость грѣха, тотъ естественно старается освободиться отъ него, и потому любитъ исповѣдь, яко вѣрнѣйшее къ тому средство. А кто не увѣренъ въ заключающейся во грѣхѣ пагубѣ, тотъ по тому самому не дорожитъ и исповѣдію, а напротивъ тяготится ею; ибо она заставляетъ его раскрывать предъ служителемъ алтаря всю срамоту своихъ грѣховныхъ дѣяній. Посему предъ исповѣдію крайне нужно каждому исповѣдующемуся пріобрѣсть увѣренность въ томъ, что грѣхъ есть величайшее зло для человѣка, такъ

что, если онъ не освободится отъ него посредствомъ покаянія исповѣди, то, рано или поздно, погибнетъ на вѣки.

Трудно ли увѣриться въ семъ? Нѣтъ, для сего довольно обратить вниманіе даже на одну, такъ сказать, поверхность грѣха.

Ибо, что есть грѣхъ?—Нарушеніе пресвятой воли Творца. Теперь судите: малое ли дѣло стать противникомъ и врагомъ Существа всемогущаго,—того Существа, въ рукахъ Коего мы и весь міръ, наша жизнь и дыханіе, наше время и наша вѣчность!

Что есть грѣхъ? Уклоненіе на сторону врага Божія—діавола. Опять судите, малое ли дѣло стать заодно съ симъ человѣкоубійцей, сдѣлаться похожимъ на него въ измѣнѣ истинѣ, заразиться его ядомъ зміинымъ!

Что есть грѣхъ? Ослѣпленіе ума, развращеніе воли, искаженіе совѣсти, растлѣніе тѣла. Бездѣлица ли—испортить такимъ образомъ все богоподобное существо свое, уклонить его отъ цѣли бытія въ противную сторону и внести въ него сѣмя тли и смерти вѣчной!

Что ожидаетъ грѣшника въ будущемъ? Ожидаетъ еще большая тьма, еще большее изможденіе силъ, еще большее горе и пагуба, ожидаетъ конечное лишеніе всѣхъ благъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, конечное отверженіе отъ лица Божія, осужденіе на вѣчное мученіе въ адѣ, съ діаволомъ и аггелами его.

Довольно и сихъ самыхъ простыхъ понятій о грѣхѣ, чтобы затрепетать всѣмъ существомъ своимъ при одной мысли, что ты грѣшникъ!

А трепеща при мысли о своихъ грѣхахъ, какъ не поспѣшить къ исповѣди, когда въ ней, силою Премудрости Божіей, открытъ способъ къ примиренію насъ съ Богомъ и своею совѣстію? Когда въ ней за одно чистосердечное признаніе своихъ беззаконій и раскаяніе въ нихъ подается совершенное прощеніе? По истинѣ, мы должны были бы спѣшить къ исповѣди и тогда, если бы въ ней требовалось что-либо самое тяжкое для насъ и неудобоисполнимое: ибо лучше все претерпѣть и всего лишиться, нежели оставаться врагомъ Богу и другомъ діаволу. Но отъ насъ ничего подобнаго не требуется, а только самое необходимое—чтобы мы исповѣдали свои грѣхи, показали отвращеніе къ нимъ, рѣшились

оставить ихъ навсегда и вознаградить прошедшее, чѣмъ можемъ, въ настоящемъ. И отъ этого удаляться? и это почитать труднымъ?—и ради этого оставаться во грѣхахъ?—Что же значитъ послѣ сего наше покаяніе? Гдѣ ненависть ко грѣху? Гдѣ любовь къ Богу, къ самимъ себѣ?

Скажемъ же, братіе, и мы со святымъ Давидомъ: *благо есть исповѣдатися Господеви;* и поспѣшимъ къ святому налою, какъ преступники спѣшатъ къ тому мѣсту, гдѣ объявляется прощеніе и милость царская. Аминь.

Слово въ субботу 2-ой недѣли Великаго поста по причащеніи Св. Таинъ.

Съ чѣмъ привѣтствовать васъ, возлюбленные? Съ окончаніемъ, или съ началомъ добраго подвига? Можно привѣтствовать и съ окончаніемъ; но, кажется, лучше съ началомъ. Ибо,—ссылаемся на васъ самихъ,—можете ли вы сказать, что дѣло спасенія вашего кончено? Нѣтъ, оно кончится не нынѣ, не завтра, а, если дастъ Господь, вмѣстѣ съ нашею жизнію!...

Что же кончилось теперь? Окончилось обыкновенное и видимое, такъ называемое, говѣніе; окончилось урочное хожденіе въ церковь на богослуженіе; окончилось приготовленіе къ таинству Исповѣди и св. Причастія;—а дѣло спасенія, это великое и святое дѣло, ахъ, оно еще не кончено, не кончено!...

Если бы хотя началось теперь во всѣхъ, какъ должно! И начало спасенія дѣло не малое, больше всѣхъ, такъ называемыхъ, великихъ дѣлъ міра. Ибо, что̀ имъ предполагается? Предполагается, что душа, спавшая доселѣ сномъ смертнымъ, бывшая добычею врага Божія, воспрянула, пробудилась, пришла въ чувство и начала жить и дѣйствовать по законамъ истины и правды; — предполагается, что узы грѣха разорваны, плѣнъ страстей кончился, идолы плоти сокрушены, знамя вѣры и любви чистой поднято, путь изъ Египта въ Ханаанъ начатъ: о, есть съ чѣмъ привѣтствовать того, въ коемъ положено это начало!

Есть ли же оно въ васъ? Вѣруемъ, что есть; ибо, не вы ли исповѣдали вчера свои грѣхи, дали обѣтъ не возвращаться

на прежнія беззаконія и вести отнынѣ мужественную брань съ порокомъ и соблазнами вѣка? Откуда могли произойти эта исповѣдь и сіи святые обѣты, какъ не изъ отвращенія ко грѣху и беззаконію? Не вы ли, вслѣдствіе вашей исповѣди, пріяли вчера отпущеніе вашихъ грѣховъ, вступили въ миръ съ Богомъ и своею совѣстію? Что это, какъ не возвращеніе вамъ первобытнаго состоянія невинности, не дарованіе свободы духа и совѣсти, не новое рожденіе для новой жизни въ Богѣ, для новаго образа мыслей, чувствъ и дѣйствій? Не вы ли, наконецъ, пріобщились нынѣ самаго божественнаго Тѣла и Крови Спасителя? Но что̀ можетъ служить лучше сего и къ укрѣпленію въ духовной жизни, и въ борьбѣ со страстями, и залогомъ обѣтованій вѣчныхъ?

Итакъ, въ васъ есть теперь все, изъ чего слагается начало нашего спасенія—и желаніе быть добрыми, и силы на добро, и рѣшимость сражаться съ пороками, и свобода отъ нихъ, и вожделѣніе жизни вѣчной, и самый залогъ и обрученіе ея. Съ симъ-то благимъ началомъ привѣтствуемъ мы теперь васъ; привѣтствуемъ и молимъ хранить и продолжать начатое, воспользоваться преимуществами новаго благодатнаго состоянія, устремиться по пути правды, къ вамъ приближенному и для васъ открытому, употребить въ дѣло благодать помилованія и освященія, а для сего—немедленно размыслить, какъ вамъ вести себя отселѣ, что̀ оставить, что̀ начать и что̀ продолжать. Ибо отчего погибали плоды прежнихъ говѣній, исповѣдей и причащеній? Именно отъ того, что не было взято необходимыхъ мѣръ для ихъ охраненія;—отъ того, что, съ окончаніемъ говѣнія, думали, кончилось самое дѣло спасенія;—отъ того, что, вышедъ изъ храма по причащеніи, паки тотчасъ предавались прежнему образу мыслей и дѣйствій. Погибнутъ сіи драгоцѣнные плоды и теперь, если поступимъ такъ же, какъ поступали прежде; погибнутъ и теперь, если не поспѣшимъ удалиться отъ всего, что̀ соблазняло и губило насъ; погибнутъ, если не будемъ бодрствовать надъ собою, хранить свое сердце и совѣсть, ограждать себя непрестанно страхомъ Божіимъ и тайною молитвою.

Стойте же, возлюбленные, трезвитесь, бодрствуйте, мужайтесь, укрѣпляйтесь, возрастайте, усовершайтесь! Преподавъ вамъ вчера — отпущеніе грѣховъ, а нынѣ — Тѣло и

Кровь Господа, мы уже ничего болѣе не можемъ сдѣлать для васъ, какъ только продолжить наши молитвы о спасеніи вашемъ и быть готовыми руководить васъ на пути къ небу. А вамъ надобно изыти на дѣло и на дѣланіе свое до вечера вашей жизни. Господь всещедрый, подавшій вамъ духа покаянія и молитвъ, да даруетъ вамъ и духа постоянства и терпѣнія *въ дѣлѣ благѣ*, и да предохранитъ отъ пагубнаго возвращенія вспять! Аминь.

Слово въ недѣлю 2-ую Великаго поста.

Извѣстно ли вамъ, братіе мои, что въ продолженіе Великаго поста каждый день недѣльный посвященъ Церковію воспоминанію какого-либо великаго событія. Такъ, въ воскресенье, непосредственно предъ постомъ, воспоминается въ церкви паденіе Адамово, дабы мы, приведши себѣ на память, какъ родъ человѣческій изгнанъ изъ рая сладости за невоздержаніе, тѣмъ усерднѣе облобызали святый постъ, яко дверь въ рай потерянный. Въ первую недѣлю самаго поста совершается торжество Православія, показующее, чего стоило нѣкогда сохраненіе сокровища вѣры во всей его неприкосновенности, и симъ самымъ научающее насъ дорожить имъ по надлежащему. На срединѣ поприща постнаго предложится для поклоненія всечестный Крестъ, въ ободреніе насъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ и для услажденія имъ горькихъ водъ покаянія. Пятая седмица огласится именемъ святаго Іоанна Лѣствичника, яко величайшаго изъ подвижниковъ благочестія, который не токмо самъ, какъ орелъ, воспарилъ надъ всѣмъ дольнимъ, но, въ твореніяхъ своихъ, начерталъ и для другихъ лѣствицу къ небу. Послѣдняя недѣля четыредесятницы начнется ублаженіемъ памяти преподобной Маріи Египетской, яко трогательнѣйшаго образца покаянія: ибо первою половиною жизни своей, она, какъ извѣстно, превзошла едва не всѣхъ грѣшниковъ; а въ продолженіе послѣдней—удивила чистотою своею самихъ Ангеловъ. Въ нынѣшній день недѣльный, по уставу святой Церкви, прославляются подвиги святаго Григорія Паламы, архіепископа ѳессалонитскаго.

При такомъ распорядкѣ въ уставѣ церковномъ, въ каждую седмицу нынѣшняго поста первый источникъ для душевнаго назиданія нашего есть воспоминаніе, вмѣстѣ съ Церковію, того лица или событія, коему посвящена недѣля. Мы тѣмъ съ большею охотою воспользуемся нынѣ симъ источникомъ—и для васъ и для себя, что онъ, какъ ни близко протекаетъ отъ каждаго, но, къ сожалѣнію, весьма мало употребляется въ дѣло, такъ что для многихъ почти вовсе неизвѣстенъ. Такимъ образомъ, слова и бесѣды наши съ вами, если не будутъ имѣть другаго какого дѣйствія, то, по крайней мѣрѣ, приведутъ сколько-нибудь въ извѣстность сей святый источникъ.

Итакъ, нынѣ, какъ мы сказали, совершается хвалебная память иже во святыхъ отца нашего Григорія Паламы. Чѣмъ заслужилъ онъ почесть столь великую? Не тѣмъ ли, что былъ пастырь знаменитой, особенно въ древности, паствы ѳессалонитской? Но мы имѣемъ пространный списокъ пастырей сея Церкви, и ни одинъ изъ нихъ не раздѣляетъ сей чести со святымъ Григоріемъ. Или, можетъ быть, онъ прославляется за то, что былъ просвѣщеннѣйшій святитель своего времени и оставилъ намъ много своихъ поучительныхъ твореній? Но и за это отличіе надлежало бы прославлять не его одного, а и многихъ другихъ, чего однако же не дѣлаетъ святая Церковь. Можно еще подумать, что святый Григорій ублажается такъ за свою особенную святость. Это гораздо ближе къ дѣлу; ибо, безъ святости жизни, онъ никоимъ образомъ не содѣлался бы предметомъ похвалы для Церкви; но и сія причина не изъясняетъ всего, такъ какъ и святостію жизни отличался не онъ одинъ, а многіе. Если цѣлая седмица святаго поста украшается именемъ святаго Григорія: то должно быть въ самыхъ дѣяніяхъ его нѣчто такое, почему онъ особенно приходитъ на память во время поста, и вслѣдствіе чего воспоминаніе о немъ служитъ къ особенному назиданію для постящихся. Что̀ бы это было такое?—То, какъ видно изъ житія его, что онъ, во-первыхъ, былъ одинъ изъ величайшихъ подвижниковъ въ монашескомъ и, слѣдовательно, постническомъ и труженическомъ образѣ жизни, на святой горѣ Аѳонской. Тамъ провелъ онъ большую часть своихъ дней въ постѣ, молитвѣ и безмолвіи, и тамъ возросъ онъ до той чистоты сердца и высоты духа,

что содѣлался видимымъ и ощутительнымъ для всѣхъ сосудомъ благодати Божіей.—То, во-вторыхъ, что святый Григорій былъ ревностнѣйшій поборникъ житія пустыннаго и, слѣдовательно, постнаго противъ тѣхъ, кои хотѣли очернить и унизить его разными клеветами. Послѣднее обстоятельство сіе требуетъ поясненія: посему мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности, кои, впрочемъ, таковы, что могутъ послужить къ назиданію и въ наше время.

Пустынножители горы Аѳонской, ведя образъ жизни подвижнической, до того очищали себя отъ всего плотскаго и до того утончались и возвышались въ духѣ, что многіе изъ нихъ сподобляемы были откровеній и видѣній духовныхъ,—особенно осіянія свѣтомъ небеснымъ, подобнымъ тому, который видѣнъ былъ окрестъ Спасителя на Ѳаворѣ. Въ событіи семъ, не только не было ничего противнаго духу Евангелія, но, можно сказать, оно было доказательствомъ и залогомъ того, что̀ обѣщается въ немъ праведникамъ: то есть, что они сами просвѣтятся яко солнце въ царствіи небесномъ. Ибо, удивительно ли, что тѣ, кои предназначены быть нѣкогда, яко солнце, и нынѣ уже, на землѣ еще, озаряются яко луна свѣтомъ отъ духовнаго Солнца, еже есть Христосъ Господь? Но иначе смотрѣли на сей духовный опытъ враги Православія. Вмѣсто того, чтобы признать съ благоговѣніемъ въ немъ успѣхъ подвижниковъ въ духовной жизни, они смотрѣли на него, какъ на плодъ воображенія. Мало сего: начали разглашать всюду, что аѳонскіе пустынники впали не только въ самообольщеніе, но и въ ересь; что они, усвояя сему пренебесному свѣту божественность, вводятъ якобы въ Божество два начала—сотворенное и несотворенное,—что подобнымъ ученіемъ нарушается даже вѣра правая.

Можете представить, братіе, какъ горька была клевета сія для обитателей святой горы и какъ тяжела для всей Церкви православной! Среди тогдашнихъ треволненій еретическихъ, Аѳонъ всегда былъ яко духовный Араратъ, на коемъ находилъ себѣ пристанище и спасался ковчегъ Православія;—и вотъ, на семъ самомъ Араратѣ, какъ утверждали зломыслящіе, является ересь, является подъ видомъ самымъ благочестивымъ и, слѣдовательно, наиболѣе опаснымъ! Такая мысль могла привести въ смущеніе и тѣхъ, коихъ *чувствія* обучены, по выраженію Апостола, *долгимъ ученіемъ* на раз-

личеніе *добра и зла* (Евр. 5, 14); тѣмъ паче не могли оставаться въ покоѣ души простыя и малоопытныя въ жизни духовной: вся Церковь греческая пришла въ сильное волненіе!...

Въ сіе-то опасное для Церкви время, пастырь ѳессалонитскій является яко ангелъ тишины для укрощенія бури.— Обладая обширнымъ и глубокимъ познаніемъ Св. Писанія, онъ показуетъ всѣмъ и каждому, что ученіе о свѣтѣ ѳаворскомъ, коего видѣнія сподобляются подвижники аѳонскіе, совершенно согласно съ духомъ Евангелія, что тѣ, кои сомнѣваются въ бытіи сего свѣта и въ озареніи имъ избранныхъ Божіихъ еще на землѣ, обнаруживаютъ симъ только недостатокъ своей чистоты и своихъ духовныхъ подвиговъ.— Какъ ученикъ и воспитанникъ Аѳона, коему не по слухамъ только, а на опытѣ извѣстенъ былъ образъ жизни тамошнихъ подвижниковъ, св. Григорій входитъ во всѣ подробности спорнаго предмета, преслѣдуетъ каждую клевету зломыслящихъ отъ перваго ея начала и до послѣдняго конца и, разсѣявъ такимъ образомъ тьму, наведенную на святую гору, показуетъ ее во всемъ, дотолѣ еще не такъ извѣстномъ, величіи духовномъ. Самый плѣнъ у сарацынъ не связываетъ устъ св. Григорія: онъ и въ узахъ продолжаетъ разить враговъ Православія и утверждать въ истинѣ колеблющихся чадъ Церкви.

Въ благодарность за сіи-то апостольскіе подвиги, доставившіе миръ Церкви православной и пріобрѣтшіе Григорію наименованіе—*сына свѣта Божественнаго*, вскорѣ по святой кончинѣ его, единодушно положено пастырями Церкви, чтобы память о немъ украшала собою настоящій день недѣльный. И праведно! Поелику имъ ограждена и защищена честь не жителей токмо Аѳона, а всей жизни подвижнической; спасена честь святаго поста, яко первѣйшаго изъ средствъ, коимъ св. подвижники аѳонскіе достигали озаренія свѣтомъ Божественнымъ: то воспоминаніе подвиговъ св. Григорія всего болѣе потому приличествовало не другому какому-либо времени, а именно днямъ Великаго поста.

Мы, благодареніе Господу, свободны отъ еретическихъ треволненій, смущавшихъ Церковь во время св. Григорія; но память о немъ весьма поучительна и для насъ. Чѣмъ?— Тѣмъ, чтобы мы, содержа въ умѣ древній примѣръ, не позво-

ляли себѣ увлекаться тѣми легкомысленными сужденіями о жизни подвижнической и, въ частности, о святомъ постѣ. кои. къ сожалѣнію, можно слышать по временамъ и изъ устъ людей, нечуждыхъ уваженія къ Церкви. Тѣмъ паче, чтобы заграждали слухъ свой отъ безумнаго глумленія въ семъ родѣ тѣхъ, кои берутся судить о всемъ и отвергать все, сами не вѣдая, какъ должно, ничего. Не удивительно, если духовные опыты св. подвижниковъ всего чаще подвергаются нареканію у таковыхъ лжеумниковъ; ибо они слишкомъ удалены отъ ихъ скуднаго и слабаго понятія о предметахъ духовныхъ и совершенно противоположны ихъ оплотянѣлому взгляду на все и на самый духъ человѣческій.

Если встрѣтите подобныхъ людей, если услышите подобныя рѣчи: то вспомните о святомъ Григоріи и его подвигѣ; вспомните, какъ онъ разсѣялъ и низложилъ клеветы на святую жизнь подвижниковъ. Такое воспоминаніе послужитъ для васъ всегда готовымъ щитомъ противъ соблазна.—Не въ первый и не въ послѣдній разъ жизнь по духу подвергается нареканіямъ отъ людей плотскихъ. Апостолъ давно сказалъ. что *плотскій человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія, и не можетъ разумѣти: юродство бо ему есть* (1 Кор. 2, 14). Примѣтьте выраженіе Апостола: *и не можетъ разумѣти*; какъ же судить о томъ, чего не разумѣемъ? Чтобы судить о духовныхъ предметахъ, тѣмъ паче о духовныхъ опытахъ, надобно самому судящему сподобиться Духа, чего да достигнемъ всѣ мы благодатію Господнею и молитвами св. Григорія! Аминь.

Слово на память четыредесяти мучениковъ.

Жалуются иногда на недостатокъ въ церкви проповѣдниковъ; а мнѣ кажется, что у насъ меньше слушателей, нежели проповѣдниковъ. Ибо, вѣрно, не мало такихъ церквей, въ коихъ не найдется и по десяти слушателей; а проповѣдниковъ нынѣ въ каждой церкви по четыредесяти. Такъ называю я празднуемыхъ нынѣ св. мучениковъ; и, вѣрно, никто не лишитъ ихъ сего священнаго титла. Ибо, если, по слову Писанія, не малъ уже и тотъ, кто возвѣщаетъ истину словомъ и устами; еще болѣе тотъ, кто проповѣдуетъ своими дѣлами и жизнію: то на какую высоту должно поставить

того, кто за истину проповѣди евангельской пролилъ свою кровь и претерпѣлъ смерть мученическую? Предъ такою проповѣдію всѣ наши слова и все наше витійство суть яко слабое лепетаніе младенца предъ величественною рѣчью мужа и старца. Не такая ли проповѣдь сокрушила идоловъ и привлекла ко Христу вселенную? У первобытныхъ христіанъ, гонимыхъ кесарями и философами, не было не только каѳедръ проповѣдническихъ, ниже храмовъ; самое Богослуженіе и таинства совершались изрѣдка, тайно, подъ землею, среди безмолвія полунощнаго. Но гласъ евангельской проповѣди гремѣлъ неумолкно во всѣ концы земли: не давалъ покоя ни кесарямъ, ни философамъ, влеча всѣхъ и каждаго ко Христу. Откуда исходилъ онъ? Изъ мрачныхъ темницъ, наполненныхъ христіанами,—изъ раскаленныхъ печей и конобовъ, въ кои повергали ихъ,—съ пылающихъ костровъ и крестовъ, облитыхъ кровію свидѣтелей истины. Является на позоръ среди града или веси исповѣдникъ Христовъ, и начинается проповѣдь! Ему предлагаютъ прощеніе и свободу, богатства и чести, иногда цвѣтущую красотою невѣсту, да поклонится идоламъ; но онъ возводитъ очи горѣ и, вмѣсто отвѣта, знаменуетъ себя крестомъ!... Его подвергаютъ мукамъ, бичуютъ, жгутъ различными огнями, рвутъ тѣло клещами, лишаютъ очей и устъ: онъ терпитъ безъ ропота и молится о самыхъ мучителяхъ! Его предаютъ на растерзаніе лютымъ звѣрямъ, или пригвождаютъ ко кресту, или повергаютъ съ камнемъ на выи въ море: онъ срѣтаетъ смерть съ такимъ свѣтлымъ лицемъ, съ какимъ рѣдкіе идутъ подъ вѣнецъ брачный. Удивительно ли послѣ сего, что самыя грубыя толпы народа, пораженныя величіемъ души страдальца, пришедъ сами въ умиленіе и нѣкоего рода святый восторгъ, восклицали: «великъ Богъ христіанскій! свята вѣра, дающая такое мужество и презрѣніе жизни!» Сею-то проповѣдію, братіе мои, побѣжденъ міръ, не оружіемъ, не краснорѣчіемъ, не мудростію земною! И вотъ, подобныхъ проповѣдниковъ является нынѣ предъ насъ, не одинъ, не два, не десять, а четыредесять, какъ бы по числу дней святаго и великаго поста.

Что же они намъ проповѣдуютъ? Проповѣдуютъ любить Христа до смерти, не бояться на землѣ ничего, кромѣ Бога,—пренебрегать всѣми благами міра, какъ бреніемъ, вѣровать

въ жизнь будущую такъ, какъ бы она была предъ очами нашими. Ибо, что̀ могло расположить ихъ отвергнуть всѣ ласки и обѣщанія судіи, презрѣть всѣ угрозы и лютость мучителя, какъ не живая вѣра во Христа и упованіе жизни вѣчной? Что̀ заставило претерпѣть мразъ всенощнаго пребыванія въ езерѣ зимнемъ, сокрушеніе ногъ и голеней млатомъ, какъ не вся терпящая и николиже отпадающая любовь ко Христу?—«Не точію честь воинскую. но и самыя тѣлеса наши возьми отъ насъ: ничтоже бо намъ есть дражае. ничтоже честнѣе, паче Христа Бога нашего», такъ отвѣчали мученики на угрозы игемона. Что же мучитель? Кипя гнѣвомъ и пользуясь временемъ года, онъ повелѣваетъ ихъ, связанныхъ и обнаженныхъ, повергнуть въ езеро, да погибнутъ отъ мраза; и въ тоже время, злохитрый, велитъ устроить на берегу баню, да желающій избѣжать смерти обрѣтетъ себѣ въ ней жизнь. Такимъ образомъ и мразъ и теплота равно служатъ злобѣ мучителя и во искушеніе подвижниковъ. Но кто и что можетъ разлучить истинно-вѣрующихъ отъ любви Христовой? Павелъ давно за всѣхъ ихъ далъ отвѣтъ, что сего не могутъ сдѣлать ни животъ, ни смерть. ни настоящая, ни грядущая.

Какъ бы вы мнили, братіе мои, проведутъ святые подвижники нощь въ езерѣ? Будутъ воздыхать, плакать, желать, по крайней мѣрѣ, скорѣе смерти и призывать ее? Нѣтъ. они совершатъ тамъ всенощное богослуженіе. Слышите ли, какъ начинаютъ раздаваться по воздуху псалмы Давидовы? Слышите ли цѣлый хоръ гласовъ, призывающихъ небо и землю, мразъ, снѣгъ и духъ буренъ хвалить имя Господне? Это гласы святыхъ страдальцевъ. Тѣло ихъ покрывается льдомъ, а сердце разгарается любовію Христовою; уста отъ мраза цѣпенѣютъ, а духъ паритъ, какъ пламень, горѣ, къ Богу крѣпкому и живому. О езеро, не водами, а молитвами наполненное! Не вѣтромъ, а Духомъ Божіимъ колеблемое! Не безсловесныхъ жителей, а какъ бы Ангеловъ безплотныхъ вмѣщающее!

Если гдѣ, то надъ симъ святымъ мѣстомъ и среди сего всенощнаго бдѣнія можно было ожидать особеннаго знаменія небеснаго; и оно послѣдовало! Среди мрака полунощнаго внезапно разверзаются небеса, являются вѣнцы небесные и сходятъ на главы страстотерпцевъ. Но, что̀ значитъ, что

сихъ вѣнцевъ тридесять девять? гдѣ же четыредесятый? Увы, его нѣтъ на небѣ потому, что не стало на землѣ!—Единъ изъ страждущихъ, не стерпѣвъ мукъ, обратился къ банѣ, устроенной мучителемъ; но гдѣ мнилъ, несчастный, обрѣсти спасеніе, тамъ внезапно испустилъ духъ. Но мѣсто неустоявшаго въ брани не останется празднымъ; не нарушится святое число страстотерпцевъ. Званный обратился вспять,—явится не званный, но избранный. Въ самомъ дѣлѣ, кто это безъ судей и мучителей течетъ къ езеру, свергаетъ съ себя одежду и, со гласомъ: «я христіанинъ», становится о страну святыхъ мучениковъ? Это единъ изъ ихъ же стражей, который не предался сну, подобно собратіямъ своимъ; бдѣлъ, яко добрый воинъ, на стражѣ; видѣлъ все терпѣніе и всю вѣру слугъ Христовыхъ; зрѣлъ вѣнцы, на нихъ сходящіе съ неба; и, уразумѣвъ недостающее число ихъ, по причинѣ малодушія единаго, спѣшитъ восполнить собою недостатокъ и принять тотъ вѣнецъ, отъ коего уклонился маловѣрный собратъ ихъ. Опять полный ликъ, опять всецѣлое торжество, опять совершенная побѣда надъ діаволомъ! Четыредесять вошло въ езеро, четыредесять и выйдетъ, да не будетъ ни малѣйшей радости врагу Божію!

Видите ли, какъ справедливо сказано нами, что каждый мученикъ есть проповѣдникъ? Чѣмъ привлеченъ сей новый подвижникъ? Не проповѣдію съ каѳедры церковной, а вѣнцемъ святыхъ исповѣдниковъ, стоявшихъ за Христа всю нощь въ хладномъ езерѣ. Можетъ быть, онъ сто разъ слышалъ проповѣди учителей христіанскихъ, но оставался во тьмѣ идолопоклонства... Когда же увидѣлъ страданіе и мужество исповѣдниковъ, когда безъ слова и проповѣди уразумѣлъ истину и тронулся душею: вознебрегъ своимъ званіемъ, самою жизнію, и въ одну минуту изъ язычника взошелъ на высоту мученика.

Такъ дѣйствовалъ нѣкогда примѣръ святыхъ мучениковъ! Надъ нами, кажется, и онъ потерялъ всю силу. Святые подвиги ихъ, торжествуемые Церковію, содѣлались для насъ похожи на тѣ сонмы звѣздъ, кои, за отдаленіемъ, сливаются для нашего глаза въ туманно-свѣтлыя пятна. Когда наводится на эти пятна зрительная труба, они раздѣляются въ яркія звѣзды, и мы дивимся ихъ величію; а во все прочее время не обращаемъ на нихъ никакого вниманія, даже не

знаемъ о ихъ существованіи. Такъ, когда проповѣдникъ ли, или какая книга разскажетъ намъ о подвигахъ мученическихъ: мы изумляемся величію душй ихъ, не думая однако же нисколько о томъ, чтобы взять съ нихъ примѣръ для своихъ дѣйствій, засвѣтить отъ ихъ небеснаго огня въ своемъ сердцѣ вѣру, устремиться по слѣдамъ ихъ любви къ Богу. А безъ книгъ и проповѣдника дѣянія мучениковъ для насъ, по невниманію нашему къ нимъ, какъ бы не существуютъ. Даже тѣ изъ насъ, кои носятъ имена святыхъ мучениковъ, часто вовсе не знаютъ, кто былъ тотъ, коего именемъ они отличаются со дня своего рожденія.

Но обратимся къ нашимъ проповѣдникамъ. Итакъ, езеро не потопило ихъ; мразъ зимній не погасилъ въ нихъ пламени вѣры и любви: вошли въ езеро простыми воинами Христовыми, а вышли съ вѣнцами побѣдными; все воинство діавола низложили, а сами не потеряли ни единаго ратника; ибо на мѣсто взятаго въ плѣнъ тотчасъ явился новый. Что же дѣлаетъ мучитель? Осуждаетъ ихъ на перебіеніе голеней и симъ, не вѣдая самъ, уготовляетъ имъ новый вѣнецъ на небѣ и даже новую отраду въ самомъ мученіи на землѣ. Ибо симъ родомъ мученій и смерти они, подобно Апостолу Павлу, восполняли въ себѣ *лишеніе скорбей Христовыхъ* (Колос. 1, 24).

Могъ ли послѣ сего оставить ихъ безъ подкрѣпленія на сей подвигъ Тотъ, Кто Самъ въ вертоградѣ Геѳсиманскомъ благоволилъ быть укрѣпляемъ отъ Ангела?—И се,—въ часъ полунощи, которую святые мученики проводили въ молитвѣ и пѣснопѣніи, ожидая на утро смерти, темница ихъ исполняется свѣтомъ небеснымъ, и они слышатъ гласъ, глаголющій: «вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ! дерзайте, мужайтесь, стойте: побѣждающій пріиметъ вѣнецъ жизни!»— Ободренные симъ гласомъ, страстотерпцы на утріе шли на смерть, какъ мы возвращаемся послѣ долговременнаго отсутствія въ домъ отеческій.

Итакъ, душа ихъ уже воспарила на небо; но святыя тѣлеса оставались еще во власти мучителей. Что же дѣлаютъ слуги сатаны (ибо онъ единъ былъ истиннымъ врагомъ Христа и гонителемъ христіанъ: судіи и мучители языческіе были только его слѣпыми орудіями, ревнуя по чести мнимыхъ боговъ своихъ)? Зная, что христіане дорожатъ остан-

ками святыхъ мучениковъ и чтутъ съ благоговѣніемъ ихъ яко святыню, они умышляютъ лишить ихъ сего сокровища: для сего предаютъ тѣлеса пламени, и потомъ самые останки, послѣ сожженія, изсыпаютъ въ рѣку, да не останется на землѣ и слѣда отъ свидѣтелей истины. Но, что̀ могутъ всѣ усилія вратъ адовыхъ противъ царства Христова?—Не напрасно написано: *хранитъ Господь вся кости ихъ, и ни одина отъ нихъ сокрушится* (Псал. 33, 21). Въ постыженіе злобы и лукавства сатаны, мученики являются въ сновидѣніи епископу града и повелѣваютъ ему именемъ Божіимъ взять изъ рѣки то, что̀ осталось отъ тѣлесъ ихъ. Повелѣніе радостное. Но какъ исполнить его? какъ приступить къ рѣкѣ предъ глазами мучителей? И, приступивъ, какъ найти то, что̀ поглощено водою и смѣшалось съ струями рѣчными? Но, для вѣры и упованія нѣтъ неисполнимаго. Святитель съ малымъ числомъ вѣрующихъ идетъ къ рѣкѣ ноцію, безъ всякихъ свѣтильниковъ, не вѣдая самъ, какъ обрѣтется сокровище. И се, кости мучениковъ сами собою являются тотчасъ, какъ звѣзды, на днѣ потока, блистая сіяніемъ небеснымъ; и вѣрующіе безъ всякаго усилія собираютъ ихъ, яко драгоцѣнное сокровище, яко ободреніе для самихъ себя на подвигъ мученическій.

Да, братіе мои, на подобный же подвигъ мученическій! Тогда было не то, что̀ нынѣ: нельзя было, подобно намъ, быть христіанами по одному имени. Исповѣдывать Христа значило въ то время быть готовымъ на все: нынѣ лишиться имущества, завтра подвергнуться ссылкѣ, послѣ-завтра идти на костеръ, или на борьбу со львами и тиграми. И нѣкоторые сомнѣваются еще, находя въ жизни мучениковъ чрезвычайныя знаменія и откровенія небесныя, коими Господь утѣшалъ иногда и ободрялъ ихъ! Но могло ли быть иначе? Когда вѣрные рабы Господни непрестанно жертвовали для славы имени Его всѣмъ, самою жизнію: то могла ли любовь Его оставаться холодною къ тѣмъ, кои умирали за Него, и не обнаруживать себя предъ возлюбленными своими особенными знаменіями: когда и намъ, кои для Господа не переносимъ никакихъ трудностей, не роняемъ со главы нашей, можно сказать, ни одного волоса; когда, говорю, и для насъ Господь великодаровитый дѣлаетъ такъ много—оставляетъ столько святыхъ Таинствъ, хранитъ нерушимо Церковь, не отъемлетъ Евангелія и Креста

Своего, ни благодати Святаго Духа? Всемогущій не могъ не являть чудесъ, когда слабый человѣкъ, при всей немощи своей, являлъ съ своей стороны, можно сказать, чудеса вѣры и терпѣнія. Посему я въ большее прихожу удивленіе, когда встрѣчаю жизнь мученика и не вижу чудесъ, нежели когда нахожу ихъ въ избыткѣ.

Взглянемъ еще разъ на свѣтоносный ликъ нашихъ нынѣшнихъ проповѣдниковъ: нашихъ, говорю,—ибо въ самой вещи весьма возможно, что они въ семъ храмѣ теперь не только духомъ, но и нетлѣнными тѣлесами своими. Въ каждомъ храмѣ, какъ не безъизвѣстно вѣроятно и вамъ, есть мощи святыхъ мучениковъ; но какихъ именно, того не вѣдаютъ самые служители храма. Ибо мощи сіи преемственно переходятъ изъ храма въ храмъ, начавъ съ первобытныхъ временъ Церкви. Поелику же нынѣшній ликъ мучениковъ одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ, то не удивительно, если и въ нашемъ храмѣ есть хотя одна изъ тѣхъ святыхъ костей, кои, какъ видѣли мы, яко звѣзды блистали среди потока во тьмѣ ночной.

Что же вѣщаютъ намъ святые мученики, присутствуя съ нами и святыми тѣлесами своими, или точію духомъ? Всѣ вѣщаютъ, какъ мы замѣтили въ началѣ слова, единое и тожде, то есть, любить Господа Іисуса до смерти, не мѣнять заповѣдей Его ни на что въ мірѣ, все терпѣть и переносить для сохраненія драгоцѣннаго залога вѣры и любви, не почитать ничего страшнымъ, кромѣ суда и гнѣва Божія, жить на землѣ для неба и вѣчности, и презирать, совершенно презирать и ни во что вмѣнять, гдѣ нужно, не только землю и все земное, но самое тѣло, самую жизнь свою. Аминь.

Слово въ среду 3-ьей недѣли Великаго поста.

Нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ: се бо входитъ Царь славы, се жертва тайная совершена дорѹносится. Вѣрою и любовію приступимъ, да причастницы жизни вѣчныя будемъ!

О какомъ земномъ торжествѣ, какъ бы велико и славно ни было оно, можно сказать такимъ образомъ? Въ земныхъ торжествахъ, если есть что-либо важное и великое, то оно бы-

ваетъ обыкновенно снаружи, предъ глазами всѣхъ и каждаго; а то, чего не видно, бываетъ нерѣдко мало, даже низко. А въ таинствахъ Церкви напротивъ: видимое часто мало и какъ будто слишкомъ просто и обыкновенно; а незримое и разумѣваемое всегда высоко, свято, божественно. Такъ и при настоящемъ богослуженіи, по видимости, происходитъ немного: послѣ пѣнія сего священнаго гимна, во многихъ храмахъ исходитъ изъ алтаря одинъ смиренный священнослужитель съ святымъ сосудомъ въ рукѣ и съ дискосомъ на главѣ. Но сила совершаемаго таинства всегда одна и та же: первый въ мірѣ святитель ничего не прибавилъ бы къ важности происходящаго, равно какъ и послѣдній изъ служителей алтаря ничего не можетъ убавить изъ его величія. Каждый разъ, въ каждомъ храмѣ, вмѣстѣ съ человѣками самыя силы небесныя—служатъ, довершаютъ, то есть, своимъ невидимымъ содѣйствіемъ то, чего не достаетъ въ видимыхъ служителяхъ тайны. Кто могъ бы повѣрить сему, представляя себѣ величіе существъ премірныхъ? Ибо сказать—силы небесныя служатъ, значитъ болѣе, нежели какъ если бы кто сказалъ: всѣ цари и владыки земные служатъ. Но, съ другой стороны, когда слышишь, что во время сего священнодѣйствія входитъ Самъ Царь славы, то всякое недоумѣніе исчезаетъ тотчасъ. Ибо, гдѣ Царь неба, тамъ должны быть и небесные слуги Его, какъ бы высоки и важны они ни были. Какъ въ человѣческомъ быту, царь, гдѣ ни явится,—хотя бы въ самой послѣдней хижинѣ, хотя бы въ темницѣ,—самый первый вельможа почтетъ себѣ за особенную честь сопровождать его, и показываетъ еще большее вниманіе и усердіе, нежели въ самомъ дворцѣ царскомъ; такъ и здѣсь. Съ радостію и благоговѣніемъ чины ангельскіе предстоятъ Престолу Божію на небѣ; но еще съ большею (если возможна для нихъ большая) радостію и благоговѣніемъ являются они на служеніе Господу своему на землѣ, въ храмахъ нашихъ: ибо здѣсь видятъ они въ Немъ то, чего не видятъ на небѣ; то есть, не только крайнюю Его любовь къ намъ, бѣднымъ тварямъ, но и Его вся превосходящее смиреніе, по коему Онъ, будучи Царь славы, является на алтаряхъ нашихъ яко жертва, приносимая за грѣхи человѣческіе. Въ виду такого смиренія самого Царя, можно ли думать о своемъ величіи—Его слугамъ? И се, нынѣ они и съ нами, недостойными, служатъ,

и безъ сомнѣнія, съ стократъ большею чистотою, благоговѣніемъ и любовію, нежели мы, нечистые и грѣшные.

Судите послѣ сего, братіе мои, какъ необходимо и справедливо то, чего требуетъ отъ насъ святая Церковь, то есть, чтобы мы приступали съ вѣрою и любовію къ тому, что предлагается нынѣ на святой трапезѣ. Надобно приступать съ вѣрою, ибо если приступить безъ вѣры, то, можно сказать, не къ чему и приступать. Ибо, что въ это время на святой трапезѣ для человѣка безъ вѣры? Малый по виду, преждеосвященный хлѣбъ, или точнѣе сказать, часть хлѣба, которая приготовлена руками человѣческими и, по видимости, мало чѣмъ отличается отъ хлѣба обыкновеннаго. Только для вѣры этотъ малый хлѣбъ важнѣе всего въ мірѣ; только она созерцаетъ въ немъ животворящее Тѣло и Кровь Христову, въ коихъ заключена для насъ жизнь вѣчная. Посему-то и должно приступать съ вѣрою, и при томъ живою. предъ коею невидимое, какъ видимое. Ибо есть и вѣра слабая, колеблющаяся, которая мало чѣмъ отлична отъ сомнѣнія, потому и мало приноситъ плода для человѣка. Такою слабою вѣрою вѣровалъ нѣкогда Петръ, и утопалъ. Ибо не сказано ему: невѣрный, а *маловѣре!* Вѣра была у него, только слабая; потому и не могла спасти отъ потопленія. При такой вѣрѣ обыкновенно раздается множество вопросовъ: что, какъ, почему, для чего? Между тѣмъ какъ вѣра полная и живая не знаетъ никакихъ недоумѣній: она, по замѣчанію Апостола, *всему вѣру емлетъ* (1 Кор. 13, 7). Нѣтъ нужды, что Апостолъ сказалъ это о любви, а мы прилагаемъ это къ вѣрѣ, ибо истинная вѣра и любовь не разлучны другъ отъ друга. Посему-то и въ настоящемъ случаѣ требуется съ вѣрою и любовь: *вѣрою и любовію приступимъ!*

И мнѣ кажется, что если дѣлить нераздѣлимое, то безъ вѣры еще приступить можно, ибо для вѣры въ настоящемъ случаѣ потребно со стороны души нашей даже нѣкое усиліе, такъ какъ надобно признавать за истину то, что незримо для очей тѣлесныхъ, а безъ любви, коль скоро есть вѣра, кажется, нельзя и приступить, то есть, нельзя подойти къ сему таинству и тотчасъ не исполниться любовію къ Спасителю. подобно какъ нельзя приблизиться къ великому огню, и тотчасъ не почувствовать теплоты и жара. Въ самомъ дѣлѣ, если подобное производитъ подобное же, то гдѣ

болѣе мѣста для любви, какъ не при таинствѣ Евхаристіи? Что она есть иное, какъ не выраженіе величайшей любви къ намъ нашего Спасителя? Кто, кромѣ Его, питаетъ тебя тѣломъ и кровію Своею? Не говори, что это для Него не стоитъ теперь труда, ибо, если теперь не трудно Ему дѣлать это чудо, то, подумай, чего стоило сдѣлать его въ началѣ? Для сего надлежало взойти на крестъ, умереть въ мукахъ, быть вмѣстѣ съ злодѣями, лечь во гробъ. Кто сдѣлаетъ для тебя это? Какъ же послѣ сего приступить къ такой любви безъ любви? *Вѣрою* убо и *любовію приступимъ*, какъ внушаетъ Церковь: приступимъ вѣрою, прозрѣвая въ то, что сокрыто отъ очей тѣлесныхъ; приступимъ любовію, предая себя всецѣло Тому, Кто предалъ Себя за насъ до смерти крестныя.

Но, Боже мой, какъ противны расположеніе и дѣйствія нѣкоторыхъ людей тому, что въ настоящемъ случаѣ быть должно! Не замѣчаете ли вы, братіе мои, какъ въ то самое время, когда Церковь возглашаетъ: *нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ; се бо входитъ Царь славы!* и когда истинно-вѣрующіе или, что въ семъ случаѣ одно и то же, всѣ истинно-разумные повергаются съ благоговѣніемъ долу, не смѣя возвесть очей на Святыя Тайны, несомыя священникомъ, какъ, говорю, въ это самое время иные не только видимо продолжаютъ вращать мірскіе помыслы въ душѣ своей, но не стыдятся выставлять своего безчувствія и разсѣянія даже наружу,—предъ вами, такъ что, когда другіе лежатъ въ смиреніи долу, они стоятъ безчинно, заводятъ разговоры, показываютъ на лицѣ смѣхъ, въ движеніяхъ неблагопристойность? Вотъ до чего можетъ простираться, не скажу, безвѣріе,—ибо его часто у таковыхъ людей нѣтъ,—а неразуміе, безразсудство и безстрашіе! Зачѣмъ въ такомъ разѣ уже и ходить въ церковь? Лучше сидѣть дома и заниматься какимъ-либо дѣломъ, ибо такое поведеніе въ церкви сопряжено съ ужаснымъ грѣхомъ для души. Въ такихъ людяхъ—на этотъ, по крайней мѣрѣ, разъ—не только нѣтъ никакой любви къ своему Спасителю, а напротивъ какая-то какъ бы ненависть и вражда. Ибо, какъ же не вражда, когда ты не только самъ не оказываешь уваженія къ таинству Господню, а еще возмущаешь собою чувства тѣхъ, кои стоятъ во храмѣ, и не даешь имъ помолиться съ благоговѣніемъ? Не такъ ли

точно поступаютъ съ своими врагами, стараясь отнимать у нихъ уваженіе, имъ оказываемое? Вѣроятно, таковые люди не представляютъ себѣ этого; но поступокъ ихъ отъ того не лучше:—и если Церковь о вѣрныхъ чадахъ своихъ говоритъ, что съ ними находятся въ храмѣ силы небесныя, то о сихъ несчастныхъ должно сказать противное, что съ ними и въ храмѣ—силы преисподнія, научая ихъ глумиться, когда должно плакать,—заводить разговоры, когда отъ благоговѣнія надлежало бы въ молчаніи пасть на землю. Не возмущайтесь, братіе мои, таковымъ безчинствомъ: оно попускается Господомъ для нашего испытанія! Ибо Онъ могъ бы тотчасъ послать на таковыхъ громъ и молнію. Самыя силы небесныя, въ храмѣ находящіяся, не замедлили бы стать за честь своего Владыки, и обратили бы въ прахъ безумныхъ презрителей дома Божія, но милосердіе Божіе терпитъ ихъ, дая время на покаяніе, а съ другой стороны испытывая симъ нашу вѣру и терпѣніе въ молитвѣ. Посему, говорю, не смущайтесь много симъ несчастнымъ примѣромъ; но тѣмъ паче не увлекайтесь имъ къ подражанію. Ибо, чему тутъ подражать? Кто бы ни были такіе люди, чѣмъ бы ни отличались въ мірѣ, поступая такимъ образомъ, они глупѣе малолѣтнихъ дѣтей. Ибо дитя, когда видитъ, что предъ нимъ происходитъ что-либо важное и священное, стоитъ внимательно, устремивъ взоры на происходящее. Посему тутъ мѣсто не подражанію, а сожалѣнію, ибо какъ не пожалѣть о такомъ безчувствіи и забвеніи не только святости мѣста, но и всякаго приличія? Чтобы, однако же, подобный примѣръ не оказалъ какого-либо вреднаго дѣйствія на малолѣтнихъ, кои еще не могутъ судить о лицахъ и вещахъ правильно, то не оставляйте внушать дѣтямъ вашимъ, какъ худо поступаютъ тѣ, кои ведутъ себя въ церкви такимъ образомъ, какъ это глупо, безчестно и богопротивно, какъ всѣ этимъ недовольны; дабы заранѣе поселить такимъ образомъ въ нихъ уваженіе ко храму Божію. Ибо и сіи несчастные своевольцы поступаютъ безчинно во храмахъ, по всей вѣроятности, потому, что съ младыхъ лѣтъ не было кому наставить ихъ и внушить, что значитъ храмъ, и что здѣсь, во время совершенія таинствъ, сами силы небесныя съ нами невидимо служатъ. Аминь.

Слово въ пятокъ 3-ьей недѣли Великаго поста.

Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!

Одно изъ самыхъ знаменательныхъ священнодѣйствій въ великопостной литургіи то, когда, среди чтенія изъ Ветхаго Завѣта паремій, вдругъ разверзаются царскія врата, является среди ихъ священнодѣйствующій съ свѣщею и кадильницею въ рукѣ, и, знаменуя ими предстоящихъ во образъ креста, возглашаетъ: *свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!* Не удивительно, если при этомъ всякъ изъ предстоящихъ преклоняетъ главу свою до земли, ибо разверстіе царскихъ вратъ образуетъ собою отверстіе самихъ небесъ; свѣтильникъ и кадильница знаменуютъ полноту даровъ Духа Святаго, а появленіе священнодѣйствующаго есть яко явленіе Ангела съ неба. Кто будетъ столько надменъ, чтобы не преклониться предъ сими знаменіями благодати Божіей?

Но не одного простаго преклоненія главъ, или поверженія себя предъ свѣтомъ Христовымъ долу, ищетъ при семъ отъ насъ святая Церковь. Нѣтъ, въ духовномъ смыслѣ она хощетъ противнаго—восклоненія нашихъ главъ предъ симъ свѣтомъ, открытія предъ нимъ всего существа нашего, дабы такимъ образомъ мы, отъ ногъ до главы, озарились симъ Божественнымъ свѣтомъ, наполнились имъ всецѣло, и чрезъ то сами сдѣлались свѣтоносными, каковыми и были первенствующіе христіане, о коихъ Апостолъ Павелъ пишетъ, что они *яко свѣтила въ мірѣ* (Филип. 2, 15).

Чтобы войти лучше въ намѣреніе при семъ святой Церкви, разсмотримъ силу и значеніе словъ, произносимыхъ священнодѣйствующимъ.

Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!

Сими словами предполагается, во-первыхъ, недостатокъ во всѣхъ насъ свѣта истиннаго. Ибо если бы мы были свѣтлы сами по себѣ, то не было бы нужды просвѣщать насъ. И дѣйствительно, человѣкъ, не озаренный Евангеліемъ есть тьма, и тьма глубокая, какъ учитъ святый Павелъ. Не вдругъ согласятся съ симъ тѣ, кои озарены свѣтомъ наукъ и называются людьми просвѣщенными. Но это потому, что сіи люди, занявшись науками, по надеждѣ на мерцаніе, ими проливаемое, рѣдко и мало обращаютъ вниманіе на внутренность своего духа и сердца, и не видятъ, что тамъ, въ

какомъ мракѣ находится ихъ душа и совѣсть. Если, впрочемъ, кто изъ нихъ же вникаетъ хорошо въ свойство своихъ познаній, а съ другой стороны углубляется со вниманіемъ въ истинныя потребности души своей, то скоро начинаетъ видѣть, что свѣта, заимствованнаго отъ наукъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, далеко недостаточно для ихъ удовлетворенія; — что въ отношеніи къ нѣкоторымъ самымъ важнымъ предметамъ, безъ познанія коихъ, можно сказать, человѣкъ есть не человѣкъ, они столь же не свѣдущи, какъ и послѣдній простолюдинъ, а потому на ряду съ нимъ имѣютъ нужду въ озареніи свыше.

Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!

Сими словами, во-вторыхъ, предполагается полнота и преизбытокъ для всѣхъ свѣта Христова. И дѣйствительно, въ немъ нѣтъ недостатка ни для кого. Онъ просвѣщаетъ и самыхъ мудрыхъ, открывая имъ тайны царствія Божія, коихъ никакой умъ самъ собою открыть не могъ, — и самыхъ буіихъ, отверзая имъ, вмѣсто стихійнаго ума, очеса сердца, коими они видятъ утаенная отъ премудрыхъ и разумныхъ вѣка сего. Просвѣщаетъ и самыхъ богатыхъ, научая не превозноситься ради тлѣнныхъ благъ, богатѣть не въ себя, а въ Бога, и сокрывать сокровище тамъ, идѣже ни тля тлитъ, ни татіе подкапываютъ и крадутъ; — и самыхъ бѣдныхъ, показуя имъ внутри ихъ самихъ богатство, коего не стоитъ весь міръ, уча быть нищими не однимъ тѣломъ, но и духомъ, да стяжутъ царствіе. Просвѣщаетъ и самаго перваго властелина, приводя на память, что надъ нимъ есть Владыка, Который потребуетъ строгаго отчета въ каждой слезѣ, отъ него пролитой; — и самого послѣдняго раба, утѣшая его тѣмъ, что внутренней свободы духа и совѣсти никто у него отнять не можетъ, что человѣкъ добродѣтельный въ самыхъ узахъ выше всѣхъ счастливцевъ міра и ближе къ Спасителю, Который, будучи Сыномъ Божіимъ, насъ ради принялъ зракъ не царя, а раба и служителя всѣмъ; — просвѣщаетъ старцевъ, открывая предъ ними жизнь нестарѣющую, призывая отъ земнаго странствія туда, гдѣ успокоеніе отъ всѣхъ трудовъ. Просвѣщаетъ юношей, располагая къ борьбѣ со страстьми и похотьми, — просвѣщаетъ самыхъ младенцевъ, отверзая имъ уста на хваленіе Господа.

Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!

Произнося слова сіи устами служителя своего, святая Церковь какъ бы говоритъ: можетъ быть, нѣкоторые жребіемъ ли рожденія или обстоятельствами жизни, будучи удалены отъ свѣта наукъ и мудрости земной, окаяваютъ свое мнимо-несчастное положеніе, и думаютъ, что они, находясь съ однимъ природнымъ смысломъ, не могутъ, подобно людямъ просвѣщеннымъ, достигнуть цѣли бытія своего, и должны навсегда оставаться позади ихъ не только во времени, но и въ вѣчности. Да не унываютъ таковые напрасно, и да не теряютъ мужества! Тотъ, Кто въ мірѣ чувственномъ повѣсилъ на небѣ солнце и луну, да освѣщаютъ равно всѣхъ,— Тотъ не забылъ и въ мірѣ духовномъ разлитъ свѣтъ для озаренія всѣхъ и каждаго безъ исключенія. Посѣщай церковь, слушай Евангеліе, Пророковъ и Апостоловъ; и кто бы ты ни былъ, земледѣлецъ или воинъ, дитя или старецъ, слуга или поденьщикъ, узнаешь все, что нужно человѣку знать для своего спасенія, для того, то-есть, чтобы явиться въ вѣчности, куда мы всѣ должны идти, способнымъ къ своему великому предназначенію.

Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!

Можетъ быть, нѣкоторые,—какъ бы такъ еще говоритъ Церковь,—наполнившись сіяніемъ отъ свѣтильника наукъ и мудрости земной, воображаютъ, что имъ уже не нужно никакого просвѣщенія, что они знаютъ все, что нужно, и могутъ спокойно оставаться съ своимъ запасомъ познаній. Да выйдутъ таковые изъ своего опаснаго предубѣжденія, доколѣ они не изучили Евангелія и креста Христова, не уразумѣли, какъ должно, что вѣщаютъ о человѣкѣ Пророки и Апостолы, доколѣ они не знаютъ самаго необходимаго! Только во свѣтѣ Христовомъ можно видѣть Бога, себя и міръ въ истинномъ ихъ видѣ; только по указанію откровенія небеснаго можно найти стезю, ведущую въ животъ вѣчный.

Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!

Посему,—какъ бы такъ говорила Церковь, всѣмъ и каждому должно ходить во свѣтѣ и творить дѣла свѣта. Бѣдный язычникъ можетъ сказать еще, что онъ не зналъ, какъ ему вести себя въ мірѣ, ибо не имѣлъ въ рукахъ Евангелія: христіанинъ — безотвѣтенъ! Свѣтъ Христовъ озарялъ для него все, показывалъ ему и его собственную бѣдность,

и богатство къ нему милости Божіей, и прошедшее наше состояніе въ раю, и будущее состояніе въ царствіи небесномъ, и путь узкій, ведущій въ животъ вѣчный, и путь широкій, вводящій въ пагубу, и силу креста Христова, и необходимость крестоношенія собственнаго. Все освѣщено, раскрыто, указано всѣмъ и навсегда! Посему и должно всѣмъ ходить во свѣтѣ, избѣгать дѣлъ тьмы, не предаваться сну и безпечности.

Таковъ, братіе мои, смыслъ священныхъ словъ: *Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!* Церковь повторяетъ ихъ, и въ ученіе, и въ предостереженіе наше.

Наше дѣло, послѣ сего осмотрѣться и узнать, какимъ свѣтомъ водимся мы въ жизни — Христовымъ, или какимъ-либо другимъ? Какой бы ни былъ свѣтъ сей, но если онъ не Христовъ, то въ отношеніи къ вѣчному спасенію нашему все равно, что тьма и даже еще иногда хуже тьмы. Ибо, застигнутый тьмою человѣкъ, по крайней мѣрѣ, или останавливается, или идетъ тихо и ощупью, и старается, если можно, выйти на свѣтъ. А при сіяніи ложнаго свѣта человѣкъ бываетъ спокоенъ, идетъ не останавливаясь, позволяетъ себѣ всякаго рода движенія, смѣло перемѣняетъ пути и направленія; и поелику водится ложнымъ свѣтомъ, какъ пловецъ на морѣ, то или подвергается неминуемымъ опасностямъ, или заходитъ туда, откуда нѣтъ возврата. Не сіе ли самое случается со многими умниками, кои, въ надеждѣ на мудрость мірскую, пренебрегаютъ свѣтомъ Христовымъ?— Куда обыкновенно приходятъ они наконецъ и приводятъ идущихъ за ними? Приходятъ и приводятъ въ такую бездну нечестія и разврата, на которую одинъ взглядъ исполняетъ трепетомъ сердце, не потерявшее чувствъ человѣческихъ.

Блюдитесь, братіе мои, сего ложнаго свѣта, который въ наши времена особенно началъ ослѣплять собою очи у многихъ. Памятуйте твердо, что единъ Христосъ есть истинный свѣтъ нашъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ и исходящаго изъ міра; и если срѣтите какого-либо наставника, то первѣе всего старайтесь узнать, какого онъ свѣта есть. Если не Христова, то, кто бы онъ ни былъ, заграждайте отъ него слухъ и сердце ваше. Ибо, какъ въ мірѣ чувственномъ солнце одно, и нѣтъ другаго свѣта, кромѣ его, такъ и въ мірѣ духовномъ едино истин-

ное и животворное свѣтило — Господь и Спаситель нашъ, Іисусъ Христосъ, Ему же слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово въ недѣлю Крестопоклонную.

И призвавъ народы со ученики Своими рече имъ· иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возьметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю. Кая бо польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою? (Марк. 8, 34—36.)

Возвѣщая вамъ, братіе мои, слово Божіе, мы всегда находили въ васъ благоговѣйное вниманіе къ нему, такъ что, къ утѣшенію нашему, и намъ можно сказать со Апостоломъ, что вы принимали возвѣщаемое вамъ не *аки слово человѣческое, но яко же есть воистину слово Божіе* (1 Сол. 2, 13). При всемъ томъ мы почитаемъ за долгъ нынѣшнее собесѣдованіе наше начать приглашеніемъ усугубить ваше вниманіе, очистить и воскрылить мысль, отверсть и расширить уста сердца. Такъ поступаемъ мы не потому, чтобы предполагали сказать вамъ отъ себя самихъ что-либо особенно важное и дорожили собственными словами нашими, а потому, что въ нынѣшнемъ Евангеліи, которое мы будемъ излагать, содержится поученіе чрезвычайно нужное и важное для каждаго.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, хотя слова Господа и Спасителя нашего всѣ *духъ и животъ суть* (Іоан. 6, 63), всѣ *суть ей и аминь* (2 Кор. 1, 20); но и Онъ Самъ не о всемъ говорилъ одинаково: когда хотѣлъ внушить что-либо особенно важное, то возвышалъ голосъ, говоря: *аминь, аминь, глаголю вамъ* (Іоан. 10, 1), или присовокуплялъ въ заключеніе сказаннаго: *имѣяй уши слышати, да слышитъ* (Матѳ. 13, 9)!

Нынѣшняя бесѣда Господа такова, что ее надобно слышать, если бы то было возможно, и неимѣющимъ ушей. Посему и предложена она особеннымъ образомъ: *призвавъ*,—какъ говоритъ Евангелистъ,—*народы со ученики Своими*. Иное, то есть, говорилъ по временамъ Спаситель ученикамъ Своимъ, сообразно ихъ особому предназначенію, а иное—народу, соотвѣтственно его нуждамъ; всегда почти при томъ говорилъ Онъ, вызванный желаніемъ слушателей; а нынѣ Онъ говоритъ ко всѣмъ, говоритъ Самъ, говоритъ, призвавъ къ слышанію *на-*

роды со ученики. Такъ поступлено, безъ сомнѣнія, не по чему другому, а потому что бесѣда имѣла быть особенною, чрезвычайно нужною и важною для всѣхъ.

Итакъ придите всѣ, малые и великіе, просвѣщенные и простые, знатные и худородные, пріидите выслушать то, что речетъ намъ Господь и Спаситель нашъ.

Призвавъ народы со ученики, рече имъ: иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ.

Видите ли важность проповѣди Христовой? Дѣло идетъ не о маломъ чемъ-либо, а обо всемъ. Кто изъ насъ не захочетъ идти за своимъ Спасителемъ и Господомъ? Въ этомъ состоитъ самая вѣра наша, что мы всѣ идемъ за Нимъ, какъ за источникомъ истины и самою истиною; въ этомъ состоитъ вся нравственность наша, что мы идемъ за Нимъ, какъ за наставникомъ въ добродѣтели, какъ за образцомъ въ святости и самою святостію; въ этомъ состоитъ все упованіе наше, что мы идемъ за Нимъ, какъ за Избавителемъ отъ всѣхъ золъ, какъ за Виновникомъ жизни вѣчной и самою жизнію. Отъ вѣры во Христа, отъ послѣдованія за Нимъ, мы ожидаемъ всего. Посему для каждаго изъ насъ крайне нужно знать, что требуетъ это самое послѣдованіе и въ чемъ состоитъ оно; кто дѣйствительно идетъ за Христомъ, и слѣдовательно дойдетъ до цѣли, и кто не идетъ за Нимъ, хотя и думаетъ, и слѣдовательно никогда не достигнетъ предназначеннаго конца? И се, Спаситель Самъ хощетъ сказать намъ о всемъ этомъ, хощетъ указать каждому, что значитъ идти за Нимъ. Можно ли послѣ сего быть равнодушнымъ къ такой проповѣди?

Итакъ, еще повторимъ, для кого дорого спасеніе своей души, кто хочетъ на самомъ дѣлѣ быть христіаниномъ, тотъ обрати все вниманіе на слова Спасителя. Если условіе спасенія, Имъ самимъ предложенное, выполняется въ тебѣ, то ты на добромъ пути: ты безопасенъ, блаженъ, хотя бъ былъ послѣднимъ отребіемъ міра. А если ты не подходишь подъ сіе правило, если небесная мѣра не по тебѣ, то, кто бы ни былъ, и что бы ни значилъ въ мірѣ, между людьми, ты въ крайней опасности; и если останешься тѣмъ, что теперь, то непремѣнно погибнешь на вѣки.

Дабы облегчить для каждаго занятіе симъ столь важнымъ

дѣломъ, разсмотримъ, братіе мои, со всѣмъ прилежаніемъ каждое слово Спасителя, какъ бы отъ него зависѣли (какъ и дѣйствительно зависятъ) наша жизнь и наше спасеніе.

Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возьметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ.

Въ словахъ сихъ предлагаются три условія, кои надобно выполнить тому, кто хочетъ быть не своимъ, а Господнимъ. Надобно, во-первыхъ, отвергнуться себя; надобно, во-вторыхъ, взять крестъ свой; надобно, наконецъ, послѣдовать за Господомъ. Вотъ лѣствица къ небесамъ; другой нѣтъ и быть не можетъ. Вотъ и главныя ступени сей лѣствицы; другихъ нѣтъ и быть не можетъ! Разсмотримъ каждую ступень порознь.

Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе! Самоотверженіе есть условіе, крайне непріятное для нашего самолюбія, но, какъ показываетъ опытъ, необходимое во всѣхъ дѣлахъ важныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, начинаютъ ли учиться чему-либо—отвергаются своего ума, слушаютъ и вѣрятъ, что скажетъ учитель. Идутъ ли на сраженіе съ непріятелемъ—отвергаются своей воли и подчиняютъ себя распоряженіямъ военачальника. Хотятъ ли вылечиться отъ какой-либо тяжкой и опасной болѣзни, во всемъ полагаются на искусство врача и отдаютъ себя на его руки. Такъ поступаютъ обыкновенно и въ земныхъ дѣлахъ. Удивительно ли послѣ сего, что съ самоотверженія начинается и дѣло нашего спасенія, или, что то же, послѣдованіе за Христомъ.

Но въ чемъ должно состоять оно и до чего простираться?—И въ обыкновенныхъ дѣлахъ самоотверженіе простирается очень далеко. Воинъ, напримѣръ, простираетъ и долженъ простирать его до того, что онъ, по одному слову, не только общаго и главнаго вождя, но и ближайшаго своего малаго начальника, готовъ идти на явную смерть. Будемъ ли послѣ сего удивляться, если самоотверженіе христіанское прострется до смерти?

И оно простирается досюда. Да, братіе, мы не сказали бы вамъ правды, если бы сказали, что отверженіе себя, котораго требуетъ Господь нашъ отъ послѣдователей своихъ, ограничивается отверженіемъ нѣкоторыхъ токмо худыхъ мыслей, желаній или поступковъ; нѣтъ, оно состоитъ въ отверженіи всего ума плотскаго, всей воли невозрожденной, и это не въ извѣстныхъ только случаяхъ, не на извѣстное только

время, а вездѣ и всегда, на всю жизнь. Притомъ, это всецѣлое и всегдашнее отверженіе себя должно въ христіанинѣ простираться до возненавидѣнія себя, какъ прямо и ясно написано о томъ въ Евангеліи: *аще кто грядетъ по Мнѣ, и не возненавидитъ душу свою, не можетъ быти Мой ученикъ* (Лук. 14, 26). Какъ, повидимому, ни строго требованіе сіе, но оно столь же естественно, какъ и необходимо въ настоящемъ состояніи нашемъ. Ибо въ грѣшникѣ, каковы всѣ мы, не много такого, что можно любить, и крайне много, за что должно ему себя ненавидѣть. Съ другой стороны, что ненавидимъ, того легко и самоотвергаться; трудно оставлять и презирать только то, что любишь. Посему послѣдователь Христовъ, для успѣха въ отверженіи себя, самъ долженъ стараться возненавидѣть себя, ибо возненавидѣвъ, онъ уже не можетъ не отвергаться себя.

Но какъ возненавидѣть себя, когда каждый, по природѣ, любитъ себя? Какъ возненавидѣть?—А какъ ненавидитъ себя преступникъ, въ коемъ пробудилась совѣсть, и самъ себѣ желаетъ казни?—Какъ ненавидитъ себя больной, страждущій какою-либо ужасною болѣзнію, и призываетъ смерть?—Какъ ненавидитъ себя человѣкъ, просто соскучившій жизнію, и не желаетъ смотрѣть на свѣтъ Божій?—Во всѣхъ сихъ случаяхъ наша ненависть простирается далѣе всѣхъ предѣловъ, а когда нужно отвергнуться самихъ себя, дабы идти за Господомъ къ вѣчной жизни, тутъ мы будемъ недоумѣвать и спрашивать: какъ возненавидѣть себя?—Познаніемъ самихъ себя. Когда бы ты увидѣлъ, что на плечахъ твоихъ грязное, разодранное, смрадное рубище, тотчасъ сбросилъ бы его съ себя, и никогда бы не воротился за нимъ, чтобы надѣть его. Узнай же, чрезъ вниманіе къ себѣ, что твоя настоящая чувственная жизнь есть такое именно рубище, и ты возненавидишь свою чувственность и отвергнешь себя. Равно, если бы ты увидѣлъ, что у тебя въ самой любимой комнатѣ твоей, гдѣ ты почиваешь, завелись змѣи, то немедленно убѣжалъ бы изъ этой комнаты и предпочелъ ей чистую хижину; познай же, что въ душѣ твоей живутъ и непрестанно плодятся злыя пожеланія, и ты возненавидишь свое сердце и не захочешь имѣть его. Равнымъ образомъ, когда бы ты узналъ, что ты заразился смертельною болѣзнію, то, въ такомъ случаѣ, ты радъ бы бросить себя и навсегда уйти отъ себя, если-бъ то

было можно, на край свѣта; познай же, что ты зараженъ смертоноснымъ ядомъ грѣха, что сей ядъ непремѣнно причиняетъ смерть вѣчную,—и ты готовъ будешь не только разлюбить, но и возненавидѣть себя, и, такимъ образомъ. исполнить во всей точности требованіе небеснаго Врача. чтобы всецѣло отвергнуться себя, ради послѣдованія за Нимъ.

Но какъ бы то ни было, возлюбленный собратъ, только безъ отверженія себя нельзя сдѣлать въ послѣдованіи за Господомъ ни единаго вѣрнаго шага. Ибо, разсуди самъ, какъ бы ты рѣшился оставить свой путь и слѣдовать за Господомъ, если бы ты не разлюбилъ своего пути, не убѣдился, что ты самъ не можешь быть своимъ руководителемъ, другими словами: не отвергнулся самого себя? Слѣдуютъ за другими. тогда, когда не полагаются на самихъ себя; не полагаются на самихъ себя тогда, когда убѣдились въ своихъ недостаткахъ, въ своей худости. Другое дѣло, если бы Господь повелъ тебя за Собою тѣмъ же путемъ, какимъ слѣдовалъ ты самъ, но Онъ будетъ вести тебя путемъ новымъ, нерѣдко совершенно противнымъ твоему прежнему пути, потребуетъ отъ тебя именно того, что не по твоему прежнему образу мыслей и чувствъ, не по твоему грѣховному нраву и жизни. Какъ же ты будешь выполнять требуемое, не оставивъ прежняго образа мыслей, чувствъ и желаній? Какъ, не отвергнувшись своего ума, ты будешь принимать тайны вѣры, кои превыше ума и противны его мудрованіямъ? Какъ, не отвергнувшись своего самолюбія, ты будешь почитать себя первымъ изъ грѣшниковъ и любить своихъ враговъ? Какъ, не отвергнувшись своей плоти и крови, ты будешь распинать свою плоть съ ея страстями и похотями?—Какъ, не возненавидѣвъ своей души, ты будешь стараться погубить ее?—Явная несовмѣстность! Оттого, что и бываетъ съ тѣми, кои не отвергнувшись себя, думаютъ идти за Господомъ? Они только думаютъ идти за Нимъ, а въ самомъ дѣлѣ идутъ не за Нимъ, а за самими собою: кто за своимъ умомъ и познаніями, кто за своимъ сердцемъ и даже страстями, кто за обычаями вѣка сего и примѣрами другихъ. Иначе и быть не можетъ, потому что, иже хощетъ идти за Господомъ, тотъ, по слову Его, прежде всего *да отвержется себе:* это первое необходимое условіе, первая ступень въ лѣствицѣ къ небесамъ!

Второе требованіе и вторая ступень: *да возьметъ крестъ*

свой! Крестъ есть орудіе казни; онъ необходимъ, когда есть преступникъ, коего казнить должно. Кто же этотъ преступникъ? Мы сами: нашъ плотскій человѣкъ, наша злая воля, наше преступное самолюбіе, все ветхое падшее существо наше. Отвергаясь его, мы много дѣлаемъ, но далеко не все. Отвергнутый ветхій человѣкъ нашъ не будетъ лежать въ бездѣйствіи, какъ лежитъ ветхое, сброшенное съ плечъ рубище: нѣтъ, это лютый звѣрь, который, отвергнутый и даже пораженный, возобновляетъ нападенія и становится тѣмъ разъяреннѣе и опаснѣе, чѣмъ болѣе его поражаютъ. Тутъ одно изъ двухъ: надобно умертвить отвергнутаго, или самому пасть подъ его ударами. Чѣмъ же будемъ умерщвлять врага нашего, то-есть, нашу плоть и кровь, наше самолюбіе и страсти, наше плотоугодіе и гордость?—Собственнымъ разумомъ? Онъ самъ, доколѣ не возродится свыше, *кичитъ* (1 Кор. 8, 1), вземлется на разумъ Божій, и потому имѣетъ нужду въ умерщвленіи. Собственною волею?—Но она такъ слаба на добро, что *хотѣти,* какъ выражается Апостолъ,—*прилежитъ ей, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаетъ* (Рим. 7, 18). И какъ она возложитъ руки на свое собственное самолюбіе? Нужно орудіе самоумерщвленія внѣшное, твердое, могущественное; посему-то и повелѣвается, отвергнувшись себя, взять крестъ. То-есть, что сдѣлать? То-есть, полюбить, избрать, усвоить себѣ все, что умерщвляетъ въ насъ наше самолюбіе и злую волю, нашу чувственность и страсти. Посему крестъ, напримѣръ, есть бѣдность и недостатки; крестъ—безчестіе и клевета; крестъ—болѣзни и слабости; крестъ—худая женитьба и худое сосѣдство; крестъ — бездѣтство и многосемейность; крестъ—потеря сродственниковъ и друзей; крестъ—всѣ несчастные случаи. Сей-то крестъ, эту совокупность огорченій, досадъ, лишеній, искушеній, бѣдствій, надобно взять, то-есть, избрать и усвоить себѣ тому, кто хочетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ. Надобно взять не такъ, какъ преступникъ беретъ орудіе казни, съ отвращеніемъ, досадою, по необходимости; нѣтъ, надобно взять добровольно, съ усердіемъ, въ повиновеніи благой волѣ Божіей, по любви къ своему спасенію, въ твердомъ убѣжденіи въ его пользѣ и необходимости; надобно взять сей крестъ, какъ больной беретъ самое горькое и противное лекарство, ожидая отъ него возвращенія себѣ здоровья и силы. Только, когда крестъ берется

такимъ образомъ, онъ составляетъ врачевство, есть признакъ послѣдователя Христова, есть символъ и знаменіе христіанства. Безъ такого взятія добровольнаго, разумнаго, въ духѣ вѣры и любви, крестъ есть тягость подавляющая, умерщвляющая, но не воскрешающая. Ибо, надобно знать, братіе, что крестъ, какъ совокупность лишеній, неизбѣженъ человѣку на землѣ; отъ него нельзя уйти никому; его надобно несть всякому, и не слѣдуя за Христомъ, подобно, какъ его несъ вмѣстѣ со Христомъ разбойникъ, его хулившій. Но такой крестъ, не взятый, а возложенный необходимостію, не спасаетъ, а только убиваетъ и мучитъ безплодно.

Замѣтимъ еще и то, что Спаситель велитъ послѣдователю Своему взять крестъ *свой* — тотъ, который принадлежитъ именно ему, назначенъ свыше для него. Это нужно замѣтить для того, что злая воля наша своенравна во всемъ, даже въ выборѣ креста, на коемъ ей должно быть распятою. Не хотятъ взять тотъ, который данъ Богомъ, а хотятъ имѣть самодѣльный, въ такомъ, а не другомъ видѣ, состоящій изъ такихъ, а не другихъ скорбей и лишеній. Такъ, напримѣръ, такому-то человѣку видимо суждено страдать и очищаться подвигами жизни семейной и общественной; а онъ ищетъ для себя крестовъ жизни отшельнической. До какихъ затрудненій, опасностей не доводитъ людей такой произволъ и самонравіе, повидимому, не предосудительные, а въ самомъ дѣлѣ вредоносные! А главная опасность та, что такимъ образомъ даютъ мѣсто своему произволу, когда онъ-то первый и долженъ подлежать отверженію и смерти на крестѣ. Нѣтъ, возлюбленная о Христѣ душа, если ты дѣйствительно отверглась, какъ должно, самой себя и рѣшилась идти за Господомъ своимъ на Голгоѳу, то ты уже не будешь разбирать крестовъ, престанешь вымышлять ихъ по своему, а возьмешь тотъ, который давно готовъ для тебя. Да, онъ давно готовъ! Ибо, такъ какъ крестъ есть необходимость для каждаго, то Промыслъ Божій располагаетъ нашею жизнію такъ, что для каждаго есть свой крестъ, своя доля скорбей, искушеній, болѣзней. Сей-то крестъ есть самый дѣйствительный и животворящій; ибо онъ устроенъ не человѣкомъ, а Самимъ Богомъ. Посему, кто рѣшился идти за Господомъ и для того взять крестъ, долженъ найти именно свой крестъ, а не брать чуждаго, себѣ

не принадлежащаго, дабы за свое своеволіе не пасть подъ его тяжестію.

Но ужели въ семъ случаѣ нѣтъ никакого мѣста произволу, свободнымъ самолишеніямъ и жертвамъ? Есть весьма есть! Только первѣе всего надобно рѣшиться переносить лишенія и скорби, посылаемыя отъ Бога, тѣ, кои неизбѣжны по самому нашему положенію въ мірѣ и обществѣ; а потомъ уже, если достанетъ усердія и откроется случай и нужда, рѣшаться на жертвы произвольныя. Но и въ семъ случаѣ необходимо правило—брать крестъ опять не чуждый, а свой, то-есть, сообразный съ своимъ состояніемъ, своими силами, съ христіанскимъ смиреніемъ и самоотверженіемъ. И особенно съ самоотверженіемъ, чтобы, думая имѣть второй и сугубый плодъ, такъ сказать, въ лучшемъ видѣ, не потерять перваго, и, взявъ крестъ, не взять въ немъ тайно и непримѣтно самого себя.

Таковъ, братіе, мои, смыслъ второго требованія отъ послѣдователя Христова, и се свойство второй ступени въ лѣствицѣ къ небесамъ!

Третье требованіе и третья ступень есть шествіе съ крестомъ за Господомъ: *да возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ!*

Грядетъ. Жизнь наша есть путь непрерывный: можно остановиться на немъ своею дѣятельностію; но нельзя остановить теченія вещей, развитія или упадка собственныхъ силъ и жизни. Все это, не останавливаясь, идетъ неудержимо. Тѣмъ паче жизнь духовная, христіанская есть путь непрестанный, всегдашнее хожденіе во свѣтѣ заповѣдей Божіихъ, гдѣ нельзя остановиться безъ того, чтобы въ то же время не остаться назади.

Посему-то Спаситель повелѣваетъ послѣдователю Своему, взявъ крестъ, не стоять въ раздумьи, не смотрѣть по сторонамъ, а идти не останавливаясь: то-есть, что дѣлать? Во-первыхъ, всегда помнить, откуда изъ какой тьмы и пагубы онъ изведенъ благодатію Божіею, — куда, къ какому свѣту, чистотѣ и совершенству ему должно стремиться, что у него и для чего за плечами, то-есть, не свирѣли и тимпаны, не розы и лиліи, а крестъ, а помня все это, непрестанно устремляться въ передняя, переходя путемъ узкимъ отъ вѣры въ вѣру, отъ добродѣтели къ добродѣтели, отъ одного опыта

самоумерщвленія къ другому, не удовлетворяясь никакою внѣшнею благовидностію своего поведенія, а простираясь до истинной чистоты намѣреній, до совершенной богоугодности дѣйствій, до полнаго умерщвленія въ себѣ грѣха и самолюбія. Такъ поступалъ апостолъ Павелъ, который и послѣ того, какъ былъ уже на третьемъ небѣ, почиталъ себя *еще не у достигшимъ* (Филип. 3, 13) и, нося *язвы Господа на тѣлѣ* (Гал. 6, 17) своемъ, будучи распятъ міру, все еще продолжалъ во вся дни умерщвлять тѣло свое, *да не како*, говоритъ, *проповѣдуя инымъ, самъ неключимъ буду* (1 Кор. 9, 27). Противно сему поступаютъ тѣ, кои, по надеждѣ на окружающія ихъ лишенія и горести, думаютъ, что они чрезъ то совершенно безопасны отъ искушеній и соблазновъ, потому оставляютъ духовное бодрствованіе и предаются бездѣйствію. Оттого-то именно бываетъ, что иные, какъ выражается сей-же Апостолъ, *наченше духомъ*, скончаваютъ плотію (Гал. 3, 3). Блюдись сего, послѣдователь Христовъ!

Чрезвычайно важно еще при томъ, чтобы, взявъ крестъ, идти не за кѣмъ-либо другимъ, а именно за своимъ Спасителемъ: *грядетъ въ слѣдъ Мене.* Увы, братіе мои, можно нести крестъ и идти—не во слѣдъ Спасителя, а въ слѣдъ того же мнимоотвергнутаго грѣховнаго своего человѣка! Можно страдать и терпѣть, и въ то же время погублять мзду и страданій и терпѣнія! Это бываетъ, когда мы, среди нашего крестоношенія, руководствуемся не вѣрою въ Господа и Его примѣромъ, не правилами Евангелія, а своимъ воображеніемъ и чувствами, или худо понятыми примѣрами другихъ. Въ такомъ случаѣ обыкновенно впадаютъ въ крайности; устремляются къ тому, что, хотя само въ себѣ хорошо, но намъ не свойственно;—и не исполняютъ того, что кажется не такъ высоко, но для насъ необходимо. Чтобы избѣгнуть сего, крестоносцу надобно непрестанно имѣть предъ очами жизнь Господа своего и, по возможности, подражать ей. Кто будетъ поступать такимъ образомъ, тотъ не увлечется, напримѣръ, тою неправильною мыслію, якобы для самоотверженія христіанскаго нужно человѣку бросить всѣ житейскія связи и бѣжать въ пустыню. Спаситель, напротивъ, для великаго крестоношенія Своего исшелъ изъ пустыни; около четырехъ лѣтъ провелъ между людьми всякаго рода, странствуя по градамъ и весямъ. Памятуя сіе, каждый можетъ

спокойно оставаться въ своемъ званіи и при своихъ обыкновенныхъ дѣлахъ; только, пребывая и живя, какъ членъ общества, не долженъ забывать, что онъ есть крестоносецъ Христовъ, и что—вслѣдствіе сего—и ему предлежитъ своя доля скорбей и напастей,—если не отвнѣ, то отъ собственнаго сердца и страстей, доколѣ онѣ не будутъ умерщвлены на крестѣ. Кто будетъ идти съ своимъ крестомъ во слѣдъ Спасителя своего, тотъ избѣгнетъ и той искусительной мысли, что для крестоносца Христова вовсе непозволительно участвовать въ невинныхъ радостяхъ жизни, въ удовольствіяхъ семейныхъ, пользоваться дружбою, уваженіемъ сограждан, и проч. Нѣтъ, Господь Самъ не отвергалъ знаковъ любви къ Себѣ, раздѣлялъ общую радость на бракѣ въ Канѣ Галилейской, похвалилъ жену, помазавшую ноги Его мvромъ; былъ даже на Θаворѣ и блисталъ славою небесною: только и на самомъ Θаворѣ не забывалъ креста Своего, бесѣдуя съ Моисеемъ и Иліею о исходѣ Своемъ, *егоже хотяше скончати въ Іерусалимѣ* (Лук. 9, 31), то есть, о Своей крестной смерти. Наконецъ, Онъ ли не имѣлъ мужества нести Свой крестъ до конца? И однако же не пререкъ, когда распинатели возложили крестъ Его на Симона Киринейскаго. Тѣмъ паче намъ слабымъ и непостояннымъ, кто бы мы ни были, не подобаетъ уклоняться, когда Промыслъ посылаетъ кого-либо для облегченія нашего креста, дабы въ противномъ случаѣ не попасть, за свое самонадѣяніе, въ плѣнъ послѣднему врагу—гордости духовной.

Кратко: взявъ крестъ, должно идти путемъ вѣры и добродѣтели,—идти непрестанно, идти за своимъ Спасителемъ, руководясь Его примѣромъ и повелѣніями,—идти, не озираясь вспять къ прежнимъ грѣховнымъ навыкамъ, не разсѣвая взоровъ по сторонамъ, ограждаясь непрестанно смиреніемъ и молитвою.

Но куда же приводитъ путь сей? Гдѣ цѣль его, и что тамъ?

Спаситель не открылъ сего въ настоящемъ случаѣ прямо, потому что, когда предлагалась настоящая бесѣда, Его собственный путь еще продолжался. Но можно ли много недоумѣвать и вопрошать о томъ, гдѣ конецъ пути крестнаго?—Когда велятъ идти съ крестомъ за плечами, то, явно, не на бракъ и пиршество. Когда надобно идти съ симъ кре-

стомъ за Господомъ, то нельзя не придти наконецъ на Голгоѳу.—Для чего носили преступники свои кресты? Для того, чтобы быть распятыми на нихъ. Для того же долженъ нести свой крестъ и ты, христіанинъ! Смерть, смерть крестная, вотъ цѣль твоего крестоношенія, твоего послѣдованія за Христомъ! *Иже Христовы суть,* говоритъ Апостолъ, *плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24); и представляетъ въ примѣръ сего распятія себя самого: *имъ же мнѣ міръ распяся и азъ міру* (Гал. 6, 14).

Но если гдѣ, то при сей истинѣ, все падшее существо наше возмущается, всѣ кости плотскаго человѣка нашего вопіютъ: *не хощемъ сему, да царствуетъ надъ нами* (Лук. 19, 14). Что за царь, у коего вмѣсто скипетра—крестъ? Что за предводитель къ побѣдѣ, который ведетъ послѣдователей своихъ на смерть неизбѣжную? Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, почему такъ мало истинныхъ послѣдователей Христовыхъ?—Именно потому, что, слѣдуя за Христомъ, надобно идти на смерть своей чувственности. Отвергаться самихъ себя отчасти соглашаются; ибо не могутъ не видѣть, что въ нихъ есть много даже такого, чего вовсе нельзя терпѣть. Соглашаются даже и взять крестъ, то есть, переносить скорби, подвергаться лишеніямъ, находя это съ одной стороны неизбѣжнымъ, а съ другой полезнымъ; но быть распяту со Христомъ, погребену, дабы потомъ не имѣть своего ума, своей воли, своей жизни—на это рѣшаются только немногіе, избранные; объ этомъ вовсе не думаютъ, сего не почитаетъ нужнымъ большая часть даже изъ такъ называемыхъ добрыхъ христіанъ.

Да будетъ же извѣстно, братіе мои, всѣмъ и каждому, что безъ сораспятія нашего Господу и Спасителю нашему невозможно, рѣшительно невозможно участвовать намъ и въ воскресеніи съ Нимъ: ибо естественная жизнь наша во грѣхѣ и страстяхъ такъ противоположна истинной жизни нашей въ Богѣ, какъ ночь противоположна дню. Чтобы насталъ день и взошло солнце, непремѣнно надобно пройти прежде ночи: подобно сему, чтобы явилась въ насъ жизнь Христова, а съ нею радость и блаженство вѣчныя, необходимо прежде истребиться въ насъ жизни грѣховной. Посему думающіе достигнуть спасенія инымъ какимъ образомъ, а не чрезъ умерщвленіе своея плоти и страстей, подобны тѣмъ людямъ,

кои желали бы получить здоровье, не исцѣлившись отъ лютой болѣзни. Сего не можетъ сдѣлать для насъ Спаситель нашъ: ибо это значило бы предоставить царствіе небесное грѣху и страстямъ. Посему, кто хощетъ послѣдовать Ему, тотъ заранѣе долженъ рѣшиться на умерщвленіе въ себѣ всего, противнаго волѣ Божіей и, слѣдовательно, первѣе всего — на умерщвленіе своего самолюбія, которое составляетъ корень всѣхъ нашихъ нечистотъ и преступленій.

Дѣло столь великое, хотя можетъ начаться въ насъ каждое мгновеніе, очевидно—не можетъ совершиться въ краткое время; ему должна быть посвящена вся наша жизнь. Посему тотъ въ жалкомъ заблужденіи, кто думаетъ, что для вѣчнаго спасенія души своей достаточно, напримѣръ, провести въ покаяніи и молитвѣ одинъ какой-либо великій постъ. Нѣтъ, этотъ великій и воистину душеспасительный постъ долженъ состоять изъ всей нашей жизни. Пасха и Воскресеніе послѣ таковой четыредесятницы празднуются уже не на землѣ, а тамъ—въ невечернемъ дни царствія Христова.

Очевидно также, что умерщвленіе въ насъ ветхаго человѣка сопряжено со многимъ принужденіемъ себѣ, съ лишеніями и скорбями. Но что же дѣлать? Это болѣзни новаго рожденія отъ духа. Какъ по плоти нельзя родиться безъ крови и слезъ, такъ нельзя возродиться и по духу безъ скорби и печали по Бозѣ. Спаситель никого не принуждаетъ къ сему: *иже аще кто хощетъ!* Но мы сами, понявъ надлежащимъ образомъ дѣло спасенія нашего, мы сами должны отвергнуть широкій путь, вводящій неминуемо въ пагубу, и возлюбить путь узкій, который одинъ вводитъ въ животъ. Ибо, что пользы, если мы, уклонившись отъ ига Христова, и избѣгнемъ скорбей временныхъ, а подвергнемся чрезъ то, подобно богачу евангельскому, мученію вѣчному? Но избѣгнемъ ли, уклонившись отъ послѣдованія Христу, даже временныхъ скорбей? Увы, міръ, насъ обольщающій, имѣетъ не однѣ розы, а и множество вмѣстѣ съ ними терновъ: первыя цвѣтутъ кратко, а послѣдніе—всегда на древѣ. Какая неизмѣримая толпа міролюбцевъ! Но много ли довольныхъ своею участію? Всѣ стонутъ и воздыхаютъ. Посему, если уже неизбѣжно страданіе, то лучше терпѣть и страдать для Христа и со Христомъ, нежели для міра и съ міромъ. Въ пер-

вомъ случаѣ временными страданіями искупается вѣчное блаженство; а въ послѣднемъ—временныя страданія послужатъ залогомъ и предначатіемъ вѣчныхъ мукъ.

Уразумѣемъ же тайну креста Христова и нашего. Познаемъ необходимость обоихъ крестовъ; познавъ, возлюбимъ тотъ и другой любовію неразрывною; возлюбивъ, будемъ нести свой крестъ, по слѣдамъ Спасителя нашего, распиная на немъ ветхаго человѣка нашего, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ. Сдѣлаемъ все сіе, братіе мои; ибо, се есть животъ вѣчный! Другаго пути къ животу и царствію для насъ нѣтъ и быть не можетъ! Аминь.

Слово на память Алексія человѣка Божія.

Святый Апостолъ Павелъ, бесѣдуя съ Коринѳянами о будущемъ воскресеніи мертвыхъ, замѣтилъ, что какъ звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ (1 Кор. 15, 41), такъ будетъ въ день воскресенія и съ тѣлесами праведниковъ: всѣ, т. е., они заблистаютъ свѣтомъ небеснымъ; но свѣтъ сей будетъ не одинаковъ—въ однихъ сильнѣе, въ другихъ слабѣе. Таковое разнообразіе въ блаженномъ просвѣтленіи праведныхъ на небѣ произойдетъ, безъ сомнѣнія, не отъ чего другаго, какъ отъ внутренняго разнообразія ихъ душевныхъ качествъ и степени богоподобія, достигнутой ими на землѣ.

Какъ бы въ нѣкое предвареніе и залогъ сего, служитъ теперь разнообразіе тѣхъ особенныхъ проименованій, коими святая Церковь отличаетъ многихъ изъ угодниковъ Божіихъ. Такъ, иной на языкѣ Церкви называется великомученикомъ и многострадальнымъ:—другой прозорливымъ, третій постникомъ, тотъ милостивымъ, сей молчаливымъ, иной столпникомъ другой начертаннымъ, иной вселенскимъ учителемъ. Всѣ сіи и подобныя проименованія, очевидно, не праздныя имена, а выражаютъ собою отличительный характеръ святыхъ угодниковъ и служатъ предвѣстіемъ и залогомъ той особенной славы и того величія, коимъ каждый изъ нихъ украсится во царствіи Отца небеснаго.

Празднуемый нами, угодникъ Божій Алексій также отличается особымъ названіемъ—*человѣка Божія*. И всѣ праведники суть человѣки Божіи; подобно какъ грѣшники—че-

ловѣки не Божіи, а сыны, какъ называетъ ихъ Самъ Спаситель, діавола; но святый Алексій именуется человѣкомъ Божіимъ въ особенномъ нѣкоемъ значеніи: какъ бы это названіе принадлежало ему преимущественно предъ всѣми другими.

Отъ кого нареченъ святый Алексій симъ высокимъ именемъ?—Если бы его нарекъ такъ и гласъ человѣческій, подобно какъ святый Іоаннъ еще при жизни его нареченъ былъ Златоустомъ за сладость бесѣдъ своихъ: то и тогда это названіе составило бы для него великую похвалу; ибо это значило бы, что всѣ, видѣвшіе его, признавали въ немъ человѣка Божія въ высшей степени. Но Алексій нареченъ такъ не отъ человѣкъ и человѣкомъ, а свыше, отъ Самаго Бога: ибо въ то время когда праведникъ скончавалъ теченіе свое и приближался къ исходу изъ сей жизни, недовѣдомый гласъ въ церкви, во время богослуженія, возгласилъ: *грядите зрѣть человѣка Божія!*

Поелику же на небѣ нѣтъ именъ праздныхъ или преувеличенныхъ, и что нарекается съ неба, то нарекается по строгому соотвѣтствію названія съ тѣмъ, что̀ называется: то въ имени человѣка Божія, данномъ такимъ образомъ святому Алексію, содержится, братіе мои, и величайшая похвала для него, и обильное назиданіе для насъ.

Итакъ, вникнемъ въ жизнь человѣка Божія и посмотримъ, чѣмъ заслужилъ онъ наименованіе столь великое и поучительное.

Обозрѣвая жизнь святаго угодника, тотчасъ видишь, что она вся исполнена пламенной любви къ Богу, соединенной съ самоотверженіемъ самымъ высокимъ и всецѣлымъ. Нѣтъ почти ни одной возможной для человѣка жертвы, которой бы онъ ни принесъ въ даръ Богу. Алексій былъ единственнымъ наслѣдникомъ великихъ и разнообразныхъ стяжаній своихъ родителей: и, отвергнувъ всѣ сіи богатства, содѣлался на всю жизнь нищимъ Христа ради. Алексію, по самому происхожденію его отъ славнаго и высокаго рода, предлежалъ путь честей и отличій, благоволеніе монарха и близость ко двору его: онъ, презрѣвъ всякую слáву и честь, смирилъ себя, подобно Спасителю, до рабіяго зрака. Алексій цвѣлъ красотою и избыткомъ силъ тѣлесныхъ; но въ самой юности еще увядилъ постомъ и трудами плоть свою до того, что самые родители не могли узнать его и

до самой кончины содержали его въ домѣ своемъ, какъ чуждаго странника. Съ нимъ сочетана была бракомъ благороднѣйшая и лучшая изъ невѣстъ римскихъ: и дѣва до брака осталась дѣвою до конца своей жизни, не зрѣвъ супруга своего на ложѣ брачномъ, ибо уязвленный другою, высшею любовію, Алексій въ самую ночь брачную сокрылся навсегда изъ-подъ крова родительскаго. Казалось, оконченъ весь рядъ жертвъ — все отдано Богу; — и отдаленная пустыня, въ которую уклонился юный подвижникъ, сохранитъ навсегда въ себѣ сію вѣтвь райскую. Нѣтъ, она только возраститъ и укрѣпитъ ее для новыхъ плодовъ, то есть, для новыхъ жертвъ и подвиговъ.

Но что же можно сдѣлать болѣе? Развѣ претерпѣть мученическую смерть за Христа? Но время гоненій за вѣру уже прошло: вѣнца мученическаго уже нѣтъ. Нѣтъ рукотвореннаго, кроваваго; но есть нерукотворенный, безкровный; — и онъ долженъ украсить главу подвижника. Какимъ образомъ? Внемлите и возблагоговѣйте!

Пустыня, ограждавшая Алексія отъ всего міра, начинаетъ терять безмолвіе отъ славы его подвиговъ: онъ видитъ вокругъ себя непрестанно людей, ищущихъ его молитвъ и благословенія; видитъ и спѣшитъ бѣжать отъ похвалъ и чести, его преслѣдующихъ, въ другое отдаленное мѣсто, гдѣ бы никто не зналъ его, кромѣ Бога и Ангела Хранителя. И что же? Море, коему онъ для сего ввѣряетъ себя, внезапно воздымается бурею, и,—такъ устроившему Промыслу,—износитъ корабль его предъ врата града отеческаго!..

Другой со взоромъ, менѣе очищеннымъ и не такъ способнымъ проникать во глубину путей Божіихъ, увидѣлъ бы въ семъ простой случай и снова началъ бы искать удаленія отъ того мѣста, гдѣ сосредоточены всѣ искушенія для сердца. Но для человѣка Божія нѣтъ случая: онъ познаетъ въ семъ событіи волю Божію о себѣ, и что же предпринимаетъ? Искомую пустыню умышляетъ найти для себя въ самомъ домѣ отеческомъ: является предъ него въ видѣ странника, испрашиваетъ себѣ у родителей, во имя давно потерянаго сына ихъ, малаго угла въ дому;—и, самозаключенный, проводитъ въ немъ 17 лѣтъ въ подвигахъ поста и молитвы! Собственные слуги его, по наущенію духа злобы, обливаютъ его иногда нечистотами: онъ терпитъ!—Ежедневно видитъ мать и отца,

скорбящихъ о потерѣ сына, и терпитъ! Слышитъ вопли супруги, оплакивающей свое вдовство безвременное, и терпитъ!— Когда всѣ бесѣдуютъ о немъ, онъ за всѣхъ бесѣдуетъ съ единымъ Богомъ. Судите, чего стоили для сердца человѣческаго сіи 17 лѣтъ, проведенныхъ такимъ образомъ! И вотъ тотъ безкровный вѣнецъ мученическій, коимъ суждено было свыше украситься человѣку Божію!...

Перестанемъ же, братіе мои, ссылаться на невозможность съ нашею бренною плотію побѣждать приверженность къ вещамъ земнымъ. Ибо, вотъ съ сею самою плотію оставлены ради Христа всѣ блага міра, прерваны всѣ узы плоти, побѣждена природа со всѣми ея не только нечистыми, но и самыми невинными требованіями!

Предложитъ ли однако же сей примѣръ для подражанія всѣмъ и каждому? Нѣтъ, это было бы не по духу самаго Евангелія. Не всѣ могутъ быть Авраамами, чтобы принести въ жертву Исаака; не всѣ—Алексіями, чтобъ изъ-подъ вѣнца брачнаго устремиться прямо за вѣнцемъ мученическимъ. *Могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѳ. 19, 12)! Но не имѣя способности подражать нѣкоторымъ подвигамъ святыхъ человѣковъ Божіихъ во всѣхъ ихъ полнотѣ и, можно сказать, безпредѣльности, мы должны приближаться къ нимъ—поколику для насъ возможно—въ ихъ любви къ Богу и презрѣніи благъ мірскихъ. Хочешь ли въ настоящемъ случаѣ видѣть, въ чемъ можно и намъ подражать человѣку Божію? Внемли: тебя Богъ благословилъ богатствомъ и стяжаніями, отъ предковъ ли доставшимися, или тобою самимъ пріобрѣтенными: пользуйся ими, но не употребляй во зло—свое и другихъ; содѣлай блага земныя средствами къ пріобрѣтенію благъ небесныхъ; яви собою въ маломъ видѣ то, что Богъ дѣлаетъ въ великомъ, то есть сдѣлайся благодѣтелемъ неимущихъ и нуждающихся: тогда и при богатствѣ, или лучше сказать, за само богатство твое ты будешь человѣкомъ Божіимъ; ибо всѣ облагодѣтельствованные тобою будутъ прославлять, ради тебя, Отца, Иже на небесѣхъ.

Предъ тобою открытъ путь достоинствъ и почестей: иди по немъ, но иди прямою и чистою стезею, не употребляя никакихъ недостойныхъ средствъ къ твоему возвышенію, не жертвуя для сего совѣстію; и чѣмъ болѣе будешь возвышаться надъ собратіями твоими, тѣмъ болѣе смиряйся въ

духѣ твоемъ, пользуясь высотою своею для покрова и поддержанія слабыхъ и угнетенныхъ. Яко облеченный довѣріемъ власти предержащей, говори истину, которую другой не въ состояніи сказать,—стой за правду и тогда, когда всѣ ее оставляютъ,—являй всегда и вездѣ собою примѣръ безкорыстія и самоотверженія для блага общественнаго, съ терпѣніемъ переноси клевету и зависть: тогда ты, и при высотѣ твоей и достоинствахъ, или лучше сказать, за сію самую высоту и достоинства, честно достигнутыя, праведно поддерживаемыя, на добро обращаемыя, будешь человѣкомъ Божіимъ; ибо всѣ будутъ, ради тебя, прославлять имя Божіе.

Ты вступилъ въ бракъ; обязался узами супружества: вкушай чистыя радости семейной жизни; но не забывай, что ты въ союзѣ не съ одною твоею супругою, что ты въ крещеніи сочетался Христу, и что душа твоя уневѣщена Ему, яко жениху, и тебя ожидаетъ брачная вечеря во царствіи Его. Памятуя сіе, веди себя какъ прилично тому, который долженъ быть нѣкогда единъ духъ съ Господемъ. Если чада твои рождены будутъ не въ похоти плоти, а по духу вѣры, и воспитаны въ страхѣ Божіемъ; если домочадцы твои сохранены отъ пороковъ и разврата; если домъ твой есть подобіе Церкви—все въ немъ боится Бога, дѣлаетъ правду, наблюдаетъ миръ и чистоту: то ты и въ супружествѣ, и за супружество, человѣкъ Божій! Аминь.

Слово въ среду 4-ой недѣли Великаго поста.

Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ! (Лук 23, 42).

Святая Церковь поступаетъ съ нами, какъ матери поступаютъ съ младенцами, когда учатъ ихъ говорить. Матери заставляютъ для сего младенцевъ повторять за собою имена лицъ и названіе предметовъ, кои всего нужнѣе для разговора: такъ дѣлаетъ и Церковь. Поелику для насъ, грѣшниковъ, всего нужнѣе покаяніе, то чтобы научить каяться во грѣхахъ нашихъ, она заставляетъ насъ въ настоящіе дни повторять, въ слѣдъ за нею, то покаянный псаломъ Давидовъ: *Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей;* то умилительную пѣснь израильтянъ: *На рѣкахъ Вавилонскихъ—тамо сѣдохомъ и плакахомъ;* то сокрушенную молитву св. Ефрема Сирина: *Господи*

и Владыко живота моего: то настоящее трогательное воззваніе къ Спасителю покаявшагося на крестѣ разбойника: *Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!*

Поелику за сіи послѣднія слова тому, кто произнесъ ихъ, сказано отъ Самого Спасителя: *днесь со Мною будеши въ раи;* то неудивительно, что они сдѣлались особенно драгоцѣнными для всѣхъ грѣшниковъ, и всякій разъ, когда возглашаются въ церкви, производятъ всеобщее видимое впечатлѣніе, выражающееся осѣненіемъ себя крестомъ и преклоненіемъ главы. Каждый чувствуетъ, что въ семъ воззваніи кающагося разбойника содержится какъ бы нѣкій ключъ ко вратамъ рая. И подлинно, это ключъ къ царствію; только для того, дабы отверзать имъ, что хотятъ, надобно не имѣть только его въ своихъ рукахъ, а умѣть дѣйствовать имъ, какъ должно. Иначе мы сами что̀ подумали бы о царствіи небесномъ, если бы для входа въ него стоило только произнести нѣсколько словъ? Если они отверзли рай разбойнику, то потому, что съ сими малыми словами въ устахъ, у него крайне много соединено было въ сердцѣ. Безъ сего и разбойникъ, сколько бы ни повторялъ ихъ на крестѣ своемъ, не услышалъ бы того вожделѣннаго отвѣта, коимъ благоволилъ удостоить его Спаситель міра.

Кому же, спросите, могутъ они отверзть рай?—Тому, вопервыхъ, кто имѣетъ такую же живую и твердую вѣру въ Господа Іисуса, какую имѣлъ разбойникъ на крестѣ. Посмотрите, какъ онъ вѣруетъ! Вѣруетъ такъ, какъ не вѣровали въ часъ смерти Господа многіе изъ ближайшихъ учениковъ Его. Ибо самъ Петръ отвергся Его въ это время трижды, и притомъ съ клятвою. Петръ отвергается, а разбойникъ сего отверженнаго всѣми, сего умученнаго, распятаго вмѣстѣ съ злодѣями, оставленнаго, повидимому, Самимъ Отцемъ Его, признаетъ не сотворшимъ ни единаго зла, именуетъ Господомъ своимъ и Владыкою и приноситъ Ему смиренную молитву о томъ, чтобы не быть забытымъ отъ Него въ Его будущемъ царствіи!... Что можно представить себѣ выше и сильнѣе такой вѣры?—Суди же послѣ сего самъ, въ состояніи ли ты усвоить себѣ исповѣданіе разбойника? Если чувствуешь въ себѣ присутствіе его вѣры; если вопреки всѣхъ мудрованій лжеименнаго разума, который и донынѣ, ослѣпленный, продолжаетъ видѣть въ Іисусѣ Сына не Божія, а

только Маріи,—ты постоянно видишь въ Немъ Христа, Божію силу и Божію премудрость; если ты готовъ остаться съ Нимъ и тогда, когда бы всѣ оставили Его; если ни Его крестъ, за тебя несомый, ни твой, для Него подъемлемый, нисколько не соблазняютъ тебя, а еще болѣе привязываютъ къ Нему твою душу и сердце: то смѣло отверзай уста и произноси: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!* Гласъ твой будетъ услышанъ, и двери рая не затворятся для твоей вѣры!

Кто можетъ достойно произнести слова разбойника? Тотъ, кто, подобно ему, не только искренно сознаетъ свои грѣхи, но и благодушно переноситъ ихъ несчастныя послѣдствія. Разбойникъ, не смотря на свое покаяніе, подвергся на землѣ всему, что̀ преступникъ закона можетъ потерпѣть отъ правосудія человѣческаго: онъ умираетъ теперь на крестѣ въ ужасныхъ мукахъ. Но смотри, какъ терпитъ эти муки! Когда злополучный клеврета его предается безполезному ропоту, онъ смиренно проповѣдуетъ, яко *по дѣломъ наю восприємлева.* Какъ бы такъ говорилъ: «что ты ропщешь? съ нами происходитъ именно то, что̀ должно: подобные намъ грѣшники по необходимости должны мучиться и страдать».—Это показываетъ, что въ немъ произошла рѣшительная перемѣна мыслей, что онъ почувствовалъ всю худость своихъ поступковъ, получилъ сердечное омерзеніе ко грѣху и смотритъ на него, какъ на такого врага человѣку, отъ котораго немного значитъ освободиться даже муками крестными. Не потому ли, можетъ быть, онъ не проситъ у Спасителя даже облегченія своихъ страданій, даже мужества для перенесенія ихъ; хочетъ, то-есть, испить чашу мученій до дна, дабы горечію ея очиститься отъ всѣхъ прежнихъ тлетворныхъ сладостей грѣха? Взоръ его весь устремленъ въ одно будущее, къ жизни вѣчной за гробомъ. Тамъ хочетъ онъ начать новое бытіе и новую дѣятельность, чистую и святую; и молитъ Іисуса о томъ, дабы грѣхи его не воспрепятствовали ему въ семъ благомъ намѣреніи: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!*—То есть, покрой грѣхи мои предъ судомъ правды Божіей, дополни, отъ заслугъ Твоихъ, чего не достанетъ въ казни, мной претерпѣнной: да буду и въ царствіи Твоемъ не отринутъ отъ лица Твоего такъ же, какъ теперь удостоенъ приблизиться къ Тебѣ крестомъ моимъ! Таковы смиреніе, преданность и упованіе кающагося разбойника!

Хочешь ли убо, грѣшникъ, и ты улучить благую частч его? Улучи же прежде его чувства.—Не ограничивайся слабымъ признаніемъ, что ты грѣшникъ:—кто изъ грѣшниковъ не имѣетъ его?—Но покажи, что ты чувствуешь всю мерзость грѣховъ твоихъ. Чѣмъ показать? Во-первыхъ тѣмъ, чтобы навсегда бросить грѣхъ; а во-вторыхъ, благодушнымъ терпѣніемъ тѣхъ бѣдствій, кои, какъ тѣнь за тѣломъ, всегда слѣдуютъ за грѣхомъ. Подвергло ли тебя правосудіе человѣческое заслуженному наказанію?—Неси его безъ ропота, говоря, подобно разбойнику: *по дѣломъ наю воспріемлева.* Произошелъ ли отъ грѣховной жизни твоей самъ собою вредъ и зло, напримѣръ, болѣзнь, лишеніе имущества, безчестіе?—Терпи благодушно, говоря: *по дѣломъ наю воспріемлева.* Истинно кающійся, почувствовавъ мерзость грѣха, не только не старается избѣгать наказанія за него, а ищетъ, и не рѣдко проситъ его, какъ милости; не находя у другихъ, самъ изобрѣтаетъ для себя наказаніе. Когда и ты поставишь себя въ такое расположеніе духа, то отверзай уста съ вѣрою и говори: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!* Гласъ твой услышится, и ты не будешь забытъ Владыкою рая.

Кто можетъ достойно произносить слова разбойника?

Тотъ, кто, подобно сему разбойнику, не только самъ чувствуетъ отвращеніе отъ грѣха, перестаетъ грѣшить, но и старается привесть къ покаянію подобныхъ себѣ грѣшниковъ, особенно тѣхъ, съ коими участвовалъ въ беззаконіяхъ. Это—святая обязанность кающагося грѣшника: онъ долженъ употребить все, чтобы не самому только возвратиться на путь правый, но и возвратить на него тѣхъ, кои совращены имъ съ него его страстями. Какъ трогательно исполняетъ сію обязанность кающійся на крестѣ разбойникъ въ отношеніи къ распятому собрату своему! Можетъ быть, не онъ соблазнялъ его на грѣхъ, а самъ былъ соблазненъ имъ; но поелику злодѣянія были общія, то онъ хочетъ раздѣлить съ нимъ и свое покаяніе. *Ни ли ты боишися Бога?* говоритъ онъ, услышавъ хулу его на Іисуса: *мы убо по дѣломъ наю воспріемлева, Сей же ни единаго зла сотвори.* Не много словъ, но какого самоотверженія стоило произнести ихъ тому, кто самъ раздираемъ былъ муками отъ креста? Посему-то кающійся разбойникъ не оканчиваетъ даже своей проповѣди собрату своему, а, прервавъ ее, слабѣющими устами обра-

щается къ Спасителю съ молитвою: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!* — желая уже не словами одними, а и примѣромъ своимъ досказать бѣдному собрату, что̀ и ему надобно сдѣлать.

Итакъ, кающійся грѣшникъ, если хочешь усвоить себѣ сію молитву, то не останавливайся на своемъ обращеніи. Ты грѣшилъ не одинъ, и каяться долженъ не одинъ. Не скрывай убо обращенія своего, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, предъ другами и клевретами твоего беззаконія: всѣ видѣли, что ты грѣшникъ, пусть всѣ увидятъ, что ты грѣшникъ кающійся. Какъ бы кто изъ прежнихъ клевретовъ твоихъ, подобно распятому клеврету кающагося разбойника, безумно ни издѣвался надъ дѣломъ спасенія: ты не долженъ симъ огорчаться, а дѣлать свое дѣло. Совѣтуй, проси, умоляй, заклинай.—но старайся возвратить на путь правый соучастниковъ твоихъ. Ибо такимъ токмо образомъ ты будешь подобенъ благоразумному разбойнику и можешь непостыдно говорить съ нимъ ко Спасителю твоему: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!*

Вообще, братіе мои, не должно думать, что когда мы произнесемъ нѣсколько словъ со вздохомъ—Давидовыхъ ли, мытаря ли, разбойника ли кающагося, то уже имѣемъ право на помилованіе и можемъ продолжать грѣшить безпечно, попрежнему. Нѣтъ, это было бы заблужденіе самое грубое. Въ такомъ случаѣ сіи же самыя слова послужатъ намъ въ осужденіе. Ты зналъ и вѣдалъ, скажутъ намъ нѣкогда, какъ должно каяться; ибо твои же уста произносили слова покаянія Давидова, или разбойника на крестѣ. Зачѣмъ же, употребляя ихъ слова, не подражалъ ихъ дѣйствіямъ? Для чего принималъ ихъ образъ, и не стяжалъ ихъ духа и сердца? — Итакъ, умоляя вмѣстѣ съ разбойникомъ Господа, чтобы Онъ воспомянулъ насъ *во царствіи Своемъ,* позаботимся о томъ, чтобы было что воспомянуть о насъ Господу, дабы намъ, и воспомянутымъ, не сдѣлалось хуже отъ самаго воспоминанія о насъ, то есть, отъ нашихъ неправдъ и нашего нераскаянія во грѣхѣ. Аминь.

Слово въ пятокъ 4-ой недѣли Великаго поста.

Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ! (Лук. 23, 42).

Нѣтъ, братіе мои, ни одного самаго сильнаго и дѣйствительнаго врачевства, которое отъ злоупотребленія не могло бы обратиться во вредъ. Даже чѣмъ сильнѣе и лучше лекарство, тѣмъ бываетъ вреднѣе, когда употребляютъ его не какъ должно. Трогательный примѣръ разбойника, покаявшагося на крестѣ и за свое покаяніе удостоившагося слышать изъ устъ Самого Спасителя: *днесь со Мною будеши въ раи!*— есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ врачевствъ духовныхъ для кающихся грѣшниковъ, къ поддержанію въ нихъ надежды на милость Божію, къ огражденію ихъ отъ уныніе и отчаянія. Но и сіе врачевство, вмѣсто пользы, иногда ожесточаетъ болѣзнь душевную и обращается въ пагубу,—когда, по надеждѣ на примѣръ покаявшагося и спасшагося на крестѣ разбойника, отлагаютъ свое покаяніе до послѣднихъ минутъ жизни. Извѣстно, какъ судятъ въ такомъ случаѣ: разбойникъ, говорятъ, за нѣсколько минутъ до смерти успѣлъ принести покаяніе и войти въ рай; тѣмъ паче намъ, кои не разбойники, возможно будетъ раскаяться во грѣхахъ предъ самою смертію, и удостоиться, подобно ему, помилованія. Противъ сего ложнаго умствованія можно бы сказать многое, а паче всего то, что со смертію и адомъ, какъ замѣтилъ еще древній святый мудрецъ, нѣтъ договора и условій, что они не дадутъ намъ предъ кончиною нашею, можетъ быть, и нѣсколькихъ минутъ на покаяніе: ибо многіе, какъ показываетъ опытъ, умираютъ внезапно; но мы, оставивъ все прочее, хотимъ теперь показать наипаче то, что самый примѣръ разбойника нисколько не можетъ служить поводомъ къ отлаганію нашего покаянія до смерти, и что тѣ ошибаются самымъ жестокимъ образомъ, кои думаютъ видѣть въ семъ разбойникѣ образецъ покаянія самаго удобнаго и легкаго.— Да даруетъ Господь, чтобы слово наше о семъ послужило кому-либо на пользу и воздвигло отъ ложной надежды хотя единаго изъ грѣшниковъ.

Итакъ, возлюбленный собратъ, ты ищешь для себя покаянія легкаго, хочешь для сего всю жизнь отдать грѣху и страстямъ, въ надеждѣ послѣдними минутами купить, такъ

сказать, за безцѣнокъ рай Божій. Ищи же примѣра для сего покаянія, гдѣ угодно, только не въ лицѣ разбойника на крестѣ.—Какъ? Легкое покаяніе, когда руки и ноги прободены гвоздями? Легкое покаяніе, когда въ спискѣ самыхъ варварскихъ мученій нѣтъ большаго, какъ быть распяту? Легкое покаяніе, когда отъ мукъ крестныхъ Самъ великій Подвигоположникъ вопіетъ: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ* (Матѳ. 27, 46)? Поставь себя на мѣстѣ истаевающаго въ мукахъ разбойника, почувствуй, если можешь, то, что̀ онъ, распятый, терпитъ и чувствуетъ,—и тогда воображай, если угодно, что его покаяніе легко и удобно.

«Но все же,—подумаетъ кто-либо,—рай стоилъ разбойнику только нѣсколькихъ часовъ мученія и нѣсколькихъ словъ». И что же бы, скажи, можно было сдѣлать ему теперь болѣе въ его положеніи? Если бы онъ сошелъ со креста, тогда мы въ правѣ были бы требовать отъ него дальнѣйшихъ плодовъ покаянія, новыхъ различныхъ подвиговъ добродѣтели; и онъ, безъ сомнѣнія, удивилъ бы насъ чистотою своей жизни и самоотверженіемъ: но теперь остаются у него свободны однѣ мысли и уста; и смотри, какъ онъ употребляетъ ими! Правда, что изъ его устъ исходитъ только нѣсколько словъ; но прислушайтесь къ симъ словамъ:—въ нихъ вся полнота вѣры, любви и надежды,—все, что̀ можно требовать при смерти не только отъ грѣшника, но и отъ самаго праведника. Чего стоило одно то, чтобы назвать въ эту минуту Господомъ и Владыкою рая того, Кто висѣлъ на крестѣ?—Если бы разбойникъ видѣлъ Іисуса, вызывающимъ Лазаря изъ гроба, то не трудно было бы воскликнуть подобно Ѳомѣ: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. 20, 28)! Если бы онъ зрѣлъ Его на Ѳаворѣ во славѣ между Моисеемъ и Иліею, то легко было бы съ Петромъ сказать: *добро здѣ быти* (Матѳ. 17, 4)! *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѳ. 16, 16)! Если бы онъ слышалъ, по крайней мѣрѣ, Его бесѣдующимъ во храмѣ, то на благодать, льющуюся изъ устъ Его, можетъ быть, невольно бы отвѣчалъ: *къ кому идемъ? глаголы живота вѣчнаго имаши* (Іоан. 6, 68). Теперь же, что предъ очами разбойника? Единъ крестъ Іисусовъ и Его муки! Что слышитъ онъ? Отовсюду хулу и насмѣшки надъ Страждущимъ. Обѣтованный Мессія отличается отъ него только однимъ вѣнцемъ терновымъ!.. И въ семъ-то

отверженномъ, повидимому, не только людьми, но и Самимъ Богомъ, человѣкѣ, разбойникъ узнаетъ Искупителя всѣхъ человѣковъ, Сына Божія!.. Какой вѣры требовалось, чтобы не ослѣпнуть среди всеобщей тьмы, не увлечься бурнымъ потокомъ общаго мнѣнія, вознестись надъ всѣми соблазнами? Но разбойникъ возносится!.. Іисусъ и на крестѣ для него то же, какъ если бы онъ видѣлъ Его на престолѣ славы. Подлинно, если о сотникѣ капернаумскомъ сказано, что вѣрѣ его подобной не было въ цѣломъ Израилѣ: то о разбойникѣ въ настоящую минуту должно сказать, что его вѣры нельзя было обрѣсти тогда въ цѣломъ мірѣ.

И сей-то примѣръ мы беремъ въ возглавіе нашей лѣности въ дѣлѣ спасенія? И на семъ-то крестѣ разбойника, на сихъ-то гвоздяхъ мы думаемъ спокойно опочить во грѣхахъ до самой смерти? Увы, намъ ли, при нашемъ маловѣріи, при нашемъ разслабленіи духовномъ, намъ ли, говорю, надѣяться, что мы въ часъ смерти возъимѣемъ ту силу вѣры, коей не было въ часъ смерти Господа въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ Апостоловъ?

Но въ разбойникѣ, какъ мы видѣли въ прошедшемъ собесѣдованіи, открылась на крестѣ не одна вѣра чрезвычайная: открылась во всей силѣ и любовь къ ближнимъ, которая заставила его, забывъ собственныя муки, пещись о спасеніи своего несчастнаго собрата. Многіе ли способны къ такому высокому самоотверженію? И если бы кто былъ къ сему способенъ, то мы, кои хочемъ продолжать грѣховную жизнь до смерти, мы именно по тому самому всего менѣе будемъ способны. Ибо, думаешь ли, нераскаянный грѣшникъ, что окаменѣвшее во грѣхѣ сердце твое вдругъ въ состояніи будетъ источить сію святую воду любви? Увы, если бы предъ симъ камнемъ сталъ самъ Моисей съ жезломъ своимъ, то и онъ сказалъ бы: *еда изъ камене сего изведемъ вамъ воду* (Числ. 20, 10)? Въ самомъ дѣлѣ, сколько духовные отцы ни употребляютъ увѣщаній надъ умирающими грѣшниками, но что̀ большею частію видятъ и слышатъ? Видятъ одну сухость сердца и отчаяніе; слышатъ одинъ вопль болѣзни, или даже ропотъ, нисколько не похожій на гласъ кающагося разбойника. Перестанемъ же обольщать себя примѣромъ Голгоѳскаго разбойника, который, если правильно понять его, скорѣе долженъ устрашить насъ, нежели расположить кого-

либо къ безпечности въ дѣлѣ спасенія. Если,—такъ надлежитъ разсуждать въ семъ случаѣ,—если и изъ двухъ грѣшниковъ, кои были распяты и умирали вмѣстѣ со Спасителемъ, одинъ содѣлался добычею ада: то кто можетъ въ безпечности ожидать своего спасенія? Правда, другой спасся и улучилъ рай; но сколько самыхъ рѣдкихъ совершенствъ обнаружилось въ душѣ его! Если токмо такое покаяніе пріемлется, какъ сего разбойника, то хотя бы всѣмъ предъ смертію былъ отверстъ рай, въ него войдутъ весьма немногіе. Чѣмъ ожидать въ себѣ такихъ чудесъ благодати,—кои, можетъ быть, еще прежде были заслужены разбойникомъ,—стократъ благоразумнѣе и лучше—заранѣе вступить на путь покаянія и приготовить свою душу къ вѣчности.

Къ чему же, наконецъ, спроситъ кто-либо, долженъ служить намъ примѣръ спасшагося на крестѣ разбойника? Къ тому, во-первыхъ, чтобы не соблазняться ничѣмъ въ лицѣ и ученіи Спасителя нашего, Который и доселѣ, какъ на Голгоѳѣ, для сыновъ погибели служитъ предметомъ хулы и недоумѣній преступныхъ. Когда ты услышишь гдѣ-либо подобныя безумныя насмѣшки не только надъ лицемъ Спасителя, но и надъ чѣмъ-либо священнымъ, касающимся вѣры и Церкви Его,—вспомни разбойника и скажи: *помяни, мя Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!*

Къ тому, во-вторыхъ, дабы не думать, что если ты за твои грѣхи потерпѣлъ наказаніе на землѣ, то уже совершенно чистъ и правъ предъ Богомъ и можешь смѣло ожидать смерти, дабы идти прямо въ рай. Когда придетъ къ тебѣ сія обманчивая мысль, то вспомни разбойника, который претерпѣлъ на землѣ самую ужасную казнь и, однако же, не думалъ чрезъ то быть правымъ, а ожидалъ помилованія отъ милосердія Господня, и скажи съ нимъ же: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!*

Къ тому, въ-третьихъ, чтобы не отчаяваться отъ множества своихъ грѣховъ въ милосердіи Божіемъ и, призвавъ на помощь Спасителя, бодрственно вести брань съ злыми навыками—въ надеждѣ, что Тотъ, Который не отвергъ кающагося на крестѣ разбойника, не отвергнетъ и твоихъ слезъ и твоего смиреннаго гласа, когда ты возопіешь къ Нему съ вѣрою и любовію. Посему, когда врагъ-искуситель будетъ располагать тебя къ унынію и отчаянію, говоря, что тебѣ

не возможно быть помиловану, представь разбойника на крестѣ и молись его словами: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!*

Къ тому, наконецъ, что если приключится тебѣ быть застигнутымъ смертію совершенно внезапно, и ты не имѣешь возможности уже ничего сдѣлать на пользу бѣдной души твоей, то, по крайней мѣрѣ, старайся предать Господу духъ твой съ сими словами: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!* Аминь.

Слово въ недѣлю 4-ую Великаго поста.

Изъ предшествующихъ собесѣдованій нашихъ вамъ ужъ извѣстно, братіе мои, что настоящій день недѣльный посвященъ Церковію хвалебному воспоминанію памяти св. Іоанна Лѣствичника. Не безъизвѣстно также и то, что великая честь сія воздана ему Церковію преимущественно за то руководство въ духовной жизни, какимъ пользовались отъ него многіе во время житія его на землѣ, и которое онъ, можно сказать, увѣковѣчилъ для всѣхъ насъ въ душеспасительномъ твореніи своемъ, извѣстномъ подъ именемъ «Лѣствицы».

Итакъ, намъ остается, сообразно намѣренію Церкви, познакомить васъ съ сею Лѣствицею, которая, къ сожалѣнію, мало извѣстна даже для тѣхъ, коимъ не противно было бы начать не умозрительный токмо, а и дѣятельный восходъ по священнымъ ступенямъ ея.—Причиной такой неизвѣстности сей превосходной книги, можетъ быть, отчасти и языкъ ея—славянскій, и потому не для всѣхъ понятный. Ибо, мы, учась многимъ языкамъ иностраннымъ, кои большею частію не находятъ у насъ для себя почти никакого употребленія, небрежемъ, къ стыду нашему, объ изученіи языка славянскаго, не смотря на то, что онъ есть языкъ Священнаго Писанія, языкъ Церкви и корень нашего языка отечественнаго. Но если-бъ была охота, то Лѣствица Іоаннова могла-бъ къ желающимъ явиться и на томъ самомъ языкѣ, который для нихъ сдѣлался одною изъ первыхъ потребностей въ жизни. Ибо твореніе сіе, за его достоинство, давно усвоено всѣми образованными народами. Но мы, жертвуя языку галловъ такъ многимъ, не умѣемъ и не хотимъ извлекать изъ него той

пользы, которую онъ могъ бы доставить намъ духовными твореніями, на немъ находящимися;—а только, подобно неразумнымъ дѣтямъ, сосемъ изъ него ядъ сладкій, посредствомъ чтенія душетлѣнныхъ повѣстей и высокоумныхъ мечтаній.

Но обратимся къ Лѣствицѣ Іоанновой. Такъ названо имъ самимъ собраніе душеполезныхъ размышленій о главныхъ добродѣтеляхъ христіанскихъ, преимущественно тѣхъ, коими подавляется и умерщвляется въ насъ ветхій нашъ человѣкъ, то есть, грѣхолюбивая плоть съ ея страстями и похотями, и оживаетъ вмѣсто его, растетъ и укрѣпляется въ насъ человѣкъ новый, духовный, живущій по Бозѣ вѣрою, любовію и упованіемъ жизни вѣчной. Составлено сіе твореніе для посвятившихъ себя жизни иноческой; но поелику сущность дѣла спасенія для всѣхъ одна и та же, и состоитъ въ очищеніи природы нашей отъ зла, въ ней гнѣздящагося, и въ наполненіи ея благодатію Божіею, а съ нею и всѣми добродѣтелями, то Лѣствица Іоаннова весьма полезна и душеспасительна для всякаго, кто желаетъ быть христіаниномъ не на словахъ токмо и по имени, а на самомъ дѣлѣ.

Число ступеней или духовныхъ размышленій въ Лѣствицѣ—тридесять, по числу лѣтъ земной жизни Господа нашего до Его Крещенія, ибо Господь крестился и исшелъ на дѣло нашего спасенія не прежде тридесяти лѣтъ, и при томъ потому, какъ должно полагать, что въ это время естество человѣческое достигаетъ своего полнаго возраста; а мы всѣ, по наставленію Апостола, должны приходить въ мѣру возраста исполненія Христова,—къ чему ведетъ и способствуетъ Лѣствица Іоаннова. Посему и добродѣтели слѣдуютъ въ ней, одна за другою, въ естественномъ ихъ порядкѣ и преемствѣ, начиная отъ пріуготовительныхъ и низшихъ!

Вотъ краткое, внѣшнее очертаніе творенія Іоаннова! Хотите ли ознакомиться съ его внутреннимъ духомъ? Для сего, сообразно нынѣ чтенному Евангелію (Марк. 9, 29), гдѣ въ одномъ изъ событій изображена чудотворная сила молитвы, прочитаемъ изъ его Лѣствицы размышленіе о молитвѣ.

«Молитва, такъ начинаетъ св. Лѣствичникъ,—въ разсужденіи своего качества, есть сообщеніе и соединеніе человѣка съ Богомъ, а въ разсужденіи дѣйствія есть ходатайство о благосостояніи міра, Божіе примиреніе, матерь и дщерь слезъ, очищеніе грѣховъ, надежный мостъ для прехожденія

волнъ искушеній, средостѣніе. защищающее отъ всякихъ злоключеній, пресѣченіе внутреннихъ браней, ангельское упражненіе, всѣхъ безтѣлесныхъ существъ пища, будущее веселіе, непрерывное дѣйствіе, источникъ добродѣтелей, ходатаица благодатныхъ дарованій. невидимое преспѣяніе, душевное брашно, просвѣщеніе мысли, сѣкира отчаянія, утвержденіе надежды, разрушеніе печали, монашеское богатство, безмолвническое сокровище, утоленіе гнѣва, зерцало духовнаго успѣванія, учительница умѣренности, живое представленіе человѣческаго состоянія, будущихъ вещей вѣстница. предзнаменованіе грядущія славы. Молитва, для молящагося истинно, есть судъ и истязаніе Господне, прежде будущаго онаго страшнаго судища».

Скажите, кто бы изъ насъ могъ лучше и полнѣе изобразить свойство и силу молитвы? Сколько тутъ, не говорю мыслей и чувствъ молитвенныхъ, а тайнъ и чудесъ молитвы! И какъ ощутительно, что все это изображеніе молитвы составлено не по воображенію, какъ нерѣдко бываетъ у насъ, а по дѣйствительному опыту! Оттого какъ полно жизни каждое слово и выраженіе!

Вотъ что повѣствуетъ потомъ св. Лѣствичникъ о различныхъ видахъ молитвы.

«Предстояніе на молитвѣ едино, но многіе и различные виды. Ибо, иные съ Богомъ, яко съ другомъ своимъ и Владыкою бесѣдуютъ, и не столько для своего, сколько для другихъ заступленія, пѣснь и молитву Ему возсылаютъ. Другіе просятъ духовнаго богатства, славы и священнаго къ Богу дерзновенія. Иные молятъ избавиться вовсе отъ своего супостата. Другіе молятся о полученіи какого-нибудь достоянія; иные, дабы совершенно освободиться отъ безпокойства о долгѣ грѣховномъ; другіе, чтобъ изведеннымъ быть изъ скучныя житія сего темницы; иные, наконецъ, чтобъ разрѣшены были ихъ преступленія».

Какъ и здѣсь видно не умозрительное какое-либо соображеніе, а духовная опытность! И мы могли бы говорить о родахъ молитвы: но какъ? гадая и предполагая, собирая, подобно нищимъ, лепты чуждыхъ сказаній и опытовъ, не смѣя утвердить, что дѣло происходитъ такъ, а не иначе. Иной языкъ у Іоанна; онъ говоритъ твердо и рѣшительно, ибо прошелъ то дѣломъ, о чемъ говоритъ словомъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ о молитвѣ состоитъ въ томъ, какъ предстоять на ней?

«Ежели случилось тебѣ,—отвѣчаетъ Лѣствичникъ,—когда ни есть, быть обвиненнымъ предъ земнымъ судіею, то не для чего искати тебѣ другаго образа предстоянія на молитвѣ. Если же ты ни самъ ни предъ какимъ не предстоялъ судіею, ниже другихъ истязуемыхъ не видывалъ, то по крайней мѣрѣ научися сему отъ примѣра тѣхъ прошеній, коими больные врачей умоляютъ, когда врачи хотятъ у нихъ рѣзати или жещи какіе-нибудь члены».

Отвѣтъ краткій, но вполнѣ обнимающій все дѣло.

Нужны ли въ молитвѣ многія слова и краснорѣчіе?

«Не мудрствуй, вразумляетъ Лѣствичникъ, при молитвѣ своими словами, ибо часто простая и нехитростная дѣтская нѣмота небесному Отцу пріятна бываетъ. Не пецыся такожде при ней быть многословнымъ, дабы пріискиваніемъ рѣчей не разсѣяти своей мысли. Едино мытарево слово умилостивило Бога, и едино съ вѣрою произнесенное реченіе спасло разбойника. Многоглаголаніе бо при молитвѣ часто разныя въ умъ нашъ мечтанія приводитъ, и расхищаетъ оный, а краткое и единое слово не рѣдко разсѣянную мысль нашу во едино собираетъ. Не зѣло буди при молитвѣ дерзновененъ, хотя бы ты и чистоту нѣкоторую стяжалъ; но паче приступай къ Богу съ великимъ смиренномудріемъ, то болѣе получишь у Него дерзновенія. Хотя бы ты взошелъ на всю добродѣтелей лѣствицу, однако всегда молися о оставленіи своихъ прегрѣшеній, слушая Апостола Павла, о грѣшникахъ глаголющаго: отъ нихъ же первый есмь азъ».

Какъ ни полезны и вѣрны сіи совѣты касательно образа моленія, но ихъ все еще можно найти и у другихъ наставниковъ, писавшихъ о молитвѣ. Но вотъ драгоцѣнный совѣтъ, который преподанъ, касательно сего предмета, однимъ Лѣствичникомъ, и безъ сомнѣнія, взятъ изъ опыта. «Когда при какомъ ни есть молитвы своея изреченіи почувствуешь внутреннее услажденіе, либо умиленіе, то остановись на ономъ, ибо тогда Ангелъ Хранитель вкупѣ съ нами молится».

Есть ли степени въ молитвѣ? Есть, отвѣтствуетъ Лѣствичникъ.

«Начатіе молитвы состоитъ въ томъ, чтобы приходящія къ намъ постороннія мысли, при первой ихъ встрѣчѣ, еди-

нымъ своимъ умомъ отражати. Средина оныя есть, когда мысль наша въ томъ единственно углубляется, что мы читаемъ и о чемъ разсуждаемъ. Совершенство же ея заключается въ восхищеніи души нашея къ Богу».

О, если бы сподобилъ насъ Господь и сей послѣдней высоты!

Что дѣлать тѣмъ, кои не стяжали еще умѣнія молиться?

«Доколѣ мы достодолжнымъ образомъ молиться еще не можемъ, дотолѣ походимъ на тѣхъ, кои малыхъ дѣтей учатъ ходити. Старайся всегда мысль свою горѣ возносити, или, лучше сказать, въ разумѣніе молитвенныхъ словъ углубляти; и хотя-бъ она по младенчеству своему утомилась, паки возставляй ее. Ибо непостоянство есть свойственно нашей мысли, но могущій вся утвердити, конечно, и оную можетъ возставить. Ежели ты неупустительно въ подвигѣ семъ пребудешь, то конечно и къ тебѣ пріидетъ Тотъ, Иже положитъ предѣлы морю твоея мысли и речетъ къ оному: во время твоея молитвы доселѣ гряди и не преходи далѣе! Не возможно духа никакими узами связати, но идѣже присутствуетъ Творецъ духовъ, тамо вся Ему повинуются».

Премудро успокоиваетъ святый Іоаннъ тѣхъ, кои думаютъ, что молитва ихъ безплодна, и тѣмъ смущаются.

«Моляся чрезъ долгое время, и прошенія своего не получая не говори, что будто ничего не стяжалъ ты своею молитвою, ибо уже получилъ ты и такъ много. Какое бо добро можетъ быти величественнѣе, какъ прилѣплятися Господу и въ безпрерывномъ съ Нимъ союзѣ пребывати?»

Премудро также отвѣчаетъ святый Подвижникъ на вопросъ: можно ли дерзать молиться за другихъ, не имѣя еще дара молитвы?

«Когда тебя просятъ, чтобы ты помолился о спасеніи другаго, то ты не отрицайся, хотя и не стяжалъ еще дара молитвы. Ибо часто вѣра того, который проситъ, и молящагося въ сокрушеніи сердца спасаетъ. Моляся же о другихъ и бывъ отъ Бога услышанъ, не возносися, потому что вѣра ихъ въ томъ тебѣ содѣйствовала и помогала».

Долго ли надобно стоять на молитвѣ?

«Не отходи отъ молитвы дотолѣ, дондеже, по Божію мановенію, огнь усердія твоего нѣсколько угасати и вода слезъ твоихъ истощатися будетъ. Ибо, можетъ статься, таковаго

другаго времени, къ прощенію грѣховъ твоихъ толь способнаго, во всю жизнь не получиши».

Выслушаемъ еще нѣкоторые, особенно примѣчательные, совѣты святаго Іоанна касательно молитвы.

«Не опредѣляй на молитву того времени, которое ты на отправленіе дѣлъ нужнѣйшихъ и духовныхъ употребити долженъ».

Совѣтъ весьма нужный для нѣкоторыхъ. Ибо какъ есть люди, кои небрегутъ вовсе о молитвѣ и готовы промѣнять ее на занятіе предметами самыми маловажными и ненужными, такъ есть и такіе, кои, по нѣкоему пристрастію къ молитвѣ устной, бросаютъ для ней дѣла самыя важныя, и такимъ образомъ производятъ разстройство въ исполненіи своихъ обязанностей, и кладутъ нареканіе на молитву. Апостолъ заповѣдуетъ непрестанно молиться: но какъ? не устами, а сердцемъ,—не во храмѣ токмо, или предъ образомъ, а и занимаясь дѣлами своего званія,—вездѣ и во всякое время.

«Не исчисляй подробно, продолжаетъ Лѣствичникъ, при молитвѣ своей всѣхъ тѣлесныхъ пороковъ, каковы они сами въ себѣ суть, дабы тебѣ самому себѣ навѣтникомъ не содѣлаться».

Опять важный совѣтъ! Коль скоро душа, по милосердію Господа, очистится покаяніемъ отъ грѣховъ и просвѣтлѣетъ благодатію Святаго Духа, то одно воображеніе грѣховъ и беззаконій, особенно плотскихъ, отъемлетъ уже у ней часть чистоты умственной, посему и должно быть избѣгаемо. Всегда памятуй, что ты былъ великимъ грѣшникомъ, дабы сохранить смиреніе и избѣжать мечтаній о своемъ достоинствѣ; но подробности грѣховъ старайся забыть, дабы мысль о нихъ какъ искра, не произвела паки въ грѣхолюбивой природѣ твоей пожара.

Можно ли по чему-либо узнать о дѣйствіяхъ своей молитвы?

Можно, отвѣтствуетъ святый Іоаннъ, «При всякой молитвѣ бываетъ нѣкоторое знаменіе о услышаніи Богомъ нашего прошенія: знаменіе сіе состоитъ въ разрѣшеніи нашего сомнѣнія и въ твердомъ объявленіи намъ неизвѣстнаго».

Значитъ, надобно только умѣть наблюдать сіе знаменіе, и для сего имѣть тонкость слуха внутренняго.

Какія дѣйствія молитвы въ тѣхъ, кои умѣютъ молиться?

«Нѣкоторые, вставъ отъ молитвы, какъ бы изъ нѣкото-

рой распаленной пещи исходятъ, чувствуя себя отъ грѣховной нечистоты очищенными, а другіе, какъ бы нѣкіимъ свѣтомъ озарены будучи и въ одежду смиренія и веселія облечены, отъ молитвеннаго подвига возвращаются».

Довольно на сей разъ и сихъ краткихъ приводовъ.

Не правда ли, братіе мои, что твореніе, въ коемъ содержатся такіе рѣдкіе духовные опыты и такіе превосходные душеспасительные совѣты, стоитъ того, чтобы обратить на него вниманія и прочесть его, хотя изъ любопытства, въ сіи дни поста и покаянія? Кто можетъ сдѣлать это и не сдѣлаетъ, тотъ накажетъ самъ себя, ибо лишитъ душу свою пищи самой здравой и сладкой. А тѣмъ, кои не могутъ имѣть Лѣствицы Іоанновой сами, постараемся пособить мы, показуя ее по временамъ и предлагая для общаго употребленія съ сего священнаго мѣста. Аминь.

Слово въ среду 5-ой недѣли Великаго поста.

Заутра услыши гласъ мой, заутра предстану Ти, и узриши мя (Псал. 5, 4)

Кто это такъ рано хочетъ подняться на молитву? Какой-либо пустынникъ, коему нечего болѣе и дѣлать, какъ воспѣвать въ уединеніи своемъ хвалу Богу? Нѣтъ, не пустынникъ. Такъ служитель алтаря, который самымъ званіемъ своимъ призывается ежедневно во храмъ утро, полудне и вечеръ? Нѣтъ, не служитель алтаря. Стало быть, хотя мірской человѣкъ, но свободный отъ житейскихъ дѣлъ и общественныхъ обязанностей, у котораго всѣ дни и часы въ полной власти, такъ что онъ дѣлаетъ, что и когда захочетъ? Нѣтъ, и не такой человѣкъ. Кто же это такой ранній и неусыпающій молитвенникъ?—Это человѣкъ, у коего тьма дѣлъ всякаго рода, на коемъ лежитъ столько обязанностей, что ихъ трудно перечесть, для коего нѣтъ ни одного часа совершенно свободнаго, словомъ — это царь многочисленнаго народа, святый Давидъ! Онъ-то говоритъ: *заутра услыши гласъ мой, Царю мой и Боже мой! заутра предстану Ти, и узриши мя!* И не подумайте, что такъ случилось съ нимъ одинъ разъ, по какому-либо особенному случаю, когда и не привыкшіе и самые лѣнивые дѣлаютъ себѣ понужденіе и

являются, и не предъ лице Божіе, а и предъ лица человѣческія, отъ коихъ чаютъ милости, *утру глубоку;* нѣтъ, въ псалмахъ Давидовыхъ есть и другія мѣста, свидѣтельствующія о его святомъ обычаѣ утренневать къ мѣсту селенія Бога Іаковля. *На утреннихъ,* говоритъ онъ въ другомъ псалмѣ къ Господу, *на утреннихъ, поучахся въ Тя* (Псал. 62, 7). Самая ночь не мѣшала ему заниматься богомысліемъ и молитвою: *поминахъ Тя* говоритъ онъ, *на постели моей.* И не только поминалъ, но и что дѣлалъ? Вставалъ съ постели, повергался на землю и молился: *въ полунощи востахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея* (Псал. 118, 62). Когда вся природа безмолвствуетъ и когда въ самой скиніи свидѣнія тишина и покой, ложница царя Израилева оглашается—исповѣданіемъ имени Божія! Такъ-то достигалось высокое званіе пророка! Такъ-то низводилась благодать Божія на царство! Такъ-то заслужено то несравнимое преимущество, что о домѣ Давидовѣ глаголано *вдалеко* (2 Цар. 7, 19), и отъ плода чрева его обѣщано воздвигнуть обѣтованнаго Избавителя не Израилю токмо, а всему міру.

Но, можетъ быть, такая близость къ небу куплена была съ ущербомъ въ чемъ-либо для земли; можетъ быть, когда царь Израилевъ утренневалъ такимъ образомъ ко храму святому, страдали отъ сего другія его обязанности; останавливалось или замедлялось теченіе дѣлъ царственныхъ; приходили въ слабость воинства; не соблюдалась правда и нелицепріятіе въ судахъ; опускалось изъ виду благосостояніе градовъ и весей; не дѣлалось улучшеній, не вводилось того, что требовалось новыми нуждами народа и обстоятельствами? Нѣтъ, напротивъ! Царство Израилево никогда, ни прежде, ни послѣ, не было въ такой силѣ, не цвѣло такъ и не возвышалось, какъ при томъ царѣ, который не только дни, но и ночи посвящалъ на прославленіе имени Божія. Преемникъ Давида, Соломонъ, пошелъ, какъ извѣстно, противными путями: забывъ завѣты отца, пересталъ ходить въ оправданіяхъ Господнихъ непорочно; вмѣсто святой арфы Давидовой, на коей утро и вечеръ бряцалась слава Іеговы, завелъ поющихъ и играющихъ на пирахъ его во удовольствіе плоти; и—что же?—подъ конецъ царствованія, не смотря на всю его прежнюю мудрость, богатство и славу, престолъ Израилевъ началъ поникать долу,—доколѣ при преемникахъ его

превосходившихъ одинъ другаго нечестіемъ, не сравнялся съ землею.

Что мы должны заключить изъ всего этого въ назиданіе себѣ? То, во-первыхъ, что благочестіе, какъ говоритъ святый Павелъ, *на все полезно есть, имущи обѣтованіе живота* (1 Тим. 4, 8) не грядущаго токмо, а и настоящаго, и что тѣ ошибаются самымъ жестокимъ образомъ, кои на время, проведенное въ богомысліи и въ дѣлахъ благочестія, смотрятъ какъ на потерянное для успѣха въ дѣлахъ мірскихъ. Почему ошибаются? Потому что и успѣхъ въ этихъ послѣднихъ дѣлахъ, какъ и во всѣхъ другихъ, наиболѣе всего зависитъ отъ благословенія Божія: кому же наиболѣе можетъ принадлежать это благословеніе, какъ не тѣмъ, кои сами благословляютъ Господа и мыслями и дѣлами своими? Если и земные владыки особенно любятъ и отличаютъ тѣхъ, въ коихъ замѣчаютъ особенное къ себѣ усердіе, то Владыка ли земли и неба забудетъ вѣрныхъ рабовъ Своихъ? *Азъ любящія Мя люблю,* глаголетъ Онъ, *и прославляющія Мя прославлю* (Притч. 8, 17; 1 Цар. 2, 30). Кромѣ сего, благочестивое настроеніе мыслей и страхъ Божій, дѣлая человѣка степеннымъ, разсудительнымъ, скромнымъ и ко всѣмъ благорасположеннымъ, симъ самымъ уже спасаютъ его отъ множества искушеній и несчастій, кои постигаютъ міролюбцевъ за ихъ гордость, самонадѣянность и презорство.

Въ частности, примѣръ святаго Давида научаетъ насъ быть прилежными къ молитвѣ и посѣщенію храмовъ Божіихъ, и употреблять на это, когда можно, самыя ночи, тѣмъ паче утро. Въ самомъ дѣлѣ, день, начинающійся усердною молитвою, всегда будетъ гораздо счастливѣе того дня, коего начало не освящено ею. Въ такой день и сдѣлается, что нужно, лучше, и избѣгнется, что нужно, вѣрнѣе. Православная Церковь наша, зная это, преставляетъ намъ всѣ удобства къ тому. Нѣтъ дня, въ который бы она не сопровождала восхода солнца слышнымъ для всѣхъ зовомъ на молитву утреннюю. Но многіе ли внимаютъ сему зову?! Онъ большею частію праздно раздается въ воздухѣ; и грады, самые обильные жителями, бываютъ похожи въ это время на кладбище, гдѣ, сколько ни возглашай и ни звучи, никого не поднимешь изъ утробы земной.

Будемъ ли винить безъ разбору въ семъ случаѣ всѣхъ

за неусердіе? Нѣтъ, многіе не только утромъ, но и весь день, можно сказать, прикованы къ мѣстамъ своимъ. За таковыхъ святая Церковь сама молится, яко за *труждающихся* и *благословною виною отшедшихъ*. Но сколько такихъ, коимъ вовсе нечего дѣлать дома, кои могутъ изъ своего времени дѣлать все, что захотятъ, и кои однакоже въ самый большой праздникъ, то есть, небольшое число разъ въ году, почли бы за невыносимый подвигъ для себя встать рано утромъ и явиться въ церковь вмѣстѣ съ другими на молитву! Препятствія къ сему со стороны ихъ другаго нѣтъ, кромѣ того, что въ такомъ разѣ надобно сдѣлать нѣкоторое принужденіе себѣ и оставить ложе не въ урочный часъ; а они издавна привыкли отдавать все утро сну, ибо большую часть ночи проводятъ въ бдѣніи. Но, спросите: надъ чѣмъ проводятъ? Надъ дѣлами важными, не терпящими отсрочки? Нѣтъ, надъ тѣмъ, что называется—на ихъ же языкѣ—проводить и убить время. Подлинно—убить, ибо нѣтъ ничего вредоноснѣе сихъ ночныхъ занятій: ими убивается не одно время, а вмѣстѣ съ нимъ нерѣдко совѣсть и душа. Хотя бы, бѣдные, пожалѣли при семъ своего здоровья, коимъ такъ дорожатъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, ибо и оно ни отъ чего такъ не гибнетъ, какъ отъ этого неестественнаго превращенія ночи въ день, а дня въ ночь. Ибо, думаете ли, что напрасно велѣно въ извѣстный часъ восходить и заходить солнцу? Нѣтъ, въ этомъ начертанъ законъ нашей жизни и нашихъ занятій. Нарушать его можно, сколько угодно, но это нарушеніе никогда не останется безъ вредныхъ послѣдствій для нарушителей.

Можетъ быть, инымъ кажется, что уже поздно возвращаться въ семъ отношеніи къ порядку природы (а мнѣ кажется, къ порядку возвращаться никогда не поздно); не отвращайте насильно по крайней мѣрѣ отъ него дѣтей своихъ. Не стыдитесь признаваться предъ ними въ своемъ недостаткѣ и говорите прямо, что вы имѣли несчастіе увлечься худыми примѣрами,—что теперь видите зло, и готовы были бы возвратиться назадъ, но трудно. Такимъ образомъ ваша исповѣдь послужитъ во благо вамъ и чадамъ вашимъ.

Что же, скажетъ кто-либо, ужели ты хочешь, чтобы всѣ каждый день ходили къ утрени? Нѣтъ, возлюбленный, мы не требуемъ сего, ибо многіе, хотя бы и хотѣли, не могутъ того сдѣлать, по разнымъ причинамъ. Но нѣтъ человѣка,

который бы, во-первыхъ, не могъ вставать рано, тѣмъ паче не спать до-полудня; нѣтъ, далѣе, человѣка, который бы не могъ и не долженъ былъ освящать свое утро и начинать свой день молитвою, хотя краткою. И сіе-то непремѣнно должно дѣлать всѣмъ и каждому; сего-то требуемъ мы отъ христіанина. Великое ли требованіе? А между тѣмъ выполненіе его крайне полезно не только для нашего спасенія и для нашей души и совѣсти, а и для самаго успѣха въ дѣлахъ земныхъ и житейскихъ. Ибо не напрасно сказано, что благочестіе на все полезно, что оно созидаетъ грады и домы; какъ, напротивъ, невѣріе и вольнодумство, ведя за собою роскошь и развратъ, разоряютъ не только домы, цѣлыя царства. Доказательствъ на все это такъ много вокругъ насъ, что надобно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть ихъ. Отчего, напримѣръ, палъ и разорился такой-то домъ, коему, еще не такъ давно, не было равнаго по богатству, миру внутреннему и радостямъ семейнымъ? Отъ того, что вмѣстѣ съ благочестивыми родителями, коихъ трудами пріобрѣтено все, похоронены въ землю и ихъ благіе обычаи и усердіе къ вѣрѣ и церкви, и страхъ Божій, и любовь къ бѣднымъ. Иностранные языки и мода не могли замѣнить сихъ добродѣтелей; такъ называемое умѣнье жить въ свѣтѣ не съумѣло не только нажить что-либо вновь, но и не потерять готоваго; и тѣ, кои величались на великолѣпныхъ колесницахъ, должны ходить теперь, какъ еще предсказалъ древній мудрецъ, пѣшкомъ и едва не простирать руки за милостынею. Не въ упрекъ кому-либо говоримъ это (нашъ долгъ и самыхъ виновныхъ не столько упрекать, сколько плакать о нихъ и съ ними), а въ предостереженіе всѣхъ. Трудно быть счастливымъ безъ вѣры, и если бываютъ, то на краткое время, и то болѣе повидимому, нежели на самомъ дѣлѣ. А не погибнуть безъ вѣры нельзя,—что бы впрочемъ ни защищало отъ погибели, ибо, какъ нѣтъ другаго Бога, кромѣ Всемогущаго, Правосуднаго и Всесвятаго, такъ нѣтъ и другаго способа быть блаженнымъ, какъ хожденіе во святыхъ заповѣдяхъ Его и вѣрность преблагой волѣ Его. Аминь.

Слово въ четвертокъ 5-ой недѣли Великаго поста.

Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ Апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихтися.

Но не слишкомъ ли уже много просимъ мы себѣ въ этой молитвѣ у Господа? Апостоламъ предстояла борьба съ цѣлымъ міромъ, съ князьями и владыками, съ самыми міродержителями тьмы вѣка сего; имъ надлежало идти противъ тысячи заблужденій и предразсудковъ, на тьму опасностей, мукъ и смертей, посему имъ нужно было облещися силою свыше; для нихъ требовались не только огненные языки, но еще болѣе пламенныя души и сердца. А намъ—что предстоитъ? Борьба преимущественно съ собственнымъ сердцемъ, сраженіе съ своими страстями и похотями, необходимость стоять противъ нѣкоторыхъ токмо мнѣній и ложныхъ правилъ свѣта. Не довольно ли посему ограничиться намъ собственными нашими силами, и не тревожить, такъ сказать, напрасно благодати Духа Святаго, тѣмъ паче, что, на Апостоловъ, по чистотѣ собственнаго ихъ духа, легко и пріятно было нисходить Духу Святому, а въ насъ, нечистыхъ и плотскихъ, какъ вселиться пречистой благодати Его?

Признаемъ, братіе, со смиреніемъ собственное наше недостоинство: въ сравненіи съ такими избранными сосудами благодати, каковы Апостолы Христовы, мы всѣ, яко малые ночные свѣтильники предъ звѣздами, сіяющими на тверди небесной. Но отречься отъ молитвы о благодати Духа намъ не возможно уже по самой слабости нашей. Напротивъ, если для слабѣйшихъ необходима и помощь сильнѣйшая то мы не только въ правѣ, но и въ необходимости просить о ней.

Впрочемъ, и подвигъ, намъ предлежащій, хотя по наружности своей малъ, и незначителенъ, въ сравненіи съ подвигомъ Апостоловъ; но въ существѣ своемъ также невозможенъ для насъ къ прохожденію его съ успѣхомъ безъ помощи свыше. Правда, Апостоламъ предстояла борьба съ цѣлымъ міромъ, а намъ съ однимъ нашимъ сердцемъ, но загляните пристальнѣе въ это единое сердце—здѣсь цѣлый міръ не только со всѣми его соблазнами, но и со всею злобою, со всѣмъ упорствомъ. Чего нѣтъ въ этомъ нашемъ грѣхолюбивомъ сердцѣ?—Идоловъ и кумировъ?—Стократъ болѣе, нежели

въ какомъ-либо капищѣ языческомъ. Есть здѣсь и кумиръ гордости житейской, и кумиръ похоти плотской; есть здѣсь и истуканъ брани и вражды, и истуканъ сребролюбія. Различіе развѣ токмо въ томъ, что въ капищѣ идольскомъ эти кумиры и истуканы стоятъ бездушны и неподвижны, очи имутъ и не узрятъ, руки—и не осяжутъ, а въ сердцѣ нашемъ всѣ сіи истуканы исполнены силы и движенія. Доколѣ мы падаемъ предъ ними и куримъ ѳиміамъ имъ, они молчатъ: но прикоснись имъ, обнаружь намѣреніе сокрушить ихъ, даже сдвинуть только съ мѣста: и отъ каждаго полетятъ громы и молніи, такъ что неукрѣпленный благодатію ты падешь во прахъ.

Какъ же послѣ сего тому, кто хочетъ сражаться съ своимъ сердцемъ и съ его кумирами, не призвать на помощь Духа Божія, Того Духа, Который единъ можетъ создать сердце чисто и обновить духъ правый во утробѣ нашей?

Апостолы должны были, среди своей проповѣди, давать отвѣты предъ князьями и владыками. Тебя, когда ты начнешь дѣло покаянія и спасенія твоего, можетъ быть не спросятъ князья и владыки; но за то сколько придется тебѣ дать отвѣтовъ не князьямъ и не владыкамъ! На всѣхъ, какія есть у, такъ называемаго, большаго или малаго, свѣта судилища или собранія, ты долженъ стать—въ лицѣ или заочно,—но стать, яко подсудимый и виновный. Въ одномъ собраніи донесутъ, что ты содѣлался лицемѣромъ и ханжею и имѣешь различные тайные виды; въ другомъ,—что ты впалъ въ меланхолію и близокъ къ помѣшательству ума; въ самомъ снисходительномъ объявятъ за тайну, что съ тобою начинаетъ происходить что-то странное и достойное сожалѣнія. Такъ будутъ судить чужіе; отъ самыхъ ближнихъ и домашнихъ ты не разъ услышишь: что съ тобою?—здоровъ ли ты? не тревожитъ ли тебя что? не оскорбленъ ли ты чѣмъ?—И думаешь ли ты, что удовлетворишь, успокоишь всѣхъ и каждаго, когда скажешь, что ты занятъ дѣломъ своего спасенія, что у тебя печаль по Бозѣ? Увы, этотъ языкъ не вѣдомъ хорошо никому! За сіи-то самыя слова еще болѣе возьмутъ противъ тебя подозрѣній; и ты не разъ, или, лучше сказать, всякій разъ самъ, не зная что сказать и какъ образумить на твой счетъ другихъ, невольно будешь обращаться къ Тому, Кто научилъ Апостоловъ, да вразумитъ тебя, что подобаетъ творити и глаголати.

Апостоламъ за ихъ проповѣдь повсюду предстояли опасности, угрожали гоненія и мучители. Тебя, начинающій дѣло спасенія, не будутъ мучить видимо, но въ замѣнъ того, что мучимые страдали нѣсколько дней, иные нѣсколько часовъ, твои страданія продолжатся всю жизнь. Міръ, тобою оставленный, никогда не оставитъ тебя въ покоѣ. Поелику ты пойдешь не тѣмъ путемъ, коимъ идутъ почти всѣ, а противнымъ, то всякій, встрѣчающійся на пути, почтетъ тебя задшимъ и будетъ покивать главою. Самыя благія дѣйствія твои будутъ казаться обидою для многихъ, потому что будутъ мѣшать ихъ дѣйствіямъ. И сколько готовится тебѣ отсюда огорченій, явныхъ и тайныхъ! Сколько клеветъ, большихъ и малыхъ! Самое смиреніе и терпѣніе твое послужатъ поводомъ для нѣкоторыхъ презирать и оскорблять тебя! А если ты, яко человѣкъ, погрѣшишь въ чемъ-либо, то и малый грѣхъ твой поставится въ преступленіе непростительное. Все это, порознь взятое, не такъ велико и важно; но въ сложности своей изъ сего составится такой крестъ, что ты не разъ будешь падать подъ нимъ и искать Симона Киринейскаго на помощь; и горе тебѣ, если не предстанетъ съ помощію благодать Духа Утѣшителя, которая одна только можетъ подкрѣпить тебя и усладить горесть твоего положенія.

И все это однакоже еще не послѣдняя борьба и не послѣдній крестъ. Сущность дѣла въ томъ, чтобы измѣнить сердце свое, и изъ сердца плотскаго сдѣлать духовнымъ, изгнать изъ него духъ самолюбія, умертвить въ немъ похоть, возвратить ему ту чистоту, съ какою оно вышло изъ рукъ Божіихъ, и безъ коей нельзя явиться намъ предъ лице Божіе. Но кто можетъ сдѣлать это?—Мы сами—рѣшительно не можемъ. Ибо здѣсь надобно быть превыше самихъ себя, сдѣлаться чуждымъ себѣ, быть вмѣстѣ и жрецомъ и жертвою. Для сего необходима сила высшая, божественная, сила Пресвятаго Духа, Который, яко начало жизни, единъ можетъ проникнуть во всѣ глубины нашего духа, во всѣ изгибы сердца, дабы все очистить, исправить и освятить.

Воззовемъ же, возлюбленный, воззовемъ вмѣстѣ съ Церковію: *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ Апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихтися!* Аминь.

Слово въ пятокъ 5-ой недѣли Великаго поста.

Иже въ шестый день же и часъ на крестѣ пригвождей въ раи дерзновенный Адамовъ грѣхъ, и согрѣшеній нашихъ рукописаніе раздери, Христе Боже, и спаси насъ!

Не въ шестый ли посему день, по сотвореніи человѣка, и не въ шестый ли часъ дня послѣдовало и грѣхопаденіе прародителей нашихъ?—Не можемъ утвердить сего за подлинно; но не можемъ и не признать сего вѣроятнымъ. Не утверждаемъ за подлинно, ибо день и часъ смерти Господа, хотя не вполнѣ, опредѣленъ у Евангелистовъ, а о днѣ и часѣ паденія Адамова ничего не сказано въ бытописаніи Моисеевомъ, какъ бы для того, чтобы сіе мрачное событіе вмѣстѣ съ грѣхомъ навсегда изгладилось изъ свитка временъ. Между тѣмъ весьма вѣроятно, какъ замѣтили мы, что день и часъ паденія Адамова суть тѣ самые, въ кои послѣдовало распятіе на крестѣ Господа нашего, то есть, день и часъ шестый. И во-первыхъ, что касается часа, къ сей послѣдней мысли препровождаетъ насъ, хотя не прямо самое сказаніе Моисеево, ибо въ немъ, между прочимъ, говорится, что для обличенія прародителей нашихъ во грѣхѣ Господь явился пополудни; слѣдовательно, самое грѣхопаденіе послѣдовало до полудня. Въ какой часъ? Очевидно не въ раннее утро, ибо въ такомъ случаѣ древо не показалось бы такимъ добрымъ въ снѣдь; это бываетъ въ то время, когда, по закону естества, ощущается потребность въ пищѣ, то есть, около полудня, и слѣдовательно въ то самое время, когда послѣдовало распятіе Господа, ибо часъ шестый, въ который послѣдовало оно, по нашему счисленію часовъ, равенъ полудню. Можно убѣдиться въ томъ же и другимъ путемъ тому, кто способенъ взирать на страданія Господа окомъ вѣры возвышеннымъ, а именно изъ Евангелій видно, что день и часъ смерти Господа не были предоставлены случаю, а предопредѣлены и избраны, посему и говорится напримѣръ *не у пріиде часъ Его* (Іоан. 7, 30). Если же сей день и сей часъ избраны, то нѣтъ сомнѣнія, что избраны между прочимъ въ соотвѣтствіе дню и часу паденія Адамова. Ибо, Господь, какъ вторый Адамъ, пришедшій загладить грѣхъ Адама перваго, по тому самому и дѣйствовалъ, гдѣ можно, примѣнительно къ дѣяніямъ Адамовымъ. Такъ Онъ прошелъ побѣдо-

носно искушеніе отъ діавола въ тѣхъ же видахъ обольщенія, какимъ уловленъ былъ Адамъ. Самый родъ смерти избранъ въ соотвѣтствіе грѣхопаденію эдемскому: отъ древа мы пострадали и потеряли рай; на древѣ, а не иначе, пострадалъ Господь и возвратилъ намъ рай. Не должно ли ожидать послѣ сего, что Искупитель міра, такъ расположившу обстоятельствами Промыслу Божію, простретъ на крестѣ руцѣ Свои въ ту самую минуту, когда несчастная праматерь наша простерла свою руку къ плоду запрещенному? Если мы не можемъ сказать, что такое соотвѣтствіе, по времени, было необходимо въ дѣлѣ спасенія нашего, то съ другой стороны, нельзя не признать, что оно въ семъ случаѣ такъ прилично, такъ трогательно и такъ поучительно, что ему вѣришь невольно, не ища на то другихъ доказательствъ.

Видите, однакожъ, съ какою рѣдкою осторожностію поступаетъ святая Церковь! Въ молитвѣ, нами разсматриваемой, она наводитъ на сію мысль, но не утверждаетъ ее. Почему не утверждаетъ? Потому, какъ мы замѣтили, что на сіе нѣтъ явнаго указанія въ словѣ Божіемъ. Такъ поступаетъ святая Церковь и во всѣхъ другихъ случаяхъ: она никогда и ничего не выдаетъ за истину, кромѣ того, что содержится въ словѣ Божіемъ. Потому мы можемъ быть совершенно покойны, слѣдуя ученію Церкви, ибо слѣдуемъ не человѣческому мнѣнію, которое, какъ бы оно ни было осмотрѣно, всегда можетъ подлежать ошибкѣ, а гласу Самого Бога, Который вѣренъ и не ложенъ во всѣхъ словесѣхъ Своихъ.

Но, что же молитва? что въ ней содержится и что испрашивается? Испрашивается величайшая милость, а именно, чтобы распятымъ на крестѣ Господомъ раздрано было и уничтожено рукописаніе и нашихъ грѣховъ такъ же, какъ пригвождено ко кресту и уничтожено преступленіе въ раю нашего прародителя. *Иже въ шестый день же и часъ на крестѣ пригвождей въ раи дерзновенный Адамовъ грѣхъ, и согрѣшеній нашихъ рукописаніе раздери, Христе Боже, и спаси насъ!*

Раздери рукописаніе согрѣшеній нашихъ—выраженіе сіе взято изъ посланія Апостола Павла къ Колоссаемъ, гдѣ онъ, разсуждая о благодѣяніи, доставленномъ роду человѣческому страданіями Господа, говоритъ, что Онъ истребилъ *еже на*

насъ рукописаніе, взявъ є отъ среды и пригвоздивъ на крестѣ (Кол. 2, 14). У Апостола же употреблено сіе выраженіе сравнительно, то есть, въ томъ значеніи, что каждый грѣхъ нашъ предъ Богомъ подобенъ долгу, на который есть долговая собственноручная запись должника. Доколѣ существуетъ такая запись, дотолѣ должникъ, какъ извѣстно, безотвѣтенъ по закону, и долгъ подлежитъ къ непремѣнному взысканію: а когда запись уничтожается, то и отвѣтственность престаетъ. И вотъ, сего-то уничтоженія испрашиваемъ мы въ молитвѣ, нами разсматриваемой! *Раздери рукописаніе согрѣшеній нашихъ, Христе Боже, и спаси насъ!* То есть, говоря безъ сравненія, прости и оставь намъ грѣхи наши, да будемъ свободны отъ всякаго отвѣта за нихъ предъ судомъ правды Твоея!

Видите теперь, какъ велико прошеніе наше! Ибо если для насъ важно, когда кто проститъ намъ долгъ и денежный, особенно когда мы не можемъ уплатить за него: то кольми паче важно, чтобы отпущены были намъ всѣ грѣхи наши, изъ коихъ ни за одинъ и ничѣмъ не въ состояніи мы уплатить правдѣ Божіей.

И Господь премилосердый всегда готовъ оказать намъ эту величайшую милость. Для сего самаго Онъ и восшелъ на крестъ, и претерпѣлъ за насъ смерть, чтобы изгладить всѣ наши грѣхи и избавить насъ отъ всякаго отвѣта за нихъ. Почему Онъ еще въ ветхомъ завѣтѣ устами пророка не только позволилъ обращаться къ Себѣ съ прошеніемъ о семъ, но, можно сказать, призывалъ къ сему всѣхъ и каждаго, даже требовалъ его настоятельно. *Пріидите*, говорилъ Онъ, *и истяжимся*, то есть, сочтемся въ долгахъ, *и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю* (Исаіи 1, 18).

Послѣ сего нѣтъ причины сомнѣваться: смѣло приступай ко кресту Христову; съ дерзновеніемъ приноси всѣ рукописанія грѣховъ твоихъ. Какъ бы они ни были велики и разнообразны, все будетъ уплачено, прощено все заглаждено и уничтожено. Ибо кровь Сына Божія, за насъ умершаго, имѣетъ предъ очами Божіими цѣну безпредѣльную. Въ ней такая сила, что она можетъ очистить отъ всякаго грѣха. Посему прочь уныніе и отчаяніе! Хотя бы ты грѣхами своими превзошелъ всѣхъ грѣшниковъ; хотя бы сравнился не-

чистотою и беззаконіями съ самимъ духомъ отверженнымъ: коль скоро станешь подъ крестъ Христовъ, оросишься въ духѣ вѣры кровію Спасителя, то ты безопасенъ и помилованъ, и не только помилованъ, но и будешь награжденъ, яко невинный и злопострадавшій.

Но, братіе мои, такая милость преподается со креста Христова не безусловно; иначе злоупотребленію ея не было бы конца; иначе грѣшникъ могъ бы то и дѣлать, что ежедневно грѣшить и ежедневно получать прощеніе. Такимъ образомъ самое милосердіе Спасителя служило бы не во спасеніе ему, а въ пагубу, располагая его къ безчувствію въ грѣхахъ и къ продолженію жизни беззаконной. Посему Спаситель нашъ готовъ принять грѣшниковъ, готовъ всякому даровать не только миръ и прощеніе, но и новую жизнь, и освященіе благодатію Святаго Духа: только отъ всѣхъ и каждаго изъ прощаемыхъ Онъ требуетъ исполненія нѣкоторыхъ условій. Какія это условія? Самыя необходимыя и нужныя не столько для Него, а для насъ же самихъ; потому что безъ исполненія ихъ, самое прощеніе, намъ даруемое, не поможетъ. А именно, Онъ требуетъ, чтобы, сложивъ у креста Его бремя грѣховъ нашихъ, мы не возвращались болѣе за ними, не впадали въ тѣ же или новые грѣхи, а старались провождать жизнь свою уже въ чистотѣ и правдѣ. Безъ сего нѣтъ ни прощенія, ни помилованія. Ибо, къ чему бы послужило то и другое, если бы прощенные намѣрены были паки предаваться грѣху? Къ чему лечить рану, которую ты нанесъ себѣ безумно, если ты же на другой день по исцѣленіи намѣренъ нанести себѣ ту же рану?

Теперь понятно, кто можетъ вмѣстѣ съ Церковію достойно произносить молитву, нами разсматриваемую. Ее можетъ произносить каждый грѣшникъ; ибо она сложена, очевидно, не для праведниковъ, а для грѣшниковъ;—но какой грѣшникъ? Вѣрующій въ Господа Іисуса и въ силу креста Его воистину; раскаявающійся во грѣхахъ своихъ воистину;—имѣющій твердое намѣреніе, получивъ прощеніе, вести себя далѣе не такъ, какъ жилъ прежде, во грѣхахъ и нечистотѣ, а въ страхѣ Божіемъ, въ повиновеніи своей совѣсти и закону Господню, стараясь не только не повторять прежнихъ беззаконій и неправдъ, но и заглаждать ихъ, сколько возможно, дѣлами вѣры и любви христіанской. Такому проси-

телю не будетъ отказано: къ такому Самъ Господь простираетъ со креста руцѣ, ибо Онъ взошелъ на него не за праведныхъ, а за грѣшныхъ.

А кто молится и проситъ, не подумавъ хорошо, о чемъ молится и проситъ; кто не имѣетъ расположенія оставить грѣхъ и душевредные навыки свои: тотъ не столько молится, сколько оскорбляетъ своего Спасителя и подобенъ тѣмъ, кои, когда Онъ страдалъ на крестѣ, говорили: *спаси себе и нас!* И эти люди повидимому молились, ибо говорили: *спаси нас!* Но что значили эти слова? Одну злобную насмѣшку.—Въ твоей молитвѣ, нераскаянный грѣшникъ, нѣтъ, положимъ, такой злобы, но есть такое же безуміе. Ибо скажи самъ, какъ спасти тебя, доколѣ ты не отстанешь отъ грѣха? Это значило бы спасти тебя со грѣхомъ, спасти не тебя только, но и грѣхъ твой, то есть, самое беззаконіе твое признать за добродѣтель. Возможно ли это?

Есть и еще одно частное условіе, безъ исполненія коего также нельзя просить у Господа уничтоженія рукописанія грѣховъ нашихъ. Это прощеніе съ нашей стороны нашихъ ближнихъ. Ибо, не напрасно сказано: *аще принесеши даръ твой ко алтарю и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ* (Матѳ. 5, 23—24). Если предъ алтаремъ и съ даромъ Господь не принимаетъ тѣхъ, кои ведутъ распри и неправедныя тяжбы съ ближними своими: то кольми паче не пріиметъ насъ, когда мы явимся въ видѣ грѣшниковъ— не съ дарами, а съ мольбою о прощеніи намъ долговъ нашихъ!

Что же мнѣ дѣлать?—Скажешь: если я прощу всѣмъ должникамъ моимъ, то самъ останусь ни съ чѣмъ и сдѣлаюсь нищимъ. Этого не требуютъ отъ тебя (хотя бы и этого можно потребовать: и лучше нищему войти въ рай, нежели, оставаясь богатымъ, попасть потомъ въ одно мѣсто съ богачемъ евангельскимъ); по крайней мѣрѣ не будь жестокъ и притѣснителенъ; не требуй лишняго; отпусти, сколько можешь и изъ слѣдующаго тебѣ; дай время управиться съ обстоятельствами, помоги выйти изъ затрудненія; вообще, пожалѣй о должникѣ, какъ о собратѣ, и вмѣстѣ смотри на долгъ твой, какъ на средство къ собственному твоему спасенію, къ тому, чтобы и тебѣ получить милость отъ Господа. Когда будешь такъ смотрѣть, то есть представлять,

что ты самъ величайшій должникъ предъ Богомъ: то ты не сдѣлаешь ничего съ отягощеніемъ судьбы ближняго, а скорѣе окажешь ему всякое снисхожденіе, дабы и самому заслужить милость. А въ этомъ именно и состоитъ цѣль условія и заповѣди.

Послѣ сего къ вамъ особенно надобно обратиться, богачи вѣка сего! Вѣрно у васъ лежитъ не одно рукописаніе на ближнихъ вашихъ; и вѣрно между должниками вашими есть, кои не имѣютъ чѣмъ воздать вамъ. Смотрите же, не опускайте драгоцѣннаго случая къ изглажденію грѣховъ вашихъ. Возьмите и повергните сіи рукописанія у подножія креста Христова: Господь воздастъ вамъ сторицею! Аминь.

Слово въ пятокъ 5-ой недѣли Великаго поста

ПРЕДЪ ИСПОВѢДІЮ.

Св. мудрецъ Израилевъ замѣтилъ нѣкогда и изрекъ, что *смерть и животъ въ руцѣ языка* (Притч. 18, 21). Если когда замѣчаніе сіе исполняется во всей силѣ, то въ настоящіе дни поста и исповѣди. Тутъ подлинно жизнь и смерть человѣка въ руцѣ языка, то есть, зависятъ отъ его устъ. Жизнь и жизнь вѣчная, когда ты отъ сердца сокрушенна и смиренна исповѣдуешь предъ Богомъ свои грѣхи и пріимешь съ вѣрою прощеніе въ нихъ изъ устъ служителя Церкви! Смерть и смерть вѣчная, когда, по стыду ли ложному, или по гордости, или по чему другому, умолчишь предъ духовникомъ о какомъ либо твоемъ студодѣяніи и отыдешь потому не прощенъ и не разрѣшенъ! *Жизнь и смерть въ руцѣ языка*—то и другое на твоихъ устахъ, избирай любое, но одно изъ двухъ непремѣнно избрать долженъ: или исповѣдь, то есть, смиреніе, преданность, вѣру и вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь, или—сомнѣніе, непослушаніе, скрытность и вмѣстѣ съ тѣмъ смерть.

Послѣ сего надлежало бы ожидать, что смерть не найдетъ себѣ между нами ни одной жертвы, что всѣ и каждый улучатъ благодать и жизнь: ибо у кого нѣтъ языка, что легче сказать—и предъ кѣмъ? не предъ человѣкомъ, а предъ Богомъ—что, говорю, легче сказать какъ: согрѣшилъ, прости? Но къ сожалѣнію, есть не мало такихъ, даже между исповѣдниками, кои не пользуются благомъ исповѣди, какъ должно.

кои съ собственнаго языка и устъ берутъ не жизнь, а смерть; берутъ смерть потому, что не хотятъ подвигнуть своего языка, отверсть своихъ устъ, можно сказать, на произнесеніе своего собственнаго спасенія. Такіе люди знаютъ свой грѣхъ, понимаютъ даже, что онъ есть мерзость предъ Господомъ и составляетъ лютую язву на душѣ ихъ; но не могутъ собрать столько силъ, чтобы рѣшиться на исповѣдь его предъ служителемъ алтаря Христова. Иные изъ таковыхъ даже идутъ къ святому налою съ намѣреніемъ не скрывать болѣе своего беззаконія; и однако же возвращаются, не открывъ его, какъ должно.

Кто бы ты ни была, бѣдная душа, страждущая симъ ужаснымъ чревоношеніемъ грѣха, доселѣ еще не исповѣданнаго, позволь обратить и къ тебѣ слова пророка: *совлецы узу выи твоея, плѣненая дщи Сіоня* (Исаіи 52, 2)! Ноги и руки твои освободились уже отъ узъ и сѣтей вражіихъ; ибо ты не ходишь болѣе на совѣтъ нечестивыхъ, не стоишь на пути грѣшниковъ и не творишь прежнихъ дѣлъ беззаконія; но выя твоя не свободна; врагъ-искуситель держитъ еще ее въ рукахъ своихъ и не даетъ тебѣ отверсть устъ на исповѣданіе грѣха твоего предъ священникомъ, ибо знаетъ, что съ исповѣдію и разрѣшеніемъ потеряетъ всѣ права свои надъ тобою. Итакъ, собери послѣднія силы твои и совлецы узу съ выи твоей; совлецы и воздвигни главу твою; отверзи уста и произнеси слово, повидимому, самоосужденія, а въ самомъ дѣлѣ слово собственнаго спасенія твоего. Ибо въ то время, какъ ты будешь говорить: «я согрѣшилъ, сдѣлалъ то и то беззаконіе»,—Ангелъ-хранитель твой будетъ изглаждать это самое беззаконіе изъ книги дѣяній твоихъ.

Ахъ, возлюбленный собратъ, если бы намъ для освобожденія себя отъ проклятія и вѣчной казни за грѣхи наши предложено было и что-либо самое трудное, напримѣръ, всю жизнь просидѣть въ темницѣ, или быть осужденными на труды самые тяжкіе; не должны ли бы мы съ благодарностію принять сіе предложеніе, какъ милость, дабы временнымъ злостраданіемъ стяжать свободу отъ мученій вѣчныхъ? Но вотъ, здѣсь при исповѣди, требуютъ отъ насъ не подвиговъ великихъ, не жертвъ тяжкихъ, а единаго смиреннаго признанія своихъ грѣховъ: и мы еще будемъ при семъ медлить и отрицаться!—Не явный ли это знакъ, что мы или не вѣримъ

Самому Господу, Который пастырямъ Церкви говоритъ въ Евангеліи: *вся, елика разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небеси* (Матѳ. 16, 19), или такъ упорны во грѣхахъ, что не хотимъ промѣнять ихъ даже на собственное спасеніе?

Но какъ, скажешь, исповѣдать мнѣ свой грѣхъ, когда онъ ужасенъ и отвратителенъ? А какъ же, возлюбленный, носить его неисповѣданнымъ такъ долго въ душѣ и совѣсти своей, когда онъ ужасенъ и отвратителенъ?—Какъ ни отвратительна рана на тѣлѣ; однако же когда начинаютъ лечиться, то непремѣнно показываютъ ее врачу, и онъ старается узнать всю глубину ея. А душу твою ты думаешь излечить не показывая, а скрывая ея раны!—Но, мое сердце, скажешь еще, такъ чувствительно, что я не могу разверсть устъ на признаніе въ тяжкомъ грѣхѣ моемъ. Ахъ, если оно, это чувствительное сердце, не спасло тебя отъ сего грѣха: то это знакъ, что въ немъ нѣтъ той крайней чувствительности, для которой дѣйствительно несносна и одна мысль объ извѣстныхъ грѣхахъ. Кто могъ учинить какое-либо беззаконіе, тотъ, будь увѣренъ, уже можетъ признаться въ немъ и исповѣдать его предъ служителемъ алтаря, какъ требуетъ святая Церковь. Но допустимъ, что эта исповѣдь съ твоей стороны будетъ стоить тебѣ усилій и принужденія себѣ, что это жертва, и при томъ не малая. Что же?—Принеси эту жертву и докажи тѣмъ, съ одной стороны, благодарность за милость, тебѣ оказываемую, а съ другой—искренность твоего покаянія, и что ты дѣйствительно возненавидѣлъ грѣхъ. Исповѣдію грѣха, доселѣ таимаго въ сердцѣ, ты несказанно облегчишь собственную душу. Это все равно, какъ бы ты извергнулъ устами то, что̀ тяготило, возмущало и портило твою внутренность. А вмѣстѣ съ тѣмъ исповѣдь грѣха, доселѣ утаиваемаго, послужитъ для тебя въ ограду отъ него на будущее. Ибо стыдъ, который ты почувствуешь отъ признанія, будетъ удерживать тебя отъ повторенія сего грѣха, дабы снова не имѣть нужды въ немъ исповѣдываться.

Впрочемъ, какъ хочешь, возлюбленный, но мы должны рѣшительно сказать тебѣ въ заключеніе, что если ты явишься на исповѣдь съ намѣреніемъ утаить нѣкоторые грѣхи, то лучше не приступай къ святому налою. Ибо, ты приступаешь не къ человѣку токмо, а и къ Богу. Духовникъ твой, не видя, что̀ въ твоей душѣ, дастъ тебѣ разрѣшеніе; но Господь

сердцевѣдецъ не дастъ; и ты отыдешь еще болѣе связанный, нежели какъ пришелъ, отъ чего да спасетъ тебя Господь Своею всемощною благодатію! Аминь.

Слово въ субботу 5-ой недѣли Великаго поста.

Взбранной Воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ, благодарственная восписуемъ Ти, раби Твои, Богородице.

По избавленіи отъ золъ и бѣдствій, радоваться и приносить благодаренія всего естественнѣе и пріятнѣе.—Но знаете ли, братіе, надъ кѣмъ и въ чью пользу совершена побѣда, за которую мы взбранной Воеводѣ восписуемъ нынѣ благодарственная? Она совершена, какъ повѣствуетъ исторія, въ пользу грековъ и престольнаго града ихъ—Константинополя, страдавшаго отъ жестокой осады,—совершена надъ каганомъ, вождемъ скиѳовъ, въ числѣ коихъ, по всей вѣроятности, были и наши предки. Такимъ образомъ мы благодаримъ за чуждое для насъ благодѣяніе,—торжествуемъ собственное наше пораженіе!

Что это значитъ?—То, что христіанская вѣра и въ семъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, перемѣнила порядокъ вещей и научила смотрѣть на событія иначе:—мудрость міра почитать буйствомъ, а буйство креста единственною мудростію,—слезы покаянія вмѣнять въ источникъ блаженства духовнаго, а радости и смѣхи мірскіе—въ зло и пагубу, лишеніями дорожить паче богатства, страданіями—хвалиться, въ униженіи—торжествовать. Если бы мы доселѣ оставались во тьмѣ язычества, то воспоминаніе о чудесномъ пораженіи предковъ нашихъ подъ стѣнами Константинополя составило бы предметъ печали общественной и сѣтованія; но, поелику мы благодатію Божіею изведены изъ сея тьмы въ чудный свѣтъ христіанства, то воспоминаемъ его съ нашими побѣдителями благодаримъ—за собственное пораженіе! И поступая такимъ образомъ, поступаемъ совершенно справедливо; ибо въ лицѣ помраченныхъ тьмою язычества предковъ нашихъ по плоти невѣріе устремлялось противу вѣры, дикая свирѣпость—противъ гражданскаго устройства, алчность добычи—противъ мирной собственности; напротивъ, въ лицѣ жителей Константинополя, кои суть также предки наши по вѣрѣ, чрезъ ниспо-

посланіе имъ чудесной помощи свыше, награждено упованіе на Бога и молитва,—такія добродѣтели, коими и мы живемъ и дышемъ, отъ коихъ ожидаемъ спасенія временнаго и вѣчнаго. Торжество вѣры, гдѣ бы оно ни открылось, есть торжество всѣхъ вѣрующихъ; награда пламенной молитвы, на кого бы она ни низошла, есть награда всѣмъ истинно молящимся; побѣда христіанства, въ какомъ бы то ни было видѣ, есть общая всѣмъ христіанамъ побѣда. Посему нисколько не удивительно, что мы празднуемъ нынѣ, нѣкоторымъ образомъ, собственное наше пораженіе. Это совершенно въ духѣ нашей святой вѣры; ибо *духъ истиннаго христіанства въ томъ и состоитъ, чтобы всегда торжествовать побѣду надъ самими собою.* Раскроемъ сію мысль въ честь взбранной Воеводы нашей, которая и въ сей внутренней брани есть лучшій вождь и помощникъ.

Святая вѣра наша, братіе, происходя отъ Бога любви и мира, вся исполнена благодати и щедротъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она приводитъ съ собою жестокую брань. Христіанинъ долженъ *не воздавать злымъ за зло* (Рим. 12, 17), любить самыхъ враговъ (Матѳ. 5, 44), молиться за самыхъ распинателей (Лук. 23, 34); но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ быть всегда воиномъ и побѣдителемъ. *Мните ли,*—вопрошалъ Самъ Господь и Спаситель нашъ,—*мните ли, яко пріидохъ воврещи на землю миръ?—ни, не пріидохъ воврещи миръ, но мечь* (Матѳ. 10, 34). И въ другомъ мѣстѣ, приглашая къ мужеству и борьбѣ на брани духовной, Онъ же Самъ говоритъ: *дерзайте,* то есть, стойте и сражайтесь мужественно, *яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33)! Апостолы Христовы также весьма часто призываютъ къ духовной брани, предлагаютъ для того всякаго рода оружія, даютъ совѣты, ободряютъ мужество, указываютъ на вѣнцы, уготованные побѣдителямъ; христіанинъ у нихъ есть воинъ, отъ колыбели до гроба.

Что же это за брань, которую приводитъ съ собою наша вѣра святая?—Что это за побѣда, къ которой долженъ стремиться каждый христіанинъ? Это—брань человѣка съ самимъ собою; это—побѣда надъ страстями и плотію, надъ всѣмъ, что въ насъ есть враждебнаго Богу и намъ самимъ. Христіанинъ долженъ во-первыхъ побѣдить міръ съ его прелестями, соблазнами, могуществомъ, лукавствомъ и заразительною нечистотою. Онъ долженъ побѣдить духовъ злобы под-

небесныхъ, съ ихъ невидимыми и видимыми нападеніями. Но главное поле брани для христіанина есть—собственное его сердце. Внѣшніе враги немного значатъ для него, если внутри нѣтъ мятежа; нападенія совнѣ пагубны только тогда, когда въ самомъ человѣкѣ есть предатели. И противъ сего-то домашняго зла должны быть устремлены всѣ силы и все мужество христіанина. Идти противъ своихъ любимыхъ привычекъ, противъ требованій своей плоти, противъ желаній собственнаго сердца, часто труднѣе, нежели идти противъ тьмы враговъ: но—надобно идти! Кто не ведетъ сей внутренней брани, тотъ христіанинъ по одному имени. Только побѣда надъ самими собою дѣлаетъ насъ истинными христіанами. Безъ сего христіанство и человѣкъ остаются чуждыми другъ другу. Безъ сего нѣтъ и не можетъ быть спасенія!

Для совершеннаго убѣжденія въ сей важной истинѣ, стóитъ только вспомнить, въ какомъ состояніи теперь человѣкъ и для чего намъ дана святая вѣра наша.—Она дана для нашего спасенія, для того, чтобы избавить каждаго изъ насъ отъ тѣхъ ужасныхъ золъ, кои обременяютъ всѣхъ и каждаго. Но въ чемъ состоитъ сущность сихъ золъ и бѣдствій, отъ коихъ христіанство должно освободить насъ?—Главнымъ образомъ въ томъ, что мы не свои, что мы въ рабствѣ, въ плѣну, въ крайнемъ утѣсненіи и нищетѣ. Кто врагъ и притѣснитель нашъ? Грѣхъ, чувства и страсти. Они господствуютъ въ насъ, все прочее покорствуетъ имъ и страдаетъ. Страдаетъ умъ, наполняясь ложью, обманами, истощаясь въ служеніи пороку; страдаетъ воля, двигаясь непрестанно по вѣтру чувственныхъ пожеланій и страстей; страдаетъ свобода, не имѣя силы обратиться къ закону и слѣдуя слѣпо за чувствами; страдаетъ самое тѣло отъ неестественныхъ наслажденій, хотя живущій въ насъ грѣхъ всего болѣе грѣетъ и питаетъ оное. Послѣ сего какъ спасти насъ, если не бранію съ самими собою,—съ тѣмъ, что въ насъ есть враждебнаго намъ самимъ?—И что другое остается дѣлать святой вѣрѣ нашей, какъ не доставлять намъ средства къ тому, чтобы выходить изъ сей брани побѣдителями?—Такъ дѣйствительно и есть!—Вникните въ существо и составъ христіанства; и вы тотчасъ увидите, что въ немъ все направлено къ сей необходимой цѣли,—къ тому, чтобы освободить человѣка отъ плѣна страстей, отъ рабства чувствъ,

отъ униженія духа подъ владычествомъ плоти; а поелику источникъ и сѣдалище сего зла въ немъ самомъ,—чтобы содѣлать его побѣдителемъ надъ собою.

По сему самому христіанинъ, какъ мы сказали, на многое смотритъ совершенно иначе, нежели естественный человѣкъ. Что̀ для послѣдняго кажется величайшимъ зломъ, напримѣръ, страданія, бѣдность, уничиженіе, ибо все это уязвляетъ его самолюбіе, то̀ самое для перваго кажется и должно казаться благомъ; ибо освобождаетъ его отъ внутренняго рабства и возвращаетъ къ свободѣ духа.

По сему-то святому закону совершаемъ мы и настоящее торжество наше, не смотря на то, что событіе, нами воспоминаемое, не совмѣстно съ народнымъ самолюбіемъ. Съ самолюбіемъ оно, подлинно, не совмѣстно; но совершенно совмѣстно съ любовію къ Богу, съ любовію къ ближнему и съ чистою любовію къ самимъ себѣ. Ибо въ лицѣ грековъ, избавленныхъ предстательствомъ Богоматери отъ осады скиѳской, награждена вѣра, упованіе и молитва: а это тѣ самыя добродѣтели, въ коихъ заключено и наше спасеніе. Слухъ о чудесномъ пораженіи воиновъ подъ стѣнами Константинополя, распространившійся между древними предками нашими, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ произведенію въ нихъ уваженія къ вѣрѣ христіанской и предрасположилъ ихъ къ оставленію язычества, что̀ потомъ и послѣдовало,—сначала частно, въ нѣкоторыхъ лицахъ, а потомъ и во всемъ народѣ, при святомъ Владимірѣ. Посему самая вѣра наша есть, нѣкоторымъ образомъ, плодъ того пораженія, которое предки наши потерпѣли отъ взбранной Воеводы.

Не тѣмъ ли, братіе, съ большимъ усердіемъ должны мы притекать нынѣ къ пречистому образу сея Воеводы, которая, избавивъ грековъ *отъ злыхъ,* и на нашихъ предковъ навела *злая* для того, чтобы привести на нихъ со временемъ *благая* (Рим. 3, 8), коими пользуемся мы нынѣ?—Но, благодаря Богоматерь за побѣду надъ нами внѣшнюю, не забудемъ просить о побѣдѣ надъ нами внутренней, будучи твердо увѣрены, что въ сей послѣдней побѣдѣ,—надъ самими собою,—состоитъ и все торжество нашея вѣры, что отъ нея зависитъ самое наше спасеніе. Аминь.

Слово въ субботу 5-ой недѣли Великаго поста.

Послѣдуя примѣру святой Церкви, ублажающей пресвятую Дѣву всѣми возможными ублаженіями, и мы, братіе мои, желали бы нынѣ отверсть предъ вами уста свои на похвалу Ея всесвятаго имени, отверсть съ тѣмъ, чтобы чрезъ сіе, подобно пѣснопѣвцу церковному, исполниться духа и, если возможно, наполнить и васъ симъ же духомъ. Но, слово Церкви, вчера нами слышанное, удерживаетъ насъ: то слово, которое говоритъ: *витія многовѣщанныя, яко рыбы безгласныя, видимъ о Тебѣ, Богородице!*—Если многовѣщанные оказались безгласными, то что будетъ съ нами—маловѣщанными? Для насъ посему, въ подобномъ случаѣ, *удобѣе*, по выраженію другой пѣсни церковной, *любити молчаніе*...

Съ другой стороны, что же и дѣлать въ день похвалы Пресвятой Богородицы, какъ не раздѣлять, по возможности нашей, сію похвалу вмѣстѣ съ Церковію? Остается посему поступить такъ, какъ дѣлаютъ тѣ, кои, живя у моря, не имѣютъ кораблей великихъ для плаванія на нихъ по всѣмъ краямъ морскимъ. Таковые на малыхъ ладіяхъ совершаютъ небольшія плаванія у береговъ, удовлетворяя такимъ образомъ своимъ нуждамъ и отдая должную честь неприступности моря. Подобно сему, говорю, поступимъ и мы; то есть, укажемъ вамъ на главнѣйшія добродѣтели и совершенства, коими украшалась на землѣ Пресвятая Дѣва, не дерзая входить въ самую глубину благодати, на Ней почивавшей.

Первая добродѣтель и вмѣстѣ основаніе всѣхъ добродѣтелей человѣческихъ есть преданность въ волю Божію съ забвеніемъ собственной воли и пожеланій. Необходимая для человѣка добродѣтель сія постоянно преисполняла собою всю душу и всю жизнь Маріи. *Се раба Господня, буди ми по глаголу твоему!* сказала Она Архангелу, благовѣствовавшему Ей зачатіе Сына Божія. Повидимому, не трудно было изъявить таковую преданность въ то время, когда слѣдовало рѣшиться не на что-либо прискорбное и уничиженное, а на честь и славу — быть Матерію Сына Божія; но на самомъ дѣлѣ это былъ верхъ преданности и самоотверженія человѣческаго. Ибо, во-первыхъ, къ сану и званію Матери Божіей принадлежало, какъ мы увидимъ, множество скорбей и искушеній, такихъ притомъ, кои не посѣщаютъ самыхъ

великихъ подвижниковъ благочестія. Посему сказать: *се раба Господня,*—значило сказать: се, Я готова на всѣ лишенія, скорби и страданія, — готова на то, чтобы оружіе прошло самую Мою душу (Лук. 2, 35)! Самое достоинство Матери Божіей хотя есть высшее всѣхъ достоинствъ, но для души, истинно смиренной, какова была душа Маріи, рѣшиться на пріятіе его—еще труднѣе, нежели рѣшиться на скорби: ибо послѣднія человѣкъ смиренный почитаетъ естественною своею долею и принадлежностію за свою нечистоту; а стать выше Херувимовъ и Серафимовъ, какъ подобало Матери Божіей,—на это душу воистинну смиренную могла преклонить одна безпредѣльная преданность въ волю Божію. И сія-то преданность во всей силѣ выразилась въ словахъ Приснодѣвы: *се раба Господня, буди Ми по глаголу Твоему!* Сказано такъ одинъ разъ—Архангелу, а исполняемо было всегда, не только предъ Ангелами, но и предъ упорными врагами истины и правды. Ничто не могло поколебать сей преданности въ Маріи,—ни самый крестъ Сына Ея, поколебавшій собою всю землю.

Вторая добродѣтель души праведной есть чистота тѣла и духа: ею украшаются всѣ рабы Божіи; но никто не украшался въ такой полнотѣ какъ Пресвятая Дѣва. По сей-то добродѣтели Она принадлежа еще къ ветхому завѣту, гдѣ безбрачное состояніе было какъ бы даже противно закону, обѣщавшему въ награду за исполненіе его многочадіе и многочисленное потомство,—избрала для себя на всю жизнь дѣвство и такимъ образомъ показала въ себѣ примѣръ совершенства, принадлежащаго завѣту новому. По сей-то добродѣтели Преблагословенная не прежде согласилась на благовѣстіе Архангела, какъ узнавъ, что исполненіемъ его надъ Нею не нарушится нисколько святый обѣтъ дѣвства. Ибо что Она говоритъ ему? *Како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю* (Лук. 1, 34)? Какъ бы, то есть, такъ рекла Она: дѣло, о которомъ ты повѣдаешь, все и во всемъ зависитъ отъ того, могу ли Я при немъ остаться въ безбрачномъ состояніи, Мною для себя избранномъ: если могу, то Я готова послужить тайнѣ; если нѣтъ, то да прейдетъ благовѣстіе твое на голову иную! — Вотъ до чего, какъ видите, простиралась любовь къ чистотѣ духа и тѣла въ Пречистой!

Третья добродѣтель душъ святыхъ есть мужественное

перенесеніе скорбей и искушеній. Марія. послѣ Сына своего. и Бога, есть первый и высочайшій примѣръ сей добродѣтели. Какого искушенія не перенесла Она. какой скорби не вытерпѣла? *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14), то есть, зачалось отъ Духа во чревѣ Приснодѣвы: для послѣдней изъ матерей есть въ подобномъ положеніи ослаба и снисхожденіе; для Матери Сына Божія—нѣтъ его! Святый обручникъ, не вѣдая тайны, подозрѣваетъ Ее въ бракоокрадованіи!.. Что можетъ быть тяжелѣе сего искушенія? Но святая Дѣва переноситъ его безмолвно.—Одно слово Ея могло бы успокоить старца, а съ нимъ и Ее самую, и разсѣять подозрѣнія; но Она не смѣетъ сказать сего слова, потому что это тайна Промысла;—страдаетъ и безмолвствуетъ! Приближается потомъ время рожденія — тутъ еще болѣе нуженъ покой; а Матери Сына Божія надлежало въ это самое время идти въ Виѳлеемъ съ Іосифомъ, чтобы подвергнуться переписи народной. Въ самую минуту рожденія не достаетъ мѣста въ обители; и Марія идетъ для сего въ вертепъ, полагаетъ Рожденнаго во яслехъ!... Едва радость о Родившемся заставляетъ забыть стѣсненность своего положенія, какъ мечъ Ирода простирается уже надъ вертепомъ: и Матерь съ Отрочатемъ принуждена бѣжать во Египетъ тѣмъ путемъ, коимъ и среди дня донынѣ съ трудомъ проходятъ люди самые крѣпкіе и вооруженные. Подражая Евангелисту, проходимъ въ молчаніи годы послѣдующіе. Се, Марія уже на Голгоѳѣ. Какое мученіе для сердца Матери видѣть на крестѣ въ мукахъ Сына, того Сына, Который зачатъ отъ Духа Святаго, Который, по пророченію Архангела, имѣлъ воцариться *въ дому Іаковли во вѣки*... (Лук. 1, 33)! Чужіе не могли выносить сего зрѣлища, и возвращались съ Голгоѳы, *біюще въ перси своя* (Лук. 23, 48); а Матерь Іисуса стоитъ у креста въ безмолвіи, — погруженная мыслію въ бездну путей Божіихъ. Что можетъ сравниться съ симъ святымъ мужествомъ духа и сердца?

Не продолжимъ нашего нѣмотствованія о величіи Честнѣйшей Херувимъ; — и такъ мы уже далеко отъ берега, а ладія наша мала и слаба. Вмѣсто прославленія Пречистыя, поспѣшимъ обратиться къ Ней же съ молитвою. О чемъ? Паче всего о томъ, чтобы Ея благодатнымъ содѣйствіемъ и въ нашей нечистой душѣ отразился хотя малый и слабый

образъ тѣхъ добродѣтелей и совершенствъ, кои украшали Ее на землѣ,—чтобы мы въ дѣйствіяхъ своихъ водились и управлялись не своими суетными желаніями, а пресвятою волею Божіею,—чтобы сохраняли, сколько возможно, душу и тѣло свое отъ скверны мірскихъ и чтобы умѣли благодушно переносить тѣ бѣдствія и печали, кои срѣтаютъ насъ на пути нашего земнаго странствія. Аминь.

Слово въ недѣлю 5-ую Великаго поста.

Шестую уже седмицу поста начинаемъ, братіе мои! Такъ течетъ время!—Постъ столь же мало можетъ удержать быстроту его, какъ и празднества самыя свѣтлыя. А иные изъ насъ еще скучаютъ продолжительностію времени и не знаютъ, на что употребить его: до того можетъ простираться въ человѣкѣ забвеніе цѣли бытія своего! Кто помнитъ, для чего дана ему жизнь и что потребуется отъ него за гробомъ, тотъ никогда не будетъ тяготиться продолжительностію времени: тому каждый часъ дорогъ; ибо онъ знаетъ, что долженъ дѣйствовать и трудиться для вѣчности. Узнаетъ это и каждый; но когда? На ложѣ смертномъ; тутъ самый разсѣянный чувствуетъ наконецъ цѣну времени; видитъ, какъ кратка земная жизнь; желалъ бы продолжить ее; готовъ отдать за то все прочее: но часъ смерти неотвратимъ,—и несчастный міролюбецъ восхищается навсегда съ того поприща, которое дается только единожды, и, погубленное, никогда не возвратится. Можете представить, братіе мои, что ожидаетъ таковыхъ людей въ вѣчности! Для предупрежденія сего-то несчастія святая Церковь непрестанно оглашаетъ слухъ нашъ всѣми гласами пророковъ и Апостоловъ, дабы пробудить насъ отъ усыпленія и безчувствія душевнаго. Для сей-то цѣли и мы, братіе мои, возвышаемъ нерѣдко предъ вами слабый голосъ свой. Можетъ быть,—думаемъ мы, исходя предъ васъ съ словомъ жизни и спасенія,—можетъ быть, въ нынѣшнемъ собраніи есть душа, которая услышитъ его въ первый разъ, и не только услышитъ, но и обратитъ его въ дѣло своего спасенія: можетъ быть, какой-либо грѣшникъ, внявъ изъ устъ нашихъ гласу милосердія Божія, придетъ въ чувство, остановится на пути къ аду, и Господь отпуститъ намъ за

сіе хотя нѣкую часть собственныхъ нашихъ прегрѣшеній. Ибо не напрасно сказано: *обративый грѣшника отъ заблужденія его, спасетъ душу отъ смерти, и покрыетъ множество грѣховъ* (Іак. 5, 20). Имѣя въ виду сіе, и вы, братіе мои, не оставляйте содѣйствовать намъ не только вашимъ вниманіемъ, но и вашими молитвами о насъ: ибо, если мы, при нашей слабости духовной, можемъ чѣмъ-либо быть полезны для васъ, то единственно вѣрностію благодати Господней, избравшей насъ въ служеніе вашему спасенію.

Настоящій день воскресный, какъ замѣтили мы въ одномъ изъ прежнихъ собесѣдованій нашихъ, посвященъ Церковію между прочимъ ублаженію памяти преподобной Маріи Египетской. И подлинно, если когда воспоминаніе о сей дивной женѣ благовременно, то въ настоящіе дни поста и покаянія: ибо ничто такъ не можетъ послужить и въ поученіе и въ утѣшеніе для грѣшниковъ, какъ ея жизнь и подвиги. Извѣстно, что̀ наиболѣе смущаетъ грѣшника въ то время, когда онъ начинаетъ приходить въ раскаяніе. Смущаетъ, во-первыхъ, мысль о тяжести своихъ грѣхопаденій; во-вторыхъ, чувство пагубной привычки ко грѣху и трудности сражаться съ нею.—Но вотъ грѣшница, какихъ самый грѣхолюбивый міръ видитъ у себя немного и всегда сопровождаетъ презрѣніемъ, вдругъ разрываетъ всѣ узы грѣха, на ней лежавшія, начинаетъ жизнь святую и подвижническую, удостоивается чрезвычайныхъ даровъ благодати Божіей и восходитъ путемъ покаянія на такую высоту духа, что становится подобною Ангеламъ безплотнымъ. Кто послѣ сего можетъ отчаяваться въ своемъ спасеніи?

Чтобы образъ покаянія Маріина живѣе напечатлѣлся въ нашей душѣ, для сего повторимъ, братіе мои, кратко всю жизнь преподобной, какъ она изложена для насъ святымъ Софроніемъ, патріархомъ іерусалимскимъ.

Рожденная въ Египтѣ, Марія съ юныхъ лѣтъ имѣла несчастіе впасть въ бездну плотской нечистоты. Поводомъ къ сему была ея особенная красота тѣлесная—этотъ даръ Божій, останокъ райскаго благолѣпія природы нашей, но который теперь рѣдко не обращается въ первый поводъ къ грѣху. Развратъ начался съ того, съ чего наиболѣе начинается онъ въ лѣтахъ юныхъ,—съ неповиновенія своимъ родителямъ, дошедшаго до того, что скоро оставленъ навсегда

домъ родительскій. Послѣ сего нечего было ожидать отъ пятнадцати-лѣтней дѣвицы, кромѣ грѣха и соблазновъ. И Марія, падая ниже и ниже по лѣствицѣ разврата, скоро явилась на самой послѣдней ступени. Все, что̀ страсти и діаволъ могутъ сдѣлать изъ человѣка, все то было сдѣлано изъ несчастной. И въ такомъ ужасномъ состояніи проведено около семнадцати лѣтъ.—Казалось, не было уже никакой надежды на исправленіе.

Но Тотъ, Кто оставляетъ девяносто девять овецъ и ищетъ одной заблудшей, Тотъ не оставилъ и теперь несчастную грѣшницу, и премудростію Своею обратилъ ко спасенію ея то самое, что̀ казалось верхомъ погибели. Ловя всѣ возможные случаи на удовлетвореніе своей страсти, Марія замѣтила, что одинъ корабль, наполненный юными людьми, отправляется въ Іерусалимъ для поклоненія Кресту Христову. Діаволъ тотчасъ вложилъ въ сердце мысль употребить сей случай для своей страсти;—и вотъ злополучная плыветъ въ Іерусалимъ, скверня море своими дѣлами, какъ прежде осквернила землю. Ни взоръ на святый градъ, ни видъ Голгоѳы и гроба Господня не могли остановить навыка ко грѣху; Марія и въ Іерусалимѣ продолжаетъ губить себя и другихъ. Но это было уже послѣднею жертвою аду.

Когда наступилъ день торжественнаго поклоненія Кресту Христову, Марія вмѣстѣ съ другими пожелала войти въ храмъ; но сколько ни приближалась ко вратамъ его, каждый разъ уносилась волненіемъ толпы народной. Сначала это казалось дѣломъ случая и возбуждало только новыя усилія протѣсниться вмѣстѣ съ другими въ церковь; но когда съ одной стороны всѣ усилія остались тщетными, а съ другой замѣтно стало, что этотъ неуспѣхъ преслѣдуетъ изъ всѣхъ только ее одну: то въ Маріи пробудилась наконецъ совѣсть,—какъ молнія проникла все существо ея мысль, что не люди, а перстъ Божій и грѣхи ея отрѣваютъ ее отъ Святыни.—Въ сокрушеніи сердца, Марія подъемлетъ очи горѣ и видитъ предъ собою на стѣнѣ церковной святую икону Богоматери. Это было для нея какъ бы явленіе съ неба. «Мати Божія,—восклицаетъ со слезами грѣшница,—я знаю всю мою нечистоту; вѣдаю, что за тяжкіе грѣхи мои мнѣ мѣсто не въ храмѣ, а въ адѣ; но призри, Всеблагая, на мое покаяніе, и буди моею Ходатаицею и Споручницею предъ Богомъ Сыномъ

твоимъ: отселѣ вся жизнь моя будетъ принадлежать Ему и Тебѣ!»

Послѣ сей молитвы, Марія опять стремится ко вратамъ церковнымъ; и не смотря на прежнія, еще большія толпы народа, входитъ невозбранно во храмъ и совершаетъ поклоненіе Кресту Христову. Видимая милость сія преисполняетъ душу ея новымъ умиленіемъ и благодарностію къ Богу. Возвратившись ко вратамъ церковнымъ, она паки повергается предъ иконою Богоматери; снова произноситъ обѣтъ чистоты и покаянія; вторично избираетъ Ея Споручницею спасенія, и, пріявъ свыше вразумленіе идти за Іорданъ въ пустыню, оставляетъ навсегда міръ и все человѣческое.

Я говорю: *и все человѣческое,* ибо Марія, заключившись въ пустынѣ Іорданской, не только попрала всю прежнюю роскошь и изнѣженность, не только отвергла удовлетвореніе самымъ необходимымъ потребностямъ плоти и крови; но вознеслась, можно сказать, надъ самою природою человѣческою. Во все время ея пребыванія въ пустынѣ у нея не было ни крова, ни одежды, ни пищи. Трехъ малыхъ хлѣбовъ, взятыхъ ею изъ Іерусалима, стало ей—насколько бы вы думали? на шестнадцать лѣтъ! Потомъ пищею для ней служило не столько зеліе пустынное, сколько молитва и благодать Божія. И среди такихъ подвиговъ проведено четыредесять седмь лѣтъ! Можете представить себѣ, братіе, чего стоила такая жизнь тѣлу, привыкшему къ нѣгѣ и чувственности!

Послушаемъ, какъ сама преподобная повѣствовала о семъ святому старцу Зосимѣ. «Рече же Зосима къ преподобнѣй: колико есть лѣтъ, о госпоже моя, отнелѣже водворилася еси въ пустыни сей?» Она же отвѣща: «мню яко четыредесять и седмь лѣтъ, отнелѣже изыдохъ отъ святаго града». Зосима же рече къ ней: «что обрѣтаеши въ пищу себѣ, госпоже моя?» Она же рече: «полтретья убо хлѣба принесохъ, прешедши Іорданъ, иже по малѣ изсохше окаменѣша, ихъ же по малу вкушающи, многа лѣта пребыхъ». Зосима же рече: «како же ли безъ воды пребыла еси толика лѣта; никоея же ли бѣды пріемлющи отъ внезапнаго ослабѣнія?» Отвѣща же она: «рѣчи мя нынѣ вопросилъ еси, авво Зосимо, о ней же трепещу глаголати: аще бо воспомяну вся тыя напасти, яже пострадахъ, и помышленія лютая, колико сотвориша ми бѣды: боюся да не тѣми же паки оскорблена буду.

Вѣру ми ими, авво, шестнадесять лѣтъ сотворихъ въ пустыни сей, яко со звѣрьми лютыми, съ моими безумными похотьми борющися: егда бо начинахъ пищи вкушати, абіе хотяшеся ми мясъ и рыбъ, яже бяху во Египтѣ, хотяшеся же ми и вина, любимаго мною: много бо вина піяхъ, егда бѣхъ въ мірѣ; здѣ же не имуще ни воды вкусити, лютѣ жаждою палима бѣхъ и бѣднѣ терпяхъ. Бываше же ми и желаніе любострастныхъ пѣсней, зѣло возмущающее мя, и нудящее пѣти пѣсни бѣсовскія, ихже въ мірѣ навыкла бѣхъ. Абіе же слезящи и съ вѣрою перси своя біющи, воспоминахъ обѣты, яже бѣхъ сотворила, входящи въ пустыню сію. Мыслію же идяхъ ко иконѣ Пречистыя Богородицы, Испоручницы моея, и у Тоя плакахся, просящи отгнати помышленія отъ мене, терзающія окаянную мою душу. Егда же довольно плакахся и въ перси усердно біяхъ: тогда свѣтъ видѣхъ, всюду осіяващъ мя и тишина велика въ бури мѣсто бываше ми. Како же тебѣ, авво, исповѣмъ помышленія моя, порѣвавшія мя на грѣхъ? Яко огнь во окаяннѣмъ сердцѣ моемъ разгарашеся и всю отвсюду мя опаляше, ко грѣху понуждая. Егда же таковое помышленіе прихождаше ми, повергахъ мя на землю, и слезы многи проливахъ, мняще яко сама Испоручница стоитъ и истязуетъ мя, яко преступившу, и муку за преступленіе показующи. Не востаяхъ же отъ земнаго поверженія нощь и день, дондеже сладкій оный свѣтъ осіяваше мя и помыслы смущающи мя отгоняше. Очи же мои къ Испоручницѣ моей непрестанно возводяхъ, просящи отъ нея помощи; яко же и воистину Спомощницу ту имѣхъ и къ покаянію Споспѣшницу. И тако скончахъ семнадесять лѣтъ, бѣды тьмами пріемлющи: оттолѣ же до днешняго дне Помощница моя Богородица во всемъ и на вся руководствуетъ мя». Рече же Зосима къ ней: «не потребовала ли еси уже прочее пищи и одѣянія»? Она же отвѣща: «хлѣбы убо оны скончавши, якоже рекохъ ти въ седминадесяти лѣтѣхъ, питахся быліемъ, сущимъ въ пустыни сей. Риза же, юже имѣхъ, прешедши Іорданъ, отъ ветхости истлѣ. Многу же бѣду отъ зимы и отъ зноя пострадахъ, солнцемъ горящи и мразомъ омерзающи и трясущися. Тѣмъ же и многажды падши на земли, лежахъ аки бездушна и недвижима. Многажды же съ различными напастьми и бѣдами боряхся. Оттолѣ убо и доднесь, силы Божія многообразная, грѣшную мою душу и тѣло унылое соблюде:

помышляющи бо точію, отъ коликаго зла избави мя Господь, пищу неиждеваемую стяжахъ—упованіе спасенія моего. Питаюся бо и покрываюся глаголомъ Божіимъ, содержащимъ всяческая. Ибо не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. И елицѣ не имяху покрова, въ каменіе облекошася, елико ихъ совлечеся грѣховнаго одѣянія». Слышавъ же Зосима, яко и словеса отъ Писанія воспоминаемы, отъ Моисея же и Пророкъ и отъ книгъ Псаломскихъ, рече къ ней: «псалмомъ же и инымъ книгамъ, о госпоже, училася ли еси?» Она же слышавши сіе осклабися, и рече къ нему: «вѣруй, человѣче, не видѣхъ инаго человѣка, отнелѣ же Іорданъ преидохъ, кромѣ твоего лица днесь, и ниже звѣря, не инаго животнаго видѣхъ: книгамъ же никогда же учихся, ни иного чтущаго или поющаго слышахъ, но слово Божіе живо и дѣйственно то учитъ разуму человѣка. Нынѣ убо заклинаю тя воплощеніемъ Слова Божія, молитися за мя блудницу».

Послѣ такихъ и столь долговременныхъ подвиговъ не могло не послѣдовать совершеннаго очищенія души и тѣла, совершеннаго мира съ Богомъ и совѣстію, совершенной побѣды надъ немощами природы человѣческой, совершеннаго приближенія къ первобытному совершенству человѣка въ состояніи невинности и содружеству съ міромъ духовнымъ и божественнымъ. И дѣйствительно, святый Зосима, коему предоставлена была Промысломъ Божіимъ честь открыть преподобную подвижницу въ пустынѣ и послужить ея погребенію, засталъ ее уже не человѣкомъ, а ангеломъ. Марія облечена была еще плотію, но сія плоть походила болѣе на духъ, нежели на наше тѣло: она переходила немокренно Іорданъ; во время молитвы возносилась отъ земли на воздухъ; не могла вкушать почти ничего, кромѣ Тѣла и крови Христовой. Для преподобной открыты были самыя тайныя движенія сердца въ Зосимѣ; она бесѣдовала съ нимъ изъ Святаго Писанія, изъ Псалмовъ и Пророчествъ, никогда не читавъ Писанія и вовсе не умѣя читать; знала все, что совершается въ его монастырѣ; предрекла, что имѣетъ совершиться въ будущемъ. Самые звѣри пустынные благоговѣли предъ лицемъ преподобныя: въ продолженіе жизни ея не смѣли приближаться къ ней, а по кончинѣ вырыли для нея могилу и помогли немощному старцу предать ея святыя мощи землѣ.

Судите теперь сами, братіе мои, не благопристойно ли

такая жизнь, какъ преподобной Маріи, указуется Церковію всѣмъ грѣшникамъ среди настоящихъ дней поста и покаянія? Гдѣ яснѣе, какъ не въ сей жизни, можно увидѣть, что нѣтъ грѣха, побѣждающаго человѣколюбіе Божіе, что нѣтъ бездны разврата, изъ коей, при помощи благодати Божіей, нельзя было бы выйти путемъ вѣры и покаянія, что можно, и начавъ поздно, не только сравняться, но и упредить въ совершенствѣ даже тѣхъ, кои работали въ вертоградѣ Господнемъ отъ перваго часа?

Если бы, помыслитъ кто-либо изъ грѣшниковъ, и мнѣ было такое званіе свыше, какъ Маріи! А Маріи, возлюбленный, какое было вначалѣ особенное званіе? Что она, за тѣснотою отъ народа, вмѣстѣ съ другими не могла войти въ храмъ іерусалимскій? Ахъ, сколь многіе изъ насъ не обратили бы на это ни малѣйшаго вниманія, и спокойно, даже можетъ быть съ радостію, пошли бы домой! Совѣсть Маріи сдѣлала важнымъ и рѣшительнымъ для нея это, если угодно такъ назвать, знаменіе. Будемъ внимательны къ самимъ себѣ, и мы въ своей жизни найдемъ не мало подобнаго, можетъ быть еще болѣе знаменательнаго, ибо можно сказать утвердительно, что нѣтъ ни единаго изъ грѣшниковъ, который не имѣлъ бы въ своей жизни такихъ случаевъ, гдѣ благодать Божія видимо призывала его къ покаянію; но наше непрестанное разсѣяніе и ожесточеніе во грѣхѣ дѣлаютъ для насъ все это безплоднымъ. Что бы ни срѣталось съ нами подобнаго, у насъ одинъ судъ: это *случай!* Какъ будто всѣ, самые такъ называемые, случаи были не въ десницѣ Господней! И какъ будто со стороны Спасителя нашего могъ быть опущенъ безъ вниманія какой-либо случай къ спасенію бѣднаго грѣшника! Посему, когда бы и гдѣ бы ни пришла тебѣ мысль отстать отъ грѣха, бросить развратную жизнь, будь твердо увѣренъ, что сія душеспасительная мысль прямо отъ Бога, ибо какъ бы иначе она и посѣтила твою мрачную душу, если бы не была послана свыше? Прими таковую мысль; послѣдуй, куда она зоветъ тебя; оставь гибельный путь грѣха,—и благость Божія, являющаяся и неищущимъ ея, тѣмъ паче не замедлитъ явиться тебѣ, когда увидитъ, что ты началъ искать своего спасенія; озаритъ душу твою свѣтомъ лица своего; укажетъ путь, коимъ должно тебѣ слѣдовать; подкрѣпитъ тебя въ немощи, утѣшитъ въ скорби, вознаградитъ за

всѣ земныя лишенія и разсѣетъ для тебя на узкомъ и тернистомъ пути къ царствію столько залоговъ своей любви, что ты и страдая будешь радоваться и не промѣняешь новаго ужаснаго для міролюбцевъ состоянія своего ни на какія блага въ мірѣ.

Что же мнѣ дѣлать, внявъ призыванію свыше,—спроситъ иная душа грѣшная:—неужели, подобно Маріи, оставить все и идти въ пустыню? Сдѣлать и это, если бы оказалось необходимымъ, ибо ты конечно отдалъ бы все для своего спасенія, если бы у тебя разбойники отнимали жизнь тѣлесную. А страсти, сіи враги злѣйшіе всѣхъ разбойниковъ, отнимаютъ у тебя жизнь духовную, вѣчную,—и ты будешь разсчитывать, чѣмъ пожертвовать для ея спасенія и что оставить? Такъ ли некутся о своемъ спасеніи? Такъ ли цѣнишь ты свою душу, ея же не достоинъ весь міръ? Но, для большей части кающихся грѣшниковъ нѣтъ необходимости оставлять совершенно мірское свое состояніе. Вступивъ вдругъ на столь высокую, крутую и скользкую лѣстницу, мы по слабости стопъ своихъ, не могли бы идти по ней безбѣдно. Посему, душа кающаяся, довольно будетъ для тебя на первый разъ и той пустыни, которая откроется въ самой тебѣ, коль скоро ты внесешь во внутренность твою свѣтъ слова Божія; довольно той пустыни, которую составитъ для тебя тотъ же міръ, тебя окружающій и тебя ласкавшій, коль скоро ты отвергнешься его внутренно. Путь Маріи есть путь необыкновенный, почему она и достигла совершенства равноангельскаго; для насъ, грѣшная душа, довольно будетъ, если мы престанемъ походить ожесточеніемъ и нераскаянностію на злыхъ духовъ, возвратимъ себѣ чистый образъ человѣческій, погубленный во грѣхахъ, и содѣлаемся достойными войти современемъ, хотя послѣдними, въ то же блаженное царствіе Божіе, гдѣ живутъ и блаженствуютъ души покаявшихся грѣшниковъ. Аминь.

Слово въ среду 6-ой недѣли Великаго поста.

Иже въ девятый часъ насъ ради плотію смерть вкусивый, умертви плоти нашея мудрованіе, Христе Боже, и спаси насъ.

Итакъ, у плоти нашей есть не только тяжесть и дебелость, насъ гнетущія, не только слабость и бренность, непрестанно

запинающія стопы наши, не только болѣзни и смертность, обращающія въ ничто всѣ наши замыслы и предпріятія но есть, наконецъ, и свое мудрованіе, такое опасное мудрованіе, что отъ него нельзя иначе избавиться, какъ умертвивъ его, чего однако же мы, при всей нуждѣ въ томъ, сами по себѣ сдѣлать не можемъ, а должны молить о семъ Того, Кто единъ имѣетъ силу и власть какъ оживить и укрѣпить въ насъ то, что для насъ необходимо, такъ низложить въ насъ и умертвить то, отъ чего мы гибнемъ.—Что это за мудрованіе, и откуда оно у плоти, которая какъ плоть, то есть, сложность вещества, хотя движущагося и одушевленнаго, но неразумнаго, по тому самому должна быть неспособна ни къ какому мудрованію? Для уразумѣнія сего, надобно войти въ разсмотрѣніе нашего состава и взаимнаго отношенія духа и плоти.

Понятіе, разсужденіе, умствованіе принадлежатъ собственно въ насъ одной душѣ; подобно какъ одной плоти въ насъ принадлежитъ очертаніе, цвѣтъ, тяжесть и движеніе; и доколѣ въ человѣкѣ происходитъ все, какъ должно, и каждая часть его состава, такъ сказать, на своемъ мѣстѣ, въ своемъ чинѣ и дѣйствіи, дотолѣ въ духѣ нашемъ нѣтъ дебелости, тяжести и безсмыслія плотскаго, а въ плоти нѣтъ замысловъ и умствованій, принадлежащихъ душѣ. Духъ, какъ владыка и руководитель, соображаетъ, опредѣляетъ и управляетъ; плоть, какъ орудіе, повинуется и служитъ, сколько можетъ. Но когда человѣкъ, уклонившись отъ воли своего Творца и, что то же, отъ порядка и закона своей природы, повергается въ грѣхъ и предается страстямъ и похотямъ, тогда сіе прекрасное согласіе частей, его составляющихъ, нарушается; чинъ и послушаніе прекращаются: что должно оставаться внизу, является вверху, а верхнее падаетъ и унижается; плоть—раба дѣлается владыкою, а духъ владычественный обращается въ орудіе плоти. Вслѣдствіе сего злополучнаго превращенія отношеній духа и плоти, и они какъ-бы мѣняются своими качествами: духъ становится грубымъ и плотянѣетъ; а плоть, не дѣлаясь нисколько тоньше и духовнѣе, восхищаетъ нѣкоторыя качества духа, является какъ бы смыслящею и мудрствующею, предпріимчивою и мечтательною; только все это не на добро, а на зло. То есть, говоря точнѣе, не плоть сама по себѣ, какъ вещество,

получаетъ мысль и умъ,—что невозможно;—а духъ, смѣшавшись, такъ сказать, съ плотію, и ставъ съ нею на одномъ мѣстѣ, начинаетъ мыслить, будить и дѣйствовать по ея требованіямъ и внушеніямъ. Такое состояніе духа и плоти, очевидно, есть состояніе неестественное человѣку, и потому не только предосудительное для его достоинства, но и крайне вредное по его послѣдствіямъ. Низшая сторона человѣка—плоть пріобрѣтаетъ, повидимому, въ такомъ случаѣ высшее совершенство, начиная дѣйствовать на подобіе духа — стороны высшей; но это мнимое совершенство, какъ ей несвойственное, по сему самому не составляетъ никакого достоинства, подобно тому какъ въ самозванцѣ не составляетъ достоинства, что ложно именуетъ себя царемъ. При томъ такое возвышеніе плоти сопряжено съ крайнимъ униженіемъ духа, съ лишеніемъ его своего мѣста, своей чистоты и власти. Тутъ бываетъ то же, какъ если бы подданный и притомъ недостойный, сталъ повелителемъ, а природный владыка его сдѣлался его слугою.

Судя по тому, откуда и какъ является у плоти способность къ мудрованію, уже легко предвидѣть, въ чемъ будетъ оно состоять. Это мудрованіе крамольника бунтовщика, который, захвативъ въ свои руки власть, не иначе можетъ удерживать ее, какъ средствами самыми незаконными и насильственными; это мудрованіе татя, который о томъ только и думаетъ, какъ бы сокрыть слѣды своего хищничества и умножить неправедное стяжаніе новыми хищеніями; это мудрованіе человѣка, погубившаго умъ, который, вообразивъ себя не тѣмъ, что онъ есть, и самъ внушаетъ это всѣмъ, и отъ другихъ требуетъ, чтобы говорили то же самое. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на мудрованіе, то есть, на понятія, сужденія и замыслы людей плотскихъ — изъ чего состоятъ они? Прямо или непрямо, явно или тайно, всѣ они проникнуты ядомъ грѣха, всѣ дышатъ самолюбіемъ, устремлены къ удовлетворенію не истинныхъ и существенныхъ потребностей человѣка, а различныхъ прихотей и требованія страстей; потому всѣ, рано или поздно, ведутъ человѣка къ погибели. Въ отношеніи къ Богу и вѣрѣ — мудрованіе плоти, въ самомъ лучшемъ видѣ его, выражается холодностію и невниманіемъ къ предметамъ вѣры какъ бы вовсе несуществующимъ или маловажнымъ; въ обыкновенномъ же состоя-

ніи своемъ соединено съ отверженіемъ всего непостижимаго въ вѣрѣ и съ превращеніемъ, по своему вкусу, всего, что въ ней постижимо; а въ худшемъ видѣ его не рѣдко доходитъ до той гордости и самозабвенія, что, подобно древнимъ нечестивцамъ, готово бываетъ сказать Самому Богу: *отступи отъ насъ; путей Твоихъ вѣдѣти не хощемъ* (Іов. 21, 14); или съ Фараономъ вопрошать: *Кто есть, Его же послушаю гласа* (Исх. 5, 2)? Въ отношеніи къ ближнимъ, мудрованіе плоти состоитъ въ превозношеніи себя выше всѣхъ, въ присвоеніи себѣ, еслибы то было возможно, всего, что видятъ очи и чего жаждетъ необузданное сердце, въ обращеніи всѣхъ людей въ слѣпое орудіе своихъ прихотей. Даже въ отношеніи къ самому человѣку мудрованіе плоти хотя все дышетъ самолюбіемъ, разраждается постоянно похотями вреждающими и душетлѣнными, замыслами несбыточными и пагубными, дѣлами пустыми и мертвящими. Ибо, съ одной стороны, мудрованіе плоти вредитъ человѣку тѣмъ, что позволяетъ ему все, уничтожая различіе между порокомъ и добродѣтелію, съ другой—тѣмъ, что отъемлетъ у него все, уничтожая надежду жизни вѣчной и не веля ничего видѣть далѣе могилы и тлѣнія. Прорываясь, наконецъ, изъ частной жизни на поприще общественнаго дѣйствованія, мудрованіе плоти, не остановленное вовремя властію предержащею, не увраченное, или по крайней мѣрѣ, не умѣренное благотворнымъ вліяніемъ вѣры и Церкви, сопровождается потрясеніемъ всего, чѣмъ держится сила царствъ и благоденствіе народовъ. Гдѣ воцарилось это пагубное мудрованіе, тамъ всѣ хотятъ властвовать и никто не хочетъ повиноваться, разумъ человѣческій привѣтствуютъ именемъ Божества, а слѣдуютъ всѣ явному безумію; провозглашаютъ всеобщее блаженство и златой вѣкъ, а плаваютъ въ крови собратій; стремятся къ невозможному совершенству, и теряютъ, одно за другимъ, всѣ возможныя блага.

Иначе и быть не можетъ, ибо мудрованіе плотское, какъ замѣчаетъ Апостолъ, *закону Божію не покоряется, ниже можетъ* покоряться (Рим. 8, 7). Поелику же только въ законѣ Божіемъ жизнь, свобода и блаженство человѣка, то, сколько ни выдумывай иныхъ законовъ, сколько ни изобрѣтай иныхъ средствъ къ благоденствію человѣка и общества, всѣ они должны оказаться, наконецъ, пустыми, несбыточными и гибельными.

Что же послѣ сего дѣлать съ такимъ неисправимымъ мудрованіемъ, какъ не стараться лишить его всѣхъ силъ, искоренить его до конца? Ибо, доколѣ оно будетъ живо, дотолѣ не будетъ истинной жизни въ человѣкѣ. Какая та жизнь, когда бренная и грѣховная плоть мудруетъ и распоряжаетъ, а духъ вѣчный слѣпо выполняетъ эти безумныя распоряженія? Но какъ и отнять силу и жизнь у плотскаго мудрованія, когда оно содѣлалось въ человѣкѣ грѣшномъ началомъ всеуправляющимъ, единственнымъ источникомъ его дѣятельности? Сама плоть не откажется отъ своего владычества, какъ оно ни противозаконно; духъ, хотя бы и захотѣлъ, не можетъ возвратить себѣ права свои, ибо оплотянѣть ему не трудно; а оплотянѣвъ, очиститься, освободиться, просвѣтлѣть, стать на свое мѣсто, взять въ руки власть,— крайне трудно: для сего нужна помощь свыше, необходима сила, которая сняла бы съ него узы, подняла бы его изъ праха, наполнила бы силою и жизнію, и такимъ образомъ дала бы ему возможность быть тѣмъ, чѣмъ должно.

И вотъ, сего-то самаго испрашивается въ молитвѣ, нами разсматриваемой!

Иже въ девятый часъ на крестѣ насъ ради плотію смерть вкусивый, умертви плоти нашея мудрованіе, Христе Боже, и спаси насъ!

Ты,—какъ бы такъ говорилось въ ней за всѣхъ насъ,— Ты, Который для того и вкусилъ смерть плотію, да мы всѣ оживемъ и поживемъ духомъ, призри на бѣдственное состояніе духа нашего, гнетомаго узами плоти, и умертви ея мудрованіе! Свяжи сего необузданнаго звѣря; порази его въ самое сердце, да престанетъ грѣхолюбивая плоть наша влачить насъ по дебрямъ страстей и пороковъ, да обратится въ то, чѣмъ ей быть должно,—въ послушное орудіе духа!

Само собою разумѣется, что произносящій сію молитву долженъ рѣшиться на всѣ дѣйствія, кои Умершій ради насъ плотію Самъ сочтетъ нужными для умерщвленія въ насъ мудрованій нашей плоти, и поелику никакое умерщвленіе не можетъ быть произведено безъ боли и страданій, то долженъ рѣшиться на перенесеніе сихъ страданій. Ибо, безъ таковой рѣшимости, что значила бы и наша молитва? Она была бы или обманомъ, или самообольщеніемъ.

Но, вотъ наша странность, или лучше сказать, наше

безуміе! Когда мы призываемъ врача для отнятія какого-либо неисцѣльнаго члена, то уже не противимся его дѣйствіямъ, какъ они ни болѣзненны, а еще помогаемъ ему всѣмъ, чѣмъ можемъ: стонемъ, кричимъ, но повинуемся и благодаримъ за самыя страданія наши. А съ Врачемъ небеснымъ поступаемъ большею частію напротивъ. Не смотря на то, что сами умоляемъ Его умертвить мудрованіе нашея плоти,—когда Онъ начинаетъ Свое дѣло, то есть начинаетъ смирять, поражать нашего плотскаго человѣка—болѣзнями ли, безчестіемъ ли, другими ли какими ударами, то мы тотчасъ обращаемся вспять, жалуемся и ропщемъ, ставимъ преграду за преградою, и такимъ образомъ, вмѣсто умерщвленія мудрованій плотскихъ, часто впадаемъ еще въ большее рабство плоти.

Все это отъ того, что мы большею частію не убѣждены въ зловредности для насъ плотскаго мудрованія и вообще жизни плотской и грѣховной: если молимся объ избавленіи отъ нихъ, то единственно потому, что такъ велитъ молиться Церковь, а сами по себѣ, въ душѣ своей, нисколько не чувствуемъ нужды въ семъ.

Посему, чтобы намъ не произносить столь святой молитвы напрасно, надобно прилежно размыслить о томъ, какъ вредно для насъ мудрованіе плоти; надобно убѣдиться вмѣстѣ съ Апостоломъ, что это мудрованіе есть вражда на Бога, что оно есть смерть для насъ. Какъ убѣдиться въ семъ? Во-первыхъ, размышленіемъ о томъ, откуда происходитъ въ насъ мудрованіе плоти,—къ чему указанъ нами путь для каждаго,—и какою пагубою оно обнаруживается въ насъ,—для чего можетъ служить опытъ и нашъ собственный, и другихъ людей. Ибо если будемъ внимательны, то увидимъ, что всякій разъ, когда мы слушались мудрованія плотскаго, никогда не выходило изъ дѣйствій нашихъ для насъ ничего, кромѣ худаго и зловреднаго. Аминь.

Слово въ пятокъ 6-ой недѣли Великаго поста.

Вкусите и видите, яко благъ Господь (Псал. 33, 9).

Драгоцѣнныя слова сіи никогда такъ часто не возглашаются, какъ въ теченіе святаго и великаго поста. Мы слышимъ ихъ

по-дважды въ седмицу, то есть, на каждой преждеосвященной литургіи. И дѣйствительно, если когда прилично имъ часто повторяться, то въ настоящія недѣли, ибо подъ конецъ каждой изъ нихъ устрояется обильная трапеза для всѣхъ желающихъ причаститься Тѣла и Крови Господней. Гдѣ же можно болѣе видѣть всю благость Господа, какъ не на сей божественной трапезѣ? Большаго и очевиднѣйшаго доказательства Своей благости, мнѣ кажется, нельзя было дать людямъ Самому Богу. Ибо, скажи пожалуй, что же бы еще можно было сдѣлать? Нѣтъ большей любви, изрекъ Самъ Спаситель, да *аще кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13); *за други* только, а мы что были Богу, когда Единородный Сынъ Его полагалъ за насъ душу Свою на крестѣ? Были грѣшниками, слѣдовательно врагами Божіими, и при томъ такими, кои вовсе не думали о примиреніи. И вотъ, за сихъ-то враговъ непримиримыхъ, не за друговъ и присныхъ,—положилъ Единородный Сынъ Божій душу Свою. Уже это верхъ любви, какой нельзя найти въ цѣломъ мірѣ. Но Онъ, какъ Богъ, восшелъ любовію Своею къ намъ еще выше, ибо изобрѣлъ въ премудрости Своей средство полагать за насъ душу Свою, можно сказать, не разъ, а многажды. Ибо что дѣлается въ каждой литургіи? Повторяется священнотайнѣ то, что было на Голгоѳѣ; повторяется до того, что въ Пречистыхъ Тайнахъ Онъ снова приносится за насъ въ жертву, не образно токмо и припоминательно, а съ полною силою и дѣйствіемъ. Потому и принесенное не остается простымъ символомъ Тѣла и Крови Его, а обращается въ сіе самое Тѣло и въ сію самую Кровь, такъ что божественное Тѣло Спасителя, которое висѣло нѣкогда на крестѣ и было погребаемо Іосифомъ, которое теперь сидитъ на престолѣ одесную Отца, является и на нашихъ престолахъ и жертвенникахъ. Одно такое присутствіе и явленіе Тѣла Христова предъ нами уже показываетъ величайшій избытокъ Его любви къ намъ. Но Онъ симъ не удовольствовался, а что дѣлаетъ? То, чего мы сами по себѣ не могли и вообразить—предаетъ Себя подъ видомъ хлѣба и вина на вкушеніе всѣмъ желающимъ! Не знаемъ, провидѣлъ ли сіе святый Давидъ, когда возглашалъ: *вкусите и видите, яко благъ Господь!* но мы, кои видимъ, мы, кои вкушаемъ, что должны мыслить и чувствовать при семъ? Не должны ли мы вострепетать всѣмъ

существомъ отъ любви, удивленія и благодарности? Подлинно, если отъ радости умираютъ, то не было бы ничего удивительнаго, если бы кто, по причащеніи Таинъ Господнихъ, вдругъ разрѣшился отъ узъ тѣлесныхъ и перешелъ отъ вѣры къ блаженному видѣнію. Подумай еще при семъ и о томъ, кому предлагается сей божественный даръ, кому говорится: *вкусите и видите!* Не однимъ избраннымъ, не пророкамъ и апостоламъ, не мученикамъ и подвижникамъ, не постникамъ и дѣвственникамъ, а всѣмъ, самымъ послѣднимъ грѣшникамъ. Господь и нынѣ, такъ же, какъ на послѣдней вечери, знаетъ, что не всѣ *чисты суть* (Іоан. 13, 10) изъ приступающихъ къ Его тайнамъ; вѣдаетъ, что уже не одинъ, а многіе предадутъ Его, и только малая часть останется вѣрною, и, не смотря на сію нечистоту почти всѣхъ, на сію невѣрность многихъ приступающихъ, никого не отвергаетъ отъ Своей вечери; всѣмъ подаетъ равно то же самое Тѣло и ту же—Свою собственную Кровь. Если бы такое чудо любви сдѣлано было и единожды; если бы, то есть, каждому изъ насъ только разъ въ жизни дано было причаститься Тѣла и Крови Господней, и тогда мы не имѣли бы, чѣмъ возблагодарить Господа. Но намъ всѣмъ предоставлено это благо на всю жизнь: приступай когда хочешь, вкушай сколько угодно, во храмѣ и дома, въ жилищѣ и на пути, на сушѣ и водѣ, днемъ и ночью, въ какой угодно часъ. Скажите,—можно ли бы было даже повѣрить сему, если бы не ручались за то ясныя слова Самого Господа?—Здѣсь-то познаемъ, что каждому изъ совершенствъ Божіихъ нѣтъ мѣры и предѣла: всемогущество—оно разсыпаетъ безъ счету міріады солнцевъ и звѣздъ; премудрость—она творитъ числомъ, вѣсомъ и мѣрою каждую былинку полевую; правосудіе—оно не оставляетъ ни одного покаяннаго вздоха безъ награды, и ни одного нечистаго взора безъ наказанія; благость—она не удовлетворяется тѣмъ, что кладетъ печать щедроты на всѣхъ дѣлахъ своихъ, даетъ пищу всякой плоти, но, наконецъ, сама воплощается, дабы дать себя въ снѣдь вѣрнымъ. И послѣ сего, еще нѣкоторые могутъ доходить до отчаянія въ милосердіи Божіемъ и думать, что у Отца небеснаго можетъ не достать любви, когда они прибѣгнутъ къ Нему съ вѣрою и покаяніемъ?—Такія мысли, если приходятъ къ кому, то приходятъ большею частію отъ врага нашего спасенія, который обыкновенно поступаетъ такъ, что,

когда мы живемъ въ беззаконіи, то представляетъ грѣхъ вещію маловажною, до которой Царю неба и земли, по самому величію Его, нѣтъ будто никакого дѣла; а когда увидитъ, что мы начинаемъ каяться во грѣхахъ и рѣшаемся разорвать узы страстей, то изображаетъ Бога немилосердымъ судіею, а грѣхи наши совершенно неотпустительными. Когда придутъ къ тебѣ, кающійся грѣшникъ, подобныя мысли отчаянія, то, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, тотчасъ вспомни таинство Святаго Причащенія, и скажи: возможно ли, чтобы Тотъ, Кто даетъ мнѣ вкушать Тѣло и Кровь Свою, отвергъ мое покаяніе? Для чего же Онъ и питаетъ меня, недостойнаго, Самимъ Собою, какъ не для того, чтобы исцѣлить, помиловать и оправдать? Скажи такъ, и продолжай въ мирѣ дѣло своего покаянія. Господь благъ ко всѣмъ, но первѣе и болѣе всего—ко грѣшникамъ кающимся. Аминь.

Слово въ пятокъ 6-ой недѣли Великаго поста.

Душеполезную совершивше Четыредесятницу и святую седмицу страсти Твоея, просимъ видѣти, Человѣколюбче, еже прославити въ ней величія Твоя, и неизреченное насъ дѣля смотрѣніе Твое, единомудренно вопіюще Господи, слава Тебѣ.

День за днемъ, седмица за седмицею, и вотъ прешла уже вся святая Четыредесятница,—хотя инымъ, по непривычкѣ къ воздержанію и посту, она казалась, можетъ быть, безконечною. Постъ еще продолжится одну седмицу, но дни сіи не принадлежатъ уже Четыредесятницѣ, а имѣютъ особенное назначеніе, будучи посвящены на воспоминаніе Страстей Господнихъ. Это какъ глава и крестъ на храмѣ. Посему сама святая Церковь останавливаетъ въ настоящій день наше вниманіе, неоднократно возглашая: *душеполезную совершивше Четыредесятницу!* Такъ поступаетъ она для того, чтобы мы, достигнувъ конца Четыредесятницы, собрались съ мыслями и разсмотрѣли, достигнута ли въ насъ цѣль святаго поста? Ибо можно, и много сѣявъ ничего не пожать; можно употребить разныя лекарства, иждить даже, какъ говоритъ Евангеліе о женѣ кровоточивой, все имѣніе врачамъ, и не получить исцѣленія.

Итакъ, что теперь съ нами, то есть, съ душею и со-

вѣстію нашею? Чувствуемъ ли въ себѣ какую-либо перемѣну благотворную? Можемъ ли сказать съ описанною въ Пѣсни Пѣсней невѣстою: *се, зима прейде, дождь отыде, цвѣти явишася на земли нашей* (Пѣс. Пѣс. 2, 11)? Ахъ, мы привыкли называть природу, насъ окружающую, неразумною, но посмотрите, какъ всеразумно исполняетъ она свой долгъ и дѣлаетъ свое дѣло! Едва только обратилось къ ней лицо лѣтняго солнца, она тотчасъ начала совлекаться, и теперь совершенно совлеклась своей тяжелой зимней одежды; освѣщенная, согрѣтая лучами весенними, она немедля омылась отъ нечистотъ зимнихъ; отдала сполна всю дань водъ морю; и теперь, что ни день, то болѣе и болѣе износитъ изъ нѣдръ своихъ все, что прошедшею осенью ввѣрила полямъ и нивамъ рука земледѣльца. Къ Свѣтлому Празднику всюду явится у земли новая праздничная одежда изъ зелени и цвѣтовъ; горы и холмы препояшутся радостію, и новый хоръ пернатыхъ возгласитъ новую пѣснь радости и благодаренія Творцу природы. И къ намъ, братіе мои, съ самаго начала святаго поста, можно сказать, приблизилось духовное Солнце, Господь и Спаситель нашъ, ибо не напрасно возглашала тогда Церковь слова Апостола: *нынѣ ближайшее намъ спасеніе* (Рим. 13, 11)! Что же произвело въ насъ это приближеніе къ намъ и это умноженіе вокругъ насъ свѣта и теплоты духовной? Растаялъ ли внутрь насъ ледъ безчувствія сердечнаго? Омылись ли мы отъ нечистотъ грѣховныхъ слезами вѣры и покаянія? Готова ли душа наша, подобно землѣ, къ изнесенію плодовъ любви и правды?—Срѣтая день Воскресенія Господня, возможемъ ли сказать, что и мы уже не мертвы духомъ, что въ насъ, по благодати Божіей, есть хотя малый начатокъ жизни вѣчной?—Постъ настоящій для сего именно былъ и предназначенъ. Ибо, чего хотѣла святая Церковь, налагая его на насъ? Конечно не того, чтобы сберечь отъ употребленія нѣсколько снѣдей, или лишить насъ извѣстныхъ удовольствій. Нѣтъ, постъ долженъ былъ обуздать нашу чувственность; укротить, а потомъ и умертвить наши страсти; очистить наши мысли и желанія; дать большую свободу духу и совѣсти; пробудить въ насъ печаль по Бозѣ и святую тоску по небесномъ отечествѣ; приблизить насъ къ небу; очистить, просвѣтлить и освятить все существо наше.

По этому самому Четыредесятница и провозглашается душеполезною.—Таковою ли она была для насъ? Что пріобрѣли мы отъ толикаго числа чтеній, молитвъ, колѣнопреклоненій, тѣмъ паче отъ нашей исповѣди и причастія святыхъ Таинъ Христовыхъ? Не съ видомъ суровыхъ приставниковъ истязуемъ мы, братіе мои, отъ васъ плодовъ поста; а, подобясь врачамъ, для вашей же пользы хотимъ обратить вниманіе ваше на состояніе души и сердца вашего. Ибо легко можетъ быть, что нѣкоторые, и желая спасенія душѣ своей, не умѣли воспользоваться поприщемъ великопостнымъ. Это бываетъ, напримѣръ, когда во время поста ограничиваются однимъ воздержаніемъ отъ пищи и питія, однимъ болѣе или менѣе частымъ хожденіемъ въ церковь, однимъ поверхностнымъ исповѣданіемъ своихъ грѣховъ предъ священникомъ, исправленіемъ какихъ-либо маловажныхъ недостатковъ въ своемъ поведеніи и жизни, тогда какъ для спасенія нашего требуется гораздо большаго,—необходима совершенная перемѣна нашихъ плотскихъ мыслей и чувствъ, всецѣлое обновленіе нашего духа и сердца, или, какъ выражается слово Божіе, цѣлое новое рожденіе свыше. Если кто имѣлъ неблагоразуміе остановиться на указанной нами малоплодной поверхности благочестія, тотъ да вѣдаетъ, что онъ, и много повидимому дѣлая, еще ничего не сдѣлалъ какъ должно; ему надобно трудиться снова, и начать, такъ сказать, съ начала. То-есть, что сдѣлать?—Углубиться въ свое сердце и совѣсть, убѣдиться, что, безъ освященія свыше, корень всѣхъ его дѣйствій, даже благихъ, есть самолюбіе. а не святая и истинная любовь къ Богу и ближнему,—что все, произрастающее отъ сего корня, есть нечисто предъ очами Божіими и не достойно царствія небеснаго; должно познать сіе и молить Господа, да Самъ изведетъ его изъ плѣна страстей и злыхъ навыковъ, да Самъ созиждетъ въ немъ сердце чистое и даруетъ ему духъ сокрушенъ,—то сердце, изъ коего сами собою явятся воистинну благія мысли и дѣянія; тотъ духъ, который одинъ можетъ быть пріятелищемъ даровъ благодатныхъ и обителію въ насъ Духа Божія.

Но какъ же сдѣлать все это, вопроситъ кто-либо, когда уже миновала святая Четыредесятница и пропущено время, самое удобное къ тому?—Точно, время поста есть весьма удобное къ сему важному дѣлу; но наступающіе дни страда-

ній Господнихъ, можно сказать, еще удобнѣе. Какъ на срединѣ земнаго шара подъ равноденственною линіею, или такъ-называемымъ экваторомъ, солнце дѣйствуетъ такъ сильно, что въ одинъ день выростаетъ болѣе, нежели у насъ въ недѣлю, такъ то же самое можно сказать и о наступающихъ дняхъ Страстей Христовыхъ. Это нашъ духовный экваторъ: тутъ сосредоточены всѣ лучи духовнаго Солнца. Не было бы только недостатка съ нашей стороны въ слезахъ истиннаго покаянія, а то въ часъ и минуту можетъ произойти съ душею и сердцемъ нашимъ то, чего въ другое время трудно ожидать отъ цѣлыхъ седмицъ и мѣсяцевъ.

Итакъ, да не теряетъ надежды никто! Да соберутся подъ знамя вѣры и креста всѣ отсталые! Да возвратятся къ своему мѣсту самые бѣглецы! На Голгоѳѣ всѣмъ вѣрующимъ доступъ; всѣмъ кающимся—прощеніе; всѣмъ, любящимъ воистинну—жизнь вѣчная! Аминь.

Слово въ субботу Лазареву.

Настоящій праздникъ можно назвать праздникомъ дружества. Іисусъ говоритъ: *Лазарь, другъ нашъ, успе* (Іоан. 11, 11), и спѣшитъ въ Виѳанію, не смотря на опасность тамъ для Своей жизни отъ іудеевъ. Ученики говорятъ также: *идемъ и мы, да умремъ съ нимъ* (Іоан. 11, 16), то-есть, говорятъ то, что могла внушать токмо самая пламенная дружба къ Лазарю. О Марѳѣ и Маріи, сестрахъ его, не возможно и сомнѣваться: ихъ душа и сердце какъ бы погребены вмѣстѣ съ братомъ и другомъ. Самые фарисеи, забывъ свои лицемѣрные виды и разсчеты, пришли въ Виѳанію не для чего другаго, какъ да утѣшатъ сестеръ о смерти брата. А при гробѣ Лазаря—тутъ Іисусъ даже прослезился,—и конечно не отъ унынія и печали, ибо сейчасъ скажетъ: *Лазаре, гряди вонъ*, а отъ любви и дружбы, для коихъ тяжело видѣть и на одну минуту возлюбленнаго Своего въ гробѣ, среди праха и тлѣнія.—Посему-то самые іудеи заговорятъ: *виждь, како любляше его* (Іоан. 11, 36)!—Итакъ, говорю, праздникъ настоящій можно, по всей справедливости, назвать праздникомъ дружбы.

Если когда потому, то нынѣ самый удобный случай для насъ наблюсти, какъ Господь поступаетъ съ Своими друзьями и возлюбленными.—Много ли Онъ любитъ ихъ? Такъ любитъ,

что проливаетъ слезы на ихъ гробѣ. Іисусъ не плакалъ на Своемъ крестѣ, а надъ Лазаремъ плачетъ; и сдѣлалъ для него то, чего не дѣлалъ ни для кого, ибо воскресилъ его изъ мертвыхъ, уже четыредневна и смердяща.

Но любовь сія дѣлаетъ ли друзей Господа вовсе неприкосновенными ни для какой скорби и искушеній? Напротивъ. Изъ примѣра Лазаря и сестеръ его особенно видно, какъ справедливо замѣчено Апостоломъ Павломъ, что *егоже любитъ Господь,* того *наказуетъ* и испытуетъ (Евр. 12, 6). Ибо смотрите, вотъ семейство, которое Господь постоянно отличалъ Своимъ вниманіемъ; среди коего, во время пребыванія Своего въ Іерусалимѣ, всегда находилъ для Себя дружескій пріютъ и успокоеніе, которому явилъ столько знаковъ Своей благорасположности, такъ что оно само уже нисколько не сомнѣвалось въ любви Его, а возлагало на Него полную надежду во всякомъ случаѣ; какъ и теперь, едва только Лазарь сдѣлался боленъ, дали Ему знать о томъ, въ увѣренности, что Онъ не медля явится и возвратитъ здравіе Своему болящему другу,—вотъ, говорю, семейство, святое, чистое, самое близкое къ Господу! И однако же какому великому искушенію и какой скорби подвергается оно теперь со смертію Лазаря! Господь, безъ сомнѣнія, могъ отвратить болѣзнь отъ Своего друга, но не отвратилъ; могъ сдѣлать ее по крайней мѣрѣ, не смертельною, но не сдѣлалъ; могъ поспѣшить чудомъ и придти въ Виѳанію на другой или третій день по смерти, но явился на пятый. Почему такъ и для чего? Потому и для того, чтобы сдѣлать и Лазаря и сестеръ его вполнѣ орудіемъ славы Божіей, дабы дать имъ—и печалію Своею, и болѣзнію брата, и самою смертію его, послужить великому дѣлу спасенія человѣческаго: *да прославится Сынъ Божій ея ради* (Іоан. 11, 4)! Такъ поступаетъ Господь съ другами и присными Своими! Онъ блюдетъ ихъ яко зеницу ока; безъ Его воли не падаетъ съ главы ихъ ни одного волоса, но это не значитъ того, чтобы Онъ непрестанно ущедрялъ ихъ только благодѣяніями, чтобы увеселялъ и питалъ ихъ сладостями, подобно какъ поступаютъ съ дѣтьми своими сердобольныя, но неразумныя матери, портя такимъ образомъ ихъ нравъ, пріучая ихъ къ изнѣженности и роскоши;—нѣтъ, Господь премудръ и не можетъ поступать такимъ образомъ; Онъ взираетъ не на удовольствіе, а на истинную пользу любящихъ Его и люби-

мыхъ Имъ; и для усовершенія ихъ въ вѣрѣ, любви, смиреніи и преданности, нерѣдко посылаетъ на нихъ такія искушенія, какихъ не видятъ надъ собою грѣшники. У кого, напримѣръ, изъ грѣшниковъ требовалъ когда Господь въ жертву Себѣ сына? А у Авраама требовалъ. Кто любезнѣе Ему былъ двенадесяти учениковъ Его? И всѣ они скончались за имя Его среди мученій—иной отъ меча, иной отъ креста, иной отъ камней. Все это не только по любви ихъ къ Господу, но и по любви къ нимъ Господа. Ибо для Него, яко Всемогущаго, ничего не стоило отвратить отъ нихъ всѣ искушенія, окружить ихъ даже всѣми видами счастія земнаго; но Онъ не сдѣлалъ сего, а напротивъ попустилъ обрушиться на нихъ всѣмъ бѣдствіямъ, да пренесеніемъ ихъ взойдутъ на большую высоту и достигнутъ свѣтлѣйшихъ вѣнцовъ, потому что ничто такъ не дѣлаетъ человѣка чистымъ, ничто такъ не возвышаетъ его въ духѣ и не приближаетъ къ Богу, какъ мужественное перенесеніе скорбей и напастей.

Престанемъ же, братіе мои, соблазняться и недоумѣвать, если видимъ, что кто-либо и изъ вѣрныхъ рабовъ Божіихъ не благоуспѣшается въ земныхъ дѣлахъ своихъ, терпитъ нападеніе или клевету, страдаетъ отъ болѣзни и другихъ золъ. Ужаснемся, напротивъ, и пожалѣемъ, когда срѣтимъ счастливаго во всемъ нечестивца, высящагося яко кедръ ливанскій. Ибо это значитъ, что онъ, яко неисправимый, предоставленъ уже самому себѣ и, по выраженію Писанія, воспріемлетъ, подобно богачу евангельскому, благая въ животѣ своемъ, дабы по смерти идти прямо во огнь геенскій.

Престанемъ унывать и отчаяваться, когда и насъ, не смотря на чистоту рукъ и правоту путей нашихъ, посѣтитъ какая-либо горесть и потеря. Напротивъ, если мы хотимъ быть воистину рабами Господними, то должны въ семъ случаѣ не падать, а возвышаться въ духѣ, утѣшаясь тою мыслію, что Господь взираетъ на насъ уже не какъ на малыхъ дѣтей, неспособныхъ ни къ какому трудному опыту и подвигу, а какъ на возросшихъ, отъ коихъ съ благонадежностію можно ожидать и требовать жертвъ и усилій. А для сего утвердимъ навсегда въ душѣ нашей мысль, что всѣ горести и напасти земныя, въ чемъ бы онѣ ни состояли и какъ бы велики ни были, коль скоро преносятся надлежащимъ образомъ, то есть. со смиреніемъ, вѣрою и преданностію въ волю Божію, то

никогда и ни въ чемъ не могутъ повредить намъ, а всегда доставляютъ, напротивъ, великую пользу душевную. Хотите знать—какую? Ту, что ослабляютъ въ насъ плотскаго человѣка, этого опаснѣйшаго врага нашему спасенію; ту, что подавляютъ въ насъ приверженность къ благамъ міра и его нечестивымъ утѣхамъ и обращаютъ мысли наши къ небу и вѣчности; ту, что приближаютъ насъ къ Богу, заставляя въ Немъ единомъ, яко неизмѣнномъ и вѣчномъ, искать для себя опоры и утѣшенія; ту, наконецъ, что видимо уподобляютъ насъ Господу и Спасителю нашему, Который. во время бытія Своего на землѣ, не царствовалъ и не блаженствовалъ, хотя имѣлъ на то все право, а ежедневно лишался, терпѣлъ и и страдалъ ради спасенія нашего. Аминь.

Слово въ Великій Понедѣльникъ на утрени.

Пришла наконецъ и великая седмица! Открылось божественное поприще страстей Христовыхъ! Тутъ столько свѣта для ума, самаго коснаго, столько огня для сердца самаго хладнаго, что намъ, служителямъ слова, можно бы уже умолкнуть, и вмѣстѣ съ симъ содѣлаться зрителями происходящаго, слушателями глаголемаго. Но, поелику сама Церковь не прекращаетъ слова, то и намъ нельзя оставить его. Будемъ отверзать уста, чтобы указывать вамъ, на что особенно каждый день обращать вниманіе. Это тѣмъ нужнѣе, особенно въ первые дни, что хотя Церковь и Евангеліемъ дневнымъ и пѣснопѣніями сама напоминаетъ каждый день о нѣкоторыхъ предметахъ, но они, не знаю почему, не пришли доселѣ въ общую народную извѣстность.

Многіе ли, напримѣръ знаютъ, что нынѣ творится память праведнаго Іосифа и смоковницы, пораженной проклятіемъ? — А воспоминаніе о сихъ предметахъ потому именно и усвоено настоящему дню, что въ нихъ содержится для насъ премного поучительнаго. Итакъ, обратимъ теперь вниманіе на святаго Іосифа, а среди литургіи разсмотримъ судьбу проклятой смоковницы.

Почему является въ нынѣшній день святый Іосифъ?—Потому, что онъ былъ прообразомъ Спасителя нашего. Ибо, надобно знать, братіе мои, что Спаситель нашъ кромѣ того, что

былъ предсказанъ Пророками, былъ и прообразованъ и лицами и вещами. Такъ напримѣръ жертвоприношеніе Исаака Авраамомъ прообразовало жертвоприношеніе Голгоѳское. Пребываніе три дня пророка Іоны во чревѣ китовѣ прообразовало тридневное пребываніе Спасителя во гробѣ. Вознесеніе Моисеемъ змія въ пустынѣ на крестъ для исцѣленія образовало вознесеніе на крестъ Іисуса во спасеніе всѣхъ. Повелѣніемъ—печь на огнѣ агнца пасхальнаго цѣлымъ, не сокрушая кости отъ него, прообразовано, что на крестѣ не будутъ пребиты голени у распятаго Спасителя. Но изъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ прообразованій Божественныхъ страстей Христовыхъ нѣтъ полнѣе, какъ—въ Іосифѣ. Праведникъ сей прообразовалъ собою не одно какое-либо обстоятельство въ страданіяхъ Господа, и не одну какую-либо сторону креста Его, а многія. Вообще, въ жизни его видимо отличаются два состоянія: уничиженія и прославленія, и послѣднее вышло изъ перваго такъ, что если бы не было уничиженія, то не было бы и славы. Такъ и въ жизни Господа: сначала уничиженіе, страданія, смерть и погребеніе, а потомъ воскресеніе, вознесеніе и посажденіе на престолѣ Отца, и все сіе за то, что Онъ былъ послушливъ даже до смерти крестныя. Въ частности, что ни черта въ жизни Іосифа, то сходство съ жизнію Господа, и особенно съ Его страданіями. Такъ, Іосифъ былъ любимѣйшимъ сыномъ отца: Спаситель есть возлюбленный Сынъ Отца небеснаго. Іосифъ посланъ былъ навѣстить братьевъ своихъ, бывшихъ внѣ дома отеческаго; но вмѣсто любви срѣченъ ненавистію, заключенъ въ ровъ и проданъ чужестранцамъ: Спаситель посланъ также съ неба посѣтить насъ въ землѣ странствія; пришелъ *къ своимъ*, къ братіямъ, къ народу іудейскому, *и свои Его не пріяша*, связали яко злодѣя и предали язычникамъ—римлянамъ. Іосифъ пострадалъ въ Египтѣ невинно, и однако же думали, что онъ виновенъ; Іисусъ грѣха не сотвори, и однакоже, предавшіе Его говорили: *аще не бы былъ Сей злодѣй, не быхомъ предали Его*. Изъ темницы, отъ крайняго униженія, Іосифъ взошелъ на верхъ почестей, сдѣлался спасителемъ Египта и посажденъ одесную царя: со креста и изъ гроба Іисусъ восшелъ на высоту, доставилъ спасеніе всему роду человѣческому, и посажденъ одесную Отца.

До такой подробности простирается сходство въ судьбѣ

праведнаго Іосифа съ судьбою Спасителя человѣковъ. Посему-то онъ нынѣ и воспоминается, дабы мы въ самомъ началѣ поприща крестнаго привели себѣ на память, что всѣ обстоятельства страданій Христовыхъ не только были предсказаны словами у Пророковъ, но и предъизображены въ жизни и дѣяніяхъ праведниковъ ветхозавѣтныхъ.

Что же изъ сего?—вопроситъ кто-либо. То, чтобы ты не смотрѣлъ на страданія Христовы, какъ на нѣчто случайное, такъ чтобы въ нихъ то зависѣло совершенно отъ чуда, то отъ Пилата. Нѣтъ, хотя дѣйствовали и люди, но все главнымъ образомъ зависѣло отъ Бога. Люди, самые злобные, въ семъ случаѣ—только то, чему судила—для блага всего міра—быть премудрость Божія. Посему-то Самъ Спаситель скажетъ Пилату: *не имаши власти ни единыя на Мнѣ, аще не бы ти дано свыше.*

Во-вторыхъ, подивись и возблагоговѣй предъ величіемъ тайны, которая за тысящи лѣтъ была предсказуема и прообразуема. Такъ и должно быть по самому ея величію, что къ ней явно и тайно, все направлено было въ ветхомъ завѣтѣ—и весь законъ нравственный, заставлявшій неумолимою строгостію искать и ожидать Ходатая и Искупителя, и законъ обрядовый, дававшій во всѣхъ жертвоприношеніяхъ своихъ видѣть то, что произойдетъ на Голгоѳѣ. А мнѣ кажется, что не много будетъ, если скажемъ, что и все въ мірѣ, самая неодушевленная природа своими законами и явленіями прознаменовала то же. Потому-то на Голгоѳѣ, въ часъ смерти Господа, покажетъ участіе свое вся тварь.

Самая жизнь и судьба Іосифа для насъ весьма поучительны. Это—образецъ чистоты, невинности, терпѣнія, потомъ—смиренія въ счастіи и великодушія къ своимъ гонителямъ. Будучи проданъ отъ братьевъ, отведенъ въ страну чуждую, находясь въ рабствѣ, какъ бы не потерять духа? Но Іосифъ не терялъ. Почему? потому что твердо вѣровалъ въ Бога отцевъ своихъ. Рабская доля не унизила ни его мыслей, ни его чувствъ, а можно сказать, еще возвысила, покрайней мѣрѣ, показала и обнаружила во всей лѣпотѣ. Какое искушеніе для юноши — красота женщины! Эта женщина была притомъ госпожею Іосифа, отъ нея зависѣло усладить участь, и преогорчить до послѣдней крайности: Іосифъ-рабъ не посмотрѣлъ ни на то, ни на другое. У него одно было—

что и надъ господами такъ же, какъ и надъ рабами, равно есть верховный Владыка, Коего, гдѣ дѣло идетъ о совѣсти, одного должно слушать. *Како сотворю глаголъ сей злый, и согрѣшу предъ Богомъ?* Мысль о Богѣ, значитъ, всегда окружала его и охраняла отъ всего злаго. Вотъ примѣръ для васъ, кои жребіемъ рожденія поставлены въ состояніе рабства! —Возноситесь мыслію къ Тому, Кто живетъ на небесахъ, будьте вѣрны своей совѣсти. Онъ, какъ Іосифу, не дастъ вамъ искуситься паче, неже можете понести.

Вотъ, Іосифъ въ темницѣ! — Чистота и невинность его скоро заблистали и въ этой тьмѣ. Будучи самъ узникомъ, онъ дѣлается, за свою безпорочность, начальникомъ и какъ бы смотрителемъ прочихъ узниковъ. Чудесное толкованіе сновъ двумъ несчастнымъ царедворцамъ, сопровождавшееся вѣрнымъ исполненіемъ, приводитъ его въ извѣстность правителю Египта, а изъясненіе его собственныхъ сновъ — не только выводитъ изъ темницы, но до того вводитъ въ довѣріе и любовь Фараона, что преждебывшій бѣдный узникъ становится первымъ по царѣ, пріемлетъ власть надъ всею страною. Какой благопріятный случай отмстить своимъ гонителямъ, легковѣрному Пентефрію, безстудной женѣ его, но Іосифъ и не думаетъ о семъ. Ихъ какъ будто не существуетъ для него. Подобное и съ братьями, кои такъ безжалостно поступили съ нимъ, продавъ его измаильтянамъ! Не только ни единаго наказанія, даже ни единаго упрека. Іосифъ напротивъ утѣшаетъ и ободряетъ ихъ, говоря: *вы совѣщасте на мя злая, Богъ же совѣща о мнѣ во благая.* Такъ поступаютъ рабы Божіи! Въ несчастіи они терпятъ и благодушествуютъ, въ счастіи смиряются и благотворятъ? Почему? Потому, что увѣрены въ Промыслѣ Божіемъ, убѣждены, что счастіе и несчастіе, хотя зависятъ и отъ людей, но посылаются и допускаются по распоряженію свыше. Это ихъ утѣшаетъ въ несчастіи, располагая и на него смотрѣть, какъ на даръ Божій.

Но меня особенно трогаютъ слова Іосифа, кои онъ говоритъ братьямъ, яко причину, почему они не должны его бояться: *не бойтеся, Божій бо есмь азъ.* То есть, какъ бы такъ говоритъ онъ: вамъ нѣтъ нужды опасаться меня, ибо я не свой, а Божій; у меня нѣтъ воли, кромѣ Божіей; моя личность, посему, и моя обида для меня ничто. И точно,

человѣка Божія нѣтъ причины бояться: страшны и опасны тѣ, кои не Божіи, кои водятся самолюбіемъ. О, таковые, какъ бы они ни казались мягки и человѣколюбивы,—страшны! У нихъ всегда могутъ вспыхнуть страсти, какъ огонь, и попалить васъ.

Еще также особенно трогательны слова, коими Іосифъ признается къ своимъ братьямъ, не узнававшимъ его: *азъ есмь Іосифъ, братъ вашъ!*—Такъ нѣкогда скажетъ и Господь Своимъ гонителямъ, и голгоѳскимъ и всѣмъ, кои послѣ распинали Его—иные своимъ вольнодумствомъ, иные своими грѣхами,—скажетъ, говорю, и Онъ всѣмъ не признававшимъ Его Божества: *Азъ есмь Іосифъ, братъ вашъ!*

Но, увы, сіи слова, хотя они и скажутся съ кротостію, произведутъ не то, что произвели слова Іосифовы въ братьяхъ его. Всѣ таковые, подобно имъ, признаютъ въ Іисусѣ своего Спасителя; но спасеніе уже будетъ чуждо для нихъ, ибо время милосердія прешло. Воззрятъ они *нань, Егоже прободоша;* но взоръ сей послужитъ только къ стыду и мукѣ. Тогда возопіютъ горамъ: падите на ны, и холмамъ. покрыйте ны отъ лица Сидящаго на престолѣ. И горы не падутъ, и холмы не покроютъ.

Братіе мои, если кто имѣлъ доселѣ несчастіе предавать Іисуса, не узнавать Его Божественнаго лица; тотъ да кается въ семъ теперь, доколѣ на землѣ. Теперь все примется, все забудется, все простится; но послѣ, исшедъ отсюда, прешедъ туда, напрасно будетъ самое обращеніе. Аминь.

Слово въ Великій Понедѣльникъ.

Утру же возвращься во градъ, взалка. И узрѣвъ смоковницу едину при пути, пріиде къ ней, и ничтоже обрѣте на ней, токмо листвіе едино, и глагола ей, да николиже отъ тебе плода будетъ во вѣки; и абіе изсше смоковница (Матѳ. 21, 18, 19).

Такова, братіе, сила Божественнаго глагола! Какъ всемощное: «да будетъ!» самому ничтожеству даетъ бытіе и жизнь, такъ всемощное: «да не будетъ!» все мертвитъ и уничтожаетъ.

Но что за перемѣна съ Господомъ и Спасителемъ нашимъ? Во все время служенія Своего, Онъ только училъ.

прощалъ, питалъ, исцѣлялъ и воскрешалъ, а теперь, подъ конецъ служенія,—изрекаетъ проклятіе! Почему и для чего такъ наказана смоковница?—Потому что она не удовлетворила гладу, какъ можно подумать, слыша слова: *взалка, и пріиде къ ней, и ничтоже обрѣте на ней?*—Но Кто провелъ сорокъ дней въ постѣ и, не смотря на гладъ, съ негодованіемъ отвергъ предложеніе искусителя—обратить камни въ хлѣбы, Тотъ могъ теперь потерпѣть голодъ еще нѣсколько часовъ, пока достигнетъ города; и всего менѣе могъ обратить чудодѣйственную силу Свою на отмщеніе невинному древу. И не Онъ ли Самъ говорилъ ученикамъ, когда они на источникѣ Сихемскомъ приглашали Его подкрѣпить Себя пищею: *Азъ брашно имамъ ясти, егоже вы не вѣсте: Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя* (Іоан. 4, 32. 34)? Ужели не достало сего божественнаго брашна теперь, когда предлежало довершить на Голгоѳѣ самую трудную часть опредѣленій сей всесвятой воли? И какъ бы, наконецъ, преподая ученикамъ наставленіе о вѣрѣ и молитвѣ по случаю проклятія этой смоковницы, Спаситель могъ сказать имъ: *егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого* (Марк. 11, 25), если бы Имъ Самимъ смоковница проклята была во гнѣвѣ и по личному неудовольствію на нее? Все сіе, не говоря уже о другихъ обстоятельствахъ, ясно показываетъ, братіе, что проклятіе смоковницы послѣдовало не въ отмщеніе или наказаніе древу (такой поступокъ былъ бы несообразенъ не только съ Божественнымъ достоинствомъ лица Іисусова, но и съ природою древа), а для цѣли высшей. Это было одно изъ тѣхъ дѣйствій символическихъ, коими Спаситель вмѣсто словъ выражалъ иногда высокія истины Своего ученія. Смоковница тѣмъ удобнѣе могла быть употреблена теперь символомъ, что она уже служила имъ нѣкогда въ одной изъ притчей Спасителя. Памятуете ли сію притчу? Вотъ она! *Смоковницу имяше нѣкій,* такъ говорилъ нѣкогда Господь народу, *въ виноградѣ своемъ всажденну: и пріиде ища плода на ней и не обрѣте. Рече же къ винареви: се третіе лѣто, отнелиже прихожду, ища плода на смоковницѣ сей, и не обрѣтаю: посѣцы ю убо, вскую и землю упражняетъ? онъ же отвѣщавъ рече ему: господи, остави ю и се лѣто, дондеже окопаю окрестъ ея, и осыплю гноемъ. И аще убо сотворитъ плодъ: аще ли же ни, во грядущее посѣчеши ю*

(Лук. 13, 6—9). У сей притчи, какъ видите, нѣтъ окончательнаго заключенія. Не видно, что послѣдовало по истеченіи грядущаго лѣта съ смоковницею: исправилась ли она и начала приносить плоды? Или осталась безплодною? Если осталась безплодною, то посѣчена ли дѣйствительно?—Не видно, говорю, этого. А видѣть это, то-есть, что угрозы Божественныя не суть праздныя слова, весьма нужно для насъ. Ибо плоть и кровь наша любятъ обманывать и усыплять духъ нашъ между прочимъ и ложнымъ упованіемъ, что Господь милостивъ, и потому не исполнитъ надъ нами угрозъ Своихъ. Настоящее проклятіе смоковницы ниспровергаетъ это обольщеніе чувственности, показывая рѣшительно, что какъ есть время милости и доготерпѣнія, такъ есть время суда и осужденія; что самая полнота любви, съ коею Божество явилось на землѣ въ лицѣ Богочеловѣка, служа прибѣжищемъ для покаянія, не есть защита для нераскаянности, и что та же любовь умѣетъ не только восходить на крестъ для искупленія кающихся, но изрекать осужденіе на нераскаянныхъ. Вотъ смыслъ символа смоковницы, вотъ цѣль ея проклятія!

Участь, постигшая безплодную смоковницу, первѣе всего выражала судьбу народа іудейскаго. Вчера былъ день для него самый рѣшительный: ожиданный Мессія явился предъ нимъ въ видѣ кроткаго Царя, предсказаннаго Пророками; надлежало узнать и признать Его въ семъ качествѣ; отъ сего зависѣло все. Почему Самъ Спаситель при входѣ въ Іерусалимъ со слезами изрекъ: «о, если бы ты хотя въ сей день твой уразумѣлъ то, что служитъ къ благосостоянію твоему!»—Іерусалимъ не уразумѣлъ сего; кромѣ восклицанія невинныхъ дѣтей: *осанна Сыну Давидову!* (Матѳ. 21, 15)—все прочее и великое и малое, и старое и юное осталось равнодушнымъ и неподвижнымъ,—смежило глаза, чтобы не видѣть, заткнуло слухъ, чтобы не слышать (Лук. 19, 42). Посему завтра, въ заключеніе послѣдней окончательной рѣчи къ народу въ храмѣ, Господь скажетъ: се, оставляется домъ вашъ пустъ! то-есть, скажетъ цѣлому народу подобное тому, что сказано сейчасъ смоковницѣ: отселѣ да не будетъ на тебѣ плода!

Но, изображая собою участь народа іудейскаго, проклятая смоковница выражаетъ судьбу и каждой души грѣшной

и нераскаянной. Всѣ мы, братіе, подобны древамъ, кои для того насаждаются небеснымъ Вертоградаремъ, для того поливаются, очищаются, окапываются, чтобы во время свое цвѣсть и приносить плоды. Души добродѣтельныя соотвѣтствуютъ сему святому предназначенію; почему само слово Божіе уподобляетъ ихъ древамъ, стоящимъ при исходищахъ водъ, кои всегда почти зеленѣютъ и бываютъ весьма плодоносны; а души грѣшныя и нераскаянныя суть древа безплодныя, кои множествомъ листьевъ только показываютъ видъ жизни, а на самомъ дѣлѣ ничѣмъ не награждаютъ трудовъ, надъ ними положенныхъ. Что дѣлать небесному Вертоградарю съ такими древами?—И Онъ, подобно земному вертоградарю, употребляетъ разныя средства къ ихъ поправленію. Но когда сіи средства, заботы и труды остаются безъ дѣйствія надъ нераскаяннымъ грѣшникомъ, правосудіе небесное изрекаетъ, наконецъ, грозное опредѣленіе—посѣчь безплодное дерево и бросить въ огонь!—Ангелъ смерти исполняетъ опредѣленіе сіе надъ бѣднымъ грѣшникомъ иногда съ такою внезапностію и рвеніемъ, что и нехотящій воспоминаетъ при семъ слова Давида: *мимо идохъ, и се не бѣ, взыскахъ и не обрѣтеся мѣсто его!* А иногда ознаменованный небеснымъ отверженіемъ грѣшникъ остается еще на нѣкоторое время въ живыхъ (подобно какъ проклятая и изсохшая смоковница, безъ сомнѣнія, еще занимала нѣсколько времени свое мѣсто); но сія жизнь страшнѣе самой смерти. Для имѣющихъ очи видѣть нѣтъ ничего жалче вида сихъ живыхъ мертвецовъ. Не смотря на роскошь и великолѣпіе, ихъ не рѣдко окружающее, на нихъ видимо лежитъ печать суда и отверженія; вокругъ нихъ хладъ и мертвенность; близъ нихъ уныніе и тайный страхъ.

Изсохшія убо смоковницы за неплодіе прещенія убоявшеся, братіе, плодъ достоинъ покаянія принесемъ Христу, подающему намъ велію милость. Аминь.

Слово въ Великій Понедѣльникъ.

Между церковными особенностями первыхъ трехъ дней недѣли настоящей главная та, что каждый день на часахъ читается по цѣлымъ Евангеліямъ. Не трудно угадать, для

чего установлено это чтеніе: очевидно, для того, чтобы, приближаясь ко дню смерти Господней, мы, вослѣдъ за читающимъ Евангелія, повторили и обозрѣли въ умѣ своемъ всю жизнь Его, дабы когда Онъ возгласитъ на крестѣ Своемъ: *совершишася,* намъ можно было яснѣе и раздѣльнѣе представить себѣ, что сдѣлано Имъ въ продолженіе земной жизни для нашего спасенія.

Уже по одному этому, а вмѣстѣ съ симъ и потому, что слушаніе Евангелія составляетъ великую сладость для души, надлежало ожидать, что если когда, то въ сіи три дня храмы наши будутъ наполнены слушателями. Но, на дѣлѣ выходитъ другое, почти противное. Этому чтенію Евангелій въ значительномъ числѣ внимаютъ развѣ токмо Ангелы, вину пребывающіе въ храмахъ нашихъ, а людей, въ большей части храмовъ бываетъ при семъ не много, очень не много. Даже изъ постоянно ходящихъ въ церковь, нѣкоторые стараются прійти нынѣ позднѣе, дабы явиться къ одной литургіи, когда часы со чтеніемъ Евангелій уже кончились.

Чего боятся при семъ?—Очевидно, утомленія отъ долгаго стоянія. Но Господь развѣ не утомлялся для насъ? Послѣ завтра вы услышите отъ святаго Іоанна, какъ Онъ, *утружден отъ пути, сѣдяше при источницѣ Іаковли* (Іоан. 4, 6). Однакоже это утомленіе не мѣшало Ему дѣлать Свое дѣло, бесѣдовать съ женою самарянкою и привести ее къ сознанію своихъ грѣховъ. И когда ученики говорятъ Ему: *Равви яждь,*—Онъ не оставляетъ Своего дѣла, не обращается къ пищѣ, а говоритъ: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя и совершу дпла Его* (Іоан. 4, 34). Вотъ какъ поступалъ для насъ Господь нашъ! А мы боимся простоять для Него лишній часъ!.. Ибо, долго ли продолжается чтеніе Евангелій? Много, если два часа.—Итакъ всего на все требуется пожертвовать въ цѣломъ году только шестью часами, дабы выслушать изъ устъ священнослужителя сказанія всѣхъ четырехъ Евангелистовъ о земной жизни Спасителя!—И такой жертвы, то есть. столь малой и ничего нестоющей, мы не можемъ принести!.. А, посмотрите, какъ поступаютъ съ собою при другихъ случаяхъ тѣ же самые люди, кои жалуются на усталость въ церкви! Сколько ночей отъ начала до конца проводится за игрою, которая удручаетъ и тѣло и душу! Сколько часовъ гибнетъ на балахъ въ круженіи, ко-

торое, еслибы не сдѣлалось обыкновеннымъ отъ частаго употребленія, то могло бы быть налагаемо въ видѣ наказанія!— Тутъ нѣтъ ни долготы времени, ни утомленія: сами говорятъ, что остались безъ ногъ, и спѣшатъ снова туда же, гдѣ отнимаютъ, къ сожалѣнію, не ноги токмо, а нерѣдко душу и совѣсть.—Подобное же долготерпѣніе оказываютъ многіе и въ другихъ случаяхъ, гдѣ идетъ дѣло объ угожденіи плоти и міру! Для одной церкви и богослуженія нѣтъ у насъ этой терпѣливости; для одного Спасителя нѣтъ у насъ лишнихъ шести часовъ въ году! И въ какое время? когда Онъ идетъ за насъ на крестъ!

Престанемъ же обнаруживать такъ безразсудно нашу неблагодарность и безчувствіе. Поймемъ душеспасительное намѣреніе Церкви, и начнемъ пользоваться попеченіемъ ея о спасеніи нашемъ. Ибо уставъ—читать въ настоящіе дни Евангелія, весьма благодѣтеленъ уже тѣмъ, что не умѣющіе читать сами, каковыхъ весьма много, могутъ въ это время выслушать всѣ Евангелія, отъ начала до конца, и такимъ образомъ возымѣть нѣкоторое понятіе о всей жизни Господа въ ея божественной полнотѣ и совокупности, что весьма душеспасительно. Для сего стоило бы каждому простоять не только часъ или два, а и цѣлый день.

«Но по этому самому—скажетъ кто-либо—для меня не нужно присутствовать въ сіе время въ церкви, ибо я умѣю читать самъ, и Евангеліе могу прочитать дома гораздо съ большимъ удобствомъ». Знаешь ли, что мы скажемъ тебѣ на сіе въ отвѣтъ, возлюбленный? То, что если ты не хочешь прослушать всего Евангелія въ церкви, то мы не вдругъ повѣримъ, чтобы ты занялся прилежнымъ чтеніемъ его дома. Почему такъ? Потому, что еслибы ты дѣйствительно любилъ читать со вниманіемъ Евангеліе дома, то оно привлекло бы тебя на слушаніе его и въ церкви.—Да, Евангеліе не такая книга, которую, разъ прочитавъ, потомъ не хочется читать, какъ бы она хороша ни была; Евангеліе, напротивъ, на первый разъ можетъ читаться со скукою, но чѣмъ болѣе будешь читать и узнавать его, тѣмъ сильнѣе оно начнетъ привлекать тебя, такъ что ты каждый день будешь въ немъ находить что-либо новое въ пищу души и сердца. И это такъ и должно быть по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что предметомъ Евангелія есть земная жизнь Бого-

человѣка, Господа и Спасителя нашего, а это такой предметъ, въ коемъ тайна на тайнѣ, коего всю глубину не понять не только намъ, а и Ангеламъ. Ибо не напрасно сказано Павломъ: *велія благочестія тайна; Богъ явися во плоти* (1 Тим. 3, 16)! Не напрасно и Евангелистомъ Іоанномъ замѣчено въ концѣ Евангелія, что если бы изъ дѣяній Господа *вся по единому писана быша,* то *ни самому всему міру вмѣстити* бы *пишемыхъ книгъ* (Іоан. 21, 25). Каждый разъ, раскрывая Евангеліе, можно видѣть только одну часть неизмѣримой картины, и то малую, а всей никогда нельзя обнять, хотя бы всю жизнь читать и размышлять о читаемомъ. Во-вторыхъ, Евангеліе неисчерпаемо и всегда ново въ назиданіи, потому что его начертала не рука человѣческая, а Духъ Святый, Который водилъ и управлялъ этою рукою. Поелику Сей Духъ знаетъ все, *испытуетъ* самыя *глубины Божія,* то, не смотря на крайнюю простоту и безъискусственность рѣчи евангельской, она устроена такъ премудро, что никогда не теряетъ силы и сладости для читающаго и слушающаго, сколько бы разъ ни читать и слушать, а напротивъ становится тѣмъ питательнѣе, чѣмъ болѣе знакомится и, такъ сказать, роднится съ нею наше сердце. Посему-то, говорю, трудно повѣрить, чтобы тотъ не захотѣлъ простоять лишній часъ для слышанія Евангелія въ церкви, кто привыкъ находить удовольствіе отъ чтенія его дома. Напротивъ, оттого-то, по всей вѣроятности, не хотятъ слышать его и въ церкви, что никогда не читали его, по надлежащему, дома, и не снискали въ немъ для себя вкуса. Можетъ быть, и брали иногда въ руки Новый Завѣтъ, и читали по нѣскольку часовъ, но читали съ принужденіемъ и скукою, какъ это бываетъ со многими, испортившими вкусъ свой отъ чтенія худыхъ и душетлѣнныхъ книгъ. Въ такомъ случаѣ, чтеніе Евангелія, какъ лекарство, можетъ показаться даже весьма непріятнымъ. Но, когда, не смотря на это, продолжаютъ читать, то непріятность постепенно исчезаетъ, пробуждается духовная алчба къ читаемому; оно со дня на день становится слаще для души, а наконецъ обращается въ ежедневную необходимость. Кто достигъ сего, тотъ готовъ слышать Евангеліе гдѣ бы то ни было снова, тѣмъ паче въ церкви. Ибо слышимое въ церкви съ амвона, изъ устъ священнослужителя, Евангеліе оказываетъ нерѣдко особенную

силу и дѣйствіе въ сравненіи съ чтеніемъ его домашнимъ.— Откуда это особенное дѣйствіе? Можетъ быть, и отъ священной торжественности чтенія. Ибо что дѣлается дома. нами самими, запросто. то по тому самому не такъ сильно дѣйствуетъ на душу. Съ другой стороны, душа наша въ церкви бываетъ гораздо воспріимчивѣе для дѣйствія слова Божія, будучи преднастроена къ тому и святостію мѣста, и зрѣніемъ священнодѣйствій, и слышаніемъ умилительныхъ пѣснопѣній. Но болѣе всего причиною особеннаго дѣйствія въ церкви Евангелія—благодать Божія, которая и вездѣ сопровождаетъ это чтеніе, но наипаче въ церкви. яко естественномъ и постоянномъ жилищѣ благодати. Посему, кто думаетъ замѣнить слушаніе Евангелія въ церкви чтеніемъ его дома, тотъ тяжко ошибается и много теряетъ. Въ случаѣ необходимости, когда нельзя поступать иначе, такая замѣна терпима и хороша; въ противномъ случаѣ, не только непохвальна, но и составляетъ грѣхъ.

Такимъ образомъ, братіе мои, великая недѣля началась у насъ нынѣ невольнымъ обличеніемъ что дѣлать?—Давно замѣчено Премудрымъ, что лучше *язва друга, нежели лобзаніе врага* (Притч. 27, 6); лучше, скажемъ и мы, обличеніе, даже наказаніе отъ Церкви, нежели похвалы и величанія отъ міра. Когда же и намъ выговорить и вамъ услышать что-либо не такъ пріятное, но душеполезное, какъ не въ нынѣшніе дни? Это по преимуществу, въ цѣломъ году, дни покаянія и самоисправленія во всемъ, въ продолженіе коихъ надобно осматривать все, что въ насъ есть худаго и противнаго дѣлу нашего спасенія, осматривать и исправлять. Иначе, домы наши выйдутъ къ празднику лучше душъ и сердецъ нашихъ. Ибо среди ихъ у самыхъ бѣдныхъ людей происходитъ въ настоящіе дни полное преобразованіе: все приметается, чистится и упорядочивается. Ужели же среди предпраздственнаго обновленія одной душѣ остаться у насъ съ прежнимъ безпорядкомъ и недугами?—Да не будетъ! Аминь.

Слово въ Великій Понедѣльникъ.

Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный! и одежды не имамъ, да вниду въ онь: просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя!

Въ одной изъ притчей евангельскихъ будущее царствіе небесное изображено, братіе мои, подъ видомъ вечери брачной, которую одинъ могущественный царь устроилъ по случаю бракосочетанія сына своего.

Сообразно важности случая, на эту вечерю приглашено все, что только было ближайшаго къ царю по своему мѣсту и званію; но, къ крайнему удивленію всѣхъ, сіи званные, эти близкіе, имѣли безразсудство отказаться отъ вечери: одинъ, какъ говоритъ Евангеліе, пошелъ въ это время *на село свое,* другой—*на купли своя* (Матѳ. 22, 1—14). И презрители дома и чести царевой были немедленно наказаны со всею строгостію. Между тѣмъ, чтобы приготовленная вечеря не осталась безъ гостей, царь велѣлъ слугамъ своимъ выдти на распутія и пригласить всѣхъ, кто только явится на встрѣчу. Такимъ образомъ домъ царевъ немедленно наполнился гостями, и всѣ они начали веселиться свѣтло. Среди пира самъ царь, по обычаю домовладыкъ, вошелъ *видѣти возлежащихъ.* Всѣми остался онъ доволенъ, какъ и всѣ имъ, одинъ только гость принудилъ его собою, среди всеобщаго довольства и веселія, обнаружить свой праведный гнѣвъ и даже показать примѣръ строгости. Ибо—вообразите—вмѣсто сколько-нибудь приличной и дню и мѣсту одежды, этотъ безразсудный явился на вечерю въ своемъ ежедневномъ платьѣ, которое видимо отзывалось нечистотою его образа жизни. Царь обратился однакоже къ нему съ кроткимъ вопросомъ: *друже, како вшелъ еси сюда, не имый одѣянія брачна?* Но когда виновный не могъ сказать въ отвѣтъ ни одного слова, обнаруживая симъ, что, идя къ царю, онъ ни мало не подумалъ о томъ, куда и за чѣмъ идетъ, то царь, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, повелѣлъ не только изгнать его вонъ изъ чертога, но и предать на заключеніе во тьму кромѣшнюю.

Этою царскою вечерію, какъ мы сказали, изображено въ Евангеліи царствіе небесное. Званные на вечерю, но вознебрегшіе зовомъ и не явившіеся, суть неразумные іудеи,

кои, за беззаконное отверженіе Іисуса Христа и Апостоловъ Его, лишились отечества и преданы съ тѣхъ поръ всемірному разсѣянію. Призванные потомъ на вечерю съ распутій и халугъ—это всѣ мы бѣдные грѣшники, кои призваны въ Церковь Христову съ распутій идолопоклонства. Новая одежда брачная, въ коей надлежало явиться на вечерю,—это одежда оправданія, снискиваемая раскаяніемъ во грѣхахъ своихъ и вѣрою въ заслуги Христовы. Гость оказавшійся не имущимъ одѣянія брачна и однакоже дерзнувшій появиться вмѣстѣ съ другими на вечери,—это христіанинъ лжеименный, который, вмѣстѣ съ другими, говоритъ: *вѣрую и исповѣдую*; *чаю жизни будущаго вѣка*, а живетъ и дѣйствуетъ, какъ невѣрный, и весь преданъ суетамъ вѣка настоящаго.

Таковъ братіе мои, разумъ притчи евангельской о вечери и чертогѣ брачномъ, таково отношеніе ея къ дѣлу нашего спасенія! Сія же самая притча служитъ основаніемъ и того умилительнаго пѣснопѣнія, коимъ святая Церковь оглашаетъ слухъ нашъ въ продолженіе настоящихъ дней. Христіанинъ представляется здѣсь видящимъ предъ собою тотъ пренебесный чертогъ, въ коемъ учреждена божественная вечеря для всѣхъ уневѣстившихъ себя Жениху душъ и сердецъ: *чертогъ Твой вижду, Спасе Мой!* Видъ неизреченнаго блаженства привлекаетъ его, и онъ хотѣлъ бы войти на вечерю и присоединиться къ священному лику празднующихъ, но взоръ на себя самого останавливаетъ его. Онъ помнитъ злополучную участь того, кто имѣлъ безразсудство явиться на вечери царской, *не имый одѣянія брачна*; чувствуетъ въ то же время, что у него нѣтъ сего драгоцѣннаго одѣянія, что одежда его, то-есть, дѣла и жизнь, мрачна, ветха и отвратительна: *и одежды не имамъ, да внѣду въ онь.* Послѣ сего надлежало бы оставить желаніе быть на вечери; но какъ оставить, когда туда стремится все существо его?—И вотъ, скудный одѣяніемъ, но не вѣрою и любовію, онъ обращается съ прошеніемъ къ Тому, Кто силенъ восполнить все недостающее, Кто свѣтомъ Своимъ можетъ просвѣтить всякую тьму, и молитъ Его оказать ему сію великую милость: *просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя!*

Бывали-ль мы съ тобою, возлюбленный слушатель, въ подобномъ состояніи души и сердца? Если не бывали, то

святая пѣснь Церкви не по насъ, и намъ нужно размышлять еще не о чертогѣ царскомъ и вечери брачной, а о плѣнѣ вавилонскомъ и тьмѣ египетской, въ коихъ находимся мы съ тобою. Но есть люди, предъ умственными очами коихъ выну чертогъ Жениха небеснаго, которые куда ни пойдутъ, что ни начнутъ дѣлать, утромъ и вечеромъ, днемъ и ночью, созерцаютъ его предъ собою: *чертогъ Твой вижду, Спасе мой!* Такіе люди употребляютъ всѣ свои силы и средства къ тому, чтобы очистить душу и сердце свое отъ всѣхъ сквернъ мірскихъ и стяжать одѣяніе брачное; не упускаютъ ни одного случая убѣлить душевныя ризы свои,—то въ крови Агнчей—въ заслугахъ дражайшаго Искупителя, то въ собственныхъ слезахъ, текущихъ отъ сердца сокрушеннаго и духа смиреннаго, то въ купели любви и милосердія къ своимъ ближнимъ; но никогда не почитаютъ себя достигшими желаннаго совершенства. Ибо та же благодать Духа, которая открываетъ имъ красоту и величіе благъ небесныхъ, уготованныхъ любящимъ Господа, даетъ видѣть имъ и всю нечистоту нашей падшей природы, все несовершенство самыхъ благихъ дѣлъ нашихъ; постоянно указуетъ имъ въ сердцѣ ихъ новые и новые остатки зла и нечистоты грѣховной. Посему, какъ бы высоко ни стояли они, всегда бываютъ проникнуты чувствомъ глубокаго смиренія; не стыдятся подобно Апостолу Павлу, называть себя первыми изъ грѣшниковъ, и, не видя въ себѣ самихъ возможности очистить себя, *якоже Онъ чистъ есть* (Іоан. 3, 3), на ряду съ послѣдними грѣшниками взываютъ изъ глубины души: *просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя!*

Очевидно, братіе мои, что большая часть изъ насъ не имѣетъ счастія принадлежать къ сему, какъ Самъ Спаситель называетъ его, малому числу избранныхъ. Но, съ другой стороны, ужели кто-либо изъ насъ рѣшился принадлежать явно къ ужасной толпѣ людей отверженныхъ? Нѣтъ, такого духовнаго безчувствія и омертвенія, такой ненависти къ самимъ себѣ, такой любви и, такъ сказать, пристрастія къ аду, нѣтъ въ самыхъ ожесточенныхъ грѣшникахъ. И въ ихъ душѣ слышится по временамъ голосъ совѣсти; и ихъ сердце посѣщается омерзѣніемъ ко грѣху; и надъ ними дѣйствуетъ иногда сила благодати, не оставляющей человѣка до самыхъ послѣднихъ минутъ бытія его на земли; нѣтъ только рѣ-

шимости разорвать узы грѣха; недостаетъ токмо спасительнаго принужденія своей злой воли, и усилія возникнуть отъ сѣти діавольской.

Станемъ же, возлюбленный слушатель, станемъ со всѣми узами и язвами нашими предъ свѣтоноснымъ лицемъ всемилосердаго Спасителя нашего; станемъ и воззовемъ къ Нему изъ глубины души: буди милосердъ, Владыко, и ко мнѣ, бѣдному созданію Твоему! Какъ ни далеко заблудилъ я отъ прага дому Твоего, какъ міръ и страсти ни заслѣпили очей сердца моего, какъ ни оземленѣлъ я всѣмъ существомъ моимъ, какъ ни глубока пропасть грѣха, въ коей держитъ меня врагъ мой, но и я, недостойный, подъемлемый силою благодати Твоей, не оставляющей самаго послѣдняго изъ грѣшниковъ, озаряемый свѣтомъ Евангелія, вразумляемый примѣромъ избранныхъ рабовъ Твоихъ, возношусь иногда мыслію до той святой высоты, съ коей все дольнее и земное кажется малымъ и ничтожнымъ, а все небесное, святое, вѣчное, видимо приближается ко мнѣ и какъ бы зоветъ къ себѣ: *чертогъ Твой вижду, Спасе мой!* О, какъ въ немъ все чисто и свято, какъ все свѣтло и радостно! Лучше, воистину лучше, приметаться у прага сего чертога, нежели возсѣдать и царствовать въ селеніяхъ грѣшничихъ: *чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный!* Вижду и то, что, не смотря на всю мою нечистоту и недостоинство, и для меня есть мѣсто въ семъ чертогѣ, что и мое бѣдное имя не забыто Тобою, а вписано въ число искупленныхъ и предназначенныхъ къ блаженству во царствіи Твоемъ. Все давно зоветъ меня къ Тебѣ; и я готовъ идти на божественную вечерю Твою, но какъ явиться предъ свѣтлое лице Твое съ моею тьмою и наготою, съ моими рубищами и язвами грѣховными? Была у меня одежда невинности въ Эдемѣ, украшалъ меня тамъ самый драгоцѣнный образъ Твой, но явился лукáвый змій, похитилъ у меня сію одежду: и оттолѣ *лежу нагъ и стыждуся*. Было у меня потомъ и другое царское облаченіе отъ Тебя—безцѣнная одежда заслугъ Сына Твоего, въ которую облекла меня при крещеніи св. Церковь, но пришли съ лѣтами нечистые помыслы, злыя пожеланія и страсти; совлекли съ меня нешвенный хитонъ оправданія благодатнаго:—оттолѣ *лежу нагъ и стыждуся*. Омывался и послѣ я не разъ въ таинственной купели покаянія; убѣлялся паче снѣга прича-

щеніемъ святыхъ и животворящихъ Таинъ, но вскорѣ паки, безумный, возвращался къ блату мірскихъ забавъ и утѣхъ; погружался еще глубже въ тину невоздержанія и сладострастія. Что мнѣ теперь дѣлать? Куда обратиться? Кто сниметъ мракъ и язвы съ моей совѣсти? Кто покроетъ наготу души моей? Напрасно обратился бы я за симъ къ тварямъ, меня окружающимъ: онѣ сами воздыхаютъ отъ ужасной работы истлѣнію, коей покорило ихъ преступленіе Адамово; сами ожидаютъ отъ меня освобожденія изъ плѣна. Вотще молилъ бы я о семъ самыхъ небожителей и Ангеловъ: у нихъ много свѣта и любви; но ихъ одежда не по мнѣ, ибо я землянъ и смертенъ. Куда ни посмотрю, явно вижу, что не къ кому прибѣгнуть мнѣ, кромѣ Тебя же, о всемилосердый Владыко и Судіе мой. Тебя, Который умеръ за насъ, еще грѣшниковъ сущихъ, Который доселѣ долготерпѣливо ожидаешь обращенія моего. Твой, Господи, чертогъ: Твоя да будетъ и одежда!—Просвѣти, Свѣтодавче, одѣяніе души моей! Просвѣти!... Я не молю Тебя о свѣтѣ Ѳаворскомъ: пусть остается онъ удѣломъ и наградою присныхъ и друговъ Твоихъ! Озари меня хотя свѣтомъ Синайскимъ, да вижду ясно путь заповѣдей Твоихъ, и, проникнутый страхомъ Твоего всемогущества, начну ходить непреткновенно въ оправданіяхъ Твоихъ!—Не скрой отъ меня свѣта Голгоѳскаго, да узрю силу и необходимость, для спасенія людей, животворящаго Креста Твоего, и займу отъ него мужество и святую рѣшимость умерщвлять плоть мою съ ея страстями и похотями! Осѣни меня сіяніемъ свѣта Сіонскаго, да, облеченный силою свыше, благодатію Духа-Утѣшителя, не устрашусь борьбы съ соблазнами міра и съ злыми моими навыками! Да посѣтитъ, наконецъ, о Всеблагій, мрачную душу мою хотя единый лучъ свѣта съ Елеона, да не опущу изъ вида той блаженный стези, по которой взошелъ Ты ко Отцу Твоему на небо, и коею должно востекать къ Тебѣ всѣмъ, желающимъ обрѣстись на божественной вечери въ богосвѣтломъ чертогѣ Твоемъ! Аминь.

Слово въ Великій Вторникъ.

Се Женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща; недостоинъ же паки, егоже обрящетъ унывающа. Блюди убо, душе моя, не сномъ отяготися, да не смерти предана будеши, и царствія внѣ затворишися· но воспряни, зовущи· святъ, святъ, святъ еси, Боже, Богородицею помилуй насъ!

Кто сей таинственный Женихъ, грядущій въ полуночи? Къ кому грядетъ Онъ, и что означаетъ сія полночь? И опять, кто сей рабъ, выну бдящій и потому блаженный, и кого разумѣть подъ рабомъ унывающимъ, а потому недостойнымъ срѣтить Жениха?

Быть не можетъ, братіе мои, чтобы сіи вопросы не были уже многими изъ васъ предложены самимъ себѣ и рѣшены, по указанію Евангелія и сообразно потребностямъ ихъ души и сердца, такъ что когда святая Церковь возглашаетъ: *се Женихъ грядетъ!* они знаютъ уже, Кого при семъ ожидать, и что требуется отъ каждаго изъ насъ для Его срѣтенія. Но *не во всѣхъ,* какъ говоритъ Апостолъ, *разумъ* (1 Кор. 8, 7). Есть люди, кои и среди полудня имѣютъ нужду въ вожатаѣ, одни по слабости зрѣнія, другіе по незнанію пути, хотя онъ и не далекъ отъ нихъ, а иные и по нежеланію идти. Посему не будетъ излишне, если и мы, по приличію настоящаго дня, размыслимъ вслухъ всѣхъ о пришествіи Жениха, дабы и не размышлявшій о семъ доселѣ могъ ясно увидѣть, кто онъ—рабъ бдящій и посему блаженный, или унывающій и недостойный, и потому отвергаемый?

Итакъ, скажемъ, что Женихъ дивный, грядущій въ полуночи, есть дражайшій Спаситель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ. Между многими знаменательными названіями, кои усвояются Ему въ словѣ Божіемъ, Онъ носитъ имя и нашего Жениха, потому что душа наша обручена Ему, какъ невѣста жениху, на всегдашнее и совершенное соединеніе съ Нимъ вѣрою, любовію и блаженствомъ. *Обручихъ васъ,* пишетъ Апостолъ Павелъ Коринѳянамъ, *обручихъ васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови* (2 Кор. 11, 2). Это святое обрученіе—со стороны Божественнаго Жениха нашего—произошло на крестѣ, гдѣ Онъ изъ любви къ намъ, для искупленія душъ нашихъ отъ грѣховъ и проклятія, и для усвоенія насъ Себѣ на всю вѣчность,—претерпѣлъ смерть

и пролилъ всю кровь Свою. А съ нашей стороны это драгоцѣнное обрученіе, по Его же непосредственному распоряженію, совершается въ таинствѣ крещенія, гдѣ, отрекшись міра, плоти и діавола, мы, яко невѣста жениху, сочетаваемся Христу и Богу нашему. Со времени сего обрученія, мы уже, какъ выражается Апостолъ Павелъ, *не свои,* а принадлежимъ—душою и тѣломъ—Искупителю и Господу нашему.

Какъ между нами людьми бываетъ, что за обрученіемъ не вдругъ слѣдуетъ бракъ, и обрученные разлучаются другъ отъ друга на нѣкоторое время до брака, такъ то же самое произошло и въ нашемъ обрученіи со Христомъ. Бракъ, по многимъ и важнымъ причинамъ, отложенъ, и Самый Женихъ, для нашего же блага, долженъ былъ удалиться отъ насъ. Это послѣдовало, какъ извѣстно, въ четыредесятый день по воскресеніи Его, когда Онъ, вознесся съ Елеона на небо. Много знаковъ любви оставлено Имъ при насъ въ залогъ нашего союза съ Нимъ: съ нами святое слово Его, съ нами животворящій крестъ Его, съ нами пречистое Тѣло и Кровь Его, съ нами Церковь, наперсница совѣтовъ Его и наша невѣстоводительница, съ нами таинства Церкви и сама благодать Духа Пресвятаго; но, Самъ Онъ, Женихъ душъ нашихъ, съ тѣхъ поръ невидимъ и пребудетъ таковымъ до конца нашей разлуки съ Нимъ, то есть, до послѣдняго дня міра, когда Онъ паки явится во славѣ для совершенія всемірнаго торжества брачнаго.

Долго ли продлится эта разлука, сіе замедленіе таинственнаго брака Агнча? О семъ вѣдаетъ только Самъ Женихъ душъ и сердецъ.—Когда пріидетъ Онъ, въ какой годъ и день, въ какую пору и часъ? Опять тайна для всѣхъ. *О днѣ и часѣ томъ,* сказалъ Самъ Онъ, *никтоже вѣсть, ни Ангели небеснїи* (Матѳ. 24, 36). И вотъ, сія-то глубокая неизвѣстность составляетъ ту таинственную полночь, въ которую, какъ говорится въ разсматриваемомъ нами пѣснопѣніи, Женихъ пріидетъ, ибо полночь у насъ есть такое время, когда прекращаются не только всѣ дѣла, но и всѣ ожиданія, и люди, ничего больше не ожидая, предаются сну.

Поелику такимъ образомъ время пришествія небеснаго Жениха неизвѣстно, а съ другой стороны нигдѣ не сказано, чтобы это пришествіе послѣдовало не иначе, какъ спустя весьма долгое время, то явно, что оно можетъ послѣдовать

всегда, во всякій день и часъ; а посему тѣмъ, кои обручены небесному Жениху, то есть, всѣмъ намъ, должно быть всегда готовыми къ срѣтенію Жениха, ожидать Его выну, не отлучаться, такъ сказать, никуда вдаль, не заниматься ничѣмъ такимъ, что бы могло помѣшать явиться вовремя къ Его приходу. Такъ именно заповѣдалъ намъ Самъ Женихъ, предъ Своею разлукою съ нами: *бдите убо*,—говорилъ Онъ,—*яко не вѣсте дне, ни часа, въ оньже Сынъ Человѣческій пріидетъ* (Матѳ. 25, 13).

Тѣ, кои вѣрны своему обрученію и обѣту, кои истинно возлюбили Жениха душъ, тѣ такъ всегда и поступали, и нынѣ поступаютъ. Они выну на стражѣ; первое и послѣднее ожиданіе ихъ въ жизни есть чаяніе пришествія Жениха. Услышать гласъ: *се Женихъ грядетъ!* было бы верхомъ ихъ земнаго блаженства. Чтобы сдѣлать себя способнѣе къ ожиданію и срѣтенію Его, многіе изъ нихъ вовсе оставляли для сего міръ и все, что въ мірѣ; отрекались навсегда отъ самыхъ невинныхъ удовольствій и связей земныхъ, дабы, по слабости природы, занявшись слишкомъ чѣмъ-либо житейскимъ, не охладить любви въ душѣ къ Жениху, не раздвоить вниманія и усердія, не отяжелѣть духомъ и не предаться сну чувственности. Другіе, не оставляя міра, участвуя во всѣхъ его движеніяхъ и дѣлахъ, и живутъ однако же такъ, какъ бы они были не въ мірѣ; не прилѣпляютъ ни къ чему сердца своего; всѣ житейскія дѣла и отношенія свои подчиняютъ одному началу—любви къ Іисусу,—и гдѣ бы ни были, чѣмъ бы ни занимались, всегда готовы оставить съ радостію всѣ дѣла и всѣ пріобрѣтенія земныя, по первому гласу о пришествіи Жениха. Всѣ таковые, и внѣ міра и въ мірѣ живущіе, очевидно, суть рабы бдящіе: Женихъ видитъ ихъ усердіе, уготовляетъ для каждаго изъ нихъ вѣнецъ славы; и они блаженны воистину, какъ бы ни была низка и горька участь ихъ на землѣ, ибо всѣ здѣшнія лишенія и страданія, коимъ они могутъ подвергаться, временны и скоропреходящи, а въ будущемъ ихъ ожидаетъ за сіе такое блаженство, коего око не видѣ, ухо не слыша, и которое не восходило на самое сердце человѣческое.

Но есть изъ обрученныхъ небесному Жениху и такіе, кои совершенно забыли о своихъ обѣтахъ, не помнятъ даже того, что у нихъ есть Женихъ, что прихода Его надобно

ожидать выну, и что худо, крайне худо, будетъ тому, кто, во время пришествія Его, обрящется спящимъ. Много ли таковыхъ людей между христіанами? Такъ много, что слово Божіе называетъ ихъ потому—всѣми: *косняшу же Жениху*, говорится, *воздремашася вся, и спаху* (Матѳ. 25, 5).

И подлинно, братіе мои, много ли можете вы указать такихъ христіанъ, о коихъ съ увѣренностію можно бы сказать: се рабъ бдящій въ самой полунощи! Будущее пришествіе Господа и Спасителя нашего содѣлалось такимъ предметомъ, о коемъ никто и не говоритъ, а если бы кто и заговорилъ гдѣ-либо, то показался бы человѣкомъ страннымъ, занимающимся такими вещами, кои не заслуживаютъ вниманія людей, такъ называемыхъ, дѣловыхъ и образованныхъ. Между тѣмъ, будущее пришествіе Господа есть событіе, чрезвычайно важное для каждаго, отъ коего вполнѣ зависитъ вѣчная судьба наша, съ коимъ должны пріити къ намъ или всѣ блага, или всѣ бѣдствія, и все это не можетъ возбудить въ насъ вниманія, и все это—какъ дѣло, намъ вовсе чуждое! Напрасно Евангеліе говоритъ съ силою: *бдите, яко не вѣсте дне, ни часа, въ оньже Сынъ Человѣческій пріидетъ!* Напрасно святая Церковь восклицаетъ: *се Женихъ грядетъ въ полунощи!* Мы слышимъ и не внемлемъ; слышимъ и, вмѣсто того, чтобы готовиться къ срѣтенію Жениха, безпечно предаемся суетамъ мірскимъ, какъ бы намъ оставаться на землѣ вѣчно. Сколько найдется христіанъ, оканчивающихъ уже жизнь свою, кои даже не вѣдаютъ, что у души ихъ есть Женихъ. и что они могутъ даже дожить до Его пришествія!.. Что виною такой непростительной холодности къ небесному Женихѹ душъ и сердецъ? Виною наше безмѣрное пристрастіе къ благамъ земнымъ, наше погруженіе въ чувственность. Сердце наше раздѣлено на столько предметовъ. что въ немъ нѣтъ уже мѣста для Возлюбленнаго. Все отдано міру и плоти! Все въ плѣну у похотей и страстей!

Напрасно, совершенно напрасно, въ извиненіе безпечности нашей, стали бы мы ссылаться на медленность въ пришествіи Жениха, ибо эта медленность только съ одной стороны, а съ другой—необыкновенная скорость. Все равно—Онъ ли къ намъ пріидетъ, или мы къ Нему пойдемъ. Онъ медлитъ приходомъ, и, можетъ быть, еще отложитъ его на тысячи лѣтъ, а мы эти тысящи лѣтъ развѣ будемъ оставаться

здѣсь и ждать Его? Нѣтъ, нынѣ, завтра, явится ангелъ смерти, и воззоветъ насъ къ Жениху. Какъ же, послѣ сего, спать безпечно и не ожидать зова и исхода, намъ предстоящаго? Тѣмъ паче, когда онъ видимо не далекъ отъ каждаго, и въ то же время совершенно неизвѣстенъ? Ибо о днѣ и часѣ, въ который мы окончимъ жизнь свою, такъ-же никтоже не вѣсть: это—наша собственная полночь!—Но, увы, и о ней должно сказать то же, что сказано о полунощи, въ нюже Женихъ пріидетъ: *воздремашася вся, и спаху!* Приготовленіе къ смерти, это дѣло столь важное, что ему надлежало бы занимать насъ во всю нашу жизнь,—не почитается даже дѣломъ. Занимающіеся имъ, какъ должно, составляютъ исключеніе, и притомъ весьма рѣдкое. Всѣ прочіе живутъ такъ, какъ бы имъ жить здѣсь вѣчно. Самыя болѣзни, насъ посѣщающія, эти видимые предтечи и вѣстники смерти, не въ силахъ заставить насъ подумать о ней. Увы, сколько ни видѣли мы умирающихъ, никогда почти не видали такихъ, кои предварительно были бы увѣрены, что имъ должно, наконецъ, разстаться съ жизнію. Многіе, напротивъ, за нѣсколько часовъ и минутъ до смерти, все еще предавались мыслямъ о земномъ, думали жить, не оставляли помысловъ о такихъ дѣлахъ и о предпріятіяхъ, для коихъ потребна крѣпость силъ и жизнь продолжительная. Такъ умираютъ юные; такъ нерѣдко умираютъ самые старцы. Можете судить по сему, въ какомъ видѣ сіи несчастныя души являются предъ своего небеснаго Жениха, и что постигаетъ ихъ на вечери брачной!...

При такомъ ужасномъ примѣрѣ безпечности, среди сего жестокаго вихря суеты и страстей, заслѣпляющаго прахомъ глаза у самыхъ лучшихъ, повидимому, людей, не должно ли, братіе мои, каждому, кто только хотя мало дорожитъ собственнымъ спасеніемъ, пріити въ страхъ, обратиться къ самому себѣ, и сказать словами священной пѣсни: *блюди убо, душе моя,* и ты, *не сномъ отяготися, да не смерти предана будеши!* Блюди,—не увлекайся никакимъ примѣромъ, не слѣдуй никакой стези, которая кажется покрытою цвѣтами, а ведетъ въ пропасть адскую. Блюди—стой на стражѣ, доколѣ не смѣнятъ; храни вѣру и упованіе, доколѣ не явится само упованіе. Женихъ невидимъ; но Онъ всегда близъ тебя, видитъ всѣ твои мысли и желанія, и считаетъ всѣ труды и жертвы, и готовитъ вѣнецъ за все. Еще нѣсколько лѣтъ, можетъ быть,

недѣль, дней терпѣнія, и завѣса падетъ, міръ и все, что въ немъ, исчезнетъ изъ глазъ, явится чертогъ небесный, и ты введена будешь на бракъ Агнчій. Аминь.

Слово въ Великій Вторникъ.

Нынѣшній день можно назвать днемъ прощанія для Господа съ храмомъ іерусалимскимъ и съ народомъ іудейскимъ. Нынѣ же посему произнесена имъ и послѣдняя проповѣдь во храмѣ. Вы могли слышать ее на утрени, и если она не тронула васъ и не привела въ спасительный страхъ за собственную свою вѣчную участь, то это знакъ—или крайняго невниманія, или подобнаго же безчувствія. Ибо проповѣдь сія состоитъ не столько изъ словъ, сколько изъ слезъ и воздыханій. Спаситель жалуется въ ней на ожесточеніе народа іудейскаго, на слѣпоту и лукавство его вождей и наставниковъ, и предсказываетъ тѣ ужасныя бѣдствія, кои неминуемо имѣли послѣдовать изъ сего для руководителей и для руководимыхъ.— Но особенно нельзя безъ чувства слышать послѣднія слова, коими заключена проповѣдь Спасителя. *Іерусалиме, Іерусалиме,*—воскликнулъ Онъ, кончивъ обличеніе книжниковъ,— *избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланныя къ тебѣ, коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже кокошь собираетъ птенцы своя подъ крылы, и не восхотѣсте! Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Матѳ. 23, 37. 48). *(Не окончено).*

Слово въ Великую Среду.

Нынѣ день преданія Господа, день мрачный и печальный, почему святая Церковь и ознаменовала его, наравнѣ съ днемъ смерти Господа, печатію поста въ продолженіе всего года.— Кто любитъ Спасителя своего, тотъ не будетъ нарушать сей печати, тотъ со всею вѣрностію хранитъ знаменіе скорби и сѣтованія по возлюбленномъ. Ибо, хотя преданіе, равно какъ и смерть Господа, послужило—своими послѣдствіями—ко спасенію всего міра, но тѣмъ не менѣе это дѣйствіе—самое черное и отвратительное. Мнѣ даже представляется оно преступнѣе самаго распятія. Ибо распинатели Господа не знали Его, какъ должно: *аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы*

распяли (1 Кор. 2, 8). А здѣсь кто предаетъ? Собственный ученикъ, единъ отъ дванадесяти, то-есть, ближайшій—предаетъ тотъ, кто слышалъ всѣ бесѣды Господа, былъ свидѣтелемъ Его жизни и чудесъ, раздѣлялъ съ Нимъ, въ продолженіе болѣе трехъ лѣтъ, и радости, и печали.

Послѣ всего этого преданіе такъ неожиданно въ предателѣ, что сама Церковь въ недоумѣніи будетъ заутра вопрошать: *кій тя образъ, Іудо, предателя Спасу содѣла? Еда отъ лика Апостольскаго тя отлучи? Еда дарованія исцѣленій лиши? Еда иныхъ ноги умывъ, твои же презрѣ? Еда отъ трапезы тя отрину? О, коликихъ благъ не памятливъ былъ еси* (Вел. пят. утро. Сѣдал. гл. 7)!

Все было сдѣлано для Іуды, и все имъ презрѣно! Что онъ не имѣлъ никакой причины сѣтовать и жаловаться на Учителя, показываютъ собственныя слова и ужасный конецъ его: *согрѣшихъ,*—говоритъ онъ самимъ убійцамъ Учителя,—*согрѣшихъ предавъ кровь неповинную* (Матѳ. 27, 4)!

Что же ввело тебя, несчастный, въ сей ужасный грѣхъ?—Сребролюбіе и діаволъ, отвѣтствуютъ Евангелисты. Нося ковчежецъ съ деньгами, Искаріотъ пристрастился къ носимому, и оказался татемъ. Послѣ сего, святое общество Іисусово, въ коемъ господствовалъ духъ произвольной нищеты и самоотверженія, сдѣлалось для него чуждымъ, тяжелымъ, противнымъ душѣ, зараженной страстію. Іудѣ вездѣ и во всемъ мечталась корысть и сребренники. Діаволъ не замедлилъ воспользоваться сею насчастною расположенностію сердца, и, основавъ въ душѣ Іуды жилище себѣ, заставилъ его смотрѣть на все происходившее не очами вѣры и любви, какъ смотрѣли прочіе Апостолы, а своекорыстнымъ глазомъ мытаря и фарисея. Такъ смотрѣлъ Іуда на мyро, которое Марія возливала на ноги Іисусовы, и, притворившись другомъ нищихъ, жалѣлъ, что оно не продано, и деньги не отданы въ распоряженіе его лукавству. Такъ, безъ сомнѣнія, смотрѣлъ Іуда и на все прочее. «Что — думалъ онъ— мы ходимъ изъ края въ край Іудеи какъ нищіе? Почему бы не воспользоваться усердіемъ народа, не взять въ свои руки власть, которая видимо дается сама собою? Вѣдь Мессія долженъ наконецъ же господствовать надъ всѣми и всѣмъ. Ужели ждать, чтобы насъ всѣхъ захватили, какъ преступниковъ, и подвергли казни? Пожалуй, за этимъ не станетъ.

Но пусть дожидаются сего другіе. Искаріотъ не такъ простъ и недальновиденъ. Онъ возьметъ свои мѣры заранѣе».—Что же ты медлишь, шепталъ во уши діаволъ. Теперь самый благопріятный случай отстать отъ общества Іисусова. Видишь, какъ синедріонъ ищетъ случая взять Учителя тайно. Ты самъ можешь сдѣлать это неявно, такъ что Учитель даже не сочтетъ тебя предателемъ. Ибо что требуется для сего? только указать мѣсто пребыванія Учителя ночью. Кромѣ того, что тебѣ заплатятъ за эту важную услугу, ты войдешь чрезъ это въ связь съ первыми лицами синедріона. И Ему будетъ не большая бѣда отъ сего: ты самъ видѣлъ, какъ Онъ не разъ спасался чудесно отъ всѣхъ козней и сѣтей Своихъ враговъ; спасется и теперь, а ты сдѣлаешь свое дѣло и составишь себѣ счастіе: пользуйся случаемъ и спѣши!

И несчастный ученикъ точно спѣшитъ—на свою погибель. Подъ предлогомъ покупокъ, нужныхъ къ празднику, онъ находитъ случай тайно побывать у первосвященниковъ и сговориться съ ними о предательствѣ. Желаніе не представлять изъ себя низкаго продавца, торгующагося за кровь, и показать мнимое усердіе къ пользамъ синедріона, заставляетъ его согласиться на самую невеликую цѣну, въ надеждѣ, современемъ, большей и лучшей награды. Для сего же онъ явится въ самомъ вертоградѣ Геѳсиманскомъ, съ видомъ не предателя, а человѣка, возвращающагося изъ посылки, который потому позволятъ себѣ дружелюбно привѣтствовать Учителя и даже облобызать Его; между тѣмъ какъ это именно лобзаніе было знакомъ для явившейся затѣмъ, какъ бы безъ всякаго согласія съ Іудою, спиры іудейской. Посему-то до самаго конца никто изъ учениковъ не могъ знать, кто предатель.

Одинъ Учитель видѣлъ и вѣдалъ все; вѣдалъ и употреблялъ всѣ мѣры спасти — не Себя, а ученика несчастнаго. Сколько трогательныхъ вразумленій на одной послѣдней вечери! Омовеніе ногъ, преподаніе Тѣла и Крови могли тронуть духа отверженнаго, но не тронули Іуду! Страсть сребролюбія заглушила все!

Но заглушила навремя. Когда замыселъ совершился, когда Учитель вмѣсто того, чтобы чудесно спасаться отъ враговъ, предалъ Себя имъ, яко овча на заколеніе, — Іуда пробудился, вспомнилъ о всемъ, что видѣлъ добраго, святаго,

божественнаго въ Іисусѣ, и обратился къ раскаянію. Сребренники повержены; невинность Учителя исповѣдана всенародно; оставалось только, подобно Петру, омыть грѣхъ слезами и обратиться къ тому же Учителю и Господу съ вѣрою. Но діаволъ внушилъ теперь другое: прежде соблазнялъ безстрашіемъ, такъ теперь представлялъ неотпускаемость вины и грѣха. И вотъ, Іуда на древѣ погибельномъ! Тогда-то, не прежде, во всей силѣ постигли его грозныя слова: *добрѣе было бы ему, аще не бы родился человѣкъ той* (Марк. 14, 41)!

Видите, до чего довела страсть сребролюбія человѣка самаго нехудаго! Ибо, если бы Іуда не обѣщалъ изъ себя много добраго, то не былъ бы избранъ въ Апостолы.

Будемъ же, братіе, блюстись сего недуга, равно какъ и прочихъ страстей, ибо всѣ онѣ равно опасны, и—рано или поздно—оканчиваются и душевною и тѣлесною гибелью для человѣка. Но, падшій да не унываетъ и да не приходитъ къ отчаянію! У небеснаго Врача нѣтъ неисцѣльно больныхъ. Доколѣ живемъ, дотолѣ можемъ спастися, какъ бы ни были велики грѣхи наши. Если бы самъ Іуда, вмѣсто погибельнаго древа, поспѣшилъ къ древу креста Христова съ вѣрою и покаяніемъ, то вмѣстѣ съ кающимся разбойникомъ вошелъ бы въ рай, безъ всякихъ сребренниковъ. Такъ разсуждаютъ о семъ и учатъ всѣ богомудрые Отцы Церкви. Аминь.

Слово въ Великую Среду.

Святая Церковь указуетъ намъ нынѣ въ своихъ пѣснопѣніяхъ окрестъ Спасителя преимущественно на два лица: на одного Апостола и на одну жену блудницу. Противоположность разительная. Апостолъ по самому званію своему былъ недалекъ отъ третьяго неба; блудница, яко великая грѣшница, близка была къ самой пропасти адской. И что же? На дѣлѣ вышло совершенно противное. Чрезъ два дня бывшій Апостолъ содѣлался жертвою ада, а блудница вошла въ ликъ женъ мироносицъ. Пришла страсть сребролюбія, овладѣла сердцемъ Апостола, и обратила его въ сосудъ погибели, въ сына отверженія. Пришло святое покаяніе, овладѣло сердцемъ блудницы, повергло ее къ ногамъ Спасителя

міра, и пріобщило ее къ святому лику мvроносицъ. Что убо заключимъ изъ сихъ двухъ примѣровъ? То, что доколѣ мы на землѣ, изъ насъ можетъ быть все, мы можемъ переходить, такъ сказать, отъ неба къ аду, и отъ ада къ небу.

Близость ко Христу Іуды не спасла его отъ грѣха и отчаянія. Почему? Потому что онъ вознебрегъ о самомъ себѣ и допустилъ къ себѣ въ сердцѣ страсть, за коей уже самъ собою вошелъ и діаволъ. Отдаленность отъ Христа блудницы не помѣшала ей улучить спасеніе. Почему? Потому что она пришла въ себя, бросила навсегда грѣхъ, исповѣдала свою нечистоту и перемѣнила жизнь.

Нѣтъ, слѣдовательно, такой высокой добродѣтели, коей не угрожало бы паденіе самое тяжкое; и нѣтъ такого тяжкаго паденія, отъ коего нельзя было бы возстать и взойти на самую высоту добродѣтели. Посему, какъ бы кто ни высоко стоялъ въ совершенствѣ, не долженъ предаваться гордости и безпечности. *Мняйся стояти блюдется, да не падетъ* (1 Кор. 10, 12). Равно, какъ бы кто ни упалъ низко, въ какой бы безднѣ грѣховной ни находился, да не отчаявается, подобно Іудѣ. У Господа нашего есть покаяніе для всѣхъ грѣшниковъ. Оставь грѣхъ, обратись ко Господу, принеси покаяніе и исповѣдь, и ты, подобно женѣ блудницѣ, будешь прощенъ и принятъ въ милосердіе Господне.

Въ частности да познаютъ изъ примѣра Іуды сребролюбцы, какъ опасна страсть сребролюбія. Если изъ Апостола она сдѣлала предателя, то что можетъ сдѣлать изъ тебя? Если Апостолъ доведенъ ею до отчаянія и смерти, то ты ли уцѣлѣешь отъ ея злости? Но мы, скажетъ кто-либо изъ недугующихъ сребролюбіемъ, не предаемъ Христа, мы готовы служить Ему отъ имѣній своихъ и дѣйствительно служимъ, по возможности. Конечно, ты не предаешь Христа, какъ Іуда, ибо и не можешь предать Его такимъ образомъ. Но вспомни,—не продавалъ ли ты своей вѣры и совѣсти? А это то же, какъ бы ты продалъ Христа. Вспомни не предавалъ ли ты, по любви къ сребру, ближняго твоего? А въ лицѣ его ты предалъ Христа.—И что можно говорить?—кого болѣе любитъ сребролюбецъ: Христа—или деньги? Очевидно, деньги, ибо если бы любилъ Христа, то не любилъ злата и сребра, кои Онъ запрещаетъ любить. Но, моя любовь къ богатству,—еще помыслитъ кто-либо,—не доводитъ

меня до самыхъ худыхъ дѣлъ. Положимъ, но развѣ мало, что она мѣшаетъ тебѣ творить дѣла добрыя? Безъ сребролюбія, твоя душа была бы похожа на рай Божій, въ ней росли бы и цвѣли разныя добродѣтели, а теперь, поелику сребролюбіе не даетъ имъ рости, она похожа на голый песокъ: великое ли утѣшеніе, что на этомъ песку не ростетъ и тернія,—то есть худыхъ дѣлъ?—Сребролюбіе дѣйствительно удаляетъ человѣка отъ нѣкоторыхъ худыхъ дѣлъ, напр. отъ роскоши, игръ и плотоугодія, но за то оно постепенно сокращаетъ кругъ добра, имъ дѣлаемаго. Сребролюбецъ со дня на день становится нечувствительнѣе ко всему, кромѣ прибытка; онъ бываетъ безчеловѣченъ даже къ себѣ самому. У него сокращаются его собственныя потребности; онъ желалъ бы освободиться отъ всѣхъ ихъ, чтобы не подвергнуться тратамъ; желалъ бы сдѣлаться для сего безтѣлеснымъ, обратиться въ духа. И этотъ безплотный духъ, уже вознесшійся надъ большею частію потребностей собственной природы, прилѣпленъ къ глыбѣ металла!

Лютъ есть звѣрь сребролюбія! А между тѣмъ этотъ лютый звѣрь угрожаетъ, братіе мои, каждому изъ насъ. Возрастъ старческій особенно подлежитъ сему недугу душевному; и кто заранѣе не беретъ мѣръ противъ него, тотъ неминуемо подвергнется сей заразѣ душевной. Это тѣмъ бываетъ жалче, что таковые старцы нерѣдко имѣютъ не мало совершенствъ душевныхъ. Но сребролюбіе и скупость все мрачатъ и портятъ.

Примѣръ помилованной блудницы, какъ мы сказали, долженъ служить въ ободреніе грѣшниковъ къ покаянію, а не къ продолженію грѣха, не отлаганію покаянія до смерти. Ибо если праведникъ, какъ показываетъ примѣръ Апостола, не безопасенъ, то грѣшникъ на чемъ утвердитъ свою надежду? *(Не окончено).*

Слово въ Великую Среду.

Чѣмъ занимаются теперь въ мірѣ? Приготовленіемъ къ свѣтлымъ днямъ Воскресенія Христова. И богатый и бѣдный равно движутся, суетятся о томъ, какъ бы сдѣлать для себя праздникъ посвѣтлѣе.

Будемъ ли винить за хлопоты праздничныя?—Нѣтъ, это

въ порядкѣ вещей. Доколѣ мы на землѣ, во плоти: дотолѣ нельзя забыть ни земли, ни плоти. Самые Павлы забывали ихъ только тогда, какъ восхищаемы были до третьяго неба. А въ другое время и они вопіяли: *окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 24).

Итакъ, не будемъ осуждать, если каждый въ нынѣшніе дни проведетъ лишній часъ на торжищѣ. Но не можемъ не предложить совѣта, какъ сдѣлать праздникъ каждому для себя дѣйствительно свѣтлымъ.

Есть ли сему средство? Есть и при томъ равно у всѣхъ. Это средство состоитъ въ очищеніи себя молитвою и покаяніемъ. Такимъ образомъ, и только такимъ сдѣлается у тебя на душѣ легко, чисто и свѣтло; а когда на душѣ будетъ такъ, то и праздникъ будетъ свѣтелъ и радостенъ. А безъ сего ничто не поможетъ. Плоть, пользуясь уготованнымъ на праздникъ, возвеселится; а духъ останется во тьмѣ и хладѣ, въ прежнихъ узахъ и подъ тою же тяжестію. *(Не окончено).*

Слово въ Великій Четвертокъ.

Странствія Владычня и безсмертныя трапезы на горнемъ мѣстѣ, высокими умы, вѣрніи пріидите насладимся.

Наконецъ и у святой Церкви трапеза и пиръ духовный! Долго продолжалось и говѣніе и постъ, за то и брашно и питіе необыкновенныя. Ибо трапезы и вечери мірскія насыщаютъ и услаждаютъ на время, а потомъ нерѣдко тяготятъ собою и всегда уступаютъ мѣсто новому гладу;—здѣсь, кто вкуситъ достойнѣ, не взалчетъ во вѣки: *безсмертныя трапезы.* Человѣколюбивъ бо нашъ Владыка! Не потерпѣлъ зрѣть рабовъ Своихъ гладныхъ; знаетъ, что духъ бодръ, а плоть немощна: и вотъ, подъ конецъ поприща постнаго Самъ уготовляетъ трапезу. *Странствія Владычня и безсмертныя трапезы.* Кромѣ успокоенія и ободренія для алчущихъ, вечеря сія послужитъ прощаніемъ для ея Устроителя. Ибо Ему надобно оставить всѣхъ и идти въ долгій путь, надобно разлучиться не на краткое время. Какъ не раздѣлить послѣднихъ минутъ съ другами и присными? Какъ не оставить имъ въ память о Себѣ чего-либо?—Тѣмъ паче какъ намъ не поспѣшить на такую трапезу? *Пріидите убо насладимся!* Вой-

демъ всѣ на сію вечерю; ибо хотя сказано: *высокими умы*, но это сказано по необходимости, потому что предлагаемое на вечери высоко по самому существу своему, такъ что кто лежитъ долу, то не можетъ достать устами предлагаемаго. А впрочемъ нѣтъ никакихъ особенныхъ условій. Сказано только: *вѣрніи*. Но безъ вѣры что же и ходить туда, гдѣ безъ вѣры нельзя сдѣлать ни шага? И трудно ли имѣть вѣру тамъ, гдѣ распоряжаетъ всѣмъ Самъ Владыка и Господь всяческихъ, и гдѣ потому дѣйствуетъ всемогущество? Оставивъ убо всякій страхъ и недоумѣніе, взойдемъ на горнее мѣсто и, кто можетъ, *насладимся*, кто еще неспособенъ къ тому, по крайней мѣрѣ, посмотримъ, что тамъ предлагается, кто и какъ пріемлетъ, и что слѣдуетъ изъ предлагаемаго и принятаго?

Вечеру же бывшу, возлежаше со обьманадесяте ученикома (Матѳ. 26, 20).

Такъ святый Матѳей начинаетъ описаніе трапезы Господней. Извѣстно, по какому случаю была она: надлежало, по закону, въ нынѣшній день, вкушать агнца пасхальнаго, въ память исшествія израильтянъ изъ Египта. Такимъ образомъ трапезу эту приготовилъ, можно сказать, еще Моисей, своимъ закономъ о пасхѣ, но Господь дастъ ей другое и значеніе и назначеніе, изъ смертной содѣлаетъ безсмертною. Какимъ образомъ? Увидимъ.

А теперь обратимъ вниманіе на то, кто сидитъ на вечери. *Возлежаше со обьманадесяте*. Значитъ, тутъ сидѣлъ—за всѣхъ насъ—и нашъ Апостолъ святый Андрей Первозванный, коему страна наша одолжена первою проповѣдію о Христѣ. Въ лицѣ его и мы всѣ какъ бы возлежали на безсмертной трапезѣ Господней.

Но, если *возлежаше со обьманадесяте*, значитъ былъ и Іуда. Какъ онъ могъ быть допущенъ до трапезы? Такъ же, какъ и доселѣ допускаются къ ней всѣ нераскаянные грѣшники, въ показаніе преизбытка милосердія и великодушія Домовладыки, и въ доказательство, что доколѣ мы на земли, всякому возможенъ доступъ ко всему. На вечери небесной—тамъ уже будутъ впущены однѣ мудрыя дѣвы; а здѣсь—не затворяютъ двери ни отъ кого изъ самыхъ юродивыхъ.

Предатель пріиметъ то же что и прочіе Апостолы, но принятое произведетъ въ немъ противное дѣйствіе; подобно тому,

какъ одинъ и тотъ же свѣтъ солнечный для здраваго зрѣнія—свѣтъ и отрада, для больнаго—еще большій мракъ и мученіе.

Что же не начинается вечеря?—Оттого, что послѣ долгаго пути надобно омыть ноги пришедшимъ на вечерю. Что же мѣшаетъ сдѣлать это? То, что нѣтъ прислужника. Оставалось самимъ сдѣлать это: но кому? Меньшему, а кто меньшій? Будущіе орлы богословія еще были птенцами;—вмѣсто смиренія, которое они явятъ потомъ предъ лицемъ всего міра теперь началась пря: кто большій?..—За этимъ споромъ, пожалуй, остановится все дѣло. Нѣтъ, не остановится. Домовладыка восполнитъ Самъ, чего недостаетъ домочадцамъ.

Вставъ отъ вечери, положи ризы и пріемъ лентіонъ, препоясася. Потомъ влія воду во умывальницу, и начатъ умывати ноги ученикомъ, и отирати лентіемъ, имже бѣ препоясанъ (Іоан. 13, 4, 5). Всѣ повинуются: одинъ Петръ прекословитъ: *не умыеши ногу мою во вѣки!* Напрасно! Прежде взяться бы за лентіонъ, и омыть ноги Учителю и сученикамъ. Тогда услышалъ бы паки: блаженъ еси, Симоне, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ, Иже на небесѣхъ. А теперь хотя похвальное чувство выражается въ словахъ твоихъ, но отъ той же плоти и крови, возвышенныхъ, но все еще не могущихъ наслѣдовать царствія Божія. Посему и скажется не прежнее, а другое: *аще не умыю тебе, не имаши части со Мною!*

Теперь нѣтъ болѣе преградъ. Да начнется пиръ, да явится веселіе!

И оно началось. Агнецъ снѣденъ, горькое зеліе вкушено, опрѣсноки потреблены, чаша благодаренія испита, ветхій завѣтъ исполненъ.

Но все это смертное. тысячу разъ вкушаемое и ни разу не насыщавшее духа. Гдѣ же безсмертная трапеза?—Гдѣ страннолюбіе Владычне?

Не скучайте и не опасайтесь! Кто напиталъ пять тысячъ пятью хлѣбами, Тотъ напитаетъ и насъ. Если и неприглашенныхъ пріемлетъ, кольми паче не отпустятся тщы приглашенные. *Вѣрніи, пріидите насладимся!*

Ядущимъ же имъ (ученикамъ). пріимъ Іисусъ хлѣбъ, благословивъ преломи и даяше ученикомъ, и рече: *пріимите и ядите! сіе есть тѣло Мое!* и пріемъ чашу, и хвалу воздавъ,

даде имъ глаголя: *пійте отъ нея вси, сія бо есть кровь Моя новаго завѣта, яже за многія изливаема во оставленіе грѣховъ* (Матѳ. 16, 26—28).

Итакъ, вотъ чѣмъ будутъ угощать насъ: не хлѣбомъ, а тѣломъ,—не виномъ, а кровію!—*сіе есть тѣло, сіе есть кровь!*—И чьимъ тѣломъ и кровію?—Спасителя нашего: *тѣло Мое, кровь Моя!*

Кто бы могъ приложить вѣру сему, если бы не вѣщалъ о семъ Онъ же Самъ, если бы не повторили того же, отъ лица Его, Апостолы?

Но какъ же намъ употребить эту снѣдь?

Такъ любитъ насъ Владыка! Видя, что всѣ трапезы оканчиваются во истлѣніе, и не дѣлаютъ насъ безсмертными, Онъ уставляетъ брашно и питіе нетлѣнныя. Ихъ можно было составить только изъ плоти и крови, кои однѣ во всемъ мірѣ не подлежали разрушенію, а напротивъ имѣли силу оживлять, и Онъ не пожалѣлъ ни Своего тѣла, ни Своей крови,—а предложилъ ихъ на вечери, предложилъ не ученикамъ токмо Своимъ, а въ лицѣ ихъ всѣмъ народамъ.

За насъ первый принялъ св. Андрей, но принялъ съ тѣмъ, чтобы передать вѣрно каждому изъ насъ. И кому онъ не передаетъ вѣрно? Приступай всякъ; на каждой трапезѣ церковной, то же тѣло и та же кровь, коихъ причащались нынѣ Апостолы.

Но какъ приступить къ сей трапезѣ?—Какъ вкусить тѣло? Какъ пить кровь?—Это—не по природѣ нашей. Вѣдалъ сіе все Учредитель, и позаботился о нашей слабости.

Вкушаемое есть тѣло, но видъ у него тотъ же, хлѣба; піемое—кровь, но образъ и вкусъ его тотъ же,—вина. Такимъ образомъ снисходится къ нашей природѣ, что вмѣсто единаго чуда каждый разъ дѣлается два: и хлѣбъ и вино обращаются въ тѣло и кровь и, обращенные, удерживаютъ свой прежній видъ, дабы такимъ образомъ было съ нашей стороны мѣсто и вѣрѣ.

Подлинно, не низкій умъ надобно имѣть, дабы насладиться сей трапезы. Надобно симъ умомъ возлетѣть на высоту любви Спасителя къ намъ, полагающаго за насъ душу Свою.

Но этотъ высокій умъ—на сей случай—даетъ не ученость, а вѣра: *аще не вѣруете, не имате разумѣти* (Исаіи 7, 9).

Итакъ будемъ вѣровать, приступая къ трапезѣ Тѣла и Крови, не будемъ поникать умомъ долу, вопрошая: *како можетъ дати плоть Свою ясти?* (Іоан. 6, 52) или, подобно еретикамъ, недоумѣвая, какъ подъ видомъ хлѣба и вина можетъ сокрываться тѣло и кровь?

Отъ человѣкъ это невозможно, а отъ нашего Спасителя, Который есть Богъ и человѣкъ, вся возможна. Напротивъ, недостойно Его было преподать одинъ хлѣбъ и одно вино, ибо это можетъ сто разъ сдѣлать каждый изъ людей. Ему, яко Богу, предлежало сдѣлать большее; и Онъ содѣлалъ самое большее, ибо никтоже большее любви имать, да аще кто душу положитъ за други своя. Аминь.

Слово въ Великій Четвертокъ.

По окончаніи предстоящаго священнодѣйствія, вы будете слышать, братіе, такое поученіе, предъ коимъ всѣ наши вѣщанія ничто, ибо вы будете слышать поученіе отъ Самого Господа и Спасителя нашего, сказанное по омовеніи ногъ Апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ намъ. При такомъ словѣ Самого Слова животнаго, всякое поученіе со стороны нашей было бы неумѣстно и даже дерзновенно. Для чего же я исшелъ теперь предъ васъ?—Для того именно, чтобы обратить вниманіе ваше на сіе слово Господа нашего, которое по краткости своей не обращаетъ на себя вниманія многихъ; между тѣмъ въ немъ вся сила, и всѣ наши вѣщанія не могутъ замѣнить въ немъ одной іоты. Итакъ, не опустите дорогаго случая собрать драгоцѣнный бисеръ словесъ Христовыхъ и положить ихъ въ самой лучшей и самой крѣпкой сокровищницѣ сердца своего. Вообще, братіе, просимъ и молимъ васъ, не останавливайтесь на томъ, что видятъ взоры, а переноситесь мыслію къ Тому, Коего лице мы изображаемъ предъ вами, представляйте себѣ не слабаго и ничтожнаго человѣка, преклоняющагося предъ подобными себѣ, и можетъ быть гораздо лучшими, человѣками, а какъ Господь славы послужилъ вмѣсто раба Своимъ тварямъ, какъ, дѣлая все нашего ради спасенія, ради сего же спасенія, умылъ нынѣ и ноги ученикамъ, омывая симъ священнотайнѣ скверну дѣяній нашихъ, и подая намъ примѣръ глубочайшаго сми-

ренія. Если вы будете созерцать настоящее священнодѣйствіе въ семъ духѣ, то, мы увѣрены, что оно не остается безъ плода для душъ вашихъ, и вы, возвратившись въ домы, не будете разглагольствовать праздно о томъ, какъ совершалась церемонія, кто и какъ говорилъ или дѣйствовалъ, а въ тишинѣ духа и сердца, со слезами умиленія на очахъ, размыслите сами съ собою прилежно, какъ должно дѣйствовать вамъ, какъ смирять свою гордость, обуздывать гнѣвъ, искоренять превозношенія плоти, какъ, водясь любовію, переносить уничиженіе, терпѣть обиды и побѣждать благимъ злое. О семъ-то мы почли за долгъ напомнить вамъ кратко, для приготовленія васъ къ послушанію вмѣстѣ съ нами проповѣди Господней. Аминь.

Слово въ Великій Четвертокъ

НА СТРАСТИ ХРИСТОВЫ.

И одного простаго слышанія повѣсти Евангельской о страданіяхъ Христовыхъ достаточно, братіе мои, дабы видѣть что сіи страданія были ужасны. Когда представишь при семъ, что ихъ терпѣла плоть пречистая, душа пресвятая, для коихъ, по самой чистотѣ ихъ, всякое мученіе долженствовало быть гораздо чувствительнѣе, нежели для нашего грубаго тѣла, для нашего оплотянѣлаго духа, то страданія Господа становятся еще ужаснѣе. А когда, вслѣдъ за симъ, помыслишь, что такимъ образомъ страдалъ не только Пресвятый, но и Всемогущій, что на крестѣ висѣлъ въ мукахъ не простой человѣкъ или Ангелъ, а Самъ единородный Сынъ Божій, то, поражаясь ужасомъ и недоумѣніемъ, вопрошаешь: что могло быть причиною столь безпримѣрнаго событія, или паче сказать, таинства и чуда?

Явно, что не воины римскіе вознесли Сына Божія на крестъ; явно, что Онъ терпитъ муки и смерть не потому, что коварный ученикъ предалъ Его, что ослѣпленные страстію фарисеи и книжники испросили Его на смерть, что человѣкоугодливый судія осудилъ Его и отдалъ на пропятіе. Когда Божественный Страдалецъ восхотѣлъ показать Свое могущество, то единое Его слово: *Азъ есмь!* (Іоан. 18, 6)

повергло на землю всю спиру іудейскую. И теперь, когда Онъ на крестѣ истаеваетъ въ мукахъ и вопіетъ: *жажду!* и теперь помрачающееся солнце, трепещущая земля являютъ, что вся тварь готова возстать на защиту своего Владыки.

Кто же связалъ *Льва отъ Іуды?* Кто отдалъ Сына Божія на пропятіе и смерть?—Правосудіе Божіе.—За что?—За грѣхи людей.—Чѣмъ Онъ виновенъ въ грѣхахъ нашихъ?—Тѣмъ, что принялъ ихъ на Себя за насъ.—Для чего принялъ?—Дабы освободить насъ отъ казни за грѣхъ и примирить съ Богомъ.—Какъ примирить?—Удовлетворивъ за грѣхи правосудію Своею смертію.—Вотъ лѣствица, по коей взошелъ на крестъ Сынъ Божій! Вотъ гвоздіе, коимъ пригвожденъ Онъ ко кресту! Вотъ терны, изъ коихъ соплетенъ вѣнецъ на главу Его!

Нужны ли на все сіе свидѣтельства слова Божія? Они безчисленны. Вопросите Пророковъ, и они скажутъ вамъ, что *Сей*, висящій на крестѣ, Страдалецъ *грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ, что Онъ язвенъ бысть за грѣхи наши и мученъ за беззаконія наши,* что *наказанія міра нашего на Немъ, и язвою Его мы вси исцѣлѣхомъ* (Исаіи 53, 4—5). Вопросите Апостоловъ, и они скажутъ вамъ, что *Богъ бѣ во Христѣ, міръ примиряя себѣ* крестомъ Его (2 Кор. 5, 19), что милосердіе Божіе *невѣдѣвшаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Кор. 5, 21), что Сынъ Божій *далъ есть Себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія* (Тит. 2, 14). Приложите слухъ ко гласу Самаго Божественнаго Страдальца, и вы услышите, что пречистая плоть Его отдана на мученіе и смерть *за животъ міра* (Іоан. 6, 51), что пречистая кровь Его изливается на крестѣ *во оставленіе грѣховъ* (Матѳ. 26, 28) всего рода человѣческаго.

Итакъ, этотъ крестъ, стоящій на Голгоѳѣ, есть жертвенникъ всемірный! Этотъ висящій на Немъ Страдалецъ есть очистительная жертва за грѣхи всѣхъ падшихъ сыновъ Адамовыхъ! Кто требовалъ сей жертвы?—Законъ и правда небесная, неизмѣнная святость существа Божія и непреложный порядокъ міра нравственнаго.

И во-первыхъ, святость существа Божія. Что Богъ столько же святъ, сколько благъ и милосердъ—это истина непререкаемая. Бога не святаго мы не можемъ себѣ и пред-

ставить. Въ чемъ же состоитъ сія святость?—Въ томъ, что Богъ вѣчно любитъ одно благое и святое, и вѣчно отвращается всего злаго и беззаконнаго; въ томъ, что какъ отъ Бога исходитъ одно совершенное и правое, такъ и къ Нему не можетъ приблизиться никакая нечистота и скверна; въ томъ, что Онъ, какъ вездѣсущій и всеисполняющій, нигдѣ и ни въ комъ не терпитъ грѣха, употребляетъ все на его истребленіе. Тако святъ Господь Богъ нашъ!

Смотрите же теперь, что предъ сею святостію? Предъ нею родъ человѣческій, падшій, безобразный и нечистый; предъ нею цѣлый безчисленный сонмъ существъ, именуемыхъ людьми, изъ коихъ каждое уклонилось отъ цѣли бытія своего, расторгло блаженный союзъ свой съ Творцемъ, приняло характеръ и правила дѣйствій врага Божія; предъ нею, сею святостію, цѣлая бездна грѣховъ, преступленій, неправдъ и беззаконій!..

Можетъ ли чистѣйшее око Божіе сносить сіе отвратительное зрѣлище? Можетъ ли громъ Всемогущества не двигнуться противъ сего темнаго полчища пороковъ? Можетъ ли святѣйшее лоно Творца спокойно носить въ себѣ сіе море зла?

Не можетъ!—*Проклятъ всякъ, иже не пребудетъ въ словесѣхъ закона* и правды! (Втор. 27, 26). Вотъ единожды и навсегда опредѣленіе правды Божіей!

Вслѣдствіе сего, грѣшникъ долженствовалъ неминуемо погибнуть, ибо у него нѣтъ средства не только вознаградить за грѣхъ предъ судомъ правды вѣчной, но и освободить себя самого отъ пагубной наклонности впадать въ новые грѣхи. И погибъ бы такимъ образомъ весь грѣшный родъ человѣческій, если бы не явился Ходатай, Искупитель и Споручникъ—единородный Сынъ Божій!

Въ то время, какъ непреложная правда Божія готова была изречь судъ и осужденіе на погибавшій во грѣхахъ родъ человѣческій, Сей единородный Сынъ Любве Отчей оставляетъ престолъ славы, пріемлетъ лице ходатая, является предъ Отцемъ и вѣщаетъ: человѣкъ, созданный по образу Нашему, погибъ во грѣхѣ; беззаконія его навсегда разлучили его съ Нами; святость существа Нашего не можетъ терпѣть преступника; но и любовь Наша не можетъ не печись о возстановленіи падшаго. Для сего нужна жертва за

грѣхи его: да буду Я Самъ сею жертвою! Да прейдутъ на Меня всѣ беззаконія сыновъ человѣческихъ! Да понесу всю тяжесть наказаній, подобающихъ грѣшнику. *Се иду сотворити волю Твою, Боже* (Пс. 39, 8—9)!

Любвеобильное ходатайство принято, и Сынъ Божій содѣлывается сыномъ человѣческимъ, да понесетъ на Себѣ неправды всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Все, что Онъ, явившись потомъ на земли, совершаетъ и терпитъ, все сіе направлено къ изглажденію грѣховъ нашихъ: для сего Онъ полагается въ яслѣхъ, для сего пріемлетъ обрѣзаніе, для сего бѣжитъ въ Египетъ, для сего погружается въ водахъ Іорданскихъ, для сего терпитъ поношенія отъ книжниковъ, для сего не имѣетъ гдѣ подклонить главы, для сего плачетъ на гробѣ Лазаря, для сего потѣетъ кровавымъ потомъ въ Геѳсиманіи, для сего пріемлетъ лобзаніе отъ предателя. Довольно бы, казалось, подвиговъ для правды человѣческой; но не довлѣетъ для правды Божественной: она требуетъ большаго—смерти преступника! И се, въ довершеніе всѣхъ жертвъ, приносится и сія послѣдняя: Сынъ Божій—на крестѣ! Большаго удовлетворенія за грѣхъ не могло требовать само небесное правосудіе: принесена жертва всесовершенная, ибо принесена въ жертву самая жизнь,—жизнь не простаго человѣка, а Того, Кто есть человѣкъ и Богъ.

Что послѣ сего видите вы на крестѣ? Видите, что Богъ всесвятый, не терпящій беззаконія нигдѣ, поражаетъ проклятіемъ и смертію грѣхъ въ лицѣ Самаго единороднаго Сына Своего. Что видите на крестѣ? Видите, что Богъ всеблагій, Который не оставляетъ безъ помощис озданія Своего, любитъ самыхъ строптивыхъ чадъ Своихъ, и для спасенія ихъ Самъ восходитъ на крестъ. Что видите на крестѣ? Видите таинственное, чудесное сочетаніе правды и милости, суда и прощенія, святости и благоутробія, страха для грѣшниковъ нераскаянныхъ и упованія для грѣшниковъ кающихся. Это — верхъ премудрости Божественной, которая изобрѣла средство и поразить грѣхъ со всею строгостію, и не погубить человѣка со всею его нечистотою.

Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ навремя, что благость Божія, разлучившись отъ правды Божественной, провозгласила бы прощеніе грѣшному роду человѣческому безъ той жертвы за грѣхи, которая принесена теперь на Голгоѳѣ.—

Что подумали бы мы тогда о Богѣ и Его святости? Не возмнили-ль бы (и праведно), что Онъ, если и святъ, то болѣе милосердъ, нежели праведенъ? Что если Онъ и даетъ законъ, и требуетъ исполненія, и угрожаетъ наказаніемъ, то все сіе дѣлаетъ не по внутреннему, непреложному требованію существа Своего, а по одному измѣняющемуся произволу? — Что можно нарушать законъ и не быть отвергнутымъ отъ Законодателя? Такая мысль,—а она въ семъ случаѣ неизбѣжна, — могла бы соблазнить и не человѣка, наклоннаго ко грѣху; такой образъ дѣйствій со стороны верховнаго Законодателя и Судіи могъ бы дать случай къ безпорядку и не въ одномъ нашемъ мірѣ. А что было бы тогда съ грѣшниками? Что вселило бы въ нихъ святой ужасъ и отвращеніе къ грѣху, когда они не исполняются страхомъ и тогда, какъ видятъ предъ собою крестъ Сына Божія? Тогда Законъ Божій потерялъ бы уваженіе, ему подобающее, добродѣтель — свое достоинство, грѣхъ — весь ужасъ...

И былъ ли бы успокоенъ самый кающійся грѣшникъ, не видя предъ очами правды Божіей жертвы за грѣхи свои? Если мы легко смотримъ иногда на свои беззаконія и почитаемъ ихъ дѣломъ не важнымъ; если готовы бываемъ принять прощеніе во грѣхахъ, не думая, чтобы за нихъ нужна была жертва, то это потому, что въ насъ нѣтъ чувства истиннаго покаянія, что совѣсть наша не раскрылась, какъ должно. Но посмотрите на тѣхъ, кои поняли, что значитъ грѣхъ, прониклись живымъ чувствомъ раскаянія, въ коихъ совѣсть начала дѣйствовать со всею силою! Ахъ, они становятся судіями и врагами самимъ себѣ; не убѣгаютъ, а ищутъ наказанія; не удовлетворяются ничѣмъ, готовы бываютъ лишить себя всего, самой жизни, которою злоупотребили противъ воли Создателя. И что представили бы имъ въ успокоеніе, если бы не имѣли креста Христова, не могли указать на язвы Господа, на тѣло и кровь Сына Божія, принесенныя въ жертву за грѣхи наши?

Да умолкнутъ же тѣ, кои, въ ослѣпленіи ума, дерзаютъ говорить, что дѣло спасенія нашего могло бы совершиться безъ креста Христова. Отымите крестъ—и нѣтъ христіанства; отымите крестъ — и нѣтъ спасенія міру; отымите крестъ—и грѣшники всѣ паки предъ судомъ правды и гнѣва,

отымите крестъ — и нѣтъ успокоенія кающемуся; отымите крестъ—и грѣхъ неудержимо воцарится надъ всѣмъ!

Но кто можетъ поколебать тебя, святое и треблаженное древо? Рукою всемогущей любви водружено ты посреди всея земли для спасенія нашего, и будешь стоять несокрушимо, доколѣ останется на землѣ хотя единъ грѣшникъ, взыскующій своего спасенія! Будешь стоять, какъ знаменіе правды и любви Божіей къ грѣшникамъ кающимся, какъ залогъ гнѣва и мукъ вѣчныхъ для нераскаянныхъ. Много приражалось къ тебѣ волнъ и нападеній, и всѣ сокрушились: сокрушатся и тѣ, кои будутъ паки приражаться къ тебѣ. Стой. божественное древо, и распространяй райскія вѣтви твои по всей земли! Да соберутся подъ сѣнь твою всѣ падшіе сыны Адама, и да оживутъ вкушеніемъ отъ плодовъ твоихъ! Но что произрастишь ты намъ, размышляющимъ теперь и бесѣдующимъ о тебѣ? Укроемся ли мы подъ сѣнію твоею въ день суда и воздаянія?...

Укроемся, возлюбленные братіе, если теперь не будемъ, подобно злополучному прародителю нашему, сокрываться отъ лица Бога, взыскующаго насъ на покаяніе; укроемся, если, преклоняясь до земли во храмахъ предъ крестомъ Христовымъ, не будемъ убѣгать отъ него, когда Онъ срѣтаетъ насъ среди жизни нашей, въ скорбяхъ и искушеніяхъ, посылаемыхъ для нашего вразумленія; укроемся, если, освящая себя вѣрою въ заслуги нашего Божественнаго Ходатая, и пріемля во имя Его оставленіе грѣховъ, не будемъ снова распинать Его нашими беззаконіями.

Падемъ же въ духѣ предъ симъ животворящимъ древомъ и скажемъ Распятому на немъ: видимъ, Господи, видимъ, сколь нестерпимъ грѣхъ для правды и святости существа Божія; видимъ, чего стоило Тебѣ, Человѣколюбцу, искупленіе насъ отъ проклятія закона и казни вѣчной; видимъ, что угрожаетъ намъ, если не воспользуемся безприкладною жертвою Твоею, за насъ принесенною; видимъ, и даемъ обѣтъ жить все остальное время не похотямъ и страстямъ, не міру и діаволу, а Тебѣ, Владыкѣ и Искупителю нашему! Аминь.

Слово въ Великій Пятокъ.

Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся? (Исаіи 53, 1).

Такъ, за шесть вѣковъ до крестной смерти Спасителя нашего предначиналъ о ней проповѣдь свою единъ изъ великихъ Пророковъ народа Божія! Дѣйствіемъ Духа Святаго предъ нимъ поднята была завѣса будущаго, и онъ ясно узрѣлъ уничиженное состояніе на крестѣ Сына Божія, дабы предвозвѣстить потомъ о немъ своимъ современникамъ, а въ лицѣ ихъ и всему роду человѣческому. Пораженный страшнымъ зрѣлищемъ Голгоѳскимъ, Пророкъ, вмѣсто проповѣди къ людямъ, обращаетъ рѣчь къ Богу и съ недоумѣніемъ вопрошаетъ: можно ли говорить о такихъ предметахъ въ слухъ человѣческій? и не сокрыть ли всего видѣннаго въ глубинѣ собственной души? *Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?* Я готовъ, какъ бы такъ говорилъ онъ, провозвѣстить о томъ, что явлено мнѣ во свѣтѣ лица Твоего, но гдѣ тѣ, кои способны принять возвѣщаемое? Предъ Крестомъ Сына Твоего нужна вѣра величайшая: какъ обрѣсти ее между человѣками? *Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?*

Спустя болѣе двухъ тысящелѣтій послѣ сего пророчества, и болѣе осьмнадцати вѣковъ послѣ событія его на Голгоѳѣ,—теперь, когда Крестъ Христовъ, будучи водруженъ посреди всея земли, содѣлался во спасеніе всѣхъ и каждаго,—теперь можно бы, казалось, ожидать, что слово крестное не найдетъ уже себѣ противорѣчія въ умахъ и сердцахъ человѣческихъ, что при первомъ благовѣстіи о тайнѣ искупленія, совершившейся на Голгоѳѣ, всѣ преклонятъ слухъ и отверзутъ души свои къ принятію жизни вѣчной.

Но, братіе мои, что если бы древній Пророкъ воскресъ и сталъ теперь предъ нами, думаете ли, чтобы онъ оставилъ или измѣнилъ для насъ начало своей проповѣди крестной? Увѣрены ли, чтобы онъ, взирая на всѣхъ насъ—и стоящихъ здѣсь и отсутствующихъ—не воскликнулъ бы паки: *Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?*

Ахъ, если-бъ была вѣра въ насъ, то сталъ ли бы богачъ въ нынѣшній же день затворять немилосердно утробу свою

при видѣ собрата своего, требующаго помощи? сталъ ли бы сто разъ взвѣшивать каждую ленту, подаемую нищему, и какъ подаемую? во имя Христа, умершаго для насъ и воскресшаго, когда притомъ за все поданное Сей же Умершій и Воскресшій обѣщалъ воздать—тамъ—сторицею?

Если бы была вѣра въ насъ, то сталъ ли бы наперсникъ мудрости искать разрѣшенія тайнъ бытія человѣческаго, недоумѣній своей души и совѣсти гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Евангелія, когда оно для того и дано, чтобы мы знали, кто мы, откуда и для чего?

Если бы была вѣра въ насъ, то предавались ли бы мы такъ безумно соблазнамъ міра и преступнымъ обаяніямъ плоти, поставляли ль бы многіе изъ насъ всю цѣль жизни своей въ удовлетвореніи чувствъ и страстей, падали ль бы такъ низко предъ каждымъ кумиромъ гордости житейской и похоти очесъ?

Если бы была вѣра въ насъ, то могла ли бы приводить въ такую безотрадную печаль смерть, когда Спаситель нашъ для того и сошелъ Самъ во гробъ, дабы возсіять для всѣхъ насъ изъ него жизнь и нетлѣніе?

Ахъ, когда была вѣра въ сердцахъ, тогда христіане были яко свѣтила среди тьмы іудейства и язычества; тогда слово, сказанное христіаниномъ, было сильнѣе всѣхъ обязательствъ, примѣръ послѣдователя Іисусова былъ лучше всѣхъ правилъ мудрости человѣческой; тогда безъ сожалѣнія разставались, когда нужно, со всѣми благами міра, безъ ропота переносили величайшія скорби и лишенія, на самыя муки и смерть шли съ радостію.

И нынѣ, въ комъ есть истинная вѣра, тотъ не похожъ на другихъ, и въ какомъ бы званіи ни находился, являетъ изъ себя человѣка, видимо принадлежащаго не землѣ токмо, но и небу. Въ комъ есть вѣра, тотъ и нынѣ—богатъ ли—богатъ не столько для себя, сколько для другихъ, не златомъ точію и сребромъ, а смиреніемъ и любовію; бѣденъ ли и страждущъ,—и бѣдствуетъ и страдаетъ безъ ропота, съ упованіемъ, якоже подобаетъ наслѣднику жизни вѣчной; мудръ ли,—не превозносится своими познаніями, повергаетъ ихъ въ жертву у подножія Креста Христова; простъ ли и не книженъ,—самою простотою дорожитъ, яко сокровищемъ. Въ комъ есть вѣра, тотъ и нынѣ цѣломудръ, благочестивъ

и праведенъ, кротокъ и любовенъ, воздержен, смиренъ и простъ. Въ комъ есть вѣра, тотъ и нынѣ взираетъ на жизнь, какъ на странствіе,—на міръ видимый, какъ на временную гостиницу,—на плоть свою, какъ на темницу безсмертнаго духа,—на гробъ, какъ на мѣсто своего успокоенія.

Но много ли таковыхъ? Покажите мнѣ христіанина, о коемъ можно бы тотчасъ, ничтоже сумняся, рещи: се рабъ Божій! се послѣдователь Христовъ! Сколько, напротивъ, христіанъ, о коихъ трудно сказать: имѣютъ ли какую-либо вѣру! Сколько христіанъ, коимъ, если бы досталось переходить въ язычество, то не слѣдовало бы дѣлать никакой перемѣны ни въ образѣ мыслей, ни въ образѣ жизни, кромѣ что взять себѣ другое имя!—И что много говорить? Осмотритесь вокругъ себя: нынѣ день смерти Господа и Спасителя нашего; нынѣ Онъ взошелъ на крестъ за грѣхи наши, да доставитъ всѣмъ намъ оправданіе и животъ вѣчный; нынѣ ли посему не собраться всѣмъ послѣдователямъ Іисусовымъ у гроба Его? Но сколько людей, кои остались теперь дома, сидятъ въ праздности, не знаютъ даже, что дѣлать и какъ провести время, и между тѣмъ не спѣшатъ въ храмъ, къ подножію креста Христова!..

Кого винить въ нашей хладности и безчувствіи? Уже не Тебя ли, Господи! Ты, можетъ быть, мало сдѣлалъ для того, чтобы просвѣтить и вразумить, тронуть и возбудить, согрѣть и привлечь насъ къ Себѣ!.. Но что же бы можно было сдѣлать болѣе! Явись, грѣшникъ, кто бы ты ни былъ, у гроба сего и скажи самъ, что нужно для тебя сдѣлать и чего не сдѣлано. Тебя надлежало вывести изъ тьмы естественнаго невѣдѣнія на свѣтъ Божій, и надъ тобою возжено столько свѣтилъ богопознанія, что младенцы нынѣ болѣе знаютъ о Богѣ и о жизни вѣчной, нежели сколько знали великіе мудрецы міра древняго. Для тебя необходимъ былъ примѣръ жизни благой и праведной, примѣръ чистой любви, смиренія и терпѣнія, предъ тобою жизнь и дѣянія Спасителя твоего, въ коихъ не на словахъ, а на дѣлѣ весь законъ и всѣ заповѣди. Тебѣ нужно было и врачевство отъ разслабленія духовнаго, и ты окруженъ благодатію Духа Святаго, молитвами и таинствами Церкви. Тебѣ нужно всеоружіе для сраженія съ врагами твоего спасенія, и оно всегда готово въ сокровищницѣ Церкви. Итакъ, явись, грѣшникъ,

у сего гроба и скажи самъ Спасителю твоему, что нужно было для тебя сдѣлать и чего не сдѣлано. Онъ столько любитъ тебя, что если, дѣйствительно, что нужно для тебя, Онъ возстанетъ изъ гроба и паки взойдетъ на крестъ...

Между тѣмъ, возлюбленный о Христѣ собратъ, разсмотримъ безпристрастно, дѣлали ль и дѣлаемъ ли мы съ тобою, что можно и должно было дѣлать намъ, дабы вѣра и Евангеліе Іисусовы не оставались въ насъ безплодными. У насъ есть умъ: употребляемъ ли мы его на познанія нашихъ обязанностей, нашей души и совѣсти,—на уразумѣніе Божественнаго лица Спасителя нашего, Его ученія, жизни и смерти, для насъ подъятой?—У насъ есть воля и свобода, способныя слѣдовать или закону Божію и гласу Евангелія, или внушенію чувствъ и страстей: дѣйствовали ль мы сею волею и свободою такъ, какъ повелѣваетъ Евангеліе, стояли ль въ истинѣ и правдѣ, сражались ли съ собственными страстями и похотями? Намъ преподано множество и естественныхъ и сверхъестественныхъ средствъ къ искорененію въ насъ злыхъ навыковъ, къ очищенію нашей природы, къ укрѣпленію въ насъ добраго расположенія, къ огражденію насъ отъ соблазновъ и искушеній, къ препобѣжденію міра, плоти и діавола: многія ли изъ сихъ средствъ употреблены нами въ дѣло, и не остаются ли доселѣ даже неизвѣстными намъ, по нашему небреженію о нихъ?

Кого же винить послѣ сего, какъ не самихъ себя, если мы доселѣ остаемся во тьмѣ и хладѣ, во грѣхахъ и нечистотѣ, въ безчувствіи и смерти духовной? Если бы ты, человѣкъ, былъ камень, тебя можно бы взять и обдѣлать, какъ угодно строителю. Если бы ты былъ древо, тебя можно было бы садить и пересаживать, какъ вздумалъ бы садовникъ. Если бы ты, грѣшникъ, былъ существо, хотя живое, но неразумное и лишенное свободы, съ тобою можно было бы поступить, какъ поступаютъ съ безсловесными. Но ты—человѣкъ, тебѣ даны умъ и произволъ, даны на всю вѣчность. Разъ давши тебѣ дары сіи и преимущества, Творецъ премудрый никогда уже не возьметъ ихъ назадъ. Что же послѣ сего остается дѣлать съ тобою самому всемогуществу Божію, какъ токмо наставлять и вразумлять тебя, убѣждать и трогать, просить и молить тебя—о собственномъ твоемъ спасеніи?

И смотри — чѣмъ это всемогущество не вразумляетъ, не убѣждаетъ, не проситъ и не молитъ тебя—самимъ крестомъ и гробомъ единороднаго Сына своего, за тебя распятаго и погребеннаго!—Виждь, глаголетъ оно, виждь, чего стоитъ грѣхъ твой, какой жертвы потребовалъ онъ для спасенія твоего, виждь и уразумѣй, что будетъ наконецъ съ тобою, если ты не воспользуешься жертвою, за тебя принесенною! Аминь.

Слово въ Великій Пятокъ.

Чій образъ сей и написаніе? (Мате. 22, 20).

Такъ вопросилъ нѣкогда Господь книжниковъ іерусалимскихъ о златомъ пенязѣ, Ему представленномъ, дабы изъ того, что изображено на немъ, взять отвѣтъ на недоумѣніе ихъ *достоитъ ли дати кинсонъ Кесареви, или ни?* — А мы вопросимъ нынѣ такимъ образомъ васъ, братіе мои, о предлежащемъ здѣсь изображеніи, вопросимъ для того, дабы показать, какую дань любви и благодарности подобаетъ пріять Божественному Страдальцу сему отъ насъ, кои искуплены отъ грѣха и смерти не златомъ и пенязями, а драгоцѣнною кровію Его, на крестѣ за насъ изліянною.

Чій убо образъ сей и написаніе?

Се образъ величайшаго Наставника въ мудрости, Который на то родился и на то пришелъ въ міръ, дабы свидѣтельствовать истину; — и свидѣтельствовалъ ее всюду и предъ всѣми, возвѣщалъ пути живота во храмѣ и на торжищахъ, среди градовъ и весей, на сушѣ и на водахъ, на горахъ и въ юдоляхъ, равно свидѣтельствовалъ предъ прокураторомъ римскимъ и женою самарянскою, предъ синедріономъ и слѣпцомъ іерихонскимъ, предъ мудрыми и буіими міра, предъ старцами и отроками, предъ іудеями и язычниками. Какая истина не вышла изъ устъ Его во всемъ свѣтѣ? Какая заповѣдь не преподана Имъ во всей силѣ? Какое обѣтованіе жизни вѣчной не открыто и не утверждено Имъ непоколебимо? Алтарь и престолъ, колыбель и гробъ, мечъ и мрежи, плугъ и вѣсы, все озарено свѣтомъ Его Божественнаго ученія. Гласъ истины во устахъ Его былъ такъ силенъ, что самые враги должны были умолкать предъ Нимъ

и исповѣдать, яко *николиже тако глаголалъ человѣкъ, яко сей человѣкъ* (Іоан. 7, 46).

Но бѣдные грѣшники возлюбили паче тьму, нежели свѣтъ; страсти и предразсудки ихъ, не терпя обличенія, возстали на Проповѣдника истины;—и се, Онъ, яко льстецъ и противникъ Моисея и Пророковъ, поруганъ, умученъ и взятъ изъ среды живыхъ!..

Итакъ, это вашъ образъ и написаніе, любители и любимцы святой истины! Окружите съ благоговѣніемъ гробъ величайшаго Свидѣтеля ея и воспріимите отъ Него духъ вѣры и мужества для борьбы съ заблужденіями и упорствомъ человѣческимъ. Если хотите почтить память Его страданій и смерти, то дайте обѣтъ никогда не скрывать истины въ неправдѣ человѣческихъ мнѣній, а возглашать ее на кровахъ и стогнахъ, не измѣнять ей и тогда, когда противъ нея весь міръ, когда за нею стоитъ для васъ крестъ. Се жертва, коей ожидаетъ отъ васъ этотъ Божественный Страдалецъ за истину!

Чій образъ сей и написаніе?

Се образъ величайшаго друга и благодѣтеля человѣчества. Проходя изъ града въ градъ, изъ веси въ весь, всюду оставлялъ Онъ слѣды Своей благости: слѣпымъ подавалъ зрѣніе, глухимъ слухъ, хромымъ хожденіе, мертвымъ жизнь; и благотворя тѣлу, въ то же время еще болѣе благодѣтельствовалъ душѣ. По гласу любви Его, взыскующей всѣхъ погибшихъ, сребролюбивые Закхеи раздавали полъимѣнія нищимъ, всѣми презираемые мытари обращались въ Апостоловъ, блудницы цѣломудрствовали, разбойники со креста переходили въ рай.

Но злоба человѣческая не усрамилась сихъ чудесъ любви;—и другъ человѣчества представленъ Пилату, яко врагъ общественнаго спокойствія; и утѣха Израиля предана на поруганіе язычникамъ и низведена во гробъ!..

Итакъ, друзья человѣчества, это вашъ образъ и написаніе! Не ищите другаго вождя и другаго примѣра въ вашихъ человѣколюбивыхъ подвигахъ и трудахъ на пользу бѣдствующихъ братій вашихъ, кромѣ Іисуса распятаго. Не ищите и другихъ средствъ къ уменьшенію бѣдствій на землѣ, кромѣ тѣхъ, кои указаны Имъ въ Его Евангеліи, или сами собою выходятъ изъ духа Его заповѣдей. Научи-

тесь, подобно Ему, благотворить не одному тѣлу несчастныхъ, но и ихъ душѣ.—благотворить, не ожидая за свои подвиги на землѣ ничего, кромѣ утѣшеній совѣсти; научитесь даже терпѣть за ваши благотворенія, и полагать изъ любви къ ближнему не только стяжанія и труды, но самую душу свою. Се любовь къ ближнимъ по чину Іисусову!

Чій образъ сей и написаніе?

Это образъ величайшаго Праведника и Подвижника въ добродѣтели. *Кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ* (Іоан. 8, 46), вопрошалъ Онъ враговъ Своихъ; и никто изъ враговъ не могъ обличить Его ни въ единомъ грѣхѣ. Напрасно синедріонъ искалъ лжесвидѣтелей: они клеветали токмо на самихъ себя. Самъ Пилатъ принужденъ былъ совѣстію своею умыть руки и сказать: *я неповиненъ въ крови Праведника сего!* Самъ Іуда исповѣдалъ предъ смертію, что онъ согрѣшилъ—предавъ кровь неповинную.

Но клевета человѣческая не усомнилась и сего Праведника вмѣнить съ злодѣями. Тотъ, для Коего былъ брашномъ, да творитъ волю Отца Своего, поставленъ ниже Вараввы, и вознесенъ на крестъ!..

Итакъ, подвижники добродѣтели и благочестія, это вашъ образъ и написаніе!—Посмотрите пристальнѣе на этотъ вѣнецъ терновый, на эти руки и ноги, прободенныя гвоздями, на это сердце, отверстое копіемъ; посмотрите и повѣрьте сими язвами вашу любовь къ Богу и ближнему, вашу чистоту и правду, ваше терпѣніе и мужество. Здѣсь показано, что значитъ жить для Бога и вѣчности, какъ должно хранить законъ и правду, какъ сражаться съ порокомъ и нечестіемъ, гдѣ искать помощи среди скорбей и напастей вѣка, и чѣмъ укрѣплять себя въ грозный часъ смерти. Если хощете служить Господу воистину, то пріимите и вы на рамена свои крестъ Христовъ. Безъ распятія плоти и страстей—нѣтъ спасенія человѣку падшему!

Чій образъ сій и написаніе?

Это образъ Искупителя человѣковъ, втораго Адама, *Иже есть Господь съ небесе* (1 Кор. 15, 47). Заступивъ для насъ мѣсто Адама перваго, принявъ на Себя грѣхи всего рода человѣческаго, Онъ, яко Искупитель и жертва, вознесенъ для изглажденія ихъ на крестъ, и, смертію Своею удовлетворивъ вѣчной правдѣ, примиривъ насъ съ Богомъ, возвра-

тилъ намъ чистоту и невинность, отверзъ для насъ рай, нами потерянный. Послѣ сего нѣтъ грѣха, побѣждающаго человѣколюбіе Божіе; послѣ сего *ни едино осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ* (Рим. 8, 1), и ходящимъ не по плоти, а по духу; послѣ сего и для разбойниковъ отверзтъ крестомъ рай, коль скоро они оставляютъ навсегда грѣхъ и съ вѣрою отъ сердца вопіютъ: *помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!*

Итакъ, воздыхающіе подъ тяжестію страстей грѣшники, это вашъ образъ и написаніе! Что надлежало бы претерпѣть за грѣхи ваши вамъ, то самое претерпѣлъ за васъ сей Божественный Ходатай. Спѣшите же къ живоносному гробу Его; слагайте у пречистыхъ ногъ Его всѣ ваши грѣховныя тяжести; взимайте правду и чистоту, для васъ пріобрѣтенныя; почерпайте благодать и милость, текущую изъ язвъ Его. Но, примирившись съ Богомъ и совѣстію, не возвращайтесь къ прежнимъ кумирамъ грѣха, да не явитесь виновными въ Божественной крови, за васъ проліянной и вами злоупотребленной.

Чій образъ сей и написаніе?

Это образъ великаго Царя и всемогущаго Владыки, Который за то, что, будучи во образѣ Божіи, уничижилъ Себя насъ ради до смерти крестныя, превознесенъ теперь надъ всѣмъ, и получилъ *имя паче всякаго имени* (Филип. 2, 9), Коему Отецъ небесный, яко возлюбленному Сыну, предалъ всякую власть на земли и на небеси, въ рукахъ Коего ключи не только всѣхъ дарованій и всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ, но самаго ада и смерти; но Который, не смотря на высоту и славу Свою, не стыдится прежняго уничиженія, не сокрываетъ язвъ и вѣнца терноваго, благоволитъ являться распятымъ и погребеннымъ, дабы тѣмъ удобнѣе былъ доступъ къ Нему, дабы никто не могъ усумниться въ прежней любви Его ко всѣмъ бѣднымъ грѣшникамъ.

Итакъ труждающіеся и обремененніи, это вашъ образъ и написаніе! Страдалецъ Голгоѳскій для того и воцарился надъ всѣмъ міромъ, дабы вѣрующимъ въ Него все споспѣшествовало во благое. Теперь нѣтъ бѣдствія, коего бы Онъ не могъ отвратить отъ васъ; нѣтъ блага, коего Онъ не могъ бы подать вамъ. *Просите убо и пріимете* (Іоан. 16, 24). Нужны ли познанія,—у Него вся сокровища премудрости и разума. Нужна ли защита отъ враговъ сильныхъ,—у Него

вся сила и могущество. Нужно ли здравіе,—Онъ воскресеніе и жизнь. Нужно ли благорастворе́ніе стихій, плодоносіе земли,—Ему служатъ источники, Ему работаютъ бездны. Только просите съ вѣрою, ничто же сумняся; просите съ рѣшимостію употребить во благо просимое, просите, предая судьбу свою и самое прошеніе Его премудрости и всесвятой волѣ.

Чій образъ сей и написаніе?

Это образъ будущаго нашего Судіи и Господа. По безприкладной благости Своей къ намъ, въ надеждѣ нашего обращенія, Онъ продолжаетъ являться съ крестомъ и плащаницею, стрегомый стражами римскими, погребаемый Іосифомъ и Никодимомъ, печатаемый печатію Каіаѳы. Но время долготерпѣнія не безъ конца; настанетъ день, когда Онъ явится на облакахъ небесныхъ, съ силою и славою многою, окруженный Архангелами и Ангелами; явится для того, чтобы возбудить отъ сна смертнаго и воззвать предъ Свой праведный судъ всѣхъ сыновъ Адамовыхъ, и произнесть надъ каждымъ изъ насъ рѣшительный приговоръ на всю вѣчность. Тогда потребуются уже не поклоненія и лобзанія, а одни дѣла вѣры живой и любви чистой. Тогда возвратимся отъ лица Его уже не въ домы, какъ теперь для занятія суетою міра, для уготовленія того, что требуетъ плоть и кровь, а—или въ рай и царствіе, для празднованія вѣчной Пасхи, или во адъ, для нескончаемаго плача и скрежета зубовъ.

Итакъ, всѣ чающіе воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, се вашъ образъ и написаніе! Станьте у гроба сего Мертвеца, подобно тому, какъ вы станете нѣкогда предъ страшнымъ престоломъ Его же — Судіи; станьте, и дайте Ему отчетъ въ дѣлахъ своихъ; сравните, что сдѣлано для васъ Спасителемъ вашимъ, и что дѣлаете для Него, паче для васъ же самихъ, вы. Вспомните, чего потребуетъ Онъ отъ васъ на судѣ, и разсмотрите, есть ли хотя нѣкая часть того въ васъ. Если вы измѣняете истинѣ, за которую Онъ умеръ; если чужды любви и милосердія, для коихъ Онъ жилъ; если не храните правды и чистоты, коими Онъ облекъ васъ; если тѣ грѣхи, кои Онъ пригвоздилъ на крестѣ, снимаете со креста и полагаете въ душу и сердце свое; если вмѣсто того, чтобы готовиться къ суду и вѣчности, все время

и силы ваши отдаете грѣхамъ и похотямъ, то знайте, сколько бы вы ни поклонялись сему изображенію, сколько бы ни лобызали сіи язвы, вашъ *судъ написанъ* (Псал. 149, 9),—написанъ и подписанъ—сею же самою кровію, за васъ проліянною! Для грѣшниковъ нераскаянныхъ нѣтъ болѣе Искупителя; остается одинъ Судія и Мздовоздаятель! Аминь.

Слово въ Великій Пятокъ.

Дщери іерусалимски, не плачитеся о Мнѣ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ (Лук. 23, 28).

Такъ говорилъ Господь сердобольнымъ женамъ іерусалимскимъ, кои съ плачемъ сопровождали Его изъ преторіи Пилатовой на Голгоѳу.

Но можно ли было удерживаться отъ слезъ, при видѣ умученнаго уже воинами Пилатовыми Страдальца, Который съ тяжелымъ крестомъ на раменахъ шестововалъ теперь посреди злодѣевъ къ мѣсту лобному. Плачущія жены могли сказать въ отвѣтъ то же, что Самъ Господь говорилъ фарисеямъ при Своемъ входѣ въ Іерусалимъ: *аще мы умолчимъ, каменіе возопіетъ* (Лук. 19, 40)!

Теперь другое: на нашей ежегодной Голгоѳѣ нѣтъ болѣе мученій для Сына Человѣческаго. Когда мы окружаемъ гробъ Его, и поемъ пѣсни исходныя, Онъ сидитъ во славѣ одесную Отца, и внемлетъ хвалебнымъ гласамъ Архангеловъ и Ангеловъ. Не тѣмъ ли болѣе мы въ правѣ отъ лица Божественнаго Страдальца воззвать теперь гласомъ Голгоѳскимъ: *дщери іерусалимски*—души чувствительныя и сострадущія, при видѣ сей плащаницы *не плачитеся о Немъ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ!*

Не плачитеся о Немъ, ибо чаша лютыхъ страданій уготованная для Него правосудіемъ небеснымъ давно истощена Имъ до конца; крестъ и смерть, яко необходимые для искупленія рода человѣческаго отъ проклятія за грѣхъ, претерпѣны; состояніе земнаго уничиженія Сына человѣческаго кончилось, и Онъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ.

Не плачитеся о Немъ, ибо смерть и гробъ не удержали Его въ своихъ узахъ; Онъ воскресъ со славою; вознесся на небо съ торжествомъ, ниспослалъ Пресвятаго Духа Апосто-

ламъ и всѣмъ вѣрующимъ; и теперь сѣдитъ одесную Отца, ожидая, дондеже всѣ враги Его положатся въ подножіе ногъ Его.

Не плачитеся о Немъ, ибо что плакать о Томъ, Который наслаждается теперь блаженствомъ и славою, коимъ нѣтъ ни предѣла, ни конца? Что проливать слезы надъ Тѣмъ, Который для того и восходилъ на крестъ, дабы отъять всякую слезу отъ всякихъ очей?

Что же дѣлать?—вопросите. Ужели на крестъ и гробъ Спасителя своего можно взирать хладнымъ сердцемъ и сухими очами? Нѣтъ, братіе мои, если гдѣ мѣсто нашимъ слезамъ и воздыханіямъ, то здѣсь, только сіи слезы и воздыханія должны быть не о Немъ, а о насъ самихъ: *себе плачите и чадъ вашихъ!*

Плачите себе, ибо Спаситель вашъ на небѣ во славѣ, а вы еще на землѣ во плоти, въ коей по естеству не живетъ доброе. Онъ среди Архангеловъ и Ангеловъ, а вы еще среди міра, который весь во злѣ лежитъ, еще посреди сѣтей и искушеній, напастей и печалей вѣка, такъ что не можете быть увѣрены ни въ жизни, ни въ самой добродѣтели своей.

Плачите себе, оплакивайте заблужденія вашей юности, исчезнувшей въ суетѣ и помышленіяхъ лукавыхъ; рыдайте надъ грѣхопаденіями мужества и лѣтъ зрѣлыхъ, кои безпощадно отданы въ жертву честолюбію и любостяжанію, плотоугодію и роскоши; слезите надъ самыми сѣдинами старчества вашего, богатаго лѣтами, но не нравами благими, удалившаго отъ васъ міръ, но не освободившаго васъ отъ міра.

Себе плачите, ибо сколько даровъ природы, или паче Творца ея и вашего, вами погублено! Сколько даровъ благодати отвергнуто или принято вотще! Сколько благихъ движеній духа и сердца принесено въ жертву суетнымъ обычаямъ мірскимъ! Какое множество учинено явныхъ грѣхопаденій, кои, какъ камень, лежатъ теперь на вашей совѣсти и тяготятъ душу!

Себе плачите, плачьте и всегда, тѣмъ паче нынѣ, у гроба своего Спасителя и Господа. Ибо чѣмъ заплатили вы за безприкладную любовь Его къ вамъ недостойнымъ? Какое употребленіе сдѣлали изъ святыхъ обѣтованій и заповѣдей

Его? На какой кумиръ земной не мѣняли безумно Евангелія и креста Его? Какую самую ничтожную выгоду земную не предпочитали дѣлу вашего спасенія?

Плачите убо себе и чадъ вашихъ. Плачите и чадъ, потому что они зачаты вами въ беззаконіяхъ и рождены во грѣхахъ; потому что, вмѣсто примѣра добра, вы служили для нихъ нерѣдко въ соблазнъ и претыканіе, и, собирая для нихъ наслѣдіе на земли, не приготовили имъ ничего на небѣ.

Плачитеся и чадъ вашихъ, кои, оставивъ домъ родительскій, не вынесли изъ него съ собою ни чистоты духа, ни чистоты тѣла, кои, преуспѣвая въ познаніяхъ мудрости земной, небрегутъ объ урокахъ мудрости небесной, кои отъ малыхъ лѣтъ бывъ преданы на жертву обычаямъ иноземнымъ, сдѣлались чуждыми между своихъ, хладными къ вѣрѣ и преданіямъ отцовъ.

Плачите себе и чадъ вашихъ, ибо, при такомъ несчастномъ положеніи вещей, что ожидаетъ васъ и чадъ вашихъ въ будущемъ? Ожидаетъ гнѣвъ Божій на землѣ и на небѣ; ожидаетъ разстройство здоровья, превращеніе благосостоянія домашняго и всѣхъ отношеній семейныхъ; ожидаютъ взаимныя распри, плачъ и горесть...

Себе убо плачите и чадъ вашихъ, плачите теперь, когда пріемлются наши слезы и отираются рукою милосерднаго Спасителя, дабы не плакать вѣчно послѣ, когда онѣ не будутъ болѣе пріемлемы, и когда плачущіе напрасно будутъ вопіять къ горамъ: *падите на ны, и къ холмамъ: покройте ны* отъ лица грядущаго гнѣва (Луки 23, 30)! Аминь.

Слово въ Великій Пятокъ.

Вы слушали сейчасъ, братіе мои, страшную повѣсть страданій Богочеловѣка. Се предъ очами вашими самое изображеніе Божественнаго Страдальца, снятаго уже со креста и почивающаго во гробѣ. Послѣ сего и о насъ подобаетъ рещи то же самое, что Апостолъ Павелъ вѣщалъ нѣкогда о христіанахъ церкви Галатійской: *имъ же предъ очима Іисусъ Христосъ преднаписанъ бысть, въ васъ распятъ* (Галат. 3, 1)!

Для чего убо святая Церковь приближаетъ такимъ образомъ не только къ слуху, но и къ самому зрѣнію каждаго

изъ насъ страданія и крестъ Господа нашего? Для того, безъ сомнѣнія, чтобы каждый изъ насъ, пораженный сею близостію, оставилъ теперь прочія занятія, и обратилъ все вниманіе на Спасителя и Господа своего,—для того, чтобы каждый самъ вступилъ нынѣ въ непосредственную бесѣду съ Нимъ. Да, братіе мои, если когда вы можете обойтись безъ нашего поученія, то въ настоящій день; и если мы взошли теперь на сіе священное мѣсто, то не для обычнаго собесѣдованія съ вами, а чтобы напомнить вамъ о необходимости вашей собственной бесѣды съ Спасителемъ вашимъ.

Скажетъ ли кто-либо, что онъ неспособенъ къ сему? Увы, со всѣми и о всемъ можемъ мы бесѣдовать и бесѣдуемъ сами, а съ Господомъ и Спасителемъ нашимъ, съ Тѣмъ, Кто умеръ за насъ на крестѣ, съ Нимъ однимъ не можемъ!.. Если дѣйствительно есть въ комъ-либо сія жалкая невозможность, то что значитъ она? То, что мы безчувственны и неблагодарны къ нашему Спасителю, что мы никогда не думали, какъ должно о своемъ отношеніи къ Нему, не обращали души и сердца ко кресту Его:—если смотрѣли на Него иногда, то смотрѣли какъ на простое зрѣлище; если поклонялись Ему, то подобно тому, какъ поклоняется язычникъ своимъ рукотвореннымъ изваяніямъ. Нѣтъ, крестъ Христовъ не подобенъ симъ бездушнымъ изваяніямъ; онъ весь облитъ кровію живоносною, которая, по увѣренію Апостола, стократъ лучше глаголетъ, нежели кровь Авеля праведнаго (Евр. 12, 24). Распятый на семъ крестѣ Господь нашъ, хотя почиваетъ теперь яко мертвъ во гробѣ, но Онъ мертвъ для невѣрующихъ іудеевъ, а для тебя, христіанинъ, Онъ и во гробѣ есть Божія сила и Божія премудрость. Премудрость ли Божія не дастъ отвѣта намъ, если только будемъ вопрошать ее съ вѣрою и смиреніемъ?

Итакъ, кто бы ты ни былъ, возлюбленный слушатель, первый мудрецъ или послѣдній невѣжда, самый великій и важный въ мірѣ человѣкъ. или самый незначущій членъ общества человѣческаго, стань у гроба Господа своего, и начни бесѣду съ Нимъ. Спроси, во-первыхъ, откуда этотъ крестъ и гробъ, для чего Сынъ Божій претерпѣлъ столько ужасныхъ страданій, подвергся смерти и погребенію, скажи съ Пророкомъ: *кто сей, пришедый отъ Едома, и почто червлены ризы его, яко отъ Восора* (Ис. 63. 1—2)? Скажи и

внемли, какъ Онъ гласомъ того же Пророка отвѣчаетъ тебѣ, яко день *воздаянія приде, лѣто избавленія приспѣ* (Исаіи 63, 4); насталъ, то есть, давно предсказанный часъ искупленія рода человѣческаго, пришло время удовлетворить за грѣхи его правдѣ небесной и примирить его съ Богомъ: сего ради—*не ходатай, ниже Ангелъ, но Самъ Господь спасе насъ* (Исаіи 63, 9), спасе не благовѣстіемъ токмо слова, не поданіемъ токмо примѣра благаго, какъ могли бы служить ко спасенію и подобные намъ человѣки, а содѣлавшись за насъ умилостивительною жертвою, подъявъ за насъ самую смерть, коей подлежали мы всѣ, яко преступники закона Божія.

Желаешь ли знать, кто требовалъ столь великой жертвы за грѣхи?—И Онъ гласомъ святаго Павла отвѣчаетъ тебѣ (Рим. 3, 22—24), что сего требовала правда Божія, нашими грѣхами раздраженная, что безъ сей очистительной жертвы мы не могли быть терпимы неприступною для грѣшниковъ святостію существа Божія, что безъ сего торжественнаго удовлетворенія закону весь порядокъ міра нравственнаго потерялъ бы свою силу и непреложность.

Вопроси далѣе съ вѣрою и любовію, что должно послѣ сего дѣлать человѣку, искупленному отъ грѣховъ и проклятія столь великою цѣною,—что должно дѣлать тебѣ самому, чтобы страданія и смерть Сына Божія не остались для тебя безплодными? Ибо, не можетъ же быть, чтобы кровь, проліянная на Голгоѳѣ, омывала и освящала каждаго и нехотящаго, противъ нашей, такъ сказать, воли. И Господь гласомъ того же Апостола, скажетъ тебѣ, что для сего необходимы съ нашей стороны, во-первыхъ, живая вѣра въ Божественныя заслуги и ходатайственную смерть Его за насъ (Еф. 2, 8), а во-вторыхъ,—жизнь по сей вѣрѣ, то есть жизнь чистая, праведная и богоугодная (Еф. 4, 20—23), что безъ покаянія во грѣхахъ, безъ исправленія нашего сердца и нравовъ благодатію Духа Святаго, и смерть Спасителя останется безъ всякаго плода для насъ, и не только не спасетъ насъ отъ гнѣва небеснаго, а послужитъ къ вящшему нашему осужденію (Евр. 6, 4—9).

Принявъ съ благоговѣніемъ сіи вѣщанія отъ гроба Господня, обратись потомъ, возлюбленный слушатель, къ своей совѣсти и своей жизни, и разсмотри: есть ли въ тебѣ подоб-

ная вѣра въ Спасителя, и есть ли жизнь достойная сей вѣры? Такъ ли ты мыслишь, желаешь и дѣйствуешь, какъ прилично христіанину, и какъ предписалъ тебѣ мыслить, желать и дѣйствовать Спаситель твой? И если окажется, что дѣло спасенія въ тебѣ еще и не зачиналось, или началось когда-либо, но потомъ забыто и оставлено, то подумай, что ожидаетъ тебя, за котораго умеръ Сынъ Божій, и который однако же о сей смерти Его не думаешь, какъ бы ея не было, или бы она не касалась тебя, или составляла нѣчто не важное. Если мысль о толикой съ твоей стороны неблагодарности къ Искупителю твоему и представленіе ужасной участи, которая ожидаетъ презрителей крови Сына Божія, тронетъ тебя (а какъ не тронуть, если у тебя есть сердце?), когда ты увидишь, что нельзя болѣе продолжать тебѣ своего преступнаго равнодушія къ смерти Искупителя, за тебя подъятой, что непремѣнно надобно сообразить съ нею жизнь свою, то обратись паки къ своей совѣсти и вопроси самъ себя, что нужно тебѣ сдѣлать и дѣлать отселѣ, какъ вести себя, что оставить, что измѣнить, дабы престать быть христіаниномъ по одному имени. Сообразивъ все это, рѣшившись на жизнь христіанскую, стань у гроба Спасителя твоего, призови на помощь благодать Его, дай обѣтъ быть вѣрнымъ совѣсти и Евангелію; и иди въ домъ твой, иди и, снова размысливъ, снова призвавъ Господа на помощь, немедля начинай дѣло спасенія своего — въ твердой увѣренности, что Господь не оставитъ тебя ни вразумленіемъ, ни утѣшеніемъ, ни успѣхомъ благословеннымъ.

Се, братіе мои, предметъ для собственнаго собесѣдованія каждому изъ насъ съ почивающимъ во гробѣ Господомъ нашимъ! Се текстъ для проповѣди, которую каждый долженъ сказать нынѣ самъ себѣ! Видите, что должно быть и заключеніемъ сея проповѣди! Это заключеніе, не какъ въ нашихъ проповѣдяхъ, должно состоять не изъ словъ, а изъ дѣлъ. Отъ сея проповѣди должна измѣниться вся наша жизнь. Если вы займетесь симъ важнымъ предметомъ сей же часъ, какъ должно, то не будете имѣть нужды въ нашемъ поученіи, сами скоро сдѣлаетесь въ состояніи учить и назидать другихъ, а если не обратите на сіе вниманіе, если ограничитесь, и нынѣ какъ и прежде, обыкновеннымъ слушаніемъ пѣснопѣній и чтеній церковныхъ, нѣсколькими

поклоненіями предъ святою плащаницею и мимолетными воздыханіями, то хотя бы Ангелъ съ неба сшелъ и возглаголалъ къ намъ, мы не получимъ плода отъ его проповѣди; и, при всѣхъ нашихъ благихъ, повидимому, мысляхъ и чувствахъ, при всѣхъ нашихъ поклоненіяхъ и даже слезахъ, останемся тѣми же, что были, грѣшниками, съ прежними страстями въ душѣ и язвами въ совѣсти. Посему собственнымъ спасеніемъ вашимъ умоляемъ васъ, братіе, размыслить у сего гроба о томъ, къ чему мы призывали васъ размыслить, не поверхностно, не мимоходомъ, а такъ, какъ бы дѣло шло о вашей жизни и смерти, ибо точно здѣсь дѣло идетъ о жизни и смерти нашей,—жизни некончаемой, смерти вѣчной. Здѣсь въ семъ гробѣ, или наше вѣчное оправданіе, или наше вѣчное же осужденіе: отсюда путь или въ рай или въ адъ! Выбирай любое, но одно изъ двухъ непремѣнно избрать долженъ.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, если правосудіе земное не оставляетъ безъ отмщенія смерти и обыкновеннаго человѣка, то оставитъ ли безъ возмездія правосудіе небесное кровь Сына Божія, если мы окажемся ея презрителями?—Теперь можно, пожалуй, ограничиваться однимъ преклоненіемъ главы предъ лежащимъ во гробѣ Судіею нашимъ, однимъ хладнымъ лобзаніемъ изображенія язвъ Его; можно, пожалуй, взглянуть на нихъ съ равнодушіемъ и отойти съ надменнымъ видомъ вольнодумца; можно чувствовать, думать и дѣлать у сего гроба, что угодно. Лежащій въ немъ, подобно обыкновеннымъ мертвецамъ, не скажетъ теперь ничего. Но надобно явиться предъ сего Мертвеца и тогда, когда Онъ будетъ уже не во гробѣ, а на престолѣ славы и всемогущества; надобно будетъ предъ Нимъ дать отчетъ тамъ, гдѣ окружатъ Его уже не смиренные служители алтаря, а Херувимы и Серафимы. Имѣяй уши слышати и умъ внимати, да слышитъ и да внимаетъ! Аминь.

Слово на Великій Пятокъ.

Есть же обычай, да единаго вамъ отпущу на Пасху хощете ли убо, да отпущу вамъ Царя Іудейска? Возопиша же вси, глаголюще не сего, но Варавву, бѣ же Варавва разбойникъ (Іоан. 18, 40).

Вотъ наконецъ среди беззаконнаго суда надъ Іисусомъ и гласъ о Немъ народа, — тотъ гласъ, въ пользу коего нынѣ по разнымъ странамъ столько лживыхъ и безумныхъ возгласовъ! Вотъ наконецъ и приговоръ надъ Іисусомъ, такъ называемаго, свободнаго собранія общественнаго,—тотъ приговоръ, мнимымъ безпристрастіемъ коего такъ жалко прельщаются цѣлыя царства и народы!—И Пилатъ, подобно нынѣшнимъ мудрецамъ, увѣренъ былъ въ превосходствѣ добродѣтели предъ порокомъ, почему и почиталъ совершенно достаточнымъ поставить только невиннаго Іисуса предъ народнымъ собраніемъ на ряду съ Варавввою, дабы спасти Его отъ казни крестной; но что вышло? Вмѣсто гласа Божія, каковымъ привыкли иногда называть гласъ народа, изъ устъ іудеевъ раздался ужасный голосъ духа злобы: *не сего, но Варавву!..*

Остановитесь, несчастные избиратели! Что сдѣлалъ вамъ Пророкъ Галилейскій, что вы осуждаете Его такъ безжалостно на смерть? Не онъ ли отверзалъ очи вашимъ слѣпцамъ, исцѣлялъ вашихъ прокаженныхъ, изгонялъ бѣсовъ, воскрешалъ мертвыхъ? Не Онъ ли поучалъ всѣхъ и каждаго путямъ живота вѣчнаго? Съ другой стороны, чѣмъ заслужилъ вашу любовь и предпочтеніе предъ Іисусомъ Варавва? Не отъ него ли столько времени трепетали грады и мирныя веси? Не его ли проклинаютъ доселѣ за разбой и убійства жены, лишенныя супруговъ, матери, обезчадѣвшія отъ дѣтей. Не вы ли сами, наконецъ, молитесь ежедневно и въ храмѣ, и въ домахъ вашихъ о пришествіи Мессіи, Который стоитъ теперь предъ вами, ожидая вашего приговора?

Никто и ничего не можетъ сказать напротивъ; и однако же всѣ вопіютъ: *не сего, но Варавву!* Почему? Потому что Божественное Лице и святое ученіе Іисусово не приходятся по страстямъ и народнымъ предразсудкамъ іудейскимъ, потому что Онъ не удовлетворяетъ и не показываетъ желанія

удовлетворить тѣмъ мечтательнымъ ожиданіямъ, кои каждый создалъ въ умѣ своемъ касательно лица и дѣйствій Мессіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что несчастные избиратели іудейскіе слѣдовали въ семъ случаѣ даже не собственному, хотя бы и ошибочному, мнѣнію, а чуждому наущенію; нѣтъ сомнѣнія, что фарисеями и книжниками внушено имъ теперь о Лицѣ и дѣйствіяхъ Іисуса множество самыхъ превратныхъ понятій: что Онъ *другъ мытаремъ и грѣшникомъ* (Матѳ. 11, 13); что Онъ *не хранитъ субботы* (Іоан. 9, 17); что если *изгонитъ бѣсы*, то о *Веельзевулѣ, князѣ бѣсовстѣмъ* (Матѳ. 12, 24); что если бы даже былъ невиненъ, *то уне есть, да единъ человѣкъ умретъ за люди, а не весь языкъ погибнетъ* (Іоан. 11, 50) — отъ мести грозныхъ римлянъ, въ случаѣ признанія Его за Мессію и Царя Іудейскаго. Но, братія мои, лучшимъ ли отъ всего этого дѣлается беззаконный приговоръ, который народное собраніе іудейское произнесло теперь надъ Іисусомъ? Менѣе ли отвращенія и ужаса внушаетъ къ себѣ это злосчастное ослѣпленіе общественное?—Если Сынъ Божій, Спаситель человѣковъ, отданный на судъ народнаго мнѣнія, не могъ найти у него себѣ предпочтенія предъ Варавою и осужденъ на смерть, то какая невинность и какая добродѣтель могутъ быть увѣрены, что гласъ ослѣпленнаго народа не принесетъ ихъ въ жертву если не своимъ, то чуждымъ страстямъ и прихотямъ?

Итакъ, видите, когда и гдѣ явилась уже во всей силѣ слѣпота мнѣній и приговоровъ народныхъ, коимъ лжеименная мудрость возмнила нынѣ подчинить благоустройство обществъ человѣческихъ! Вопросъ о семъ рѣшенъ еще на Голгоѳѣ, среди суда надъ Спасителемъ міра.—И что видимъ у тѣхъ народовъ, кои въ недавніе дни, возревновавъ примѣру Пилата, имѣли безуміе отдать общественное благо свое на мнѣніе и судъ всѣхъ и каждаго? Сколько людей мудрыхъ и добродѣтельныхъ промѣнено уже на Варавву и разбойниковъ! Но іудеи, при всемъ ослѣпленіи своемъ, все еще показали себя разумнѣе мудрецовъ нынѣшняго вѣка: они испросили токмо свободу Варавѣ, но не ставили его во главу и вождя надъ собою. А въ наши несчастныя времена Вараввы изъ темницъ прямо идутъ возсѣдать на лиѳостротонѣ, и не омытыми отъ крови руками берутъ нагло жезлъ всенароднаго правленія!...

Возблагодаримъ, братія мои, Господа за то, что мы далеки отъ сихъ безумныхъ шатаній ума превратнаго, далеки и по мѣсту, а еще болѣе по духу, который господствуетъ въ благословенномъ отечествѣ нашемъ. А между тѣмъ, собравшись нынѣ у подножія распятаго Спасителя нашего, Который пришелъ *умиротворить крестомъ* Своимъ *всяческая* (Кол. 1, 20,) размыслимъ о томъ, *яже* христіанину, при настоящихъ обстоятельствахъ, *подобаетъ творити,* яко богоугодная и потому душеполезная, и *яже отметати,* яко богопротивная и потому душевредная.

Что волнуетъ и мятетъ нынѣ несчастные царства и народы? Мысль, какимъ образомъ наилучше устроить общество человѣческое, кому вручить въ немъ власть и силу: единому или всѣмъ и каждому?

Прежде всего, примѣтимъ, братія мои, что самый вопросъ сей въ очахъ истиннаго христіанина есть уже безвѣріе и богохульство. Какъ будто Промыслъ Божій, безъ воли коего не падаетъ съ главы нашея ни единаго волоса, могъ оставить судьбу цѣлыхъ царствъ на произволъ случая, и не явилъ вседержавной воли Своей о томъ, какъ и отъ кого имъ быть управляемыми? Не со всею ли ясностію сказано въ словѣ Божіемъ, что *Самъ Вышній владѣетъ царствомъ человѣческимъ, и емуже восхощетъ, дастъ е* (Дан. 4, 41)? Не Самъ ли Богъ глаголетъ устами Премудраго: *Мною царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду* (Притч. 8, 15)? Не Самъ ли Онъ посему воспретилъ всякое ослушаніе власти предержащей, говоря: *нѣсть власть, аще не отъ Бога: тѣмъ же противляющійся власти, Божію повелѣнію противляется* (Рим. 13, 2)? Что же послѣ сего недоумѣвать и вопрошать о томъ, что рѣшено и утверждено Самимъ Богомъ?

Но вообразимъ на время, что жребій царствъ и образъ управленія народовъ отданъ на произволъ самихъ людей: какому примѣру всего лучше послѣдовать въ избраніи его, какъ не примѣру Самого Бога? Ибо царства человѣческія очевидно, не могутъ имѣть учрежденія лучше того, какъ учреждено царство Божіе. Но оно учреждено такъ, что вездѣ въ немъ видны не только строгій порядокъ и подчиненность, но и единодержавіе.

Чтобы совершенно убѣдиться въ семъ, пройдемъ мыслію по неизмѣримому царству Божію и, первѣе всего, взойдемъ,

хотя и недостойные, на небо. Видите ли несчетные сонмы Херувимовъ и Серафимовъ, неизмѣримые лики Архангеловъ и Ангеловъ? Всѣ свѣтлы, всѣ чисты, всѣ могущественны, всѣ блаженны, но всѣ хранятъ неизмѣняемый порядокъ и подчиненность. Низшіе пріемлютъ озареніе отъ высшихъ, высшіе—отъ высочайшихъ, сіи—отъ первыхъ и старѣйшихъ; и всѣ соединены на вѣки подъ единою главою—единороднымъ Сыномъ Божіимъ, Который есть Владыка Херувимовъ и Серафимовъ, Началовождь Архангеловъ и Ангеловъ.

Не подобный ли порядокъ и чинъ усматриваются и на видимомъ нами небѣ? Въ срединѣ—солнце, яко глава и царь, вокругъ его, по непреложнымъ законамъ, вращаются планеты; за ними текутъ спутники, или луны. Самыя кометы, въ ихъ своеобразномъ бѣгѣ, соблюдаютъ зависимость свою отъ солнца: къ нему единому возвращаются и отъ него единаго, какъ бы получивъ новое назначеніе, уходятъ. Нарушься этотъ порядокъ—сія строгая подчиненность хотя на одну минуту, и весь міръ нашъ сотрясется въ самыхъ основаніяхъ своихъ.

Сойдемъ съ неба на землю и посмотримъ, что на ней. Здѣсь, послѣ паденія владыки земли, злополучнаго прародителя нашего, нѣтъ уже первобытнаго совершенства и согласія; и однакоже вездѣ является зависимость и подчиненность низшаго высшему, вездѣ законъ единства. Нѣтъ между тварями земными ни одного, большаго или меньшаго отдѣленія, которое не представляло бы собою нѣкоего вида іерархіи, почему самому и называются онѣ не безглавыми обществами, а царствами, въ коихъ существа, одаренныя превосходнѣйшими качествами, именуются даже царями.

Посмотримъ ли при семъ на самого человѣка: въ тѣлѣ его множество членовъ, но всѣми управляетъ глава, и она едина. Въ душѣ его множество способностей, но надъ всѣми царствуетъ умъ, и онъ единъ.

Между дикими животными господствуетъ на землѣ безначаліе и равенство, за то ни одно изъ нихъ не можетъ срѣтиться съ другимъ живымъ существомъ, чтобы не нанести или не потерпѣть смерти, по крайней мѣрѣ, вреда и страха.

Сойдемъ, наконецъ, мыслію, при свѣтѣ слова Божія, даже во адъ (да даруетъ Господь, чтобы мы сходили туда одною мыслію, и для того именно, чтобы не сойти туда когда-либо

на самомъ дѣлѣ)! Гдѣ болѣе мятежа и безначалія, какъ во адѣ? Ибо отчего и произошли адъ и геенна, какъ не вслѣдствіе мятежа на небѣ Ангеловъ противъ Вседержителя? Но и духи злобы поняли, что, при совершенномъ равенствѣ и безначаліи, не можетъ существовать никакое общество; и вотъ тѣ, кои на небѣ не захотѣли повиноваться всемогущему Творцу и Благодѣтелю, во адѣ должны раболѣпствовать предъ велѣніями сатаны-всегубителя!..

Видите теперь, чѣмъ держится весь міръ, видимый и невидимый? Онъ держится повиновеніемъ и подчиненностію. Видите, прежде всего, какой главный законъ господствуетъ въ царствѣ Божіемъ? Законъ порядка и единодержавія. Какъ же послѣ сего думать и утверждать, что царства человѣческія могутъ существовать иначе, нежели какъ существуетъ царство Божіе? Тѣмъ паче, когда уставъ царствъ земныхъ изреченъ Самимъ Владыкою неба и земли?

Посмотримъ теперь на міръ Божій съ другой стороны. Явно, что онъ не таковъ, какимъ вышелъ изъ рукъ Творца; что въ него вкралось зло, вредящее его совершенству и блаженству тварей. Поелику зло это не могло быть отъ Бога, то откуда произошло оно? Отъ злоупотребленія той самой свободы, которую такъ неразумно ставятъ нынѣ во главу угла. Возмутился противъ Бога на небѣ Архангелъ, и отторгъ вмѣстѣ съ собою, какъ выражается Тайновидецъ, *третію часть звѣздъ* (Апок. 12, 4), то-есть Ангеловъ. Возмутился въ Эдемѣ противъ заповѣди Божіей первозданный человѣкъ, и, изгнанный изъ рая сладости, распространилъ вмѣстѣ съ собою по лицу земли грѣхъ и проклятіе. Вотъ откуда зло въ мірѣ—отъ крамолы и мятежа!

Чтобы еще болѣе убѣдиться въ истинѣ всего нами утверждаемаго, воззрите, братія мои, наконецъ, на образъ Божественнаго Страдальца, предлежащій теперь очамъ нашимъ! Для чего Сынъ Божій сошелъ съ неба, претерпѣлъ страданія столь ужасныя и умеръ на крестѣ? Для того, чтобы примирить небо съ землею, удовлетворить за грѣхи наши правдѣ вѣчной, возвратить намъ возможность паки *чадами Божіими быти* (Іоан. 1, 12) и наслѣдниками царствія небеснаго; чтобъ вмѣстѣ съ нами возставить и все, чрезъ насъ падшее и возмутившееся, и соединить, какъ выражается святый Павелъ, *подъ единою главою* (Еф. 1, 10). Значитъ, Сынъ Божій во-

плотился и пострадалъ именно для того, дабы крестомъ Своимъ изгладить столь ужасно тяготѣющія надъ нами и всѣмъ міромъ послѣдствія нашего мятежа эдемскаго. Если бы злополучные прародители наши, прельщенные пагубнымъ совѣтомъ змія губителя, не возмечтали быть яко бози и не возстали дерзновенно противъ заповѣди Своего Творца и Благодѣтеля, то на землѣ не было бы ни грѣха и проклятія, ни болѣзней и смерти; а посему не было бы нужды и въ сей ужасной жертвѣ всемірнаго искупленія. Тогда Сынъ Божій являлся бы среди насъ, какъ является въ мірѣ ангельскомъ, окруженный величіемъ и славою; а теперь видите, чѣмъ увѣнчана Его глава—тернами! Видите, чѣмъ украшены его руцѣ и нозѣ—язвами гвоздинными! Видите, чѣмъ проникнуто Его сердце—копіемъ!

Помни же все сіе, христіанинъ. и, подобясь Спасителю твоему, Который, будучи единороднымъ Сыномъ Божіимъ, *не восхищеніемъ,* какъ говоритъ Апостолъ, *непщева быти равенъ Богу, но Себе умаливъ, зракъ раба пріимъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Филип. 2, 7. 8), востекай и ты на высоту и духовную и вещественную, и частную и общественную путемъ не превозношенія и гордыни, а вѣры, смиренія, преданности и любви ко всему, что дано тебѣ въ руководство свыше и поставлено надъ тобою Самимъ Богомъ. Аминь.

Слово въ Великую Субботу.

Между священными законами, данными народу Израильскому чрезъ Моисея, есть законъ и на тотъ случай, когда бы нашлось гдѣ-либо на полѣ тѣло человѣка убіеннаго, а между тѣмъ не было бы извѣстно, кто убійца:—въ семъ случаѣ старѣйшины ближайшаго къ мертвецу града должны были собраться къ тѣлу его, и, по принесеніи въ жертву юницы, умыть надъ главою ея руки, и потомъ сказать надъ убіеннымъ собратомъ своимъ: *руцѣ наша не проліяша крове сея, и очи наши не видѣша: да не будетъ кровь неповинна на людехъ твоихъ Израиля* (Второз. 21, 1—9)!

И предъ насъ, братіе мои, изнесено, какъ видите, тѣло Убіеннаго, а убійцы нѣтъ при немъ! Мы собрались, пови-

димому, для оплаканія мученической кончины сего Страдальца. Но это еще не доказательство нашей невинности. А убійцы? Развѣ они не дѣлаютъ иногда того же, не показываютъ сожалѣнія, не проливаютъ даже слезъ надъ жертвою ихъ злобы?

Можемъ ли убо, стать у сего гроба и, призвавъ во свидѣтели Бога, сказать: руки наши не проливали сей крови, и очи наши не видѣли?

Не проливали сей крови?.. А что же дѣлали эти руки, когда сплетали клевету на брата своего, или сѣть для обольщенія невинности?—Не проливали крови сей? А что же другое дѣлали, когда подписывали приговоръ яко преступнику тому, кто чистъ руками и сердцемъ, или составляли подлогъ и неправду въ обязательствахъ и завѣщаніяхъ?—Не проливали этой крови? А что же проливали, когда поднимались на угрозу бѣднымъ и сирымъ, на заушеніе тѣхъ, кои не могли ничѣмъ отвѣчать намъ, кромѣ вздоховъ и слезъ?

Божественный Страдалецъ преданъ, умученъ и умерщвленъ не отъ кого другаго, какъ отъ неправдъ и страстей человѣческихъ; Онъ вознесенъ на крестъ, яко жертва за грѣхи всего міра. Итакъ, чтобъ быть невиннымъ въ ранахъ и смерти Его, надобно быть чистымъ отъ грѣха и беззаконія. Но гдѣ и въ комъ сія чистота? Вопросимъ святаго Іова—онъ отвѣтствуетъ: *кто чистъ будетъ отъ скверны; никтоже, аще и единъ день житіе его на земли* (Іов, 14, 4). Спросимъ святаго Давида—онъ вопіетъ: *вси уклонишася и неключими быша; нѣсть творяй благостыню, нѣсть даже до единаго* (Псал. 13, 3)! Спросимъ святаго Павла—онъ повторяетъ то же: *вси согрѣшиша и лишени суть славы Божіей* (Рим. 3, 23)! Спросимъ свою совѣсть: она говоритъ еще болѣе, то есть, что мы сами вопрошающіе о семъ—есмы, если не первые, то далеко и не послѣдніе изъ грѣшниковъ.

Послѣ сего нечего намъ съ старѣйшинами Израилевыми свидѣтельствовать о своей невинности. Надобно употребить надъ симъ убіеннымъ Страдальцемъ тѣ же слова, только въ противномъ смыслѣ, то есть, стать у сего гроба и сказать: наши, наши руки наложили сіи язвы и пролили сію драгоцѣнную кровь! *Сей грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ* (Исаіи 53, 4)!—Въ Іудѣ продало Его наше корыстолюбіе; въ

ученикахъ, Его оставившихъ. измѣнило Ему наше легкомысліе; въ Пилатѣ осудило Его наше неправосудіе и лицепріятіе; въ разбойникѣ и книжникахъ глумились надъ нимъ наше вольномысліе и кощунство; въ воинахъ пронзила Его наша лютость и буйство; въ Каіафѣ запечатали гробъ Его наше нечестіе и ожесточеніе: *Сей грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ!*

Безъ сомнѣнія, Спаситель нашъ, принявъ на Себя неправды наши, никогда не возвергнетъ ихъ паки на насъ: нѣтъ, Его любовь и милость къ намъ нераскаянны! Но. когда мы, освобожденные смертію Его отъ клятвы и казни за грѣхи наши, снова предаемся беззаконію, то онѣ сами собою паки упадаютъ на насъ со всею ихъ тяжестію, и мы снова являемся врагами Богу, виновными въ смерти Сына Его, въ крови и страданіяхъ возлюбленнаго Спасителя нашего, еще болѣе виновны, нежели судіи, Его распявшіе. Ибо они, распиная Его, не знали навѣрное Его Божественнаго достоинства: *аще бо быша разумѣли,* говоритъ Апостолъ, *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8). А мы совершенно знаемъ, Кто распинаемый,—что Онъ есть единородный Сынъ возлюбленнаго Отца. сіяніе славы и образъ ѵпостаси Его. Посему, презирая смерть Его, за насъ подъятую, мы подлежимъ отвѣту, какъ Его убійцы.

Подлежать отвѣту въ убійствѣ Сына Божія! Чувствуешь ли ты, грѣшникъ, весь ужасъ сей мысли? Чтобы объяснить тебѣ это, вообрази, что близъ дома твоего найденъ человѣкъ убіенный, что этотъ человѣкъ такъ важенъ, что все царство не стоитъ его единаго. Представь за симъ, что на тебя пало подозрѣніе (только подозрѣніе) въ его убійствѣ, и правосудіе готовится преслѣдовать тебя, какъ убійцу. Въ какой бы ты при семъ пришелъ страхъ! И какихъ не употребилъ бы мѣръ. чтобы доказать или свою невинность, или вознаградить, если можно, содѣянное?—Но, вотъ убіенъ, и кто убіенъ? не простой человѣкъ, а Сынъ Царя небеснаго: мы сами не можемъ не признать своего участія въ Его мученической смерти; и что же мы дѣлаемъ, вслѣдствіе сего? Не чувствуемъ даже важности своего преступленія! Ибо, если-бъ чувствовали хотя сколько-нибудь, то давно престали бъ быть разсѣянными зрителями сихъ ранъ и сего вѣнца терноваго. Если бы чувствовали сколько-нибудь, то давно употребили бы всѣ силы

и средства на то, чтобы освободиться отъ грѣховъ, кои дѣлаютъ насъ виновными въ крови Спасителя нашего.

Но, при всемъ желаніи моемъ, я, скажешь, не могу уже возвратить прошедшаго: грѣхи, мною содѣянные, вѣчно останутся грѣхами. Правда, возлюбленный, что мы съ тобою не можемъ возвратить прошедшаго, но можемъ располагать настоящимъ, даже будущимъ, поколику оно имѣетъ перейти въ настоящее. Итакъ, сдѣлаемъ то, что можемъ. Грѣхи и страсти человѣческіе умучили и вознесли на крестъ Спасителя нашего, престанемъ убо грѣшить и быть рабами страстей, утвердимъ волю и желаніе свои въ законѣ Господнемъ; начнемъ служить Богу живому и истинному, съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ служили доселѣ міру и страстямъ своимъ; сдѣлаемъ, говорю, все это, и кровь Сына Божія, проліянная на крестѣ, хотя и проліяна отъ насъ, то есть, отъ грѣховъ нашихъ, но не будетъ противу насъ, а за насъ—въ наше оправданіе, въ наше спасеніе, въ нашу добродѣтель и заслугу; грѣхи наши останутся и тогда грѣхами, но разность въ томъ, что коль скоро мы перестанемъ грѣшить, то они сдѣлаются какъ бы чуждыми для насъ, ибо ихъ приметъ на Себя Искупитель нашъ, приметъ и изгладитъ крестомъ Своимъ.

А безъ сего—жестокій властелинъ, сколько бы ты ни поклонялся Сему Страдальцу, лютое бичеваніе, Имъ претерпѣнное,—отъ тебя, который, по слѣпому произволу лютаго сердца своего, такъ безпощадно бичуешь подвластныхъ тебѣ.

А безъ сего—этотъ терновый вѣнецъ—отъ тебя, гордый и неразумный мудрецъ, который поставляешь жалкій умъ и познанія твои въ томъ, чтобы глумиться безумно надъ предметами вѣры и нравственности христіанской, потому токмо, что они выше понятій твоего бѣднаго разума.

А безъ сего—эта рана въ сердцѣ Божественнаго Страдальца—отъ тебя, недостойный пастырь Церкви, который, имѣя права входить во святая святыхъ, вносишь туда съ собою мерзость запустѣнія душевнаго, устами и руками совершаешь тайну спасенія, а въ сердцѣ и мысляхъ дѣлаешь тайну неправдъ и беззаконія.

А безъ сего, то есть, безъ исправленія жизни и совѣсти, безъ преданія себя въ волю Искупителя нашего, безъ сообразованія себя съ Евангеліемъ и примѣромъ Его, что бы мы ни дѣлали, какъ бы набожны ни казались, всѣ мы предъ

судомъ правды Божіей обрѣтаемся, яко убійцы сего Божественнаго Страдальца: на всѣхъ насъ кровь Праведника Сего!

Теперь мысль сія легко можетъ казаться неважною для многихъ: никто не взыскуетъ сей крови; мы приходимъ къ жертвѣ нашей и отходимъ, яко невинные. Но такъ не будетъ всегда. Настанетъ время, когда Сей же Божественный Страдалецъ явится судіею всемогущимъ, когда сіи руцѣ вмѣсто Евангелія пріимутъ молнію и громы на нераскаянныхъ. Что будетъ тогда съ тобою, бѣдный грѣшникъ? Что речешь? Чѣмъ оправдишься? Куда скроешься? Гдѣ найдешь покровъ и защиту? *Страшно есть впасть въ руцѣ Бога жива* (Евр. 10, 31)! Сто кратъ страшнѣе впасть въ сіи руцѣ за кровь Сына Божія!

Познаемъ же, братіе мои, благотворную силу сея святыя и страшныя тайны! Убоимся самаго преизбытка любви Божіей къ намъ недостойнымъ. Окропленные кровію завѣта вѣчнаго, отвергнемъ грѣхъ и всякую нечистоту, да причастницы жизни вѣчныя будемъ! Аминь.

Слово въ Великую Субботу.

Будетъ съ миромъ погребеніе Его (Исаіи, 57. 2). И будетъ покой Его честь (Исаіи 12, 10).

Евангелистъ ветхаго завѣта, великій провидецъ Исаія, предъизобразивъ пророчески страданія и смерть Искупителя міра, и показавъ, *како праведный погибе, и никто же пріемлетъ сердцемъ*, потомъ какъ бы въ мирное довершеніе печальной картины, присовокупляетъ: *и будетъ съ миромъ погребеніе его!* А въ другомъ мѣстѣ своихъ дивныхъ видѣній онъ предсказуетъ еще болѣе, не только миръ при гробѣ Спасителя, но и славу: *и будетъ покой его честь!*

Трудно было исполниться и первому предсказанію Пророка, тѣмъ труднѣе—послѣднему. Можно ли было ожидать мира окрестъ гроба Іисусова послѣ того, что совершилось у креста Его на Голгоѳѣ? Если дышущихъ злобою первосвященниковъ и книжниковъ не могъ удержать отъ злохуленій и насмѣшекъ взоръ скончавающагося въ мукахъ крестныхъ Страдальца, то тѣмъ менѣе можно бы ожидать великодушія и пощады къ бездыханному тѣлу Его же, уже умершаго. Напротивъ, почти необходимо надлежало предполагать, что ожесточенная злоба враговъ Іисусовыхъ поставитъ за

долгъ себѣ обратить священные останки Божественнаго Страдальца въ предметъ всенароднаго поношенія, приложитъ даже попеченіе о томъ, чтобы истребить всѣ слѣды Его существованія.

О чести же какой-либо при погребеніи Іисусовомъ, казалось, невозможно было и думать. Ибо какая честь Тому, Кто, яко мнимый врагъ Бога и Моисея, осужденъ былъ кончить жизнь Свою на крестѣ среди злодѣевъ?—И кто бы оказалъ ее? Развѣ ученики Іисусовы? Но они еще до смерти Учителя, оставльше Его, *вси бѣжаша* (Матѳ. 26, 56). При такихъ обстоятельствахъ и то уже было бы пріятною неожиданностію, когда бы пречистое тѣло Іисусово не лишено было хотя того, что закономъ и обычаемъ предоставлялось тѣлу каждаго, понесшаго казнь смертную.

Но, слово святаго Провидца не могло пройти мимо. У гроба Іисусова должны были явиться не только миръ, но и честь, имъ провидѣнныя;—и они явились—сначала миръ, а потомъ и честь.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на погребеніе Господа въ вертоградѣ Іосифовомъ: что можетъ быть его мирнѣе? Видя, какъ небольшое число друзей Его воздаетъ Ему теперь послѣдній долгъ, можно подумать, что сему погребенію предшествовали не ужасы Голгоѳы, а кончина совершенно мирная и безмятежная. Вечерній покой вертограда, если прерывался теперь чѣмъ-либо, то развѣ тихими слезами погребающихъ, кои, вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ мyромъ ліются на тѣло возлюбленнаго Учителя, и развѣ нѣкою поспѣшностію въ дѣйствіи, коея неотложно требовалъ наступающій покой субботній. Несравненно больше движенія и больше шума было недавно при погребеніи Лазаря, хотя онъ умеръ на ложѣ своемъ, въ объятіяхъ сестеръ и друзей своихъ.

Откуда и какъ явился у гроба Іисусова этотъ покой неожиданный? Все сдѣлалъ законъ о празднованіи дня субботняго, которое наступило вскорѣ по смерти Господа на крестѣ. Этотъ законъ связалъ собою, иначе ничѣмъ неукротимую, злобу враговъ Іисуса; онъ заставилъ ихъ удалиться немедля домой съ Голгоѳы. Къ тому же самому содѣйствовалъ и другой законъ о пасхѣ, которую надлежало вкушать въ тотъ вечеръ. Агнецъ пасхальный въ семъ случаѣ оказалъ услугу Агнцу Божію, закланному на крестѣ, отвративъ отъ Него

вниманіе враговъ Іисусовыхъ на себя. Мы видѣли, какъ они побоялись войти вчера въ преторію Пилата, дабы не потерять чистоты, требуемой закономъ для вкушенія пасхи. Тѣмъ паче страшно было для нихъ по закону прикосновеніе къ тѣлу умершаго; и вотъ почему нѣтъ никого изъ нихъ при погребеніи Іисуса!

Но какъ же друзья Іисусовы не убоялись сего страха? Развѣ для нихъ не существовалъ законъ о пасхѣ и субботѣ? существовалъ и для нихъ; и они выполняютъ его, сколько можно, ибо о женахъ, бывшихъ при погребеніи, замѣчается, что онѣ не пойдутъ въ субботу, т. е. нынѣ, ко гробу Іисусову для помазанія тѣла Его именно потому, что это противно покою дня субботняго: *въ субботу убо умолчаша по заповѣди* (Лук. 23, 56). Но съ другой стороны, сіи погребатели пользуются снисхожденіемъ того же закона, или паче обычая народнаго, коимъ позволялось ближайшимъ къ умершему лицамъ погребать его предъ самымъ наступленіемъ субботъ и пасхъ, дабы тѣло не оставалось непогребеннымъ въ продолженіе праздника, чего законъ не терпѣлъ ни подъ какимъ видомъ. Въ силу сего-то права дѣйствуютъ теперь Іосифъ съ Никодимомъ!

Но насъ должно удивить въ семъ случаѣ не столько это обстоятельство, сколько то, откуда и какъ явились эти погребатели въ сіе время. Ибо хотя Іосифъ съ Никодимомъ давно принадлежали къ почитателямъ и ученикамъ Іисусовымъ, но изъ опасенія своихъ собратовъ по синедріону, коего они были членами, никогда не смѣли выказать сего явно. Теперь же, смотрите, какая перемѣна! Доколѣ Іисусъ былъ живъ и пользовался славою великаго чудотворца, когда принадлежать къ числу послѣдователей Его составляло даже не малую честь: Іосифъ, какъ говоритъ Евангеліе, былъ потаенъ—*страха ради іудейска* (Іоан. 19, 38). А теперь, когда Іисусъ умеръ на крестѣ; когда мнѣніе о Немъ превращено и помрачено въ умѣ большей части народа; когда всякій знакъ любви къ Нему, тѣмъ паче уваженія, отзывался уже измѣною синедріону, и слѣдовательно былъ крайне опасенъ, теперь Іосифъ является всенародно ученикомъ и почитателемъ Іисусовымъ, и не только является такимъ, но и что дѣлаетъ? Входитъ къ игемону римскому съ просьбою взять тѣло Распятаго, и, взявъ его, погребаетъ съ честію. На все

это требовалось много мужества; посему-то Евангелистъ и говоритъ: *дерзнувъ, вниде къ Пилату, и проси тѣлесе Іисусова* (Марк. 15, 43). Дерзнувъ, т. е. отважившись на все. «Пусть», какъ бы такъ разсуждалъ самъ съ собою Іосифъ, «пусть и Пилатъ и синедріонъ думаютъ о мнѣ, что угодно; пусть преслѣдуютъ меня мои собратія, а я сдѣлаю свое дѣло, воздамъ послѣдній долгъ моему Учителю». Любовь къ Нему и уваженіе, столько времени сокрываемыя въ сердцѣ Іосифа, теперь, какъ потокъ, долго удерживаемый, проторглись со всею силою. Почему теперь, когда, повидимому, надлежало ожидать противнаго? Можетъ быть, причиной такой перемѣны въ Іосифѣ были и знаменія чудесныя, происшедшія на Голгоѳѣ, кои убѣдили въ святости Іисуса даже сотника римскаго; но болѣе всего располагало къ тому Іосифа самое сердце его, полное любви и уваженія ко всему святому и возвышенному. Таковыя сердца могутъ до времени таить, что въ нихъ есть добраго, но не могутъ рано или поздно не стать прямо за истину, и любятъ обнаруживать себя именно въ минуту опасности, когда требуется наиболѣе самопожертвованія, что было теперь и съ Іосифомъ.

Уже во всемъ этомъ не мало чести для Погребаемаго. Ибо Тотъ, Кто яко преступникъ закона, распятъ на крестѣ, будетъ погребаемъ съ великимъ усердіемъ, и даже, не смотря на краткость времени и стѣсненность обстоятельствъ, съ немалымъ великолѣпіемъ. Потому что Никодимомъ однихъ благовонныхъ ароматовъ и мастей принесено, *яко литръ сто* (Іоан. 19, 39), такое, то есть, количество, какое употреблялось при гробѣ людей самыхъ высокихъ и богатыхъ. Но всего этого пророчеству мало. Погребается Царь, какъ провозгласилъ о томъ самъ Пилатъ своею надписью на крестѣ Іисусовѣ, и какъ не могли того сокрыть, при всемъ стараніи, враги Іисусовы, просившіе Пилата перемѣнить надпись. У гроба Царя должна быть почетная стража воинская: гдѣ взять ее? Этого не могутъ доставить никакой Іосифъ съ Никодимомъ. Будьте покойны: эту стражу доставятъ сами враги Іисусовы, и такимъ образомъ, не думая и не вѣдая, воздадутъ Ему честь истинно царскую. Видите ли, ко гробу Іисуса Назарянина уже спѣшатъ воины римскіе, тѣ воины, при имени коихъ трепещетъ весь свѣтъ, побѣжденный ихъ оружіемъ и мужествомъ! Кто послалъ ихъ? Пилатъ. Зачѣмъ

и для чего? Затѣмъ, что первосвященники вспомнили теперь пророчество Іисусово о Его воскресеніи, то пророчество, которое пришло въ забвеніе у самыхъ учениковъ Его. Вы слышали вчера, какъ они ходили къ Пилату съ опасеніемъ, чтобы ученики Іисусовы не похитили тѣла Учителя, какъ Пилатъ, хотя—нехотя, дозволилъ имъ приставить ко гробу Его кустодію, какъ первосвященники, не удовольствовавшись сею стражею, положили еще печать на камнѣ, загораждавшемъ входъ въ погребальную пещеру. Лукавая и злобная мысль съ ихъ стороны была во всемъ этомъ. Но мы должны смотрѣть не на то, что дѣлаютъ по безумію своему люди, а на то, что изъ дѣйствій ихъ выходитъ наконецъ по распоряженію Промысла. Каіафѣ думалось и хотѣлось кустодіею и печатію своею положить конецъ благой памяти о Іисусѣ, а на самомъ дѣлѣ все это послужило къ большей Его чести и прославленію. Ибо не будь при гробѣ Іисусовомъ стражи римской, не лежи на камнѣ печать, тогда воскресеніе Іисусово не было бы такъ достовѣрно и несомнѣнно. И не Каіафа могъ бы сказать тогда: что удивительнаго, если тѣла не нашлось въ гробѣ?—Его взяли ученики ночью, такъ какъ это крайне легко было сдѣлать. Но теперь нельзя уже сказать ничего подобнаго. Сами стерегли, сами печатали: стража и печати цѣлы; а Погребеннаго нѣтъ. Гдѣ же Онъ? Воскресъ, какъ Самъ прорицалъ о томъ, и какъ свидѣтельствуютъ о томъ же бывшіе на стражѣ у гроба воины. Для враговъ Іисуса, какъ справедливо возглашаетъ и святая Церковь, осталось послѣ сего одно изъ двухъ,—или *Погребеннаго да дадятъ,* или *Воскресшему да поклонятся!*

И будетъ покой его честь. Одного, повидимому, недоставало къ сей чести теперь—того, что при погребеніи Іисуса не присутствовалъ никто изъ ближайшихъ учениковъ Его. Но самый этотъ недостатокъ служилъ къ полнотѣ, ибо показывалъ, что, безъ чрезвычайнаго тайнаго предраспоряженія свыше, тѣло Господа имѣло остаться вовсе безъ погребенія. Съ другой стороны, присутствіе теперь въ вертоградѣ погребальномъ учениковъ Іисусовыхъ нисколько не придало бы важности дѣйствію. Ибо, что удивительнаго, что ученикъ погребаетъ учителя? Даже могло бы нѣкоторымъ образомъ ослабить будущее дѣйствіе воскресенія и дать поводъ врагамъ Іисусовымъ—въ подкрѣпленіи клеветы—указывать на то, что

Онъ и погребаемъ былъ собственными Его учениками. Но теперь нѣтъ мѣста подозрѣніямъ: изъ учениковъ никого не было при погребеніи, не было впрочемъ не по холодности и недостатку любви къ Учителю, а между прочимъ потому, что Онъ Самъ предварительно запретилъ имъ вдаваться, во время смерти Его, безъ особой нужды, въ опасность. За то они всѣ окажутъ любовь свою другимъ, лучшимъ образомъ,—тѣмъ, то есть, что каждый—въ свое время и въ своемъ мѣстѣ—положитъ за Него душу свою.

Такимъ образомъ, въ часъ погребенія Господня все благорасположилось такъ, что священнодѣйствіе сіе, вопреки всякаго ожиданія, произошло не только въ тишинѣ и мирѣ—*и будетъ съ миромъ погребеніе его,*—но и съ особенною честію: *и будетъ покой его честь!* А это все потому, что послѣ смерти на крестѣ,—когда Самимъ Страдальцемъ провозглашено: *совершишася!*—не было уже нужды ни въ новыхъ ранахъ, ни въ новомъ уваженіи и безчестіи. Къ чему онѣ теперь? Крестомъ и смертію Богочеловѣка окончено и совершено все, что было необходимо для нашего спасенія: рукописаніе грѣховъ человѣческихъ изглаждено; правда и законъ удовлетворены: слава Божія возстановлена; благодать и царство для рода человѣческаго заслужены. Вмѣстѣ съ симъ долженствовало кончиться и уничиженное состояніе нашего Искупителя и уступить мѣсто состоянію славы и величія, которое и началось теперь у самаго Его гроба: *и будетъ покой его честь!*

Признаемъ убо съ благоговѣніемъ, братіе мои, что гробъ Іисусовъ, подобно кресту Его, окруженъ былъ своего рода знаменіями, кои тѣмъ отраднѣе для сердца, что являются совершенно неожиданно и въ ту пору, которую Самъ Спаситель назвалъ *годиною и областію темною* (Лук. 22, 53). Возблагоговѣемъ предъ сими знаменіями и почерпнемъ изъ гроба Іисусова духъ вѣры и терпѣнія, духъ мужества и упованія на Промыслъ Божій, никогда не оставляющій вѣрныхъ рабовъ своихъ, и среди самой тьмы страстей человѣческихъ блюдущій ихъ яко зѣницу ока. Если мы вѣрные послѣдователи Іисуса распятаго, и духъ Его живетъ въ насъ, то истина и правда должны быть для насъ дороже всего на свѣтѣ; а кто дорожитъ такимъ образомъ правдою и истиною, тотъ рѣдко не подлежитъ враждѣ и гоненіямъ отъ міра. Но что бы ни дѣлала съ нами злоба человѣческая, хотя бы возно-

сила на крестъ, хотя бы самый гробъ нашъ печатала печатію Каіафы; доколѣ мы вѣрны Господу, дотолѣ, не смотря на все, мы совершенно безопасны, ибо Господь и Владыка нашъ не подобенъ земнымъ покровителямъ и заступникамъ, коихъ вся сила кончается и исчезаетъ у гроба. Нѣтъ, Онъ обладаетъ и мертвыми такъ же, какъ живыми, или лучше сказать, предъ Нимъ нѣтъ мертвыхъ, всѣ живы; дѣйствіе Его могущества во всей силѣ, можно сказать, и открывается токмо за предѣлами сей жизни, которая сама, во многомъ еще, отдана на произволъ страстей человѣческихъ. Посему, оканчивая слово наше надъ сею плащаницею Спасителя нашего, и мы скажемъ вамъ Его же собственными словами: *не убойтеся убо отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити. Убойтеся же могущаго и тѣло, и душу вовргщи въ геенну огненную: ей, глаголемъ вамъ, того убойтеся* (Матѳ. 10, 28; Лук. 12, 5)! Аминь.

Слово въ Великую Субботу.

Нынѣ, возлюбленные, день погребенія Господа, день великій и священнотайный. Важенъ былъ седьмый день творенія, ибо въ него, какъ повѣдаетъ Моисей, *почи Богъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, яже сотвори* въ предшествующіе шесть дней. Настоящая суббота еще важнѣе, ибо въ нее почилъ отъ Своихъ дѣлъ Сынъ Божій, по совершеніи всѣхъ дѣлъ посольства Своего на земли, послѣ *втораго* творенія. Первое твореніе было дѣломъ одного всемогущества: *рече и быша, повелѣ и создашася*. Второе твореніе было уже дѣломъ не одного всемогущества, а всѣхъ совершенствъ Божіихъ, преимущественно свободы и любви. Первое твореніе не стоило никакого усилія Творцу, второе стоило великихъ усилій Сыну Божію, и что я говорю: усилій—стоило мученій—самыхъ ужасныхъ, смерти—самой лютой. Великъ убо настоящій день покоя, священнотайно пребываніе Его во гробѣ.

Дѣятельность Сына Божія, повидимому, вся прекратилась съ Его смертію на крестѣ: тѣло Его, подобно прочимъ мертвецамъ, содѣлалось бездушнымъ, недвижнымъ, ничего нечувствующимъ; такъ Онъ снятъ со креста, такъ помазанъ мастями благовонными, такъ погребенъ, такъ запечатанъ въ Своемъ гробѣ. Но когда видимо все прекратилось, невидимо

въ ту же пору все началось. Послушайте, какъ изображаетъ святая Церковь эту новую, незримую, великую дѣятельность, почивающаго во гробѣ, Господа: *во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею, яко Богъ, въ раи же съ разбойникомъ, и на престолѣ былъ еси со Отцемъ и Духомъ, вся исполняяй, неописанный!*

Вотъ, что дѣлалъ и гдѣ былъ почившій въ маломъ вертоградѣ и еще въ меньшемъ гробѣ Іосифовѣ! Настоящій день былъ для него днемъ покоя по плоти, но величайшей дѣятельности по духу и Божеству. Измученная плоть осталась во гробѣ, не разлучаясь съ Божествомъ, ее проникавшимъ. Пресвятая душа, такъ же не разлучаясь Божества, сошла во адъ, для возведенія оттуда всего, способнаго взойти горѣ. Духъ, исполненный Божествомъ, явился въ раю, куда вошелъ едва ли не первый, благоразумный разбойникъ. Наконецъ, Божество Сына пребывало, какъ и всегда на престолѣ со Отцемъ и Духомъ. Подлинно, исполнено дѣятельностію и присутствіемъ Богочеловѣка все и вся.

Но, наполнено ли, возлюбленный, Господомъ наше съ тобою сердце? что тамъ: рай или адъ? Безъ Господа и Его благодати и рай—не рай, а съ Господомъ и Его благодатію и адъ будетъ не адъ. Если внутрь тебя, въ душѣ твоей, произрастаютъ древа райскія,—добродѣтели и вѣра, то благодари Почивающаго во гробѣ: это Его насажденіе,—благодари и пріими Его въ своемъ раѣ, какъ Іосифъ въ вертоградѣ, представь Ему твое сердце вмѣсто ложа погребальнаго. Если же ты, по несчастію, допустилъ въ душу свою пламень страстей, неумирающій червь самолюбія и похотей, хладъ и тартаръ сребролюбія и безчувствія, то будь увѣренъ, что Онъ посѣтитъ нынѣ и твой внутренній адъ, ты услышишь отъ Него—въ совѣсти твоей—слово жизни, воззывающее тебя изъ бездны, въ коей находишься. Не пренебреги, возлюбленный, ея гласомъ, въ какомъ бы видѣ ты ни услышалъ слово спасенія. Если когда благовременно выходить чрезъ покаяніе изъ внутренняго ада, то въ нынѣшній день, когда Спаситель изводитъ изъ ада даже и тѣхъ, нераскаянныхъ въ свое время, грѣшниковъ, кои противились проповѣди Ноя, егда ожидаше ихъ Божіе долготерпѣніе предъ потопомъ. Аминь.

Слово въ Великую Субботу.

Не знаемъ, братіе, куда ваши мысли склоняются отъ сей плащаницы, а наши—къ нашему собственному гробу. И наша жизнь, думается намъ, такъ пройдетъ, какъ прошла теперь Четыредесятница; и для каждаго изъ насъ наступитъ потомъ великій пятокъ смерти; а за симъ великая суббота успокоенія въ нѣдрахъ земли,—великая—по самому продолженію ея для насъ. Ибо Господь нисшелъ во гробъ токмо на три дня, а намъ долго, долго надобно будетъ оставаться подъ землею. Размышленіе о семъ такъ полезно для души нашей, что иные изъ добрыхъ христіанъ почитаютъ за долгъ имѣть у себя на-готовѣ и на виду свои гробы, а мы, по крайней мѣрѣ, въ настоящій день перенесемся мыслію къ нашему гробу, и посмотримъ, что будетъ тогда съ нами.

И на нашу главу, когда мы будемъ лежать во гробѣ, возложатъ вѣнецъ, ибо Церковь не лишаетъ самаго послѣдняго изъ сыновъ своихъ сего знака окончанія подвиговъ земныхъ. Изъ чего бы вы хотѣли, чтобы составился для васъ вѣнецъ сей? Изъ розъ и криновъ райскихъ? Пусть украшаются ими достойные! Что касается до насъ, то лучше, чтобы этотъ вѣнецъ, подобно вѣнцу Спасителя, сплетенъ былъ изъ терновъ, то есть, изъ скорбей и лишеній, кои понесены во имя Его. Доколѣ мы ходимъ во плоти, эти терны противны нашему внѣшнему человѣку, ибо бодутъ главу его, а въ часъ смерти—это наилучшее украшеніе для души! По симъ священнымъ тернамъ на главѣ, Ангелы Божіи всего скорѣе признаютъ насъ за истинныхъ послѣдователей Распятаго, и отверзутъ намъ рай, стяжанный крестомъ Его.

Будутъ, вѣроятно, на насъ во гробѣ нашемъ и язвы. О, если бы онѣ происходили не отъ одной руки врача, и не отъ свирѣпости токмо болѣзни! Если бы между сими ранами нашлось хотя нѣсколько изъ тѣхъ язвъ, коими хвалился нѣкогда святый Павелъ, говоря: *азъ язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ношу* (Гал. 6, 17)! Увы, и мы носимъ въ продолженіе нашей жизни многія язвы, и душевныя и тѣлесныя, но ихъ нельзя назвать Господними!—Ибо кто ихъ возлагаетъ на насъ? Или собственная наша плоть съ ея страстями и невоздержаніемъ; или міръ за наше раболѣпство его безумнымъ правиламъ и прихотямъ. Не съ такими язвами

являться предъ Господа! Ихъ должно врачевать покаяніемъ, доколѣ есмы на земли живыхъ.

Явятся, вѣроятно, и при нашемъ гробѣ какой-либо Іосифъ съ Никодимомъ для возданія намъ долга послѣдняго. Кто бы ни были они, да покажутъ свое усердіе къ намъ и да почтутъ память нашу не множествомъ ароматовъ, не напрасными издержками на украшеніе гроба и могилы нашей, а усугубленіемъ о грѣхахъ нашихъ молитвъ Церкви и дѣлъ благотворенія. Ибо что пользы для души въ пышности убранствъ надгробныхъ? Предъ престоломъ Судіи всевидящаго для ней нуженъ будетъ не тлѣнный покровъ изъ злата и сребра, коимъ покрываются гробы, а драгоцѣнная риза заслугъ Христовыхъ, единая могущая прикрыть наготу духовную.

Наконецъ и нашъ гробъ, подобно гробу Спасителя нашего, будетъ запечатанъ печатію. Благодареніе Господу, что это уже печать не Каіафы, а матери нашей, святой Церкви! Но чтобы сія священная печать ея имѣла надъ нами всю силу, и могла хранить прахъ нашъ неприступнымъ для духовъ злобы поднебесной, для сего требуется, чтобы мы въ продолженіе жизни сохранили нерушимо ту печать освященія, коею она же, святая Церковь, запечатлѣла насъ при купели Крещенія, и чтобы поступали во всемъ, какъ истинныя и вѣрныя чада ея. А если мы будемъ христіанами только по имени, небрежа о исполненіи святыхъ уставовъ Церкви; если въ насъ не будетъ внутренняго душевнаго союза, родственнаго пособія и единаго духа съ сею нашею Матерію, то святая печать ея не будетъ имѣть силы надъ гробомъ нашимъ; спадетъ съ него, какъ спадаютъ печати съ веществъ, не могущихъ держать ихъ на себѣ.

Таковы, братіе мои, мысли, съ коими стояли мы утромъ надъ сею плащаницею, воспѣвая пѣсни исходныя Зиждителю нашего спасенія. Кто хочетъ, пусть раздѣлитъ ихъ съ нами, и продолжитъ ихъ для себя. У гроба Спасителя, послѣ Его смерти, ни о чемъ такъ ближе и приличнѣе нельзя помышлять, какъ о концѣ собственнаго житія на земли. Аминь.

Слово въ Великую Субботу.

Есть на нынѣшній день проповѣдь, которую никто на землѣ не слышалъ и слышать не будетъ, никто на землѣ не читалъ и читать не будетъ, которая однакоже достойна того, чтобы предъ нею возблагоговѣли и земля и самое небо.

Какая это проповѣдь? Та, о коей свидѣтельствуетъ св. Апостолъ Петръ въ своемъ посланіи. *Христосъ*, пишетъ онъ (1 Петр. 3, 18—20), *единою о грѣсѣхъ нашихъ пострада, праведникъ за неправедники, да приведетъ ны Богови, умерщвленъ убо бывъ плотію, оживъ же духомъ, о немже и сущимъ въ темницѣ духовомъ сшедъ проповѣда, противльшимся иногда, егда ожидаше Божіе долготерпѣніе, во дни Ноевы* (1 Петр. 3, 18—20), *да судъ убо пріимутъ по человѣку плотію, поживутъ же по Бозѣ духомъ* (1 Петр. 4, 6).

Видите теперь, кто говорилъ въ нынѣшній день проповѣдь? Самъ Господь и Спаситель нашъ, умершій за насъ на крестѣ.

Видите, гдѣ говорена она? Во адѣ, когда по разлученіи пречистой души Его отъ тѣла Онъ сошелъ духомъ Своимъ въ это узилище душъ умершихъ.

Видите, кто были слушателями сей проповѣди:—души несчастныхъ современниковъ Ноевыхъ, кои противились Божію долготерпѣнію, когда проповѣдывалъ Ной и угрожалъ отъ лица Божія потопомъ.

Видите, наконецъ, какая цѣль была этой единственной проповѣди, чтобы эти несчастные, понесши судъ и наказаніе и волнами потопными, и заключеніемъ трехтысящелѣтнимъ въ адѣ, воспользовались нисшествіемъ въ него Спасителя и ожили по Богу духомъ.

Будемъ ли ожидать, чтобы и намъ когда-либо, подобно современникамъ Ноевымъ, произнесена была проповѣдь уже не на землѣ, а во адѣ?—

Но возлюбленный Спаситель нашъ, Который единъ имѣетъ ключи *ада и смерти, разъ только,* по увѣренію слова Божія, сходилъ во адъ со креста, въ день настоящій.

Будемъ ли воображать, что Онъ для насъ паки сойдетъ туда уже не со креста, а съ престола славы Своея? Нѣтъ, Онъ явится всѣмъ уже тогда, какъ предстанетъ предъ Нимъ

на судъ весь родъ человѣческій, въ концѣ міра явится уже не для проповѣди, а для произнесенія суда послѣдняго.

Будемъ убо содѣвать спасеніе свое на земли; будемъ пользоваться тѣми средствами, кои предоставлены намъ ко спасенію въ словѣ Божіемъ и таинствахъ св. Церкви. Кто можетъ сказать, что сихъ средствъ недостаточно?—Посему къ тому, который, живя среди сихъ средствъ, погубитъ нерадѣніемъ душу свою, къ тому со всею силою и справедливостію должны быть обращены слова—къ древнему Израилю: *погибель твоя, Израиль, отъ тебе бысть.*

Отъ чего да спасетъ всѣхъ насъ умершій для спасенія нашего Господь! Аминь.

МОЛИТВА
СВ. ЕФРЕМА СИРИНА.

Слово въ среду 1-ой недѣли Великаго поста.

Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, уныния, любоначалія и празднословія не даждь ми!

Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любве даруй ми, рабу Твоему.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія, и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ!

Не безъ особенной причины, братіе мои, молитва сія такъ усвоена святому и великому посту, что многократно повторяется на каждомъ богослуженіи. Безъ сомнѣнія, это сдѣлано св. Церковію потому, что, при всей краткости сей молитвы, въ ней сокрыто великое богатство святыхъ мыслей и чувствъ, и весьма ясно изображены наши нужды духовныя. Посему мы поступимъ сообразно намѣренію св. Церкви и нашей духовной пользѣ, если обратимъ сію молитву въ предметъ нашихъ собесѣдованій, и разсмотримъ порознь каждое прошеніе, въ ней заключающееся. Такимъ образомъ откроется предъ нами цѣлый рядъ святыхъ добродѣтелей, коими должно украшать свою душу каждому, и явится цѣлое темное полчище грѣховъ и пороковъ, отъ коихъ надобно беречь свое сердце.

И безъ напоминанія, вѣроятно, извѣстно многимъ, что это молитва св. Ефрема Сирина. Въ дополненіе къ сему, скажемъ, что св. Ефремъ принадлежитъ къ числу величайшихъ подвижниковъ благочестія, кои украшали собою древнюю Церковь христіанскую. Человѣкъ онъ былъ по плоти, но ангелъ по духу и совершенствамъ. Отъ самыхъ юныхъ

лѣтъ св. Ефремъ оставилъ міръ и вселился въ пустыню, гдѣ долговременное пребываніе, безъ наставниковъ, содѣлало его учителемъ Востока и свѣтиломъ вселенныя. Самымъ любимымъ предметомъ и созерцаній и поученій Ефремовыхъ было покаяніе. Церковь Сирская, въ коей принадлежалъ онъ по мѣсту обитанія, имѣла въ немъ все—и учителя вѣры. и обличителя нравовъ, и питателя во время глада, и чудотворнаго врача отъ болѣзней, и защитника отъ еретиковъ и язычниковъ. Всеобщее уваженіе за всѣ сіи добродѣтели. еще при жизни св. подвижника, простиралось до того, что поученія его читались по церквамъ непосредственно за Св. Писаніемъ.

Изъ такого-то ума и сердца проистекла молитва, нами разсматриваемая,—изъ ума богопросвѣщеннаго, изъ сердца, пламенѣвшаго любовію къ Богу и ближнимъ, совершенно очищеннаго и освященнаго благодатію.

И въ молитвѣ своей, какъ въ душѣ и жизни, св. Ефремъ простъ и безъискусственъ. Онъ молится и располагаетъ всѣхъ насъ молить Господа, во-первыхъ, объ удаленіи отъ насъ душевредныхъ пороковъ, во-вторыхъ, о ниспосланіи вмѣсто ихъ боголюбезныхъ добродѣтелей, предполагая, что и пороки не удалятся отъ насъ, и добродѣтели не пріидутъ къ намъ безъ особеннаго содѣйствія силы Божіей.

Такое чувство ненадѣянія въ дѣлѣ спасенія на свои силы и призываніе на помощь благодати Божіей есть отличительное свойство нравственности христіанской. Гордый язычникъ говорилъ самонадѣянно: пусть дадутъ мнѣ боги честь, богатство, здравіе, а добродѣтель я самъ себѣ достану. Но откуда была у него сія пагубная самонадѣянность? Оттого, что язычникъ не зналъ хорошо грѣховнаго растлѣнія природы человѣческой и ея безсилія духовнаго. не понималъ свойствъ самой добродѣтели, ограничивая ее одною внѣшнею честностію. Просвѣщенный свѣтомъ Евангелія христіанинъ, напротивъ, ясно видитъ, какъ падшій человѣкъ не способенъ самъ по себѣ и помыслить, не только совершить что-либо истинно доброе,—какъ грѣхъ и зло до того проникли въ нашу душу, что овладѣли самымъ внутреннимъ источникомъ мыслей и чувствъ; ясно видитъ также съ другой стороны, чего требуется отъ добродѣтели, дабы она была совершенно чистою и благоугодною не предъ

очами только человѣческими, а и предъ очами Божіими. что для сего необходима не блестящая токмо наружность, часто прикрывающая собою одну тайную гордость и своекорыстіе, а искренняя любовь къ добру, совершенное послушаніе волѣ Божіей и закону совѣсти, съ отверженіемъ всѣхъ разсчетовъ самолюбія; видитъ, говорю, все сіе христіанинъ, и, признавая въ себѣ невозможность освободиться собственными силами отъ яда грѣховнаго, стяжать собственными средствами добродѣтель столь чистую и совершенную, падаетъ въ смиреніи предъ престоломъ благодати и восклицаетъ: Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми! Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любве даруй ми, рабу Твоему!— Если Ты, всеблагій и всемогущій, Самъ не затворишь бездонныхъ хлябій зла, во мнѣ гнѣздящагося, то. при всѣхъ усиліяхъ моихъ, онѣ вѣчно будутъ источать потокъ худыхъ мыслей и дѣяній, наводнять нечистотою мою душу и сердце. Если Ты, всесвятый и праведный, Самъ не поставишь меня на путь правды и истины, не утвердишь на камени заповѣдей Твоихъ колеблющіяся стопы мои, то я вѣчно буду претыкаться и падать, всегда буду собираться идти къ Тебѣ и не тронусь съ мѣста. тѣмъ паче не достигну той цѣли вожделѣнной. которая предназначена мнѣ Твоею премудрою любовію.

Нельзя также, братіе мои, не остановиться вниманіемъ на самомъ выраженіи, которое употреблено святымъ Ефремомъ въ его молитвѣ. Онъ молитъ Господа не о томъ только, чтобы отъ него были удалены пороки, и чтобы ему поданы были добродѣтели, но чтобы онъ освобожденъ былъ отъ самаго духа сихъ пороковъ, чтобы ему ниспосланъ былъ самый духъ сихъ добродѣтелей. Такъ люди духовные во всемъ созерцаютъ духа, тогда какъ люди плотскіе въ самыхъ духовныхъ предметахъ видятъ нерѣдко одну плоть! Что же здѣсь называется духомъ пороковъ и духомъ добродѣтелей? То ли, что мы обыкновенно называемъ такимъ-то порокомъ и такою-то добродѣтелію, или что-либо другое, большее?

Не погрѣшимъ, если скажемъ, что святый Ефремъ, моляся объ отогнаніи отъ него духа праздности, унынія и любоначалія, и о дарованіи ему духа цѣломудрія и смиренномудрія, имѣлъ въ виду дѣйствительныхъ духовъ, — въ

первомъ случаѣ, духовъ темныхъ и злыхъ, въ послѣднемъ—духовъ добрыхъ и свѣтоносныхъ. Человѣкъ, по ученію Священнаго Писанія, постоянно находится между двумя мірами: горнимъ—свѣтоноснымъ, и дольнимъ—мрачнымъ и діавольскимъ. Тотъ и другой міръ дѣйствуютъ на него непрестанно и ведутъ между собою брань за него. Міръ ангельскій дѣйствуетъ на человѣка тѣмъ, что охраняетъ, поддерживаетъ, укрѣпляетъ его на пути покаянія и добродѣтели, вдыхая благія мысли и чувства, сообщая духовную силу и крѣпость. Міръ діавольскій дѣйствуетъ тѣмъ, что старается совратить человѣка съ пути правды, удержать въ плѣну страстей и порока, вдыхая для сего въ его душу и сердце все нечистое и богопротивное. Неудивительно послѣ сего, если каждая добродѣтель имѣетъ своего духа чистаго, который, по преизбыточествующей силѣ сей добродѣтели въ немъ самомъ, становится особымъ руководителемъ для человѣка, къ ней стремящагося. Неудивительно, если и каждый порокъ имѣетъ своего духа тьмы, который также, можетъ быть, по преизбыточествующей силѣ сего порока въ немъ самомъ, становится споспѣшникомъ его для людей грѣшныхъ. — Сихъ-то духовъ, яко началовождей добра и зла, видитъ человѣкъ Божій своимъ богопросвѣщеннымъ окомъ, и молитъ Господа о ниспосланіи ему свѣтоносныхъ духовъ добродѣтели и объ удаленіи отъ него темныхъ ангеловъ грѣха.

Кромѣ сего, каждая добродѣтель, коль скоро утвердится въ человѣкѣ, и каждый порокъ, коль скоро овладѣетъ имъ, образуютъ изъ себя самихъ свой духъ, по виду своему. Этотъ духъ добродѣтели сильнѣе и свѣтоноснѣе, нежели самая добродѣтель; этотъ духъ порока мрачнѣе и злѣе, нежели самый порокъ.—Какъ образуется въ душѣ этотъ духъ? Такъ же, какъ въ вещахъ чувственныхъ. Наполните комнату какими-либо вещами и оставьте ихъ тамъ надолго: въ комнатѣ образуется духъ сихъ вещей, такъ что если вы и вынесете ихъ, духъ сей останется надолго. Если наполните веществами благовонными, то останется благовоніе; если зловонными, то зловоніе. Такъ бываетъ и съ душею, когда она наполняется извѣстнымъ какимъ-либо видомъ добродѣтелей или пороковъ: въ ней образуется духъ господствующей добродѣтели или духъ любимаго порока.—Кто, напримѣръ, теперь, въ продолженіе святаго поста, потрудится

нелѣностно постяся, у того, и по окончаніи постныхъ дней, останется духъ поста, и содѣлаетъ его трезвымъ и воздержнымъ во всемъ. Кто, напротивъ, въ прошедшіе дни предавался много роскоши и сладострастію, изъ того и святый постъ не вдругъ можетъ изгнать духа чувственности и плотоугодія, такъ что онъ и среди духовныхъ предметовъ, въ минуты самыя священныя, будетъ возмущаться отъ воспоминаній и мыслей плотскихъ. — Вообще борьба съ духомъ порока гораздо труднѣе, нежели съ самимъ порокомъ. Порокъ можно тотчасъ оставить, но духъ порока не скоро оставитъ тебя: надобно долго сражаться, долго подвизаться и терпѣть, чтобы освободиться отъ него.

Все сіе, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду святый подвижникъ Христовъ, и посему проситъ у Господа совершеннаго освобожденія отъ зла, совершеннаго очищенія своего духа и тѣла, совершеннаго уничтоженія въ природѣ своей закваски грѣховной.

Подражая сему, не остановимся и мы, братіе мои, на поверхностномъ очищеніи души нашей посредствомъ исповѣди отъ нѣкоторыхъ токмо, видимо злыхъ и богопротивныхъ дѣлъ. Что пользы отсѣкать вѣтви, когда остается корень зла? Благоразумно ли убивать одну большую змѣю, когда десять малыхъ готовы на ея мѣсто? Вооруженныя духомъ ревности по Бозѣ и своемъ спасеніи, проникнемъ до самаго исходища зла въ душѣ нашей и постараемся истребить его совершенно. Для насъ самихъ это было бы невозможно, но мы имѣемъ всемощную благодать Божію, предъ коей вся нага и откровенна, вся возможна и удобна. Когда мы усердною молитвою низведемъ сію благодать въ свою душу, предадимъ ей сердце свое и дадимъ безпрепятственно дѣйствовать въ насъ и врачевать недуги наши, то бездна тьмы и зла, насъ обуревающая, раздѣлится; явится суша—твердое хожденіе въ заповѣдяхъ Божіихъ, возсіяетъ надъ нами свѣтъ лица Божія, создается сердце новое, обновится духъ правый; и мы вообразимся прежнею, первобытною добротою невинности и правды, еже буди со всѣми нами благодатію Христовою!—Аминь.

Слово въ пятокъ 1-ой недѣли Великаго поста.

Господи и Владыко живота моего, духъ праздности не даждь ми!

Можно было ожидать, что великій подвижникъ Христовъ начнетъ свою молитву прошеніемъ объ удаленіи отъ себя какого-либо другаго порока, а не праздности, потому что праздность, по обыкновенному понятію, не есть что-либо важное и опасное. Нѣкоторые готовы почитать ее даже за состояніе завидное. Но человѣкъ Божій смотритъ на вещи иначе; видитъ въ праздности перваго врага своему спасенію, и потому первѣе всего молитъ Господа объ освобожденіи отъ него.

Но что худаго дѣлаетъ праздный человѣкъ, когда онъ ничего не дѣлаетъ? — То именно, что ничего не дѣлаетъ, ибо человѣку всегда надобно дѣлать что-либо. Въ самомъ дѣлѣ, если Сынъ Божій о Себѣ Самомъ и Отцѣ Своемъ говоритъ: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17), то человѣку ли предаться праздности? Дѣятельность—наше назначеніе: для сего именно даны намъ бытіе и жизнь, для сего снабжены мы силами и способностями. И какъ земная жизнь наша вообще не долговѣчна; а между тѣмъ въ продолженіе ея мы должны заслуживать цѣлую вѣчность, блаженную или злополучную, то праздность, разсматриваемая съ сей стороны, есть уже великое преступленіе противъ насъ самихъ, ибо всякій праздно проведенный часъ ведетъ за собою потерю не только для здѣшней жизни, но и для вѣчности. Неупотребленіе данныхъ отъ Бога силъ на дѣла благія уподобляетъ человѣка рабу, сокрывшему свой талантъ въ землю, и уготовляетъ ему плачевную участь сего раба, то есть: *и еже мнится имѣя, взято будетъ отъ него* (Матѳ. 25, 29).

Точно будетъ взято! Кѣмъ?—и правосудіемъ Божіимъ—въ свое время, а теперь самою праздностію! Порокъ сей, по самому свойству своему, таковъ, что ослабляетъ, сокращаетъ и, наконецъ, отъемлетъ у насъ наши силы и способности. Въ самомъ дѣлѣ, перестаньте, напримѣръ, ходить и употреблять свои ноги. Если это неупотребленіе продлится долго, то вы потеряете, наконецъ, способность ходить, едва будете въ состояніи встать и стоять на ногахъ. Такъ съ

тѣломъ, такъ и съ душею. Всякая способность души—упражняемая, возрастаетъ и усиливается; оставляемая въ бездѣйствіи,—слабѣетъ и портится. Что, наприм., живѣе по природѣ и не умолкающѣе нашей совѣсти? Но не упражняемая, не хранимая, препятствуемая въ ея дѣятельности, и совѣсть слабѣетъ, умолкаетъ и засыпаетъ: человѣкъ становится безсовѣстнымъ. Тѣмъ скорѣе вянутъ и слабѣютъ отъ неупотребленія другія душевныя способности: напр., для человѣка, долго не молившагося, трудно поставить себя потомъ въ молитвенное состояніе и на нѣсколько минутъ; человѣкъ, не упражнявшійся въ постѣ, не можетъ пробыть безъ пищи и одного дня.

Но праздность опасна не однимъ тѣмъ, чего лишаетъ, но и тѣмъ, что приводитъ за собою. Что же она приводитъ? Порокъ и развращеніе.

Если бы душа наша была подобна безчувственному инструменту, который, когда прекращаютъ на немъ игру, остается спокоенъ, то можно было бы безъ вреда оставлять ее въ бездѣйствіи; но съ душею, по ея духовной природѣ, подобнаго бездѣйствія быть не можетъ, а происходитъ то же, что съ полемъ, оставленнымъ безъ воздѣланія: поле покрывается худыми травами, душа худыми мыслями и чувствами. Посему праздность справедливо можно назвать готовою и самородною почвою для всего худаго и грѣховнаго. Никто такъ не обуревается множествомъ нечистыхъ помысловъ и желаній грѣховныхъ, какъ человѣкъ праздный: мысль его, не утвержденная ни на какомъ предметѣ, носится всюду, и, подобно врану Ноеву, всегда останавливается на томъ, что манитъ, чувственность; воображеніе въ такомъ случаѣ обыкновенно рисуетъ предъ собою образы обольстительные, кои случалось когда-либо видѣть; память представляетъ случаи, когда страсти находили себѣ преступное удовлетвореніе; умъ плодитъ—то разные замыслы житейскіе, то сомнѣнія о предметахъ священныхъ; сердце располагаетъ къ разнымъ страстнымъ движеніямъ. Кромѣ сего, праздность имѣетъ то зловредное свойство, что производитъ въ человѣкѣ скуку, заставляющую искать развлеченій и забавъ, кои у празднаго обыкновенно состоятъ изъ того, что вредитъ душѣ, поелику обращаются около предметовъ самыхъ чувственныхъ, если не прямо богопротивныхъ. И здѣсь-то корень и источникъ различныхъ

пристрастій къ забавамъ, отъ коихъ страдаютъ люди праздные. тѣмъ забавамъ, кои губятъ здоровье и честь, разстраиваютъ состояніе, дѣлаютъ самаго значительнаго въ обществѣ человѣка вовсе не тѣмъ, чѣмъ онъ могъ и долженъ быть.

Не забудемъ наконецъ при оцѣнкѣ праздности и того, что для большей части людей порокъ сей влечетъ за собою недостатки и бѣдность, заставляетъ обращаться къ непозволительнымъ средствамъ пріобрѣтенія, и такъ какъ праздный человѣкъ, по привычкѣ къ нѣгѣ, бываетъ обыкновенно наклоннѣе другихъ къ чувственности и удовольствіямъ, то искушеніе пользоваться незаконно трудами другихъ чрезъ то самое для празднаго еще болѣе увеличивается. Пересмотрите людей, заключенныхъ въ темницахъ, вникните въ причину ихъ преступленій,—и увидите, что большая часть ихъ произошла въ началѣ своемъ, такъ или иначе, именно отъ праздности.

Знали все сіе святые Божіи человѣки, и ничего такъ не старались избѣгать, какъ праздности. Казалось, самая жизнь пустынная и созерцательная освобождала ихъ отъ трудовъ, тѣмъ паче тѣлесныхъ, ибо много ли у нихъ оставалось и времени отъ молитвъ общественныхъ и домашнихъ?—Но, зная опасность праздности, они брали съ собою трудъ въ самыя пустыни; не разлучались съ нимъ при совершеніи дѣлъ самыхъ высокихъ. Кто, напр., это сидитъ у холма пустыннаго въ Ѳиваидѣ, поетъ псалмы и въ то же время плететъ корзины? Это—свѣтило Египта, Антоній Великій. Корзины сіи пойдутъ въ Александрію и промѣняются на укруги хлѣба, коими столѣтній старецъ подкрѣпляетъ по временамъ немощь своея плоти. Кто это во мракѣ ночномъ. при свѣтѣ лампады или луны, занимается дѣланіемъ шатровъ и палатокъ?—Это святый Павелъ. Днемъ онъ проповѣдуетъ Евангеліе мудрымъ еллинамъ, а ночь употребляетъ на скиноторство, дабы не быть никому въ тягость скуднымъ содержаніемъ своимъ. Кто это въ малой хижинѣ назаретской стучитъ млатомъ, дѣйствуетъ пилою, трудится съ утра до вечера надъ древодѣліемъ? Это—святый Іосифъ, воспитатель Господа Іисуса и хранитель Его Матери. Труды рукъ его доставляютъ пропитаніе святому семейству. Вообще, у святыхъ людей время раздѣлено было между богомысліемъ и трудолюбіемъ. Первымъ правиломъ ихъ было питаться не

отъ чужихъ, а отъ собственныхъ трудовъ. Труда сего, при всей скудости ихъ внѣшняго состоянія, ставало имъ даже на то, чтобы помогать ближнимъ, питать алчущихъ, одѣвать нагихъ и искупать плѣнныхъ.

Но что же, спросятъ, дѣлать тѣмъ, кои самымъ состояніемъ своимъ удалены отъ трудовъ, тѣмъ паче тѣлесныхъ?— Что дѣлать?—Изобрѣсти себѣ трудъ по своимъ силамъ и обстоятельствамъ. Вѣдь изобрѣтаемъ же мы удовольствія; почему не изобрѣсти и труда? И мало ли чистыхъ и полезныхъ предметовъ для занятія души и сердца, самыхъ членовъ тѣла? Одно необозримое поприще благотворительности можетъ представить каждому для сего все, что нужно. Каковъ бы ни былъ трудъ, только бъ былъ безгрѣшенъ и занималъ силы наши,—и цѣль будетъ достигнута. Ибо праздность уничтожается не однимъ тѣлеснымъ трудомъ, а и всякимъ.

Разсуждая такимъ образомъ о трудѣ и праздности, мы имѣемъ въ виду, братіе, состояніе человѣка вообще, или паче состояніе человѣка, не возрожденнаго еще благодатію Божіею, не начавшаго жить во Христѣ. Для человѣка же облагодатствованнаго, непрестанная дѣятельность духовная есть уже святая необходимость, ибо онъ долженъ непрестанно восходить отъ силы въ силу. Праздность въ семъ случаѣ есть прекращеніе самаго восхода; а прекращеніе восхода—то же, что отступленіе назадъ. Ибо они, какъ испрашивается въ молитвѣ церковной, и среди соннаго безмолвія просвѣщаются зрѣніемъ судебъ Божіихъ.

Имѣя столь высокую цѣль бытія (ибо мы всѣ предназначены къ одному и тому же), да воззоветъ, братіе, и каждый изъ насъ вмѣстѣ съ святымъ Ефремомъ: *Господи и Владыко живота моего, духъ праздности не даждь ми!* Не даждь, да дни мои, кои такъ малы и кратки, преходятъ въ суетѣ мірской и бездѣйствіи; не даждь, да таланты, мнѣ ввѣренные, погребаются въ землѣ забвенія и лѣности; не даждь, да по недостатку любви къ трудамъ содѣлаюсь въ тягость подобнымъ себѣ и постыжду въ себѣ образъ Твой! Сотвори, да буду бодръ на всякое дѣло благое, да непрестанно труждаюся надъ воздѣлываніемъ существа моего для вѣчности, и да все, что ни дѣлаю, дѣлаю для славы Твоей, Господи, а не изъ угожденія себѣ самому! Аминь.

Слово въ среду 2-ой недѣли Великаго поста.

Господи и Владыко живота моего, духъ унынія не даждь ми!

Значитъ, духъ унынія противенъ не однѣмъ забавамъ мірскимъ, а и жизни христіанской. Почему такъ? Потому что жизнь христіанская требуетъ всегдашней дѣятельности духовной, бодрости, мужества и силы: а въ уныломъ какая дѣятельность, какая бодрость и сила?—Потому что *царствіе Божіе,* въ коемъ находится истинный христіанинъ, *есть,* по свидѣтельству Апостола, *правди, миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. 14, 17); а въ уныломъ какой миръ и какая радость? Посему тѣ, кои думаютъ, что жизнь христіанская необходимо сопряжена съ унынiемъ, симъ самымъ показываютъ, что они не знаютъ духа истиннаго христіанства. Нѣтъ, это духъ свѣта, крѣпости и силы, духъ мира и радости непрестающей. Правда, что христіанинъ не вдругъ достигаетъ сего блаженнаго состоянія, подобно какъ тяжелобольной не вдругъ получаетъ здоровье; но чувство самаго начала выздоровленія душевнаго есть уже чувство отрадное и утѣшительное, которое, постоянно возрастая, наполняетъ всю душу миромъ и радостію. Правда и то, что истинный христіанинъ, всегда занятый дѣломъ своего спасенія, вкушая при томъ, хотя по временамъ, удовольствія высшія и духовныя, чуждается шумныхъ радостей міра, представляется нерѣдко задумчивымъ въ тѣ минуты, когда другіе не знаютъ мѣры своимъ восторгамъ; но онъ столь же мало почитаетъ за потерю неучастіе въ радостяхъ мірскихъ, сколь мало человѣкъ возрастный считаетъ за потерю то, что не участвуетъ въ играхъ и забавахъ дѣтскихъ; его задумчивость происходитъ не отъ духа унынія, а отъ другихъ причинъ, нерѣдко отъ мысли, какъ нѣкоторые могутъ веселиться тогда, какъ имъ надлежало бы плакать. Правда наконецъ и то, что христіанинъ, ведя до конца жизни непрестанную брань со грѣхомъ и страстями, подвергается иногда такимъ искушеніямъ, о какихъ міролюбцы не имѣютъ и понятія, но духовная брань сія не производитъ въ немъ духа унынія; воинъ Христовъ исходитъ противъ враговъ спасенія своего еще съ большимъ благодушіемъ, нежели воинъ царя земнаго.

Посему, когда увидите, братіе мои, истиннаго христіа-

нина, страждущаго унынiемъ, то блюдитесь выводить изъ сего что-либо не въ пользу христiанства: нѣтъ, изъ сего слѣдуетъ только, что сей членъ тѣла Христова еще несовершенъ въ вѣрѣ и преданности, что онъ, по слабости природы человѣческой, недугуетъ еще сердцемъ, и можетъ быть, сей недугъ духовный нарочно допущенъ Врачемъ небеснымъ для возвращенiя ему полнаго здравiя. Какъ бы то ни было, только унынiе всегда есть состоянiе духа неестественное, есть болѣзнь, которая, при усиленiи своемъ и продолжительности, можетъ сдѣлаться крайне опасною и причинить смерть не только духа—отчаянiемъ, но и самаго тѣла—его разрушенiемъ. *Печаль мiра сего,* замѣчаетъ Апостолъ, *смерть содѣлываетъ* (2 Кор. 7, 10). Посему-то святые мужи ничего такъ не боялись, какъ унынiя; и при первомъ появленiи сего врага, спѣшили принимать всѣ мѣры къ отраженiю его. По уединенной и подвижнической жизни ихъ, унынiе, конечно, было для нихъ опаснѣе, нежели для людей, живущихъ въ мiрѣ, но и живущiе въ мiрѣ не могутъ предаваться ему безъ опасности для своей души и тѣла, которая тѣмъ болѣе возрастаетъ, чѣмъ долѣе продолжается сiе неестественное состоянiе. Посему всѣмъ намъ полезно вникнуть, отчего происходитъ унынiе и какiя противъ него средства?

Источниковъ унынiя много, и внѣшнихъ и внутреннихъ, и духовныхъ и чувственныхъ. И во-первыхъ, въ душахъ чистыхъ и близкихъ къ совершенству, унынiе можетъ происходить отъ оставленiя ихъ на время благодатiю Божiею. Состоянiе благодати есть самое блаженное. Но чтобы находящiйся въ семъ состоянiи не возмнилъ, что оно происходитъ отъ его собственныхъ совершенствъ, благодать иногда удаляется и сокрываетъ себя совершенно, предоставляя любимца своего самому себѣ. Тогда бываетъ съ святою душею то же, какъ если бы среди дня наступила полночь, или въ самый благорастворенный лѣтнiй день появился мразъ зимнiй: въ душѣ является темнота, хладъ, мертвость и вмѣстѣ съ тѣмъ унынiе.

Во-вторыхъ, унынiе, какъ свидѣтельствуютъ люди опытные въ духовной жизни, бываетъ отъ дѣйствiя духа тьмы. Не могши запять души на пути къ небу чувственностiю, прельстить ее благами и удовольствiями мiра, врагъ спасенiя обращается къ противному средству и наводитъ на нее

внутреннюю тугу и уныніе. Въ такомъ состояніи душа бываетъ какъ путникъ, вдругъ застигнутый мглою и туманомъ; не видитъ ни того, что впереди, ни того, что позади; не знаетъ, что дѣлать, теряетъ бодрость и духъ, впадаетъ въ нерѣшимость и нѣкое внутреннее исчезновеніе. Сему роду унынія подвергаются люди, также не мало подвизавшіеся на пути добродѣтели, уже побѣдившіе искушенія чувственности.

Третій источникъ унынія есть наша падшая, нечистая, обезсиленная, помертвѣвшая отъ грѣха природа. Доколѣ мы дѣйствуемъ по самолюбію, наполнены духомъ міра, надымаемся страстями, дотолѣ сія природа въ насъ весела и жива; откуда въ ней берутся сила, духъ, отвага и терпѣніе. Но перемѣните направленіе жизни, сойдите съ широкаго пути міра на узкій путь самоотверженія христіанскаго, примитесь за покаяніе и самоисправленіе: тотчасъ откроется внутри васъ пустота, обнаружится духовное безсиліе, ощутится сердечная мертвость. Доколѣ душа не успѣетъ наполниться новымъ духомъ любви къ Богу и ближнему, яться вѣрою за силу креста Христова и прицѣпится, какъ вѣтвь, всѣми мыслями и чувствами къ древу жизни—Господу Іисусу, дотолѣ духъ унынія, въ большей или меньшей мѣрѣ, для нея неизбѣженъ. Счастлива она, если не долго остается въ семъ состояніи, ибо отъ него не далеко пропасть отчаянія духовнаго. Сему роду унынія подвергаются наипаче грѣшники, по ихъ обращеніи.

Четвертый, обыкновенный источникъ унынія духовнаго есть недостатокъ, тѣмъ паче прекращеніе дѣятельности и привычныхъ трудовъ. Преставъ употреблять свои силы и способности, душа теряетъ живость и бодрость, становится вялою и неудободвижною; самыя прежнія занятія ей противѣютъ; начинаетъ быть ощущаема внутренняя пустота; являются недовольство, скука и уныніе.

Можетъ происходить уныніе и отъ различныхъ печальныхъ случаевъ въ жизни, какъ-то: смерти сродниковъ и любимыхъ лицъ, потери чести, достоянія и другихъ несчастныхъ приключеній. Все это, по закону нашей природы, сопряжено съ непріятностію и печалію для насъ; но, по закону же самой природы, печаль сія должна уменьшиться со временемъ и исчезать, когда человѣкъ употребляетъ средства къ своему

одушевленію и не предается печали. Въ противномъ случаѣ образуется духъ уныніа.

Можетъ происходить уныніе и отъ нѣкоторыхъ мыслей, особенно мрачныхъ и тяжелыхъ, когда душа слишкомъ предается подобной мысли, и смотритъ на предметы не во свѣтѣ вѣры и евангелія. Такъ напримѣръ человѣкъ легко можетъ впасть въ уныніе отъ частаго размышленія о неправдѣ, господствующей въ мірѣ, о томъ, какъ праведные здѣсь скорбятъ и страдаютъ, а нечестивые высятся и блаженствуютъ, и какъ все, повидимому, отдано на произволъ страстей человѣческихъ и случая.

Могутъ, наконецъ, источникомъ уныніа душевнаго быть различныя болѣзненныя состоянія тѣла, особенно нѣкоторыхъ его членовъ.

Отъ чего бы впрочемъ ни происходило уныніе, молитва всегда есть первое и послѣднее противъ него средство. Въ молитвѣ человѣкъ становится прямо лицу Божію, но если, ставъ противъ солнца, нельзя не озариться свѣтомъ и не почувствовать теплоты, тѣмъ паче свѣтъ и теплота духовныя суть непосредственныя слѣдствія молитвы. Кромѣ сего, молитвою привлекаются благодать и помощь свыше, отъ Духа Святаго, а гдѣ Духъ Утѣшитель, тамъ нѣтъ мѣста унынію, тамъ самая скорбь будетъ въ сладость.

Чтеніе или слушаніе слова Божія, особенно Новаго Завѣта, есть также сильное средство противъ уныніа. Спаситель ненапрасно призывалъ къ Себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, обѣщая имъ успокоеніе и радость. Радость сію Онъ не взялъ съ Собою на небо, а всецѣло оставилъ въ Евангеліи для всѣхъ скорбящихъ и унылыхъ духомъ. Кто проникается духомъ Евангелія, тотъ престаетъ скорбѣть безотрадно, ибо духъ Евангелія есть духъ мира, успокоенія и отрады.

Богослуженія, и особенно святыя таинства Церкви, также великое врачество противъ духа уныніа, ибо въ церкви, яко домѣ Божіемъ, нѣтъ для него мѣста, таинства всѣ направлены противъ духа тьмы и слабостей природы нашей, особенно таинство исповѣди и причащенія. Слагая съ себя тяжесть грѣховъ посредствомъ исповѣди, душа чувствуетъ легкость и бодрость, а пріемля въ Евхаристіи брашно Тѣла и Крови Господа, чувствуетъ оживленіе и радость.

Собесѣдованіе съ людьми, богатыми духомъ христіанскимъ, также средство противъ уныніа. Въ собесѣдованіи мы вообще выходимъ болѣе или менѣе изъ мрачной глубины внутренней, въ которую душа погружается отъ уныніа; вмѣстѣ съ разверстіемъ устъ, въ человѣкѣ уныломъ, можно сказать, разверзаются нѣдра его духа, открывается доступъ туда свѣту и теплотѣ духовной. Кромѣ сего, посредствомъ мѣны мыслей и чувствъ въ собесѣдованіи, мы заемлемъ у бесѣдующихъ съ нами нѣкую силу и жизненность, что такъ нужно въ состояніи уныніа.

Размышленіе о предметахъ утѣшительныхъ и утвержденіе мысли на какомъ-либо изъ нихъ также весьма много помогаетъ въ унынiи. Ибо мысль въ семъ состояніи или вовсе не дѣйствуетъ, или кружится около предметовъ печальныхъ. Чтобы избавиться уныніа, надобно принудить себя мыслить о противномъ. Напримѣръ, если унынiе произошло отъ печали о смерти лица любимаго, то вмѣсто того, чтобъ бродить непрестанно мыслію у его могилы, представлять себѣ его лежащимъ во гробѣ, или тлѣющимъ въ землѣ,—переноситесь чаще мыслію на небо, гдѣ его духъ, представляйте день всеобщаго, будущаго воскресенія, когда мы всѣ облечемся новымъ, прославленнымъ, безсмертнымъ тѣломъ, и не будемъ болѣе подлежать горестной разлукѣ съ ближними.

Занятіе себя трудомъ тѣлеснымъ также прогоняетъ унынiе. Человѣкъ унылый не способенъ бываетъ къ труду, но что нужды? Пусть начнетъ трудиться, даже не хотя; пусть продолжаетъ трудъ, хотя безъ успѣха: отъ движенія оживаетъ сначала тѣло, а потомъ и духъ, и почувствуется бодрость: мысль среди труда непримѣтно отвратится отъ предметовъ, наводившихъ тоску, а это уже много значитъ въ состояніи уныніа.

Наконецъ, если источникъ уныніа скрывается въ недугахъ тѣлесныхъ, то христіанинъ не долженъ пренебрегать пособія и отъ искусства врачебнаго, ибо искусство сіе отъ Бога. *Господь созда*, говоритъ Писаніе, *врача на потребу* человѣка (Сир. 38. 1), посему врачъ есть слуга Божій для насъ во благое.

Все, что мы говоримъ объ унынiи, касается уныніа христіанскаго. Страдаютъ ли унынiемъ міролюбцы и грѣшники, нерадящіе о спасеніи души своей?—Всего болѣе и всего чаще, хотя, повидимому, жизнь ихъ состоитъ большею частію

изъ забавъ и утѣхъ. Даже по всей справедливости можно сказать, что внутреннее недовольство и тайная тоска есть постоянная доля грѣшниковъ. Ибо совѣсть, сколько бы ни заглушали ее, какъ червь точитъ сердце. Внутренній человѣкъ, какъ ни подавляютъ его, подъемлетъ нерѣдко главу и стонетъ. Невольное, глубокое предчувствіе будущаго суда и воздаянія также тревожитъ душу грѣшную, возмущаетъ и преогорчаетъ для нея безумныя утѣхи чувственности. Самый закоренѣлый грѣшникъ по временамъ чувствуетъ, что онъ какъ вѣтвь безъ корня, какъ зданіе безъ основанія, что внутри его пустота, мракъ, язва и смерть. Отсюда та неудержимая наклонность міролюбцевъ къ непрестаннымъ развлеченіямъ, къ тому, чтобъ забываться и быть внѣ себя.

Что сказать міролюбцамъ объ ихъ унынiи? Оно благо для нихъ, ибо служитъ призываніемъ и побужденіемъ къ покаянію. Посему, вмѣсто того, чтобы прогонять сіе унынiе, какъ болѣзнь, имъ надобно пользоваться какъ врачевствомъ, обращая его изъ безплодной печали вѣка сего въ спасительную печаль по Богѣ. И пусть не думаютъ, чтобы нашлось для нихъ какое-либо средство къ освобожденію отъ сего духа унынія, доколѣ не обратятся на путь правды и не исправятъ себя и своихъ нравовъ. Суетныя удовольствія и радости земныя никогда не наполняютъ пустоты сердечной: душа наша пространнѣе всего міра. Напротивъ, съ продолженіемъ времени самыя радости плотскія потеряютъ силу развлекать и обаять душу, и обратятся въ источникъ тяжести душевной и скуки. Между тѣмъ печаль по Бозѣ, сокрушеніе о своей беззаконной жизни, хотя въ началѣ и прибавитъ, повидимому, нѣчто къ тоскѣ душевной, но современемъ послужитъ къ совершенному исцѣленію отъ всѣхъ болѣзней сердечныхъ, ибо приведетъ за собою *правду, миръ и радость о Дусѣ Святѣ*. Аминь.

Слово въ пятокъ 2-ой недѣли Великаго поста.

Господи и Владыко живота моего, духъ любоначалія не даждь ми!

Не даждь духа, который, вселившись въ Ангела свѣтоноснаго, омрачилъ его и низринулъ навсегда съ неба,—который, возобладавъ прародителями нашими, изгналъ ихъ не-

возвратно изъ рая;—того духа, коимъ ослѣпленный Фараонъ вопрошалъ: *кто есть Богъ, Егоже послушаю гласа?* (Исх. 5, 2), коимъ прельщенные, Даѳанъ и Авиронъ сошли за свое возмущеніе противъ Моисея во адъ живы;—того духа, который заставлялъ еретиковъ идти противъ власти Церкви, возмутителей и крамольниковъ—терзать нѣдра своего отечества, буйныхъ писателей—сѣять плевелы и порчу нравовъ въ цѣлыхъ поколѣніяхъ;—того духа, который, не смотря на чудовищную величину свою, можетъ вселяться въ самаго малаго человѣка, и въ кого ни вселится, дѣлаетъ его недовольнымъ ничѣмъ, тѣмъ паче своимъ состояніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, отъ духа любоначалія и превозношенія не безопасенъ никто: онъ проникаетъ въ самыя пустыни и заставляетъ иногда людей, отрекшихся всего, искать первенства предъ другими, если не въ другомъ чемъ, то въ самомъ удаленіи отъ власти; онъ появляется въ кругу самыхъ юныхъ дѣтей и дѣлаетъ изъ отрока предводителя себѣ подобныхъ, который гордо раздаетъ приказанія, съ завистію смотритъ на соперника, мучится духомъ, если лишается своего начальства. А что сказать о мірѣ и обществѣ человѣческомъ? Тамъ принято даже за правило, что худой тотъ воинъ, который не хочетъ быть военачальникомъ. Вступая на поприще жизни, рѣдкіе не приносятъ съ собою туда видовъ самыхъ честолюбивыхъ, желаній самыхъ непомѣрныхъ. И какъ многимъ не быть зараженными духомъ любоначалія, когда родители и воспитатели сами почитаютъ нерѣдко за долгъ возбуждать его въ юныхъ питомцахъ, почитая это залогомъ ихъ будущихъ успѣховъ въ жизни?

Въ самомъ дѣлѣ, это бываетъ залогомъ, но чего? Не успѣховъ, а неудачъ, не возвышенія, а паденій самыхъ опасныхъ. Ибо, во-первыхъ, возможно ли всѣмъ достигнуть мѣстъ высокихъ, честей и отличій блистательныхъ? Доля сія по необходимости принадлежитъ немногимъ. А посему для прочихъ покушеніе на нее есть покушеніе почти на невозможное, и, слѣдовательно, вредное. А во-вторыхъ, духъ любоначалія есть вообще самый худой помощникъ въ достиженіи честей и достоинствъ. Ибо человѣкъ, имъ проникнутый, никогда почти не имѣетъ терпѣнія и скромности, толико необходимыхъ для успѣха и въ дѣлахъ земныхъ. Надменный духомъ любоначалія, напротивъ, готовъ бываетъ употре-

бить всѣ средства, чтобы скорѣе достигнуть цѣли, а употребляя ихъ безразсудно, рѣдко не подвергается тяжкимъ паденіямъ. Въ случаѣ неуспѣха и превратности, съ нимъ бываетъ еще хуже: онъ позволяетъ себѣ наглости и буйства, кои лишаютъ его и того, что онъ имѣлъ. Обыкновенно таковые люди съ обманутымъ честолюбіемъ бросаютъ путь честей и даже служенія общественнаго, и заключаютъ себя преждевременно въ кругѣ жизни домашней. Мирный и благой кругъ сей могъ бы вознаградить ихъ за всѣ лишенія большаго свѣта, но, къ сожалѣнію, и здѣсь честолюбецъ рѣдко находитъ для себя успокоеніе, потому что приноситъ съ собою домой духъ недовольства отъ своихъ неудачъ, духъ ропота и ожесточенія сердечнаго. Кромѣ сего, страсть превозношенія и здѣсь хочетъ находить во всемъ пищу, и по естественному порядку вещей, срѣтая нерѣдко противоборство, бѣснуется и мучитъ себя и другихъ.

Человѣкъ гордый всѣмъ тяжелъ и противенъ даже и тогда, когда обладаетъ отличными способностями, ибо все, чѣмъ отличила и украсила его природа, онъ употребляетъ обыкновенно на униженіе другихъ, а кому пріятно быть унижаемымъ? Посему таковыхъ людей обыкновенно стараются избѣгать. Но духъ любоначалія появляется и въ людяхъ самыхъ посредственныхъ. Таковыхъ уже и не избѣгаютъ, а прямо презираютъ. Сколько отсюда огорченій для презираемаго?

Что же, скажетъ кто-либо, ужели христіанину вовсе не позволено желать высокихъ достоинствъ?

Христіанину не запрещено желать всего добраго. Можно желать, когда чувствуешь способность къ тому, и высокаго достоинства, но какъ желать?—Такъ ли, чтобы почитать себя предназначеннымъ именно къ занятію такого или другаго высокаго званія? Это было бы самомнѣніе и гордость непростительная. Такъ ли, чтобы, не достигнувъ своего желанія, думать, что уже потеряна вся цѣль жизни, и потому сокрушаться и мучить себя? Нѣтъ, это значило бы не понимать значенія и цѣли своей жизни. Такъ ли, чтобы всѣ средства къ достиженію отличій и достоинствъ почитать законными и позволительными? Но такого любоначалія и честолюбія не терпитъ самый міръ. Что же позволительно христіанину въ отношеніи къ честямъ и достоинствамъ? По-

зволительно приготовлять себя къ тому, чтобъ быть ихъ достойнымъ, раскрывать и усовершать въ себѣ всѣ таланты, Богомъ данные, обнаруживать ихъ правильнымъ и общеполезнымъ образомъ, показывать дѣятельность, честность и любовь къ благу общему. Надъ всѣмъ этимъ трудись, сколько угодно: все это похвально не предъ человѣками только, но и предъ Богомъ. А искать усильно высшихъ мѣстъ и достоинствъ, тѣмъ паче употреблять для сего происки и связи, коварство и обманъ, и не достигнувъ желаемаго, поднимать ропотъ, приходить въ малодушіе и отчаяніе, все это совершенно дѣло нехристіанское. Христіанинъ спокойно ожидаетъ званія свыше: приходитъ его чреда, онъ со смиреніемъ исходитъ на поприще, предъ нимъ открывшееся; не приходитъ— онъ употребляетъ свои способности и познанія въ томъ кругѣ, въ коемъ находится, не прекая вышнему распоряженію, не упрекая никого въ невниманіи къ себѣ. И будьте увѣрены, Провидѣніе Божіе, даруя кому-либо отличныя способности, всегда само заботится о томъ, чтобы онѣ не остались втунѣ, само открываетъ поприще для употребленія ихъ въ дѣло. Намъ можетъ казаться, что это поприще мало, не по насъ, но если мы, вступивъ на него, дѣлаемъ, какъ должно, свое дѣло, то все благое, въ насъ находящееся, найдетъ сродное себѣ употребленіе и принесетъ плодъ. А съ другой стороны, этотъ кругъ часто бываетъ тѣсенъ только вначалѣ—для искушенія нашего терпѣнія и смиренія, а потомъ невидимою рукою, смотря по нашей вѣрности, расширяется; и тотъ, кто думалъ навсегда оставаться долу, видитъ себя на высотѣ, ему приличной. Но и безъ сей высоты можно всегда сдѣлать много истинно полезнаго, даже, если угодно, быть первымъ и вождемъ для другихъ. Сколько вокругъ каждаго стезей добра, еще не проложенныхъ, благихъ подвиговъ, еще не начатыхъ! Осмотрись и, не теряя духа отъ своего невысокаго положенія въ свѣтѣ, начни дѣлать, хотя понемногу и въ маломъ видѣ то, чего не дѣлано никѣмъ:— ты будешь такимъ образомъ первымъ, создашь новое для себя поприще и отличіе, подашь примѣръ самимъ начальникамъ, цѣлому обществу. Не такъ ли именно начиналась дѣятельность многихъ друзей человѣчества, коихъ имена потерялись бы между множествомъ другихъ именъ, если бы они пошли общимъ и обыкновеннымъ путемъ честей и от-

личій, и кои теперь блистаютъ въ свиткѣ бытописаній, можетъ быть, именно потому, что имъ не надо было идти симъ путемъ, а предоставлено для блага человѣчества открыть новое поприще, свое собственное?

Но говоря такимъ образомъ, мы вмѣсто угашенія духа любоначалія, можемъ еще возбудить его въ тѣхъ, кои имѣютъ предрасположеніе къ тому. Поспѣшимъ же въ предупрежденіе сего показать, что требуется отъ христіанина при вступленіи на высокое мѣсто. *Иже въ васъ хощетъ вящшій быти, да будетъ всѣмъ слуга* (Матѳ. 26, 26): вотъ законъ, изреченный Тѣмъ, Кто Самъ во всѣхъ отношеніяхъ есть *первый и послѣдній* (Апок. 1, 17)! Христіанинъ, чѣмъ выше, тѣмъ долженъ быть смиреннѣе, трудолюбивѣе и самоотверженнѣе. Начальство приноситъ ему трудъ и бдѣніе, заботу и печаль обо всемъ, что подъ его рукою. Кто будетъ твердо имѣть сіе въ виду, у того духъ любоначалія упадетъ самъ собою, ибо для труда ли и блага общаго гонитъ сей духъ любимцевъ своихъ на высоту честей? Нѣтъ, онъ указуетъ имъ на сей высотѣ одну роскошь и довольство, одно величаніе и похвалы отъ всѣхъ. Уничтожьте въ умѣ своемъ все это. и приманка исчезнетъ. Смотрите въ высокомъ достоинствѣ на неразлучную отъ него тяжкую отвѣтственность, и предъ людьми, и паче предъ совѣстію и Богомъ: и вы, вмѣсто честолюбивыхъ желаній, ощутите страхъ отъ высокихъ мѣстъ, и будете смотрѣть на нихъ, какъ смотрятъ на верхъ высокихъ зданій, гдѣ страшно поставить себя даже и въ мысляхъ.

Но въ человѣческой природѣ, скажетъ кто-либо, есть естественное стремленіе къ высокому и великому: не должно ли его питать и поддерживать? Безъ сомнѣнія должно; и если бы мы сохранили и питали его надлежащимъ образомъ въ душѣ своей, то не прельщались бы никакими высотами человѣческими и не останавливались бы на нихъ, какъ на верху всѣхъ желаній, ибо врожденное намъ стремленіе къ высокому и великому превыше не только всея земли, но и всего міра. Оно-то именно, хранимое въ чистотѣ и силѣ, и спасало бы насъ отъ всѣхъ мелкихъ видовъ земнаго честолюбія. А чтобы ему самому не оставаться праздным,—для сего всѣмъ людямъ безъ исключенія указана Творцемъ цѣль самая высокая. Какая? Та, на которую указываетъ и къ

коей всѣхъ призываетъ Евангеліе. Что можетъ быть выше тѣхъ обѣтованій, кои въ немъ содержатся? По ученію его, всѣ мы предназначены къ царству со Христомъ, къ владычеству надъ цѣлымъ міромъ, къ высотѣ ангельской. Се достоинства для всѣхъ и каждаго! Стремись всякій: сего не только никто не запрещаетъ, а напротивъ все къ тому побуждаетъ. Между тѣмъ, кто идетъ къ симъ высотамъ и восходитъ на нихъ? Худородныя вѣка сего, отребіе міра, какъ выражается Апостолъ, то есть, люди, удаленные отъ всѣхъ честей и достоинствъ мірскихъ. А люди, находящіеся на высотѣ земнаго величія? Увы! они, прельщенные высотою своею, рѣдко обращаютъ на сей предметъ и вниманіе! Съ ними, къ сожалѣнію, бываетъ то же, что съ вершинами высокихъ горъ, кои, бывъ покрыты снѣгомъ и льдомъ, блещутъ при каждомъ восхожденіи и захожденіи солнца радужными лучами и восхищаютъ взоръ, но постоянно остаются голы и безплодны, безъ всякаго признака жизни.

Имѣя въ виду сіи опыты, если рука Провидѣнія поставитъ насъ на высотѣ земныхъ достоинствъ, будемъ стоять со страхомъ Божіимъ, не забывая своего недостоинства и великихъ обязанностей, на насъ лежащихъ, не прельщаясь своею высотою, и устремляя взоръ ума и сердца постоянно къ почестямъ высшаго званія, къ тѣмъ престоламъ и вѣнцамъ, кои раздаетъ достойнымъ не произволъ человѣческій, а всесвятая и праведная воля Вседержителя. А если Провидѣніе судило намъ оставаться въ низкой долѣ, будемъ стоять въ ней съ благодушіемъ и преданностію, памятуя, что Господь нашъ есть Господь *горъ и юдолей* (3 Цар. 20, 23), что стояніе долу есть стояніе токмо на время, и что всѣ мы предназначены къ такой высотѣ, предъ коей все высокое и великое на землѣ есть одинъ призракъ и тѣнь. Аминь.

Слово въ среду 3-ей недѣли Великаго поста.

Господи и Владыко живота моего, духъ празднословія не даждь ми!

Видно, празднословіе есть порокъ весьма опасный, что противъ него столько молитвъ! Ибо и святый Давидъ, какъ вы сами часто слышите, постоянно молится ко Господу, говоря:

положи, Господи, храненіе устомъ моимъ и дверь огражденія о устнахъ моихъ! И премудрый сынъ Сираховъ восклицаетъ молитвенно: *кто дастъ ми во уста моя хранилище, и на устнѣ мои печать разумну* (22, 31)!

А у насъ, братіе, напротивъ: ничто такъ мало не хранится, какъ слово; ничто такъ праздно не расточается, какъ слово. Тѣ самые, кои могли бы подавать примѣръ благоразумнаго употребленія слова, то есть, люди, одаренные отличнымъ умомъ и познаніями, не рѣдко первые небрегутъ о семъ и подаютъ примѣръ противнаго.

Хорошо ли это? Весьма худо уже потому, что за всякое праздное, тѣмъ паче худое слово, по свидѣтельству Самого Господа нашего, надобно будетъ нѣкогда дать отвѣтъ (Матѳ. 12, 36). Намъ кажется, что слова наши исчезаютъ въ воздухѣ, а они всѣ, напротивъ, остаются цѣлы, собираются и печатлѣются на день суда и воздаянія. Посему человѣкъ празднословный собственными устами произноситъ будущее осужденіе на самаго себя. Малость ли это? И напрасно бы мы воображали, что когда будутъ судить насъ за слова наши, то такимъ образомъ поступятъ съ нами слишкомъ строго. Нѣтъ, судъ сей правиленъ и необходимъ, ибо намъ только кажется, что слова наши ничего не значатъ, и что расточать ихъ безумно есть вещь не важная; между тѣмъ слово человѣческое очень важно и очень стоитъ того, чтобы въ немъ требовать отчета.

Ибо, что такое наше слово? Явно, отпечатокъ слова Творческаго. Въ Богѣ слово, и въ человѣкѣ слово. Правда, что слово въ Богѣ не то, что наше слово; въ Богѣ оно есть самый отпечатлѣнный образъ существа Его, единородный Сынъ Божій, но и въ насъ слово не праздный звукъ, и въ насъ оно есть отпечатокъ и образъ нашего духа, такъ что если бы собрать всѣ слова наши, то мы увидѣли бы въ нихъ свое собственное изображеніе. Благоразумно ли не дорожить симъ изображеніемъ, обременять его чертами отвратительными и марать безжалостно?

Далѣе, словомъ человѣкъ видимо и преимущественно отличенъ отъ всѣхъ тварей, его окружающихъ. Это главный признакъ и главное средство нашего владычества надъ міромъ, какъ то показано въ самомъ началѣ чрезъ нареченіе именъ отъ прародителя нашего всѣмъ животнымъ. Чего не произ-

водило слово человѣческое въ чистомъ его видѣ, какъ оно было у святыхъ Божіихъ человѣковъ! Останавливало солнце, заключало и отверзало небо, воскрешало мертвыхъ. Кто послѣ сего не признаетъ въ словѣ скипетра нашего владычества надъ міромъ? Мы не способны еще дѣйствовать симъ скипетромъ; не будемъ по крайней мѣрѣ повергать его въ грязь и ломать безразсудно. У животныхъ малое только и слабое подобіе нашего слова, но посмотрите, какъ они берегутъ его: употребляютъ неиначе, какъ по крайней нуждѣ; придетъ весна,—способные отверзаютъ уста и поютъ со всеусердіемъ хвалу и славу Создателю, а въ прочее время года и они безмолвствуютъ.

Словомъ—далѣе—держится въ силѣ и союзѣ весь родъ человѣческій: это проводникъ нашихъ взаимныхъ мыслей, чувствъ, нуждъ, радостей и печалей, предпріятій и усовершенствованій. Словомъ связуется у насъ таинственно прошедшее съ настоящимъ, настоящее съ будущимъ; приходятъ въ тѣсное сообщеніе тѣ, кои никогда не видали другъ друга. Отнимите слово у людей, и все остановится въ мірѣ человѣческомъ. Какъ же покрывать ржавчиною грѣха или дѣлать ядовитою златую цѣпь, связующую все человѣчество?

Обратите еще вниманіе на послѣдствія слова человѣческаго. Всякое слово, исшедшее изъ устъ вашихъ, никогда уже не возвратится къ вамъ: нѣтъ, оно пойдетъ по умамъ и устамъ, по годамъ и вѣкамъ; произведетъ неисчислимое множество мыслей и чувствъ, дѣяній и поступковъ; и, разросшись въ огромное древо, обремененное всякаго рода плодами по роду и виду его, срѣтится съ тобою, творцемъ его, на судѣ страшномъ.—Какъ же не позаботиться о такомъ плодовитомъ произведеніи и произраждать ихъ цѣлыми тысящами безумно?

И въ настоящемъ времени, на самаго изрекающаго слово, оно не остается безъ дѣйствія. По словамъ нашимъ, во-первыхъ, всѣ судятъ о насъ; уста наши доставляютъ намъ или уваженіе, или вселяютъ къ намъ отвращеніе и презрѣніе. *Премудрый,* замѣчаетъ древній мудрецъ, *въ словеси любезна сотворитъ себе; а умножаяй словеса мерзокъ будетъ* (Сир. 20, 8, 13). Празднословіе терпится иногда для развлеченія, какъ держатъ для сей же цѣли нѣкоторыхъ пернатыхъ, но ни-

когда не заслужитъ уваженія. Если васъ слушаютъ, когда вы говорите пустое, и не показываютъ отвращенія, то будьте увѣрены, что сего отвращенія нѣтъ только на лицѣ слушающихъ, а въ сердцѣ оно у многихъ. Благоразумно ли же недорожить тѣмъ, отъ чего зависятъ наша честь или безчестіе, любовь или нерасположеніе къ намъ всѣхъ и каждаго?

Если бы мы вознебрегли мнѣніемъ о насъ другихъ людей за худое употребленіе нашего языка и слова, то и тогда не уйдемъ отъ наказанія, ибо празднословіе наказываетъ само себя. Человѣкъ празднословный пустѣетъ внутренно: умъ его становится мелкимъ, сужденіе несвязнымъ, виды пустыми, предположенія ничтожными или предосудительными. Предъ взоромъ человѣка наблюдательнаго, онъ бываетъ похожъ на глупое дитя, не умѣющее молчать. Такой человѣкъ не способенъ ни къ чему важному и истинно-полезному, какъ это замѣчено еще въ древности, гдѣ мудрецы не принимали къ себѣ и въ ученики тѣхъ людей, кои продолжительнымъ молчаніемъ не доказали въ себѣ способности къ дѣлу.

Не должно, наконецъ, опустить безъ особеннаго вниманія и того, что происходящія отъ празднословія пустота души и неосновательность ума, не останавливаются на однихъ устахъ, а по закону природы нашей, переходятъ въ самыя наши дѣйствія и жизнь. Премудро замѣтилъ святый Іаковъ, что *аще кто въ словѣ не согрѣшаетъ, сей силенъ обуздати и все тѣло* (Іак. 3, 2): это естественная награда за обузданіе своего языка. Привыкшій, напротивъ, грѣшить въ словѣ, скоро начнетъ грѣшить и въ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, кто худой правитель и судія? Человѣкъ празднословный. Кто худой исполнитель приказаній начальниковъ? Человѣкъ празднословный. Кто худой отецъ, сынъ, другъ? Человѣкъ празднословный. Кто худая мать семейства? Жена празднословная. Гдѣ источникъ пересудъ, клеветъ, ссоръ? Въ устахъ жены празднословной.

По сему этому не дивитесь, братія, что слово Божіе такъ строго преслѣдуетъ празднословіе и угрожаетъ судомъ за слова не только худыя, но и праздныя. Это̀ къ нашей истинной пользѣ, ибо слово наше губитъ насъ.

Какъ же, спросите, должно употреблять слово, чтобы оно не послужило нѣкогда къ нашему осужденію?

Употреблять его, во-первыхъ, съ крайнею бережливо-

стію, какъ того требуютъ высокое происхожденіе слова, великое назначеніе его въ мірѣ и крайне важныя дѣйствія его на другихъ людей и насъ самихъ.

Употреблять, во-вторыхъ, на предметы того достойные, во славу Божію, на пользу ближнихъ и къ нашему усовершенствованію, и никакъ не употреблять на предметы срамные, на мысли нечестивыя, на чувства зловредныя; не употреблять на ложь и обманъ, на клевету и ябеду, на брань и ссору.

Въ-третьихъ, наблюдать за употребленіемъ своего слова и по временамъ требовать у себя отчета въ немъ,—всего лучше отходя ко сну, ежедневно.

Въ-четвертыхъ, обращаться съ молитвою ко Господу, чтобы Онъ Самъ положилъ храненіе устамъ нашимъ, Самъ ограждалъ насъ Своею благодатію отъ духа празднословія, который съ такою свирѣпостію заражаетъ нынѣ всю вселенную. Ибо, если святые Божіи человѣки, Давиды, Сирахи, Ефремы не видѣли въ себѣ самихъ достаточныхъ силъ на сраженіе съ симъ обольстительнымъ и зловреднымъ духомъ, то намъ ли ожидать побѣды надъ нимъ безъ помощи свыше?

Въ-пятыхъ, должно приносить покаяніе въ словахъ худыхъ и праздныхъ и стараться вознаграждать ихъ—всего ближе—посредствомъ благаго употребленія того же слова, сознаваясь, гдѣ можно, прямо въ прежнемъ безразсудномъ его употребленіи.

Когда мы будемъ поступать такимъ образомъ, то слово наше постепенно освободится отъ всѣхъ недостатковъ и сдѣлается наконецъ тѣмъ, чѣмъ быть должно—живоноснымъ отгласомъ въ насъ слова Творческаго, свѣтлымъ отпечаткомъ чистаго существа нашего, могущественнымъ органомъ нашего владычества надъ тварями, священною цѣпію, связующею насъ со всѣмъ человѣчествомъ, вѣрнымъ посредникомъ къ сообщенію другимъ того, что въ насъ есть добраго, и къ принятію отъ другихъ, чего недостаетъ намъ,—всегдашнимъ орудіемъ и залогомъ нашего преуспѣянія во всякомъ совершенствѣ. Аминь.

Слово въ пятокъ 3-ей недѣли Великаго поста.

Господи и Владыко живота моего, духъ цѣломудрія даруй ми, рабу Твоему!

Если какой духъ, то цѣломудрія долженъ быть испрашиваемъ свыше, ибо для сохраненія сей добродѣтели надобно сражаться съ собственною природою; а гдѣ, скажемъ словами Іоанна Лѣствичника, побѣждается природа, тамъ должно быть присутствіе существа, которое выше природы. «Напрасно будешь сражаться, продолжаетъ тотъ же святый наставникъ, и отгонять отъ себя духа нечистоты плотской философскими доказательствами и противорѣчіями, потому что онъ можетъ и съ своей стороны предоставить намъ не мало съ разумомъ сходнаго и состязаться съ нами естественными доводами. Посему, желающій преодолѣть плоть самъ собою, всуе течетъ. Предложи ко Господу немощь естества своего и признай предъ Нимъ все твое безсиліе, тогда нечувствительно пріимешь отъ Него и даръ цѣломудрія».

Кромѣ общей, какъ можно чаще повторяемой, молитвы о дарованіи духа цѣломудрія, у того, кто хочетъ быть цѣломудреннымъ, по совѣту святыхъ мужей, должна быть всегда наготовѣ краткая молитва частная—на случай искушеній грѣховныхъ.—А именно, когда почувствуешь, говорятъ они, что въ сердцѣ твоемъ—отъ видѣнія ли, отъ слуха ли, или само собою—возраждается нечистое плотское вожделѣніе, то устреми тотчасъ мысль ко Христу съ молитвою о помощи и держи тамъ ее, доколѣ не получишь подкрѣпленія. Отвративъ такимъ образомъ вниманіе свое отъ искры грѣховной, запавшей въ твое сердце, ты симъ самымъ какъ бы отнимешь у нея воздухъ, и она чрезъ то угаснетъ. А когда нужно, то низойдетъ и роса благодати для ея угашенія.

Послѣ молитвы ничто такъ не ограждаетъ цѣломудріе, какъ постъ и труды. Въ самомъ дѣлѣ, отними изъ-подъ котла хврастіе—угаснетъ огонь; отними у тѣла роскошныя яства и сытость, и угаснетъ вожделѣніе чувственности. Обремененному трудами тѣлу не до страстныхъ движеній: оно ищетъ тогда покоя и тишины. Праздность, напротивъ, и нѣга суть неизсякаемый источникъ сладострастія. Посему, думающій сохранить цѣломудріе среди пресыщенія и роскоши подобенъ тому, кто бы, возлежа среди блата, надѣялся

остаться чистымъ. Можетъ быть, онъ успѣетъ сохранить чистоту тѣлесную, но непремѣнно лишится душевной.

Равнымъ образомъ, желающему хранить чистоту души и тѣла необходимо избѣгать всѣхъ случаевъ, гдѣ она видимо можетъ подлежать очерненію, а для сего, по примѣру святаго Іова, должно положить завѣтъ съ очами, слухомъ и всѣми чувствами своими. Ибо не напрасно Пророкъ чувства наши называетъ окнами, чрезъ кои входитъ въ нашу душу смерть. Всѣ грѣхи любятъ входить сими окнами, но ничто такъ часто не входитъ ими, какъ похоть плоти, посему и надобно блюсти сіи окна и не отверзать ихъ безразсудно. А когда уже нельзя, почему-либо, не видѣть и не слышать соблазновъ, то на таковые случаи надобно имѣть противуядіе духовное. Такимъ средствомъ во время окружающаго соблазна, кромѣ сердечной молитвы, можетъ служить устремленіе мысли ко кресту Христову и Его пречистымъ язвамъ, или къ собственному гробу и смерти. Такимъ образомъ ядъ соблазна обезсиливается вѣрно и скоро.

Смиренное расположеніе духа и сердца, по ученію святыхъ Отцевъ, есть также великая ограда для цѣломудрія, потому ли, что на смиренныхъ всего болѣе призираетъ Господь,—а гдѣ взоръ Его, тамъ и благодать, оттуда бѣжитъ всякій соблазнъ и грѣхъ;—или можетъ быть и потому, что свойства смиренія есть понижать и подавлять въ человѣкѣ все, выходящее изъ предѣловъ, слѣдовательно и взыграніе плоти и крови. Гордость, напротивъ, и надменіе, особенно соединенныя съ осужденіемъ ближняго, по замѣчанію людей опытныхъ въ духовной брани, всего скорѣе подвергаютъ самаго совершеннаго, повидимому человѣка, искушенію отъ плотскихъ сквернъ, да накажется не превозноситься своею добродѣтелію, видя внутрь себя столь лютую язву.

Размышленіе о предметахъ духовныхъ и происходящая отсюда любовь къ нимъ, особенно любовь къ Господу и Спасителю нашему, къ Его страданіямъ и Кресту—также средство къ огражденію чистоты духа и тѣла. «Цѣломудренный человѣкъ, учитъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ, любовь любовію отражаетъ и огнь тѣлесный погасаетъ духовнымъ.»

Съ другой стороны, ограждаетъ цѣломудріе представленіе мукъ вѣчныхъ и огня геенскаго. Этотъ огнь самъ по себѣ будетъ жечь, а теперь можетъ охлаждать и спасать

отъ огня страстей, когда живо представляемъ его. Одинъ подвижникъ, не довольствуясь представленіемъ сего огня въ умѣ своемъ, рѣшился дать почувствовать предварительно жестокость его своему тѣлу. «Ты побуждаешь меня ко грѣху, сказалъ онъ: посмотримъ же, способно ли ты вынесть муку, угрожающую за грѣхи!» и съ сими словами положилъ персть руки на горящую свѣчу. Боль отъ огня угасила пламень плоти.

То самое, что возжигаетъ плотское похотѣніе, можетъ быть съ пользою употреблено, какъ врачевство противъ страсти. «Призываетъ ли тя, вопрошаетъ святый Димитрій Ростовскій, уязвлятися красотою лица тлѣющая во гробѣ плоть? Итакъ, когда сія красота начнетъ уязвлять твое сердце живая, вообрази ее во гробѣ лежащую, безобразную, покрытую тлѣніемъ и смрадомъ, и она потеряетъ силу влечь тебя».

Сими и подобными средствами должны мы ограждать себя, братіе, отъ нападеній плотскихъ помысловъ; должны, если то нужно, сражаться до крови, но исходить изъ брани побѣдителями. Ибо побѣдить непремѣнно нужно, потому что Богъ призвалъ насъ, какъ учитъ Апостолъ, *не на чистоту, а во святость* (1 Сол. 4, 7). *Ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодѣи,* утверждаетъ онъ же, *царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. 6, 9). И поелику таковые люди любятъ обыкновенно обманывать самихъ себя тѣмъ, что ихъ грѣхъ не великъ, что они выполняютъ якобы только требованіе природы, что если вредятъ сколько-нибудь, то себѣ, а не другимъ, притомъ имѣютъ нерѣдко сердце мягкое, сострадательность къ ближнимъ и другія добрыя качества, чѣмъ и успокоиваютъ себя, равно какъ и милосердіемъ Божіимъ, то Апостолъ, имѣя въ виду все сіе, предваряетъ судъ свой на прелюбодѣевъ словомъ: *не льститеся!* Вы, какъ бы такъ говорилъ онъ, надѣетесь, не смотря на свою плотскую нечистоту, при помощи нѣкоторыхъ добродѣтелей вашихъ, ускользнуть отъ гнѣва небеснаго, быть допущенными въ чистое и святое царствіе Божіе; нѣтъ, это жалкій обманъ и самообольщеніе—*не льститеся! ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодѣи царствія Божія не наслѣдятъ.* Почему? потому, что въ него не можетъ внити *ничтоже скверно.* И примѣтьте, гдѣ Апостолъ поставляетъ блудниковъ и прелюбодѣевъ? Вокругъ идолослужителя, какъ бы сіи пороки

были одного и того же свойства. И они точно одинаковаго свойства: какъ идолослужитель есть прелюбодѣй, ибо сердце свое, которое должно быть посвящено одному Богу истинному, для коего оно и создано, отдаетъ идолу, и такимъ образомъ нарушаетъ союзъ любви и вѣрности; такъ и прелюбодѣй есть идолослужитель, ибо вмѣсто Бога и Творца отдаетъ сердце свое твари, дѣлая изъ ней для себя кумиръ студный.

Будемъ же первѣе всего хранить въ чистотѣ свое сердце, возлюбленные, дабы сохраненное отъ похоти сердце сохранило и плоть отъ нечистоты. Не будемъ полагаться ни на какую твердость свою и чистоту. «Не вѣрь, говоритъ св. Лѣствичникъ, бренной своей плоти во всю свою жизнь и не надѣйся на воздержаніе ея, дондеже не представишися Христу». Тамъ только, гдѣ не будетъ болѣе никакого врага,—на небѣ, у Христа и Господа нашего, можно будетъ предаться совершенному покою; а здѣсь, доколѣ живемъ, посреди сѣтей ходимъ, и потому должны непрестанно бодрствовать.

Что же, вопроситъ кто-либо, дѣлать тому, кто имѣлъ несчастіе поработить себя плотской страсти и связанъ навыкомъ грѣховнымъ?—То же, возлюбленный, что дѣлаемъ мы, будучи повержены въ какую-либо глубокую и крутую пропасть: осмотрѣвши свое положеніе, оградивъ себя крестомъ Христовымъ, призвавъ на помощь Бога и Ангела-хранителя, начать выходить изъ пропасти;—карабкаться, если то нужно, руками и ногами, но восходить;—засыпаться падающею землею и камнями, но восходить;—чувствовать уязвленіе и боль во всѣхъ членахъ тѣла, но восходить;—обрываться по временамъ и падать. но паки восходить. Когда будемъ поступать такимъ образомъ и употребимъ съ своей стороны все, что можно, то будь увѣренъ, въ насъ явятся сила и мужество непреодолимыя; невидимая рука поддержитъ насъ, а вѣроятно явится и видимая помощь, посланная отъ Того, Кто оставляетъ девятьдесять и девять овецъ и ищетъ въ горахъ единой—заблудшей. Аминь.

Слово въ среду 4-ой недѣли Великаго поста.

Господи и Владыко живота моего, духъ смиренномудрія даруй ми, рабу Твоему!

Такъ многократно повторяемъ мы, если не устами, то мыслію, вмѣстѣ съ служителемъ алтаря. Но многіе ли на самомъ дѣлѣ желаютъ стяжать прекрасную добродѣтель смиренномудрія? Увы, духъ міра, духъ явной или тайной гордыни и тщеславія, до того возобладалъ между самыми христіанами, что добродѣтель смиренномудрія пришла едва не во всеобщее забвеніе, и если продолжаетъ стоять въ ряду добродѣтелей, то какъ рѣдкость, бывшая когда-то въ употребленіи, а теперь пригодная развѣ только для нѣкоторыхъ особенныхъ, такъ сказать, охотниковъ до добродѣтели.

Между тѣмъ, какая добродѣтель любезнѣе для всѣхъ—смиренномудрія?—для всѣхъ, говорю, ибо Самъ Господь свидѣтельствуетъ о Себѣ: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ.* И мы сами не чувствуемъ ли особеннаго удовольствія, когда намъ доводится имѣть дѣло, или срѣтиться съ человѣкомъ истинно смиренномудрымъ, особенно когда онъ украшенъ способностями?

Для того, чтобы мы любили смиреніе и не думали, что оно можетъ унизить насъ, или помѣшать намъ на пути жизни къ нашему возвышенію, сей добродѣтели прямо обѣщана награда, и именно возвышеніе; равно какъ за противоположный порокъ—гордости прямо угрожается наказаніемъ, и именно униженіемъ: *всякъ,* сказано, *возносяйся смирится: смиряяй же себе вознесется.* И поелику это говоритъ Самъ Богъ, не ложный во всѣхъ словесѣхъ Своихъ, то опытъ непрестанно подтверждаетъ сказанное. Сколько гордецовъ низверженныхъ,—сколько смиренныхъ—вознесенныхъ!

Но насъ ничто не трогаетъ и не можетъ привлечь къ смиренію, ни слово Божіе, ни опытъ. Гордиться, высокоумствовать, почитать себя лучше другихъ, презирать подобныхъ себѣ, искать первенства, отличій,—все это сдѣлалось для насъ какъ бы нѣкою необходимостію. Отчего? Отъ незнанія самихъ себя, отъ необращенія вниманія на свои недостатки. Кто знаетъ хорошо самого себя, тотъ какими бы ни обладалъ талантами, всегда будетъ смиренномудръ. Почему? потому что, при всѣхъ совершенствахъ нашихъ, въ

насъ всегда есть множество недостатковъ, слѣдовательно и причинъ къ смиренію какъ естественныхъ, такъ и отъ насъ зависящихъ. И, во-первыхъ, примѣтьте: Творецъ премудрый, въ огражденіе насъ отъ гордости, даруя кому-либо отличные въ извѣстномъ родѣ таланты, всегда почти отъемлетъ у такого человѣка способность на нѣкоторыя, самыя обыкновенныя вещи, или присоединяетъ къ талантамъ какой-либо видимый, ощутительный недостатокъ. Такъ напримѣръ, люди, одаренные великимъ умомъ, часто не имѣютъ никакого дара слова; изумляющіе памятію бываютъ бѣдны разсудкомъ; особенно красивые не рѣдко близоруки или тупы. Самыя совершенства наши, достигая скоро предѣла и встрѣчая преграду, за которую нельзя прейти, должны вести насъ къ смиренномудрію. Ты, напр., отличенъ умомъ высокимъ, познаніями обширными: такъ тебѣ же болѣе и скорѣе, нежели кому другому, должно быть извѣстно, что значитъ весь умъ человѣческій и всѣ наши познанія;—какъ этотъ умъ,—говоря словами Соломона,—съ трудомъ обрѣтаетъ и то, что на землѣ, а того, что на небесахъ, что за предѣлами чувственнаго міра, ни познать самъ собою, ни опредѣлить не можетъ. Самая непрочность и бренность многихъ совершенствъ нашихъ также постоянное побужденіе къ тому, чтобы не превозноситься. Ты одарена теперь здравіемъ и красотою, кои побуждаютъ тебя выситься предъ другими, но долго ли продолжится эта свѣжесть лица, этотъ розовый цвѣтъ ланитъ и устъ, этотъ, такъ называемый, небесный, а въ самомъ дѣлѣ нерѣдко адскій взглядъ? Завтра придетъ болѣзнь, и все исчезло; послѣ завтра посѣтитъ печаль и горе, и все увяло; чрезъ нѣсколько времени наступитъ преклонность лѣтъ, и ты станешь на ряду со всѣми. Не лучше ли же не отдѣляться гордостію отъ другихъ теперь, когда это всѣ поставятъ тебѣ въ добродѣтель и заслугу?

Если за симъ бросить хотя бѣглый взглядъ на наши недостатки нравственные, вспомнить о вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденіяхъ нашихъ, то откроется неизсякаемый источникъ побужденій къ смиренію для всякаго. Ибо сколько у каждаго обязанностей не выполненныхъ, или выполненныхъ нерадиво! Сколько случаевъ къ добру, опущенныхъ неразумно, или употребленныхъ на добро, но своекорыстно и только отчасти! Сколько прямыхъ и очевидныхъ худыхъ

наклонностей и мрачныхъ дѣлъ! Тѣмъ паче сколько порочныхъ мыслей и чувствъ! Стоитъ только, хотя по временамъ, заглядывать въ свое сердце, пересматривать свитокъ своихъ мыслей, чувствъ и дѣяній; и всякъ увидитъ, какъ онъ еще малъ духомъ и нечистъ сердцемъ, какъ далекъ отъ того, чѣмъ могъ и долженъ быть.

Если кому-либо изъ насъ по симъ и многимъ другимъ причинамъ придетъ святое желаніе не молиться только устами о духѣ смиренномудрія, а и на самомъ дѣлѣ стяжать сію боголюбезную добродѣтель, тотъ да вѣдаетъ, что смиренномудріе есть такое состояніе души, въ коемъ она, познавъ всю слабость и нечистоту свою, бываетъ далеко отъ всякаго высокаго мнѣнія о себѣ; постоянно старается раскрывать въ себѣ все доброе, искоренять все злое, но никогда не почитаетъ себя достигшею совершенства и ожидаетъ его отъ благодати Божіей, а не отъ собственныхъ усилій. Человѣкъ смиренномудрый всегда имѣетъ нѣкую святую недовѣрчивость къ себѣ, къ силамъ своего ума и воли, и потому осмотрителенъ, скроменъ и тихъ во всѣхъ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ. Онъ никогда не позволитъ себѣ дерзкихъ сужденій, тѣмъ паче о лицахъ и предметахъ, кои выше его, тѣмъ паче о таинствахъ вѣры. Человѣкъ смиренномудрый особенно боится похвалъ и высокихъ достоинствъ, посему не только не ищетъ ихъ, но радъ, когда они мимоходятъ его. Онъ охотно уступаетъ другимъ первенство во всемъ, въ самыхъ дѣлахъ благихъ. Но когда нужно подать примѣръ, онъ первый. Смиренномудрый безъ огорченія, даже иногда съ радостію встрѣчаетъ неудачи и огорченія, ибо знаетъ цѣну и пользу ихъ для своего внутренняго исправленія. Потому онъ не памятозлобивъ, всегда готовъ простить обидѣвшаго и воздать ему за зло добромъ. Таковы очевидные признаки смиренномудрія! Оно любитъ сокрывать свои добродѣтели; любитъ, напротивъ, обнаруживать свои недостатки, если то можетъ быть безъ соблазна для ближняго.

У кого учиться смиренномудрію? всего менѣе у мудрости земной. *Разумъ* по натурѣ своей, какъ замѣчаетъ св. Павелъ, *кичитъ*, то есть надмѣваетъ и располагаетъ къ гордости и величанію; одна любовь чистая созидаетъ,—смиряя, соединяя, утверждая. Всего лучше учиться добродѣтели смиренномудрія у святыхъ Божіихъ человѣковъ, кои оста-

вили намъ величайшіе образцы смиренія, какъ напримѣръ Авраамъ, который удостоившись чрезвычайныхъ откровеній и великаго названія другомъ Божіимъ. не переставалъ называть себя землею и пепломъ; святый Давидъ, коему ни санъ царя, ни званіе пророка, не воспрепятствовали сказать о себѣ: *азъ есмь червь, а не человѣкъ, поношеніе человѣковъ;* святый Павелъ, который, будучи первымъ изъ Апостоловъ по трудамъ, смиренно исповѣдуетъ, что онъ есть первый изъ грѣшниковъ. Но, чтобы мы охотнѣе учились сей трудной для нашего самолюбія добродѣтели, то учителемъ смиренномудрія взялся быть для насъ Самъ Господь и Спаситель нашъ. *Научитеся*, говоритъ Онъ, *отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.* Какого не оставилъ Онъ намъ урока, какого не подалъ примѣра въ смиреніи? При самомъ вступленіи въ міръ нашъ, Онъ, яко Владыка и Господь всяческихъ, могъ бы окружить колыбель Свою, если не роскошью, то удобствомъ; но гдѣ раждается Онъ?—въ вертепѣ. На чемъ возлегаетъ Рожденный? въ ясляхъ. Се примѣръ смиренія для васъ, богатые! Иродъ воздвигаетъ на Него лютое гоненіе, Его жизнь въ опасности, а что бы послать противъ гонителя хотя единаго изъ тѣхъ двенадесяти легіоновъ Ангелъ, кои готовы были всегда къ исполненію Его велѣній?—Но Онъ, гонимый, смиренно спасаетъ жизнь Свою бѣгствомъ во Египетъ. Се примѣръ смиренія для васъ, сильные земли!—Іоаннъ исходитъ на Іорданъ проповѣдывать покаяніе и совершаетъ крещеніе во оставленіе грѣховъ: тутъ ли мѣсто Тому, Кто не сотворилъ ни единаго грѣха, и для того пришелъ на землю, чтобы истребить всякій грѣхъ правдою Своею?—И что подумаютъ, если безгрѣшный будетъ просить сего крещенія и получитъ его?—Но Господь проситъ крещенія, и пріемлетъ его смиренно отъ Своего Предтечи. Се примѣръ смиренія для васъ, кои слишкомъ дорожите мнѣніемъ о васъ человѣческимъ, и изъ опасенія того, что подумаютъ о васъ, уклоняетесь отъ совершенія дѣлъ благихъ!—А на Голгоѳѣ? Здѣсь уже не примѣръ, а можно сказать, чудеса смиренія, предъ коими всѣ наши подвиги и опыты въ смиреніи суть ничто!

Итакъ, ищущая смиренія душа, нѣтъ нужды намъ съ тобою много думать, кого избрать себѣ наставникомъ и образцемъ смиренія: имъ будетъ для насъ Самъ Господь и Спа-

ситель нашъ. Для сего предадимъ себя Ему всецѣло, какъ малое дитя предается учителю, и будемъ слушать, что Онъ начнетъ внушать намъ. Люди могутъ только учить и подавать совѣты; Онъ же и научитъ стократъ лучше, и явитъ въ Себѣ совершенный примѣръ того, чему поучаетъ, и подастъ намъ силы исполнить выученное на самомъ дѣлѣ. Аминь.

Слово въ пятокъ 4-ой недѣли Великаго поста.

Господи и Владыко живота моего,
духъ терпѣнія даруй ми, рабу Твоему!

Къ сему прошенію не нужно много возбуждать просителей, ибо для кого излишенъ духъ терпѣнія? Всѣ мы такъ или иначе—страдаемъ; у всѣхъ природа отвращается скорби и печалей; посему каждому нуженъ духъ мужества и терпѣнія, дабы не поникнуть подъ печалію, не предаться малодушію и ропоту'

Но гдѣ взять сего духа терпѣнія? въ собственномъ сердцѣ? Ахъ, оно первое отрекается терпѣть, бьется безпокойно при маломъ неудовольствіи, ропщетъ и стонетъ отъ боли—при сильной напасти. Въ своемъ разсудкѣ? Онъ готовъ, по временамъ, смотрѣть холодно на бѣдствія, но только по временамъ; и что изъ сего хладнаго взгляда?—новая туга въ душѣ, новая тяжесть въ сердцѣ.—У подобныхъ себѣ людей? Но, во-первыхъ, у каждаго есть свое горе; притомъ люди способнѣе раздѣлять съ нами радости, нежели скорби и, раздѣляя скорби наши, способнѣе съ нами плакать, нежели осушать наши слезы. Въ обстоятельствахъ жизни? Изъ нихъ то болѣе возникаютъ наши огорченія, наши печали и бѣдствія; взглядъ на міръ человѣческій самый слабый утѣшитель. Въ природѣ и ея стройномъ порядкѣ? Но самая стройность ея и благолѣпіе есть какъ-бы укоръ нашей бѣдности. А притомъ, взоръ человѣка страждущаго, минуя то, что въ природѣ есть отраднаго и успокоительнаго, останавливается обыкновенно на томъ, что въ ней представляется мрачнаго и возмущающаго, а мало ли такого?

Такимъ образомъ мысль человѣка скорбящаго, какъ голубица Ноева, не находя нигдѣ, ни внутрь, ни внѣ себя, мѣста для успокоенія, естественно стремится къ нему. — Внутреннее, ничѣмъ не заглушимое, чувство говоритъ каждому.

что тамъ—горѣ, есть сила для укрѣпленія всякой немощи, есть радость, способная изгнать всякую печаль, есть жизнь, которая вовсе не знаетъ смерти и тлѣнія.

Что всего неожиданнѣе, самый нераскаянный грѣшникъ, въ минуту сильныхъ огорченій и бѣдъ, также подъемлетъ иногда очи къ небу и ожидаетъ себѣ помощи и духа терпѣнія. Но для чего? дабы, собравшись съ силами, снова устремиться къ достиженію тѣхъ же или подобныхъ, беззаконныхъ и безумныхъ замысловъ! Можно ли пожелать таковымъ духа терпѣнія? Нѣтъ, Господи, даждь имъ духа не терпѣнія, а малодушія и отчаянія въ исполненіи беззаконныхъ замысловъ, да уразумѣютъ, что напрасно уклонились отъ закона Твоего, вотще мнили найти у міра и плоти то, что обрѣтается у Тебе единаго. Отними у насъ самихъ духа терпѣнія, если мы будемъ употреблять его не на подвиги любви и благочестія, а на служеніе міру и страстямъ.

Молитву о терпѣніи имѣетъ право приносить тотъ, кто терпитъ за правду или для правды. Господи и Владыко живота моего, духъ терпѣнія даруй рабу Твоему,—можетъ сказать непостыдно человѣкъ, обремененный семействомъ и бѣдностію,—да не возропщу отъ тяжкаго жребія моего, да возмогу трудами рукъ моихъ воспитать дѣтей моихъ, да, томимый нуждою, не простру сихъ рукъ къ обману и хищенію. Господи и Владыко живота моего, духъ терпѣнія даруй ми.—можетъ непостыдно сказать человѣкъ, облеченный высокою властію и достоинствомъ,—да возмогу проходить, какъ должно, великое служеніе мое, ничего на забывая и не оставляя, что служитъ ко благу общему, да понесу съ благодушіемъ всю тяжесть прекаканій человѣческихъ, да буду всѣмъ вся, не жалѣя ни силъ, ни покоя моего, не смущаясь никакими трудностями и неудачами. Господи и Владыко живота моего, духъ терпѣнія даруй рабу Твоему,—можетъ сказать слуга, желающій служить господину своему по-христіански,—да возмогу безъ ропота переносить прихоти и жестокость моего владыки, да не соблазнюсь худыми примѣрами роскоши и грѣха, коими окруженъ я, да не опущу никогда изъ виду той вѣчной награды, которую обѣщалъ Ты всѣмъ вѣрнымъ слугамъ въ царствіи Твоемъ. Господи и Владыко живота моего, духъ терпѣнія даруй рабу Твоему,—можетъ говорить самый послѣдній изъ преступниковъ, когда

онъ, возненавидѣвъ прежній путь беззаконія, испрашиваемый даръ терпѣнія рѣшился употребить на благодушное перенесеніе заслуженнаго наказанія, на побѣжденіе въ себѣ навыка ко грѣху, на очищеніе своей жизни и совѣсти подвигами покаянія и благихъ дѣлъ.

Всѣ таковые и имъ подобные да просятъ смѣло духа терпѣнія и могутъ быть увѣрены, что имъ не будетъ отказано. Ибо если что угодно предъ Господомъ и Владыкою живота нашего, то это наша готовность переносить страданія и искушенія. Таковыхъ Онъ никогда не оставитъ Своею помощью.

Но какъ же, скажетъ кто-либо, я давно страдаю жестоко, пламенно молюсь, вопію о помощи, прошу по крайней мѣрѣ духа терпѣнія, и не вижу его въ себѣ, не чувствую никакой отрады и мужества?—Кто бы ни былъ, страдающій такимъ образомъ, да будетъ вѣдомо тебѣ, что Господь слышитъ молитву твою, видитъ скорбь твою, сострадаетъ тебѣ, хранитъ тебя невидимо и уготовляетъ тебѣ вѣнцы и награду. Ибо какъ бы Онъ могъ не видѣть твоихъ слезъ и не сострадать имъ?—Это значило бы для Него отказаться отъ собственнаго всевѣдѣнія и самаго существа Своего, которое есть любовь и милосердіе.—Почему же не подается тебѣ мужество и терпѣніе?—Можетъ быть, потому, что для тебя надѣжнѣе и полезнѣе состояніе малодушія, нежели мужество, дабы ты, прошедъ это искушеніе, позналъ все безсиліе человѣческой природы и возвергъ всю надежду свою единственно на Господа; можетъ быть даже, что испрашиваемый даръ поданъ уже тебѣ, и ты не видишь его только потому, что воображалъ получить его не въ томъ видѣ, или не въ той мѣрѣ, какъ онъ тебѣ поданъ. Въ самомъ дѣлѣ, если ты продолжаешь молиться и уповать, то въ тебѣ уже есть по крайней мѣрѣ начатокъ духа терпѣнія. Ибо сей духъ состоитъ не въ томъ, чтобы не чувствовать своего безсилія и своихъ страданій, не плакать и не вопіять о помощи, не въ томъ, чтобы не преклоняться подъ тяжестію бѣдъ и искушеній и никогда не падать. а чтобы не пасть вовсе и не потерять вѣры и упованія. Въ ободреніе тебѣ на крестномъ пути твоемъ, мы можемъ и должны сказать тебѣ съ Апостоломъ одно,—что Господь никому и никогда не допускалъ и не допуститъ искуситься паче, *еже можетъ понести, но со искушеніемъ всегда творитъ и избытіе.*

Но мнѣ, скажетъ иной, уже ничего не осталось ожидать и желать, какъ только смерти. И что же, возлюбленный о Христѣ страдалецъ, если и смерти? Развѣ бы ты не умеръ, если-бъ былъ самымъ первымъ счастливцемъ міра и когда бы все находилось въ твоей власти? Смерть есть событіе неизбѣжное для всѣхъ и каждаго. Объ одномъ должно заботиться всѣмъ, чтобы умереть о Господѣ, съ истиннымъ раскаяніемъ во грѣхахъ и съ вѣрою въ Искупителя. Въ такомъ случаѣ смерть не потеря, а успокоеніе отъ трудовъ и скорбей. *Блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ: ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ!*

Но меня, возразитъ страждущій, смущаетъ не собственная смерть, а мысль о томъ, что будетъ съ моимъ семействомъ, съ кѣмъ и какъ оно, бѣдное, останется?—Останется съ Тѣмъ, Кто именуетъ Себя Отцемъ сирыхъ и Заступникомъ вдовицъ, въ десницѣ Коего всѣ жребіи человѣческіе, Кто трехъ отроковъ сохранилъ невредимыми въ пещи огненной, Кто изъ младенца, преданнаго волнамъ рѣчнымъ, воздвигъ вождя народу израильскому и бога фараону.—Что будетъ съ твоимъ семействомъ? будетъ то, чего мы съ тобою не можемъ и знать, но что давно уже, отъ вѣчности, положено въ совѣтѣ Божіемъ,—будетъ то, что во всякомъ случаѣ можетъ послужить къ истинному его благу. И семейство твое, конечно, будетъ страдать и терпѣть; но сіе терпѣніе послужитъ оградою отъ соблазновъ роскоши и, можетъ быть, стократъ вознаградится еще въ этомъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько примѣровъ, что изъ семействъ самыхъ бѣдныхъ и сиротствующихъ выходятъ люди самые прекрасные; между тѣмъ какъ тамъ, гдѣ, повидимому, все было употреблено на воспитаніе и образованіе дѣтей, являются члены семейства, служащіе ему въ печаль и укоризну.

Сими и подобными размышленіями, да подкрѣпляемъ себя, братіе, на пути земныхъ скорбей и лишеній, воодушевляясь примѣромъ Самого Господа и Спасителя нашего, *Иже, вмѣсто предлежащія Ему радости, претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ, и тако одесную престола Божія сѣде* (Евр. 12, 2), уготовляя вѣнцы для всѣхъ истинныхъ страдальцевъ. Аминь.

Слово въ среду 5-ой недѣли Великаго поста.

Господи и Владыко живота моего, духъ любве даруй ми, рабу Твоему!

Даруй, ибо *аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, бых яко мѣдь звѣнящи или кимвалъ звяцаяй.*

Даруй, ибо *аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь!*

Даруй, ибо *аще раздамъ вся имѣнія моя и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть* (1 Кор. 13, 1—3).

Такъ высоко цѣнитъ даръ любви святый Апостолъ Павелъ, у коего заимствовали мы слова сіи. Онъ называетъ ее союзомъ или совокупностію всѣхъ совершенствъ; ставитъ ее не только превыше пророчествъ, дара языковъ и знаній, но и выше самой вѣры и надежды: *больши же сихъ любы.* Иначе и нельзя цѣнить сію добродѣтель, ибо Самъ Господь Богъ нашъ, по свидѣтельству святаго Евангелиста, *любы есть,* и только *пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ* (1 Іоан. 4, 16).

Но что это за любовь, такъ высоко цѣнимая? Очевидно, не та, что господствуетъ въ мірѣ, ибо и міръ исполненъ любовію, но какою? *Все, еже въ мірѣ,* говоритъ тотъ же Апостолъ, есть *похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская* (1 Іоан. 2, 16). Сія нечистая любовь не успокоиваетъ, а раздражаетъ, не созидаетъ, а превращаетъ; отъ сей любви рушится тишина и благо семействъ; стонутъ веси и грады; льется иногда рѣкою кровь человѣческая. Любовь сія хуже самой ненависти мірской, ибо ненависть заставляетъ быть осторожнымъ и убѣгать сѣтей вражіихъ. а любовь плотская заставляетъ добровольно стремиться въ пропасть.

Хотите ли знать свойства чистой любви христіанской?— Нельзя лучше изобразить ее, какъ она изображена у святаго Апостола Павла. *Любы,* говоритъ онъ, *долготерпитъ, милосердствуетъ; любы не завидитъ, любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся покрываетъ, всему вѣру емлетъ, вся упо-*

ваетъ, вся терпитъ, любы николиже отпадаетъ (1 Кор. 13, 4—8).

Очевидно, такой любви нѣтъ въ мірѣ. Были всѣ мы созданы для сей святой любви и имѣли ее нѣкогда, но не умѣли сохранить. Пришелъ духъ злобы и возмутилъ адскимъ дыханіемъ своимъ потокъ любви въ нашемъ сердцѣ. Съ тѣхъ поръ мы во враждѣ со всѣмъ міромъ и съ самими собою. Въ самомъ дѣлѣ, что теперь любовь наша? Большею частію сокрытая ненависть. Если мы любимъ Самого Бога, то потому, что Онъ всемогущъ, и мы опасаемся впасть въ руки Его правосудія,—водвергнуться Его гнѣву и мукамъ вѣчнымъ. Отнимите пламень ада,—и у многихъ угаснетъ любовь къ Самому Богу. Что же это за любовь, которая имѣетъ нужду возгрѣваться отъ пламени адскаго?—Если мы любимъ ближнихъ, то потому, что они служатъ къ нашей пользѣ и удовольствію; потому, что видимъ въ нихъ необходимыя орудія для своего самолюбія, своихъ страстей и прихотей. Въ противномъ случаѣ тотчасъ заступаетъ мѣсто отвращеніе и даже ненависть, вражда и преслѣдованіе. Что, наконецъ, выходитъ изъ любви нашей къ самимъ себѣ, которая, повидимому, такъ безпредѣльна и неизмѣнна? То, что мы, раболѣпствуя всю жизнь похотямъ и страстямъ своимъ, погибаемъ наконецъ тѣломъ и душею. Посему-то слово Божіе не находитъ для нашего блага другаго средства, какъ предписать намъ вмѣсто нечистой любви чистую ненависть къ самимъ себѣ. Такова наша любовь!

Кромѣ сего злополучнаго превращенія въ насъ дара любви, въ сердцѣ нашемъ есть другое, ужасное зло,—духъ ненависти и злобы. Какъ мы ни скрываемъ этого пришельца изъ бездны, но онъ нерѣдко проглядываетъ во многомъ,—въ явной и тайной гордости, съ коею небрежно презираемъ подобныхъ себѣ и не терпимъ высшихъ себя,—въ постоянной зависти къ малѣйшему совершенству ближнихъ, особенно когда его нѣтъ въ насъ самихъ,—въ нѣкоемъ злорадствѣ при огорченіяхъ и неудачахъ не только чуждыхъ намъ людей, но самыхъ ближнихъ и друзей нашихъ. Пламень прирожденнной злобы, въ насъ гнѣздящійся, хотя сокрывается во глубинѣ духа, подобно огню подземному, производитъ нерѣдко ужасные взрывы и потрясенія, отъ коихъ превращаются домы, грады и цѣлыя царства. У него есть при

томъ, какъ у огня подземнаго, постоянныя отверстія на поверхности устъ нашихъ, въ кои выходитъ чадъ изъ *студенца бездны* (Апок. 9, 2), въ видѣ словъ бранныхъ и зловонныхъ. Вмѣстѣ съ симъ чадомъ извергаются, какъ камни изъ горъ огнедышащихъ, брани и ссоры нерѣдко за самыя ничтожныя и пустыя вещи,—распри и ненависти между такими лицами, кои связаны всѣмъ, что природа и дружество имѣютъ у себя самаго крѣпкаго. Наконецъ, какъ огненная лава текутъ обманы наглые, явныя хищничества, жестокости и убійства, особенно во времена браней и междоусобій.

Взирая съ сей стороны на міръ человѣческій, ощущая вокругъ себя бурное дыханіе злобы и ненависти, усматривая въ собственномъ сердцѣ николиже оскудѣвающій источникъ злобы и лукавства, кто не почувствуетъ нужды возвесть очи къ небу и вмѣстѣ съ святымъ Ефремомъ воззвать: Господи и Владыко живота моего, духъ любви даруй ми, рабу Твоему! Даруй, да не увлекусь всемірнымъ потокомъ самолюбія и зависти, да возмогу любить всѣхъ, кого Ты любишь, любить такъ, какъ Ты любишь, не тою мірскою любовію, которая во всемъ ищетъ своихъ си, а любовію возлюбленнаго Сына Твоего, которая готова положить душу за братію, тѣмъ паче умѣетъ сносить всѣ недостатки ближняго и оскорбленія, готова прощать и любить самыхъ враговъ своихъ!

Но, ожидая и испрашивая такимъ образомъ огня чистой любви свыше, мы, братіе, и сами не должны оставаться въ бездѣйствіи, а уготовлять души и сердца свои, какъ свѣтильники, къ тому, чтобы огонь небесный, сошедъ на нихъ отъ Духа Святаго, могъ удобно воспламенить ихъ. Въ чемъ должно состоять сіе приготовленіе? послѣ молитвы, всего болѣе въ размышленіи о любви Божіей и о томъ блаженномъ союзѣ, коимъ во Христѣ связаны неразрывно всѣ потомки Адамовы.

Въ самомъ дѣлѣ, Отецъ небесный объемлетъ Своею любовію всѣхъ человѣковъ; Онъ сіяетъ солнце Свое равно на праведныя и неправедныя; мы именуемся и хощемъ быть чадами Его: если именуемся не напрасно, если хощемъ быть чадами не на словахъ токмо, а и на самомъ дѣлѣ, то какъ намъ ненавидѣть тѣхъ, коихъ любитъ общій Отецъ нашъ?

Единородный Сынъ Божій, возлюбленный Спаситель нашъ, пришелъ на землю и умеръ для спасенія всѣхъ; любовь Его къ бѣднымъ грѣшникамъ не отвергаетъ никого, ни мытаря, ни прелюбодѣевъ; Онъ подалъ прощеніе со Креста самымъ распинателямъ Своимъ и молился за нихъ. Мы сознаемъ себя грѣшниками; хощемъ, чтобы грѣхи наши были очищены Его кровію, прикрыты Его заслугами: услышится ли наша молитва о семъ, подастся ли намъ прощеніе во грѣхахъ нашихъ, если мы не будемъ подражать великодушію и любви нашего Искупителя, не отпустимъ долговъ ближнимъ нашимъ, кои, въ сравненіи съ нашими долгами, составляютъ такую малость?

Духъ Святый, Коимъ знаменовались мы въ купели крещенія и отъ Коего получили обрученіе живота вѣчнаго, положилъ драгоцѣнное, неизгладимое знаменіе Свое не на однихъ насъ и не на однихъ тѣхъ, кои любезны намъ, но на всѣхъ и каждомъ; Онъ силенъ изъ Савла содѣлать Павла, изъ мытаря—Евангелиста, изъ разбойника на крестѣ висящаго—наслѣдника рая; будемъ ли мы послѣ сего смотрѣть на кого-либо, какъ на отверженнаго,—лишать совершенно любви своей того, кто не лишенъ знаменія и любви Духа Святаго?

И къ чему стремимся мы? къ наслѣдію царствія небеснаго, въ которое не можетъ внити никая злоба и ненависть. Посему, если бы кто-либо изъ ближнихъ нашихъ и заслуживалъ своею нечистотою нашъ гнѣвъ, то мы не должны питать къ нему ненависти изъ любви къ намъ самимъ, дабы сія ненависть, какъ вещь запрещенная, не помѣшала намъ войти въ царство любви и мира.

Подобными размышленіями, братіе, должны мы разогрѣвать хладное сердце свое для любви къ ближнимъ, и такимъ образомъ пріуготовлять его для принятія огня любви небесной отъ Самого Духа Святаго, твердо памятуя, что доколѣ сей огнь не низойдетъ на насъ, душа наша можетъ теплѣть, разгорячаться, даже дымиться, такъ сказать, любовію; но никогда не произведетъ изъ самой себя чистаго, постояннаго и неугасающаго пламени любви Христовой. Аминь.

Слово въ пятокъ 5-ой недѣли Великаго поста.

Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ!

Что бы казалось легче и естественнѣе для человѣка, какъ зрѣть собственныя свои прегрѣшенія?—Но, видно, это не собственность наша, а даръ, и даръ не малый, когда его проситъ для себя и такой великій подвижникъ, какъ св. Ефремъ. Подлинно, сей даръ нисходитъ только свыше, и весьма нуженъ для всѣхъ и каждаго. Во всѣхъ насъ есть какое-то непостижимое отвращеніе отъ того, чтобы зрѣть свои прегрѣшенія. Можетъ быть, это знакъ, что грѣхъ не свойственъ природѣ нашей; но во всякомъ случаѣ это крайне пагубно для насъ, ибо какъ я займусь исправленіемъ своей жизни, если не знаю, что во мнѣ худаго и въ чемъ состоятъ грѣхи мои?—О семъ-то однакоже познаніи менѣе всего заботятся. Тутъ оставляетъ человѣка даже врожденное ему любопытство, такъ что вы найдете множество людей, кои, подобно Соломону, пересмотрѣли все отъ кедра до иссопа, и ни разу не разсматривали самихъ себя хотя столько, какъ они разсматриваютъ какое-либо насѣкомое или травку. Судя по сему, можно бы даже подумать, что человѣкъ ненавидитъ себя и потому не хочетъ знать. Между тѣмъ онъ любитъ себя болѣе всего, и во всемъ ищетъ только себя, все относитъ къ себѣ видимо, непрестанно занимается собою, но разсматривать свой характеръ и поведеніе, свое сердце и совѣсть, къ этому нѣтъ у человѣка охоты; въ семъ отношеніи онъ готовъ заняться чѣмъ угодно, только бы не самимъ собою; готовъ дни и недѣли проводить надъ разбираніемъ самыхъ маловажныхъ вещей, только бы не быть принужденнымъ бесѣдовать съ своею совѣстію.

Въ самомъ дѣлѣ, много ли употребляемъ мы времени на испытаніе своей совѣсти даже предъ исповѣдію, когда нужно бываетъ дать предъ служителемъ алтаря, или иначе предъ Самимъ Спасителемъ нашимъ, отчетъ въ нашемъ поведеніи, и выслушать приговоръ съ разрѣшеніемъ или осужденіемъ насъ на всю вѣчность?—Много, если употребляемъ на сіе важнѣйшее дѣло нѣсколько часовъ. А сколько часовъ, дней,

недѣль и мѣсяцевъ употребляется нами на предметы самые неважные для души и совѣсти, на мелкіе счеты и отчеты по хозяйству, на разсмотрѣніе какой-либо книги или древности, на составленіе плана для какихъ-либо увеселеній, на продажу или покупку нѣсколькихъ животныхъ? Напрасно слово Божіе непрестанно повторяетъ намъ, что душа наша безконечно важнѣе тѣла, и что если погубимъ душу, то ничто не поможетъ, хотя бы пріобрѣли цѣлый міръ; напрасно пастыри и учители Церкви внушаютъ намъ, что не надобно пренебрегать грѣховныхъ ранъ сердца, что онѣ, оставленныя безъ вниманія, содѣлаются неисцѣлимыми и причинятъ смерть душѣ; напрасно внутренній человѣкъ нашъ, брошенный безъ помощи, подъемлетъ иногда главу и стонами своими напоминаетъ намъ, что внутрь насъ смерть и пагуба: мы глухи и слѣпы ко всѣмъ симъ внушеніямъ и указаніямъ; бросивъ бѣглый взглядъ на мрачную картину своего бытія, поправивъ въ ней иногда нѣкоторыя черты, слишкомъ уродливыя, тотчасъ закрываемъ ее отъ самихъ себя завѣсою забвенія. Кто же послѣ сего можетъ возбудить насъ отъ пагубнаго нечувствія и невниманія къ самимъ себѣ, если Самъ Господъ не пріидетъ къ намъ и не коснется сердца нашего Своею всемощною благодатію?—Но сію благодать надобно испросить усердною молитвою, безъ чего она, если и пріидетъ къ намъ, то не найдетъ себѣ у насъ входа и мѣста. Посему-то человѣкъ, начинающій ощущать нужду въ познаніи нечистоты и грѣховъ своихъ, долженъ какъ можно чаще обращаться съ молитвою ко Господу и вопіять изъ глубины души: *Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія!* Сними съ умственныхъ очей моихъ бѣльмо самолюбія, да вижу всю черноту моихъ преступныхъ дѣяній; направь Самъ душевное мое зрѣніе на мою совѣсть, да не скользитъ оно и не разсѣевается по предметамъ для меня чуждымъ, хотя и обольстительнымъ!—Ибо что пользы, если я буду знать все, а не познаю самого себя? Что пользы, если я совершу дѣла великія и громкія, коимъ будетъ дивиться свѣтъ, а не исправлю себя для вѣчности?—Пусть лучше останется для меня въ неизвѣстности все, что происходитъ въ свѣтѣ, какъ падаютъ и возвышаются царства, но да не останется невѣдомымъ то, что совершается въ моемъ сердцѣ и совѣсти, какъ падаю и какъ долженъ возставать отъ паденія я самъ,

При пагубной невнимательности къ себѣ и состоянію души своей, въ человѣкѣ есть другая крайность—несчастная наклонность къ осужденію своихъ ближнихъ. Не говоримъ уже о слабомъ полѣ, у коего наклонность къ пересудамъ ближнихъ дѣлается нерѣдко господствующею страстію, самые мужи, отъ коихъ ожидалось примѣровъ совершенно противнаго, и они, наряду съ немощными сосудами, раболѣпствуютъ сему недугу. И откуда берется въ семъ отношеніи дальнозрительность у самыхъ близорукихъ умовъ! Откуда смѣтливость и тонкая сообразительность у самыхъ косныхъ на всѣ прочія сужденія! Откуда неутомимость въ изслѣдованіи чужихъ дѣлъ и намѣреній у самыхъ недѣятельныхъ!

И здѣсь также въ людяхъ не безъ страннаго противорѣчія. Облеките сихъ самозванныхъ судей и пересудчиковъ обязанностію судить грѣхопаденія ближнихъ по законамъ: они скоро потеряютъ терпѣніе и будутъ тяготиться своею должностію, показывать небрежность въ ея выполненіи, хотя это со вредомъ для блага общественнаго. А безъ обязанности, дома, въ праздной бесѣдѣ, сіи же люди всегда готовы не утомляясь судить и пересуждать весь свѣтъ.

Сама добродѣтель и порокъ не производятъ въ насъ, въ отношеніи наклонности осуждать ближняго, почти никогда различія. Человѣку набожному, напримѣръ, вовсе неприлично заниматься не только осужденіемъ, но и сужденіемъ о грѣхопаденіяхъ своихъ ближнихъ, ибо если кто, то работающій Господеви, долженъ знать, что *имъ же судомъ судитъ человѣкъ ближняго, себе осуждаетъ* (Матѳ. 7, 2). Но многіе ли изъ людей набожныхъ совершенно свободны отъ несчастной наклонности осуждать при каждомъ случаѣ ближняго? У нѣкоторыхъ, напротивъ, набожность служитъ какъ бы вмѣсто признаннаго всѣми права видѣть и указывать сучецъ, находящійся въ очію брата. Подобное съ людьми явно порочными и обезславленными. Собственные грѣхи и чернота должны бы навсегда запечатлѣть имъ уста и заставить смотрѣть долу. Но они-то первые готовы кричать на весь свѣтъ о томъ, что замѣтятъ въ васъ, прибавляя отъ собственнаго запаса зла то, чего недостаетъ къ худости вашего поступка.

Послѣ сего неудивительно, если истинно добрый христіа-

нинъ, чувствуя на ряду съ другими въ падшей природѣ своей наклонность ко осужденію ближняго, и видя невозможность самому собою всегда удерживать языкъ отъ злорѣчія, обращается съ молитвою ко Господу о томъ, чтобы ему дарована была благодать—*зрѣти своя прегрѣшенія и не осуждати брата своего!* Довольно, Господи, съ меня моихъ собственныхъ грѣховъ и язвъ внутреннихъ, кои еще не осмотрѣны, не исчислены, остаются безъ уврачеванія и со дня на день дѣлаются глубже и неисцѣльнѣе, а до грѣховъ чуждыхъ, коль скоро согрѣшающіе не зависятъ отъ меня, какая мнѣ нужда? Есть у нихъ свой судія и вмѣстѣ врачъ, Твоя правда и Твоя любовь. Стоятъ ли они? Тебѣ, своему Господу, стоятъ. Падаютъ ли? Тебѣ, своему Господу, падаютъ. И Ты всегда силенъ возставить ихъ. Сколько грѣшниковъ посредствомъ покаянія содѣлались людьми святыми! Можетъ быть, и осуждаемые мною уже престали отъ грѣха, давно начали свое покаяніе и оправданы благодатію Твоею, а я буду продолжать преслѣдовать ихъ злорѣчіемъ и подобно діаволу, клеветать на нихъ, теперь уже невинныхъ и оправданныхъ Тобою!—Да сохранитъ меня отъ сего благодать Твоя, и да подастъ, вмѣсто осужденія ближняго, зрѣти моя прегрѣшенія, зрѣть не хладнымъ окомъ чуждаго зрителя, а какъ взираютъ на свою нищету, на свои раны, на собственную смерть, зрѣть и плакать о зримомъ, зрѣть и врачевать гнилость души, зрѣть и употреблять всѣ средства не впадать въ новые грѣхи и въ новую пагубу!

Если бы кто за симъ вопросилъ: какое надежнѣйшее средство къ тому, чтобы, при помощи благодати Божіей, пріучить себя зрѣть свои прегрѣшенія, тому скажемъ, что лучшее средство принудить себя къ тому (съ намѣреніемъ говоримъ—*принудить,* ибо безъ принужденія и всякое благое дѣло, тѣмъ паче сіе, никогда не совершится) состоитъ въ томъ, чтобы назначить извѣстное, хотя краткое, время именно на разсматриваніе своихъ поступковъ и чувствъ, назначить такъ, чтобы оно не было уже употребляемо ни что другое. Такимъ образомъ мы поставимъ себя въ необходимость заниматься самими собою, а занимаясь постоянно, если не вдругъ, то съ продолженіемъ времени, непремѣнно узнаемъ, каковы мы, какая въ насъ господствующая страсть, чѣмъ недугуетъ нашъ умъ и сердце. Совѣтъ сей можетъ по-

казаться неисполнимымъ для тѣхъ, кои не вправѣ располагать своимъ временамъ. Но, во-первыхъ, нѣтъ человѣка, у коего бы вовсе не было своего времени, а здѣсь его немного и нужно; во-вторыхъ—если не можешь располагать временемъ, то располагай мыслями: этого никто не можетъ отнять у тебя. Ты, напримѣръ, слуга, долженъ всякій часъ быть готовъ исполнять приказанія господина; но, среди самаго исполненія ихъ, у тебя есть не мало возможности обратить мысль на самого себя, на свою жизнь, на свои грѣхи. Симъ святымъ занятіемъ наполнялось бы даже у тебя множество праздныхъ промежутковъ времени, въ которые ты не знаешь что дѣлать, скучаешь, предаешься злорѣчію или еще худшему.

Какъ пріучить себя, съ другой стороны, не осуждать брата своего, то есть, всякаго ближняго?—Во-первыхъ, смотри всегда на согрѣшающаго собрата какъ на больнаго, потому что грѣхъ есть дѣйствительно болѣзнь, худшая всѣхъ болѣзней. При такомъ взглядѣ страсть къ осужденію непремѣнно будетъ хладѣть и гаснуть. Ибо осуждаемъ ли мы больнаго, кто бы онъ ни былъ? Нѣтъ, мы чувствуемъ къ нему невольное состраданіе. Во-вторыхъ, должно поставить себѣ за правило, увидѣвъ что-либо худое въ ближнемъ или услышавъ о томъ, тотчасъ мысленно помолиться за него. Это каждому и завсегда весьма легко дѣлать, и между тѣмъ это сильнѣйшее средство противъ духа осужденія, который не терпитъ молитвы и бѣжитъ отъ нея.

Когда мы будемъ, такимъ образомъ, сами дѣлать свое дѣло по силамъ, будемъ пріучать себя къ тому, чтобы смотрѣть на свои паденія, а не на грѣхи ближняго, то Господь подастъ намъ и благодать Свою, съ которою намъ можно будетъ достигнуть того вожделѣннаго состоянія, въ коемъ знаютъ только себя и свои грѣхи, и не вѣдаютъ, есть ли въ мірѣ хотя одинъ подобный грѣшникъ. Аминь.

Слово въ среду 6-ой недѣли Великаго поста.

Кончилась, братіе, молитва святаго Ефрема. Окончатся и наши собесѣдованія о ней. Ужели кончится вмѣстѣ съ ними и духъ молитвы и собесѣдованій?—Да не будетъ!—Ибо если

такъ, то напрасно проведено здѣсь время; напрасно и мы выходили предъ васъ и расточали мысли и слова наши; напрасно и вы собирались въ такомъ множествѣ, стояли не малое времявъ такой тѣснотѣ, слѣдуя за нами взорами и мыслію вашею. Но если видѣнное нами въ васъ во время святаго поста, можетъ служить порукою за будущее, то мы въ правѣ имѣть не столь печальныя надежды. Ибо что мы видѣли? постоянное, усердное расположеніе къ святой церкви и слушанію поученій; видѣли глубокое благоговѣніе къ предметамъ священнымъ и вниманіе къ дѣлу своего спасенія; слышали частые вздохи при напоминаніи о грѣхахъ, были не разъ свидѣтелями даже слезъ вашихъ. Возможно ли, чтобы все это разсѣялось и исчезло, не оставивъ слѣда? Не нашихъ какихълибо трудовъ жаль намъ было бы при семъ, братіе. Много ли мы трудились, и не вознаграждаетъ ли подобный трудъ самъ себя? Нѣтъ, намъ жаль было бы въ такомъ случаѣ васъ и душъ вашихъ. Ибо, если-бы хожденіе въ церковь и слушаніе поученій, продолжавшіяся столько времени, не оставили по себѣ никакого слѣда въ нашихъ нравахъ и жизни, то это значило бы, что сердца наши подобно камнямъ, на коихъ, что ни сѣй, не дождешь никакого плода, на коихъ, если что и всходитъ, то, не имѣя углубленія въ корнѣ, скоро изсыхаетъ потомъ—безплодно. Это значило бы, что мы находимся въ глубокомъ ослѣпленіи и безжалостно обманываемъ самихъ себя, ибо когда наступитъ время поста, притихаемъ во злѣ, оставляемъ угожденія плоти и рабство страстямъ, обращаемся, повидимому, къ Богу, а когда пройдетъ постъ и паки предстанетъ міръ съ его отравою, то бѣжимъ стремглавъ къ сему врагу, пьемъ до дна подносимую намъ отраву, отдаемъ ему въ жертву то, что успѣли пріобрѣсти добраго.

Какого же плода, спросите, ты требуешь отъ насъ, и что хочешь, чтобы произвели въ насъ бесѣды твои? Не наши бесѣды, возлюбленные. Если бы мы надѣялись на свое слово и свой умъ, то никогда бы не рѣшились разверзть предъ вами устъ своихъ. Но мы увѣрены, что съ нами, на семъ мѣстѣ, всегда невидимо Тотъ, Кто избралъ насъ недостойныхъ въ дѣло служенія и *поручилъ намъ слово спасенія* (2 Кор. 5, 19), Кто даетъ, когда нужно, уста и мудрость самымъ буіимъ міра, Кто словомъ Своимъ можетъ воздвигнуть отъ камени чада Аврааму и изъ самаго ожесточеннаго

грѣшника содѣлать сосудъ въ честь. Въ насъ есть увѣренность, что когда мы совершаемъ священнодѣйствіе благовѣствованія Христова и оглашаемъ своими словами слухъ вашъ, въ то же время дѣйствуетъ надъ сердцами вашими благодать Духа Святаго, Того общаго всѣхъ насъ Наставника, Который посредствомъ рыбарей и мытарей обратилъ изъ тьмы въ свѣтъ, изъ области сатаны къ Богу—цѣлую вселенную, Который можетъ тронуть не только самое закоснѣлое во грѣхѣ сердце, но и премѣнить его на сердце новое, чистое и святое. При такихъ великихъ и всемогущихъ дѣйствователяхъ почему не ожидать самыхъ чудесъ обращенія?—Въ самомъ дѣлѣ, развѣ рука Господня сократилась? Развѣ у Спасителя не осталось для насъ крови очистительной, а у Духа—огня просвѣщающаго?—Не мните же, что вы не обязаны ни къ чему важному потому, что слушали человѣка, вамъ подобнаго. Пусть человѣкъ сей будетъ далекъ отъ совершенства, пусть будетъ самымъ послѣднимъ изъ грѣшниковъ, но онъ вѣщалъ вамъ о имени Господнемъ, вѣщалъ не отъ себя, а отъ лица Спасителя вашего; вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовалъ на васъ Самъ Духъ истины и благодати. Пренебречь такимъ дѣйствіемъ—значитъ забыть о спасеніи души своей.

Не забывайте же сего, возлюбленные! Не будьте подобны человѣку, который, посмотрѣвшись въ зеркало и увидѣвъ лицо свое и черныя пятна на немъ, вмѣсто, того, чтобы тотчасъ умыться, отшелъ и забылъ, что видѣлъ и что надобно ему было сдѣлать.

Изъяснимся прямѣе. Предъ вами, по мѣрѣ силъ нашихъ, изображены пороки, кои безобразятъ душу нашу, и коихъ потому всемѣрно надобно избѣгать христіанину; изображены и добродѣтели, кои могутъ украсить все существо наше, и кои потому самому надобно, во что бы то ни было, стяжать и хранить до конца жизни. Быть не можетъ, чтобы не только наше слово, но и собственная совѣсть наша не говорила вамъ, что и въ васъ, какъ и въ прочихъ людяхъ, есть сіи пороки и немалый недостатокъ въ сихъ добродѣтеляхъ. Не должно ли послѣ сего,—если мы не почитаемъ за ничто и пороковъ и добродѣтелей, принять всѣ возможныя мѣры къ искорененію въ насъ первыхъ и къ насажденію и укрѣпленію послѣднихъ?—Итакъ, кто любилъ доселѣ празднословить и кощунствовать, да научится отселѣ полагать словамъ своимъ вѣсъ и устамъ затвору. Кто любилъ предаваться праздности и губилъ драгоцѣнное время въ забавахъ, да

изыщетъ полезное, сродное своему состоянію и способностямъ, занятіе. Кто увлекался слѣпо мечтами честолюбія, да возлюбитъ смиреніе и престанетъ гоняться за призракомъ хвалы мірской. Кто привыкъ встрѣчающіяся въ жизни искушенія срѣтать ропотомъ и жалобами на свою судьбу, да встрѣчаетъ ихъ отселѣ преданностію въ волю Божію, яко врачевство полезное для души. Кто былъ въ отношеніи къ другимъ суровъ, жестокъ и нелюбовенъ, да пріиметъ противный образъ обхожденія и дѣйствій. Кто забывалъ свои грѣхи и любилъ смотрѣть на чужіе недостатки, да престанетъ видѣть сучецъ въ очесѣ брата и да научится извлекать бревно изъ собственнаго глаза.

Когда послѣдуетъ такая перемѣна съ нами, тогда можно будетъ сказать, что настоящій святый постъ прошелъ для насъ не безъ пользы, что мы не напрасно посѣщали храмъ, не напрасно слушали поученія. Тогда и мы возблагодаримъ Господа, что благодать Его удостоила насъ послужить дѣлу вашего спасенія. А доколѣ не произойдетъ сего, то и окончивъ, повидимому, дѣло, мы съ вами стоимъ еще на распутіи между успѣхомъ и неудачею, между потерею и пріобрѣтеніемъ. Стоятъ, безъ сомнѣнія, и свѣтоносные духи добродѣтелей и мрачные духи пороковъ, и ожидаютъ теперь, къ кому изъ нихъ мы обратимъ лице свое, за кѣмъ пойдемъ въ слѣдъ. Не заставимъ же, братіе, ихъ въ недоумѣніи долго взирать на насъ. Что медлить? въ чемъ сомнѣваться? пойдемъ за Ангелами Божіими путемъ любезныхъ имъ добродѣтелей въ царствіе Божіе, дабы, окружая насъ и сопутствуя намъ въ продолженіе жизни нашей, они явились къ намъ и при исходѣ изъ тѣла души нашей и сопроводили насъ на лоно Авраамле. Отвратимся однажды и навсегда отъ темныхъ ангеловъ грѣха и пороковъ, извергнемъ изъ души и сердца своего, чрезъ покаяніе и исповѣдь, все, что занято отъ нихъ богопротивнаго и душевреднаго, дабы въ противномъ случаѣ они не предстали у смертнаго одра нашего и не повлекли бѣдную душу нашу, какъ свою собственность, въ глубины адовы.

Господь, давшій силу немощи нашей возвѣстить вамъ путь истины и правды, да даруетъ и вамъ хотѣніе и силу вступить на сей путь съ бодростію и шествовать по нему безъ преткновенія. О семъ не престанемъ молить Его благость выну, доколѣ не оскудѣетъ слово во устахъ нашихъ. Аминь.

ПЕРВАЯ СЕДМИЦА

ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Слово въ недѣлю Сыропустную, огласительное.

Востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ и освѣтитъ тя Христосъ (Еф. 5, 14).

По милосердію Господа, мы опять у поприща святаго поста и покаянія!—Нѣкоторые изъ среды насъ, кои вмѣстѣ съ нами въ прошедшемъ году приступали къ исповѣди и святой трапезѣ, восхищенные Ангеломъ смерти, стоятъ теперь предъ престоломъ правды Божіей, а мы стоимъ паки предъ престоломъ милосердія!.. За ними, или предъ ними, двери чертога Царскаго уже затворились, а предъ нами еще отверсты!.. Ихъ жребій, можетъ быть, уже рѣшенъ невозвратно, а нашъ—еще въ собственныхъ рукахъ нашихъ! Возблагодаримъ же Господа, не погубившаго насъ со беззаконьми нашими, и снова дарующаго намъ всѣ средства къ покаянію!

Какъ и чѣмъ возблагодаримъ?—Неукоснительнымъ и вѣрнымъ употребленіемъ сихъ самыхъ средствъ къ своему спасенію. Говоря такимъ образомъ, мы не предполагаемъ, братіе, чтобы кто-либо изъ васъ проводилъ прежнія святыя Четыредесятницы вовсе не по-христіански, тѣмъ паче, чтобы кто-либо изъ васъ намѣренно удалялся святыхъ таинствъ Церкви:—напротивъ, мы полагаемъ, что каждый изъ васъ каждый годъ, притекалъ къ святому Алтарю для принятія отпущенія грѣховъ и для таинственнаго соединенія съ Господомъ и Спасителемъ своимъ чрезъ причащеніе Тѣла и Крови Его; думаемъ даже, что все сіе каждый разъ не оставалось безплоднымъ для души, и оставляло благотворный слѣдъ во всей вашей жизни... Но, братіе мои, не смотря на

все это, позвольте предложить вамъ нынѣ одинъ вопросъ: столько разъ приходя во врачебницу духовную, толикократно проходя весь курсъ врачеванія сердечнаго, такъ много разъ исходя изъ храма Божія, повидимому, оправданными и исцѣленными,—чувствовали-ль вы однакоже хотя одиножды совершенное здравіе душевное? И если чувствовали, то долго ли продолжалось сіе драгоцѣнное чувство?.. И здѣсь, мы не предполагаемъ, чтобы вы, послѣ седмидневнаго говѣнія и воздержанія, вдругъ сдѣлались совершенно безгрѣшными (это святый удѣлъ тѣхъ, кои уже разрѣшились отъ узъ плоти и крови);—но вы должны были послѣ того быть какъ можно свободнѣе отъ грѣха; въ васъ подобало произойти рѣшительной перемѣнѣ на лучшее; свѣту благодати надлежало въ вашей душѣ быть подобно солнцу утреннему, восходить выше и выше, разогнать всѣ облака заблужденій, изсушить всѣ протоки чувственности, чтобы наконецъ произвесть полный день Боговѣдѣнія и благочестія. Такъ ли было съ вами?—Замѣчали-ль вы въ себѣ, послѣ подвига поста и покаянія, постоянное удаленіе отъ міра и приближеніе къ Богу, ослабленіе и исчезновеніе прежнихъ худыхъ навыковъ, и вступленіе на ихъ мѣсто обычаевъ благихъ и христіанскихъ?—Не трудно отвѣчать на сей вопросъ, если все это въ васъ происходило и происходитъ. Человѣкъ, выздоровѣвшій отъ тяжкой болѣзни, не затруднится сказать, здоровъ ли онъ. Даже начавшій только выздоравливать тотчасъ скажетъ, что онъ выздоравливаетъ. А изъ насъ, братіе, не правда ли, что для многихъ весьма трудно отвѣчать на вопросъ: оздравѣлиль они духомъ и совѣстію? Многіе, напротивъ, принуждены съ горестію сознаться, подобно древнимъ израильтянамъ, что въ нихъ происходитъ противное, *ждахомъ мира, и не бяху благая: времене уврачеванія, и се боязнь!* (Іер. 8, 15). Предъ каждымъ пощеніемъ, исповѣдію и причащеніемъ, мы надѣялись получить чрезъ нихъ здравіе душевное, и принимали сіи таинства съ радостію, между тѣмъ донынѣ остаемся тѣ же, что были прежде: души наши хладны къ добру и наклонны ко злу; прежнія страсти во всей прежней и, нерѣдко, большей силѣ; совѣсть съ тѣми же язвами, сердце съ тою же тяжестію; весь внутренній человѣкъ нашъ еще мертвъ, или крайне разслабленъ. *Ждахомъ мира, и не бяху благая: времене уврачеванія, и се боязнь!..*

Что же значитъ сіе? *Еда нѣсть ритины въ Галаадѣ? или врача нѣсть тамо? Чесо убо ради нѣсть исцѣлена рана дщере людей моихъ?* (Іер. 8, 22)—вопрошалъ нѣкогда Пророкъ, видя продолженіе болѣзненнаго состоянія народа израильскаго. Подобнымъ образомъ вопросимъ, братіе, васъ и мы, имѣя въ виду, доселѣ продолжающуюся, неисцѣльность душъ вашихъ. *Еда нѣсть ритины въ* нашемъ духовномъ *Галаадѣ? или врача нѣсть тамо?* Ужели вся немощная врачующая, рука Божія сократилась, и таинства святыя Церкви потеряли свою силу?—Или пастыри Церкви, изрекая вамъ прощеніе, изрекали его не отъ сердца? Нѣтъ, прощенное *здѣсь,* не воспомянется и *тамъ,* если только вы сами не оживите его повтореніемъ прежнихъ грѣховъ!—Или Спаситель, преподавая вамъ Тѣло и Кровь, преподавалъ чуждыя, а не Свои собственныя? Нѣтъ, Онъ не откажется отъ Своего Тѣла и Своей Крови, если только вы умѣли сохранить сей даръ... Множество людей, подобныхъ вамъ, еще тягчайшихъ грѣшниковъ, пользуясь сими же самыми средствами, успѣли омыться отъ всѣхъ нечистотъ грѣховныхъ, уврачеваться совершенно отъ проказы адской, содѣлались святыми, Богоугодными, и теперь приготовляются въ мирѣ окончить земное поприще свое, или уже наслаждаются благодатію помилованія въ царствѣ славы, а вы, братіе, пользуясь столько разъ сими же самыми средствами, остаетесь доселѣ на одрѣ духовной смерти, или влачите жалкіе остатки жизни духовной въ узахъ грѣха!—Что значитъ сіе?..

Ахъ, братіе, не то ли самое, на что жаловался нѣкогда тотъ же Пророкъ, взирая на отчаянное состояніе Вавилона?—Вавилонъ, говорилъ онъ, падаетъ; день суда и казни его близокъ, неизбѣженъ. Но кто виною?—Вавилону ли недоставало средствъ къ отвращенію бѣдствія? У него ли не было врачевства и облзаній на рану? И они всѣ употреблены надъ нимъ; но безъ пользы: *Врачевахомъ Вавилона, и не исцѣлѣ!* (Іер. 51, 9). Такъ, можетъ быть, братіе, о насъ давно вѣщаютъ предъ престоломъ правды Божіей Ангелы-хранители наши: Твоя премудрость, Господи, приставила насъ блюсти души и тѣла ихъ, руководить и подкрѣплять ихъ на пути къ небу. Самъ зриши, опущено ли нами что-либо, могущее просвѣтить ихъ умъ, возбудить и согрѣть ихъ сердце, удержать стопы ихъ на пути къ погибели? Но

что могутъ содѣлать для нихъ всѣ средства ко спасенію, всѣ наши усилія и попеченія, когда они или отвергаютъ ихъ съ гордостію, или употребляютъ съ нерадѣніемъ?—*Врачевахомъ Вавилона, и не исцѣлѣ!* Не исцѣлѣлъ потому, что возлюбилъ свою грѣховную рану, непрестанно растравляетъ ее новыми беззаконіями, рѣшился жить и умереть во грѣхахъ своихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, какъ употребляемъ мы врачевства духовныя, какъ приступаемъ къ самому рѣшительному изъ нихъ—къ исповѣди и святому причастію?—Приступаемъ почти всѣ, какъ къ средству временному, а не какъ къ мѣрѣ рѣшительной; смотримъ на святѣйшее таинство, какъ на обрядъ благочестивый, полезный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а не какъ на таинство паки-бытія, которое должно переродить насъ совершенно на всю жизнь. А посему и приступаемъ, хотя съ приготовленіемъ, но поверхностнымъ, не проникающимъ до глубины нашего духа, до корня зла, въ насъ живущаго;—пріемлемъ Тѣло и Кровь Христову, хотя съ благоговѣніемъ, но нисколько не помышляя о тѣхъ чрезвычайныхъ дѣйствіяхъ, коимъ подобаетъ произойти въ насъ; отходимъ отъ престола Благодати съ благими мыслями, но отнюдь не съ твердою рѣшимостію измѣниться въ своей жизни совершенно; кратко: говѣемъ, исповѣдуемся, причащаемся *во оставленіе грѣховъ* прошедшихъ, не думая объ оставленіи грѣховнаго поведенія въ будущемъ,—*въ жизнь* благую, *вѣчную,* на небѣ, не помышляя о жизни добродѣтельной, во времени, на землѣ. Можно ли же ожидать рѣшительнаго исцѣленія навсегда, когда вовсе и не думаютъ о семъ исцѣленіи?

Но такъ поступаютъ еще лучшіе изъ насъ. Что сказать о прочихъ исповѣдникахъ и причастникахъ?—Оставленіе на нѣсколько дней обыкновенныхъ дѣлъ и занятій, хожденіе въ продолженіе сего времени въ церковь; потомъ нѣсколько минутъ, употребленныхъ на исповѣдь; потомъ нѣсколько минутъ,—на причащеніе; затѣмъ нѣсколько благочестивыхъ мыслей и сердечныхъ вздоховъ,—вотъ все говѣніе, вся жертва Богу! А потомъ?—Немедленное возвращеніе къ прежнимъ дѣламъ, опять тотъ же родъ жизни, опять прежнія забавы, тѣ же грѣховныя утѣхи, то же служеніе страстямъ самымъ постыднымъ: скажите сами, чего ожидать послѣ такого, можно

сказать, мимолетнаго говѣнія? Развѣ мимолетныхъ же плодовъ; и они точно бываютъ: нѣсколько животныхъ спасается въ это время отъ закланія, нѣсколько худыхъ привычекъ остается на время безъ удовлетворенія; уста не произносятъ прежнихъ срамныхъ словъ; взоры не блуждаютъ нѣсколько времени по прелестямъ міра; самое сердце, не подавляемое заботами, начинаетъ биться покойнѣе. Но потомъ зло, навремя стѣсненное, еще болѣе раскрывается и свирѣпѣетъ; съ поверхностно покаявшимися бываетъ то же, что съ больными, послѣ превратнаго врачеванія: болѣзнь ожесточается болѣе и болѣе!..

Сами чувствуете, братіе, что я не переиначиваю вещей, не увеличиваю нашей вины, а изображаю дѣло какъ есть. Для чего изображаю?—Для того, что теперь снова открывается курсъ врачеванія духовнаго. Если пойдемъ безразсудно прежнимъ путемъ, то достигнемъ и цѣли прежней, то есть, никакой не достигнемъ. Опять раны совѣсти закроются навремя съ тѣмъ, чтобы послѣ раскрыться еще больше; опять сложимъ тяжесть грѣховъ, чтобы потомъ поникнуть подъ нею еще глубже. Что же наконецъ выйдетъ изъ такого образа дѣйствованія?—То, что мы, врачуясь всю жизнь, наконецъ, умремъ во грѣхахъ нашихъ. И для иныхъ это несчастіе еще, можетъ быть, не такъ близко: они будутъ имѣть нѣсколько Четыредесятницъ для уврачеванія души своей, а для нѣкоторыхъ *судъ* уже *написанъ* (Псал. 149, 9) и *судія предъ дверьми!* (Іак. 5, 9). Я хочу сказать, братіе, что какъ ни ограничено число насъ, теперь здѣсь находящихся; но, безъ сомнѣнія, есть между нами такіе, для коихъ наступающая Четыредесятница наступаетъ въ послѣдній разъ. Кто сіи, обреченныя жертвы смерти?—Можетъ быть, ты, слушатель, наименѣе теперь думающій о семъ; можетъ быть, я, возвѣщающій тебѣ сію грозную, но спасительную для всѣхъ насъ истину...

Итакъ, братіе, соединимся всѣ нынѣ въ искреннемъ желаніи своего спасенія;—вступимъ каждый въ святое поприще покаянія такъ, какъ бы оно отверзалось предъ нимъ въ первый и послѣдній разъ. И оно точно будетъ для насъ первымъ и послѣднимъ, коль скоро мы въ продолженіе его измѣнимся совершенно и оставимъ навсегда нашу грѣховную жизнь. Ибо, сколько бы кто прежде ни каялся, но если

не исцѣлѣлъ доселѣ душею, то онъ исцѣлѣетъ теперь въ первый разъ. А кто получитъ здравіе, тому, если не потеряетъ его, не нужно будетъ получать его въ другой разъ, а только хранить и укрѣплять его.

Господи и Владыко живота нашего! Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ! Ты, Который снова отверзъ предъ нами недостойными дверь покаянія! Самъ изведи насъ всемощною десницею Твоею изъ Египта духовнаго рабства и введи въ пустыню св. поста! Что бы ни ожидало насъ въ сей пустынѣ, мы предаемъ Тебѣ души и сердца наши, руководи насъ столпомъ облачнымъ, или огненнымъ, питай манною, или напаяй меррою;—токмо введи насъ въ Ханаанъ небесной чистоты и Богоподобія! Аминь.

Слово въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста

НА УТРЕНИ.

По самому теперь присутствію вашему здѣсь, братіе, видно, что вы имѣете благое намѣреніе посвятить настоящую седмицу на пріуготовленіе себя къ исповѣди и причащенію Св. Таинъ. Тогда какъ многіе изъ собратій вашихъ преданы еще сну, или стенаютъ отъ тяжкой дани, безразсудно принесенной вчера плотоугодію,—вы, вмѣстѣ съ служителями алтаря, поспѣшили утренневать ко храму святому и насладиться первою зарею великаго поста. Привѣтствуемъ васъ съ симъ подвигомъ усердія и любви! Кто можетъ (а много такихъ, кои не могли бы?), для того всего лучше начать поприще святаго говѣнія нынѣ, вмѣстѣ съ Церковію, потому что Богослуженіе настоящей седмицы особенно приноровлено къ подвигамъ св. покаянія, и особенно богато предметами, возбуждающими умиленіе сердечное. Судя по сему, и мы могли бы только пригласить васъ быть внимательными къ тому, что будетъ совершаться здѣсь въ продолженіе сей святой седмицы, и потомъ предоставить васъ собственному вашему усердію къ дѣлу вашего спасенія. Но поелику и при обиліи средствъ врачеванія и при извѣстности способовъ ихъ употребленія, живый голосъ и наставленіе врача никогда не излишни,—то позвольте намъ, по долгу духовныхъ врачей,

предложить любви вашей нѣсколько благихъ совѣтовъ. Будемъ бесѣдовать какъ можно проще и безъискусственнѣе, чтобы изъ самаго слова нашего видно было, что мы бесѣдуемъ во время поста, коему приличны не цвѣты краснорѣчія, а слезы и пепелъ покаянія.

Св. Церковь въ продолженіе сей седмицы, во-первыхъ, сама предложитъ вамъ, братіе, наидѣйствительнѣйшія средства къ исцѣленію душъ и освященію сердецъ нашихъ; и вамъ должно употребить все стараніе, чтобъ усвоить себѣ сіи средства и воспользоваться ими какъ должно: это первый, главный и неотмѣнный долгъ вашъ!—Но, пользуясь св. таинствами и душеспасительными учрежденіями св. Церкви, вы не оставите употребить и съ своей стороны всѣхъ, отъ васъ самихъ зависящихъ средствъ, ведущихъ къ той же цѣли: это второй, также священный долгъ вашъ!—Побесѣдуемъ порознь о томъ, какъ лучше исполнить вамъ ту и другую обязанность; и во-первыхъ, разсмотримъ тѣ средства ко спасенію, кои находятся въ собственныхъ рукахъ вашихъ, и кои, не бывъ опредѣлены Церковію, а предоставлены свободѣ каждаго, по тому самому требуютъ скорѣйшаго наставленія, касательно ихъ употребленія.

Какія это средства?—Для всѣхъ и каждаго это—благочестивое размышленіе, благочестивыя собесѣдованія, нѣкоторыя благочестивыя дѣла и особенно—молитва; для нѣкоторыхъ—чтеніе священныхъ и душеспасительныхъ книгъ. Не поскучайте, братіе, если мы войдемъ касательно каждаго изъ сихъ занятій въ нѣкоторыя подробности: совѣты касательно сего могутъ быть полезны вамъ не только на сію седмицу, но и на цѣлый годъ, на всю жизнь. Ибо, если вы расположены (какъ и должно) искать чрезъ покаяніе спасенія не временнаго, а вѣчнаго, то вся послѣдующая жизнь ваша должна служить для васъ пріуготовительною Четыредесятницею къ празднованію вѣчной Пасхи въ обителяхъ Отца небеснаго.

Одно изъ главныхъ средствъ къ духовному врачеванію себя, находящихся въ собственныхъ рукахъ нашихъ, какъ сказалъ я, есть благочестивое и покаянное размышленіе. Три главные предмета, о коихъ, братіе, каждому изъ васъ, въ духѣ покаянія, должно непремѣнно размыслить въ сіи дни самому съ собою. Это, во-первыхъ, вы сами, кои намѣ-

рены приступить къ исповѣди и св. причащенію; во-вторыхъ, сіи самыя таинства; въ третьихъ, то, какъ вамъ вести себя, по принятіи ихъ, до конца вашей жизни.

И, во-первыхъ, братіе, вамъ должно, какъ можно скорѣе, со всею основательностію заняться самими собою, собрать свои мысли и устремить ихъ на свою совѣсть, свою жизнь и свои отношенія. Лучше и полезнѣе сего занятія трудно найти и во всякое другое время, а теперь это—необходимость!.. Иначе, безъ познанія самихъ себя, какъ вамъ приступить къ исповѣди, и просить врачевства, не вѣдая, въ чемъ ваша болѣзнь?—Такое самоиспытаніе можетъ совершаемо различнымъ образомъ, смотря по способности каждаго, но всего ближе, если оно начнется съ общаго обзора вашей жизни, если вы пойдете мыслію по слѣдамъ вашего происхожденія на свѣтъ—до нынѣ. Не будетъ излишнимъ, если обратите при семъ вниманіе и на то, отъ кого вы произошли, когда и гдѣ узрѣли свѣтъ, въ какомъ состояніи суждено вамъ жить и дѣйствовать. Въ сихъ предварительныхъ обстоятельствахъ нашей жизни первѣе всего открываются намѣренія о каждомъ изъ насъ премудрости Божіей, ибо обстоятельства сіи нисколько не зависятъ отъ насъ, между тѣмъ какъ отъ нихъ зависитъ вся наша жизнь. Узнавъ такимъ образомъ самую первую волю Божію о васъ, вы припомните потомъ, какъ пробудилась душа ваша къ сознанію самой себя, какіе предметы и лица поражали ваше первое вниманіе, куда устремились первыя желанія, что вамъ особенно нравилось или отвращало отъ себя, какъ вы вступили въ сношенія съ міромъ, съ людьми, съ Богомъ, какъ узнали, что добро и что зло, какъ то и другое оказывало надъ вашими сердцами свое первое дѣйствіе, какъ потомъ начало то и другое выражаться въ вашихъ наклонностяхъ и поступкахъ. Это представитъ вамъ умилительную картину вашего первобытнаго человѣчества и, безъ сомнѣнія, вашего первобытнаго паденія. Ибо хотя мы всѣ приходимъ на свѣтъ уже со грѣхомъ Адамовымъ, съ наклонностію ко злу, и слѣдовательно, уже поврежденными, но и въ собственной жизни каждаго есть злополучный пунктъ времени, съ коего начинается рядъ его собственныхъ, произвольныхъ паденій, и въ коемъ, слѣд., надъ каждымъ изъ насъ повторяется подобное тому, что было съ Адамомъ во время его паденія. Отъ лѣтъ

отрочества вы перенесете потомъ вниманіе свое на вашу юность, и, не смотря на вѣтренность сего возраста, постараетесь воскресить въ памяти вашей хотя главныя черты вашего юношества, ибо это такой возрастъ, въ коемъ полагается уже нами самими основаніе всей нашей будущей жизни, образуется нашъ характеръ, рѣшается предварительно вопросъ: что мы будемъ для Бога, для самихъ себя и нашихъ ближнихъ?—Тутъ представятся вниманію тѣ наставники и руководители, кои на васъ особенно дѣйствовали, тѣ знанія и труды, кои были вамъ по нраву и занимали васъ собою; тѣ лица и предметы, къ коимъ стремилось сердце; тѣ надежды и страхи, кои волновали вашу грудь; тѣ грѣхи вѣдѣнія или невѣдѣнія, *наглъства или унынія,* коими такъ богаты юность каждаго; тѣ наказанія или награды, коими побуждаемы были первые шаги ваши на пути долга, или останавливаемы отъ ниспаденія во глубину вольномыслія и порока. Это разсмотрѣніе путей вашей юности изъяснитъ вамъ многое въ жизни вашей, ибо здѣсь, большею частію, сокрывается причина, почему мы таковы, или не таковы, какъ должны быть, въ отношеніи къ закону Божію. За симъ мысль ваша естественно обратится къ возрасту мужескому, къ тому званію, которое суждено вамъ проходить, тому роду жизни, который довелось вести. Тутъ вы замѣтите со тщаніемъ положеніе ваше въ мірѣ и кругъ вашей дѣятельности, отношеніе вашего характера къ вашему званію и роду жизни; — кто тѣ люди, кои дѣйствуютъ на вашу судьбу, и тѣ, на судьбу коихъ дѣйствуете вы; отъ чего зависѣли успѣхи и неуспѣхи ваши доселѣ, какимъ вы подвергались несчастіямъ, отъ какихъ страдали болѣзней, какія терпѣли потери, въ какомъ отношеніи вы къ обществу и своему семейству; кто ваши доброжелатели и друзья, кто враги и недруги, и почему тѣ и другіе въ такомъ, а не въ другомъ къ вамъ отношеніи? Все это должно разсмотрѣть не поверхностно, какъ странникамъ и соглядатаямъ въ чужой землѣ, а какъ хозяевамъ дома, кои хотятъ знать, въ какомъ состояніи ихъ дѣла и домъ. И все это однакоже есть только предварительная работа, только приступъ къ дѣлу. Собравъ вновь всѣ силы ума, вооружившись всѣмъ безпристрастіемъ, вы приступите потомъ къ главному занятію надъ самими собою, постараетесь узнать, въ какомъ состояніи находи-

тесь вы въ отношеніи къ вашему спасенію. Здѣсь должно имѣть въ виду преимущественно три предмета: 1) Куда принадлежимъ мы—къ числу людей обращенныхъ, въ коихъ началось уже дѣло спасенія, или къ числу людей, кои доселѣ вовсе не мыслили о спасеніи, оставались въ состояніи грѣха и нечувствія духовнаго? 2) Если мы не имѣли еще счастія прейти средостѣніе, отдѣляющее малое число спасаемыхъ отъ толпы людей погибающихъ,—то въ чемъ особенно состоитъ наша грѣховность и нечистота, какая страсть наиболѣе господствуетъ въ насъ и что особенно питаетъ ее и укрѣпляетъ? 3) Если, напротивъ, по благодати Божіей, въ насъ положено уже начало духовнаго обновленія,—то какъ идемъ мы по новому пути благодати, съ тою ли силою, тѣмъ ли преспѣяніемъ, какъ должно? и если не такъ, то что препятствуетъ нашему духовному возрастанію и плодоношенію?—Вотъ, говорю, три главныхъ вопроса, кои мы должны имѣть въ виду всякій разъ, когда хотимъ знать, въ какомъ мы состояніи по отношенію къ нашему спасенію! Кто разрѣшитъ ихъ, какъ должно, предъ тѣмъ откроется образъ его нравственнаго бытія, тотъ будетъ знать, кто и что онъ для неба и вѣчности.

Для облегченія сего дѣла для всѣхъ и каждаго, Господь, премудрый и милосердый, далъ нѣсколько зерцалъ, въ коихъ, когда посмотришься прилежно, видишь себя со всѣми своими недостатками. Таково зерцало — десятословіе Моисеево, гдѣ указаны всѣ главныя обязанности наши къ Богу и ближнему. Таково зерцало—нагорная проповѣдь Спасителя о блаженствахъ, въ коей такъ трогательно означены добродѣтели истиннаго христіанина. Таковы зерцала—многія мѣста изъ посланій Ап. Павла, въ коихъ онъ изображаетъ дѣянія людей духовныхъ и людей плотскихъ; напр., двѣнадцатая и тринадцатая главы посланія къ Римлянамъ, и все посланіе къ Филипписеямъ. Употребляй любое изъ сихъ зерцалъ, а лучше, если употребишь ихъ, хотя не вдругъ, всѣ. Притомъ, какъ стоя предъ зерцаломъ, дабы лучше видѣть себя, мы обращаемся къ нему лицомъ разными сторонами, такъ полезно дѣлать и смотрясь въ зерцало закона Божія. Постарайся обратиться къ нему поперемѣнно всѣми сторонами существа своего—не однимъ духомъ съ его умомъ и совѣстію, а и душею съ ея желаніями и наклонностями, и са-

мымъ тѣломъ съ его сложеніемъ, привычками, требованіями и немощами, и наконецъ самымъ внѣшнимъ состояніемъ, съ его выгодами и невыгодами въ отношеніи къ дѣлу нашего спасенія. Должно поставить предъ зерцаломъ слова Божія свой умъ, дабы открылось, какой въ немъ образъ мыслей, какими водится онъ убѣжденіями, есть ли въ немъ свѣтъ вѣры, всегда ли свѣтитъ онъ и достаточно ли озаряетъ пути жизни? — Должно поставить предъ зерцаломъ свою волю, дабы обнаружилась цѣль, къ коей она постоянно стремится,— на небѣ ли она или на землѣ,—дабы открылись побужденія, коими она движется,—чисты ли они и достойны ли христіанина,—дабы явились правила, коимъ мы слѣдуемъ, изъ Евангелія ли они взяты и совѣсти, или изъ обычаевъ міра и внушеній гордости житейской? Надобно поставить предъ зерцало слова Божія свое сердце съ его чувствами, дабы видѣть, чѣмъ живетъ оно и для чего бьется, что наиболѣе радуетъ и печалитъ насъ: преспѣяніе въ добродѣтели, или удача въ земныхъ предпріятіяхъ? Можно употреблять съ пользою и другіе пріемы для сравненія себя съ образцомъ истиннаго христіанина, начертаннымъ въ разныхъ видахъ— въ словѣ Божіемъ; напр., полезно разсматривать себя по своимъ отношеніямъ, какъ члена семейства, какъ члена общества, какъ члена Церкви; сравнивать образъ своихъ мыслей, правилъ и жизни съ образомъ мыслей и жизни людей праведныхъ, или людей грѣшныхъ, изображенныхъ въ словѣ Божіемъ, особенно подобнаго намъ состоянія. Въ поощреніи къ сему святому дѣлу, должно сказать, что кто займется имъ не поверхностно, не поскучаетъ и не оставитъ его отъ первыхъ неудачъ, кои могутъ быть отъ неопытности, тотъ непремѣнно достигнетъ цѣли, увидитъ себя каковъ онъ есть, и будетъ въ состояніи сказать, чего недостаетъ ему и что надобно дѣлать.

И, во-первыхъ, при озареніи свѣта благодати Божіей, къ коей постоянно надобно обращать умъ и сердце свое, скоро можетъ открыться: положено ли въ насъ доселѣ начало дѣлу нашего спасенія?—Положено, если при всѣхъ случайныхъ уклоненіяхъ и невольныхъ препинаніяхъ, на пути къ спасенію, главною цѣлію дѣйствій и правиломъ поведенія, главнымъ побужденіемъ къ трудамъ и началомъ одушевленія есть мысль о Богѣ и вѣчномъ спасеніи. Положено, если ты,

почитая себя бѣднымъ грѣшникомъ, проникнутъ вѣрою въ Сына Божія, въ Его крестную жертву за насъ, и стараешься, сколько можно болѣе, сообразовать себя съ Его ученіемъ, освящать себя благодатію Его Пресвятаго Духа. Напротивъ, если началомъ твоихъ мыслей, чувствъ, дѣйствій служитъ самолюбіе, если внутрь тебя господствуетъ какая-либо страсть, то, хотя бы въ твоемъ нечистомъ поведеніи, какъ между тернами, и появлялись иногда цвѣты добродѣтелей мірскихъ; ты не въ числѣ людей обращенныхъ, твой путь не есть путь истиннаго христіанина.

Подобнымъ образомъ не трудно узнать и то, какая особенно страсть господствуетъ въ насъ, и что питаетъ ее, если мы имѣемъ несчастіе находиться въ числѣ грѣшниковъ необращенныхъ. Ибо, хотя корни господствующей страсти бываютъ далеко сокрыты въ темпераментѣ, въ образѣ воспитанія и во внѣшнихъ отношеніяхъ нашихъ, но вѣтви ея покрываютъ обыкновенно весь кругъ нашего бытія домашняго и общественнаго; воня смертная отъ адскихъ цвѣтовъ ея несется далеко во всѣ стороны, несчастные плоды ея бываютъ разсѣяны по всѣмъ входамъ и исходамъ нашимъ. Въ такомъ разѣ даже одно поверхностное мнѣніе о насъ другихъ людей не рѣдко можетъ служить довольно вѣрнымъ указаніемъ нашего духовнаго недуга, ибо люди, будучи не такъ способны къ оцѣнкѣ добродѣтелей нашихъ, всегда почти вѣрно отгадываютъ наши господствующіе недостатки. Можно узнать преобладающій въ насъ порокъ и потому, что ни съ чѣмъ такъ не трудно разставаться, какъ съ нимъ, ни къ чему прикосновеніе такъ не болѣзненно, какъ къ нему: одна мысль—бросить его, стоитъ немалыхъ усилій.

Что касается до послѣдняго предмета: надлежащимъ ли образомъ идемъ мы по пути благочестія, если вступили на него, то имѣющій нужду знать сіе, легко узнаетъ, если обратитъ вниманіе хотя на слѣдующее: убываетъ ли и слабѣетъ ли зло, въ немъ доселѣ оставшееся? рѣже ли подвергается онъ тѣмъ нападеніямъ, отъ коихъ страдалъ прежде, и что приводитъ къ нимъ? легче ли для него становится совершеніе тѣхъ добродѣтелей, кои прежде казались ему такъ трудны? усиливается ли въ немъ смиреніе христіанское и вѣра въ Сына Божія?—Если совѣсть будетъ отвѣчать хотя на одинъ изъ сихъ вопросовъ: нѣтъ,—то нечего болѣе сомнѣваться и

думать: надобно спѣшить снова всецѣлымъ покаяніемъ, дабы вовсе не угасъ въ душѣ огнь небесный. И въ противномъ случаѣ, не вдругъ должно удовлетворяться утвердительнымъ отвѣтомъ совѣсти, а смотрѣть—отставая отъ одного недостатка, не вдаемся ли мы въ другой, ему противоположный, не впадаемъ ли въ другую крайность, напр., изъ людей хладныхъ къ вѣрѣ, не становимся ли мечтателями, или ревнителями не по разуму?

Руководясь сими и подобными чувствами, братіе, вы поспѣшите въ настоящіе дни какъ можно вѣрнѣе узнать себя и свое душевное состояніе. Всякъ займись собою! ибо, если теперь не заняться симъ дѣломъ, то когда же сдѣлать это?—Нѣтъ нужды, что ты ученъ и знаешь природу человѣческую и себя самого по ученому: здѣсь требуется не ученаго самопознанія, а христіанскаго самоиспытанія. Развѣ нѣтъ людей, кои составили цѣлыя ученыя книги о душѣ, а ни разу въ жизни не разсматривали своей души въ отношеніи къ своему спасенію? Никто не приводи въ извиненіе своей простоты и неумѣнія размышлять. Какъ? Считать свои деньги умѣешь, хотя бы ихъ были тысячи; а пересмотрѣть свои обязанности, счесть свои грѣхи и недостатки не можешь?—Какой членъ заболитъ въ тѣлѣ, тотчасъ слышишь; а гдѣ болѣзнь въ душѣ, не чувствуешь?—Легко можетъ случиться, что, обративъ испытательный взоръ на себя самого, ты, по привычкѣ, не можешь долго держать его въ себѣ. Въ такомъ случаѣ обращай его чаще; и ты привыкнешь стоять съ собою лицемъ къ лицу предъ зерцаломъ слова Божія и совѣсти. Для успѣха въ семъ дѣлѣ, оставь на время всѣ прочія дѣла; уединись отъ людей и шума житейскаго, особенно посвящай на это тишину ночную. Такъ поступалъ нѣкогда и Давидъ.

Въ противномъ же случаѣ, то есть, если не можешь заняться теперь надлежащимъ образомъ познаніемъ самого себя,—то лучше оставь говѣніе до другой недѣли, ибо слышись, что говоритъ—не проповѣдникъ какой-либо обыкновенный, а Апостолъ Христовъ: *да искушаетъ человѣкъ себѣ, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да піетъ; ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая тѣла Господня* (1 Кор. 11, 28)!.. Аминь.

Слово въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста

НА УТРЕНИ.

Да искушаетъ же человѣкъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да піетъ, ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая тѣла Господня. (1 Кор. 11, 28—29).

Тѣ, коимъ надобно явиться въ судъ для отвѣтовъ въ дѣлѣ, отъ коего зависитъ благоденствіе ихъ жизни, не спѣшатъ своимъ приходомъ; стараются прежде узнать основательно, кто будетъ судить ихъ, какіе законы за нихъ и противъ нихъ, что можно сказать или сдѣлать въ пользу своего дѣла. Подобнымъ образомъ, если бы кого пригласили на трапезу въ домъ царевъ, гдѣ ему должно быть лицомъ къ лицу съ царемъ, то онъ также почелъ бы за долгъ запастись всѣми нужными свѣдѣніями касательно свиданія съ царемъ и самой его трапезы; не счелъ бы за излишнее узнать даже неважныхъ подробностей. Намъ, братіе, вдругъ предстоятъ оба сіи случаи, или, лучше сказать, оба сіи счастія (счастіемъ называю и явленіе наше на судъ, ибо рѣшеніе на немъ дѣла въ пользу нашу отъ насъ зависитъ), какъ же намъ не размыслить со вниманіемъ о томъ, куда намъ должно явиться и что тамъ дѣлать?—Посему, если бы и не было на это прямаго повелѣнія Апостола, вами слышаннаго, то самое попеченіе о спасеніи душъ вашихъ заставило бы васъ, отъ размышленія о себѣ самихъ, касательно коего мы уже бесѣдовали съ вами, перейти мыслію къ размышленію о таинствѣ покаянія и причащенія, къ коимъ вы приступить намѣрены.

Въ дѣлѣ семъ опять каждый можетъ идти своимъ путемъ, разсматривать святѣйшія таинства такъ, какъ ему внушитъ его умъ и сердце, даже, можетъ быть, какъ ему внушитъ Самъ Богъ, или Ангелъ-хранитель. Но могутъ быть преподаны и нѣкоторые духовные совѣты въ руководство, кои потому нашъ долгъ предложить вамъ, дабы имѣющіе въ нихъ нужду не принуждены были ходить за ними далеко.

Желаешь, сообразно велѣнію Апостола, размыслить о таинствѣ покаянія и исповѣди?—Обрати же вниманіе на слѣдующіе, главные, предметы: 1) кто и для чего учре-

дилъ сіе таинство? 2) въ чемъ его сила и какіе плоды? 3) что требуется отъ тебя исповѣдующагося, дабы благодать таинства оказала на тебѣ свою силу?

При рѣшеніи сихъ вопросовъ нѣтъ нужды углубляться въ какія-либо ученыя изслѣдованія, или глубокія соображенія; на это, если угодно, можешь употребить другое время; теперь все, имѣющее видъ учености, охладило бы твое сердце. Довольно чрезъ простое размышленіе убѣдиться сердечно, что судилище исповѣди точно учреждено Самимъ Тѣмъ, Кто единъ имѣетъ власть оставлять грѣхи, вязать и рѣшить совѣсти;—что священнослужители суть въ семъ дѣлѣ только смиренные слуги, кои дѣлаютъ, что имъ велѣно дѣлать Домовладыкою, не прибавляя къ силѣ таинства ничего своимъ достоинствомъ и не отъемля у него ничего своимъ недостоинствомъ;—что сила покаянія христіанскаго состоитъ не въ поверхностномъ оставленіи нѣкоторыхъ пороковъ и принятіи вмѣсто ихъ нѣкоторыхъ добродѣтелей, а въ измѣненіи, таинственнымъ дѣйствіемъ благодати Божіей, самаго духа и сердца нашего,—въ обновленіи всей жизни;—что, наконецъ, сила исповѣди всецѣло зависитъ отъ вѣры въ заслуги Іисуса Христа, удовлетворившаго смертію Своею за грѣхи наши правосудію Божію. Вмѣстѣ съ симъ нужно сокрушеніе духа о грѣхахъ; надобно принять всѣмъ сердцемъ то главное условіе, подъ коимъ будетъ тебѣ преподано помилованіе, то есть, чтобы ты помилованный, впредь, при помощи Божіей благодати, началъ вести себя, какъ прилично послѣдователю Христову; праведно, цѣломудренно и благочестно.

Когда сіи главныя стороны въ таинствѣ покаянія и исповѣди ясны будутъ въ душѣ твоей и оживлены до того, что ты почувствуешь всю важность и благотворность сихъ таинствъ, и всею крѣпостію воли возжелаешь оживотвориться имъ для своего спасенія,—то ты сдѣлалъ свое дѣло.

Если бы трудно было самому по себѣ отвѣтить на что-либо въ вышепредложенныхъ вопросахъ,—не стыдись спросить у знающихъ, обратись за вразумленіемъ къ духовному отцу. Впрочемъ и съ сего священнаго мѣста будетъ преподано въ продолженіе сей седмицы понятіе о всѣхъ сихъ предметахъ, чѣмъ облегчится и дополнится собственное размышленіе каждаго.

Но есть въ семъ дѣлѣ нѣчто такое, чего никто, кающійся грѣшникъ, не можетъ сдѣлать для тебя и за тебя, хотя бы и усердно хотѣлъ оказать тебѣ сію услугу. Это слѣдующее: готовясь къ новой исповѣди, тебѣ надобно вспомнить хорошо твою исповѣдь прошедшую, разсмотрѣть, что послѣ ней произошло въ тебѣ: выполнилъ ли ты эпитимію, если была; сохранилъ ли себя отъ прежнихъ грѣховъ, или опять впадалъ въ нихъ, и что было того причиною? Далѣе—должно разсмотрѣть, что сказать предъ духовнымъ отцомъ, какъ поставить его скорѣе въ надлежащее познаніе твоего душевнаго состоянія, какого у него попросить совѣта, на какой вызваться, если то нужно, подвигъ покаянія? Сего, какъ самъ видишь, никто не можетъ сдѣлать за тебя; и къ этому всякъ, хотя-бъ былъ самый ограниченный по своимъ познаніямъ и способностямъ, завсегда способенъ. Сдѣлай же все это, дабы отецъ духовный могъ и скорѣе и вѣрнѣе видѣть твою душу и совѣсть, чтобы надежнѣе могъ предписать тебѣ врачевство духовное, чтобы тебѣ не придти въ замѣшательство предъ святымъ налоемъ и не тужить послѣ, что ты сдѣлалъ сіе важное дѣло не такъ, какъ должно.

О таинствѣ причащенія, если размышлять пространно, то надобно размышлять цѣлую вѣчность, ибо это святѣйшее таинство есть верхъ всемогущества, премудрости и любви Божіей къ намъ. Но для настоящихъ дней довольно, если разсмотришь съ участіемъ сердечнымъ—кто преподаетъ Святые Дары? что преподается въ нихъ? и кому преподается?

Господь Самъ не напрасно сказалъ при учрежденіи Тайной Вечери Апостоламъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе!* Посему, прежде нежели приступимъ къ чашѣ Завѣта, непремѣнно должно исполнить Его волю. Какъ исполнить? Воспомяни, во-первыхъ, какъ Сынъ Божій, тотчасъ по паденіи нашемъ въ раю, содѣлался нашимъ ходатаемъ, и принявъ на Себя удовлетвореніе за грѣхи наши, сказалъ Отцу: *се иду, еже сотворити волю Твою, Боже!* (Евр. 10, 7) иду пострадать и умереть за родъ человѣческій!—какъ потомъ дѣйствительно въ продолженіе многихъ вѣковъ, можно сказать, нисходилъ и приближался къ намъ въ обѣтованіяхъ и пророчествахъ;—какъ напослѣдокъ дней пришелъ

и воплотился отъ Дѣвы Маріи, будучи зачатъ Ею отъ Духа Святаго,—какъ при рожденіи Его пѣли Ангели, славили пастыри, поклонялись волхвы, а Иродъ неистовствовалъ и принудилъ Его бѣжать во Египетъ; вспомни, какъ Господь былъ обрѣзанъ осмодневно, принесенъ въ храмъ и принятъ Симеономъ; какъ потомъ тридцать лѣтъ проводилъ въ Назаретѣ, среди бѣдности и трудовъ; какъ, по крещеніи отъ Іоанна, по искушеніи въ пустынѣ, исшелъ на проповѣдь, училъ три года всѣхъ и каждаго, исцѣлялъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ, Самъ не имѣя гдѣ главы подклонить; не забудь особенно послѣднихъ дней Его жизни, воскрешенія Лазаря, входа въ Іерусалимъ, послѣдней вечери и послѣднихъ бесѣдъ съ учениками, среди коихъ установлено таинство причащенія;—потомъ кроваваго пота и молитвы въ саду Геѳсиманскомъ; потомъ безчестія и истязаній на судѣ Синедріона, Ирода и Пилата;—потомъ распятія и смерти на Голгоѳѣ, и, наконецъ, славнаго воскресенія. Пройдя такимъ образомъ памятію всю жизнь своего Спасителя до самаго Его вознесенія на небо съ Елеона, подумай, какъ много Онъ для тебя сдѣлалъ. И всего этого казалось Ему мало,—если Онъ не будетъ до скончанія вѣка питать тебя еще Божественною Плотію и Кровію Своею!...

Отъ Подателя обрати взоръ къ подаемому, къ чашѣ Завѣта, изъ коей ты будешь пить жизнь вѣчную. Замѣть, какъ проста наружность дара, и какъ необъятна его сила. Ибо для чего преподается Тѣло и Кровь Господа? Въ оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную,—для того, чтобы тебѣ наитѣснѣйшимъ образомъ соединиться съ Христомъ, и чрезъ сіе соединеніе очиститься, освятиться, обезсмертиться, обожиться, вознестись надъ всѣмъ сотвореннымъ. Что ни взглядъ на чашу Завѣта, то будетъ новая святая мысль и чувство; что ни новая мысль и чувство, то или просвѣщеніе, или обличеніе, или укрѣпленіе, или утѣшеніе.

Пораженный величіемъ предмета, ты невольно потомъ обратишь взоръ и на себя самаго: кто ты приступающій къ чашѣ Завѣта, ищущій соединенія съ Господомъ?—Не разсѣянный ли міролюбецъ, который хочетъ выполнить одинъ обрядъ церковный, чтобы не имѣть на себѣ въ обществѣ нареканія человѣка невѣрующаго? Не фарисей ли,

который до того замечтался о неукоризненности своего житія, что думаетъ сдѣлать нѣкотораго рода услугу храму, являясь въ немъ среди презираемыхъ имъ грѣшниковъ? Не храмлющій ли на оба колѣна христіанинъ, для коего кажется совершенно возможнымъ то, что такъ несовмѣстно, и по свидѣтельству Евангелія и по существу вещи, то есть, быть угоднымъ и вѣрнымъ Богу и міру, совѣсти и страстямъ?

Вообще надобно вникнуть, чувствуемъ ли мы нужду въ соединеніи съ Христомъ, есть ли въ насъ алчба духовная къ Божественному брашну Тѣла Его, есть ли жажда духовная къ Божественному питію Крови Его? есть ли желаніе сохранить столь великіе дары, по принятіи ихъ, въ чистой совѣсти и чистомъ житіи? есть ли рѣшимость оставить для сего то, что дѣлало насъ нечистыми и богопротивными, оставить не на день, не на седмицу, а навсегда.

Не безполезно, наконецъ, заранѣе помыслить и о томъ, куда, когда и какъ явиться для самой исповѣди, для самаго причащенія? Отъ малыхъ неожиданныхъ встрѣчъ можетъ зависѣть въ такомъ случаѣ не мало: можетъ встревожиться духъ, придти въ безпорядочное движеніе сердце, помутиться мысль, угаснуть чувство, а это въ такія минуты очень важно. Ибо, скажите сами, не подобныя ли подробности занимаютъ насъ и служатъ предметомъ размышленія для самыхъ важныхъ людей, когда дѣлаются приготовленія къ срѣтенію царя земнаго?... Ужели мы не сдѣлаемъ для Царя небеснаго того, что дѣлаемъ для владыкъ земныхъ?... Аминь.

Слово въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста

НА УТРЕНИ.

Не слишкомъ ли часто мы выходимъ предъ васъ съ наставленіемъ, не обременяемъ ли много въ самомъ началѣ подвига?—Но надобно скорѣе дойти до конца предмета, ибо раздѣлить бесѣду на разные дни, было бы неудобно для васъ и вашей памяти, хотя для насъ это было бы легче. Посему мы теперь же укажемъ вамъ третій и послѣдній главный предметъ, о коемъ вамъ въ настоящіе дни должно

размыслить со всѣмъ прилежаніемъ. Это новый образъ мыслей, чувствъ и дѣйствій, который слѣдуетъ принять вамъ по окончаніи св. говѣнія, дабы сохранить плоды его.

Да, братіе, если вы расположены принести покаяніе не на одну седмицу, или на одинъ постъ, а на всю жизнь; если желаете примириться съ Создателемъ и Господомъ своимъ не навремя, а навсегда, то въ васъ, по окончаніи сего святаго дѣла, должна произойти великая перемѣна,—большая, нежели какая бываетъ по вступленіи въ новое званіе или должность, большая нежели при самыхъ рѣшительныхъ и важныхъ обстоятельствахъ жизни. Ибо, что значатъ всѣ наши званія и должности предъ званіемъ сына и наслѣдника Божія во Христѣ Іисусѣ? что значатъ всѣ самыя разительныя обстоятельства жизни въ сравненіи съ тѣмъ великимъ чудомъ пакибытія, когда грѣшникъ изъ жертвы ада становится приснымъ въ дому Отца небеснаго?—Св. Писаніе, которое не любитъ и не можетъ преувеличивать предметовъ и понятій, называетъ истинное покаяніе новымъ твореніемъ. Но можно ли сдѣлаться новымъ твореніемъ, и не принять новаго образа мыслей, чувствъ и дѣйствій? равно какъ можно ли принять и сохранить его, не размысливъ прежде о немъ, и не усвоивъ его себѣ твердою рѣшимостью—жить и дѣйствовать Богоугодно?— Недостатокъ сего-то предварительнаго соображенія и рѣшимости служитъ главною причиною того, что все благое, производимое въ душѣ таинствами исповѣди и причащенія, остается безъ дальнѣйшаго дѣйствія, всѣ святые обѣты, при семъ даваемые Богу и себѣ, разсѣваются, можно сказать, въ воздухѣ, вскорѣ по выходѣ изъ церкви. Не принято заранѣе мѣръ къ сохраненію себя отъ прежней заразы; не обдумано надежныхъ средствъ къ поддержанію благаго расположенія, къ осуществленію святыхъ обѣтовъ,— и потому все благое, появившееся навремя въ душѣ, остается безъ плода; все прежнее зло опять вторгается въ сердце, при первомъ искушеніи,—не рѣдко съ большею силою. Имѣя въ виду все сіе, или, лучше сказать, страдавъ столько разъ отъ сего, вы теперь, чтобы не потерять снова благодати помилованія, постараетесь, заранѣе, найти какъ можно болѣе самыхъ надежныхъ средствъ къ тому, чтобы оградить себя отъ подобнаго несчастія. И въ ободреніе вамъ должно сказать, что если въ чемъ, то въ сихъ средствахъ нѣтъ не-

достатка. Сколько представляетъ ихъ также св. Церковь, которая возраждаетъ насъ къ духовной жизни таинствами покаянія и причащенія! Самое устройство жизни нашей, по премудрому распоряженію Промысла Божія, таково, что при различныхъ соблазнахъ и искушеніяхъ, вокругъ насъ всегда находится не малое число средствъ къ нашему спасенію; надобно только умѣть знать свое положеніе и имѣть искреннее желаніе имъ пользоваться.

При размышленіи о будущемъ поведеніи своемъ, должно обратить особое вниманіе на три вещи: 1) что вамъ въ вашемъ образѣ мыслей, занятій и дѣйствій оставить? 2) что вновь принять и усвоить? 3) и что измѣнить болѣе или менѣе?

Надобно разсмотрѣть, что оставить? напр., посѣщеніе театра, или чтеніе сладострастныхъ книгъ, или употребленіе излишнихъ снѣдей, отъ коихъ страдало если не цѣломудріе тѣла, то чистота сердца. Что оставить? напр., знакомство и бесѣды съ такимъ-то вольнодумцемъ или человѣкомъ безнравственнымъ, коего мысли и слова, какъ дымъ, если и не производятъ пламени, то всегда чернятъ стѣны дома и портятъ зрѣніе. Что оставить? напр., духъ недовольства и строптивости, отъ коего, хотя онъ повидимому и не выходитъ вовсе изъ предѣловъ, какъ отъ медленнаго огня, постоянно страдаетъ чувствительность твоихъ подвластныхъ или слугъ.

Надобно разсмотрѣть, что принять въ будущемъ за правило для себя? Если пренебрежены были доселѣ, или не пользовались всѣмъ должнымъ уваженіемъ у тебя домашняя и общественная молитвы, то надобно опредѣлить, какъ отселѣ вознаградить сіе важное опущеніе, какіе часы употреблять на молитву и чтеніе Св. Писанія дома, какіе дни или часы посвящать на хожденіе въ храмъ. Подобнымъ образомъ, если доселѣ оставляемо было вовсе безъ вниманія душевное состояніе твоихъ домашнихъ, то надобно сообразить, какъ заняться и занять ихъ самихъ дѣломъ ихъ спасенія, какія открыть имъ къ тому средства и чѣмъ заохотить ихъ къ сему.

Надобно разсмотрѣть и рѣшить, что измѣнить въ своей жизни, будетъ ли это самое важное, напр., родъ и образъ жизни, или самое, повидимому, маловажное, напр., образъ и цвѣтъ одежды. Ибо, въ дѣлѣ спасенія, какъ и въ другихъ дѣлахъ, важное не рѣдко зависитъ отъ малаго, и изъ малостей слагается великое.

Во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, надобно при размышленіи имѣть въ виду то, чтобы найти и взять, какъ можно болѣе, надежныхъ мѣръ къ воспрепятствованію вторгаться въ душу прежнимъ порокамъ и страстямъ, къ безпрепятственному развитію въ себѣ новой благодатной жизни, по всѣмъ ея видамъ и направленіямъ, къ укорененію себя въ вѣрѣ, любви и упованіи христіанскомъ, къ соединенію въ духѣ съ Господомъ и Спасителемъ своимъ.

При семъ весьма хорошо сдѣлаетъ тотъ, кто обдумавъ планъ своего будущаго поведенія, предложитъ его на разсмотрѣніе какого-либо опытнаго благочестиваго человѣка, всего ближе—на разсмотрѣніе своего духовнаго отца. Весьма хорошо поступитъ и тотъ, кто, будучи въ состояніи писать, положитъ сей планъ на бумагу, будетъ какъ можно чаще перечитывать его, имѣть предъ своими глазами и повѣрять имъ свое новое поведеніе.

Не излишне будетъ, если кто, составивъ себѣ главныя правила поведенія, произнесетъ торжественно обѣтъ поступать по нимъ неуклонно. Давидъ былъ не хуже насъ, и однакоже, для удержанія себя на пути закона, прибѣгалъ даже къ клятвѣ: *кляхся* говоритъ онъ, *и поставихъ сохранити судьбы правды Твоея!*

Если вы возьмете такимъ образомъ заранѣе всѣ мѣры къ сохраненію въ себѣ слѣдовъ и плодовъ покаянія, то можете быть увѣренными, что благодать помилованія, столько разъ доселѣ принимаемая туне, теперь не будетъ тща въ васъ; вы не возвратитесь паки на прежнее, но будете идти тѣмъ спасительнымъ путемъ вѣры, смиренія и любви, на который поставятъ васъ святыя таинства Церкви. Аминь.

Слово въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста

НА ЧАСАХЪ.

Желая вамъ полнаго успѣха на поприщѣ святаго говѣнія, мы, братіе, приглашали васъ оставить среди сей недѣли, если можно, всѣ житейскія дѣла ваши, дабы всѣ мысли и чувства свои сосредоточить *въ единомъ на потребу*. Но теперь должны пригласить васъ къ совершенію нѣкоторыхъ дѣлъ именно въ продолженіе сей недѣли. Мало пригласить, хотимъ обя-

зать васъ къ сему, и обязать подъ опасеніемъ: въ случаѣ непослушанія, потери всего плода отъ подвиговъ и трудовъ вашихъ. Такъ поступимъ мы не по своей волѣ или умозрѣнію, а по волѣ Того, въ десницѣ Коего мы и дыханіе наше. Ибо слышите ли гласъ Его? — *Егда стоите,* говоритъ, *молящеся, отпущайте, аще что имате на кого: да и Отецъ вашъ, Иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша. Аще ли же вы не отпущаете, ни Отецъ вашъ, Иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Марк. 11, 25 — 26). Если и всегда такое правило у небеснаго Судіи, то кольми паче нынѣ, когда мы явимся предъ Него съ согрѣшеніями всей нашей жизни! — Подобнымъ образомъ въ другомъ мѣстѣ говорится: *аще принесеши даръ твой къ олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя; остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой* (Матѳ. 5, 23 — 24). Если Царь небесный не хочетъ принять отъ насъ самихъ никакого дара безъ примиренія съ ближнимъ нашимъ, то благоволитъ ли дать намъ Свой даръ, и такой даръ, какъ Тѣло и Кровь Сына Его, если мы явимся для принятія сего дара, не освободившись совершенно отъ всякой вражды съ ближнимъ?

Послѣ сего нѣтъ нужды и спрашивать, какое то дѣло, которое первѣе всего вамъ надобно сдѣлать въ сіи дни: всякъ, кто хочетъ принять оставленіе грѣховъ, удостоиться причащенія Тѣла и Крови Господней не въ судъ и осужденіе, долженъ прилежно осмотрѣться: нѣтъ ли у него вражды съ кѣмъ-либо? и если окажется, что есть это несчастіе, то должно простить оскорбившему его отъ всего сердца, простить такъ, чтобы о винѣ его не было и воспоминанія. Вмѣстѣ съ симъ должно постараться расположить, если можно, и враждующаго къ подобному прощенію, обратить его изъ врага въ собрата. Труденъ сей сугубый подвигъ?—Что дѣлать, когда такъ хочетъ Судія и Господь, къ Коему ты долженъ явиться для принятія отъ Него прощенія въ твоихъ грѣхахъ: мы не можемъ перемѣнить ни единой черты въ Его повелѣніи. Впрочемъ, такъ ли велика трудность, какъ представляется?... Что, если бы тебѣ приказалъ сдѣлать это же самое государь?—Не простилъ ли бы ты самую жестокую обиду, изъ уваженія къ его слову?—Не пошелъ ли бы

для примиренія къ самому закоренѣлому врагу своему? — А если бы ты еще имѣлъ несчастіе подпасть преступленію и казни, и тебѣ бы предложено было, для избѣжанія ея, оказать прощеніе своему врагу, вѣроятно, что тогда ты тотчасъ облобызалъ бы врага своего какъ брата, какъ избавителя. А для примиренія съ Царемъ небеснымъ кажется тяжелымъ, когда требуютъ примиренія съ твоимъ врагомъ? А для избѣжанія казни вѣчной—трудно сказать недоброжелателю ласковое слово?—Не явный ли это знакъ, что мы ни во что ставимъ слово Царя небеснаго, не боимся праведнаго гнѣва Его, не знаемъ цѣны того Тѣла и той Крови, ко вкушенію коихъ приступаемъ?...

«Но, зачѣмъ, скажешь, мнѣ еще идти ко врагу и говорить съ нимъ? довольно простить его совершенно». Зачѣмъ идти?— Затѣмъ, что такъ велитъ, какъ ты слышалъ, Спаситель твой. Онъ лучше насъ съ тобою знаетъ, что намъ должно дѣлать. «Довольно простить врага, не видавшись съ нимъ». Нѣтъ, сего мало. Такимъ образомъ исцѣлишься ты одинъ, а онъ останется въ недугѣ, а Врачъ душъ хочетъ, чтобы вы оба были здоровы, ибо врагъ твой есть также членъ Тѣла Его, какъ и ты. И, скажи, пожалуй, если теперь Спасителю и Господу твоему не настоять на совершенное погашеніе вражды между вами, то когда сдѣлать это? Теперь ты самъ ищешь милости, просишь отпущенія грѣховъ, и слѣдовательно долженъ быть расположенъ къ милости. И вотъ Господь премилосердый, пользуясь симъ случаемъ, у тебя самого проситъ милости же, ищетъ отпущенія грѣховъ брату твоему, и, посылая тебя къ нему,—хочетъ, чтобъ ты былъ врачемъ и для твоего недугующаго собрата.

«Но врагъ мой такъ золъ на меня, что или не приметъ меня; или окажетъ мнѣ презрѣніе, причинитъ новую досаду, и я возвращусь отъ него ни съ чѣмъ». Нѣтъ ты во всякомъ случаѣ возвратишься съ великою пользою. Не приметъ, презритъ, досадитъ? — Пусть! это для тебя новый вѣнецъ. Ты сдѣлалъ свое дѣло исполнилъ волю Спасителя, оказалъ самоотверженіе, которое тѣмъ будетъ для тебя плодоноснѣе, чѣмъ благоразумнѣе ты будешь умѣть перенести новую непріятность. Но я не думаю, чтобы изъ сотни враговъ и недоброжелателей нашлось хотя два, кои бы рѣшились обижать человѣка, ищущаго съ ними примиренія по-христіански.

Нѣтъ, человѣческая природа, какъ она ни груба и зла бываетъ, все не камень, не желѣзо, и особенно ничто ее такъ не трогаетъ, какъ смиреніе и любовь христіанская. Сколько ни разсказываютъ о подобныхъ случаяхъ и встрѣчахъ, всегда слышишь, что они оканчивались очень хорошо: врагъ пораженный христіанскимъ смиреніемъ и именемъ Іисуса Христа, трогается, смягчается, бросаетъ свою ненависть. «Но у меня, скажешь, съ врагомъ моимъ заведено уже дѣло въ судѣ; мнѣ поздно возвращаться назадъ; насъ рѣшитъ одинъ законъ». А въ твоей и его душѣ развѣ нѣтъ закона? а совѣсть твоя и его развѣ не первый судія? рѣши самъ дѣло по совѣсти, и представь рѣшеніе на совѣсть его; сдѣлай, сколько можно, христіанскихъ уступокъ изъ твоихъ правъ и поставь ихъ въ цѣну примиренія; такимъ образомъ въ минуту рѣшались самыя многолѣтнія и запутанныя тяжбы. Но, какъ бы ни поступилъ въ семъ случаѣ твой врагъ, ты по крайней мѣрѣ съ своей стороны сдѣлаешь, что повелѣваетъ тебѣ Господь Спаситель твой. А безъ сего сколько бы священникъ ни говорилъ: прощено, разрѣшено, ты не получишь разрѣшенія.

Изъ другихъ благочестивыхъ дѣлъ, приличныхъ особенно настоящей седмицѣ, болѣе всего надобно указать на дѣла милосердія. Не напрасно сказано Самимъ Спасителемъ: *блаженни милостивіи, яко тіи помиловани будутъ;* не напрасно еще въ Ветхомъ Завѣтѣ говорено: *грѣхи твоя милостынями, и неправды твоя щедротами убогимъ искупи* (Дан. 4, 24). Посему намъ, ищущимъ теперь прощенія и милости у Господа, всего приличнѣе явиться къ Нему за симъ, по оказаніи милости ближнимъ нашимъ. Нужно ли въ семъ отношеніи какое-либо вразумленіе отъ насъ? — Если нужно, то мы скажемъ — властелину, въ рукахъ коего участь многихъ тысячъ подобныхъ ему людей: дай, если не свободу, то хотя ослабу тѣмъ, кои служебными отношеніями къ тебѣ видимо стѣсняются въ развитіи данныхъ имъ отъ Бога способностей и силъ, даже въ исполненіи обязанностей своихъ къ Богу и ближнимъ;—евангельскому богачу скажемъ: раздери рукописаніе долга, коимъ связанъ предъ тобою бѣдный отецъ многочисленнаго семейства,—посѣти темницу и искупи тѣхъ, кои томятся тамъ за долги,—прими подъ кровъ свой малолѣтняго сироту и дай ему воспитаніе; — всякому скажемъ:

удѣли, что можешь, отъ избытковъ, даже отъ скудныхъ стяжаній твоихъ, и подай во имя Іисуса Христа бѣдному: лепта твоя такъ же будетъ Имъ принята, какъ и богатый даръ богатаго, ибо Господь ищетъ не обилія даровъ, а сердца нашего. Аминь.

Слово въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста

НА ЧАСАХЪ.

Между средствами, кои находятся въ собственныхъ рукахъ вашихъ, мы поставили и молитву. Уже по сему самому, братіе, вы можете видѣть, что мы не разумѣемъ подъ нею молитвословій церковныхъ, въ коихъ вы постоянно будете участвовать и безъ нашего напоминанія. Не разумѣемъ и вашихъ собственныхъ обыкновенныхъ молитвъ, коими вы, какъ добрые христіане, начинаете и оканчиваете каждый день:— молитвы сіи, совершаемыя всегда, всего менѣе могутъ быть опущены нынѣ. Нѣтъ, мы имѣемъ въ виду молитву особенную, которая важностію своею превосходитъ всѣ прочія, и между тѣмъ для многихъ вовсе неизвѣстна, и потому требуетъ особеннаго указанія. Это молитва покаянія, съ сердечнымъ прошеніемъ о томъ, чтобы Господь Самъ далъ намъ духа покаянія и вѣры въ заслуги нашего Спасителя, Самъ произвелъ въ насъ нераскаянное отвращеніе ко грѣху, освободилъ навсегда сердце наше отъ глубины любви къ міру, и утвердилъ насъ въ познаніи и исполненіи заповѣдей Своихъ.

Ибо надобно знать намъ, братіе, и знать твердо. что, безъ всемогущаго содѣйствія благодати Божіей, грѣшникъ, сколько бы ни желалъ и не усиливался, никакъ не можетъ, самъ по себѣ, оставить навсегда путь грѣха и сдѣлаться человѣкомъ добродѣтельнымъ. Сколько бы мы ни рѣшались бросить свои злые навыки, сколько бы ни употребляли средствъ къ тому, сколько бы ни каялись, ни воздыхали, ни начинали измѣнять своего поведенія: доколѣ Самъ Господь не разорветъ узъ, насъ связующихъ, мы все останемся рабами грѣха; будемъ только перемѣнять однѣ худыя склонности на другія, грубыя на тонкія. Такова участь грѣшника! Повидимому, странно, почему я не могу перестать грѣшить, когда могъ прежде грѣшить и не грѣшить; но въ самомъ дѣлѣ такъ.

Выраженіе этой печальной невозможности исправить себя совершенно—безъ помощи свыше, можно видѣть даже во внѣшней жизни человѣка. Каждый, если хочетъ, можетъ упасть съ какой угодно высоты и разбиться въ прахъ, а взойти опять на высоту, упавши и разбившись, не можетъ. Можно отнять у себя въ одно мгновеніе даже жизнь, а возвратить ее себѣ никто не въ силахъ. Такъ и грѣшникъ: онъ посредствомъ грѣха отнимаетъ жизнь у своего духа, но возвратить ее можетъ ему одинъ Богъ. Посему-то святая Церковь, при самомъ началѣ поприща покаянія, начала возглашать въ слухъ нашъ: *покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!*—давая знать симъ, гдѣ намъ должно искать своего воскресенія отъ смерти грѣховной.

Въ настоящіе дни покаянія, братіе, вы должны усвоить себѣ молитву сію во всей силѣ. Ибо теперь должна рѣшиться вѣчная судьба ваша. Чтобы разогрѣть для сей молитвы свое сердце, чтобы произнести ее предъ Отцемъ небеснымъ съ тѣмъ *воплемъ крѣпкимъ,* который проходитъ небеса,—для сего, братіе, представьте себѣ съ одной стороны совершенную невозможность вамъ освободиться отъ зла, васъ снѣдающаго—собственными силами, съ другой—обѣтованіе Спасителя, что все, о чемъ мы будемъ молить Отца небеснаго во имя Его, будетъ услышано. Имитесь обѣими руками за сіе благодатное обѣтованіе, и станьте съ нимъ предъ лице Господа; станьте и просите перемѣны своего сердца на лучшее. Просите, *ни что же сумняся;* просите, не дѣлая никакихъ условій; просите, какъ просилъ бы помощи утопающій сынъ, увидѣвъ на брегѣ роднаго отца. Въ подкрѣпленіе своего прошенія, можете сказать, что вы готовы отказаться отъ всѣхъ прочихъ—земныхъ даровъ, только бы вамъ ниспосланъ былъ даръ истиннаго покаянія;—что вы согласны претерпѣть для сего самыя ощутительныя лишенія и скорби, согласны на потерю имуществъ, чести, здоровья, самой жизни временной, только бы возвращено было вамъ погубленное вами здравіе душевное, только бы дарована вамъ была жизнь вѣчная. Первѣе же и паче всего укажуйте Отцу на заслуги Его единороднаго Сына, скажите, что вы молитесь и просите во имя Его, отъ лица Его, въ силѣ Его, что Онъ васъ послалъ и обѣщалъ вамъ услышаніе.

Если какая молитва, то подобная, можетъ потребовать

того, чтобы она принесена была во внутренней клѣти, по затвореніи всѣхъ дверей, впрочемъ она должна быть первою и послѣднею молитвою вашею и въ храмѣ; всѣ прочія молитвы должны быть только или приготовленіемъ къ ней, или ея послѣдствіемъ.

Къ ободренію вашему въ семъ святомъ дѣлѣ, мы можемъ и должны сказать вамъ, братіе, и сказать не отъ своего лица, не по своему соображенію, а отъ лица Господа и Спасителя нашего, что сія покаянная молитва, коль скоро приносится отъ сердца и въ духѣ вѣры, не можетъ быть не услышана. Во всемъ прочемъ можетъ быть намъ отказано, а въ спасеніи нашемъ никогда, никогда!.. Аминь.

Слово въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста

НА ЧАСАХЪ.

Многіе изъ васъ, братіе, владѣютъ способностію читать и разумѣть письмена; нѣкоторые до того привыкли къ чтенію книгъ, что не могутъ дня провести безъ сей душевной пищи. Не совѣтуемъ рѣшительно и мы оставлять среди сихъ дней вовсе чтенія. Но какое чтеніе прилично настоящимъ днямъ? Явно, не то, какое бываетъ въ другія времена. Прилично ли, напр., въ настоящіе дни взять въ руки какую-либо повѣсть, написанную для одного время-препровожденія, какъ бы она впрочемъ ни была благонамѣренна? Часовъ, остающихся за часами Богослуженія и благочестиваго размышленія, такъ не много, что истратить ихъ на чтеніе чего-либо не прямо душеполезнаго и священнаго, было бы знакомъ явнаго невниманія къ собственному спасенію.

Что же теперь прилично читать любителямъ чтенія?

Въ отвѣтъ на сіе, я спрошу васъ, во что вы надѣетесь вступить съ Богомъ чрезъ таинство покаянія и причащенія?— Не въ новый ли завѣтъ вѣры, любви, упованія и вѣрности до смерти?—Итакъ читайте первѣе всего Завѣтъ Новый, начертанный для всѣхъ насъ, можно сказать, не тростію и черниломъ, а Кровію Господа и Спасителя нашего. Тутъ увидите вы сущность и всѣ условія блаженнаго союза Бога съ человѣкомъ, который нарушенъ грѣхами нашими, и въ

который мы паки вступаемъ чрезъ вѣру и покаяніе. Если бы для кого чтеніе всего Новаго Завѣта было неудобоисполнимо, такой прочти хотя одно изъ четырехъ Евангелій, въ коихъ повѣствуется о воплощеніи и смерти Сына Божія. Чтеніе Новаго Завѣта съ великою пользою можетъ быть предварено чтеніемъ хотя первыхъ главъ изъ Завѣта Ветхаго, въ коихъ описывается паденіе нашихъ праотцевъ, а въ лицѣ ихъ и всего человѣчества,—съ его ужасными послѣдствіями для всѣхъ насъ. Такое чтеніе есть ближайшее и естественное приготовленіе къ чтенію и разумѣнію Завѣта Новаго. Ибо надобно узнать важность болѣзни, чтобы научиться дорожить врачемъ и врачевствомъ. Кто увидитъ всю бездну паденія человѣческаго (а ея нельзя не увидѣть, прочетши хотя три главы изъ книги Бытія), тотъ не можетъ не чувствовать горячайшей любви къ Тому, Кто пришелъ извлечь насъ изъ сей бездны и Коего дѣянія и смерть описаны въ Завѣтѣ Новомъ. Послѣ Евангелія весьма полезно прочесть хотя одно изъ посланій Апостольскихъ, особенно посланіе къ Римлянамъ, гдѣ изображено ужасное состояніе человѣка въ состояніи естественномъ, безъ вѣры въ Сына Божія, и блаженное состояніе человѣка, оправданнаго сею вѣрою, освященнаго благодатію Духа Святаго. Святая Церковь сама подаетъ намъ примѣръ чтенія Новаго Завѣта, возглашая на послѣдней седмицѣ поста, какъ вы сами знаете, въ слухъ нашъ всѣ четыре Евангелія. Въ продолженіе настоящей седмицы она не дѣлаетъ сего, можетъ быть для того, чтобы мы теперь дѣлали это сами.

Послѣ чтенія Священнаго Писанія, если достанетъ времени и усердія, весьма полезно и прилично для многихъ, если не для всѣхъ, прочитать священный катехизисъ, гдѣ, отъ лица самой Церкви, для всѣхъ чадъ ея изложена сущность нашея вѣры и нашихъ обязанностей, предметъ нашего упованія и молитвъ. Это можетъ оказать не малую помощь при духовномъ испытаніи самихъ себя,—предъ исповѣдію, при обозрѣніи нашей вѣры и нашихъ обязанностей. Въ катехизисѣ не найдешь новости?—Но ея нѣтъ и въ зеркалѣ: оно всегда одно и то же; однакоже ты нерѣдко смотришься въ него. Зеркало открываетъ новости къ тебѣ, такъ и катехизисъ. Смотря въ сіе зерцало вѣры, надежды и любви, ты можешь открыть въ себѣ, въ своемъ образѣ мыслей и по-

веденіи, много такого, чего не откроютъ тебѣ другія, самыя ученыя и краснорѣчивыя книги.

Если и за симъ чтеніемъ останется время, то употреби Его на чтеніе такихъ твореній, коими возбуждается духъ покаянія христіанскаго. Благодаря матерней попечительности святой Церкви, мы не имѣемъ недостатка въ книгахъ сего рода. Однѣ бесѣды святаго Златоуста о покаяніи и трогательныя покаянныя поученія святаго Ефрема Сирина достаточны умилить сердце каждаго читателя. Изъ отечественныхъ Отцевъ Церкви первый проповѣдникъ покаянія есть святый Димитрій Ростовскій. Чего не вышло изъ-подъ его христіанскаго пера на пользу кающихся грѣшниковъ? Онъ оставилъ намъ и трогательное поклоненіе страданіямъ Спасителя, и благоговѣйное размышленіе о таинствѣ Евхаристіи, и молитву исповѣданія предъ Богомъ кающагося грѣшника. Подобное должно сказать о произведеніяхъ блаженнаго Тихона Воронежскаго. Какъ мудро обнажаетъ онъ грѣхъ отъ всѣхъ прикрасъ его и указуетъ его ядовитость! Какъ отечески входитъ въ положеніе несчастнаго грѣшника! Какъ кротко зоветъ его ко Спасителю! Какъ трогательно указуетъ на крестъ и язвы Христовы!

Послѣ сихъ совѣтовъ для читающихъ, что сказать вамъ, кои лишены умѣнія читать?—Вы, братіе, слушайте со вниманіемъ, что читается здѣсь, ибо здѣсь читается все, что необходимо нужно для спасенія. А если бы вамъ и послѣ сего завидна была участь читающихъ, то я скажу вамъ: *читайте сами!*—читайте—въ вашей совѣсти! Письмена ея понятны каждому, а что написано въ совѣсти нами самими, то для насъ важнѣе всего пишемаго другими. Всѣ книги человѣческія исчезнутъ современемъ, а свитокъ совѣсти останется одинъ съ нами. Чтеніе изъ него одного предложится на страшномъ судѣ Божіемъ. Итакъ прежде, нежели будетъ читанъ свитокъ сей *тамъ*, читайте его какъ можно чаще, со всѣмъ вниманіемъ, *здѣсь*. И не читайте только, а и старайтесь исправлять. Всѣ прочія книги только читаются; отъ нихъ можно и должно перемѣняться читающимъ, а ихъ перемѣнить намъ нельзя. А свитокъ совѣсти таковъ, что его должно читать и исправлять, для того и читать, чтобы исправлять. Аминь.

Слово во вторникъ первой недѣли Великаго поста

НА УТРЕНИ.

Вострубите трубою въ Сіонѣ, освятите постъ, проповѣдите цѣльбу, и воззовите ко Господу усердно (Іоил. 2, 1. 1, 14).

Для чего при началѣ поста, по слову Пророка, надлежало вострубить трубою и проповѣдать цѣльбу?—Казалось бы, постъ требуетъ противнаго, благоговѣйнаго молчанія, или возвѣщенія тихаго,—проповѣди не объ исцѣленіи, а о смиреніи и воздержаніи. Трубятъ трубою, когда хотятъ дать знать о чемъ-либо далеко стоящимъ, или тяжело слышащимъ, проповѣдуютъ исцѣленіе такимъ больнымъ, кои думаютъ, что они совершенно здоровы и не имѣютъ нужды во врачеваніи, или отчаяваются получить его. Итакъ, вѣрно всѣ таковые люди были въ древнемъ Израилѣ. Въ Израилѣ новомъ—между христіанами, гдѣ столько духовнаго свѣта, столько благочестивыхъ опытовъ и Божественныхъ силъ для духовныхъ подвиговъ, казалось бы, менѣе мѣста для сомнѣній о необходимости и пользѣ святаго поста. Но, по ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, и здѣсь труба пророческая оказывается не излишнею. И въ насъ, какъ въ древнихъ Израильтянахъ, чувственный человѣкъ ни противъ чего не возстаетъ такъ, и съ своею силою и съ своимъ безсиліемъ, какъ противъ святаго поста. Посѣщать богослуженія, приступать къ исповѣди, принимать Святыя Тайны, для сего—каяться, молиться, воздыхать и плакать,—на все это охотно соглашаются иногда люди самые чувственные, но подчинить себя правиламъ воздержанія, предписываемымъ Церковію, возложить на себя иго святаго поста,—это кажется для многихъ, изъ самыхъ нехудыхъ христіанъ, слишкомъ тяжелымъ, ненужнымъ, даже опаснымъ. Такимъ образомъ святый постъ изъ друга, какимъ бы надлежало ему быть для всѣхъ, превращается для нѣкоторыхъ едва не во врага: вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ нему, какъ къ врачевству, бѣгутъ отъ него, какъ отъ болѣзни. Сами чувствуете, братіе, можно ли духовнымъ врачамъ быть хладнокровными зрителями такого положенія дѣлъ.—Итакъ не дивитесь, если мы воспріиемъ навремя трубу, указуемую Пророкомъ, и посвятимъ нѣсколько минутъ

на разобраніе несчастной тяжбы между нашею чувственностію и цѣльбоносною силою святаго поста.

Я сказалъ, что противъ святаго поста чувственный человѣкъ нашъ возстаетъ и съ своею силою и съ своимъ безсиліемъ. Въ самомъ дѣлѣ, послушайте тѣхъ, кои не любятъ поста; одни изъ нихъ говорятъ: «я не могу поститься, для меня нѣтъ нужды въ постѣ; чего другіе желаютъ достигнуть чрезъ постъ, у меня то самое есть безъ поста». Явно, что это голосъ силы—мнимой или истинной—увидимъ послѣ. Другіе говорятъ совершенно другое: «постъ могъ быть для меня полезенъ, но я не могу поститься; это средство весьма дѣйствительное, но оно выше моей немощи». Такъ говоритъ, явно, безсиліе—мнимое или истинное—также увидимъ послѣ. Сообразно съ симъ, обратимъ, братіе, вниманіе прежде на сильныхъ, а потомъ на безсильныхъ нелюбителей святаго поста.

Что есть люди, кои менѣе другихъ имѣютъ нужду въ постѣ,—это несомнѣнно: какъ можно сравнять въ семъ отношеніи сына роскоши—богача евангельскаго, и сына нищеты—Лазаря? Кромѣ сего, извѣстное сложеніе тѣла, образъ воспитанія, особенный родъ жизни и занятій, извѣстное настроеніе духа, дѣлаютъ нѣкоторыхъ людей, въ отношеніи къ добродѣтели, безъ поста почти такими, какими другіе могутъ содѣлаться только посредствомъ продолжительныхъ постовъ. Все это справедливо; но не менѣе вѣрно, братіе, и то, что всѣ такіе, скажемъ не обинуясь, весьма счастливые въ отношеніи къ дѣлу своего спасенія, люди имѣютъ нужду въ постѣ. Для убѣжденія въ семъ ихъ самихъ, довольно предложить имъ одинъ слѣдующій вопросъ: имѣютъ ли они нужду въ покаяніи? признаютъ ли себя грѣшниками, больными духомъ и сердцемъ, и потому имѣющими нужду въ исцѣленіи своея совѣсти?—Безъ сомнѣнія. Но есть ли какая-либо болѣзнь, которая врачевалась бы пресыщеніемъ, для коей не было бы нужно воздержаніе и діэта?—Въ отношеніи къ тѣлу—нѣтъ, а въ отношеніи къ душѣ можетъ быть?—Намѣреваясь врачевать отъ чего-либо плоть свою, вы будете прибѣгать къ воздержанію и лишеніямъ, а, приступая къ врачеванію души, будете позволять чреву своему все, что угодно? Не странное ли противорѣчіе?—Согласимся, что постъ вовсе не нуженъ вамъ (чего однакоже быть не мо-

жетъ), какъ оплотъ противъ чувственности и пороковъ; такъ онъ нуженъ вамъ, какъ ограда вашихъ добродѣтелей: вы не надѣетесь чрезъ него пріобрѣсти что-либо для духа, такъ возьмите его въ помощь, чтобы не потерять пріобрѣтеннаго. Адамъ въ раю былъ не ниже васъ совершенствомъ; возмнилъ обойтись безъ поста,—и что вышло?—Лотъ среди самаго Содома процвѣталъ добродѣтелями; внѣ Содома сложилъ съ себя постъ,—и что произошло?—Положимъ, что вы и безъ поста не впадете въ пороки грубые; но если впадете и не въ грубые безъ поста, и это важный вредъ: ядъ тонкій и медленный все ядъ, и вы никогда не рѣшитесь принимать его. И какъ поступаете вы, думающіе теперь обойтись безъ поста, когда находитъ какая-либо всеобщая опасная болѣзнь? Надѣясь на всю силу и крѣпость, оставляете ли вы предосторожности? Напротивъ, вы часто берете ихъ болѣе, нежели люди слабые. А зараза грѣха для васъ ничего не значитъ?—Когда всѣ ограждаютъ себя спасительными учрежденіями Церкви, вы думаете безопасно провождать духовную жизнь, продолжая удовлетворять пожеланіямъ чувственности?—И что, наконецъ, за сила духа, которая выражаетъ себя рабствомъ плоти?—Что это за здравіе души и тѣла, которое не можетъ обойтись безъ крика и вопля закалываемыхъ животныхъ? Ты и безъ поста твердъ въ правилахъ добродѣтели? Покажи же эту силу и твердость въ обузданіи твоихъ чувственныхъ пожеланій. И безъ поста думаешь быть истиннымъ христіаниномъ? Докажи же своею покорностію распоряженіямъ общей матери Церкви, что ты точно сынъ ея, а не противникъ. Ты говоришь, что имѣешь и безъ поста искреннюю любовь къ ближнимъ?—Какъ же ты не боишься, явно нарушая правила поста, подать имъ поводъ къ соблазну? Не такъ поступалъ Апостолъ, дѣйствительно сильный духомъ и искренно любившій ближнихъ: *аще,* говоритъ онъ, *брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во вѣки!* (1 Кор. 8, 13). Вотъ истинная сила духа и любовь къ ближнимъ!—То самое наконецъ, что непостящійся произвольно отдѣляется отъ всего сонма православныхъ чадъ Церкви постящихся, есть уже весьма худой признакъ. Добродѣтельному Урію предложено было нѣкогда, во время брани Израильтянъ съ Амаликитянами, войти навремя въ свой домъ для успокоенія; но онъ съ чувствомъ святаго негодо-

ванія отвѣчалъ: *Кивотъ Божій, и Израиль, и Іуда пребываютъ въ кущахъ, азъ же вниду ли въ домъ мой ясти и пити?* (2 Цар. 11, 11). А вы, мнимо сильные духомъ, хотите поступать напротивъ! Кивотъ Божій въ церкви покрытъ завѣсою печали, весь Израиль и Іуда въ кущахъ,—всѣ православные сыны Церкви постятся, а вы располагаетесь ясти и пити?

Другихъ противниковъ поста я назвалъ безсильными, потому что, въ отраженіи отъ себя благодѣтельной силы поста, они опираются на свою немощь. «Я,—обыкновенный отзывъ таковыхъ,—я по немощи своей не могу поститься, хотя бы и хотѣлъ.» Что отвѣчать таковымъ? Упрекать ли ихъ въ немощи? Да не будетъ! Мы призваны врачевать немощное. Не можете поститься, сколько желали бы,—поститесь, сколько можете; такимъ образомъ сами увидите, что вы можете гораздо болѣе, нежели думаете. Намѣреніе святой Церкви не наложить на кого-либо чрезъ постъ новую, а сложить чрезъ него со всѣхъ прежнюю тяжесть. Только смотри, въ чемъ состоитъ сія невозможность поститься:—не въ тяжести ли нѣкоторой и непріятности для чувственнаго человѣка отъ первыхъ дѣйствій?—Но это неизбѣжное слѣдствіе почти всѣхъ врачествъ, въ ихъ первомъ дѣйствіи,—что они сначала ослабляютъ больныхъ, даже кладутъ иногда въ постель, чтобы возвратить имъ силу и здоровье. Не удивительно, что и постъ начнетъ свое дѣйствіе ослабленіемъ нашего ското-человѣка; въ семъ самомъ выражается цѣлебная сила его; изъ этого всего менѣе должно брать побужденіе слагать съ себя постъ. Надобно быть терпѣливымъ, продолжать употребленіе врачевства, и смотрѣть, что будетъ далѣе. Смѣемъ увѣрить васъ, братіе, что чѣмъ вы будете терпѣливѣе и постояннѣе въ употребленіи святаго поста, тѣмъ скорѣе увидите его благотворное надъ собою дѣйствіе. По прошествіи первыхъ припадковъ тяжести и негодованія отъ раздражительности чувственнаго человѣка, лишеннаго обычной пищи,—тяжесть тѣла будетъ проходить, смущеніе чувствъ замѣнится тишиною сердечной, горечь врачевства постепенно обратится въ сладость, такъ что, наконецъ, даже чувственный человѣкъ вашъ не въ состояніи будетъ сказать ничего противъ поста, и самъ охотно подпишетъ свой приговоръ.

«Но я долженъ въ семъ случаѣ опасаться за свое здоровье, мое сложеніе слишкомъ слабо и разстроено.»—Это возраженіе самое употребительнѣйшее и самое благовидное въ устахъ нашего чувственнаго человѣка. Не будемъ и мы ослаблять его — дадимъ ему напротивъ всю силу. Вѣримъ, любезный собратъ, что твое опасеніе основательно, что отъ поста можетъ потерпѣть нѣсколько здоровье твоего тѣла, но—если ты за сію жертву получишь здравіе души?—Ужели послѣднее менѣе первой? ужели ты не согласишься промѣнять крѣпость тѣла на силу духа?—Если такъ, то ты, явно, печешься болѣе о тѣлѣ, нежели о душѣ,—мѣняешь небо на землю, не желаешь искренно своего спасенія... Но я чувствую, что такой языкъ слишкомъ возвышенъ для многихъ изъ насъ. Увы, отъ нынѣшнихъ христіанъ нельзя требовать, чтобы они согласились промѣнять прямо землю на небо!— Пойдемъ другимъ путемъ. Ты опасаешься постомъ разстроить свое здоровье? — Что-жъ, если мы скажемъ тебѣ, что благоразумный постъ есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ возстановленію самаго разстроеннаго здоровья? Духовнымъ врачамъ съ трудомъ повѣрятъ въ семъ случаѣ, спросите тѣлесныхъ врачей, и они скажутъ вамъ то же самое; — увѣрятъ, что симъ однимъ способомъ—постомъ, благоразумно употребляемымъ, можно врачевать самыя опасныя и неисцѣльныя болѣзни,—что вообще сей, если угодно такъ назвать, методъ врачеванія особенно дѣйствителенъ въ тѣхъ недугахъ, отъ коихъ страдаетъ нынѣшнее, разслабленное, человѣчество.

Хотите ли, братіе, видѣть отчасти, какъ именно святый постъ дѣйствуетъ къ возстановленію силъ нашего тѣла?— Чтобы заставить васъ полюбить сіе спасительное врачевство изъ самыхъ чувственныхъ выгодъ его для здравія тѣлеснаго, я оставлю навремя тонъ проповѣдника и приму голосъ естествоиспытателя. Тѣло наше не напрасно сравнивается съ машиною, искусно устроенною. Движеніе сей машины заводится и поддерживается двумя способами: дыханіемъ и питаніемъ. Дыханіе есть нѣчто непрестанно дѣйствующее, безъ чего нельзя жить. Тутъ нѣтъ мѣста посту; хотя и здѣсь полезна умѣренность. Питаніе не таково: оно необходимо, но по временамъ; непрестанное питаніе причинило бы смерть. Это указаніе самой природы на постъ, какъ на средство къ поддержанію здравія. Притомъ питаніе есть вещь многослож-

ная въ своемъ производствѣ: нельзя безъ изумленія видѣть, сколько труда бѣдному тѣлу надъ пищею, чтобы превратить ее въ сокъ и кровь. Какъ ни прочно устроены для сего органы питанія, но отъ непрестанной работы они утомляются и ослабѣваютъ до того, что не въ состояніи бываютъ отправлять своего дѣла, какъ должно. Отсюда разстройство органовъ питанія, а отселѣ—необозримое полчище болѣзней. Посему одна изъ главныхъ цѣлей науки врачебной есть возстановленіе должнаго дѣйствія органовъ питанія. Но какъ возстановить его? Первѣе и надежнѣе всего—прекращеніемъ работы изнурительной. Это самое внушаетъ намъ уже сама природа, лишая насъ при болѣзняхъ каждый разъ побужденія къ пищѣ, и производя отвращеніе къ ней. Надобно только повиноваться и тотчасъ обращаться къ посту. Призванный вовремя, сей врачъ скоро поправляетъ все дѣло самымъ простымъ и естественнымъ образомъ. Не имѣя новаго матеріала для работы органы пищеваренія во время поста доканчиваютъ всѣ прежніе уроки свои; продолжаютъ потреблять все, съ разныхъ временъ оставшееся, и что остаткомъ своимъ тяготило ихъ и все тѣло. Истощивъ свой собственный запасъ, сіи органы собираютъ и употребляютъ запасные соки, находящіеся по всему тѣлу, кои, оставаясь долго безъ употребленія и перемѣны, также портятся и портятъ тѣло; истощивъ и это, обращаютъ свое дѣйствіе на самихъ себя, исправляютъ, такъ сказать, и поновляютъ на досугѣ весь свой снарядъ, скрѣпляютъ ослабѣвшее, возбуждаютъ отъ безчувствія уснувшее, стягиваютъ расширенное, отверзаютъ заглохшее, и такимъ образомъ приводятъ себя въ состояніе дѣйствовать правильно снова. Поелику же отъ органовъ питанія зависитъ весь составъ тѣла, то благотворныя дѣйствія, въ нихъ совершающіяся, быстро отзываются во всемъ тѣлѣ: обращеніе крови и соковъ нервныхъ становится правильнѣе и свободнѣе; излишки и недостатки въ разныхъ видахъ и мѣстахъ исчезаютъ; жизненная сила, не подавляемая болѣе тяжестію плоти, не истощаемая непрестанною работою, пробуждается, оживаетъ и дѣлается способною исправлять сама собою многія, даже важныя поврежденія. А такимъ образомъ непримѣтно проходятъ самыя упорныя болѣзни.

Послѣ таковыхъ дѣйствій поста на здравіе тѣла, — а я

не увеличилъ, а развѣ много ослабилъ ихъ, желая въ описаніи ихъ избѣжать того, что не для всѣхъ понятно, — не въ правѣ ли мы, братіе, измѣнить теперь свой голосъ, и вмѣсто того, чтобы защищать постъ отъ жалующихся на слабость здравія. предложить его имъ, какъ самое главное врачевство? Вамъ жаль вашего тѣлеснаго состава, вашего слабаго сложенія? Сжальтесь же надъ нимъ дѣйствительно, и призовите на помощь святый постъ, котораго требуетъ самая природа тѣла вашего. Какъ? вы даете покой машинамъ въ вашихъ работныхъ храминахъ, и не дадите его никогда своему чреву? Вы погашаете по временамъ лампаду, чтобы дать время очистить ее́, и хотите, чтобы внутрь васъ непрестанно горѣлъ огонь, и чтобы, не смотря на сіе, тамъ было все всегда чисто? — Пусть бѣдный стомахъ вашъ узнаетъ, хотя изрѣдка, что надъ нимъ благоразумный владыка, дающій ослабу, а не тиранъ, изнуряющій непрестанною работою. Въ награду за сіе получите не тягость и слабость, коихъ столько опасаетесь, и кои скоро пройдутъ, а крѣпость, живость, легкость и особенное нѣкое чувство здравія, коего вы теперь не имѣете. Самый позывъ на пищу, испорченный отъ непрестаннаго пресыщенія, сдѣлается живѣе, тонѣе, благороднѣе, и удовлетвореніе его будетъ сопровождаться гораздо большимъ удовольствіемъ, теперь для васъ вовсе недовѣдомымъ.

Въ заключеніе сего изображенія благотворныхъ дѣйствій святаго поста для самаго тѣла, не излишнимъ почитаю, братіе, указать вамъ на примѣры людей, кои не одну Четыредесятницу, а всю жизнь провождали въ постѣ. Сколько бы, вы думаете, жили они? умирали преждевременно? не достигали послѣднихъ предѣловъ жизни?—Нѣтъ, большею частію, далеко переходили за нихъ: иной жилъ восемьдесятъ, другой девяносто, иной болѣе ста лѣтъ.

Послѣ сего для самыхъ животолюбивыхъ, самыхъ чувственныхъ людей ничего болѣе не остается, какъ облобызать воздержаніе и возлюбить святый постъ. Аминь.

Слово во вторникъ первой недѣли Великаго поста

НА ЧАСАХЪ.

Вострубите трубою въ Сіонѣ, освятите постъ, проповѣдите цѣльбу, воззовите ко Господу усердно (Іоил. 2, 1, 1, 14).

Приглашеніе сіе такъ ясно, что его можно было понять съ перваго раза. И однакоже пророкъ, не смотря на краткость своего пророчества и разнообразіе предметовъ, о коихъ предлежало ему говорить, обращаетъ его къ народу еврейскому дважды (Іоил. 2, 15). Ежели и слово пророческое о постѣ, слово сильное и живое вдохновеніемъ Божественнымъ, имѣло нужду въ повтореніи, чтобы достигнуть своей цѣли, то удивительно ли, что наше слово, которое богато однимъ усердіемъ къ вѣчному благу душъ вашихъ, отзовется иногда объ одномъ и томъ же предметѣ въ слухъ вашъ нѣсколько разъ?—Если бы мы даже иногда простерли усердіе свое и до нѣкоего излишества, то и въ семъ случаѣ,—молимъ любовь вашу,—*потяжко пріимите насъ*. Ибо, скажемъ словами Апостола, мы проповѣдуемъ вамъ, не яко да сами *искусни явимся, но да вы доброе сотворите; мы же яко неискусни будемъ* (2 Кор. 13, 7).

Итакъ, послѣдуя слову пророческому, обратимся паки къ святому посту. Въ прошедшій разъ мы видѣли благотворное дѣйствіе его на самый тѣлесный составъ нашъ; теперь посмотримъ на то, какъ онъ врачуетъ души и сердца наши.

Одно изъ самыхъ лучшихъ одобреній врачевству, коль скоро оно употребляется всѣми, это знакъ, что всѣ, или, по крайней мѣрѣ, весьма многіе, испытали надъ собою его благодѣтельную силу. Смотрите же теперь, гдѣ нѣтъ поста?—У іудея — постъ, у магометанина—постъ, у язычника — постъ; въ Индіи постятся, въ Китаѣ постятся, постятся даже у дикихъ народовъ. Что могло расположить народы, столь противоположные, полюбить столь противное чувственности нашей средство, какъ не твердое убѣжденіе въ его общеполезности?—И откуда это убѣжденіе въ пользѣ поста, какъ не отъ испытанія ея на самомъ дѣлѣ? За другія средства могли стоять или умозрѣніе, или естественныя наклонности, или выгода: за постъ кто и что станетъ?—Одинъ опытъ. И сей опытъ, надобно сказать, въ отношеніи къ посту, такъ

великъ, что простирается далѣе предѣловъ человѣчества. Ибо что не постится на землѣ?—Животныя?—И они постятся, пребывая по временамъ безъ пищи, а нѣкоторыя наблюдая въ семъ какъ бы нѣкую особую заповѣдь въ извѣстныя времена. Растенія?—И у нихъ есть постъ; и они не всегда равно получаютъ питательные соки изъ земли, въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ вкушая весьма малую пищу. Самая земля пріемлетъ на себя въ урочныя времена видъ постящейся, а иногда, напримѣръ во время засухи и зимы, подвергается какъ бы особенно наложенному на нее посту.

Для чего такая всеобщность поста въ природѣ?—Для возстановленія изнуренныхъ силъ. Казалось бы, питаніе должно подкрѣплять и возстановлять силы всего живущаго, и однакоже одного питанія не достаточно для сего: нуженъ постъ, какъ возстановитель силъ самого питанія.

Послѣ сего уже не трудно судить, можетъ ли обойтися падшій человѣкъ безъ сего всевозстановляющаго средства, то есть поста?—Напротивъ, для человѣка постъ есть, можно сказать, природное средство къ возстанію. Ибо съ чего началось и въ семъ состояло первое паденіе наше? Въ томъ, что мы, въ лицѣ прародителя нашего, не соблюли поста. Если бы постъ былъ сохраненъ въ раю,—говоритъ одинъ учитель Церкви,—человѣкъ и доселѣ оставался бы въ раю, а мы можемъ сказать, что если бы постъ былъ сохраняемъ и внѣ рая, то мы паки давно приблизились бы къ Эдему. Ибо съ чего и теперь начинается паденіе каждаго изъ насъ?—Съ нарушенія заповѣди о постѣ. Не соблюлъ поста во взорѣ и слухѣ?—потеряна чистота сердца. Не соблюдено поста въ мысляхъ и умозрѣніи?—отворена дверь вольномыслію и невѣрію. Нарушенъ постъ въ желаніяхъ?—дѣлаешься рабомъ любостяжанія и гордости. Пренебреженъ постъ языка и устъ? вышелъ кощунъ и празднословъ. А что, наконецъ, бываетъ, когда постъ и воздержаніе вовсе удаляются отъ трапезы? Въ такомъ случаѣ нерѣдко прилагаются скотамъ несмысленнымъ даже такіе люди, коимъ повидимому, суждено было стоять выше человѣчества. Что же, братіе, послѣ сего дивнаго, если святая Церковь, принимая васъ на свои руки для врачеванія духовнаго въ настоящее время, первѣе всего, посредствомъ поста, старается затворить и изсушить главный источникъ зла, насъ снѣдающаго?

Постъ однимъ появленіемъ своимъ уже разсѣеваетъ многочисленную толпу безпорядковъ и соблазновъ; сравните нынѣшніе дни съ прошедшею недѣлею: гдѣ прежде были безчинныя собранія, тамъ тишина и порядокъ; не видно людей, безчестящихъ природу человѣческую; не слышно кликовъ, раздирающихъ цѣломудренный слухъ; каждый идетъ степенно къ своему дѣлу; встрѣчается ли съ кѣмъ-либо—не заводитъ пустыхъ рѣчей; даже споритъ ли—споритъ мирно; даже гнѣвается ли—гнѣвается умѣренно. Если бы кто, видѣвши городъ прежде, посмотрѣлъ на него теперь, и не зналъ, что наступилъ святый постъ, то подумалъ бы, что съ нами произошло какое-либо чудо. А въ чемъ это чудо? Въ постѣ. Затворенъ источникъ зла, и сами собою изсякли протоки. Безъ сомнѣнія, такая благотворная перемѣна въ городѣ предполагаетъ перемѣну на лучшее и въ домахъ; и тамъ теперь все должно быть тише и благообразнѣе: мужъ менѣе терпитъ отъ сварливой и упрямой жены; жена не столько страдаетъ отъ гордаго и нечувствительнаго мужа; дѣти менѣе преданы шумнымъ играмъ; слуги не такъ развлекаются услугами, не столько воздыхаютъ отъ прихоти господъ; самымъ домашнимъ животнымъ болѣе теперь ослабы; самыя бездушныя вещи, употребляемыя обыкновенно въ хозяйствѣ, теперь какъ бы отдыхаютъ. Все это произвелъ постъ однимъ появленіемъ своимъ.

Но это еще только предначинательное дѣйствіе врачевства; при дальнѣйшемъ правильномъ употребленіи поста, вмѣстѣ съ другими духовными врачевствами, онъ проникаетъ до самой глубины проказы грѣховной, и возвращаетъ человѣку здравіе душевное не на нѣсколько дней, или недѣль, а на всю жизнь. Чтобы видѣть, какимъ образомъ происходитъ сіе, низойдемъ мыслію къ самому главному источнику зла, насъ снѣдающаго.

Отчего мы, и желая быть добрыми, слѣдовать во всемъ закону Божію, остаемся рабами своихъ похотей и страстей? Оттого, что въ насъ превращенъ порядокъ вещей:—тѣло наше должно бы служить орудіемъ души и быть въ полномъ подчиненіи разсудку, а у насъ душа служитъ орудіемъ тѣла и рабствуетъ его наклонностямъ. Мало сего: плоть, господствуя надъ духомъ, употребляя его непрестанно по своимъ чувственнымъ, нечистымъ видамъ, до того ослабляетъ и уни-

жаетъ духъ, что онъ не въ состояніи бываетъ служить даже хорошимъ орудіемъ для тѣла, самъ грубѣетъ, плотянѣетъ, даже вовсе теряется и какъ бы исчезаетъ; смотря на такихъ людей, мы невольно бываемъ принуждены вопрошать: есть ли въ такомъ человѣкѣ душа?—Самъ Господь, когда посмотрѣлъ предъ потомъ на подобныхъ людей, то нашелъ, что они—одна плоть. *Не имать Духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3).

Послѣ сего явно, братіе, что то средство должно назвать превосходно дѣйствующимъ для нашего исправленія, коимъ наиболѣе освобождается духъ изъ-подъ рабства плоти. А что первѣе и наиболѣе можетъ содѣйствовать сему освобожденію, какъ не св. постъ?—Чувственный человѣкъ наиболѣе преданъ пищѣ и питію; чрево, по выраженію Апостола, есть его *богъ*; и вотъ этотъ самый кумиръ ниспровергается самымъ первымъ дѣйствіемъ поста, который посему всегда, какъ ни появляется, есть уже знаменіе владычества духа надъ плотію, есть вѣстникъ освобожденія его отъ рабства. Чѣмъ далѣе и строже соблюдается постъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ свобода духа: кто въ состояніи лишать себя, когда только захочетъ, вовсе пищи, тотъ явно еще болѣе въ состояніи лишить себя пищи роскошной, тому еще легче обойтись безъ вредныхъ для чистоты сердца зрѣлищъ, безъ шумныхъ и убійственныхъ игръ, безъ чтенія соблазнительныхъ и пустыхъ книгъ, безъ щегольства въ нарядахъ и пр. А такая возможность располагать собою и ограничивать себя уже сама по себѣ весьма много значитъ, ибо ея-то и недостаетъ у многихъ, и отъ сего-то недостатка многіе не смотря на доброту сердца и множество благихъ чувствованій, весь вѣкъ проводятъ въ рабствѣ плоти и міру, слѣпымъ прихотямъ и страстямъ. Доставляя такую свободу духу и такое владычество надъ тѣломъ, св. постъ упрочиваетъ все сіе тѣмъ, что съ одной стороны отнимаетъ у тѣла многія, вредныя для духа, качества, съ другой даетъ духу силу и крѣпость для поддержанія своего святаго достоинства. Сравните свое тѣло до поста и послѣ поста, даже непродолжительнаго; вы увидите, что самая тяжесть его значительно измѣнилась. Вслѣдствіе поста тѣло наше получаетъ легкость и удободвижимость: кто едва могъ преклонить главу для выраженія своей покорности предъ своимъ Создателемъ,

тотъ свободно уже можетъ повергаться предъ Нимъ на землю въ духѣ покаянія. За легкостію слѣдуетъ умиреніе всѣхъ чувствъ тѣлесныхъ: безчинныя взыгранія плоти, отъ коихъ часто страдаютъ самые лучшіе изъ людей, незнакомыхъ съ постомъ, исчезаютъ сами собою, какъ кипѣніе въ сосудѣ, подъ коимъ потушенъ огнь; яростныя движенія при неудовольствіяхъ и огорченіяхъ, если не прекращаются вовсе, то теряютъ силу, какъ стрѣлы, пускаемыя изъ лука, у коего ослаблена тетива. Облегченное, умиренное такимъ образомъ тѣло, вмѣсто того что самый духъ прежде доводило до огрубѣнія и оплотянѣлости, само тонетъ и какъ бы одухотворяется, съ охотою слѣдуетъ за всѣми движеніями духа, легко переноситъ подвиги любви и самоотверженія, начинаетъ, по выраженію Давида, радоваться *о Богѣ живѣ и утренневать ко храму святому*. Посему, когда приходитъ самая смерть для разлученія души отъ тѣла, то, найдя ихъ въ законномъ отношеніи другъ къ другу, не видя, чтобы духъ былъ со всѣхъ сторонъ опутанъ узами плоти, совершаетъ разлученіе ихъ скоро и тихо, не употребляя для сего лютыхъ потрясеній и страданій. Самое тлѣніе не смѣетъ простерть обычнаго ему облака смрада на тѣло, освященное постомъ: составъ его разрѣшается въ чистотѣ, какъ весенній снѣгъ при сіяніи утренняго солнца.

Уже по сему можете судить, братіе, какъ должно быть хорошо душѣ подъ осѣненіемъ св. поста. Воспріявъ владычество надъ плотію, не связуемая ея требованіями и прихотями, она начинаетъ новую, себѣ сродную жизнь и дѣятельность. Попеченія ея уже не устремляются на удовлетвореніе однѣмъ нуждамъ чувственнымъ; время дотолѣ траченное въ удовольствіяхъ, проводится или въ Богомысліи, или въ подвигахъ любви и смиренія. Каждая способность души является послѣ поста въ другомъ, лучшемъ видѣ; зеркало совѣсти, не затемняемое дыханіемъ плоти, становится чище и отражаетъ въ себѣ гораздо яснѣе законъ Божій и беззаконія наши, даетъ видѣть самыя незначительныя пятна, самыя невеликія уклоненія съ царскаго пути долга; воля принимаетъ силу на управленіе всего корабля души и, сосредоточенная въ дѣлѣ спасенія, прямо устремляетъ его къ вѣчному пристанищу; воображеніе, не загроможденное образами нуждъ и утѣхъ плотскихъ, живописуетъ предметы

священные, крестъ и страданія Спасителя, страшный судъ, блаженство праведныхъ и мученія грѣшныхъ; память вѣрнѣе отдаетъ свой залогъ, не скрываетъ пеленою забвенія прежнихъ грѣховъ, пренебреженныхъ уроковъ Промысла, опущенныхъ случаевъ къ самоисправленію, неисполненныхъ обѣтовъ; разсудокъ легче и связнѣе судитъ о предметахъ духовныхъ, скорѣе рѣшаетъ недоумѣнія совѣсти, громче твердитъ о нуждѣ примиренія съ Богомъ и пріуготовленія себя къ вѣчности, въ сердцѣ является теплота, и проторгается источникъ святыхъ чувствованій, отъ коихъ невольно текутъ очистительныя слезы покаянія; вкусъ очищается, получаетъ отвращеніе не только къ грубымъ, но и утонченнымъ наслажденіямъ плоти, и наклонность къ радостямъ и утѣшеніямъ духовнымъ; словомъ, вся душа со всѣми ея мыслями, желаніями, намѣреніями, чувствами принимаетъ направленіе высшее, тонѣетъ, сосредоточивается, живѣетъ, одухотворяется: весь человѣкъ измѣняется на лучшее. Посему, когда наступаетъ время употребленія другихъ духовныхъ врачевствъ: исповѣди и св. причащенія, то они находятъ уже человѣка приготовленнымъ. Благодать Божія, на расчищенномъ отъ поста полѣ. спокойно совершаетъ свое сѣяніе и жатву въ жизнь вѣчную.

Изображая такимъ образомъ благотворныя дѣйствія поста, я братіе, какъ сами видите, ограничиваюсь самыми очевидными, обыкновенными и, такъ сказать, неизбѣжными его дѣйствіями, ограничиваюсь потому. чтобы представить его въ удобопріемлемомъ для каждаго изъ васъ видѣ. Какихъ чудесъ не открылось бы за симъ, если бы, идя по лѣствицѣ опытовъ святыхъ людей, мы рѣшились взойти на самый верхъ, и оттуда посмотрѣть, что производилъ и, слѣдовательно, что можетъ производить св. постъ! Вы увидѣли бы, какъ Моисей, послѣ четыредесятидневнаго поста, дѣлается способнымъ принять на Синаѣ законъ, среди громовъ, молній и бурь;—какъ Илія, послѣ такого же поста, удостоивается на Хоривѣ видѣть славу Божію, и потомъ самъ возносится съ плотію на небо на колесницѣ огненной;—какъ Предтеча воспитывается постомъ въ человѣка, болѣе коего *не воста въ рожденныхъ женами;*—какъ Самъ Спаситель не прежде исходитъ на подвигъ спасенія всего міра, какъ приготовившись четыредесятидневнымъ постомъ въ пустынѣ; какъ Апо-

столы пребываютъ въ постѣ, ожидая сошествія Св. Духа, и снова предаются посту предъ каждымъ важнымъ дѣломъ;—какъ Свѣтильники Церкви, Василіи, Григоріи, Златоусты, находятъ въ постѣ неистощимый елей для горѣнія на свѣщникѣ Церкви;—какъ обращаются къ посту, за духовною помощью, самые вожди народа, равноапостольные Константины, Іустиніаны, Владиміры;—какъ постъ образуетъ цѣлый сонмъ Ангеловъ во плоти, коихъ святыя и нетлѣнныя тѣлеса составляютъ драгоцѣнное сокровище нашего града *). Но о всѣхъ сихъ чудесахъ св. поста намъ довольно упомянуть: это доля избранныхъ Божіихъ; для насъ достаточно, если постъ послужитъ къ исцѣленію собственной души нашей отъ язвъ грѣховныхъ. И онъ послужитъ къ сему, если мы возлюбимъ его сердечно; если, возлюбивъ, будемъ благоразумно употреблять сіе врачевство. Благоразумно, говорю, ибо не должно сокрывать, что врачевство св. поста, какъ и всякое врачевство, можетъ быть употребляемо неправильно, и, употребляемое такимъ образомъ, можетъ, подобно всякому врачевству, не приносить пользы, даже обращаться во вредъ.

Послѣ сего, братіе, если для васъ дорого здравіе душевное, вы по необходимости должны спросить: какъ надобно поститься, чтобы получить всю духовную пользу отъ поста?—Но вопросъ сей такъ важенъ, что разрѣшеніе его не можетъ быть поверхностнымъ, и потому мы займемся имъ въ слѣдующій разъ. А до того времени, молимъ васъ—размыслить о слышанномъ и начать повѣрять то, сколько можно, собственнымъ вашимъ опытомъ, который, безъ сомнѣнія, откроетъ вамъ гораздо болѣе, нежели сколько можно было, по краткости времени, сказать вамъ отсюда. Аминь.

Слово въ среду первой недѣли Великаго поста

НА УТРЕНИ.

Вострубите трубою въ Сіонѣ, освятите постъ, проповѣдите цѣльбу, воззовите ко Господу усердно (Іоиль 2, 1. 1, 14).

Освятите постъ!—Но развѣ постъ самъ по себѣ не святъ, что его надобно освящать?

*) т. е. Кіева.

Нѣтъ, братіе, постъ самъ въ себѣ святъ и чистъ, а бываетъ не святъ по причинѣ нашей нечистоты, подобно тому, какъ чистый и золотой сосудъ теряетъ чистоту и благолѣпіе отъ прикосновенія къ нему рукъ и устъ нечистыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на постящихся: одинъ, предавшись посту, думаетъ неяденіемъ явствъ вознаградить закону и правдѣ Божіей за свои грѣхи, и, въ ложномъ мечтаніи о своей святости, позволяетъ себѣ презирать какъ грѣшниковъ, всѣхъ, кто не постится подобно ему: — не нужно ли освятить такой—горделивый постъ—смиреніемъ? Другой, въ жару благочестивой, но необдуманной ревности, вдругъ предается посту до того, что дѣлаетъ себя неспособнымъ къ исправленію дѣлъ своего званія:—не должно ли и сей—неразумный—постъ освятить благоразуміемъ христіанскимъ?— Третій, ограничивая постъ тѣломъ и его нуждами, нисколько не думаетъ о пощеніи духовномъ, о воздержаніи отъ страстей, о дѣлахъ любви и благочестія: и сей односторонній и безплодный постъ, явно, требуетъ освященія посредствомъ внутренняго самоотверженія, богомыслія, молитвъ и благотворительности.

Итакъ, братіе, желая освятиться посредствомъ поста, освятимъ прежде по слову Пророка, самый постъ. Какимъ образомъ? Во-первыхъ, освобожденіемъ нашего поста отъ неправильныхъ понятій о немъ, кои превращаютъ его и отнимаютъ у него силу; во-вторыхъ,—правильнымъ употребленіемъ нашихъ пощеній и ближайшимъ направленіемъ къ ихъ цѣли; наконецъ, соединеніемъ поста съ другими дѣлами вѣры и любви.

Мы назвали святый постъ врачевствомъ для души. Такое понятіе о постѣ уже не мало помогло намъ въ изображеніи его благотворныхъ дѣйствій. Сего же понятія о постѣ, не смотря на простоту его, достаточно будетъ и теперь, дабы вывести изъ него всѣ главныя правила, кои должно соблюдать намъ во время поста.

Постъ есть врачевство души и тѣла; посему тотъ былъ бы въ жалкомъ заблужденіи, кто, понадѣясь на силу своего поста, возмнилъ бы найти въ немъ одномъ средство къ примиренію съ Богомъ, къ удовлетворенію закону и правдѣ Божіей, къ вознагражденію за свои грѣхи, къ уплатѣ долга совѣсти. Врачеваніемъ своихъ болѣзней не платятъ своихъ

долговъ, не вознаграждаютъ обидъ, причиненныхъ кому-либо, не примиряются съ закономъ. Преступникъ исцѣленный отъ болѣзни посредствомъ чего бы то ни было, все—преступникъ. Для освобожденія отъ угрожающей казни нужно не здоровье, а совсѣмъ другое—оправданіе или помилованіе. Вы знаете, Кѣмъ и какъ доставлено всѣмъ намъ это Божественное оправданіе и вмѣстѣ помилованіе, — заслугами и крестною смертію Сына Божія, за насъ подъятою. Посему кто возмнилъ бы безъ вѣры въ заслуги и смерть Спасителя однимъ постомъ удовлетворить на судѣ правдѣ Божіей за свои грѣхи, тотъ симъ самымъ показалъ бы совершенно ложное понятіе и о правдѣ Божіей и о своихъ грѣхахъ. Какое удовлетвореніе закону Божію въ томъ, что мы не вкушаемъ пищи? Всесвятой правдѣ Божіей, оскорбленной нашими грѣхами, не могутъ удовлетворить самыя добродѣтели наши, ибо всѣ онѣ суть непремѣнный долгъ нашъ. Ей удовлетворяетъ, какъ мы сказали, одна смерть Сына Божія, за насъ подъятая. Посему, чтобы нашъ постъ былъ дѣйствителенъ и благопріятенъ Господу, мы должны удалять отъ него всякое понятіе, какъ о жертвѣ за грѣхи, а представлять его только средствомъ къ ослабленію въ насъ пагубной наклонности къ чувственности и постыднаго рабства плоти, и вмѣстѣ съ симъ должны, какъ можно болѣе, освящать его вѣрою въ заслуги Искупителя, которая одна, усвояя ихъ душѣ нашей, симъ самымъ оправдываетъ насъ предъ Богомъ. Вотъ первое освященіе поста—вѣрою и упованіемъ!

Постъ есть врачевство для души и тѣла; посему и тотъ, явно, поступилъ бы вопреки самому существу поста, кто, соблюдая постъ, думалъ бы, что по тому самому онъ имѣетъ право превозноситься надъ всякимъ, кто не постится, подобно ему. Гордятся ли множествомъ лекарствъ, или продолжительнымъ употребленіемъ ихъ? Напротивъ, это часто почитаютъ нужнымъ скрывать. Зачѣмъ же ты будешь превозноситься своимъ постомъ?—Если онъ великъ, то это знакъ, что ты еще малъ. Если онъ продолжителенъ, то безъ сомнѣнія потому, что болѣзнь твоя упорна, или здравіе не надежно. Чѣмъ тутъ превозноситься?—Ближній твой не постится, подобно тебѣ? Можетъ быть, онъ уже здравъ духомъ и не имѣетъ нужды въ семъ врачевствѣ; можетъ быть, это врачевство принимается имъ въ другомъ видѣ, нежели въ ка-

комъ принимаешь ты. Хотя бы онъ былъ духовно мертвъ безъ врачевства, тобою употребляемаго, все ты можешь и долженъ только сожалѣть и молиться о немъ, а не гордиться тѣмъ, что ты постигъ силу врачевства и употребляешь его какъ должно. Но ты никакъ не можешь употреблять его какъ должно, доколѣ не освятишь своего поста смиреніемъ. Ибо общая болѣзнь человѣческая, которую ты предпринялъ врачевать въ себѣ постомъ и покаяніемъ, главнымъ образомъ состоитъ въ самолюбіи и гордости. Посему-то святая Церковь никогда такъ громко и многократно не молитъ Господа, какъ во время поста, о томъ, чтобы Онъ даровалъ каждому изъ насъ *зрѣти своя прегрѣшенія и не осуждати брата своего*. Стоитъ онъ? своему Господеви стоитъ. Падаетъ? своему Господеви падаетъ, Который всегда силенъ возставить его. Всякъ долженъ смотрѣть за собою: стоитъ ли онъ,—не падаетъ ли онъ?—Это второе, необходимое освященіе поста—смиреніемъ!

Постъ есть врачевство для души и тѣла; посему его надобно и употреблять какъ врачевство. Какъ употребляются лекарства? Большею частію не вдругъ, а постепенно, въ извѣстной мѣрѣ. Употребленіе всего врачевства вдругъ, во многихъ случаяхъ, причинило бы смерть. Постъ, по самому существу своему, принадлежитъ къ врачевствамъ, употребляемымъ не вдругъ. Посему тотъ поступилъ бы безразсудно, кто, рѣшившись прибѣгнуть къ посту для врачеванія своей души, вдругъ лишилъ бы себя пищи на слишкомъ долгое время. Вмѣсто пользы, отсюда можетъ произойти вредъ; такимъ образомъ постящійся сдѣлается неспособнымъ къ дѣламъ званія своего, ослабѣетъ, даже можетъ подвергнуть опасности свою жизнь. Тогда что пользы:—одно нареканіе на постъ. Святые подвижники постились весьма долгое время, но какъ?—пріучивъ себя къ тому постепенно. Парить за сими орлами къ облакамъ могутъ только подобные имъ орлы; для насъ довольно начать приподниматься отъ земли. Усовершишься въ полетѣ,—тогда стремись и далѣе.

Что еще наблюдаютъ при употребленіи врачевствъ?—Соразмѣряютъ ихъ съ возрастомъ, тѣлосложеніемъ и другими обстоятельствами врачуемаго. То же надобно наблюдать и при употребленіи поста. Безразсудно было бы малолѣтнему, или престарѣлому, или немощному возложить на себя такой

постъ, какой могутъ переносить только возрастные, крѣпкіе и полные жизни. Святая Церковь, какъ чадолюбивая матерь, не забыла обратить вниманіе на все сіе; и какъ сама уставила правила снисхожденія примѣнительно къ положенію постящихся, такъ поставила въ обязанность дѣлать то-же самое духовнымъ отцамъ, при наложеніи на кающихся поста, въ видѣ епитимій. Послѣ сего намъ остается только быть внимательными къ своему положенію и пользоваться благоснисходительнымъ руководствомъ святой Церкви и ея пастырей. Это третье освященіе поста—благоразумнымъ употребленіемъ его, по мѣрѣ своихъ силъ и нуждъ.

Постъ есть врачевство для души; посему во время поста надобно смотрѣть не на одно тѣло, а паче на душу. И при врачеваніи тѣлесныхъ недуговъ, состояніе души много значитъ; потому врачи и совѣтуютъ, при употребленіи лекарствъ, наблюдать какъ можно болѣе душевнаго спокойствія, не думать о томъ или другомъ предметѣ, стараться занимать воображеніе тѣмъ, что есть лучшаго. Кольми паче нужно это при употребленіи поста. Какое вредное было бы противорѣчіе—тѣло лишать пищи, а душѣ въ то же время позволять предаваться мірскимъ помысламъ, яростнымъ движеніямъ, порывамъ самолюбія или ненависти! Это значило бы другою рукою разрушать то, что насаждается и созидается одною.

Спросите: какія занятія особенно приличны посту?—Во-первыхъ, молитва, общественная и домашняя; потомъ самоиспытаніе или изслѣдованіе своей жизни и совѣсти, размышленіе о предметахъ вѣры, особенно о жизни и ученіи, страданіяхъ и смерти за насъ нашего Спасителя; далѣе—примиреніе со всѣми врагами и прощеніе обидъ, дѣла человѣколюбія и благотворительности;—чтеніе слова Божія и душеспасительныхъ книгъ, бесѣда съ людьми благочестивыми, и тому подобное. Каждое изъ сихъ средствъ помогаетъ дѣйствію поста, увеличиваетъ его силы, услаждаетъ его горечь, и такимъ образомъ освящаетъ нашъ постъ.

Наконецъ, постъ есть врачевство сильное и необходимое, но вмѣстѣ съ симъ отнюдь не единственное, а пріуготовительное къ другимъ, высшимъ, духовнымъ врачевствамъ; посему, предаваясь посту, надобно всегда имѣть въ виду дальнѣйшую цѣль, то-есть, покаяніе, исповѣдь и причащеніе Св. Таинъ. Постъ долженъ помочь тебѣ первѣе всего вый-

ти изъ-подъ власти чувственности, уничтожить силу и власть плотскихъ страстей, дать свободу и удобность обозрѣть свою жизнь, узнать, какъ можно вѣрнѣе, язвы своей совѣсти, найти главную страсть, тебя снѣдающую, расположить искренно искать отъ ней исцѣленія, рѣшиться однажды и навсегда—начать жизнь добродѣтельную. Если сего нѣтъ, то постъ, значитъ, еще не доставилъ тебѣ существенной пользы, и надобно или усугубить его, или исправить. Надобно усугубить его или исправить и въ такомъ случаѣ, если, постяся, ты не приблизился духомъ къ своему Спасителю, не почувствовалъ нужду въ заслугахъ Его, не ощутилъ духовнаго глада къ насыщенію себя Божественною трапезою Тѣла и Крови Его, не слышалъ еще въ себѣ гласа любви Его, призывающей къ соединенію съ Нимъ.

Какъ ни кратки и просты сіи правила поста, мною предложенныя, но если мы будемъ, братіе наблюдать ихъ постоянно во время нашего пощенія, то-есть, если будемъ растворять постъ нашъ вѣрою, смиреніемъ и молитвою, будемъ соразмѣрять его съ силами и потребностями нашими, будемъ, постяся тѣлесно, поститься въ то же время и духовно, то постъ нашъ будетъ святъ и благоугоденъ Господу, и послужитъ въ освященіе душъ и тѣлесъ нашихъ.

Между тѣмъ изъ самыхъ наставленій о постѣ, мною предложенныхъ, уже вы видите, братіе, какъ нужно каждому изъ васъ, вступая на поприще поста, со всею основательностію, размыслить предварительно о томъ, какъ ему поститься? отъ чего особенно воздержаться? до чего простерть лишеніе? чѣмъ и какъ занять себя въ это время? Для многихъ при семъ случаѣ можетъ еще открыться нужда въ совѣщаніи съ людьми, опытными въ духовныхъ подвигахъ. Не пренебрегайте симъ важнымъ средствомъ; пріимите трудъ найти для себя благоразумнаго руководителя. Когда мы предпринимаемъ врачевать какую-нибудь важную болѣзнь тѣла, сколько бываетъ у насъ предварительныхъ размышленій! Готовы, если бы можно было, созвать врачей со всего свѣта! А приступая къ врачеванію души—дѣлу такъ важному, котораго слѣдствія простираются на всю вѣчность,—думаемъ произвести сіе безъ особеннаго размышленія, наскоро, поверхностно, какъ бы дѣло шло объ уврачеваніи какого-либо домашняго животнаго! Послѣ сего удиви-

тельно ли, что самыя превосходныя средства духовнаго врачеванія, представляемыя намъ св. Церковію, не приносятъ пользы, и употребленіе ихъ, оставаясь безъ плода, служитъ не рѣдко къ нареканію на самыя средства?

Да не будетъ сего ни съ кѣмъ изъ васъ, возлюбленніи! Да содѣлается св. постъ спасительнымъ врачевствомъ для душъ и тѣлесъ нашихъ! Пророкъ, коего слова мы каждый разъ полагали въ основаніе собесѣдованій нашихъ о постѣ, имѣлъ утѣшеніе живописать потомъ благотворныя дѣйствія, кои постъ, покаяніе и молитва, имъ заповѣдуемая, произвели надъ его слушателями. Ничего не приписывая слабому слову нашему, но всего ожидая отъ всемощнаго дѣйствія благодати Божіей, избравшей насъ недостойныхъ въ служеніе слова, и мы дерзаемъ уповать, что, по окончаніи поприща св. поста, съ наступленіемъ святыхъ дней Воскресенія Христова, когда намъ должно будетъ изображать качества человѣка, воскресшаго со Христомъ и обновленнаго благодатію,—мы будемъ имѣть, драгоцѣнное для насъ, утѣшеніе, если не указать на кого-либо изъ васъ въ примѣръ духовнаго обновленія, то по крайней мѣрѣ имѣть его для себя въ виду. Аминь.

Слово въ среду первой недѣли Великаго поста

НА ЧАСАХЪ.

Третій уже день, какъ мы странствуемъ духомъ по святой пустынѣ святаго и великаго поста. Израильтяне, по своемъ исходѣ изъ Египта, въ продолженіе сего времени прешли уже Чермное море и воспѣли пѣснь благодаренія Богу Спасителю: гдѣ теперь мы и что съ нами? Быть не можетъ, чтобы лютый фараонъ—*богъ вѣка сего,* отпустилъ охотно и насъ изъ рабства плоти и міру, чтобы не преслѣдовалъ насъ въ пустынѣ поста со всѣмъ воинствомъ своимъ—со всѣми соблазнами жизни чувственной. Что же?—Прошли ли мы Чермное море—наклонности къ чувственному? видѣли ли потопленіе мысленнаго фараона въ волнахъ слезъ, происходящихъ отъ сердца сокрушеннаго и духа смиреннаго?—Если такъ, то и намъ должно воспѣвать духомъ пѣснь благодаренія Господу. Безъ Его всемощной благодати, мы не только

не вышли бы изъ Египта—грѣховнаго служенія міру и плоти, но и не подумали бы выйти: доселѣ мучились бы, подобно израильтянамъ, плинѳодѣланіемъ, работали бы—*во истлѣніе*. А возблагодаривъ Господа за разрѣшеніе отъ узъ плоти и міра, за спасеніе отъ врага, насъ преслѣдующаго, надобно, братіе, поспѣшать духомъ къ Синаю и Хориву—къ таинству покаянія и исповѣди, для вступленія чрезъ него въ завѣтъ новый съ Богомъ отцевъ нашихъ, для принятія отъ благодати Его новаго закона духа и жизни на скрижалѣхъ душъ и сердецъ нашихъ. Въ пустынѣ поста нѣтъ постояннаго жилища; стремись впередъ, доколѣ не достигнешь земли обѣтованной—духовнаго безстрастія и единства съ Богомъ. Встрѣтятся воды мерры—уныніе, душевная тягость и горечь,—повергай въ нихъ древо креста—живое размышленіе о страданіяхъ Господа, за насъ подъятыхъ,—и горечь усладится. Нападутъ амаликиты—темные помыслы, нечистыя пожеланія,—простирай руки, подобно Моисею, во образъ креста къ Тому же Спасителю,—и врагъ отразится. Будутъ угрызать зміи—внѣшніе соблазны отъ міра и плоти,—паки взирай, подобно израильтянамъ, на древо креста,—и силою Распятаго на немъ исцѣлится всякая язва. Пустыня поста суха и безплодна для человѣка внѣшняго, но для внутренняго здѣсь все: и Синай съ откровеніями небесными, и скинія Божія съ вѣчнымъ священствомъ, и манна утѣшеній благодатныхъ. Пойдешь неослабно впередъ? — достигнешь Ханаана—успокоишься отъ бремени грѣховнаго и изнурительныхъ работъ плоти и міру. Возвратишься назадъ?—подвергнешься опять жестокому рабству плоти и діавола,—и *послѣдняя* будутъ для тебя *горша первыхъ*. Господь да сохранитъ насъ отъ сего!

Никто не будь Кореемъ, никто Даѳаномъ и Авирономъ!—Не пререкай водительству Церкви и ея таинствамъ, не разноглась съ ея правилами, не скучай продолжительностію молитвъ. Любвеобильная матерь знаетъ, что дѣлаетъ: дай ей насладиться лицезрѣніемъ дѣтей своихъ! Пройдетъ еще одинъ день, и свершится таинство покаянія; еще одинъ, и ты будешь причастникомъ Тѣла и Крови Господней. А тамъ, кто знаетъ?—увидитъ ли тебя опять Церковь, увидишь ли и ты ее?—Мы считаемъ дни говѣнія, а тамъ, можетъ быть, уже сочтены дни нашей жизни. Будемъ же бодрственны въ по-

двигѣ; ибо мы трудимся не для другихъ, а для себя. Придетъ время, когда за день заплатятъ вѣкомъ,—цѣлою вѣчностію. Аминь.

Слово въ среду первой недѣли Великаго поста

НА ПРЕЖДЕОСВЯЩЕННОЙ ЛИТУРГІИ

О ПОКАЯНІИ.

Что происходитъ, братіе, въ душѣ вашей, когда вамъ случится сдѣлать какой-либо важный проступокъ въ вашихъ житейскихъ дѣлахъ,—такой проступокъ, отъ коего портится весь ходъ вашихъ дѣлъ, разстроиваются всѣ ваши отношенія и кладется пятно на васъ предъ всѣми? Вы, во-первыхъ, ясно видите тогда и вполнѣ чувствуете, что вы точно сдѣлали важный проступокъ, что стократъ лучше было бы не дѣлать его; что если сдѣланное останется въ такомъ видѣ, какъ есть, то вамъ будетъ крайне худо. Изъ сего сознанія, изъ этого чувства собственнаго несчастія, въ васъ само собою раждается сильное отвращеніе не только къ вашему худому поступку, но и ко всему тому, что служило поводомъ къ нему, что состоитъ въ связи съ нимъ, что онъ влечетъ за собою: вы гнѣваетесь на себя самихъ, на недальновидность своего ума, на слабость своей воли, на невѣрность своихъ чувствъ, и готовы наложить на себя самое тяжкое наказаніе, чтобы отучить себя отъ подобныхъ грѣховъ. Вмѣстѣ съ симъ пробуждается рѣшимость навсегда беречься подобныхъ худыхъ поступковъ, и всего, что можетъ вести къ нимъ, а напротивъ любить и дѣлать противное. Далѣе, если вы видите возможность остановить или изгладить слѣды своего несчастнаго проступка, то скоро и неукоснительно приводите въ дѣйство и силу всѣ средства къ тому. А если не видите такой возможности въ себѣ, а находите ее въ другихъ, то обращаетесь за помощью къ нимъ, и, получивъ ее, стараетесь загладить свое преступленіе такъ, какъ бы его вовсе не было. Такъ бываетъ съ нами, братіе, когда мы раскаеваемся сильно въ чемъ-либо по отношенію къ нашимъ дѣламъ земнымъ!

Подобное сему должно происходить при покаяніи во грѣ-

хахъ, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь предметомъ раскаянія служитъ не одинъ какой-либо поступокъ нашъ, а все наше поведеніе, что побужденіемъ къ раскаянію служитъ представленіе не потери какихъ-либо выгодъ временныхъ, а погибели нашей вѣчной. и что дѣло покаянія, какъ дѣло нашего спасенія, происходитъ подъ особеннымъ содѣйствіемъ всемогущей благодати Божіей, открывающей намъ грѣхи наши и ихъ гнусность, возбуждающей въ насъ отвращеніе къ нимъ, и подкрѣпляющей надеждою на милость Божію.

Итакъ первое, что входитъ въ составъ покаянія, есть живое сознаніе своей грѣховности и ея гибельныхъ послѣдствій. Это начало покаянія, безъ коего не можетъ быть никакого продолженія,—ибо кто раскаевается, тотъ первѣе всего долженъ знать, въ чемъ раскаевается. Чѣмъ яснѣе познаніе своихъ грѣховъ, чѣмъ глубже убѣжденіе въ ихъ гибельныхъ послѣдствіяхъ, тѣмъ сильнѣе и прочнѣе покаяніе. Посему-то Свящ. Писаніе такъ часто и такъ разительно описываетъ ужасное состояніе человѣка грѣшника, чтобы мы хотя изъ чуждыхъ опытовъ научились познавать лучше собственное грѣховное несчастное состояніе.

И не надобно думать, братіе, что познать всю свою грѣховность и все несчастіе, отсюда проистекающее, есть дѣло не трудное, какъ это можетъ представляться съ перваго взгляда. Познаніе своихъ грѣховъ поверхностное точно легко; нѣтъ человѣка, который сказалъ бы о себѣ: я безгрѣшный; равно какъ нѣтъ человѣка, который рѣшился бы утверждать, что лучше грѣшить, нежели быть безъ грѣха. Но видѣть всю глубину своего поврежденія; но убѣдиться совершенно, что всякій грѣхъ, какъ бы онъ ни былъ повидимому безвреденъ для насъ, есть зло величайшее, — это очень не легко для нашей поврежденной и грѣхолюбивой природы! Самолюбіе наше такъ умѣетъ прикрывать самыя тяжкія измѣны наши долгу и совѣсти, что онѣ кажутся малыми недостатками; пороки, самые ужасные, сопровождаются не рѣдко такими выгодами въ мірѣ, что образъ ихъ для чувственнаго человѣка нашего бываетъ привлекательнѣе образа даже самой добродѣтели. Посему-то потребно усиленное дѣйствіе нашего ума и нашей совѣсти, чтобы узнать всю свою грѣховность и все несчастіе, отсюда происходящее. Печальный опытъ доказываетъ, что это даже невозможно безъ особеннаго дѣйствія благодати

Божіей, которая какъ одна только можетъ исцѣлить человѣка отъ грѣховъ, такъ одна можетъ и показать ему ясно тѣ смертельныя язвы, отъ коихъ исцѣляютъ его.

Но когда тѣмъ или другимъ образомъ убѣждаемся, что мы не тѣ, какими намъ быть должно, что путь, коимъ идемъ мы, есть путь вѣчной погибели, тогда, вслѣдъ за познаніемъ нашей грѣховности, не можетъ не слѣдовать горькое сожалѣніе о своемъ состояніи, родъ нѣкоей ненависти къ своему прежнему образу жизни, даже къ себѣ самимъ. Во всѣхъ силахъ души открывается стремленіе извергнуть изъ себя все нечистое и грѣховное. Самоосужденіе, самопрезрѣніе и самоненавидѣніе бѣднаго грѣшника простирается иногда въ семъ случаѣ до того, что онъ готовъ бываетъ быть самъ исполнителемъ казни надъ собою, какъ показываетъ примѣръ Іуды. Эта крайность отчаянія гибельная; между тѣмъ не слишкомъ надобно удаляться отъ нея и въ противную сторону, ибо природа наша гораздо наклоннѣе къ противной крайности, то-есть, къ нечувствію во грѣхѣ, а для истиннаго покаянія, послѣ познанія грѣховъ, нѣтъ ничего нужнѣе, какъ ненависть къ нимъ. Чѣмъ больше кающійся гнушается грѣхами и собою, тѣмъ онъ ближе къ исправленію.

Въ такомъ случаѣ, первое и послѣднее его желаніе освободиться отъ грѣховъ и страстей, и сколько можно исправить зло, имъ допущенное. Для сего кающійся, какъ отчаянный больной, желающій выздоровленія, готовъ бываетъ на всѣ пожертвованія, самыя тяжкія: лжесвидѣтель готовъ бываетъ предъ цѣлымъ свѣтомъ сознаться, что онъ предалъ кровь неповинную; владѣющій чуждымъ стяжаніемъ готовъ бываетъ возвратить все по принадлежности съ лихвою; невѣръ и кощунъ согласенъ употребить всѣ силы ума на укрѣпленіе въ умахъ, колеблемыхъ имъ дотолѣ, истинъ.

Но печальный опытъ и даже то же размышленіе, скоро открываютъ бѣдному грѣшнику, что онъ, при всемъ желаніи своемъ освободиться отъ темной власти грѣха и изгладить слѣдствіе прежнихъ пороковъ, не въ состояніи сдѣлать ни того, ни другаго. Не можетъ исправить своей природы, ибо для сего надобно не только оставить порочныя дѣйствія (въ чемъ онъ иногда успѣваетъ), но и очистить источникъ злыхъ дѣйствій—сердце; но для сего въ немъ нѣтъ силы: для сего нужно дѣйствіе Того, Который болѣе сердца нашего, и по-

тому можетъ измѣнить на лучшее самое основаніе его. Не можетъ грѣшникъ изгладить слѣдствій своихъ грѣховъ, ибо слѣдствія сіи простираются далеко за кругъ нашихъ дѣйствій, даже за кругъ нашихъ познаній: они видимы одному Всевѣдущему, доступны силѣ одного Всемогущаго.—Убѣжденіе въ сей сугубой невозможности—освободиться собственными силами отъ грѣха и его ужасныхъ послѣдствій, препровождаетъ грѣшника къ послѣдней ступени покаянія,—къ смиренному упованію на милость Божію. Вѣра внушаетъ грѣшнику, что невозможное для него возможно для его всемогущаго Спасителя; что если Онъ подастъ крѣпость, то наша воля утвердится въ добрѣ; если Онъ подвигнетъ премудрость и силу Свою, то изгладятся всѣ слѣдствія грѣховъ нашихъ, какъ бы они ни были безчисленны.

И здѣсь-то кающемуся грѣшнику предстаетъ во всемъ величіи Божественное лице Спасителя человѣковъ; онъ готовъ бываетъ пасть, подобно блудницѣ, къ стопамъ Его и омочить ихъ слезами, дабы услышать отъ Него отпущеніе грѣховъ и принять благодатную силу на сраженіе съ порокомъ. Священнослужитель Христовъ, съ своею властію вязать и рѣшить, съ чашею завѣта Тѣла и Крови Господней, есть для него истинный видимый представитель незримой благодати небесной; и онъ спѣшитъ къ симъ таинствамъ, какъ къ послѣднему врачевству отъ грѣховъ, какъ къ знаменію новаго завѣта съ Богомъ, какъ къ источнику новой благодатной жизни.

Таковъ, братіе мои, общій ходъ истиннаго покаянія!—общій говорю, ибо подробности его безчисленны и разнообразны, смотря по качеству душъ и сердецъ кающихся.

Итакъ, хотите ли принести истинное покаяніе?—Стяжите познаніе своихъ грѣховъ, убѣдитесь въ ихъ ужасныхъ послѣдствіяхъ, пробудите въ себѣ чувство омерзенія къ прежней грѣховной жизни, воодушевитесь желаніемъ быть отселѣ чистыми отъ грѣха, рѣшитесь сдѣлать для сего все, что въ вашей власти, и спѣшите къ тѣмъ благодатнымъ средствамъ, кои для сего изобрѣтены премудростію Божіею и предлагаются всѣмъ намъ святою Церковію. Аминь.

Слово въ четвертокъ первой недѣли Великаго поста

НА УТРЕНИ

О ИСПОВѢДИ.

Во грѣсѣхъ твоихъ сталъ еси предо Мною и въ неправдахъ твоихъ. Азъ есмь, Азъ есмь заглаждаяй беззаконія твоя Мене ради, и грѣхи твоя, и не помяну. Ты же помяни и да судимся. Глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися (Исаіи 43, 24—26).

Для Всевѣдущаго ли были неизвѣстны грѣхи и беззаконія, коими народъ израильскій покрытъ былъ, по выраженію Пророка, отъ главы до ногъ? — и Премилосердый опредѣлилъ уже простить и изгладить грѣхи Израиля, и не поминать болѣе беззаконій его, — между тѣмъ премудрость Божія въ непремѣнное условіе помилованія поставляетъ, чтобы милуемый Израиль не только созналъ свои грѣхи, не только разлюбилъ и отвергъ ихъ навсегда, но и чтобы исповѣдалъ ихъ въ слухъ всѣхъ. *Глаголи ты грѣхи твоя прежде, и да оправдишися.* — Для чего это предварительное исповѣданіе грѣховъ?—для того, дабы явно было, что Израиль помнитъ всѣ грѣхи свои и вѣдаетъ всю тяжесть ихъ, — что онъ ненавидитъ неправды свои, и потому не хочетъ болѣе скрывать ихъ отъ правосудія Божественнаго.

Послѣдуя сему, и святая Церковь требуетъ, братіе, отъ насъ въ настоящіе дни не одного внутренняго покаянія во грѣхахъ нашихъ, а и внѣшней исповѣди ихъ предъ служителями алтаря. Будемъ ли, по гласу самолюбія нашего, прекать сему благотворному требованію, или ослаблять выполненіе его?—Но это значило бы — или не довѣрять Самому Врачу душъ и сердецъ нашихъ, или не желать искренно собственнаго исцѣленія отъ проказы грѣховной. Нѣтъ, возлюбленніи, если уже врачеваться, то—врачеваться: оставимъ всѣ суетныя мудрованія плоти, сбросимъ всѣ покровы самолюбія и ложнаго стыда, и явимся къ купели покаянія такими, какими входили нѣкогда въ купель крещенія—*нагими!*

А чтобы намъ болѣе полюбить врачевство святой исповѣди, для сего разсмотримъ: когда началась исповѣдь? кто и для чего установилъ сіе таинство? что во всѣ времена было удѣломъ тѣхъ, кои или не приносили исповѣди, или приносили, но не отъ сердца?

Когда началась исповѣдь?—Вопросъ самый простой; но въ отвѣтъ на него я долженъ повести васъ далеко, далеко—въ рай! — Да, братіе, исповѣдь райскаго происхожденія; и, можетъ быть, если бы мы принесли надлежащимъ образомъ первую исповѣдь въ раю, то не были бы принуждены, по изгнаніи изъ рая, горько каяться теперь всю жизнь. Памятуете ли, что послѣдовало за паденіемъ нашихъ первыхъ прародителей?—Надлежало послѣдовать смерти, — ибо ясно сказано было: *въ оньже аще день снѣсте отъ него* (запрещеннаго древа), *смертію умрете* (Быт. 2, 17). Между тѣмъ (такъ благоустроило безпредѣльное милосердіе Творца!) послѣ паденія предстала уязвленному грѣхомъ человѣку не смерть, а жизнь,—Самъ Господь жизни: *и услышаста гласъ Господа Бога, ходяща въ раи* (Быт. 3, 8). Для чего является Самъ Господь въ такія рѣшительныя для насъ минуты?—Для принятія отъ насъ—падшихъ, исповѣди. *Адаме,* говоритъ Онъ, *гдѣ еси?* Могъ ли Всевѣдущій не знать, гдѣ былъ Адамъ? Но Премилосердый хотѣлъ возбудить падшаго человѣка къ сознанію своего бѣдственнаго состоянія, дабы симъ сознаніемъ расположить его къ исповѣданію своего грѣха, къ прошенію и принятію помилованія. Но, увы, мы не поняли ни явленія, ни гласа Божія! Отъ явленія сокрылись; на гласъ отвѣчали не чистосердечнымъ признаніемъ грѣха, а преступнымъ извиненіемъ его: *и рече Адамъ: жена юже далъ ми еси, та ми даде отъ древа, и ядохъ; жена же рече: змій прельсти мя.* То-есть, мы думали вину паденія возложить не только на змія, даже на Самого Бога, только бы извинить себя самихъ! Такъ окончилась, или, лучше сказать, такъ превращена была нами самая первая исповѣдь! Вы знаете, что было слѣдствіемъ такого нераскаянія: худые исповѣдники посланы на всегдашнюю—тяжелую—епитимію до смерти—внѣ Едема!...

И послѣ сего несчастнаго опыта первой исповѣди, неизчетный въ благости Господь не оставилъ грѣшниковъ. Первенецъ Адама, Каинъ, умерщвляетъ своего брата: грѣхъ явенъ, преступленіе ужасно;—чего ожидать, кромѣ наказанія? Между тѣмъ, вмѣсто казни, открывается исповѣдь, которая самымъ началомъ своимъ указывала на благой конецъ. Паки является Самъ Господь—и какъ начинаетъ исповѣдь братоубійцы? Не угрозами, не обличеніями, а отеческимъ

вопросомъ: *гдѣ есть Авель братъ твой?*—Но, увы, такой избытокъ милосердія вызвалъ наружу паки одно ожесточеніе: вмѣсто смиреннаго признанія въ грѣхѣ, несчастный отвѣчалъ: *еда стражъ есмь брату моему?* (Быт. 4, 9). Извѣстно, что было плодомъ и сего несчастнаго злоповѣданія: *стеня и трясыйся будеши на земли,*—сказано нераскаянному исповѣднику!

Не смотря на крайнее ожесточеніе погрязавшаго во злѣ первобытнаго міра, наступленіе ужасной казни его потомъ также предварено было зовомъ къ покаянію и исповѣди. Сто двадцать лѣтъ гремѣлъ спасительный зовъ сей изъ устъ Ноя,—и гремѣлъ напрасно!—Поелику явно стало, что никто уже не явится для принесенія исповѣди, то волны потопныя смыли нераскаянное племя съ лица земли.

Предъ разсѣяніемъ всѣхъ людей по лицу земли за столпотвореніе Вавилонское, предъ истребленіемъ Содома и Геморры огнемъ небеснымъ—не было исповѣди. Но почему не было? Не по недостатку въ пріемлющихъ исповѣдь, а по совершенному отсутствію исповѣдающихся. Въ оба сіи—несчастнѣйшіе случаи, Господь Самъ, по свидѣтельству св. Бытописателя, сходилъ съ неба видѣть, точно ли грѣхи и нераскаянность людей превысили всякую мѣру долготерпѣнія, и, безъ сомнѣнія, готовъ былъ принять милостиво всякій гласъ покаянія. Но вмѣсто сего гласа, услышалъ одинъ вопль грѣховъ, восходящій до небесъ; и потому допустилъ правосудію Своему поразить нераскаянныхъ грѣшниковъ.

Когда премудрость Божія нашла потомъ средство спасти отъ конечнаго потребленія вѣру и благочестіе, заключивъ откровенія свои въ одномъ племени народа израильскаго и оградивъ сей народъ закономъ и установленіями,—милосердіе Божіе не умедлило воздвигнуть среди сего народа священное судилище покаянія и милосердія. Предъ дверьми Скиніи свидѣнія, а потомъ—храма, всегда было множество исповѣдниковъ, кои, принося за грѣхи свои различныя жертвы, возлагали на главу ихъ свои руки, исповѣдывали надъ ними грѣхи свои, и такимъ образомъ, по силѣ вѣры въ будущую всемірную за грѣхи людей жертву Сына Божія, принимали оставленіе грѣховъ (Лев. 4, 29). Кромѣ сего, каждый годъ, въ день очищенія, при собраніи всего народа, совершалось великимъ первосвященникомъ таинственное исповѣданіе грѣховъ всего Израиля (Лев. 16, 5—28).

При особенныхъ случаяхъ, являлись и чрезвычайныя лица для принятія исповѣди: такъ, пророкъ Наѳанъ посланъ, былъ Самимъ Богомъ обличить Давида, и, по принятіи отъ него исповѣди, объявилъ ему помилованіе отъ лица Божія; такъ, Ахаавъ принесъ покаяніе и исповѣдь предъ пророкомъ Иліею (3 Цар. 21, 27).

Поелику, не смотря на всѣ частныя и всенародныя исповѣди, народъ израильскій, съ продолженіемъ времени, болѣе и болѣе дѣлался недостойнымъ высокаго жребія своего то, предъ пришествіемъ на землю Самого Врача душъ и тѣлесъ, посланъ былъ уготовать путь Ему Предтеча. Его вся жизнь и все служеніе состояло въ проповѣди покаянія и въ принятіи исповѣди отъ кающихся. *Исхождаше,* говорится въ Евангеліи, *къ нему вся Іерусалима, и Іудея, и вся страна Іорданская, и крещахуся въ Іорданѣ отъ него, исповѣдающе грѣхи своя* (Матѳ. 3, 5). Іоаннъ не былъ, подобно священникамъ іудейскимъ, безмолвнымъ слышателемъ исповѣданія грѣховъ: онъ встрѣчалъ и напутствовалъ исповѣдающихся наставленіями. Хотите ли выслушать одну изъ краткихъ проповѣдей Его?—Внемлите! *Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень: правы творите стези его. Всяка дебрь исполнится, и всяка гора и холмъ смирится: и будутъ стропотная въ правая и остріи въ пути гладки. И узритъ всяка плоть спасеніе Божіе. Порожденія ехиднова! кто сказа вамъ бѣжати отъ грядущаго гнѣва? Сотворите убо плоды достойны покаянія, и не начинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама. Глаголю бо вамъ, яко можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму. Уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ: всяко убо древо, не творящее плода добра, посѣкается и во огнь вметается. И вопрошаху его народи, глаголюще: что убо сотворимъ? Отвѣщавъ же глагола имъ: имѣяй двѣ ризѣ, да подастъ неимущему; и имѣяй брашна, такожде да творитъ* (Лук. 3, 4—11).

Наконецъ, является Самъ *Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29), Господь Іисусъ. Онъ съ самаго начала возгласилъ въ слухъ всѣхъ, что *нѣсть воля предъ Отцемъ Его, да погибнетъ и единъ отъ* самыхъ *малыхъ. Пріидите,* говоритъ Онъ, *вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28). И дѣйствительно доставлялъ покой всѣмъ, кто приходилъ къ Нему съ вѣрою и покаяніемъ. Какъ

Сердцевѣдецъ, Онъ не имѣлъ нужды, чтобы кто свидѣтельствовалъ предъ Нимъ о томъ, что есть въ каждомъ человѣкѣ,—какая его жизнь и каковы грѣхи; однакоже предварялъ отпущеніе грѣховъ вопросами: *хощеши ли цѣлъ быти?* (Іоан. 5, 6). *Вѣруеши ли въ Сына Божія?* (Іоан. 9, 35). И отпущеніе грѣховъ сопровождалъ наставленіемъ: *иди, и ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14). Самымъ послѣднимъ дѣломъ Господа—на крестѣ, была исповѣдь разбойника, а по воскресеніи однимъ изъ главныхъ дѣлъ—исповѣдь Петра, отвергшагося во время Его страданій.

Великій *Святитель исповѣданія нашего* (Евр. 3, 1) долженъ былъ, по совершеніи дѣла спасенія нашего, взойти на небо, дабы *предстать лицу Божію о насъ*:—но покаяніе и исповѣдь—со всею силою заслугъ Его, остались на землѣ. Какъ ни драгоцѣнны ключи царствія, стяжаннаго смертію Его, но поелику мы имѣемъ въ нихъ непрестанную нужду, то, еще до смерти Своей, Онъ передалъ ихъ Апостоламъ, сказавъ: *аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ* (Матѳ. 16, 19; Іоан. 20, 23). Посему первенствующая Церковь представляетъ множество примѣровъ покаянія и исповѣди. Апостолы Христовы также не взяли съ собою ключей царствія на небо; доказательствомъ тому множество мѣстъ въ писаніяхъ ихъ, гдѣ они ученикамъ и преемникамъ своимъ заповѣдуютъ продолжать великое дѣло примиренія съ Богомъ грѣшниковъ, и для сего даютъ право *вязать и рѣшить*—совѣсти.

Ревность и усердіе христіанъ первыхъ вѣковъ сдѣлали то, что исповѣдь была у нихъ дѣйствіемъ всенароднымъ, въ коемъ принимала участіе вся Церковь. Кающійся исповѣдывалъ грѣхи свои предъ всѣми, и, въ знакъ раскаянія, всенародно проходилъ различныя степени покаянія съ такимъ самоотверженіемъ, которое нынѣ изумляетъ христіанъ самыхъ ревностныхъ. Избытокъ святой ревности дошелъ, наконецъ, до того, что всенародное исповѣданіе грѣховъ, столь похвальное по его побужденію, начинало дѣлаться опаснымъ, по немощи слуха многихъ. Посему Богомудрые пастыри Церкви, особенно св. Златоустъ, поспѣшили привести сію ревность въ должные предѣлы, обративъ исповѣдь изъ всенародной въ частную—предъ однимъ духовнымъ отцемъ, какою она безъ перемѣны остается и донынѣ.

Видите ли теперь, когда произошла исповѣдь?—Она современна нашему паденію. Видите чье дѣло исповѣдь?—Это дѣло милосердія Божія, *не хотящаго да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе пріидутъ* Видите ли, на чемъ утверждается дѣйствительность исповѣди? Она всецѣло утверждается на Божественныхъ заслугахъ нашего Ходатая, особенно на Его крестной смерти за насъ. Видите ли, наконецъ, чего требуется отъ исповѣдающихся?—Требуется искренняго раскаянія во грѣхахъ, живой вѣры въ заслуги Спасителя нашего и твердой рѣшимости блюстися отъ грѣховъ на все будущее время. Поелику отпаденіе наше отъ Бога и ниспаденіе во глубину грѣховъ, изъ коей мы желаемъ возстать чрезъ исповѣдь, есть тайна, которую никто разрѣшить не можетъ; поелику искупленіе насъ заслугами Сына Божія есть также тайна, превышающая наше разумѣніе; поелику, наконецъ, самая перемѣна души и сердца нашего на лучшее, послѣ покаянія и исповѣди, есть нѣчто таинственное, не подходящее подъ вычисленія нашего бѣднаго разсудка, то исповѣдь, по всей справедливости, называется таинствомъ, то есть, такимъ дѣйствіемъ, коего сущность превышаетъ силу нашего постиженія, и которое по сему самому должно быть принимаемо вѣрою, дознаваемо наиболѣе опытомъ.

«Все сіе справедливо, скажетъ кто-либо; но почему бы исповѣди не совершаться во глубинѣ духа, предъ однимъ Богомъ?—зачѣмъ тутъ посредники люди?» Затѣмъ, возлюбленный, что ты самъ человѣкъ! Справедливо, что исповѣдь приносится единому Богу, но надобенъ ли тебѣ на твою исповѣдь отвѣтъ отъ Бога, или не надобенъ?—Если ты искренно раскаеваешься въ томъ, что огорчилъ своего Владыку, Творца и Благодѣтеля, то отвѣтъ на твою исповѣдь долженъ быть для тебя крайне дорогъ. Какъ же отвѣчать тебѣ? являться для сего Самому Богу, какъ Онъ являлся въ раю нашимъ прародителямъ? Но сего, я думаю, и самъ никто изъ грѣшниковъ не потребуетъ. Или посылать къ тебѣ Пророка, какъ посланъ былъ Наѳанъ къ Давиду?—Но, для сего—не достало бы всѣхъ Пророковъ. Или творить какое-либо особое знаменіе въ отвѣтъ на твою исповѣдь?—Но такимъ образомъ не было бы конца знаменіямъ, и міръ превратился бы въ зрѣлище для любопытства. Итакъ, если для тебя нуженъ отвѣтъ отъ Бога на твою исповѣдь предъ

Нимъ, то благодари Его благость за то, что ты каждый разъ можешь слышать сей отвѣтъ изъ устъ твоего духовнаго отца.

«Но моя совѣсть, подумаетъ иной, можетъ служить для меня отвѣтомъ?» То-есть, подсудимый будетъ самъ изрекать себѣ помилованіе!—естественно ли это?—Если ты истинно каешься, то совѣсть твоя, первѣе и болѣе всего имѣетъ нужду въ успокоеніи совнѣ. Въ семъ случаѣ успокоительный голосъ не только служителя алтаря, даже простаго человѣка весьма дорогъ, и нерѣдко спасаетъ отъ отчаянія. «А когда такъ, скажешь еще, то я могу обратиться за симъ къ кому-либо изъ ближайшихъ ко мнѣ людей, заслужившихъ мое довѣріе».—Обратиться за тѣмъ, чтобы услышать изъ устъ его прощеніе отъ лица Божія?... Дерзнетъ ли ближній твой, если онъ въ самомъ дѣлѣ благочестивъ, принять на себя столь великое дѣло?—И какая разница услышать увѣреніе въ милосердіи Божіемъ отъ обыкновеннаго человѣка, и услышать его торжественно изъ устъ служителя алтаря, который уполномоченъ на то Самимъ Господомъ храма? «По крайней мѣрѣ ограничиться бы общею исповѣдію предъ священникомъ и общимъ разрѣшеніемъ отъ него всѣмъ исповѣдающимся?»—Такъ, возлюбленный, и поступили нѣкоторыя общества христіанскія, отдѣлившіяся отъ Святой, Соборной и Апостольской Церкви; а теперь начинаютъ горько жалѣть о своемъ необдуманномъ поступкѣ. И какъ не жалѣть? Что сказали бы о тѣхъ больныхъ, кои, явившись предъ врача, въ слухъ себя однихъ исповѣдали свои болѣзни, и думали, что они сдѣлали все, что нужно? Что сказали бы и о врачѣ, который всѣмъ больнымъ безъ разбора предложилъ бы одно или два лекарства?—Если въ болѣзняхъ тѣлесныхъ нужна подобная исповѣдь, то какъ удалить ее безъ вреда отъ болѣзней душевныхъ?

Само собою разумѣется, братіе, что исповѣдь предъ священнослужителемъ нисколько не препятствуетъ исповѣдямъ частнымъ—по взаимному христіанскому довѣрію. Напротивъ, та же святая Церковь, которая вмѣняетъ каждому въ непремѣнный долгъ исповѣдываться предъ священникомъ, весьма часто повторяетъ совѣтъ Апостола: *исповѣдайте другъ другу согрѣшенія ваша, и молитеся другъ за друга, да исцѣлѣете* (Іак. 5, 16). Кто препятствуетъ выполнять спасительный со-

вѣтъ сей? И много ли однакоже между нами такихъ, кои выполняютъ его?—Если у насъ существуетъ взаимная откровенность и дружеская исповѣдь, то развѣ на соблазнъ и на грѣхъ...

Нисколько также не препятствуетъ исповѣдь предъ священникомъ сокрушенному самоисповѣданію грѣховъ своихъ предъ Богомъ. Напротивъ, такое самоисповѣданіе есть лучшее и необходимое приготовленіе къ исповѣданію грѣховъ предъ священникомъ; есть одно изъ превосходнѣйшихъ средствъ къ уврачеванію ежедневныхъ грѣхопаденій нашихъ, такъ что мы ничѣмъ не можемъ лучше окончить нашего собесѣдованія о исповѣди, какъ пригласивъ васъ къ употребленію сего средства. А чтобы кто-либо не оставилъ его, за недостаткомъ руководства, то указуемъ и всѣмъ и каждому, на *Молитву Исповѣданія къ Богу человѣка, полагающаго начало спасенія,* составленную и оставленную, можно сказать, въ духовное наслѣдство для всѣхъ истинно кающихся святымъ Димитріемъ Ростовскимъ. Аминь.

Слово въ четвертокъ первой недѣли Великаго поста

НА ЧАСАХЪ

О ЕПИТИМІИ.

Бесѣдуя о исповѣди, мы остановили вниманіе наше на самомъ существѣ сего таинства. Но въ составъ исповѣди входитъ одна вещь, которая хотя не составляетъ въ сущности таинства. но крайне важна по своимъ нравственнымъ слѣдствіямъ, и потому требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія. Это—епитимія.—Какъ много понятій о ней неправильныхъ! Одни убѣгаютъ епитиміи, какъ чего-либо ненужнаго и излишняго; другіе думаютъ основать на ней почти все (великое) дѣло своего примиренія съ Богомъ. Поищемъ между сими крайностями надлежащей средины, и научимся обращать во благо, что есть въ епитиміяхъ истинно душеспасительнаго.

Что такое епитимія? — По самому словозначенію съ Еллинскаго языка, это — замѣчаніе, выговоръ, обличеніе, наказаніе. Почти то же самое разумѣется подъ именемъ

епитиміи и на языкѣ церковномъ: епитимію составляютъ различные подвиги и лишенія, кои возлагаются ни кающихся отъ духовнаго отца, при исповѣди. Таковы: различные виды пощенія, покаянные поклоны, урочное чтеніе различныхъ молитвъ, посѣщеніе святыхъ мѣстъ, извѣстнаго рода милостыни и пожертвованія на храмы Божіи и въ пользу бѣдныхъ, и тому подобныя дѣла любви и самоотверженія.

Какая сила въ сихъ епитиміяхъ? Та ли, чтобы посредствомъ принимаемыхъ на себя лишеній и подвиговъ удовлетворить правосудію Божію за свои грѣхи, заплатить, такъ сказать, свой долгъ предъ Богомъ, или хотя нѣкую часть его?—Такъ думать—значило бы не имѣть понятія ни о своихъ грѣхахъ, ни о правдѣ Божіей. Кто въ состояніи удовлетворить за свои грѣхи высочайшей правдѣ Божіей, кромѣ Божественнаго Ходатая нашего, кромѣ Его крестной смерти, за насъ подъятой?—Только пречистая Кровь Сына Божія могла угасить пламень гнѣва Божія на грѣшниковъ,—и угасила!—*Ни едино нынѣ осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ* (Рим. 8, 1), говоритъ Апостолъ. Но если нѣтъ никакого осужденія вѣрующимъ, то къ чему будетъ тутъ наше удовлетвореніе?—и что могутъ прибавить наши ничтожныя пожертвованія къ безконечной жертвѣ, за насъ принесенной? Только фарисеи могли думать, что своими постами и милостынями они стяжали право на любовь Божію: христіанинъ заключаетъ всѣ права свои—въ одномъ милосердіи Божественномъ и заслугахъ своего Божественнаго Ходатая.

Для чего же послѣ сего нужна епитимія при исповѣди и къ чему можетъ служить она?—Для многихъ и важныхъ цѣлей.

И, во-первыхъ, получившему помилованіе преступнику всего естественнѣе желать, какъ можно скорѣе, имѣть случай выразить чѣмъ-либо свою благодарность, доказать, что онъ точно рѣшился исправить свою жизнь и посвятить всѣ остальные дни свои на заглажденіе прежнихъ грѣхопаденій. Гдѣ взять сего случая?—ждать, пока онъ придетъ самъ? Но онъ можетъ не придти долго, а между тѣмъ жаръ святой ревности можетъ охладѣть отъ самаго времени. Въ семъ отношеніи епитимія, то-есть, какой-либо подвигъ лишенія или труда, налагаемый на кающагося тотчасъ послѣ испо-

вѣди, есть для него не наказаніе, а милость и даръ. То самое, что назначеніе подвига духовнаго вышло изъ устъ духовнаго отца, который принялъ отъ насъ исповѣдь и изрекъ намъ прощеніе отъ лица Божія, придаетъ ему характеръ священный, видъ нѣкоей заповѣди Божественной, и такимъ образомъ спасаетъ отъ легкомыслія и желанія оставить, или перемѣнить, или ослабить подвигъ, на себя принятый. Благоразумный выборъ епитиміи, примѣнительно къ качеству страстей или грѣховъ нашихъ, дѣлаетъ подвигъ, изъ коего состоитъ епитимія, еще плодоноснѣе по дѣйствію на наше нравственное исправленіе. Въ семъ отношеніи епитимія, будучи прямо направлена противъ душевнаго недуга нашего, совершенно подобна тѣмъ врачевствамъ укрѣпляющимъ, кои врачи предписываютъ больнымъ по прошествіи болѣзни. Исполняя епитимію не сами по себѣ, по своему произволу, а по назначенію духовнаго отца, мы по тому самому подлежимъ отчету въ исполненіи; и такимъ образомъ, имѣемъ новое, нужное для слабости нашей побужденіе, исполнить принятый на себя подвигъ съ возможною точностію.

Кромѣ сего—вслѣдствіе преизбыточествующей силы заслугъ Христовыхъ и для ободренія нашей слабости. примиреніе съ Богомъ такъ упрощено и облегчено въ таинствѣ исповѣди, что, можно сказать, зависитъ отъ одного нашего слова: согрѣшилъ, помилуй!—Такой преизбытокъ милосердія для духовнаго человѣка нашего, проникнутаго совершенно чувствомъ своей бѣдности и омерзѣнія ко грѣхамъ, служитъ обильнѣйшимъ источникамъ вѣчной благодарности къ Господу и вѣрности своему обѣту—не впадать въ прежніе грѣхи; но для чувственнаго человѣка нашего такая скорость совершенія и простота внѣшняго вида таинства можетъ подавать поводъ къ легкомыслію и возврату на прежнее. Когда—такъ можетъ думать чувственный человѣкъ—покаяніе такъ удобно и легко, то значитъ грѣхъ не такъ важное зло, какъ его представляютъ; я могу опять повторить грѣхи, опять предаться страсти, и опять получить прощеніе, когда только захочу, также легко и скоро, какъ получилъ теперь. Чѣмъ предотвратить и искоренить сіи опасныя мысли и чувства?—Между прочимъ—епитиміею. Чѣмъ она труднѣе, тѣмъ сильнѣйшую составляетъ узду противъ легкомыслія. Въ такомъ случаѣ самый чувственный и легкомысленный человѣкъ по

необходимости судитъ самъ съ собою такъ: если за прошедшіе грѣхи я долженъ лишать себя того и того, понести такой и такой трудъ, то за новые грѣхи я долженъ буду подлежать еще большимъ лишеніямъ. Такая мысль естественно предохраняетъ нашу слабость отъ повторенія прежнихъ грѣховъ.

Наконецъ, нужно ли грѣшнику памятовать о своихъ грѣхопаденіяхъ? Весьма нужно. Подробности грѣховъ, особенно чувственныхъ, должно всячески изглаждать изъ памяти, дабы они не портили чистоты воображенія и сердца; но память о грѣховности нашей должна оставаться какъ источникъ смиренія, какъ побужденіе къ осторожности и бдительности надъ собою. Посему-то почти всѣ грѣхи сами по себѣ оставляютъ за собою нѣкіе непріятные слѣды и по исправленіи грѣшника. Это. можно сказать, естественная, неизбѣжная епитимія, коею отеческое Провидѣніе Божіе предостерегаетъ исправившагося человѣка отъ ниспаденія въ прежніе грѣхи. Но, вотъ съ другой стороны несчастное свойство природы нашей, что мы ничего такъ легко не забываемъ, какъ нашихъ грѣховъ!—Если мы исправились отъ нихъ, хотя не совершенно, то скоро готовы думать, что мы вовсе никогда не грѣшили, расположены смотрѣть на себя какъ на праведниковъ. Такое забвеніе своихъ слабостей и нечистотъ весьма вредно для истиннаго преспѣянія въ добродѣтели. Ибо, кромѣ того, что есть плодъ самолюбія, оно само питаетъ грѣховное самолюбіе—главный источникъ всѣхъ нечистотъ нашихъ. Посему какой-либо припоминательный знакъ нашихъ грѣхопаденій для многихъ, если не для всѣхъ, есть вещь крайне нужная и полезная. И такой-то знакъ есть епитимія. Самымъ бытіемъ своимъ, она, доколѣ продолжается, непрестанно напоминаетъ грѣшнику помилованному, что онъ былъ не то, чѣмъ долженъ быть, что онъ принадлежалъ къ числу людей погибшихъ, и избѣгъ осужденія единственно по милосердію Господа. Посему-то, кои понимаютъ такое благодѣтельное дѣйствіе епитиміи, вмѣсто того чтобы желать сокращенія ея, нерѣдко желаютъ сохранить ее въ какомъ-либо видѣ на всю жизнь, дабы всегда имѣть ближайшее напоминаніе о прежнемъ гибельномъ состояніи души своей, и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное побужденіе къ смиренію.

Поелику отъ благоразумнаго выбора епитиміи весьма

много зависитъ ея дѣйствіе, то выборъ сей есть одна изъ важнѣйшихъ обязанностей духовнаго отца. Святая Церковь помогаетъ ему въ семъ важномъ и трудномъ дѣлѣ многими правилами святыхъ отцевъ. Но и вашъ долгъ, братіе, помогать духовному отцу въ семъ важномъ дѣлѣ всѣми, отъ насъ зависящими, средствами. А главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы какъ можно вѣрнѣе раскрывать предъ нимъ свое положеніе, свою совѣсть, свой характеръ, свои отношенія, свои мысли и чувства. Смиренное представленіе о невозможности выполнить какую-либо епитимію благодушно пріемлется самою Церковію. Не неумѣстно и обнаруженіе сомнѣнія касательно нравственнаго дѣйствія какой-либо епитиміи. Только надобно помнить: 1) что выборъ епитиміи, какъ лекарства, главнымъ образомъ принадлежитъ не больному, а духовному врачу; 2) что отвращеніе наше отъ какой-либо епитиміи можетъ нерѣдко служить вѣрнѣйшимъ признакомъ, что это врачевство точно по нашей болѣзни, ибо главный источникъ всѣхъ нашихъ духовныхъ недуговъ, какъ мы уже замѣтили, есть преступное самолюбіе наше, равно какъ и главное врачевство и основаніе всѣхъ врачевствъ должно быть отреченіе отъ нашей воли; 3) не должно забывать, что перенесеніе епитиміи, хотя бы она казалась намъ и не по роду нашей болѣзни, или не по нашему положенію, во всякомъ случаѣ есть благое дѣло, какъ опытъ духовнаго послушанія, какъ плодъ отреченія отъ своей воли, какъ побѣда надъ собою. Аминь.

Слово въ пятокъ первой недѣли Великаго поста

НА УТРЕНИ.

Послѣ дней пощенія и моленій, насталъ и день покаянія; время уже явиться на судъ духовный для исповѣданія своихъ грѣховъ. Въ суды мірскіе являются, чтобы оправдывать себя; въ судилище духовное приходятъ съ тѣмъ, чтобы обвинить себя. Тамъ наибольшею свободою пользуется тотъ, кто наиболѣе успѣлъ доказать свою невинность; здѣсь наибольшее помилованіе тому, кто наиболѣе признаетъ свою грѣховность.—Что значитъ сіе? Или на небѣ любятъ менѣе

правду, нежели на землѣ?—Нѣтъ, на судѣ небесномъ не можетъ устоять самый Ангелъ; предъ очами Господа, по выраженію Пророка, нечисто само солнце. Если убо мы, слабые и долупреклонные, можемъ стоять на семъ судѣ и не падать; если мы, осквернённые и нечистые, можемъ являться предъ сей взоръ и не исчезать, то потому, что съ нами поступаютъ не по строгости правды и закона, а по одному чистому милосердію. Почему не поступаютъ по строгости правды?—Потому, что по сей правдѣ уже поступлено; потому, что законъ уже удовлетворенъ за насъ во всей его силѣ, потому, что всѣ долги наши оплачены сполна; потому, наконецъ, что самая казнь, коей всѣ мы подлежали за возмущеніе противъ Царя небеснаго, уже перенесена за насъ. Вы знаете, братіе, кто оказалъ намъ сію многообразную, безцѣнную и безпримѣрную услугу?—Спаситель и Господь нашъ, Іисусъ Христосъ. Вамъ извѣстно и то, какъ преложенъ Имъ для насъ гнѣвъ небесный на милость?—Это сдѣлано Его страданіями и крестною смертію за насъ. Послѣ сего, братіе, приступая къ судилищу исповѣди, вы первѣе всего поспѣшите облечь себя живою вѣрою въ заслуги нашего Искупителя. Безъ сего таинство исповѣди будетъ не въ отпущеніе, а въ обличеніе грѣховъ. Какъ осмѣлиться исповѣдать грѣхи въ слухъ небеснаго Судіи, если око вѣры не будетъ зрѣть о страну Его Ходатая и Споручника?—Какъ и служитель алтаря дерзнетъ изречь вамъ миръ, если не будетъ на васъ знака мира — всепримиряющей Крови Агнца?—Нерастворенныя вѣрою слова исповѣди, и съ вашей и съ его стороны, не взойдутъ на небо, а разсѣются въ воздухѣ и падутъ на землю. Безъ вѣры ни васъ не услышитъ Господь, ни вы не услышите Господа.

Одушевившись такимъ образомъ вѣрою, вы постараетесь, братіе, освободиться, посредствомъ исповѣди, отъ всей тяжести грѣховъ какъ можно полнѣе, совершеннѣе и невозвратнѣе. Зачѣмъ скрывать бѣдность духовную?—Тутъ кто болѣе откроетъ свою нищету, тотъ болѣе и пріиметъ. Къ чему таить язвы совѣсти? Здѣсь кто полнѣе обнаружитъ ихъ, тотъ вѣрнѣйшее получитъ врачевство. И отъ кого таиться? Судія и Спаситель нашъ—всевѣдущъ; Онъ давно знаетъ не только всѣ дѣла, но и всѣ помышленія наши; не только все прошедшее, но и все наше будущее. Посему для Него вовсе

не нужна и исповѣдь наша. Но она необходима для насъ,— для того, чтобы мы имѣли побужденіе глубже вникнуть въ свое состояніе, тверже узнать самихъ себя, свою жизнь и свои недуги; чтобы имѣли случай сильнѣе возненавидѣть грѣхъ, видя, какъ тяжело открывать его; чтобы путемъ устнаго исповѣданія какъ бы извергли всю скверну беззаконій изъ внутренности души и сердца. Нежеланіе открыть грѣхъ есть уже сильный признакъ, что ты не разлюбилъ грѣхъ и не хочешь разстаться съ нимъ. Когда бы ты увидѣлъ у себя за пазухой змѣю, то сталъ ли бы прятать ее? Не тотчасъ ли бы употребилъ всѣ силы, чтобы бросить ее отъ себя какъ можно далѣе, хотя бы это было предъ лицомъ цѣлаго свѣта?— Въ случаѣ невозможности сдѣлать это самому, не сталъ ли бы кричать и звать всѣхъ на помощь?—Но грѣхъ для души то же, что змѣя для тѣла. Посему, кто дозналъ ядовитость его, тотъ готовъ исповѣдать его предъ лицомъ неба и земли, только бы скорѣе освободиться отъ него. Такъ и поступали древніе исповѣдники: они каялись не предъ однимъ духовникомъ, а предъ цѣлою Церковію; исповѣдывались не одинъ разъ, а въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и даже годовъ.

И кто мы, служители алтаря, чтобы стыдиться насъ? Не подобные ли вамъ грѣшники? Стыдитесь Ангеловъ-хранителей вашихъ, а не насъ. Мы сами готовы исповѣдать предъ вами свои грѣхи; и молимъ васъ молиться не за себя только, но и за насъ, да возможемъ непостыдно предстоять и предстательствовать за васъ у престола Благодати.

Принесши исповѣданіе въ грѣхахъ своихъ, вы пріимите, братіе, прощеніе во имя Господа Іисуса. Это совершается, повидимому, такъ просто, такъ легко, такъ скоро, что плотской человѣкъ нашъ даже отъ избытка сей милости можетъ взять поводъ къ безстрастію и ненаказанности, можетъ возмнить, что грѣхъ есть нѣчто неважное, когда въ немъ стоитъ только признаться, чтобы получить прощеніе. Для прогнанія отъ себя сей опасной мысли, вы вспомните, что для произведенія сей простоты исповѣди нужно было самой премудрости Божіей измыслить планъ спасенія людей, величайшій по объему, нескончаемый по продолженію, непостижимый по началу и основанію;—что для произведенія сей легкости въ примиреніи грѣшника съ Богомъ нужно было подвигнуться самому всемогуществу Божію, и вмѣстѣ съ собою подвигнуть

небо и землю, время и вѣчность;—что для произведенія сей скорости прощенія, нужно было сосредоточить всѣ мученія ада надъ очистительною Жертвою, принесенною за грѣхи міра на Голгоѳѣ. Послѣ сего поводъ къ соблазну и ненаказанности грѣховной уничтожится самъ собою. Какъ бы ни былъ простъ и безукрашенъ святый налой, предъ коимъ будетъ совершена исповѣдь, вы станете предъ нимъ, какъ Израиль стоялъ предъ Синаемъ; какъ бы ни было мало Евангеліе и крестъ, отъ коихъ изречено будетъ вамъ помилованіе, вы отойдете отъ нихъ, какъ Апостолы отходили съ Голгоѳы.

Да, братіе, если вы намѣрены принести покаяніе истинное (а не истинное для чего и приносить?),—то покаяніе, которое совершается въ краткое время, но дѣйствуетъ на всю вѣчность; если, говорю, намѣрены примириться съ Богомъ не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ, то вы отойдете изъ судилища покаянія не съ разсѣянною мыслію о томъ, кто и какъ васъ исповѣдывалъ,—не съ однимъ холоднымъ признаніемъ, что вами исполненъ долгъ Церкви и совѣсти,—не съ одною поверхностною рѣшимостію быть съ сихъ поръ лучше и избѣгать грубыхъ пороковъ. Нѣтъ, вы возвратитесь изъ дома Божія, какъ возвратились бы изъ дома царева тяжкіе государственные преступники, кои, явившись туда для услышанія приговора на смерть, вдругъ услышали помилованіе и забвеніе ихъ преступленій;—возвратитесь съ глубочайшимъ чувствомъ благодарности ко Спасителю душъ нашихъ,—съ твердою рѣшимостію посвятить Ему и Его закону всю остальную жизнь, съ вѣчнымъ, нераскаяннымъ отвращеніемъ отъ всѣхъ прежнихъ грѣховъ, съ скорымъ, неудержимымъ стремленіемъ вознаградить и изгладить все, что возможно.

Да сбудутся сіи совѣты и благожеланія надъ всѣми вами! Да дастъ вамъ Самъ Господь духъ умиленія и сокрушенія о грѣхахъ вашихъ! О семъ молимъ и не престанемъ молить Его всемогущую благодать за васъ. Аминь.

Слово въ пятокъ первой недѣли Великаго поста

НА ЧАСАХЪ

О ПРИЧАЩЕНІИ.

Въ притчѣ о блудномъ сынѣ, такъ трогательно изображающей силу истиннаго покаянія, видимъ, что любвеобильный отецъ, по возвращеніи къ нему заблудшаго сына,—въ знакъ совершеннаго примиренія съ нимъ и возвращенія ему всей любви отеческой,—немедленно устрояетъ вечерю столь свѣтлую, что старшій сынъ не могъ снести сего торжества безъ ропота и неудовольствій (Лук. 15). Что же бы, братіе, сказалъ сей взыскательный сынъ, если бы посмотрѣлъ на ту Божественную вечерю, которую Отецъ Небесный устрояетъ для насъ, по случаю нашего возвращенія къ Нему съ распутій міра?.. Давно ли многіе изъ насъ блуждали внѣ дома отеческаго, иждивая, по произволу страстей, дары природы и благодати?—Еще нѣтъ седмицы, какъ мы обратили лицо свое прямо къ дому отеческому; едва только произнесли исповѣданіе во грѣхахъ своихъ; не совершили еще, въ знакъ раскаянія, ни единаго благаго дѣла; и вотъ, намъ возвращена уже одежда невинности, объявлено торжественно прощеніе и милость;—а заутра устроится для насъ и трапеза въ дому Отчемъ. И какая трапеза? Не изъ *тельца упитаннаго* (Лук. 15, 27), а изъ Агнца *закланнаго прежде сложенія міра* (1 Петр. 1, 20),—изъ Тѣла и Крови Сына Божія!—Какъ мы не полагали мѣры грѣхамъ нашимъ, такъ Господь еще болѣе не полагаетъ мѣры милосердію Своему. Ибо что предъ симъ чудомъ любви прочія чудеса всемогущества и премудрости Божіей? Что манна съ неба? Что вода изъ камня? Таинство причащенія есть, можно сказать, нѣкое продолженіе самой тайны воплощенія! Ибо, если *велія благочестія тайна, яко Богъ явися во плоти* (1 Тим. 3, 16), то коликая тайна, когда Онъ, посредствомъ причащенія насъ Тѣломъ и Кровію Своею, является во плоти нашей!..

Обозрѣвать ли сію тайну во всѣхъ ея глубинахъ?—Но для сего надлежало бы—мнѣ имѣть очи и языкъ, а вамъ—слухъ Ангельскій. Для назиданія всѣхъ насъ достаточно будетъ, если мы, во-первыхъ, разсмотримъ, какъ пріуготовлялась сія Божественная трапеза, какъ въ свое время учре-

дилась, и какъ, учрежденная, хранилась до нашихъ временъ. Во-вторыхъ, обратимъ вниманіе на то, что намъ преподается на сей трапезѣ, и какъ намъ должно приступать къ ней?

Поелику Божественный Агнецъ, Коего мы причащаемся въ Евхаристіи, закланъ, по замѣчанію Апостола, еще *прежде сложенія міра,*—то-есть, закланъ въ предопредѣленіи Бога Отца и Его собственномъ,—то отъ самаго сложенія міра начали являться и знаменія не только сего закланія, но и будущаго вкушенія закланнаго. Что было древо жизни въ раю съ плодами его, какъ не первый прообразъ нашей Божественной трапезы? Могло ли древо само по себѣ доставлять безсмертіе человѣку, если бы не было символомъ истиннаго *древа животнаго* (Апок. 2, 7), Сына Божія, въ Коемъ единомъ, по свидѣтельству святаго Іоанна, *животъ бѣ, и животъ бѣ человѣкомъ* (Іоан. 1, 4)?—Посему-то еще блаженный Августинъ называлъ райское древо жизни таинствомъ, а мы можемъ назвать его *таинствомъ причащенія.*

Для народа израильскаго, по избраніи его въ народъ Божій, двѣ особенно вещи весьма ясно прообразовали таинство Евхаристіи: *манна и агнецъ пасхальный.*

Извѣстно, какимъ образомъ получалась манна: она сходила каждое утро, кромѣ субботы, съ неба, и составляла главную пищу для народа израильскаго во время странствованія его въ пустынѣ. По такому происхожденію манны, еще Псалмопѣвецъ назвалъ ее *хлѣбомъ Ангельскимъ* (Псал. 77, 25). Но манна выражала болѣе, нежели пищу Ангельскую: она предъизображала Тѣло и Кровь Богочеловѣка. Посему-то Самъ Спаситель, когда говорилъ іудеямъ о будущемъ преподаніи имъ въ снѣдь Своего Тѣла и Крови, то прямо указалъ при семъ на манну: *отцы ваши ядоша манну въ пустыни, и умроша. Сей есть хлѣбъ сходяй съ небесе, да, аще кто отъ него ястъ, не умретъ. Азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе: еще кто снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки* (Іоан. 6, 48—51).

Агнецъ пасхальный, прообразуя собою крестную смерть Сына Божія съ ея спасительными дѣйствіями для насъ, еще яснѣе манны изображалъ будущую Божественную трапезу Новаго Завѣта. Вкушая его, израильтяне спаслись, какъ извѣстно, отъ Ангела истребителя, который посланъ былъ поразить Египетъ, а мы, вкушая Тѣло и Кровь Господа,

спасаемся отъ злобы міродержателя тьмы вѣка сего, который, по выраженію Апостола, *яко левъ ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Кромѣ сего, пасхальный агнецъ самыми подробностями священныхъ обрядовъ, съ коими снѣдался, весьма живо изображалъ многія обстоятельства страданій и смерти Господа; такъ, напр., его надлежало печь цѣлымъ, не раздробляя и не сокрушая ни одной кости, что, по замѣчанію Евангелиста Іоанна, въ самомъ точномъ смыслѣ исполнилось потомъ надъ Агнцемъ Божіимъ, взимавшимъ грѣхи міра на Голгоѳѣ, ибо воины *не пребили ему голеней*, хотя за тѣмъ и приходили.

Столь ясныхъ и величественныхъ прообразованій уже довольно было для того, чтобы всѣхъ истинныхъ израильтянъ приготовить къ принятію, со всею вѣрою, новой, таинственной трапезы, которая имѣла явиться въ Новомъ Завѣтѣ, подъ видомъ Евхаристіи. Но, чтобы еще болѣе пріуготовить къ ней умы и сердца, Спаситель Самъ предварительно обращалъ вниманіе Своихъ слушателей на крайнюю нужду всего человѣчества въ новомъ, высшемъ и лучшемъ питаніи, нежели каковы были манна и агнецъ пасхальный, и прямо объявлялъ, что сіе питаніе должно составиться изъ собственнаго Тѣла и собственной Крови Его, кои Онъ имѣлъ принести въ жертву за животъ міра. Одну бесѣду Его о семъ, сохраненную Евангелистомъ Іоанномъ, можно назвать приготовительною къ причащенію: по сему самому вы не откажетесь выслушать ее теперь со всѣмъ вниманіемъ.

Случаемъ къ сей проповѣди было чудесное насыщеніе Господомъ пяти тысячъ народа пятью хлѣбами. Такое чудо заставило народъ многочисленными толпами ходить за Нимъ по пустынѣ съ тѣмъ, чтобы снова увидѣть отъ Него подобное знаменіе. Замѣтивъ такую наклонность къ чувственному питанію, Спаситель почелъ за нужное возвести умъ и сердце Своихъ слушателей къ исканію пищи высшей и вмѣстѣ указать имъ, гдѣ можно найти сію пищу: *отвѣща Іисусъ и рече: аминь, аминь, глаголю вамъ, ищете Мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко ясти есте хлѣбы, и насытистеся. Дѣлайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее въ животъ вѣчный, еже Сынъ человѣческій вамъ дастъ.*—Кто не пожелаетъ такого брашна? Посему народъ вдругъ отвѣчалъ: *что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣла Божія?—Отцы наша ядоша манну*

въ пустыни, яко же есть писано: хлѣбъ съ небесе даде имъ ясти. То-есть, народъ захотѣлъ, въ доказательство Божественности Спасителя, увидѣть отъ Него новое чудо, подобное маннѣ, низведенной съ неба Моисеемъ. И вотъ, сіе-то самое желаніе народа новой манны дало случай Спасителю предложить ему ученіе о маннѣ—Тѣла и Крови Своея. *Рече убо имъ Іисусъ: аминь, аминь глаголю вамъ: не Моисей даде вамъ хлѣбъ съ небесе: но Отецъ Мой дастъ вамъ хлѣбъ истинный съ небесе. Азъ есмь хлѣбъ животный: грядый по Мнѣ, не имать взалкатися: и вѣруяй въ Мя, не имать вжаждатися никогдаже* (Іоан. 6, 26—36). Ничего не могло быть величественнѣе языка сего, но для людей чувственныхъ онъ показался весьма страннымъ. *Роптаху убо іудее о Немъ, яко рече: Азъ есмь хлѣбъ сшедый съ небесе. И глаголаху: не Сей ли есть Іисусъ сынъ Іосифовъ, Его же мы знаемъ отца и матерь, како убо глаголетъ Сей, яко съ небесе снидохъ?* То-есть, іудеи приняли вышесказанныя слова Спасителя въ самомъ чувственномъ и грубомъ видѣ. Что же Господь?—Онъ указалъ только на источникъ ихъ маловѣрія, и продолжалъ Свою проповѣдь. *Отвѣща убо Іисусъ и рече имъ: не ропщите между собою. Никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день. Азъ есмь хлѣбъ животный! Отцы ваши ядоша манну въ пустыни, и умроша. Сей есть хлѣбъ сходяй съ небесе, да, аще кто отъ него ястъ, не умретъ. Азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе: аще кто снѣстъ отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки. И хлѣбъ, его же Азъ дамъ, Плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра* (Іоан. 6, 41—44; 48—51).

Такое прямое и сильное указаніе Господа на Свое Тѣло, какъ на брашно, возбудило еще болѣе недоумѣнія въ чувственныхъ слушателяхъ, кои думали, что имъ дано будетъ въ пищу Тѣло Іисуса Христа въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было предъ ними: *пряхуся убо между собою жидове, глаголюще: како можетъ Сей намъ дати Плоть Свою ясти?* Но Господь, не смотря на сіе, еще сильнѣе и раздѣльнѣе подтвердилъ сказанное прежде. *Аминь, аминь глаголю вамъ, аще не снѣсте Плоти Сына Человѣческаго, ни піете Крови Его, живота не имате въ себѣ. Ядый Мою Плоть, и піяй Мою Кровь, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣд-*

ній день. Плоть бо Моя истинно есть брашно, и Кровь Моя истинно есть пиво. Ядый Мою Плоть, и піяй Мою Кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ. Якоже посла Мя живый Отецъ, и Азъ живу Отца ради: и ядый Мя, и той живъ будетъ Мене ради. Сей есть хлѣбъ сшедый въ небесе: не якоже ядоша отцы ваши манну, и умроша: ядый хлѣбъ сей, живъ будетъ во вѣки (53—58). Послѣ сихъ словъ нельзя уже было сомнѣваться въ томъ, что обѣщается дѣйствительное вкушеніе Тѣла и Крови Учителя. Но это показалось такъ страннымъ для многихъ изъ самыхъ учениковъ Господа, что они невольно пристали къ іудеямъ, говоря: *жестоко есть слово сіе: и кто можетъ его послушати* (60)! Но Господь, не смотря на сіе, опять подтвердилъ истину Своихъ словъ во всей силѣ, присовокупивъ только, что глаголы, кои они слышали отъ Него, *духъ и животъ суть;* почему и не должно брать ихъ въ томъ плотскомъ видѣ, въ какомъ брали ихъ соблазнявшіеся ученики (61—63). Даже и послѣ, когда немалое число учениковъ, не вразумившись объясненіемъ Учителя, соблазнились Его проповѣдію до того, что *идоша вспять, и ктому не хождаху съ Нимъ* (66),—Богочеловѣкъ и тогда нисколько не перемѣнилъ Своей бесѣды, а только спросилъ оставшихся дванадесять: *еда и вы хощете ити?* То-есть, явно, готовъ былъ, такъ сказать, скорѣе отпустить отъ Себя и послѣднихъ учениковъ, какъ ни дороги они были для Него, нежели разставаться съ предметомъ проповѣди, не открыть всему міру Божественной пищи — Тѣла и Крови Своей.

Что должны мы, братіе, взять для себя въ особенное назиданіе изъ сей проповѣди Спасителя? То, во-первыхъ, что вкушеніе Тѣла и Крови Его не есть что-либо для насъ неважное, безъ чего можно обойтись, а нѣчто существенно нужное, необходимое для всѣхъ насъ, такое, безъ чего нельзя имѣть живота вѣчнаго. А печальное событіе съ учениками Спасителя, такъ сильно соблазнившимися ученіемъ Его о Тѣлѣ и Крови Своей, какъ о духовномъ брашнѣ, должно дать знать намъ, что, приступая къ Божественной трапезѣ, всего менѣе должно предаваться собственнымъ мыслямъ и недоумѣніямъ, а слѣдовать прямо за словами и обѣщаніемъ Господа, какъ бы они ни казались намъ высокими и неудобоисполнимыми. Впрочемъ, теперь, когда мы видимъ, въ

какомъ видѣ преподается Тѣло и Кровь Господа, опасеніе Капернаумскихъ іудеевъ, думавшихъ, что ихъ будутъ питать тѣломъ и кровію человѣческою, въ собственномъ ихъ видѣ, не могутъ имѣть у насъ и мѣста.

Истинные ученики *Слова животнаго* не преткнулись однакоже и тогда о высоту сего слова, какъ оно ни было невмѣстительнымъ для многихъ; Петръ, на вопросъ Спасителя: *еда и вы хощете ити?* рѣшительно отвѣчалъ за всѣхъ: *Господи, къ кому идемъ? глаголы живота вѣчнаго имаши* (Іоан. 6, 68). Что это былъ не одинъ порывъ святаго чувства души, не одно мгновенное изліяніе любви къ Учителю,—показало самое дѣло. Ибо когда пришло время Самому Учителю отъ слова обратиться къ дѣлу, то-есть, преподать на Тайной Вечери самое Тѣло и самую Кровь, въ ученикахъ не обнаружилось тогда ни малѣйшаго недоумѣнія. Памятуя обѣщаніе Учителя преподать имъ сіе Божественное брашно, они приняли его со всею вѣрою и любовію, безъ всякаго недоумѣнія, безъ всякихъ вопросовъ.

Это произошло, какъ извѣстно, на послѣдней вечери пасхальной, въ навечеріе страданій и смерти Господа. Среди многихъ знаменательныхъ и трогательныхъ обрядовъ сей Божественной вечери, Спаситель взялъ хлѣбъ, благословилъ его, преломилъ, но, подавая его ученикамъ, вмѣсто обыкновенныхъ словъ, сказалъ: *пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое* (Матѳ. 26, 26). Больше не было ничего сказано, ибо и не было нужды говорить болѣе; поелику ученики знали уже твердо, что кто не вкуситъ сего таинственнаго брашна—*не узритъ живота*. Подобнымъ образомъ, взявъ по вечери чашу и подавая ее ученикамъ, Господь сказалъ: *пріимите, и пійте изъ нея вси: сія есть Кровь Моя, Новаго Завѣта, яже за вы и за многія изливаема во оставленіе грѣховъ!* (Матѳ. 26, 28). Ученики, вразумленные въ таинство прежде, опять въ безмолвіи причастились Крови своего Учителя и Господа. *Сіе творите* присовокупилъ Господь, *въ Мое воспоминаніе* (Лук. 22, 19), давая чрезъ сіе знать, что это таинство не на сей только случай, не въ знакъ прощанія съ учениками, а навсегда, въ знакъ вѣчнаго пребыванія Его со всѣми вѣрующими, *до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20).

Можете представить, братіе, какъ драгоцѣннымъ должно было сдѣлаться повтореніе сего таинства для учениковъ

Іисусовыхъ, когда они разлучились съ Нимъ, по вознесеніи Его на небо!—Таинственный хлѣбъ и вино, или, лучше сказать, Тѣло и Кровь Богочеловѣка, содѣлались единственнымъ брашномъ, коимъ питались святыя души ихъ, укрѣпляясь на все великое, многотрудное и святое. *По вся дни терпяще*, — такъ говоритъ книга Дѣяній Апостольскихъ о Апостолахъ и ихъ ученикахъ,—*единодушно въ церкви, и ломяще по домомъ хлѣбъ, пріимаху пищу въ радости и простотѣ сердца* (Дѣян. 2, 46). Приходили ли куда на труды апостольскіе, — первымъ дѣломъ было воспомянуть съ вѣрными смерть Господа и пріобщиться святой трапезы любви. Отходили куда и прощались *съ чадцами* по вѣрѣ,—послѣднимъ знакомъ единодушія было опять—воспомянуть смерть Господа, преломить таинственный хлѣбъ и вкусить отъ чаши завѣта. Ожидали-ль сошествія Святаго Духа,—причащались. Приготовлялись ли на исповѣданіе имени Іисуса предъ тиранами, или на мученіе и смерть,—причащались. Страдали-ль отъ болѣзней и искали исцѣленія, причащались. Евхаристія была всѣмъ для всѣхъ. По сему самому, не смотря на важность таинства, священный обрядъ совершенія его долго оставался въ первобытной простотѣ. Молились, каялись во грѣхахъ, плакали, — и пріобщались. Святый Павелъ соединилъ съ Евхаристіею проповѣдь, потомъ присоединилось пѣніе различныхъ псалмовъ и чтеніе различныхъ мѣстъ Священнаго Писанія. Апостолъ Іаковъ совокупилъ все сіе въ опредѣленный видъ литургіи, а святый Василій Великій, Златоустъ и Григорій Двоесловъ дали ей наконецъ тотъ видъ, въ коемъ она совершается донынѣ.

Нужно ли говорить о достоинствѣ святаго труда ихъ?—Что-либо лучше нашей литургіи увидимъ, развѣ когда только будемъ на небѣ. Здѣсь — на святой проскомидіи, во время уготовленія Божественныхъ Даровъ, символически предъизображается жизнь и крестная смерть Сына Божія, подобно тому, какъ они были предъизображены въ символахъ и обрядахъ Ветхаго Завѣта. Потомъ, въ первой части литургіи, при первомъ выходѣ изъ алтаря священнодѣйствующихъ съ Евангеліемъ, Спаситель Самъ какъ бы снова является въ міръ и исходитъ на проповѣдь, которая слышится потомъ въ чтеніи Апостола и Евангелія. За симъ, при второмъ выходѣ изъ алтаря священнодѣйствующихъ со Святыми Дарами,

представляется послѣднее шествіе Господа во Іерусалимъ на страданіе и крестную смерть, послѣ чего, среди различныхъ молитвъ, какъ бы повторяется послѣдняя вечеря Господа съ учениками, слышатся самыя слова Его, сказанныя Апостоламъ о Тѣлѣ и Крови Его, и совершается самое таинство Евхаристіи чрезъ призываніе на Святыя Дары благодати Пресвятаго Духа. Въ послѣдней части литургіи, съ новымъ отверстіемъ Царскихъ вратъ, какъ бы видимо отверзается гробъ Господень для воскресенія, и самое небо—для принятія Воскресшаго, что самое чувственно изображается обратнымъ перенесеніемъ останка Святыхъ Даровъ съ престола на жертвенникъ. Такимъ образомъ, кто съ полнымъ вниманіемъ присутствуетъ при литургіи, тотъ каждый разъ видитъ предъ собою, можно сказать, всю земную жизнь Господа отъ начала до конца.

Такъ предуготовлялась Божественная трапеза Тѣла и Крови Христовой, такъ учредилась въ свое время, и такъ сохранилась до нашихъ дней! Много вѣковъ прошло въ приготовленіи ея!—Оттого-то языческіе предки наши, когда увидѣли въ первый разъ совершеніе литургіи въ Царѣградѣ, то подумали, что ихъ какимъ-либо чудомъ преставили съ земли на небо!...

Велика честь была бы, братіе, если бы насъ, съ нашимъ недостоинствомъ, допустили токмо къ созерцанію толикихъ таинъ. Но, вотъ, мы всѣ призываемся къ самому вкушенію Божественной трапезы!—*Видите* убо, дерзну сказать съ Апостоломъ, *видите, какову любовь далъ есть намъ Отецъ небесный!*... Для чего далъ? для того, отвѣтствуетъ Апостолъ, *да чада Божія наречемся и будемъ* (1 Іоан. 3, 1);—дабы преизбыткомъ любви отеческой къ намъ произвести и въ насъ сыновнюю любовь къ Нему. Останемся ли убо хладными и среди сего пламени Божественной любви? Да не будетъ! Сильнѣйшихъ средствъ къ согрѣянію и оживленію любовію сердца нашего нѣтъ болѣе у самой любви Божественной. Аминь.

Слово въ пятокъ первой недѣли Великаго поста

на преждеосвященной литургіи

о причащеніи.

Когда израильтянамъ, во время странствованія ихъ въ пустынѣ Синайской, ниспослана была въ первый разъ съ неба манна, то они, не видавъ никогда подобнаго зрѣлища, въ недоумѣніи вопрошали другъ друга: *что есть сіе?* и Моисей въ слухъ всѣхъ долженъ былъ отвѣчать: *се хлѣбъ, егоже даде вамъ Господь ясти!* (Исход. 16, 15). О нашей маннѣ, братіе, хотя она также нисходитъ съ неба и стократъ чудеснѣе манны еврейской, нѣтъ нужды вопрошать: *что есть сіе?* Ибо всѣ мы, отъ мала до велика, твердо знаемъ, что въ Евхаристіи подъ видомъ хлѣба пріемлется самое пречистое Тѣло, а подъ видомъ вина—самая пресвятая Кровь Христова. И отъ кого знаемъ о семъ? Не отъ Моисея, не отъ Павла, или Іоанна (хотя и ихъ слова божественны), а отъ Самого Господа и Спасителя нашего. Онъ Самъ, питающій насъ Тѣломъ и Кровію Своею, Онъ Самъ сказалъ намъ о семъ со всею ясностію. Ему ли не знать Тѣла и Крови Своей? Или не умѣть назвать ихъ ясно?...

Если бы кого-либо и за симъ приводила въ недоумѣніе великость дара, тотъ вспомни о величіи и любви къ намъ Даятеля: даръ великъ, но Даятель несравненно больше!—Въ самомъ дѣлѣ, Кто сотворилъ самый хлѣбъ и вино, самое тѣло и кровь, Тому трудно ли подъ видомъ хлѣба дать тѣло, а подъ видомъ вина—кровь? Съ другой стороны, Кто отдалъ за насъ не только тѣло, но и душу Свою на Голгоѳѣ на мученія самыя ужасныя, Тотъ, удивительно ли, если даруетъ намъ Свое Тѣло и Свою Кровь снова—безъ всякаго новаго мученія и страданій для Него, и съ новою величайшею пользою для насъ?—И хлѣбу и вину не въ первый разъ забывать свою ограниченность: не напитано ли пятью хлѣбами пять тысячъ народа такъ, что, по насыщеніи, осталось еще двѣнадцать кошницъ, то-есть болѣе, нежели сколько было до вкушенія? И вода не обращалась ли въ кровь, по слову Моисея, въ Египтѣ, и въ вино—по волѣ Спасителя, на бракѣ—въ Канѣ Галилейской?—Обратись каждый къ себѣ самому,—и въ себѣ увидишь нѣчто подоб-

ное, ибо разнородная пища и питіе, нами пріемлемыя, ежедневно прелагаются въ наше тѣло и кровь. Даже можно сказать, что закономъ подобнаго преложенія, или пресуществленія, держится въ бытіи все разнообразіе внѣшней природы, въ кругѣ коей одинъ видъ тварей непрестанно переходитъ въ другой изъ низшаго въ высшій, и обратно. — Что же удивительнаго, если Самъ Творецъ, въ таинствѣ Евхаристіи, производитъ — разумѣется, безконечно высшимъ образомъ — то, что, подъ извѣстными условіями, происходитъ въ самомалѣйшемъ изъ Его твореній?

«Но какая, скажешь, необходимость въ семъ чудесномъ преложеніи хлѣба въ тѣло, а вина въ кровь?»—Та же, какая и во всѣхъ прочихъ чудесахъ: чудо пресуществленія совершается въ помощь твоей немощи. Ибо, не смотря на Божественность дара, кто изъ насъ былъ бы въ состояніи принять Тѣло и Кровь Спасителя, если бы они подавались намъ въ ихъ собственномъ видѣ? Лѣтописи церковныя свидѣтельствуютъ, что,—для вразумленія ли невѣрія, или по другимъ таинственнымъ причинамъ,—Агнецъ на святой трапезѣ принималъ иногда видъ младенца, а хлѣбъ и вино обращались въ видимое тѣло и кровь, но, вмѣсто радости о чудѣ, священнодѣйствующіе въ ужасѣ отступали отъ священной трапезы, и св. Церковь принуждена была писать на сей случай правила успокоительныя. Имѣя въ виду сіе, премудрость Божія положила питать насъ брашнымъ небеснымъ не иначе, какъ подъ видомъ брашна земнаго.

Спросишь, можетъ быть, еще: «какимъ образомъ прославленное Тѣло Спасителя, пребывая съ душею, какъ учитъ Св. Писаніе, одесную Бога Отца, и не будучи вездѣсуще, можетъ находиться на каждомъ святомъ жертвенникѣ, и съ другой стороны, какъ сіе же Тѣло и Кровь, непрестанно раздаваемыя, не подлежатъ умаленію?» А какъ, возлюбленный, свѣтитъ солнце? Вездѣсуще ли оно? Нѣтъ. Оставляетъ ли оно когда-либо свое мѣсто на небѣ? Никогда. А между тѣмъ свѣтъ и теплота отъ солнца вездѣ жизнь и радость. И вчера ли, или съ третьяго дня начало свѣтить такимъ образомъ солнце? Нѣтъ со времени этого болѣе шести тысячъ лѣтъ. Однакоже солнце нисколько не умаляется въ своемъ кругѣ, не истощается въ своей силѣ. Итакъ, вотъ, можно сказать, съ неба отвѣтъ тебѣ на вопросъ твой! Что

возможно солнцу, то трудно ли для Того, Коему легче возжечь новое солнце на небѣ, нежели намъ съ тобою засвѣтить свѣчу?—Этотъ же примѣръ—солнца, можетъ объяснить сравнительно и то, какъ Тѣло Христово пребываетъ цѣлымъ, хотя хлѣбъ въ таинствѣ Евхаристіи раздробляется и раздѣляется непрестанно, ибо возьми зеркало и поставь противъ солнца,—въ немъ отразится весь кругъ солнца; разбей зеркало, и возьми какой угодно изъ остатковъ его, и поставь противъ солнца,—опять увидишь въ немъ весь кругъ солнца.

Но довольно недоумѣній и отвѣтовъ; спросимъ лучше: какая цѣль столь великаго таинства?—Цѣль величайшая, Божественная! *Ядый Мою Плоть и піяй Мою Кровь,* говоритъ Самъ Спаситель, *во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Быть едино съ Господемъ всяческихъ—есть верхъ совершенства для насъ;—и. вотъ на сей-то верхъ восходимъ мы посредствомъ таинства причащенія, ибо кто причащается Тѣла и Крови Христовой, тотъ по сему самому уже не можетъ не быть въ тѣснѣйшемъ соединеніи со Христомъ. Правда, со Христомъ можно и должно соединяться особенно духомъ, такъ какъ и сказано: *прилѣпляяйся Господеви, единъ духъ есть съ Господемъ* (1 Кор. 6, 17), но человѣкъ состоитъ не изъ духа только, а и тѣла; Самъ Господь принялъ отъ естества нашего не одну душу, а и тѣло; посему для соединенія съ Нимъ всецѣлаго и совершеннаго потребно соединеніе не только по духу, а и по плоти. Какъ же произвести его? Съ нами тѣлесно Господь соединился тѣмъ что пріялъ, можно сказать, отъ всѣхъ насъ плоть человѣческую; а мы съ Нимъ соединяемся тѣлесно тѣмъ, что всѣ пріемлемъ отъ Него въ Евхаристіи Плоть и Кровь Его собственныя. Союзъ обоесторонній, самый полный, и потому самому тѣснѣйшій и неистощимый по его послѣдствіямъ! По силѣ сего союза, какъ Онъ—Спаситель нашъ, есть *кровный* намъ; такъ мы есмы *отъ плоти и отъ костей Его* (Еф. 5, 30). Поелику же съ естествомъ человѣческимъ въ Спасителѣ нашемъ соединено Само Божество со всею полнотою совершенствъ, то, соединяясь такимъ образомъ со Христомъ, мы *причащаемся,* по выраженію Апостола, *самого Божественнаго естества* (2 Петр. 1, 4).

Плоды сего дивнаго обоженія раскроются для насъ во всей полнотѣ и силѣ своей, тамъ—на новой землѣ и подъ

новымъ небомъ, но и здѣсь, въ этой жизни, они такъ велики и чудесны, что выходятъ даже изъ круга разумѣнія нашего бѣднаго разсудка. Внемлите!

Кто вкушаетъ Тѣла Христова, какъ должно, тотъ, во-первыхъ, таинственно насыщается на всю вѣчность; равнымъ образомъ, кто піетъ Кровь Христову, какъ должно, тотъ удовлетворяетъ жаждѣ своей также на всю вѣчность. Дивитесь словамъ моимъ? Но такъ говорю не я, а Тотъ, Чьего Тѣла и Крови мы причащаемся: *Азъ есмь хлѣбъ, грядый ко Мнѣ не имать взалкатися: и вѣруяй въ Мя, не имать вжаждатися* (Іоан. 6, 35). И что впрочемъ въ сей истинѣ такъ страннаго? Не такъ ли и въ обыкновенномъ употребленіи вещей, что кто вкусилъ чего-либо самаго сладкаго, у того надолго исчезаетъ охота ко всему прочему, менѣе пріятному?—Что же выше и, если можно такъ сказать, питательнѣе Тѣла и Крови Сына Божія? Когда бы и сіе Божественное брашно не въ состояніи было насытить сердца человѣческаго, то что другое могло бы наполнить его? И неужели ему алкать и жаждать вѣчно?—Если намъ трудно насытиться Тѣломъ и Кровію Господа, то не потому, чтобы наше сердце было слишкомъ пространно, а потому, что оно закрыто и не можетъ вмѣстить Господа, дабы насытиться Имъ навсегда. Но посмотрите на Святыхъ Божіихъ!—*Что ми есть на небеси,*—восклицаетъ одинъ изъ нихъ, который притомъ не причащался трапезы Господней такъ видимо, какъ мы, а приступалъ къ ней только въ духѣ и созерцаніи,—*что ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли: Ты еси Богъ сердца моего, часть моя, Боже во вѣкъ!* (Псал. 72, 25). То-есть, какъ бы такъ сказалъ Давидъ: не хочу ничего ни на землѣ, ни на небѣ, ибо Ты одинъ для меня все!

Второе особенное дѣйствіе таинства причащенія состоитъ въ томъ, что причащающійся Тѣла и Крови Христовой бываетъ свободенъ отъ смерти. Опять дивитесь! Выслушайте же опять слова Спасителя: *Азъ есмь хлѣбъ животный,*—такъ говорилъ Онъ іудеямъ.—*Отцы ваши ядоша манну въ пустыни, и умроша. Сей есть хлѣбъ, сходяй съ небесе, да аще кто отъ него ястъ, не умретъ* (Іоан. 6, 48—50). И чтобы кто не подумалъ, что это сказано наскоро, безъ особенной цѣли, и потому не должно быть принимаемо строго, Спаситель ту же самую мысль выражаетъ потомъ другими, подоб-

ными словами: *Азъ есмь хлѣбъ животный, сшедый съ небесе: аще кто снѣсть отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки* (51). Мало сего: Спаситель указываетъ потомъ на причину и на самое основаніе, почему должно быть такъ, а не иначе; то-есть, почему истинный причастникъ Тѣла и Крови Христовой не можетъ подлежать смерти. *Якоже посла Мя живый Отецъ, и Азъ живу Отца ради, и ядый Мя, и той живъ будетъ Мене ради.* Отецъ мой,—какъ бы такъ говорилъ Господь,—есть жизнь высочайшая и всесовершенная, и источникъ всякой жизни, а какъ Я отъ Него пришелъ, и есмь съ Нимъ едино, то и во Мнѣ та же самая жизнь, и Я есмь источникъ жизни для всего живущаго. Но кто вкушаетъ Тѣло и Кровь Мою, тотъ соединенъ со Мною подобно тому, какъ Я соединенъ съ Отцемъ; посему и въ немъ не можетъ не быть жизни, тѣмъ паче не можетъ быть смерти: и *той живъ будетъ Мене ради.* Видите силу умозаключенія Христова? Причащающійся не можетъ умереть по тому самому, почему не можетъ подлежать смерти Самъ Онъ!

Но, какъ же, скажете, умираютъ самые Святые?—А кто сказалъ вамъ, братіе, что Святые умираютъ?—На языкѣ святой Церкви (а языкъ Церкви одинъ имѣетъ силу въ семъ случаѣ), смерть Святыхъ никогда не называется смертію, а успеніемъ и преставленіемъ. И совершенно правильно!—Ибо такъ называемая смерть Святыхъ совсѣмъ не то, что смерть для насъ, а, можно сказать, есть совсѣмъ противное. Ибо для насъ, смерть, во-первыхъ, есть предметъ ужаса и отвращенія, а для Святыхъ—предметъ желанія и радости. *Желаю,* говоритъ святый Павелъ, *разрѣшитися и со Христомъ быти* (Филип. 1, 23); *окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* (Рим. 7, 24). Видишь, что Апостолъ называетъ смертію? не смерть,—она для него избавленіе,—а настоящую жизнь свою. Во-вторыхъ, часъ смерти для насъ есть часъ обнаруженія всей нашей слабости, всего лишенія, начало нашего небытія для міра, а для Святыхъ смерть есть время наибольшаго открытія ихъ совершенствъ, начало ихъ небеснаго царствія со Христомъ. Ибо, по смерти они дѣлаются ходатаями предъ Богомъ за цѣлые народы, начинаютъ являть такія дѣйствія, коимъ дивится весь міръ.—По самому тѣлу своему Святіи Божіи въ смерти видимо торжествуютъ надъ смертію, ибо, тогда какъ наши тѣла чрезъ

малое число дней предаются тлѣнію, и симъ тлѣніемъ гонятъ всѣхъ отъ себя, самыхъ ближнихъ нашихъ,—тѣла Святыхъ остаются невредимыми въ продолженіе тысящелѣтій, и на воню мура ихъ стекаются грады и веси. Послѣ сего, суди самъ, правильно ли сказано о причащающемся воистину Тѣла и Крови Христовой, что онъ не умретъ, а будетъ жить во вѣки?—Если онъ не остается навсегда въ этой бренной жизни, въ этомъ бренномъ тѣлѣ, то потому, что оставаться въ нихъ навсегда было бы для него не наградою, а тяжкимъ наказаніемъ, не жизнію вѣчною, а вѣчнымъ умираніемъ.

Третій чрезвычайный плодъ причащенія Тѣла и Крови Христовой, по слову Самого же Спасителя, состоитъ въ томъ, что они служатъ для причащающагося ближайшимъ залогомъ его будущаго воскресенія плотію въ жизнь вѣчную. *Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь,* говоритъ Спаситель, *имать животъ вѣчный и Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. 6, 54). Тутъ, пожалуй, опять мѣсто вопросу, отчего воскресеніе усвояется особенно тѣмъ, кои причащаются Тѣла и Крови Христовой? Не принадлежитъ ли оно и всѣмъ умирающимъ, по сказанному: *грядетъ часъ, въ онъже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ* (Іоан. 5, 25—28)?—Такъ, всѣ воскреснутъ; но не одинаково, не только по цѣли,—ибо одни воскреснутъ для мученій, а другіе для блаженства вѣчнаго,—но и по образу воскресенія; ибо одни воскреснутъ по силѣ одного всемогущества, имѣющаго на нихъ воздѣйствовать, а другіе по силѣ сего всемогущества и вмѣстѣ по дѣйствію внутренняго благодатнаго предрасположенія къ воскресенію и жизни вѣчной. Посему въ словахъ Спасителя: *Азъ воскрешу его,* хотя они сказаны, повидимому, просто и вообще, надобно предполагать особенную силу и особенную мысль. *Азъ воскрешу его,*—то-есть: «Я Самъ, а не труба Архангела; воскрешу его, какъ живой членъ собственнаго Моего Тѣла, съ коимъ Я неразрывно соединенъ, и въ коемъ жилъ доселѣ, который существенно никогда и не умиралъ, ибо пребывалъ во Мнѣ и Азъ въ немъ. Я воскрешу или паче возбужду его, какъ возбуждаютъ отъ сна: только явлюсь міру, и онъ самъ воспрянетъ и устремится ко Мнѣ неудержимо, ибо въ немъ—Тѣло и Кровь Моя, ибо Я и онъ—*едино!*» Съ сей стороны на причащеніе

Тѣла и Крови Христовой должно взирать, братіе, какъ на особенное нѣкое пріуготовленіе насъ къ будущему нашему воскресенію. Будучи сами нетлѣнны и живоносны, Тѣло и Кровь Христовы вносятъ съ собою и въ наше бренное тѣло сѣмя безсмертія, и служатъ къ изгнанію изъ него того ужаснаго *сѣмени тли,* которое всѣялось въ него отъ плода запрещеннаго. Посему-то святый Игнатій Богоносецъ называлъ Евхаристію *врачествомъ безсмертія.*

«Слѣдовательно,—можетъ подумать при семъ кто-либо,—такъ какъ дѣйствіе лекарствъ зависитъ отъ неопустительнаго пріема ихъ, то стоитъ только чаще приступать ко причащенію Святыхъ Таинъ, дабы достигнуть всѣхъ чудесно-благодатныхъ дѣйствій сего таинства.» Нѣтъ, возлюбленный, и еще повторю—нѣтъ! Тебя смущаетъ примѣръ лекарства; но присмотрись къ нему получше, и ты самъ увидишь противное. Неопустительный пріемъ лекарствъ дѣйствуетъ сильно, но всегда ли? Нѣтъ, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда принимаемыя устами лекарства пріемлются и усвояются и внутрь насъ нашими органами питанія, и разливаются отъ нихъ правильно по всему составу тѣла, а наипаче по тѣмъ его частямъ, кои особенно страдаютъ отъ болѣзни и служатъ для нея сѣдалищемъ. Въ противномъ случаѣ, то-есть, когда нѣтъ сего внутренняго усвоенія лекарствъ; когда они не соединяются съ нашими соками и кровію, то сколько ни принимай лекарствъ самыхъ лучшихъ, пріемъ ихъ не поможетъ здоровью, а еще обратится во вредъ. Подобное сему разумѣй и о Евхаристіи. Чтобы врачество Тѣла и Крови Христовой оказало надъ нами все свое дѣйствіе,—для сего, кромѣ принятія ихъ устами тѣлесными, надобно, чтобы они были приняты устами сокрушеннаго и смиреннаго сердца; чтобы посредствомъ живой вѣры вошли во внутренность нашего существа; чтобы, растворенныя любовію, соединились съ силами нашего духа и тѣла; чтобы благодатію Духа Святаго обратились въ сокъ и кровь нашу. Безъ сего, хотя бы ты непрестанно приступалъ къ святой трапезѣ, хотя бы ничего другаго не вкушалъ, кромѣ Тѣла и Крови Христовой, они не произведутъ надъ тобою своихъ дѣйствій благодатныхъ, потому что не усвоены тобою.

Что нужно для сего усвоенія? То самое, на что указали мы сейчасъ. Для сего потребно, во-первыхъ, искреннее со-

знаніе своего недостоинства, живое чувство своей духовной и тѣлесной бѣдности, отъ коего происходитъ гладъ и жажда Тѣла и Крови Христовой, какъ единаго брашна, могущаго насытить насъ, какъ единаго врачевства, могущаго исцѣлить недуги наши. Симъ чувствомъ смиренія существо наше упраздняется отъ всего враждебнаго Божественному врачевству, пріуготовляется внутрь насъ для сего врачевства мѣсто и отверзается ему входъ. Требуется, во-вторыхъ, живая вѣра въ Господа Іисуса Христа и Его ходатайственныя заслуги въ дѣйствительность Тѣла и Крови Его въ Евхаристіи и въ благодатную силу ихъ на освященіе души и тѣла нашего. Сею вѣрою, какъ духовными устами, пріемлется Божественная манна, и усвояется всѣмъ силамъ существа нашего. Требуется, въ-третьихъ, живая любовь къ Спасителю, которая, растворяя, такъ сказать, теплотою своею наше тѣло и кровь съ Его Тѣломъ и Кровію, усвояетъ намъ послѣднія и обращаетъ въ нашу вѣчную собственность. Требуется, наконецъ, святая рѣшимость, по таинственномъ соединеніи со Христомъ, оставаться навсегда живыми членами Его, блюстись отъ всякія скверны плоти и духа, и ходить достойно новаго высокаго званія своего. Сею рѣшимостію запечатлѣвается дѣйствіе Божественнаго врачевства, и предотвращается возвратъ болѣзни.

Се требованіе Тѣла и Крови Христовой! Можемъ ли сказать, чтобы какое-либо изъ нихъ было не нужно, или неудобоисполнимо?—Со смиреніемъ убо, съ вѣрою, съ любовію и съ твердою рѣшимостію блюстись отъ грѣха, приступимъ, возлюбленные, къ чашѣ Завѣта,—да тако причастницы жизни вѣчныя будемъ! Аминь.

Слово въ субботу первой недѣли Великаго поста

НА УТРЕНИ
О ПРИЧАЩЕНІИ.

Въ надеждѣ, что представленіе величайшей важности и чрезвычайныхъ духовныхъ плодовъ, отъ причащенія Святыхъ Таинъ, расположитъ каждаго изъ насъ приступить къ принятію ихъ со всею вѣрою и любовію, со всею рѣшимостію

сохранить принятый даръ въ чистотѣ совѣсти и житія,—мы хотѣли было симъ самымъ окончить собесѣдованіе наше о таинствѣ Евхаристіи, не касаясь опасныхъ послѣдствій—отъ недостойнаго причащенія. Но потомъ пришло на мысль, что мы поступимъ не хорошо, если сокроемъ опасность. Нѣкоторые могутъ впасть въ нее именно по невѣдѣнію того, что угрожаетъ недостойнымъ причастникамъ Тѣла и Крови Господней. И кто, послѣ нихъ самихъ, будетъ подлежать отвѣту за сіе, какъ не пастыри и учители Церкви, не предостерегшіе ихъ отъ опасности? Посему дослушайте теперь то, что не досказано прежде.—Нерадостное должно сказать, но нерадостное только для тѣхъ, кои захотятъ безразсудно сами себя лишить вѣчнаго радованія о Господѣ.

Что бы вы думали, братіе, вкушаетъ тотъ, кто причащается Святыхъ Таинъ не съ должнымъ расположеніемъ духа и сердца? Не Тѣло и Кровь Христовы, а одинъ простой хлѣбъ и вино? Ахъ, и это было бы уже великое лишеніе! *Но дарованія Божіи не раскаянны* (Рим. 11, 29); посему и недостойные, равно какъ и достойные, пріемлютъ истинное Тѣло и истинную Кровь Господа. Но сіе-то самое счастіе и обращается для нихъ въ величайшее несчастіе, потому что Божественное брашно, которое истиннымъ причастникамъ служитъ въ оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную, для ложныхъ ведетъ за собою судъ и осужденіе. *Ядый бо и піяй недостойнѣ*, по слову Апостола, *судъ себѣ ястъ и піетъ* (1 Кор. 11, 29). И замѣтьте силу выраженія Апостольскаго, не говоритъ, подвергаетъ себя суду, *а судъ ястъ и піетъ*, то-есть несчастный самъ не только произноситъ на себя судъ, но и вноситъ его въ себя, совершаетъ надъ собою. Такъ неотразимо въ семъ случаѣ наказаніе за преступленіе! Иначе и быть не можетъ, судя по важности вины. Ибо въ чемъ виновенъ ложный причастникъ?—Въ томъ, что есть самаго преступнаго:—онъ *повиненъ*, по слову Апостола, *Тѣлу и Крови Господа*, то-есть смерти Господней. Можетъ ли быть вина тягче сей вины? И распинатели Господа виновны были въ семъ ужасномъ преступленіи, но виновны не столько, какъ худой причастникъ, потому что они или вовсе не знали, или знали несовершенно, кого распинаютъ. *Аще бо быша разумѣли*, говоритъ Апостолъ, *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8). Но нынѣ недостойный причастникъ не можетъ

не знать, кого распинаетъ: онъ распинаетъ своими грѣхами именно *Господа славы,* потому что съ младенчества сто разъ слышалъ и непрестанно слышитъ, что Іисусъ Христосъ, Коего онъ Тѣла и Крови причащается, есть Единородный Сынъ Божій, истинный Богъ и Творецъ всего видимаго и невидимаго. И такое-то Существо—всемогущее, всевѣдущее, онъ презираетъ!... И какъ презираетъ и оскорбляетъ? Въ собственномъ Тѣлѣ и Крови Его!... въ самомъ высшемъ дарѣ Его любви! въ томъ таинствѣ, учрежденіе коего стоило Ему смерти крестной!... Такое преступленіе, скажемъ словами Златоуста, какихъ не заслуживаетъ молній и громовъ?

Громы сіи до времени молчатъ, молніи сіи до предопредѣленнаго дня и часа невидимы; долготерпѣливый и многомилостивый Спаситель и Судія нашъ, отлагая судъ на будущее и дая мѣсто покаянію, терпитъ оскорбленія, наносимыя Тѣлу и Крови Его, съ тѣмъ же безмолвіемъ, какъ Онъ терпѣлъ біенія и заушенія во дворѣ Каіафы и Пилата, но Божественные дары, принятые нераскаяннымъ грѣшникомъ,—безъ всякаго особеннаго распоряженія Промысла, сами по себѣ,—какъ огнь Божественный, попаляяй, по существу своему, недостойныя,—могутъ оказывать въ грѣшникѣ великое карательное дѣйствіе. Такъ въ Церкви Коринѳской, по свидѣтельству Апостола Павла, изъ недостойныхъ причастниковъ многіе подвергались за свою вину тяжкимъ болѣзнямъ и самой смерти... Такъ въ Церкви Карѳагенской, по свидѣтельству святаго Кипріана, одинъ недостойный причастникъ, вдругъ, послѣ причащенія сдѣлался нѣмымъ, а у другаго расторгся на двое языкъ. Такъ во времена Златоуста, по словамъ его, недостойные причастники подвергались иногда видимо мученіямъ отъ злыхъ духовъ. Кто поручится, что и нынѣ недостойное причащеніе не сопровождается подобными слѣдствіями? Если мы не замѣчаемъ ихъ, то, можетъ быть, именно потому, что не замѣчаемъ,—не обращаемъ на сіе дѣло никакого вниманія, вовсе не думаемъ, чтобы за недостойнымъ причащеніемъ могло слѣдовать что-либо. А какъ не слѣдовать чему-либо, когда мы въ таинствѣ причащенія пріемлемъ въ себя, по выраженію Церкви, огнь Божественный?—Какъ не слѣдовать чему-либо отъ вкушенія Тѣла и Крови Господней, когда и употребленіе обыкновеннаго брашна и питія сопровождается нерѣдко важными по-

слѣдствіями?—Сильныя и рѣшительныя врачевства всегда такого свойства, что если не производятъ спасительныхъ дѣйствіи, то сопровождаются великою опасностію для пріемлющихъ. А какое врачевство сильнѣе и рѣшительнѣе—Тѣла и Крови Сына Божія?

Вотъ что, братіе, почелъ я за долгъ открыть предъ вами, дабы всякій зналъ и вѣдалъ, что съ святѣйшимъ таинствомъ нельзя поступать, какъ съ вещію безразличною. Нѣтъ судъ таковыхъ не дремлетъ, не дремлетъ!...

Слова нерадостныя! Но для кого нерадостныя? Для тѣхъ, кои сами себя произвольно и безразсудно лишаютъ радости, не имѣя ни малѣйшаго на то извиненія. Ибо какое извиненіе? Если бы для достойнаго причащенія требовалось высокихъ добродѣтелей, особенныхъ подвиговъ,—то можно было бы сказать, что къ сему способенъ не всякій. А отъ насъ чего требуется?—Вѣры: кто же не способенъ къ ней? Смиренія: можетъ ли не имѣть его грѣшникъ?—Любви ко Спасителю: Его ли не возлюбить всѣмъ сердцемъ? Рѣшимости жить отселѣ и дѣйствовать не по своимъ похотямъ, а по волѣ Божіей, а отъ сего кто можетъ отрицаться?—Для чего иначе и приступать къ чашѣ Завѣта, какъ не для сего самаго?

Такимъ образомъ, что есть нерадостнаго въ семъ нашемъ собесѣдованіи, то нерадостно не для васъ, кои намѣрены приступить ко причащенію Святыхъ Таинъ съ вѣрою, смиреніемъ, любовію и твердымъ желаніемъ посвятить жизнь свою Господу. Для васъ въ чашѣ Завѣта—одинъ миръ, одна любовь и одна радость о Дусѣ Святѣ! Аминь.

Слово въ субботу первой недѣли Великаго поста

по причащеніи святыхъ таинъ.

Куда пошли изъ-за Тайной Вечери Апостолы?—Они пошли съ Учителемъ и Господомъ своимъ въ Геѳсиманію, чтобы тамъ бодрствовать и молиться, страдать и уповать. А куда пошелъ Іуда? онъ пошелъ одинъ, къ врагамъ Іисусовымъ, со спирою и слугами, чтобы взять и предать имъ своего учителя и Господа. Отъ одной и той же Божественной

трапезы—какіе два различныхъ плода!... Изъ одного и того же святаго мѣста—какіе два противоположныхъ пути!...

Куда привелъ путь Апостоловъ? Сначала въ Геѳсиманію и на Голгоѳу, потомъ на Елеонъ, потомъ въ Сіонскую горницу, а потомъ — на небо... А путь Іудинъ? Онъ привелъ сначала въ чертоги Каіафы, потомъ завелъ—было несчастнаго на нѣкоторое мгновеніе ко храму, но потомъ—и скоро, привелъ къ погибельному древу, а съ него — въ адъ!.. До того различна была участь первыхъ причастниковъ Тѣла и Крови Христовой!—Отчего такое (ужасное) различіе?—Отъ благой и злой воли. Благая воля привела Апостоловъ на небо; злая воля низвела во адъ Іуду. И Петръ падалъ, но всталъ; то же было бы и съ Іудою, если бы покаялся и сотворилъ плоды, достойные покаянія.

Идетъ ли кто нынѣ путемъ Апостоловъ? Идетъ — тотъ, кто, причастившись Тѣла и Крови Христовой, почитаетъ себя чрезъ то самое неразрывно и навсегда соединеннымъ со Христомъ, а посему слѣдуетъ за Нимъ всюду, куда ни поведетъ Онъ, на Ѳаворъ или въ Геѳсиманію, — кто, принадлежа Спасителю своему всѣмъ существомъ своимъ, старается уподобляться Ему во всемъ, мыслить такъ, какъ мыслилъ Онъ, говорить такъ, какъ говорилъ Онъ, жить и умереть, какъ жилъ и окончилъ земную жизнь—Онъ!

Нейдетъ ли кто и нынѣ путемъ Іудинымъ? Идетъ—тотъ, кто, принимая Тѣло и Кровь Господа въ Евхаристіи, принимаетъ ихъ какъ простой хлѣбъ и вино, и почитаетъ себя чрезъ то ничѣмъ необязаннымъ своему Спасителю;—кто въ храмѣ показуетъ нѣкое уваженіе къ Святынѣ и, когда говорятъ о грѣхахъ и измѣнѣ закону, готовъ, подобно Іудѣ, спросить: *не я ли, Господи?*—а за храмомъ явно покланяется міру и его кумирамъ, продаетъ безстыдно вѣру и законъ, стыдъ и совѣсть.

Таковъ и нынѣ путь Апостоловъ и путь Іудинъ!

Предъ вами оба пути: и одинъ какой-либо непремѣнно избрать должно! *Иже нѣсть со Мною, на Мя есть,* сказалъ Самъ Господь. Итакъ съ кѣмъ вы? Съ кѣмъ, — не здѣсь и теперь—въ храмѣ, а тамъ, гдѣ встрѣтитъ васъ искушеніе; гдѣ, можетъ быть, надобно будетъ или пріять честь и богатство неправедныя, или идти на крестъ за правду?... Но, вы уже избрали, что должно;—каждый изъ васъ сказалъ: я не

дамъ Тебѣ лобзанія Іудина! Смотрите: не давайте же сего адскаго лобзанія! Иначе оно будетъ нѣкогда жечь уста и сердце ваше пламенемъ адскимъ! Каждый изъ васъ обѣщалъ исповѣдывать Господа, подобно благоразумному разбойнику: смотрите—исповѣдайте же! Въ случаяхъ къ сему не будетъ недостатка, ибо міръ и теперь тотъ же, что былъ прежде: весь во злѣ лежитъ и къ злу всѣхъ влечетъ. Стойте же мужественно противъ сего зла и въ себѣ и въ другихъ! Не возвращайтесь на прежнее! Благоразумный разбойникъ, если бы ему удалось сойти съ креста живымъ, безъ сомнѣнія, посвятилъ бы всю остальную жизнь Господу, и содѣлался бы ревностнѣйшимъ изъ учениковъ Его. Посвятимъ и мы все остальное время жизни нашей Ему же Всеблагому, дабы въ часъ смерти услышать отъ Него: днесь со Мною будеши въ раи! Аминь.

Слово въ субботу первой недѣли Великаго поста

НА ВЕЧЕРНИ.

Наконецъ поприще святаго говѣнія вами окончено! За малый подвигъ пощенія и молитвословій вы пріяли отпущеніе грѣховъ, а нынѣ удостоились причаститься самаго пречистаго Тѣла и самой животворящей Крови Господа!... Видите ли теперь разность служенія міру и Богу? Чувствуете ли, какъ благъ Господь къ кающимся грѣшникамъ? Многіе изъ васъ долго блуждали на странѣ чуждой, служили со всѣмъ ослѣпленіемъ богамъ инымъ, а Онъ, при маломъ обращеніи вашемъ къ Нему, пріялъ васъ какъ чадъ, облекъ одеждою невинности и ввелъ въ свѣтлый чертогъ Свой! Міръ истощалъ ваши силы, разъѣдалъ, можно сказать, вашу плоть и кровь, а Господь Спаситель напиталъ всѣхъ васъ собственнымъ Тѣломъ и собственною Кровію!... Возблагодарите же вмѣстѣ съ нами Господа, падите еще разъ предъ симъ престоломъ славы и любви Его; изреките снова обѣтъ быть вѣрными Ему до смерти, и поспѣшите оправдать вѣру свою чистою жизнію!—Пусть міръ узнаетъ, что вы не напрасно разставались съ нимъ, что вы не безплодно провели здѣсь время, что вы точно были во врачебницѣ душъ и сердецъ.

И міръ, братіе, тотчасъ узнаетъ сіе, коль скоро вы останетесь вѣрными своимъ обѣтамъ. Я не говорю, что вы сдѣлаетесь совершенно безгрѣшными (это удѣлъ тѣхъ, кои уже разрѣшились отъ узъ плоти и крови); но вы постоянно будете стараться быть какъ можно свободнѣе отъ грѣха. Дѣло спасенія отнынѣ начнетъ быть главнымъ дѣломъ вашимъ, коему подчинятся всѣ прочія дѣла и занятія, чистота сердца и совѣсти содѣлается такимъ сокровищемъ, коимъ вы будете дорожить паче всѣхъ отличій и пріобрѣтеній, мысль о приготовленіи себя къ вѣчности будетъ занимать васъ каждый день, утро и вечеръ. Вслѣдствіе сего, во всей жизни вашей и во всѣхъ отношеніяхъ должна произойти великая перемѣна: многое изъ того, что прежде трогало, занимало васъ, будетъ оставлено навсегда; и, напротивъ, многое, о чемъ вы вовсе не думали, или думали мало, чего вы вовсе не дѣлали, или дѣлали рѣдко, — теперь будетъ любимымъ вашимъ занятіемъ; гдѣ вы прежде были высокомѣрны, горды, тамъ увидятъ васъ кроткими и смиренными; въ чемъ не соблюдалось никакой умѣренности, тамъ наступитъ воздержаніе; многіе изъ друзей, можетъ быть, придутъ въ совершенное забвеніе, а нѣкоторые изъ враговъ или людей нелюдимыхъ сдѣлаются друзьями. А смотря на все это, всѣ, знавшіе васъ, принуждены будутъ сказать, что вы не тѣ, что прежде; что съ вами произошла необыкновенная перемѣна—на лучшее, на святое, на Богоугодное.

Излишнее ли, братіе, мы обѣщаемъ за васъ, говоря такимъ образомъ?—Не сего ли самаго вы сами искали у подножія сего святаго алтаря? не за здравіемъ ли душевнымъ приходили къ намъ? — Прощеніе изречено, завѣтъ съ Богомъ возстановленъ, право на спасеніе принято: вашъ долгъ теперь сохранить принятое! Дары Господа нераскаянны; да будетъ нераскаянно и покаяніе ваше!—Безъ сомнѣнія, для сего потребуется съ вашей стороны не мало усилій: надобно будетъ вытерпѣть различныя искушенія, принести не одну жертву, разорвать много нечистыхъ узъ, сражаться иногда со грѣхомъ до крови, ибо, если когда, то теперь міръ нападетъ на васъ съ своими соблазнами, плоть возстанетъ съ своею силою и съ своимъ безсиліемъ; самъ духъ злобы ожесточится во брани противу васъ. Но, званія святаго причастницы! развѣ вы сами думали когда-либо тор-

жествовать побѣду безъ сраженія со врагами спасенія? Развѣ міръ, коему служили вы, не требовалъ отъ васъ непрестанныхъ принужденій самимъ себѣ? развѣ плоть не заставляла приносить себѣ тяжкихъ жертвъ? развѣ духъ злобы даромъ предлагалъ *вся царствія міра?* — Такъ дорого покупая доселѣ собственную погибель, пожалѣете ли вы чего-либо теперь для пріобрѣтенія собственнаго спасенія?—Пожалѣетъ ли чего-либо для сего Самъ Господь и Спаситель вашъ, когда уже преподалъ вамъ самое Тѣло и Кровь Свою?— Нѣтъ, если Его благодать преслѣдовала васъ, когда вы блуждали по стропотнымъ путямъ грѣха, когда нагло измѣняли вашей совѣсти и Его святому закону, то теперь, когда вы обратились къ Нему всецѣло и навсегда, когда всѣмъ сердцемъ будете любить Его и сражаться за Него;—теперь сія всемощная благодать проліется надъ вами всѣми благословеніями, будетъ непрестанно вразумлять и наставлять васъ, укрѣплять, утѣшать, хранить и оживлять. И такъ, воодушевитесь мужествомъ, соберите всѣ благіе помыслы и чувства, сосредоточьте всѣ силы ума и воли въ дѣлѣ вашего спасенія,—и начните, немедленно начните совершать его!...

Если бы для сего потребовалось чего-либо снова съ нашей стороны,—вразумленія ли, утѣшенія ли, молитвы, или новой исповѣди: приходите за симъ, когда угодно, требуйте смѣло всего, что для васъ нужно, не щадите ни времени, ни покоя нашего,—мы на то призваны; ваше спасеніе есть нашъ долгъ, наша пища, нашъ покой, наша радость и спасеніе!..

Паче же всего обращайтесь, какъ можно чаще съ сердечною молитвою къ Самому Врачу душъ и сердецъ, Господу Іисусу. Онъ Самъ началъ въ васъ дѣло спасенія; Онъ Самъ одинъ можетъ и совершить его,—и совершитъ, непремѣнно совершитъ, если вы не воспрепятствуете тому своею невѣрностію!... Аминь.

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА.

Іудее знаменія просятъ, и Еллини премудрости ищутъ мы же проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе, самѣмъ же званнымъ Іудеемъ же и Еллиномъ Христа Божію силу и Божію премудрость (1 Кор. 1, 22—24).

Слово въ Великій Понедѣльникъ на утрени.

*Грядый Господь къ вольной страсти, Апостоломъ глаголаше на пути: се восходимъ во Іерусалимъ, и предастся Сынъ Человѣческій, якоже есть писано о Немъ. Пріидите убо и мы, очищенными смыслы сшествуемъ Ему, и сраспнемся и умертвимся Его ради житейскимъ сластемъ, да и оживемъ съ Нимъ *).*

Съ нынѣшнимъ утромъ, братіе, началась священная седмица страданій Христовыхъ—время въ цѣломъ году самое важное, посему каждому изъ настоящихъ дней издавна усвоено названіе *великаго и чистаго.* И дни сіи подлинно велики, по чрезвычайнымъ событіямъ, въ нихъ происходившимъ, подлинно чисты по той особенной чистотѣ, съ которою проводятъ ихъ истинные христіане, и которую могутъ они доставить всякому, провождающему ихъ какъ должно. Посему-то святая Церковь нынѣ, при самомъ началѣ великихъ и святыхъ дней, оглашаетъ слухъ нашъ особеннымъ воззваніемъ, приглашая къ достойному провожденію оныхъ; и чтобы сіе воззваніе было тѣмъ дѣйствительнѣе обращаетъ его къ намъ отъ лица Самого Господа: *Грядый Господь къ вольной страсти, Апостоломъ глаголаше на пути,* и проч.

*) На хвал. стих. I.

Господь глаголалъ о Своемъ пути Апостоламъ; но можно ли сказаннаго Имъ не отнесть къ себѣ всякому, кто токмо слышитъ оное?—Онъ возбуждалъ вниманіе къ Своимъ страданіямъ въ первыхъ ученикахъ Своихъ; — но какой самый послѣдній ученикъ не почувствуетъ себя обязаннымъ къ тому же?—Мы торжествовали всѣ важныя событія въ земной жизни Господа нашего: Его чудесное зачатіе, преславное рожденіе, дивное принесеніе во храмъ, еще болѣе дивное крещеніе и вчерашнее вшествіе во Іерусалимъ; можемъ ли не раздѣлить съ Нимъ и послѣднихъ минутъ Его?—Теперь, теперь особенно должно явить любовь и усердіе, когда всѣ оставляютъ Его! Развѣ не за насъ Онъ идетъ на крестъ? Развѣ не наши грѣхи будутъ омываться Его кровію? И мы позволимъ себѣ отсутствіе въ сіе время?—Нѣтъ, братіе, пріидите вси, малые и великіе, просвѣщенные и простые, старые и юные, пріидите, соединимся въ духѣ вѣры и любви, и пойдемъ бодренною мыслію за своимъ Спасителемъ; не опустимъ безъ вниманія ни одного Его слова, раздѣлимъ всѣ Его чувства, войдемъ въ духъ всѣхъ Его поступковъ. И человѣки предъ смертію говорятъ и дѣйствуютъ разительнѣе; тѣмъ паче Богочеловѣкъ.—Итакъ, усугубимъ вниманіе; паче же всего очистимъ смыслъ. Ибо, какъ очами, исполненными праха, нельзя видѣть хорошо самыхъ великихъ и явственныхъ предметовъ, такъ съ умомъ наполненнымъ нечистыми мыслями о земныхъ благахъ, невозможно созерцать Божественнаго величія страданій Христовыхъ.

Но къ сожалѣнію, у многихъ смыслъ и вся душа никогда такъ не бываютъ нечистыми, исполненными суетъ житейскихъ, какъ въ сію святую и чистую седмицу. Заботы объ окончаніи различныхъ дѣлъ до праздника, заботы о приготовленіи различныхъ вещей къ празднику развлекаютъ умъ на всѣ стороны и разсѣеваютъ чувство по предметамъ самымъ суетнымъ. Оттого Богослуженія, даже самыя важныя, напримѣръ, часы въ Великій Пятокъ почти вовсе не посѣщаются; другія Богослуженія посѣщаются не всецѣло; многое изъ читаемаго въ церкви и притомъ самаго важнаго, какъ-то повѣствованія четырехъ Евангелистовъ о жизни Іисуса Христа, опускается безъ особеннаго вниманія, какъ постороннее: и образъ страданій Христовыхъ, начертанный Церковію въ обрядахъ ея съ такою мудрою подробностію

и трогательностію, бываетъ созерцаемъ во всей полнотѣ своей развѣ одними Ангелами, вину присутствующими въ храмахъ Божіихъ. Ахъ, братіе! не такого смысла, разсѣяннаго, подавленнаго земными чувствами, требуетъ отъ насъ святая и великая седмица!—Мы будемъ слышать повѣсть о всей жизни нашего Спасителя,—ибо когда приличнѣе обозрѣть ее всю, какъ не предъ ея концомъ?—Но въ состояніи ли будетъ обнять мыслію сію жизнь тотъ, кто такъ разсѣянъ, что вовсе не знаетъ собственной жизни?—Мы будемъ свидѣтелями послѣднихъ бесѣдъ Господа съ Его учениками на Тайной Вечери, но возможетъ ли наше сердце воспламениться огнемъ любви Іисусовой, если оно, подобно сердцу Іуды, будетъ тамъ, гдѣ его сокровища? Итакъ, ради насъ самихъ, братіе если не ради Господа мы должны въ настоящіе дни собрать какъ можно болѣе, всѣ свои мысли и чувства, и очистить ихъ, иначе намъ невозможно будетъ шествовать за нашимъ Искупителемъ; иначе мы отстанемъ отъ Него и останемся,—кто во дворѣ Каіафы, съ однимъ внѣшнимъ видомъ благочестія,—кто въ преторіи Пилата, съ одною личиною правды, съ омытыми руками, но съ осквернённою совѣстію,—кто во дворцѣ Ирода, съ незлонамѣреннымъ, повидимому, но тѣмъ не менѣе ужаснымъ глумленіемъ надъ простотою вѣры,—кто при Іудѣ, съ явнымъ святокупствомъ или отчаяніемъ. Не напрасно Самъ Господь говорилъ при наступленіи Своихъ страданій Апостоламъ: *иже имать влагалище, да возьметъ; а иже не имать, да продастъ ризу свою и купитъ ножъ* (Лук. 22, 36). Это значитъ, что въ настоящіе дни надобно освободиться отъ всего излишняго, развлекающаго. Нуженъ ножъ—рѣшимость закалать всѣ заботы, всякое грѣховное и плотское стремленіе. Продай, вѣрующая душа, продай теперь все, и купи сей чудный ножъ: не Малха нужно тебѣ поражать имъ, а того ветхаго человѣка, который и въ тебѣ часто вопіетъ противу Христа: *возьми, возьми, распни Его* (Іоан. 19, 15).

«Но куда же дѣвать житейскія заботы?» скажетъ кто-либо. «Наступленіе великаго и продолжительнаго праздника по необходимости требуетъ не малаго попеченія о житейскомъ». Знаемъ, братіе, сіе положеніе и скорбимъ о томъ, что когда Христосъ на крестѣ, христіане съ утра до вечера на торжищѣ; когда Христосъ въ мукахъ восклицаетъ: *жажду!*

(Іоан. 19, 28) и напаяется оцтомъ,—христіане уготовляютъ разнообразныя снѣди и питіи; когда Христосъ предаетъ духъ Свой Отцу, христіане едва переводятъ дыханіе отъ житейскихъ суетъ. Все это сдѣлалось для многихъ неизбѣжнымъ, но почему? Кто узаконилъ всѣмъ нашимъ житейскимъ нуждамъ стекаться именно въ страшные дни смерти и погребенія Господа? По чьему повелѣнію плоть и кровь наша тогда наипаче предъявляютъ свои права на насъ и дѣлаютъ насъ рабами своими. когда Христосъ предаетъ за насъ Плоть и Кровь Свою?—Развѣ не возможно было большей части нуждъ, если не всѣхъ, удовлетворить въ прошедшіе дни съ тѣмъ, чтобы сію седмицу, особенно послѣдніе дни, посвятить всецѣло Господу?—Развѣ нѣтъ такихъ людей, кои поступаютъ именно такимъ образомъ, и у коихъ плотское посему не препятствуетъ духовному?—Что препятствуетъ и всѣмъ поступать такимъ образомъ,—заранѣе платить дань міру и плоти, дабы теперь быть свободными для духа?—«Но тогда торжища пусты». А кто заставилъ ихъ быть полными въ самые священные дни и содѣлывать пустыми храмы Божіи, если не наше разсѣяніе и міролюбіе? Торжища послѣдуютъ за людьми, какъ скоро люди будутъ слѣдовать, куда должно.

Но не будемъ, пожалуй, требовать перемѣны житейскаго порядка вещей, какъ онъ ни худъ и недостоинъ христіанъ; оставимъ міру господство въ своемъ мѣстѣ, даже въ сіи дни. И при этомъ можно выполнить требованія Церкви, можно имѣть очищенный смыслъ и сшествовать Христу среди Его страданій въ духѣ вѣры и любви. Наступающій праздникъ требуетъ приготовленій, но много-ли?—Добрый христіанинъ найдетъ безъ труда способъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ праздника, не разсѣяваясь мыслями и чувствами, не теряя изъ виду своего Спасителя. И Апостолы ходили въ городъ за покупками, и они приготовляли вечерю; и жены равноапостольныя покупали ароматы, но смотрите, какъ у нихъ все свято, чисто!—Почему такъ нельзя быть и у насъ?—Только наша суетность измышляетъ множество мелкихъ, ненужныхъ нуждъ, и удовлетвореніемъ ихъ мучитъ сама себя и другихъ, только ненасытимость нашей плоти увеличиваетъ чрезъ мѣру потребности свѣтлыхъ дней, кои, сами по себѣ будучи питательны для духа, по тому самому менѣе требуютъ пищи для плоти. Такъ, братіе, наступающій праздникъ тре-

буетъ немногаго, потому что онъ самъ въ себѣ заключаетъ весьма много,—много пищи и питія духовнаго, много наслажденій и сладостей сердечныхъ. Если въ продолженіе его слишкомъ много намъ кажется нужнаго для плоти, то это потому, что нашъ духъ не наслаждается радостями, заключающимися въ самомъ праздникѣ; а не наслаждается потому, что не способенъ вкушать духовныхъ благъ; а неспособенъ отъ того, что. находясь въ рабствѣ плоти, всегда алкалъ наслажденій только чувственныхъ, небрегъ объ очищеніи своего вкуса и прочихъ чувствъ. Оттого мы вообще послѣ присутствія, часто однимъ тѣломъ при Богослуженіи, не знаемъ въ чемъ другомъ и поставить праздникъ, какъ только во множествѣ брашенъ, въ шумѣ увеселеній, простирающемся не рѣдко до помраченія смысла и всѣхъ чувствъ. Такимъ образомъ у насъ все царство Божіе съ его великими событіями, вся вѣра съ ея святѣйшими таинствами наиболѣе выражается продолжительнѣйшимъ служеніемъ чреву,—брашномъ и питіемъ.—*Правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. 14, 17), чистыя наслажденія сердца, святые восторги духа,—что составляетъ главный плодъ вѣры, сущность всякаго истиннаго празднества,—намъ или вовсе не извѣстны, или извѣстны по одному имени. Состояніе по истинѣ самое плачевное! И здѣсь-то главная причина превращенія порядка вещей и всѣхъ празднествъ, особенно настоящихъ великихъ и святыхъ дней. Будучи сами совершенно земны, мы оземленяемъ и праздники Божіи; будучи плотски, мы изъ самаго креста Христова дѣлаемъ возглавіе для нашей плоти. Но вступимъ на противный путь, и все приметъ другой, истинный и правильный видъ. Проведемъ сію недѣлю какъ должно; выполнимъ требованія Церкви, пойдемъ за грядущимъ на страданія Господомъ; распнемся съ Нимъ всѣмъ *сластемъ житейскимъ:* и мы, безъ большихъ приготовленій для плоти, найдемъ въ грядущемъ празднествѣ то, чего никогда не находили: неистощимую пищу для духа и веселіе для сердца. Наслажденіе духовными благами, заключающимися въ праздникахъ, содѣлаетъ насъ равнодушными къ благамъ чувственнымъ, съ ними соединеннымъ; мы престанемъ измѣрять великость священныхъ дней продолжительностію нашихъ трапезъ и разнообразіемъ снѣдей; а вмѣстѣ съ симъ само собою спадетъ съ насъ множество излишнихъ суетъ, кои отнимаютъ

у насъ теперь драгоцѣнное время, и не даютъ намъ послѣдовать за нашимъ Господомъ. Такимъ образомъ самъ собою, безъ усилій, непримѣтно возстановится правильный порядокъ вещей, дней и занятій.

Еще повторю, братіе, сдѣлаемъ сей святый опытъ; рѣшимся въ сіи дни какъ можно болѣе времени отдать Господу, и какъ можно менѣе міру; рѣшимся собрать всѣ мысли и чувства, и устремить ихъ во слѣдъ грядущаго на страданія Господа. Много разъ уже протекали священные дни сіи для насъ безъ пользы, можетъ быть, даже со вредомъ душевнымъ, проведемъ ихъ хотя единожды, какъ должно. Такое провожденіе ихъ обыкновенно кажется скучнымъ, и посему-то наиболѣе отвращаются онаго. А я, отъ имени святой Церкви, отъ имени Самого грядущаго на страданія Спасителя нашего, дерзаю увѣрить васъ, что надлежащее провожденіе сихъ святыхъ дней заключаетъ въ себѣ такую внутреннюю сладость, что кто разъ проведетъ ихъ, какъ должно, не будетъ имѣть нужды въ новомъ побужденіи къ тому, чтобы проводить ихъ такимъ образомъ и всегда. Аминь.

Слово въ Великій Понедѣльникъ на литургіи.

Грядый Господь къ вольной страсти, Апостоломъ глаголаше на пути се восходимъ во Іерусалимъ, и предастся Сынъ Человѣческій, якоже есть писано о Немъ. Пріидите убо и мы, очищенными смыслы сшествуемъ Ему, и сраспнемся, и умертвимся Его ради житейскимъ сластемъ, да и оживемъ съ Нимъ (На вечер. стих. 1).

Послѣдуя Церкви, повторяющей въ своихъ пѣснопѣніяхъ приглашеніе—сшествовать грядущему на страданія Господу, и я, братіе, почелъ за долгъ повторить оное, и еще остановить на немъ ваше вниманіе. Въ утреннемъ собесѣдованіи нашемъ, мы разсуждали о необходимости сшествовать въ духѣ Господу и объ удаленіи препятствій къ тому, но не показали способа къ совершенію сего святаго дѣла, не указали подробно самаго пути, коимъ должно идти. А и это, можетъ быть, весьма нужно для многихъ. Увы, не многіе изъ насъ умѣютъ сами идти за своимъ Спасителемъ! Немногіе умѣютъ надлежащимъ образомъ пользоваться даже

тѣми путями, коиоткрываетъ и устрояетъ для сего святая Церковь! Посему нашъ долгъ преподать касательно сего святаго дѣла нѣсколько правилъ, кои могли бы служить руководствомъ.

Первый путь, братіе, къ шествованію за Христомъ во дни страданій Его, есть постоянное присутствованіе въ сіи дни при Богослуженіяхъ церковныхъ. Богомудрые отцы Церкви такъ составили и расположили Богослуженія настоящей недѣли, что въ нихъ живо отражается весь образъ и вся постепенность страданій Христовыхъ. Храмъ поперемѣнно представляетъ собою то Сіонскую горницу и Геѳсиманію, то Голгоѳу и вертоградъ Іосифовъ. Посему кто постоянно въ храмѣ, тотъ видимо сшествуетъ Господу, грядущему на страданія. Но, къ сожалѣнію, путемъ симъ, всегда открытымъ для каждаго, многіе не пользуются постоянно; и что наиболѣе достойно слезъ, многіе сходятъ съ него тогда, когда онъ начинаетъ пролегать прямо у креста и гроба Іисусова. Я разумѣю утреннее Богослуженіе Великой Субботы. Какъ немногими, въ сравненіи другихъ дней, посѣщаются сіи Богослуженія! А первое—Часы Великаго Пятка, Богослуженіе весьма важное тѣмъ, что совершается въ самое время распятія Христова и все приспособлено къ сему времени, почти никѣмъ не посѣщается! Смотря въ сіе время на пустоту въ храмѣ Божіемъ, невольно воспоминаешь изреченіе Пророка: *поражу пастыря и разыдутся овцы стада* (Зах. 13, 7), и другое—Евангелиста: *оставльше Его, вси бѣжаша!* (Марк. 14, 50).

Второй путь къ шествованію за Христомъ въ настоящіе дни, есть благоговѣйное чтеніе въ Евангеліи послѣднихъ бесѣдъ и страданій Его. Средство сіе есть всегда одно изъ дѣйствительнѣйшихъ къ тому, чтобы приблизиться въ духѣ къ Господу; но тѣмъ паче оно не должно быть оставлено безъ употребленія въ продолженіе настоящей недѣли. Церковь сама предшествуетъ въ употребленіи его, оглашая въ продолженіе первыхъ трехъ дней слухъ нашъ чтеніемъ четырехъ Евангелистовъ. И внимательнаго слышанія при семъ чтеніи достаточно для тѣхъ, кои сами не могутъ читать. Но кои могутъ, тѣ непремѣнно должны сами читать дома и для себя, и для другихъ. При слушаніи въ церкви, по великому количеству читаемаго, многое можетъ ускользать отъ вниманія; а домашнее чтеніе, завися отъ

произвола читающаго представляетъ всю удобность слѣдовать за Господомъ всѣми мыслями и чувствами. Образъ повѣствованія Евангелистовъ таковъ, что при чтеніи ихъ самъ собою оживаетъ въ умѣ читающаго весь образъ страданій Христовыхъ, и наполняетъ душу неизъяснимымъ умиленіемъ, ибо они повѣствуютъ весьма просто, безъ всякихъ умствованій, изображаютъ событія, какъ они происходили, въ ихъ живой цѣлости. Посему, читая Евангеліе, невольно переносишься въ умѣ на мѣсто событій, принимаешь живое участіе въ происходящемъ, идешь за Спасителемъ, и страждешь съ Нимъ.

Третій путь къ шествованію за Господомъ въ настоящіе дни есть благоговѣйное размышленіе о Его страданіяхъ. Безъ сего размышленія малоплодно и присутствіе въ храмахъ, и слышаніе и чтеніе Евангелія, а христіанское размышленіе, въ случаѣ необходимости, одно можетъ замѣнить другія средства. Ибо чрезъ размышленіе мы вообще сближаемся съ лицами и вещами самыми отдаленными, усвояемъ ихъ себѣ, и какъ бы вводимъ въ свою душу. Но какъ размышлять о страданіяхъ Господа? Прежде всего представь ихъ, какъ можно живѣе, въ своемъ умѣ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, напримѣръ: какъ Онъ преданъ, сужденъ и осужденъ; — какъ несъ крестъ и вознесенъ на крестъ; — какъ вопіялъ ко Отцу въ Геѳсиманіи и на Голгоѳѣ, и предалъ Ему Духъ Свой; — какъ снятъ со креста и погребенъ. Кто не въ состояніи сдѣлать сего? Потомъ спроси самого себя, за что и для чего претерпѣлъ столько страданій Тотъ, Кто не имѣлъ никакого грѣха, и Который, какъ Сынъ Божій, имѣлъ все право на вѣчную и временную славу и блаженство. Св. вѣра скажетъ тебѣ, что Господь страдалъ за міръ, за грѣшниковъ, и слѣдовательно, за тебя; страдалъ, чтобы удовлетворить за всѣхъ насъ правосудію Божію, искупить насъ отъ грѣха и смерти, подать намъ примѣръ терпѣнія и самоотверженія. Потомъ вопроси еще: чего требуется отъ грѣшника для того, чтобы смерть Спасителя не оставалась для него безплодною; что должно дѣлать каждому, чтобы дѣйствительно участвовать въ спасеніи, пріобрѣтенномъ на Голгоѳѣ для всего міра? Та же вѣра скажетъ тебѣ, что для сего требуется усвоеніе умомъ и сердцемъ заслугъ Христовыхъ, покаяніе и подражаніе

Христу въ благой жизни. Послѣ сего совѣсть сама уже спроситъ тебя: исполняешь ли ты сіи условія, усвояешь ли себѣ спасеніе Христово. ожилъ ли ты Его смертію? И сама дастъ отвѣтъ на сіе. Такое размышленіе (а кто не способенъ къ нему?) удивительно какъ скоро приближаетъ грѣшника къ его Спасителю, тѣсно и навсегда союзомъ любви связуетъ съ крестомъ Его, сильно и живо вводитъ въ участіе того, что происходитъ на Голгоѳѣ.

Четвертый путь къ шествованію за Христомъ въ настоящіе дни есть путь поста, исповѣди и причащенія, иначе — говѣнія. Постъ, облегчая наше тѣло, а чрезъ то и душу, дѣлаетъ насъ способнѣе къ слѣдованію за Христомъ по тернистому пути Его. Исповѣдь, очищая и облегчая совѣсть, производитъ еще большую легкость духовную, и естественно заставляетъ не выпускать, такъ сказать, изъ виду Спасителя, страждущаго за тѣ грѣхи, въ коихъ мы приносимъ покаяніе. А причащеніе не только приближаетъ насъ ко Господу, но и соединяетъ съ Нимъ самымъ неразрывнымъ образомъ. И когда, братіе, приличнѣе наблюдать постъ, какъ не въ сіи дни, когда *отъемлется Женихъ* душъ (Матѳ. 9, 15), когда Онъ Самъ алчетъ у безплодной смоковницы, жаждетъ на крестѣ! Гдѣ естественнѣе слагать тяжесть грѣховъ посредствомъ исповѣди, какъ не у подножія креста! Въ какое время лучше причащаться изъ Чаши жизни, какъ не въ наступающіе дни, когда она подается намъ, можно сказать, изъ рукъ Самого Господа! — По истинѣ, кто, имѣя возможность приступать въ сіи дни къ святой трапезѣ, уклоняется отъ нея, — тотъ явно уклоняется отъ Господа, бѣжитъ отъ своего спасенія.

Наконецъ послѣдній, очевидный путь къ шествованію за Христомъ, въ настоящіе дни, есть шествованіе за Нимъ въ меньшей Его братіи, оказаніе, во имя Его, помощи бѣдствующему человѣчеству. Путь сей можетъ казаться отдаленнымъ и непрямымъ; но въ самомъ дѣлѣ онъ чрезвычайно близокъ, удобенъ и прямъ. Ибо Спаситель нашъ столько любвеобиленъ, что все, дѣлаемое нами во имя Его для страждущаго человѣчества, усвояетъ лично Себѣ Самому. На самомъ страшномъ судѣ Своемъ Онъ потребуетъ у насъ особенно дѣлъ милосердія къ ближнимъ, и на нихъ утвердитъ наше оправданіе или осужденіе.

Памятуя сіе, возлюбленный, никогда не пренебрегай драгоцѣнной возможности облегчать страданія Господа въ Его меньшей братіи, а особенно воспользуйся ею въ настоящіе дни. Посѣтивъ темницу и облегчивъ, чѣмъ можешь, участь узниковъ, ты лучше сдѣлаешь, нежели когда бы изъ любви къ Господу присутствовалъ въ преторіи Пилата; доставивъ пропитаніе какому-либо бѣдному семейству, ты болѣе сдѣлаешь, нежели когда бы принесъ на Голгоѳу вино со смирною, одѣвъ нагаго, покажешь усердіе не менѣе Іосифа, представившаго плащаницу.

Таковы, братіе, главные и открытые для всѣхъ пути, коими христіанинъ, въ настоящіе дни, можетъ сшествовать грядущему на страданія Господу. Есть много и другихъ путей къ сему, болѣе возвышенныхъ, таинственныхъ; но они удобопроходимы токмо для душъ возвышенныхъ, чистыхъ, кои привыкли слѣдовать постоянно за своимъ Спасителемъ и жить Его жизнію. Но таковыя души *не требуютъ, да кто учитъ ихъ* (Іоан. 2, 27); ибо Самъ Господь, за Коимъ онѣ всегда грядутъ, наставляетъ ихъ *на всякую истину* (Іоан. 16, 13). Для насъ же довольно и тѣхъ путей, кои мы видѣли, ибо нѣтъ человѣка, который бы не могъ вступить хотя на одинъ изъ нихъ и, вступивъ, придти туда, куда всѣмъ должно придти. Пусть ты, по бѣдности своей, не можешь напитать и одѣть Господа въ меньшей братіи Его: прими самъ отъ Него пищу въ Евхаристіи, одежду оправданія въ исповѣди, облегченіе — въ постѣ. Не можешь говѣть, — посѣщай церковь и молись. Не можешь быть въ церкви, — читай Евангеліе. Не можешь и этого, — размышляй съ молитвою о страданіяхъ Господа. Послѣднее, явно, возможно для всякаго и вездѣ, на пути и дома, на самомъ одрѣ болѣзни и въ темницѣ. Но идя и симъ однимъ путемъ молитвеннаго размышленія, можно вполнѣ достигнуть цѣли, то есть, раздѣлить съ Господомъ Его страданія и смерть. Я говорю раздѣлить и смерть, ибо христіанинъ долженъ не сшествовать токмо Господу, но и распяться съ Нимъ. Но о семъ чрезвычайно важномъ предметѣ, въ коемъ вся сущность христіанства, побесѣдуемъ, если угодно будетъ Господу, завтра. Аминь.

Слово въ Великій Вторникъ.

Грядый Господь къ вольной страсти, Апостоломъ глаголаше на пути: се восходимъ во Іерусалимъ, и предастся Сынъ Человѣческій, якоже есть писано о Немъ. Пріидите убо и мы, очищенными смыслы сшествуемъ Ему, и сраспнемся, и умертвимся Его ради житейскимъ сластемъ, да и оживемъ съ Нимъ.

Когда Господь сказалъ ученикамъ Своимъ: *Лазарь, другъ нашъ, успе,* тогда одинъ изъ нихъ воскликнулъ отъ лица всѣхъ: *идемъ и мы, да умремъ съ нимъ* (Іоан. 11, 11 и 16). Теперь, братіе, наступаетъ время смерти не Лазаря, а Самого Господа нашего, Который говоритъ, что по *двою дню пасха будетъ, и Сынъ Человѣческій преданъ будетъ на пропятіе* (Матѳ. 26, 2). Усомнится ли кто изъ насъ сказать при семъ: *идемъ и мы, да умремъ съ нимъ?* Но, не сказать только должно сіе, а исполнить на самомъ дѣлѣ. Съ Лазаремъ можно было не умирать; съ Господомъ и Спасителемъ нашимъ непремѣнно должно умереть. Слышите ли, какъ Онъ Самъ призываетъ насъ къ сей высокой чести? *Иже не пріиметъ креста своего,* говоритъ Онъ всѣмъ, *и въ слѣдъ Мене грядетъ нѣсть Мене достоинъ* (тамже, 10, 38). Послѣ сего, отказаться отъ креста и смерти съ Господомъ, значитъ отказаться отъ Самого Господа и своего спасенія. Кто можетъ рѣшиться на сіе? — Итакъ, братіе, пріидите, пріидите вси, не *да сшествуемъ* токмо грядущему на страданія Господу, къ чему призывали мы васъ вчера, но и *да распнемся съ Нимъ и умертвимся Его ради житейскимъ сластемъ.*

«Но, гдѣ Голгоѳа и крестъ, необходимые для такого распятія?» Вездѣ, гдѣ мы съ тобою, слушатель.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, въ мірѣ семъ не можетъ быть недостатка и въ вещественныхъ крестахъ. Сколь многіе изъ послѣдователей Христовыхъ въ разныя времена и въ разныхъ странахъ окончили жизнь, подобно Спасителю своему, на крестѣ?—И теперь могутъ повторяться сіи случаи, ибо значительная часть рода человѣческаго доселѣ почитаетъ нечестіемъ вѣру въ Распятаго, и готова преслѣдовать крестъ Его новыми крестами. Христіанинъ не обязанъ искать сихъ крестовъ; но когда они срѣтятъ его, долженъ идти на нихъ, не обинуяся. Посему каждый, въ какомъ бы мѣстѣ и званіи

ни былъ, долженъ всегда питать и укрѣплять въ себѣ святую рѣшимость, — стоять, въ потребномъ случаѣ, за имя Спасителя своего до крови; долженъ предварительно дѣлать сіе, дабы при нашествіи опасности, устрашившись смерти, не постыдить своея вѣры и не заставить потомъ Спасителя своего постыдиться таковаго малодушія предъ лицемъ Бога и Ангеловъ. И когда приличнѣе укрѣплять въ себѣ сію святую рѣшимость пребывать вѣрнымъ Спасителю своему до смерти, какъ не во дни Его собственныхъ страданій и смерти, за насъ подъятой.

Но это кресты для немногихъ: есть другіе совершенно неизбѣжные для каждаго, уклоненіе отъ коихъ всегда есть преступленіе, ибо распятіе на нихъ составляетъ сущность христіанства. И во-первыхъ, братіе, весь міръ внѣшній, въ которомъ живемъ и движемся, такъ устроенъ, что въ немъ каждая вещь можетъ содѣлаться для насъ крестомъ. Въ мірѣ, по замѣчанію великаго крестоносца—Павла *бѣды въ рѣкахъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори* (2 Кор. 11, 26). Во-вторыхъ, всякое общество человѣческое, къ коему мы, по необходимости принадлежимъ, какъ члены, таково, что въ немъ встрѣчаютъ каждаго многіе кресты; и здѣсь, по замѣчанію того же Апостола, *бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды во лжебратіи, бѣды отъ языкъ* (2 Кор. 11, 26). Наконецъ, самый многочастный составъ униженнаго, превращеннаго грѣхомъ естества нашего, образуетъ изъ себя для каждаго ужасное многокрестіе. Какой тяжкій, никогда не снимаемый для духа, крестъ есть уже бренная и грѣховная плоть наша! Самый внѣшній видъ ея явно показуетъ сіе, ибо стоитъ только простереть руки, чтобы увидѣть въ себѣ полный крестъ. Тѣмъ паче увидишь, когда прострешь ихъ на постоянную молитву; тѣмъ паче увидишь, когда прострешь ихъ на вспоможеніе ближнимъ, на защищеніе невинности гонимой, на пораженіе порока сильнаго и торжествующаго; тѣмъ паче увидишь, если сіи руки, кои ты рѣшился простереть на добро. любили и привыкли простираться на злое. Павелъ уже былъ распятъ для міра, уже давно жилъ новою жизнію во Христѣ; и однакоже до того чувствовалъ по временамъ тягость креста плоти, что вопіялъ: *окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 24)?

Подлинно, некому избавить! Ибо самый духъ, предназначенный къ несенію креста плоти, заключаетъ въ себѣ самомъ множество крестовъ. О, какъ онъ въ настоящемъ грѣховномъ состояніи своемъ раздвоенъ, противоположенъ, самовраждебенъ, самомучителенъ!—Совѣсть влечетъ его на сторону долга и истины, а нечистыя пожеланія—на сторону лжи и преступленія; вѣра устремляетъ взоръ его горѣ, а земная мудрость приковываетъ долу; любовь христіанская располагаетъ его быть всѣмъ вся, а самолюбіе силится все и всѣхъ подчинить себѣ: сколько принужденій! сколько борьбы и томленія!

И гдѣ конецъ всѣмъ симъ крестамъ плоти и духа? Въ одномъ гробѣ,—если токмо и въ немъ *мертвенное* грѣха *будетъ пожерто животомъ* благодати (2 Кор. 5, 4). Въ противномъ случаѣ, со многихъ крестовъ временныхъ надобно будетъ перейти на крестъ вѣчный.

Итакъ, желающій быть распятымъ со Христомъ, не опасайся недостатка въ крестахъ. Премудрость Божія знаетъ сколь необходимо ветхому человѣку твоему быть распяту; и потому предварительно все устроила для совершенія надъ нимъ сей казни любви. Ты непрестанно отъ самой колыбели до гроба призываешься, ведешься, влечешься на крестъ,—всѣми недостатками тѣлесными и душевными, всѣми горестями и лишеніями, всѣми искушеніями и соблазнами, только не противорѣчь и не упорствуй—и ты будешь распятъ тѣломъ и духомъ, умомъ и волею,—видимо и невидимо.

Желаешь знать, возлюбленный, въ чемъ должно состоять самое распятіе наше?—Чтобы уразумѣть сіе, представь, что ты въ самомъ дѣлѣ на крестѣ.—Что было бы тогда съ тобой?—У тебя прекратилось бы свободное движеніе и въ рукахъ и въ ногахъ; весь міръ потерялъ бы для тебя цѣну; всѣ блага его содѣлались бы для тебя чуждыми, какъ бы не существующими; у тебя осталось бы одно на умѣ и въ сердцѣ: какъ бы скорѣе разрѣшиться отъ земли и плоти, и предать духъ Богу. Поставь же себя въ такое состояніе духа произвольно, силою вѣры и любви ко Христу: и ты будешь распятъ со Христомъ. У распятаго со Христомъ нѣтъ движеній, по своей волѣ, а всѣ—по волѣ Божіей; его руки и ноги такъ же недвижимы на зло и неправду, какъ у распятаго на крестѣ; міръ съ его благами и соблазнами

для него не привлекателенъ; мысль объ окончаніи земнаго странствія, является любимою его мыслію, онъ уже вознесенъ въ духѣ отъ земли на небо, и животъ его сокровенъ въ Богѣ. Будь таковъ и ты,—и будешь распятъ со Христомъ.

Но какъ можно держаться въ семъ крайне трудномъ для плоти положеніи духа?—А какъ, возлюбленный, держатся на крестѣ распятые?—Гвоздями. Пригвозди себя ко кресту самоотверженія, во-первыхъ, страхомъ Божіимъ и мыслію о Богѣ. *Страхъ* сей *отрѣяетъ* всѣ *грѣхи* (Сирах. 1, 21) и соблазны, дѣлаетъ человѣка неподвижнымъ на зло и твердымъ въ добрѣ. Пригвозди себя ко кресту памятію о смерти. Кто имѣетъ предъ очами смерть свою, тотъ не простретъ рукъ къ плоду запрещенному. Пригвозди себя упованіемъ благъ вѣчныхъ, кои обѣщаны всѣмъ сражающимся до крови. Если надежда тлѣннаго вѣнца устремляетъ тысячи людей на явную смерть, то надежда ли вѣнца небеснаго не произведетъ сего?—Пригвозди себя, наконецъ, ко кресту любовію къ своему Спасителю, на немъ распятому. *Любы* сія, по самому естеству своему, *вся терпитъ, вся уповаетъ и николи-же отпадаетъ* (1 Кор. 13, 7). И сихъ четырехъ гвоздей довольно къ удержанію на крестѣ самоотверженія самой тяжелой плоти.

«Но это состояніе ужасное, мучительное! Ужели въ немъ сущность христіанства?» Въ немъ, возлюбленный, въ семъ состояніи, ужасномъ, мучительномъ для ветхаго человѣка. Страшишься? Но развѣ сей ветхій человѣкъ нашъ, осужденный на распятіе, самъ не ужасенъ, не мученъ? Развѣ не онъ изгналъ насъ изъ рая? Не онъ мучитъ насъ всю жизнь? Не онъ положитъ всѣхъ насъ во гробъ и предастъ тлѣнію? — По крайней мѣрѣ не дадимъ ему низвергнуть насъ во адъ; умертвимъ его силою креста прежде, нежели онъ отниметъ у насъ жизнь вѣчную.

И что пользы уклоняться отъ креста? Это надлежало бы сдѣлать въ Эдемѣ, до вкушенія отъ плода запрещеннаго; а теперь—это невозможно. Мы не можемъ сложить съ себя ни креста плоти, ни креста духа; съ ними приходимъ на свѣтъ сей, съ ними и пойдемъ со свѣта. Отъ нашего произвола зависитъ только умереть на семъ крестѣ для Бога міру, или Богу для міра; — предать духъ со Христомъ въ вѣрѣ и любви, или предать духъ діаволу въ невѣріи и само-

любіи. Посему, если неизбѣжны язвы, то лучше носить язвы Господа, нежели врага Его и нашего. Страдая съ Господомъ, мы съ Нимъ и прославимся; а страдая съ міромъ и духомъ злобы, что получимъ, кромѣ вѣчнаго безславія и мученій?

Не забудемъ въ ободреніе наше и того, что крестъ Христовъ ужасенъ токмо сопреди, а за нимъ рай, не на небѣ токмо, а и на землѣ. Обыкновенный крестъ отнимаетъ всю жизнь у распятаго, а крестъ Христовъ, отъемля жизнь мірскую, грѣховную, даетъ вмѣсто нея новую, въ Богѣ и Христѣ. *Елико внѣшній человѣкъ тлѣетъ* на семъ крестѣ,— свидѣтельствуетъ испытавшій едва не всѣ кресты въ мірѣ,— *толико внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). *Елико избыточествуютъ скорби* для распятаго со Христомъ, говоритъ онъ же, *толико избыточествуютъ и утѣшенія* Святаго Духа.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли что-либо быть радостнѣе для человѣка, какъ возстать изъ гроба? Но то же совершается надъ тѣмъ, кто распинаетъ себя со Христомъ міру и грѣху, за смертію плоти слѣдуетъ духовное воскресеніе, которое, по самому существу своему, есть состояніе самое блаженное.

Итакъ, братіе, отложивъ всякое недоумѣніе и страхъ, пойдемъ за Господомъ нашимъ на крестъ самоотверженія. Зря вѣру и любовь нашу, Онъ, всемогущій и всеблагій, Самъ поспѣшитъ укрѣпитъ колеблющіяся стопы наши въ семъ святомъ и необходимомъ подвигѣ. Аминь.

Слово въ Великую Среду.

По благодати Божіей, братіе, мы стоимъ уже на послѣднемъ предѣлѣ св. Четыредесятницы. Какъ предъ древними израильтянами, странствовавшими сорокъ лѣтъ въ пустынѣ, предъ нами теперь Ханаанъ духовный — страданія, смерть и воскресеніе Господа нашего. Чего не дѣлала св. Церковь, дабы приготовить насъ къ достойному вшествію въ сію землю обѣтованія.—И гремѣла громомъ проклятія на сыновъ строптивыхъ; и питала послушныхъ манною различныхъ молитвъ и пѣснопѣній, самымъ Тѣломъ и Кровію Христовою; и

услаждала для ослабѣвающихъ на пути горькія воды покаянія древомъ Креста; и въ послѣдніе дни сіи разверзала предъ всѣми книгу Новаго Завѣта, показуя намъ всѣ дѣянія нашего Господа.—Послѣ столь долгаго и разнообразнаго удобренія земли и сѣянія, надобно быть богатой жатвѣ. Итакъ, гдѣ теперь Іисусъ и Халевъ,—тѣ, кои добрѣ подвизались подвигомъ поста? Да престанутъ отъ четыредесятидневнаго *странствія,* да преходятъ немокренно Іорданъ, да идутъ прямо въ Сіонскую горницу, гдѣ уготовляется *безсмертная трапеза!* Тамъ будутъ омыты красныя ноги ихъ отъ самаго тонкаго праха земныхъ помышленій; тамъ услышатъ они послѣднее завѣщаніе грядущаго на страданія Господа, пріимутъ миръ и обѣтованіе Духа; оттуда во слѣдъ за нимъ, безъ нашихъ указаній, пойдутъ въ Геѳсиманію и на Голгоѳу,—дабы страдать съ Нимъ и распяться Ему духомъ.

Но что дѣлать, братіе, тѣмъ изъ насъ, кои во время духовнаго странствія по пустынѣ поста, не преставали обращать лицо и сердце къ Египту, роптали при горькихъ водахъ покаянія, и тогда какъ Моисей на горѣ принималъ законъ, покланялись подъ горою, можетъ быть, тельцу златому? (Исх. 32, 1—6). Ахъ, предъ таковыми не разверзется Іорданъ, не падутъ стѣны Іерихонскія, не станетъ солнце *прямо Гаваона!* (Іис. Нав. 10, 12). Таковымъ мѣсто не у гроба Спасителя, а у *гробовъ похотьнія!* (Числ. 11, 34).

Но что вижу я?—Одесную распятаго Господа виситъ разбойникъ. Что слышу? Господь вѣщаетъ къ нему: *Днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. 23, 43). Кто же можетъ затворить рай, когда Господь отверзаетъ его?—Итакъ, братіе, кто бы вы ни были, какъ бы ни казались великими грѣхи ваши, грядите всѣ на Голгоѳу: распятый Господь призываетъ васъ. Не смотря на нечистоту нашу, Онъ не хощетъ никого исключить изъ блаженнаго завѣта Своего; хочетъ, чтобы мы всѣ участвовали въ небесномъ царствіи, пріобрѣтенномъ Его заслугами. Оставьте же, братіе, всѣ темныя дѣла ваши, и спѣшите къ своему Спасителю, доколѣ онъ еще на землѣ, доколѣ безъ васъ не предалъ духъ Свой Отцу. Оставьте, говорю, темныя дѣла.—Ужели вы дерзнете явиться съ ними и предъ Господомъ? показать ихъ и у креста Его?—Ахъ, довольно вы возмущали своими безза-

коніями Его жизнь: надобно ли возмущать ими и послѣднія минуты Его? Нѣтъ, братіе, какъ бы ни было упорно во грѣхѣ сердце ваше, вы не позволите ему таковаго безчувствія, таковаго небреженія къ своему Спасителю: посредствомъ покаянія вы сложите тяжесть грѣховъ вашихъ у подножія Голгоѳы; явитесь предъ лице Распятаго, если не со смирною благихъ дѣлъ, то и не съ зловоніемъ беззаконія,—явитесь для того, чтобы упасть въ слезахъ къ стопамъ Его, принести исповѣданіе во грѣхахъ своихъ, просить забвенія измѣнъ вашихъ и благословенія на исправленіе своей жизни, на побѣжденіе злыхъ навыковъ вашихъ, борьба съ коими содѣлается отселѣ вашимъ главнымъ занятіемъ въ жизни. Безъ сего лучше не являться ко гробу своего Спасителя, лучше не лобызать язвъ Его.

Поспѣшите же, братіе, очистить себя покаяніемъ; поспѣшите возобновить чрезъ него расторженный грѣхами вашими союзъ съ Богомъ и Христомъ. Благопріятнѣе сего времени нѣтъ, и быть не можетъ. Взирая неуклонно на страданія Господа, душа сама будетъ проситься на крестъ, сердце само преклонится къ подножію его. Не подавляйте, братіе, сего святаго чувства; идите всѣми мыслями за своимъ Спасителемъ. Онъ изнеможетъ подъ тяжестію креста; задѣньте его вмѣстѣ съ Симономъ Киренейскимъ, задѣньте вѣрою, и идите на Голгоѳу, съ твердою рѣшимостію начать распятіе плоти своей съ ея страстями и похотями. Съ Господа будутъ совлекать одежды; а вы поспѣшите облечься ими, прикрыть грѣховную наготу свою Его правдою и заслугами. Копіе изведетъ изъ ребра Его воду и кровь, а ты стань подъ крестомъ съ отверзтыми устами, да падетъ въ твою внутренность хотя капля жизни для погашенія адскаго пламени, тебя снѣдающаго.

Еще повторю: наступающіе дни суть самые благопріятные для покаянія грѣшниковъ, ибо суть дни спасенія всего міра: свидѣтель тому благоразумный разбойникъ. Аминь.

Слово въ Великую Среду.

По благодати Божіей мы еще, братіе, окончили одну святую Четыредесятницу. Пріобрѣтеніе не малое для тѣхъ, кои

проводили ее какъ должно. А равно и потеря не малая для тѣхъ, кои провели ее не какъ должно. Церковь никого не принуждаетъ къ исполненію уставовъ, но не исполняющіе наказываютъ сами себя. Когда *добрѣ подвизавшіеся подвигомъ поста* внидутъ теперь въ радость Господа своего, слабые и непослушные сыны Церкви, по необходимости, должны чувствовать лишеніе и скорбь. Хорошо, если Богъ велитъ имъ опять дожить до новой Четыредесятницы и исправить нынѣшнее опущеніе (хотя вполнѣ возвратить потерянаго уже невозможно), а кто не получитъ сей милости отъ Бога, для того Великій Постъ потерянъ навсегда. Что мѣшало быть послушнымъ, сѣять вмѣстѣ съ другими, дабы и пожать теперь вмѣстѣ съ другими? — Когда трудимся, всегда бываетъ болѣе или менѣе тяжело, но тѣмъ пріятнѣе по окончаніи труда. Думаю, что и нынѣшній день весьма радостенъ для тѣхъ, кои добрѣ подвизались подвигомъ святаго поста. Да падутъ же таковые въ смиреніи предъ лицемъ алтаря Господня и да возблагодарятъ за сіе Господа! Безъ Его благодати, братіе, вы не только не совершили бы, но и не начали бы вашего святаго подвига.

Но, радуясь объ окончаніи сего подвига, не должно радоваться радостію узника, выходящаго изъ темницы; это значило бы не познать цѣны и сладости поста: кто позналъ ихъ, тотъ и по окончаніи Четыредесятницы не разстанется съ постомъ. И какъ разстаться? — Можно ли безъ пагубы для души оставить постъ внутренній, состоящій въ воздержаніи отъ страстей? Конецъ сего поста былъ бы концемъ и нашей добродѣтели. Уреченныя времена существуютъ для воздержанія отъ яствъ, а не отъ грѣховъ. Но и воздержаніе отъ яствъ худо ограничивать однимъ какимъ-либо временемъ. Всякое вредное для души яство запрещено во всякое время, и вкушающій его во вредъ душѣ, когда бы ни вкушалъ, нарушаетъ уставъ поста. Такимъ образомъ и съ постомъ тѣлеснымъ не надобно разставаться всецѣло, какъ дѣлаютъ многіе. Всецѣлое оставленіе поста было бы знакомъ, что ты не полюбилъ поста, ибо можно ли оставить надолго то, что полюбили сердечно? И можно ли не полюбить сердечно то, чѣмъ уврачевали свою душу? Если ты оставишь постъ совершенно, то этимъ покажешь, что постился по необходимости, а не по убѣжденію, носилъ узы

какъ рабъ и плѣнникъ. Опытъ долженъ былъ показать тебѣ, что постъ есть постоянный предтеча и спутникъ молитвы, родитель благочестивыхъ размышленій, воспитатель благихъ предпріятій, опора трудныхъ подвиговъ вѣры и любви. Посему ты немедленно призовешь его при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, ибо таково свойство испытанныхъ и хорошо дѣйствующихъ врачевствъ, что къ нимъ обращаются при первой надобности. А всего лучше, если сдѣлаешь постъ себѣ спутникомъ всей жизни. Не ужасайся сего совѣта: исполненіе его не сдѣлаетъ твою жизнь, какъ можетъ представиться тебѣ, ни скучною, ни трудною; напротивъ, облегчитъ тебя отъ многихъ золъ, скорбей и печалей. Ты самъ согласишься съ симъ, когда узнаешь, въ чемъ состоитъ всегдашній постъ: онъ состоитъ не въ не употребленіи яствъ, а въ употребленіи ихъ, но такомъ, чтобы никогда не было угожденія плоти, чтобы ты вставалъ изъ-за трапезы всякій разъ съ нѣкіимъ остаткомъ глада, а не съ пресыщеніемъ, какъ это бываетъ обыкновенно. Трудный ли это подвигъ? — Не его ли совѣтуютъ наблюдать и врачи? И не за него ли обѣщаютъ здравіе тѣла? — А мы будемъ обѣщать тебѣ за него здравіе души. Ибо надобно признать и признаться, что душа ни отъ чего такъ много не страдаетъ, какъ отъ тѣла; а тѣло ни отъ чего такъ не терпитъ, какъ отъ излишества въ пищѣ и питіи.

Что сказалъ я о постѣ, то же должно сказать о покаяніи и исповѣди: и съ ними не должно разлучаться по окончаніи поста. Если бы мы грѣшили и падали въ одно извѣстное время, то можно бы на извѣстное время отлагать и покаяніе, но мы грѣшимъ въ разныя времена; а когда грѣшимъ, тогда же должны и каяться и исповѣдываться. Ждемъ ли мы извѣстнаго времени, когда рана сдѣлается опасною? Напротивъ, какъ скоро получимъ ее, тотчасъ стараемся уврачевать. Также должны поступать и съ ранами душевными, — съ грѣхами. Для сего самаго и отверзта всегда духовная врачебница, дабы всегда можно было къ ней приходить для исцѣленія. Если тѣлесная рана не можетъ безъ опасности быть оставленною безъ вниманія на долго, то тѣмъ паче душевная. Намъ кажется ничего носить долго грѣхъ въ душѣ, но — это жалкій обманъ! Грѣхъ ядъ ужасный: если не остановить дѣйствія его скорымъ раскаяніемъ, то онъ проникаетъ всю душу и портитъ ее надолго. Оттого-то мы и

становимся жалкими рабами страстей, что не подавляемъ ихъ въ самомъ началѣ. Послѣ и каемся и видимъ свое рабство, но часто бываемъ уже не въ силахъ разорвать узы.

Что касается причащенія Св. Таинъ, то я и не знаю, какъ истинный христіанинъ можетъ лишать себя сея Божественныя пищи цѣлый годъ. Одно это лишеніе показываетъ уже, что не знаютъ цѣны Тѣлу и Крови Господа; а такое незнаніе равно незнанію своего спасенія. Не такъ поступали древніе христіане: они причащались всякій разъ, когда были при совершеніи литургіи. памятникомъ чего служитъ воззваніе, повторяемое и нынѣ при каждой литургіи: *со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите!* Это воззваніе показываетъ, что всѣмъ бывающимъ при литургіи надлежитъ приступать и къ причащенію. Сознаніе нечистоты и недостоинства, и желаніе лучше приготовить себя къ сему великому таинству, ввели въ обычай причащаться не всегда, а въ извѣстные дни и времена. Но обычай сей никакъ не долженъ служить возглавіемъ нашей лѣности. Что, если бы сказано было, что въ такомъ-то мѣстѣ ежедневно будутъ раздавать манну? — Я думаю, ежедневно являлось бы множество людей для полученія; и если бы потребовалось для того какое-либо приготовленіе, то многіе каждый день готовились бы къ тому. А Церковь ежедневно предлагаетъ Тѣло и Кровь Господа, и никто не является для принятія ихъ! — Хорошій ли это признакъ? Здравіе ли это души, что она отвращается отъ духовной пищи? Пусть нѣкоторые не успѣваютъ приготовиться; но если никто не является для принятія хлѣба небеснаго, то значитъ всѣ недостойны; а если всѣ недостойны, то что сказать о нашемъ христіанствѣ? Что сказалъ бы царь о царедворцѣ, который, будучи каждый день приглашаемъ къ его столу, являлся бы за него только одинъ разъ въ годъ?

Такимъ образомъ, братіе, разставаясь съ св. Четыредесятницею, не должно разставаться съ тѣми средствами спасенія, изъ коихъ состоитъ она. Церковь сосредоточиваетъ ихъ всѣ вмѣстѣ и въ одно время, по причинѣ нашей слабости и развлеченія въ другія времена: велитъ разъ въ году употреблять ихъ подъ особеннымъ своимъ надзоромъ, дабы и самые неопытные въ употребленіи употребляли ихъ какъ должно, а не для того, чтобы сдѣлать ихъ неупотребительными въ остальное время года. Если впрочемъ и въ другое время не-

премѣнно нуженъ для тебя зовъ и надзоръ Церкви, то и въ семъ нѣтъ недостатка. У Церкви не одинъ постъ, а четыре. Каждый изъ нихъ будетъ великъ, если не умалишь его своимъ невоздержаніемъ; за каждымъ послѣдуетъ самый свѣтлый день Воскресенія, если ты чрезъ покаяніе воскреснешь отъ грѣховъ.

Таковы совѣты, братіе, кои я почелъ за долгъ преподать вамъ нынѣ при концѣ св. Четыредесятницы. Не забывайте, возлюбленные, что вся жизнь наша на землѣ должна быть для насъ четыредесятницею. Безъ сего мы не достигнемъ пасхи *въ невечернемъ дни Царствія,* не войдемъ въ радость воскресенія.

Что сказать вамъ, кои провели св. Четыредесятницу безъ всякаго вниманія къ ней и ни мало не употребили ее на врачеваніе язвъ вашей совѣсти? — Быть не можетъ, чтобы вы не чувствовали теперь нѣкоторой скуки отъ неисполненія уставовъ Церкви; всего вѣроятнѣе и то, что вы не исполняли ихъ отнюдь не изъ презрѣнія власти Церкви (можно ли презирать дѣтямъ мать, пекущуюся о ихъ вѣчномъ благѣ?): нѣтъ, васъ объяла ваша чувственность; она заглушила вашъ слухъ, не дала вамъ идти тѣмъ святымъ путемъ, коимъ хотѣла вести васъ Церковь. Чувственность и діаволъ, ибо гдѣ невоздержаніе, тамъ и сей врагъ Бога и добродѣтели; онъ, онъ человѣкоубійца, невидимо держитъ васъ въ своемъ плѣну, и теперь, безъ сомнѣнія, радуется и посмѣвается надъ вами, какъ надъ своею добычею.

Но, братіе, ужели вы захотите быть всегдашнимъ посмѣшищемъ діавола? — Довольно онъ наругался надъ вами; время поругаться и надъ нимъ! Время, говорю, ибо онъ не бываетъ такъ слабъ, какъ въ настоящіе дни страданій и смерти Господа. Въ сіе-то время удобнѣе всего возникать отъ его сѣтей тѣмъ, кои вживѣ были *уловлени отъ него, въ свою его волю* (2 Тим. 2, 26). И вы возникнете, если, отложивъ упорство и ожесточеніе, поспѣшите во врачебницу духовную; если, по примѣру Петра, начнете плакать о своихъ грѣхахъ горько. Онъ измѣнилъ Учителю, и однакоже за покаяніе одинъ изъ первыхъ увидѣлъ Его по воскресеніи. То же будетъ и съ вами, если обратитесь подобно сему Апостолу! Аминь.

Слово въ Великую Среду, къ готовящимся ко причащенію Св. Таинъ.

И рече Іисусъ къ людемъ: очиститеся наутріе, яко заутра сотворитъ въ васъ Господь чудная (Іис. Нав. 3, 5)

Такъ говорилъ нѣкогда Іисусъ Навинъ всему народу еврейскому, приготовляя его къ чудесному переходу чрезъ Іорданъ. Казалось, самъ Іорданъ долженъ былъ служить въ очищеніе, и однакоже въ него надлежало войти уже предочищенными. Наступило чудо, а гдѣ является перстъ Божій, тамъ требуется чистота и святость. *Очиститеся, яко заутра сотворитъ въ васъ Господь чудная!*

Намъ, братіе, не переходить заутра Іордана, но должно приступить къ трапезѣ Господней, — причаститься Тѣла и Крови Спасителя нашего. Что болѣе: воды Іордана или Кровь Сына Божія? — О, воистину, скажетъ каждый изъ васъ, *болѣе и множае,* стократъ *множае* Іордана *здѣ* (Лук. 11, 31). Итакъ, очиститеся воззовемъ къ вамъ и мы гласомъ Навина, *очиститеся, яко заутра сотворитъ въ васъ Господь чудная,*—сотворитъ то, предъ чѣмъ малы всѣ чудеса Синая и Сіона.

Очиститеся! Быть не можетъ, чтобы самые внимательные къ себѣ и своему спасенію, не нашли въ себѣ чеголибо нечистаго, коль скоро вникнутъ глубже въ свое сердце и сообразятъ, къ чему имъ завтра должно приступать и что принять. Если око Вседержителя въ самыхъ Ангелахъ,— какъ сказано въ книгѣ праведнаго Іова, — усматриваетъ иногда *нѣчто стропотное* (Іов. 4, 18), то въ насъ ли не усмотритъ?—Если Апостоламъ надлежало приступить къ Тайной Вечери омовенными, то намъ ли явиться къ ней безъ духовнаго омовенія? Мы всѣ, *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 8). Всѣ грѣшники, всѣ требуемъ очищенія!—А что сказать о тѣхъ изъ насъ, кои имѣли несчастіе, въ прошедшее время, вертоградъ души своей оставлять вовсе безъ надзора, жили внѣ себя и дѣйствовали по одному теченію обстоятельствъ, по одному влеченію чувствъ? — Таковые, возвратясь нынѣ во внутреннюю храмину свою, можетъ быть, найдутъ, что домъ

души ихъ *весь пустъ и пался есть:* приникнувъ въ зерцало совѣсти, увидятъ, можетъ быть, что въ нихъ *отъ ногъ до главы нѣтъ цѣлости* (Исаіи 1, 6).

Таковымъ ли, если только желаютъ помилованія, приступить къ трапезѣ Господней безъ очищенія?—Напротивъ, таковыхъ, судя по множеству язвъ душевныхъ, надлежало бы заставить вовсе удержаться, до времени, отъ участія въ трапезѣ Господней. Но долговременное удаленіе отъ сей цѣльбоносной трапезы само можетъ быть сопряжено съ великою опасностію и потерею. Душа, *на мнозѣ удаляющаяся благодатнаго общенія,* легко можетъ, какъ справедливо разсуждаетъ св. Златоустъ, быть *звѣроуловленною отъ мысленнаго волка* (2 молит. ко причащ.). Посему пусть всѣ, разрѣшенные, приступятъ къ трапезѣ, пріимутъ врачевство и вкусятъ духовнаго брашна для укрѣпленія силъ на духовный подвигъ, только пусть очистятся посредствомъ покаянія и исповѣди.

На великое дѣло сіе должно быть употреблено не нѣсколько часовъ, а вся остальная жизнь; но и въ нѣсколько часовъ, остающихся до утрія, можетъ быть сдѣлано не мало: можетъ быть положено начало истиннаго покаянія, принято разрѣшеніе прошедшихъ грѣховъ и благословеніе на будущія добродѣтели. Если начало не заключаетъ въ себѣ всего продолженія и конца, то, съ другой стороны, ни продолженіе, ни конецъ не могутъ быть безъ начала. Надобно начать, чтобъ потомъ продолжать и кончить. Итакъ, начни нынѣ то, что должно продолжать всю жизнь; начни то, чего доселѣ не было, и безъ чего ты самъ не былъ ни христіаниномъ, ни человѣкомъ; начни — свое спасеніе. Чѣмъ лучше окончить святую Четыредесятницу, какъ не святою рѣшимостію положить конецъ своимъ грѣхамъ? Чѣмъ лучше встрѣтить свѣтлый день Воскресенія, какъ не возстаніемъ изъ гроба страстей и пороковъ?—Какой знакъ съ твоей стороны приличнѣе сего знака для того завѣта съ Господомъ, въ который ты завтра вступить намѣренъ?—О, воистину это будетъ новый завѣтъ и для тебя и для Него,—такой завѣтъ, котораго Онъ ждетъ отъ тебя съ самаго явленія твоего на свѣтъ.

Тяжело разстаться навсегда съ порокомъ?—Но развѣ ты, возлюбленный, думаешь быть рабомъ его вѣчно? Надобно

же будетъ когда-либо бросить изъ рукъ эту змію, которая, увлекая тебя своими изгибами и пестротою, въ то же время уязвляетъ тебя смертельно. Нельзя быть вѣчно грѣшникомъ, не содѣлавшись діаволомъ. А захочешь ли ради грѣха быть діаволомъ?—Грѣхъ доставлялъ тебѣ удовольствія? Но не онъ ли сто разъ огорчалъ тебя? Долго ли цвѣли розы? А терны бодутъ и теперь: бодутъ *здѣсь,* а что будетъ *тамъ?* Спѣши же выйти изъ бездны, доколѣ зовутъ тебя вонъ и простираютъ къ тебѣ руку, доколѣ не потеряна вовсе стезя, доколѣ собственная тяжесть твоя не повлекла тебя на самое дно.

Если бы для спасенія души потребовалось что-либо великое, ты долженъ, непремѣнно долженъ, сдѣлать все требуемое; ибо не ты ли самъ бываешь готовъ на все для спасенія тѣла? А что значитъ тѣло въ сравненіи съ душою?—Тѣло, какъ бы ты ни берегъ его, чрезъ нѣсколько лѣтъ покинетъ тебя, ляжетъ во гробъ и сдѣлается добычею тлѣнія, а душа всегда твоя, вѣчно съ тобою. Объ ней ли не попещися? Для нея ли не перенести чего-либо?—И что перенести?—Чего требуется отъ тебя?—Исповѣданія своихъ грѣховъ, кои, впрочемъ, всѣ уже извѣстны Богу, всѣмъ Ангеламъ, и, можетъ быть, многимъ людямъ. — ненависти къ грѣхамъ, кои разлучали тебя съ Богомъ, убивали душу твою и тѣло, вели тебя въ адъ и геенну, — отвращенія къ нимъ на будущее время, того отвращенія, которое само собою не можетъ не быть въ тебѣ, если только ты ощутишь сколько-нибудь ядотворность грѣховныхъ наслажденій. Можетъ ли быть требованія менѣе, справедливѣе, необходимѣе?—Когда и этого не сдѣлаешь, и когда послѣ сего погибнешь (а непремѣнно погибнешь, если не сдѣлаешь), тогда и тебѣ надобно будетъ сказать, что *погибель твоя отъ тебе* (Осіи 13, 9).

Итакъ, братіе, *очистится,* и паки реку: *очистится!* Если вы сдѣлаете сіе, примиритеся съ Богомъ, положите начало исправленія и дадите твердый обѣтъ вести остальную жизнь въ чистотѣ и святости, то *заутра сотворитъ въ васъ Господь чудная.* А если не очиститеся, если приступите къ чашѣ завѣта необдуманно, безъ сокрушенія, лицемѣрно, то врагъ спасенія не замедлитъ сотворить надъ вами *ужасная*—приведетъ за собою къ вамъ еще *седмь горшихъ духовъ!* (Лук. 11, 26). Аминь.

Слово въ Великій Четвертокъ предъ причащеніемъ Св. Таинъ.

Время Мое близъ есть: у тебе сотворю пасху со ученики Моими (Матѳ. 26, 18).

Такъ велѣно было сказать хозяину того дома, въ которомъ Спаситель намѣревался совершить Свою послѣднюю пасху. Кто сей счастливый домовладыка, — не было сказано, и посланные должны были узнать его на мѣстѣ. Ибо предатель искалъ всячески случая совершить свой замыселъ; посему надлежало таить мѣсто пасхи до самаго времени совершенія. По совершеніи, безъ сомнѣнія, всѣ узнали, у кого она совершена, однакоже и послѣ ни одинъ Евангелистъ не сказалъ намъ имени счастливаго домовладыки. Толкователи Св. Писанія представляютъ различныя причины этой сокровенности. Но, кажется, не погрѣшимъ и мы, если скажемъ, что имя человѣка сего умолчано потому, что онъ изображаетъ собою всякаго истиннаго послѣдователя Христова.

Въ особенности, же, братіе, не можетъ онъ не изображать васъ, кои намѣрены приступить къ причащенію Св. Таинъ. Вы хощете вкусить пасху Господню, причаститься Тѣла и Крови Спасителя вашего, а Спаситель и Господь вашъ хощетъ вкусить пасху у васъ, сообщиться пріискреннѣ съ вашимъ духомъ и тѣломъ, соединиться съ каждымъ изъ васъ навѣки. Не удивляйтесь сему и не почитайте этого за какой-либо оборотъ словъ, мною придуманный. Апостолъ не слова обращалъ, а изрекалъ истину, когда писалъ, что поелику дѣти *пріобщишася плоти и крови, и Той пріискренѣ пріобщися тѣхъ же* (Евр. 2, 14). Спаситель и Господь нашъ пріобщился плоти и крови всего человѣчества принятіемъ на Себя естества нашего. Но Онъ хощетъ теперь сообщиться съ духомъ, плотію и кровію каждаго изъ насъ, — хощетъ содѣлать всѣхъ насъ храмомъ и жилищемъ Своимъ, хощетъ быть началомъ нашей жизни, занять нашъ умъ и сердце. Къ сему-то таинственному причащенію дерзаю я приглашать васъ отъ лица Господа! Слова будутъ мои (если впрочемъ у насъ, бесѣдующихъ съ вами, есть что-либо свое), а мысли будутъ заняты изъ бесѣдъ Его съ учениками. Если вы истинные ученики Его, или по крайней мѣрѣ хощете

быть ими, то не почтете ихъ чуждыми и вамъ не принадлежащими.

Время Мое близъ есть, велитъ сказать Господь. То-есть, какъ бы такъ говорилъ Онъ: «Земное служеніе Мое приходитъ къ концу: *дѣло еже даде Мнѣ Отецъ, да сотворю, совершихъ* (Іоан. 17, 4). Я возвѣстилъ имя Его и любовь братіи Моей — человѣкамъ; провозгласилъ блаженство плачущимъ, кроткимъ, милостивымъ, гонимымъ и страждущимъ; не сокрылъ и горя, ожидающаго злобныхъ, гордыхъ, хищниковъ и клятвопреступныхъ: теперь остается только засвидѣтельствовать истину ученія Моего самымъ дѣломъ, взять крестъ, Мною для всѣхъ проповѣданный, Самому, и идти съ нимъ на Голгоѳу, въ примѣръ всѣмъ. *Время Мое близъ есть:* коварный ученикъ уже предалъ Меня, сребренники даны и приняты; князь міра подвигся съ своего престола для единоборства со Мною (Іоан. 14, 30); спира готова; — остается выйти на срѣтеніе ея, принять льстивое лобзаніе и отдать *плещи Мои на раны и ланиты Мои на заушенія* (Исаіи 50, 6). *Время Мое близъ есть:* Я вижу, какъ Самъ Отецъ Мой растворилъ чашу гнѣва и скорбей; она идетъ и не прейдетъ; кровавый потъ не замѣнитъ кроваваго крещенія; Я долженъ предать не только тѣло, — самый духъ Мой въ руки Отца. *Время Мое близъ есть!* Но прежде нежели Я кончу Свое поприще и отойду ко Отцу, Я желаю раздѣлить Свои чувства съ вами, Моими послѣдователями, желаю ознаменовать чѣмъ-либо Новый Завѣтъ, утверждаемый Моею Кровію, — желаю оставить какой-либо постоянный памятникъ любви Моей къ вамъ: *желаніемъ возжелѣхъ ясти пасху съ вами, прежде даже не пріиму мукъ* (Лук. 22, 15).

«Но гдѣ Я снѣмъ ее? Іерусалимъ наполненъ Моими врагами. Въ чертогахъ Анны и Каіафы обитаютъ лицемѣріе, гордость и святокупство. Тамъ готовы раздрать одежду, но не съ тѣмъ, чтобы подостлать ее на пути Моемъ, а чтобы обнажить Меня Самого. Я буду тамъ, но не для пасхи, а для принятія заушеній и оплеваній. Въ преторіи Пилата пространнѣе: тамъ вмѣстѣ съ любовію къ міру живетъ нѣкая любовь и къ справедливости; но имя друга Кесарева тамъ важнѣе имени друга правды и Божія: не Мнѣ вкушать пасху съ наперсниками Тиверія! Пусть ихъ одни омываютъ руки предъ народомъ, а Я умою ноги ученикамъ

Моимъ. Лучше быть судимымъ, нежели судьей на такомъ лиѳостротонѣ. Когда нужно будетъ, явлюсь и на немъ — для принятія вѣнца терноваго.

«Итакъ, *время Мое близъ есть;* а мѣста и убѣжища у Меня нѣтъ. *Лисы язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда; а у Сына Человѣческаго нѣтъ гдѣ подклонитъ главу* (Матѳ. 8, 20). Родился въ ясляхъ, умру на крестѣ. Что же Мнѣ дѣлать? Оставить пасху? Но Я пришелъ *не разорить законъ, а исполнить* (Матѳ. 5, 17). И какъ оставить пасху, которая прообразуетъ смерть Мою? *Что убо сотворю? сіе сотворю: у тебе снѣмъ пасху со ученики Моими.*

«У тебе, христіанинъ, у тебе, который называешься Моимъ ученикомъ и клялся слѣдовать за Мною до смерти. Если ты еще не дашь Мнѣ убѣжища, то гдѣ найду его? — Но ты не можешь не дать его: ты отрожденъ въ бани крещенія Моею Кровію, помазанъ и запечатлѣнъ Моимъ Духомъ, питаешься Моимъ Тѣломъ и Кровію, чаешь во имя Мое жизни вѣчной: ты ли не пріимешь и не упокоишь Меня?

«Итакъ, гдѣ *горница велія* (Лук. 22, 12), дабы Я могъ помѣститься со всѣми дарами Моими? Гдѣ опрѣсноки *чистоты и стины?* (1 Кор. 5, 8). Гдѣ горькое зеліе — самоотверженія и терпѣнія? Гдѣ агнецъ пасхальный — *сердце чистое и духъ сокрушенный?* (Псал. 50, 12). Износи все, что имѣешь, укрась Мою вечерю, дай утѣшиться тѣмъ, что произвела въ тебѣ благодать Моя.

«Но, вмѣсто того, чтобы *возрадоваться радостію на гласъ жениховъ* (Іоан. 3, 29), ты молчишь, какъ осужденный! Вижу причину: внутреннему человѣку твоему самому негдѣ подклонить главу; домъ духа твоего *пустъ и пался есть;* нѣтъ ни свѣтильника вѣры, ни елея любви; все наполнено нечистотою, — страстями и помыслами вреждающими. Горе тебѣ: *жалость дома твоего снѣде Мя* (Іоан. 2, 17). Но *время Мое близъ;* можетъ быть, и твое время не далеко: пришедъ въ другой разъ, Я уже не застану тебя на землѣ. Не надобно терять времени обоимъ. Итакъ поспѣшимъ! Не дадимъ общему врагу нашему діаволу совершить надъ тобою побѣду. У Меня есть средства все исправить: согласись только быть Моимъ, отверзи только двери сердца, дай занять Собою всю внутренность существа твоего. Коль скоро Я буду въ тебѣ, то все тотчасъ пріиметъ другой видъ. Я замѣню Собою

всѣ пріуготовленія: Самъ омою ноги, Самъ буду свѣтомъ, Самъ — Агнцемъ. Не печалуй; будемъ насыщены, обрадованы оба: ты Мною, Я тобою; только оставь наклонность ко грѣху, разстанься навсегда съ злою жизнію, рѣшись быть Моимъ во всемъ!»

По собственнымъ лицамъ вашимъ, братіе, вижу, что гласъ Господа къ вамъ, хотя выходитъ изъ моихъ недостойныхъ устъ, не остается безъ дѣйствія надъ вами. Послѣ сего мнѣ нечего болѣе желать, какъ чтобы дѣйствіе сіе продлилось надъ вами и оставило въ васъ слѣды непреходящіе. И какъ ему не продлиться? Вы слышали слова; теперь увидите дѣло. Что я далъ вамъ? а Господь преподастъ вамъ Тѣло и Кровь Свою. Такой ли даръ не тронетъ пріимшаго? Притомъ, если мы, служители Его, бесѣдуемъ съ вами, отъ Его имени, то ужели Онъ Самъ останется внутрь васъ безмолвенъ? Онъ всегда вѣщаетъ къ намъ въ совѣстяхъ нашихъ, тѣмъ паче не можетъ не глаголать къ сердцу нашему по таинственномъ соединеніи съ нами. Итакъ внемли каждый тому, что речетъ ему нынѣ Господь. Изречетъ ли миръ? Пріими съ благодареніемъ, и сохрани въ чистой совѣсти. Произнесетъ ли обличеніе? Равно благодари, и поспѣши исправить обличаемое. Начнетъ изгонять изъ внутренняго храма твоего торжниковъ? Не прекай, не защищай, а паче присоединись къ Нему и дѣйствуй. Господь Самъ научитъ тебя всему, *яже подобаетъ творити* (Дѣян. 9, 6); только слушай и — исполняй! Аминь.

Поученія въ Великій Четвертокъ послѣ причащенія Св. Таинъ.

I.

Спаситель и Господь нашъ, преподавъ Апостоламъ на тайной вечери Тѣло и Кровь Свою, не присовокупилъ къ тому никакого наставленія. Преподанное было выше слова человѣческаго, и таинство говорило само за себя. Вѣрую, что и нынѣ для тѣхъ изъ насъ, кои не одними устами причастились трапезы Господней, «нѣтъ нужды въ наставленіи, ибо самое пречистое Тѣло Господне учитъ ихъ, самая пресвятая

Кровь Его говоритъ имъ. Чему учитъ Тѣло, и что говоритъ Кровь? Одно: — Христіанинъ, помни смерть своего Господа, за тебя подъятую, и не измѣняй Ему своею жизнію; мысли и поступай, какъ мыслилъ и поступалъ Онъ; ищи во всемъ славы Отца небеснаго; трудись неослабно для блага ближнихъ; сражайся съ порокомъ и нечестіемъ; переноси мужественно искушенія и бѣдствія; будь готовъ, изъ любви къ истинѣ и правдѣ, нести крестъ, и, если нужно, — идти на крестъ. Се глаголъ Тѣла и Крови Христовой! Изъ-за Тайной Вечери путь прямо въ Геѳсиманію и на Голгоѳу.

Такъ, братіе, не одинъ Онъ — Спаситель нашъ, родился на то, чтобы *свидѣтельствовать истину* (Іоан. 18, 37), творить всегда волю Отца небеснаго, жить и умереть свято: мы всѣ на сіе истое приходимъ въ міръ сей. Не одному Ему надлежало путемъ страданій войти въ славу: *вси хотящіи благочестно жити, гоними* были и *будутъ* (2 Тим. 3, 12). Всегда могутъ быть Іуды, продающіе все за сребренники, — Каіафы, мудрствующіе яко *уне есть, да единъ умретъ за люди* (Іоан. 11, 50), и преслѣдованіемъ невинныхъ мнящіеся *службу приносити Богу* (Іоан. 16, 2), — Пилаты, дерзающіе вопрошать истину: *что есть истина* (тамъ же 18, 38), и омывающіе руки, чтобы представить себя неповинными въ крови праведныхъ, — Ироды, желающіе видѣть чудеса и посмѣвающіеся чудотворцамъ; а князь тьмы, враждовавшій противъ нашего Господа, — о, сей человѣкоубійца всегда одинъ и тотъ же! — непримиримъ въ злобѣ, неистощимъ въ лукавствѣ, неутомимъ въ нападеніи. А посему истинный послѣдователь Іисусовъ всегда можетъ и всегда долженъ участвовать въ страданіяхъ своего Господа, подвизаться за истину, вести брань съ порокомъ, приносить себя въ жертву Богу и человѣчеству. И на сей-то подвигъ — непрестанный и великій, подается намъ укрѣпленіе въ Божественномъ брашнѣ Тѣла и Крови Христовой; въ семъ самомъ состоитъ сущность Новаго Завѣта, завѣщаннаго намъ смертію нашего Искупителя. Жертва за жертву! жизнь за жизнь! кровь за кровь! Мы вкушали Тѣло Его: да принадлежитъ и наше тѣло Ему, да будетъ оно сосудомъ чистоты, храмомъ Духа Святаго; мы причастились Крови Его, за насъ проліянной: не усомнимся и сами стать до крови за имя Его, за благо человѣчества, за истину и вѣру; мы приняли всецѣло внутрь

себя Его Самого и содѣлались едино съ Нимъ; предадимъ же и мы себя самихъ, другъ друга и весь животъ нашъ Ему — Христу и Богу нашему. Кто поступитъ такимъ образомъ, тотъ не по слуху только будетъ знать, какъ Христосъ въ немъ и онъ во Христѣ: тотъ всегда будетъ на Тайной Вечери, и не только самъ насытится *манною сокровенною* (Апок. 2, 17), но и содѣлается питателемъ душъ алчущихъ. А кто приступитъ къ трапезѣ Господней, *не испытавъ* (1 Кор. 11, 28) предварительно себя, и отойдетъ отъ нея, не размысливъ, что и для чего принялъ: тотъ, хотя бы тысящекратно причащался Тѣла и Крови Христовой, хотя бы ничего не вкушалъ, кромѣ сей Божественной пищи, не будетъ имѣть Христа въ себѣ. Въ такомъ человѣкѣ Тѣло и Кровь Божественная заключены какъ во гробѣ: живоносное Тѣло нѣкогда возстанетъ, а гробъ останется гробомъ. Аминь.

II.

Что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми? вопрошалъ нѣкогда взысканный благодѣяніями Божіими Давидъ, и отвѣчалъ: *чашу спасенія пріиму, и имя Господне призову* (Псал. 115, 3. 4). Какъ ни велики благодѣянія Божіи къ Давиду, но они малы въ сравненіи съ тою милостію, коей нынѣ, братіе, удостоены отъ Господа всѣ мы. Ибо Господь даровалъ намъ то, что выше всѣхъ благъ: даровалъ Самого Себя, — Свое Тѣло и Свою Кровь. Что же воздадимъ Господу о всѣхъ, яже воздаде намъ? Воздадимъ по крайней мѣрѣ то, что и Давидъ: принявъ чашу Господню, возвѣстимъ имя Бога, намъ благодѣющаго. — Какъ возвѣстимъ? И словомъ; ибо многіе изъ насъ, здѣ стоящихъ, призваны на служеніе слова, на проповѣдь Евангелія, но прежде и паче всего — нашими дѣлами и жизнію. Повѣрятъ ли нищему, покрытому язвами и рубищемъ, что онъ былъ на трапезѣ царя и удостоился его дружества? Не повѣрятъ и намъ, что мы причащались Тѣла и Крови Господней, если на насъ останутся прежнія язвы страстей, прежнія рубища грѣховъ. Господь не требовалъ отъ насъ достоинствъ, посаждая за трапезу Свою; не обратилъ вниманія на грѣхи наши и нечистоту: взялъ насъ прямо съ распутій міра, — нѣкоторыхъ. можетъ быть, отъ вратъ адовыхъ. — Онъ положился на одну

нашу будущую благодарность, — на то, что мы, взысканные по милости, насыщенные не по достоинству, исторгнутые изъ бездны зла, симъ самымъ преизбыткомъ милосердія будемъ остановлены на пути беззаконія; что чаша завѣта сама будетъ для насъ залогомъ вѣрности, защитою отъ страстей, побужденіемъ къ любви: что уста наши, орошенныя Кровію Его, уже не будутъ разверзаться на неподобные глаголы; что сердце наше, проникнутое огнемъ Божественной любви. не будетъ источать помысловъ злыхъ и похотей вреждающихъ. Измѣнимъ ли, братіе, сей Божественной надеждѣ на насъ, сему любвеобильному довѣрію къ намъ? Покажемъ ли, что мы приступили къ святой трапезѣ съ Іудинымъ лицемѣріемъ? Захотимъ ли быть доказательствомъ, что адъ надъ грѣшниками сильнѣе неба? Предадимъ ли Тѣло и Кровь Господа врагамъ Его — нашимъ страстямъ и беззаконіямъ? — О, да не будетъ, да не будетъ, да не будетъ сего! *Умыхъ ногѣ мои, како оскверню ихъ?* (Пѣсн. Пѣс. 5, 3) — восклицаетъ душа вѣрующая, изображенная Соломономъ. Мы не нози токмо умыли, но и руцѣ и главу. И чѣмъ умыли? Дражайшею Кровію нашего Спасителя и Господа. Возвращаться, послѣ сего, на прежнія нечистоты, значитъ проливать напрасно Кровь завѣта, укорять Духа благодати, ругаться страданіямъ Спасителя. Да скажетъ же каждый, имѣющій въ томъ нужду, — да скажетъ внутреннему морю страстей: до сего дошло ты по моему невниманію; но отселѣ, благодатію Божіею, не прейдешь далѣе, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя! — Аминь.

III.

Въ книгѣ Исхода читаемъ, что по установленіи между Богомъ и народомъ израильскимъ завѣта, въ знаменіе коего всѣ люди окроплены были кровію жертвъ, Моисей взялъ книгу завѣта, *и прочте людемъ во уши; и рекоша: вся, елика глагола Господь, сотворимъ и послушаемъ* (Исх. 24, 7).

Для васъ, братіе, не нужно повторять теперь книгу Новаго Завѣта, изъ чаши коего вы пили Кровь Господа, ибо сія Божественная книга въ прошедшіе дни была разверзаема предъ вами многократно. Посему о васъ можно сказать подобное тому, что Самъ Учредитель Новаго Завѣта изрекъ о первыхъ причастникахъ Тѣла и Крови Его: *путь вѣсте*

(Іоан. 14, 4); знаете, куда лежитъ путь изъ-за Тайной Вечери; вѣдаете, что хочетъ преподать намъ и чего требуетъ отъ насъ Господь, питая насъ Самимъ Собою; разумѣете, что Онъ чрезъ сіе самое хощетъ быть въ насъ и соединить насъ съ Собою, и что сей таинственный союзъ возможенъ съ нашей стороны токмо посредствомъ вѣры и любви.

Вся сія вѣсте, братіе; но блажени есте, аще и творите я (Іоан. 13, 17). Новый Завѣтъ не имѣетъ нужды въ дѣлахъ закона, но непремѣнно требуетъ дѣлъ благодати. Безъ сего, завѣтъ пребудетъ новымъ, а мы останемся ветхи. Кровь завѣта, коея мы пріобщаемся, не можетъ *молчать;* она вопіетъ или за насъ, въ *отпущеніе грѣховъ* (Матѳ. 26, 28), или противу насъ, въ отмщеніе за грѣхи.

Но и сія вѣсте, братіе, блажени убо есте, аще и творите я. Блажени, ибо въ такомъ случаѣ вы Христовы, и Христосъ вашъ, а съ Нимъ *вся ваша* (1 Кор. 3, 22), небо и земля, время и вѣчность. Блажени, ибо рано или поздно, Онъ пріидетъ къ намъ, и пойметъ насъ къ Себѣ, дабы мы, *слуги* Его, были навсегда *тамъ* же (Іоан. 12, 26), гдѣ теперь Онъ—Глава и Господь нашъ. Но все сіе подъ условіемъ, *аще творите.* Если будемъ жить и ходить такъ, какъ Онъ жилъ и ходилъ; будемъ любить и возвѣщать истину и добродѣтель, какъ Онъ любилъ и возвѣщалъ ихъ, если будемъ носить крестъ и побѣждать міръ, какъ Онъ носилъ и побѣждалъ; если будемъ подобны Ему, — вѣрны даже до смерти.

Въ противномъ случаѣ, братіе, и сіе Божественное *брашно не поставитъ насъ предъ Богомъ!* (1 Кор. 8, 8).—Аминь.

IV.

Если бы, братіе, кто изъ насъ внезапно вступилъ въ союзъ съ какимъ-либо могущественнымъ монархомъ, былъ имъ приближенъ къ лицу его, удостоенъ довѣрія, дружбы и любви, то какою исполнилось бы сердце его радостію! Какая перемѣна произошла бы во всѣхъ поступкахъ его! Съ какою скоростію оставилъ бы онъ, если имѣлъ, всѣ худыя привычки! Какъ строго и постоянно началъ бы смотрѣть за всѣми своими дѣйствіями, чтобъ не сдѣлать чего-либо, недостойнаго новаго союза своего съ царемъ!

Но вотъ, братіе, чего никто бы не посмѣлъ ожидать отъ владыки земнаго, то самое, или паче безконечно выше и болѣе того, благоволилъ оказать нынѣ всѣмъ намъ Царь небесный! Единство, безпримѣрное единство соединило всѣхъ насъ съ Нимъ. *Ядый Мою плоть,* говоритъ Онъ Самъ, *и піяй Мою Кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56), а мы всѣ вкушали Плоть Его и пили Кровь Его. Послѣ сего что разлучитъ насъ съ возлюбившимъ насъ Господомъ? Какъ мы не можемъ уже возвратить Ему Тѣла и Крови Его, такъ и Онъ не можетъ уже не быть въ насъ. Мы Его.—навсегда Его! Онъ нашъ,—навсегда нашъ!

Сдѣлаемъ же, братіе, для союза съ Царемъ небеснымъ то, что непремѣнно каждый изъ насъ сдѣлалъ бы ради союза съ царемъ земнымъ. Да будетъ мысль о соединеніи нашемъ со Христомъ правиломъ нашихъ дѣйствій; да удерживаетъ насъ отъ всего противнаго Христу и Его святому закону; да располагаетъ ко всему, что честно и похвально предъ Богомъ и человѣки! Не попустимъ, чтобы возлюбленный Женихъ душъ нашихъ терпѣлъ и страдалъ отъ соединенія съ нами! Дорого стоила Ему возможность питать насъ Своимъ Тѣломъ и Кровію: для сего надлежало взойти на крестъ. Не попустимъ же, чтобы Онъ, входя подъ кровъ души нашей, паки обрѣлъ тамъ для Себя Голгоѳу.

Въ прошедшіе дни не разъ мы слышали, какъ сыны древняго Сіона обрекали себя вѣчному забвенію и безмолвію, если забудутъ Іерусалимъ свой. Се, воистину *болѣе* Іерусалима *здѣ* (Матѳ. 12, 41. 42). Да скажетъ же, выходя теперь изъ храма, да скажетъ, братіе, каждый изъ насъ въ сердцѣ своемъ: *аще забуду Тебе*—Господа и Спасителя, питающаго меня Тѣломъ и Кровію Своею, *забвенна,* навсегда забвенна *буди десница моя: прилпни,* навсегда прилпни *языкъ мой гортани моему, аще не предложу Тебе* и безпримѣрной любви Твоей ко грѣшникамъ въ *начало всякаго веселія моего!* (Псал. 136, 5. 6).—Аминь.

V.

Замѣчаютъ, что человѣкъ бываетъ во многомъ таковъ, какую вкушаетъ пищу. Каковымъ же, братіе, должно быть намъ, кои вкушаемъ Тѣло и Кровь Господа?—По крайней

мѣрѣ, намъ должно быть Господними; по крайней мѣрѣ, не должно быть врагами Того, Кто питаетъ насъ Тѣломъ и Кровію Своею.

Не должно быть врагами!... Но что же значатъ, братіе, будущіе грѣхи наши? Развѣ мы будемъ дѣлать ихъ для Господа? И развѣ кто-либо изъ насъ не будетъ дѣлать ихъ? О, братіе, духовная слабость наша такъ велика, что я не знаю, можно ли самымъ Тѣломъ и Кровію Господа умолять васъ къ совершенному безгрѣшію! Но во имя сего Тѣла и сея Крови не могу не умолять васъ къ борьбѣ съ грѣхомъ, къ храненію своего сердца, къ покаянію и смиренію. Господь, Который всегда даруетъ намъ все,—ибо даруетъ Тѣло и Кровь Свою,—требуетъ отъ насъ хотя чего-нибудь. Начни, изъ благодарности къ Нему, борьбу хотя съ одною страстію, въ тебѣ особенно господствующею; посвяти себя постоянно и совершенно хотя одной какой-либо добродѣтели: и сіе начало не останется безъ плода великаго. Одна павшая страсть ниспровергнетъ и другія; одна вошедшая въ душу добродѣтель приведетъ и прочія. Господь, видя усиліе твое, не замедлитъ поспѣшить на помощь съ благодатію Своею; а подъ ея плодотворнымъ осѣненіемъ, и малое сѣмя благаго произволенія можетъ возрасти въ древо веліе благой жизни.

Откажемъ ли и въ семъ Господу? почтемъ ли труднымъ рѣшиться на совершеніе и одной добродѣтели? пожалѣемъ ли разстаться и съ однимъ порокомъ?—Но это значило бы уже *благословлять въ лице* (Іов. 2. 5) Господа, намъ благодѣющаго; это значило бы приступить къ Тайной Вечерѣ явно съ лобзаніемъ Іуды. Нѣтъ, христіанинъ никогда не захочетъ,—онъ не можетъ давать сего адскаго лобзанія!

Сдѣлаемъ же, братіе, хотя *малое* для Господа, даровавшаго намъ *все;* и Онъ обратитъ сіе *малое* въ *большее*, которое, при осѣненіи Его благодати, удобно можетъ содѣлаться *всѣмъ*. Аминь.

VI.

Въ Евангельской исторіи явленій Іисуса Христа по воскресеніи, читаемъ, что двое изъ учениковъ Его шли съ Нимъ однажды не малое время по одному и тому же пути въ Эммаусъ, бесѣдовали *о всѣхъ приключившихся* во Іерусалимѣ,

слышали отъ Него изъясненіе многихъ пророчествъ о Мессіи, ощущали отъ словъ Его огнь въ сердцѣ, удерживали Его даже *облещи съ ними* и, однакоже, среди всѣхъ сихъ дѣйствій не узнали въ Немъ своего Учителя и Господа дотолѣ, пока Онъ на вечерней трапезѣ не благословилъ хлѣба и не преподалъ имъ онаго (Лук. 24, 13—31).

Если съ учениками Эммаусскими было такое приключеніе, тѣмъ паче можетъ быть съ нами. Тѣмъ паче мы можемъ идти однимъ путемъ (о если бы хотя шли однимъ путемъ!) съ Іисусомъ, поучаться въ словѣ Его, чувствовать сладость Его ученія, стараться даже быть въ Его присутствіи, и между тѣмъ не знать Его, какъ должно, не видѣть въ немъ своего Учителя и Господа.

Да познается же Онъ таковымъ, по крайней мѣрѣ, въ преломленіи хлѣба! въ Тѣлѣ и Крови Своей, коими Онъ питалъ насъ нынѣ! Тутъ весь Іисусъ, вся мудрость и сила, и наипаче вся любовь. Если здѣсь не узнаемъ Его, то никогда не будемъ знать. Кто, кромѣ матери, питалъ насъ отъ тѣла своего? Но матери не умираютъ, чтобы питать, такимъ образомъ, дѣтей: это питаніе можетъ, напротивъ, ихъ самихъ спасать отъ смерти. А Спаситель нашъ умеръ для того, чтобы питать насъ Тѣломъ и Кровію Своею. *Большіе сея любви* (Іоан. 15, 13) нѣтъ и быть не можетъ.

Да познаемъ же, говорю, изъ сего, сколь благъ Господь и Спаситель нашъ! Да разумѣемъ, что значитъ Пастырь душъ: Онъ *душу Свою полагаетъ за овцы Своя* (Іоан. 10, 11). Что значитъ христіанскій Начальникъ и Владыка: Онъ долженъ быть всѣмъ слуга (Матѳ. 20, 26).

Что скрывать? Можетъ, легко можетъ случиться, что и нашъ путь жизни приведетъ нѣкоторыхъ изъ насъ, если не на верхъ, то къ подножію Голгоѳы; и намъ, подобно Спасителю, надобно будетъ избирать одно изъ двухъ: славу Божію, или славу міра, волю свою, или Отца небеснаго, крестъ, или удовольствія плоти. Тогда вспомнимъ о чашѣ завѣта, кровавой молитвѣ Геѳсиманской, и пойдемъ, подобно Господу, на встрѣчу врагамъ, съ твердою рѣшимостію умереть за истину. Только подобныя дѣйствія, а не вздохи и поклоненія, могутъ засвидѣтельствовать, что мы истинные ученики Распятаго, и что Онъ дѣйствительно познался намъ въ *преломленіи хлѣба* (Лук. 24, 35). Аминь.

VII.

При всей важности настоящаго дня, я думалъ было оставить нынѣ бесѣдовать съ вами, потому что вы слышали вчера такое поученіе, котораго станетъ для всѣхъ насъ на много дней. Я разумѣю подъ этимъ вчерашнее погребеніе собрата вашего. Ему не дано сдѣлаться наставникомъ въ продолженіе жизни, за то предоставлено смертію своею преподать урокъ самымъ наставникамъ своимъ. Будемъ надѣяться на милосердіе Божіе, что ему попущено дать намъ урокъ сей вовремя для него, но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что это было вовремя для насъ. Въ день покаянія, гробъ служитъ самымъ разительнымъ проповѣдникомъ покаянія: и я думаю, многіе изъ васъ, опуская въ землю тѣло собрата своего, отложили вмѣстѣ съ тѣмъ не одну земную мысль; не одинъ, думаю, идя къ судилищу духовному, останавливался со вздохомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ лежало бездыханное тѣло собрата, и невольно возводилъ взоры къ Тому, Который обладаетъ живыми и мертвыми. Въ надеждѣ на сіи-то чувства, я хотѣлъ было нынѣ не бесѣдовать съ вами.

Но потомъ мнѣ пришло на мысль, что поступить такимъ образомъ значило бы предоставить все смерти. Вчера такъ: въ день покаянія и умертвія грѣху, довольно гласа смерти, а нынѣ день жизни и воскресенія. Если смерть тѣлесная говорила, то жизнь духовная тѣмъ паче не можетъ оставаться безмолвною.

Что же сказать вамъ отъ лица сея жизни? Смерть и гробъ говорили: плачьте и трепещите! А я скажу: радуйтеся и благодарите, ибо жало смерти—грѣхъ, притуплено правдою Сына Божія, насъ покрывающею. Радуйтеся, ибо сама смерть пожерта животомъ, заключеннымъ въ смерти Сына Божія. Радуйтесь и благодарите, ибо Господь нашъ для того и питаетъ насъ Тѣломъ и Кровію Своею, дабы мы всѣ, подобно Ему, прешли отъ смерти въ животъ.

О глубина премудрости и любве Божія! Вкушеніе подвергло насъ въ раю смерти; вкушеніемъ внѣ рая возвращается намъ безсмертіе. Мы всѣ умираемъ потому, что всѣ въ тѣсной тѣлесной связи съ Адамомъ перстнымъ, виновникомъ смерти; и вотъ вторый Адамъ, виновникъ жизни, тѣлеснымъ же образомъ распространяетъ на всѣхъ насъ жизнь

и нетлѣніе. Отобою ду таинство! Какъ всѣ пали въ Адамѣ не постигаемъ; и, какъ всѣ востаемъ во Христѣ,—не вѣдаемъ! Не вѣдаемъ,—ибо неисповѣдимость болѣзни требовала и врачества неисповѣдимаго. Первый свидѣтель—опытъ; опытъ же долженъ свидѣтельствовать и о силѣ послѣдняго. *Вкусите и видите* (Псал. 33, 9). Вкуси вѣрою, и смотри, прогнано ли невѣріе. Вкуси любовію и смотри, истреблена ли въ сердцѣ зависть и злоба. Вкуси упованіемъ, и смотри, одушевленъ ли мужествомъ, исчезъ ли въ тебѣ страхъ смерти. Господь устоитъ въ обѣщаніи даровать тебѣ жизнь вѣчную, ибо Онъ причащаетъ тебя не словами, а Тѣломъ и Кровію Своею,—тѣмъ Тѣломъ, которое не подъ видомъ хлѣба, а на самомъ дѣлѣ было ломимо на крестѣ,—тою Кровію, которая не въ образѣ вина, а въ собственномъ своемъ видѣ лилась на Голгоѳѣ. Такая жертва не могла быть принесена для малаго; такая пища и питіе должны, по необходимости, производить чрезвычайное дѣйствіе. Послѣ сего спасительная сила таинства зависитъ отъ тебя самого, отъ того, чтобы ты вкушалъ не одними устами, соединился со Христомъ не однимъ тѣломъ, но и духомъ.

Итакъ, соедини невидимое, духовное причащеніе съ видимымъ и тѣлеснымъ:—и ты опытно познаешь, какъ еще до смерти, *преходятъ отъ смерти въ животъ* (1 Іоан. 3, 14), и какъ, живя на землѣ, имѣютъ *животъ* сей *сокровенъ въ Богѣ* (Кол. 3, 3). Аминь.

VIII.

Причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами!—Сего при каждомъ Богослуженіи желаемъ мы вамъ отъ лица св. Церкви; сего же самаго желать вамъ особенно прилично теперь. Причастившись Тѣла и Крови Сына Божія, вы причастились и благодати Божественнаго Духа. Итакъ это причастіе да будетъ съ вами всегда!

И жизнь тѣлесная, для поддержанія себя, имѣетъ нужду въ сугубомъ причащеніи, болѣе чувственномъ, посредствомъ пищи и питія, и болѣе духовномъ, посредствомъ дыханія. И,—что особенно въ настоящемъ случаѣ должно быть для насъ примѣчательно,—то и другое причастіе сопряжено съ пресуществленіемъ: и пища, и воздухъ должны уподобиться нашему тѣлу и *преложиться* въ него, чтобъ служить для

поддержанія нашей жизни.—Что для тѣла пища и питіе, то для души Тѣло и Кровь Господа; что для тѣлесной жизни дыханіе воздухомъ, то для духовной причастіе Св. Духа. По настоящему составу тѣла, ему нельзя жить ни однимъ дыханіемъ, ни одною пищею: такъ, и по настоящему состоянію души, для нея необходимо и вкушеніе Тѣла и Крови Господней, какъ пища, и причастіе Духа Святаго, какъ дыханіе. Пища принимается обыкновенно не такъ часто; и Евхаристіи причащаемся не каждый день, а по временамъ; дыханіе необходимо каждую минуту, потому и причастіе Св. Духа нужно всегда и для всѣхъ. Итакъ, еще повторю *причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами!*

И оно будетъ и пребудетъ съ нами, если мы пребудемъ съ нимъ. Разъ сошедши на землю, всеблагій Духъ не оставитъ земли, доколѣ останется на ней хотя одинъ достойный Его причастникъ. Ибо Онъ для того и пріобрѣтенъ заслугами Ходатая нашего, чтобы, занимая Его мѣсто, пребывать съ нами во вѣкъ, *наставлять насъ на всякую истину* (Іоан. 16, 13), отвращать отъ всякаго порока, укрѣплять насъ во всякой немощи, утѣшать *во всякой скорби нашей* (1 Сол. 3, 7). Это Его дѣло на землѣ,—Его, дерзнемъ сказать, обязанность и назначеніе. И возможно ли, чтобы Онъ не исполнилъ того, что принялъ на Себя, за чѣмъ посланъ, для чего сошелъ къ намъ? Посему, если въ насъ нѣтъ благодати Духа, то это несомнѣнный знакъ, что мы нисколько не стараемся о пріобрѣтеніи ея, что мы препятствуемъ ей и удаляемся отъ нея, что Пресвятому Духу нельзя въ насъ быть и дѣлать Своего великаго дѣла.

Не удивляйтесь тому, что Вездѣсущій и Всеисполняющій не можетъ быть въ насъ безъ нашего согласія. Въ воздухѣ нигдѣ нѣтъ недостатка; но у кого повреждено орудіе дыханія, тотъ не можетъ дышать, хотя бы и хотѣлъ; равнымъ образомъ и кто не употребляетъ сего орудія, тотъ также не дышитъ, хотя бы и могъ. Такъ и Духъ Св. вездѣ есть и все исполняетъ, но для того, чтобы исполняться Симъ Духомъ, причащаться Его благодати, дышать ею,—для сего нужно имѣть здравое орудіе дыханія и употреблять его по надлежащему.

Изъ чего составляется дыханіе тѣла?—Изъ надлежащаго расширенія членовъ тѣла, предназначенныхъ для дыханія, изъ вдыханія въ себя воздуха и изъ возвращенія его на-

задъ. То же самое необходимо и для дыханія духовнаго, для причастія Св. Духа: во-первыхъ, надобно отверзать и расширять орудіе духовнаго дыханія, умъ и чувство—сознаніемъ своихъ недостатковъ и бѣдности; во-вторыхъ, надобно привлекать благодать Духа молитвеннымъ желаніемъ быть едино съ Господомъ; и въ-третьихъ надобно возвращать принятое и, такъ сказать, издыхать въ святыхъ чувствахъ, въ здравыхъ словахъ, въ дѣлахъ любви и смиренія. Нельзя вдыхать воздухъ, не произведши въ себѣ нѣкоей пустоты и упраздненія: нельзя причаститься и Духа Божія, не упразднившись отъ духа міра, отъ самолюбія. И въ свободную грудь воздухъ не войдетъ, не будучи привлеченъ дыханіемъ: и въ свободную отъ суетъ земныхъ душу не входитъ благодать Духа, доколѣ не привлечется молитвеннымъ вожделѣніемъ. Самый чистый и цѣлебный воздухъ, вдыхаемый, но не выдыхаемый, можетъ обратиться во вредъ здравію: и благодать Духа, пріемлемая, но не возвращаемая, не издыхаемая въ благихъ помыслахъ и дѣлахъ, служитъ въ осужденіе.

Можно бы и еще не мало сказать о причастіи Духа, о Его важности и необходимости для всѣхъ насъ; но не время занимать васъ долгимъ собесѣдованіемъ. Теперь у каждаго изъ васъ подъ кровомъ души Гость безцѣнный. Займитесь Имъ и обратитесь всѣмъ умомъ и всѣмъ сердцемъ къ Нему: Онъ скажетъ вамъ о Духѣ то, чего и мы представить не можемъ; и не только скажетъ, но, если найдетъ васъ достойными, то и преподастъ вамъ причастіе Св. Духа, чего изъ насъ никто не можетъ сдѣлать. Аминь.

Слово на Страсти Господни.

Приступая нынѣ къ поклоненію Страстямъ Христовымъ, я думаю, братіе, каждый желалъ бы услышать что-либо съ креста Господня для своего назиданія. Но крестъ безмолвенъ!... Безмолвенъ потому, что съ него единожды и навсегда все изречено съ Голгоѳы: тамъ произнесена проповѣдь, которую должно слушать народамъ и вѣкамъ, до скончанія міра. Посему, желая слышать поученіе со креста, надобно, братіе, перенестись для сего благоговѣйною мыслію на гору крестную, стать у подножія распинаемаго Господа

и внимать тому, что исходитъ изъ устъ Его. Такимъ образомъ можно услышать собственную проповѣдь своего Спасителя и Господа, и крестъ Его не будетъ казаться безмолвнымъ. Чтобы облегчить для васъ сіе святое дѣло, я приму лице повѣствователя, и постараюсь представить послѣднія изреченія Господа со креста, сколько можно, въ яснѣйшемъ для васъ свѣтѣ.

Седмь разъ разверзались уста Господа на крестѣ, какъ бы по числу тѣхъ седми громовъ, кои будутъ гремѣть, по свидѣтельству Тайновидца, предъ кончиною міра (Апок. 10, 3). Три первыя изреченія касаются болѣе тѣхъ лицъ, кои окружали Господа въ послѣднія минуты Его; четыре послѣднія выражаютъ прямо собственное состояніе Его на крестѣ.— Но обратимся къ самому кресту Христову.

Послѣ разнообразныхъ страданій во дворѣ Каіафы, въ преторіи Пилата и во дворѣ Ирода,—послѣ изнурительнаго шествія подъ крестомъ на Голгоѳу, наконецъ наступила минута казни. Древо утверждено въ землѣ. Послѣднія одежды совлечены. Распинаемый вознесенъ на крестъ. Руки и ноги простерты. Ужасный млатъ стучитъ. Кровь потоками льется на землю.... Что сказалъ бы въ сію минуту, на семъ мѣстѣ, самый Архангелъ?... Богочеловѣкъ кротко возводитъ очи къ небу и, въ слухъ всѣхъ, молится. О чемъ? — Объ отмщеніи врагамъ, о защищеніи Своего дѣла, о ниспосланіи Себѣ терпѣнія? — Нѣтъ. «Отче, — вѣщаетъ Онъ, — отпусти имъ; не вѣдятъ бо, что творятъ!» — Не вѣдятъ! — Такъ Римскій воинъ-распинатель не зналъ, что дѣлалъ, бывъ только слѣпымъ орудіемъ повелѣній своего прокуратора— Пилата; іудейская чернь не вѣдала, что творила, наущенная льстивыми и вмѣстѣ грозными внушеніями своихъ слѣпыхъ вождей и владыкъ; самъ Синедріонъ, при всей безнравственности своей, не зналъ навѣрное, что посягаетъ теперь на жизнь своего истиннаго Мессіи. *Аще бо быша разумѣли,* скажемъ словами Апостола, *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8). Сколько, однакоже, преступленій было въ этомъ невѣдѣніи,—особенно въ тѣхъ, кои такъ легко могли все увѣдать, и сто разъ смежали очи, чтобы ничего не видѣть!—И это совершенно забыто Распинаемымъ! — Сколько при самомъ невѣдѣніи рѣзкихъ слѣдовъ преднамѣреннаго лукавства и низкой жестокости, кои обличали во врагахъ и гонителяхъ Іисуса

личную злобу къ Нему, явное желаніе ожесточить казнь, и безъ того ужасную, обезславить крестъ, самъ по себѣ поносный!—Но и это все пренебрежено Распинаемымъ!—А лютѣйшія болѣзни при пронзеніи рукъ и ногъ!—Не достаточно ли было ихъ однѣхъ, чтобы самое первое чувство въ Распинаемомъ сосредоточить теперь на Немъ Самомъ, на Его собственныхъ страданіяхъ? Но Распинаемый Богочеловѣкъ возносится духомъ превыше всего, забываетъ Свой крестъ и Свою смерть;—и, какъ Первосвященникъ по чину Мельхиседекову, едва возносится на крестъ, какъ возноситъ молитву о врагахъ Своихъ: *Отче, отпусти имъ; не вѣдятъ бо, что творятъ!*... О, кто по сей одной чертѣ не узнаетъ въ Распинаемомъ Агнца Божія, закалаемаго за грѣхи всего міра? А вмѣстѣ съ симъ, кто изъ истинныхъ послѣдователей Его не дастъ обѣта быть кроткимъ къ врагамъ своимъ?—Кто ни разу въ жизни не простилъ своему врагу во Имя Распятаго Спасителя своего, молившаго на крестѣ о врагахъ Своихъ, тотъ не христіанинъ!

Отъ распинателей и враговъ взоръ Господа со креста обратился на Матерь и ученика—друга, кои, не удерживаемые никакимъ страхомъ, получили, наконецъ, возможность приблизиться сквозь толпы народа ко кресту, такъ что были видимы съ него. Въ другое время. въ другомъ мѣстѣ, такое усердіе и такая близость могли бы служить въ утѣшеніе, но теперь, но здѣсь!... Взглядъ на безутѣшныхъ, растерзанныхъ скорбію, Матерь и ученика, былъ новымъ источникомъ страданій для любвеобильнаго сердца Сына.—Но въ этомъ ли сердцѣ не достанетъ мужества и любви къ Своимъ приснымъ?—Когда нужно было сотворить чудо всемогущества, Господь сказалъ Матери — на бракѣ въ Канѣ Галилейской: *не у пріиде часъ Мой* (Іоан. 2, 4). На бракѣ Голгоѳскомъ пріиде часъ всему! Взглянувъ на Матерь, Господь немедленно сказалъ: *Жено, се сынъ твой!* Потомъ ученику: *Се мати твоя!* Большаго утѣшенія со креста нельзя было преподать ни Матери, ни другу.... Равно какъ, братіе, нельзя было оставить большаго вразумленія намъ о святости отношеній родственныхъ и дружескихъ. Въ самомъ дѣлѣ, размыслите: если Сынъ Божій, до самой смерти Своей, являлся любвеобильнымъ Сыномъ Своей Матери, постояннымъ другомъ Своего ученика, то какое званіе, или какія

отношенія могутъ уволить васъ отъ исполненія святаго долга любви къ нашимъ приснымъ по родству и дружбѣ?—Когда крестъ не воспрепятствовалъ сдѣлать завѣщанія, обезпечивающаго самое земное состояніе оставляемой Матери,—то что можетъ препятствовать намъ пещись о судьбѣ тѣхъ, кои останутся послѣ нашей кончины?—Апостолъ Христовъ давно замѣтилъ и изрекъ, что нерадящій о приснихъ своихъ, *вѣры отверглся, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. 5. 8).

Молитвою за враговъ, любвеобильнымъ завѣщаніемъ къ приснымъ, казалось, обняты были со креста обѣ крайности любви чистой. Но оставалось еще мѣсто въ срединѣ—у самаго сердца, не прободеннаго еще копіемъ, но само собою отверстаго, для всѣхъ. Кто же займетъ сіе мѣсто?—Разбойникъ—кающійся. Два злодѣя были распяты—одинъ одесную, а другой ошуюю, именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы распятіе Господа сдѣлать поноснѣе въ глазахъ цѣлаго Іерусалима:—что нужды до сего любви, которая *вся покрываетъ* (1 Кор. 13, 7)! Одинъ изъ сихъ обѣшенныхъ молитъ помянуть его во царствіи.—и будетъ помянутъ сей же часъ.—Царь сего царства Самъ теперь на крестѣ въ ужасныхъ мукахъ: и до сего нѣтъ нужды. Пригвожденныя ко кресту руки не воспрепятствуютъ Владыкѣ жизни и смерти отверзть, заключенный грѣхами человѣка, рай. *Днесь со Мною будеши въ раи,* отвѣчалъ Господь на молитву кающагося разбойника.—О, кто не увидитъ паки по сей одной чертѣ единороднаго Сына, Которому *вся Отецъ предалъ въ руки Его,* Который и на крестѣ остается Владыкою жизни и смерти, Господомъ рая и ада! Я уже не говорю о забвеніи при семъ Господомъ собственныхъ страданій: слыша царственныя слова: *днесь со Мною будеши въ раи,* невольно думаешь, что слышишь ихъ не со креста, а съ престола царскаго.—Вотъ что значитъ, братіе, дѣлать свое дѣло, *дондеже день есть* (Іоан. 9, 4), дондеже есть послѣдній лучъ сего дня. Вотъ какъ можно святить самыя послѣднія минуты жизни, самыя страданія свои, самую борьбу съ смертію—дѣлами любви къ ближнимъ! — Блаженъ, кто, подобно Спасителю своему, можетъ заключить на смертномъ одрѣ послѣднее употребленіе дара слова какимъ-либо словомъ назиданія, или утѣшенія къ своимъ собратіямъ!

Судя по симъ тремъ изреченіямъ со креста,—по молитвѣ

за распинателей, по завѣщанію Матери и ученику, по обѣтованію рая разбойнику, можно было бы думать, что распятый Богочеловѣкъ Самъ не терпитъ никакихъ мученій. Увы, сіи мученія были ужасны!—Однимъ изъ непосредственныхъ дѣйствій крестной казни въ распинаемыхъ было то, что кровь, остановленная въ естественномъ круговращеніи, устремлялась къ сердцу, производя мучительнѣйшее томленіе и жажду. Сіе-то томленіе и сію-то крестную жажду претерпѣвалъ теперь единородный Сынъ Божій... Въ Томъ, Кто съ такимъ самоотверженіемъ доселѣ забывалъ всѣ Свои страданія, достало бы, безъ сомнѣнія, и теперь мужества сокрыть ихъ въ Себѣ Самомъ, но къ чему бы послужила сія сокровенность креста, который и безъ того заключаетъ столько таинствъ? Вселенная должна была знать, земнородные должны были слышать изъ устъ Самой всемірной Жертвы, чего стоитъ очищеніе грѣховъ всего міра. И Сынъ Человѣческій всегда являлся тѣмъ, чѣмъ былъ: радовался, когда была причина радости, плакалъ, когда находился у гроба Лазаря, или смотрѣлъ на Іерусалимъ, погибающій во грѣхахъ. Посему и теперь, палимый смертною жаждою, Богочеловѣкъ громко воскликнулъ: *жажду!*... Для утоленія именно сей потребности въ распятыхъ, люди сострадательные имѣли обыкновеніе приносить разныя питія. Но злоба враговъ Іисуса почла за долгъ преогорчить для Него и сіи малыя капли утѣшенія. Извѣстно, братіе, какъ и чѣмъ утолена была жажда Господа—оцетомъ и желчію!... Блаженны мы, если не утоляемъ ее тѣмъ же—доселѣ! Ибо Господь доселѣ жаждетъ—нашего спасенія! —И что другое составляютъ для Него грѣхи наши, какъ не оцетъ съ желчію?

Уже по болѣзненному восклицанію: *жажду!* можно было видѣть, братіе, что мученія пречистой плоти Господа достигли крайней степени страданій человѣческихъ. Но, какъ Жертвѣ за грѣхи всего міра, Ему предстояло еще одно, лютѣйшее страданіе, коего никто изъ насъ не можетъ понести,— такая мука, коей не въ состояніи произвести вся злоба и могущество человѣческія. Кто же произвелъ? — Отецъ! Самъ Отецъ! Его правосудіе!... Будучи едино со Отцемъ по Божеству, Богочеловѣкъ, среди самыхъ жестокихъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій, могъ изъ сознанія сего единства получать силы и утѣшеніе въ облегченіе Свое. Карающее въ лицѣ Его

грѣхи людей правосудіе потребовало, чтобы и сей источникъ утѣшенія былъ загражденъ совершенно; и онъ загражденъ! Отецъ, Самъ Отецъ оставилъ наконецъ Сына! — Не разлучаясь отъ человѣчества, Божество сокрылось такъ въ душѣ распятаго Богочеловѣка, что человѣчество Его предано было всѣмъ ужасамъ безпомощной скорби, и Онъ обрѣлся яко единъ отъ насъ. Такое чувство оставленія, въ такія минуты, было верхомъ мученія уже не для пречистаго тѣла токмо, а и для святѣйшей души и духа. Ибо что предполагало такое оставленіе? Все, что можетъ предположить мысль Человѣческая самаго ужаснаго и безутѣшнаго. Духъ Сына человѣческаго, подобно плоти, не могъ не изнемочь подъ тяжестію сего внутренняго, уже не человѣческаго, а вполнѣ Божественнаго креста. Но другаго Симона Киринейскаго не было и не могло быть: то былъ крестъ нераздѣлимый! — Что же дѣлаетъ изнемогающій подъ симъ крестомъ Богочеловѣкъ? Оставленный Отцемъ, Онъ паки обращается къ Отцу и вопіетъ: *Боже, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ?* Оставилъ Ты, Который всегда былъ со Мною, оставилъ Меня, Который жилъ для единаго Тебя и умираю за имя Твое!... Отвѣта не было! — Отецъ какъ бы не внималъ Сыну! — О, братіе, чувствуете ли всю крайность сего неисповѣдимаго страданія за васъ вашего Спасителя? Сіи-то ужасныя минуты еще св. Давидъ называлъ *мученіями адовыми.* Ибо и въ адѣ нѣтъ лютѣйшаго мученія, какъ совершенное оставленіе мучимыхъ Богомъ. Примѣтимъ же, братіе, какъ должно поступать и намъ въ минуты подобнаго оставленія насъ благодатію Божіею, и куда обращаться за помощію и утѣшеніемъ: къ Тому же Господу, Который оставляетъ насъ. Посредствомъ сердечной молитвы мы паки возвратимся въ объятія Его любви отеческой.

Оставленіе Отцемъ было послѣднимъ пламенемъ для всесожженія крестной Жертвы. Послѣ сего не оставалось уже ни на землѣ, ни во адѣ, что бы еще можно было перенести, и что бы не было перенесено. Посему, когда часъ ужаснаго оставленія прошелъ, умирающій Богочеловѣкъ въ слухъ всѣхъ воскликнулъ: *Совершишася!* такое слово, братіе, коего одна вѣчность покажетъ всю широту и всю силу. Ибо, сколько само Св. Писаніе ни открываетъ намъ великаго плана премудрости Божіей о спасеніи грѣшнаго рода чело-

вѣческаго и всего міра крестною смертію Сына Божія, но мы все еще далеко не видимъ всѣхъ основаній и всѣхъ слѣдствій сего безпримѣрнаго снисхожденія къ намъ любви Божественной. Съ Сіона, если дастъ Господь намъ взойти на него, съ Сіона узримъ то, что совершилось для насъ на Голгоѳѣ. Но на Сіонъ, братіе, будетъ дано взойти только тѣмъ, кои, подобно Спасителю, могли сказать предъ смертію, что и въ ихъ жизни совершилась вся воля Божія о нихъ, совершилась по крайней мѣрѣ та всеблагая воля, чтобы мы отходили изъ сего міра, если не съ чистотою праведниковъ, то съ покаяніемъ и вѣрою кающихся грѣшниковъ.

За симъ Господь еще разъ воззрѣлъ на небо и сказалъ: *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой; и преклонь главу, предаде духъ!*

Таковы были послѣднія слова Господа со креста! — такова Его крестная проповѣдь?

Каковы-то, братіе, будутъ наши послѣднія слова, и достанется ли намъ произнести что-либо предъ нашею смертію?... — По крайней мѣрѣ мы должны быть всегда готовы къ смерти и стараться отходить изъ сего міра такъ, чтобы самая кончина наша была свидѣтельствомъ нашея вѣры и любви къ Господу и, если можно, поученіемъ для нашихъ ближнихъ. Возлюбленный Спаситель нашъ, какъ мы сами видѣли, подаетъ намъ примѣръ къ тому наилучшій. Онъ ли не страдалъ на крестѣ? Его ли смерть не была ужасна и даже поносна въ очахъ міра? Но, зрите, какое терпѣніе, какая любовь къ ближнимъ, какая преданность въ волю Божію! — Подобно сему надобно умирать и каждому изъ насъ! — надобно отходить изъ сего міра безъ ропота и съ терпѣніемъ христіанскимъ, устроивъ, по возможности, судьбу присныхъ своихъ, простивъ отъ всего сердца всѣмъ врагамъ своимъ, ознаменовавъ исходъ свой какими-либо дѣлами любви къ бѣдствующей братіи, предавъ наконецъ духъ и все существо свое во всеблагую волю Того, Кто единъ обладаетъ живыми и мертвыми. Поелику же Господь нашъ былъ безгрѣшенъ и святъ, а мы какъ бы неукоризненно ни старались вести жизнь свою, всегда совершаемъ не мало вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденій, то вмѣстѣ съ симъ каждому надобно отходить изъ сего міра съ духомъ сокрушенія о грѣхахъ своихъ, съ живою вѣрою въ заслуги Искупителя

съ твердою рѣшимостію въ новомъ мірѣ проходить жизнь новую и благодатную.

Сему поучаетъ насъ нынѣ безмолвный, повидимому, крестъ Христовъ! — Аминь.

Слово на Страсти Господни.

Тогда распяша съ Нимъ два разбойника: единаго одесную и единаго ошую (Матѳ 27, 38).

Тамъ, гдѣ совершилась тайна примиренія Бога съ человѣкомъ и приносима была жертва за грѣхи всего міра, на Голгоѳѣ, приличествовало стоять, повидимому, не многимъ, а единому всеосвящающему кресту Сына Божія, дабы сосредоточивать въ себѣ взоры и вниманіе всей вселенной: между тѣмъ мы видимъ здѣсь не одинъ крестъ Искупителя, а вмѣстѣ съ нимъ и два другихъ. Чьи? — не Пророковъ, не Апостоловъ, не людей праведныхъ, даже не людей обыкновенныхъ, а разбойниковъ — злодѣевъ! — Можетъ ли быть это безъ тайны, и сія тайна безъ поученія для насъ? — Если и живописецъ искусный не позволяетъ стать въ своей картинѣ никакому лицу и никакой вещи безъ особенной цѣли, тѣмъ паче премудрость Божія не попустила бы у креста Искупителя міра стоять крестамъ разбойниковъ, если бы въ нихъ не заключалось чего-либо важнаго и для всѣхъ поучительнаго. Что же значитъ сіе дивное троекрестіе?... Мнѣ кажется, братіе, что въ немъ выражено свойство и значеніе всѣхъ нашихъ человѣческихъ крестовъ, выражено для того, чтобы каждый изъ насъ, взирая на Голгоѳу, тотчасъ безъ труда могъ узнавать, подъ какимъ крестомъ онъ самъ, и чего должно ему ожидать отъ своего крестоношенія. Чтобы увѣриться въ семъ, подойдемъ, братіе, внимательною мыслію ближе къ таинственному троекрестію Голгоѳскому, и разсмотримъ каждый изъ стоящихъ тамъ крестовъ порознь.

Первый крестъ единороднаго Сына Божія, возлюбленнаго Спасителя нашего. Здѣсь прежде всякаго размышленія повергнемся, братіе, въ духѣ предъ симъ крестомъ и поклонимся тѣмъ Божественнымъ язвамъ, отъ коихъ исцѣлѣлъ весь міръ. Что было бы съ нами, что было бы со всѣмъ міромъ, если бы сей всепримиряющій крестъ не воздвигся посреди

земли для спасенія погибавшаго рода человѣческаго?—Да не выходитъ же никогда изъ памяти нашей сіе благодѣяніе!—Да не забываетъ никто, кѣмъ и чѣмъ мы всѣ искуплены! и если подобаетъ *намъ* хвалитися, *да не будетъ* и намъ, какъ Апостолу Павлу, *хвалитися, токмо крестомъ Господа Іисуса!* (Гал. 6, 14).

Но, воздавъ такимъ образомъ подобающее поклоненіе кресту Господа нашего, не оставимъ, братіе, примѣтить того, что въ семъ крестѣ должно служить предметомъ нашего подражанія. Мы сказали, что кресты Голгоѳскіе изображаютъ свойства и участь всѣхъ нашихъ крестовъ. Трудно ли уразумѣть, чьи и какіе кресты изображаются крестомъ Сына Божія?—Кресты тѣхъ, кои, подобно Спасителю своему, страдаютъ, творивъ всякое, возможное для нихъ, добро, страдаютъ не отъ себя и за себя, а совершенно невинно, по одной волѣ Божіей, отъ злобы или неразумія человѣческаго. Хотя таковые непорочные страдальцы въ нашемъ вѣкѣ лукавомъ и грѣшномъ крайне рѣдки, однакоже могутъ найтися и между нами, и можетъ быть тамъ, гдѣ мы менѣе всего ожидали. Да приближатся же сіи чистыя души нынѣ ко кресту Спасителя своего, и да повѣрятъ собственныя страданія пресвятыми Его страданіями!.

И во-первыхъ, добрыя и святыя души, не смущаетъ ли васъ иногда опасная мысль, что жребій вашъ слишкомъ тяжелъ, что на васъ не обращается никакого вниманія свыше, что вы какъ бы совершенно оставлены Отцемъ небеснымъ, оставлены тогда, какъ вы сами никогда не оставляли пресвятой воли Его и не чувствуете за собою никакой особенной вины?—Когда сія искупительная мысль придетъ къ вамъ, братіе, спѣшите въ духѣ на Голгоѳу, становитесь у подножія креста Христова, и смотрите, что происходитъ на немъ. Кто болѣе Спасителя нашего имѣлъ право на пощаду или благодатную помощь среди Своихъ страданій? Не Онъ ли — единородный Сынъ любви Отчей, въ Коемъ Отецъ, какъ Самъ не разъ свидѣтельствовалъ, положилъ все Свое благоволеніе? — Не Онъ ли выну творилъ волю Отца Своего и почиталъ исполненіе ея брашномъ для Себя?—Не дѣло ли, *еже даде Ему Отецъ,* совершаетъ Онъ и теперь—на жертвенникѣ крестномъ?—Но обратитесь и видите: *аще есть болѣзнь, яко Его Болѣзнь!*—Онъ страдаетъ такъ, какъ

не страждетъ никто изъ насъ! терпитъ то, чего не терпятъ распятые съ Нимъ разбойники; терпитъ даже отъ нихъ самихъ. И что говорить о людяхъ? Самъ Отецъ небесный, отъ Коего въ сіи ужасныя минуты, повидимому, надлежало ожидать всей помощи, всего утѣшенія,—Самъ Отецъ оставляетъ возлюбленнаго Сына!... Кто же послѣ сего изъ насъ вправѣ роптать на свою участь и говорить или думать, что его добродѣтель достойна лучшаго жребія? Ахъ, возлюбленный, если добродѣтель твоя въ самомъ дѣлѣ такова, какъ ты представляешь, то она достойна именно того, что тебѣ дано терпѣть, ибо въ такомъ случаѣ она достойна наилучшей награды; а у Господа нѣтъ ничего лучше и дороже того креста, на коемъ Онъ положилъ душу Свою за насъ. Будешь ли жаловаться, что Онъ раздѣляетъ съ тобою сей самый крестъ?—Ужели лучше, если бы Онъ выражалъ благоволеніе Свое къ тебѣ дарами счастія земнаго? Но для принятія сихъ даровъ всегда готовы и враги Его; чѣмъ же Ему отличать отъ нихъ присныхъ и друговъ Своихъ, какъ не собственнымъ крестомъ? — Итакъ, не измѣняй Его довѣрію и надеждѣ на тебя; докажи, что ты умѣешь цѣнить крестъ Его, и неси его въ терпѣніи, въ томъ видѣ, какъ онъ тебѣ данъ, неси, доколѣ онъ не будетъ сложенъ съ тебя рукою Провидѣнія, или доколѣ ты самъ не положишь на немъ души своей.

Вѣрныя Господу души вполнѣ чувствуютъ, братіе, сіи важныя истины, и потому, удостоившись страдать за Возлюбленнаго, онѣ не только не позволяютъ выходить изъ устъ своихъ никакимъ словамъ неудовольствія и ропота, но еще стараются, по примѣру Спасителя своего, обращать страданія свои на пользу другихъ, возбуждая своимъ примѣромъ всѣхъ страждущихъ къ безропотному перенесенію своего жребія. Особенно предметомъ любвеобильнаго попеченія ихъ бываютъ тѣ изъ страдальцевъ, кои, подобно кающемуся разбойнику, воспріемля по дѣломъ своимъ, имѣютъ нужду въ благодатномъ удостовѣреніи, что ихъ временныя бѣдствія не повлекутъ за собою несчастій вѣчныхъ. Не имѣя права сказать таковымъ онаго Божественнаго: *днесь со мною будеши въ раи!*—души вѣрныя Господу, утверждаясь на той же вѣрѣ и любви къ Нему, не сомнѣваются о имени Его вѣщать каждому изъ таковыхъ: «дерзай, возлюбленный со-

братъ по кресту, дерзай: въ раю Спасителя нашего есть и для насъ съ тобою мѣсто; только будемъ терпѣть до конца, молиться и уповать». Такъ, говорю, переносятъ свои страданія и такъ поступаютъ въ отношеніи къ себѣ и другимъ души вѣрныя своему Господу! Въ ихъ крестѣ отражаются не только всѣ существенныя части и черты, но и самые, такъ сказать, оттѣнки креста Христова. Благо вамъ, души вѣрныя и мужественныя! Продолжайте до конца ваше священнодѣйствіе крестное! Продолжайте горѣть на огнѣ любви чистой, и разливать вокругъ себя благоуханіе Христово!— Если бы мы вѣдали, кто вы, то поспѣшили бы лобзаніемъ любви облобызать самыя язвы ваши, за Христа вами носимыя!

Второй крестъ Голгоѳскій есть крестъ благоразумнаго разбойника.

Если бы нужно было положить на семъ крестѣ какую-либо надпись, то всего приличнѣе было бы начертать сіи слова: *покаяніе и вѣра!*—Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ найти такую высокую и живую вѣру, такое пламенное и плодоносное покаяніе, какія видимъ на семъ крестѣ? И сіе-то, конечно, было причиною, почему премудрость Божія позволила кресту сему стать одесную креста возлюбленнаго Сына Божія, дабы, то-есть, грѣшники, взирая на крестъ сей, научались, какъ, путемъ вѣры и покаянія, можно со креста разбойничаго переходить прямо въ рай. Да поспѣшатъ же къ сему кресту всѣ обремененные грѣхами и слѣдствіемъ грѣховъ,— болѣзнями и страданіями, и да пріимутъ сами слово назиданія изъ устъ благоразумнаго разбойника.

Какъ немного было у него времени на покаяніе! какъ мало средствъ, коими онъ могъ располагать по своей волѣ!— И однакоже покаяніе его такъ полно, что не видишь, чего желать болѣе. Ибо чего нѣтъ тутъ? Признаніе своихъ грѣховъ самое глубокое и искреннее; отвращеніе къ прежней беззаконной жизни — самое твердое и рѣшительное; перенесеніе должнаго по законамъ наказанія за грѣхи — самое безропотное и благодушное; преданіе своего вѣчнаго жребія въ волю Сына Божія—самое полное и смиренное. Кромѣ сего, какъ бы въ вознагражденіе соблазна отъ своихъ прежнихъ грѣхопаденій, кающійся простираетъ слово вразумленія къ несчастному собрату своему, и для сего забываетъ

всѣ собственныя страданія. Не рѣдкая ли черта любви чистой и высокой? — А вѣра кающагося! Не напрасно еще блаженный Августинъ не надѣялся найти подобной вѣры въ цѣломъ мірѣ. Точно, искать ея надобно, по крайней мѣрѣ, въ цѣломъ мірѣ.—Ибо судите сами, въ кого вѣруетъ теперь разбойникъ? Въ Того, Кто Самъ виситъ, подобно ему, на крестѣ, оставленъ всѣми — Самимъ Отцемъ! Какъ вѣруетъ? — Какъ вѣровали развѣ одни лучшіе изъ учениковъ Іисусовыхъ, ибо человѣка, распятаго и приближающагося къ смерти, называетъ Господомъ неба и земли, Владыкою рая и ада, отъ слова Коего зависитъ все. Не это ли именно та высокая вѣра въ Распятаго, которой будетъ искать потомъ между своими учениками св. Павелъ?

Да престанутъ же злоупотреблять примѣромъ оправданнаго на крестѣ разбойника тѣ изъ насъ, кои, не смотря на множество грѣховъ своихъ, въ надеждѣ на благодать Божію, отлагаютъ со дня на день свое покаяніе, думая принести его въ послѣднія минуты своей жизни. Но, злополучные братіе, кто сказалъ вамъ, что вы непремѣнно будете имѣть во власти своей сіи послѣднія минуты? Кто увѣрилъ васъ, что вмѣстѣ съ симъ будете имѣть и благодать Божію, необходимую для покаянія, и что она, небрегомая и отметаемая вами во всю жизнь, не оставитъ въ свою чреду сама васъ при концѣ ея? Кто, наконецъ, поручится за то, что въ послѣднія минуты ваши вы будете имѣть даже столько твердости и присутствія духа, чтобы, не смотря на страданія тѣлесныя, заняться дѣломъ своего спасенія? Увы! сколько ни случалось намъ видѣть у вратъ смерти людей, проводившихъ жизнь свою безъ страха Божія, мы всегда находили ихъ совершенно пораженныхъ страхомъ смерти и отчаяніемъ, безгласныхъ яко овцы заколенія... И такіе люди надѣются въ минуты смерти подражать безпримѣрной вѣрѣ и любви благоразумнаго разбойника!...

Нѣтъ, братіе мои, если благость и премудрость Божія дали воздвигнуться кресту его о страну креста Христова, то сіе сдѣлано не въ покровъ лѣности и нераскаянности, а единственно для того, чтобы никто изъ самыхъ послѣднихъ грѣшниковъ не предавался отчаянію о своемъ спасеніи. Посему-то въ примѣрѣ сего же благоразумнаго разбойника, какъ мы видѣли, истинное покаяніе олицетво-

рено во всѣхъ существенныхъ чертахъ его; — да разумѣемъ, что если врата рая для всѣхъ всегда отверсты, то входятъ въ нихъ, однако же, одни способные къ тому, что милосердіе небесное, какъ ни велико, никогда не можетъ обратиться въ потворство неправдѣ. Кто убо изъ грѣшниковъ пользуется примѣромъ спасшагося на крестѣ разбойника, какъ должно? Тотъ, кто, восчувствовавъ на себѣ дѣйствіе наказующей десницы Божіей, немедленно обращается къ своей совѣсти, и признавъ себя вполнѣ достойнымъ того, что терпитъ, старается не столько объ уменьшеніи или прекращеніи своихъ страданій, сколько объ уврачеваніи язвъ своей совѣсти, о примиреніи себя съ Богомъ, употребляя въ то же время всѣ средства къ изглажденію несчастныхъ слѣдовъ своихъ грѣхопаденій надъ ближними своими. Тако страждущій, какъ бы ни были велики грѣхи его, если пребудетъ въ духѣ покаянія и вѣрѣ до конца, твердо можетъ быть увѣренъ, что и его, наконецъ, не мимо идетъ слово помилованія, что и предъ нимъ не затворятся врата рая. А кто, не смотря на бѣдственное положеніе свое, въ которое грѣхъ еще въ сей жизни обыкновенно ввергаетъ служителей своихъ, продолжаетъ нерадѣть о своемъ спасеніи, и вмѣсто раскаянія въ прежнихъ беззаконіяхъ, ищетъ безумной отрады въ новыхъ злодѣяніяхъ, тотъ да читаетъ съ трепетомъ будущую участь свою въ ужасной судьбѣ разбойника, нераскаяннаго, коему принадлежитъ третій крестъ Голгоѳскій.

Взирая мысленно на крестъ сей, не знаю, братіе, чѣмъ начать рѣчь мою о немъ — словами, или слезами? Такъ онъ жалокъ и ужасенъ!... Жалокъ не избыткомъ мученій (несчастный терпитъ ихъ не болѣе благоразумнаго своего собрата, даже, можетъ быть, менѣе), — а концомъ ихъ и послѣдствіями. Ибо что выйдетъ наконецъ изъ толикихъ мукъ? — Ничего, кромѣ того, что онѣ послужатъ началомъ мученій адскихъ, куда, окрѣпшая во злѣ, душа несчастнаго уже видимо стремится сама собою. А между тѣмъ какъ блаженною могла быть участь и сего разбойника! Какъ завидна была доля его на самомъ крестѣ! Онъ долженъ былъ умереть, но умереть о страну Сына Божія, испустить духъ съ Тѣмъ. Кто пришелъ спасти міръ; — какой самый великій праведникъ не почелъ бы такой смерти за величайшую для себя милость?

Разбойнику она дарована туне. Какъ мало оставалось приложить къ сему дару милосердія съ его стороны, чтобы вмѣстѣ съ собратомъ своимъ прейти со креста въ рай! Оставалось только, такъ сказать, наклонить подъ вѣнецъ главу, отверзть — для наслажденія — уста, произнести два — три слова отъ сердца сокрушеннаго... Несчастный точно начинаетъ говорить... но, Боже мой, что выходитъ изъ устъ его? Хула, самая безумная хула на Того, Кто единъ можетъ спасти его!... По крайней мѣрѣ не остановится ли онъ, не опомнится ли, не придетъ ли въ разумъ и чувство, услышавъ трогательное обличеніе отъ своего собрата? Послѣ сего обличенія точно не слышно болѣе хулы, но увы, не слышно и молитвы покаянія; это безмолвіе — отчаянія!...

Скажите сами, братіе, можно ли достойно оплакать такое ожесточеніе во грѣхѣ? И однакоже, такимъ образомъ надобно оплакивать намъ не одинъ крестъ погибшаго разбойника, а кресты многихъ и многихъ изъ насъ!... Ибо и сей ужасный крестъ допущенъ стоять на Голгоѳѣ, конечно, не почему другому, какъ потому, что есть не мало подобныхъ крестовъ въ мірѣ, и что нужно громкое вразумленіе для тѣхъ, коимъ принадлежатъ они. Въ самомъ дѣлѣ посмотрите, что дѣлаетъ этотъ честолюбецъ, который, темными и низкими путями прокравшись на верхъ почестей, не зналъ мѣры своему надменію и презорству; но, наконецъ, сверженный превратностію счастія, сдѣлался предметомъ всеобщаго презрѣнія. Время бы уже ему, самое лучшее время, теперь узнать, что отличія и почести человѣческія суть пустой дымъ, признать свои прежнія вины предъ Богомъ и человѣками, и устремиться къ снисканію почестей высшаго званія, вѣнцовъ небесныхъ. Все, и внутри и внѣ, напоминаетъ о семъ душѣ гордой и злонравной: она одна не видитъ своего положенія. остается нераскаянною и строитъ вновь замыслы за замыслами; теряется въ напрасныхъ усиліяхъ, и мучитъ себя ими; не видя успѣха, хулитъ и ропщетъ на все, токмо не на себя. Не копія ли это съ несчастнаго подлинника Голгоѳскаго? — Посмотрите еще, что происходитъ съ симъ богачемъ, который, не срамляясь ни Бога, ни людей, видимо покланялся доселѣ одному сребру и злату; божество его, коему онъ такъ былъ вѣренъ, наконецъ совершенно измѣнило ему; сребренники его сдѣлали себѣ, по выраженію

Пророка, крылья и улетѣли отъ него навсегда. — Не благопріятный ли случай и для сего несчастнаго увидѣть, что богатство и стяжанія земныя—суета, увидѣть и обратить душу и сердце свое къ стяжанію благъ негибнущихъ и неотъемлемыхъ; употребить для сего самую настоящую бѣдность свою, пренося тяжесть ея въ духѣ покаянія и вѣры? Но, ожестѣвшая въ сребролюбіи, душа не разумѣваетъ дня посѣщенія своего. Вмѣсто того, чтобы благодарить Господа и говорить: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси* (Псал. 118, 71), обнищавшій богачъ дерзаетъ проклинать судьбу свою, хулить Провидѣніе Божіе. Не копія ли это съ ужаснаго подлинника Голгоѳскаго? — Взгляните наконецъ и на сію несчастную жертву страстей, на сей остатокъ человѣка... Въ немъ нѣкогда кипѣлъ избытокъ силъ, кои, употребленныя благоразумно, могли составить счастіе того, кто обладалъ ими, и отраду для многихъ, но сіи силы всѣ расточены безумно по требованію слѣпыхъ страстей: и вотъ несчастный, еще до наступленія полдня, долженъ ожидать заката жизненнаго солнца. Чтобы, казалось, лучше, даже неизбѣжнѣе теперь, какъ подумать о душѣ своей, возвратиться изъ страны далекой въ домъ отеческій, постараться загладить, сколько можно, слѣды своего неразумія, собрать весь остатокъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ и принести его въ жертву Богу? Это самое уже говорено было несчастному грѣшнику его духовнымъ отцемъ; о семъ самомъ уже не разъ напоминала ему собственная его совѣсть. Но что духовный отецъ, что совѣсть для сердецъ нераскаянныхъ? — Сластолюбецъ видитъ предъ собою бездну, предчувствуетъ уже внутрь себя пламень огня геенскаго, и однакоже упорно хочетъ, чтобы елей его жизни до послѣдней капли горѣлъ въ честь студнымъ кумирамъ!... Не копія ли это съ ужаснаго подлинника Голгоѳскаго?

Не мало и еще въ мірѣ такихъ страдальцевъ, коихъ кресты, сличенные съ крестомъ погибшаго разбойника, оказались бы, можетъ быть, во всемъ ему подобными, или немногимъ отъ него разнствующими, но вмѣсто перечисленія таковыхъ крестоносцевъ, простремъ лучше, подобно благоразумному разбойнику, ко всѣмъ имъ слово братскаго вразумленія. — Что вы дѣлаете, несчастные братія? Для чего не видите опаснаго своего положенія? Зачѣмъ не пользуетесь бѣдствіями вашими для своего спасенія? Ваши страданія

велики, но развѣ легче были грѣхи ваши для Сына Божія, за васъ пострадавшаго? — Міръ измѣнилъ вамъ, оставилъ, презрѣлъ васъ! Презрите, бросьте и вы его; вознеситесь надъ всѣмъ настоящимъ, и устремите мысли и желанія свои къ вѣку грядущему. Вмѣсто досады, ропота и хулы, благодарите Бога, что грѣховное ослѣпленіе ваше не продолжилось до конца; благодарите и пользуйтесь милосердіемъ Божіимъ, которое ничѣмъ лучше не могло обнаружить себя надъ бѣдною душею вашею, какъ лишеніемъ васъ благъ земныхъ, кои губили и погубили бы душу вашу. По всему видно, что вамъ уже не сходить со креста, на коемъ вы теперь страдаете: не опустите же драгоцѣнной возможности прейти съ него прямо на небо.

Таковы, братіе, мысли, возбуждающіяся при размышленіи о таинственномъ троекрестіи Голгоѳскомъ. Премудрость Божія могла бы окружить крестъ Спасителя нашего чѣмъ-либо такимъ, что бы уменьшало соблазнъ сего креста грѣшнику, но Она окружила сей крестъ крестами разбойниковъ, пожертвовавъ видимо славою Спасителя нашего нашему спасенію, дабы мы, то-есть, взирая на сіи кресты, научились узнавать, подъ какимъ крестомъ находится каждый изъ насъ. Благо убо тому, кто, обращая вниманіе на крестъ свой, обрѣтетъ въ немъ нѣкое подобіе креста Христова, креста невинности и самоотверженія! Да блюдетъ таковый сей драгоцѣнный крестъ и да не мѣняетъ ни на что въ мірѣ. Благо и тому, коего крестъ окажется подобнымъ кресту благоразумнаго разбойника, кресту вѣры и покаянія. Да продолжаетъ таковый приносить, по возможности, плоды сихъ добродѣтелей. Но горе, неизреченное горе тому, кто, нашедъ въ себѣ и судьбѣ своей сходство съ нераскаяннымъ разбойникомъ Голгоѳскимъ, не поспѣшитъ удалиться отъ сего ужаснаго образца, и прейти на десную страну вѣры и покаянія! Аминь.

Слово въ Великій Пятокъ.

Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что-либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ (Макарій вел.) вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ:

«Братіе, станемъ плакать», и всѣ пали на землю и пролили слезы.

Знаю, братіе, что и вы ожидаете теперь слова назиданія, но уста мои невольно заключаются, при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ?... И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронутъ онѣ, тотъ тронется ли отъ слабаго слова человѣческаго?— На Голгоѳѣ не было проповѣди: тамъ только рыдали и били *въ перси своя* (Лук. 23. 48). И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ.

Братіе! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ: начнемъ же молиться и плакать.—Аминь.

Слово въ Великій Пятокъ.

Пророкъ, узрѣвъ нѣкогда Бога на престолѣ, превознесенномъ славою, и чувствуя свою нечистоту и бренность, въ ужасѣ воскликнулъ: *окаяненъ азъ, яко человѣкъ сый, нечисты устны имый, и Царя Господа Саваова видѣхъ очима моима* (Исаіи 6, 5). Что же, братіе, должно сказать теперь намъ, зря Бога, не превознесеннаго славою, а умаленнаго безчестіемъ, не на престолѣ, а во гробѣ? — Чѣмъ должны назвать себя мы, помышляя, что сіи язвы, сей гробъ суть дѣло рукъ нашихъ? — О, окаянные мы человѣки, кои грѣхами своими не только низвели на землю Сына Божія, но и вознесли на крестъ и заключили во гробѣ! Ахъ, если бы грѣхъ не воздвигъ ужаснаго средостѣнія между небомъ и землею, и мы всѣ, подобно пророку, зрѣли бы Бога, превознесеннаго славою: Сынъ Божій являлся бы въ мірѣ человѣческомъ, какъ Онъ является въ мірахъ ангельскихъ; посѣщалъ бы землю, какъ домовладыка и другъ. Съ какою радостію срѣтали и провождали бы Его не поврежденные сыны невиннаго праотца!—А теперь!... *О, кто дастъ главѣ нашей воду, и очамъ источникъ слезъ* (Іер. 9, 1), да плачемъ день и ночь надъ симъ изображеніемъ, да рыдаемъ о томъ, что не токмо сами съ высоты безсмертія низверглись во прахъ, но и низвергли во гробъ Сына Божія!

Такова, братіе, сила грѣха! Онъ кажется минутнымъ забвеніемъ долга, и возмущаетъ цѣлую вѣчность; совершается на маломъ пространствѣ земли, но потрясаетъ всѣ небеса; вредитъ, повидимому, одному человѣку, и Самъ Сынъ Божій долженъ страдать для изглажденія его! Злополучный праотецъ, простеръ ли бы ты руку къ плоду запрещенному, если бы провидѣлъ то, что предлежитъ теперь очамъ нашимъ? Пожелалъ ли бы содѣлаться яко Богъ, если бы вѣдалъ, что желаніе сіе заставитъ Бога умереть на крестѣ?

Но, прошедшее не возвратимо. Человѣкъ можетъ располагать токмо настоящимъ. И потому, что невозможно для нашего праотца, то совершенно возможно для насъ, его потомковъ: мы можемъ спасать Господа нашего отъ новыхъ страданій. Въ самомъ дѣлѣ, братіе, плоды запрещеннаго древа растутъ не въ одномъ Эдемѣ,—вездѣ; зміи-искусители доселѣ не престаютъ шептать въ слухъ каждаго: *не смертію умрещи; будете яко Бози* (Быт. 3, 4. 5). Преступая законъ Божій, мы повторяемъ преступленіе нашего праотца, а повторяя его, симъ самымъ снова заставляемъ страдать нашего Спасителя. Предъ совершеніемъ каждаго беззаконія, Онъ предстаетъ на судъ нашей совѣсти, какъ стоялъ нѣкогда на судѣ Пилата, и ожидаетъ отъ насъ приговора: въ нашей волѣ пустить и распять Его. Оставаясь твердыми въ правдѣ, вѣрными истинѣ, мы освобождаемъ Іисуса, а предаваясь грѣху, погружаясь въ беззаконія, осуждаемъ Его на крестъ!

Распять своего Спасителя!... Распять не по невѣдѣнію, какъ сдѣлали это іудеи, почитая Его сыномъ тектона, а при совершенномъ познаніи, что Онъ есть единородный Сынъ Божій!... Кто не содрогнется при одной мысли о семъ? не поспѣшитъ скорѣе дать руку на отсѣченіе, нежели согласится поднять оную на своего Господа и Судію?—Такъ, братія! — Но, что пользы въ сихъ пламенныхъ чувствахъ усердія, когда дѣла наши показываютъ противное?

Въ самомъ дѣлѣ, не согрѣшаемъ ли мы непрестанно?—Что же—развѣ мы согрѣшаемъ въ угожденіе нашему Спасителю? Развѣ грѣхи наши составляютъ цѣлебный бальзамъ на сіи язвы?—Еще повторяю;—въ нашей волѣ, вѣрить или не вѣрить, но то несомнѣнная истина,—что когда мы пре-

даемся беззаконіямъ, то симъ самымъ предаемъ на смерть нашего Господа. Это не мое слово, не разума человѣческаго гаданіе, а прямое и сильное внушеніе Апостола, который говоритъ, что люди, *вкусившіе дара небеснаго, и бывшіе причастниками Духа Святаго* (а кто изъ христіанъ не былъ причастникомъ Духа по крайней мѣрѣ въ таинствѣ крещенія?), что таковые люди, то-есть всѣ мы, христіане, *отпадая* отъ святой и чистой жизни въ бездну нечестія и разврата, *второе распинаютъ* Господа (Евр. 6, 4—6). При семъ свидѣтельствѣ должно умолкнуть всякое сомнѣніе; послѣ сего, средины нѣтъ: надобно или вести жизнь добродѣтельную, или принадлежать къ числу распинателей Іисусовыхъ: *иже нѣсть со мною, на Мя есть* (Лук. 11, 23), говоритъ Онъ самъ.

Кто же изъ насъ не на Тебя, Господи? Кто можетъ предстать гробу сему и, лобызая язвы сіи, сказать: я не давалъ Тебѣ лобзанія Іудина?—Увы, *вси уклонишася, неключими быша; нѣсть творяй благое, нѣсть до единаго* (Псал. 13, 3).

Много ли же послѣ, и чѣмъ разнятся нынѣшнія поклоненія и величанія наши отъ тѣхъ покиваній главою, отъ тѣхъ привѣтствій: *радуйся, царю Іудейскій* (Матѳ. 27, 29), коими Божественный Страдалецъ привѣтствованъ былъ въ преторіи Пилата?

Одно сносное значеніе, одинъ здравый смыслъ могутъ имѣть поклоненія грѣшниковъ своему распятому Спасителю,—когда соединены бываютъ съ твердою рѣшимостію не идти болѣе путемъ беззаконія, возлюбить чистоту совѣсти и исправить свою жизнь. Въ семъ случаѣ грѣшникъ у гроба Господня подобенъ благоразумному разбойнику, который со креста черезъ покаяніе прямо вошелъ въ рай. И таковыхъ-то, братіе, поклонниковъ между грѣшниками ищетъ нынѣ Господь нашъ. «*Аще воистину убо правду глаголете* (Псал. 57, 1), вѣщаетъ Онъ намъ нынѣ чрезъ Пророка, если въ самомъ дѣлѣ слова ваши и величанія Меня не суть одинъ праздный звукъ, если точно хощете явить ко Мнѣ любовь свою: *то правая судите сынове человѣчестіи; отымите лукавства отъ душъ вашихъ; научитеся добро творити* (Исаіи, 1, 16. 17). Съ сими чувствами не бойтеся явиться у сего гроба, хотя онъ содѣланъ вашими руками; не страшитесь лобызать сіи язвы, хотя онѣ причинены Мнѣ вашими грѣ-

хами: смѣло слагайте у подножія креста Моего все бремя грѣховъ вашихъ. Но сложивъ, не возвращайтесь за симъ бременемъ. Крестъ Спасителя вашего (если у васъ уже нѣтъ желанія облегчить его) не поникнетъ ни подъ какою тяжестію. но мы сами можете быть подавлены ею и низвергнуты въ бездну, прежде нежели успѣете паки обратиться ко Мнѣ и приблизиться ко кресту Моему. Я, не смотря на славу, которою наслаждаюсь теперь, для того и продолжаю являться вамъ во всемъ образѣ прошедшаго истощанія Моего, да познаютъ самые неразумные изъ васъ, чего стоятъ Мнѣ грѣхи ваши, и куда они влекутъ васъ самихъ. Вразумитеся убо и покайтеся! Иначе каждое ваше поклоненіе кресту Моему обратится нѣкогда въ новое свидѣтельство противу васъ».

Можемъ ли, братіе, сказать на гласъ сей что-либо лучше кромѣ молитвы разбойника: *помяни насъ, Господи, во царствіи Твоемъ!* (Лук. 23. 42). Но, моляся устами благоразумнаго разбойника, возымѣемъ и его сердце. Онъ уже не сходилъ со креста для продолженія пути беззаконія; не отойдемъ и мы отъ сего гроба на прежній путь неправдъ нашихъ. Возвратимся инымъ путемъ,—путемъ вѣры и благочестія, чистоты и истины, смиренія и кротости. У гроба Господня всего лучше начать погребеніе своего ветхаго человѣка. Аминь.

Слово въ Великій Пятокъ.

Паки Голгоѳа и крестъ? Паки гробъ и плащаница! Итакъ, есть еще фарисеи и книжники, убіеніемъ невинныхъ *мнящіеся службу приносити Богу* (Іоан. 16, 2), есть еще Іуды, лобызающіе устами и предающіе руками; есть еще Пилаты и Ироды, ругающіеся истинѣ и омывающіе руки въ крови праведниковъ! Но, братіе, есть ли между нами еще вѣрные и мужественные Іоанны, для принятія Божественнаго всыновленія со креста? Есть ли благоразумные сотники, достойные стоять на стражѣ у гроба Сына Божія? Есть ли Іосифы и Никодимы, дерзающіе внити къ Пилату и просить тѣла Іисусова? Есть ли Саломіи и Магдалины, для принятія первой вѣсти о воскресеніи? Господь, по свидѣтельству Псалмопѣвца, *приниче* нѣкогда *съ небесе на сыны человѣческія видѣти,*

аще есть разумѣваяй или взыскаяй Бога, и не узрѣлъ ни единаго: *вси уклонишася, неключими быша; нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго* (Псал. 13, 2. 3). Теперь, братіе, чтобы ближе видѣть, Господь проникаетъ, не съ неба, не съ престола славы, а со креста, изъ гроба; приникаетъ видѣти уже не на сыны человѣческіе, а на сыны благодати Своея: аще есть разумѣваяй силу смерти Его, сраспинаяйся Ему въ духѣ. Что же, Господи, зришь Ты теперь между нами? Болѣе ли, лучше ли прежняго?—Видишь многократныя поклоненія, слышишь многочисленныя величанія, но и на Голгоѳѣ Ты видѣлъ покиванія главою, и въ преторіи Пилата Ты слышалъ: *радуйся, царю Іудейскій!* Видишь на очахъ нѣкоторыхъ слезы; слышишь изъ устъ нѣкоторыхъ воздыханія, но и съ Голгоѳы многіе возвращались *біющіе въ перси своя* (Лук. 23, 48); и, не смотря на сіе, Твои перси оставались на крестѣ для уязвленія ихъ копіемъ.

Нѣтъ, братіе, не то потребно для Господа и Спасителя нашего; не для поклоненія и величаній, даже самыхъ усердныхъ, не для вздоховъ и слезъ, даже самыхъ горькихъ, благоволитъ Онъ являться намъ висящимъ на крестѣ и лежащимъ во гробѣ. У гроба сего должно быть большему: *здѣсь судъ міру* (Іоан. 12, 31), судъ нашимъ мыслямъ, нравамъ и дѣяніямъ. Здѣсь, въ настоящее время, долженъ происходить разсчетъ Домовладыки съ рабами, Спасителя съ душами, искупленными Его кровію. *Пріидите,* вѣщаетъ Онъ намъ чрезъ Пророка, *пріидите, и истяжимся!* (Исаіи 1, 18).

«Смотрите, что Я сдѣлалъ для васъ!—У Меня была ваша глава, и она въ терновомъ вѣнцѣ; у Меня были ваши руки и ноги, и онѣ прободены; у Меня было ваше сердце, и оно отверзто для васъ копіемъ; у Меня была ваша плоть и кровь, и Я отдалъ ее за всѣхъ, и доселѣ питаю ими васъ въ причащеніи. Единъ духъ Мой Я предалъ со креста не вамъ,—ибо въ сіи минуты вы не умѣли бы сохранить его,—а Отцу; но по вознесеніи Моемъ на небо, Я ниспослалъ вамъ и Духа Святаго отъ Отца. Вотъ что Я сдѣлалъ для васъ: Я весь вашъ! Явите, что вы сдѣлали для Меня, или паче для себя; ибо все Мое для васъ: *пріидите и истяжимся!*»

Можемъ ли, братіе, уклониться отъ сего призванія? Итакъ, служитель алтаря, стань у гроба сего, и дай отчетъ. Чтобы раздрать завѣсу церковную, закрывавшую отъ тебя

Святое Святыхъ, и содѣлать тебѣ свободнымъ доступъ къ престолу благодати, Спаситель твой взошелъ на крестъ. Какъ пользуешься ты драгоцѣннымъ правомъ и какъ предстоишь у престола благодати? Низводишь ли благословеніе на себя и предстоящихъ? Возвѣщаешь ли имъ пути живота? Предходишь ли примѣромъ благой жизни?—Если ты право правишь слово истины и спасенія; если для тебя нѣтъ большей радости, какъ видѣть или слышать, что духовныя чада твои *ходятъ во истинѣ* (3 Іоан. 1, 4) Христовой; если въ случаѣ нужды, ты, по примѣру великаго Пастыреначальника, готовъ душу свою положить за овцы своя, то благо тебѣ; ты іерей по чину Іисусову, приступай къ сему гробу съ дерзновеніемъ, лобызай сіи язвы, и вдыхай изъ нихъ новый духъ мужества и любви на новые подвиги. По окончаніи чреды служенія на земли, ты внидешь въ нерукотворенную скинію на небеси, *идѣже Предтеча о насъ вниде Іисусъ* (Евр. 6, 20). Но если руки твои подъемлются горѣ, а сердце постоянно вращается долу; если ѳиміамъ восходитъ къ небу, а мысли всегда блуждаютъ по землѣ; если, предстоя трапезѣ Господней и преломляя хлѣбъ жизни для другихъ, ты самъ гладенъ духомъ, и вмѣсто манны, ищешь мясъ египетскихъ, то удались отъ сего гроба; здѣсь земля святая: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Каіафы.

Властелинъ судьбы ближнихъ, коему дано право вязать и рѣшить, стань у гроба сего и дай отчетъ. И ты не имѣешь власти никоея же, *аще не бы ти дано свыше* (Іоан. 19, 11), и ты творишь судъ Божій. Памятуешь ли сіе и со страхомъ ли Божіимъ держишь вѣсы правды? Чтобы ты не страшился за истину потерять, въ случаѣ нужды, имя друга Кесарева, пріязнь сильныхъ земли,—Голгоѳскій Страдалецъ пріобрѣлъ для тебя имя друга Божія; чтобы ты всегда умѣлъ отличать невинность отъ преступленія, слабость отъ злонамѣренности,—Онъ, въ помощь мерцанію твоей совѣсти, придалъ свѣтильникъ слова Своего; пользуешься ли ты симъ средствомъ во благо ближнихъ, и твердо ли идешь путемъ закона и долга? Если ты не зришь на лица, побораешь по истинѣ, какъ бы она ни была презрѣна другими; если твой лиѳостротонъ не омытъ ни кровію, ни слезами неправедно осужденныхъ, то приступи къ будущему Судіи своему и Господу, лобызай язвы Его и вдыхай изъ нихъ новую силу

къ побѣжденію лжи и лукавства, къ сраженію съ искушеніями и соблазнами, къ священнодѣйствію правды. Тамъ—на всемірномъ судѣ, и ты станешь одесную, пріимешь милость и будешь увѣнчанъ вѣнцомъ правды. Но если ты, имѣя власть пустить невиннаго и зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ предать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордости; если, вмѣсто суда и защиты невинности, ты глумишься надъ ея несчастіями, и заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; если твоя правда состоитъ только въ омовеніи рукъ предъ народомъ; то удались отъ гроба сего: твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата!

Наперсникъ мудрости, ты, который всю жизнь проводишь въ изысканіи истины, въ познаніи таинъ природы, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы тебѣ не блуждать напрасно по лабиринту человѣческихъ заблужденій, и не исчезать въ суетныхъ помышленіяхъ о началѣ и концѣ вещей и человѣка,—для сего Самъ единородный Сынъ Божій, *сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18), пріиде въ міръ и *далъ есть намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго, и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ* (1 Іоан. 5, 20). Въ пользу ли тебѣ сіе снисхожденіе и руководство? Послѣ толикихъ трудовъ и усилій, позналъ ли ты, что есть истина? Увѣрился ли, что ея нѣтъ ни на землѣ, ни на небѣ, какъ токмо въ Томъ, Кто есть истина и Источникъ всякія истины по самому существу Своему, въ единородномъ Сынѣ и Словѣ Божіемъ? Увѣрившись въ семъ, памятуешь ли, что *есть истина во Іисусѣ* (Еф. 4, 21); что она состоитъ *не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы* (1 Кор. 2, 4); не въ высокоумныхъ мечтаніяхъ, а въ томъ, чтобы *отложить ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ, и облещися въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины?* (Еф. 4, 22—24). Если ты право правишь слово истины, *не сокрывая ее въ неправдѣ* (Рим. 1, 18) ни своего, ни общественнаго мнѣнія; если на служеніе истинѣ взираешь, какъ на служеніе Самому Богу; если слава Божія и благо ближнихъ, а не самолюбіе и корысть, движутъ и руководятъ тебя въ твоихъ изысканіяхъ, то приступай съ дерзновеніемъ къ сему гробу величайшаго Свидѣтеля и Творца истины;—лобызай язвы,

понесенныя за истину, и почерпай мужество на новые подвиги для истины. Любя ее здѣсь, ты пріимешь за нее и отъ нея все на небѣ; будешь представленъ туда, гдѣ одна истина, одинъ свѣтъ, одна радость. Но если святая истина въ занятіяхъ твоихъ служитъ токмо средствомъ къ достиженію другихъ земныхъ цѣлей; если ты съ равнымъ усердіемъ готовъ защищать ложь, для тебя выгодную; если плодомъ твоихъ изысканій были одни сомнѣнія, превращеніе умовъ, возмущеніе совѣстей; если ты готовъ издѣваться надъ истиною, потому что она, какъ Іисусъ предъ Иродомъ, кажется тебѣ странною, то удались отъ сего гроба: святое *буйство* (1 Кор. 1, 23) креста не по тебѣ; твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Ирода!

Нужно ли глашать всѣхъ по имени? Каждый, кто носитъ имя христіанина, стань у гроба сего, и дай отчетъ. Ты крестился въ смерть Христову; ты облекся въ бѣлую одежду заслугъ Христовыхъ; ты пріялъ обрученіе Святаго Духа; сочетался на вѣки Христу, отрекшись міра, діавола и всего служенія его. Какъ исполняешь все сіе? Гдѣ невинность и духъ? Гдѣ вѣра и вѣрность? Яви теперь, у гроба сего, что̀ ты: ученикъ или предатель, другъ или навѣтникъ? Если ты всю жизнь проводишь такъ, какъ бы не вступалъ ни въ какое обязательство съ своимъ Спасителемъ: если дѣйствуешь во всѣхъ случаяхъ, какъ бы для тебя не было ни суда, ни вѣчности, то зачѣмъ являешься теперь здѣсь? Для чего возмущаешь смертный покой Божественнаго Страдальца? Кое причастіе сему кресту и твоему велѝару? Кое общеніе сему гробу и твоей мамонѣ?—У тебя есть другія божества: иди, поклоняйся имъ; у тебя есть другія язвы: иди, лобызай ихъ.

Такъ, братіе, у гроба Христова мѣсто токмо невинности или покаянію. Души вѣрныя Господу, Іосифы, Никодимы, Саломіи, Магдалины—явитесь! Се ваше мѣсто, се вашъ часъ! Божественному Страдальцу нужна плащаница: облеките Его вашими святыми помыслами;—Ему нужна смирна: представьте ваши молитвы. Ангелы Божіи, явитесь, и смѣните насъ недостойныхъ стрещи великую стражбу!

Но, братіе, земные Ангелы, подобно небеснымъ, всегда на Божественной стражѣ; они всегда носятъ *на Себѣ язвы своего Господа* (Гал. 6, 17). Самый животъ ихъ всегда *сокровенъ со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3, 3). Что речемъ о самихъ

себѣ? Какъ согласимъ нашу нечистоту съ неприступностію сего священнаго мѣста? Дерзнемъ ли приблизиться ко гробу Жизнодавца?—Но лобызаніе нечистыми устами не будетъ ли новою язвою для пречистаго Тѣла? Дерзнемъ ли, гонимые неправдами нашими, оставить лежащаго во гробѣ Господа? Но *къ кому идемъ* (Іоан. 6, 68). *Нѣсть иного имене подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися* (Дѣян. 4, 12), кромѣ имени Его всеосвящающаго. Что же сотворимъ, братія?—Сотворимъ то, что сдѣлалъ Петръ, отвергшійся Господа. Исшедши изъ сего храма, удалившись отъ сего гроба, въ какомъ-либо святомъ уединеніи, омоемъ горькими слезами прежнія неправды наши, и дадимъ обѣтъ не отвергаться впредь Господа и святаго закона Его. Послѣ таковаго покаянія, Господь не отвергнетъ и насъ; и, если не предастъ намъ, какъ покаявшемуся Апостолу, ключей, то не заключитъ, по крайней мѣрѣ, отъ насъ дверей царствія. Аминь.

Слово въ Великій Пятокъ.

Да молчитъ всякая плоть человѣча, и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ! Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися, и датися въ снѣдь вѣрнымъ

Вотъ поученіе Церкви на всѣ настоящіе дни! — «Событія, нынѣ воспоминаемыя,—какъ бы такъ говоритъ она,—выше слова человѣческаго; самый умъ не можетъ вмѣстить ихъ: итакъ, оставимъ всякое разглагольствіе, удалимъ всѣ земные помыслы, будемъ стоять въ безмолвіи со страхомъ и трепетомъ духовнымъ; будемъ смотрѣть, внимать и поучаться».

Повинуясь сему гласу Церкви, и я, братіе, не отверзъ бы слабыхъ устъ своихъ, если бы не видѣлъ нужды, и не имѣлъ цѣлію привести и васъ и себя ближе къ сему вожделѣнному безмолвію духа и тѣла, коего требуетъ Церковь. О, какъ оно нужно здѣсь! Какъ нужно, чтобы мы, окружая гробъ нашего Спасителя, заставили умолкнуть въ себѣ все плотское, возвысили умъ и сердце надъ всѣмъ земнымъ! Царь царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися: мы ли будемъ разсѣянными зрителями сего закланія? Закланный, Онъ хочетъ дать Себя въ снѣдь вѣр-

нымъ: тутъ ли мѣсто воплямъ плоти и крови? О, да исчезнетъ теперь изъ ума нашего все земное, и да останется единъ Іисусъ съ крестомъ Своимъ! Развѣ мало Его для нашего ума? Развѣ не довольно Его для нашего сердца? Какихъ чудесъ, какихъ таинъ не сокрыто въ сихъ язвахъ! Смотри! видишь ли, какъ Богъ есть правда непреложная, для которой грѣхъ нестерпимъ до того, что она поражаетъ даже единороднаго Сына, понесшаго на Себѣ грѣхи наши? Видишь ли, какъ Богъ есть премудрость непостижимая, коея пути столько же отстоятъ отъ путей нашихъ, какъ небо отъ земли? Кто могъ ожидать спасенія міру со креста? Кто могъ думать, что животъ вѣчный будетъ заключенъ въ гробѣ? Видишь ли далѣе, какъ Богъ есть любовь совершенная, *николиже отпадающая* (1 Кор. 13, 8), преслѣдующая любимыхъ ею до глубины самаго ада, и содѣлывающаяся за нихъ жертвою? Видишь ли, наконецъ, какъ всѣ свойства въ Богѣ суть едино: любовь есть та же правда—милующая, и правда есть та же любовь—очищающая и врачующая?

Это ты можешь видѣть сквозь сіи язвы, зря горѣ—къ Богу: посмотри сквозь нихъ же долу, на міръ,—и тебѣ откроются тайны бытія міра и человѣка. Тутъ изъясненіе всего прошедшаго, ибо, изъ чего сдѣланъ крестъ? — Изъ древа познанія добра и зла. Чья рука сдѣлала его? Та, которая простерлась къ плоду запрещенному.—Тутъ изъясненіе нашего настоящаго. Мы всѣ подъ крестомъ, обременены различными бѣдствіями: для чего? Дабы, подобно Голгоѳскому Страдальцу, совершивши поприще страданій, взойти чрезъ нихъ въ первобытную славу. — Тутъ изъясненіе нашего будущаго. Гробъ Іисусовъ празденъ: почему?—Потому, что и всѣ гробы нѣкогда опустѣютъ, отдавъ мертвецовъ своихъ. Преподобному *не дано видѣть истлѣнія* (Дѣян. 2, 31), для того, что и всѣ, подобные Ему, облекутся нѣкогда въ блаженное безсмертіе. Не напрасно въ часъ смерти Его сотрясалась сама земля, помрачалось само небо, раздиралась завѣса, мертвые возстали изъ гробовъ: на Голгоѳѣ рѣшалась судьба не человѣчества токмо, но и всего міра; тамъ искуплена вся тварь въ свободу славы чадъ Божіихъ!

Сколько таинъ во гробѣ Іисуса для вѣры и надежды: менѣе ли для любви? Хочешь знать, какъ должно любить Бога и ближняго?—Не спрашивай о семъ никого: взгляни

на распятаго Господа и познаешь, что значитъ любовь истинная. Хочешь вѣдать, до чего слѣдуетъ простираться терпѣнію, смиренію, преданности и незлобію? Не умствуй много о сихъ добродѣтеляхъ: взгляни на распятаго Господа, и увидишь, гдѣ имъ предѣлъ и какая мѣра. Ищешь побужденій къ покаянію, средствъ къ тому, чтобы согрѣть оледенѣвшее отъ грѣха сердце! Обними мыслями живоносное Тѣло: если оно не согрѣетъ твоего сердца, то ему остается одинъ пламень адскій. Все найдешь во гробѣ Спасителя, всему научишься у креста: только, представь сему гробу. заставь умолкнуть въ себѣ все земное, удали отъ себя суеты и заботы, разстанься съ міромъ, останься одинъ съ Іисусомъ. Ахъ, останься! Ужели не можешь пребыть съ Нимъ единымъ и единаго часа? И для чего пребыть? Дабы принять отъ Него оставленіе грѣховъ; дабы услышать: *днесь со Мною будеши въ раи*— оправданія, дабы потомъ быть и въ раю вѣчнаго сожительства. Безъ сего, что пользы отъ стоянія у креста, отъ поклоненія гробу? Съ разсѣянными мыслями тотчасъ разсѣются и благія впечатлѣнія, здѣсь полученныя; огнь небесной любви, возженный отъ гроба, скоро погаснетъ отъ наглаго дуновенія страстей; вопли плоти и крови не замедлятъ заглушить тихій гласъ пробудившейся совѣсти. Св. Церковь видитъ сію опасность, и посему-то такъ заботливо предостерегаетъ отъ оной.

Да умолкнетъ убо, братіе, да умолкнетъ всякая плоть человѣка, и да стоитъ здѣсь со страхомъ и трепетомъ, и ничто же земное въ себѣ да помышляетъ!—Аминь.

Слово въ Великій Пятокъ.

Когда дѣти соберутся ко гробу отца, или подданные ко гробу владыки, то, послѣ слезъ и сѣтованія, первымъ дѣломъ ихъ бываетъ узнать послѣднюю волю умершаго. Въ прошедшіе дни, братіе, и мы сѣтовали, воздыхали и молились, воспоминая страданія и смерть Господа нашего. Время теперь, окружая гробъ Его, узнать и Его послѣднюю волю о насъ. Быть не можетъ, чтобы Онъ отошелъ отъ насъ къ Отцу, не оставивъ намъ какого-либо завѣщанія. Но се, и книга завѣта на персяхъ Его! Дерзнемъ, братіе, дерзнемъ

разгнуть сію священную книгу, да увидимъ и услышимъ. *что речетъ о насъ Господь* (Псал. 84, 9).

О, братіе, Онъ *речетъ миръ на люди Своя* (тамъ же).

«*Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ: не якоже міръ даетъ, Азъ даю вамъ* (Іоан. 14, 27) и *якоже завѣща Мнѣ Отецъ Мой. и Азъ завѣщаваю вамъ царство*» (Лук. 22, 29).

Боже мой, къ намъ ли это завѣщаніе? Господи, намъ ли сидѣть на томъ престолѣ, на коемъ возсѣдишь Ты? Но Твое царство, Твоя и воля! Безъ Тебя мы всѣ ничто, съ Тобою каждый изъ насъ—все! Не напрасно восшелъ Ты на крестъ: послѣ сего чуда, нѣтъ чудесъ, все естественно. Тебѣ угодно, чтобы гдѣ Ты, тамъ былъ и слуга Твой (Іоан. 12, 26). Не слугамъ прекекать сей святой волѣ. Готовы, Господи, готовы раздѣлять съ Тобою славу царствія Твоего. Но рцы намъ, что нужно для пріятія сего царства? Ты Самъ не вдругъ восшелъ на престолъ. Быть не можетъ, чтобы намъ дано было взойти на него вдругъ.

«*Иже хощетъ по Мнѣ ити: да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Марк. 8, 34). *Иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ*» (Матѳ. 10, 38).

Не легкій скипетръ для царства, но скипетръ! Не златой терновый вѣнецъ, но вѣнецъ! Кто говоритъ изъ гроба, Тотъ можетъ требовать жизни. Кто положилъ за насъ душу Свою (Іоан. 10, 15—17), Тотъ не подастъ намъ вмѣсто хлѣба камней (Матѳ. 7, 9). Готовы, Господи, готовы принять изъ рукъ Твоихъ и крестъ. Но что дѣлать намъ, когда мы изнеможемъ подъ симъ крестомъ?—Ты Самъ вѣдаешь, какъ *духъ бодръ, а плоть немощна* (Марк. 14, 38). Ты Самъ вопіялъ о помощи, когда былъ оставленъ на крестѣ Отцемъ. Куда обратиться намъ, когда изнеможемъ подъ крестомъ на пути къ царству, Тобою завѣщанному?

«*Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога, и въ Мя вѣруйте*» (Іоан. 14, 1).

«*Безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5). *Но аще пребудете во Мнѣ, и глаголы Мои въ васъ пребудутъ, егоже аще хощеще, просите, и будетъ вамъ*» (Іоан. 15, 7).

«*Аминь, аминь глаголю вамъ: вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и большаа сихъ сотворитъ, яко Азъ ко Отцу Моему гряду*» (Іоан. 14, 12).

«*Аминь, аминь глаголю вамъ, яко елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Досель не просисте ничесоже во имя Мое; просите и пріимете. И еже аще что просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю: да прославится Отецъ въ Сынѣ*» (Іоанн. 16, 23. 24; 14, 13).

«*Сія глаголахъ вамъ, да во Мнѣ миръ имате. Въ мірѣ скорбни будете; но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33).

Послѣ такихъ обѣтованій, братіе, нѣтъ мѣста опасенію и сомнѣніямъ. Завѣтъ вѣренъ, скрѣпленъ кровію, засвидѣтельствованъ небомъ и землею, принятъ и утвержденъ Отцемъ! А послѣ такого завѣта нѣтъ мѣста и разглагольствію.—И къ завѣтамъ человѣческимъ не прибавляютъ своихъ словъ, дерзнемъ ли прибавить къ завѣту Божію. Слышалъ каждый, *имѣющій уши слышати,* слышалъ послѣднюю волю Господа своего: хощешь царства, пріими крестъ; изнеможешь подъ крестомъ, обратись къ Отцу; премедлитъ услышать Отецъ, предстанетъ въ помощь Сынъ. *Будь* только *вѣренъ до смерти* (Апок. 2, 10) и кто бы ты ни былъ, будешь сидѣть на престолѣ (Апок. 3, 21), тебѣ завѣщанномъ. Небо и земля прейдутъ, а слово Сего Умершаго не прейдетъ (Матѳ. 24, 35), не прейдетъ.

Остается вручить кому-либо для храненія безцѣнное завѣщаніе. Но кто можетъ стать споручникомъ между землей и небомъ? Единъ Ты, *Ходатай Бога и человѣковъ* (1 Тим. 2, 5). Отъ Тебя мы приняли завѣтъ сей, Тебѣ же дерзаемъ вручить его и подъ сохраненіе. Ты завѣщалъ, Ты и исполни!—Аминь.

Слово въ Великій Пятокъ.

Размышляя о чрезвычайномъ событіи, нынѣ нами воспоминаемомъ, углубляясь въ причину и цѣль крестной смерти Господа нашего, я невольно, братіе, остановился при семъ мыслію на одномъ событіи въ исторіи народа израильскаго, которое, при всей малости своей въ сравненіи съ событіемъ Голгоѳскимъ, имѣетъ съ нимъ примѣчательное сходство.

У израильтянъ—такъ пишетъ свящ. историкъ—была жестокая брань съ моавитянами. Царь моавитскій истощилъ

всѣ средства къ отраженію враговъ, но безъ успѣха. Наконецъ, осажденный въ стѣнахъ царственнаго града своего; онъ обращается къ послѣдней крайности: беретъ первенца своего, который уже раздѣлялъ съ нимъ престолъ, возводитъ его на стѣну города, и въ глазахъ всѣхъ непріятелей, приноситъ въ умилостивительную жертву всесожженія. Такой безпримѣрный поступокъ произвелъ то, чего не могли сдѣлать ни мужество, ни оружіе: осаждающіе тотчасъ прекратили осаду и брань, и возвратились домой. И *бысть*, говоритъ свящ. историкъ, *раскаяніе великое во Израили, и возвратишася въ землю свою* (4 Цар. 3, 27).

Нужно ли подробно сказывать, братіе, какъ разительный случай сей идетъ къ тому, что воспоминаемъ теперь мы?— Ахъ, и предъ нами жертва, и предъ нами возлюбленный Первенецъ, принесенный во всесожженіе рукою Отца! И для чего принесенъ Онъ?—Брань, ужасная брань, издавна идетъ у человѣка съ Богомъ. Царь небесный дѣлалъ все для вразумленія враговъ Своихъ: и гремѣлъ противъ нихъ проклятіями, и осыпалъ ихъ дарами и благословеніями, и заставлялъ небеса повѣдать славу Свою, и повелѣвалъ землѣ сотрясаться отъ сея славы; писалъ законъ и на сердцахъ каменныхъ и на скрижаляхъ каменныхъ:—но брань продолжалась! Ослѣпленные потомки несчастнаго праотца продолжали вѣрить болѣе змію-губителю, нежели Творцу и Промыслителю; никто не отлагалъ безумнаго желанія, быть *яко Бози* (Быт. 3, 5); всѣ шли дерзновенно противу уставовъ неба. Что же дѣлаетъ наконецъ Царь небесный? Увы, и Онъ беретъ Сына Своего возлюбленнаго. *Его же положи наслѣдника всѣмъ, Имъ же и вѣки сотвори* (Евр. 1, 2), беретъ, и предъ лицемъ всего міра возноситъ Его на крестъ глаголя: *егда како усрамятся* смерти *Сына Моего!* (Лук. 20, 13).

И подлинно усрамилось многое. Усрамилось солнце, скрывъ лучи свои среди полудня; усрамилась земля, сотрясшись въ основаніи своемъ; усрамились камни и завѣса храма, расторгшись въ минуту смерти Сына Божія; усрамилась сама смерть, давъ свободу возстать изъ гробовъ многимъ тѣлесамъ усопшихъ святыхъ (Матѳ. 27, 52) Но люди, люди, ахъ, они не усрамились! Сынъ закланъ, но брань продолжается! жертва принесена, но духовный Іерусалимъ въ осадѣ! Много ли раскаянія видимъ предъ Голгоѳою? Только два—Петрово и Іу-

дино, но изъ нихъ послѣднее тотчасъ окончилось вѣчною бранію. Много ли произошло и изъ раскаянія на Голгоѳѣ тѣхъ, кои *видяще бывшая*, били въ перси *своя?*—Бія въ перси, они возвращались, какъ замѣчаетъ Евангелистъ, домой, между тѣмъ какъ тѣло Божественнаго Страдальца продолжало висѣть на крестѣ. Что видимъ и нынѣ у сего гроба?—Зрѣлище кровавой жертвы собираетъ вокругъ себя каждый разъ множество зрителей; плоть и кровь невольно умолкаютъ, на время, при видѣ окровавленной плоти Сына Божія; гонимый крестомъ міръ, повидимому, убѣгаетъ и сокрывается; съ смертію Господа оживаетъ у многихъ совѣсть,—но проходитъ нѣсколько дней печали, изображеніе Божественнаго Страдальца уносится отъ глазъ,—и паки начинается брань съ небомъ, паки спѣшатъ преломить печать мира и завѣта, утвержденнаго кровію Сына Божія.

Что причиною малаго дѣйствія на сердца наши смерти Сына Божія?—Мала жертва? Но другаго Сына у Царя небеснаго нѣтъ. Не великъ и не тяжелъ крестъ?—Но отъ него тряслась земля. Мало огня во всесожженіи для разогрѣнія хладныхъ сердецъ?—Но *обратитеся и видите, аще есть болѣзнь, яко Его болѣзнь!* Въ насъ, въ насъ самихъ, братіе, причина нашего нечувствія и окаменѣлости: и трудно ли открыть ее?—Для того, чтобы образъ страданій и смерти Христовой оказывалъ постоянное дѣйствіе на жизнь нашу,—для сего необходимо, чтобы онъ съ плащаницы перешелъ въ нашу душу, чтобы оставался тамъ не два, или три дня, а всегда. Въ такомъ только видѣ,—усвоенный душѣ и сердцу, сей Божественный образъ можетъ дѣйствовать на нашу жизнь и спасать насъ отъ грѣховъ. Но, много ли христіанъ, у коихъ образъ страданій Спасителя ихъ постоянно изображенъ въ душѣ и сердцѣ?—И можетъ ли онъ изобразиться тамъ, когда мы такъ мало и такъ рѣдко размышляемъ о крестной смерти Господа нашего?—Въ семъ храмѣ есть люди, посвятившіе себя наукамъ: вопрошу ихъ отъ имени распятаго Господа: много ли разъ размышляли они о смерти Его такъ, какъ непрестанно размышляютъ о предметахъ своей науки? Въ семъ храмѣ есть люди, занимающіеся служеніемъ истинѣ, правосудію и законамъ; вопрошу ихъ: вникнули ли они, хотя разъ въ жизни, въ великую прю неба съ землею, въ великую тяжбу Бога съ человѣкомъ, съ тѣмъ усердіемъ,

съ какимъ вникаютъ ежедневно въ маловажныя тяжбы и пререканія человѣческія? Въ семъ храмѣ есть не малое число людей, куплю дѣющихъ; вопрошу и ихъ: измѣряли ли они умомъ своимъ хотя разъ всю величину креста Христова, взвѣшивали ли всю тяжесть грѣховъ своихъ? Не думаю, чтобы между нами много было людей, кои въ состояніи дать утвердительный отвѣтъ на сіи вопросы. Какъ же, послѣ сего, дѣйствовать Спасителю на наше сердце, когда Его Самого нѣтъ въ этомъ сердцѣ, когда Онъ остается на хладныхъ доскахъ и убрусахъ? Каково сѣяніе, такова и жатва. Мы посвящаемъ воспоминанію страданій Христовыхъ только нѣсколько часовъ въ году, и точно въ сіи часы мы замѣтно дѣлаемся лучше; благихъ впечатлѣній отъ нихъ у нѣкоторыхъ становится на многіе дни. Но испытайте сдѣлать болѣе для своего Господа, рѣшитесь посвятить на размышленія о смерти Его хотя нѣсколько часовъ въ каждую недѣлю; дайте такимъ образомъ войти образу Его въ вашу душу и сродниться съ нею:—и вы увидите, какая перемѣна произойдетъ въ вашихъ мысляхъ, чувствахъ, а потомъ въ самыхъ дѣлахъ и жизни. Господь, вошедши въ храмъ души, не оставитъ тамъ продающихъ и купующихъ, изгонитъ ихъ и содѣлаетъ его чистымъ. Вы сами, поставляя себя какъ можно чаще на Голгоѳѣ, вы сами пріучитесь смотрѣть на все съ ея святой высоты; а смотря оттуда, увидите во всемъ мірѣ совсѣмъ другое, нежели что вамъ представлялось дотолѣ; на многое, что теперь останавливаетъ на себѣ ваши взоры, вы не захотите и смотрѣть; и напротивъ во многомъ, что теперь для васъ вовсе непримѣтно, откроете истинное величіе; широкіе пути міра, ведущіе въ пропасть, представятся вамъ со всею извилистою опасностію ихъ; а узкій путь, ведущій къ царствію, явится во всей небесной прямотѣ и краткости. Словомъ: смотря съ Голгоѳы, вы невольно будете смотрѣть прямо въ небесный Іерусалимъ. Послѣ сего, ничто въ мірѣ не заставитъ васъ свести очей съ неба и разлучиться съ своимъ Спасителемъ.

Церковь дѣлаетъ все, чтобы помочь намъ въ этомъ великомъ дѣлѣ: она еженедѣльно отдѣляетъ два дня на воспоминаніе страданій и смерти Христовыхъ. Если бы мы вмѣстѣ съ нею каждую среду и пятокъ хотя мало раздѣляли сіи воспоминанія, то образъ страданій Христовыхъ давно

бы наполнилъ всю душу нашу. Но это прекрасное средство остается безъ употребленія; многіе изъ насъ вовсе не знаютъ, что значитъ среда и пятокъ. Какъ же послѣ сего образу страданій Христовыхъ быть въ нашей душѣ, когда мы не стараемся нисколько оживлять и утверждать его въ ней?— А не оживленный и не утвержденный въ душѣ, какъ можетъ онъ оживлять и утверждать въ добрѣ душу?

«Но такое частое размышленіе о смерти Господа можетъ сдѣлать жизнь нашу унылою; это значило бы распространить страстную седмицу на цѣлый годъ».—И мы боимся сего, боимся пробыть съ Спасителемъ нашимъ и крестомъ Его долѣе нѣсколько уреченныхъ дней и часовъ?—Увы, сіе-то самое и составляетъ недугъ нашъ; отсюда-то и происходитъ, что крестъ Христовъ не производитъ никакого дѣйствія на наши нравы и жизнь. Сколько седмицъ, мѣсяцевъ, можетъ быть, годовъ проводится нами для міра и съ міромъ; а когда надобно проводить время съ Господомъ, мы *смотряемъ* тогда *дни, и мѣсяцы и времена!* (Гал. 4, 10). Точно, частое размышленіе о страданіяхъ Спасителя должно прогнать отъ насъ много безумныхъ радостей, изгнать буйство чувствъ, угасить пламень страстей, заставить разорвать не одну нечистую связь, но за то вмѣстѣ съ симъ лишеніемъ (если можно назвать лишеніемъ отверженіе того, что губитъ насъ) откроется для насъ изъ-подъ креста Христова источникъ новыхъ утѣшеній и чистыхъ радостей, о коихъ мы теперь вовсе не вѣдаемъ: мы узнаемъ, что такое умиленіе сердца, миръ души съ Богомъ и совѣстію, твердость среди превратности земнаго счастія, спокойствіе духа на ложѣ смертномъ;— за то будемъ ожидать перехода въ другой міръ не какъ невѣрные рабы, пойманные въ бѣгствѣ, а какъ дѣти, возвращающіяся къ Отцу.

Ахъ, братіе, сколько бы мы ни старались забывать бренность земнаго бытія нашего, но ударитъ наконецъ и для насъ послѣдній часъ, наступитъ и для насъ великій пятокъ— страшный день смерти, послѣ коего надобно будетъ почивать въ сердцѣ земли до всеобщаго воскресенія! Тогда само собою все выпадетъ изъ рукъ, и въ нихъ вложатъ одинъ крестъ. Но можетъ ли оружіе сіе защитить насъ тогда, если мы въ продолженіе жизни никогда не брали его въ руки, и не пріучились имъ дѣйствовать?...

Попечемся же заранѣе содружиться съ смертію нашего Господа; снимемъ, подобно Іосифу, снимемъ и мы Его со креста, и положимъ во гробѣ новѣ, въ сердцѣ нашемъ, *идѣже*, можетъ быть, еще *николиже* Онъ лежалъ (Іоан. 19, 41); и будемъ, подобно мvроносицамъ, во всякое удобное для насъ время, ходить къ Сему Божественному Страдальцу и плакать надъ Нимъ о грѣхахъ нашихъ. Господь не останется въ долгу у насъ: мы будемъ раздѣлять съ Нимъ такимъ образомъ Его смерть временную, а Онъ раздѣлитъ съ нами жизнь вѣчную.

А безъ сего постояннаго содружества съ крестомъ Господа въ сердцѣ, не ожидайте отъ него дѣйствія и въ жизни вашей. Хладныя поклоненія и лобзанія наши столь же мало могутъ воскресить насъ, какъ и оживить Его. Аминь.

Слово въ Великій Пятокъ.

По милосердію Господа, мы паки достигли въ пречестные дни страданій Христовыхъ, еще поклонились вчера пречистымъ страстемъ Христовымъ,—и се стоимъ нынѣ уже надъ самымъ гробомъ нашего Спасителя и Господа. Многіе изъ братій нашихъ, отшедшіе отъ насъ въ минувшемъ лѣтѣ на небо, зрятъ теперь уже Іисуса прославленнаго; а намъ, обложеннымъ плотію, подверженнымъ напастямъ и скорбямъ, намъ должно взирать еще на Іисуса страждущаго. Что лучше?—Іисусъ единъ и тотъ же, на небѣ и на землѣ, на престолѣ славы и во гробѣ. И если мы, по временамъ, бываемъ мыслію на небѣ, то и небожители, я думаю, не мыслію токмо, а и всѣмъ существомъ своимъ теперь съ нами на землѣ, у гроба общаго нашего и ихъ Спасителя.

Съ Нимъ нѣтъ никакой перемѣны! Смотрите: тѣ же язвы, тотъ же вѣнецъ терновый, то же сердце, отверстое для всѣхъ грѣшниковъ. Сладчайшій Іисусъ нашъ весь единъ и тотъ же!

Что съ нами? Каковы мы?—Я уже не спрашиваю, тѣ же ли, какими вышли изъ купели крещенія? Искать невинности нашихъ дней первыхъ—то же, думаю, что искать невинности Адамовой. Тѣ же ли мы, по крайней мѣрѣ, какими были недавно, послѣ исповѣди и таинства причащенія?

Увы, когда Господь нашъ единъ и тотъ же, и мы всѣ едва ли не одни и тѣ же!—Онъ тотъ же въ любви къ намъ, въ смиреніи и долготерпѣніи; а мы тѣ же въ любви къ міру, въ гордости, въ злопомнѣніи и невоздержаніи!—Онъ единъ и тотъ же въ желаніи спасти насъ кровію Своею; а мы одни и тѣ же въ нежеланіи отстать отъ безумныхъ требованій плоти и крови! Нынѣ каемся и плачемъ о грѣхахъ, а завтра стремглавъ готовы ринуться въ ту же бездну! Лѣтами преклоняемся,, а грѣхами юнѣемъ; проводимъ, одного за другимъ, ко гробу друзей и знакомыхъ, а о своемъ гробѣ и не помыслимъ. О грѣхъ, откуда взялъ ты силу такъ тиранствовать надъ нами? О страсти, кто далъ вамъ право такъ ненаказанно влечь насъ ко дну адову? Сыне человѣчь,—вопрошалъ нѣкогда Господь Пророка, предъ коимъ было поле костей мертвыхъ,—*оживутъ ли кости сіи?* (Іез. 37, 3.) А мы, Господи, дерзнемъ вопросить Тебя Самого, оживутъ ли кости наши? Возстанетъ ли изъ гроба внутренній человѣкъ нашъ? Будетъ ли конецъ нашему развращенію? Настанетъ ли когда-либо день нашего спасенія?

Нынѣ, братіе,—отвѣчаетъ Апостолъ Господень,—нынѣ *время благопріятно,* нынѣ день нашего спасенія; ибо нынѣ день примиренія съ Богомъ всего міра. Если сея Крови стало для очищенія всего міра, то для тебя ли одного не достанетъ? И если ты нынѣ, у гроба Спасителя, не разстанешься со грѣхомъ, то когда же сдѣлаешь это? Ты видѣлъ третьяго дня, какъ грѣшница слезами омыла всѣ грѣхи; ты слышалъ вчера, какъ разбойникъ путемъ сердечной исповѣди со креста пошелъ въ рай.—Вотъ путь, коимъ идти, вотъ примѣръ, коему слѣдовать должно! Что легче сего?—Развѣ у тебя нѣтъ языка для исповѣданія вмѣстѣ съ разбойникомъ распятаго Господа? Развѣ нѣтъ очей для омовенія, вмѣстѣ съ грѣшницею, слезами пречистыхъ ногъ Его?—Какъ! ты не можешь удержать слезъ въ театрѣ, при видѣ вымышленныхъ бѣдствій,—лицъ, тебѣ вовсе чуждыхъ, и даже никогда не существовавшихъ, и не обольешься слезами при видѣ Спасителя твоего, висящаго за тебя на крестѣ, при мысли о собственной твоей погибели отъ грѣховъ? Только рѣшись отселѣ быть вѣрнымъ своему Господу; только разлюби искренно грѣхъ, вступи на путь правый и не озирайся вспять; и мы, при всемъ недостоинствѣ нашемъ, отъ имени почившаго во гробѣ Господа,

обѣщаемъ тебѣ помилованіе, и готовы стать на страшномъ судѣ Его свидѣтелемъ твоего спасенія.

Но если, погибающій собратъ, ты и съ нынѣшняго священнодѣствія отойдешь, какъ отходишь изъ театра съ печальныхъ зрѣлищъ; если сіи кровавыя язвы, за тебя понесенныя, не заставятъ тебѣ позаботиться объ исцѣленіи язвъ твоей совѣсти, то знай, что Господь не всегда будетъ почивать для тебя въ семъ видѣ во гробѣ; нѣтъ, Онъ возстанетъ, явится тебѣ, окруженный не нами слабыми служителями Его, а тьмами темъ Ангеловъ, и потребуетъ у тебя отчета въ дѣлахъ твоихъ и Крови Своей—не нашими слабыми устами, а гласомъ громовъ многихъ (Апок. 10, 3). Тогда поздно будетъ, подобно юродивымъ дѣвамъ, искать елея любви и благихъ дѣлъ. Свѣтильникъ угаснетъ, двери затворятся (Матѳ. 25, 10); и ты останешься во тмѣ кромѣшной. *Имѣяй уши слышати, да слышитъ!* (Матѳ. 25, 30). Аминь.

Слово въ Великій Пятокъ.

Между разными средствами, къ коимъ судія Іисусовъ обращался для освобожденія Божественнаго Узника отъ казни крестной, было и то, что Господь нашъ, послѣ жестокаго бичеванія, надъ Нимъ совершеннаго, немедленно изведенъ былъ Пилатомъ изъ преторіи къ народу, въ той надеждѣ, что видъ облитаго кровію тѣла, увѣнчанной тернами главы, преклонитъ на жалость сердца враговъ Его. — Въ самомъ дѣлѣ, видъ сей былъ такъ трогателенъ, что судія первый, при взглядѣ на Божественнаго Страдальца, не могъ удержать въ себѣ чувства жалости и состраданія, и громко воскликнулъ: *се, Человѣкъ!* Се,—то-есть, какъ бы такъ говорилъ Пилатъ іудеямъ, — ваша жертва! смотрите, какъ она, въ угодность вамъ, умучена! какъ мало осталось въ семъ человѣкѣ образа человѣческаго!

Св. Церковь, чтобъ возбудить въ каждомъ изъ насъ духовное участіе въ страданіяхъ Спасителя нашего, въ предшествующіе дни употребляла для того разныя средства, а нынѣ, какъ бы въ заключеніе всѣхъ способовъ убѣжденія, износитъ предъ насъ самое изображеніе пречистаго тѣла

Господа въ томъ видѣ, какъ оно, снятое со креста, положено было во гробъ, и изнесенное, оставляетъ предъ нами до самаго дня воскресенія, дабы мы, имѣя всю удобность насмотрѣться на язвы Спасителя нашего, узнать по числу и глубинѣ ихъ, какъ многочисленны и тяжки грѣхи наши, невольно получили такимъ образомъ отвращеніе къ жизни беззаконной и престали своими грѣхами распинать Спасителя своего снова.

Судія Іисусовъ не достигъ, какъ извѣстно, цѣли своего благаго намѣренія; ожесточенное: «*распни, распни его!*» было отвѣтомъ на его трогательное восклицаніе: *се, Человѣкъ!* Мы, повидимому, гораздо счастливѣе его въ семъ отношеніи; ибо, износя предъ васъ сіе святое изображеніе, никогда не слышимъ того, что слышалъ онъ, а внемлемъ противному: всѣ клянутся не давать лобзанія, *яко Іуда*... Но, братіе мои, не смотря на все сіе, можно ли быть твердо увѣреннымъ, что мы нынѣ успѣваемъ сдѣлать для возлюбленнаго Господа нашего болѣе, чѣмъ римскій судія Его? Неложный признакъ успѣха въ семъ случаѣ одинъ: уменьшеніе между нами нечестія и пороковъ, умноженіе вѣры, любви и прочихъ добродѣтелей. Въ пользу ли нашу сей рѣшительный признакъ! Пастыри града сего, въ прошедшую Четыредесятницу вы прйняли изъ устъ всѣхъ жителей его исповѣданіе во грѣхахъ: скажите, можно ли вамъ, явясь нынѣ предъ Сего Великаго Пастыреначальника, объявить, что въ настоящее лѣто слухъ вашъ менѣе страдалъ отъ ужасной повѣсти дѣлъ темныхъ? Правители и судіи, въ рукахъ коихъ вѣсы закона и правды для всей страны нашей, скажите и вы, можно-ли вамъ предъ Симъ Судіею неба и земли засвидѣтельствовать нынѣ, что тяжесть преступленій, лежащая на вѣсахъ вашихъ, не увеличивается, а малѣетъ, что носящіе имя Христово начинаютъ менѣе стужать вамъ неправдами своими, нежели враги креста Христова? — А когда пастыри и правители наши не могутъ, братіе, представить за нравы наши благаго свидѣтельства, то кто и что поручится нынѣ за насъ предъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ?

Что же дѣлать нынѣ служителямъ алтаря среди такой безуспѣшности ихъ служенія? Уже не взять ли имъ посему святое изображеніе сіе отъ очей нашихъ, и не сокрыть ли, подобно ковчегу завѣта, среди Святая Святыхъ, дабы оно

было тамъ предметомъ чистаго созерцанія и поклоненія для однихъ Ангеловъ Божіихъ, вину присутствующихъ въ храмахъ нашихъ?... Но что же мы въ замѣнъ сего представимъ вамъ болѣе трогательнаго?... И если отъ креста и плащаницы Господней нѣкоторые возвращаются прямо на путь неправды, то что будетъ, если не станетъ предъ очами ихъ и сего трогательнаго зрѣлища?—Или, можетъ быть, подобно судіи Іисусову, умыть намъ, братіе, предъ всѣми вами надъ симъ изображеніемъ руки и сказать, подобно ему: *мы неповинны въ крови Праведника Сего:* мы дѣлали съ своей стороны все, чтобы вы уразумѣли цѣну сей Божественной крови, чтобы она не пала на главы ваши. Но, увы, чего достигли бы мы и такимъ образомъ?—Наша ли собственная невинность должна занимать насъ, когда вы гибнете душею?... Нѣтъ, подобно Іереміи, сидѣвшему и плакавшему на развалинахъ возлюбленнаго Іерусалима, и мы, братіе, должны просидѣть мысленно у развалинъ образа Божія въ васъ, должны до послѣдней минуты вашей и нашей жизни употреблять всѣ средства къ тому, чтобъ сей образъ паки былъ возстановленъ во всей лѣпотѣ своей. И мы будемъ дѣлать сіе; будемъ, по совѣту и примѣру Апостола, настоять *благовременно*, и даже *безвременно*, доколѣ Самъ небесный Домовладыка не воззоветъ насъ съ духовной стражи Своей. Но, совершая долгъ званія своего, вмѣстѣ съ тѣмъ, братіе, мы молимъ и васъ самихъ, не пренебрегать совершенно спасеніемъ душъ вашихъ, обращать хотя сколько нибудь вниманія на ту бездну грѣха, въ коей многіе находятся доселѣ. Быть не можетъ, чтобы таковые были совершенно довольны своимъ грѣховнымъ состояніемъ, чтобы совѣсть давно не внушала имъ, что аще не покаются, непремѣнно погибнутъ. Вѣроятно, многіе изъ таковыхъ уже не разъ давали обѣтъ исправить свою жизнь, оставить всѣ пагубныя и безчестныя привычки, примириться съ Богомъ и совѣстію.... За чѣмъ же стало дѣло, возлюбленные? Когда лучше положить начало сему покаянію, какъ не теперь, у гроба Господня? Нынѣ, *нынѣ время благопріятно;* нынѣ, *нынѣ день спасенія!* Время благопріятно, ибо все вокругъ насъ теперь располагаетъ къ покаянію; день спасенія, ибо день смерти Господа, подъятой для спасенія всего міра. Имѣя въ виду сіе, и мы нынѣ особенно почитаемъ за долгъ возвысить гласъ свой, и, сло-

вами Апостола Христова, воззвать ко всѣмъ и каждому: *примиритеся съ Богомъ!* (2 Кор. 5, 20). Великіе и малые, знатные и безславные, богатые и убогіе, мудрые и неразумные,—всякъ, кто грѣшникъ—и, слѣдовательно, всякъ, кто человѣкъ—*примиритеся съ Богомъ!* Престаньте раздражать вашими грѣхами Всемогущаго и Благаго; престаньте утомлять милосердіе Его своимъ ожесточеніемъ и нераскаянностью, да не подвергнетесь тому, что будете плакать и умолять, но никто не услышитъ васъ.

Примиритеся! Да падетъ каждый грѣшникъ предъ симъ гробомъ и да скажетъ со слезами: Господи и Владыко живота моего, вполнѣ чувствую, какъ много оскорбилъ я благость и долготерпѣніе Твое, блуждая доселѣ по всѣмъ стезямъ грѣха и беззаконій, творя непрестанно волю плоти и сквернымъ помышленій моихъ. Прости мнѣ мое неразуміе, гордость и злобу, я не вѣдалъ самъ, что творилъ. Теперь вижу всю мерзость дѣяній моихъ, — и прибѣгаю къ Тебѣ съ покаяніемъ. Конецъ невѣрію и ожесточенію! Конецъ злу и беззаконіямъ!—Отселѣ я рабъ Твой, исполнитель закона Твоего, ревнитель славы имени Твоего. Сколько я любилъ грѣхи, стократъ болѣе буду любить святый законъ Твой. Пріими мое исповѣданіе, и даруй силы совершить обѣтъ мой.

Такая молитва отъ покаяннаго и сокрушеннаго сердца будетъ, братіе, самымъ пріятнымъ приношеніемъ для почивающаго во гробѣ Господа и Спасителя нашего. Для принятія сего дара отъ грѣшниковъ Онъ и является нынѣ въ въ семъ святомъ изображеніи. Да не будетъ же сіе явленіе безъ плода для каждаго изъ насъ! Аминь!

Слово въ Великій Пятокъ *).

Есть же обычай, да единаго вамъ отпущу на Пасху хощете ли убо, да отпущу вамъ Царя Іудейска? Возопиша же вси, глаголюще: не сего но Варавву, бѣ же Варавва разбойникъ (Іоан. 18, 39. 40).

Вотъ наконецъ среди беззаконаго суда надъ Іисусомъ и гласъ о Немъ народа,—тотъ гласъ въ пользу коего нынѣ по разнымъ странамъ столько лживыхъ и безумныхъ возгласовъ!

*) Написано въ 1848 году, вскорѣ послѣ февральской революціи въ Парижѣ.

Вотъ наконецъ приговоръ надъ Іисусомъ и такъ называемаго, свободнаго собранія общественнаго,—тотъ приговоръ, мнимымъ безпристрастіемъ коего такъ жалко прельщаются цѣлыя царства и народы!—И Пилатъ—подобно нынѣшнимъ мудрецамъ—увѣренъ былъ въ превосходствѣ добродѣтели предъ порокомъ, почему и почиталъ совершенно достаточнымъ поставить только невиннаго Іисуса предъ народнымъ собраніемъ наряду съ Варавввою, дабы спасти Его отъ казни крестной; но что вышло? Вмѣсто гласа Божія, каковымъ привыкли иногда называть гласъ народа, изъ устъ іудеевъ раздался ужасный голосъ духа злобы: *не сего, но Варавву!...*

Остановитесь, несчастные избиратели!—Что сдѣлалъ вамъ Пророкъ Галилейскій, что вы осуждаете Его такъ безжалостно на смерть? Не Онъ ли отверзалъ очи вашимъ слѣпцамъ? исцѣлялъ вашихъ прокаженныхъ? изгонялъ бѣсовъ? воскрешалъ мертвыхъ? Не Онъ ли поучалъ всѣхъ и каждаго путямъ живота вѣчнаго?—Съ другой стороны, чѣмъ заслужилъ вашу любовь и предпочтеніе предъ Іисусомъ Варавва?—Не отъ него ли столько времени трепетали грады и мирныя веси? Не его ли проклинаютъ доселѣ за разбой и убійства жены, лишенныя супруговъ,—матери, обезчадѣвшія отъ дѣтей? Не вы ли сами, наконецъ, молитесь ежедневно и въ храмѣ и въ домахъ вашихъ о пришествіи Мессіи, Который стоитъ теперь передъ вами, ожидая вашего приговора?

Никто и ничего не можетъ сказать напротивъ; и однакоже всѣ вопіютъ: *не сего, но Варавву!*—Почему? потому что Божественное лице и святое ученіе Іисусово не приходятся по страстямъ и народнымъ предразсудкамъ іудейскимъ, потому что Онъ не удовлетворяетъ и не показываетъ желанія удовлетворить тѣмъ мечтательнымъ ожиданіямъ, кои каждый создалъ въ умѣ своемъ касательно лица и дѣйствій Мессіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что несчастные избиратели іудейскіе слѣдовали въ семъ случаѣ даже не собственному, хотя бы и ошибочному, мнѣнію, а чуждому наущенію; нѣтъ сомнѣнія, что фарисеями и книжниками внушено имъ теперь о лицѣ и дѣйствіяхъ Іисуса множество самыхъ превратныхъ понятій: что Онъ *другъ мытаремъ и грѣшникомъ* (Матѳ. 11, 19); что Онъ *не хранитъ субботы* (Іоан. 9, 16); что если *изгонитъ бѣсы,* то о *веельзевулѣ князѣ бѣсовстѣмъ* (Матѳ. 12, 24); что если бы даже былъ невиненъ, то *уне есть, да единъ человѣкъ*

умретъ за люди, а не весь языкъ погибнетъ (Іоан. 11, 50)—отъ мести грозныхъ римлянъ, въ случаѣ признанія Его за Мессію и царя Іудейскаго. Но, братіе мои, лучшимъ ли отъ всего этого дѣлается беззаконный приговоръ, который народное собраніе іудейское произнесло теперь надъ Іисусомъ? Менѣе ли отвращенія и ужаса внушаетъ къ себѣ это злосчастное ослѣпленіе общественное?—Если Сынъ Божій, Спаситель человѣковъ, отданный на судъ народнаго мнѣнія, не могъ найти у него Себѣ предпочтенія предъ Варавою и осужденъ на смерть, то какая невинность и какая добродѣтель могутъ быть увѣрены, что гласъ ослѣпленнаго народа не принесетъ ихъ въ жертву, если не своимъ, то чуждымъ страстямъ и прихотямъ?

Итакъ, видите, когда и гдѣ явилась уже во всей силѣ слѣпота мнѣній и приговоровъ народныхъ, коимъ лжеименная мудрость возмнила нынѣ подчинить благоустройство обществъ человѣческихъ! Вопросъ о семъ рѣшенъ еще на Голгоѳѣ, среди суда надъ Спасителемъ міра.—И что видимъ у тѣхъ народовъ, кои въ недавніе дни, возревновавъ примѣру Пилата, имѣли безуміе отдать общественное благо свое на мнѣніе и судъ всѣхъ и каждаго? Сколько людей мудрыхъ и добродѣтельныхъ промѣнено уже на Варавву и разбойниковъ!—Но іудеи, при всемъ ослѣпленіи своемъ, все еще показали себя разумнѣе мудрецовъ нынѣшняго вѣка: они испросили токмо свободу Варавѣ, но не ставили его во главу и вождя надъ собою, а въ наши несчастныя времена Вараввы изъ темницъ прямо идутъ возсѣдать на лиѳостротонѣ, и неомытыми отъ крови руками берутъ нагло жезлъ всенароднаго правленія!...

Возблагодаримъ, братіе мои, Господа за то, что мы далеки отъ сихъ безумныхъ шатаній ума превратнаго, далеки и по мѣсту, а еще болѣе по духу, который господствуетъ въ благословенномъ отечествѣ нашемъ. А между тѣмъ, собравшись нынѣ у подножія распятаго Спасителя нашего, Который пришелъ *умиротворить крестомъ* Своимъ *всяческая* (Кол. 1, 20), размыслимъ о томъ, *яже* христіанину, при настоящихъ обстоятельствахъ, *подобаетъ творити,* яко богоугодная и потому душеполезная, и *яже отметати,* яко богопротивная и потому душевредная.

Что волнуетъ и мятетъ нынѣ несчастные царства и на-

роды? Мысль, какимъ образомъ наилучше устроить общество человѣческое, кому вручить въ немъ власть и силу: единому или всѣмъ и каждому.

Прежде всего, примѣтимъ, братіе мои, что самый вопросъ сей въ очахъ истиннаго христіанина есть уже безвѣріе и богохульство. Какъ будто Промыслъ Божій, безъ воли коего не падаетъ съ главы нашея ни единаго волоса, могъ оставить судьбу цѣлыхъ царствъ на произволъ случая, и не явилъ вседержавной воли Своей о томъ, какъ и отъ кого имъ быть управляемыми? Не со всею ли ясностію сказано въ словѣ Божіемъ, что Самъ *Вышній владѣетъ царствомъ человѣческимъ, и ему же восхощетъ, дастъ е* (Дан. 4, 22). Не Самъ ли Богъ глаголетъ устами Премудраго: *Мною царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду* (Притч. 8, 15). Не Самъ ли Онъ посему воспретилъ всякое ослушаніе власти предержащей, говоря: *нѣсть власть, аще не отъ Бога; тѣмъ же противляющійся власти, Божію повелѣнію противляется* (Рим. 13, 2).—Что же послѣ сего недоумѣвать и вопрошать о томъ, что рѣшено и утверждено Самимъ Богомъ?

Но вообразимъ на время, что жребій царствъ и образъ управленія народовъ отданъ на произволъ самихъ людей: какому примѣру всего лучше послѣдовать въ избраніи его, какъ не примѣру Самого Бога? Ибо царства человѣческія, очевидно, не могутъ имѣть учрежденія лучше того, какъ учреждено царство Божіе. Но оно учреждено такъ, что вездѣ въ немъ видны не только строгій порядокъ и подчиненность, но и единодержавіе.

Чтобы совершенно убѣдиться въ семъ, пройдемъ мыслію по неизмѣримому царству Божію и, первѣе всего, взойдемъ, хотя и недостойные, на небо. Видите ли несчетные сонмы Херувимовъ и Серафимовъ, неизмѣримые лики Архангеловъ и Ангеловъ? Всѣ свѣтлы, всѣ чисты, всѣ могущественны, всѣ блаженны, но всѣ хранятъ неизмѣняемый порядокъ и подчиненность. Низшіе пріемлютъ озареніе отъ высшихъ, высшіе—отъ высочайшихъ, сіи—отъ первыхъ и старѣйшихъ; и всѣ соединены навѣки подъ единою Главою—единороднымъ Сыномъ Божіимъ, Который есть Владыка Херувимовъ и Серафимовъ, Начало-вождь Архангеловъ и Ангеловъ.

Не подобный ли порядокъ и чинъ усматриваются и на видимомъ нами небѣ? Въ срединѣ—солнце, яко глава и царь;

вокругъ его, по непреложнымъ законамъ, вращаются планеты; за ними текутъ спутники, или луны.—Самыя кометы, въ ихъ своеобразномъ бѣгѣ, соблюдаютъ зависимость свою отъ солнца: къ нему единому возвращаются и отъ него единаго, какъ бы получивъ новое назначеніе, уходятъ. Нарушься этотъ порядокъ, сія строгая подчиненность хотя на одну минуту,—и весь міръ нашъ сотрясется въ самыхъ основаніяхъ своихъ.

Сойдемъ съ неба на землю, и посмотримъ, что на ней. Здѣсь, послѣ паденія владыки земли, злополучнаго прародителя нашего, нѣтъ уже первобытнаго совершенства и согласія; и однакоже вездѣ является зависимость и подчиненность низшаго высшему, вездѣ законъ единства. Нѣтъ между тварями земными ни одного, большаго или меньшаго отдѣленія, которое не представляло бы собою нѣкоего вида іерархіи, по чему самому и называются они не безглавыми обществами, а царствами, въ коихъ существа, одаренныя превосходнѣйшими качествами, именуются даже царями.

Посмотримъ ли при семъ на самаго человѣка: въ тѣлѣ его множество членовъ; но всѣми управляетъ глава, и она едина. Въ душѣ его множество способностей, но надъ всѣми царствуетъ умъ, и онъ единъ.

Между дикими животными господствуетъ на землѣ безначаліе и равенство; за то ни одно изъ нихъ не можетъ срѣтиться съ другимъ живымъ существомъ, чтобы не нанести, или не потерпѣть смерти, по крайней мѣрѣ, вреда и страха.

Сойдемъ наконецъ мыслію, при свѣтѣ слова Божія, даже во адъ (да даруетъ Господь, чтобы мы сходили туда одною мыслію, и для того именно, чтобы не сойти туда когда-либо на самомъ дѣлѣ!). Гдѣ болѣе мятежа и безначалія, какъ во адѣ? Ибо, отъ чего и произошли адъ и геенна, какъ не вслѣдствіе мятежа на небѣ Ангеловъ противъ Вседержителя?—Но и духи злобы поняли, что, при совершенномъ равенствѣ и безначаліи, не можетъ существовать никакое общество: и вотъ тѣ, кои на небѣ не захотѣли повиноваться Всемогущему Творцу и Благодѣтелю, во адѣ должны раболѣпствовать предъ велѣніями сатаны — всегубителя!...

Видите теперь, чѣмъ держится весь міръ, видимый и невидимый?—Онъ держится повиновеніемъ и подчиненностію. Видите, прежде всего, какой главный законъ господствуетъ

въ царствѣ Божіемъ? — Законъ порядка и единодержавія. Какъ же послѣ сего думать и утверждать, что царства человѣческія могутъ существовать иначе, нежели какъ существуетъ царство Божіе! Тѣмъ паче, когда уставъ царствъ земныхъ изреченъ Самимъ Владыкою неба и земли!

Посмотримъ теперь на міръ Божій съ другой стороны. Явно, что онъ не таковъ, какимъ вышелъ изъ рукъ Творца; что въ него вкралось зло, вредящее его совершенству и блаженству тварей. Поелику зло это не могло быть отъ Бога, то откуда произошло оно?—Отъ злоупотребленія той самой свободы, которую такъ неразумно ставятъ нынѣ во главу угла. Возмутился противъ Бога на небѣ Архангелъ: и отторгъ вмѣстѣ съ собою, какъ выражается Тайновидецъ, *третію часть звѣздъ* (Апок. 12, 4), то есть, Ангеловъ. Возмутился въ Эдемѣ противъ заповѣди Божіей первозванный человѣкъ, — и, изгнанный изъ рая сладости, распространилъ вмѣстѣ съ собою по лицу земли грѣхъ и проклятіе. Вотъ откуда зло въ мірѣ—отъ крамолы и мятежа!

Чтобы еще болѣе убѣдиться въ истинѣ всего нами утверждаемаго, воззрите, братіе мои, наконецъ, на образъ Божественнаго Страдальца, предлежащій теперь очамъ нашимъ! Для чего Сынъ Божій сошелъ съ неба, претерпѣлъ страданія столь ужасныя, и умеръ на крестѣ? Для того, чтобы примирить небо съ землею, удовлетворить за грѣхи наши правдѣ вѣчной, возвратить намъ возможность паки *чадами Божіими быти* (Іоан. 1, 12) и наслѣдниками царствія небеснаго; чтобы вмѣстѣ съ нами возставить и все, чрезъ насъ падшее и возмутившееся, и соединить, какъ выражается св. Павелъ, *подъ единою Главою* (Еф. 1, 10). Значитъ, Сынъ Божій воплотился и пострадалъ именно для того, чтобы крестомъ своимъ изгладить, столь ужасно тяготѣющія надъ нами и всѣмъ міромъ, послѣдствія нашего мятежа Эдемскаго. Если бы злополучные прародители наши, прельщенные пагубнымъ совѣтомъ змія-губителя, не возмечтали быть *яко бози*, и не возстали дерзновенно противъ заповѣди своего Творца и Благодѣтеля, то на землѣ не было бы ни грѣха и проклятія, ни болѣзней и смерти, а посему не было бы нужды и въ сей ужасной жертвѣ всемірнаго искупленія. Тогда Сынъ Божій являлся бы среди насъ, какъ является въ мірѣ Ангельскомъ, окруженный величіемъ и сла-

вою, а теперь видите, чѣмъ увѣнчана Его глава—тернами! Видите, чѣмъ украшены Его руцѣ и нозѣ,—язвами гвоздинными! Видите, чѣмъ проникнуто Его сердце,—копіемъ.

Помни же все сіе, христіанинъ, и подобясь Спасителю твоему, Который, будучи единороднымъ Сыномъ Божіимъ, *не восхищеніемъ*, какъ говоритъ Апостолъ, *непщева быти равенъ Богу, но Себе умаливъ, зракъ раба пріимъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти крестныя* (Филип. 2, 7. 8),—востекай и ты на высоту, и духовную и вещественную, и частную и общественную, путемъ не превозношенія и гордыни, а—вѣры, смиренія, преданности и любви ко всему, что дано тебѣ въ руководство свыше, и поставлено надъ тобою Самимъ Богомъ. Аминь.

Слово въ Великую Субботу.

Днешній день тайно великій Моисей прообразоваше, глаголя. и благослови Богъ день седьмый. Сія бо есть благословенная Суббота, сей есть упокоенія день, въ онь же почи отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ единородный Сынъ Божій, смотрѣніемъ еже на смерть, плотію субботствовавъ, и во еже бѣ, паки возвращся (на вечерн. стих. сам. 4).

Таково величіе настоящаго дня! Прошедшіе дни были велики подвигами и дѣятельностью, а сей великъ покоемъ. Великъ, ибо въ немъ почилъ Тотъ, Кто превыше всѣхъ и всего; почилъ тогда, какъ совершилъ все; почилъ, чтобы потомъ никогда не почивать для блага рода человѣческаго. Сама Церковь во всемъ продолженіи временъ отъ начала міра находитъ только одинъ день, съ коимъ можно сравнить настоящій. Это оный седьмый день творенія, въ который, по сказанію Моисея, *почи Богъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, яже сотвори* (Быт. 2, 2). Какъ великъ долженъ быть день сей! Но и онъ былъ менѣе настоящаго. Нынѣшній покой больше онаго, ибо второй трудъ былъ больше перваго. Легче было создать весь міръ и человѣка, нежели искупить ихъ: въ раю не было креста и для человѣка; а на Голгоѳѣ крестъ и для Богочеловѣка. И послѣ сего-то великаго подвига крестнаго избранъ для успокоенія день настоящій! Богъ—Творецъ, послѣ шести дней дѣланія, почилъ въ одинъ—седьмый; и Богъ—Искупитель, послѣ множайшихъ дней труда, не из-

бралъ для успокоенія болѣе единаго дня—того же седьмаго! О, остановись солнце, продлись драгоцѣнный день! Да продлится покой Божественнаго Страдальца! Да закроются сіи язвы! Да престанетъ течь кровь?

Но что за вопль слышится среди смертнаго безмолвія? Не жены ли мироносицы грядутъ помазать тѣло Іисусово? Но покой субботній еще не прошелъ: и онѣ должны молчать, *по заповѣди* (Лук. 23, 56). Кто же дерзаетъ нарушать покой льва отъ Іуды?—Тотъ же, кто болѣе всѣхъ нарушалъ его при жизни: *днесь,* воспѣваетъ Церковь, *адъ стеня, вопіетъ* (Вечер. В. Суб. Стих. сам. 1). Но ради чего стенать ему, когда онъ достигъ, чего желалъ?—О чемъ вопіять, когда все умолкло предъ нимъ? Не хочетъ ли онъ взять и душу Распятаго, какъ взялъ руками іудеевъ Его тѣло и запечаталъ во гробѣ?—Но ему не дано власти и надъ душею Іова, можетъ ли быть оставлена во адѣ душа Іисусова?

Вслушаемся однакоже пристальнѣе въ вопль ада: не напрасно онъ столь силенъ, что, происходя въ сердцѣ земли, слышится на всѣхъ концахъ ея; не напрасно столь мучителенъ, что вопіющій не можетъ скрыть его въ самыхъ мрачныхъ глубинахъ своихъ. *Днесь адъ, стеня, вопіетъ, глаголя: уне мнѣ бяше, аще бых отъ Маріи рождшагося не пріялъ.* Итакъ вотъ причина горькаго вопля адскаго: его причиняетъ Тотъ, Кто Самъ безмолвно почиваетъ во гробѣ! Что же дѣлаетъ тебѣ, о адъ, Сей Мертвецъ? Съ сею увѣнчанною терніемъ главою, съ сими прободенными руками и ногами, что можетъ Онъ сдѣлать тебѣ? Все, все, отвѣчаетъ мучимый: *пришедъ на мя, державу мою разруши, врата мѣдная сокруши, души, яже содержахъ прежде. Богъ сый воскреси.* О, послѣ сего надобно тебѣ стенать и вопіять, вѣчно стенать, и вѣчно вопіять. Но какимъ образомъ произошло все сіе?—Какъ, почивая во гробѣ плотски, Богочеловѣкъ сошелъ во адъ!—Не былъ ли Онъ и еще гдѣ-либо въ сіе время? Не совершилъ ли и еще чего-либо, кромѣ разрушенія твердынь адовыхъ?—Кто можетъ дать на сіе отвѣтъ? Явно, что адъ худой свидѣтель въ семъ случаѣ: отъ мученія онъ можетъ только вопіять, а не повѣствовать. Обратимся къ самовидцамъ и слугамъ Слова, почивающаго во гробѣ,—Апостоламъ.

Да станетъ у гроба сего Петръ! Ему извѣстнѣе другихъ должны быть дѣянія души Іисусовой по смерти, ибо онъ

обѣщалъ самъ идти съ Нимъ на смерть, и положить за Него свою душу. Правда, среди адской тьмы двора Каіафина помрачилось было и его зрѣніе, и онъ трижды не узналъ Учителя; но горькія слезы омыли уже прахъ съ очей, и онъ теперь видитъ все яснѣе прежняго. Теперь онъ въ состояніи не только носить ключи, отверзать и затворять (Матѳ. 16, 19), но и пасти агнцы съ овцами (Іоан. 21, 17).

Что же повѣдаешь намъ, первоверховне Апостоле, о дѣяніяхъ души Христовой?—*Христосъ*, вѣщаетъ онъ, *умерщвленъ бывъ плотію, оживъ же духомъ, о немъ же и сущимъ въ темницѣ, духовомъ, сошедъ, проповѣда* (1 Петр. 3, 18. 19). Итакъ Спаситель, во время пребыванія пречистой плоти Его во гробѣ, точно былъ во адѣ, ибо что другое можетъ означать темница духовъ у Апостола, какъ не адъ, или паче, глубочайшее и мрачнѣйшее отдѣленіе ада?—И въ сію-то глубину, во всѣхъ отношеніяхъ преисподнюю, сошелъ—духомъ Своимъ—умершій Богочеловѣкъ!—Сошелъ не въ видѣ страдальца (ибо крестомъ заключился рядъ страданій), а въ видѣ побѣдителя смерти и ада,—да *исполнитъ собою*, по выраженію Церкви, *всяческая* (За достойн. мол. въ литур. Васил. В.). Небо было исполнено Его Божественною славою, земля уже полна Его страданіями; надобно было, чтобъ и адъ наполнился Его силою.

Что же дѣлалъ Богочеловѣкъ во адѣ?—*Проповѣдывалъ*, отвѣчаетъ святый Петръ. Гдѣ Іисусъ, тамъ и проповѣдь! Надлежало показать на дѣлѣ, что Онъ есть *свѣтъ* всего *міра*. Но кому проповѣдывать во адѣ? *Духамъ*, продолжаетъ святый Петръ, *противльшимся иногда, егда ожидаше Божіе долготерпѣніе, во дни Ноевы, дѣлаему ковчегу*. Но если сіи несчастные грѣшники, пострадавъ слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ въ ужасной темницѣ, сдѣлались наконецъ способными слышать съ пользою для нихъ проповѣдь Искупителя человѣковъ, то тѣмъ паче должны съ нетерпѣніемъ услышать оную тѣ изъ узниковъ адскихъ, кои во время жизни своей не показали упорства и нечестія современниковъ Ноевыхъ, и потому были ближе ихъ къ вратамъ, ведущимъ изъ ужасной темницы. Посему-то святая Церковь, яко таинница любви Божіей, съ дерзновеніемъ воспѣваетъ нынѣ въ честь Жениха своего: *царствуетъ адъ, но не впчнуетъ надъ родомъ человѣческимъ. Ты бо положся во гробѣ, смерти ключи раз-*

верглъ еси, и проповѣдалъ еси отъ вѣка тамо спящимъ избавленіе неложное.

Что было предметомъ проповѣди во адѣ?—Апостолъ не говоритъ о томъ прямо. Но что другое могло быть предметомъ проповѣди Спасителя, кромѣ спасенія?—Конецъ дѣла показываетъ и существо его; а концемъ проповѣди во адѣ для самыхъ упорныхъ душъ каковы современники Ноя, долженствовало быть, по ясному и точному свидѣтельству Апостола, то, чтобы они, *суду пріявъ*—во время потопа—*по человѣку плотію, пожили* теперь—послѣ проповѣди Христовой—*духомъ* (1 Петр. 4, 6). Тѣ, кои ожили духомъ, не могли уже быть оставленными среди жилища смерти, и Побѣдитель смерти, сошедши во адъ одинъ, долженствовалъ извести съ Собою многихъ. Если бы кто касательно сего усомнился дать полную вѣру аду, жалующемуся на то, что онъ при семъ случаѣ *погубилъ всѣ мертвецы, ими же царствова отъ вѣка,* то не можетъ усомниться въ свидѣтельствѣ Церкви, которая несомнѣнно воспѣваетъ, что, сошествіемъ Божественнаго Жениха ея во адъ, *истощены вся адова царствія.*

Судите сами, братіе, какою радостію должно было сопровождаться исшествіе изъ ужасной *темницы духовъ,* когда и освобождаемые изъ узилищъ земныхъ часто не помнятъ себя за радость! Тогда-то во всей силѣ оказалось изреченіе Спасителя: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе!* (Матѳ. 9, 13). Тогда-то весь міръ узналъ, какъ Сѣмя жены сокрушаетъ самую главу змія. И для Великаго Побѣдителя смерти разрушеніе твердынь адовыхъ и освобожденіе узниковъ адскихъ было, безъ сомнѣнія, дѣломъ пріятнѣйшимъ изъ всѣхъ дѣлъ Его. Если совершеніе спасенія человѣческаго по волѣ Отца составляло для Него, по собственнымъ словамъ Его, *брашно* (Іоан. 4, 34), то въ семъ случаѣ Онъ вкусилъ манну.

По исшествіи изъ ада, Спаситель съ пречистою душею Своею былъ въ раю. Это мы знаемъ изъ собственныхъ устъ Его, ибо когда распятый съ Нимъ разбойникъ молилъ помянуть его во царствіи Своемъ, Онъ отвѣчалъ: *днесь со Мною будеши въ раи.* Надлежало Самому Спасителю лично ввести въ рай тѣхъ, кои освобождены были изъ ада, ибо только предъ Его лицемъ пламенное оружіе, хранящее врата рая, могло обратить плещи своя; только по Его всемощному

гласу, Херувимъ могъ отступить отъ древа жизни и дать новымъ обитателямъ рая причаститься райскія пищи. Было и другое дѣло въ раю: *зерно пшеничное,* падшее на землю и умершее на Голгоѳѣ, долженствовало сотворить *плодъ многъ* (Іоан. 12, 24); вознесенный на крестъ Спаситель міра имѣлъ повлечь за Собою *все* (Іоан. 12, 32). Итакъ надлежало осмотрѣть все пространство рая, и распредѣлить рукою Домовладыки достаточное число обителей въ дому Отца небеснаго для новыхъ чадъ Его (Іоан. 14, 2).

Если, братіе, и въ адѣ, при разрушеніи твердынь его, было торжество для освобождаемыхъ и Освобождающаго, то тѣмъ паче въ раю, у древа жизни. Здѣсь-то Давиду время было возгремѣть новый псаломъ на десятострунномъ псалтырѣ и взыграть предъ ковчегомъ Новаго Завѣта, новымъ, святымъ взыграніемъ, за которое уже некому его осуждать (2 Цар. 6, 16); здѣсь-то исполнилось желаніе Моисея—видѣть Бога лицемъ къ лицу, ибо онъ увидѣлъ единороднаго Сына Его, въ Коемъ *вся полнота Божества тѣлесно* (Кол. 2, 9); здѣсь-то удовлетворилось и святое прошеніе Авраама, о непогубленіи грѣшниковъ, ради добродѣтели праведныхъ (Быт. 18, 32. 33), ибо теперь, ради единаго Праведника, даровано прощеніе всѣмъ грѣшникамъ.

Можемъ думать, что умершій Богочеловѣкъ былъ и у Отца.—Ибо Самъ неоднократно говорилъ ученикамъ: *се оставляю міръ, и иду ко Отцу* (Іоан. 16, 28). Мы слышали, съ какимъ чувствомъ исповѣдывался Онъ предъ наступленіемъ Своихъ страданій: *Отче, дѣло совершихъ, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю* (Іоан. 17, 4). Тѣмъ съ большею радостію должны быть повторены слова сіи на небѣ, когда Побѣдитель смерти явился предъ престоломъ Отца съ знаменіемъ побѣды, уже не преднамѣреваемой, а совершенной,—со крестомъ! О, сколько разъ послѣ сего новаго крещенія кровію, долженъ былъ подъ небесами небесъ раздаваться гласъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ, Того послушайте!*—Послушайте уже не одни человѣки, *а вси Ангелы Божіи* (Евр. 1, 6), *вся тварь* (Марк. 16, 15). Ибо на Голгоѳѣ небо и земля увидѣли, что Агнецъ закланный *достоинъ пріяти силу и богатство, и премудрость и крѣпость и честь и славу и благословеніе* (Апок. 5, 12).

Не продолжимъ изображенія великой дѣятельности

Іисусовой среди настоящаго дня покоя; ибо Писаніе не даетъ намъ для сего дальнѣйшаго руководства; а безъ сего руководителя какъ говорить о тайнахъ міра невидимаго? И послѣ того, что мы видѣли и слышали, кто не скажетъ, яко *воистину великъ день Субботы сея*, и достоинъ того, чтобъ быть прообразованнымъ всѣми Субботами ветхозавѣтными! И все это совершилось, братіе, когда тѣло Іисусово мирно почивало во гробѣ; когда гробъ сей былъ запечатанъ печатію Каіафы, окруженъ стражею римскою! Седмь печатей на книгѣ судебъ въ сіе время *преломлены* (Апок. 5, 5); а печать Каіафы оставалась цѣла! Все воинство ада обращено въ бѣгство, а четыре воина римскихъ продолжали стоять на стражѣ!— Такъ подъ простою завѣсою видимаго можетъ сокрываться тьма чудесъ невидимыхъ!—и въ нашихъ гробахъ можетъ совершаться великая работа, когда грубые чувства наши не замѣчаютъ въ нихъ ничего, кромѣ бездѣйствія.

Но что дѣлать намъ въ то время, когда Господь нашъ такъ много дѣлаетъ за насъ и для насъ?—Слѣдовать за Нимъ въ духѣ съ вѣрою и любовію.

Господь во адѣ: снидемъ и мы за Нимъ мыслію во адъ, дабы не сойти нѣкогда туда самымъ дѣломъ; поставимъ себя на время въ состояніе тѣхъ, кои были заключены въ темницѣ духовъ, и научимся содѣвать свое спасеніе со страхомъ и трепетомъ. Тѣ, кои жили до явленія Христова во плоти, увидѣли Его во адѣ: кто поручится, чтобы видѣли Его тамъ и тѣ, кои добровольно сходятъ во адъ, послѣ вознесенія Христа на небо? Настоящая проповѣдь Христова во адѣ явно есть проповѣдь не повторяемая, ибо неповторяемо разлученіе Его души съ тѣломъ. Посему лучше и безопаснѣе всего содѣвать свое спасеніе, *дондеже день есть; ибо придетъ* для каждаго *нощь*, въ которую, по слову Самого непрестающаго Дѣятеля, *никто же можетъ дѣлати* (Іоан. 9, 4). Господь въ раю: дерзнемъ о имени Его и мы вступить за Нимъ мыслію въ рай, не для празднаго любопытства, какъ оные соглядатаи земли обѣтованной, осужденные за то умереть въ пустынѣ (Числ. 14, 37), а для того, чтобы удвоить и утроить усилія свои для дѣйствительнаго вступленія въ отверзтыя крестомъ для всѣмъ врата рая. О, какъ много уготовано тамъ обителей! И каждая отверзта для всякаго! Вотъ обитель вѣры и упованія; въ нее зоветъ отецъ вѣрую-

щихъ—Авраамъ, по вѣрѣ вознесшій сына на жертвенникъ. Вотъ обитель произвольной нищеты и самоотверженія: въ нее зоветъ Моисей, *лучше изволившій страдать съ людьми Божіими въ пустынѣ, нежели,* нарицаясь сыномъ дочери Фараоновой, *имѣть временную грѣха сладость* (Евр. 11, 24. 25). Вотъ обитель терпѣнія и преданности въ волю Божію: въ ней обитаетъ Іовъ, умѣвшій на гноищѣ благословлять имя Господне. Вотъ обитель чистоты и цѣломудрія: въ нее приглашаютъ Іосифъ и Сусанна, предпочетшіе гоненіе и смерть утѣхамъ сладострастія. Вотъ обитель ревности по Богѣ и добродѣтели: ее предлагаютъ Финеесъ и Илія, ревновавшіе по Господѣ Богѣ Израилевомъ тогда, какъ почти всѣ ревновали токмо о своихъ страстяхъ. Вотъ обитель милосердія: въ нее зоветъ Самъ Господь премилосердый. «*Пріидите,* говоритъ Онъ къ милосердымъ, *наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Матѳ. 25, 34); ибо что вы творили бѣднымъ, Мнѣ сотворили».

Господь у Отца: не обинемся, братіе, предстать за Нимъ, и мы. Но съ чѣмъ предстанемъ? — Или съ добродѣтелію, или съ покаяніемъ: Отецъ небесный пріемлетъ то и другое, только бы то и другое было освящено вѣрою въ кровь Сына Его. Предстанемъ и скажемъ Отцу небесному о Его и нашемъ Іосифѣ то же, что сказано было нѣкогда о сынѣ Іакова: мы *совѣщахомъ о Немъ злая,* Ты же *совѣщалъ еси о Немъ* и о насъ *благая. Нынѣ остави намъ неправду грѣхъ нашъ* (Быт. 50, 20. 17), ибо отселѣ мы не будемъ имѣть другаго руководителя въ жизни, кромѣ Его, дарованнаго Тобою намъ Спасителя и Господа.

Въ таковыхъ и подобныхъ размышленіяхъ должны мы, братіе, проводить время у сего гроба. И можетъ ли быть лучше для сего время, какъ безмолвіе нынѣшней ночи, которая для того и избрана изъ всѣхъ ночей Церковію, чтобы всецѣло быть посвящаемою на молитвенное собесѣдованіе съ распятымъ Спасителемъ?—Но, къ сожалѣнію, многіе изъ насъ нисколько не пользуются симъ прекраснымъ учрежденіемъ Церкви. Сколько ночей проводятся въ суетахъ и забавахъ! А одной ночи не можемъ провести у гроба своего Спасителя; Онъ остается почти одинъ, и мы являемся только къ Его воскресенію! Ахъ, братіе, что если и Онъ оставитъ насъ такъ, какъ мы будемъ лежать во гробѣ? Не *на осу-*

жденіе глаголю сіе (2 Кор. 7, 3); а чтобы показать, какъ мало мы обращаемъ вниманія на средства къ нашему освященію.—Кто любитъ своего Спасителя, тотъ не оставитъ Его гроба. Аминь.

Слово въ Великую Субботу.

Если бы кто изъ невѣрующихъ и незнакомыхъ съ нашими таинствами вошелъ нынѣ въ какой-либо изъ нашихъ храмовъ, то удивился бы тому, что въ нихъ совершается: окружаемъ гробъ умершаго, сѣтуемъ и воздыхаемъ надъ нимъ; и въ то же время вѣруемъ, что въ этомъ гробѣ источникъ жизни и нетлѣнія. Если Спаситель вашъ, сказалъ бы невѣрующій, есть воскресеніе и жизнь, то какъ Онъ могъ быть умерщвленъ и заключенъ во гробѣ?—А когда Онъ умеръ и погребенъ, то какъ можетъ вамъ даровать жизнь и нетлѣніе?—Одно изъ двухъ—или плачьте, или радуйтеся: Богъ—не умираетъ, умершій—не воскрешаетъ!

Такъ могъ бы, нынѣ и здѣсь, сказать намъ невѣрующій. Но онъ, братіе, началъ бы говорить подобное, если бы повести его и въ рай, въ которомъ нѣкогда обитали наши прародители. И тамъ—одно совершается, а совсѣмъ другое происходитъ. Вкушается пища, какъ будто, *добрая въ снѣдь и угодная очима видѣти* (Быт, 3, 6); а производитъ гладъ вѣчный и вѣчную смерть. Отверзаются очи, но не видятъ искусителя, а усматриваютъ только свою наготу! Хотятъ быть богами, а убѣгаютъ отъ Бога.

Таинство отобоюду! Но первые простерли завѣсу—мы. Ясли и крестъ сдѣланы людьми. Не Богъ скрылся отъ человѣка, а человѣкъ скрылся отъ Бога. Если бы мы не такъ глубоко пали, то видно было, какъ насъ возставляютъ.—Теперь лучше не смотрѣть на бездну зла, дабы отъ глубины ея не помрачилось зрѣніе. Лучше не знать всѣхъ пріемовъ небеснаго Врача, дабы не придти въ ужасъ отъ самаго врачеванія. Предоставимъ и вѣдѣніе Тому, въ Чьихъ рукахъ сила и спасеніе.

Къ чему я говорю это надъ симъ гробомъ?—Къ тому, что и нынѣ есть *іудеи,* кои *знаменія просятъ,* и *еллины,* кои *премудрости ищутъ,* а мы *проповѣдуемъ Христа распята*

(1 Кор. 1, 22. 23). Проповѣдуемъ и будемъ проповѣдывать! Для іудея Христосъ распятый есть соблазнъ: что нужды!— Развѣ іудей не соблазнялся, когда ему послана была съ неба манна, и не спрашивалъ, *что это?* (Исх. 16, 15). А не ты ли, іудей, исцѣлялся нѣкогда взоромъ на мѣднаго змія, вознесеннаго на крестъ? Скажи намъ, какъ взоръ на мѣдь исцѣлялъ? Какъ змій спасалъ отъ угрызенія зміинаго? И мы скажемъ тебѣ, какъ крестъ врачуетъ грѣхи, и источаетъ нетлѣніе и жизнь.

Для еллина Христосъ распятый—*безуміе:* что нужды! И ему не впервые, *видя не видѣть, глаголющеся быти мудрымъ обглюродѣвать* (Рим. 1, 22). Въ зерцалѣ природы, отъ созданія міра видимы не только премудрость Божія, искомая еллинами, но и самая *присносущная сила и Божество* (Римл. 1, 20). Что же, много увидѣлъ въ семъ зерцалѣ еллинъ? и что увидѣлъ, не сокрылъ въ неправдѣ? Не перемѣнилъ славы истиннаго Бога *въ подобіе тлѣнна человѣка и птицъ, и четвероногъ, и гадъ* (Римл. 1, 20)? — Потому-то, еллинъ, Богъ и благоволилъ буйствомъ проповѣди спасать вѣрующихъ, что въ *премудрости Божіей не уразумѣлъ* ты *премудростію Бога* (1 Кор. 1, 21).

«Но и между христіанами есть *враги креста Христова* (Филип. 3, 18)». Есть, были и будутъ, но кто они? Это, вопервыхъ люди, коимъ Богъ—ихъ *я*. Удивительно ли, что на сей точкѣ не вмѣщается крестъ? Эти люди любятъ нынѣ производить весь міръ изъ круга: для чего не присмотрятся лучше въ сей кругъ? Можетъ быть, они сами увидѣли бы въ немъ крестъ.—Другаго рода враги креста тѣ, для коихъ, по выраженію Апостола,—Богъ ихъ *чрево!* (Филип. 3, 19). При такомъ божествѣ нечего и говорить о ливанѣ и смирнѣ: ему нужны жертвы Веельфегора и Молоха.

Сынъ Божій на крестѣ: подлинно чудо изъ чудесъ! Спаситель міра во гробѣ: точно тайна изъ тайнъ! Но развѣ, невѣрующій, отъ тебя сокрываютъ это? Ты говоришь, что это для тебя непостижимо. А тебѣ говорятъ, что это непостижимо для самыхъ Ангеловъ. И зачѣмъ пугаться непостижимаго? Ты удивляешься природѣ и благоговѣешь предъ нею, но все ли ты постигъ въ ней? И не предъ тѣмъ ли наиболѣе благоговѣешь, что наименѣе постигаешь?—Богу, совершенно постижимому, ты престалъ бы и поклоняться.

Но что спорить? О добротѣ древа судъ одинъ—по плодамъ его. Древо креста сухо, безчестно, ужасно, но посмотримъ на плоды его.

Предъ кѣмъ это, іудей, падаетъ твой Іерусалимъ и храмъ, такъ что въ нихъ не остается камня на камени, такъ что самъ повелитель свѣта, Іуліанъ, не можетъ поднять ихъ?—Предъ симъ Мертвецомъ. Кому это уступаютъ мѣсто и аѳинскій Пантеонъ, и римскій Капитолій, и кесари, и философы?—Сему Мертвецу. Кто это останавливаетъ варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію, заставляетъ ихъ забыть свою лютость и начать учиться быть людьми по Евангелію?—Сей Мертвецъ. Какимъ народамъ принадлежитъ власть и могущество надъ всею землею?—Тѣмъ, кои вѣруютъ во имя Іисуса распятаго. Отъ чьихъ знаменъ и нынѣ, въ глазахъ нашихъ, бѣжитъ Магометъ?—Отъ тѣхъ, на коихъ крестъ.

На что же тебѣ, іудей, лучше сихъ знаменій?—Не видишь ли ты изъ нихъ, что Христосъ, даже въ отношеніи къ земнымъ дѣламъ, есть *Божія сила?* (1 Кор. 1, 24).

Тебѣ, древній или новый еллинъ, нужна мудрость: *пріиди и виждь* (Іоан. 1, 46). Видишь ли, какъ на стогнахъ Аѳонскихъ падаютъ предъ идолами твои философы, тѣ люди, кои въ тайныхъ собраніяхъ своихъ ни надъ чѣмъ столько не издѣваются, какъ надъ идолами и богами? Не осуждаемъ строго ихъ слабости: жизнь дороже философіи. Но согласись, что въ философіи твоей нѣтъ силы сразиться съ суевѣріемъ, и посмотри, что будетъ. Не проходитъ пяти вѣковъ,—и во всей Римской имперіи нѣтъ и пяти идоловъ. Гдѣ они и кто сразилъ ихъ? Философы? Въ Римѣ нѣтъ и пяти философовъ, а какіе есть, тѣ за идоловъ.—Идолы пали отъ проповѣди Павловъ и Аполлосовъ!

Не мудрость ли это, еллинъ?

Послушай еще, что говоритъ твой божественный Платонъ. «Истиннаго Бога, говоритъ онъ, найти трудно, и если бы кто нашелъ Его, то объ Отцѣ природы нельзя бесѣдовать ко всѣмъ». То-есть, еллинъ, твой Платонъ хочетъ знать Бога одинъ, для себя только; міръ, по немъ, пусть не знаетъ Его!—Не много пользы было бы человѣчеству отъ такой философіи. Но къ счастію его, нашлись люди помужественнѣе и почеловѣколюбивѣе твоего Платона. Посмотри, что будетъ. Не прошло одного вѣка послѣ смерти

Іисуса Назарянина, и варваръ съ скиѳомъ начинаютъ богословствовать; малыя дѣти узнаютъ объ Отцѣ природы и человѣковъ то, чего и во снѣ не представлялось ни академіямъ, ни портикамъ; и все это производятъ двѣнадцать Галилейскихъ рыбарей!

Не мудрость ли это, еллинъ?

Такъ премудрость креста оправдалась предъ лицемъ всего свѣта *отъ чадъ* (Матѳ. 11, 19; 5, 16) и отъ дѣлъ своихъ! И еще оправдится! Новые еллины посрамятся, какъ посрамились древніе. *Сокрушенные кладенцы* стихійной мудрости, сколько бы ни углубляли ихъ, не дадутъ воды живой (Іер. 2, 13). Безъ Сына не узнаютъ Отца; Его познаетъ токмо тотъ, *емуже аще волитъ Сынъ открыти* (Матѳ. 11, 27); а Сынъ открываетъ Его только со креста.

Но довольно о іудеяхъ и еллинахъ; время обратиться къ тебѣ, истинный христіанинъ. Ты не просишь знаменій, но Господь подаетъ ихъ тебѣ и безъ прошенія. Ты не ищешь мудрости, но она сама приходитъ къ тебѣ. Ты самъ для міра великое знаменіе и великая тайна.

Въ самомъ дѣлѣ, христіанинъ, у тебя отверзты *очеса сердца* (Исаіи 42, 7), кои у всѣхъ людей плотскихъ заключены, и ты видишь суету всего того, что въ мірѣ велико и славно, видишь и *вмѣняешь въ уметы, да Христа пріобрящеши* (Филип. 3, 8): не знаменіе ли это? Для тебя не существуетъ страха смерти, такъ что ты, *если пойдешь посредѣ сѣни смертной, не убоишися зла* (Псал. 22, 4): не знаменіе ли это? Ты находишь пищу и сладость въ томъ, что для міролюбцевъ составляетъ скуку и тяжесть, и напротивъ скучаешь и тяготишься тѣмъ, за чѣмъ они гоняются всю жизнь: не знаменіе ли это? Ты по временамъ чувствуешь въ себѣ *силы грядущаго вѣка* (Евр. 6, 5), воспаряешь духомъ надъ всѣмъ міромъ, бываешь единъ съ Тѣмъ, *Его же возлюби душа твоя* (Пѣсн. Пѣс. 3, 1): не знаменіе ли это?

Не можетъ быть, чтобъ ты былъ и безъ мудрости. О, Господь умѣетъ просвѣщать и наставлять тѣхъ, кои умѣютъ слушать Его и готовы исполнять слышанное. Безъ сомнѣнія, ты не разъ слышалъ уже, внутрь себя, Того Наставника, Который творитъ изъ рыбарей Апостоловъ. А можетъ быть, уже пріялъ и то помазаніе отъ Святаго, которое пріем-

шіи не требуютъ, *да кто учитъ ихъ;* ибо само *помазаніе учитъ ихъ всему* (1 Іоан. 2, 20, 27).

Какъ же бы ты, христіанинъ, послѣ сего, усомнился въ томъ, что распятый Господь есть подлинно Божія *сила, премудрость, правда, освященіе и избавленіе во спасеніе всякому вѣрующему* (1 Кор. 1, 24. 30), когда Онъ въ самой вещи давно содѣлался всѣмъ симъ для тебя самого.—Это значило бы сомнѣваться въ собственномъ умѣ, который есть *Христовъ* (1 Кор. 2, 16), въ собственномъ сердцѣ, которое Христово (Еф. 3, 17), въ собственной жизни, которая *Христова* (Кол. 3, 4).

А если, возлюбленный, Христосъ не содѣлался для тебя всѣмъ симъ, если христіанство твое не обратилось въ твою жизнь, если вѣра твоя состоитъ въ словахъ, поклоненіяхъ или преходящихъ чувствахъ, то да будетъ вѣдомо тебѣ, ты не многимъ разнишься отъ іудея и еллина. Какая польза, что у тебя въ рукахъ драгоцѣнное сокровище, когда ты не употребляешь его, и остаешься нищимъ попрежнему? Что предъ очами твоими отличное врачевство отъ всѣхъ недуговъ, когда ты не принимаешь его, и по тому самому продолжаешь страдать смертельно? Христосъ спасаетъ всѣхъ насъ, но не тогда, какъ остается только въ Евангеліи, или на плащаницѣ, или на небѣ, а когда входитъ въ наше сердце, соединяется съ нашимъ духомъ и дѣлается началомъ всей нашей жизни и всѣхъ дѣйствій. Размысли объ этомъ у сего гроба! Аминь.

Слово въ Великую Субботу.

Думали ли мы, братіе, когда-нибудь о томъ, что всѣ мы уже были во гробѣ, и что надъ каждымъ изъ насъ совершено уже погребеніе? По крайней мѣрѣ, помыслимъ о семъ теперь, у сего гроба. Ибо въ немъ, именно, въ семъ гробѣ были погребены всѣ мы.

Какъ это и когда?—Въ крещеніи, отвѣчаетъ Апостолъ. *Ибо елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся: спогребохомся Ему крещеніемъ въ смерть; да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ* (Рим. 6, 3. 4).

Креститься въ смерть! Спогребаться въ смерть! Ахъ, братіе, какъ ни изъяснять слова сіи, все они чрезвычайно сильны и разительны. И смерть человѣка есть нѣчто весьма важное, тѣмъ паче смерть Богочеловѣка. И мы всѣ крестились *въ сію* смерть! Всѣ погребались въ *сію* смерть!...

Откуда сіе дивно-ужасное крещеніе? Для чего сіе непостижимо - Божественное спогребеніе? — Почему купель наша была гробомъ, и гробомъ Христовымъ?

Чтобы яснѣе уразумѣть сіе, братіе, для сего должно обратить вниманіе на цѣль нашего крещенія.

Для чего мы крещаемся?—*Во оставленіе грѣховъ*, отвѣтствуетъ сама Церковь. То-есть, изъясняя ту же мысль раздѣльнѣе, мы крещаемся для освященія оскверненнаго грѣхомъ естества нашего, для возстановленія въ немъ образа Божія, для возвращенія ему первобытной невинности и способности къ добродѣтели и блаженству. Но что очищаетъ и освящаетъ насъ въ крещеніи? — Ужели вода, коею омываемся въ купели? Но водою можетъ очищаться токмо тѣло, и то по наружности, а не душа, не совѣсть, не умъ и воля. Для души, оскверненной грѣхомъ, для духа, ниспадшаго въ бездну зла, потребно очищеніе высшее, внутреннѣйшее, духовное. И оно совершается въ крещеніи;— иначе для чего бы совершалось само крещеніе? Что же производитъ его, если не можетъ произвести вода?—Производитъ всеосвящающая кровь Богочеловѣка. Насъ очищаетъ купель потому, что въ водѣ сокрыта благодать Духа, низведенная на землю воплощеніемъ Сына Божія; намъ оставляются при крещеніи грѣхи потому, что за сіи грѣхи принесена жертва на крестѣ; мы выходимъ изъ купели чадами Божіими съ правомъ наслѣдовать жизнь вѣчную потому, что въ купели облеклись вѣрою въ заслуги Искупителя, Коему принадлежатъ всѣ блага жизни вѣчной. Такимъ образомъ, крещаясь во оставленіе грѣховъ, мы видимо погружаемся въ воду, а невидимо въ смерть и кровь Христову, въ благодать Духа Святаго. И сіе-то невидимое погруженіе содѣлываетъ такъ дѣйствительнымъ видимое крещеніе водою, которое само по себѣ не имѣло бы никакого дѣйствія на душу. Удалите отъ купели вѣру въ Распятаго: вмѣстѣ съ нею удалится благодать; а посему не будетъ никакого оставленія грѣховъ, отнимите крестъ, и не станетъ крещенія.

Сіе-то самое выражаетъ, братіе, Апостолъ, когда говоритъ, что мы *крещаемся въ смерть Христову*. Но можно креститься въ смерть, не раздѣляя сей смерти. — Христіанинъ не такъ крестится въ смерть своего Господа: погружаясь въ смерть сію, онъ самъ умираетъ, или, по выраженію Апостола, *спогребается Христу*. Спогребеніе сіе весьма явственно выражается уже для чувственнаго ока погруженіемъ крещаемаго въ водѣ. Погружаясь, мы сокрываемся отъ міра, какъ бы престаемъ на нѣкоторое время существовать— *погребаемся:* и напротивъ, выходя изъ воды, мы являемся вновь, — начинаемъ какъ бы существовать — *воскресаемъ*. Это, говорю, видитъ самый глазъ; но это одинъ символъ: на самомъ дѣлѣ въ крещеніи при видимомъ, образномъ погребеніи въ водѣ тѣла, происходитъ погребеніе невидимое, дѣйствительное, объемлющее всего человѣка, оставляющее неизгладимые слѣды на всю жизнь, временную и вѣчную. Чтобы совершенно уразумѣть сіе, вспомнимъ опять, для чего мы крещаемся? — *Во оставленіе грѣховъ*. Итакъ, мы приступаемъ къ купели нечистыми, грѣховными, ветхими, врагами Божіими; а выходимъ изъ нея оправданными, очищенными, чадами Божіими, людьми новыми. Гдѣ же дѣвается нашъ прежній, ветхій человѣкъ?— Остается въ купели. Что съ нимъ тамъ?—Онъ умираетъ и исчезаетъ. Какъ и чьею силою?—Силою креста,—Искупитель и Господь нашъ пріемлетъ въ купели нашей на Себя грѣхи наши, нашу ветхость и смертность, нашего ветхаго человѣка, и уничтожаетъ его силою заслугъ крестныхъ, всемощною благодатію Духа Своего; а намъ вмѣсто сего даруетъ Свою правду, Свою жизнь, Свои силы и права на безсмертіе и славу; посему мы и выходимъ изъ купели людьми новыми. Если бы въ купели нашей не происходило сей спасительной перемѣны, еслибы Искупитель нашъ не встрѣчалъ насъ въ ней такимъ чудеснымъ образомъ, если бы мы не умирали тамъ, и не воскресали съ Нимъ, то купель наша не была бы гробомъ для нашего ветхаго человѣка; погружаясь со грѣхами, мы и выходили бы изъ воды со грѣхами. Съ другой стороны, Искупитель нашъ не имѣлъ бы, такъ сказать, права принимать въ купели на Себя наши грѣхи, и отдавать намъ Свою праведность, снимать съ насъ проклятіе, и облекать насъ благословеніемъ,—если бы Онъ

на Голгоѳѣ не умеръ за насъ, не удовлетворилъ за грѣхи наши правосудію Божію, не понесъ на Себѣ нашей казни, не заслужилъ за насъ всѣхъ правъ на жизнь вѣчную, и такимъ образомъ не стяжалъ Себѣ права усвоять наслѣдіе жизни вѣчной тѣмъ, кои вѣруютъ во имя Его и живутъ по заповѣдямъ Его, каковы должны быть всѣ крещаемые. Такимъ образомъ въ купели, при погруженіи нашемъ, происходитъ погребеніе нашего ветхаго человѣка; потому что мы погружаемся не одни, а со Христомъ, его умерщвляющимъ; погружаемся не въ одну воду, а и въ кровь Его, не погребаемся токмо, а спогребаемся. И все сіе производитъ вѣра.—Вѣрою наши грѣхи съемлются съ насъ, и возлагаются на нашего Искупителя; вѣрою Его правда взимается отъ Него и усвояется намъ; по вѣрѣ мы умираемъ и воскресаемъ предъ судомъ правды Божіей, въ лицѣ нашего Ходатая. Удалите вѣру отъ крещенія, и не будетъ спогребенія Христу, а безъ спогребенія не будетъ и погребенія ветхаго человѣка, а безъ сего погребенія не произойдетъ и духовнаго обновленія и воскресенія. Останется одно простое погруженіе—символъ для глазъ, но не будетъ силы для духа, дѣйствія для сердца, таинства для жизни вѣчной.

Надѣюсь, братіе, что теперь для каждаго изъ насъ сосовершенно ясна сила словъ Апостольскихъ: *погружатися въ смерть, погребатися въ смерть Христову,* а вмѣстѣ съ симъ ясно и то, почему гробъ Христовъ есть всемірная купель, равно какъ купель наша есть гробъ Христовъ.

Но, братіе, христіанство не *въ словеси, а въ силѣ,* не въ понятіи, а въ дѣлѣ. Истины, о коихъ мы бесѣдовали, таковы, что должны обнимать и проникать все существо наше, выражаться во всей жизни нашей. И для сего не требуется даже раздѣльнаго понятія тѣхъ отношеній, въ коихъ находится наше крещеніе къ смерти Христовой: довольно простой вѣры въ крестъ Христовъ, простой вѣрности тѣмъ обѣтамъ, кои даны при крещеніи. Кто не понимаетъ сихъ обѣтовъ, если только не забылъ ихъ по небреженію, совершенно непростительному? Итакъ, братіе, позвольте, отъ имени почивающаго во гробѣ Господа, вопросить васъ: ощущаете ли вы въ себѣ плоды таинства крещенія въ смерть Христову,—драгоцѣнные плоды того дивнаго завѣта на жизнь и смерть, который при купели заключенъ съ Господомъ и

Спасителемъ нашимъ? Если мы вѣрны сему Божественному завѣту, то онъ долженъ произвести въ насъ многое: долженъ доставить миръ нашей совѣсти, свѣтъ уму, чистоту сердцу, святость жизни; долженъ исправить и усовершить весь образъ мыслей и чувствъ, освятить всѣ наши отношенія и связи, содѣлать насъ людьми новыми, угодными предъ Богомъ и человѣками, достойными благословенія на землѣ и на небѣ, вознесенными надъ всѣми превратностями міра и жизни. Долженъ, говорю, ибо кровь Христа, въ которую мы погружались въ купели, не можетъ быть безплодною. Господь не напрасно восшелъ на крестъ и нисшелъ во гробъ: не напрасно низходилъ и въ нашу купель и спогребался въ ней съ нами; плодомъ сего должна быть жизнь вѣчная, которая во всей славѣ раскроется въ вѣчности, но во всей силѣ должна раскрыться здѣсь, въ продолженіе нашей земной жизни. Такъ ли, братіе, на самомъ дѣлѣ? Навсегда ли остался погребеннымъ въ купели ветхій человѣкъ нашъ съ его страстями и похотями? Не воскресъ ли онъ, и не дѣйствуетъ ли въ насъ самовластно? И не погребенъ ли, вмѣсто его, человѣкъ новый, съ коимъ мы вышли изъ купели? Не должно быть, братіе, трудно отвѣчать на сіи вопросы. Смерть и воскресеніе не такіе предметы, кои можно не видѣть, не узнать или сокрыть. Умершій Христосъ былъ видѣнъ всѣми; самые враги Его признавали Его мертвымъ. Такъ ли съ нами?—Сказалъ ли хотя одинъ человѣкъ о насъ, что мы мертвы для міра и грѣха? Чувствовали ли мы когда-либо это сами—въ своей совѣсти? Воскресшій Христосъ былъ видѣнъ многими; Онъ давалъ Себя даже осязать невѣрующимъ. Такъ ли, братіе, съ нами? Можемъ ли мы сказать людямъ, невѣрующимъ въ силу крещенія, въ благодать обновленія, то, что говорили нѣкогда христіане язычникамъ: *пріидите и посмотрите на сіе обновленіе въ жизни крещенныхъ въ ихъ благихъ дѣлахъ и непорочности нравовъ* (Апол. Тертул.). По крайней мѣрѣ, спогребшись Христу въ крещеніи, *хотя начинали-ль* мы ходить въ обновленіи жизни, отъ Него принятой? Не стоимъ ли, вмѣсто того, совершенно праздны на пути ко спасенію; не сидимъ ли безпечно на сѣдалищѣ губителей; не лежимъ ли, и не спимъ ли въ блатѣ чувственности? Предложу и и еще одинъ вопросъ: помнимъ ли, по крайней мѣрѣ, что

мы когда-то крещены въ смерть Христову, что бѣлая одежда, въ которую облекли насъ по выходѣ изъ купели, была сдѣлана изъ плащаницы нашего Господа? Увы, какъ много христіанъ, не могущихъ дать утвердительнаго отвѣта и на сей послѣдній вопросъ! Боже мой, что же значитъ наше христіанство, если мы не помнимъ, въ кого и во что мы крестились?

Величіе гроба Христова не умалится, братіе, отъ нашей неблагодарности: Господь останется владыкою неба и земли при всѣхъ нашихъ измѣнахъ Ему; но что будетъ съ нами, если мы, потерявъ благодать нашего крещенія, не возвратимъ оной чрезъ покаяніе? — Всеосвящающая кровь Завѣта, вмѣсто того, чтобы ходатайствовать за насъ, не возопіетъ ли противу насъ, и не будетъ ли просить отмщенія? Итакъ, поспѣшимъ, доколѣ есть время снова окреститься слезами истиннаго покаянія; поспѣшимъ очиститься кровію Завѣта, доколѣ она не престала течь изъ Божественныхъ язвъ. Онъ зоветъ весь день, всю жизнь нашу, простирая къ намъ руки со креста, и мы не внемлемъ и не приходимъ: будетъ время, когда и къ Нему воззовутъ, и Онъ не услышитъ тѣхъ, кои не внимали ему. Да не останемся въ числѣ послѣднихъ!—Аминь.

Слово въ Великую Субботу.

На крестѣ Господа, братіе, положена была, какъ извѣстно, надпись на разныхъ языкахъ, а на гробѣ Господнемъ нѣтъ ни на одномъ языкѣ. Между тѣмъ, скорѣе могъ оставаться безъ надписи крестъ Господа, нежели гробъ.

Но что же надписать на немъ, и кто надпишетъ? Обыкновеннаго *писала человѣческаго* здѣсь мало: нужна или трость Пророка, или перо Евангелиста и Апостола. Итакъ, обратимся къ св. писателямъ, и поищемъ у нихъ приличной надписи: писавъ столь много для подобныхъ себѣ людей, для насъ грѣшниковъ, они тѣмъ паче не откажутся дать нѣсколько словъ для своего и нашего Господа.

И, во-первыхъ, не поможетъ ли нашей скудости, первый изъ всѣхъ св. писателей, Моисей?—Кто такъ вѣрно описалъ судьбу Адама перваго, тотъ не могъ не знать, что будетъ

и съ Адамомъ вторымъ. Св. Церковь не напрасно въ нынѣшнихъ стихирахъ сама обращается къ Моисею и заимствуетъ у него знаменательныя слова его о успокоеніи Бога въ день седмый, послѣ шести дней творенія. *И почи въ день седмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ* (Быт. 2, 2), весьма прилично сказать и о нынѣшнемъ покоѣ Господа. Въ гробѣ Іосифовомъ точно почивалъ Самъ Богъ, и почивалъ въ день седмый. Этой истины не могъ затмить никто: ни синедріонъ съ первосвященниками, ни кесари съ огнемъ и мечомъ, ни философы съ сомнѣніями и невѣріемъ, ни еретики съ своимъ упорствомъ и хитросплетеніями. Вся вселенная узнала и исповѣдала Бога истиннаго въ Томъ, Кого самъ Іосифъ погребалъ яко человѣка. Итакъ въ семъ гробѣ *паки почи Самъ Богъ, въ день седмый,*—только не отъ всѣхъ дѣлъ, а отъ одного великаго дѣла Голгоѳскаго. Правда, что въ этомъ дѣлѣ заключено все; но это *все* надобно привести въ дѣйствіе и осуществить: а отсюда сколько новыхъ дѣлъ!—Надобно подъ землею извести узниковъ изъ ада (1 Петр. 3, 19), а на землѣ извести изъ сомнѣнія Апостоловъ (Лук. 34, 41); надобно вознестись на небо, послать Духа Святаго, и управлять Церковію, доколѣ положатся всѣ враги въ подножіе ногъ. Когда исполнятся *лѣта устроенія всѣхъ* (Дѣян. 3, 21), когда предастся *царство* благодати *Богу Отцу* (1 Кор. 15, 24); тогда уже не прежде, почіетъ Сынъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ. тогда наступитъ для Него суббота вѣчная и нескончаемая. Итакъ. надпись Моисея весьма хороша и прилична, но она пространнѣе гроба Господня: со всею полнотою и силою своею ей надобно явиться не на гробѣ, а на будущемъ престолѣ Господа.

Обратимся къ другимъ Пророкамъ. Они смотрѣли въ будущее еще не существовавшее, и, не смотря на его отдаленность, видѣли многое гораздо лучше насъ, хотя мы смотримъ въ прошедшее, уже совершившееся. Такъ, одинъ изъ нихъ какъ будто стоялъ надъ самымъ гробомъ Господа и видѣлъ Его воскресеніе, когда воскликнулъ: *гдѣ ти, смерте, жало, гдѣ ти, аде, побѣда?* (Ос. 13, 14). Не начертать ли на семъ гробѣ этихъ самыхъ словъ и намъ? Ибо гдѣ смерть потеряла жало свое, какъ не въ гробѣ Господа, и когда адъ проигралъ побѣду, какъ не во время смерти Его?—И какъ чудно произошло то и другое! Тамъ именно все поте-

ряно врагами нашего спасенія, гдѣ они думали все найти. «Пріятъ», говоритъ златословесный витія (въ словѣ, читаемомъ на утрени въ первый день Пасхи) объ адѣ, «тѣло, и Богу приразися, пріятъ землю, и срѣте небо, пріятъ, еже видяше, и впаде, въ еже не видяше». Посему, если гдѣ, то на гробѣ Господа какой-либо Ангелъ могъ возгласить и начертать: *гдѣ ти, смерте, жало, гдѣ ти, аде, побѣда?* Но, Ангелъ, братіе, а не мы! — Смерть и безъ жала для насъ еще столь сильна, что, вслѣдствіе грѣховъ нашихъ, низводитъ каждаго изъ насъ во гробъ. Адъ и съ разрушенными стѣнами и съ упраздненными вратами еще продолжаетъ снова наполняться тѣми, кои, оставивъ царскій тѣсный путь креста, ведущій въ рай, идутъ всю жизнь путемъ широкимъ, коего послѣдняя *зрятъ во дно адово*. Итакъ для Господа время, а для насъ, братіе рано, рано еще воспѣвать отъ своего лица пѣснь побѣды надъ смертію, рано вызывать противъ себя на сраженіе адъ. Поспѣшимъ лучше въ молчаніи удаляться отъ этихъ враговъ, истреблять въ себѣ все тлѣнное, не могущее наслѣдовать царствія Божія, изгонять изъ себя все адское, неспособное быть въ раю. А когда, при помощи вѣры и благодати, пройдемъ безопасно сѣнію смертною, и изыдемъ на онъ-полъ бытія; когда увидимъ, какъ адъ и смерть *ввержены будутъ въ озеро огненное* (Апок. 20, 14); тогда въ честь Спасителя нашего вмѣстѣ со всѣми Святыми, не преминемъ воскликнуть: *гдѣ ти, смерте, жало, гдѣ ти, аде, побѣда?*

За Пророками слѣдуютъ Евангелисты. Въ Евангеліи Іоанновомъ есть прекрасныя слова для надписи надъ гробомъ любимаго имъ Учителя и Господа. *Тако,* говорится въ немъ, *возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ, вѣруяй въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16). Слова сіи, думаю, приходили самому Іоанну на память, когда онъ стоялъ въ вертоградѣ Іосифовомъ и смотрѣлъ, какъ погребается Сынъ Божій. Въ гробѣ Іисусовомъ болѣе любви Божіей къ міру, нежели въ цѣломъ мірѣ. Тутъ наиболѣе познаемъ, что Самъ Богъ нашъ *любы есть!* (1 Іоан. 4, 8). Одно неудобство, если употребить слова Іоанновы вмѣсто надписи: ими сказывается, что сдѣлано въ смерти Господа для насъ, а не указывается того, что, вслѣдствіе ея, надобно дѣлать намъ. А ужели, братіе,

когда Господь почиваетъ во гробѣ, намъ должно возлечь на ложахъ своихъ?—Правда, и мы трудились, много трудились, измышляя и дѣлая для Него, грѣхами своими, крестъ и гробъ, но за этимъ трудомъ слѣдуетъ не покой, а терніе и волчцы. Отъ него не воскресеніе, а смерть вѣчная. Для разрушенія этого-то труда грѣховъ нашихъ, сошелъ на землю и во гробъ Самъ Сынъ Божій.

Поищемъ такой надписи, которая бы показывала, и что для насъ Господь во гробѣ, и чѣмъ намъ должно быть для Него—до гроба. Много ищемъ; но гдѣ же и быть всеобъемлющей надписи, какъ не на всеобъемлющемъ гробѣ?—Мы спрашивали многихъ; но есть еще одинъ человѣкъ, который долженъ знать о смерти Господа едва ли не болѣе всѣхъ, ибо онъ, — если вѣрить ему, а не вѣрить нельзя, поелику онъ имѣлъ *умъ Христовъ* (1 Кор. 2, 16),—не стоялъ только, духомъ или тѣломъ, у креста и гроба Христова, а былъ *на крестѣ* (Гал. 6, 14) *и въ гробѣ* (Рим. 6, 2, 4), со Христомъ умеръ и со Христомъ воскресъ, и по тому самому такъ тѣсно соединился съ Нимъ, что и на землѣ еще жилъ уже не онъ самъ, *а жилъ въ немъ Христосъ* (Гал. 2, 20). Уже по сему описанію вы можете гадать, что я имѣю въ виду св. Павла. Онъ весьма много писалъ о крестѣ и смерти Господа, но однажды написалъ то, что на него самого подѣйствовало такъ чрезвычайно, что онъ не могъ сокрыть сего дѣйствія и воскликнулъ: *любовь Божія обдержитъ насъ*, то-есть, объемлетъ, наполняетъ, увлекаетъ *суждшихъ сіе!*— Что же суждшихъ? *Аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша. Христосъ же за всѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ, по умершему за нихъ и воскресшему* (2 Кор. 5, 14, 15). Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ слова сіи кажутся содержащими все, чего мы ищемъ; это самая полная, и лучшая надпись для гроба Христова.—Углубимся въ смыслъ ея, и. можетъ быть, мы сами, не смотря на хладность сердецъ нашихъ, скажемъ съ Апостоломъ: *любы Божія обдержитъ и насъ, суждшихъ сіе же самое!*

Аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша. Было время, братіе, когда некому было умирать; когда и самой смерти не было. Весь родъ человѣческій заключался тогда въ одномъ человѣкѣ, отъ судьбы коего по тому самому зависѣлъ жребій всѣхъ человѣковъ. Если бы сей — *вселенскій*

человѣкъ устоялъ въ жизни временной, долженствовавшей обратиться въ вѣчную, то и мы всѣ, потомки его, ничего не знали бы, кромѣ жизни. Но лукавое обаяніе змія-губителя совратило *невиннаго* и потому легковѣрнаго съ пути безсмертія: вмѣсто того, чтобъ принять жизнь *даруемую*, онъ восхотѣлъ открыть въ самомъ себѣ источникъ жизни *не заемлемой;* покусился на непринадлежащее и невозможное, и погубилъ то, что имѣлъ и могъ имѣть. Послѣдовала смерть сначала духовная, а потомъ тѣлесная. Владычеству ея подвергся, повидимому, одинъ человѣкъ, между тѣмъ ею умерло все человѣчество, ибо въ этомъ *единомъ* человѣкѣ были всѣ человѣки: что произошло съ нимъ, того не могло уже не произойти со всѣми нами. Такимъ образомъ, вотъ когда еще осуществился законъ, изреченный Апостоломъ: *аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша!*—Адамъ за всѣхъ насъ *умре,* потому и мы всѣ умираемъ, или, точнѣе сказать, уже умерли, ибо ни въ комъ изъ насъ нѣтъ первоначальной жизни, а только остатки, тѣнь ея.—Сколько ни являлось отъ Адама на свѣтѣ людей,—всѣ, происходя отъ *единаго* грѣшника, были сами грѣшники; раждаясь отъ единаго смертнаго, были и сами смертные. Единъ согрѣшилъ, и всѣ согрѣшили! Единъ умре, и вси умроша! Таковъ законъ естества!

Что было дѣлать любви Божіей къ людямъ, при такомъ положеніи всего человѣчества?—Какъ спасти погибающихъ, не нарушивъ единства ихъ происхожденія и самой непреложности закона, вслѣдствіе коего они погибали?—По премудрости своей, любовь Божія умыслила обратиться для сего къ тому же самому закону, и обратить его во спасеніе поражаемыхъ имъ. Положено, чтобы кто-либо снова одинъ за всѣхъ выполнилъ правду, дабы, такимъ образомъ, всѣ оправдались, чтобы снова кто-либо одинъ за всѣхъ умеръ, дабы, такимъ образомъ, освободить отъ смерти всѣхъ.

Средство къ спасенію самое естественное; но кто могъ привести его въ дѣйствіе? Кто былъ въ состояніи умереть за всѣхъ?—Кровь животныхъ лилась рѣками въ жертвахъ; но они всѣ смертію своею не могли замѣнить смерти и одного человѣка, тѣмъ паче всего человѣчества. Изъ людей никто не могъ умереть за всѣхъ уже потому, что каждый долженъ умереть за самого себя. Изъ Ангеловъ, можетъ быть, каждый съ радостью согласился бы умереть за людей; но Ан-

гелы не умираютъ; и смерть Ангела, какъ существа ограниченнаго (если бы онъ и могъ умереть), не могла удовлетворить за оскорбленіе безпредѣльнаго величества Творца. Такимъ образомъ, для спасенія нашего требовалось токмо *Единаго;* но сего Единаго не было ни на землѣ, ни на небѣ, между существами сотворенными.

Гдѣ же нашелся? Въ Богѣ, въ Тріипостасномъ Совѣтѣ. Узрѣлъ насъ въ оковахъ грѣха и смерти, въ плѣну и рабствѣ у діавола Сынъ Божій, узрѣлъ, и, какъ первородный *Сынъ любви* (Кол. 1, 13), не стерпѣлъ видѣть погибель меньшихъ братій Своихъ. *Се иду сотворити волю Твою, Боже* (Псал. 39, 8, 9), то-есть, умереть за всѣхъ,—изрекъ Онъ тотчасъ по паденіи Адама, и съ тѣхъ самыхъ поръ началъ дѣйствовать, какъ второй Адамъ, какъ полный представитель и глава рода человѣческаго, долженствующій спасти все, погубленное Адамомъ первымъ. Поелику спасеніе сіе, главнымъ образомъ, заключалось въ будущей смерти Ходатая нашего за всѣхъ насъ, то смерть сія въ продолженіе многихъ вѣковъ составляла средоточіе и цѣль всѣхъ благодатныхъ распоряженій. Ее изображали всѣ жертвы ветхозавѣтныя, она живописалась въ символахъ и видѣніяхъ; о ней глаголали Пророки. Наконецъ,—является Самъ Великій Первосвященникъ; пріятіемъ на Себя естества нашего, *пріобщается пріискреннѣ плоти и крови* (Евр. 2, 14) нашей, выдерживаетъ въ самомъ началѣ служенія Своего, яко второй Адамъ, новое троекратное искушеніе діавола (Матѳ. 4, 1—10), и вознаградивъ, такимъ образомъ, Эдемское преслушаніе, преподавъ потомъ въ жизни Свой примѣръ всѣхъ добродѣтелей, умираетъ, наконецъ, на Голгоѳѣ за все человѣчество, — невинный и безгрѣшный за виновныхъ, безсмертный за смертныхъ, — умираетъ, и ужасный законъ: *аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша*, дѣйствовавшій противу насъ, начинаетъ дѣйствовать за насъ. Ибо чего требовалось? Смерти:—и мы умерли въ лицѣ Ходатая нашего. *Оброкъ грѣха смерть* (Рим. 6, 23), — заплаченъ сполна; дань преслушанія, жизнь—отдана безъ удержанія. За одно и то же не платятъ дважды, не наказываютъ въ другой разъ, а мы совершенно оплачены, и потому совершенно наказаны, и потому совершенно свободны. Теперь правосудіе Божіе, по выраженію Пророка, поищетъ

насъ, и не обрящетъ; насъ нѣтъ для него, мы умерли и погребены, мы—во гробѣ Господа. *Аще единъ за всѣхъ умре: то убо вси умроша; Христосъ же за всѣхъ умре.*

Видите, братіе, силу изреченія Апостольскаго, или паче силу смерти Христовой. Это смерть наша!—Если мы умираемъ теперь, то мы умираемъ не такъ, какъ умирали бы прежде: не навсегда, а на время, съ надеждою воскресенія, не столько въ наказаніе, сколько для окончательнаго очищенія, посредствомъ смерти нашего духа и тѣла. И все это потому, что Спаситель нашъ смертію Своею освободилъ насъ отъ ига вѣчной смерти; потому что — *аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша.*

Заключеніе самое справедливое и неизбѣжное! Но столь же справедливо, братіе, и то, что если во Христѣ *вси умроша,* то всѣмъ и надобно поступать какъ умершимъ. Посему, если бы кто спросилъ, что значитъ христіанинъ, ему можно было бы отвѣчать: христіанинъ есть мертвецъ, то-есть для грѣха и міра.

Дѣйствуетъ ли мертвый? Въ этомъ мірѣ нисколько. Онъ имѣетъ глаза: покажите ему всѣ красоты рая, онъ и не взглянетъ на нихъ; у него есть руки: но разсыпьте предъ нимъ всѣ сокровища міра, онъ не простретъ къ нимъ перста; у него есть ноги: но вы не подвигнете его, чѣмъ бы ни возбуждали, и къ чему бы ни призывали. Таковы мертвые!—Таковъ и христіанинъ истинный! Таковымъ должно быть и всѣмъ намъ, ибо мы всѣ равно умерли во Христѣ. Поступая иначе, живя для міра, плоти и грѣха, мы не только оскорбляемъ Спасителя нашего, за насъ умершаго, но и поступаемъ вопреки собственному благу. Ибо, въ такомъ случаѣ, смерть Христова нисколько уже не принадлежитъ намъ, и снова живы для правды Божіей, снова подъ гнѣвомъ небеснымъ.

Чтобы приблизить сію важную истину къ самому ограниченному разумѣнію, употребимъ одно сравненіе. Представьте, что какой-либо человѣкъ, вслѣдствіе тяжкаго преступленія, напримѣръ, измѣны отечеству, подвергся осужденію на смерть. Вообразите вмѣстѣ съ симъ, что другой человѣкъ, по любви къ несчастному, рѣшившись умереть за него, чтобъ успѣшнѣе сдѣлать это, принимаетъ его имя званіе, все, что можно, а ему отдаетъ все свое, и, такимъ

образомъ, подвергается казни. Что должно дѣлать преступнику, спасенному отъ смерти, для дальнѣйшаго своего спасенія? Должно оставить употребленіе прежняго своего имени, перемѣнить свое званіе, привычки, отношенія, все, подъ чѣмъ онъ прежде былъ извѣстенъ, и начать жить подъ именемъ, видомъ и званіемъ новыми,—тѣми самыми, кои уступлены ему умершимъ за него другомъ. Этого требуетъ необходимость. Что же бы вы подумали, когда бы увидѣли, что сей несчастный человѣкъ не дорожитъ новымъ именемъ и званіемъ, небрежно употребляетъ старое имя, живетъ какъ жилъ прежде и, къ довершенію зла, снова замышляетъ измѣны и заводитъ бунты? Другаго нельзя и думать въ семъ случаѣ, кромѣ того, что несчастный потерялъ умъ и ищетъ собственной погибели.

Но такъ же точно, то-есть, безумно и пагубно, поступаетъ христіанинъ, когда, въ надеждѣ на смерть и заслуги Христовы. предается жизни беззаконной. Сынъ Божій принялъ на Себя всѣ грѣхи его, всю отвѣтственность предъ правдою Божіею, понесъ казнь, имъ заслуженную, и даровалъ ему новое Свое имя и Свою правду, но на какомъ необходимомъ условіи? На томъ, что онъ не будетъ болѣе тѣмъ, чѣмъ былъ—грѣшникомъ, забудетъ все преступное и богопротивное, *совлечется ветхаго человѣка со всѣми его похотями и дѣяніями* (Колос. 3, 9; Еф. 4, 22), станетъ ходить *въ обновленіи жизни* (Рим. 6, 4), ему дарованной, содѣлается человѣкомъ *новымъ* (Колос. 3, 10), *созданнымъ по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Ефес. 4. 24).

Но, если искупленный грѣшникъ, забывъ благодарность и собственное благо, не думаетъ объ исполненіи сего необходимаго условія, если вмѣсто того, чтобъ усвоять себѣ страданія своего Искупителя, быть мертвымъ для грѣха и соблазновъ его, а живымъ для Бога и Его правды, продолжаетъ быть мертвымъ для Бога, а живымъ для грѣха, то его *судъ написанъ* (Псал. 149, 9); надъ нимъ нѣтъ покрова заслугъ Христовыхъ; онъ не можетъ участвовать въ плодахъ смерти Господа, ибо не участвуетъ сердцемъ въ самой смерти; оживъ для грѣха, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ожилъ и для правосудія небеснаго, которое не можетъ не преслѣдовать въ немъ преступника закона, врага Бога и человѣковъ.

Памятуя сіе, братіе, будемъ жить такъ, какъ живутъ люди, спасенные отъ казни на извѣстныхъ условіяхъ. Условія сіи бываютъ для нихъ важнѣе всего въ жизни. Таковыми должны быть для насъ условія нашего спасенія, смерти Христовой. Всѣ они заключаются въ одномъ: чтобы мы, спасенные, пребывали мертвыми для грѣха, за который осужены были на казнь, а живыми для Бога, съ Коимъ примирены и соединены смертію Христовою. Будемъ же дорожить симъ условіемъ, какъ самымъ спасеніемъ. Ибо только при исполненіи его, *аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша* (2 Кор. 5, 14), а безъ него, хотя бы всѣ за насъ умерли, не спасутъ изъ насъ ни одного.

Таковъ смыслъ и такова сила надписи Павловой, избранной нами для гроба Христова. Не думаю, чтобы кто-либо пожелалъ лучшей. Дай Богъ выполнить всѣмъ намъ хотя эту надпись, и чтобъ она обратилась въ приговоръ на насъ!—Но гдѣ напишемъ ее? Истинный гробъ Господа въ Іерусалимѣ: предъ нами одна плащаница, слабое изображеніе его. Итакъ, напишемъ сію надпись на сердцахъ нашихъ. Если тамъ еще не почивалъ распятый Господь, то рано или поздно, для спасенія нашего, долженъ опочить въ нихъ. А если бы и воскресъ уже въ чьемъ-либо сердцѣ, то все надпись Павлова не будетъ излишнею, ибо самое воскресеніе Христово усвояется нами не другимъ чѣмъ, какъ участіемъ въ смерти Его. Аминь.

СВѢТЛАЯ СЕДМИЦА

Востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ (Еф. 5, 14)

Поученія на литургіи въ первый день Пасхи.

I.

Христосъ воскресе!

Очемъ молились мы въ продолженіе святыя Четыредесятницы, и чего просили у нашего Господа, то самое нынѣ вполнѣ даровано намъ Его благодатію: мы достигли въ пречестные дни страданій Христовыхъ и теперь покланяемся святому и славному воскресенію Его!—Радостенъ, братіе, праздникъ сей и на землѣ, какъ же свѣтелъ и торжественъ онъ долженъ быть на небѣ!—О, если бы всѣмъ намъ достигнуть такимъ же образомъ и того блаженнаго дня воскресенія, причаститься и той невечерней Пасхи въ царствіи Отца небеснаго, коимъ не будетъ уже конца!—Но, мы достигнемъ, непремѣнно и всѣ достигнемъ сего блаженства, если на всю земную жизнь нашу будемъ взирать, какъ на святую Четыредесятницу,—какъ на приготовленіе къ великому дню всеобщаго воскресенія.

Кто можетъ теперь для вѣрныхъ рабовъ Господа затворить двери жизни вѣчныя, кои отверзъ *Онъ?* Кто можетъ похитить насъ изъ рукъ *Его*—Всемогущаго? (Іоан. 10, 28). Развѣ мало цѣны уплачено за насъ? Развѣ не вся кровь пролита на крестѣ? Не весь духъ преданъ Отцу? Теперь не только любовь, самая слава Спасителя нашего требуетъ, чтобы мы были спасены.—Правда, что у насъ, какъ и у Него, много злобныхъ и сильныхъ враговъ, но на Голгоѳѣ истощены и

попраны всѣ силы ада; и намъ при помощи благодати, остается теперь не столько сражаться со врагами, сколько преслѣдовать ихъ, пораженныхъ, и собирать плоды побѣды.—Станетъ ли противу насъ міръ? Онъ побѣжденъ въ лицѣ самого князя міра; *и побѣда, побѣдившая міръ* (1 Іоан. 5, 4),—смерть и заслуги Искупителя нашего, вся досталась намъ: живою вѣрою въ крестъ Его, какъ щитомъ, отразятся всѣ соблазны міра. Будетъ ли измѣнять плоть?—Она немощна и долупреклонна; но бдѣніе и молитва могутъ на крылахъ своихъ и эту тяжесть поднять отъ земли и заставить стремиться къ небу. Противъ плоти и крови бренной и грѣховной, мы имѣемъ теперь Тѣло и Кровь Божественныя, коими питаемся въ Евхаристіи. Притомъ Духъ благодати, ниспосланный намъ воскресшимъ Господомъ, есть духъ крѣпости и силы; если стяжавъ, не будемъ угашать его, то предъ нами сокрушатся всѣ забрала плотскихъ искушеній. Дерзнетъ ли наконецъ стать на пути нашемъ къ небу самъ князь тьмы? И онъ станетъ на одну свою погибель, ибо пораженъ уже во главу крестомъ. Это теперь такой драконъ, на коего, по выраженію Пророка, безопасно можетъ налагать руку и *малое дитя* (Исаіи 11, 8),—младенецъ во Христѣ. Если онъ и въ насъ не будетъ имѣть *ничего своего,* какъ не имѣлъ *ничего своего* въ нашемъ Спасителѣ (Іоан. 14, 30), то всѣ ужасныя рыканія его вокругъ насъ будутъ подобны гласу животнаго, стрегущаго наши домы.—Воскресшимъ Спасителемъ дарованы намъ всѣ *силы, потребныя къ животу и благочестію,*—ниспосланы всѣ средства, необходимыя къ сохраненію себя невредимыми отъ міра, плоти и діавола: послѣ сего, наше спасеніе зависитъ отъ насъ,—отъ нашей вѣрности Спасителю нашему и Его Божественному ученію. Только бы мы не погребали въ землѣ безпечности талантовъ благодати, намъ данныхъ,—*дѣлали дѣло* спасенія своего, *дондеже день есть* (Іоан. 9, 4); а Онъ исполнитъ Свой обѣтъ, будетъ *наставлять насъ* (Іоан. 16, 13) чрезъ слово и Духа Своего на всякую *истину, облечетъ насъ силою свыше* (Лук. 24, 49), и ниспошлетъ въ сердце наше утѣшеніе среди всякой скорби земной. Только бы мы, исшедъ изъ Египта—естественнаго растлѣнія, не обращали паки къ нему лица и сердца своего,—освободившись отъ рабства Фараону—богу вѣка сего, не полагали потомъ сами на себя узъ грѣха;—вступивъ въ пустыню самоотверженія, не останавливались у

водъ прекеканія, не сливали тельцовъ и не покланялись имъ;—а *Онъ* не забудетъ Своего долга,—разсѣетъ предъ лицемъ нашимъ всѣхъ враговъ нашаго спасенія, проведетъ насъ немокренно чрезъ самый Іорданъ—потокъ смерти, и введетъ въ Ханаанъ небесный.

Тягостно, братіе, и притрудно шествіе по пустыни міра для взыскующихъ горняго града:—но земля обѣтованная кипитъ медомъ и млекомъ!—Долги иногда и примрачны шесть дней земнаго дѣланія,—но седмый день покоя вѣчнаго исполненъ веселія неизреченнаго!—Будемъ ли жаловаться на терніе и волчцы, встрѣчающіеся на пути, сами засѣявъ ими всю землю и непрестанно возращая ихъ грѣхами своими?—Отложимъ ли восходить на небо потому только, что надобно идти туда по лѣствицѣ креста? И теперь, въ землѣ изгнанія и бѣдствій, отрадно воспѣвать пѣснь побѣды надъ смертію, хотя побѣда сія еще не усвоена нами: какъ же восхитительно будетъ праздновать великій день обновленія тамъ,—на новой землѣ обѣтованія, гдѣ на радостный гласъ: *Христосъ воскресе!* небо и земля, весь сонмъ творенія будетъ отвѣтствовать: *воистину воскресе!* Поспѣшимъ же, братіе, *туда* духомъ, доколѣ не пришли и плотію! Для чего сидѣть въ бездѣйствіи на рѣкахъ Вавилонскихъ и довольствоваться однимъ воспоминаніемъ горняго отечества? Смотрите! Царскія двери отверзты, и престолъ благодати видѣнъ всякому: это приглашеніе домой, зовъ на вечерю! Поспѣшимъ же, братіе, поспѣшимъ: воскресшій Спаситель призываетъ насъ! Аминь.

II.

Христосъ воскресе!

То-есть, братіе, кто воскресъ?—Тотъ, въ лицѣ Коего, на Голгоѳѣ попраны были всѣ права невинности и человѣчества;—Который развѣ тѣмъ оскорбилъ враговъ истины, что не сотворилъ никакого грѣха, *ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Исаіи 53, 9); Который пришелъ для спасенія самыхъ ожесточенныхъ грѣшниковъ, возлюбилъ насъ всѣхъ любовію вѣчною, безпримѣрною и умеръ за всѣхъ насъ на крестѣ.

Для чего воскресъ?—Дабы засвидѣтельствовать, что ученіе, преподанное Имъ для нашего спасенія, совершенно

истинно,—что жертва, принесенная Имъ за грѣхи всего міра, принята,—что права на царство вѣчное, отъ Него предъ смертію намъ уступленныя, утверждены,—что воля Его, дабы и мы всѣ были тамъ, гдѣ теперь Онъ (Іоан. 12, 26), и видѣли славу Его, будетъ исполнена.

Что должно произойти вслѣдствіе воскресенія нашего Господа?—То, что ни одинъ мертвый не останется въ гробѣ, что для всѣхъ насъ открытъ входъ въ блаженство вѣчное.

Какъ же намъ послѣ сего не радоваться, не торжествовать и не привѣтствовать другъ друга съ симъ воскресеніемъ?—Мы радуемся и веселимся, когда какой-либо присный или другъ нашъ востанетъ съ одра тяжкой болѣзни; а нынѣ единственный Другъ и Спаситель нашъ, Вождь и Глава, Наставникъ и Искупитель нашъ, восталъ изъ гроба!—Мы торжествуемъ, когда сдѣлаемъ какое-либо земное пріобрѣтеніе, получимъ особенное достоинство или почесть; а нынѣ, въ лицѣ воскресшаго Спасителя, намъ возвращено все, потерянное во Адамѣ, величіе чадъ Божіихъ, вручены всѣ права на царство небесное!—Мы привѣтствуемъ другъ друга съ окончаніемъ великихъ опасностей,—язвы, плѣна, осады отъ враговъ, а нынѣ мы всѣ освободились адовыхъ, нерѣшимыхъ узъ!—О, воистину *сей* день, *его же сотвори Господь*, да *возрадуемся и возвеселимся въ онь!* Безъ всякаго преувеличенія, можно сказать, что слава воскресенія Его, Спасителя нашего, болѣе значительна для насъ, нежели для Него. Онъ и безъ воскресенія остался бы возлюбленнымъ Сыномъ Отца, и наслаждался бы у Него славою, которую имѣлъ *прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5); а изъ насъ многіе, безъ воскресенія Его, не знали бы, можетъ быть, навѣрно даже и того, что Онъ не былъ *льстецъ оный* (Матѳ. 27, 63), за котораго хотѣла выдать Его злоба іудеевъ. Какъ же намъ послѣ сего не торжествовать и не пѣть въ честь и славу воскресшаго Господа?

Но чего наипаче, братіе, требуетъ отъ насъ сія святая слава?—Господь и до воскресенія, въ состояніи уничиженія Своего, не всякую принималъ славу. Такъ, Онъ запрещалъ духамъ нечистымъ, когда они хотѣли предъ народомъ исповѣдать Его Сыномъ Божіимъ (Марк. 1, 25); такъ, Онъ уклонился отъ тѣхъ, кои, въ ревности не по разуму, хотѣли *восхитить Его, да сотворятъ себѣ Царемъ* (Іоан. 6, 15),

такъ, Онъ не принялъ даже наименованія *благаго* изъ устъ одного книжника, говоря, что *никто же благъ, токмо единъ Богъ* (Лук. 18, 19). Тѣмъ паче, братіе, по воскресеніи, сѣдя во славѣ одесную Отца, Господь и Спаситель нашъ не всякую пріемлетъ славу.—Въ чемъ же, Господи, дерзнемъ вопросить Тебя, подобно Пророку (Мих. 6, 6), и мы въ чемъ срящемъ Тебя, выходящаго изъ гроба? Срящемъ ли во всесожженіяхъ и жертвахъ? Но Ты еще Пророку изрекъ, что хощешь *милости, а не жертвы, увѣдѣнія Божія паче, нежели всесожженія* (Ос. 6, 6). И что значатъ всѣ наши жертвы послѣ той, которая принесена Тобою за насъ на крестѣ?—Срящемъ ли въ дарахъ и приношеніяхъ? Но и дары Мѵроносицъ остались безъ употребленія у гроба Твоего; самый сударь Іосифовъ и смѵрна и алой Никодимовы оставлены Тобою на землѣ (Іоан. 20, 7).—Срящемъ ли одними поклоненіями и лобызаніями? Но повелительное: *не прикасайся Мнѣ* (Іоан. 20, 17), воспятило поклоненіе самой Магдалины, не растворенное еще духомъ живой вѣры въ Божество Твое. Съ чѣмъ же, Господи, съ чѣмъ срящемъ Тебя? Чѣмъ засвидѣтельствуемъ свою благодарность и любовь къ Тебѣ? Чѣмъ покажемъ, что мы точно Твои, и Ты нашъ?

Аще любите Мя, отвѣтствуетъ намъ Самъ Господь, *заповѣди Моя соблюдите. Имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан. 14, 15. 21). Итакъ, вотъ, братіе, знакъ истинной благодарности Воскресшему: исполненіе заповѣдей Его! Знакъ самый вѣрный, ибо всѣ прочіе знаки могутъ быть обманчивы, а сей — никогда. Вотъ даръ любви, благопріятный для Побѣдителя ада и смерти: постоянное твореніе воли Отца Его, Иже на небесѣхъ! — Даръ не пріемлемый токмо, но и требуемый отъ всѣхъ, для принятія коего распростерты и руцѣ Господа на крестѣ. Вотъ истинное прославленіе имени распятаго Спасителя: хожденіе по стопамъ Его въ чистотѣ и правдѣ,—каковымъ прославленіемъ наиболѣе можетъ прославиться не токмо Онъ, но и мы съ Нимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, если мы въ мысляхъ, чувствахъ и дѣяніяхъ своихъ будемъ постоянно выражать образъ жизни нашего Господа, то симъ самымъ безъ споровъ, безъ труда заградимъ уста всѣмъ врагамъ Его. Іудей, смотря на насъ, скажетъ тогда: «вѣрно въ самомъ дѣлѣ восталъ Христосъ

изъ гроба, а не украденъ учениками, какъ клевещутъ предки наши; ибо, смотри, Онъ живъ въ христіанахъ! Его духъ (и какой Божественный духъ!) дышетъ въ ихъ нравахъ, въ поступкахъ, во всей жизни».—«Вѣрно Христосъ есть Учитель истины, а не пророкъ нашъ», скажетъ, смотря на насъ, магометанинъ: «ибо нашъ пророкъ (такъ величаютъ магометане основателя своего лжевѣрія) не производитъ того въ своихъ послѣдователяхъ; у насъ нѣтъ такой чистоты, мира и любви, такого смиренія и самоотверженія. Все это можетъ происходить у христіанъ токмо отъ Самого Бога, и, вѣрно, Спаситель ихъ — есть Богъ». Самъ князь тьмы съ клевретами своими испытаетъ новое пораженіе во славу нашего Спасителя, если мы, дерзая о имени Воскресшаго, будемъ ходить въ чистотѣ и истинѣ, презирая всѣ козни врага, отражая всѣ его искушенія, попирая всю злобу и гордыню его. Такъ, говорю, прославится воскресшій Господь нашею благою жизнію, а вмѣстѣ съ Нимъ прославимся и мы, ибо таковое прославленіе составитъ наше спасеніе. Напротивъ, братіе, если мы будемъ словами величать Господа, а дѣлами помрачать Его имя и вѣру въ Него, — устами лобызать крестъ и священный хлѣбъ, а руками совершать дѣла непотребныя, то все наше нынѣшнее прославленіе Воскресшаго обратится въ оскорбленіе для Него и въ посрамленіе для насъ: мы будемъ подобны воинамъ Пилатовымъ, кои на словахъ говорили: *радуйся, царю Іудейскій!* (Марк. 15, 18), а на дѣлѣ ударяли Его въ ланиту и били тростію по главѣ. Да не будетъ же, братіе, сего, да не будетъ! Аминь.

III.

Христосъ воскресе!

Такъ, братіе, Онъ воскресъ!—Воскресъ воистину и отъ истины! Камень *великій зѣло* (Марк. 16, 4) не скрылъ Источника жизни; кустодія не удержала въ узахъ смерти *Льва отъ Іуды* (Апок. 5, 5); печать Каіафы растаяла отъ огня правды Божіей! Не болѣе трехъ дней Сыну Человѣческому надлежало пробыть *въ сердцѣ земли* (Матѳ. 12, 40), но и сей малый срокъ сокращенъ до возможной крайности. Ибо время, протекшее отъ смерти Господа до Его воскресенія, принадлежитъ только тремъ днямъ, а само по себѣ не со-

ставляетъ и четыредесяти часовъ. Такъ поспѣшено торжество истины надъ лжею и клеветами, невинности — надъ злобою и неправдами!

Да станутъ теперь іудеи надъ гробомъ Іисуса; и да судятъ сами о происшедшемъ;—одно изъ двухъ: или *умершаго да дадятъ*, или *воскресшему поклонятся* (Стих. Воскр.). О, какъ постыжены въ семъ случаѣ всѣ разсчеты мудрости человѣческой, и какъ очевидна неисповѣдимость путей Божіихъ!—Думали-ль священники іудейскіе, вознося на крестъ Іисуса, что они симъ самымъ вводятъ Его какъ великаго Первосвященника, во Святое Святыхъ, дабы Онъ тамъ *предсталъ лицу Божію о насъ, единымъ приношеніемъ совершилъ во вѣки освящаемыхъ* (Евр. 10, 14)?... Думалъ ли Пилатъ, полагая надпись на крестѣ Іисусовомъ и отказываясь перемѣнить оную, по требованію іудеевъ, что онъ симъ самымъ, какъ слуга и вѣстникъ, провозглашаетъ достоинство Того, Коему предана теперь *всякая власть на небѣ и на землѣ* (Матѳ. 28, 18)? — Думалъ ли несчастный Іуда, принимая тридесять сребренниковъ, что онъ беретъ не первосвященниками, а Самимъ Богомъ давно поставленную и Пророкомъ засвидѣтельствованную *цѣну Цѣненнаго, Его же цѣниша отъ сыновъ Израилевыхъ* (Матѳ. 27, 9)?—Пріиди теперь, мудрость земная, и посмотри на свое безуміе! Пріиди, вѣра святая, и виждь, какой конецъ твоему терпѣнію и упованію! — Что на землѣ дѣлалось по злобѣ и корыстолюбію, ослѣпленію и буйству, то на небѣ утверждалось по одной чистой любви и было слѣдствіемъ величайшей мудрости. На Голгоѳѣ, казалось, превращенъ былъ весь порядокъ міра и нравственнаго и чувственнаго, а онъ тамъ весь возстановленъ! Во гробѣ Іисусовомъ, повидимому, погребены были навсегда всѣ святыя надежды, а онѣ всѣ тамъ утверждены на вѣки!

Итакъ *восклонитеся и воздвигните главы ваша* (Лук. 21, 28), вы, кои, подобно своему Господу, страдаете за истину и правду: въ судьбѣ Его указана судьба всѣхъ истинныхъ крестоносцевъ! Есть Богъ, судяй земли, отмститель невинныхъ и защитникъ правыхъ! Есть законъ, коего никакой Каіафа и Пилатъ не въ силахъ ни затмить, ни ниспровергнуть! Злоба человѣческая можетъ сдѣлать много: она можетъ лишить васъ добраго имени, повергнуть въ нищету, обременить узами,

покрыть ранами, возвести на крестъ;—можетъ самый гробъ вашъ запечатать и окружить стражею: но здѣсь и предѣлъ всякому гоненію и всякой неправдѣ?—Погубляя тѣло, злоба враговъ не можетъ коснуться вашего духа, не можетъ измѣнить въ васъ, безъ воли вашей, ни одной благой мысли, ни одного святаго чувства: это ваша собственность, неотъемлемая, вѣчная! Надъ безсмертнымъ духомъ вашимъ *единъ Законоположникъ и Судія, могій спасти и погубити* (Іак, 4, 12);—Тотъ, Кто сотворилъ его безсмертнымъ, *Того убо единаго убойтеся* (Лук. 12, 5), ибо Онъ, въ случаѣ невѣрности и нераскаянности, можетъ не тѣло токмо, но и душу вашу ввергнуть въ геенну огненную. А все прочее на землѣ, какъ бы страшно и могущественно ни было, страшно токмо для людей, живущихъ для земли, а не для тѣхъ, коихъ жизнь въ Богѣ, надежды на небѣ, сокровища въ совѣсти, отрада въ Евангеліи. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ страданія, борьбы, очищенія,—и вы, подобно Спасителю, представлены будете туда, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія: гдѣ *живетъ* одна истина и *правда* (2 Петр. 3, 13), и гдѣ за все, претерпѣнное на землѣ, награждаютъ такъ, что награжденные и не помнятъ прежнихъ болѣзней за настоящую радость.

И не сіе ли самое, братіе, воодушевляло всѣхъ подвижниковъ благочестія, кои подобно великому Подвигоположнику, воставшему нынѣ изъ гроба, всегда были гонимы отъ міра! *Вѣмъ яко присносущенъ есть, Иже имать искупити мя и на земли воскресити кожу мою, терпящую сія* (Іов. 19, 25), говорилъ нѣкогда Іовъ,—и на гноищи благословлялъ имя Господне! *Вѣмъ, Ему же вѣровахъ, яко силенъ есть преданіе мое сохранити* до дне пришествія Своего (2 Тим. 1, 12), писалъ нѣкогда Павелъ,—и съ радостію шелъ въ темницу и подъ мечъ! Будемъ и мы братіе, какъ можно чаще обращать взоры къ лицу воскресшаго Господа. Если мы истинные послѣдователи Его, то быть не можетъ, чтобы и насъ міръ не преслѣдовалъ своею злобою, или своими соблазнами. Кто же воодушевитъ насъ мужествомъ, какъ не Онъ, Господь и Спаситель нашъ, восшедшій за насъ на крестъ! Его брань есть наша брань, и Его побѣда есть наша побѣда: что было съ Нимъ, то будетъ и со всѣми нами: если *съ Нимъ страждемъ, то съ Нимъ и прославимся!* (Рим. 8, 17). Аминь.

IV.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Воскресе,— *и ктому не умираетъ, смерть Имъ ктому не обладаетъ* (Рим. 6. 9). Воскресе,—и пріялъ власть воскресить всѣхъ, кои умерли во Адамѣ. Воскресе и нынѣ воскрешаетъ въ духѣ тѣхъ, кои обращаются къ Нему съ вѣрою и повиновеніемъ!

Итакъ, вы кои въ мысляхъ своихъ любите обнимать судьбу всего человѣчества, и желали бы найти средство къ освобожденію его отъ всѣхъ золъ, возрадуйтеся и возвеселитеся! Средство сіе найдено на небѣ, есть Самимъ Богомъ ниспосланный Спаситель, Которой *отнимет* нѣкогда всякую *слезу отъ очію* (Апок. 21, 4) всякаго страдальца. Послѣ сего намъ остается токмо слѣдовать Его предначертаніямъ, распространять Его свѣтъ, разливать Его жизнь.—Вы, кои воздыхаете подъ тяжестію наклонной ко грѣху природы, не знаете какъ свергнуть иго страстей,—ободритесь и утѣшьтесь! Тайна паки-бытія духовнаго разгадана на Голгоѳѣ; есть Самимъ Богомъ посланный Разрѣшитель узъ грѣховныхъ! Послѣ сего намъ остается токмо употреблять средства благодати, Имъ открытыя, прививаться къ Нему вѣрою и любовію, ходить по стопамъ Его;—и въ насъ созиждется паки *сердце чистое, и въ утробѣ нашей обновится духъ правый* (Псал. 50, 12).—Вы, кои ищете безсмертія, всю жизнь гоняетесь за славою, если хощете безсмертія истиннаго, славы неувядаемой, то не ищите ихъ нигдѣ, кромѣ гроба Христова: здѣсь источникъ жизни и нетлѣнія! Воскресшій Спаситель содѣлаетъ васъ безсмертными не по имени токмо, какъ дѣлаетъ міръ и исторія, а дастъ всему существу вашему жизнь вѣчную.

О, братіе, какъ блага и утѣшительна вѣра наша! Какое великое счастіе быть христіаниномъ! Гдѣ столько свѣта и жизни, какъ въ Евангеліи? Гдѣ столько упованія и утѣшеній, какъ у креста? Гдѣ Спаситель подобный нашему?—Одни мы, христіане, носимъ крестъ, одни мы празднуемъ и воскресеніе! Что неизбѣжнѣе на землѣ перваго, и что нужнѣе послѣдняго?—Тамъ, гдѣ вся мудрость земная теряется и не знаетъ, что дѣлать, молчитъ или ропщетъ,—я разумѣю надъ гробомъ,—тамъ христіанская вѣра наипаче и оказываетъ свое Божественное дѣйствіе,—озаряетъ, утѣшаетъ и

живитъ. Крестъ, стоящій на могилахъ нашихъ, говоритъ болѣе о предназначеніи человѣка, нежели всѣ системы философовъ.

Познаемъ же, братіе, наше сокровище, и научимся дорожить имъ, какъ должно: не будемъ такъ легкомысленны, чтобы *влаяться всякимъ вѣтромъ* мнѣній и *ученій, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней мщенія* (Еф. 4, 14). Многіе могутъ обѣщать спасеніе, но Одинъ токмо можетъ дать оное—Тотъ, Кто взошелъ для сего на крестъ и возсталъ изъ гроба. Съ креста, взошедъ на него добровольно, не говорятъ неправды, изъ гроба не возстаютъ для лжи. Будемъ же вѣрны и въ дѣлахъ и въ жизни Воскресшему, какъ Онъ былъ и есть вѣренъ намъ. Аминь.

V.

Христосъ воскресе!

Св. Амвросій Медіоланскій, любомудрствуя о праздникѣ Рождества Христова, замѣчаетъ, что со времени его день начинаетъ возрастать, какъ бы показуя симъ начало и обиліе свѣта духовнаго, возсіявшаго на весь міръ изъ Виѳлеема. Не съ меньшею справедливостью, братіе, можемъ замѣтить и мы, что время воскресенія Христова есть то самое въ году, когда вся природа обновляется и какъ бы воскресаетъ послѣ хлада зимняго. Смотря на весну *изъ оконъ храма*, невольно видишь въ ней нѣкое знаменіе, коимъ земля ежегодно привѣтствуетъ Побѣдителя ада и смерти. Печальныя знаменія на Голгоѳѣ произошли единожды, ибо Спаситель единожды умеръ; а радостныя знаменія Воскресенія повторяются всегда, ибо Христосъ, воскреснувъ изъ мертвыхъ, *ктому не умираетъ* (Рим. 6, 9). Онъ могъ умереть и воскреснуть въ другое время года; между тѣмъ, воскресъ именно тогда, когда вся природа можетъ привѣтствовать Его своимъ совоскресеніемъ.

И кого же ей приличнѣе привѣтствовать своимъ великимъ обновленіемъ?—Если въ ней, послѣ паденія царя ея—Адама, остался какой-либо порядокъ, если за зимою слѣдуетъ паки всегда весна, то симъ остаткомъ жизни природа обязана не другому кому, какъ Начальнику жизни, второму Адаму, Который, рѣшившись изгладить слѣды паденія Адама перваго, тотчасъ, по паденіи его, взялъ въ Свои руки тотъ

скипетръ владычества, коимъ не могъ уже управлять нашъ несчастный праотецъ. Равнымъ образомъ, если природа послѣ множества кратковременныхъ обновленій, посредствомъ весны и лѣта, увидитъ нѣкогда надъ собою весну не преходящую, облечется въ лѣпоту эдемскую, то все сіе произойдетъ вслѣдствіе не другаго чего-либо, а того, что Господь кровію Своею со креста освятилъ всю землю, и сообщилъ всѣмъ стихіямъ живоносное начало обновленія и безсмертія. Кого же, посему, и привѣтствовать природѣ своимъ воскресеніемъ, какъ не Воскресшаго и *съ Собою*, какъ воспѣваетъ Церковь, *вся воскресившаго?* (Велич. въ нед. Антипасхи). — Между воскресеніемъ природы и воскресеніемъ Господа связь не времени только, а самаго дѣла. Природа воскресаетъ теперь временно, потому что воскресъ нынѣ Воскреситель ея, и по тому же самому воскреснетъ нѣкогда вѣчно.

Такое понятіе объ отношеніи весны къ нашему празднеству увеличиваетъ, братіе, и радость праздника, и пріятность весны. Воскресеніе Господа становится для насъ, если можно, еще величественнѣе, когда представляемъ, что дѣйствія его не ограничиваются даже цѣлымъ родомъ человѣческимъ, а простираются на всю природу. А весна природы пріемлетъ нѣкій священный видъ, когда узнаемъ, что это обновленіе земли происходитъ изъ одного и того же начала съ нашимъ духовнымъ обновленіемъ, что оно есть также плодъ искупленія Голгоѳскаго. Послѣ сего понятно, что значитъ, когда Церковь воспѣваетъ, что въ воскресеніи Господа обрадованы *небо и земля и преисподняя*. Воскресеніе Господа есть праздникъ истинно всемірный, ибо на Голгоѳѣ съ Богомъ, по выраженію Апостола, *примиренъ весь міръ* (Колос. 1, 20).

Но, братіе, сей вселенскій миръ останется внѣ насъ, если мы не введемъ его въ свое сердце! — Все вокругъ насъ обновится, а мы пребудемъ ветхи, если не постараемся быть новыми. Посмотрите на лицо природы: весна для всей земли, все цвѣтетъ и красуется, а засохшія деревья и теперь голы и безобразны, и портятъ своимъ видомъ красоту природы. Такъ и души грѣшныя: онѣ, подобно сухимъ древамъ, пребудутъ мертвы, когда все обновится. Поелику же въ Эдемѣ должно быть все благообразно; то

съ грѣшными душами поступлено будетъ такъ, какъ садовники поступаютъ съ сухими деревьями, то-есть, они будутъ срублены и брошены въ огонь.

Посему надобно, братіе, непремѣнно надобно, обновиться заранѣе и, пія воду жизни, согрѣваясь солнцемъ благодати, начать приносить и плоды благодатные, — надобно воскреснуть *здѣсь*, чтобы не умереть вѣчною смертію *тамъ!* Аминь.

Бесѣда на литургіи въ первый день Пасхи.

Христосъ воскресе!

Сею восхитительною вѣстію привѣтствуютъ нынѣ другъ друга чада Церкви Христовой. Провозглашеніемъ сея же вѣсти обыкли начинать нынѣ свои собесѣдованія самые пастыри и учители Церкви. Но изъ устъ прочихъ христіанъ сладчайшая вѣсть о воскресеніи, по необходимости, исходитъ въ краткомъ видѣ, изъ устъ служителя Церкви прилично услышаться ей со всею подробностію. Итакъ, братіе, позвольте, чтобы я, для умноженія общей радости, вмѣсто поученія, предложилъ вамъ нынѣ повѣствованіе о томъ, какъ произошло воскресеніе Господа нашего. Многимъ изъ насъ, конечно, извѣстны уже всѣ обстоятельства сего преславнаго событія. Но кто любитъ воскресшаго Господа, тотъ не можетъ наскучить повѣстію о Его воскресеніи, и какъ самъ съ радостію повторяетъ оную другимъ, такъ съ радостію готовъ и слышать ее отъ другихъ. А, безъ сомнѣнія, между нами, здѣсь стоящими, не малое число и такихъ, кои образъ воскресенія Христова видали вполнѣ развѣ въ однихъ живописныхъ изображеніяхъ: передая таковымъ полную вѣсть о воскресеніи, мы исполнимъ часть долга Ангельскаго.

Но, прежде всего, братіе, возведемъ мысли свои къ воскресшему Спасителю и Господу нашему, съ моленіемъ о томъ, да благословитъ Онъ наше собесѣдованіе, и удалитъ отъ всѣхъ насъ не только духъ ожесточенія, который благая вѣсть о воскресеніи нашла въ фарисеяхъ и книжникахъ іудейскихъ, но и духъ маловѣрія и разслабленія ду-

шевнаго, съ коимъ срѣтили ее нѣкоторые изъ самыхъ послѣдователей Христовыхъ.

У премудрости Божіей такое правило, братіе, что всѣ важныя событія въ царствѣ благодати заранѣе предвозвѣщаются, дабы люди, зная, чего ожидать, тѣмъ удобнѣе могли приготовлять себя къ ожидаемому. Посему и воскресеніе Господа предсказано было задолго и неоднократно. Еще Богоотецъ Давидъ воспѣвалъ, что Господь не дастъ *Преподобному Своєму видѣти истлѣнія, и не оставитъ души Его во Адѣ* (Псал. 15, 10). Потомъ одинъ изъ Пророковъ прямо указалъ даже на время воскресенія, говоря: *исцѣлитъ ны по двою дню, и въ день третій воскреснемъ и живи будемъ предъ Нимъ* (Осіи 6, 3), Наконецъ, Самъ Господь всегда почти, когда говорилъ о будущей смерти Своей (а Онъ говорилъ о ней часто), упоминалъ въ то же время и о воскресеніи. Предсказанія Его о семъ были такъ многочисленны и такъ ясны, что самые враги, какъ мы слышали вчера, почли за нужное окружить гробъ Его до третьяго дня стражею.

Кто бы послѣ сего подумалъ, что собственные ученики Іисуса забудутъ на время то, что такъ твердо помнили Его враги?—И, однакоже, многіе изъ нихъ, если не всѣ, явно забыли!—Такъ, погребавшіе Іисуса, Іосифъ, Никодимъ и прочіе, при всемъ усердіи къ Нему, явно погребали Его навсегда. Иначе для чего употреблять столько алоя и смирны, что отъ множества ихъ и живой человѣкъ могъ потерять жизнь?—Для чего обвивать Умершаго плащаницею и возлагать на главу Его судáрь погребальный.—И любовь женъ Мvроносицъ, не смотря на ея пламенность, приготовлялась оказать тѣлу Іисусову такую почесть, которая вовсе не приличествовала имѣющему вскорѣ воскреснуть, и Ангелъ не безъ упрека произнесъ: *Что ищете живаго съ мертвыми? Помяните, якоже глагола вамъ, еще сый въ Галилеи* (Лук. 24, 5). У самыхъ Апостоловъ — (простите намъ, великіе основатели и столпы Церкви, что мы, слабыя и малыя трости, дерзаемъ воспоминать ваше колебаніе!) — у самыхъ Апостоловъ ожиданіе воскресенія Учителя если не ослабѣло совершенно, то такъ сокрылось въ глубинѣ души подъ тяжестію мрачныхъ мыслей и чувствъ, что необходимо было двукратное *миръ вамъ* и дуновеніе изъ собственныхъ устъ Воскресшаго (Іоан. 20, 19, 21; 20, 22), дабы снова воспламенить ихъ вѣру.

При такомъ забвеніи предсказаній Іисуса о Его воскресеніи, нисколько не удивительно, если гробъ Его былъ оставленъ всѣми Его послѣдователями. — Но въ такомъ случаѣ самое чудо воскресенія осталось бы безъ всякихъ свидѣтелей,—то чудо, отъ коего зависитъ твердость, можно сказать, всея вѣры нашей. Надлежало восполнить сей недостатокъ:— и, вотъ, по тайному распоряженію премудрости Божіей, враги Іисуса сами дѣлаютъ то, чего не сдѣлали, и даже не могли въ такомъ видѣ сдѣлать друзья Его: они идутъ къ Пилату, выпрашиваютъ позволеніе запечатать гробъ Іисусовъ, печатаютъ и приставляютъ кустодію. Больше предосторожностей нельзя было и взять въ настоящемъ случаѣ. Кто знаетъ строгость военныхъ римскихъ законовъ, тотъ можетъ представить, съ какою зоркою бодростію стояла стража надъ гробомъ Іисуса, ожидая съ часу на часъ мнимыхъ похитителей, противъ коихъ повелѣно было ей бодрствовать.— И, такимъ образомъ, братіе, стрегомъ былъ во гробѣ Тотъ, предъ Коимъ въ это время трепеталъ весь адъ!... Кто, почивая во гробѣ плотски, былъ по Божеству Своему, *на престолѣ со Отцемъ, и Духомъ, вся исполняяй, неописанный!*...

Но ужасная *година области темной* (Лук. 22, 53) приближалась уже къ своему концу, великій дѣлатель не могъ оставаться *въ сердцы земли* (Матѳ. 12, 40) далѣе покоя дня субботняго;—и съ окончаніемъ его, при самомъ наступленіи перваго дня недѣли, бывшаго нѣкогда первымъ днемъ творенія, то-есть, воскреснаго, послѣдовало преславное возстаніе изъ гроба. Я говорю — при самомъ началѣ дня, ибо святыя жены, отправившись изъ дома на гробъ Іисусовъ, по свидѣтельству Евангелиста Марка, *зѣло заутра* (Марк. 16, 2), и пришедши къ сему гробу, по словамъ Іоанна, *еще сущей тьмѣ* (Іоан. 20, 1), уже нашли его празднымъ и безъ стражи.

Какъ послѣдовало самое воскресеніе?—На сей вопросъ братіе, могъ бы отвѣчать токмо Самъ Воскресшій. Подобныя чудеса суть тайны всемогущества; посему и довѣдомы одной премудрости Божіей. Что касается причины Воскресенія, то священные писатели иногда приписываютъ сіе чудо Богу Отцу, говоря, что Іисусъ Христосъ восталъ изъ гроба *славою Отчею* (Римл. 6, 4), что Богъ Отецъ *воздвигъ Его отъ мертвыхъ* (тамъ же, 8, 11),—а иногда Самому Воскресшему, утверждая, что Онъ *имѣлъ область*, какъ *положитъ душу Свою*,

такъ и паки *принять ее* (Іоан. 10, 18). Такъ и должно быть! Какъ Сынъ человѣческій, Спаситель нашъ могъ быть воскрешенъ токмо всемогущею *силою Божіею* (2 Кор. 13, 4), а какъ Сынъ Божій, какъ предвѣчное Слово и Творецъ всего видимаго и невидимаго, Онъ воскресилъ Самъ Себя.

При всей внутренней сокровенности своей, чудо воскресенія не замедлило дать знать о себѣ всему міру самымъ величественнымъ образомъ.—И во-первыхъ, при воскресеніи, по свидѣтельству Евангелиста Матѳея, *бысть трусъ велій* (Матѳ. 28, 2), то есть, сильное сотрясеніе земли. При смерти Господа это служило знаменіемъ обличительнымъ для цѣлаго Іерусалима, собравшагося тогда на Голгоѳѣ; теперь трясущейся землѣ некого было вразумлять, кромѣ стражи, ибо весь Іерусалимъ еще спалъ: однакоже она сотрясалась не менѣе прежняго, и не могла не сотрясаться, потому что изъ нѣдръ ея, какъ изъ утробы матерней, выходилъ теперь великій *Первенецъ изъ мертвыхъ* (Кол. 1, 18)—выходилъ не по всеобщему закону рожденія въ жизнь вѣчную, по коему, вслѣдствіе искупленія міра, востанутъ нѣкогда изъ утробы земной всѣ почивающіе въ гробахъ. а по особенному, чрезвычайному дѣйствію Божественнаго всемогущества, которое, подвигшись священнотайнѣ въ душѣ Богочеловѣка, и подвигнувъ вмѣстѣ съ симъ всѣ силы природы, снова навсегда сопрягло ее съ почивавшею во гробѣ плотію.

При трепетномъ служеніи земныхъ стихій, воскресенію Господа удостоились послужить и силы горнія. — И во-первыхъ, одинъ изъ Ангеловъ, *сошедъ съ неба* (Матѳ. 28, 2) — выраженіе употребляемое въ Писаніи при самыхъ важныхъ случаяхъ,—отвалилъ камень, закрывавшій входъ въ пещеру, гдѣ находился гробъ Іисусовъ. Отваленіе камня, совершенно не нужное для Воскресшаго, — ибо тѣло Его, какъ видно изъ явленія ученикамъ, свободно проходило сквозь затворенныя двери, — нужно было для послѣдователей Господа, особенно св. женъ, дабы онѣ, пришедъ ко Гробу, не препятствуемыя камнемъ, скорѣе могли узнать, что напрасно ищутъ живаго съ мертвыми. Притомъ отваленіе камня Ангеломъ служило вмѣсто торжественнаго объявленія стражѣ о воскресеніи Божественнаго Мертвеца, ею стрегомаго, ибо Самъ Воскресшій, кажется, не благоволилъ явить стражамъ Своего лица, отъ чрезвычайной славы коего, въ первыя

минуты воскресенія, они могли бы исчезнуть съ лица земли.

Видъ Ангела, отвалившаго камень, по словамъ св. Матѳея: былъ *какъ молнія,*— а одѣяніе *бѣло какъ снѣгъ* (Матѳ. 28, 3), самый естественный образъ явленія въ нашемъ мірѣ существъ міра горняго, кои, исходя отъ лица славы Божіей, должны приносить къ намъ на своемъ лицѣ отсвѣтъ сея славы, принадлежащей имъ впрочемъ и по самому существу ихъ—невинному, а потому и свѣтоносному. Теперь свѣтлости лица и одежды требовало въ небесномъ вѣстникѣ уже самое соотвѣтствіе съ *славою Отчею,* открывшеюся въ воскресеніи возлюбленнаго Сына.

Стражи при видѣ Ангела *стали,* по выраженію Евангелиста, *какъ мертвые* (Матѳ. 28, 4). Вся неустрашимость римскаго воина обратилась въ ничто отъ одного присутствія существа высшаго: отъ одного, говорю, присутствія, ибо нисколько не видно, чтобы небесный вѣстникъ говорилъ что-либо воинамъ; онъ только отвалилъ *отъ дверей гроба камень, и сѣдяше на немъ* (Матѳ. 28, 2). Но этимъ *сидѣніемъ* сказывалось все. Посему воины, сколько позволяло возвращающееся сознаніе и силы, немедленно удалились отъ гроба съ вѣстію, самою ужасною для враговъ и убійцъ Іисуса!

Теперь скажемъ кратко о первыхъ явленіяхъ воскресшаго Господа, дабы дать понятіе о томъ, какъ Онъ дѣйствовалъ въ первыя минуты по воскресеніи и какъ вѣра въ Него начала воскресать между Его послѣдователями.

Мы замѣтили уже, братіе, что св. жены, присутствовавшіе при погребеніи Господа Іосифомъ, рѣшились помазать тѣло Его мѵромъ. Едва только прошелъ покой субботній, препятствовавшій исполненію святаго намѣренія, онѣ, еще до разсвѣта, отправились на гробъ съ ароматами. О стражѣ, приставленной ко гробу Іисусову, имъ не было извѣстно вовсе;— страшились одного: *кто отвалитъ камень отъ дверей гроба?* (Марк. 16, 3. 4). *Бѣ бо велій зѣло.* Страхъ сей не воспрепятствовалъ однакоже усердію Магдалины оставить за собою всѣхъ прочихъ спутницъ и придти, прежде ихъ, одной въ вертоградъ. Каково же должно быть изумленіе св. жены, когда она не нашла ни камня у пещеры, ни тѣла въ пещерѣ!—Въ смятеніи чувствъ, не думая о прочихъ спутницахъ, Магдалина тотчасъ устремилась назадъ, къ Петру и Іоанну. *Взяша Господа отъ гроба,* вопіяла безутѣшная, *и не*

вѣмъ, гдѣ положиша Его (Іоан. 20, 2). Но Петръ съ Іоанномъ не болѣе его знали, куда дѣвалось пречистое тѣло; и вмѣсто отвѣта, послѣдуемые Магдалиною, сами устремились ко гробу, для узнанія тайны.

Святая тайна сія между тѣмъ была уже разгадана для другихъ. Прочія жены, пришедши въ слѣдъ за Магдалиною въ вертоградъ, также не нашли тамъ ни камня у пещеры, ни тѣла въ гробѣ, но, въ замѣнъ сего, вскорѣ увидѣли двухъ юношей въ блестящей одеждѣ. Небесные вѣстники сіи (то были они) вывели ихъ изъ недоумѣній и страха, объявивъ, что теперь время уже не печали и смущенія, а радости,—что Погребенный воскресъ, сообразно Своему предсказанію, и явится послѣдователямъ Своимъ въ Галилеи,—и что имъ посему должно, какъ можно скорѣе, идти назадъ для обрадованія сею вѣстію всѣхъ учениковъ Іисусовыхъ (Лук. 24, 2—9).

Двое изъ сихъ учениковъ, то есть, Петръ съ Іоанномъ, были сами теперь близъ вертограда, когда св. жены выходили изъ него, но для нихъ часъ радости и блаженства еще не приспѣлъ. Вмѣсто видѣнныхъ женами Ангеловъ, онѣ нашли во гробѣ однѣ погребальныя одежды Воскресшаго; и, не видя никого въ вертоградѣ, обратились назадъ,—Іоаннъ съ вѣрою, Петръ съ удивленіемъ (Іоан. 20, 2—9).

На святой стражѣ у гроба осталась одна Магдалина. Среди слезъ—обыкновенной отрады душъ печальныхъ, она наклонилась въ пещеру, чтобы еще разъ взглянуть на мѣсто, гдѣ лежало тѣло Іисусово; и вотъ—два юноши, въ бѣломъ одѣяніи, сидятъ, одинъ у главы, а другой въ ногахъ у гроба! Во всякомъ другомъ неожиданное явленіе сіе произвело бы страхъ и возбудило мысль о небесномъ существѣ явившихся; но Маріи, коея душа всецѣло занята была драгоцѣнною потерею, все казалось естественнымъ, кромѣ отсутствія погребеннаго тѣла. На вопросъ Ангеловъ: *что плачешися?* она безъ всякаго страха отвѣчала то же самое, что говорила Апостоламъ: *взяша Господа моего, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его* (Іоан. 20, 13). При сихъ словахъ Марія невольно обратилась лицемъ назадъ и увидѣла, что невдалекѣ стоитъ нѣкто. То былъ Самъ Господь, но взоръ сквозь слезъ, среди смущенія душевнаго, не въ состояніи былъ вдругъ распознать, среди древесныхъ тѣней, возлюбленнаго Учителя. Думая, что это вертоградарь, Марія продолжала

смотрѣть въ пещеру, гдѣ присутствіе двухъ лицъ, участвующихъ въ ея положеніи, обѣщало болѣе удовлетворенія святому любопытству. Даже когда Самъ Господь вопросилъ ее: *что плачеши, кого ищеши?*—Магдалина съ сильнымъ чувствомъ, но безъ особеннаго вниманія къ спрашивавшему, отвѣчала: *Господи, аще ты еси взялъ Его, повѣждь ми, гдѣ еси положилъ Его, и азъ возьму Его.—Маріе!* сказалъ наконецъ Господь тѣмъ гласомъ, отъ коего нѣкогда вышло изъ нея седмь злыхъ духовъ, ее мучившихъ.—*Раввуни!* отвѣчала изумленная, и хотѣла отъ радости броситься къ ногамъ Іисусовымъ, чтобы обнять ихъ. Но теперь было время не для земнаго усердія. *Не прикасайся Мнѣ,* сказалъ Господь, удерживая порывъ святой любви: *не убо взыдохъ ко Отцу Моему! иди же ко братіи Моей, и рцы имъ: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17). Послѣ сего, Марія немедленно поспѣшила къ Апостоламъ.

Въ то же почти время награждено усердіе и прочихъ святыхъ женъ, бывшихъ у гроба. Когда онѣ возвращались съ Ангельскою вѣстію о воскресеніи къ Апостоламъ, *се* на пути, внезапу, *Самъ Іисусъ срѣте я, глаголя: радуйтеся!* Въ забвеніи всего земнаго, жены пали къ ногамъ Его, радуяся и трепеща отъ радости: Воскресшій казался имъ уже не сыномъ токмо Маріи, а единороднымъ отъ Отца, исполнь благодати и истины. *Не бойтеся,* сказалъ Господь, *идите, возвѣстите братіи Моей, да идутъ въ Галилею, и ту Мя видятъ* (Матѳ. 28, 9. 10). Такимъ образомъ окончились два первыя явленія воскресшаго Господа.

Съ перваго взгляда видно, братіе, что воскресшій Господь весьма занятъ былъ мыслію о скорѣйшемъ успокоеніи Своихъ учениковъ, страдавшихъ отъ Его креста. И отъ Ангеловъ и отъ Него Самого, при обоихъ явленіяхъ, повторяется одно и то же повелѣніе: чтобы жены шли скорѣе къ ученикамъ съ вѣстію о воскресеніи. Блаженство Воскресшаго казалось Ему какъ бы неполнымъ, доколѣ не будетъ раздѣлено съ тѣми, коихъ Онъ *возлюбилъ до конца* (Іоан. 13, 1), и кои по сему самому называются теперь не учениками, а братіею: *рцы братіи Моей.* Между тѣмъ Петръ съ Іоанномъ, и бывши въ пещерѣ у гроба, не видѣли теперь сами Воскресшаго, не видѣли даже ни одного изъ

Ангеловъ!—Безъ сомнѣнія, потому, что для нихъ, какъ мы замѣтили, не приспѣлъ еще часъ полной радости;—и по состоянію души ихъ, имъ полезнѣе было вначалѣ услышать о воскресеніи отъ другихъ, нежели тотчасъ увидѣть Воскресшаго самимъ.—Принятіе Господа Магдалиною за вертоградаря (зависѣвшее впрочемъ весьма много отъ ея крайняго смущенія духа, тяжкой печали, и даже особеннаго положенія тѣла ея у пещеры) показываетъ, что слава воскресенія была уже сокрыта подъ кровомъ плоти, хотя торжественно прошедшей вратами смерти, но еще не возведенной на всю высоту небеснаго величія. Съ другой стороны, въ воскресшемъ тѣлѣ Богочеловѣка обнаруживались уже (и еще болѣе обнаружатся въ слѣдующихъ явленіяхъ Апостоламъ) новыя качества, приличныя токмо тѣламъ прославленнымъ. Явленіе Магдалинѣ у гроба и женамъ на пути, судя по времени того и другаго, не иначе могло быть, какъ при способности преноситься мгновенно съ одного мѣста на другое,—быть видимымъ и невидимымъ по произволу. Вслѣдствіе сея же, безъ сомнѣнія, способности, а Ангелы при гробѣ были видимы женамъ, потомъ невидимы Петру и Іоанну, и паки видимы Магдалинѣ. Кромѣ сего, изъ словъ Спасителя Магдалинѣ видно, что Ему предстояло еще теперь восхожденіе къ Отцу. Какое и для чего?—Будущее вознесеніе на небо съ Елеона послѣдовало спустя сорокъ дней; а Воскресшій говоритъ: не *взойду, а восхожду,* то-есть, теперь, или вскорѣ.—Посему, не временное ли это восхожденіе въ міръ горній? И не на сіе ли самое указываетъ святый Павелъ, когда, исчисляя главныя событія въ жизни Господа, предъ словами, *вознесеся на небо,* поставляетъ: *показася Ангеломъ* (1 Тим. 3, 16)? Въ самомъ дѣлѣ, если Воскресшему должны были, по словамъ Писанія, *поклонитися вси Ангелы Божіи* (Евр. 1, 6), то не было, кажется, нужды лишать ихъ сего блаженства въ продолженіе четыредесяти дней.

Не опустимъ, наконецъ, братіе, безъ вниманія и того, кому суждено пріять и распространить первую вѣсть о воскресеніи, не Іоанну, не Петру, не Іакову—верховнымъ Апостоламъ, а слабымъ, но усерднымъ женамъ, шедшимъ съ ароматами. Ароматы оставались безъ употребенія, но несшія ихъ, за свою любовь, сами содѣлались *благоуханіемъ Христовымъ* (2 Кор. 2, 15). «Жена», замѣчаетъ Григорій Великій,

«изъ устъ змія приняла первую ложь, и жена же изъ устъ Самого Воскресшаго Господа услышала, первая, радостную истину, дабы чья рука растворила смертное питіе, та же самая подала и чашу жизни» (Бесѣд. 25). А мы замѣтимъ для всѣхъ женъ, что онѣ, по примѣру мvроносицъ, могутъ назидать спасеніе не только свое, но и другихъ. Женѣ Апостолъ не повелѣлъ учить (1 Тим. 2, 12), то-есть, подобно мужамъ, въ собраніяхъ христіанскихъ, но для дѣтей мать есть первый, Самимъ Богомъ поставленный, учитель. Пусть они изъ твоихъ устъ услышатъ первую вѣсть о своемъ Спасителѣ и Его воскресеніи; — и ты будешь мvроносицею для своей домашней Церкви.

Сказывать ли наконецъ вамъ о послѣднемъ обстоятельствѣ, сопровождавшемъ воскресеніе Господа? — О, какъ тяжело въ такой свѣтлый день быть повѣствователемъ событія, которое такъ сильно мрачитъ и унижаетъ природу человѣческую! Но мы не можемъ не дать мѣста въ своемъ повѣствованіи тому, что премудростію Божіею допущено стать въ исторіи воскресенія Христова; можемъ токмо и должны оплакивать, что духъ злобы успѣлъ произвести въ подобныхъ намъ человѣкахъ!

Когда горѣ совершалось Божественное восхожденіе къ Отцу истины и блаженства; долу — во дворѣ Анны и Каіафы. совершалось, братіе, новое, ужасное нисхожденіе къ отцу лжи и смерти! Услышавъ отъ кустодіи о воскресеніи, враги Распятаго, вмѣсто того, чтобы пробудиться отъ нечувствія и ожесточенія, придти въ себя, признать свое заблужденіе и омыть оное слезами, — замыслили новую, тягчайшую неправду и клевету. Неизвѣстно за-подлинно, какъ лукавая совѣсть ихъ изъяснила себѣ чудо воскресенія: похищеніемъ ли тѣла учениками Іисусовыми, или дѣйствіемъ темныхъ силъ, какъ изъяснялись ими прежде чудеса Самого Іисуса, только несчастные умолили стражу, свидѣтельствовавшую о воскресеніи, сказать: что *ученицы Іисуса нощію пришедше, украдоша Его, намъ спящимъ* (Матѳ. 28, 13). Ничего не могло быть нелѣпѣе сей лжи, ибо какъ воину римскому ссылаться было на сонъ во время стражи? Съ другой стороны, какъ стражѣ спавшей свидѣтельствовать о томъ. что она проспала? — И ученикамъ ли отважиться на похищеніе, для коихъ страшенъ былъ голосъ рабыни? Тѣмъ ли

похищать мертваго, кои оставили живаго? — Если бы и кто другой вздумалъ похитить тѣло, то сдѣлалъ бы сіе до приставленія ко гробу стражи; а при стражѣ, не сталъ бы медлить въ пещерѣ, снимать погребальныя пелены и судáрь со главы, и раскладывать ихъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ нашли ихъ Петръ съ Іоанномъ. — Если гдѣ, по замѣчанію Златоуста, то здѣсь *солга неправда себѣ* (Псал. 26, 12). Но другой лжи не представлялось; потому и ухватились за то, что первое и послѣднее попало на злой умъ. Разборчивостію и судомъ народа, *иже не вѣсть закона* (Іоан. 7, 49), немного дорожили; страшнѣе былъ Пилатъ, который за настойчивость въ преторіи при сужденіи Іисуса, могъ теперь жестоко отмстить книжникамъ провозглашеніемъ ужасной для нихъ истины. Но золото въ сіе время было сильнѣе всякой истины на судѣ римскомъ; посему первосвященники смѣло говорили стражѣ: *аще сіе услышано будетъ у игемона, 'мы утолимъ его, и васъ безпечальны сотворимъ* (Матѳ. 28, 14).

Слыша сіе, братіе, многіе изъ насъ въ святой ревности могутъ подумать, для чего Воскресшій не явился тотчасъ въ торжествѣ врагамъ Своимъ и не принудилъ ихъ къ вѣрѣ? — Но что было бы пользы отъ сего явленія? — Принужденная вѣра не есть вѣра. Притомъ, злоба враговъ Іисусовыхъ могла бы устоять въ своемъ невѣріи и при явленіи имъ Воскресшаго; могла бы сказать, что явившійся или не умиралъ, или ожилъ не Божественною силою. Воскресшій поступилъ премудрѣе: Онъ не явился Іерусалиму Самъ, дабы, между прочимъ, не подать повода къ волненіямъ многочисленному народу, стекшемуся на праздникъ, а достойнымъ въ Іерусалимѣ послалъ отъ Себя такихъ вѣстниковъ Своего воскресенія, кои подобно Ему, сами воскресли изъ мертвыхъ, и потому имѣли все право на довѣріе: я разумѣю тѣхъ святыхъ людей, кои, по свидѣтельству Евангелиста Матѳея, востали изъ гробовъ въ часъ смерти Господа, и, по воскресеніи, вошедъ во святый градъ, явились многимъ (Матѳ. 27, 53), — безъ сомнѣнія съ вѣстію о воскресеніи. А для упорныхъ враговъ истины будутъ воздвигнуты цѣлые сонмы свидѣтелей изъ среды учениковъ Іисусовыхъ, кои о имени Воскресшаго сотворятъ всѣ роды чудесъ и за истину воскресенія Его отдадутъ свою жизнь. Одинъ Павелъ обратитъ тьмы. — Собственная же видимая дѣятельность Спасителя, въ отношеніи къ іудеямъ, окончилась

Его смертію. Теперь, пріявъ власть на землѣ и на небѣ, Онъ уже долженъ былъ имѣть въ виду не синедріонъ съ фарисеями, а цѣлый міръ, и для обращенія его приготовить учениковъ Своихъ. Сей-то послѣдней, великой цѣли посвящены были послѣдніе дни Его на землѣ, до вознесенія на небо, какъ свидѣтельствуютъ о томъ послѣдующія явленія Его Апостоламъ. Но о сихъ явленіяхъ мы будемъ бесѣдовать въ свое время.

Теперь же, братіе, дерзнемъ еще разъ въ духѣ вѣры и любви вознести взоръ прямо къ лицу воскресшаго Господа. Какимъ Божественнымъ свѣтомъ сіяетъ нынѣ лице сіе, въ коемъ не было не вида, ни доброты на Голгоѳѣ! — Откуда же сей свѣтъ?—Весь отъ креста. *Если бы,* скажемъ словами Самого Воскресшаго, *зерно пшеничное, падши на землю, не умерло, то бы едино пребывало*: теперь же, умершвленное на Голгоѳѣ, *оно сотворитъ плодъ многъ* (Іоан. 12, 24). Вознесенный отъ земли крестомъ, Сынъ Человѣческій *повлечетъ за Собою все* (Іоан. 12, 32). Теперь малодушные прежде и трепетавшіе гласа рабынь, Апостолы облекутся непреоборимою силою свыше, пронесутъ имя Распятаго до послѣднихъ предѣловъ вселенныя, водрузятъ крестъ тамъ, гдѣ былъ престолъ сатаны, заставятъ поклоняться кресту тѣхъ, коихъ вся вселенная величала богами. Теперь явятся сонмы мучениковъ, кои за имя Воскресшаго сами пойдутъ на крестъ и презрятъ всю лютость тирановъ. Теперь возникнутъ общества святыхъ пустынниковъ и подвигами самоотверженія удивятъ безплотныхъ Ангеловъ. Все на землѣ приметъ другой видъ: весь міръ обратится *отъ тьмы къ свѣту, отъ области сатаны къ Богу* (Дѣян. 26, 18), и все сіе потому, что на Голгоѳѣ примирено небо съ землею, потому что крестомъ отверзты всѣ источники свѣта и жизни.—Престанемъ же, братіе, бояться и убѣгать креста, возлюбимъ его въ какомъ бы видѣ, гдѣ бы и когда бы онъ не срѣтилъ насъ; облобызаемъ его, хотя бы на немъ надобно было предать самый духъ свой Отцу небесному. Намъ всѣмъ должно быть тамъ, гдѣ теперь Воскресшій Господь и Спаситель нашъ, а пути туда нѣтъ ни ближе, ни вѣрнѣе, какъ со креста, или лучше сказать, путь туда только одинъ и есть—крестъ! Аминь.

Бесѣда на вечерни въ первый день Пасхи.

Христосъ воскресе!

Іоан. 20, 19—25.

Евангельская повѣсть, братіе, вами сейчасъ, слышанная, довольно вразумительна сама по себѣ, и не требуетъ пространныхъ изъясненій. Но вы слышали ее по сказанію Ев. Іоанна; а она есть и у Ев. Луки, съ нѣкоторыми прибавленіями, весьма поучительными. Притомъ, чтобы совершенно уразумѣть духъ событія, вами слышаннаго, весьма полезно знать, что ему предшествовало и что за симъ послѣдовало. Посему вы не соскучитесь, братіе, если услышите отъ меня повтореніе повѣсти Евангельской, со всѣми обстоятельствами. На что лучше и употребить настоящія минуты, какъ не на подобное собесѣдованіе? Господь весь конецъ настоящаго дня бесѣдовалъ съ учениками; а мы, ученики Его, хотя въ настоящій часъ, побесѣдуемъ о Немъ Самомъ. Если Онъ обѣщался присутствовать всякій разъ тамъ, гдѣ соберутся два, или три во имя Его (Матѳ. 18, 20), то тѣмъ паче не можетъ не быть теперь въ нашемъ, столь многочисленномъ собраніи. Посему будемъ бесѣдовать, такъ, какъ бы воскресшій Самъ невидимо взиралъ теперь здѣсь и на проповѣдующаго и на слушающихъ; то-есть будемъ бесѣдовать въ духѣ живой вѣры и любви къ Нему, нашему Спасителю и Господу.

Я сказалъ, братіе, что для уразумѣнія настоящаго явленія Господа Апостоламъ, нужно знать предшествующія обстоятельства. Что же предшествовало ему? Во-первыхъ, двукратное явленіе Господа поутру женамъ Мироносицамъ, изъ коихъ одно послѣдовало среди самаго вертограда погребальнаго, а другое не вдалекѣ отъ него, какъ то мы видѣли въ утреннемъ нашемъ собесѣдованіи:—предшествовало потомъ явленіе Господа Апостолу Петру, о коемъ мы ничего не знаемъ изъ Евангелія, кромѣ того, что оно было и должно произойти въ Іерусалимѣ, среди нынѣшняго дня (Лук. 24, 34), предшествовало, наконецъ, явленіе Господа, подъ конецъ дня, двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Эммаусъ, кои, не узнавъ Его на пути и, наконецъ, познавъ въ Эммаусѣ—въ преломленіи хлѣба, тотчасъ возвратились въ Іерусалимъ съ вѣстію о томъ Апостоламъ. — Всѣми сими явле-

ніями однакоже не много произведено вѣры для настоящаго явленія. Касательно вѣсти женъ благочестивыхъ о воскресеніи, Евангелистъ прямо говоритъ, что предъ учениками *явишася яко лжа глаголы ихъ* (Лук. 24, 11). Возбужденные слезами Магдалины, Іоаннъ съ Петромъ сходили на гробъ Іисусовъ; тамъ не нашедъ тѣла Учителя, страннымъ положеніемъ одежды Его они приведены были къ различнымъ чувствованіямъ, — Іоаннъ къ вѣрѣ, Петръ къ удивленію (Лук. 24, 12; Іоан. 20, 8). Когда Петръ самъ среди дня увидѣлъ воскресшаго Учителя, то въ немъ уже не могло оставаться сомнѣнія; но прочіе ученики все еще продолжали колебаться между страхомъ и радостію, такъ что когда Эммаусскіе странники вошли въ собраніе Апостоловъ съ вѣстію о явленіи имъ Господа, то хотя отъ нѣкоторыхъ тотчасъ услышали, *яко воистину воста Господь и явися Симону* (Лук. 24, 34); но другіе, по свидѣтельству Ев. Марка, *ни тѣма вѣры яша* (Марк. 16, 13). Маловѣріе удивительное въ тѣхъ, кои, повидимому, скорѣе всѣхъ должны были повѣрить утѣшительной вѣсти о воскресеніи! Но не должно забывать, братіе, что есть маловѣріе отъ нерасположенности и холодности, и есть маловѣріе отъ любви и радости. Чего крайне желаютъ, тому вѣрятъ иногда слишкомъ скоро, а иногда слишкомъ не скоро,—смотря по тому, какъ представляютъ себѣ ожидаемое,—труднымъ, или легкимъ. А что могло казаться труднѣе, какъ возстаніе изъ гроба, послѣ такихъ мученій и такой смерти?—Мы нынѣ вовсе не въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находились первые ученики Евангелія, а какъ иногда бываетъ слаба вѣра наша, и какъ мало упованіе!—Притомъ намъ должно не сѣтовать, а радоваться, замѣчая медленность Апостоловъ при вѣрѣ въ воскресеніе Учителя, ибо сія медленность сильно заграждаетъ теперь уста врагамъ нашея вѣры, показывая, что въ первыхъ провозвѣстникахъ ея не было ни тѣни легковѣрія.— Но время начать самую повѣсть.

Среди всѣхъ недоумѣній и препятствій радостная вѣсть о воскресеніи Учителя, въ продолженіе дня, успѣла, однакожъ, достигнуть каждаго изъ учениковъ; и, не смотря на ихъ разсѣяніе по Іерусалиму, къ вечеру они, кромѣ одного, были уже всѣ вмѣстѣ. Собственное сердце говорило каждому, что возлюбленный Учитель не замедлитъ обрадовать

всѣхъ ихъ явленіемъ Своимъ, или новою, несомнѣнною вѣстію о Своемъ воскресеніи; и вотъ, не смотря на глубокій мракъ, вдругъ. Самъ *Іисусъ пріиде и ста посредѣ!* Двери были крѣпко заключены страха ради іудейска; и, однакоже. Онъ—*ста посредѣ,* ибо пречистое тѣло Его было уже превыше законовъ нашего тѣлеснаго бытія. — Взоръ на возлюбленнаго Учителя, Который еще за день висѣлъ на крестѣ, среди злодѣевъ, предъ лицемъ всего Іерусалима, а теперь явился совершенно живымъ, тотчасъ исполнилъ всѣхъ небесною радостію: *Возрадовашася ученицы, видѣвше Господа!*— Но радость сія невольно растворялась чувствомъ, похожимъ на страхъ. Тѣло Господа было такъ духообразно, а видъ Его такъ небесенъ,—при всей простотѣ явленія, Его окружало такое Божественное величіе, самый образъ явленія, *двереме заключеннымъ,* былъ такъ чудесенъ, что въ ученикахъ невольно родилась мысль: точно ли это ихъ воскресшій Учитель съ Своею плотію? Не духъ ли только Его, пришедшій съ неба посѣтить ихъ на время? А при мысли о явленіи изъ другаго міра, сердце невольно трепетало отъ страха. *Убоявшеся и пристрашни бывше, мняху духъ видѣти* (Лук. 24, 37). *Миръ вамъ,* сказалъ Господь, не столько по обычаю привѣтствія, сколько для успокоенія учениковъ. Но, въ сомнѣніи не знали, что отвѣчать на сей миръ, — и молчали. *Миръ вамъ,* повторилъ Онъ, желая утишить ихъ душевное волненіе. *Что смущени есте? почто помышленія входятъ въ сердца ваши* (Лук. 24, 38)? — Но, смущеніе было такъ велико, что одними словами нельзя было скоро разсѣять его. *Видите руцѣ Мои и нозѣ Мои,* продолжалъ Господь, *яко Самъ Азъ есмь: осяжите Мя и видите: яко духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща.* Сказавъ сіе, Господь показалъ ученикамъ пречистыя руцѣ и нозѣ Свои, съ ихъ язвами, кои оставались на воскресшемъ тѣлѣ, какъ знаменія недавно одержанной побѣды надъ смертію.

Такое доказательство было превыше всѣхъ сомнѣній. Но сердце человѣческое, братіе, слѣдуетъ нерѣдко другимъ законамъ, нежели разсудокъ; иногда предупреждаетъ его въ вѣрѣ, а иногда и отстаетъ отъ него, волнуясь подобно морю и тогда, какъ уже нѣтъ вѣтра сомнѣній. Въ ученикахъ не могло быть теперь невѣрія, но не было и полной спокойной увѣренности, — прежде отъ печали, а теперь отъ

самой радости. Осязать тѣло Господа казалось дерзновеніемъ, а съ другой стороны взоръ продолжалъ говорить, что тѣло сіе гораздо духовнѣе прежняго, и что двери продолжали быть заключенными. Все, въ чемъ могли соединиться недоумѣніе съ вѣрою, было не болѣе, какъ радостное удивленіе: состояніе духа, можетъ быть, еще сладостнѣйшее опредѣленной радости, но которое теперь не могло продолжаться безъ вреда для истины. Любовь Воскресшаго нашла средство положить конецъ сей нерѣшимости. *Еще же невѣрующимъ имъ отъ радости и чудящимся, рече имъ: имате ли что снѣдно здѣ* (Лук. 24, 41)? Это доказательство служитъ уже рѣшительнымъ признакомъ, что видимое тѣло Учителя было не воздушное и не одинъ призракъ, а то самое, которое висѣло на крестѣ и лежало въ гробѣ. Ученики подали *часть печеной рыбы и сотоваго меда*—остатокъ, вѣроятно, собственной вечери; — Господь вкусилъ того и другаго,—вкушеніемъ, можетъ быть, подобнымъ тому, коимъ избранные Божіи будутъ нѣкогда питаться *отъ плодовъ древа животнаго* и *отъ манны сокровенныя* (Апок. 2, 7. 17).

Послѣ сего страхъ и недоумѣнія учениковъ кончились, но цѣль явленія была симъ достигнута только въ половину. Надлежало не убѣдить токмо учениковъ въ дѣйствительности воскресенія, но и разсѣять ихъ мрачныя мысли о прошедшихъ событіяхъ, — удалить въ глазахъ ихъ соблазнъ отъ креста:—посему за трапезою чувственною, устроенною для Господа сомнѣніемъ учениковъ Его, началась трапеза духовная, которую Онъ Самъ устроилъ для нихъ Своею любовію.

Главный предметъ собесѣдованія, какъ я сказалъ, братіе, долженствовалъ быть прошедшій крестъ,—удаленіе отъ него соблазна. Къ сему было два способа: во-первыхъ, раскрытіе предъ учениками тѣхъ причинъ и цѣлей, для коихъ страдалъ Господь,—показаніе нужды искупленія грѣховъ міра кровію Сына Божія. Способъ сей, при всей твердости своей, не могъ быть теперь избранъ. Тайну искупленія во всей подробности могли Апостолы принять достойно и сохранить не прежде, какъ по сошествіи на нихъ Святаго Духа,—когда они, оставивъ прежніе предразсудки, содѣлались въ полномъ смыслѣ органами истины, сосудами всемірной благодати. Теперь для успокоенія волнующихся умовъ и сердецъ, достаточно было по-

казать изъ Пророковъ, что все происшедшее, не смотря на ужасность свою, совершилось точно такъ, какъ предсказано было нѣкогда, и, слѣдовательно, произошло не по прихоти какого-либо Каіафы, а по волѣ Отца небеснаго.—Сей-то послѣдній способъ и былъ употребленъ теперь.

Сія суть словеса, яже глаголахъ къ вамъ еще сый съ вами,—такъ началъ Господь вразумлять учениковъ. Что произошло такого, о чемъ бы вы не были предувѣдомлены?—Не говорилъ ли Я вамъ многократно, *яко подобаетъ скончатися всѣмъ написаннымъ въ законѣ Моисеовѣ и пророцѣхъ и псалмѣхъ о Мнѣ?* Таковыхъ предсказаній Спасителя о будущихъ событіяхъ, особенно о крестѣ Его, подлинно было весьма много, ибо мы не мало имѣемъ ихъ и теперь въ Евангеліи, хотя оно содержитъ токмо одну часть бесѣдъ и дѣяній Его. Посему при живомъ напоминаніи, въ памяти учениковъ должны были ожить теперь многіе случаи, при коихъ они слышали предсказанія о смерти Учителя. Что касается до указанія на пророковъ и псалмы, то хотя прежде и они дѣлаемы были не однократно, и безъ сомнѣнія съ изъясненіемъ пророческихъ мѣстъ, но по самой обширности и трудности сего предмета, не могли быть такъ удобно сохранены въ памяти. Посему Господь восполнилъ теперь сей недостатокъ новымъ, подробнымъ приложеніемъ къ смерти и воскресенію Своему важнѣйшихъ пророчествъ Ветхаго Завѣта.

Такая бесѣда, по самому существу своему, долженствовала быть одною изъ самыхъ величественныхъ и поучительныхъ. Кто могъ лучше проповѣдывать о необходимости креста, какъ не Самъ Великій Крестоносецъ? И откуда виднѣе вся широта и глубина пророчествъ о крестѣ, какъ не съ самой высоты крестной, съ коей недавно сошелъ Онъ? Но настоящее поученіе о крестѣ было произнесено для самихъ всемірныхъ учителей креста; посему и осталось въ нихъ однихъ. Мы, ученики ихъ, можемъ теперь слышать одни отголоски его въ тѣхъ мѣстахъ ихъ писаній, гдѣ они приводятъ разныя пророчества Ветхаго Завѣта о смерти и воскресеніи своего Учителя.

Уже одно слышаніе *такого* Учителя, въ *такое* время не могло не ввести Апостоловъ въ духъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ о страданіяхъ Сына Божія, и въ духъ самыхъ

страданій. Но къ довершенію дѣла,—для большаго вразумленія учениковъ, Господь, по сказанію Евангелиста Луки, употребилъ еще одно такое средство, которое совершенно понятно могло быть токмо тѣмъ, надъ коими оно употреблено; а именно *отверзъ* ученикамъ *умъ, разумѣти Писанія* самимъ. Евангелистъ не сказываетъ, въ чемъ состояло сіе таинственное *отверзеніе,* но самое выраженіе показываетъ, что въ семъ случаѣ произошло нѣчто чудесное. Безъ сомнѣнія, тайнымъ дѣйствіемъ силы Христовой, умы учениковъ приведены въ такое состояніе, что сами сдѣлались способными видѣть въ Писаніи, чего прежде не видѣли—понимать ясно, что прежде казалось темнымъ. Какъ ни чудесно такое событіе, братіе, но нѣкоторые опыты свидѣтельствуютъ для самыхъ невѣрующихъ, что умъ нашъ способенъ быть чуждою силою, такъ сказать, приподнимаемъ и отверзаемъ для истины.

При такихъ естественныхъ и сверхъестественныхъ пособіяхъ къ уразумѣнію креста Христова изъ Писанія, не удивительно, если ученики, по свидѣтельству Евангелиста, ясно увидѣли, послѣ бесѣды съ Господомъ, *яко тако писано есть* въ Писаніи, *и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути отъ мертвыхъ;*—а вмѣстѣ съ тѣмъ уразумѣли и другую, столь же важную истину, *яко подобаетъ проповѣдатися во имя* Воскресшаго *покаянію и отпущенію грѣховъ,* не въ одной уже Іудеи, а *во всѣхъ языцѣхъ,* только *наченше отъ Іерусалима* (Лук. 24, 47).

Вы, сказалъ Господь ученикамъ въ заключеніе Своея бесѣды съ ними, должны быть свидѣтелями и провозвѣстниками сихъ событій и истинъ. *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы* (Іоан. 20, 21),—для обращенія на путь спасенія всего міра. При сихъ чрезвычайно важныхъ словахъ,—ибо ими передавалось ученикамъ всемірное, Божественное посольство,—Господь дунулъ на нихъ, и сказалъ: *пріимите Духъ Святъ! Имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имъ же держите, держатся.* Ученики окрестятся духомъ всецѣло отъ Самаго Духа въ день Пятидесятницы, а теперь сдѣлано начало и положено основаніе къ тому. Въ продолженіе страшныхъ дней смерти возлюбленнаго учителя, на нихъ столько вѣяло духовъ злобы и сомнѣній, что предварительное одушевленіе ихъ дыханіемъ изъ собственныхъ устъ Его было необходимымъ врачевствомъ.

Евангелисты не сказываютъ, какъ отошелъ за симъ Господь изъ среды учениковъ. По всей вѣроятности, такъ же, какъ и въ другихъ явленіяхъ, то есть *невидимъ бысть имъ* (Лук. 24, 31).

Сами видите, братіе, что слова и дѣйствія, коими заключилось настоящее явленіе Господа, таковы, что его можно было почесть за послѣднее свиданіе съ учениками. Назначеніе и должность указаны; предметъ труда и проповѣди назначенъ; дары и силы даны и приняты; оставалось, повидимому, только начать дѣйствовать во имя Распятаго. Между тѣмъ Апостоламъ еще предстояли новыя явленія въ Іерусалимѣ и Галилеи, еще ожидали ихъ другія, вѣроятно, пространнѣйшія бесѣды о *царствіи Божіемъ* (Дѣян. 1, 3); еще имѣли они принять Духа въ огненныхъ языкахъ;—и тогда уже изыти на всемірное служеніе. Такая неопредѣленность положенія допущена, какъ догадываются Отцы Церкви, съ особеннымъ намѣреніемъ,—чтобы Апостолы, не имѣя въ земномъ видѣ Учителя, и не ожидая отъ Него прежняго руководства, начали заранѣе дѣйствовать своимъ умомъ, и какъ можно скорѣе развили въ своихъ поступкахъ и жизни то ученіе и тѣ правила, кои надлежало имъ передать потомъ всему міру.

Когда для учениковъ отъ радости о явленіи ихъ Учителя и принятіи отъ Него Святаго Духа, самая ночь сдѣлалась яснѣе дня; для одного изъ нихъ, Ѳомы, всѣ послѣдующіе дни обратились въ темную ночь. Видимою причиною сего несчастія было то, что, во время настоящаго явленія, Ѳома не былъ вмѣстѣ съ прочими учениками, и потому не видѣлъ Господа. Неизвѣстно, отъ чего произошло сіе отсутствіе въ такое время, когда все долженствовало соединять учениковъ. Недостатокъ усердія всего менѣе можетъ быть предполагаемъ въ семъ случаѣ, но могла быть неосмотрительность любви, пропустившая драгоцѣнный случай, и потому претерпѣвшая осьмидневное наказаніе лишенія. На другихъ, съ болѣе спокойнымъ воображеніемъ и тихимъ сердцемъ, такой случай не оказалъ бы неблагопріятнаго дѣйствія: довѣренность къ десяти ученикамъ легко могла замѣнить свидѣтельство собственныхъ чувствъ. Но Дидимъ былъ не таковъ.—Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ является въ исторіи Евангельской (Іоан. 11, 16; 14, 5), мы

видимъ въ немъ сильную стремительность чувства и взыскательность разсудка. Тѣмъ сильнѣе выразилось то и другое теперь. На радостныя слова учениковъ: *видѣхомъ Господа,* онъ рѣшительно отвѣчалъ: *аще не вижу на руку Его язвы гвоздиныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздиныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не имъ вѣры* (тамъ же 20, 25). Не невѣріе свидѣтельству соучениковъ хотѣлъ, безъ сомнѣнія, выразить сими словами будущій Апостолъ Индіи (ибо можно ли было разумно сомнѣваться въ истинѣ свидѣтельства?), а желаніе прочнѣйшаго увѣренія въ дѣйствительности явленія,—особенно въ томъ, что тѣло явившагося Учителя не было—призракъ.—Къ такому требованію могъ подать поводъ самый разсказъ прочихъ учениковъ о томъ, какъ они подумали сначала. что Явившійся есть духъ, и какъ Господь предлагалъ имъ осязать Его. Ѳомѣ, не видавшему явленія, казалось, что это именно и надлежало сдѣлать для полной увѣренности; поелику же сего не сдѣлано, то явленіе, думалъ онъ, еще не имѣетъ всей достовѣрности. А между тѣмъ, въ основаніи сего умствованія лежала тайная скорбь о потерѣ радости отъ присутствія при явленіи Учителя. Скорбь горькая! Ибо тогда какъ другіе не видали слѣдующихъ дней отъ радости, Ѳома долженъ былъ сильно страдать всѣмъ существомъ, доколѣ, по прошествіи осьми дней, не явился Господь паки, и не извлекъ его изъ произвольнаго ада сомнѣній.

Такимъ образомъ, при первомъ свиданіи Воскресшаго съ учениками Своими, оправдалось уже во всей силѣ замѣчаніе, коимъ Онъ еще при разлукѣ съ ними, предостерегалъ ихъ отъ духа тьмы, говоря, что сей человѣкоубійца проситъ позволенія *сѣять ихъ, яко пшеницу* (Лук. 22, 31). Ѳома съ своими сомнѣніями и возраженіями явно былъ близокъ къ тому, чтобы выпасть изъ мирнаго круга учениковъ и сдѣлаться предметомъ ужаснаго *сѣянія.* Но мудрая любовь Учителя найдетъ средство отвратить сію опасность: Ѳома увидитъ язвы гвоздиныя, и забудетъ желаніе осязать ихъ; пламенное восклицаніе: *Господь мой и Богъ мой!* (Іоан. 20, 28).—вознаградитъ хладныя слова: *аще не увижу,—аще не вложу руку мою;*—окончившись непоколебимою увѣренностію, кратковременное невѣріе Апостола подтвердитъ навсегда истину не только воскресенія Христова, но и всей вѣры

христіанской. Посему-то св. Церковь въ пѣснопѣніяхъ своихъ не обинуясь именуетъ невѣріе Ѳомы *добрымъ невѣріемъ* (Стих. 4, на веч. въ нед. Ѳом.).

Такова, братіе, Евангельская повѣсть, нынѣ вами слышанная, во всей ея подробности. Можетъ быть, нѣкоторыя черты ея показались вамъ не слишкомъ занимательными для воображенія, но тѣмъ не менѣе онѣ должны быть драгоцѣнны для нашего сердца. Ахъ, мы читаемъ многія повѣсти вымышленныя и не скучаемъ ихъ подробностями, хотя предметы ихъ нисколько не имѣютъ отношенія къ нашему благу, часто даже вредятъ чистотѣ душевной! Ужели повѣсть о явленіяхъ воскресшаго Спасителя нашего не стоитъ того, чтобы знать ее всю и всецѣло!—Что было бы съ нами, если бы Апостолы не вышли на всемірную проповѣдь? Но они не вышли бы на сіе дѣло, когда бы не увѣрились въ воскресеніи своего Учителя, и не увѣрились бы, если бъ Воскресшій не явился имъ такимъ образомъ, какъ мы видѣли. Посему исторія Его явленія есть исторія нашего спасенія: ея ли не слушать и не читать со вниманіемъ?

Что же заслуживаетъ въ ней особеннаго вниманія?—Все, если будешь размышлять, какъ должно. Смотри, какъ Господь дѣятеленъ для твоего спасенія!—Едва Онъ исшелъ изъ гроба, уже сколько явленій въ одинъ первый день!—Поутру два,—въ вертоградѣ и близъ его, женамъ мироносицамъ; среди дня одно, Петру; подъ вечеръ опять одно, на пути въ Эммаусъ двумъ ученикамъ; и, наконецъ, ночью въ Іерусалимѣ—десяти Апостоламъ. Только величайшая любовь къ приснымъ Своимъ могла расположить Того, Кому уже дана всякая власть на небѣ и на землѣ, провести почти весь день—и какой день!—въ бѣдномъ вертоградѣ! На пути! За трапезою! Не узнаннымъ, обличающимъ и даже обличаемымъ! — Кто дѣйствуетъ такимъ образомъ, Тотъ имѣлъ право сказать: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю!* (Іоан. 5, 17).

Примѣть далѣе, какъ тверды основанія вѣры нашей! Апостолы не бросаются на первую вѣсть о воскресеніи; не вѣрятъ въ семъ отношеніи и другъ другу; вовсе не полагаются на чужія свидѣтельства; не вдругъ вѣрятъ даже собственнымъ глазамъ. За то, когда увидѣли, увѣрились,

увѣровали, то уже ничто не могло ихъ ни смутить, ни устранить; они шли спокойно не во весь токмо, но и на весь міръ: съ радостію всѣ умерли за Того, Кто умеръ и воскресъ за всѣхъ.

Примѣть, наконецъ, какъ неосновательны и опасны сомнѣнія въ вѣрѣ! Ѳомѣ еще можно было усомниться, когда о воскресеніи свидѣтельствовали нѣсколько человѣкъ; когда на Голгоѳѣ еще, можетъ быть, стоялъ облитый кровію крестъ, а въ вертоградѣ лежалъ камень надгробный, когда вѣра христіанская заключена была въ одной горницѣ, а невѣріе обнимало всю Іудею и весь міръ, но можно ли разумно сомнѣваться въ истинахъ вѣры христіанской нынѣ, когда она побѣдила весь міръ, образовала изъ людей сонмы Ангеловъ, распространила вездѣ и на все благословеніе и благодать,—когда все наше существо сроднилось съ вѣрою такъ, что мы невольно вѣруемъ душею и тогда, когда языкъ произноситъ возраженія?—Впрочемъ, если бы кто и теперь имѣлъ несчастіе, подобно Ѳомѣ, потерпѣть затмѣніе вѣры (врагъ никогда не дремлетъ, сѣя плевелы), то пусть не отчаявается: язвы Господа цѣлы, цѣла и любовь Его ко всѣмъ грѣшникамъ. Пусть только безпристрастно вникнетъ въ дѣянія Господа, въ духъ Его ученія, а паче въ Его любовь къ человѣчеству,—въ Его смерть за всѣхъ насъ на крестѣ: быть не можетъ, чтобы при семъ самое хладное сердце не согрѣлось огнемъ святой любви къ Распятому, и не признало истиннаго Спасителя міра въ Томъ, Кто предлагаетъ спасеніе не на словахъ красныхъ, а въ крови и смерти Своей.

Столько предметовъ настоящая Евангельская исторія представляетъ, братіе, вниманію слушающаго ее! А еще болѣе представитъ вниманію читающаго. Съ намѣреніемъ упоминаю о чтеніи, убо думаю, что ничѣмъ лучше не могу заключить настоящаго собесѣдованія съ вами, какъ приглашеніемъ всѣхъ, умѣющихъ читать, къ тому, чтобы они, въ слѣдующіе дни, сами посвятили нѣсколько времени на чтеніе Евангельскихъ сказаній о воскресеніи Господа и Его явленіяхъ Апостоламъ. Ибо, сколько бы мы ни говорили съ сего мѣста, никогда не можемъ сказать вамъ всего, что содержится въ Евангеліи. Что наши слова? Малые ручьи, а тамъ—море. Посему надобно читать самимъ, кто можетъ. И на

что лучше употребить время праздничное, какъ не на это чтеніе, которое и весьма сладостно, и весьма поучительно? Чтобы умножить сладость сей духовной трапезы, пригласи къ ней твоихъ домочадцевъ; пусть они изъ твоихъ устъ услышатъ о воскресеніи общаго всѣхъ Владыки и Господа. Такимъ образомъ, ты содѣлаешься для нихъ Ангеломъ благовѣстникомъ, и твой домъ уподобится той горницѣ, въ коей нынѣ былъ Господь съ учениками. Видя усердіе твое, Онъ Самъ невидимо станетъ посреди твоего семейства, осѣнитъ его пречистыми язвами Своими, изречетъ тебѣ миръ и подастъ благодать Духа,—еже буди всѣмъ намъ!—Аминь.

Слово въ день Св. Пасхи,

произнесенное 1838 г. въ Кіевопечерской Лаврѣ, по случаю полученія ею къ сему дню въ даръ полнаго облаченія для служенія архіерейскаго отъ щедротъ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Христосъ воскресе!

Повѣствуя о явленіи Ангеловъ при гробѣ воскресшаго Спасителя, св. Евангелисты замѣчаютъ, что у одного изъ нихъ было одѣяніе *бѣло яко снѣгъ* (Матѳ. 28, 3), а у двухъ другихъ—*ризы блестящія* (Лук. 24, 4). Если и для Ангеловъ, послужившихъ воскресшему Господу, при ихъ явленіи людямъ, нужно было такое одѣяніе и такія ризы, то кольми паче необходимо приличное облаченіе для служителя алтаря Христова. Ибо что мы въ сравненіи съ Ангелами?—Между тѣмъ предметъ служенія нашего выше Ангельскаго. Ангелы должны были только возвѣстить о воскресеніи Господа, а мы должны не только возвѣщать о семъ воскресеніи, но и низводить благодать Воскресшаго въ души и сердца ваши, преподавать вамъ самое Тѣло и самую Кровь Его. *Кто*, скажемъ словами Апостола, *кто къ силѣ доволенъ?* (2 Кор. 2, 16).

Посему-то еще при первомъ учрежденіи чина священническаго, Самъ Богъ чрезъ Моисея не только далъ уставъ Богослуженія, но и начерталъ во всей подробности правила касательно вида, состава и употребленія одеждъ священныхъ. Божественный Основатель Церкви, новозавѣтной не начерталъ подобныхъ правилъ для одеждъ Своихъ служителей, ибо собственныя одежды Его были совлечены съ

Него и достались въ удѣлъ распинателямъ, но когда явился потомъ возлюбленному ученику Своему въ видѣ Великаго Первосвященника Церкви новозавѣтной, то явился *облеченнымъ въ подиръ и препоясаннымъ поясомъ златымъ* (Апок. 1, 13); и когда показалъ ему въ видѣніи, стоящихъ предъ престоломъ славы Его, то показалъ *облеченными въ ризы бѣлыя, и финицы въ рукахъ ихъ* (Апок. 7, 9). Имѣя въ виду сіе, Церковь новозавѣтная, хотя и преимуществуетъ предъ ветхозавѣтною Церковію благодатію, духомъ и истиною, но, подобно ей, никогда не пренебрегала и не пренебрегаетъ и внѣшнимъ благолѣпіемъ Богослуженія и священныхъ облаченій. Особенно настоящій день, яко праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ, всегда отличался особенною торжественностію не только служенія, но и священнаго облаченія служителей алтаря Христова.

И, вотъ къ сему-то благоименитому дню приспѣлъ благознаменитый даръ августѣйшаго покровителя и защитника Церкви! Принадлежа, по самому сану своему, къ высокому кругу боговѣнчанныхъ Константиновъ, Ѳеодосіевъ, Іустиніановъ, онъ возревновалъ святою ревностію быть и въ числѣ богоизбранныхъ Іосифовъ Аримаѳейскихъ и Никодимовъ. Князь іудейскій. приходившій прежде ко Іисусу нощію, и благообразный совѣтникъ, иже отъ Аримаѳеа (Іоан. 19, 39, Марк. 15. 43), принесли Спасителю смирну, алой и плащаницу на собственную потребу Его, яко мертва и погребаема; а нашъ Боговѣнчанный самодержецъ Ему же, но яко воскресшему и потому не имѣющему ни въ чемъ нужды, приноситъ облаченіе для служителей Его, подобное облаченію Ангельскому.

Кто изъ васъ, братіе, не радовался уже святою радостію при одномъ услышаніи о семъ дарѣ царевомъ? — Кто изъ всѣхъ сыновъ Церкви православной не возрадуется и не возблагодаритъ въ сердцѣ своемъ благочестивѣйшаго помазанника, услышавъ о семъ знакѣ царственнаго вниманія его къ тому святому мѣсту, которое для всего православнаго отечества нашего есть, яко новый Іерусалимъ и Сіонъ отечественный? Но мзда такой любви къ благолѣпію Церкви, не у людей, а у Всевышняго (Прем. 5, 15). Не довольствуясь нашими благодарственными молитвами ко Господу о благоденствіи августѣйшаго даятеля, св. угодники Божіи,

здѣ почивающіе нетлѣнными тѣлесами своими, сами пойдутъ къ престолу воскресшаго Господа, явятъ предъ Нимъ даръ вѣры и любви благочестиваго царя и испросятъ для него *благодать возблагодать* (Іоан. 1, 16).

Для полноты торжества нашего желалось бы одного,— видѣть нынѣ среди насъ Христолюбиваго архипастыря нашего, самого воздѣвающимъ въ новомъ облаченіи преподобныя руки свои къ престолу Царя царей. Но, бывъ столько разъ свидѣтелями его умилительнаго служенія въ семъ храмѣ, мы увѣрены, что онъ, отстоя отъ насъ плотію, духомъ теперь съ нами, что руки и сердце его воздѣты теперь въ благодарственныхъ молитвахъ къ Господу за благочестивѣйшаго монарха, за отечество и за паству свою.

Итакъ, ничто да не препятствуетъ радости нашей: *сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!* (Псал. 117, 24). Возрадуемся о Царѣ небесномъ, Который, яко женихъ отъ чертога, исшелъ нынѣ отъ гроба своего. Возвеселимся о царѣ земномъ, который, подобясь вѣрному другу женихову, поспѣшилъ ознаменовать сіе исшествіе даромъ вѣры и любви своей.

Но радуясь сею сугубою радостію, не забудемъ, братіе, что есть одно царственное облаченіе, въ которое надобно облещись уже не однимъ служителямъ алтаря, а всѣмъ вѣрующимъ во имя распятаго и воскресшаго Господа, Который всѣхъ истинныхъ послѣдователей Своихъ, по свидѣтельству Тайновидца, сотворилъ есть *іереи Богу* (Апок. 5, 10). Это тѣ драгоцѣнныя ризы, о коихъ написано: *побѣждаяй облечется въ ризы бѣлыя, и исповѣмъ имя его предъ Отцемъ Моимъ и предъ ангелы Его* (Апок. 3, 5). Есть царское облаченіе, коимъ каждый истинно вѣрующій украшенъ уже и здѣсь, въ продолженіе земнаго странствованія. Это оное божественное облаченіе, о которомъ нынѣ въ слухъ вашъ возглашала св. Церковь: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27). *Блаженъ бдяй, и блюдый сіи ризы своя, да не нагъ ходитъ* (Апок. 16, 15). Блаженъ, кто, и не соблюдши первой чистоты, умѣлъ покаяніемъ и вѣрою *убѣлить* ихъ паки *въ крови Агнчи!* (Апок. 7, 14). Но стократъ несчастенъ тотъ, кто не умѣлъ ни сохранить, ни возвратить благолѣпнаго одѣянія души своея. Таковый обрящется нагъ въ тотъ великій день всеобщаго воскресенія,

когда надобно будетъ начать праздновать Пасху уже не временную, а вѣчную.

Да сохранитъ Господь отъ сей ужасной наготы всѣхъ насъ благодатію Своею и молитвами святыхъ угодниковъ, здѣ нетлѣнно почивающихъ! Аминь.

Слово въ понедѣльникъ Свѣтлыя Седмицы.

Христосъ воскресе!

Когда хотятъ праздновать въ честь какого-либо высокаго и важнаго лица, то обыкновенно стараются узнать, что ему особенно нравится, и что для него противно.—Мы, братіе, предначали вчера празднество въ честь лица самаго великаго и важнаго,—въ честь Господа и Спасителя нашего, за насъ пострадавшаго и для насъ воскресшаго. Посему тѣмъ нужнѣе для насъ знать вѣрно, что Ему въ нашемъ празднованіи можетъ быть благоугодно, и что противно.

Кто же намъ откроетъ сіе? О привычкахъ и наклонностяхъ сильныхъ земли узнаютъ отъ ихъ приближенныхъ. Къ нашему Господу ближе всѣхъ тѣ, кои всегда творятъ волю Отца Его. Одинъ изъ таковыхъ былъ св. Павелъ, который пользовался за сіе еще на землѣ такою постоянною и великою близостію къ Воскресшему, что могъ сказать о себѣ: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20).

Скажи же намъ, божественный Апостоле, какъ лучше праздновать Пасху,—праздновать такъ, чтобы симъ празднованіемъ угодить воскресшему Господу. Онъ такъ много страдалъ за насъ, что для насъ было бы величайшимъ несчастіемъ, если бы еще и наше празднованіе послужило для Него въ огорченіе.

Когда дѣйствительно хотите, отвѣчаетъ Апостолъ, праздновать достойнымъ образомъ Пасху, то празднуйте оную *не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины, ибо пасха наша за ны пожренъ бысть, Христосъ* (1 Кор. 5, 7. 8).

Итакъ, вотъ чего не любитъ Господь нашъ, и чего по тому самому ни подъ какимъ видомъ не должно быть у насъ среди настоящаго празднества въ честь Его:—это ветхій

квасъ, иначе квасъ злобы и лукавства! Вотъ что Ему пріятно и чѣмъ по тому самому какъ можно болѣе должно запастись каждому изъ празднующихъ:—это безквасіе чистоты и истины!

«Но почему Апостолъ, говоря о Пасхѣ, упоминаетъ о квасѣ? что за отношеніе между квасомъ и Пасхою?» Слѣдующее: давая совѣтъ, какъ праздновать христіанамъ свою Пасху, Апостолъ имѣлъ при томъ въ виду пасху іудейскую. Іудеямъ, во время празднованія ихъ пасхи, подъ опасеніемъ смерти, повелѣлъ Господь беречься всего кваснаго? (Исх. 12, 15), посему они за нѣсколько дней до пасхи оставляли, и теперь оставляютъ, употребленіе кваса. Имѣя въ виду такой обычай и такую строгость Церкви ветхозавѣтной, Апостолъ совѣтуетъ то же дѣлать и христіанамъ, во время празднованія своей Пасхи,—то-есть наблюдать безквасіе. Но іудей берегся кваса вещественнаго,—ибо былъ подъ закономъ обрядовымъ, *подъ стихіями міра* (Гал. 4, 3), а христіанинъ долженъ беречься кваса духовнаго—злобы и лукавства. Іудей вкушалъ въ продолженіе пасхи опрѣсноки, бывшіе только символомъ чистоты, а христіанинъ долженъ питаться самою вещію, имѣть чистоту духовную. Вотъ почему Апостолъ говоритъ такимъ сравнительнымъ языкомъ, и разсуждая о томъ, какъ христіанамъ праздновать Пасху, упоминаетъ при томъ о квасѣ и велитъ его беречься!

Но важность совѣта апостольскаго не въ выраженіи, а въ существѣ вещи; и на сіе-то, братіе, должны мы обратить теперь все наше вниманіе. Апостолъ требуетъ, чтобы у празднующихъ Пасху не было во-первыхъ, злобы. И зачѣмъ ей быть тутъ? Пусть она останется въ сердцѣ враговъ Іисусовыхъ, въ сердцѣ Іуды, Пилата и ему подобныхъ (о, если бы не было ее и тамъ!); а въ сердцѣ христіанина зачѣмъ быть злобѣ? На кого злиться?—Не за всѣхъ ли умеръ Христосъ, и не для всѣхъ ли воскресъ? Онъ умеръ и воскресъ для всѣхъ, а мы не въ состояніи будемъ, ради Его, перенести какой-либо обиды, какого-либо слова? Что же мы за послѣдователи Его? Если бы кто обидѣлъ насъ и самою жестокою обидою, то мы должны простить ему нынѣ, ради Воскресшаго. Ибо при такой радости не время считаться обидами. Никто болѣе насъ самихъ не прогнѣвалъ Царя небеснаго; но воскресшій Господь всѣмъ исходатай-

ствовалъ прощеніе. Намъ ли, помилованнымъ, продолжать злобу? Прощеннымъ ли считать долги? Напротивъ, если бы кто имѣлъ врага самаго жестокаго, то нарочно употреби всѣ усилія примириться съ нимъ въ настоящіе дни: превративъ злобу его въ любовь, ты премного угодишь Воскресшему, составишь для него празднество самое свѣтлое. «Но какъ явиться къ такому врагу?» А какъ Господь являлся врагамъ Своимъ ради тебя! Явись о имени Іисуса, скажи: *Христосъ воскресе,* и докажи сіе на дѣлѣ; объяви, что Воскресшій не велѣлъ питать вражды, что ты исполняешь повелѣнное отъ Него, скажи сіе, и требуй мира и любви. Послушаетъ?—Ты пріобрѣлъ брата, отнялъ его у сатаны и даровалъ Господу. Не послушаетъ?—Ты самъ вышелъ изъ области смерти, ибо *ненависть,* по слову Апостола *есть смерть* (1 Іоан. 3, 14).

Второе требованіе св. Павла состоитъ въ томъ, чтобы у празднующихъ Пасху не было лукавства. Лукавство никогда не прилично христіанамъ, ибо для чего лукавить тѣмъ, кои всѣ должны быть братіями, всѣ созданы и воссозданы во Христѣ для истины, кои идутъ къ одной цѣли, сражаются съ одними врагами, пользуются одними средствами спасенія, для коихъ всѣхъ истина столь же необходима, какъ воздухъ? Но тѣмъ паче въ настоящіе дни неприлично христіанину имѣть и малѣйшій видъ лукавства.— Ибо что говоритъ онъ нынѣ другимъ, и что слышитъ отъ другихъ, встрѣчаясь съ ними? Говоритъ: *Христосъ воскресе!* слышитъ *воистину воскресе!* То-есть, мы всѣ христіане дѣлаемся нынѣ свидѣтелями и благовѣстниками истины воскресенія Христова, и потому повторяемъ оную всѣ стократно, вопреки іудеямъ, силившимся и теперь еще силящимся сокрыть сію истину въ неправдѣ, клеветавшимъ и теперь еще клевещущимъ на Апостоловъ Христовыхъ, будто они похитили тѣло своего Учителя. Но въ свидѣтелѣ всего нужнѣе любовь къ истинѣ: тому не вѣрятъ, когда говоритъ и правду, кто часто говорилъ неправду. Посему, предаваясь лукавству и лжи въ настоящіе дни, мы симъ самымъ лишимъ языкъ свой всей силы, отвратимъ отъ себя всякое довѣріе, не только враговъ нашея вѣры, іудеевъ, магометанъ и другихъ, но и самыхъ присныхъ нашихъ, ибо отъ *лживаго,* скажетъ всякій, *кая истина* (Сирах. 34, 4)? Въ такомъ

случаѣ лучше не говорить: *Христосъ воскресе!* и не отвѣчать: *воистину воскресе!* а молчать, зная свое недостоинство. Но какъ молчать, когда всѣ говорятъ и свидѣтельствуютъ о воскресеніи? — Такое молчаніе было бы тяжелѣе смерти. Значитъ, надобно возлюбить истину, и удалить отъ себя всякій видъ двоедушія: неискренности, хитрости и лукавства, дабы содѣлаться достойнымъ свидѣтелемъ истины воскресенія Христа.

Наконецъ, Апостолъ требуетъ для достойнаго празднованія Пасхи—чистоты и истины. Праздникъ всякій любитъ чистоту; вслѣдствіе чего, мы очищаемъ къ праздникамъ домы наши и одежды, измываемъ самихъ себя. Но для Воскресшаго нужна не сія чистота. Онъ готовъ принять насъ въ рубищахъ, готовъ нагихъ посадить за трапезу съ Собою, коль скоро душа чиста и облечена въ одежду невинности. И, напротивъ, измовенныя уста для Него отвратительны, когда на нихъ привитаетъ ложь и нечистота сердечная: и свѣтлая одежда для Него хуже вретища, когда подъ нею сокрываются страсти, когда она куплена притѣсненіемъ ближнихъ. Посему, празднуя пасху, надобно заботиться не объ одной чистотѣ домовъ и одеждъ, а паче о чистотѣ души и сердца. Безъ сей чистоты съ какимъ лицемъ осмѣлимся мы приходить въ церковь? Ибо въ сіи наипаче дни въ церкви множество Ангеловъ: какъ стать среди сонма чистѣйшихъ духовъ съ нечистою душею? — Кромѣ сего надобно часто въ сіи дни лобызать крестъ, икону воскресенія и священный хлѣбъ: какъ приступить къ сей святынѣ съ очерненною совѣстію, съ зловоніемъ грѣха?—Если бы даже не захотѣлъ подходить ко кресту и хлѣбу, по причинѣ своей нечистоты, а удовлетворился однимъ стояніемъ въ церкви, то все ты не можешь спокойно взирать на святилище. Ибо, смотри, царскія двери отверсты всю недѣлю! Это значитъ, что Самъ Царь славы непрестанно на тебя смотритъ съ Своего престола. Сокроется ли отъ Его очей, если въ тебѣ есть какая-либо нечистота грѣховная? И какая дерзость стоять предъ лицемъ Царя въ рубищахъ грѣха, съ язвами совѣсти!—Магдалина шла съ благовоннымъ мvромъ на гробъ Воскресшаго, но и тутъ сказано ей: *не прикасайся Мнѣ!* Что же скажутъ намъ, если мы будемъ исполнены худыхъ мыслей, беззаконныхъ замысловъ?

Но довольно уже говорили мы, каково должно быть настоящее празднество; скажемъ теперь нѣчто и о томъ, какъ бываетъ оно на самомъ дѣлѣ.

Ахъ, братіе, какъ далеко отстоятъ наши празднованія Пасхи отъ истиннаго празднества, коего требуетъ Апостолъ! Вамъ извѣстны обычаи міра въ сіи дни, происшествія, ихъ наполняющія, занятія, въ коихъ они проходятъ: скажите сами, когда менѣе чистоты и святости между людьми, какъ не въ сіи дни? Когда наипаче злословятъ, лгутъ, кощунствуютъ, какъ не въ сіи дни? Когда наиболѣе распрей, браней, даже убійствъ, какъ не въ сіи дни? — Съ окончаніемъ поста какъ будто оканчивается у многихъ все доброе; Христосъ воскресаетъ, а они умираютъ духомъ! И для людей съ чувствомъ христіанскимъ тяжело смотрѣть въ сіи дни на безумныя игрища, на забвеніе многими всякаго воздержанія, на явное торжество нечистыхъ страстей: каково же должно быть при семъ воскресшему Господу,—Тому, Который для того и умеръ за насъ, чтобы содѣлать всѣхъ насъ людьми чистыми и святыми?—Посему-то, братіе, замѣтили-ль вы, какая просьба предложена была намъ отъ имени Воскресшаго?—*Потерпи Мене, глаголетъ Господь*, читалось въ прошедшую субботу на литургіи, *потерпи Мене въ день воскресенія Моего, во свидѣтельство* (Соф. 3, 8). Признаюсь, братіе, что я, когда слышу слова сіи, всегда исполняюсь стыда и сокрушенія. Вотъ, думаю, до чего дошли христіане, что имъ надобно предлагать такую просьбу! — Спаситель не требуетъ уже ничего для Себя отъ тѣхъ, кои искуплены Его кровію; не говоритъ: *прославь Меня*, или: *принеси Мнѣ въ даръ что-либо:* нѣтъ, это много для Его послѣдователей! Онъ ищетъ меньшаго, проситъ не долга, а милости, не справедливости, а снисхожденія: *потерпи Мене!*

Ты, какъ бы такъ говорилъ Онъ, не хочешь служить Мнѣ, хотя купленъ Моею кровію;—не хочешь слѣдовать за Мною, хотя клялся быть Моимъ послѣдователемъ. Окажи, по крайней мѣрѣ, одну милость: *Потерпи Мене,* не предавайся порокамъ при Мнѣ, не изгоняй Меня прежде времени, не благословляй въ лице. *Потерпи Мене,*—хотя не надолго, хотя въ день воскресенія Моего, въ тотъ день, когда и узникамъ даютъ свободу и съ врагами обходятся дружелюбно. Пусть пройдутъ мои торжества, престанутъ славословія, за-

творятся двери: тогда, если хочешь погубить душу твою, тогда твори угодное тебѣ, а теперь не измѣняй такъ нагло, не безславь Моего креста, не порочь своей вѣры и Моей Церкви. *Потерпи Мене, во свидѣтельство* Мое; Мнѣ нужно свидѣтельство! у Меня идетъ споръ, и споръ не малый: *судъ Мой въ сонмища языковъ* (Соф. 3, 8). Это овцы, *кои не суть* еще *отъ двора Моего* (Іоан. 10, 16), коихъ Мнѣ также подобаетъ привести въ ограду Церкви. Но какъ привести, когда, приведенные уже будутъ бѣжать вонъ?—Какъ привести, когда невѣрные видятъ въ послѣдователяхъ Моихъ всѣ мерзости язычества? Какъ привести, когда Меня самого изгоняютъ изъ храмовъ безчинствами во дни самаго воскресенія моего? Итакъ, еще прошу: *потерпи Мене; зане судъ Мой въ сонмища языковъ!* Иначе іудей за тебя будетъ издѣваться надо Мною; иначе магометанинъ за твою жизнь будетъ поносить крестъ Мой; иначе судъ Мой съ ними будетъ продолжительнѣе, ибо у Меня будетъ не доставать свидѣтельства Моихъ послѣдователей. Самъ діаволъ посмѣется надъ торжествомъ Моимъ: Я буду показывать язвы, за тебя понесенныя, а онъ будетъ выставлять язвы, тобою за него носимыя; Я буду изводить души изъ ада, а онъ твою душу повлечетъ во адъ! Я буду распространять жизнь и воскресеніе, а онъ черезъ тебя будетъ разливать смерть и тлѣніе. *Потерпи убо Мене въ день воскресенія Моего, во свидѣтельство: зане судъ Мой въ сонмище языковъ!*

Надобно, братіе, имѣть каменное сердце, чтобы не тронуться отъ сего гласа воскресшаго Господа. Посему и не почитаю нужнымъ присовокуплять что-либо къ нему, кромѣ совѣта и моленія, чтобы вы размыслили о немъ сами, на свободѣ дома. Кто сдѣлаетъ сіе, тотъ навѣрно столько умилится сердцемъ, что постарается провести настоящій праздникъ, какъ совѣтуетъ Апостолъ, а не какъ требуютъ плоть и кровь, то-есть, *не въ квасѣ злобы и лукавства,* а *въ безквасіи чистоты и истины.*—Аминь.

Бесѣда во вторникъ Свѣтлыя Седмицы.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Лук. 24, 13—35.

Въ нынѣ чтенномъ Евангеліи, братіе, вы слышали одну изъ трогательныхъ повѣстей во всемъ Свящ. Писаніи; и я не мало думалъ, излагать ли вамъ ее снова въ настоящемъ собесѣдованіи: ибо всякое изложеніе ея всегда останется ниже трогательной простоты евангельской. Между тѣмъ, нѣкоторыя стороны событія еммаусскаго явно требуютъ поясненія; притомъ не всякій изъ насъ удобно можетъ приложить его къ себѣ и своему состоянію. Посему и рѣшился я кратко повторить съ вами повѣсть евангельскую, стараясь, сколько возможно, не удаляться отъ ея духа и силы. О, если бы мы ощутили при семъ въ сердцахъ нашихъ. хотя нѣкую часть того пренебеснаго огня, коимъ горѣли сердца учениковъ, шедшихъ въ Еммаусъ!—Но это, братіе, зависитъ не отъ словъ и усилій человѣческихъ, а отъ всемогущей благости Духа Божія: посему, если желаете быть не хладными слушателями повѣствуемаго, то отверзите слухъ и сердца ваши къ вѣщаніямъ Сего Духа,—Который, безъ сомнѣнія, не остается безмолвнымъ въ то время, когда мы, служители слова, возвѣщаемъ вамъ пути живота вѣчнаго.

Прежде всего должно замѣтить, братіе, что явленіе Господа двумъ ученикамъ на пути въ Еммаусъ произошло не нынѣ, а въ первый день воскресенія, подъ вечеръ; въ настоящій же день Евангеліе о семъ читается въ церкви, вѣроятно потому, чтобы на семъ событіи остановить особенно наше вниманіе, ибо въ первый день воскресенія произошло много событій, и тамъ между ними настоящее событіе не было бы такъ замѣтно. Не тѣмъ ли паче, братіе, должны мы усугубить вниманіе къ тому, что произошло въ Еммаусѣ?

Посему, чтобы точнѣе и лучше понять событіе еммаусское, начнемъ повѣствованіе наше съ того, что ему непосредственно предшествовало. — Въ прошедшихъ собесѣдованіяхъ нашихъ мы видѣли, какъ Господь въ самый день своего воскресенія, поутру, явился двукратно женамъ Мyроносицамъ. Вслѣдствіе повелѣнія отъ Него и отъ Ангеловъ, жены немедленно извѣстили о воскресеніи Его всѣхъ Апостоловъ и

прочихъ ближайшихъ послѣдователей Его. Но предубѣжденіе, страхъ и печаль были такъ велики у всѣхъ, что радостнѣйшая вѣсть показалась для многихъ плодомъ воображенія. *Явишася*, говоритъ Евангелистъ, *яко лжа глаголы ихъ* (Лук. 24, 11). Между тѣмъ въ умѣ и сердцѣ всякаго изъ почитателей Іисусовыхъ, по необходимости, возбудилось при семъ множество разныхъ мыслей и чувствованій. Никто не вѣрилъ твердо извѣстію женъ, но всякій хотѣлъ вѣрить; многіе отдали бы самую жизнь свою за истину воскресенія Учителя, какъ и отдали послѣ.

Въ такомъ смущенномъ и скорбномъ состояніи духа, подъ конецъ дня шли двое изъ учениковъ въ недалеко отстоящую отъ Іерусалима весь, называемую Еммаусъ. Одного изъ нихъ Ев. Лука именуетъ Клеопою; названіе другаго умолчано Евангелистомъ; посему еще въ древности составилось мнѣніе, что это былъ онъ самъ. Удаленіе сихъ учениковъ въ такой день изъ Іерусалима—мѣста воскресенія Господа Іисуса, гдѣ скорѣе можно было надѣяться вѣрнаго извѣстія о Немъ, могло бы навести сомнѣніе на ихъ приверженность къ Распятому: если бы повелѣніе, данное чрезъ женъ Самимъ Воскресшимъ, чтобы ученики шли въ Галилею (Еммаусъ лежитъ на пути къ ней), не служило къ оправданію настоящаго путешествія. И не вѣря твердо въ сказаніе святыхъ женъ о воскресеніи, ученики могли поспѣшить туда, гдѣ, по словамъ ихъ, надлежало ожидать явленія Воскресшаго. Но собственныя лица и слова путешественниковъ суть лучшіе свидѣтели ихъ любви къ распятому Учителю. На пути, не смотря на свѣтлость праздничныхъ дней, они представлялись совершенно мрачными отъ печали, и бесѣдовали между собою не о другомъ чемъ, какъ о томъ, что наполняло ихъ душу и сердце—о судьбѣ Іисуса Назарянина. Восхитительный теперь для насъ предметъ сей представлялъ въ то время тьму недоумѣній; посему бесѣда происходила не безъ взаимныхъ совопрошеній и споровъ, кои, по недостатку яснаго разрѣшенія, всѣ оканчивались увеличеніемъ туги сердечной.

Въ такомъ положеніи учениковъ, непримѣтно приблизился къ нимъ одинъ путешественникъ, и началъ идти съ ними. То былъ Самъ воскресшій Іисусъ; но идущіе, сверхъ чаянія, нисколько не узнали Его.—Поникшимъ отъ печали

и углубленнымъ въ самихъ себя было не до подробнаго соглядатайства чужихъ лицъ. Притомъ Самъ Господь благоволилъ явиться теперь, по замѣчанію святаго Марка, *инѣмъ образомъ* (Марк. 16, 12), то-есть, отличнымъ отъ того, въ какомъ видали Его прежде. Это было новое нѣкое преображеніе смиренія, подобное тому, которое послѣдовало, какъ мы видѣли, въ вертоградѣ для Магдалины, подумавшей, что она видитъ предъ собою вертоградаря. Какъ тамъ пощажена слабость жены, не способной вынесть радости внезапнаго явленія, такъ здѣсь сдѣлано снисхожденіе къ душевному состоянію учениковъ, и данъ случай воспрянуть вѣрѣ ихъ постепенно, чрезъ собственное размышленіе о согласіи смерти и воскресенія Христова съ ученіемъ пророковъ. «Господь», по глубокомысленному замѣчанію одного отца Церкви (Григор. Вел. бес. 23), «явился для тѣлесныхъ очей учениковъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ Онъ былъ предъ ихъ очами душевными: они въ душѣ своей и любили Его, и сомнѣвались о Немъ; и Онъ теперь и былъ предъ ними, и оставался неизвѣстнымъ; присутствовалъ съ тѣми, кои бесѣдовали о Немъ, не являлъ Себя тѣмъ, кои сомнѣвались о Немъ: бесѣдовалъ, упрекалъ, изъяснялъ Писаніе, но поелику сердца учениковъ были еще далеко отъ живой вѣры, то и Онъ—*творящеся далечайше ити*».

Что суть словеса сія, о нихъ же стязаетася къ себѣ идуще, и еста дряхла? — такъ началъ чудный Странникъ бесѣду, входя въ состояніе учениковъ, и какъ бы не зная ничего изъ современныхъ событій. — Но такое невѣдѣніе было новою тяжестію для сердецъ печальныхъ. «Какъ! Не знать того, отъ чего страдаетъ душа ихъ и столь многихъ тысячъ людей? *Ты ли единъ пришлецъ еси во Іерусалимѣ*, отвѣчалъ Клеопа, *и не увѣдѣлъ еси бывшихъ въ немъ во дни сія?*»—То-есть, хотѣло сказать печальное сердце, мы занимаемся тѣмъ, что должно занимать теперь всѣхъ и каждаго, слѣдовательно и тебя, если у тебя есть сердце, и о чемъ нѣтъ посему и нужды ни спрашивать, ни отвѣчать. Божественный Странникъ однакоже нисколько не тронулся упрекомъ и продолжалъ показывать невѣдѣніе и любопытствовать. *И рече има: кіихъ?*— Послѣ сего уже явно было, что прежній вопросъ предложенъ Имъ не для того, чтобы спрашивать, а по нуждѣ; посему, ученики, помогая одинъ

другому, разсказали подробно, какъ *Іисусъ Назарянинъ* былъ *мужъ — пророкъ, силенъ дѣломъ и словомъ предъ Богомъ и всѣми людьми,—како предаша Его архіерее и князи на осужденіе смерти, и распяша Его. Мы же,* прибавили повѣствующіе, *надѣяхомся, яко Сей есть хотяй избавити Израиля: но и надъ всѣми сими третій сей день есть днесь, отнелиже сія быша. Но и жены нѣкія отъ насъ ужасиша ны, бывшія рано у гроба: и не обрѣтше тѣлесе Его, пріидоша, глаголюще, яко и явленіе Ангелъ видѣша, иже глаголютъ Его жива. И идоша нѣцыи отъ насъ ко гробу, и обрѣтоша тако, якоже и жены рѣша: Самого же не видѣша.*

Такой языкъ, обнаруживая сердечное расположеніе къ Распятому, не показывалъ вѣры въ Воскресшаго и въ то же время свидѣтельствовалъ самъ противъ себя. Ибо, если не одна, а многія жены говорили о воскресеніи и явленіи имъ Воскресшаго и Ангеловъ, то почему не вѣрить такому числу свидѣтельницъ? Если притомъ *и нѣцыи отъ насъ идоша ко гробу, и обрѣтоша тако, якоже и жены рѣша,* то зачѣмъ предаваться такой печали? — Зачѣмъ по крайней мѣрѣ спѣшить вонъ изъ Іерусалима, изъ сообщества прочихъ учениковъ, и уходить, такъ сказать, отъ истины? Почему притомъ, среди темноты обстоятельствъ и мыслей, не обратиться къ свѣтильнику, возженному Самимъ Богомъ—Писаніямъ Моисея и пророковъ? — Все это видимо отзывалось маловѣріемъ и малодушіемъ, стоющимъ строгаго обличенія,—и оно тотчасъ послѣдовало. «*О несмысленная и косная сердцемъ, еже вѣровати о всѣхъ, яже глаголаша пророцы!*» воскликнулъ Странникъ, какъ бы не могши продолжать прежняго равнодушія. *Не сія ли подобаше,* продолжалъ Онъ, показывая въ Себѣ человѣка свѣдущаго въ Писаніи, *пострадати Христу, и внити въ славу Свою?*

Но сіе: *подобаше*—было превыше понятія учениковъ, мало знакомыхъ съ духомъ Писаній пророческихъ. Гораздо легче, повидимому, было теперь имъ уразумѣть лице, съ ними говорившее, ибо упрекъ въ неразуміи и вопросъ о пророкахъ показывали, что вопрошавшему извѣстно гораздо болѣе о всѣхъ происшедшихъ событіяхъ, нежели самимъ ученикамъ, что онъ вовсе не такъ чуждъ дѣлу, какъ прежде казался, самый тонъ обличенія легко могъ возбудить мысль о достоинствѣ Обличающаго. Но, *очи* учениковъ, по выраженію

Евангелиста *держастѣся, да Его не познаета.* Чувствовали справедливость упрека, видѣли въ Обличающемъ нѣчто необыкновенное, хотѣли бы оправдать предъ Нимъ свои сомнѣнія, но печаль смущала умъ и связывала языкъ, — чувствовали, недоумѣвали, стыдились и—молчали.

Между тѣмъ строгій Путникъ, въ доказательство словъ Своихъ, началъ пространную бесѣду о тѣхъ мѣстахъ ветхаго завѣта, въ коихъ предсказаны страданія Мессіи. Каждое значительное мѣсто у каждаго пророка было имъ указано, изъяснено и приложено къ событіямъ, недавно случившимся. Можно представить, какъ ясны послѣ сего казались и пророчества и самыя событія! Слушая божественнаго Толкователя, ученики невольно убѣждались, что такъ, точно такъ *подобаше пострадати Христу*, какъ пострадалъ Учитель ихъ; душа была полна отъ умиленія; сердце горѣло отъ каждаго слова; сознавались внутренно, что говорившій такимъ образомъ не простой странникъ, что Самъ Воскресшій говорилъ бы не иначе, и однакоже—не узнали Его! *ибо очи ихъ еще держастѣся, да Его не познаета.*

Среди такой сладкой бесѣды, съ огнемъ въ сердцѣ, не долго было идти до Еммауса. Отъ полноты чувства и углубленія въ самихъ себя, ученики забыли даже и спросить, кто такой сладкоглаголивый Странникъ. Занялись Имъ не прежде, какъ приблизившись къ Еммаусу, когда вмѣсто того, чтобы оставаться съ ними на ночлегѣ, Онъ — *творящеся далечайше ити.* Тутъ обнаружилась вся приверженность къ Тому, Кто умѣлъ успокоить разстроенное воображеніе и сердце: готовы были употребить даже дружеское насиліе, только бы имѣть удовольствіе провести съ Нимъ еще нѣсколько времени. *И нуждаста Его, глаголюще: облязи съ нама, яко къ вечеру есть, и преклонился есть день.* Если говорившіе такимъ образомъ были сами, какъ вѣроятно, жители Еммауса, то приглашеніе ихъ имѣло тѣмъ болѣе силы. Но Воскресшій не для того и явился, чтобы отойти неузнаннымъ. *И вниде съ нима облещи.*

Въ домѣ, по обычаю, предложена была вечерняя трапеза, долженствовавшая еще отзываться безквасіемъ пасхи ветхозавѣтной. Чудный Странникъ сѣлъ за трапезу, но только для того, чтобы показаніемъ Себя въ Своемъ видѣ окончательно обрадовать сердца скорбныя. Старшему надлежало,

по обычаю, благословить и раздать хлѣбъ. Странникъ благословилъ — тѣмъ благословеніемъ, для коего нѣтъ словъ въ языкѣ человѣческомъ, — и трапеза приняла другой видъ! Сходство ли сего благословенія съ тѣмъ, какъ обыкновенно благословлялъ хлѣбъ Іисусъ; или ближайшее воззрѣніе за трапезою на благословлявшаго и особенно на Его прободенныя руки; или сверхъестественное просвѣтлѣніе взора учениковъ тѣлеснаго и духовнаго; или все сіе вмѣстѣ, только, едва *преломивъ хлѣбъ, даяше има, онѣма отверзостася очи, и познаста Его.* Но, къ довершенію изумленія,—познанный *невидимъ бысть има!*

Послѣ сего было не до чувственнаго вкушенія снѣдей. Оставивъ трапезу, еммаусскіе путники, не смотря на совершенно преклонившійся день, поспѣшили немедленно въ Іерусалимъ, напитать вѣстію о воскресеніи прочихъ учениковъ. И теперь бесѣдовали между собою на пути, но уже не состязаяся, а удивляясь единодушно тому, какъ они могли быть невнимательны къ божественному Страннику, что не узнали Его прежде. *Не сердце ли,* припоминали, *наше горя бѣ въ насъ, егда глаголаше нама на пути, и егда сказоваше нама Писанія?* Между тѣмъ въ Іерусалимѣ, вслѣдствіе явленія Господа, среди дня, Петру, печаль также у многихъ перемѣнилась на радость; еммаусскіе благовѣстники сами встрѣчены были отъ многихъ вѣстію: *яко воистину воста Господь, и явися Симону.* Но это не воспрепятствовало имъ сообщить, а прочимъ услышать, какъ Господь, не узнанный на пути, познался имъ въ преломленіи хлѣба. Какъ бы въ доказательство ихъ словъ, *еще имъ глаголющимъ, Самъ Іисусъ ста посредѣ ихъ:* то-есть въ сіе время послѣдовало новое явленіе Господа всѣмъ Апостоламъ, о коемъ мы бесѣдовали въ прошедшій день недѣльный, среди вечерняго богослуженія.

Теперь, братіе, обратимъ вниманіе на духъ событія еммаусскаго, и посмотримъ, не бываетъ ли чего-нибудь подобнаго и съ нами.

Чудно-поучительное зрѣлище представляетъ событіе сіе съ перваго взгляда.—Господь приближается къ ученикамъ, идетъ съ ними довольно долго,—и Его не узнаютъ!—Онъ предлагаетъ имъ вопросъ, дѣлаетъ даже строгій упрекъ,—и Его не узнаютъ!—Излагаетъ Писаніе, доказываетъ изъ всѣхъ пророковъ, что *тако подобаше пострадати Христу,*

и внити въ славу Свою,—и Его не узнаютъ!—Отъ словъ Іисуса горитъ сердце, но Его не узнаютъ! Когда Онъ наконецъ *творится далечайше ити,* Его принуждаютъ остаться и облещи,—и однакоже не узнаютъ! Боже мой, что это за чудное неузнаніе?—Явно, братіе, что оно устроено, или допущено съ премудрымъ намѣреніемъ, но какимъ?—Для большаго ли вразумленія учениковъ еммаусскихъ, и вообще первыхъ учениковъ Евангелія?—Но еммаусскіе странники не преминули бы возвратиться съ вѣстію въ Іерусалимъ и тогда, если бы Воскресшій прямо предсталъ за ихъ вечернею трапезою, какъ предсталъ потомъ въ іерусалимской горницѣ Апостоламъ.—Или, можетъ быть, сердце ихъ имѣло особенную нужду въ святомъ *горѣніи* отъ словъ Іисусовыхъ на пути?—Но въ такомъ случаѣ наши хладныя сердца тѣмъ паче имѣютъ нужду въ божественномъ пламени; и мы должны раздѣлить его съ учениками еммаусскими.

Подлинно, братіе, если въ какомъ случаѣ, то въ настоящемъ мы не войдемъ въ непринадлежащую намъ часть, если не вступимъ на путь, ведущій въ Еммаусъ.—Но нужно ли и вступать, когда мы всѣ уже давно на семъ пути, хотя многіе и не вѣдаютъ того? Ибо не всѣ ли мы идемъ въ тотъ неземный Еммаусъ, изъ коего уже нѣтъ возврата въ земный Іерусалимъ, гдѣ ожидаетъ каждаго или вечеря нескончаемая, или гладъ вѣчный?—Для нѣкоторыхъ, можетъ быть, *уже преклонился есть и день* жизни, и волею или неволею, но имъ остается одно—*облещи* въ утробѣ земли до всеобщаго утра и пробужденія. Возможно ли же, чтобы мы шли симъ великимъ путемъ одни, чтобы съ нами не было нашего Спасителя, когда Онъ Самъ сказалъ, что будетъ пребывать съ вѣрующими въ Него *до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20)? Нѣтъ, какъ бы мы мало ни думали о Немъ, но Онъ съ нами, всегда съ нами на пути нашей жизни, съ каждымъ изъ насъ: и если мы не ощущаемъ Его присутствія, не познаемъ Его, то это несомнѣнный знакъ, что и наши очи *держатся,* какъ и учениковъ еммаусскихъ, *да Его не познаемъ.* И у кого же они совершенно отверсты? Многіе ли могутъ сказать, что они познали Господа на пути своей жизни?—При всемъ невниманіи нашемъ, мы замѣчаемъ иногда, что кто-то какъ бы невидимо находится съ нами и дѣйствуетъ на насъ во благо, входитъ тайнымъ вліяніемъ

въ наши мысли и чувства, раздѣляетъ справедливыя радости и праведныя печали, даетъ себя по временамъ сильно ощущать; но мысль, что это Спаситель нашъ, всего менѣе приходитъ при семъ на умъ: *очи наши держатся, да Его не познаемъ.* При грѣхопаденіяхъ, слышимъ нерѣдко внезапные, сильные упреки, то въ умѣ и совѣсти—извнутрь, то совнѣ—въ событіяхъ; нѣкоторые изъ нихъ отзываются явно гласомъ свыше и напоминаютъ собою упрекъ еммаусскій; но мысль, что такимъ образомъ насъ обличаетъ Спаситель нашъ, намъ не приходитъ на умъ: *очи наши держатся, да Его не познаемъ.* Святые предметы вѣры, наипаче же страданія и смерть Спасителя, непрестанно изъясняются намъ пастырями Церкви, мы сами всегда, когда захотимъ, можемъ читать пророковъ и Апостоловъ; при слышаніи и чтеніи сердце нерѣдко приходитъ въ сильное чувство, внутрь насъ возгарается небесный огонь, мы дѣлаемся легки и готовы парить духомъ къ небесамъ, но мысль, что этотъ огнь изъ устъ нашего Спасителя, бесѣдующаго съ нашимъ сердцемъ, не приходитъ на умъ: *очи держатся, да Его не познаемъ.* Наконецъ, увлеченные сладостію пребыванія въ области вѣры и любви христіанской, стараемся иногда съ усиліемъ продлить благія мысли и чувства въ душѣ, готовы за сіе на самыя жертвы, на борьбу съ міромъ и его соблазнами, словомъ: *емлемся* на нѣкоторое время *за жизнь вѣчную* (1 Тим. 6, 12); но мысль, что все это есть слѣдствіе близости къ намъ нашего Спасителя, Его тайныхъ вѣщаній, Его Божественнаго одушевленія — не приходитъ на умъ: *очи держатся, да Его не познаемъ.* Вообще, святая мысль о присутствіи намъ нашего Господа, которая бы должна была непрестанно занимать насъ, управлять нашими поступками и воодушевлять насъ,—сія благотворная мысль чужда намъ; самые добрые, повидимому, христіане не почитаютъ за нужное имѣть ее всегда въ умѣ. Сдѣлаютъ ли какое особенно доброе дѣло? — Вся честь ихъ уму и сердцу. Постигнетъ ли какой внезапный, важный случай?—Виною люди или обстоятельства, или тотъ же случай. При изъясненіи приключеній своей жизни, скорѣе обратятся ко всякой другой причинѣ, нежели—къ своему Спасителю и Его дѣйствію;—не будемъ вовсе въ состояніи сказать что-либо въ изъясненіе, но скажите имъ, что это тайное дѣйствіе Спаси-

теля, ищущаго быть познаннымъ, — и, вмѣсто благодарности. вы сдѣлаетесь предметомъ изумленія, даже упрека, или сожалѣнія. Хотимъ быть одни. На пути жизни, дѣйствовать одни, страдать и радоваться одни; и точно бываемъ одни, не видимъ и не чувствуемъ Того, Кто съ нами, всегда съ нами, ибо мы токмо можемъ нарушить слово, Ему данное, а Онъ—никогда; сказалъ: буду съ вами всегда, — и точно съ нами всегда. Что же пріобрѣтаемъ мы отъ нашего печальнаго одиночества, отъ нашей несчастной самостоятельности?—Пріобрѣтаемъ то, что нѣтъ ничего слабѣе насъ ни въ счастіи, ни въ несчастіи. Встрѣтится сомнѣніе? И вѣра тотчасъ падаетъ. Случится обида отъ ближняго? И вся любовь исчезла. Ищемъ непрестанно покоя сердцу, и нигдѣ не находимъ; что бы долженствовало веселить, то самое огорчаетъ насъ. Между тѣмъ, такъ ли-бъ было, когда бы мы шли по пути жизни и дѣйствовали въ присутствіи нашего Спасителя? — Какихъ горестей не усладилъ бы намъ Онъ Своимъ благословеніемъ? Особенно съ какимъ дерзновеніемъ вступали бы мы во врата смерти, на кои теперь и взглянуть не смѣемъ безъ страха?—Поспѣшимъ же. братіе, сорвать роковую повязку съ очей нашихъ и познать Господа своего, доколѣ мы еще на пути, и доколѣ не объялъ насъ мракъ той безконечной ночи, въ которую и для зрящихъ не будетъ видно ничего, кромѣ ужасовъ тьмы.

Что же, спросите, должно употреблять намъ, дабы познать Господа, намъ присущаго?—То же самое, братіе, что употреблено учениками еммаусскими: *они нуждаста Его облещи;* должно и намъ употребить это святое принужденіе—не надъ Господомъ, ибо Онъ всегда съ нами,—а надъ своимъ сердцемъ; надобно принудить самихъ себя облещи съ Господомъ, то-есть, какъ можно чаще заниматься мыслію о Немъ, представлять Его присущимъ себѣ, обращать къ Нему взоръ и слухъ сердца, воздыхать къ Нему изъ глубины души, слушаться Его внушеній, и вызывать Его къ дѣйствію въ насъ усерднымъ расположеніемъ состоять подъ симъ дѣйствіемъ. Такое сближеніе съ Господомъ, сначала въ мысляхъ и чувствахъ, а потомъ въ дѣлахъ и жизни, не можетъ оставаться праздным и недѣйствительнымъ: Господь, видя нашу близость къ Нему, вѣрность и усердіе, не умедлитъ исполнять, когда нужно, умъ нашъ свѣтомъ, а усердіе

теплотою небесною, посылать къ намъ отъ себя прямо радости и печали; а по возбужденіи въ насъ духовнаго глада, по очищеніи вкуса, преломитъ и для насъ хлѣбъ жизни, причаститъ насъ той *манны сокровенной* (Апок. 2, 17), которая, можетъ быть, получаема изъ Его рукъ, и получаемая всегда обнаруживаетъ собою дающаго. Впрочемъ, любовь Его давно приготовила для всѣхъ насъ и чувственную, постоянную вечерю, на коей Спаситель нашъ, если не Самъ видимо преломляетъ, то Самъ видимо преломляется. Это— таинство Евхаристіи, въ коемъ Господь не познается токмо, но и вкушается. Кто здѣсь не познаетъ Его хотя отчасти, тотъ совершенно ослѣпленъ врагомъ спасенія.

Не оставимъ, наконецъ, братіе, безъ замѣчанія и того обстоятельства въ событіи съ учениками еммаусскими, что Господь, по узнаніи Его, тотчасъ *невидимъ бысть имъ*. Исторія святыхъ Божіихъ человѣковъ показываетъ, что и сіе обстоятельство повторяется надъ истинными послѣдователями Христовыми. Минуты полныхъ откровеній божественныхъ, по признанію ихъ, кратки; Господь даетъ Себя познавать и таинственно видѣть по временамъ любящимъ Его, для ободренія ихъ, но не надолго; и это потому, что мы здѣсь должны ходить *вѣрою, а не видѣніемъ* (2 Кор. 5, 7); потому, что сумракъ вѣры необходимъ для слабыхъ очей нашихъ, доколѣ они не исцѣляютъ, и доколѣ мы не придемъ туда, гдѣ всегда невечерній день.

Памятуя сіе, братіе, будемъ искать Господа; *будемъ искать лица Его выну* (Псал. 104, 4), но не будемъ требовать, чтобы Онъ всегда подлежалъ чувствамъ нашимъ, не будемъ скучать, если Онъ бываетъ невидимъ и сокрывается отъ насъ, — въ твердой увѣренности, что Онъ всегда съ нами благодатію, коль скоро мы съ нимъ любовію. Аминь.

Слово въ среду Свѣтлыя Седмицы.

Сей нареченный и святый день, единъ субботъ царь и господь: праздниковъ праздникъ и торжество есть торжествъ: въ оньже благословимъ Христа во вѣки.

Законодатель ветхаго завѣта, учреждая для народа іудейскаго праздникъ пасхи, неоднократно внушалъ іудеямъ особенную важность сего праздника, и предписалъ совершать

его со всею торжественностію. *Законно*, говоритъ онъ, *вѣчно празднуйте его. Душа,* нарушившая святость сего праздника, *погубится отъ сонма сыновъ израилевыхъ* (Исход. 12, 14. 19).

Законодатель новаго завѣта, нашъ, братіе, Законодатель, не смотря на то, что Самъ содѣлался для насъ пасхою, закланною на крестѣ, не повелѣлъ ученикамъ Своимъ начертать въ священныхъ книгахъ Евангелія закона о празднованіи Пасхи. Одинъ только изъ Апостоловъ Его замѣтилъ, что христіанамъ должно *праздновать* Пасху *не въ квасѣ злобы и лукавства, а въ безквасіи чистоты и истины* (1 Кор. 5, 8).

Между тѣмъ пасха іудейская, столько разъ предписанная закономъ, огражденная страхомъ казни смертной, не разъ была совершаема незаконно, даже вовсе оставляема и пренебрегаема іудеями. Напротивъ, Пасха христіанская всегда совершалась со всею торжественностію. Еще христіане не имѣли храмовъ, еще гонимые язычниками, сокрывали свое богослуженіе въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ, но воспоминаніе воскресенія Христова было уже виною торжества столь свѣтлаго и продолжительнаго, что одинъ изъ древнихъ защитниковъ христіанства (Тертулліанъ) (вслухъ всѣхъ язычниковъ говорилъ: «ваши праздники, взятые всѣ вмѣстѣ, не могутъ сравниться продолженіемъ своимъ съ одною Пасхою христіанскою».

Отъ чего, братіе, столь несходная судьба пасхи іудейской и христіанской? — Отъ того, безъ сомнѣнія, что основаніемъ первой было благо временное—освобожденіе израильскаго народа отъ рабства египетскаго; а основаніе послѣдней есть благо вѣчное—освобожденіе всего рода человѣческаго отъ рабства грѣха и смерти. Помнить вѣчно благодѣяніе временное, давно прошедшее, трудно; не помнить благодѣянія вѣчнаго, всегда ощущаемаго, невозможно.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, для христіанина совершенно невозможно не исполниться нынѣ радостію. Воскресеніе Господа нашего, безъ всякаго закона, повелѣнія и учрежденія, само по себѣ есть торжество торжествъ и праздниковъ праздникъ. Раскроемъ сію утѣшительную истину.

Что служитъ основаніемъ всѣхъ празднествъ священныхъ? — Въ однихъ выражается преимущественно твердость и чистота вѣры; въ другихъ особенно открывается благодѣяніе любви и добродѣтели; въ иныхъ ощутитель-

нѣйшимъ образомъ просіяваетъ высота и святость упованія христіанскаго.—Но воскресеніе Іисуса Христа совмѣщаетъ въ себѣ всѣ сіи качества въ самой высшей степени. Оно есть высочайшее торжество вѣры, ибо имъ утверждена, возвышена, обожена вѣра наша; есть высочайшее торжество добродѣтели, ибо въ немъ самая чистѣйшая добродѣтель восторжествовала надъ величайшимъ искушеніемъ; есть высочайшее торжество надежды, ибо служитъ вѣрнѣйшимъ залогомъ обѣтованій самыхъ величественныхъ. Сей нареченный и святый день, праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ!

1. Воскресеніе Іисуса Христа есть высочайшее торжество вѣры.

Кто зналъ, братіе, болѣе всю сущность нашей вѣры, какъ не Апостолъ Павелъ, одинъ изъ первѣйшихъ проповѣдниковъ вѣры?—Но помните ли, что онъ однажды написалъ коринѳскимъ ученикамъ своимъ? *Аще Христосъ не воста*, писалъ онъ, *тще убо проповѣданіе наше, тща же и вѣра ваша* (1 Кор. 15, 14). То-есть, ежели Христосъ не воскресъ, то всѣ истины нашей вѣры теряютъ свою силу, Евангеліе и проповѣдь не имѣютъ болѣе достоинства, все христіанство есть—праздное имя.

Мысль разительная, но совершенно истинная, неоспоримая!—Ибо на чемъ основана вся вѣра наша? — *Наздани бывше*, отвѣчаетъ св. Павелъ, *на основаніи Апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу* (Ефес. 2, 20). Воскресшій Іисусъ есть краеугольный камень нашей вѣры; Онъ есть *Посланникъ и Святитель нашего исповѣданія* (Евр. 3, 1). Но почему, братіе, сей *камень, пренебреженный зиждущими*, содѣлался для насъ *во главу угла и дивенъ во очію нашею* (Матѳ. 21, 42)? Почему, когда цѣлый народъ іудейскій отвергъ и отвергаетъ Господа Іисуса, мы признаемъ въ Немъ *Христа Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. 1, 24)?—У насъ есть на сіе весьма много доказательствъ, но всѣ они были бы недостаточны безъ воскресенія Господа нашего.

Дабы скорѣе и яснѣе видѣть сію истину, вообразимъ, братіе, что мы принадлежимъ къ числу тѣхъ людей, кои слѣдовали за Господомъ отъ начала до конца Его земнаго

служенія, слышали всѣ бесѣды Его, видѣли всѣ дѣла, Имъ совершенныя. Доколѣ Онъ отверзалъ очи слѣпыхъ, воскрешалъ мертвыхъ, мы, конечно, спокойно слѣдовали бы за Нимъ,—восклицали бы вмѣстѣ съ Апостолами: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (Іоан. 6, 69)! Но вотъ наступаетъ ужасный часъ страданій: ученикъ предаетъ Его; безумная синагога отвергаетъ, яко льстеца; неразумный Пилатъ осуждаетъ, яко возмутителя; Іисусъ—чаяніе наше—возносится на крестъ вмѣстѣ съ злодѣями; Самъ Отецъ оставляетъ Его; Онъ умираетъ въ мукахъ, погребается; самый гробъ Его запечатанъ печатію Каіафы. Что было бы тогда съ нами, съ нашею вѣрою, если Онъ не воскресъ? Се *мы надѣяхомся, яко Сей есть хотяй избавити Израиля; но и надъ всѣми сими* Онъ остался во гробѣ (Лук. 24, 21): вотъ что сказалъ бы каждый изъ насъ, и пошелъ бы въ домъ свой ожидать другаго Мессію.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, никакъ нельзя думать, чтобы наша вѣра оказалась тогда тверже вѣры Апостоловъ. Но что случилось съ ними по смерти Господа? Не всѣ ли они поколебались было въ своемъ вѣрованіи въ Него? Не всѣ ли, какъ предрекъ Онъ, разсѣялись было, подобно *овцамъ*, неимущимъ *пастыря* (Матѳ. 26, 31). Какъ трудно было Самому Воскресшему увѣрить нѣкоторыхъ изъ учениковъ въ томъ, что Онъ дѣйствительно воскресъ! А безъ сей увѣренности вышли ли бы они на всемірную проповѣдь, и отдали ли бы за истину ея жизнь свою? А безъ ихъ проповѣди обратился ли бы міръ, погруженный во тьму язычества, къ вѣрѣ христіанской?

А что бы Апостолы начали проповѣдывать безъ воскресенія своего Учителя? Какъ бы они сказали: *вѣруяй въ Сына Божія имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 36), когда Самъ Сынъ Божій, оставался бы мертвымъ? Какъ бы они сказали: *Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки* (Евр. 13, 8), когда бы всякій зналъ, что Онъ прежде былъ живъ, а потомъ умеръ и не воскресъ? Какъ бы назвали Его путемъ, истиною и животомъ, когда бы всѣмъ извѣстно было, что Онъ обѣщался востать изъ гроба, и не восталъ?

Такимъ образомъ, безъ воскресенія Іисуса Христа, гробъ Его былъ бы вмѣстѣ и гробомъ вѣры христіанской, потому что всѣ, прежде вѣровавшіе въ Него, перестали бы вѣрить; потому что никто не принялъ бы на себя труда проповѣ-

дывать вѣру въ того, кто умеръ и не воскресъ, потому, наконецъ, что проповѣдь сія сама по себѣ не стоила бы довѣрія.

Но теперь гробъ Іисуса Христа есть святилище, въ коемъ совершилось торжество вѣры христіанской. Не напрасно Самъ Іисусъ Христосъ, когда іудеи требовали отъ Него новыхъ чудесъ въ удостовѣреніе, что онъ есть единородный Сынъ Божій, отвѣчалъ, что другаго знаменія не дастся имъ, кромѣ знаменія Іоны пророка (Матѳ. 12, 39, 40), то-есть воскресенія, не напрасно, отходя на страданія Свои, Онъ изрекъ, что наступаетъ время, когда прославится Сынъ Человѣческій (Іоан. 13, 31). Въ воскресеніи Своемъ Онъ подлинно прославился;—и прославился, по замѣчанію Апостола Павла (Рим. 1, 4), уже не яко пророкъ, ниже яко Сынъ Человѣческій или Мессія, но яко Сынъ Божій, въ Коемъ обитаетъ вся полнота Божества (Кол. 2, 9).

Кто не узнаетъ Сына Божія въ воскресшемъ Іисусѣ? Фарисеи и книжники не будутъ болѣе требовать знаменія съ неба: теперь предъ ними отверзлось цѣлое небо, да видятъ, что Сынъ Человѣческій паки *восходитъ туда, откуда пришелъ* (Іоан. 6, 62; 8, 14). И первосвященники не скажутъ: *аще Царь Израилевъ есть, да снидетъ нынѣ со креста* (Матѳ. 27, 42). Распятый, и не сходя со креста, показалъ, что Онъ есть Царь земли и неба. Самъ діаволъ не дерзнетъ теперь говорить: *аще Сынъ еси Божій, вергися низу* (Матѳ. 4, 6). Сынъ Божій вергнулся низу—на крестъ, и—чинъ природы измѣнился! Теперь явно для всѣхъ, что воскресшій Іисусъ, яко Господь жизни и смерти, имѣетъ область положить душу Свою, и опять пріять ее (Іоан. 10, 18). Онъ восхотѣлъ предать ее для спасенія міра, и предалъ, восхотѣлъ паки пріять, и пріялъ. Илія не пришелъ спасти Его; Онъ спасъ Самъ Себя. — *Отверзаются ли тебѣ страхомъ врата смертная,*—вопрошалъ нѣкогда Богъ Іова, дабы доказать ему его ничтожество и Свое всемогущество,—*вратницы же адовы видѣвше тя, убоящася ли?* (Іов. 38, 17). Отверзаются, можемъ теперь отвѣчать мы, отверзаются предъ нашимъ Искупителемъ, Который плѣнилъ и разрушилъ адъ.

Въ какомъ благолѣпіи является теперь самый крестъ Христовъ, на Которомъ вмѣстѣ съ Іисусомъ распята была, можно сказать, самая вѣра! Кто не видитъ, что это зна-

меніе проклятія для другихъ, для Іисуса было жертвенникомъ, на коемъ принесена всемірная жертва, — что Богъ принялъ сію жертву въ воню благоуханія, *что Агнецъ закланный достоинъ пріяти честь и славу* (Апок. 5, 12)!

Послѣ сего, что можетъ поколебать вѣру нашу, когда сама смерть и адъ не одолѣли ея въ лицѣ Начальника и Совершителя вѣры? — «Я знаю», восклицалъ нѣкогда Апостолъ Павелъ: «я знаю, въ Кого вѣрую (2 Тим. 1, 12),— знаю, что Спаситель мой есть Богъ, Который силенъ сохранить залогъ спасенія моего до Своего славнаго пришествія». Пусть теперь сыны погибельные возстаютъ съ своими сомнѣніями, возраженіями на Господа и на Христа Его, пусть поносятъ вѣру нашу: мы не будемъ спорить съ ними.— скажемъ только: «умрите и воскресните, какъ умеръ и воскресъ Спаситель нашъ,—и мы повѣримъ вамъ».

2. Воскресеніе Іисуса Христа есть высочайшее торжество добродѣтели.

Добродѣтель, гонимая на землѣ, никогда, братіе не оставляла совершенно лица земли, являясь въ избранныхъ Божіихъ, кои сіяли, *яко свѣтила въ мірѣ* (Фил. 2, 15). Но какая была участь добродѣтели?—*Каменіемъ побіени быша, претрени быша, искушени быша, убійствомъ меча умроша, проидоша въ милотехъ, лишени, скорбяще, озлоблени* (Евр. 11, 37): вотъ исторія людей добродѣтельныхъ, начертанная Самимъ Духомъ Святымъ!—Святые Божіи человѣки трудились въ вертоградѣ Господнемъ не изъ платы земныхъ благословеній, но правосудіе небеснаго Домовладыки требуетъ, чтобы не одинъ конецъ былъ *благому и злому, жрущему и нежрущему* (Еккл. 9, 2). И сколько разъ слышался гласъ жалобы и печали: «*что яко путь нечестивыхъ спѣется* (Іерем. 12, 1), праведники же пожинаются сами, яко класы»?

Промыслъ оправдывалъ иногда видимо пути свои; не разъ предъ лицемъ всего міра, *вмѣняющаго* житіе праведныхъ *въ посмѣхъ* (Прем. 5, 3), добродѣтель торжествовала надъ порокомъ; не разъ, повергаемые въ горнило искушеній, праведники выходили изъ него, яко злато чисто, не только предъ очами Божіими, но и предъ очами враговъ своихъ. Но торжество добродѣтели всегда оставалось неполно; на вѣнц

коимъ украшались праведники. всегда примѣтны были терны, поелику и добродѣтель сыновъ человѣческихъ всегда несовершенна, нечиста. Между тѣмъ для посрамленія торжествъ міра суетнаго надлежало явить полное торжество добродѣтели. Для сего требовалась чистѣйшая добродѣтель, величайшее искушеніе и всесовершенная слава.

Таково воскресеніе Іисуса Христа!—Что была вся жизнь Его, какъ не единое непрерывное служеніе Богу и ближнимъ? Іудеи, почитая Его воскресшимъ пророкомъ, не напрасно недоумѣвали, какой пророкъ воскресъ въ Іисусѣ. Ибо въ Немъ, можно сказать, воскресли всѣ пророки и праведники. Въ Немъ вѣра Авраама сочеталась съ подвижническою жизнію Іереміи, ревность Иліи облеклась кротостію Моисея, чистота Іосифа совокупилась съ терпѣніемъ Іова. Между тѣмъ, что было удѣломъ сихъ добродѣтелей?—Какой праведникъ былъ посрамленъ, презрѣнъ, умученъ болѣе Іисуса Христа? На одной Голгоѳѣ, въ лицѣ Его, были поруганы всѣ добродѣтели. Поругана святая преданность въ волю Божію: *упова на Бога: да избавитъ нынѣ Его* (Матѳ. 27, 43). Поругана любовь къ ближнимъ: *иныя спасе, Себе ли не можешь спасти* (27, 24). Поругано смиреніе: *аще Царь Израилевъ есть, да снидетъ нынѣ со креста.* Поругана истинность: *помянухомъ, яко льстецъ онъ рече* (27, 63).

Но зрите торжество благочестія! Какая изъ добродѣтелей не увѣнчана въ лицѣ Воскресшаго? — Онъ *смирилъ Себе, послушливъ бывъ до смерти крестныя:* и вотъ *Богъ превознесъ Его, и даровалъ Ему имя паче всякаго имени, до о имени Іисуса всякое колѣно поклонится, небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Филип. 2, 8—10)! *Онъ, богатъ сый, обнищалъ для насъ* (2 Кор. 8, 9), *не имѣлъ гдѣ главы подклонитъ* (Матѳ. 8, 2): и вотъ предана Ему всякая *власть на небеси и на земли* (Матѳ. 28, 18)! Онъ изъ любви къ ближнимъ отдалъ душу Свою: и вотъ души всѣхъ сыновъ человѣческихъ предаются Ему во власть, яко Искупителю и Судіи!

И это еще только видные для насъ слѣды торжества невидимаго. Если бы мы, по обѣщанію Спасителя, узрѣли небо отверстымъ (Іоан. 1, 51): какое бы торжество добродѣтелей открылось въ лицѣ Его предъ очами нашими! Тамъ увидѣли бы *мы* Сына Человѣческаго *за пріятіе смерти вѣнчаннаго славою и честію* (Евр. 2, 9), сидящаго одесную

силы Божіей (Лук. 22, 69); увидѣли бы двадцать четыре старца, повергающихъ вѣнцы свои предъ Агнцемъ закланнымъ (Апок. 4, 10); увидѣли бы сонмы Ангеловъ, *не восходящихъ* уже и *нисходящихъ* надъ Сына Человѣческаго (Іоан. 1, 51), а закрывающихъ лица свои отъ неприступной славы Его лица.

Какое же сердце, любящее добродѣтель можетъ не радоваться при такомъ торжествѣ Сына Человѣческаго? Это торжество истинно всемірное, въ коемъ можетъ участвовать самый язычникъ. Пусть онъ не вѣритъ въ Божество Іисуса Христа; довольно, если онъ вѣритъ въ Бога и добродѣтель, дабы радоваться о томъ, что святѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ столь величественно награжденъ нынѣ самимъ небомъ. Правосудный Богъ показалъ въ воскресеніи Іисуса Христа, какъ Онъ прославляетъ любящихъ Его, показалъ предъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, что Онъ никогда не забываетъ *труда любве*, подъятаго *во имя Его* (Евр. 6, 10), и что всѣ торжества міра суть ничто предъ торжествомъ праведника.

Итакъ, христіанинъ, теперь смѣло проходи путь искушенія и не уклоняйся Голгоѳы: она есть лѣствица къ небесной славѣ. Если Промыслъ еще на землѣ не увѣнчаваетъ твоего терпѣнія такъ, какъ увѣнчаваются нынѣ страданія воскресшаго Іисуса, то потому, что ты предназначенъ для неба, гдѣ сокрыты всѣ награды. И Его торжество только началось видимо на землѣ — въ утѣшеніе всѣхъ страдальцевъ,—а продолжается всецѣло на небѣ.

3. Воскресеніе Іисуса Христа есть высочайшее торжество упованія.

Для угнетеннаго всякаго рода бѣдствіями, смертнаго рода человѣческаго ничего не можетъ быть нужнѣе, какъ прозрѣніе окомъ упованія въ ту сторону, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни воздыханія!—И дѣйствительно, мысли и желанія человѣческія во всѣ времена и у всѣхъ народовъ устремлялись за предѣлы сей жизни.

Но кто могъ разсѣять мракъ гроба? — ниспровергнуть сію преграду?—Являлись мудрецы; но, *приходя отъ земли* (Іоан. 3, 31), о землѣ и говорили; хвалились, что *свели философію съ неба*, а на небо не возвели ни одного чело-

вѣка. Приходили пророки, наставляли, обличали, утѣшали; но потомъ сами умирали, *пріявъ обѣтованія* (Евр. 11, 39), и надъ ихъ гробами лились слезы, слышались вздохи. Только Энохъ и Илія воспарили надъ бездною тлѣнія; но воспарили подобно уединеннымъ орламъ, коихъ слѣдъ незримъ окомъ человѣческимъ. Надъ всѣмъ прочимъ родомъ человѣческимъ царствовала смерть съ такою свирѣпостію, что во время Іисуса Христа не только многіе изъ мудрецовъ языческихъ, даже великая часть народа Божія отвергла всякую надежду на безсмертіе, глаголя *не быти воскресенію* (Матѳ. 22, 23).

Надлежало возставить падшую надежду и явить предъ лицемъ всего міра, что тѣло только человѣка *возвращается въ землю, а духъ возвращается къ Богу, Иже даде его* (Еккл. 12, 7). И вотъ, въ воскресеніи Спасителя совершается торжество надежды!

Торжество чудное. Всемогущество Божіе могло бы въ слухъ всѣхъ людей возвѣстить обѣтованіе живота вѣчнаго, какъ возвѣщенъ нѣкогда законъ въ слухъ всѣхъ израильтянъ: оно могло бы сотворить ангелами своими *вѣтры* и слугами своими *огнь палящь* (Псал. 103, 4), да вразумятъ смертныхъ, что послѣ отечества земнаго, временнаго, ихъ ожидаетъ отечество небесное, вѣчное.—Но что дѣлаетъ премудрость Божія?—Гробъ и смерть были виною страха и отчаянія человѣческаго: она гробъ обращаетъ въ источникъ надежды, смерть принуждаетъ быть проповѣдницею безсмертія. Ибо, для чего другаго теперь служитъ гробъ Іисуса Христа, который одинъ только въ воскресеніе мертвыхъ не отдастъ мертвеца своего, какъ не въ доказательство того, что и всѣ гробы нѣкогда опустѣютъ и отдадутъ мертвецовъ своихъ?—Къ чему послужила смерть Іисуса Христа, какъ не къ увѣренію, что смерть есть только стражъ, который хранитъ то, что ему предано, хранитъ дотолѣ, доколѣ угодно Господу жизни, и что во власти сего стража находится только бренный составъ нашъ, а не духъ, совершенно не знающій гроба и смерти?

Торжество трогательное. Если бы Богъ для освобожденія насъ отъ страха смерти повелѣлъ умереть и воскреснуть какому-либо великому праведнику, то и мы тогда не имѣли бы причины страшиться мрака смертнаго: ибо не-

возможно, чтобы правосудный Богъ подвергъ праведника смерти, если бы она была зло дѣйствительное. Но теперь Самъ Сынъ Божій благоволилъ вкусить за насъ смерть самую мучительную: послѣ Его вкушенія можетъ ли быть чрезъ мѣру горька для насъ чаша смерти? И могла ли любовь Отца небеснаго трогательнѣе утѣшить нашу надежду?

Торжество самое вѣрное. Рѣшительно должно сказать, что всѣ доказательства безсмертія, употребляемыя разумомъ, не имѣютъ столько силы, сколько заключаетъ оной въ себѣ одно воскресеніе Іисуса Христа. Вѣрить сему воскресенію и сомнѣваться въ нашемъ воскресеніи, есть совершенное противорѣчіе. *Аще Христосъ воста,* писалъ нѣкогда Апостолъ Павелъ къ коринѳянамъ, *како глаголютъ нѣцыи, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть? — Аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ воста* (1 Кор. 15, 12. 13). Въ самомъ дѣлѣ, Христосъ есть Глава вѣрующихъ: когда воскресла Глава, то какъ могутъ остаться мертвыми прочіе члены? Христосъ есть Царь; надъ кѣмъ же Онъ будетъ царствовать, если подданные останутся въ гробахъ?

Торжество полное. Надежда на безсмертіе духа человѣческаго, хотя слабая, и прежде была въ родѣ человѣческомъ. Воскресеніе Іисуса Христа, утверждая сію надежду, расширило ея область, показавъ, что не только духъ человѣческій не умираетъ, но и тѣло содѣлается нѣкогда безсмертнымъ, — что наступитъ день, когда и сіе *тлѣнное облечется нетлѣніемъ* и сіе *мертвенное пожерто будетъ животомъ* (1 Кор. 15, 53; 2 Кор. 5, 4).

Торжество, наконецъ, величественное. Что величественнѣе прославленнаго человѣчества Іисуса Христа? Но, по увѣренію Апостола, настанетъ время, когда Онъ *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* (Филип. 3, 21). О, братіе, какое хладное сердце не возрадуется при семъ и не проникнется огнемъ любви къ Воскресшему! Много было обѣщано, когда Онъ сказалъ, что *въ воскресеніи* вѣрующіе въ Него будутъ, *яко Ангели Божіи на небеси* (Матѳ. 22, 30). Ибо человѣку ли быть ангеломъ? Но вотъ, по воскресеніи Своемъ, Господь еще щедродательнѣе: Онъ Самъ не хочетъ имѣть ничего, кромѣ божества, чего бы не раздѣлилъ съ нами. Его пречистое тѣло страданіями заслужило славу. Наше тѣло будетъ подобно

Его тѣлу: не будетъ имѣть только язвъ, кои остались на пречистой плоти Его; одно это преимущество остается за Нимъ.

Да будетъ же *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, по многьй Своей милости порождей насъ во упованіе живо воскресеніемъ Іисусъ Христовымъ отъ мертвыхъ* (1 Петр. 1, 3). Господь, Самъ Господь сотворилъ *день сей,* да *возрадуемся, и возвеселимся въ онь!* Воистину онъ есть праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ: торжество вѣры, добродѣтели и упованія. Всѣ убо да торжествуемъ предъ лицемъ воскресшаго Господа!

Но, братіе, торжествуя, мы должны, по слову Апостола памятовать, что *Пасха наша,* за насъ закланная, *есть Самъ Христосъ;* а посему должны и праздновать *не въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіи чистоты и истины* (1 Кор. 5, 7. 8).

О пасхѣ ветхозавѣтной сказано было въ законѣ, что необрѣзанный не долженъ вкушать ея (Исход. 12, 48). И истинной Пасхи христіанской не вкуситъ тотъ, кто не обрѣзанъ сердцемъ, преданъ порокамъ. Напрасно таковый будетъ повторять: *Христосъ воскресе!* «Такъ», скажетъ ему Господь, «Я воскресъ, но не въ тебѣ; въ твоемъ сердцѣ Я мертвъ и доселѣ; камень ожесточенія твоего подавляетъ Меня; стражи—злые навыки и страсти, окружаютъ и блюдутъ Меня». Напрасно таковый будетъ давать и принимать лобзанія любви и мира: воскресшій Спаситель и ему скажетъ: *лобзаніемъ ли предаеши Сына Человѣческаго* (Лук. 22, 48)? О, братіе, не измѣнимъ нашими грѣхами и пороками воскресшему Спасителю: Онъ и безъ того очень много страдалъ за насъ! Если бы Онъ явился теперь, и вопросилъ каждаго изъ насъ, какъ Петра: «*любиши ли Мя?*» безъ сомнѣнія, каждый отвѣчалъ бы: *ей, Господи, люблю Тя* (Іоан. 21, 16). Но *аще любите Мя,* сказалъ Онъ ученикамъ Своимъ, отходя на страданія,—*заповѣди Моя соблюдите. Соблюдаяй заповѣди Моя, той есть любяй Мя* (Іоан. 14, 15—21). Аминь.

Слово въ четвертокъ Свѣтлыя Седмицы.

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ

Но, какъ же смерть попрана смертію Христовою, когда она доселѣ попираетъ всѣхъ и каждаго изъ сыновъ Адамовыхъ? Какой животъ дарованъ сущимъ во гробѣхъ, когда они всѣ продолжаютъ оставаться во гробахъ, *и никтоже познанъ есть возвративыйся изъ ада* (Прем. 2, 1)? Что это за пораженіе, что пораженный продолжаетъ поражать всѣхъ?—Что это за побѣда, что принадлежащіе побѣдителю сами идутъ въ плѣнъ?

Подобныя мысли, братіе, легко могутъ приходить на умъ, и возмущать свѣтлость настоящихъ дней; потому небезполезно будетъ разсѣять мглу сію лучами отъ свѣтоноснаго гроба Христова.

Что смерть дѣйствительно попрана смертію Христовою, это явно уже изъ самаго воскресенія Христова; только Побѣдитель смерти могъ выйти навсегда изъ гроба; безъ сего смерть и Его удержала бы въ своемъ темномъ царствѣ, какъ удерживаетъ всѣхъ прочихъ сыновъ Адамовыхъ.—Что пораженіе смерти, совершенное Спасителемъ нашимъ, совершено Имъ не для Себя одного, а для всего рода человѣческаго, это видно изъ востанія въ часъ смерти Христовой многихъ усопшихъ святыхъ. Какъ могли бы они востать изъ гробовъ, если бы Господь восталъ изъ гроба для Себя одного? То же, то-есть, пораженіе смерти, видно изъ воскресенія людей умершихъ, которое неоднократно совершено Спасителемъ, и потомъ въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ многократно совершалось истинными учениками и послѣдователями Христовыми. Таковыя воскресенія показываютъ, что смерть нынѣ есть крѣпость, потерявшая свою неприступность,—есть темница, изъ вѣчной обратившаяся во временную.—Наконецъ, попраніе смерти явственно и постоянно обнаруживается въ нетлѣніи тѣлесъ многихъ угодниковъ Божіихъ, которое служитъ вѣрнымъ залогомъ того, что владычество смерти обезсилено, и царство тлѣнія приближается къ концу.

Такъ много, братіе, на самомъ опытѣ слѣдовъ пораженія смерти смертію Христовою! Христовою, говорю, смертію, ибо

не во имя другаго кого-либо совершались и продолжаютъ совершаться всѣ чудеса безсмертія и нетлѣнія, какъ во имя воскресшаго Господа Іисуса; а Онъ Самъ не другимъ чѣмъ заключилъ исходища смерти, и отверзъ источникъ нетлѣнія и жизни, какъ смертію Своею и крестомъ: *смертію смерть поправъ!*

«Но, почему же люди продолжаютъ умирать и по воскресеніи Христовомъ, какъ умирали до воскресенія?»—Потому, что полное торжество надъ смертію должно совершиться не въ срединѣ бытія міра, когда явился на землѣ, умеръ и воскресъ Спаситель нашъ, а въ концѣ и по исполненіи всѣхъ временъ, ибо торжеству полному прилично быть токмо по совершенномъ окончаніи брани. «Но развѣ она не окончена, въ лицѣ Сына Божія?» Въ лицѣ Сына Божія окончена, но не окончена въ сынахъ человѣческихъ. И во-первыхъ, большая часть рода человѣческаго доселѣ еще не имѣетъ вѣры въ распятаго и воскресшаго Господа: въ чье же имя даровать ей безсмертіе?—Оставить смертною и даровать безсмертіе однимъ вѣрующимъ? Но такимъ образомъ на землѣ одна половина людей была бы безсмертныхъ, а другая смертныхъ: двойственность странная, и въ существѣ дѣла невозможная!—И между вѣрующими во имя Христово многіе суть христіане только по имени, а на дѣлѣ творятъ волю врага Христова, даютъ ему убѣжище въ своей душѣ, позволяютъ изъ своихъ сердецъ дѣлать твердыни противъ креста Христова. Какъ, и симъ лже-христіанамъ даровать безсмертіе? Оставить ихъ смертными, тогда какъ безсмертными будутъ одни христіане? Но изъ сего выйдетъ опять неестественная двойственность. — Скажешь, что если бы истиннымъ христіанамъ даровать безсмертіе, то немедленно всѣ невѣрующіе обратились бы ко Христу.—Конечно, обратились бы за безсмертіемъ, но каково было бы такое обращеніе!—И принявъ безсмертіе, что многіе сдѣлали бы изъ него?—Многіе взяли бы сей даръ изъ рукъ Христовыхъ именно съ тѣмъ, чтобы тотчасъ отдать его врагу Христову.

Но мы все еще стоимъ на поверхности дѣла; и она много сказываетъ, но не все: углубимся болѣе, пойдемъ далѣе.—Мы желали бы уничтоженія смерти, но что значитъ уничтожить смерть?—То ли, чтобъ настоящее тѣло наше, въ настоящемъ его состояніи и видѣ, сдѣлать не умираю-

щимъ?—Но это, во-первыхъ, невозможно само въ себѣ, ибо, скажемъ словами Апостола: *плоть и кровь царствія наслѣдити не могутъ, ниже тлѣніе нетлѣнія наслѣдствуетъ* (1 Кор. 15, 50). Составъ нынѣшняго тѣла нашего таковъ, что самъ въ себѣ содержитъ сѣмя ничѣмъ неудержимаго разрушенія.—Притомъ это было бы безсмертіе наказанія, а не награды, когда бы настоящее тѣло наше сдѣлалось безсмертнымъ. Ибо каково это тѣло?—Не бренно ли, не слабо ли, не болѣзненно ли? И теперь оно во многихъ отношеніяхъ составляетъ для духа тяжесть и темницу: тѣмъ паче составило бы то и другое, сдѣлавшись вѣчнымъ.—Посему, чтобы содѣлать тѣло наше безсмертнымъ — безсмертіемъ блаженнымъ и славнымъ, для сего необходимо перетворить его вновь. «Тѣмъ», скажешь, «лучше,—перетворить». Но возможно ли это безъ существеннаго измѣненія всей природы, насъ окружающей?—Мы живемъ не одни и не особенно, а въ тѣсной связи съ другими существами: наша жизнь, можно сказать, погружена въ жизни природы, насъ окружающей. Какъ же изъять тѣло человѣка отъ смерти, когда прочее будетъ вокругъ его умирать? И что за безсмертіе среди смертей и тлѣнія всего живущаго?—«Тѣмъ лучше», скажешь опять. «если человѣкъ не можетъ быть безсмертенъ по тѣлу одинъ, безъ распространенія безсмертія на прочія существа, то—распространить сіе благодѣяніе на все,—изгнать смерть изъ всего міра».—Она и будетъ изгнана отовсюду; весь міръ обновится и сдѣлается безсмертнымъ, какимъ и былъ нѣкогда; только все сіе послѣдуетъ не прежде, какъ въ концѣ міра, по исполненіи временъ.—«Почему не теперь?»—Потому, что настоящій міръ имѣетъ свое опредѣленное время бытія, необходимое для раскрытія всѣхъ силъ въ немъ заключающихся,—для извлеченія изъ него, не смотря на его поврежденіе, всего добраго, которое можетъ быть извлечено,—для приготовленія его, чрезъ постоянную, внутреннюю перемѣну, къ новому лучшему образу бытія. Когда все сіе окончится, тогда и настанетъ великій день обновленія всего міра. Съ другой стороны необходимо, чтобы и человѣчество имѣло время усвоить себѣ, вѣрою и жизнію по вѣрѣ, искупительную силу заслугъ Христовыхъ,—проникнуться, такъ сказать, всецѣло благодатію Духа Святаго, исцѣлиться чрезъ постоянную борьбу

съ соблазнами міра отъ наклонности ко грѣху,—приготовиться къ обитанію на новой землѣ безсмертія. Когда сіе необходимое приготовленіе кончится, тогда настанетъ время всеобщаго торжества и успокоенія.—Вспомни, и ядъ грѣха не вдругъ оказалъ свое дѣйствіе: Адамъ жилъ, какъ извѣстно, болѣе девяти сотъ лѣтъ, по вкушеніи отъ плода запрещеннаго. Не удивительно, если и сила искупленія въ дѣйствіи своемъ подлежитъ времени, ибо ею возстановляется и врачуется не одно тѣло, по законамъ необходимости, а и духъ, и еще болѣе духъ, нежели тѣло; но духъ, какъ существо свободное, иначе не можетъ быть уврачеванъ, какъ при участіи его собственнаго произвола, при употребленіи его собственныхъ силъ,—что необходимо требуетъ времени.

Но ты не удовлетворяешься и сими причинами, и все жалѣешь о томъ, почему давно не настало то блаженное время, когда не будетъ смерти? — Что же, если я скажу тебѣ, что когда бы оно настало до тебя, то тебя по тому самому не было бы на свѣтѣ?—Точно не было бы. Помнишь ли, какъ Спаситель изображалъ саддукеямъ будущее состояніе людей по воскресеніи?—Въ воскресеніе, говорилъ Онъ, *ни женятся, ни посягаютъ, но якоже Ангели Божіи на небеси суть* (Матѳ. 22, 30). Слѣдовательно, если бы тотчасъ по воскресеніи Спасителя настало время всеобщаго безсмертія, или, что то же, воскресенія, то вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ прекратилось бы и всякое плотское рожденіе. Какъ же бы тогда произошли на свѣтъ тѣ люди, кои жили по воскресеніи Господа до нашихъ временъ? Какъ получили-бъ бытіе мы сами, теперь разсуждающіе о семъ? — Непосредственнымъ дѣйствіемъ силы творческой, какъ произошелъ на свѣтъ Адамъ?—Но такимъ образомъ нарушилось бы единство корня въ родѣ человѣческомъ и единство судьбы человѣческой временной и вѣчной, ибо непроисходящіе отъ Адама по плоти, по тому самому явно были бы во многомъ инаковы и отличны отъ потомковъ Адамовыхъ.

Итакъ видишь, чему равносильно желаніе не умирать? - Желанію воспрепятствовать бытію милліоновъ подобныхъ тебѣ человѣковъ,—желанію лишить бытія самого себя! Будь же терпѣливъ и великодушенъ, справедливъ и милосердъ. Милліоны людей, жившихъ до тебя, сошли съ лица земли, чтобы дать мѣсто твоему земному бытію: сойди на время и

ты для успокоенія въ матернія нѣдра земли, и пожди, доколѣ всѣ прочіе братія твои по плоти и духу узрятъ свѣтъ, вкуситъ каждый свою долю жизни, обработаетъ всякій свои таланты. Когда исполнится великое число сыновъ Адамовыхъ и съ нивы Божіей соберутся всѣ классы, когда земля и небо будутъ приготовлены совершенно для празднованія великаго для безсмертія, тогда Владыка жизни и смерти не замедлитъ ни однимъ днемъ торжества, не дастъ тѣлу твоему пролежать въ землѣ ни одного лишняго часа.

Подлинно, братіе, въ дѣлѣ безсмертія нашего все предусмотрѣно и разчисленно премудростію Божіею съ величайшею точностію. Мы читаемъ у Апостола Павла, что люди, коимъ послѣднимъ достанется жить на землѣ, не умрутъ, а живые измѣнятся (1 Кор. 15, 52) чудеснымъ образомъ при всеобщемъ воскресеніи мертвыхъ. Почему не будетъ дано имъ умереть и не будетъ ждать ихъ смерти, чтобы начать всеобщее воскресеніе? Потому, что не зачѣмъ будетъ медлить: всѣ, имѣвшіе придти на свѣтъ, уже пришли; всѣ пришедшіе имѣли уже время сдѣлать свое дѣло; потому Побѣдитель смерти тотчасъ вступитъ во всѣ права надъ нею, низринетъ и упразднитъ ее, какъ ни къ чему не нужную.

Если же, братіе. смерть есть дань, которую люди непримѣтно, но тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, дѣйствительно приносятъ настоящему продолженію рода своего на землѣ, искупая ею въ то же время собственное свое земное бытіе, то кто послѣ сего откажется платить сію дань.

«Чувствую, скажешь, справедливость и необходимость сей дани; но не хотѣлось бы покупать земнаго бытія такою дорогою цѣною, — платить за жизнь смертію». За то не вознаграждается ли, возлюбленный, дань сія чѣмъ-либо другимъ? Не спасаетъ ли насъ смерть отъ какого-либо важнаго зла? — Вспомни, каковы мы приходимъ въ міръ сей!—Всѣ съ великою наклонностію къ злу, которая, чѣмъ болѣе живетъ, тѣмъ сильнѣе раскрывается въ каждомъ, если не будетъ истреблена силою благодати Христовой. Что же служитъ наибольшею преградою злу, гнѣздящемуся въ душѣ? Не бренность ли естества нашего?—Смерть и прямо пресѣкаетъ зло во многихъ видахъ, и не прямо преграждаетъ пути грѣху со многихъ сторонъ, такъ что

еслибы возможно было сложить въ одно всѣ добродѣтели человѣческія, то оказалось бы, что большая часть ихъ въ человѣкѣ одолжена своимъ началомъ памяти о смерти.—Но вообразимъ, что гробъ престалъ являться предъ глаза людей, что тѣло наше сдѣлалось безсмертнымъ и всѣ увѣрились, что имъ жить на землѣ вѣчно. Какъ многое у многихъ перемѣнится тотчасъ, и все на худшую сторону. Сколько вдругъ явится замысловъ! Какъ разгорятся страсти! Все приметъ размѣръ великій и вмѣстѣ ужасный. Самолюбію не будетъ конца, притѣсненіямъ и гордости не будетъ конца, сладострастію и роскоши не будетъ конца. Все злое сдѣлается безсмертнымъ; одна добродѣтель явится кратковѣчною и ляжетъ въ гробъ.—Представляя все сіе, нельзя не почитать за великое благодѣяніе премудрой любви Божіей, что она не сниметъ съ насъ узъ бренности дотолѣ, пока духъ нашъ не сдѣлается способнымъ пользоваться свободою безсмертія. Конечно, это лишеніе, но лишеніе благодѣтельное, происходящее отъ любви въ лишающемъ, отъ необходимости въ лишаемомъ: и чувствуя сіе, мы сами должны бы бѣжать отъ древа жизни, хотя бы оно было предъ очами нашими, и никакой херувимъ не стерегъ бы его отъ насъ.

«По крайней мѣрѣ освобождать бы отъ необходимости умирать тѣхъ, кои, при помощи благодати Божіей, въ продолженіе жизни своей, очистили себя отъ всякія скверны плоти и духа». Но, есть ли такіе люди, кои были бы совершенно чисты и не заключали бы въ себѣ ничего грѣховнаго, и потому смертнаго? Если послушать ихъ самихъ (а кого лучше и услышать въ семъ случаѣ?), то они говорятъ другое, признаютъ себя *не у достигшими* (Филип. 3, 13), имѣющими нужду въ очищеніи. И кто знаетъ, не служитъ ли смерть у святыхъ Божіихъ именно къ очищенію того, что не могло быть очищено духомъ,—къ послѣднему уничтоженію древняго яда змінаго? Впрочемъ святые Божіи получаютъ и въ семъ случаѣ все должное: смерть, страшная и горькая для насъ, для нихъ бываетъ вовсе не такова. почему многіе изъ нихъ и призывали ее, какъ друга и освободителя отъ узъ.

Еще не подумалъ бы кто, что время, протекающее отъ смерти каждаго до всеобщаго воскресенія, теряется въ бездѣйствіи. Но кто велитъ такъ думать?—Теряется ли время

у святыхъ, когда они духомъ своимъ, подобно духамъ безплотнымъ, выну славословятъ на небеси Господа, молятся за земныхъ братій своихъ, и даже нисходятъ нерѣдко на землю для оказанія помощи? Теряется ли время у тѣхъ, кои хотя отошли отъ сего міра не очищенными, но съ вѣрою въ заслуги Искупителя и твердымъ намѣреніемъ начать жизнь свято, когда они вѣрою усвояютъ тамъ себѣ молитвы, возносимыя за нихъ Церковію?—Теряется время развѣ для тѣхъ, кои еще болѣе теряли бы оное, еслибы продолжали жить на землѣ,—для грѣшниковъ, ожесточенныхъ во злѣ. Но и для такихъ смерть есть пріобрѣтеніе: будучи обнажены отъ плоти, которой всю жизнь служили, какъ идолу, они не могутъ совершать многихъ грѣховъ, и потому въ день воскресенія и суда примутъ меньшую степень наказанія.

Такимъ образомъ, братіе, съ какой стороны ни смотрѣть на смерть тѣлесную, она представляется хотя зломъ, но такимъ, которое послѣ паденія человѣческаго, при нынѣшнемъ порядкѣ (или точнѣе сказать, безпорядкѣ) вещей, необходимо и полезно. По сей-то причинѣ смерть и не уничтожена тотчасъ по воскресеніи Господа, а оставлена до конца міра, какъ средство къ окончательному очищенію чувственной природы нашей отъ грѣха чрезъ разрѣшеніе ея на составныя части, и вмѣстѣ какъ грозный призракъ для благодѣтельнаго устрашенія слишкомъ рѣзвыхъ дѣтей и для удаленія ихъ чрезъ то отъ вредныхъ и безумныхъ забавъ.

«Но въ чемъ же сила смерти Христовой, если мы всѣ продолжаемъ умирать попрежнему?» Въ томъ, что мы всѣ нѣкогда, подобно нашему Спасителю, возстанемъ изъ гробовъ. Безъ принятія Спасителемъ плоти нашей, безъ смерти Его за насъ на крестѣ, смерть, насъ постигшая въ Адамѣ, была бы смертію вѣчною: нисходя въ землю, мы никогда не вышли бы изъ земли, къ истинной жизни, а сходили бы чрезъ всю вѣчность все ниже и ниже, по безпредѣльной глубинѣ ада; а теперь мы сходимъ по лѣстницѣ смерти и тлѣнія для того, чтобы, прошедъ ею, выйти—на небо. Въ чемъ главное торжество наше надъ смертію? Въ томъ, что она разрушена смертію же Христовою,—въ томъ, что мы и умирая, не умираемъ навсегда,—умираемъ для воскресенія. Смерть теперь есть такой ядъ, который, будучи перетворенъ

на крестѣ кровію Христовою, сдѣлался врачевствомъ противъ себя самого.

Памятуя всѣ сіи истины, непреложность коихъ видна всякому, престанемъ, братіе, взирать на гробъ очами людей, *не имущихъ упованія* (1 Сол. 4, 14), познаемъ любовь Божію къ намъ въ самой смерти нашей. Воскресшій Господь такъ много сдѣлалъ для насъ, что, безъ сомнѣнія, оказалъ бы и сіе благодѣяніе, чтобы тотчасъ уничтожить смерть, если бы это было полезно для насъ. Но настоящій порядокъ вещей на землѣ таковъ, что даже Онъ Самъ, по воскресеніи Своемъ, не могъ остаться на землѣ, а вознесся до времени на небо. Тѣмъ паче намъ безъ Него не прилично остаться въ сей юдоли слезъ навсегда. Лучше, во всякомъ отношеніи лучше, идти къ Нему—на небо, и тамъ, вмѣстѣ съ Нимъ, ожидать, пока земля содѣлается способною быть небомъ. Аминь.

Слово въ пятокъ Свѣтлыя Седмицы.

Іисусъ же, паки возопивъ гласомъ велимъ, испусти духъ. И се завѣса церковная раздрася на двое, съ вышняго крач до нижняго; и земля потрясеся, и каменіе распадеся, и гроби отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа, и исшедше изъ гробъ, по воскресеніи Его, внидоша во святый градъ, и явишася мнозѣмъ (Матѳ. 27, 50—57).

Когда какой-либо побѣдоносный царь, по совершеніи великаго и общеполезнаго подвига, входитъ съ торжествомъ въ городъ, имъ освобожденный, то обыкновенно взоры всѣхъ бываютъ устремлены сначала на него одного, хотя бы онъ былъ окруженъ многими и значительными лицами: его одного видятъ, объ немъ одномъ говорятъ, онъ одинъ все для всѣхъ.—Но когда взоръ насытится зрѣніемъ лица, всѣми любимаго и для всѣхъ священнаго, то начинаютъ замѣчать и другія лица, окружающія побѣдителя, кои участвовали въ его подвигѣ, или служатъ знакомъ и плодомъ его побѣды. Подобное сему можно сказать и о насъ. Мы торжествуемъ величайшую побѣду, величайшій подвигъ, болѣе коего не было и и не будетъ, благотворныя слѣдствія коего неисчислимы и простираются не только на весь родъ человѣческій, но и на весь міръ.—не на годы и вѣки, а на всю вѣчность.—Удиви-

тельно ли, что мысль наша вся останавливалась на великомъ Виновникѣ нашего торжества и нашего блаженства;— что мы Его единаго созерцали, Его единаго воспѣвали и славили, о Немъ единомъ радовались и бесѣдовали?— Такого лица, такого предмета станетъ не на одну седмицу, а на всю жизнь, на всю вѣчность.

Но сія же слава и торжество Сего же Побѣдителя ада и смерти, требуютъ обратить нѣкоторое вниманіе и на прочія необыкновенныя лица, окружающія Его во время воскресенія, какъ на соучастниковъ Его торжества, и какъ на плодъ Его побѣды. Вниманіе къ нимъ не только не уменьшитъ вниманія къ Виновнику торжества, но еще болѣе усугубитъ и возвыситъ оное, ибо все, что въ сихъ лицахъ есть радостнаго, великаго и славнаго, все отъ Него проистекаетъ и къ Нему обращено всецѣло.

Итакъ, приблизимся благоговѣйно мыслію къ свѣтлому сонму праведниковъ, воскресшихъ съ Господомъ, и разсмотримъ: 1) кто они и когда воскресли? 2) кому являлися и для чего? 3) куда отошли, по явленіи своемъ, и что произошло съ ними послѣ? 4) въ какой связи ихъ воскресеніе съ воскресеніемъ Господа—и со всеобщимъ будущимъ воскресеніемъ мертвыхъ?

Кто воскресшіе?—*Святые*, отвѣтствуетъ Евангелистъ, а какіе именно—не сказываетъ. Между прочимъ, конечно, и потому, что имена ихъ не могли придать ничего къ ихъ воскресенію. Воскресъ тотъ или другой праведникъ—все равно: сила не въ имени воскресшаго, а въ воскресеніи, въ чудѣ. Если впрочемъ судить по приличію, коего не чуждаются и чудеса, то всего ближе было воскреснуть тѣмъ, кои преимущественно соединены по плоти съ воскресшимъ Господомъ, какъ Авраамъ, Давидъ; или яснѣе другихъ предсказали Его смерть и воскресеніе, какъ Исаія, Іезекіиль, Даніилъ; или явственѣе предъизобразили сіи событія своею жизнію, какъ Іовъ и Іона. Если судить по нуждѣ—быть скорѣе узнанными отъ тѣхъ, кому воскресшіе являлись по воскресеніи, то, кажется, надлежало воскреснуть недавно почившимъ, каковы были Іоаннъ Креститель, Симеонъ, Анна, Іосифъ и прочіе. А можетъ быть, всѣ сіи соображенія, какъ низшаго порядка, не имѣли въ семъ случаѣ силы, а воздѣйствовало одно высшее соображеніе:—воскресли тѣ, въ коихъ,

по внутреннему ихъ человѣку, наиболѣе отразилась сила смерти и воскресенія Господа, то-есть праведники совершеннѣйшіе, хотя къ числу ихъ могли принадлежать и тѣ, коимъ приличествовало воскреснуть по другимъ отношеніямъ, нами указаннымъ.—Какъ бы то ни было, только сонмъ воскресшихъ былъ не малъ: *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа!*—Торжественная свита такого Побѣдителя и Царя, Каковъ Сынъ Божій, не могла быть скудна и малочисленна.

Но моя мысль при семъ невольно останавливается на одномъ выраженіи Евангелиста о воскресеніи святыхъ: *тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа,* говоритъ онъ. Почему не говоритъ: святые востали, или воскресли; а *тѣлеса* ихъ *восташа и изыдоша изъ гробовъ;* какъ бы сіи тѣлеса уже давно лежали во гробахъ, готовыя къ востанію и исшествію?—Такія выраженія весьма прилично можно бы употребить о воскресеніи тѣлесъ угодниковъ Божіихъ, нетлѣнно въ нашемъ градѣ почивающихъ. Но мы нисколько не видимъ изъ исторіи Церкви ветхозавѣтной, чтобы въ ней были какія-либо нетлѣнныя тѣлеса усопшихъ святыхъ. Откуда же взялись въ Іерусалимѣ тѣлеса, кои, по свидѣтельству Евангелиста, *восташа и изыдоша изъ гробовъ* въ часъ смерти Господа?—Можно отвѣчать различно; а мнѣ кажется это знакомъ, что въ гробахъ усопшихъ уже находятся таинственнымъ образомъ начатки тѣхъ нетлѣнныхъ тѣлесъ, въ кои имѣютъ облещися души въ послѣдній день; подобно какъ въ продолженіе зимы уже находятся въ сѣменахъ, посѣянныхъ осенью, тѣлеса будущихъ лѣтнихъ растеній, такъ что, еслибы какимъ-либо чудомъ, возсіяло среди зимы лѣтнее солнце, то они вышли бы изъ своихъ гробницъ и явились взору всѣхъ.

Когда именно *восташа тѣлеса усопшихъ святыхъ,* и когда *внидоша во святый градъ, и явишася многымъ?*—Востали тотчасъ по смерти Господа на крестѣ. Ибо когда *Іисусъ возопи гласомъ великимъ, испусти духъ;* и когда вслѣдствіе сего—*завѣса церковная раздрася, земля потрясеся, каменіе распадеся:*—въ то же время, по свидѣтельству Евангелиста, *и гроби отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа.* Но исшествіе изъ гробовъ, вшествіе во святый градъ и явленіе многимъ, по указанію Евангелиста, послѣдовало не вдругъ по смерти Господа, а послѣ,—*по Его* преславномъ *воскресеніи.* Здѣсь опять не безъ тайны. Смерть Господа

представляется какъ бы великимъ ударомъ громовымъ, который раздался по всему міру, привелъ въ сотрясеніе всю землю, сокрушилъ твердыни адовы и пробудилъ почивавшія въ сердцѣ земли тѣлеса святыхъ;—и вотъ они встали, разрѣшились отъ узъ смерти; но всю полноту обновленной жизни воспріяли не прежде, какъ по воскресеніи и отъ воскресенія Господа, *да будетъ* Онъ, по выраженію Апостола, *во всемъ первенствуя* (Кол. 1, 18).

Кому явились воскресшіе святые? *Многимъ*, отвѣтствуетъ Евангелистъ; а кому именно,—опять не указываетъ: можетъ быть, именно потому, что число удостоившихся явленія было очень велико, и имена ихъ—не примѣчательны. Въ самомъ дѣлѣ, не видно, что воставшіе святые являлись, напримѣръ, Апостоламъ. Много ли бы для нихъ значило сіе явленіе, когда они нѣсколько разъ имѣли счастіе видѣть Самого воскресшаго Учителя своего?—Подобное, кажется, должно сказать и о всѣхъ прочихъ удостоившихся видѣть Самого Господа по Его воскресеніи. Воскресшіе святые, вѣроятно, должны были явленіемъ своимъ замѣнить Его явленіе, посему, кому являлся Онъ Самъ, тому не являлись уже они. И Онъ Самъ являлся многимъ; ибо въ послѣдній разъ *явился*, по свидѣтельству Павла, *болѣе пятисотъ братіямъ* (1 Кор. 15, 6); но воскресшіе праведники, можетъ быть, являлись еще множайшимъ изъ послѣдователей Господа, такъ что всѣ, имѣвшіе нужду въ скорѣйшемъ свидѣтельствѣ о воскресеніи Его, пріяли оное отъ воскресшихъ съ Нимъ. А можетъ быть, удостоились сего свидѣтельства и нѣкоторые изъ невѣровавшихъ дотолѣ въ Господа, но имѣвшихъ въ душѣ расположенность къ вѣрѣ; подобно тому, какъ еще высшая милость оказана потомъ,—въ особенномъ, чрезвычайномъ видѣ,—Савлу.

Явленіе воскресшихъ праведниковъ, по самому существу своему, было самымъ сильнымъ свидѣтельствомъ истины воскресенія Іисуса Христа и Его божественнаго достоинства. Когда воскресшій, явясь кому-либо, говорилъ: «я воскресъ силою Іисуса распятаго и воскресшаго; вѣруй въ Него такъ же несомнѣнно, какъ несомнѣнно видишь теперь меня»,—то всѣмъ сомнѣніямъ надлежало исчезнуть, всѣмъ возраженіямъ пасть самимъ собою.

«Что послѣдовало съ воскресшими праведниками, по окончаніи ихъ явленія многимъ?» Въ разрѣшеніе сего во-

проса ни Евангелистъ, ни церковная исторія—не говорятъ ни слова. Но самое молчаніе дѣписаній даетъ знать, что явившіеся праведники не остались на пребываніе въ Іерусалимѣ не только между невѣрующими, но и между тѣми, коимъ являлись. Какъ бы они начали жить на землѣ? Земля, явно, была не по нихъ; равно какъ и они не по землѣ. Куда же отошли они?—Ужели во гробы, изъ коихъ вышли?—Это было бы несообразно съ ихъ воскресеніемъ. Если Лазарь, воскрешенный, умеръ паки, по прошествіи извѣстнаго времени, то должно помнить, что Лазарь воскресъ съ прежнимъ тѣломъ, то-есть, съ обыкновеннымъ человѣческимъ тѣломъ; а святые, воскрешенные смертію Господа, воскресли въ тѣлѣ обновленномъ, такомъ, каковы будутъ тѣлеса всѣхъ святыхъ по всеобщемъ воскресеніи, или близкомъ къ тому. Съ такимъ тѣломъ какъ опять разлучаться душѣ? Такому тѣлу какъ входить паки во гробъ?—и для чего? — Посему-то святые отцы издревле полагали благочестно, что воскресшіе святые не умирали уже паки, а сопровождали невидимо Господа на небо, при Его вознесеніи, составивъ изъ себя вокругъ Его начатки обновленнаго человѣчества, къ коему потомъ присоединилась въ свое время Матерь Божія, взятая съ тѣломъ на небо, и, можетъ быть, присоединяются по временамъ другіе святые.

Обратимся къ послѣднему вопросу: въ какой связи это воскресеніе святыхъ съ воскресеніемъ Самого Господа?—во внѣшней ли только, по дѣйствію всемогущества Божія, которое воззвало къ жизни святыхъ въ минуту смерти Всесвятаго, дабы дать свидѣтельство о Его Невинности и божественномъ достоинствѣ? Или и въ связи внутренней, какъ дѣйствіе, выходящее изъ своей причины непосредственно, какъ эхо послѣ звука громоваго? Если бы не было внутренней, непосредственной связи смерти Господа съ возстаніемъ святыхъ, то ему не надлежало бы, кажется, и происходить въ это время, дабы не быть преждевременнымъ, ибо явленіе ихъ многимъ во святомъ градѣ имѣло послѣдовать не прежде воскресенія Господня; посему тогда же, а не прежде, надлежало бы произойти ихъ воскресенію, дабы, такимъ образомъ, избѣжать промежутка времени, въ противномъ случаѣ вовсе ненужнаго. Между тѣмъ, хотя время свидѣтельствовать о Воскресшемъ еще не наступило, а свя-

тые воскресаютъ, и это происходитъ именно въ ту самую именно минуту, когда Господь предаетъ на крестѣ Свой духъ Отцу. Какъ послѣ сего не подумать, что они возстаютъ отъ всесильнаго дуновенія сего животворящаго духа? Посему-то мы и уподобили смерть Господа такому великому удару, который сотрясъ весь міръ и возбудилъ, по выраженію Церкви, *мертвыя отъ вѣка*. Возбуждены всѣ, но дѣйствіе не во всѣхъ произошло равное,—смотря по различію почивавшихъ. Для большей части оно ограничилось тѣмъ, что почившіе, пробудясь отъ сна смертнаго, могли за Побѣдителемъ смерти, по Его сошествіи во адъ, выйти въ слѣдъ Его своими душами изъ ада, а другіе, кои спали тоньше и легче, по возбужденіи своемъ, столько пріяли въ себя живоносной силы отъ воскресшаго Господа, что не только вышли душею изъ ада, но восхитили съ собою и самыя свои тѣлеса изъ гробовъ, и, облекшись ими, могли, въ благодарность, послужить своимъ явленіемъ для многихъ, Воскресшему, а потомъ, въ награду, вознестись въ слѣдъ Его на небо.—Въ семъ смыслѣ еще святый Игнатій Богоносецъ называлъ настоящее воскресеніе святыхъ *продолженіемъ и дополненіемъ воскресенія Господня.*

Судите теперь сами, уменьшается ли отъ взора, обращеннаго на воскресшихъ святыхъ, вниманіе къ воскресшему Господу? Напротивъ! Все, что есть свѣтлаго и радостнаго въ ихъ лицѣ,—все это отъ лица Его — Побѣдителя смерти и ада! Не преставайте же, братіе, углубляться благоговѣйною мыслію и во всѣ обстоятельства воскресенія Господня: въ нихъ неисчерпаемое сокровище поучительныхъ мыслей и святыхъ чувствованій. Для того святая Церковь и продолжила празднованіе воскресенія Христова на четыредесять дней, дабы дать намъ время обозрѣть въ семъ преславномъ событіи все. Для сего и мы избрали предметомъ настоящаго собесѣдованія такое событіе въ исторіи воскресенія Господня, которое рѣдко и мало обращаетъ на себя вниманіе,—дабы дать намъ нѣкій примѣръ того, какъ всякое обстоятельство въ воскресеніи Господа можетъ быть источникомъ благоговѣйнаго размышленія и занимать васъ въ свободные часы дома.

Для сего обратимся еще разъ къ лику воскресшихъ святыхъ. — Чему поучаетъ онъ насъ воскресеніемъ своимъ?

Тому, во-первыхъ, что источникъ жизни для всѣхъ насъ смертныхъ и подверженныхъ тлѣнію, одинъ—Господь нашъ Іисусъ Христосъ; — тому, во-вторыхъ, что источникъ сей, хотя равно открытъ для всѣхъ, но почерпаютъ изъ него, болѣе или менѣе, смотря по тому, какъ содѣлываютъ себя способными къ тому чистотою своей вѣры и жизни, своей души и сердца. Въ самомъ дѣлѣ, въ часъ смерти Господа отверзлись, по свидѣтельству Евангелиста, гробы не однихъ праведниковъ, но почему въ это время вышли изъ гробовъ тѣлеса токмо однихъ святыхъ? Потому, что они одни въ это время были способны къ тому. При семъ случаѣ произошло нѣчто подобное тому, что бываетъ иногда въ видимой природѣ, когда теплота разогрѣетъ воздухъ и проникнетъ землю, особенно богатыя жизненностію растенія, даже среди зимы, возбуждаются отъ бездѣйствія, даютъ отпрыски и листья.

Имѣя въ виду все сіе и любя всѣмъ сердцемъ жизнь, будемъ любить всѣмъ же сердцемъ и единственнаго Источника жизни, Господа Іисуса, — любить не словомъ и языкомъ, а дѣломъ и истиною, — слушая слово Его, исполняя заповѣди Его, подражая примѣру Его, соединяясь съ Нимъ духомъ и тѣломъ посредствомъ святыхъ таинствъ. Если будемъ стараться жить и дѣйствовать такимъ образомъ,— очищая и истребляя въ себѣ чрезъ покаяніе все, что можетъ привходить въ нашу жизнь и наше сердце нечистаго отъ міра и плоти, то, когда и наши гробы отверзутся, наши тѣлеса изъ нихъ изыдутъ прославленныя, и внидутъ во святый градъ, Іерусалимъ небесный, и явятся мнозѣмъ,—станутъ предъ лицемъ всѣхъ ангеловъ и святыхъ, и мы сподобимся жизни вѣчной на небесахъ, — еже буди со всѣми нами, благодатію Воскресшаго!—Аминь.

Слово въ пятокъ Свѣтлыя Седмицы, въ который празднуется въ честь Богоматери, такъ называемой, Живоноснаго источника.

Христосъ воскресе!

Настоящая седмица, братіе, сама по себѣ весьма обильна струями благодати, текущей отъ гроба Христова: посему

Церковь ежедневно приглашаетъ насъ къ новому наслажденію, восклицая: *пріидите, піемъ новое!* Но вотъ, подъ конецъ свѣтлыхъ дней, когда бы надлежало ожидать умаленія потоковъ благодатныхъ, открывается новый, живоносный источникъ милосердія и щедротъ отъ лица Матери воскресшаго Господа. Подлинно, среди толикихъ торжествъ въ честь Сына подобало быть торжеству и въ честь Матери, у которой на Голгоѳѣ, какъ и у Сына, *оружіе прошило*, по предзрѣнію Симеона (Лук. 2, 35), самое сердце. Торжество Сына все къ благу нашему, и торжество Матери все для насъ и нашего спасенія. Празднество настоящее потому и называется *Живоноснымъ Источникомъ*, что Пресвятая Дѣва сообщила нѣкогда одному, близъ Константинополя, источнику силу исцѣлять всякаго рода недуги, проливать для всѣхъ страждущихъ жизнь и утѣшеніе.

Источникъ сей находится въ одномъ мѣстѣ, и дѣйствовалъ съ особенною силою въ извѣстное время; но благодать и сила дѣйствовавшей не ограничена никакимъ мѣстомъ и временемъ. Гдѣ живая вѣра въ Сына Божія, гдѣ теплая любовь къ Богоматери, тамъ и живыя струи благодати, и цѣльбоносный источникъ чудесъ. Посему-то вездѣ и всегда торжествуется то, что происходило особенно въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ.

Сколько впрочемъ и въ нашемъ отечествѣ источниковъ, при коихъ видимо или открывалась, или доселѣ открывается благодатная сила и помощь Приснодѣвы? Можно сказать, что многообразная стихія водная особенно усвоена Ею для ознаменованія разнообразныхъ щедротъ Ея ко всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ. Посему и наше отечество празднуетъ нынѣ не чуждый праздникъ, а по случаю чуждаго (хотя и онъ во многихъ отношеніяхъ не чуждый), воспоминаетъ и торжествуетъ множество собственныхъ радостныхъ событій. Особенно же для сей обители настоящее празднество не есть чуждое, ибо чудотворный ликъ Богоматери (Братской, такъ названной отъ имени обители, въ коей она находится), украшающій сей храмъ, явилъ въ первый разъ чудодѣйственную силу свою, какъ повѣствуютъ, на струяхъ рѣчныхъ, приплывъ ко граду сему для спасенія въ то время, какъ враги имени Христова хотѣли его употребить для переправы на другой брегъ въ погибель православному народу россійскому.

Но какъ почерпать изъ источника чудесъ? Древній Израиль пилъ нѣкогда изъ чудеснаго источника въ пустынѣ, между тѣмъ многіе изъ пившихъ не только не получили особенной благодати, но и понесли тяжкое наказаніе за свое неразуміе. То же можетъ быть и нынѣ. Какъ же, говорю, достойно пользоваться благодатію, текущею отъ гроба Христова за молитвами Преблагословенныя? — Св. Церковь весьма сильно и явственно указуетъ сіе, когда празднество называетъ то *живоноснымъ*, то *живопріемнымъ* источникомъ. Чтобы источникъ благодати былъ живоносенъ, для сего необходимо, чтобы онъ былъ живопріеменъ; для кого онъ не живопріеменъ, для того и не живоносенъ.

Для кого же онъ живопріеменъ?—Для тѣхъ, кои пріемлютъ воду благодати съ живою вѣрою, а не съ сомнѣніями о ея дѣйствительности, не съ вопросами о томъ, какъ напр. вода освященная можетъ дѣйствовать на душу? Для тѣхъ, кои почерпаютъ изъ живоноснаго источника именно съ тою цѣлію, чтобы ожить духомъ, исправить свое сердце и совѣсть, утолить вѣчную жажду своего существа. Для тѣхъ, кои, пріемля благодать Божію молитвами Приснодѣвы, не сокрываютъ оной подъ спудомъ, но обращаютъ въ жизнь для себя и другихъ, постоянно выражая ее въ благихъ дѣйствіяхъ. А кто почерпаетъ изъ живоноснаго источника безъ вѣры и благочестиваго чувства,—не для утоленія жажды духа, не для очищенія совѣсти, а для земныхъ цѣлей, для достиженія какихъ-либо временныхъ выгодъ, кто піетъ воду благодати, но не являетъ въ своей жизни плодовъ благодатныхъ,—для того живоносный источникъ не живопріеменъ, а потому и не живоносенъ.

Нужно ли ближайшее и подробнѣйшее указаніе на то, какъ пользоваться достойно благодатію изъ живоноснаго источника Матери Божіей? Указаніе сіе будетъ, можно сказать у всѣхъ насъ предъ очами. Въ семъ градѣ уготовляются цѣльбоносныя воды для недуговъ тѣлесныхъ: какъ обыкновенно приступаютъ къ употребленію сихъ водъ, и какъ ведутъ себя во время употребленія и послѣ?—Во-первыхъ, тщательно осматриваютъ, и сами и чрезъ врачей, свою болѣзнь; во-вторыхъ, требуютъ совѣта, какъ, сколько и когда употреблять цѣльбоносное питіе; во время употребленія воздерживаются отъ различнаго рода яствъ и отъ всѣхъ силь-

ныхъ движеній душевныхъ: гнѣвливые бываютъ кротки, гордые смиренны, скупые щедры, и оставивъ врачеваніе, долго еще держатся особеннаго, строгаго образа жизни, чтобы не ослабить дѣйствія водъ, не дать случая возвратиться болѣзни.

Будемъ, братіе, поступать такимъ же образомъ и при употребленіи водъ благодати: окажемъ хотя половину того вниманія и усердія къ душѣ нашей среди ея недуговъ, какое мы всегда оказываемъ нашему тѣлу при его немощахъ. И во-первыхъ, обратимъ какъ можно болѣе вниманія на состояніе души нашей: вникнемъ со всѣмъ безпристрастіемъ въ наше сердце и его наклонности; разсмотримъ, при свѣтѣ слова Божія, все поведеніе и всѣ отношенія наши, дабы видѣть, что въ насъ повреждено и что цѣло, въ чемъ излишество и въ чемъ недостатокъ, гдѣ опасность и вредъ, и гдѣ спасеніе. Начнемъ съ таковаго познанія самихъ себя и своей бѣдности, ибо его-то и недостаетъ намъ первѣе всего. *Нощію погибнетъ земля Моавитская* (Исаіи 15, 1), взывалъ нѣкогда пророкъ, желая показать внезапность пагубы и крайнюю безпечность погибающихъ. То же можно сказать и о насъ: мы погибаемъ, вовсе не думая объ опасности, не зная, какъ и отъ чего погибаемъ, и это потому, что небрежемъ о состояніи своей души, никогда не смотримся въ зеркало совѣсти, не знаемъ и не желаемъ знать, есть ли хотя сколько-нибудь духовной жизни въ нашемъ сердцѣ. Посему для спасенія нашего первѣе всего требуется обратить вниманіе на себя и на свою жизнь. Сдѣлавъ сіе, мы не можемъ не увидѣть, что въ насъ крайне много худаго и богопротивнаго, что душа и совѣсть наша покрыта язвами, а узнавъ сіе, мы невольно придемъ въ ужасъ, и будемъ искать средствъ къ очищенію и исцѣленію своему.

Во-вторыхъ, не устыдимся, братіе, явиться къ духовнымъ врачамъ за совѣтомъ и помощію. Мы сами многое можемъ и должны дѣлать для спасенія своего, но многаго, необходимаго, не можемъ сдѣлать сами, и потому должны принимать отъ тѣхъ, кои самимъ Богомъ поставлены для врачеванія душъ нашихъ. Уже много значатъ для насъ благія наставленія изъ устъ пастыря Церкви, который видѣлъ и видитъ много грѣшниковъ, знаетъ свойство душевныхъ болѣзней, врачевалъ ихъ не разъ и въ разныхъ видахъ. Но еще бо-

лѣе значитъ та благодать, которую пастыри Церкви могутъ низводить на кающихся грѣшниковъ, тотъ елей и тѣ обязанія, кои составлены для ранъ душевныхъ рукою Самого небеснаго Врача, а ихъ руками токмо прилагаются къ нашимъ язвамъ. Ибо не должно обольщать себя, братіе: грѣховное поврежденіе наше, какъ бы ни казалось намъ малымъ, всегда таково, что совершеннаго исцѣленія никакъ нельзя ожидать отъ собственныхъ нашихъ усилій и средствъ человѣческихъ: для сего необходима всевозставляющая сила благодати Божіей; но струи сей благодати, хотя текутъ на весь родъ человѣческій, но текутъ наипаче въ извѣстномъ мѣстѣ—у престола благодати, въ Церкви Христовой, и текутъ, такъ сказать, чрезъ извѣстныя трубы,—чрезъ таинства церковныя, кои преподаются токмо служителями таинствъ.

Наконецъ, при употребленіи средствъ благодатныхъ надобно быть постоянными и терпѣливыми. Застарѣлые недуги необходимо требуютъ продолжительнаго врачеванія, а что можетъ быть старѣе нашей душевной болѣзни, нашей наклонности ко грѣху? Съ нею мы выходимъ изъ утробы матерней; въ ней проводимъ лѣта младенчества; съ нею юношествуемъ и мужаемъ: удивительно ли, если ядъ грѣха, проникнувъ нашу природу, не вдругъ уступаетъ самымъ сильнымъ средствамъ? Если бы мы были существа, лишенныя свободы, то исправленіе наше могло бы совершаться скоро и въ опредѣленное время, но при свободѣ нашей, при ея уклоненіяхъ и невѣрностяхъ, самая благодать должна дѣйствовать постепенно и непримѣтно. Памятуя сіе, не будемъ унывать духомъ, если въ борьбѣ нашей со грѣхомъ не всегда будемъ выходить побѣдителями, если собственное сердце наше будетъ измѣнять намъ и оставаться по временамъ втайнѣ на сторонѣ порока, даже тогда, какъ умъ и воля будутъ заключены въ законѣ Божіемъ. Довольно для нашего успокоенія, что Самъ Богъ всемогущій обѣщаетъ намъ исцѣленіе; у *Него не изнеможетъ никакой глаголъ* (Лук. 1, 37); Его *обѣтованія суть ей и аминь* (2 Кор. 1, 20). *Богомъ*, — долженъ говорить каждый изъ насъ, подобно Давиду,—*Богомъ моимъ прейду стѣну!* (Псал. 17, 30).—Аминь.

Слово въ пятокъ Свѣтлыя Седмицы,

ПО СОВЕРШЕНІИ ВЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ЛИТУРГІИ НА ЯЗЫКѢ ГРЕЧЕСКОМЪ.

Аще языкомъ кто глаголетъ, по двѣма или множае по тріемъ, и по части: и единъ да сказуетъ (1 Кор. 14, 27).

Апостольскія слова сіи весьма рѣдко слышатся во храмѣ, и не знаю, провозглашались ли когда-либо съ церковной каѳедры въ заглавіи собесѣдованія, но въ настоящемъ случаѣ они сами собою приходятъ на мысль и требуютъ быть повторенными въ услышаніе всѣхъ. Вы сами увидите сіе, братіе, когда припомните, по какому случаю произнесены они Апостоломъ.

Церковь коринѳская, какъ и всѣ Церкви апостольскія, изобиловала чудеснымъ даромъ языковъ, такъ что многіе, не учась, говорили, по вдохновенію свыше, разными языками. Какъ ни важенъ былъ даръ сей для тогдашнихъ временъ, когда христіанству надлежало распространяться по всему міру, а людей свѣдующихъ въ иноземныхъ языкахъ между христіанами почти не было, но вскорѣ подвергся неудобствамъ. Нѣкоторые изъ обладающихъ даромъ языковъ, въ благочестивыхъ собраніяхъ вдругъ начинали говорить на многихъ языкахъ. Хотя они говорили о святыхъ предметахъ и съ благою цѣлію—нѣкоторые, можетъ быть, по внутреннему побужденію отъ обладаемаго и обладающаго ими дара; но поелику рѣчь ихъ была непонятною для прочей части собранія, то и не могла производить назиданія. Оставалось одно общее назиданіе, то-есть, какое можно имѣть, видя въ подобномъ себѣ человѣкѣ чрезвычайное дѣйствіе всемогущества Божія.

Учитель языковъ, Павелъ, услышавъ о такомъ положеніи дѣла въ Церкви коринѳской, почелъ за долгъ вразумить членовъ ея и дать имъ правило, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ. Для сего онъ заповѣдуетъ, во-первыхъ, чтобы обладающіе даромъ языковъ не говорили всѣ вдругъ иноземными языками, дабы не происходило замѣшательства. *Аще языкомъ кто глаголетъ, по двѣма, или множае по тріемъ,* да глаголетъ. Во-вторыхъ, Апостолъ требовалъ, чтобы съ даромъ языковъ постоянно былъ соединяемъ *даръ сказанія,*

или истолкованія языковъ, дабы произносимое на иноземныхъ языкахъ, становясь чрезъ истолкованіе понятнымъ, могло приносить назиданіе: *и единъ да сказуетъ*. Въ противномъ случаѣ, то-есть, если нѣтъ истолкователя даръ языковъ, по Апостолу, и не долженъ быть употребляемъ. *Аще ли не будетъ сказатель, да молчитъ въ Церкви* (обладающій даромъ языковъ): *себѣ же да глаголетъ и Богови* (1 Кор. 14, 28).

Какъ ни мала, братіе, наша Церковь въ сравненіи съ церковію коринѳскою, но настояще собраніе наше видимо подходитъ подъ правило апостольское. И у насъ богослуженіе совершено нынѣ на языкѣ, неизвѣстномъ для многихъ, здѣсь присутствующихъ; посему и нашему собранію нуженъ сказатель, или истолкователь.

Что же истолковать?—Въ Церкви коринѳской на языкахъ произносились *тайны*, а мы, хотя на неизвѣстномъ для многихъ языкѣ, произносили всѣмъ извѣстное. Литургія наша благодаря усердію къ храмамъ Божіимъ, такъ извѣстна каждому христіанину, что на какомъ бы языкѣ ни совершалась она, каждый, по тому, что видитъ, уже понимаетъ, что дѣлается. Итакъ съ сей стороны нѣтъ нужды въ истолкователѣ: онъ могъ быть нуженъ для невѣрныхъ, если бы они были здѣсь, а не для вѣрныхъ, изъ коихъ каждый самъ можетъ быть въ семъ отношеніи истолкователемъ и для себя и для другихъ. Что же требуетъ поясненія въ настоящемъ случаѣ?—Мнѣ кажется, самый случай,—то, почему и для чего совершается нами св. литургія на языкѣ, намъ не природномъ.—Не имѣя дара сердцевѣдѣнія, можно угадать что сей вопросъ приходилъ на умъ многимъ въ продолженіе настоящаго богослуженія: его-то должны мы разрѣшить теперь.

Да будетъ же извѣстно, братіе, что *совершеніе литургіи на языкѣ греческомъ и въ другіе дни можетъ быть назидательно для сына Церкви россійской—потому, что оно возбуждаетъ много воспоминаній поучительныхъ и ожиданій утѣшительныхъ. Но особенно совершеніе сей литургіи прилично въ настоящее время и въ настоящемъ мѣстѣ.*—Раскроемъ каждую мысль порознь.

Литургія греческая, сказалъ я, пробуждаетъ естественно въ умѣ много воспоминаній благотворныхъ для духа и сердца. И во-первыхъ, она необходимо приводитъ на память

начало нашей вѣры. Ибо на какомъ языкѣ возвѣщена была всему міру наша вѣра? Преимущественно на языкѣ греческомъ.—На какомъ языкѣ написано евангеліе и весь новый завѣтъ? На языкѣ греческомъ. Слыша языкъ сей во храмѣ, невольно воображаешь, какъ Павелъ бесѣдуетъ въ ареопагѣ аѳинскомъ съ философами о воскресеніи (Дѣян. 17, 31);—какъ Іоаннъ пишетъ: *въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1);—какъ св. Лука благовѣствуетъ: *яко воистину воста Господь* (Лук. 24, 34).

Много вѣковъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ совершилось все сіе; множество народовъ озарено свѣтомъ, возсіявшимъ изъ гроба Іисусова; небо и земля засвидѣтельствовали, что Воскресшему точно *дана всякая власть на небѣ и на землѣ* (Матѳ. 28, 18). Но, братіе, все сіе не принесетъ намъ пользы, если мы сами съ воскресшимъ Господомъ не воскреснемъ въ духѣ; если не предадимъ Ему власти надъ всѣмъ существомъ нашимъ; не будемъ водиться Его Пресвятымъ Духомъ и ходить въ обновленіи жизни, отъ Него принятой. Посему воспоминая, по случаю настоящаго богослуженія, начало вѣры нашей въ мірѣ, не преминемъ вникнуть мыслію въ собственное сердце, дабы видѣть, началась ли сія святая вѣра и внутрь насъ, и такъ ли твердо стоитъ, такъ ли побѣдоносно возрастаетъ, и такъ ли плодоносна въ насъ, какъ въ цѣломъ мірѣ?—Ибо что пользы, если святая вѣра наша распространится во всемъ мірѣ, а въ насъ изсякнетъ; если все воскреснетъ со Христомъ, а мы останемся мертвы?

Во-вторыхъ, литургія греческая, совершаемая въ нашихъ храмахъ, не можетъ сыну Церкви россійской не привести на память начала вѣры христіанской въ нашемъ отечествѣ. Ибо многіе народы обращены въ христіанство проповѣдниками Церкви западной; а къ намъ, по премудрому устроенію Промысла, святая вѣра пришла изъ православной Греціи, и сначала литургія у насъ, по всей вѣроятности, совершаема была нерѣдко на языкѣ греческомъ. Воспоминаніе, которое, при надлежащемъ вниманіи къ происшедшему, должно исполнить душу нашу чувствомъ живѣйшей благодарности къ Промыслу Божію.—Поздно пришли мы на пиръ вѣры, но призваны еще тогда, какъ онъ былъ вселенскимъ, когда еще не было раздѣленія Церквей, нынѣ существующаго. Посему Церковь наша справедливо можетъ именовать себя дщерію

Церкви вселенской: титло во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнное! Съ другой стороны, какъ близки мы были къ тому, чтобы увлечься потокомъ нововведеній, который начиналъ уже наводнять тогда весь западъ! И однако онъ протекъ мимо нашего отечества, и мы напоены струями чистыми. Можно ли не благодарить за сіе Промыслъ? А можно возблагодарить истинно токмо теплою любовію къ вѣрѣ православной, а наипаче строгою жизнію по вѣрѣ православной. Тьма язычества давно прогнана съ лица земли русской, да исчезнетъ она и изъ ума нашего! Идолы давно пали въ нашемъ отечествѣ, да не остаются они и въ нашихъ сердцахъ. Иначе отечество будетъ живымъ вертоградомъ Христовымъ, а мы въ семъ вертоградѣ останемся сухими и мертвыми вѣтвями.

Въ-третьихъ, совершеніе литургіи на языкѣ греческомъ должно, по необходимости, привести на память начало самой литургіи и ея богомудрыхъ составителей. Какъ древне и свято сіе начало! — Какъ велики и богоблагодатны тѣ люди, кои составили литургію!—При одномъ имени ихъ уже исполняешься благоговѣніемъ. Ибо, кто выше Василія Великаго по уму и высотѣ чувствъ? Кто чище и разительнѣе Златоуста по слову? Кто крѣпче и лучше ихъ по вѣрѣ, любви, самоотверженію и всѣмъ добродѣтелямъ христіанскимъ? Такіе люди, если бы и сами составили литургію, то составили бы наилучшимъ образомъ. Между тѣмъ, они дѣйствовали въ семъ случаѣ не столько силами своего ума. сколько благодатію Духа Святаго. Преданіе прямо утверждаетъ, что Василій Великій далъ настоящій видъ своей литургіи, вслѣдствіе откровенія, ему даннаго, и въ первый разъ совершилъ ее безъ приготовленія, тѣми словами, кои внушены ему свыше. А св. Златоустъ, какъ извѣстно, былъ только сократителемъ литургіи Василіевой, посему нашу литургію можно назвать истинно боговдохновенною.

Будете ли, братіе, дивиться и послѣ сего, что мы восхотѣли освятить наши уста, а вашъ слухъ самыми боговнушенными словами?—Воскресить на нѣкоторое время въ семъ храмѣ языкъ Василія и Златоуста?—О, если бы вмѣстѣ съ словами воскресъ въ насъ и ихъ духъ вѣры и любви, чистоты и истины, смиренія и терпѣнія!—По крайней мѣрѣ, мы вѣруемъ, что они духомъ своимъ недалеко теперь отъ

насъ и молитвами своими одушевляли ихъ собственныя слова, выходившія изъ нашихъ слабыхъ устъ.

Въ-четвертыхъ, совершеніе греческой литургіи должно привесть на память союзъ нашей Церкви съ Церквами восточными. Союзъ сей всегда такъ важенъ и благотворенъ для вѣры и нравовъ, что возобновлять его въ памяти, оживлять въ обрядахъ и священнодѣйствіяхъ, есть долгъ священный; тѣмъ паче въ наши времена нужно всѣми способами скрѣплять союзъ сихъ великихъ Церквей, ибо какой характеръ нашихъ временъ въ отношеніи къ вѣрѣ? Съ одной стороны, невѣріе хотѣло бы попрать всякую вѣру, какъ нѣчто маловажное; съ другой—суевѣріе, оставляя вѣру истинную, устремляется къ ложной, именуя ее старою и правою вѣрою. Въ таковыхъ обстоятельствахъ литургія греческая, совершенная въ русскомъ храмѣ, есть разительное обличеніе и для невѣрія и для суевѣрія. Первое должно почувствовать, если не уваженіе, то страхъ отъ той вѣры, которая исповѣдуется цѣлыми странами и народами; а суевѣріе должно придти въ стыдъ и смущеніе, видя, что древняя литургія греческая ни въ чемъ не разнится отъ нашей, и что, слѣдовательно, нѣтъ причинъ подозрѣвать Церковь въ искаженіи вѣры, и, оставляя храмы Божіи, ходить за православіемъ въ дебри и скиты.

Наконецъ, совершеніе литургіи на языкѣ иноземномъ, вмѣсто природнаго, должно напомнить каждому о той важной истинѣ, что всѣмъ намъ должно будетъ нѣкогда оставить свой частный, природный, земной языкъ и начать говорить языкомъ новымъ, всеобщимъ, небеснымъ. Такъ, братіе, придетъ время, когда мы должны будемъ вступить въ нерукотворенную скинію на небесахъ, которой художникъ и содѣтель не человѣкъ, а Богъ, коея первосвященникъ есть Самъ Господь и Спаситель нашъ, и гдѣ будетъ совершаться вѣчная литургія по великому чину Іисусову. Посему, братіе, надобно внимательно смотрѣть за собою, чтобы намъ и при сей великой и божественной литургіи не оказаться нѣкогда незнающими того пренебеснаго языка, на коемъ она имѣетъ совершаться. Здѣсь, на землѣ, можно съ душевною пользою слушать богослуженіе на языкѣ неизвѣстномъ; а тамъ — на небѣ, кто не разумѣетъ языка храма, тотъ не будетъ и во храмѣ,—останется во тьмѣ кромѣшней.

Памятуя сіе, заблаговременно должно пріучать себя къ языку небесному.

Какой же это языкъ, и кто его наставникъ? — Языкъ сей братіе, теперь на землѣ, состоитъ не изъ словъ опредѣленныхъ, а изъ мыслей, желаній и чувствъ святыхъ, кои *тамъ* сами собою найдутъ сродныя себѣ и небу слова и выраженія. Учитель сего языка вѣры и любви есть Духъ Святый, Который и доселѣ нисходитъ на всякаго истиннаго христіанина, подобно какъ нисшелъ нѣкогда на Апостоловъ, и, влагая въ сердце его новыя мысли и чувства, симъ самымъ предрасполагаетъ его къ новому языку. А средство главное къ изученію небеснаго языка есть молитва и стараніе о чистотѣ совѣсти и жизни.—Кто будетъ стараться жить на землѣ такъ, какъ живутъ на небѣ, тотъ, пришедъ на небо, не окажется тамъ чужестранцемъ, незнающимъ языка небеснаго.

Столь много различныхъ мыслей и чувствъ возбуждаетъ, братіе, настоящая литургія наша!—По сему-то самому мы, оставивъ природный языкъ, и рѣшились совершить нынѣ богослуженіе на языкѣ греческомъ: нынѣ и здѣсь, а не въ другое время и не въ другомъ мѣстѣ, ибо праздникъ воскресенія Христова самъ собою напоминаетъ о началѣ христіанства, чудесномъ дарѣ языковъ, коимъ оно распространилось въ мірѣ, всеобщемъ союзѣ народовъ и племенъ во Христѣ и будущемъ нашемъ собраніи на небесахъ, въ Церкви торжествующей; почему святая Церковь сама издревле обыкла въ первый день Пасхи возглашать евангеліе на разныхъ языкахъ, между коими греческій занимаетъ первое мѣсто. Съ другой стороны, воскресшая недавно отъ трехъ-вѣковой смерти, Греція православная вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы въ знаменіе воскресенія ея и братскаго союза съ Церковію россійскою, оглашались по временамъ языкомъ ея своды храмовъ россійскихъ. Здѣшній храмъ нашъ имѣетъ на то особенное право, ибо самое основаніе святилища наукъ, устроеннаго при семъ храмѣ, совершено было въ присутствіи патріарховъ восточныхъ, кои какъ нарочно, явились тогда въ семъ градѣ, дабы благословить колыбель начинающагося просвѣщенія. Совершая литургію на ихъ языкѣ, мы симъ самымъ приносимъ нѣкую дань благодарности ихъ священной памяти.

Что касается до васъ, теперь питомцы, а вскорѣ учители вѣры, то вамъ, безъ напоминанія, извѣстно, къ чему воззываетъ васъ языкъ Василія и Златоуста, слышимый во храмѣ: онъ воззываетъ васъ идти по слѣдамъ ихъ и вести за собою тѣхъ, кои будутъ ввѣрены попеченію вашему. По приличію настоящаго случая, я ограничусь только приведеніемъ вамъ теперь на память правилъ, данныхъ великимъ учителемъ языковъ, касательно употребленія дара языковъ, коимъ многіе и изъ васъ, хотя посредствомъ науки, обладаютъ совершенно. Даръ сей всегда и вездѣ долженъ быть употребляемъ во славу Божію: каковое употребленіе можетъ быть не въ однихъ храмахъ, ибо всякое благое дѣло есть служеніе Богу, когда совершается въ славу Его. Во-вторыхъ, употребленіе дара языковъ должно быть всегда соединено съ назиданіемъ ближнихъ. Лучше сказать пять словъ съ назиданіемъ, нежели тьмы словъ безъ назиданія (1 Кор. 14, 19). Наконецъ, обладая даромъ языковъ, должно помнить, что сей даръ самъ по себѣ не можетъ нисколько спасти насъ, и что есть дары гораздо высшіе, пріобрѣтеніе коихъ необходимо для спасенія. Это—вѣра, терпѣніе, кротость, надежда, а паче всего—любовь христіанская. Ибо, заключу словами Апостола,—*аще языки человѣческими глаголемъ и ангельскими, любви же не имамы,* будемъ *яко мѣдь звѣняща, или кимвалъ звяцаяй* (1 Кор. 13, 1). Аминь.

Слово въ субботу Свѣтлыя Седмицы на литургіи.

Христосъ воскресе!

Бесѣдуя съ вами въ прошедшіе дни, мы искали, братіе, для васъ и для себя слова назиданія; нынѣ подъ конецъ свѣтлыхъ дней, въ заключеніе нашихъ собесѣдованій, мнѣ желалось обрѣсти и для васъ и для себя какое-либо слово утѣшенія. Ибо для христіанина нужно и назиданіе духовное, но еще нужнѣе иногда утѣшеніе. *Въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. 16, 33), сказалъ нашъ Спаситель; и нѣтъ ничего вѣрнѣе словъ сихъ. Гдѣ же скорбящимъ обрѣтать утѣшеніе, какъ не у престола благодати? Когда и намъ преподавать утѣшеніе, какъ не въ сіи свѣтлые дни?

Ища, такимъ образомъ, слова утѣшенія въ словѣ Бо-

жіемъ (ибо мы богаты не своимъ, а Его богатствомъ), я преходилъ мыслію по разнымъ мѣстамъ его, въ коихъ содержатся обѣтованія утѣшительныя. Многія изъ нихъ останавливали меня, но одно удивило. Я изумился, какое великое и утѣшительное обѣтованіе содержится въ немъ, и какъ мало мы всѣ обращаемъ на него вниманія, какъ мало даже знаемъ Его.

Прежде, нежели объявлю вамъ эту драгоцѣнную находку, позвольте, братіе, узнать отъ васъ, чего бы вы пожелали испросить себѣ отъ воскресшаго Господа въ знакъ любви Его къ вамъ, если бы это было позволено вамъ,— испросить здѣсь, на землѣ, въ этой жизни, не тамъ на небѣ, гдѣ для всѣхъ любящихъ Его уготовано блаженство нескончаемое? Я думаю, что вмѣсто всѣхъ даровъ и знаковъ любви отъ Воскресшаго, вы пожелали бы имѣть возможность увидѣть Его хотя разъ въ жизни, пасть къ стопамъ Его, облить ихъ слезами, принять отъ Него разрѣшеніе грѣховъ, услышать миръ и благословеніе. Многіе, думаю, готовы были бы за милость сію отдать самую жизнь.

Возрадуйтеся и возвеселитеся, души, любящія Господа и желающія насладиться лицезрѣніемъ Его! — Эту, столь драгоцѣнную для васъ милость, обѣщаетъ вамъ Онъ Самъ. Внемлите!

Имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя, а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ (Іоан. 14, 21).

Чтобы точнѣе и лучше уразумѣть силу и смыслъ сего утѣшительнаго обѣтованія, разсмотримъ, братіе, пристальнѣе,—кому, когда и для чего дано оно Господомъ?

Слова сіи составляютъ часть послѣдней прощальной бесѣды Господа съ учениками предъ Его страданіемъ. Главною цѣлію сей бесѣды было преподать ученикамъ утѣшеніе на время разлуки съ ними. Для сего Спаситель употребляетъ разныя средства: увѣряетъ ихъ въ покровительствѣ Своего Отца (Іоан. 14, 1), обѣщаетъ имъ Духа Утѣшителя (14, 16), наконецъ, объявляетъ, что самая наступающая разлука продлится недолго, и они паки всѣ свидятся съ Нимъ. *Не оставлю васъ сиры: пріиду къ вамъ. Еще мало, и міръ къ тому не увидитъ Мене, вы же увидите Мя: яко Азъ живу, и вы живи будете* (Іоан. 14, 18, 19).

На сихъ словахъ можно было бы остановиться, ибо о свиданіи съ учениками все сказано. Но, видно, взоръ Господа въ эту минуту отъ настоящаго простерся въ будущее; вѣрно, предстали Ему тутъ всѣ Его послѣдователи, страждущіе и обремененные; Онъ увидѣлъ всѣхъ насъ, всѣ наши печали, скорби и искушенія, увидѣлъ, что утѣшеніе нужно не для однихъ двѣнадцати, а для всѣхъ;—и уста Его паки разверзлись: *имѣяй заповѣди Моя,* продолжалъ Онъ, *и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю Его, и явлюся ему Самъ.* То-есть, какъ бы такъ говорилъ Господь: Я сказалъ, что Моя разлука съ вами окончится свиданіемъ, и что вы всѣ паки увидите Меня; мало сего: Меня увидятъ, кромѣ васъ, и всѣ любящіе Меня, всѣхъ мѣстъ и временъ, Я буду являться каждому истинному послѣдователю Моему, когда найду то нужнымъ для него.

Въ такихъ обстоятельствахъ произнесено, братіе, драгоцѣнное обѣтованіе Господа, нами разсматриваемое. Если можетъ быть при семъ какое-либо недоумѣніе, то одно: не относится ли это обѣтованіе о благодатномъ явленіи Его къ тѣмъ же Апостоламъ, коимъ обѣщано свиданіе, или, по крайней мѣрѣ, къ ближайшимъ послѣдователямъ Христовымъ, а не къ намъ, столь отдаленнымъ отъ нихъ и по времени, тѣмъ паче, по скудости добродѣтелей христіанскихъ.

Подлинно, братіе, если бы намъ самимъ надлежало рѣшить это сомнѣніе, то мы не осмѣлились бы рѣшить его въ нашу пользу, и никогда не дерзнули бы такъ твердо обѣщать вамъ отъ лица Господа столь великую милость, каково Его явленіе. Ибо кто осмѣлится, скажемъ словами Апостола, *свести Христа съ неба* (Рим. 10, 6), коль скоро Ему не угодно оставить его?—Но теперь мы можемъ сказать другое: кто осмѣлится возвести Христа на небо, коль скоро Ему угодно продолжать являться на землѣ? Ибо теперь мы не можемъ, никакъ не можемъ, сомнѣваться въ томъ, чтобы обѣтованіе Господа о непосредственномъ явленіи Его не относилось ко всѣмъ истиннымъ послѣдователямъ Его, слѣдовательно, и къ намъ, если будемъ таковыми.

Эту драгоцѣнную невозможность сомнѣваться—доставилъ намъ одинъ изъ Апостоловъ Христовыхъ, Іуда не-Искаріот-

скій, и доставилъ, кажется, самъ не думая о томъ, по внезапному вдохновенію свыше. При слушаніи разсматриваемаго нами обѣтованія Господа, и ему показалось, что оно относится къ однимъ Апостоламъ. При такой мысли сердце любвеобильнаго ученика исполнилось сожалѣніемъ, что Учитель и Господь хочетъ ограничить свиданіе Свое одними ближайшими учениками Своими: и вотъ—по любви своей, онъ дерзнулъ предстательствовать за всѣхъ насъ: *Господи*, вопросилъ онъ, *и что бысть, яко намъ хощеши явитися, а не мірови?* (Іоан. 14, 22). То-есть, какъ бы такъ говорилъ онъ Учителю: «развѣ Ты перемѣнилъ намѣреніе быть Спасителемъ всѣхъ, и мы одни имѣемъ нужду въ Твоемъ явленіи?» Видите ли, братіе, что святый Апостолъ, хотя другими словами, говоритъ то же самое, что сказали бы мы сами, желая знать, можетъ ли относиться обѣтованіе и къ намъ.—Смотрите же теперь, что изречетъ Господь! О, Онъ теперь еще щедродательнѣе! Сомнѣніе ученика въ широтѣ любви Его,—объемлетъ ли она равно всѣхъ,—заставило еще болѣе расширить объятія любви. Прежде—Самъ обѣщалъ Онъ любящему заповѣди Его только Свое собственное явленіе. Теперь, вызванный вопросомъ, Онъ обѣщаетъ болѣе—явленіе вмѣстѣ съ Собою и Отца, и не только явленіе, а и пребываніе въ томъ, кто сего удостоится. *Отвѣща Іисусъ и рече ему: аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ. Не любяй Мя, словесъ Моихъ не соблюдаетъ: и слово, еже слышасте, нѣсть Мое, но пославшаго Мя Отца* (Іоан. 14, 23. 24).

Послѣ сего отвѣта, братіе, нѣтъ мѣста сомнѣніямъ: обѣтованіе наше!—Каждый изъ насъ можетъ ожидать благодатнаго явленія себѣ Господа еще въ продолженіе своей жизни.

О, братіе, какъ не воскликнуть при семъ съ Апостоломъ: *честная намъ и великая обѣтованія даровашася!* (2 Петр. 1, 4).—И послѣ сего дерзаютъ еще говорить, что христіанство много требуетъ! Скажите лучше, что оно стократъ болѣе даетъ, не только на небѣ, даже на землѣ. Свиданіе съ Господомъ въ сей жизни не составляетъ необходимости для спасенія: *блажени не видѣвшіи и впровавше* (Іоан. 20, 29), сказалъ Самъ Онъ, но поелику лицезрѣніе Господа можетъ составить утѣшеніе для скорбящихъ, ободреніе для подвизающихся, то Господь благоволитъ обѣщать его, только бы доставить утѣше-

ніе душѣ, Его любящей и за Него страждущей. Свиданіе съ любящими Его составляетъ какъ бы нѣкую святую необходимость для Его собственнаго сердца.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, прислушайтесь, прошу васъ, еще къ словамъ Господа, и вы сами, конечно, увидите въ нихъ то же. что мнѣ представляется. *Имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ,* говоритъ Онъ, *той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ.* Не явно ли, что здѣсь указуется какъ бы нѣкая лѣствица духовная, на которую когда вступишь и будешь идти прямо, то непремѣнно дойдешь до извѣстной цѣли; а сія цѣль: явленіе Господа! Не очевидно ли, что здѣсь подается какъ бы нѣкая живая цѣпь, у коей когда возмешься за первое кольцо, то приводишь въ движеніе самое послѣднее, и привлекаешь? «Кто соблюдаетъ заповѣди Мои, какъ бы такъ говоритъ Господь, тотъ не можетъ—за нихъ—не любить Меня, тотъ не можетъ, по любви ко Мнѣ, не соблюдать заповѣдей Моихъ; ибо одно безъ другаго быть не можетъ: ни любовь безъ добродѣтели, ни добродѣтель безъ любви. А кто любитъ Меня такимъ—дѣятельнымъ—образомъ, тотъ не можетъ не быть возлюбленъ Отцемъ Моимъ и Мною, ибо любовь и въ людяхъ производитъ любовь же, тѣмъ паче въ Богѣ. А искренно и сильно любящіе другъ друга не могутъ долго оставаться безъ свиданія: *явлюся ему Самъ!*

Послѣ сего, братіе, нѣкоторые изъ васъ, можетъ быть, пожелали бы знать предварительно, какимъ образомъ происходитъ явленіе Господа любящимъ Его. Но не нашей духовной скудости повѣдать намъ столь высокія тайны. Для насъ довольно быть искренними вѣстниками прихода Царева, а о свиданіи съ Царемъ воспрошайте друговъ и присныхъ дома Царева, кои удостоились уже сея благодати. Читайте между тѣмъ жизнеописанія святыхъ Божіихъ человѣковъ; тамъ можете найти, чего желаете. Впрочемъ для чего все чуждые опыты и свидѣтельства? Путь указанъ, средства у каждаго въ рукахъ: начни исполнять заповѣди и любить Господа, и получишь на самомъ дѣлѣ то, о чемъ теперь хочешь только знать. Только бы не стало дѣло за тобою, а за Нимъ не станетъ! Когда узришь Его, то, вѣрно, не будешь уже спрашивать: какъ видятъ Его? Аминь.

Слово въ субботу Свѣтлыя Седмицы предъ раздаваніемъ артоса.

Христосъ воскресе!

Питавъ насъ со всѣмъ изобиліемъ въ продолженіе настоящей седмицы невещественнымъ хлѣбомъ слова Божія и сладкихъ пѣснопѣній, св. Церковь, изъ снисхожденія къ слабости нашей, собрала насъ нынѣ для преломленія намъ и хлѣба вещественнаго. Но, какъ міръ самыя духовныя вещи привыкъ унижать до плоти и крови, такъ Церковь самое чувственное возводить до духа. Не напрасно на раздробляемомъ хлѣбѣ видны изображенія священныхъ предметовъ: это самымъ близорукимъ въ духовномъ разумѣніи указываетъ на его духовное значеніе и важность.

Для чего же онъ раздробляется нынѣ?—Раздробленіе св. хлѣба, по ясному указанію самой Церкви въ молитвѣ, читаемой при его освященіи, совершается нынѣ въ память воскресенія Христова. Почему съ памятію воскресенія соединилось понятіе о хлѣбѣ, когда при самомъ воскресеніи не было и не могло быть никакого хлѣба,—на это есть многія причины. И во-первыхъ, ветхозавѣтная пасха іудейская, учрежденная при исходѣ израильтянъ изъ Египта, и служившая прообразованіемъ нашей Пасхи, соединена была съ семидневнымъ вкушеніемъ особеннаго, священнаго хлѣба, называемаго опрѣсноками. Надлежало напомнить и христіанамъ, среди Пасхи, о семъ вкушеніи, которое у израильтянъ заключало много поучительнаго. Наиболѣе же благословляется нынѣ хлѣбъ въ память воскресенія Христова потому, что въ сказаніяхъ евангелистовъ не разъ видимъ воскресшаго Господа или вкушающимъ, или благословляющимъ вкушеніе. Такъ подъ вечеръ того самаго дня, въ который Онъ воскресъ, Онъ преломляетъ хлѣбъ въ Эммаусѣ, и познается въ семъ преломленіи двумя учениками Своими, не узнавшими Его во все продолженіе пути съ Нимъ. Въ вечеру сего же дня, въ Іерусалимѣ, среди учениковъ Своихъ, Господь Самъ благоволитъ вкушать рыбу и медъ въ доказательство того, что они видятъ предъ собою не призракъ, а истиннаго своего Учителя, дѣйствительно воскресшаго изъ мертвыхъ. Потомъ въ Галилеи, при морѣ

Тиверіадскомъ, воскресшій Господь уготовляетъ чудесно цѣлую трапезу для утружденныхъ всенощнымъ, напраснымъ ловленіемъ рыбы учениковъ Своихъ, и за сею трапезою троекратно дружески истязуетъ любовь Петра вопросомъ: *любиши ли Мя?*

Вотъ сколько событій напоминается святымъ хлѣбомъ, нынѣ раздробляемымъ. Много въ немъ таинъ! Много совершено надъ нимъ молитвъ! Много заключено въ немъ благословеній!

Итакъ, христіанинъ, вкушая хлѣбъ сей, приведи себѣ на память, во-первыхъ, исходъ израильтянъ изъ Египта, и смотри, гдѣ ты самъ, не въ Египтѣ ли доселѣ, не фараону ли—богу вѣка сего, работаешь? Токмо *идѣже Духъ Господень, ту* истинная *свобода* (2 Кор. 3, 17). Если въ тебѣ нѣтъ Сего Духа, то ты рабъ страстей. Если тебя не освободитъ отъ рабства грѣха Сынъ Божій, то ты вѣчно останешься рабомъ. Обратись же къ Нему съ желаніемъ творить волю Его. Начни поражать, при помощи Божіей, враговъ своего спасенія, какъ десятью казнями, исполненіемъ десяти заповѣдей. Когда послѣднею изъ нихъ: *не пожелай* (Исх. 20, 16. 17), поразятся самые первенцы Египта—нечистыя мысли и желанія, то узы грѣха, тебя гнетущія, разрѣшатся сами собою, и ты изыдешь въ свободу Духа. Но исшедъ въ пустыню самоотверженія, не обращай лица къ Египту, подавляй, если бы и открылась, алчбу къ мясамъ египетскимъ—плотскимъ наслажденіямъ. Довольно съ тебя хлѣба ангельскаго, манны небесной—тѣхъ наслажденій духа, коими питаетъ Господь вѣрныхъ рабовъ Своихъ.—Иначе и на предѣлахъ небеснаго Ханаана могутъ воздвигнуться *гробы похотѣнія*—за *крастели* (Исх. 16, 13; Числ. 11, 33. 34)—земмныхъ и грѣховныхъ радостей.

Отъ пасхи іудейской, христіанинъ, обратись мыслію, при вкушеніи нынѣ хлѣба, къ Пасхѣ христіанской,—размысли, для чего и какъ былъ вкушаемъ, или благословляемъ воскресшимъ Господомъ хлѣбъ, и поучайся самъ вкушать его такимъ образомъ.

Двое изъ учениковъ Іисусовыхъ не познаютъ своего Господа во все продолженіе пути съ Нимъ. Не происходитъ ли того же, возлюбленный слушатель, и съ нами, на пути нашей жизни?—Богъ не можетъ, чтобы на семъ пути не

было съ каждымъ изъ насъ Іисуса, ибо Онъ обѣщался пребывать съ вѣрующими въ Него во вся дни. Но познался ли Онъ каждому изъ насъ, какъ должно? Узнали ли мы въ Немъ своего Спасителя и Господа? Убѣдились ли совершенно, что *нѣтъ,* ни на землѣ, ни на небѣ, *другаго имени, о коемъ можно было бы спастися,* кромѣ имени Іисусова (Дѣян. 4, 12)? Что безъ Него всякій человѣкъ есть врагъ Божій, есть мертвая розга, годная только на сожженіе?— И твой день жизни, возлюбленный братъ, или уже преклонился, или преклонится: худо будетъ достигать запада жизни безъ небеснаго Спутника; ужасно проходить сѣнь смертную одному—безъ Спасителя! Спѣши же познать Его, хотя въ преломленіи хлѣба,—по тѣмъ чувственнымъ знаменіямъ, въ коихъ Онъ благоволилъ являть свое присутствіе въ Церкви своей;—старайся чаще причащаться трапезы Господней, которая предлагается всѣмъ вѣрующимъ: преизбытокъ любви Христовой, въ ней открывающійся, согрѣетъ твое хладное сердце, и ты начнешь мало-по-малу, вкушая, познавать, коль благъ Господь (Псал. 33, 9), и сколь близокъ всѣмъ, призывающимъ Его во истинѣ (Псал. 144, 18).

Предъ учениками, въ Іерусалимѣ, вкушаетъ Господь пищу въ удостовѣреніе, что они видятъ предъ собою не призракъ, а дѣйствительное тѣло своего Учителя. Смотри, возлюбленный, и ты, не призракъ ли вся вѣра твоя, не состоитъ ли она изъ однихъ праздныхъ понятій, не имѣющихъ вліянія на твою жизнь; не ограничиваешься ли ты однимъ образомъ благочестія, не радя о силѣ его, о томъ, чтобы не казаться токмо честнымъ предъ людьми, но и быть на самомъ дѣлѣ таковымъ предъ Богомъ, въ своей совѣсти? Признакъ и доказательство истиннаго христіанства,—не созерцанія и обиліе познаній, не многоглаголаніе и совопросничество, не очищеніе внѣшнихъ стклянницъ и блюдъ, а совлеченіе ветхаго человѣка съ его страстями и похотями, возрожденіе въ духѣ, хожденіе по образу Христа и внутренній крестъ. Если въ тебѣ есть сіе, то Христосъ воскресъ въ тебѣ дѣйствительно, и ты можешь предаться всей радости о воскресеніи Его: въ противномъ случаѣ, тебѣ и теперь еще нужны Петровы слезы и мытарево сокрушеніе.

Есть чему поучиться и на вечери, бывшей на берегу моря Тиверіадскаго. Верховные изъ Апостоловъ всю ночь

трудятся безъ успѣха въ ловленіи рыбъ, доколѣ Самъ Спаситель, внезапно явившись, не повелѣлъ имъ снова бросить мрежи. Не думай и ты, кто бы ты ни былъ, безъ благословенія Божія успѣть въ дѣлѣ духовнаго совершенства. Ты можешь стяжать всѣ блага міра, но безъ Него не можешь пріобрѣсти той драгоцѣнной *жемчужины* (Матѳ. 13, 46), которая дороже всего міра. Можешь украсить себя нѣсколькими добродѣтелями, каковыми и украшались многіе изъ язычниковъ, но не можешь, никакъ не можешь перемѣнить своего злаго сердца, исторгнуть изъ него корень грѣха. Это выше твоихъ силъ, выше силъ всѣхъ ангеловъ; это дѣло Его, Его единаго. Къ Нему обращайся за симъ, Ему молись о семъ. Когда Онъ затворитъ въ тебѣ *источники бездны* (Быт. 8, 2), хлябіи природнаго зла, тогда ничто не разверзетъ ихъ. Когда Онъ отверзетъ въ тебѣ источникъ добра—любви къ Богу и ближнему, то уже никакая сила ада не заключитъ его: онъ будетъ течь въ животъ вѣчный.

Но слышишь ли, возлюбленный братъ, какой вопросъ предлагается на богоучрежденной вечери тиверіадской?—*Любиши ли Мя? Любиши ли Мя?* говоритъ Господь. Если Петръ, разъ измѣнившій, троекратно слышалъ сей вопросъ, то сколько разъ онъ долженъ оглашать нашъ съ тобою слухъ? Не будемъ спѣшить однако отвѣчать на него языкомъ Петровымъ; возъимѣемъ прежде сердце Петрово: требуется не слова, а дѣло. *Аще кто любитъ Мя,* говоритъ Самъ Вопрошающій, *слово Мое соблюдетъ* (Іоан. 14, 23). Вотъ признакъ любви! Имѣешь ли его?—Благо тебѣ, если имѣешь, ибо въ такомъ случаѣ ты можешь, еще до смерти, видѣть Господа и вечерять съ Нимъ. *Аще кто любитъ Мя,* говоритъ Онъ, *слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23).

Воспоминая такимъ образомъ, при нынѣшнемъ вкушеніи св. хлѣба, всѣ сіи евангельскія вечери, можно ли, братіе, наконецъ забыть и ту блаженную вечерю, которая, хотя не была учреждена воскресшимъ Спасителемъ, поелику и не могла бы учреждена на землѣ, но тѣмъ не менѣе Имъ обѣщана послѣдователямъ Его въ царствіи небесномъ (Матѳ. 26, 29)? А воспоминая о вечери, ожидающей насъ въ семъ царствіи, можемъ ли не привести себѣ на память и оную брачную одежду, которая тамъ потребуется отъ всякаго?—

Ужасна участь раба, изверженнаго, по причинѣ недостатка сей одежды, во тьму кромѣшнюю!—Поспѣшимъ же, братіе, заранѣе пріобрѣсти драгоцѣнную одежду благихъ дѣлъ, и заранѣе покрыть и украсить ее заслугами Христовыми, дабы, при первомъ зовѣ, быть готовыми на бракъ Агнчій. Поспѣшимъ. ибо какъ на землѣ, такъ и на небѣ, царскія двери не всегда отверсты: будетъ время, когда онѣ затворятся навсегда, и толкущимъ въ нихъ скажется: *не вѣмъ васъ* (Матѳ. 25, 12)! Аминь.

Слово на всенощномъ бдѣніи, въ недѣлю Антипасхи.

Величаемъ Тя, Живодавче Христе, насъ ради во адъ сшедшаго, и съ Собою вся воскресившаго.

Симъ величаніемъ св. Церковь воздаетъ нынѣ честь божественному Жениху своему, исшедшему изъ гроба, яко отъ чертога. Въ заключеніе всѣхъ хвалебныхъ пѣсней своихъ для Него, продолжавшихся цѣлую седмицу, она не нашла ничего славнѣе для лица Его, какъ указать, наконецъ, на сошествіе Его во адъ: *во адъ сшедшаго!*

Но что это за похвала?—По нашему понятію, сойти во адъ, значитъ подвергнуться состоянію несчастному, не возвыситься, а придти въ уничиженіе. Ибо какъ ни представлять себѣ адъ, а нельзя представить его мѣстомъ свѣта, жизни и радости. Какимъ же образомъ нисшествіе во адъ воскресшаго Спасителя нашего служитъ знакомъ Его величайшаго прославленія?

Отвѣтъ на сіе содержится въ слѣдующихъ словахъ той же хвалебной пѣсни: *и съ Собою вся воскресившаго.* Великая разность—быть низведену во адъ, чтобъ выйти изъ него, когда угодно; еще большая разность, сойти во адъ самому для того, чтобъ извести съ собою оттуда всѣхъ узниковъ. Спаситель нашъ сошелъ во адъ Самъ, Своимъ произволеніемъ и Своею властію,—сошелъ для того, чтобы вскорѣ выйти изъ ада,—сошелъ одинъ, чтобы извести оттуда всѣхъ: *съ Собою вся воскресившаго.* Дабы живѣе представить себѣ всю торжественность сего событія, вообразите, что какой-либо могущественный царь взялъ приступомъ враждебный ему городъ, гдѣ въ темницѣ томилось множество плѣнныхъ, его подданныхъ, кои, претерпѣвая всякаго рода лишенія, со дня

на день ожидали смерти. По завоеваніи города, побѣдитель тотчасъ самъ спѣшитъ въ темницу, объявляетъ свободу томящимся узникамъ, и выводитъ ихъ съ собою. Не здѣсь ли—въ этой темницѣ, будетъ мѣсто особенной радости и веселія? Самъ побѣдитель не назоветъ ли сего дѣйствія лучшимъ плодомъ своей побѣды, этой минуты незабвенною для себя на всю жизнь?—И кто рѣшился бы воспѣвать его подвиги, не въ правѣ ли указать на это сошествіе его въ темницу, какъ на одинъ изъ лучшихъ камней въ царственномъ вѣнцѣ его?—Подобно сему и сошествіе во адъ было дѣйствіемъ самымъ пріятнымъ и самымъ славнымъ для воскресшаго Господа, потому что въ немъ наиявственнѣйшимъ образомъ обнаружилась и крайняя любовь Его къ бѣдному человѣчеству, и высочайшее могущество Его надъ врагомъ рода человѣческаго. *Величаемъ* убо, братіе, и не престанемъ величать *Живодавца Христа, насъ ради во адъ сшедшаго, и съ Собою вся воскресившаго!*

Но что дѣлать съ пытливымъ разумомъ нашимъ, когда онъ, побуждаемый самою благодарностію, хочетъ видѣть всю глубину бѣдствій, отъ коихъ мы избавлены!—Отчего, вопрошаетъ онъ при семъ случаѣ, отчего адъ наполненъ былъ узниками? Почему сіи узники подлежали власти князя тьмы? По какой причинѣ никто изъ нихъ не могъ выйти изъ ада самъ? Для чего Самъ Спаситель не прежде сошелъ во адъ для ихъ освобожденія, какъ послѣ страданія и смерти Своей?—Вопросы, какъ сами видите, братіе, глубокіе и многообъемлющіе; почему они и не обыкли предлагаться съ сего священнаго мѣста; но поелику разрѣшеніе ихъ всецѣло клонится къ славѣ возлюбленнаго Спасителя нашего, къ умноженію нашей духовной радости, то мы, при руководствѣ слова Божія и отцевъ Церкви, не усомнимся сказать нѣчто на каждый изъ сихъ вопросовъ;—только просимъ воскрилить мысль вашу вѣрою и любовію къ Спасителю.

Отчего адъ, до сошествія въ него Господа, былъ наполненъ узниками?—Оттого, что души всѣхъ усопшихъ, доисполненія тайны искупленія на Голгоѳѣ, сходили по смерти во адъ. Почему сходили во адъ, а не отходили на небо?—Потому, что всѣ души человѣческія суть души падшія, лишенныя первобытнаго совершенства. Падшему и разбившемуся неестественно идти вверхъ: онъ, при первомъ движеніи, стремится внизъ, и

стремится дотолѣ, пока не будетъ остановленъ и поддержанъ кѣмъ-либо. То же было и съ душами человѣческими. Упавши въ праотцѣ, потомъ стократъ падавъ и, разбиваясь сами въ произвольныхъ грѣхопаденіяхъ, онѣ естественно теряли крѣпость и силу; и потому не могли по смерти возноситься горѣ, а упадали долу, въ кругъ бытія низшаго и худшаго.—по выраженію Писанія, *въ преисподняя земли* (Псал. 62, 10). Вмѣстѣ съ симъ души усопшихъ не могли не подвергаться нѣкоей злополучной зависимости отъ врага рода человѣческаго — діавола. Ибо несчастная область тьмы и смерти, печали и глада, въ которую сходили онѣ, образована первоначально имъ, чрезъ собственное его ниспаденіе изъ высшаго круга бытія, и составляетъ потому его злосчастную собственность. Мы не знаемъ, гдѣ именно находится сіе печальное обиталище падшихъ духовъ и падшихъ душъ, но должно быть гдѣ-либо; не можемъ опредѣлить, въ чемъ именно состоитъ несчастіе—быть тамъ, но не можемъ и представить, чтобы пребываніе тамъ не было сопряжено съ тяжкими лишеніями. И вотъ въ семъ-то бѣдственномъ состояніи находились души усопшихъ до сошествія къ нимъ воскресшаго Господа!

Въ равной ли мѣрѣ всѣ, тамъ находившіеся, подлежали бѣдствіямъ и зависимости отъ князя тьмы? Безъ сомнѣнія, не въ равной. Авраамъ, Моисей и подобные имъ праведники не могли быть игралищемъ врага Божія. Очищенныя вѣрою, воскриленныя любовію, души ихъ были близки къ небу; исполненныя упованіемъ, сердца ихъ уже предвкушали радости рая. Но самое небо было заключено для всѣхъ: ни въ комъ не было силы разорвать совершенно узы, влекущія долу,—перейти черту, отдѣляющую небо отъ земли, вознестись въ свѣтлый градъ Божій, къ престолу Вседержителя. Для сего требовалось могущество болѣе, нежели ангельское, ибо для сего нужно было соединить паки небесное съ земнымъ, наполнить открывшуюся чрезъ грѣхъ, между тѣмъ и другимъ бездну. Все это могъ сдѣлать Единъ Тотъ, въ Коемъ Богъ и человѣкъ составляютъ единое Лице, для Коего потому нѣтъ ничего непреходимаго; Который, будучи превыше всего и сосредоточивая въ себѣ все, потому самому могъ *возглавить Собою всяческая* (Еф. 1, 10).

И возглавилъ! Съ самаго начала воплощенія Сына Божія, небо со всею полнотою совершенствъ своихъ уже преклонилось къ землѣ; князь міра долженъ былъ потерять свою власть и силу, а человѣкъ — ожить для первобытной свободы и блаженства. Но все сіе совершалось постепенно. Сначала, во время земной жизни Богочеловѣка, дѣйствіе всемірнаго возстановленія, Имъ совершаемаго, обнаруживалось наиболѣе въ томъ, что находилось въ то время на землѣ, не касаясь еще всею силою своего міра невидимаго; плодами пришествія Искупителя видимо пользовались только Его современники; а для тѣхъ, кои жили вдалекѣ, тѣмъ паче для тѣхъ, кои пребывали въ другомъ мірѣ, пришествія Спасителя еще какъ бы не наступало.

Но вотъ, когда Онъ взошелъ на самый верхъ совершенства крестомъ (ибо *больше сея любви* къ Богу и ближнимъ, по собственнымъ словамъ Его, *никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13), то, пріявъ власть надъ небомъ и землею, немедленно поспѣшилъ къ другой половинѣ человѣчества, находившейся во адѣ,—дабы извести оттуда на небо всѣхъ, кои были къ тому способны. Еще пречистая плоть Его оставалась во гробѣ, въ саду Іосифовомъ, стрегомая стражею, а духъ Его уже былъ во адѣ. Въ семъ случаѣ, какъ замѣчаетъ одинъ учитель Церкви, Спаситель міра какъ бы раздѣленъ былъ между двумя мірами, невидимымъ и видимымъ, и каждый изъ нихъ пріялъ свое: міръ невидимый, состоящій изъ душъ безплотныхъ, видѣлъ среди себя пресвятую душу Господа, а на землѣ, среди людей, обложенныхъ плотію, оставалась Его пречистая плоть.

Какимъ образомъ произведено самое изведеніе душъ изъ ада? Безъ спора и брани князь тьмы уступилъ свою вѣковую добычу? — Безъ спора и брани, хотя съ великимъ стыдомъ и печалію. Безъ спора и брани, ибо, хотя видѣлъ нисшедшею къ себѣ душу человѣческую, но сія душа облечена была всемогуществомъ Божества, а онъ былъ уже пораженъ въ главу и низложенъ на Голгоѳѣ крестомъ. Съ великимъ стыдомъ и печалію, ибо хотя князь тьмы отдавалъ теперь все, что у него брали, и что только могло и хотѣло выйти изъ его державы смерти, даже хотѣлъ бы самъ бѣжать и сокрыться отъ свѣта Божества, предъ нимъ сіявшаго; но дѣй-

ствіемъ всемогущества Іисусова остановленъ, *совлеченъ*, по свидѣтельству Апостола, всѣхъ знаковъ *начальства и власти*, коими онъ окружалъ себя, какъ самозванецъ, и *изведенъ въ позорѣ* предъ очи всѣхъ, оставлявшихъ его теперь, плѣнниковъ, и всѣхъ остававшихся съ нимъ клевретовъ его (Кол. 2, 15). А съ душами людей, ожидавшихъ съ вѣрою пришествія Искупителя, должно думать, произошло нѣчто подобное тому, что происходитъ съ частицами извѣстнаго металла, когда среди ихъ является магнитъ: онѣ тотчасъ невольно окружаютъ его, соединяются съ нимъ, каждая своимъ образомъ, и потомъ всюду за нимъ слѣдуютъ. Подобное, говорю, должно было послѣдовать и съ душами чистыми. Какъ въ нашемъ мірѣ нужно только взойти на горизонтъ солнцу, чтобы все, способное вознестись, понеслось отъ земли вверхъ, такъ во адѣ одно появленіе Богочеловѣка уже дало возможность вознестись вслѣдъ за нимъ всему, что только способно было оставить глубины адовы. Были однакоже и въ адѣ души, кои или не вдругъ поняли сію драгоцѣнную возможность, или не расположены были воспользоваться ею вдругъ: заключаю это изъ того, что Спаситель, по свидѣтельству Апостола, проповѣдывалъ во адѣ нѣкоторымъ, да *прежде* (нѣкогда) наказаніе *плотію, поживутъ* теперь *по Богѣ духомъ* (1 Петр. 4, 6). Но кого не просвѣтитъ, не согрѣетъ, не увлечетъ за собою такая проповѣдь?—Посему св. Церковь въ радости воспѣваетъ, что сошествіемъ Жениха ея въ адъ истощены *вся царствія адовы*.

«Но какая намъ польза изъ сего сошествія? Изведены не мы, а другіе», подумаетъ кто-либо. Брось, возлюбленный, мысль сію, ибо она отъ недостатка любви къ Спасителю и къ подобнымъ тебѣ человѣкамъ.—Что намъ?—А развѣ торжество главы—Господа нашего, не есть торжество всего тѣла и всѣхъ членовъ, то-есть, всѣхъ насъ, вѣрующихъ во имя Его? — Мы не участвуемъ лично въ подвигахъ земнаго царя, и однакоже всѣ радуемся и торжествуемъ, когда онъ одерживаетъ побѣды, беретъ города и области. Какъ же не радоваться намъ о побѣдѣ нашего Царя небеснаго?—Притомъ, кто и что мы всѣ человѣки? Не члены ли одного тѣла? Когда выздоравливаетъ одна половина тѣла, то это не можетъ не быть отрадно и для другой.—А множество душъ, бывшихъ во адѣ до воскресенія Спасителя, безъ сомнѣнія,

составляло значительную часть рода человѣческаго, если не половину тѣла.

Вмѣстѣ съ утѣшеніемъ, сошествіе Господа во адъ содержитъ для насъ урокъ великій. Надобно, братіе, и намъ куда-либо идти по смерти. Куда же пойдемъ? Горѣ или долу?—Врата въ рай отверсты крестомъ Спасителя; но рай остался на небѣ. Кто хочетъ быть въ раю, тому надобно умѣть по смерти возноситься горѣ. Но и на высокія горы земныя не всякій можетъ восходить: тѣмъ паче взошедъ, рѣдкій можетъ быть тамъ долго. Посему надобно заранѣе пріуготовляться къ восходу. Какъ пріуготовляться?—Во-первыхъ, сложеніемъ съ себя всякой тяжести, освобожденіемъ себя отъ всякихъ узъ; во-вторыхъ, пріобрѣтеніемъ легкости и способности возноситься горѣ, и дышать небеснымъ воздухомъ. Узы души суть страсти, тяжесть души есть грѣхъ. Кто не разрѣшитъ себя отъ сихъ узъ, не сложитъ съ себя сей тяжести, тотъ естественно по смерти останется долу, или, что еще хуже, влекомый собственною внутреннею тяжестію, устремится внизъ. Куда?—Туда, можетъ быть, куда стремятся вокругъ насъ и всѣ тяжести—къ средоточію земли. А что тамъ?—Спросите у трехъ-сотъ огнедышащихъ жерлъ, коими со всѣхъ сторонъ испещрена поверхность земная...

Но гдѣ бы ни былъ адъ, кто однакоже, возлюбленный, сойдетъ для освобожденія насъ изъ него, если намъ съ тобою, по несчастію, достанется быть тамъ?—Взошедъ на небо, Спаситель уже не снидетъ съ него паки и на землю, какъ прежде, доколѣ не настанетъ великій день суда. Тогда, по свидѣтельству тайновидца, и самъ *адъ отдастъ* паки *мертвецы своя* (Апок. 20, 13); но отдастъ уже не для восхода въ рай, а на судъ и поверженіе *въ озеро огненное* (Апок. 20, 15).

Итакъ, доколѣ имѣемъ всю возможность, не будемъ медлить очищеніемъ себя отъ всякой скверны плоти и духа, памятуя, что всякій грѣхъ есть тяжесть, которая по смерти будетъ влечь насъ долу—во адъ. Аминь.

Слово на отданіе Пасхи.

Христосъ воскресе!

Преходя отъ празднества къ празднеству, мы непримѣтно пришли уже къ подножію Елеона, и въ послѣдній разъ воз-

глашаемъ: Христосъ воскресе!—Многіе изъ насъ, безъ сомнѣнія, паки удостоятся видѣть и воспѣвать воскресенія день; а нѣкоторые, и это также не подлежитъ сомнѣнію,—будутъ праздновать, если окажутся достойны, слѣдующую Пасху уже въ невечернемъ дни царствія Христова. Кто первые и кто послѣдніе?—не знаемъ; извѣстно только, что каждый изъ насъ можетъ принадлежать къ числу послѣднихъ. И вотъ причина, почему многіе проводятъ настоящій день съ нѣкоторымъ какъ бы унынiемъ. Желалось бы никогда не оканчивать радостныхъ пѣснопѣній, никогда не разставаться съ свѣтлымъ торжествомъ!

Но, братіе, развѣ это невозможно?—Развѣ нѣтъ средствъ продлить во всей силѣ—не день, а радость воскресенія Христова? — Къ сему самому направлено все въ христіанствѣ; въ семъ состоитъ самое истинное христіанство. Ибо въ чемъ состоитъ оно? Не въ обновленіи ли духа, не въ пріятіи ли свыше новаго сердца; не въ воскресеніи ли со Христомъ? Но, кто разъ истинно воскресъ духомъ, для того вся послѣдующая жизнь есть торжество воскресенія, у того каждый день свѣтелъ, тотъ всѣми дѣлами своими непрестанно говоритъ: *воистину воскресе Христосъ!* Посему, кто не хочетъ разставаться съ торжествомъ воскресенія, да вѣдаетъ, что онъ и не долженъ разставаться, что внутрь его должно быть всегдашнее воскресеніе! Для сей-то цѣли, святая Церковь и обновляетъ, чрезъ каждые шесть дней, память воскресенія Христова,—давая разумѣть каждому, что торжество сіе, рано или поздно, должно сдѣлаться у христіанина непрерывнымъ.

«Но средство къ сему», помыслитъ кто-либо, «такъ велико и многосложно, что дѣятельное употребленіе его можетъ быть только удѣломъ весьма немногихъ. Многіе ли могутъ похвалиться своимъ духовнымъ совоскресеніемъ Христу?»—Подлинно, братіе, немногіе. Но это — наша вина, и вина самая великая, ибо воскресеніе сіе непремѣнно должно принадлежать всѣмъ и каждому; въ немъ состоитъ, какъ мы сказали, самая сущность христіанства, безъ него нѣтъ и не можетъ быть истиннаго христіанства.

Это, братіе, не мои мысли и заключенія. Разгните Писанія Апостоловъ Христовыхъ: тамъ, на каждой страницѣ, вы увидите, что христіанинъ есть человѣкъ обновленный,

воскресшій, вновь созданный. Посему, когда кому-либо предложенное нами средство, продлить себѣ радость воскресенія чрезъ обновленіе своего духа во Христѣ, покажется средствомъ не такъ близкимъ и всеобщимъ, то это явный знакъ, что таковой не только не есть истинный послѣдователь Христовъ, но и не вѣдаетъ, что требуется непремѣнно для сего послѣдованія, и что оно совершенно невозможно безъ обновленія духа. Таковому надобно посему стараться не о продолженіи для себя радости, какой бы то ни было, а о произведеніи въ себѣ духа сокрушенія о томъ, что онъ доселѣ носилъ имя христіанина, не заботясь о томъ, чтобы на самомъ дѣлѣ быть имъ, то-есть, стяжать сердце новое и духъ новый,—сердце Божіе, духъ Христовъ.

Обратимся къ празднику. Итакъ, мы должны нынѣ совершить, по выраженію Церкви, *отданіе воскресенія* нашего Господа. Въ чемъ же должно состоять сіе отданіе?—Явно не въ одномъ сокращенномъ повтореніи праздничнаго богослуженія и не въ одномъ окончаніи радостныхъ пѣснопѣній: это составило бы отданіе устъ, а Господь хощетъ нашего сердца. Не то отдалъ Онъ за насъ, не то и мы должны отдавать Ему. Предадимъ Ему свой умъ, да будетъ онъ Христовъ, да не является въ немъ ни единаго *возношенія, взимающагося на разумъ Божій* (2 Кор. 10, 5), ни единой тьмы подъ видомъ свѣта; — предадимъ Ему сердце, да будетъ оно Христовымъ, свободнымъ отъ пристрастія къ міру и его благамъ, постоянно устремленнымъ туда, гдѣ Его вѣчное *сокровище* (Матѳ. 6, 21); — предадимъ волю, да будетъ Христовою, заключенною въ святомъ Его Евангеліи, скорою на всякое дѣло благое, и недвижною къ злу; — предадимъ душу и тѣло и весь животъ нашъ, да будетъ и онъ заключенъ *со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3, 3); да живемъ не столько мы сами въ себѣ, сколько Христосъ въ насъ. Предадимъ, ибо сколько бы мы ни предавали себя Христу, Царю и Богу нашему, никогда не возможемъ предать себя Ему такъ, какъ Онъ предалъ Себя за насъ, и предаетъ Себя доселѣ всѣмъ намъ въ таинствѣ Евхаристіи.

Таковое преданіе себя Христу будетъ самымъ лучшимъ для насъ пріуготовленіемъ и къ празднованію вознесенія Христова. Если нашъ умъ и мысли будутъ принадлежать

Христу, то они не останутся на землѣ, мы будемъ *смотрѣть не на видимое, а на невидимое* (2 Кор. 4, 18),—*мудрствовать горняя* (Кол. 3, 2). Если наше сердце и воля будутъ принадлежать Христу, то не станутъ блуждать по землѣ, а будутъ искать *вышнихъ, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя* (Кол. 3, 1). Самая плоть наша, принадлежа Христу, начнетъ забывать свою бренность, утренневать къ горнему Іерусалиму, воздыхать о жилищѣ небесномъ.

А Христосъ премилосердый не оставитъ навсегда Своихъ на землѣ, пріидетъ къ нимъ, по непреложному обѣщанію Своему Самъ, и возметъ туда, гдѣ теперь Онъ (Іоан. 14, 3):—еже буди всѣмъ намъ по благодати и человѣколюбію Его!—Аминь.

Слово на отданіе Пасхи.

Христосъ воскресе!

Святый Псалмопѣвецъ, изображая въ псалмахъ различныя состоянія души благочестивой, замѣтилъ между ними одно такое, въ коемъ самый остатокъ побуждаетъ человѣка радоваться и прославлять торжественно имя Господне. *И останокъ помышленія,* говоритъ онъ, обращаясь отъ лица благочестивой души къ Богу, *празднуетъ Ти!* (Псал. 75, 11). Едва ли, братіе, мы нынѣ не находимся въ подобномъ состояніи. Въ продолженіе четыредесяти дней празднества воскресенія Христова, всякъ изъ насъ имѣлъ столько времени, побужденій и случаевъ къ размышленію о всѣхъ обстоятельствахъ сего преславнаго событія, что нынѣ у каждаго, вѣроятно, есть какой-либо останокъ благочестивыхъ помышленій, и притомъ такой, что исполняетъ душу радостію и побуждаетъ снова торжествовать въ честь Воскресшаго.

Безъ сомнѣнія, останокъ сей различенъ, смотря по состоянію каждаго, ибо одинъ болѣе способенъ размышлять о предметахъ духовныхъ, другой—менѣе; тотъ прилежнѣе размышлялъ въ прошедшіе дни о празднествѣ, другой проводилъ ихъ безъ особеннаго размышленія; обращавшійся съ молитвою въ духѣ къ Воскресшему принималъ отъ Него Самого тайны созерцанія, а необращавшійся, по тому самому, лишенъ сея благодати. Я могу сказать только о томъ, что нынѣ

осталось въ умѣ моемъ отъ собственныхъ моихъ размышленій о праздникѣ. Можетъ быть, въ семъ случаѣ я сойдусь въ мысляхъ съ нѣкоторыми изъ васъ: въ такомъ случаѣ отъ общаго останка будетъ общее, и потому большее, празднество. А если и не сойдемся въ однѣхъ мысляхъ, то не будетъ вреда, ибо, во-первыхъ, чувство благоговѣнія и любви къ Воскресшему останется у всѣхъ одно; а во-вторыхъ, разнообразіе мыслей благочестивыхъ подастъ новую пищу душамъ благочестивымъ.

При обращеніи послѣдняго взора на празднество воскресенія Христова. мысль моя, братіе, остановилась на времени, до коего продолжается у насъ это празднованіе. Не прежде, какъ по прошествіи четыредесяти дней, мы престаемъ праздновать воскресеніе Господне, и это потому, что Воскресшій пробылъ на землѣ, по воскресеніи, четыредесять дней. Почему же и для чего пробылъ Онъ на землѣ именно столько дней, не болѣе и не менѣе?—Въ такой жизни, какова жизнь Господа нашего, должно быть все строго расчислено и не можетъ быть ничего случайнаго. Кромѣ того. поелику земная жизнь Господа есть образецъ нашей жизни, такъ что, по Апостолу, *въ насъ то же должно мудрствоваться, что и во Христѣ Іисусѣ* (Филип. 2, 5),—то причина, почему Господь оставался, по воскресеніи, на землѣ, сорокъ дней, должна имѣть отношеніе и къ нашей жизни. Гдѣ же она и въ чемъ?

Въ отвѣтъ на сіе, должно сказать, во-первыхъ, что четыредесятидневное продолженіе времени издревле было важно, и встрѣчается въ Священномъ Писаніи токмо при особенныхъ случаяхъ. Такъ израильтяне, по исходѣ изъ Египта, до вступленія въ Ханаанъ, странствуютъ въ пустынѣ четыредесять лѣтъ; и Моисей пріуготовляется на Синаѣ къ принятію закона четыредесять дней; столько же дней Илія идетъ въ Хоривъ, гдѣ ожидало его явленіе славы Божіей; столько же дней Самъ Господь проводитъ въ пустынѣ предъ вступленіемъ въ должность всемірнаго Ходатая и Учителя. Такимъ образомъ, число четыредесять можно назвать числомъ пріуготовленія къ чему-либо великому.—Господу, по воскресеніи, предстояла величайшая высота—престолъ славы, сѣдѣніе одѣсную Бога Отца, управленіе Церковію и всѣмъ міромъ. Посему не составляло ли четыредесятидневное пребываніе Его по воскресеніи на землѣ и для Него, то-есть

для Его человѣчества, нѣкоего пріуготовленія ко вмѣщенію полноты божественной славы?—Правда, что Божество въ Немъ соединено ипостасно съ человѣчествомъ, но оно соединено и дѣйствуетъ безъ нарушенія законовъ человѣчества; посему и обнаруживало себя на землѣ постепенно, а иногда и вовсе закрывалось: такъ говорится о Немъ, что Онъ *возрасталъ премудростію и благодатію у Бога и человѣковъ* (Лук. 2, 52);—такъ, Онъ Самъ говорилъ во время земной жизни Своей, что *о дни и часѣ* послѣднемъ *никтоже вѣсть, ни ангели, ни Сынъ, токмо Отецъ* (Марк. 13, 32). Посему нѣтъ ничего несообразнаго съ достоинствомъ Богочеловѣка, если Онъ, по человѣчеству Своему, въ продолженіе четыредесяти дней по воскресеніи, постепенно приближался къ той высотѣ божественной славы. на которую долженъ Онъ былъ взойти. по вознесеніи Своемъ на небо.

Но какое же, спросишь, отношеніе сего событія въ жизни Господа въ нашей жизни?—Весьма не малое: вспомни о сороковомъ днѣ по смерти! Святая Церковь издревле обыкла продолжать поминовеніе усопшихъ особенно до сего дня. почему? Не потому ли, что и съ нашими душами, въ продолженіе сего времени, происходитъ нѣчто подобное тому, что было съ Господомъ, до Его вознесенія на небо; т. е. что онѣ, хотя отрѣшенныя отъ земли, но еще не восходятъ на небо, и находятся въ состояніи нѣкоего пріуготовленія? Ему, яко безгрѣшному, не отъ чего было очищаться въ продолженіе сего времени, а надлежало только, если можно такъ сказать, постепенно возвыситься человѣчествомъ до безпредѣльнаго величія Божества, въ Немъ обитающаго тѣлеснѣ; а намъ, безъ сомнѣнія, отъ многаго надобно будетъ очиститься, оставляя міръ сей, ибо какъ бы мы ни старались быть свободными отъ того, что въ мірѣ, но прахъ суетъ земныхъ непримѣтно налегаетъ здѣсь на самую чистую душу. Имѣя въ виду сей великій и трудный подвигъ, предлежащій душѣ по смерти, и желая оказать ей помощь въ толь важное время, когда рѣшается, куда идти ей,—горѣ ли, къ престолу Божію подобно своему Спасителю, или долу, во глубины ада, подобно врагу-искусителю.—святая Церковь молится за умершихъ особенно въ продолженіе четыредесяти дней по смерти; и многія явленія изъ другаго міра свидѣтельствуютъ. какъ нужны молитвы сіи для усопшихъ, и какъ

дѣйствительны онѣ. когда совершаются въ духѣ живой вѣры въ Искупителя, и живой христіанской любви къ усопшимъ.

А мы, возлюбленные братіе, зная сіе, должны, во-первыхъ, прилагать все стараніе о томъ, чтобы въ продолженіе жизни, какъ можно болѣе, освобождать свою душу отъ всего земнаго, нечистаго и грѣховнаго, ибо все сіе, какъ тяжесть, будетъ лежать на ней по смерти и не попускать ей возноситься горѣ. Во-вторыхъ должны, какъ можно прилежнѣе, совершать молитвы за умершихъ братій нашихъ: это самая лучшая жертва любви, какую мы можемъ приносить другъ другу.

Таковъ, братіе, остатокъ моихъ помышленій у гроба Спасителя. Вѣроятно, у нѣкоторыхъ изъ васъ осталось болѣе: да возблагодарятъ таковые Господа и да поспѣшатъ обратить оставшееся въ назиданіе свое и другихъ! Ибо мы всѣ, по слову Апостола, должны назидать другъ друга. Съ нашей стороны довольно и того, что малый останокъ мыслей, переданный вамъ теперь, по выраженію Псалмопѣвца, *празднуетъ*,—располагаетъ душу къ радости и прославленію воскресшаго Господа. Ибо какъ не возрадоваться, представляя, что въ нашей жизни повторяются событія Его божественной жизни, и что съ нами, по смерти, бываетъ нѣчто подобное тому, что было съ Нимъ по воскресеніи? — Какъ не возблагодарить нашего Спасителя и Господа, помышляя, что Онъ во всѣхъ отношеніяхъ оставилъ намъ *образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его?* (Іоан. 13, 15; 1 Петр. 2, 21).— Во всѣхъ, говорю, отношеніяхъ, ибо какъ ни велика слава, въ коей мы узримъ Его завтра, на Елеонѣ, но и она принадлежитъ не Ему одному, а всѣмъ истинно любящимъ Его.

О, братіе, величественная, неизглаголанная участь ожидаетъ насъ! Поемъ убо и не престанемъ пѣть воскресшему Господу: *славно бо, славно прославися!* (Исх. 15, 1). Аминь.

Слово въ день Пасхи *).

Памятуете ли, возлюбленные, какъ мы срѣтали нынѣшній день въ прошедшемъ году? Срѣтали и тогда съ радостію, ибо, свѣтлый праздникъ во славу воскресшаго Господа не

*) Произнесенное въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ 27-го марта 1855 г.

могъ не быть радостенъ для христіанина, но это духовное веселіе сильно было возмущено тогда и помрачалось отъ страха всеобщихъ смертныхъ опасностей, потому что грозная туча, нашедшая на насъ въ самый Великій Пятокъ, продолжала еще висѣть тогда надъ нами, и никто не могъ думать, что она, вмѣстѣ съ постомъ, уже прошла совершенно и не возвратится болѣе.

При воспоминаніи о всемъ этомъ, какъ не возблагодарить Господа, Который попустилъ придти на насъ въ прошедшемъ году столь тяжкому искушенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ даровалъ намъ и силы перенести его благодушно: *наказуя*, наказалъ насъ, яко Отецъ, за грѣхи наши, *смерти же не предаде* насъ (Псал. 117, 18).

Нынѣ другое! Надъ нами нѣтъ уже прежней грозы и страховъ; посему намъ можно бы вполнѣ предаться радости и веселію о торжествѣ воскресшаго Спасителя нашего. Но есть и нынѣ, какъ сами вѣдаете, причина, уменьшающая нашу радость и заставляющая растворять оную иногда слезами сокрушенія. Ибо тогда, какъ мы радостно возглашаемъ здѣсь: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ,* — въ это самое время тысячи братій нашихъ полагаютъ въ нашей же странѣ души свои въ жестокихъ битвахъ со врагами. Вѣруемъ и надѣемся, что они, не воздыхая, а охотно приносятъ себя въ жертву для блага отечества, но намъ можно ли, среди радости нашей, забыть ихъ мученическое положеніе, ихъ раны и кровь?

Посему радость о воскресеніи Господнемъ должна принять у насъ нынѣ другой характеръ. Сообразно чрезвычайнымъ и горестнымъ обстоятельствамъ нашимъ, уже не прилично было бы сей радости сопровождаться у насъ какими-либо чувственными увеселеніями и разсѣяніемъ мірскимъ, какъ это было прежде.—Вмѣсто сего, должна взять верхъ сила благочестія христіанскаго, должно усугубиться посѣщенію храмовъ Божіихъ, увеличиться молитвамъ, открыться усердію къ вспоможенію бѣднымъ и къ прочимъ святымъ дѣламъ набожности христіанской.

Помолимся Воскресшему, да даруетъ, подвизавшимся за имя Его и за благо отечества, братіямъ нашимъ духа вѣры, терпѣнія и мужества; да благословляются подвиги ихъ и да вѣнчаются побѣдою надъ врагами; да усладятся благо-

датію Его послѣднія минуты тѣхъ, коимъ суждено пасть жертвою брани; да отпустятся имъ вольныя и невольныя грѣхопаденія ихъ, и да обрящутъ души ихъ успокоеніе въ царствіи небесномъ.

Помолимся и о западныхъ противникахъ нашихъ, кои торжествуютъ нынѣ свою пасху въ единъ день съ нами, да, озаренные свыше, узрятъ и познаютъ, за кого они постыдно ратуютъ, кому безразсудно приносятъ въ жертву свою жизнь, и, познавши все сіе, да престанутъ быть противу насъ союзниками враговъ креста Христова!

Помолимся, наконецъ, за сихъ самыхъ враговъ, то есть, злосчастныхъ поклонниковъ лжепророка, да вникнутъ и уразумѣютъ, что если временное спасеніе державы ихъ зависитъ уже не отъ Магомета и алкорана, а отъ силы и искусства народовъ христіанскихъ, то тѣмъ паче вѣчное спасеніе душъ ихъ не можетъ быть обрѣтено ими нигдѣ болѣе, какъ токмо подъ сѣнію креста Христова.

Простимъ всѣмъ и *вся воскресеніемъ*, и всѣхъ обымемъ желаніемъ имъ спасенія и молитвою, да прославится такимъ образомъ въ насъ благодать воскресшаго Господа, Который положилъ душу Свою для спасенія рода человѣческаго, и воскресъ для блага всѣхъ падшихъ сыновъ Адама.—Аминь.

Слово въ понедѣльникъ Св. Пасхи.

Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка.

Такъ говоримъ мы ежедневно въ Символѣ Вѣры. Всѣмъ и каждому даемъ знать, что мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ жалкихъ людей, кои думаютъ, что смертію все оканчивается для человѣка и самъ человѣкъ.

Мы, напротивъ, вѣруемъ и исповѣдуемъ, что смертію прекращается только жизнь временная, земная, тлѣнная; а жизнь вѣчная, безсмертная, безболѣзненная, совершенная, смертію только-что начинается. *Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка.*

Чаяніе великое и славное! Исповѣданіе самое свѣтлое и утѣшительное!—Что же они производятъ въ насъ? Свойство всякаго ожиданія таково, что оно сильно дѣйствуетъ на ожидающаго и заставляетъ его самого дѣйствовать. По-

смотрите на земледѣльца, онъ ожидаетъ всхода посѣянныхъ сѣмянъ и будущей жатвы; — и это ожиданіе занимаетъ его всего; онъ ложится спать и встаетъ съ мыслію о томъ, что-то будетъ съ его полемъ и нивою. Уже не разъ онъ былъ на ней, и смотрѣлъ: начинаетъ ли всходить зелень, и какова она? Объ этомъ, о будущемъ урожаѣ, разсуждалъ онъ при всякомъ случаѣ цѣлую зиму. Къ этому все готовятъ. Вотъ что производитъ чаяніе въ земледѣльцѣ!

Посмотрите на человѣка, *дѣющаго куплю:* онъ отпустилъ товары въ извѣстное мѣсто, и ожидаетъ — что будетъ на торжищѣ, какъ занятъ онъ ожиданіемъ!—Всякая вѣсть изъ того мѣста его трогаетъ, всякая перемѣна погоды на него дѣйствуетъ: то печалитъ, то веселитъ, такъ что на лицѣ его можно читать, что на дворѣ и что дѣлается съ природою. Такъ дѣйствуетъ чаяніе на купца!

Посмотрите на человѣка, преданнаго наукѣ, который чаетъ достиженія ученой степени или отличія: чего не приноситъ онъ въ жертву осуществленію сего чаянія? Жертвуетъ нерѣдко самою жизнію. А сколько ночей, проведенныхъ безъ сна надъ книгами! Сколько трудовъ перенесено!

Вотъ чѣмъ сопровождается всякое чаяніе въ земныхъ дѣлахъ! Оно заставляетъ человѣка трудиться, не жалѣть, такъ сказать, убивать себя.

Мы чаемъ жизни вѣчной: такое чаяніе, предъ коимъ всѣ прочія земныя чаянія весьма малы и, можно сказать, ничтожны. Судя по великости сего чаянія, какому бы великому долженствовало быть его дѣйствію! Не должно ли бы оно занять всю нашу душу, распространиться на всю нашу жизнь, проникнуть собою и оживить всю нашу дѣятельность?—Такъ и было съ тѣми, у коихъ упованіе жизни вѣчной было не на языкѣ, а въ сердцѣ, у коихъ вся жизнь была распоряжена по сему упованію—была, такъ сказать, прямымъ и непрестаннымъ отголоскомъ его.

Что производитъ упованіе жизни вѣчной въ насъ? Что дѣлаемъ для него мы?—И во-первыхъ, сообразна ли вся жизнь наша съ симъ ожиданіемъ, какъ того требуетъ великость и важность самаго ожиданія? То-есть, живемъ ли мы такъ, какъ должно жить людямъ, ожидающимъ блаженнаго безсмертія и жизни въ Богѣ?—Можемъ ли указать въ жизни нашей и сказать: это предпринято мною именно потому, что

я ожидаю жизни вѣчной; а это по тому самому оставлено мною?—И много ли такого? Можетъ ли каждый сказать: ради жизни вѣчной я примирился съ такимъ-то и оставилъ вражду, — ибо въ жизни вѣчной одна любовь, а вражды нѣтъ? Можетъ ли кто сказать: ради жизни вѣчной, а отказался отъ такого великаго, но неправеднаго прибытка,— ибо въ жизни вѣчной не терпимо сіе: она требуетъ одной правды? Можетъ ли кто сказать: я, ради жизни вѣчной, терпѣливо переношу лишеніе моихъ дѣтей, смерть сродниковъ, ибо что же, если они взяты скоро? Не туда ли они пошли, куда всѣмъ идти должно? И не лучше ли имъ тамъ, у Господа, нежели здѣсь, съ нами, среди моря соблазновъ и искушеній?—Много бы можно предложить подобныхъ вопросовъ; но довольно и предложенныхъ, дабы внимательный слушатель вопросилъ потомъ самъ себя: дѣйствуетъ ли на него, на его нравъ и жизнь ожиданіе жизни вѣчной?

Мы, вмѣсто дальнѣйшихъ вопросовъ, предложимъ одно замѣчаніе, и скажемъ, что изъ всѣхъ ожиданій и чаяній нашихъ, чаяніе жизни вѣчной остается празднымъ, почти безъ всякаго дѣйствія. На словахъ говорятъ: чаю жизни вѣчной, а на дѣлѣ дѣйствуютъ всѣ такъ, какъ бы была одна только жизнь временная, а вѣчной не было.

Кто теряетъ отъ сего: жизнь вѣчная, или мы? Жизнь вѣчная не теряетъ ничего: она придетъ въ свое время и посрамитъ собою худыхъ ожидателей. Но съ нашей стороны—потеря великая, невознаградимая. Ибо, если бы мы были проникнуты упованіемъ жизни вѣчной: то, во-первыхъ, были бы стократъ лучше—и въ мысляхъ, и въ чувствахъ, и въ нравахъ, и въ поступкахъ, а это самое уже было бы великою наградою. А кромѣ того, во-вторыхъ, худое ожиданіе жизни вѣчной дѣлаетъ настоящую жизнь мрачною, тягостною, горькою. Въ жизни много неизбѣжныхъ лишеній, страданій, потерь. Живое ожиданіе жизни вѣчной могло бы все это облегчать и услаждать, а теперь этого нѣтъ. Особенно блаженное упованіе безсмертія могло бы услаждать наши горестныя минуты жизни, напр., во время болѣзни, предъ смертію. А теперь какъ мы умираемъ? Смерть есть величайшее для насъ бѣдствіе.

Здѣсь-то познается, какъ ожидаемъ мы вѣчной жизни, и какъ любимъ ожидать?—Показываемъ себя сами. Ибо если

бы твердо чаяли, то какъ бы страшились того, чего чаемъ? Это — явное противорѣчіе! — Посмотрите на чающихъ воистину: для нихъ ангелъ смерти былъ любимѣйшій вѣстчій возврата въ отечество.

Перестанемъ же, возлюбленные, лишать сами себя величайшаго блага! Постараемся оживить въ себѣ надежду безсмертія, а она, оживленная, оживитъ насъ всецѣло и сдѣлаетъ мужественными среди самыхъ тяжкихъ искушеній, веселыми на одрѣ смерти. Аминь.

Слово въ день Пасхи.

Христосъ воскресе!

Богослуженія святой недѣли видимо отличаются отъ всѣхъ прочихъ въ цѣломъ году богослуженій. Отличіе это начинается съ перваго дня, или точнѣе сказать, въ его навечеріе и продолжается до послѣдняго дня недѣли. Поелику сіи особенности пасхальнаго богослуженія учреждены богомудрыми мужами, выражаютъ собою духъ праздника, и содержатъ въ себѣ истины для насъ утѣшительныя, то разсмотрѣніе ихъ можетъ послужить для насъ вмѣсто поученія. Сдѣлаемъ же это самое въ настоящій день.

Я сказалъ, что отличіе настоящаго богослуженія начинается еще въ навечеріе Пасхи, и начинается, можно сказать, самымъ неожиданнымъ, и потому разительнымъ образомъ. Среди литургіи въ Великую Субботу, которая, подобно великопостной литургіи, соединяется съ вечернею, священнослужители являются сообразно печали всѣ въ мрачныхъ одеждахъ. Богослуженіе продолжается обыкновеннымъ порядкомъ до Евангелія. Но тутъ оно какъ бы прерывается на время, или останавливается. Вмѣсто ожидаемаго чтенія евангелія поется стихъ: *воскресни Боже, суди земли, яко Ты наслѣдиши во всѣхъ язычѣхъ.* Въ это время служащіе измѣняютъ свои одежды; отлагая мрачныя, являются въ свѣтлыхъ и праздничныхъ. Это—первая заря праздника. Такая перемѣна облаченія среди самаго богослуженія невольно останавливаетъ вниманіе каждаго зрящаго. Что образуетъ она собою? Въ прошедшемъ напоминаетъ бѣлыя ризы, въ коихъ явился у гроба Спасителя Ангелъ съ вѣстію о воскре-

сеніи, въ настоящемъ—она внушаетъ о той чистотѣ духа и сердца, какихъ требуетъ святость праздника, въ будущемъ—предуказуетъ тѣ бѣлыя ризы, въ кои достойные изъ насъ облекутся по своемъ воскресеніи, какъ это видѣно св. Іоанномъ въ его дивномъ Апокалипсисѣ.—Блаженъ, кому достанется сложить мрачныя ризы плоти, среди служенія Господу!

Послѣ литургіи Великой Субботы опять неожиданная особенность и опять ради наступающаго дня Пасхи. Является пять хлѣбовъ и совершается благословеніе ихъ, что, какъ извѣстно, предъ другими великими праздниками бываетъ токмо на всенощныхъ бдѣніяхъ. Это для того, что непосредственно послѣ литургіи, служили вмѣсто трапезы, къ поддержанію немощи тѣлесной, напоминая въ то же время малостію снѣди, что *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ.*

Наступаетъ полночь, и въ то же время торжественный звукъ колокола возвѣщаетъ наступленіе праздника. Въ полночь возвѣщаетъ, ибо воскресеніе Господа произошло утру глубоку, когда все покоилось сномъ. Въ противоположность тому, вѣрующіе теперь не спятъ, какъ бы въ видимое доказательство, что они готовы срѣтить Жениха, имѣющаго нѣкогда пріити въ полунощи.

Но что въ храмѣ? Тамъ, кромѣ обыкновеннаго праздничнаго убранства и освѣщенія, по всѣмъ главнымъ мѣстамъ церкви особенно же предъ царскими дверьми совершается куреніе ѳиміама. Это—знаменіе обилія благодатнаго, проторгшагося изъ гроба Христова во весь міръ, это—знакъ того, что мысли и чувства всѣхъ должны, какъ ѳиміамъ, нестися теперь горѣ, къ престолу Воскресшаго и съ Собою вся совоскресившаго.

Но время уже начаться богослуженію. Оно начнется сейчасъ, но не въ церкви, какъ обыкновенно бываетъ, а внѣ ея, предъ вратами и притомъ заключенными. Священнослужители съ крестомъ и иконами обойдутъ вокругъ церкви, станутъ предъ вратами, и возгласивъ нѣсколько разъ славу Воскресшаго, войдутъ съ торжествомъ въ церковь. Въ семъ хожденіи, *утру глубоку* внѣ храма, не трудно узнать хожденіе св. женъ мироносицъ и Апостоловъ въ вертоградъ Іосифовъ.—Служеніе начато внѣ церкви, потому что Го-

сподь пострадалъ и погребенъ внѣ града; начато предъ запертыми вратами, потому что гробъ Его былъ запечатанъ, и Онъ Самъ, уже воскресши, явился Апостоламъ, *дверемъ затвореннымъ*.

Но поспѣшимъ за священнослужителемъ въ церковь. Что это? Все поютъ, поютъ и ничего не прочтутъ! Куда дѣвались чтенія? Гдѣ шестопсалміе, псалтирь? Ничего этого не будетъ въ продолженіе семи дней. Одно пѣніе. Почему? потому что это торжество торжествъ, а *благодушествуетъ ли кто, да поетъ*, говоритъ Апостолъ. Поелику же въ воскресеніи источникъ благодати неизсякаемый, то и пѣніе непрерывное, непрерывное и самое торжественное. Если когда Церковь земная приближается къ небесной торжествующей, то въ эти дни.

Подъ конецъ утрени происходитъ единственное въ цѣломъ году взаимное лобзаніе, или такъ называемое христосованіе. Обрядъ трогательный и по самому внѣшнему виду его; но какъ бы онъ былъ еще трогательнѣе, если бы мы исполнили его въ томъ самомъ духѣ, въ какомъ онъ введенъ въ Церковь. «Простимъ вся воскресеніемъ», поется во время сего обряда; почему, если когда, то въ это время надобно подойти не къ друзьямъ и пріятелямъ, а къ врагу и недоброжелателю, если есть таковый, сказать ему: «Христосъ воскресе», облобызать отъ души и прекратить навсегда вражду. Такое христосованіе будетъ только отъ Христа и для Христа. Ему возрадуются и люди, и ангелы, и Самъ воскресшій Господь.

Среди литургіи главная особенность—чтеніе Евангелія. Его читаетъ не одинъ діаконъ, а и всѣ священнослужители, и такимъ образомъ повторяютъ нѣсколько разъ. Зачѣмъ? За тѣмъ, что повторяемое содержитъ великія тайны. Это какъ будто нѣсколько евангелистовъ объясняютъ одно и то же, въ знакъ ваимнаго согласія. Кромѣ сего, тамъ, гдѣ можно, это Евангеліе читается не на одномъ, а на разныхъ языкахъ, въ память того, что Апостолы, воодушевленные воскресеніемъ Господа, пріявъ даръ языковъ, возвѣстили Божество Воскресшаго всему міру, и въ предвѣстіе, что Евангеліе царствія должно проповѣдываться всему міру.

Послѣ литургіи является предъ вратами царскими хлѣбъ съ изображеніемъ воскресенія, называемый артосомъ. Его

освящаютъ, блюдутъ въ церкви цѣлую седмицу, а потомъ раздаютъ въ субботу послѣ литургіи. Хлѣбъ сей служитъ и въ воспоминаніе пасхи ветхозавѣтной, которая праздновалась въ память исхода изъ Египта и составляла трапезу, на коей предлагали священный хлѣбъ, и въ воспоминаніе Пасхи христіанской, или воскресенія Господня, ибо Господь, явившись по воскресеніи въ Эммаусѣ, познанъ въ преломленіи хлѣба, а предъ Апостолами ѣлъ рыбу печену и отъ пчелъ сотъ, дабы увѣрить ихъ въ дѣйствительности Своего явленія.

Вечерня Пасхи также имѣетъ отличіе то, что на ней чйтается Евангеліе, чего не бываетъ на обыкновенной вечерни. Евангеліе это о явленіи Господа Апостоламъ, при коемъ не было Ѳомы, — что и послужило для послѣдняго поводомъ къ невѣрію. Читается оно на этой вечерни потому, что самое явленіе Господа было въ этотъ вечеръ.

Кромѣ сихъ отличій, всю недѣлю царскія двери остаются отверстыми и во время служенія, и внѣ его, такъ что предстоящіе въ церкви могутъ видѣть все, что совершается въ алтарѣ и на престолѣ. Симъ выражается, что смертію Господа разорвана завѣса, сокрывавшая святое святыхъ, куда единожды въ лѣто входилъ единъ архіерей; что крестомъ Господа отверстъ входъ въ рай и на небеса, и что воскресеніемъ Господа раскрыты тайны будущаго вѣка.

Наконецъ, во всю недѣлю воспрещаются земные поклоны. Въ другое время Церковь заповѣдуетъ ихъ, особенно во время поста, а теперь запрещаетъ. Это для того, чтобы изобразить радость и торжество о воскресеніи, и чтобы предъизобразить будущее наше состояніе на небѣ, гдѣ всѣ знаки печали и сокрушеній исчезнутъ навсегда.

Вотъ сколько особенностей настоящаго праздника! Возблагодаримъ богомудрыхъ учредителей и будемъ внимательнѣе къ учрежденному: довольно уяснить разъ, чтобы потомъ, смотря на происходящее, получить отъ него назиданіе. Аминь.

Слово въ день Пасхи.

Настоящій праздникъ, очевидно. есть самый радостный. Что дѣлаетъ его такимъ? Радость о воскресеніи Спасителя нашего? Да, по этой причинѣ ближе всего надлежало бы намъ радоваться въ настоящій день. Ибо, не для насъ ли и страдалъ Господь нашъ! Какъ же намъ не радоваться, когда сіи страданія кончились, и кончились съ такимъ торжествомъ, каково воскресеніе изъ мертвыхъ! Но мнѣ кажется, эта причина если и радуетъ насъ, то не столько, какъ другая, именно та, что воскресеніе Господа служитъ залогомъ нашего воскресенія, что въ примѣрѣ Его, возстающаго изъ гроба, мы видимъ, какъ можемъ возстать изъ гробовъ нашихъ и мы сами. Хотя сія послѣдняя радость, явно не такъ чиста, какъ первая. ибо отзывается своею выгодою, но она непротивна воскресшему Господу, ни цѣли воскресенія Его. Ибо Онъ какъ страдалъ для насъ, такъ и воскресъ для насъ же. Посему, вмѣсто того, чтобы осуждать и умалять ее, мы хотимъ способствовать ей и. если можно, увеличить и распространить ее.

Не правда ли, что если бы эту радость распространить изъ одного дня или недѣли на всю жизнь, то жизнь наша чрезъ сіе получила бы совсѣмъ другой видъ, мы сдѣлались бы бодрѣе въ духѣ, мужественнѣе переносили бы искушенія, и особенно благодушнѣе были бы среди болѣзней и не съ такимъ унынiемъ сходили во гробъ? Что же мѣшаетъ намъ сдѣлать это? Не возможно? Но примѣръ людей, кои радовались радости воскресенія Христова всю жизнь свою, показываетъ, что это совершенно возможно. Посмотрите, напр. на св. Іова: онъ на гноищѣ, покрытый ранами, благословляетъ имя Господне. Откуда это благодушіе въ такой бѣдѣ и искушеніи, гдѣ мы не знали бы что дѣлать, или начали бы проклинать день своего рожденія? Отъ радости о воскресеніи. *Вѣмъ,* говоритъ Іовъ, *яко присносущенъ есть, иже имать искупити мя и воскресити кожу мою, терпящую сія.* Взгляните еще на св. Павла. *Радуюсь,* говоритъ онъ, *во страданіяхъ моихъ.* Что дѣлало для него сладкими эти страданія, кои, замѣтимъ мимоходомъ, такъ иногда были велики, что онъ не чаялъ уже жить?—Надежда воскресенія.

Вѣмъ, говоритъ онъ, *Емуже впровахъ и извѣстихся, яко силенъ есть преданіе мое сохранити въ день онъ* (2 Тим. 1, 12).

Хотите ли еще видѣть радость и веселіе среди самыхъ лютыхъ мученій, среди пылающихъ костровъ, въ челюстяхъ львовъ и тигровъ, подъ сѣкирою палача? Вспомните мучениковъ, не одного, не двухъ. а цѣлыхъ темъ. Что содѣлывало для нихъ смерть нестрашною, самыя муки удоботерпимыми? Радость о воскресеніи. «Вы отнимаете, говорили они мучителямъ, у насъ тѣло бренное, которое и безъ того содѣлается сѣменемъ могилы, а насъ ожидаетъ тѣло нетлѣнное; вы лишаете насъ міра, а мы идемъ къ нашему Христу и Спасителю. Подобно ему страждемъ, подобно Ему и прославимся. Онъ не остался во гробѣ, не оставитъ и насъ, кои идемъ на смерть за имя Его».

Послѣ сего нечего сомнѣваться въ томъ, что радость воскресенія можно распространить на всю жизнь; остается только поискать способа, какъ сдѣлать это.

Конечно, не одними словами, какъ бы они ни были краснорѣчивы; конечно, не однѣми праздничными одеждами; конечно, не однимъ присутствіемъ во храмѣ, хотя бы и чистымъ; конечно, не одною исповѣдію предъ праздникомъ и говѣніемъ, хотя бы и усерднымъ. Кто хочетъ радоваться радостію воскресенія всю жизнь, а не одинъ день или недѣлю, тому надобно и позаботиться о семъ не день или недѣлю, а болѣе.

Что же именно нужно для сего здѣсь?—Требуется то же, что нужно и для того, чтобы быть истиннымъ христіаниномъ. Что нужно для сего? Нужно, *отложить дѣла темныя,* нужно *облещись во оружіе свѣта* (Рим. 13, 12).

Въ комъ совершилось или, по крайней мѣрѣ, совершается это духовное воскресеніе, какъ это было въ святыхъ Божіихъ человѣкахъ, тотъ уже не можетъ не чувствовать своего воскресенія, а искренно чувствуя его, не можетъ не радоваться непрестанно.

Съ тѣмъ, срѣтится ли въ жизни счастіе,—онъ не ослѣпится, не увлечется имъ, ибо внутри его стократъ болѣе и лучше, нежели что онъ видитъ вокругъ себя. Его сердце не прилѣплено къ тлѣннымъ благамъ, ибо онъ предвкушаетъ уже блага высшія. Встрѣтитъ ли его несчастіе,—онъ не падетъ духомъ, ибо внутри его Тотъ, Кто крѣпче всего міра

Велика вещь, скажетъ онъ, перетерпѣть земное уничиженіе, бѣдность, когда меня ожидаетъ вѣчная радость и слава. Посѣтитъ ли его болѣзнь,—онъ не содрогнется, ибо это попутный вѣтеръ въ отечество. Встрѣтитъ ли самая смерть,—онъ не будетъ убѣгать ее: ибо это дверь въ домъ радости. *(Не окончено).*

Слово на вечерни въ первый день Пасхи.

Аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребро Его, не иму вѣры (Іоан. 20, 25).

И между Апостолами невѣріе!—И когда же? Въ самый первый день воскресенія! При самомъ первомъ явленіи Воскресшаго! Такъ надобно быть всегда на стражѣ духовной! Такъ не спасаетъ отъ опасности невѣрія никакой санъ, никакое мѣсто, никакой день! Какъ солнце можетъ затмиться во всякій часъ дня, среди самаго полдня, такъ и вѣра можетъ угаснуть среди самаго яснаго дня боговѣдѣнія и богооткровенія. Поелику же, что происходило съ Апостолами, въ томъ выражается общая доля человѣчества, то мы должны со вниманіемъ вникнуть въ печальное приключеніе, постигшее одного изъ близкихъ учениковъ Господа. Для того оно, безъ сомнѣнія, и допущено, для того и возглашается среди настоящаго богослуженія, что въ немъ содержится урокъ спасительный. Извлечемъ его по возможности изъ событія.

Что было виною невѣрія въ Ѳомѣ? Вещь самая обыкновенная и простая—отсутствіе: *не бѣ ту съ ними.* Не знаемъ, что удержало св. Ѳому быть тамъ, гдѣ всѣ были; только очевидно, что если бы онъ былъ теперь вмѣстѣ съ своими сотениками, то наравнѣ съ ними увидѣлъ бы Учителя, и, слѣдовательно, не впалъ бы въ искушеніе сомнѣнія.

Обстоятельство, стоющее особеннаго примѣчанія, ибо и теперь оно бываетъ источникомъ невѣрія. Ибо съ чего начинается оно? и отъ чего происходитъ? Съ того, что уклоняются отъ общества вѣрующихъ, перестаютъ участвовать въ таинствахъ Церкви и освящаться ими, оставляютъ богослуженіе, выпускаютъ изъ рукъ Евангеліе. Отколовшись такимъ образомъ отъ скалы несокрушимой, удивительно ли, что носятся по зыбямъ, по вѣтрамъ и бурямъ или упадаютъ

въ бездну? Выпавъ изъ корабля, трудно бороться съ волнами, какъ бы кто ни былъ искусенъ. Между тѣмъ какъ, кто держится въ Церкви, продолжаетъ даже вопреки страстей своихъ освящаться ея таинствами, то не тѣмъ, такъ другимъ образомъ, не въ то, такъ въ другое время, онъ спасется отъ сомнѣнія: духъ вѣры, господствующій въ Церкви, проникнетъ и его, закваска любви и преданности проникнетъ и его. Послѣ сего нельзя дать лучшаго совѣта, какъ ни подъ какимъ предлогомъ не удаляться общества вѣрующихъ, не оставлять таинствъ и обрядовъ Церкви: это спасетъ отъ многаго, между прочимъ и отъ сомнѣнія.

Но посмотримъ, что получилъ отъ своего сомнѣнія Апостолъ?—Увы, онъ попалъ въ произвольный адъ. Да, въ адъ; я думаю, что онъ самъ не называлъ иначе своего положенія, когда описывалъ его другимъ. Когда всѣ другіе ученики не помнили себя отъ радости, Ѳома скорбѣлъ, терзался. По любви къ Учителю (ибо она въ немъ была во всей силѣ) онъ крайне желалъ Его Воскресенія, готовъ былъ отдать за это жизнь, а сомнѣніе проникало это желаніе самымъ ужаснымъ образомъ; изъ этой борьбы составлялся внутренній крестъ, на которомъ Ѳома остался бы, можетъ быть, навсегда, если бы Учитель не поспѣшилъ снять его.

Что, думаете вы, и нынѣ приноситъ невѣріе той душѣ, которую заражаетъ? Ничего, кромѣ мрака, глада, скуки, печали, смущенія и отчаянія. *(Не окончено).*

Слово на вечерни въ первый день Пасхи.

Аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не иму вѣры (Іоан. 20, 25).

Какой неумѣренный, дерзновенный языкъ! Какое упорное невѣріе! И кто говоритъ такимъ образомъ? Единъ изъ двенадесяти Апостоловъ. Когда говоритъ? Въ самый день воскресенія Христова, тотчасъ послѣ явленія Его десяти прочимъ Апостоламъ. Какъ бы не повѣрить своимъ собратіямъ, кои не имѣли никакой причины выдавать предъ нимъ за истину, чего не видали? Какъ бы не прочесть на самыхъ лицахъ ихъ, прежде омраченныхъ печалію, а теперь бли-

стающихъ радостію, что съ ними послѣдовало что-либо необыкновенное, и что они дѣйствительно видѣли воскресшаго Господа и Учителя своего?—Но Ѳома не вѣритъ! Не можетъ указать ни на одну изъ причинъ своего сомнѣнія, но не вѣритъ. Чувствуетъ, безъ сомнѣнія, что оскорбляетъ своимъ недовѣріемъ мирное братство свое, но не вѣритъ. И не вѣруя, могъ бы выразить свое сомнѣніе какъ-нибудь скромнѣе, но Ѳома выражается теперь такъ, какъ въ другое время не позволилъ бы себѣ и думать. *Аще не вложу руку мою въ ребра Его, не имъ вѣры.*

Такова падшая природа наша! Отрицаніе, сомнѣніе сдѣлались ея какъ бы природною стихіею, отъ которой не спасаетъ самое званіе Апостола. Такова природа невѣрія: оно не знаетъ другаго языка, кромѣ самаго дерзновеннаго!

Поелику мы еще возвратимся къ невѣрію Ѳомы въ будущій день воскресный, когда оно разрѣшится въ вѣру живую и возвышенную, то теперь разсмотримъ только двѣ вещи: что послужило поводомъ къ его невѣрію, и что было его послѣдствіемъ.

Какъ св. Ѳома впалъ въ невѣріе? Причина тому была самая простая и обыкновенная. Его не было съ Апостолами въ ту пору, когда послѣдовало первое явленіе имъ Господа. *Ѳома же*, говоритъ св. Іоаннъ въ своемъ Евангеліи, *единъ отъ обоюнадесяти, не бѣ ту съ ними, егда пріиде Іисусъ.* Вникнемъ пристальнѣе въ эти слова. Зачѣмъ здѣсь указаніе на то, что Ѳома былъ единъ отъ обоюнадесяти? Это и безъ того извѣстно намъ изъ исторіи воскресенія Лазаря, въ коей Ѳома представляется говорящимъ и дѣйствующимъ. Очевидно, что Евангелистъ какъ бы хотѣлъ выразить прикровенно сими словами ту мысль, что Ѳомѣ надлежало бы находиться въ это время посреди своихъ собратовъ по апостольству, въ такое рѣшительное время, когда они, по всей вѣроятности, ожидали явленія воскресшаго Учителя, и однакоже онъ не находился, *не бѣ ту съ ними, егда пріиде Іисусъ.*

Что было причиною отсутствія Ѳомы отъ круга Апостоловъ въ это время—не знаемъ. Но, безъ всякаго предосужденія, можемъ предполагать, что въ семъ случаѣ участвовала какая-либо непредусмотрительность, изъ которой премудрость Божія извлекла величайшее благо для дѣла вѣры, но которая, состоя въ какомъ-либо неправильномъ употре-

бленіи своего времени въ Апостолѣ, навлекла на него спасительное наказаніе лишенія вѣры въ воскресеніе своего Учителя. (*Не окончено*).

Слово въ день Св. Пасхи.

Воскресни Боже, суди земли: яко ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ (Псал. 81, 8).

Въ то время, когда мы торжествуемъ и славимъ воскресшаго Господа нашего, Церковь оглашаетъ слухъ нашъ ожиданіемъ еще новаго нѣкоего воскресенія. *Воскресни Боже!* И не довольствуясь ожиданіемъ, обращаетъ его въ желаніе и молитву, ускоряющую ожидаемое. *Воскресни Боже!* Ужели воскресеніе Іисуса Христа не полное, такъ что въ придатокъ къ нему надобно ожидать новаго воскресенія? Нѣтъ, Іисусъ воскресъ совершенно изъ гроба, такъ что *смерть имъ ктому не обладаетъ.* Іисусъ воскресъ вполнѣ для оправданія и засвидѣтельствованія предъ всѣмъ міромъ Своего божественнаго достоинства. Онъ воскресъ вполнѣ для доставленія намъ оправданія, воскресъ вполнѣ, дабы быть главою Своей Церкви, вождемъ вѣрующихъ.

Но есть одна сторона, коею воскресшій Господь еще не явилъ Себя предъ міромъ, коею Онъ есть доселѣ, якоже умерый и во гробѣ лежащій. Эта сторона непрославленная, неявленная, не приведенная въ дѣйствіе—есть судъ. Кому подобаетъ онъ, какъ не Ему? *И Отецъ весь судъ даде Сынови.* Но Сынъ не пользуется даннымъ. Памятуя, что Онъ пришелъ не судить мірови, а спасти міръ, Сынъ являетъ Себя во всѣхъ прочихъ качествахъ, но не судіи. При жизни Онъ говорилъ: *человѣче, кто Мя постави судію надъ вами* (Лук. 12, 14)? И по воскресеніи Онъ никакого не изрекалъ суда. Кто болѣе подлежалъ ему, какъ не Іуда, Пилатъ, первосвященники? Но мы, среди всѣхъ явленій, не слышали ни единаго слова въ осужденіе. *(Не окончено).*

Слово въ день Св. Пасхи.

Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіи Его!

Да воскреснетъ Богъ! Но развѣ Онъ не воскресъ?—И расточатся врази Его! Но развѣ они не расточились? Гдѣ Іуда? На древѣ погибельномъ. Гдѣ синедріонъ съ Ананомъ и Каіафою? Въ прахѣ. Гдѣ Пилатъ съ коварнымъ омовеніемъ рукъ? Въ Ліонѣ, заточенный, кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Гдѣ самый Іерусалимъ съ храмомъ негостепріимнымъ? Въ немъ не осталось камня на камнѣ.

Какого же ожидать воскресенія?—Того, которое не убиваетъ, а воскрешаетъ. Какого расточенія враговъ? Того, которое, расточая, собираетъ воедино къ расточившему.

(Нѣтъ продолженія).

Слово въ понедѣльникъ Св. Пасхи.

Яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія

Прислушивались ли вы къ смыслу и силѣ словъ сихъ, кои не разъ произносятъ нынѣ въ каждомъ богослуженіи? Я, признаюсь, не могу иначе произносить ихъ, какъ со страхомъ. Ибо вообразите, что это желаніе о погибели грѣшниковъ отъ лица Божія сбылось: думаете ли, что много осталось бы тогда изъ насъ не погибшими?—Но, съ другой стороны, можно ли и не сбыться тому, что возвѣщается отъ имени Божія? Рано или поздно, но грѣшники должны погибнуть; и если эта погибель отлагается, то не для чего другаго, какъ для того, чтобы число имѣющихъ погибнуть какъ можно уменьшилось.

Понятно, послѣ сего, что должно дѣлать намъ грѣшникамъ, дабы избѣжать погибели: спѣшить выйти какъ можно

скорѣе изъ состоянія грѣховнаго. Пусть погибаетъ грѣхъ, губившій насъ, а мы спасемся. Такъ и поступали множайшіе изъ грѣшниковъ: уразумѣвъ ядовитость грѣха, они исцѣлились отъ него чрезъ покаяніе и теперь блаженствуютъ въ царствіи Божіемъ. Такъ, братіе мои, должно поступить и намъ, если не желаемъ собственной погибели. Аминь.

Слово въ понедѣльникъ Св. Пасхи.

Яко исчезаетъ дымъ да исчезнутъ, яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія

Прислушиваетесь ли вы, братіе мои, къ симъ грознымъ словамъ, кои такъ часто произносятся среди нынѣшнихъ богослуженій, и размышляли ли о важности ихъ? Что касается до меня, то я никогда не могу произносить ихъ безъ нѣкотораго внутренняго трепета. Ибо думаю, что, если сбудутся они во всей силѣ? много ли останутся въ живыхъ изъ насъ, кои или произносимъ, или слышимъ ихъ?

Теперь слова сіи похожи на громъ отдаленной тучи, и не поражаютъ никого, но почему? Потому что между нами, грѣшниками, и карающею правдою Божіею стоитъ великій Посредникъ и всемогущій Ходатай; когда правда и законъ говорятъ: да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія, милосердіе и любовь Спасителя вѣщаютъ, нѣтъ, да не погибнутъ, но да обратятся и спасутся. Посему-то, мы, не смотря на множество грѣховъ нашихъ, продолжаемъ стоять безвредно предъ лицемъ Божіимъ. Но эта пря о насъ правосудія съ милосердіемъ не продолжится вѣчно, настанетъ время, когда Посредникъ и Ходатай сойдетъ, такъ сказать, съ Своего мѣста, мы прямо станемъ одни предъ лицемъ Божіимъ, и тогда что будетъ съ нами, если пребудемъ во грѣхахъ нашихъ? Тайновидецъ Іоаннъ провидѣлъ въ будущемъ отчаянное состояніе грѣшниковъ, и вотъ какъ изображаетъ его: *и въ тыя дни взыщутъ человѣцы смерти, и не обрящутъ ея: и вожделѣютъ умрети, и убѣжитъ отъ нихъ смерть* (Апок. 9, 6). *И глаголаша горамъ и каменію: падите на ны и покрыйте*

ны отъ лица Сѣдящаго на престолѣ, отъ гнѣва Агнча. Яко пріиде день великій гнѣва Его, и кто можетъ стати (Апок. 6, 16. 17)?

И примѣтьте, братіе мои, отъ чего будутъ погибать грѣшники: *отъ гнѣва Агнча*. Не льва, не тигра или другаго какого-либо ужаснаго и лютаго звѣря, но Агнца. То-есть, Самъ преждебывшій Ходатай и Спаситель содѣлается для грѣшниковъ обвинителемъ, судіею и карателемъ. *(Не окончено)*.

Оглавленіе IV тома.

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Стр.

Слово въ недѣлю мытаря и фарисея 3
Слово въ недѣлю мясопустную 9
Слово въ недѣлю сыропустную 13
Слово въ понедѣльникъ 1-ой недѣли Великаго поста 17
Слово во вторникъ 1-ой недѣли Великаго поста 21
Слово въ среду 1-ой недѣли Великаго поста 26
Слово въ среду 1-ой недѣли Великаго поста 30
Слово въ четвергъ 1-ой недѣли Великаго поста 33
Слово въ пятокъ 1-ой недѣли Великаго поста 37
Слово въ пятокъ 1-ой недѣли Великаго поста предъ исповѣдію 42
Слово въ субботу 1-ой недѣли Великаго поста по причащеніи Святыхъ Таинъ. 44
Слово въ недѣлю Православія 46
Слово въ недѣлю Православія 56
Слово въ недѣлю Православія 61
Слово въ недѣлю Православія 65
Слово въ недѣлю Православія 67
Слово въ среду 2-ой недѣли Великаго поста 71
Слово въ пятокъ 2-ой недѣли Великаго поста 76
Слово въ пятокъ 2-ой недѣли Великаго поста, предъ исповѣдію 81
Слово въ субботу 2-ой недѣли Великаго поста по причащеніи Св. Таинъ. 83
Слово въ недѣлю 2-ую Великаго поста 85
Слово на память четыредесяти мучениковъ 89
Слово въ среду 3-ьей недѣли Великаго поста 95
Слово въ пятокъ 3-ьей недѣли Великаго поста 100
Слово въ недѣлю Крестопоклонную 104
Слово на память Алексія человѣка Божія 116
Слово въ среду 4-ой недѣли Великаго поста 120
Слово въ пятокъ 4-ой недѣли Великаго поста 125
Слово въ недѣлю 4-ую Великаго поста 129
Слово въ среду 5-ой недѣли Великаго поста 135
Слово въ четвертокъ 5-ой недѣли Великаго поста 140
Слово въ пятокъ 5-ой недѣли Великаго поста 143

Стр.
Слово въ пятокъ 5-ой недѣли Великаго поста предъ исповѣдію 148
Слово въ субботу 5-ой недѣли Великаго поста 151
Слово въ субботу 5-ой недѣли Великаго поста 155
Слово въ недѣлю 5-ую Великаго поста 158
Слово въ среду 6-ой недѣли Великаго поста 165
Слово въ пятокъ 6-ой недѣли Великаго поста 170
Слово въ пятокъ 6-ой недѣли Великаго поста 173
Слово въ субботу Лазареву 176
Слово въ Великій Понедѣльникъ на утрени 179
Слово въ Великій Понедѣльникъ. 183
Слово въ Великій Понедѣльникъ 186
Слово въ Великій Понедѣльникъ 191
Слово въ Великій Вторникъ 196
Слово въ Великій Вторникъ 201
Слово въ Великую Среду. . . . . —
Слово въ Великую Среду. 204
Слово въ Великую Среду. 206
Слово въ Великій Четвертокъ 207
Слово въ Великій Четвертокъ 211
Слово въ Великій Четвертокъ на Страсти Христовы 212
Слово въ Великій Пятокъ 218
Слово въ Великій Пятокъ 222
Слово въ Великій Пятокъ 227
Слово въ Великій Пятокъ 229
Слово на Великій Пятокъ 234
Слово въ Великую Субботу 239
Слово въ Великую Субботу 243
Слово въ Великую Субботу 249
Слово въ Великую Субботу 251
Слово въ Великую Субботу 253

МОЛИТВА СВ. ЕФРЕМА СИРИНА.

Слово въ среду 1-ой недѣли Великаго поста. 255
Слово въ пятокъ 1-ой недѣли Великаго поста 260
Слово въ среду 2-ой недѣли Великаго поста. 264
Слово въ пятокъ 2-ой недѣли Великаго поста 269
Слово въ среду 3-ей недѣли Великаго поста. 274
Слово въ пятокъ 3-ей недѣли Великаго поста 279
Слово въ среду 4-ой недѣли Великаго поста. 283
Слово въ пятокъ 4-ой недѣли Великаго поста 287
Слово въ среду 5-ой недѣли Великаго поста. 291
Слово въ пятокъ 5-ой недѣли Великаго поста 295
Слово въ среду 6-ой недѣли Великаго поста. 299

ПЕРВАЯ СЕДМИЦА ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Слово въ недѣлю Сыропустную, огласительное 303
Слово въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста 308
Слово въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста 316
Слово въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста 320

Стр.
Слово въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста 323
Слово въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста 327
Слово въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста 329
Слово во вторникъ первой недѣли Великаго поста. 332
Слово во вторникъ первой недѣли Великаго поста. 339
Слово въ среду первой недѣли Великаго поста 345
Слово въ среду первой недѣли Великаго поста 351
Слово въ среду первой недѣли Великаго поста 353
Слово въ четвертокъ первой недѣли Великаго поста , ... 357
Слово въ четвертокъ первой недѣли Великаго поста 364
Слово въ пятокъ первой недѣли Великаго поста 368
Слово въ пятокъ первой недѣли Великаго поста 372
Слово въ пятокъ первой недѣли Великаго поста 380
Слово въ субботу первой недѣли Великаго поста 387
Слово въ субботу первой недѣли Великаго поста 390
Слово въ субботу первой недѣли Великаго поста 392

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА.

Слово въ Великій Понедѣльникъ на утрени 395
Слово въ Великій Понедѣльникъ на литургіи. 400
Слово въ Великій Вторникъ. 405
Слово въ Великую Среду. 409
Слово въ Великую Среду. 411
Слово въ Великую Среду, къ готовящимся ко причащенію
Св. Таинъ 416
Слово въ Великій Четвертокъ предъ причащеніемъ Св. Таинъ . 419
Поученія въ Великій Четвертокъ послѣ причащенія Св. Таинъ . 422
Слово на Страсти Господни. 433
Слово на Страсти Господни. 440
Слово въ Великій Пятокъ 448
Слово въ Великій Пятокъ 449
Слово въ Великій Пятокъ 452
Слово въ Великій Пятокъ 457
Слово въ Великій Пятокъ 459
Слово въ Великій Пятокъ 461
Слово въ Великій Пятокъ 466
Слово въ Великій Пятокъ 468
Слово въ Великій Пятокъ 471
Слово въ Великую Субботу 477
Слово въ Великую Субботу 484
Слово въ Великую Субботу 488
Слово въ Великую Субботу. 493

СВѢТЛАЯ СЕДМИЦА.

Поученія на литургіи въ первый день Пасхи. 502
Бесѣда на литургіи въ первый день Пасхи 513
Бесѣда на вечерни въ первый день Пасхи 524
Слово въ день Св. Пасхи 534
Слово въ понедѣльникъ Свѣтлыя Седмицы 537

Стр.
Бесѣда во вторникъ Свѣтлыя Седмицы 543
Слово въ среду Свѣтлыя Седмицы 552
Слово въ четвертокъ Свѣтлыя Седмицы 563
Слово въ пятокъ Свѣтлыя Седмицы 570
Слово въ пятокъ Свѣтлыя Седмицы, въ который празднуется въ честь Богоматери, такъ называемой, Живоноснаго источника 576
Слово въ пятокъ Свѣтлыя Седмицы, по совершеніи въ академической церкви литургіи на языкѣ греческомъ 581
Слово въ Субботу Свѣтлыя Седмицы на литургіи 587
Слово въ Субботу Свѣтлыя Седмицы, предъ раздаваніемъ артоса 592
Слово на всенощномъ бдѣніи, въ недѣлю антипасхи 596
Слово на отданіе Пасхи 601
Слово на отданіе Пасхи 604
Слово въ день Пасхи 607
Слово въ Понедѣльникъ Св. Пасхи 609
Слово на день Пасхи 612
Слово въ день Пасхи 616
Слово на вечерни въ первый день Пасхи 618
Слово на вечерни въ первый день Пасхи 619
Слово въ день Св. Пасхи 621
Слово въ день Св. Пасхи 622
Слово въ Понедѣльникъ Св. Пасхи . . . . . —
Слово въ Понедѣльникъ Св Пасхи 623

Книги продающіяся въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА.

Святая земля и Библія. Описаніе Палестины и нравовъ ея обитателей. Д-ра *К. Гейки.* Съ оригин. рис. Г. А. Гарпера. Пересказъ съ англійск. Подъ редакц. Ф. С. Комарскаго. Съ прил. карты Палестины. Роскош. изд., отпечат. на велен. бум. 2 тома, Спб., 1894 г., ц. 10 р., въ роск. кол. пер. 12 р.

„Грандіозное изданіе подъ симъ заглавіемъ, о которомъ мы оповѣстили читателей въ 39 № „Церковныхъ Вѣдомостей", за 1893 г., доведено до конца Предъ нами громадный томъ, роскошно изданный, въ великолѣпномъ переплетѣ, 433 прекрасно исполненныхъ рисунка расположены на страницахъ книги и облегчаютъ чтеніе, представляя въ живыхъ краскахъ то, о чемъ говорится Книга знакомитъ съ древнимъ и современнымъ бытомъ Святой Земли и даетъ объясненіе многимъ мѣстамъ Библіи, живое и наглядное. Характерная черта книги, замѣченная и въ прежнемъ отзывѣ о ней—спокойствіе наблюденія и разсказа Шагъ за шагомъ идетъ авторъ-наблюдатель и ведетъ за собой читателя по городамъ и весямъ, горамъ и долинамъ Святой Земли, вспоминая, гдѣ что было и какъ и о чемъ говорится въ Библіи. Поэтому книгу надо читать съ Библіею въ рукахъ Множество изреченій Библейскихъ, наглядно объясненныхъ, даютъ немаловажное пособіе къ основательному ознакомленію съ нею. Можно сказать даже, что ознакомленіе съ Библіею стоитъ у автора на первомъ планѣ, ознакомленіе съ страной и бытомъ народа—на второмъ. Основаніемъ для сужденій автора о временахъ библейскихъ служитъ неизмѣнность формъ жизни на Востокѣ что было за три, четыре тысячи лѣтъ назадъ, то и теперь Жизнь Востока во многомъ представляетъ посему значительныя особенности, иногда прямую противоположность нашей жизни. Напримѣръ, занятіе пастуховъ у насъ предоставляется людямъ бѣднымъ и лишеннымъ образованія, которые не могутъ устроиться лучше. Совсѣмъ иначе смотрѣли и смотрятъ на это дѣло на Востокѣ; тамъ это—излюбленное занятіе, исполненное нѣжныхъ заботъ и тревогъ. Тамъ дочери шейховъ и въ настоящее время съ любовью стерегутъ стада. Авторъ пользуется каждымъ поводомъ, чтобы предаться, очевидно, любимымъ, библейскимъ воспоминаніямъ, и указуетъ всѣ подробности быта, чтобы выяснить черты, взятыя изъ сего быта у патріарховъ, пророковъ и евангелистовъ. Нѣкоторыя объясненія новы и оригинальны Къ книгѣ приложена карта яффо-іерусалимской желѣзной дороги и подробное описаніе ея открытія съ рисунками. На одномъ изъ рисунковъ весьма отчетливо изображена станція Іерусалимъ въ день открытія желѣзной дороги 14 сентября 1892 г. Книга снабжена подробнымъ указателемъ ссылокъ на мѣста Священнаго Писанія, упоминаемыя въ книгѣ, а также подробными алфавитными указателями мѣстностей и лицъ. Къ книгѣ приложена, кромѣ того, весьма хорошая карта Палестины съ планомъ города Іерусалима въ древнемъ и нынѣшнемъ видѣ. Изъ сказаннаго можно видѣть, что книга „Святая Земля и Библія" можетъ быть не только украшеніемъ библіотеки, или подаркомъ, но и книгою весьма полезною для ознакомленія съ Библіею и святыми мѣстами" П. С. („Церк. Вѣд" № 36, 1894 г.)

Минуты пастырскаго досуга. Соч. *Гермогена,* еписк. Псков. 2 тома. Спб. 1889—1901 г., ц. 3 р., въ коленк. перепл. 4 р.

Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноябр. 1901 г., за № 31977, допущ. въ учит. библ. низшихъ училищъ и въ безплатн. народныя читальни и библіотеки.

„Вчитываясь въ статьи какъ этого (второго) тома „Минутъ пастырскаго досуга" еп. Гермогена, такъ и перваго, о которомъ раньше нами было говорено, наглядно постигаете всю чистоту и духовную высоту внутренняго образа высокопреосвященнаго автора. Его симпатичный ликъ встаетъ передъ вами какъ живой. Его чудная поэтическая—христіанская душа передъ вами вся на-лицо, безъ покрововъ. Христіанское чувство автора всюду старается отыскать зернышки чистаго, свѣтлаго.. и ведетъ читателя только къ послѣднему. Весьма назидательны и глубоко интересны статьи преосвященнаго, но еще болѣе интереснымъ станетъ предъ нами самъ послѣдній съ его необыкновеннымъ смиреніемъ съ его изумительною кротостью. У каждаго, прочитавшаго оба тома, невольно явится желаніе подражать преосвященному автору хоть въ немногомъ, хоть въ томъ, на что мы способны съ нашими слабыми силами... Нечего уже и прибавлять, что разсматриваемое нами изданіе заслуживаетъ возможно широкаго распространенія. это ясно и само собою. Цѣна за два тома—три руб.—не высока. Хорошо было бы, еслибъ книжный рынокъ предлагалъ побольше столь трезваго и полезнаго чтенія. *А. Бронзовъ.* („Церк Вѣстн." № 39-й 1901 г.).

О святыхъ Таинствахъ Православной Церкви. Сочин. *Гермогена,* еписк. Псковскаго и Порховск. Изд. 2-е, Спб. 1894 г., ц. 40 к.

Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г. за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. Учил. Сов. при Св. Сѵн. внесена въ «Справочный Каталогъ для библ. приходскихъ, окружныхъ и иныхъ дух. вѣдомствъ». Изд. 1901 г., стр. 30-я.

„Глубокосодержательная и поучительная, просто, живо и тепло написанная, настоящая книжка архипастыря заслуживаетъ полнаго вниманія читающей публики и особенно свѣтской, у которой понятія о таинствахъ часто весьма смутны, сбивчивы и неясны". (Церков. Вѣст. № 35, 1904 г.).

Очеркъ исторіи славянскихъ Церквей. *Гермогена,* Еп. Псков. и Порхов. Изд. 2-е, Спб., 1899 г., ц. 1 р.

Мин. Нар. Просв. отъ 10—19

ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Утѣшеніе въ смерти близскихъ сердцу. Епископа *Гермогена*, бывшаго протоіерея Константина Добронравина, изданіе одиннадцатое. Спб. 1902 г. Ц. 30 к., въ изящномъ коленкоровомъ перепл. 75 к. *Мин. Народ. Просв. одобрено для библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.* 30 марта 1885 г. № 5188. *Внесена въ каталогъ книгъ для безпл. народн. читален.* Изд. по распоряж. Мин. Нар. Просв 1896 г. Стр. 4-я.

„Проливать слезы надъ прахомъ близкихъ нашему сердцу людей вполнѣ естественно, но что можетъ осушить эти слезы христианина, которому грѣшно плакать объ умершихъ безъ всякой отрады и утѣшенія?—При разлукѣ съ милымъ сердцу мы прежде и болѣе всего плачемъ о томъ, что онъ пересталъ жить съ нами на этомъ свѣтѣ. Но разсмотрите безпристрастно нашу жизнь земную со всѣми ея радостями и печалями,—и вы согласитесь съ Премудрымъ, что все на землѣ *суета суетствій, всяческая суета.* Смерть есть начало новой, лучшей жизни за гробомъ, и въ этомъ источникъ нашего утѣшенія

Глубоконазидательное содержаніе книжечки Преосв. Гермогена, которому „Господь судилъ имѣть не мало потерь, и потерь очень близкихъ сердцу, и который искалъ утѣшенія въ скорби и находилъ его въ подобныхъ христіанскихъ размышленіяхъ". Въ концѣ книжечки помѣщены два стихотворенія: Скорбь мужа на могилѣ жены и Утѣшеніе изъ могилы. Н. Г. (Бог. Библ. Лист. прил. къ „Рук. для Сельск. Паст." Вып. 8-й. 1898 г.).

Практическая гомилетика, или сборникъ темъ и конспектовъ для проповѣдей на весь церковный годъ. Сост. свящ. *В. Глотовъ.* Спб, 1902 г., ц. 1 р. 50 к.

Учебн. Комит. при Св. Сунодѣ допущено въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій (14 янв. 1903 г., № 80)

Настоящимъ изданіемъ „Сборника темъ и конспектовъ" мы стремимся придти на помощь, насколько это возможно для насъ, дѣлу оживленія и церковнаго проповѣдничества и разнообразія въ выборѣ темъ для него, вмѣстѣ съ тѣмъ желая облегчить далеко нелегкій трудъ проповѣдыванія. Особенно удобенъ, намъ думается, будетъ нашъ сборникъ для проповѣдей-экспромтовъ, о полезности и важности которыхъ излишне и говорить.

Исторія Кіевской духовной академіи. Выпускъ первый I. Періодъ до-Могилянскій. *С. Голубева.* Кіевъ. 1886 г., ц. 2 р.

Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка (о конечныхъ причинахъ). Изданіе четвертое. Спб. 1894 г. Цѣна 2 р., въ изящн. коленк. переплетѣ съ золот. тисненіемъ 3 р. *Учебнымъ Комит. при Св. Сунодѣ рекомендована для фундам. библ. среднихъ духовно-учебныхъ завед* (Церк. Вѣд. № 29, 1898 г.)

О достоинствѣ сочиненія распространяться нѣтъ нужды. Книга говоритъ сама за себя. Общее мнѣніе объ ея достоинствѣ уже утвердилось въ большинствѣ читающей публики и подтверждено добрыми отзывами даже пристрастныхъ критиковъ.

Какъ трудъ самостоятельный, вполнѣ занимательный по предмету изслѣдованія, какъ сочиненіе, въ которомъ отчетливо и доступно для общаго разумѣнія рѣшаются вопросы, никогда не покидающіе ума любознательнаго,—книга о премудрости и благости Божіей въ судьбахъ міра и человѣка останется навсегда произведеніемъ капитальнымъ, руководственнымъ, далеко выходящимъ изъ ряда тѣхъ книгъ, которыя пользуются мимолетнымъ успѣхомъ и потомъ подвергаются забвенію

Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны, собранныя *А. Голубцовымъ.* М., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Пренія о вѣрѣ, вызван. дѣломъ королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны. *Александра Голубцова.* М. 1891 г. Ц. 2 р.

Чиновники Холмогорскаго Преображенскаго Собора съ предисловіемъ и указателемъ *А. Голубцова.* М., 1903 г., ц. 2 р. 25 к.

Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго Собора, *А. Голубцова.* М., 1899 г., ц. 1 р. 75 к.

Чиновникъ Нижегородскаго Преображенскаго Собора. Съ предисловіемъ и указателемъ *А. Голубцова* М. 1905 г., ц. 75 к.

Практическія задачи дѣятельности сельскаго православнаго священника. Свящ. *А. Громачевскаго.* Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1890 г., цѣна 1 р.

Разговоръ священника съ прихожаниномъ противъ лѣченія заговорами. *М. Граникова* Спб., 1894 г., ц. 15 к.

День святой жизни, или отвѣтъ на вопросъ: какъ мнѣ жить свято? Изд. 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 30 к., въ изящн. коленк. перепл. 75 к. *Внесена въ списокъ книгъ для библіот. церковно-приход. школъ* (Церков. Вѣд. № 2, 1896 г.).

Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. рекомен. для библ. среднихъ и низшихъ учебныхъ завед. (25-го ноября 1898 г., № 28740).

„Авторъ книги отличался правдивостью, серьезностію въ дѣлахъ и словахъ Его назидательная рѣчь часто направлялась противъ излишнихъ заботъ о земныхъ интересахъ и удовольствіяхъ. Она будила тѣхъ, которые не дорожили временемъ земной жизни. „День святой жизни“ представляетъ вполнѣ зрѣлое произведеніе, вышедшее изъ-подъ пера высоко-нравственнаго святителя. Книга состоитъ изъ предисловія, 13-ти главъ и нѣсколькихъ заключеній. Въ содержаніе ея входятъ ясное и подробное изображеніе поведенія христіанина въ отношеніи къ Богу и ближнимъ, въ нѣкоторыхъ положеніяхъ жизни—счастьи, несчастьи, при богатствѣ, бѣдности, болѣзни, при занятіяхъ житейскими дѣлами, утромъ, во время обѣда, послѣ обѣда, вечеромъ, до сна и предъ сномъ, ночью во время безсонницы и проч.—Изданіе въ общемъ чистое, цѣна не высокая“ (Богосл. Библіогр. Листокъ „Приложеніе къ Руков. для Сельскихъ Пастырей“ Выпускъ 2-й, 1894 г.).

Дни Богослуженія Православной Каѳолической Восточной Церкви. Изд. 10-е. 2 большихъ тома, въ 6 част. Спб. 1901 г., ц. 3 р., въ роскошн. колен. перепл. 4 р. *Внесена въ списокъ книгъ для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ* («Церк. Вѣд.» № 2, 1896 г.).

Попеченіе Православной Церкви о спасеніи міра, выраженное въ ея богослуженіи, объемлющемъ всю жизнь христіанина отъ рожденія до смерти, или объясненіе обрядовъ, требъ, таинствъ и богослуженія Православной Церкви Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 2 р., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р. Необходимыя настольныя книги протоіерея *Г. С Дебольскаго,* для каждаго христіанина и для священника. *Одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній*

Житія Святыхъ Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Прот. *Г. С. Дебольскаго.* (Извлечено изъ книги «Дни Богослуженія»). Съ изображеніями ихъ, академика Ѳ. Г. Солнцева. Спб. 1897 г. Цѣна 30 к. *Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для фундаментальн. библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (25 ноября 1898 г. № 28740).*

Житіе Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра. Сост. прот. *Г. С. Дебольскій.* Съ прилож. Бесѣды о Святыхъ въ Православной Церкви Прот. В. Нордова. Изд. 2-е. Спб. 1903 г. Ц. 10 к.

Краткое обозрѣніе Богослуженія Православной Церкви. Протоіерея *Г. С. Дебольскаго.* Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе четвертое, напечатанное безъ перемѣнъ съ третьяго изданія одобреннаго *Ученымъ Ком. Мин Народ. Просв. для употребленія въ качествѣ учебн руководства въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства Мин. Нар. Просв.* Спб., 1886 г. Ц. 50 к.

Необходимость и важность христіанскаго поведенія и послушанія Православной Церкви. Протоіерея *Г. С. Дебольскаго.* Одобрена *для пріобрѣтенія въ ученич. библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Мин. Нар Просв* (21 іюля 1894 г. № 14375) Изд 3-е Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

О говѣніи по уставу Православной Церкви. Прот. *Г. С. Дебольскаго* Изданъ 3-е. Спб. 1901 г., ц. 50 к. *Мин. Нар. Просв. одобрено для пріобр. въ ученич. библіот. средн. учебн завед.* 21 Іюля 1894 г. № 14375. *Учил. Сов. при Св. Сунодѣ, одобрена для пріобрѣтенія въ библ. второклассн. и церковно-учит. школъ.* (Церк. Вѣд. 1901 г., № 17).

Оглавленіе Понятіе о говѣніи.—Время говѣнія—Уединеніе во время говѣнія.—Постъ во время говѣнія.—Молитва во время говѣнія—Самоиспытаніе во время говѣнія—Самоиспытаніе въ богопочтеніи—Въ богопочтеніи частномъ и домашнемъ.—Въ домашней молитвѣ—Въ чтеніи Слова Божія—Въ упованіи на Промыслъ Божій.—Въ исповѣданіи Бога благочестивымъ послушаніемъ—Въ хожденіи въ церковь—Въ благочестіи внѣ жилища своего и храма Божія—Самоиспытаніе въ отношеніи къ ближнимъ.—Въ отношеніи къ своему семейству.—Въ отношеніи къ родителямъ—Въ отношеніи къ дѣтямъ.—Въ отношеніи къ служащимъ и служащихъ ко мнѣ.—Въ отношеніи родственномъ—Въ отношеніи къ обществу или отечеству—Въ образованіи для блага общаго—Въ храненіи присяги—Въ служеніи отечеству.—По образованію въ обществѣ—Самоиспытаніе относительно себя самого.—Поведеніе при исповѣди, при причащеніи и послѣ.

О любви къ отечеству и трудѣ по слову Божію. Протоіерея *Г. С Дебольскаго.* Спб, 1898 г., ц. 25 к. *Ученымъ Комит. Министр. Нар. Просв. одобрено для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній*

О пользѣ чтенія Библіи, сирѣчь книгъ Священнаго Писанія. Протоіерея *Г. С. Дебольскаго.* Спб., 1897 г., цѣна 60 к.

Седмица говѣнія, исповѣди

и причащенія. Протоіерея *Г. С. Дебольскаго* I. Сколько дней должно говѣть. II. Часто ли надобно говѣть. III. Молитвы предъ исповѣдью Изд. 4-е. Спб. 1897 г, ц. 20 к *Внесена въ списокъ книгъ для библіот церковно-прих. школъ* (Церк. Вѣдом. № 2, 1896 г). *Мин. Народ Просвѣщ. внесена въ каталогъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣд. М. Н. П.*

Установленія ветхозавѣтной церкви и христіанскія, для которыхъ первыя служили образами. Прот. *Г С Дебольскаго* Изд. 2-е. Спб., 1893 г, цѣна 60 к.

Введеніе реформаціи въ Швеціи, *І. Дементьева.* Спб. 1892 года, цѣна 1 р.

Державинъ, А., свящ. Подъ кровомъ Церкви. Сборникъ стихотвореній. Спб., 1907 г., ц. 40 к.

Оглавленіе. Церковь. — «Покаянія отверзи мы двери!»—Въ путь дорогу — Моя молитва. — Раскаяніе. — Великій завѣтъ -Христосъ воскресе!—Марія Магдалина — У святынь Ростова великаго — Ласточки —На мосту —На берегу озера.— Двѣ башни — На родинѣ — Огонекъ —Въ глуши —Тишина.—Изъ дневника священника —Въ храмѣ.—Встрѣча —Грустная повѣсть — На тернистомъ пути. — Разсказъ стараго дьячка — Послѣдняя молитва. — Братскій призывъ. — Молитва трезвенниковъ —Съ Божьей помощью Разсказъ Матери. — Отшельникъ. — У забытаго колодца.—Вдова —Нищій.—Мать —Видѣніе.— Народному учителю. — Учитель — Въ дорогѣ — Привѣтъ — Рѣшенное сомнѣніе.— Ваня —Исцѣленіе слѣпорожденнаго —Священникъ.

Объ истинно-христіанскомъ воспитаніи. Чтенія по Закону Божію для слушательницъ педагогическихъ курсовъ при С -Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ (По записямъ слушательницъ 1895—1902 годовъ). Изд. 2-е, исправленное и дополненное, подъ редакціею законоучителя протоіерея *А. Дернова* Въ трехъ частяхъ. Спб, 1902 г., ц. 3 р.

Житіе Св. Давида Богоотца, Пророка и Царя Іудейскаго. Съ изображ его. Состав. *С. Дестунисъ.* Спб 1887 г, ц. 20 к.

Житіе Святаго отца нашего Николая, архіепископа Мурликійскаго, чудотворца. Съ изобр. его Составлено по новѣйшимъ источникамъ *С. Дестунисъ.* Спб 1895 года, цѣна 10 к.

Житія Святыхъ. Составлены по четь-минеямъ и другимъ книгамъ *Софіею Дестунисъ.* Съ изображеніями святыхъ и праздниковъ акад. Ѳ. Г. Солнцева, 12 книгъ, болѣе 2500 стран. Изд. 3-е. Спб. 1904 г., ц. 6 руб., съ перес. 7 р. 20 к.; въ изящ. коленкор. перепл. въ 4-хъ книгахъ 9 р., съ пересылкою 10 р. Одобрено *Учебн Ком. при Св. Сѵн. для учен библ дух семин. и учил. въ качествѣ назидат чтен. для учащихся* (27 іюля 1886 г. № 428). Одобрено *Учен Ком Мин. Нар. Пр. для ученич. библ учебн заведеній* (20 мая 1887 г. № 7623) Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей циркулярно рекомендована мѣстнымъ начальствамъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи для библіотекъ ввѣренныхъ имъ заведеній (24 февраля 1887 года № 2995).

„Цѣль этого изданія—доставить ежедневную пищу и пособіе для воспитанія души въ видѣ ежедневнаго воспоминанія о святыхъ угодникахъ, какъ образцахъ того величія, до котораго доступно возвыситься душѣ человѣческой, если она будетъ питаться и воспитываться подъ вліяніемъ ихъ примѣра“ И нужно благодарить и составительницу, и издателя за доставленіе столь полезной и питательной пищи!

Прекрасно понято составительницею и издателемъ воспитательное для христіанъ значеніе житій святыхъ „Угодники Божіи, хотя и нищіе въ мірѣ, оставили намъ въ примѣрѣ своей жизни богатѣйшее наслѣдство Мы не знаемъ и измѣрить не можемъ, какъ богаты мы! И только по мѣрѣ того, какъ мы будемъ углубляться въ созерцаніе этихъ высокихъ образцовъ христіанской жизни, изучая въ нихъ черту за чертою, предъ нами будетъ раскрываться все чудное наслѣдіе, которымъ они насъ обогатили“. Бываетъ, впрочемъ, и въ житейскомъ быту, что имѣющій право на полученіе богатаго наслѣдства, и не догадывается, что ему оставлено наслѣдство и что немного слѣдуетъ употребить стараній, чтобы вступить въ обладаніе имъ

Неудивительно поэтому, если большинство христіанъ, обладая духовнымъ наслѣдствомъ, не знаютъ, что они могутъ быть такъ богаты. Нужно быть благодарными тѣмъ, кто открываетъ и указываетъ намъ наше богатство Великое воспитательное значеніе для религіозной жизни житія свят угодниковъ Божихъ и особенная склонность православнаго русскаго народа къ слушанію и чтенію агіологической письменности вызываютъ необходимость возможно большаго и частаго изданія книжекъ—житій святыхъ. Рады мы рекомендовать читателямъ появившіяся въ началѣ нынѣшняго года „Житія святыхъ“, составленныя г-жею Дестунисъ и изданныя г. Тузовымъ. Изданіе Тузова достаточно полно излагаетъ житія извѣстныхъ святыхъ, и пріучившійся ежедневно прочитывать житіе дневнаго святаго вполнѣ будетъ удовлетворенъ тѣмъ, что нашла нужнымъ предложить для чтенія г-жа Дестунисъ Увеличеніе объема книги естественно должно было бы вызвать и повы-

шеніе цѣны ея, что дѣлало бы книгу не совсѣмъ доступною для людей средняго состоянія Въ нынѣшнемъ же видѣ, при значительномъ все-таки объемѣ, цѣна оказывается доступною для многихъ и многихъ

Изображенія святыхъ академика Солнцева придаютъ книгамъ особенный видъ церковности

Изданіе труда г-жи Дестунисъ, какъ и всѣ изд Тузова, красиво, шрифтъ четкій, бумага хорошая и прочная Могій пріобрѣсти, да пріобрѣтетъ („Бог Библ. Лист" прил къ журн. „Руков. для сельск. пастырей", № 4, 1886 г)

Житія Святыхъ. Ежедневное чтеніе для народа и для церковно-приходскихъ школъ со включеніемъ 1) Мѣсяцеслова, 2) объясненія праздниковъ и 3) указанія дней особеннаго чествованія Божіей Матери. Соч. *С Дестунисъ. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народ. Просв.* (21 іюня 1894 г. № 14375) Съ 120 изображен святыхъ 12 книжекъ. Спб. 1897 г, ц. 1 р. 80 к, съ перес 2 р. 40 к, въ изящн. 2-хъ коленк. переплетахъ, ц. 3 р. 30 к., съ перес 4 р.

„Книжки сіи составлены г Софіею Дестунисъ по ея же книгѣ, изданной въ 1886 г и одобренной Учебн Комитет при Святѣйшемъ Сун и Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія Въ настоящемъ изданіи книжки значительно сокращены противъ прежняго изданія, вслѣдствіе чего понижена и цѣна его болѣе, чѣмъ на двѣ трети Сокращеніе состояло, согласно заявленіямъ читателей 1-го изданія, въ исключеніи личныхъ разсужденій автора и изложеніе ограничено сообщеніемъ „фактовъ изъ жизни святыхъ, которые сами собою должны воздѣйствовать на читателя съ достаточною полнотою" Приложеніе мѣсяцеслова и друг сдѣланы г-жею Дестунисъ также вслѣдствіе заявленій читателей Для примѣра укажемъ содержаніе первой январской книжки. Она начинается нѣсколькими словами назиданія по случаю Новаго года, затѣмъ говорится о праздникѣ Обрѣзанія Господня и указуется его значеніе. этимъ праздникомъ свидѣтельствуется истина вочеловѣченія Христова и воздается слава имени Господню Послѣ сего довольно подробно на стр 9—22 разсказывается житіе святаго Василія Великаго, которое заключается тропаремъ въ честь святителя Также ведется дѣло и далѣе. Изложеніе житій ясное и простое Изображенія сдѣланы отчетливо, согласно принятымъ церковію образцамъ Послѣ житій кратко указуется память какихъ еще святыхъ угодниковъ чтится въ тотъ же день". („Церк Вѣд." № 35, 1891 г.).

Начальная «Борозда». Воспитательное чтеніе для школьнаго возраста. *С Дестунисъ.* Съ виньетками въ текстѣ. Спб. 1905 г, ц 30 к.

Содержаніе· Сила дѣтской любви (Легенда) — Лучшая доля — Свѣтъ въ лѣсу — Картинка изъ семейной жизни — Материнская любовь.— Маленькій Дикъ и великанъ.—„Золотая волюшка мнѣ милѣй всего" — Разсказъ высохшаго потока.— Дѣло братской любви —Добрый совѣтъ.— Что дѣлаешь, то дѣлай исправно —Всѣмъ въ свое время,—свое мѣсто —Любовь къ правдѣ —Исторія маленькаго торговца — Скрытый кладъ —Только три копѣики въ день.—Хорошей душѣ и худой совѣтъ— впрокъ —Кто остался доволенъ своей судьбой? (Японская сказка)—Дубъ и плющъ — Тайная милостыня.—Разсказъ о старомъ Яковѣ —Исторія одного маленькаго булочника — Что не заработано своимъ трудомъ, то—не свое —Другъ за друга—всѣмъ хорошо —Ученіе—свѣтъ, а неученіе—тьма — Мало жилъ, да много совершилъ —Знакомство съ тѣмъ, кто насъ любилъ —Сыновняя любовь (Разсказъ изъ древнихъ временъ).— Робертъ и колонія среди океана

Не должно страшиться смерти. Разсужденіе Греческаго Богослова XIV вѣка *Димитрія Кидонскаго.* Перевелъ съ греческаго Е. А. Изд 2-е. Спб, 1900 г, ц 15 к.

Зерцало Православнаго исповѣданія святителя Димитрія Ростовскаго въ рус. пер. *Епископа Іустина.* Изд 2-е. Спб, 1898 г Ц. 15 коп.

Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе Божественной Литургіи. Основано на Священномъ Писаніи, правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и на писаніи святыхъ отцевъ Церкви. Составлено *Иваномъ Дмитревскимъ* Переложенное на современный языкъ, вновь пересмотрѣнное изданіе Съ прилож. «Книги о Храмѣ». Симеона митроп. Солунскаго. Съ рисунками извѣстнаго академика Ѳ. Г. Солнцева. Спб., 1897 г., цѣна 2 р. 50 к, въ роскош. коленк. переп. 3 р. 50 к. *Мин. Нар Просв. одобрено для фундамент. библ средн. учебн. завед.* 21 іюля 1894 г. № 14375.

Справочная книга для Православнаго Духовенства. Составилъ кандидатъ богословія *И. Добровольскій.* Спб. 1898 г. Ц. 1 р., въ коленк. переп. 1 р. 75 к.

Оскопленіе предъ судомъ Священнаго Писанія, каноновъ церковныхъ и здраваго смысла *П П. Добромыслова.* Спб. 1902 г., ц. 25 к.

Содержаніе. Ученіе скопцовъ объ оскопленіи —Разборъ мѣстъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, приводимыхъ скопцами въ защиту ихъ ученія объ оскопленіи.—Достигаютъ ли скопцы своей цѣли чрезъ операцію оскопленія — Оскопленіе предъ судомъ гражданскаго законодательства

Святитель и чудотворецъ архіепископъ черниговскій Ѳеодосій Углицкій. 1. Житіе. 2 Прославленіе и чудеса. 3. Торжество открытія мощей Святителя. Съ при-

ложеніемъ патріаршихъ и царскихъ грамотъ, автографовъ и писемъ Св. Ѳеодосія, хронологическаго указателя событій съ 1630 по 1696 годъ и описанія соборовъ, гдѣ покоились и нынѣ почиваютъ мощи Св. Ѳеодосія, и со многими рисунками. Сост. *Н. Н. Есиповъ*. Спб. 1897 г. Ц. 1 р, въ коленк. пер 2 р *Учебн Комит при Св. Сунодѣ допущена къ пріобрѣтенію въ ученическія библіотеки духовн. семин., мужск. духовн. и женск. епарх. уч.* («Церк. Вѣд.» № 29, 1898 г). *Ученымъ Ком Мин. Народ Просв одобрена для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ, семинарій и городскихъ училищъ, для учительскихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и для безплатныхъ народн читаленъ и библіотекъ* (20 окт. 1898 г № 25932).

Книга отличается возможною полнотою. Изложеніе довольно хорошо обработано, въ особенности въ 1-й своей части—о жизни святителя Данныя о жизни святителя освѣщаются при помощи современныхъ ему событій Къ внутреннимъ достоинствамъ книги принадлежитъ глубоко-благоговѣйное отношеніе составителя къ личности св угодника Божія. Изъ множества чудесъ святителя можно видѣть, какое богатство милости Божіей открылось намъ въ новомъ угодникѣ Божіемъ. Печать книги крупная и четкая. Для православныхъ читателей эта книга весьма полезна" (Богосл. Библіогр. Листокъ. Прил. къ жур „Руков. для Сел. Пастырей", № 6-й, 7-й, 1897 г.).

Житіе преподобнаго Спиридона, епископа Тримиѳунтскаго. Спб. 1860 г., ц. 25 к.

Циркулярные указы Святѣйшаго Правительств. Сунода 1867—1900 гг. Собралъ *А. Завьяловъ*. Изд. 2-е, неоффиціальное (дополненное). Спб. 1901 г. Ц. 2 р., въ коленк. перепл. 3 р.

Сборникъ г Завьялова—трудъ несомнѣнно практически-полезный. Желательно, чтобы онъ нашелъ для себя широкое распространеніе и среди нашихъ приходскихъ пастырей, которымъ часто приходится обращаться за справками къ церковно-юридическому матеріалу, вошедшему въ составъ рекомендуемой книги. В. С. „Богосл. Библ Листокъ" прил къ журн „Руков. для Сельск Паст.". Вып. 10-й и 11-й, 1901 г.

Посланія св. Игнатія Богоносца. Въ русскомъ переводѣ, съ введеніемъ и примѣчаніями къ нимъ протоіерея *Петра Преображенскаго*. Съ изображеніемъ св. Игнатія Богоносца и рисунками въ текстѣ. Спб. 1902 г., ц. 50 к.

Мин. Нар. Просв отъ 10—19 ноября 1901 г. за № 31977 допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Сочиненія епископа Игнатія (Брянчанинова) Въ 6 томахъ, съ прилож. портр. автора и его жизнеописанія, изд. 3, исправленное и дополненное. Спб. 1905 г. Ц за всѣ 6 том. 13 руб. Въ изящн. коленк. перепл. 19 р.

„Краса иночества истекшаго вѣка, святитель Игнатій былъ дѣятельнымъ учителемъ иноковъ Вся жизнь его даетъ дивную картину самоотверженія, близкаго къ исповѣдничеству, борьбы человѣка со страстями, скорбями, болѣзнями Всѣ сочиненія его, „Аскетическіе" же „опыты" въ особенности, вполнѣ точно изображаютъ внутреннюю жизнь автора. Самъ преосвященный Игнатій говоритъ, что въ его „Аскетическихъ опытахъ" изложено ученіе святыхъ отцовъ о наукѣ изъ наукъ, о монашествѣ, въ примѣненіи къ требованіямъ современности. „Главная черта, которою отличается дѣятельность древняго монашества отъ дѣятельности новѣйшаго, заключается въ томъ, что монашествующіе первыхъ вѣковъ христіанства были руководимы боговдохновенными наставниками, а нынѣ монашествующіе должны наиболѣе руководиться Священнымъ Писаніемъ и писаніями отеческими, по причинѣ крайняго оскудѣнія живыхъ сосудовъ Божественной благодати"

„Аскетическіе опыты" — это сборникъ статей преосвященнаго Игнатія, написанныхъ имъ въ разныя времена и по разнымъ причинамъ, преимущественно по поводу возникавшихъ аскетическихъ вопросовъ въ обществѣ иноковъ и боголюбивыхъ мірянъ, находившихся съ нимъ въ общеніи Въ первыхъ трехъ томахъ „Опытовъ" помѣщено до 100 такихъ статей, изъ коихъ половина—слова и поученія объ иноческомъ житіи, молитвѣ и подвигахъ, много статей о всевозможныхъ добродѣтеляхъ и противоположныхъ имъ грѣховныхъ страстяхъ; встрѣчается объясненіе отдѣльныхъ мѣстъ Священнаго Писанія и даже цѣлаго 99-го псалма, много благочестивыхъ размышленій, есть историческая повѣсть объ Іосифѣ, посланіе къ братіи Сергіевой пустыни, рѣчь, сказанная при нареченіи во епископа и прочее и прочее. Нѣтъ возможности въ краткой замѣткѣ передать богатое и разнообразное содержаніе первыхъ трехъ томовъ „Аскетическихъ опытовъ". Это совѣты духовнаго отца своимъ духовнымъ дѣтямъ, совѣты искренніе и благіе, касающіеся всѣхъ подробностей человѣческой жизни, изложенные простымъ, яснымъ языкомъ, но вполнѣ обстоятельно и всесторонне, съ доказательствами изъ Священнаго Писанія, святоотеческихъ твореній и изъ жизненнаго опыта Глубоконазидательны и весьма трогательны всѣ безъ исключенія статьи, помѣщенныя въ трехъ книгахъ „Опытовъ", написанныя преосвященнымъ отъ чистаго сердца и проникнутыя отъ перваго до послѣдняго слова тѣмъ истинно-вѣрующимъ и смиренно-благочестивымъ настроеніемъ, которое не покидало автора въ продолженіе всей его шестидесятилѣтней жизни. *К З* ". (Церк. Вѣд № 4, 1905 г.).

О терпѣніи скорбей, ученіе святыхъ отцевъ. Собрано епископомъ *Игнатіемъ* (Брянчаниновымъ). Изданіе 3-е. Спб. 1893 г. Ц. 50 к. Въ красивомъ коленкор. переплетѣ. 1 руб. *Учен. Комит. Мин Нар. Просв. одобрено для ученич. библ. среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.*

Отечникъ. Избранныя изреченія святыхъ иноковъ и повѣсти изъ жизни ихъ, собранныя еписк. *Игнатіемъ* (Брянчаниновымъ). Изд. 4-е. Съ приложеніемъ снимка съ рукописи преосвященнаго *Игнатія* «Предисловіе» къ первому тому аскетическихъ опытовъ. Спб. 1903 г. Цѣна 3 р, въ красив коленк. пер. съ золотымъ тисненіемъ 4 р.

Правила наружнаго поведенія для новоначальныхъ иноковъ. Сост. еписк. *Игнатіемъ* (Брянчаниновымъ). Изд. 6-е. Спб 1903 г. Ц. 20 коп.

Приготовленіе къ таинствамъ исповѣди и святаго причастія. Изъ соч. еписк. *Игнатія* (Брянчанинова). Изд. 3-е. Спб., 1899 г., ц 30 к.

Слово о смерти и прибавленіе къ нему. Епископа *Игнатія* (Брянчанинова). Спб. 1900 г. Цѣна 1 р. 25 к., въ коленкор. перепл. 2 р.

Оглавленіе. Смерть непостижима человѣку —Открывается ему Богомъ — Участь тѣла по смерти —Рай и небеса — Адъ.—Разлученіе души съ тѣломъ.—Смерть праведниковъ и грѣшниковъ —Душевная смерть —Вѣчная смерть —Адскія муки — Воздушныя мытарства —Духовное прохожденіе мытарствъ во время земной жизни.—Смертный грѣхъ —Страсть —Приготовленіе къ смерти. — Памятованіе смерти и смертная память.—Призваніе къ памятованію и размышленію о смерти.— Прибавленіе къ слову о смерти Введеніе.— Статья первая, о духахъ —Статья вторая, о раѣ и адѣ.

Благочестивыя размышленія православнаго христіанина о своей душѣ на каждый день мѣсяца. Съ изреченіями, заимствованными изъ Священнаго Писанія, святыхъ отцовъ и святителей Церкви и древнихъ философовъ. Сост. *П. И. Игнатьевъ*. Спб. 1890 г. Ц. 30 к., въ изящномъ перепл. 75 к.

„Авторъ сейчасъ названныхъ размышленій своею мыслію больше всего останавливался на томъ, въ чемъ заключается истинно нравственная жизнь истиннаго христіанина, и стремился размышлять больше всего о спасеніи своей души и уяснить передъ собою истинный путь спасенія. Эти-то свои стремленія и размышленія онъ и излагаетъ въ разсматриваемой книжкѣ, располагая ихъ по днямъ мѣсяца и излагая свои мысли въ самой простой и удобопонятной рѣчи Надобно думать, что его размышленія будутъ далеко не безполезны, особенно въ наше время, когда подъ именемъ христіанскаго ученія нетвердому въ вѣрѣ Христовой нашему обществу преподносится такъ много лжетолкованій и измышленій гордаго суемудрія Цѣна книжки, имѣющей 200 страницъ и изданной весьма тщательно, вполнѣ доступная“ („Сычъ Отеч.“, № 211, 1890 г.).

Въ Бурсѣ. (Бытовая хроника въ двухъ частяхъ). *А А. Измайлова* (Смоленскаго). Спб. 1903 г, ц. 1 р.

Изъ отзывовъ печати: „.И, очевидно, хорошо знаетъ нравы бурсы и описываетъ ихъ ярко, мѣстами не безъ юмора, благодаря чему очерки его читаются съ большимъ интересомъ“ . Міръ Божій, 1903, № 7)

„..Наилучшими въ книжкахъ И являются разсказы изъ быта духовенства. Въ этомъ отношеніи И можетъ съ успѣхомъ соперничать съ Потапенко, Особеннаго вниманія заслуживаютъ воспоминанія о бурсѣ и семинаріи“. (Скабичевскій)

„ Центръ книжки—хроника „Въ бурсѣ“, откуда читатели могутъ познакомиться съ бурсой, подвергнутой коренной и не одной второстепенной реформѣ,—бурсой, допѣвающей свою лебединую пѣснь.. Авторъ впалъ въ пессимизмъ, если не чрезмѣрный, то очень замѣтный“ (Странникъ).

„. Существующій пробѣлъ ярко и талантливо исполнилъ И., давъ широкую бытовую хронику послѣреформенной бурсы Главное достоинство въ тонкой и прекрасной психологіи героя Жизненно-правдиво, ярко, рельефно и красочно. Сборникъ И весьма рѣдкое исключеніе среди современной юродствующей беллетристики“. (Волгарь).

„..Такое удовольствіе испыталъ я, когда нашелъ книжку И —И отдѣленъ отъ Помяловскаго почти 50-ью преемственными выпусками и даетъ картину гораздо болѣе близкую къ современности “(„Новости“)

„ И. вышелъ съ успѣхомъ изъ испытанія и съумѣлъ сохранить въ своей книжкѣ живость повѣствованія . Раскрывавшіяся въ книгѣ стороны духовъ быта, помимо своего художеств интереса, наводятъ на глубокія мысли о судьбахъ русскаго духовенства Ее пріятно почитать и перечитать.“ (Природа и Жизнь).

„. Правдивость изображенія, жизненная вѣрность бурсацкихъ типовъ . Не можемъ не привѣтствовать появленія этого сборника, раскрывающаго въ истинномъ свѣтѣ картину бурсы . Бывшій бурсакъ, по прочтеніи, вспомнитъ свою школьную жизнь, подумаетъ на тему объ ея ненормальностяхъ“. (Прав. Рус Слово)

Черный воронъ. Семнадцать разсказовъ, преимущественно изъ быта духовенства. *А. А. Измайлова.* Изд. 2-е. Спб. 1903 г, ц. 1 р.

Изъ отзывовъ печати. „.. Положительно съ удовольствіемъ читается книжка Измайлова. Въ его разсказахъ всегда найдутся мотивы тонкіе и интересные, въ которыхъ видна и свѣжесть, и изящество таланта, и глубокое чувство, и настоящій искрящійся юморъ.. Авторъ понимаетъ то, о чемъ говоритъ, тѣмъ особымъ глубокимъ и тонкимъ проникнове-

ніемъ, какое дается только таланту" (Рус Мысль, Іюль, 1901)

„По реализму и даже выполненію разсказы И напоминаютъ произведенія знатоковъ русскаго духовенства.. Авторъ обнаруживаетъ не только хорошее знаніе этой среды, но и вполнѣ художественное ея воспроизведеніе'. (Ист Вѣст, авг 1901)

„Въ изображеніи быта духовенства авторъ является вполнѣ мастеромъ своего дѣла Большинство разсказовъ — коротенькія, но задушевныя изображенія жизни сельскаго духовенства, со всѣми его заботами и волненіями Видна любовь автора къ сельскому духовенству, этому незамѣтному, но полезному труженику Типы батюшекъ, матушекъ, въ особенности же дьячковъ, встаютъ передъ глазами читателя, какъ живые Молодой авторъ обладаетъ дарованіемъ недюжиннымъ и своеобразнымъ Разсказы полны интереса и составляютъ серьезный вкладъ въ нашу литературу' („Воскр день", 1901, № 1—2).

Избранныя изъ житій Святыхъ чудеса и видѣнія, какъ доказательства различныхъ истинъ христіанской православной вѣры. Матеріалъ для пастырей при составл. поученій и назидательн. чтеніе для всѣхъ правосл. христіанъ. Сост. протоіер. Ѳ Л. Изд. 3-е. Спб 1891 г. Ц. 1 р, въ изящн. перепл. 1 р 75 к.

Мин. Нар. Просв. отъ 10 — 19 ноября 1901 г. за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Означенная книга можетъ служить не только прекраснымъ матеріаломъ для пастырей Церкви при составлени ими поученій, но и весьма пригоднымъ пособіемъ для законоучителей при выясненіи ими тѣхъ или другихъ катехизическихъ истинъ Кромѣ того, въ церковно-приходской школѣ, да и во всякой христіанской семьѣ подобная книга, заключающая въ себѣ живые и назидательные разсказы, наглядным образомъ выясняющая разныя догматическія и нравоучительныя истины, можетъ быть весьма полезна

Авторъ рядомъ краткихъ разсказовъ изъ жизни святыхъ выясняетъ и доказываетъ различныя христіанскія истины. бытіе Божіе, троичность лицъ въ Богѣ, предопредѣленіе Божіе, Промыслъ Божій, Божество Іисуса Христа, бытіе добрыхъ и злыхъ духовъ, связь Церкви торжествующей-небесной — съ Церковію воинствующею-земною,—необходимость крещенія для полученія вѣчнаго блаженства, дѣйствительность таинства священства, бытіе рая, ада, благотворность молитвъ, совершаемыхъ за умершихъ, силу крестнаго знаменія,—показываетъ примѣры наказанія за разные грѣхи—клятвопреступленіе, святотатство, любодѣяніе, сребролюбіе, вражду и т. п нарушеніе заповѣдей Божіихъ" („Церк. Вѣд."издаваемыя при Св. Сун., № 8, 1888 г.).

Письма Иннокентія, митрополита московскаго и коломенскаго 1828—1878. Собраны *И. Барсуковымъ* Три книги. Спб, 1897—1901 г, ц. 7 р. 50 к. *Мин. Нар. Просв 23 мая 1901 г, № 13183, опредѣлено рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.*

Творенія Иннокентія, митропол. московск. Книги 1-ая, 2-я и 3-я. Собраны *И. Барсуковымъ.* М, 1886—8 г. Ц за 3 большихъ тома 6 р.

Сочиненія Св. Иринея, епископа Ліонскаго. Изданы въ русскомъ переводѣ протоіер П. А. Преображенскимъ. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Цѣна 2 р, въ коленк. перепл., 3 р.

Ученымъ Ком. Мин Нар Просв. одобрено для библіотекъ среднихъ учебн. зав. Мин. 25-го ноября 1898 года, № 28740.

„Жизнь святого Иринея (родился во второй четверти II вѣка, около 130 года по Р Хр, скончался смертію мученика въ гоненіе императ Септ. Севера, около 202 г, память его совершается православною церковію 23-го августа) была всецѣло посвящена задачамъ христіанской церкви — раскрытію и уясненію Богооткровенной истины въ борьбѣ со лжеученіями, посягавшими на ея чистоту и полноту „Святой Ириней, говоритъ протоіерей Преображенскій—занимаетъ первостепенное мѣсто въ ряду богослововъ и отцовъ церкви, ибо онъ, опровергая ложныя мнѣнія еретиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ первые камни для систематическаго зданія христіанскаго ученія и выразилъ въ полнотѣ и внутреннемъ единствѣ основныя начала вселенскаго православія не только для своего вѣка, но и для послѣдующихъ временъ. Въ его сочиненіи искали свидѣтельствъ истины позднѣйшіе отцы и учители церкви, къ его авторитету обращались въ новѣйшее время римско-католическіе и протестантскіе богословы для рѣшенія вѣроисповѣдныхъ споровъ, для уясненія вопросовъ о канонѣ священныхъ книгъ, по исторіи обрядовъ и догматовъ церкви". Литературная дѣятельность св Иринея была весьма значительна Всѣ его сочиненія были вызваны важными современными ему явленіями, но къ сожалѣнію, большинство его твореній утрачены и извѣстны только по именамъ своимъ или сохранились въ незначительныхъ отрывкахъ Въ цѣломъ видѣ дошло до насъ самое важное по объему и содержанію творение св. Иринея - *пять книгъ противъ еревей* (обличеніе и опроверженіе лжеименнаго знанія), изданныхъ въ настоящее время въ русскомъ переводѣ г Тузовымъ Это сочиненіе написанное на греческомъ языкѣ, относится къ 182—188 г и отличается силою убѣжденія, основательностью мысли и зрѣлостью сужденія Первое изданіе этого творенія св Иринея было сдѣлано въ 1526 году въ Базелѣ ученымъ Дезидеріемъ Эразмомъ На русскомъ языкѣ небольшіе отрывки были впервые переведены въ 1838 году Въ настоящее полное изданіе вошли, кромѣ пяти книгъ, и сохранившіеся отрывки изъ утраченныхъ сочиненій св. Иринея. Переводъ отличается литературнымъ языкомъ

и книга *одобрена Мин. Нар. Просв. для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній* (Вѣд Спб Градон № 667, 1900)

Нравственное ученіе святаго отца нашего Исаака Сирина. Изд. 2-е Спб., 1902 г., ц. 50 к.

Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г за № 31977 допущено въ учительск. библ. низш. учил. и въ безпл. народныя читальни и библіотеки

Предисловіе Св Исаакъ Сиринъ, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ великихъ нравоучителей христіанскихъ, потому что въ своемъ ученіи онъ обнимаетъ всю полноту, высоту и глубину нравственно-христіанскаго міра и въ самой сущности его Св Исаака—по истинѣ и справедливости—можно назвать „пустыннымъ философомъ", потому что на христіанскую нравственность онъ смотритъ съ философической точки зрѣнія, будучи въ то же время вполнѣ вѣренъ слову Божію

Историческій очеркъ русскаго проповѣдничества. Спб. 1879 г., ц. 2 р 50 к

Точное изложеніе православной вѣры. Твореніе св. Іоанна Дамаскина. Съ греческаго перевелъ и снабдилъ переводъ предисловіемъ, примѣчаніями и указателями *Александръ Бронзовъ*, профес. С.-Пет. Дух. Академіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р., въ роскошн. коленк. перепл. 2 р. 75 к.

Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г. за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

„Точное изложеніе православной вѣры, написанное св I Дамаскинымъ и нынѣ предлагаемое вниманію благочестивыхъ читателей въ русскомъ переводѣ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ святоотеческихъ твореній, какъ по своимъ великимъ, истинно рѣдкимъ внутреннимъ достоинствамъ, такъ и по тому огромному значенію, какимъ оно въ силу своихъ достоинствъ всегда пользовалось и пользуется въ христіанской, особенно въ православной христіанской, церкви". (Извлечено изъ предисловія)

„Точное изложеніе православной вѣры" св Іоанна Дамаскина, являясь самымъ раннимъ научнымъ—сравнительно полнымъ и систематичнымъ трудомъ въ области христіанской догматики, есть въ то же время завѣтное, напутственное слово отъ лица нераздѣльной Церкви всѣмъ послѣдующимъ догматистамъ. Авторъ его—св. отецъ, жившій въ VIII вѣкѣ, былъ воспитанъ на мудрости св. Аѳанасія Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова и Григорія Нисскаго, преданіе древней Церкви и предшествующая христіанская литература хорошо были извѣстны ему, а тщательное изученіе Аристотелевой логики сдѣлало изъ него мыслителя отчетливаго и точнаго въ своихъ словахъ и выраженіяхъ. Посему теперь, когда прежніе переводы „Точнаго изложенія православной вѣры" нѣсколько устарѣли по своему языку и не существуютъ въ продажѣ, намъ представляется правильный и буквальный переводъ этого творенія, сдѣланный г Бронзовымъ, вполнѣ благовременнымъ и цѣлесообразнымъ. Полезность такого изданія еще болѣе увеличивается отъ примѣчаній переводчика (приложеніе II-е), дающихъ освѣщеніе многимъ мѣстамъ текста *(Бог. Библ. лист № 10-й, 1894 г)*

Св. Іоаннъ Дамаскинъ. Три защитит. слова противъ порицающихъ святыя иконы или изображенія. Съ греч. пер Проф. Спб. Дух. Ак. *А. Бронзовъ*. Спб., 1893 г. Ц. 1 р., въ изящн. коленкор пер. 1 р. 75 к.

Исторія Вселенскихъ Соборовъ. Преосвящ. Іоанна, Епископа Аксайскаго, викарія Донской епархіи. Изданіе второе. Спб, 1906 г., ц. 2 р., въ коленк. перепл. съ золот. тисн. 3 р.

„Такія книги, какъ настоящая, особенно въ нынѣшніе дни нужны безспорно. Теперь, когда энергично дѣлаются приготовленія къ созванію русскаго церковнаго собора, интересно каждому, сколько-нибудь интересующемуся дѣломъ, оживить въ своей памяти исторію вселенскихъ соборовъ, на каноны которыхъ ссылаются нынѣ и должны конечно, ссылаться. Книга еп. Іоанна, прекрасно изданная И Л Тузовымъ, вполнѣ подходитъ къ указанной цѣли: она написана просто и ясно,—исчерпываетъ матеріалъ достаточно... Для тѣхъ же, кто желалъ бы познакомиться съ дѣломъ болѣе подробно, самъ авторъ отсылаетъ „такихъ" читателей къ трудамъ достопочтеннѣйшаго проф. А. П Лебедева (стр 236, примѣч. 1). Настоящую книгу публика уже достаточно оцѣнила первое изданіе, относящееся къ 1896 г. (Новочеркасскъ), уже разошлось. Второе изданіе превосходитъ то своимъ внѣшнимъ видомъ и своею дешевизною (первое стоило 3 р, а второе—только 2 р.). А Бронзовъ". („Странникъ", Іюнь, 1906 г.)

Святаго отца нашего Іоанна Златоустаго о воспитаніи дѣтей. Перев. Филарета, архіеп. *Черниговскаго*. Спб., 1889 г. Ц. 10 к.

Св. отца нашего Іоанна Златоустаго о дѣвствѣ. Перев. Маріи В—ой. Изданіе 2-е. Спб, 1892 г. Ц 50 к.

Святаго отца нашего Іоанна Златоустаго письма къ Олимпіадѣ Діакониссѣ. Переводъ съ греческаго. Съ изображеніемъ св. Іоанна Златоустаго, рис. акад. *Ѳ. Г. Солнцевымъ*. Изд. 2-е. Спб., 1904 г., ц. 40 к.

Обрядникъ Византійскаго двора. Іеромонаха *Іоанна*. 1895 г. Ц 2 р, съ перес 2 р 30 к.

Поученія на великіе праздники православной церкви и 1-ю недѣлю великаго поста. Сост. архим. *Іосифомъ* (бывш. еписк. *Балтскимъ*). *Ученымъ Комит. Мин.*

Народн Просв одобрено для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Спб , 1881 г. Ц 1 р.

Сочиненія св. Іустина философа и мученика. Изданы въ русскомъ переводѣ, съ введеніями и примѣчаніями къ нимъ, протоіереемъ *П. А Преображенскимъ*. Отдѣлъ I. Первая и вторая Апологія —Разговоръ съ Трифономъ Іудеемъ. Отдѣлъ II. Посланіе къ Діогнету.— Рѣчь къ Эллинамъ.—Увѣщаніе къ Эллинамъ. — О единовластительствѣ. — Отрывокъ о Воскресеніи. М., 1891 г., ц. 2 р

Что такое жизнь, и какъ должно жить. Статьи для религіозно-нравственнаго чтенія. Собр. еписк. *Іустинъ*. Спб., 1901 г., ц. 1 р., въ роскошномъ коленк. переп. 1 р. 75 к

„Книга представляетъ сборникъ до сорока краткихъ статей, разнаго содержанія, какъ, напримѣръ, „Слово о чтеніи духовныхъ книгъ", „Внемли себѣ", „Благопріятное лѣто Господне", „Слово о христіанскомъ провожденіи времени", „Христіанское званіе". Таковы заголовки первыхъ пяти статей, въ томъ же родѣ и слѣдующія. Статьи направлены къ назиданію и душевной пользѣ читателей. Большая часть статей имѣютъ предметомъ покаяніе, сокрушеніе сердца, исправленіе кающихся. Статьи избраны изъ твореній отеческихъ— святителей Василія Великаго, блаженнаго Августина, Тихона Задонскаго и др. и изъ писаній отечественныхъ проповѣдниковъ послѣдняго времени — Филарета, митрополита Московскаго, Иннокентія, Димитрія и Никанора, архіепископовъ Херсонскихъ, Платона, архіепископа Костромскаго, епископа Ѳеофана и др Книга представляетъ пріятное и назидательное чтеніе, особенно во дни Великаго поста Издана весьма хорошо". „Церк. Вѣд " № 7-й, 1901 г.

Ручная книжка православнаго христіанина, содержащая въ себѣ: Божественныя слова и рѣчи Господа нашего Іисуса Христа. Сост. еписк. *Іустинъ*. Изд. 2-е Спб. 1902 г., ц. 1 р., въ изящн. кол. пер. ц. 1 р. 75 к.

Алфавитный указатель дѣйствующихъ и руководственныхъ каноническихъ постановленій, указовъ, опредѣленій и распоряженій Святѣйшаго Правительствующаго Сунода (1721—1901 г. включительно) и гражданскихъ законовъ, относящихся къ духовному вѣдомству православнаго исповѣданія. Сост. *С. В. Калашниковъ*. Изд. третье. Исправленное и дополненное содержаніемъ узаконеній и распоряженій послѣдняго времени. Спб. 1902 г , ц. 3 р. 50 к., въ прочномъ полушагреневомъ перепл 4 р. 50 к.

„При первомъ изданіи Алфавитнаго указателя въ 1890 году составитель имѣлъ цѣлію дать возможность имѣющимъ нужду въ духовныхъ законахъ скоро отыскать потребныя, на извѣстные случаи, дѣйствующія постановленія по духовному вѣдомству Тогда въ немъ были помѣщены только заголовки этихъ постановленій, по коимъ можно было подъискивать въ другихъ изданіяхъ дѣйствующія постановленія. Во второмъ изданіи въ 1896 году авторъ поставилъ себѣ болѣе широкую задачу дать въ самомъ указателѣ содержаніе того или другого закона. Съ этою цѣлію въ указателѣ были помѣщены извлеченія изъ дѣйствующихъ постановленій. Наконецъ, въ разсматриваемомъ третьемъ изданіи 1902 года нѣкоторыя законоположенія и опредѣленія Святѣйшаго Сунода изложены почти дословно, многія приведены въ сжатыхъ извлеченіяхъ резолютивной части, а статьи изъ свода законовъ и устава духовныхъ консисторій приведены буквально

Пополнены подлежащія рубрики и кассаціонною практикою, а именно „Вызовъ" (въ судъ монашествующихъ и духовныхъ лицъ), „Приговоры" (о порядкѣ приведенія въ исполненіе приговоровъ судебныхъ учрежденій о священноцерковнослужителяхъ), „Подсудность" (духовныхъ лицъ свѣтскому и духовному судамъ) и др Исправлены цитаты узаконеній по послѣднимъ изданіямъ сводовъ законовъ, рубрики пополнены законоположеніями и Сунодальными постановленіями 1896—1901 годовъ, внесены новыя рубрики ‚Алфавитъ" занумерованъ 2886 нумерами и дополненъ алфавитнымъ же предметнымъ оглавленіемъ.

Разсматриваемый указатель потребовалъ для своего составленія и долговременнаго, и нелегкаго труда, несмотря на значительное количество существующихъ справочныхъ книгъ. И третье изданіе, по полнотѣ свѣдѣній и тщательности повѣрки, не можетъ быть сравниваемо не только съ первымъ, но даже и со вторымъ изданіемъ. Значеніе этого указателя, какъ лучшаго изъ справочныхъ указателей, несомнѣнно", („Церк. Вѣд." № 43, 1902 г.) В. С.

Сборникъ законовъ. I. О порядкѣ веденія метрическихъ книгъ, о бракахъ, рожденіи и смерти раскольниковъ и о выдачѣ изъ оныхъ выписей. II. О судопроизводствѣ по брачнымъ дѣламъ раскольниковъ. Сост. *С. В Калашниковъ*, столонач. Харьковской Духовной Консисторіи. Изд. второе, исправленное и дополненное. Спб., 1902 г., ц. 50 к.

Предлагаемый Сборникъ, не претендуя на руководственное значеніе, имѣетъ въ виду лишь сгруппировать въ порядкѣ, на сколько это оказалось возможнымъ, существующій по данному предмету матеріалъ и тѣмъ устранить, по возможности, затрудненія въ пользованіи сими законоположеніями для лицъ, могущихъ имѣть нужду въ нихъ

Карта Палестины. Составлена *Комарскимъ* по новѣйшимъ картамъ Киперта (1890 г), д-ра Фишера и

проф. Гуте (1892 г.) и друг. Согласно библейскимъ названіямъ (русскаго Сунод. изд. 1892 г.). Съ планами древняго и современнаго Іерусалима и съ приложеніемъ алфавитнаго указателя. Спб, 1904 г. Ц. 75 к, съ перес. 1 р., наклеенная на коленк. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. *Н. Каптерева.* М., 1874 г, ц. 1 р 50 к.

Сношенія Іерусалимскаго патріар. Досиѳея съ русскимъ правительствомъ (1669—1707 г.). *Н Каптерева.* М., 1891 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Систематическій указатель статей по основному, догматическому, нравственному и сравнительному богословію, помѣщенныхъ въ духовныхъ журналахъ. *Петра Карпова.* Изданіе 2-е, исправл. и дополн. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.

Кающійся грѣшникъ. Размышленія, взятыя изъ сочиненій: Филарета, митрополита Московскаго, Иннокентія, архіепископа Херсонскаго, Димитрія, архіепископа Волынскаго, Ѳеофана, бывшаго епископа Владимірскаго, Порфирія, бывш. еписк. Чигиринскаго и друг. Спб. 1888 г., ц. 20 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для биб средн. и низш. учебн завед.*

О папской непогрѣшимости. Изъ переписки католическаго ученаго съ русскимъ генераломъ. *А А. Кирѣева.* Перев. съ нѣмецкаго Е. Л. Изданіе 2-е. Спб., 1905 г., ц. 50 к.

Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности. Проф. Моск. Дух. Академ. *И. Корсунскаго.* Сергіевъ - Посадъ. 1898 г., ц. 3 р.

Сочиненія и перев. прот. А. Ковальницкаго:

Министр. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г. за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Взглядъ на ученіе соціалистовъ объ общеніи имуществъ. Слово. Ц. 5 к.

Вѣрить ли мнѣ въ Бога или не вѣрить? Прот. *А. Ковальницкаго.* Варшава. 1901 г., ц. 35 к.

Вѣчный жидъ. (Легенда). Прот. *А. Ковальницкаго.* Изд третье. Спб, 1905 г., ц. 5 к.

Голосъ природы о величіи Божіемъ и слабости человѣка. Ц. 5 к.

Голосъ Спасителя къ пастырю Христовой Церкви. Переводъ съ французскаго прот. *А Ковальницкаго* Варшава, 1900 г., ц. 45 к.

Евангельская женщина, обличенная въ грѣхѣ людьми и оправданная Спасителемъ Ц. 5 к

Жена-христіанка. Слово. Ц. 5 к.

Исповѣдь предъ духовникомъ не лишнее ли дѣло? Ц. 25 к

Іерусалимъ вечеромъ и священникъ на Голгоѳѣ у Креста Господня. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

Іосафатова долина или мѣсто страшнаго суда. Изъ путешествія въ Св. Землю. Съ 2 рис. Изд. 2-е. Спб. Ц 30 к

Каковы мы были бы безъ Іисуса Христа. Съ франц. Изд. 4-е. Ц. 15 к.

Материнская любовь у животныхъ. Ц 10 к.

Мелочи въ обыденной жизни священника. Прот. *А. Ковальницкаго.* Варшава, 1903 г., ц. 70 к.

Оглавленіе. Предварительныя понятія Польза и необходимость для священника знать и исполнять правила вѣжливости Значеніе мелочей въ жизни человѣка. Порядокъ вѣдѣятельности священника. Мелочи, имѣющія отношеніе къ богослужебной дѣятельности священника Заботы священника о своемъ тѣлѣ Способъ вести бесѣду. О внѣбогослужебной одеждѣ священнослужителей Держаніе себя на улицѣ и въ мѣстахъ общественнаго собранія. Встрѣча съ людьми. Визитныя карточки Поведеніе гостя-священника при столѣ. Развлеченіе священника. Можно-ли священнику посѣщать театры и цирки? Заключеніе.

Много ли знаетъ человѣкъ о вселенной? Перев. съ нѣм. Ц. 20 к.

Надгробныя надписи, выраженныя словами священ. книгъ. Ц. 10 к.

Нравственное богословіе евреевъ-талмудистовъ. Съ нѣмец. Изд. 2-е. Спб. Ц. 20 к.

Обращеніе изъ невѣрія въ христіанство философа Августина,—напоминаніе невѣрующимъ нашего времени. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

Общеніе живыхъ съ умершими. Прот *А Ковальницкаго.* Варшава, 1894 г., ц. 5 к.

О величіи Божіемъ на небѣ Слово. Ц. 10 к.

О постѣ, на основаніи вѣры и науки. Слово противъ доказывающихъ, что постанов Церкви о постахъ уже отжило свое время Ц. 10 к

О современномъ воспитаніи дѣтей матерями. Слово. Изд 3-е Ц. 5 к.

О таинствѣ св. причащенія тѣла и крови Господа нашего Іисуса. Ц. 5 к.

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, Небеса,—Отецъ,—Дѣти. Ц 10 коп.

Послѣдніе дни жизни Пилата, осудившаго Христа на смерть. Перев съ нѣмец. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

Послѣдніе дни жизни преступника, осужден. на смертн. казнь. Ц. 20 к.

Преподобная Марія Египетская, какъ образецъ борьбы самой съ собой. Съ изображеніемъ. Изд. 3-е Ц. 5 коп.

Причины невѣрія въ наше время. Слово. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

Примѣры святости въ жизни христіанъ, бывшихъ врачами Съ изображеніемъ святыхъ акад. Ѳ. Г. Солнцева Изд. 3-е. Ц. 10 к.

Примѣры святости въ жизни христіанъ, бывшихъ ремесленниками. Съ изображеніями святыхъ академика Ѳ. Г. Солнцева. Изданіе 3-е. Ц. 20 к.

Происходитъ ли человѣкъ отъ обезьяны? Ц 20 к.

Проповѣдь Іисуса Христа какъ доказательство Его божественности. Ц. 10 к.

Рождество Іисуса Христа, какъ доказательство Его божественности. Ц. 10 к.

Свидѣтельство природы о Богѣ. Съ франц. Изд. 3-е. Спб., 1893 года Ц 20 к. *Одобрено Св. Сунодомъ и Мин. Нар Просвѣщ.*

Св. Іосифъ Обручникъ. Ц. 10 к.

Св. Филаретъ Милостивый, какъ земледѣлецъ. Съ изображеніемъ Ц. 5 коп.

Смерть Іисуса Христа, какъ доказат. Его божеств. Изданіе 3-е. Ц. 10 коп.

Сократъ и Іисусъ Христосъ. Съ нѣм. Ц. 20 к

Состояніе рода человѣческаго предъ явленіемъ Христа на землю и основаніе христіанской церкви. Ц. 20 к.

Стѣна плача іудеевъ въ Іерусалимѣ и взглядъ на евреевъ нашего времени. Изъ путешествія въ Св. Землю. Съ рис. Изд. 3-е. Спб., 1898 г. Ц 30 коп.

Теоретическое богосл. евреевъталмудистовъ. Съ нѣмец. Изд 2-е. Спб., 1898 г., ц. 20 к.

Варавва. Повѣсть временъ Христа *Маріи Корелли.* Переводъ съ англійскаго Княгини *Е. Ф Кропоткиной.* Въ двухъ част. Спб. 1902 г., цѣна 1 руб, въ изящ. кол. перепл. 1 р. 75 к.

Рекомендуемъ эту въ высшей степени интересную повѣсть изъ временъ земной жизни Господа. Читается она съ захватывающимъ интересомъ

„Знаменитая повѣсть англійской писательницы Маріи Корелли, „Варавва" мало знакома русской публикѣ, такъ какъ у насъ имѣется только одинъ переводъ ея, сдѣланный княгинею Е. Ф. Кропоткиной. Первое изданіе этой превосходной не только въ литературномъ, но и въ религіозно-нравственномъ отношеніи повѣсти было выпущено въ свѣтъ въ видѣ особаго приложенія къ газетѣ „Свѣтъ" нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но прошло совершенно незамѣченнымъ читающею публикою, такъ какъ самый переводъ и внѣшность изданія были черезчуръ плохи Въ настоящее время всѣ недостатки перваго изданія устранены слогъ исправленъ, что дѣлаетъ большую честь трудолюбію переводчицы, не встрѣчается грубыхъ ошибокъ противъ правильности и чистоты языка, а внѣшность 2-го изданія, предпринятаго И Л. Тузовымъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго Повѣсть „Варавва" состоитъ изъ двухъ частей, но обнимаетъ собою непродолжительное время, 15—16 дней, и представляетъ собою изложеніе событій послѣднихъ дней земной жизни Господа нашего Іисуса Христа и Его воскресеніе изъ мертвыхъ. Недостатокъ мѣста не позволитъ намъ подробнѣе остановиться на разборѣ выдающагося по своей идеѣ и по художественности произведенія Маріи Корелли, въ которомъ такъ живо очерчены вѣчные, общечеловѣческіе типы первосвященниковъ Каіафы, Анны, Понтія Пилата, Іудеи, Симона Киринеянина, апостола Петра, какого-то чужестранца, носящаго царскій перстень Мельхіора, идеальной личности, устами которой говоритъ самъ авторъ, разъясняющій психологическую сторону событій и лицъ, выведенныхъ въ этой повѣсти. За исключеніемъ Мельхіора, всѣ перечисленныя лица изображаютъ собою отрицательныя стороны человѣческой души, живущей ложью и тщетно пытающейся иногда разрѣшить вѣчно жгучій вопросъ: „что есть истина?" Среди этихъ воплощенныхъ пороковъ въ этомъ мірѣ зла и неправды необыкновенно ярко сіяетъ Божественный образъ Спасителя, пріявшаго терновый вѣнецъ и мученическую кончину за грѣхи всего міра и Своею смертью даровавшаго жизнь міру. Нельзя обойти молчаніемъ встрѣчающіяся въ повѣсти высоко-художественныя картины природы, дышащія жизнію подъ перомъ талантливой писательницы. Особенно хорошо описаніе Голгоѳской ночи, когда завѣса въ храмѣ разодралась на двое, когда разыгралась единственная трагедія, трагедія любви и милосердія, принесенныхъ въ жертву людской злобѣ Н. П. Степановъ". (Вѣдом. Спб. Градон № 62, 1902 г.).

Печаль сатаны. Романъ Соч. *Маріи Корелли.* Переводъ съ англій-

скаго Княгини *Е Ф. Кропоткиной*. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1904 года. Ц. 1 р. 25 к.

Имя автора этой книги Маріи Корелли хорошо извѣстно читающей публикѣ по ея же сочиненіямъ: *„Исторія дѣтской души“* и *„Варавва. Повѣсть временъ Христа“*. Она описана такъ же талантливо и увлекательно, какъ и первыя двѣ книги, и читается съ захватывающимъ интересомъ Разъ взявшись за книгу трудно оторваться отъ нея. Въ настоящемъ романѣ описано современное общество со всѣми его пороками, и среди этого общества вращается красавецъ князь Риманезъ,—сатана, которому обѣщано Господомъ прощеніе, тогда, когда всѣ люди будутъ праведны. Сатана, вращаясь среди людей, печалится, убѣждаясь, что онъ благодаря развращенности и порочности людей удаляется отъ этого обѣщаннаго ему прощенія, и это приводило его въ отчаяніе, и напротивъ всякій соблазнъ ему вполнѣ легко удавался.

Первородный грѣхъ по ученію блаж. Августина Иппонскаго. *А. Кремлевскаго*. Спб., 1902 г., ц. 1 р.

Гермогенъ, патріархъ Всероссійскій. Историческій очеркъ. Свящ. *А. М. Кремлевскаго*. Спб. 1903 г., ц. 20 к.

Нужна ли церковь христіанину (Психологическое оправданіе церкви). *П. Кремлевскаго*. Изд. 2-е, нѣсколько исправленное и дополненное. Спб., 1902 г., ц. 1 р.

Запросы духа. Размышленія православнаго мірянина. *А. В. Круглова*. Спб. 1903 г., ц. 50 к.

На основаніи циркулярнаго предложенія Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г. за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Книжка г Круглова читается съ большимъ интересомъ и оставляетъ отрадное впечатлѣніе — спокойнаго, объективнаго изученія дѣйствительности и глубокаго знанія жизни Ф. Бѣлявскій. („Церк. Вѣд.“ № 22, 1903 г.).

Сравнительный очеркъ Епархіальной дѣятельности по свѣчной операціи. Прот. *А Кудрявцева*. Одесса. 1879 г., ц. 60 к.

Избранныя мѣста изъ сочиненія Лактанція Institutiones divinae, съ комментаріями. Сост. преп. спб., дух. сем. *М. Гурьевъ*. *Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сунодѣ книга одобрена для употребленія въ старшихъ классахъ духовныхъ семинарій.* Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. 85 к.

Краткій объяснительный словарь малопонятныхъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ святомъ евангеліи, часословѣ, псалтири и другихъ богослуж. книгахъ Сост. свящ. *Е. Ландышевъ*. Спб., 1891 г. Ц. 10 к.

Духовенство древней вселенской церкви (отъ временъ апостольскихъ до IX вѣка). Историческіе очерки проф. *А. П. Лебедева*. М. 1905 г. Ц. 3 р.

Историческіе очерки состоянія Византійско - Восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка (Отъ начала Крестовыхъ походовъ до паденія Константинополя въ 1453 г.). Заслуженнаго профессора Московскаго университета *А. П. Лебедева*. Изд. второе, пересмотрѣн. М, 1902 года, ц. 3 р. 20 к.

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія средняго и старшаго возраста библіотеки среднихъ учебныхъ зав. и въ безплатныя народн. читальни и библіотеки (19-го ноября 1902 г. № 32387).

Исторія вселенскихъ соборовъ, ч. I. Вселенскіе соборы IV и V вѣк. (Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіями школъ Александрійской и Антіохійской). Проф. *А. П. Лебедева* Спб., 1904 г., ц. 2 р.

Исторія вселенскихъ соборовъ, ч. II. Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ (Съ прилож. къ «Исторіи Вселенскихъ соборовъ»). Проф. *А. П. Лебедева*. Спб. 1904 г., ц. 2 р.

Исторія Греко-Восточной Церкви подъ властію Турокъ отъ паденія Константинополя (въ 1453 г.) до настоящаго времени. Проф. Москов. Универ. *А. П. Лебедева*. Оба тома, въ одной книгѣ. Изд. 2-е. Спб., 1903 г., ц. 4 р. Тоже, отдѣльно Т. II-й. Послѣдній. Сергіевъ-Посадъ. 1901 г., ц. 2 р. 50 к.

Исторія раздѣленія церквей въ IX-мъ, X и XI вѣкахъ. Съ подробнымъ указателемъ русской литературы, относящейся къ этому предмету—съ 1841 года по 1900 г. Проф. *А. П. Лебедева*. Спб., 1905 г., ц. 2 р.

Очерки Внутренней исторіи Византійско-Восточной церкви въ IX, X и XI вѣкахъ. Профессора Моск. Унив. *А. П. Лебедева* Изд. 2-е, дополн. М. 1902 г., ц. 2 р. 40 к.

Церковно-Историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія (Изъ давнихъ временъ Христіанской Церкви). Заслужен. профес. Моск. унив. *А. П. Лебедева. Учебнымъ Комитет. при Святѣйш. Сунодѣ опредѣлено книгу сію одобрить для пріобрѣтенія* въ ученическія библіотеки духозн. семинар. и епархіальныхъ женскихъ училищъ (Церковн Вѣдом. 1900 г, № 43) Изд 2-е. Спб. 1903 г., ц. 2 р.

Содержаніе 1. Домашняя и семейная жизнь древнихъ христіанъ —2. Обращеніе Константина Великаго въ христіанство —3 Первый христіанскій императоръ на тронѣ Цезарей —4 Язычество и христіанство по ихъ вліянію на питомцевъ школъ II—IV вѣковъ.—5 Церковь и благотворительность —6 Соборъ *при Дубѣ* 403 г.—7. Паломничество во св землю.—8. Изъ исторіи христіанской аскетической жизни —9. Публичныя зрѣлища и голосъ церкви по поводу нихъ —10. Борьба христіанскои церкви противъ увлеченія азартными играми.

Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV-го вѣка до XX-го Проф. *А. П. Лебедева*. Спб. 1903 г., ц. 3 р

Учебнымъ Комитетомъ при Свят. Сн. опредѣлено сію книгу рекомендовать къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя и ученическія библіотеки духовныхъ семинарій («Церк. Вѣд»., 1899 г. № 49).

Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ Великомъ. Проф. *А. П. Лебедева*. Изданіе третье. Спб. 1904 г., цѣна 2 р. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сунодѣ, отъ 16-го апр. 1898 г., *одобрена для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ духовн семинарій и для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Мин. Народн. Просвѣщенія.*

Братья Господни. Обзоръ и разборъ древнихъ и новыхъ мнѣній по вопросу. Проф *А. П. Лебедева*. М. 1905 г. Ц. 80 к.

Взглядъ графа Л. Н. Толстаго на историческую жизнь Церкви Божіей. Проф. *А. П Лебедева*. 1904 г. Ц. 40 к.

Лебедевъ, А. П. Проф. Моск. Унив. Сочиненія'

1) **Въ защиту Филарета митр. московскаго** отъ нападокъ историка С. М. Соловьева. М. 1907 г., ц. 20 к.

2) **Зачѣмъ бы намъ нуженъ патріархъ?** Серг.-Пос. 1907 г, ц. 40 к.

3) **Нѣсколько свѣдѣній** изъ исторіи нравовъ греческаго высшаго духовенства въ турецкій періодъ. Серг.-Пос. 1907 г., ц 20 к.

4) **По вопросу** о происхожденіи первохристіанской іерархіи Серг.-Пос. 1907 г, ц. 15 к.

5) **Предстоящій Всероссійскій соборъ** съ точки зрѣнія древнихъ соборовъ. М. 1907 г., ц. 15 к.

6) **Слѣпые вожди.** Четыре момента въ исторической жизни Церкви М 1907 г., ц. 40 к. *Особенно рекомендуемъ эту въ высшей степени интересную книжку духовенству и всѣмъ интересующимся дѣлами церковными.*

7) **Три очерка** по церковной исторіографіи у насъ. Серг.-Пос. 1907 г., ц. 45 к.

Бесѣды о Церкви, таинствахъ и исправленіи книгъ, съ опроверженіемъ мнѣній о семъ глаголемыхъ старообрядцевъ (преимущественно безпоповщинскаго толка). Свящ. *Иліи Леватова*. Изд. 2-е. Спб., 1898 г., ц. 1 р.

Дополнительные уроки по закону Божію въ отношеніи къ старообрядчеству, съ приложеніями. Изд. пятое, исправленное и дополненное. Протоіерея *Иліи Леватова*. Спб. 1902 г., ц. 15 к.

Слова и рѣчи Сунодальн. члена Леонтія (митрополита Московскаго), бывш. архіепископа Холмско-Варшавскаго. Изданіе 3-е, дополн., въ 2-хъ томахъ (съ порт. автора). Спб. 1888 г., ц. за 2 тома 3 руб., въ одномъ изящн. колен. перепл. 4 р.

На перес. книгъ магаз. покорнѣйше проситъ прилагать по 20 коп. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ книгъ духовно-нравственныхъ.

ТРЕБОВАНІЯ ГГ. ИНОГОРОДНИХЪ ИСПОЛНЯЮТСЯ СЪ ПЕРВОЮ ПОЧТОЮ.